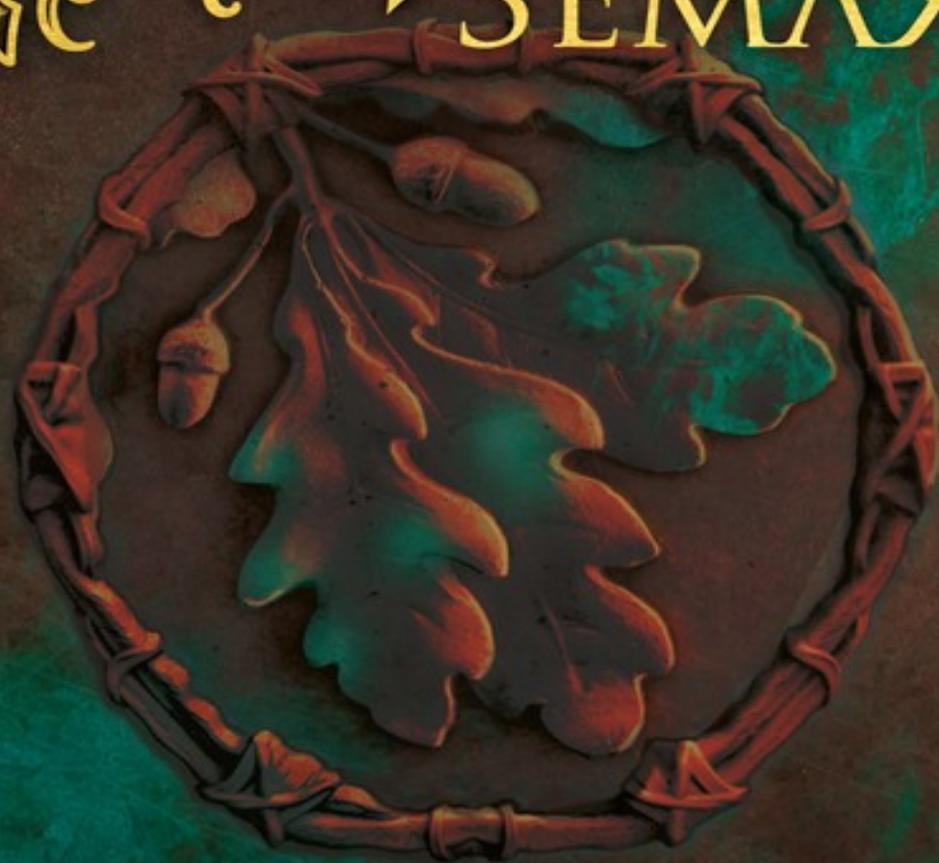

Впервые на русском!

Мертвая ЗЕМЛЯ

Расследует Мэтью Шардлейк

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Англия, 1549 год. После смерти Генриха VIII сыщик-адвокат Мэтью Шардлейк поступает на службу к младшей дочери почившего короля, юной Елизавете Тюдор, которая даже не подозревает, что в один прекрасный день ей предстоит стать королевой Англии. Наконец-то Шардлейк, уже немолодой и порядком уставший от придворных интриг, может вздохнуть свободно. Однако наслаждаться спокойной жизнью ему суждено недолго: Елизавета просит его поехать в Норидж и помочь Джону Болейну, дальнему родственнику своей покойной матери, которого обвиняют в злодейском убийстве жены. Мэтью отправляется в путь, ничуть не догадываясь, что ему суждено стать свидетелем роковых для королевства событий...

В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду с такими известными персонажами, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вулф и комиссар Мегрэ.

Впервые на русском!

-
- [К. Дж. Сэнсом](#)
 -
 -
 - [От автора](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть вторая](#)

-
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 43](#)

- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
- [Часть шестая](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 76](#)
 - [Глава 77](#)
 - [Глава 78](#)

- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Глава 86](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [Исторические заметки](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)

- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)

- [173](#)
 - [174](#)
 - [175](#)
 - [176](#)
 - [177](#)
 - [178](#)
 - [179](#)
 - [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
 - [193](#)
 - [194](#)
 - [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
 - [199](#)
 - [200](#)
 - [201](#)
-

•thebigbook•

К. Дж. Сэнсом

Мертвая земля

КНИГИ К. ДЖ. СЭНСОМА
О МЭТЬЮ ШАРДЛЕЙКЕ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»:

Горбун лорда Кромвеля

Темный огонь

Суверен

Седьмая чаша

Каменное сердце

Стенание

Мертвая земля

C. J. Sansom.
TOMBLAND.
Copyright © 2018 by C. J. Sansom.
All rights reserved.

К. ДЖ. СЭНСОМ

Мертвая
ЗЕМЛЯ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Серия «The Big Book».

Перевод с английского Екатерины Большелаповой.

Оформление обложки Владимира Гусакова.

Карты изготовлены Владимиром Гусаковым.

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2022.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2022.

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пребывание в лагере Роберта Кетта пошло мне на пользу, да и о самом капитане Кетте я ничего плохого сказать не могу. Вне всякого сомнения, он хотел, чтобы для людей, подобных мне, наступили иные дни.

*Ральф Клакстон, норфолкский псаломщик,
отданный под суд за эти слова*

От автора

О поразительных событиях 1549 года мы, как это ни странно, до сих пор знаем чрезвычайно мало. Тем не менее, работая над романом «Мертвая земля», я черпал сведения из авторитетных исторических источников и старался по возможности опираться на факты. Так, например, огромный повстанческий лагерь на Маусхолдском холме действительно существовал.

Некоторые сюжетные повороты, например те, что связаны с пленными джентльменами в шестой части романа, или происшествие, описанное в главе 75, кажутся слишком невероятными, чтобы быть правдой; однако все это полностью основано на свидетельствах очевидцев.

Более подробную информацию можно почерпнуть в разделе «Исторические заметки: Осмысляя восстание Роберта Кетта», который вы найдете в конце этой книги.

Пролог

Январь 1549 года

Я находился в своей конторе в Линкольнс-Инн, когда гонец, посланный мастером Пэрри, известил, что патрон безотлагательно требует меня к себе. О причинах столь срочного вызова я мог лишь догадываться. Он занимал пост гофмейстера леди Елизаветы, а также являлся главой финансового ведомства ее двора. Я служил под его началом вот уже два года, с тех пор как королева Екатерина Парр рекомендовала меня своей падчерице, а произошло это вскоре после смерти короля Генриха VIII. Старый король оставил каждой из двух своих дочерей огромную ренту — три тысячи фунтов в год — в расчете на то, что они превратят эти деньги в земельные угодья. Согласно решению лорда-протектора (а титул сей ныне носил Эдуард Сеймур, герцог Сомерсет, бывший регентом Англии при малолетнем Эдуарде VI), право первой выбрать из того, что предлагалось на рынке, было предоставлено леди Марии, хотя ее консервативные религиозные убеждения и находились в резком противоречии с протестантским радикализмом, каковой исповедовал он сам. Тем не менее Мария, будучи старшей дочерью Генриха, являлась наследницей престола, на который ей предстояло взойти, случись что-нибудь с юным королем Эдуардом. Благосостоянием леди Марии был также чрезвычайно озабочен ее кузен, император Священной Римской империи Карл V Габсбург, с которым лорд Сомерсет отнюдь не желал портить отношения. Роль леди Елизаветы в политической жизни была значительно скромнее. Ныне, когда Мария приобрела основную часть своих земельных владений в Норфолке, Пэрри получил возможность купить земли для Елизаветы; по большей части они находились в Хартфордшире. По всей видимости, он положил глаз на какой-то аппетитный кусок бывших монашеских угодий и хотел с моей помощью как можно быстрее законно оформить сделку.

Я сознавал, что многим обязан своей бесценной благодетельнице Екатерине Парр. Когда вскоре после смерти короля Генриха она вышла замуж за брата лорда-протектора, Томаса Сеймура, я был чрезвычайно

огорчен, ибо новый супруг ее, помимо несомненной красоты и обаяния, отличался неразборчивостью в средствах и непомерными амбициями, ради удовлетворения которых готов был на многое. Поначалу леди Елизавета жила под одним кровом с мачехой и ее новым мужем, но прошлой весной, в мае, сочла за благо их оставить; ходили слухи, что Сеймур проявлял к четырнадцатилетней принцессе излишне назойливое внимание. Вскоре после этого, в сентябре, Екатерина Парр скончалась, произведя на свет ребенка от Сеймура. Смерть ее явилась для меня тяжким ударом, от которого я не оправился до сих пор.

Сообщив своему клерку Джону Скелли, что мне необходимо отлучиться, я пешком отправился из Линкольнс-Инн на Найтрайдер-стрит, где располагалась канцелярия мастера Пэрри; он не был законником и, соответственно, не являлся членом коллегии адвокатов. День выдался пронзительно-холодный; улицы покрывал грязный снег, и мне приходилось осторожно лавировать между спешащими горожанами. Я невольно покачал головой, отметив про себя, как много нынче развелось нищих; скрючившись у дверей, они кутались в свои жалкие лохмотья, ничуть не защищавшие от холода.

На протяжении последних двух лет положение бедняков становилось все более отчаянным, и отрицать этот факт было невозможно. Король Генрих, умирая, вручил бразды правления Регентскому совету, который должен был руководить страной до той поры, пока король Эдуард, ныне одиннадцатилетний мальчик, не достигнет совершеннолетия. Совет, однако же, в самом скором времени передал свои полномочия родному дяде короля, старшему из братьев его покойной матери Джейн Сеймур, Эдуарду Сеймуру, герцогу Сомерсету, власть которого ныне фактически равнялась королевской. В течение последних шестидесяти лет, когда на престоле находились Генрих VII и Генрих VIII, Англией правила одна крепкая рука, и ныне высокопоставленные вельможи не представляли себе иной власти, кроме единоличной.

После пяти лет военных действий против Франции и Шотландии король Генрих, почив, оставил свою страну в состоянии мира. Мир был необходим Англии, ибо длительные войны разорили ее и привели к обесцениванию денег, которые теперь отливали не из серебра, а из меди. Многие торговцы отказывались принимать эти новые монеты, и по сравнению с минувшим десятилетием цены выросли едва ли не

вдове. Последствия подобного удорожания жизни для неимущих классов были воистину разорительными, ибо плата за труд оставалась прежней.

Однако же герцог Сомерсет, став лордом-протектором, в самом скором времени развязал войну с Шотландией, рассчитывая на поддержку шотландских протестантов, численность которых была весьма значительна; он предполагал объединить два королевства, устроив брак между Эдуардом и шестилетней Марией Стюарт, королевой Шотландии. По распоряжению лорда-протектора в низменных районах Шотландии и вдоль по течению реки Тай было возведено по итальянскому образцу несколько фортов, которые он считал неприступными. Однако шотландцы сопротивлялись отчаянно; все форты, один за другим, пали под их натиском, а малолетняя королева Мария была отправлена во Францию; страна эта, являвшаяся заклятым врагом Англии, вновь стала союзницей Шотландии. Хотя война обернулась настоящей катастрофой, лорд-протектор отказывался признавать свое поражение; ходили слухи, что ныне он вынашивает планы новой кампании, невзирая на то что солдаты, давно не получавшие жалованья, покидают еще оставшиеся в руках англичан форты.

Я опустил монету в шапку очередного нищего, дрожавшего у стены. У него не было ноги — возможно, потерял ее на войне. Протектор не единожды заявлял, что печется о благе бедных людей, и утверждал, что источник всех экономических проблем — стремление землевладельцев отнять у арендаторов их надель и превратить поля в пастбища, так как выращивать овец выгоднее, чем хлеб. В прошлом году в Хартфордшире вспыхнуло несколько мятежей, и Сомерсет обещал защитить права арендаторов.

Я спустился по улице вниз; впереди маячил остроконечный шпиль собора Святого Павла, отчетливо вырисовывавшийся на фоне холодного голубого неба. На память мне невольно пришло, что во время установки огромного креста на этом шпиле погибло двое рабочих; религиозные традиционалисты утверждали, что их наказал Бог. Церковные реформы, проводившиеся ныне даже с еще большим размахом, чем при короле Генрихе, сотрясали страну. Теперь, когда Англией правил лорд-протектор, протестантские радикалы получили невиданную прежде власть. Из всех церквей изъяли иконы, а настенные

росписи повсюду замазали. Часовни, где читали молитвы за упокой души умерших, были уничтожены; имущество монастырей поступило в казну. В самом ближайшем времени должен был появиться новый молитвенник, на английском языке, а не на латыни. Говорили, что вскоре и месса — во время которой, согласно убеждениям верующих, хлеб и вино претворяются в тело и кровь Христову — будет считаться лишь воспоминанием о принесенной Спасителем жертве. Всего лишь три года назад за подобные убеждения можно было поплатиться жизнью, причем еретиков ожидала мучительная смерть на костре.

Оказавшись на Найтрайдер-стрит, я подошел к дому, где располагалась канцелярия Пэрри, и, прежде чем войти внутрь, тщательно сбил с башмаков снег. К моему удивлению, приемная была пуста, и мне пришлось постучать в двери кабинета моего патрона. Раздался голос, пригласивший меня войти. Войдя, я невольно подался назад от удивления. Человек, восседавший за массивным столом, отнюдь не походил на статного Томаса Пэрри; он был щеделушен, седовлас, а на груди у него поверх черного шелкового дублета сверкала золотая цепь лорда-канцлера. Сэр Ричард Рич, мой заклятый враг. Рядом с ним стоял худощавый молодой мужчина с каштановой бородой, в котором я с неменьшим удивлением узнал Уильяма Сесила. Три года назад, когда Сесил служил у Екатерины Парр, мне довелось с ним работать. С тех пор он стремительно делал карьеру, поднимаясь все выше и выше. Хотя Уильяму еще не исполнилось и тридцати, он являлся одним из старших секретарей лорда-протектора и, следовательно, обладал немалой властью. В былые времена отношения у нас были дружеские. Но уже тогда я знал, что свой собственный успех Сесил ценит превыше всего и при этом является ярким приверженцем протестантства. Ныне он был заодно с Ричем. Я пристально посмотрел на него. Сесил столь же пристально взглянул на меня в ответ, но не сказал ни слова. Рич тоже молчал, разглядывая меня с откровенной недоброжелательностью.

Выйдя из оцепенения, я осведомился:

— А где мастер Пэрри?

— В Тауэре, — процедил Рич; голос его был таким же ледяным, как этот январский день. Я в изумлении уставился на него. Не сводя с меня глаз, он продолжил суровым, обвинительным тоном: — Так же, как и главная камеристка леди Елизаветы Кэт Эшли и многие другие.

Они обвиняются в государственной измене, ибо являются участниками заговора, который возглавлял Томас Сеймур. Сама леди Елизавета находится в Хатфилде, под следствием, которое ведет сэр Роберт Тайвит.

Сердце мое бешено заколотилось. Трясущейся рукой я схватился за спинку ближайшего стула.

— И в чем же состоит измена Сеймура? — выдавил я из себя.

Рич раздвинул губы в улыбке:

— Как видите, господин секретарь, этот человек еще не отдает себе отчета в том, что заговор полностью раскрыт.

Взгляд Сесила, устремленный на меня, по-прежнему не выражал никаких чувств. Переплетя свои длинные тощие пальцы, Рич налег грудью на стол Пэрри. В голосе его звенело негодование.

— Вы спрашиваете, в чем заключалась измена Сеймура? Спросите лучше, каким предательством этот человек не запятнал себя. Заключив соглашение с пиратами, которых он в качестве лорда-адмирала должен был изгнать из наших морей, Сеймур получал часть их добычи. Вымогал взятки у главы Бристольского монетного двора. Превратил свой замок Садели в настоящий склад оружия. Замышлял похитить короля и, сместив своего брата, занять место лорда-протектора. И наконец, вступив в заговор с мастером Пэрри и миссис Эшли, задумал выдать замуж леди Елизавету без одобрения Тайного совета. Вам ничего об этом не известно, сержант^[1] Шардлейк? Возможно, когда придет время, вы сможете сообщить нам немало важных фактов. Но прежде всего мы хотим выяснить, что вы знаете о планах Томаса Сеймура относительно брака леди Елизаветы. Миссис Эшли уже призналась, что неоднократно обсуждала с ним подобные перспективы, и мастер Пэрри обещал в награду за содействие приобрести для нее земельные угодья.

Я вопросительно взглянул на Сесила.

— Все это так, — веско изрек он.

— Милорд канцлер, я впервые об этом слышу, — произнес я, повернувшись к Ричу.

Однако сэр Ричард, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Мы располагаем информацией, — продолжал он, — что вы, в качестве подручного мастера Пэрри, занимались подготовкой к

приобретению земель для леди Елизаветы. Наверняка Пэрри, желая как можно более полно ответить на вопросы Сеймура, советовался с вами. Извольте сообщить нам, что вам известно по этому поводу.

На столе перед ним лежал чистый лист бумаги. Рич окунул перо в чернильницу и приготовился записывать.

— Но мне об этом абсолютно ничего не известно, — возразил я, ничуть не покривив душой. — Мастер Пэрри никогда не упоминал при мне о каких-либо разговорах с Сеймуром, а уж тем более о его намерении устроить брак леди Елизаветы. Иначе и быть не могло, — добавил я, ощущая, как ко мне возвращается самообладание. — Вы прекрасно знаете, что я с неизменной неприязнью относился к Томасу Сеймуру, о котором ходили самые дикие и ужасные слухи.

Сказав это, я вновь взглянул на Сесила. На этот раз он позволил себе едва заметный кивок.

— Однако вы отнюдь не питали неприязни к покойной жене лорда Томаса, бывшей королеве, — усмехнулся Рич. — Мне известно, сержант Шардлейк, что вы пользовались доверием Екатерины Парр. Именно благодаря ее протекции вы и получили свою нынешнюю должность. Скажите, в последние месяцы перед смертью Екатерины вы переписывались с нею, обсуждая какие-либо планы относительно леди Елизаветы?

— И вновь, милорд, я должен сказать «нет». Мы никогда не состояли с королевой в переписке, да и ни разу не встречались с тех пор, как после смерти старого короля я получил должность при дворе леди Елизаветы.

— И вы думаете, я в это поверю? — усмехнулся Рич. — Вы же были ее доверенным лицом, советником.

— С тех пор как скончался старый король — нет. Повторяю: я не встречался с Екатериной Парр после того, как она вышла замуж за Сеймура.

— Вы напрасно рассчитываете, что меня можно кормить подобными баснями! — воскликнул Рич с наигранным возмущением, словно бы выступал в суде. — Вы пользовались доверием Екатерины Парр, и вы служите при дворе Елизаветы — это говорит само за себя! Неужели Екатерина ничего не сказала вам о том, что произошло между ее падчерицей и мужем? О том, что Сеймур домогался Елизаветы, в то время как его жена носила во чреве дитя?

Я глубоко вздохнул, пытаюсь сохранить самообладание:

— Клянусь, до сего дня у меня не было даже отдаленных предположений на этот счет.

— Речь идет не о предположениях, — процедил Рич. — Кэт Эшли не молчит, а просто соловьем заливается, ну прямо как одна из птичек покойной королевы Екатерины. По ее словам, о том, что Сеймур не давал проходу Елизавете, было известно всем и каждому.

— Повторяю, мне ничего об этом не известно.

— То же самое твердил и мастер Пэрри, — осклабился Рич. — Пока ему не показали орудия пыток в Тауэре.

Ярость и горечь, охватившие меня, внезапно пересилили страх.

— Благодаря вам, сэр Рич, я уже имел случай увидеть эти самые орудия пыток. Но вам не удастся завлечь меня в ловушку. Если Томас Сеймур вел себя столь подло, как вы это утверждаете, то пусть получит по заслугам. Вы несколько раз упомянули, что допрашивали мастера Пэрри и миссис Эшли. Однако вы не сказали, что они *признались* в намерении устроить брак леди Елизаветы без одобрения Тайного совета. Сама леди Елизавета тоже наверняка ничего такого не говорила, иначе вы не преминули бы сообщить об этом. Сколько бы вы меня ни спрашивали, ответ всегда будет одинаков: «Я ничего не знаю о подобных планах».

Судя по багровому румянцу, залившему бледные щеки Рича, он тоже пришел в ярость. Сесил незаметно сделал знак: поднял руку ладонью вниз и медленно опустил ее, безмолвно советуя мне придержать язык.

Рич не видел этого жеста, однако заметил, что я смотрю на Уильяма. Он резко повернулся к нему:

— Молодой мастер Сесил прибыл со мной сюда, чтобы произвести обыск в кабинете мастера Пэрри. Ему предстоит просмотреть все хранящиеся здесь документы. Вы можете оказать ему содействие. — Помолчав, Рич продолжил: — Возможно, прежде чем мы приступим к обыску, вы направите нас по верному следу? Добровольная помощь, которую вы окажете нам, впоследствии может смягчить вашу участь, сержант Шардлейк.

— Мне ничего не известно.

— После того как мы закончим здесь, ваша контора и ваш дом тоже будут подвергнуты обыску, — с издевательской ухмылкой

сообщил Рич.

— Для этого нам необходимо особое предписание, милорд, — осторожно напомнил Сесил.

— Получить его будет не трудно, учитывая, что я — лорд-канцлер, — нахмурился сэр Ричард.

— Если вам угодно, вы можете произвести у меня обыск, не дожидаясь предписания, — заявил я. — Менее всего на свете мне хотелось бы замедлять ход вашего расследования.

Я прекрасно сознавал, что Рич всего лишь закидывает сеть, рассчитывая, что я в ней запутаюсь.

Лорд-канцлер отбросил перо, закапав чернилами письменный стол Пэрри.

— Итак, мы приступаем к обыску. В самом скором времени вам еще придется дать показания под присягой.

— Как скажете, милорд.

Рич поджал губы и поднялся:

— Я отправляюсь в Тауэр. Сеймура необходимо допросить еще раз. — Он пристально взглянул на Сесила. — Произведите обыск в кабинете Пэрри со всей возможной тщательностью. Потом надо будет обыскать его дом. Шардлейком мы займемся позднее.

— Да, милорд, — с поклоном изрек Сесил.

Я тоже поклонился. Рич бросил на меня взгляд, исполненный откровенной враждебности, и быстро двинулся к двери, шурша шелковой мантией. Закрывая дверь, он громко стукнул ею о косяк, даже не считая нужным скрывать свое раздражение. Я остался наедине с Сесилом. До тех пор пока не хлопнула входная дверь, Уильям не произнес ни слова.

— Вы и правда ничего не знаете об этом деле? — наконец нарушил он молчание.

— Клянусь, ничего.

— Для меня это неожиданность. Вот уж не думал, что мастер Пэрри умеет хранить секреты. — На губах его мелькнула едва заметная улыбка. — Рич, как вы поняли, в числе тех, кто ведет расследование. Когда всплыло ваше имя, он настоял на том, чтобы лично допросить вас. И попросил меня сопровождать его, дабы в случае чего кто-нибудь мог подтвердить, что он не превысил свои полномочия.

— Я вам очень признателен, мастер Сесил.

Лицо моего собеседника приобрело строгое выражение.

— Как бы то ни было, заговор Сеймура — это чрезвычайно серьезно. И если леди Елизавета действительно согласилась вступить с ним в брак без разрешения Тайного совета, которое, как вы понимаете, никогда бы не было получено, это пахнет государственной изменой.

— Но если леди Елизавета не давала своего согласия, она невиновна. А следовательно, Томас Пэрри и Кэт Эшли невиновны тоже.

— Это верно. — Сесил слегка пожал плечами. — Полагаю, эти двое будут обвинены лишь в том, что они распускали пустые сплетни, а леди Елизавету полностью оправдают.

Поколебавшись немного, я отважился спросить:

— Скажите, а Сеймур действительно домогался леди Елизаветы?

На лице Сесила мелькнуло выражение нескрываемого отвращения.

— Боюсь, это правда, по крайней мере, если верить утверждениям Кэт Эшли. Покойная королева Екатерина отослала падчерицу прочь после того, как застала ее в объятиях своего мужа.

— Никогда бы не подумал, что леди Елизавета способна на подобное безрассудство, — покачал я головой.

— Юные девушки порой бывают чрезвычайно впечатлительны, — вздохнул Уильям. — И надо отдать должное Сеймуру, обаяния ему не занимать.

— Что касается всех прочих пунктов, то обвинения против него...

— Неопровержимо! Вскоре дело станет достоянием общественности. Он намеревался полностью подчинить короля своему влиянию. Думаю, ныне ничто не сможет спасти сэра Томаса Сеймура. Лорд-протектор вынужден будет подписать смертный приговор своему родному брату. — Сесил покачал головой. — Бесспорно, для него это будет жестоким ударом.

— Да уж, — вздохнул я. — Бедная королева Екатерина. Бедная леди Елизавета.

— Почему вы не добавляете «бедный Томас Сеймур»?

— Как я уже сказал Ричу: если этот человек виновен, пусть он получит по заслугам.

— То есть лишится головы на плахе.

На несколько мгновений в воздухе повисло молчание. Потом Сесил произнес, потирая свои тонкие пальцы:

— Не могли бы вы позвать слуг Пэрри? Рич отослал их прочь. Наверняка сейчас они где-нибудь в дальних комнатах. Здесь ужасно холодно. Надо, чтобы слуги затопили камин, ведь перебирать бумаги мастера Пэрри нам придется долго.

Это было странное, весьма неприятное занятие — просматривать документы своего патрона. Нас с мастером Пэрри не связывали узы дружбы, однако я неизменно питал к нему уважение. К моему великому облегчению, мы не нашли ничего компрометирующего. После того как обыск был завершен и мы уже надели плащи, собираясь уходить, Сесил, погруженный в задумчивость, бросил взгляд в окно. Пылинки, потревоженные нашими поисками, кружились в луче зимнего солнца.

— Мастер Шардлейк... — негромко произнес Сесил. — Я не думаю, что над леди Елизаветой действительно нависла серьезная опасность. Но она никогда не пользовалась благоволением протектора, и скандал, который неминуемо разразится в самом скором времени, бесспорно, усилит подозрения, каковые он питает на ее счет. Герцог Сомерсет не относится к числу тех, кто... — Уильям замешкался, подыскивая подходящее слово, — к числу тех, кто склонен доверять людям. И конечно, измена родного брата лишь усугубит его недоверчивость. При встрече с мастером Пэрри попросите его посоветовать леди Елизавете впредь быть осмотрительнее. Даже тень скандала не должна падать на нее.

— Спасибо, мастер Сесил, — кивнул я и добавил, движимый любопытством: — Но почему вы так печетесь об участии леди Елизаветы?

Он склонил голову и вытянул перед собой обе руки ладонями вниз.

— У юного короля две сестры. Мария — враг истинной религии, а Елизавета, напротив, ее поборница. Сегодня политическая ситуация такова, что расположение лорда-протектора отдано Марии. Но вполне возможно, что, став старше, Елизавета сумеет изменить нынешнее положение вещей.

Часть первая

Лондон

Глава 1

Июнь 1549 года

На протяжении всего нашего путешествия в Хатфилдский дворец дождь лил как из ведра; водяные струйки стекали с полей наших шляп и делали скользкими поводыя. Время от времени налетали порывы ветра, такого ледяного, словно бы даже сейчас, в начале июня, суровая зима и холодная весна не спешили покидать землю.

Нас, оставивших Лондон серым ненастным утром, было шестеро; я, мой молодой помощник Николас Овертон и четверо крепких парней, вооруженных ножами и мечами, — все они состояли на службе у Томаса Пэрри, главного управляющего двором леди Елизаветы. Их командир Фоуберри, молчаливый мужчина средних лет, прибыл в Линкольнс-Инн за день до этого; он доставил письмо патрона, который срочно вызвал меня в Хатфилд. В послании говорилось, что мне предстоит помочь леди Елизавете в некоем безотлагательном и деликатном деле. Мне следовало отправиться в путь вместе с гонцом, провести ночь в загородном трактире и следующим утром предстать перед Пэрри и леди Елизаветой. В письме сообщалось также, что мой патрон на всякий случай послал с Фоуберри еще трех человек, которым предстояло сопровождать нас; учитывая, что после майских мятежей в стране было беспокойно, предосторожность эта отнюдь не казалась лишней. Меня несколько удивило, что Пэрри, всегда отличавшийся многословием, ограничился столь кратким посланием, и по дороге я ломал себе голову, что предвещает подобная лаконичность. Приобретение и продажа земель для леди Елизаветы, которыми я по поручению гофмейстера занимался в течение двух лет, разумеется, относились к числу деликатных дел, однако не требовали срочности.

В пути мы почти не разговаривали; ненастная погода не способствовала оживленной беседе. Николас ехал рядом со мной, склонив тощее длинное тело на шею лошади. С другой стороны от меня трусил Фоуберри, сзади — трое его людей. Одинокие всадники и повозки, груженные различными припасами, встречавшиеся нам на дороге, двигались в противоположном направлении, в сторону

Лондона. Лишь однажды нас обогнал гонец в яркой ливрее королевских цветов, сопровождаемый двумя вооруженными слугами, которые, оглушительно трубя в рожки, сделали нам знак уступить дорогу. Обрызгав нас грязью из-под лошадиных копыт, они быстро скрылись вдали. Николас вопросительно взглянул на меня; пряди рыжих волос, падавшие ему на лоб, так промокли, что напоминали крысиные хвосты, а капавшая с них дождевая вода заставляла юношу поминутно моргать.

— Любопытно, что он везет, — заметил Овертон. — Очередное воззвание лорда-протектора Сомерсета?

— Скорее всего. Хотел бы я знать, чему оно посвящено на этот раз.

— Возможно, протектор провозглашает, что отныне слепые должны прозреть, а рыбы — летать по воздуху.

Я рассмеялся, однако Фоуберри, ехавший рядом со мной, бросил на Николаса неодобрительный взгляд.

Близился вечер, серое небо потемнело.

— Я полагаю, вскоре мы должны прибыть на постоянный двор, — сказал я, повернувшись к Фоуберри.

— Да, сэр, думаю, до постоянного двора уже недалеко, — ответил он своим низким, глубоким голосом.

Подобно Пэрри и многим другим служащим при дворе леди Елизаветы, он был валлийцем. В седле наш сопровождающий держался прямо, не обращая внимания на ненастье; выправка выдавала в нем бывалого солдата. Возможно, как и большинство его земляков, он был участником войн с Францией.

Я растянул губы в улыбке и заметил:

— Очень удачно, что по распоряжению мастера Пэрри мы должны провести эту ночь в трактире. Иначе мне пришлось бы предстать перед леди Елизаветой мокрым и грязным, как крыса, выскочившая из сточной канавы.

— Да, сэр, показываться перед нею в таком виде негоже, — с непроницаемым лицом кивнул мой спутник.

Я понял, что все попытки вытянуть из него хоть что-нибудь о причинах столь внезапного вызова обречены на поражение; даже если этому человеку что-то известно, он будет хранить молчание.

Николас, придерживав лошадь, указал хлыстом направо. В отдалении, за ячменным полем, светился огонек.

— Посмотрите-ка туда, мастер Фоуберри! — воскликнул Овертон. — Может, это и есть постоянный двор?

Фоуберри придержал лошадь и сделал своим людям знак последовать его примеру. Смахнув с глаз дождевые капли, он вперил взгляд в сгущавшийся сумрак. И наконец изрек:

— Нет, это не постоянный двор. Нам нужно проехать еще около мили. — Посмотрев вдаль еще несколько мгновений, он добавил: — Это не свет из окна, а огонь. Скорее всего, кто-то развел костер в роще за полем.

— Может, там лагерь крестьянских мятежников? — предположил один из его людей, коснувшись рукояти меча.

— Я слышал, в Хэмпшире и в Сассексе вновь начались волнения, — негромко ответил ему командир.

— Это лишь один-единственный костер, — покачал я головой. — Скорее всего, его развели какие-нибудь путники вроде нас.

— Очень может быть, что эти путники поджидают одиноких всадников, дабы их ограбить. — Фоуберри сплюнул на землю. — Согласно новому закону, принятому парламентом, подобных шельмцов следует клеймить и строго наказывать. Мы должны предупредить хозяина постоянного двора, что видели костер, — продолжил он. — Пусть трактирщик сообщит об этом констеблю, а тот пошлет туда городскую стражу. — Он повернулся ко мне. — Вы согласны, мастер Шардлейк?

Я медлил, не зная, что ответить. Николас метнул в меня предостерегающий взгляд. Ему было хорошо известно мое мнение относительно творившихся в стране беспорядков, но затевать сейчас спор вряд ли имело смысл.

— Вам лучше знать, мастер Фоуберри. Хотя, вполне вероятно, у этого костра греются самые что ни на есть честные люди.

— Осторожность никогда не бывает лишней, особенно в нынешние тревожные времена. Кроме того, Хатфилдский дворец расположен неподалеку отсюда, и беспорядки могут потревожить леди Елизавету.

Я кивнул в знак согласия. Мы вновь натянули поводья своих усталых лошадей и медленно двинулись по дороге. Я лишь вздохнул про себя, рассудив, что тем, кто собрался ночевать у костра в такой холод, в любом случае не позавидуешь.

Постоялый двор, расположенный на окраине маленького городка Хатфилда, оказался уютным и чистым. Подъехав, мы спешили, и двое конюхов увели лошадей. Люди Фоуберри последовали за ними, оставив своего командира в нашем с Николасом обществе. Тело мое затекло после длительного путешествия, все кости ломало. Спина просто разламывалась: в последнее время длительные переезды верхом давались мне все тяжелее. Но горбуну сорока семи лет от роду вряд ли стоило на это сетовать. Вслед за слугой, взвалившим себе на плечи нашу поклажу, мы вошли в старый просторный дом. Свечи, ярко горевшие внутри, освещали каменные плиты, которыми был выложен пол; дверь, ведущая из холла в просторный обеденный зал, была распахнута настежь, и сидевшие там постояльцы, судя по виду в основном преуспевающие торговцы, с любопытством уставились на нас. Лысый приземистый человек в фартуке поверх дублета, прервав на полуслове разговор с одним из гостей, поспешил нам навстречу.

— Приветствую вас, мастер Фоуберри! — жизнерадостно воскликнул он. — Мы вас ждали. — Он склонился в почтительном поклоне и, выпрямившись, устремил на меня пронзительный взгляд небольших острых глаз. — А вы, должно быть, джентльмен-законник и прибыли, чтобы помочь мастеру Пэрри советом?

— Я сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк, член Лондонской коллегии адвокатов, — представился я. — А это мой помощник мастер Овертон.

Хозяин постоялого двора приветливо кивнул и вновь повернулся к Фоуберри.

— Очень рад видеть вас у себя, сэр. — Подойдя ближе, он произнес, понизив голос: — Буду чрезвычайно признателен, сэр, если мастер Пэрри заплатит за постой своих гостей золотыми монетами. Серебро нынче очень упало в цене, — добавил он, сокрушенно покачав головой.

— Мы в Хатфилдском дворце всегда расплачиваемся золотом, — с гордостью изрек Фоуберри.

Трактирщик вновь поклонился, на этот раз в знак благодарности.

— Для меня великая честь принимать гостей, прибывающих в Хатфилдский дворец, — сказал он и, помолчав немного, добавил: —

Давненько вы к нам не заглядывали, сэра. Надеюсь, леди Елизавета здорова?

— Вполне здорова, мой заботливый друг, — с едва заметной улыбкой ответил Фоуберри.

— Надеюсь также, что неприятности, которые ей пришлось пережить в последнее время, не слишком ее расстроили, — продолжал трактирщик, поочередно поглядывая то на меня, то на Фоуберри; в своем стремлении полакомиться сплетней он напоминал голодного ворона, желающего ухватить вкусный кусочек.

Гости, сидевшие за столами, притихли.

— Да будет вам известно, любезный, у меня нет привычки обсуждать с посторонними дела, имеющие касательство к особам, которым я служу, — ледяным тоном отчеканил Фоуберри.

Трактирщик слегка подался назад:

— Разумеется, сэра. Я только хотел сказать... сейчас в Хатфилдском дворце, судя по всему, все спокойно.

— И будет еще спокойнее, если люди, подобные вам, откажутся от привычки выведывать то, что им знать не следует, — жестко ответил Фоуберри. — Кстати, я могу сообщить кое-что, имеющее к вам прямое отношение. Примерно в миле к югу отсюда мы видели на краю поля костер. Слева от дороги. Полагаю, вам стоит поставить в известность констебля.

— То был один-единственный костер, — уточнил я. — Вряд ли вокруг него собралось много людей.

Трактирщик тем не менее отнесся к полученному известию очень серьезно.

— Я пошлю констеблю записку, — сказал он.

— И правильно сделаете, — кивнул Фоуберри. — Как видите, мы насквозь промокли. Нам нужны комнаты с каминами и полотенца. И конечно, мы все не прочь перекусить.

— Может быть, вы поужинаете здесь? — Хозяин махнул рукой в сторону обеденного зала. — Жаркий огонь и хорошая компания — что еще нужно в такую погоду, когда...

— Нет, мы лучше поедим в своих комнатах, — перебил его я.

Мастер Пэрри заказал для нас с Николасом отдельные комнаты; он не испытывал недостатка в средствах. Учитывая, что леди Елизавета

принадлежала к числу богатейших людей в стране, в этом не было ничего удивительного. Я переоделся в сухую одежду, а мокрую развесил перед камином. Открыв дорожную сумку, которую слуга доставил в спальню, я бережно разложил на кровати адвокатскую мантию.

Тут принесли ужин — густую баранью похлебку, бекон с хлебом и сыром и кувшин пива. Довольно простая, но сытная пища. Вскоре раздался стук в дверь, и в комнату, согнувшись, чтобы не задеть головой о дверной косяк, вошел Николас. Он тоже переоделся и успел высушить свои огненно-рыжие волосы. Теперь он облачился в зеленый дублет с серебристыми нашивками и модным высоким воротником, слегка расстегнутым так, чтобы были видны кружева рубашки.

— Садись, дружище, — сказал я.

— Благодарю вас, сэр.

Мы с аппетитом принялись за еду. Утолив первый голод, Николас вытащил кошелек, извлек из него серебряную монету и положил на стол.

— Вчера мне дали ее в Лондоне, — сообщил он. — Новый шиллинг, только что выпустили.

Я взял новехонькую блестящую монетку, на которой красовалось серьезное лицо нашего одиннадцатилетнего короля. Вокруг его изображения шла надпись по-латыни: «Эдуард VI, король милостью Божией». Я взвесил монету на ладони:

— Она тяжелее, чем те, что чеканили в начале года. Но может, в ней еще больше меди?

— Думаю, так оно и есть, — нахмурившись, кивнул Николас. — Богом клянусь, протектор Сомерсет держит нас всех за последних дураков. Введя в оборот это свое фальшивое серебро, он ограбил всю страну. Чем больше он выпускает таких монет, тем быстрее растут цены. За кружку пива уже требуют два фартинга.

Я невесело улыбнулся:

— Сомерсету необходимо серебро, ибо война с Шотландией требует больших расходов. Парламент идет у него на поводу и одобряет введение новых налогов. — Я покачал головой. — Я думал, после смерти старого короля Англия прекратит выбрасывать деньги на войны, в которых заведомо обречена на поражение. Увы, я ошибался. Стало только хуже.

— Думаете, шотландцы нас побьют? — ухмыльнулся Николас.

— Все идет к тому.

— Для Англии это будет большим бесчестьем.

— За всю свою жизнь я не припомню, чтобы цены росли так быстро, как в этом году, — заметил я, задумчиво глядя на монетку. — Простым ремесленникам сейчас приходится туго... Не говоря уже о фермерах. Землевладельцы что ни месяц повышают арендную плату, а некоторые так и вовсе гонят арендаторов прочь, превращая поля в пастбища.

— А что им еще остается делать? — перебил меня Николас. — Рост цен ведь касается и их тоже. Я знаю, мой отец терпел убытки, потому что... — Овертон осекся, глубокая складка пересекла его усыпанный веснушками лоб.

Я догадывался, что творится у парня на душе. Три года назад, когда Николасу был двадцать один год, его родители, мелкие дворяне из Линкольншира, решили женить его по собственному выбору. Однако Николас не питал никаких чувств к девушке, которую они наметили ему в супруги, и наотрез отказался вступить с ней в брак. В результате родители лишили строптивного сына наследства. Горечь обиды не улеглась и по сей день, хотя, судя по всему, положение помощника барристера его вполне устраивало, и он с нетерпением ждал, когда же будет принят в коллегия адвокатов. Работал молодой человек усердно, был сметлив и сведущ, хотя я чувствовал: в отличие от меня, Ник отнюдь не был предан правоведению всем сердцем. Свободное время он проводил в обществе других молодых джентльменов — о том, что он джентльмен, Овертон никогда не забывал, — развлекаясь в лондонских тавернах и, как я догадывался, в борделях. Иногда мне казалось, что больше всего ему нужна хорошая жена. Хотя Николаса никак нельзя было назвать красавцем в общепринятом смысле этого слова, он, несомненно, был щедро наделен привлекательностью и, уж конечно, не страдал от недостатка уверенности в себе. Если ему действительно чего-то доставало, так только денег, ибо небольшое жалованье, которое он получал у меня на службе, являлось для него единственным источником дохода. В последнее время Овертон начал ухаживать за Беатрис Кензи, дочерью моего коллеги-барристера. Я встречал эту юную девицу всего пару раз и, признаюсь откровенно, был о ней не слишком высокого мнения.

— А как по-вашему, есть шанс, что завтра я тоже увижу леди Елизавету? — спросил Николас, резко меняя тему разговора.

— Честно скажу, вероятность этого ничтожна. Даже я вижу ее крайне редко.

— Значит, вы притащили меня с собой только потому, что по статусу вам полагается иметь помощника, а в данном случае статус очень важен, — усмехнулся Николас.

— В общем-то, ты прав, старина. Сам знаешь, так положено. Хотя, думаю, для тебя тоже найдется дело — скорее всего, придется переписать кое-какие документы. Но доступ к леди Елизавете ограничен. Мастер Пэрри и приближенные к ней дамы строго следят за этим.

Николас подался вперед, в его зеленых глазах вспыхнули любопытные огоньки.

— Интересно, а что она собой представляет?

— Я не видел ее уже месяцев с восемь, — ответил я. — В последний раз я был допущен к ней, чтобы выразить соболезнования по поводу кончины королевы Екатерины... — Я слегка запнулся и, судорожно сглотнув, продолжил: — Ныне леди Елизавете пятнадцать лет, но она обладает умом и выдержкой взрослого человека. Дело в том, что детство ее было далеко не безмятежным. — Губы мои тронула грустная улыбка. — Она чрезвычайно умна и, как говорится, за словом в карман не лезет. Когда я начал работать под началом мастера Пэрри, она как-то сказала: «*Мои* собаки будут носить *мои* ошейники». Разумеется, к людям это относится тоже.

Помолчав немного, Николас спросил:

— А это дело, по которому мы едем туда... Как вы думаете, оно связано с тем, что случилось в январе?.. Ну, с теми неприятностями?

— Думаю, нет, — твердо ответил я. — Скандал, вспыхнувший вокруг Томаса Сеймура, умер вместе с этим недостойным человеком. Я в этом не сомневаюсь. — Вперив в Николаса пристальный взгляд, я произнес, подчеркивая каждое слово: — Всем известно, что лорд-протектор публично заявил: леди Елизавета не была осведомлена о брачных планах Сеймура. Это все, что я могу сказать по этому поводу, Николас. Сохранять конфиденциальность — первая обязанность законника.

— Кто же с этим спорит. Но...

— Но все, начиная от хозяина этого постоянного двора и кончая последним клерком в Линкольнс-Инн, желали бы знать подробности, — суровым тоном прервал его я.

— Я не о том, сэръ. — На лице Николаса мелькнуло смущение. — Просто, когда нас срочно вызвали по некоему важному делу, я подумал: наверное, здесь есть какая-то связь. Возможно...

— Возможно, здесь замешана политика — ты это хочешь сказать? — снова перебил я. — Нет, я уверен, политика тут ни при чем. Прости, старина, что я так на тебя набросился. Просто люди, зная, что я работаю с Пэрри, видят во мне источник сплетен, а мне это чертовски надоело. — Я покачал головой. — Поверь, Николас, бывают случаи, когда тот, кто знает меньше, оказывается в выигрыше. В качестве опытного адвоката и старшего товарища я даю тебе этот совет совершенно бесплатно.

Позднее, когда Николас вернулся в свою комнату, я открыл окно. Дождь прекратился, но с крыши все еще капало, и это был единственный звук, нарушающий ночную тишину. Серебристый серп месяца разливал тусклое сияние над полями, окружавшими постоянный двор. Сейчас, в начале лета, уже ходили разговоры о том, что нынешний год, в отличие от четырех предшествующих, будет неурожайным. Страшно было подумать, что произойдет, если ко всем прочим неурядицам прибавится еще и нехватка хлеба.

Я отошел от окна. Прежде чем лечь спать, неплохо было бы сделать несколько физических упражнений, которые мне рекомендовал доктор Гай Малтон — мой друг и прекрасный врач, но я чувствовал себя слишком усталым. Мысли о Гае встревожили меня. Последние несколько месяцев он постоянно болел, силы его подтачивала медленная лихорадка, против которой не помогали никакие средства; учитывая, что Гаю давно уже перевалило за шестьдесят, болезнь могла иметь самые печальные последствия. Откровенно говоря, я опасался, что мой друг умирает. В последние несколько лет мне пришлось расстаться не только с королевой Екатериной, но и со многими людьми, к которым я питал душевную привязанность. С Джеком Баракком, моим бывшим помощником и давним другом, мы виделись чрезвычайно редко; к тому же встречи наши происходили тайком от его жены Тамазин. Когда-то она тоже испытывала ко мне расположение; однако

три года назад я вовлек Джека в некое рискованное дело, участие в котором стоило ему руки (и едва не стоило жизни), а Тамми до сих пор не простила мне этого. Хотя я приходился крестным отцом их сыну, маленькому Джорджи, которому вскоре должно было исполниться четыре года, Тамазин не пускала меня на порог своего дома. Их младшую дочь я и вовсе не видел ни разу. Мой бывший конюх, мальчик по имени Тимоти, оставил мой дом, чтобы поступить в ученики к ремесленнику, а служанка Джозефина вышла замуж и теперь жила в Норфолке. Из ее последнего письма явствовало, что им с мужем приходится нелегко; зная, что она беременна, я послал супругам денег и просил сообщить, не голодают ли они. Однако ответа не последовало, что было отнюдь не в характере Джозефины, и это лишь усиливало мое беспокойство.

Слишком уж часто в последнее время мною овладевают приступы меланхолии, думал я, сидя на кровати. Внезапно меня озарила догадка — причина в том, что я совершенно одинок. Тимоти и Джозефина заменяли мне детей, которых я никогда не имел. Привязываться к ним так сильно было с моей стороны отчаянной глупостью. К тому же работа начала надоедать мне: все эти бесконечные земельные сделки, переговоры о приобретении ферм и имений, зачастую ни к чему не приводившие, нагоняли на меня скуку. В ту пору, когда я защищал интересы бедняков в Палате прошений, я был намного счастливее. Я надеялся, что Николас, избавившись от некоторых дворянских предрассудков, будет успешно помогать мне на этом поприще; но два года назад, когда пост лорда-канцлера занял Рич, мне дали понять, что должность моя необходима другому. Мне оставалось лишь смириться.

Укладываясь в постель, я вновь вспомнил тот страшный январский день. Леди Елизавета, так же как и ее приближенные, сумела избежать тяжких обвинений; Томасу Пэрри даже позволили занять прежнюю должность, хотя Кэт Эшли вынуждена была расстаться со своей госпожой. В марте Томас Сеймур закончил жизнь на плахе. Когда лорд-протектор казнил собственного брата, это породило немало слухов и изрядно ослабило его позиции. С Ричем я с того дня не встречался ни разу. Его люди действительно обыскали мою контору, возможно преследуя при этом одну-единственную цель — причинить мне как можно больше беспокойства. Я рассказал Николасу и Скелли, который

тоже присутствовал при обыске, о том, что произошло в канцелярии Пэрри. Страх, вспыхнувший во взгляде Николаса, был мне вполне понятен; он, разумеется, помнил, как три года назад, во время заговора против Екатерины Парр, я в очередной раз был вовлечен в жестокий мир придворной политики. В результате он, зеленый юнец, только что приехавший из провинции, тоже оказался втянутым в опасный водоворот. Мы оба пережили тогда тревожные времена.

Я смотрел на собственное отражение в окне; в колеблющемся свете свечей отчетливо видны были глубокие морщины, бороздившие мое лицо, спина, год от года сгибавшаяся сильнее, и все еще густые, но совершенно седые волосы. В последнее время я редко молился перед сном; но в тот вечер, опустившись у кровати на колени, я просил Господа исцелить моего больного друга Гая, помочь Джозефине во всех ее горестях, не оставить своими милостями леди Елизавету и тех неведомых мне путников у костра, к которым Фоуберри направил городскую стражу.

Глава 2

На следующее утро мы поднялись рано и, поспешно позавтракав, поехали в сопровождении Фоуберри и его людей в Хатфилдский дворец. Стало заметно теплее, легкий ветер гнал по небу кудрявые облачка и теребил меховой воротник моей черной шелковой мантии. Отправляясь во дворец, я надел также сержантскую шапочку. Николас, тоже в шелковой мантии, трусил рядом. Мой конь по кличке Бытие этим утром покинул конюшню с явной неохотой, — как видно, бедняга становился слишком стар для столь длительных поездок.

Хатфилдский дворец, удобное современное здание, возведенное из ярко-красного кирпича, имело просторный внутренний двор; оно было окружено парком, обнесенным высокими стенами. В настоящее время дворец этот являлся главной резиденцией леди Елизаветы, где проживал весь ее двор, насчитывающий около ста пятидесяти человек. У главного входа нас встретила круглолицая женщина средних лет, с серьезным и пронизательным взглядом. На ней были черное платье и старомодный остроконечный головной убор, а на поясе висела связка ключей. Прежде мне уже доводилось встречаться с Бланш Харри; подобно Томасу Пэрри, она была уроженкой Уэльса и служила леди Елизавете с тех пор, когда последняя была еще грудным младенцем. Бланш не только являлась домоправительницей, но и решала, кому следует разрешить доступ к своей госпоже. Спешившись, мы склонились перед нею в низком поклоне. Кивком головы и легким мановением руки миссис Харри приказала Фоуберри и его людям удалиться; ведя под уздцы лошадей, они двинулись в сторону конюшни. Бланш смерила взглядом Николаса, державшего в руках папку с листами бумаги для записей; когда она повернулась ко мне, губы ее тронула едва заметная улыбка.

— Да ниспошлет вам Господь доброго утра, сержант Шардлейк. Боюсь, вчерашний дождь не слишком благоприятствовал вашему путешествию.

— Тем не менее, миссис Харри, оно прошло вполне благополучно, хотя мы и промокли насквозь.

Вслед за ней мы вошли в просторный вестибюль, увешанный гобеленами и обставленный изящной мебелью; впрочем, все здесь было

выдержано в скромном и элегантном стиле, весьма отличном от цветистой роскоши, излюбленной старым королем. Все слуги были в темно-коричневых ливреях; иными словами, протестантский дух царствовал повсюду.

Пройдя по знакомому мне коридору, мы остановились у дверей кабинета мастера Пэрри. Повернувшись к нам, миссис Бланш негромко произнесла:

— Мастер Пэрри, несомненно, сообщит вам, что я осведомлена о том деле, ради которого он вызвал вас сюда. Кроме меня, об этом не знает ни одна живая душа. Запомните, ни слова... — тут она пристально взглянула на Николаса, — ни слова об этом не должно быть произнесено за пределами кабинета.

Николас слегка поклонился в знак согласия.

Миссис Бланш постучала. Раздался низкий голос Пэрри, приглашавший нас войти. Когда мы вошли, миссис Бланш закрыла за нами дверь; до меня долетел звук ее удаляющихся шагов и звяканье ключей у нее на поясе.

Томасу Пэрри, рослому крупному мужчине, недавно перевалило за сорок; тело его, еще вчера сильное и статное, начало помаленьку обрастать жирком. Черные его волосы, согласно моде, были коротко подстрижены, на румянном лице выделялся крупный нос, а маленькие голубые глаза смотрели пронзительно и вьедливо. Гофмейстер леди Елизаветы, вершитель ее дел. Подобно многим высокопоставленным вельможам, он попробовал свои силы, работая под началом Томаса Кромвеля; в прошедшем десятилетии этот человек немало поспособствовал уничтожению католических монастырей. Как всегда добродушный и жизнерадостный, мастер Пэрри направился к нам:

— Рад вас видеть, Мэтью. Простите, что пришлось так срочно сорвать вас с места. Представляю, как вы вчера промокли под этим дождем, будь он неладен. Одному Богу известно, какой урожай ожидает нас при столь скверной погоде. Ячмень едва дал всходы, а ведь уже лето.

— То же самое я подумал вчера, глядя на окрестные поля, мастер Пэрри.

— Фоуберри рассказал мне, что вы видели каких-то людей, которые разожгли костер поблизости от города. Как выяснилось, это всего-навсего несколько бродяг, бывших сапожников из Нортгемптона.

Своим ремеслом они больше кормиться не могут, вот и решили попытаться счастья в Лондоне. Правда, при них оказались ножи и дубинки, так что уж не знаю, чем они там надумали промышлять. Как бы то ни было, констебль из Хатфилда и его стражники велели им убираться прочь.

— Понятно.

— О Мэтью, я вижу в вашем взгляде укор. Знаю, вы приверженец государства общего блага и готовы всех нищих бродяг осыпать золотом. — Он подмигнул Николасу.

— По крайней мере, я хотел бы дать всем нуждающимся работу, — пожал я плечами.

— Ах, Мэтью, вряд ли это будет способствовать всеобщему благу, о котором вы так печетесь. Если все получают работу, зарплаты вырастут и цены, соответственно, тоже. И куда это приведет всех нас? — Пэрри вновь улыбнулся, самодовольной улыбкой осведомленного и здравомыслящего человека, который вразумляет оторванного от жизни идеалиста.

Глядя на его круглое веселое лицо, я невольно вспомнил фразу, брошенную Ричем в январе: когда Пэрри доставили в Тауэр и показали ему орудия пыток, у него моментально развязался язык. Но спрашивается, кто в таких обстоятельствах сумел бы устоять? Все, что рассказал Пэрри, касалось исключительно Томаса Сеймура и никоим образом не компрометировало леди Елизавету. Он был проницателен, умен и верен своей госпоже.

Пэрри повернулся к моему помощнику, которого ему уже доводилось видеть прежде, поскольку в Лондоне Николас иногда сопровождал меня во время визитов в канцелярию патрона.

— Ну а вы, молодой человек, наверняка с увлечением внимаете всем этим памфлетам и проповедям, направленным против алчных богачей?

— Нет, сэр, — ответил Николас. — Я полагаю, все эти разговоры подрывают законную государственную власть и ведут лишь к смуте и беспорядкам.

— Вижу, несмотря на молодость, вы отнюдь не глупы, — одобрительно кивнул Пэрри. — Как проходят ваши научные занятия? Еще не вступили в коллегиию адвокатов?

— Надеюсь, это вскоре произойдет, хотя я и довольно поздно начал изучать юриспруденцию.

— Что ж, насколько я могу судить, вы всегда выполняете свою работу добросовестно. — Лицо Пэрри внезапно стало серьезным, и, подобно миссис Бланш, он устремил на Николаса испытующий взгляд. — С вами можно обсуждать вопросы, которые необходимо держать в строжайшем секрете? Предупреждаю: подробности дела, о котором нам предстоит говорить, производят тягостное и даже отталкивающее впечатление, а также способны породить множество гнусных сплетен.

— Тягостное и даже отталкивающее впечатление, сэръ? — растерянно переспросил Николас.

Судя по вытаращенным от удивления глазам Овертона, подобного поворота он никак не ожидал. Я, впрочем, тоже.

Лицо Пэрри оставалось непроницаемым.

— Да, речь пойдет о вещах воистину ужасающих, — проронил он.

— Мастер Пэрри, я никогда не обманывал доверия своих клиентов, — произнес Николас.

Патрон повернулся ко мне, и голос его внезапно стал жестким:

— Я могу быть с вашим помощником совершенно откровенен, Мэтью? Вы уже поняли, что речь пойдет о вещах, выходящих за грани привычных представлений.

— Мастер Овертон доказал, что умеет хранить тайны, еще когда мы с ним служили покойной королеве.

Пэрри кивнул, улыбнулся и, вновь сияя приветливостью, похлопал Николаса по плечу:

— Извините, но я должен был об этом спросить.

Подойдя к письменному столу, он уселся за него, а нам указал на стулья напротив:

— Лучше перейти прямо к делу. Времени в нашем распоряжении не так уж и много. — Он подвинул Николасу чернильницу. — Записывайте, Овертон, но только имена и названия мест. И смотрите, чтобы ваши записки не попали в чужие руки. То, что я собираюсь открыть вам, до сей поры знали только три человека на свете: я, миссис Бланш и леди Елизавета. Кстати, она лично выразила пожелание, чтобы этим расследованием занимались именно вы, Мэтью. — Пэрри сдвинул брови, словно бы сомневаясь в разумности подобного пожелания, и

продолжил: — После нашей беседы она сама встретится с вами. Но прошу вас, в разговоре с нею не упоминайте жутких подробностей этой истории. Нам пришлось открыть все леди Елизавете, но, боюсь, ей едва не стало дурно.

Мы с Николасом переглянулись. Несомненно, речь сейчас должна была пойти вовсе не о спорах относительно очередного земельного участка.

— Вам доводилось когда-нибудь бывать в Норфолке? — повернулся Пэрри к Николасу.

Тот покачал головой:

— Нет, сэръ. Я родом из Линкольншира и мало путешествовал.

— Я тоже ни разу не был в Норфолке, — сказал я. — Хотя, когда я защищал интересы бедных людей в Палате прошений, у меня было немало клиентов из этого графства.

— Думаю, вы оба слышали пословицу «Норфолк хитрит, простаков дурит», — с циничной ухмылкой произнес Пэрри. — Насколько мне известно, общины там занимаются сутяжничеством больше, чем в любом другом графстве, затевают тяжбы с землевладельцами из-за ренты и огораживаний пастбищ. Есть еще одна поговорка: «Каждый житель Норфолка, идя за плугом, читает свод законов».

— Несомненно, местные жители знают, каковы их права, — вставил я. — И они умеют объединяться, чтобы добиться правды в Палате прошений, когда обычный суд бессилён им помочь.

— Вы выиграли много процессов, защищая права этих самых угнетенных норфолкских общин?

— Несколько дел мне действительно удалось выиграть. Несмотря на все судебные проволочки и ухищрения крупных землевладельцев.

— Должен сказать, наше нынешнее дело касается как раз землевладельца, — проворчал Пэрри. — Так что о вашей службе в Палате прошений сейчас лучше не упоминать.

— У норфолкских джентльменов тоже репутация завзятых сутяг. Они постоянно ведут тяжбы, как между собой, так и со своими арендаторами, — заметил я. — Так повелось с той поры, как старый король обрушил кары на семейство Говард и отнял у них земли, где они были полновластными господами.

— Вы правы, — кивнул Пэрри. — Старый герцог Норфолк правил там железной рукой. Но вот уже несколько лет он сидит в Тауэре по обвинению в государственной измене, выдвинутому еще покойным королем. А у лорда-протектора не хватает смелости отправить злоумышленника на плаху. Он ждет, что Норфолк сам вскорости умрет, ведь тому уже перевалило за семьдесят пять. Но думаю, старик еще долго протянет, из чистого упрямства. — Пэрри, вскинув брови, отрывисто расхохотался. — Вам, конечно, известно, что бóльшая часть его земель была приобретена для леди Марии, — она питает особый интерес к владениям в Восточной Англии. Кеннингхолл, дворец герцога Норфолка, стал ее резиденцией. Полагаю, сейчас она находится именно там.

— Насколько я помню, леди Елизавета тоже хотела приобрести земли в Норфолке? — заметил я.

— Но несколько уже намеченных сделок сорвалось, — вставил Николас. — Я так и не понял, почему леди Елизавету привлекают земли именно в этом графстве.

— Семья Болейн родом из Норфолка, — пояснил я.

— А я думал, их родина — Хивер, в Кенте, — сказал Николас.

— Нет, Болейны из норфолкских дворян, — покачал головой Пэрри. — Не исключено, что леди Мария скупает там земли назло сестре, которую откровенно ненавидит. Леди Мария убеждена, что Елизавета не является дочерью короля Генриха, поскольку Анна Болейн родила ее от своего любовника Марка Смитона. *Pentwyr o casu*.

На лице Николаса мелькнуло озадаченное выражение.

— По-валлийски это означает «куча дерьма», — перевел Пэрри.

— Я не знал, что у леди Марии существуют подобные подозрения, — удивленно заметил я.

Мой патрон растянул губы в улыбке:

— При дворе леди Марии в Кеннингхолле у меня есть несколько — назовем их так, осведомителей, которые регулярно сообщают мне о ее мнениях и настроениях. — Он подался вперед, потирая свои пухлые руки. — Ненависть, которую леди Мария питает к сестре, — одна из причин, почему это дело следует держать в тайне. Мне известно, что леди Мария чрезвычайно досадовала, когда в январе Елизавете удалось избежать обвинения в государственной измене. — Пэрри нахмурился и покачал головой. — То, что ныне старшая дочь Генриха находится в

Кеннингхолле, нам отнюдь не на руку. Пока что история не получила широкой огласки. Но если дело дойдет до норфолкского суда присяжных, этого не миновать. — Он вперил в меня пристальный взгляд. — Дело касается членов семьи Болейн, то есть родственников леди Елизаветы. Весьма дальних, но все-таки родственников. Именно поэтому вести расследование надо с особой осторожностью.

— Насколько я понял, имеются какие-то кошмарные подробности...

Пэрри подался вперед и негромко произнес:

— Болейны с незапамятных времен были скромными норфолкскими землевладельцами. Жили в своих поместьях, получали плату с арендаторов и изредка посылали какого-нибудь особо смышленного своего отпрыска в Лондон, искать счастья. Подобной участи удостоился и прапрадед Анны Болейн. Но они никогда не становились важными персонами — до той поры, пока старый король не положил глаз на мать леди Елизаветы. После того как Анна Болейн и ее ближайшие родственники были казнены, норфолкские Болейны, затаившись в глуши, продолжали жизнь скромных непритязательных помещиков. Конечно, фамилия их с тех пор окружена ореолом дурной славы, и с этим ничего поделать нельзя.

— Да уж, — кивнул я, — дурная слава живуча.

Со дня казни Анны Болейн минуло целых тринадцать лет, а некоторые люди, в особенности приверженцы религиозных традиций, до сих пор морщатся, услышав ее имя. Я присутствовал на казни, и сейчас перед мысленным моим взором вновь предстала эта страшная картина: серое весеннее утро, безмолвная толпа, взмах топора, рассекший воздух, поток алой крови и отрубленная голова королевы. Меня невольно передернуло.

— Ныне леди Елизавета богата, — продолжал Пэрри. — Время от времени к ней являются просители, объявляющие себя ее бедными родственниками из Норфолка, и, сетуя на тяжелые времена, просят о помощи.

— Подобное неизбежно, если у человека много денег и много родни, — пожал я плечами.

— Совершенно верно. Мы с миссис Бланш неизменно отправляем подобных просителей восвояси. Леди Елизавета иногда выражает желание встретиться с кем-нибудь из своих так называемых

родственников, но мы всегда отговариваем ее от подобного шага. Даже сейчас от представителей семейства Болейн лучше держаться подальше. — Пэрри вскинул мохнатые брови. — Откровенно говоря, чаще всего мы просто не сообщаем ей о приезде очередного дальнего родственника. — Он рассмеялся отрывистым лающим смехом. — Пару раз леди Елизавета узнавала от слуг, что мы прогнали просителей, скрыв это от нее. Миссис Бланш получала хороший нагоняй, а в меня в лучшем случае летела чернильница, а в худшем — пресс-папье. — Пэрри потер щеку, словно она вновь заныла от удара, и продолжил: — Я неизменно наводил справки обо всех этих людях, и почти всегда выяснялось, что они — обычные мошенники. У меня есть барристер, который помогает мне в подобных вопросах. Зовут его Эймерик Копулдейк, и он работает вместе со своим помощником, уроженцем Норфолка по имени Тоби Локвуд.

— Прошлым летом мы с Копулдейком встречались у вас в канцелярии, — напомнил я. — Тогда вы вызвали его по какому-то срочному делу. Правда, мы всего лишь обменялись несколькими словами.

Перед глазами у меня встал тучный, взмокший от пота коротышка, который беспрестанно сетовал на невыносимую жару.

— По моему мнению, Тоби Локвуд куда смысленнее своего патрона, — заметил Пэрри. — Вернувшись в Лондон, вы непременно должны будете встретиться с ними обоими.

— Наверное, леди Елизавете тяжело не иметь близких родственников, — негромко произнес Николас.

Я внимательно посмотрел на него. Этот парень знал, о чем говорил.

— Тем не менее Болейнам нельзя позволять приближаться к леди Елизавете, — отрезал Пэрри. — Это вопрос политики. — Поколебавшись, он добавил: — Миссис Бланш сообщила мне, что леди носит на шее медальон с портретом матери. Какой-нибудь интриган вполне может использовать это обстоятельство, дабы раздуть очередной скандал. — Пэрри испустил тяжкий вздох. — Всего месяц назад, четвертого мая, миссис Бланш сообщила мне о какой-то женщине, проникшей в помещение для прислуги. Эта особа заявила, что якобы является вдовой одного из дальних родственников леди Елизаветы. После смерти мужа землевладелец отнял у нее ферму, и для

нее настали тяжелые времена. Обычно миссис Бланш гонит таких просительниц прочь. Но тут имелись определенные обстоятельства, вследствие которых она решила, что мне следует увидеть эту женщину.

— И что же это за обстоятельства? — уточнил я.

— Прежде всего эта особа выглядела лет на пятьдесят, а в подобные игры, как правило, играют молодые. Волосы у нее почти поседели и были коротко подстрижены — наверняка, чтобы избавиться от вшей. Одея она была почти в лохмотья, но выговор выдавал хорошее воспитание. В общем, она отличалась от всей этой норфолкской швали, и миссис Бланш сочла нужным отвести ее ко мне. — Пэрри сокрушенно покачал головой. — Господи Иисусе, до чего же жалкий вид имела просительница! Похоже, ей действительно пришлось голодать. Щеки у нее ввалились, руки загрибели от холода, а из-под чепца торчали космы грязных волос. Платье на ней было старое, из дешевой грубой холстины.

— Будь эта женщина дворянских кровей, платье ее, пусть старое и поношенное, было бы сшито из хорошей ткани, — вставил Николас.

— Верное замечание, — кивнул Пэрри. — Но повторяю, речь этой дамы свидетельствовала о том, что она получила образование. Она выглядела донельзя измученной и совершенно отчаявшейся. Сказала, что долго не осмеливалась беспокоить нас, ведь в отдаленном родстве с леди Елизаветой она состоит только благодаря замужеству. Но иного выхода у нее не осталось. Все прочие так называемые родственники, оказавшись во дворце, как правило, глазают по сторонам, изумленно открыв рот. Но эта женщина не проявила ни малейшего интереса к обстановке, которая ее окружала. Можно было подумать, что она вообще ничего не замечает. Я предложил ей сесть и рассказать о своих злоключениях. Она так и сделала, и ее история показалась мне вполне правдоподобной. По крайней мере, на первый взгляд, — мрачно добавил Пэрри. — Итак, посетительница сообщила, что ее зовут миссис Эдит Болейн. Вплоть до ноября прошлого года, то есть до той поры, пока не скончался ее супруг, она жила на процветающей ферме, расположенной в пятнадцати милях от Нориджа, поблизости от Бликлинга. Именно оттуда ведет свое происхождение семья Анны Болейн, хотя ныне Болейны, повторяю, разбросаны по всему Норфолку. Ферма, по ее словам, была достаточно большая и приносила неплохой доход. Но после смерти мужа землевладелец отказался продлить с ней

арендный договор. Он решил превратить пахотные земли в пастбища и приказал вдове обратиться через три месяца. — Губы Пэрри тронула сардоническая усмешка. — В общем, произошло именно то, против чего выступают ваши друзья — ревнители всеобщего блага. Подобная участь в равной степени может постичь и бедных, и богатых фермеров.

— Ни детей, ни родственников у этой дамы, как я понимаю, нет? — спросил я.

— Да, по ее словам, детей у нее никогда не было, а родители давно умерли, — сообщил Пэрри, и во взгляде его мелькнуло сочувствие. Горькая участь Эдит Болейн, несомненно, тронула этого невозмутимого прагматичного человека. — Попробуй определи, что здесь правда, а что ложь, — вздохнул мой патрон и погрузился в столь несвойственное ему молчание.

— А эта дама не сказала, в каком именно родстве ее покойный муж состоял с леди Елизаветой? — уточнил я.

— По словам посетительницы, у ее мужа и Анны Болейн был общий прапрадед, — кивнул Пэрри.

Я быстро произвел в уме необходимые вычисления:

— Таким образом, самой Анне он доводился четвероюродным братом, а родство с леди Елизаветой еще более отдаленное.

— Просительница прекрасно представляла, как выглядит родословное древо Болейнов. Нарисовала его мне на клочке бумаги. Родоначальником считается Джеффри Болейн, который в юности приехал из Норфолка покорять столицу и впоследствии стал лорд-мэром Лондона. Кстати, я обратил внимание, что ей трудно держать в руках перо: пальцы скрючены, суставы распухли. Но почерк четкий и красивый, и это доказывает, что женщина и впрямь получила образование. Я заметил, что она не носит обручального кольца, и осведомился о причине этого. Эдит Болейн ответила, что пальцы слишком распухли и кольцо пришлось разрезать и снять, так как оно доставляло невыносимую боль. Я уже склонялся к тому, чтобы ей поверить. — Пэрри вновь вскинул свои мохнатые брови, и в голосе его послышались жесткие нотки. — Но потом решил уточнить кое-какие подробности, и вся ее история рассыпалась в прах.

— Вот как?

— Когда я пожелал узнать имя землевладельца, лишившего миссис Болейн фермы, условия арендного договора, название ближайшего

города и имена соседей, посетительница принялась кормить меня баснями. Спору нет, у этой женщины все было отлично продумано и даже отрепетировано. Но она не приняла в расчет, что благодаря помощи барристера Копулдейка я неплохо разбираюсь в географии Норфолка. Когда я попытался вывести обманщицу на чистую воду, она начала запинаться и путаться в собственных словах. Миссис Бланш и я смотрели на нее с откровенным недоверием, и дамочка поняла, что дальнейшая ложь бесполезна. В конце концов она призналась, что муж ее действительно принадлежал к роду Болейн, а все остальное — выдумки. Сказала, что пришла сюда в надежде получить хоть какое-нибудь место: горничной, помощницы повара — в общем, любое. При этом она покраснела как рак. Я заметил, что пальцы у нее не только распухли, но и покрыты мозолями. Этой женщине, несомненно, был знаком тяжелый труд. — Пэрри пожал своими широкими плечами. — Сами понимаете, после того, что она наплела вначале, дать ей работу в этом доме не представлялось возможным. Я полагаю, кем бы ни была эта просительница, скорее всего, она действительно принадлежит к дворянскому роду. Нынче для нее, как и для многих, настали трудные времена. Но, как вы сами понимаете, это еще не повод для того, чтобы прибегать к обману. Я приказал ей уйти.

— И она безропотно подчинилась?

— Я ожидал, что женщина разразится рыданиями, но она этого не сделала. Лишь побледнела и откинулась на спинку стула. Я попросил миссис Бланш вывести ее прочь. Когда посетительница шла к дверям, я вытащил кошелек — хотел дать ей несколько монет. Но миссис Бланш, заметив это, покачала головой. Она была права: не следует поощрять лжецов и мошенников. Эта дама покинула дом так же, как и вошла в него, — через заднюю дверь. — Несколько мгновений Пэрри хранил молчание, пристально глядя на меня. — После ее ухода я навел справки и выяснил: хотя вся история с фермой — чистой воды выдумка, муж Эдит Болейн действительно приходится родственником леди Елизавете. Именно это обстоятельство, мастер Шардлейк, может породить серьезные неприятности.

— Причина неприятностей — Эдит Болейн? — уточнил я.

— Некоторым образом — да, — невесело усмехнулся мой собеседник. — Оказавшись жертвой самого жестокого и гнусного

убийства, какое только можно вообразить, эта женщина, несомненно, стала для нас источником неприятностей.

— Значит, вы хотите, чтобы я расследовал это убийство? — осведомился я.

— Именно так, — кивнул Пэрри, не сводя с меня глаз.

Прежде мне уже доводилось заниматься подобными расследованиями, всякий раз по просьбе высокопоставленных вельмож. Как правило, приступая к подобным делам, я был охвачен тревогой и сомнениями. Но здесь, в кабинете Пэрри, я неожиданно для себя самого ощутил нечто вроде воодушевления. Бросив искоса взгляд на Николаса, я заметил, что он тоже оживился.

— Так что же случилось с Эдит Болейн? — спросил я.

Управляющий леди Елизаветы открыл один из ящичков своего письменного стола и достал папку, из которой извлек лист бумаги. То были показания свидетелей, снятые в ходе судебного дознания. Я быстро пробежал их глазами.

— Как я уже сказал вам, Эдит Болейн — как выяснилось, это ее настоящее имя — явилась сюда четвертого мая, — произнес Пэрри. — Одиннадцать дней спустя, ранним утром пятнадцатого мая, пастух по имени Эдриан Кемпсли вышел из своей хижины в Бриквелле, деревне, расположенной к югу от Нориджа, намереваясь выгнать на пастбище стадо хозяина. Имя хозяина — Леонард Вайтерингтон; он один из тех, кто не только превращает все поля в своих владениях в пастбища для овец, но и к тому же посягает на общественные земли. Арендаторы, разумеется, не слишком его жалуют, сосед-землевладелец — тоже.

— Как я уже заметил, норфолкские джентльмены постоянно с кем-то воюют: или с арендаторами, или с соседями, — кивнул я.

— Лет десять назад, когда был уничтожен большой монастырь неподалеку, Вайтерингтон и его сосед приобрели значительные участки монастырской земли. Как видно, в документах монастыря границы между этими участками не были обозначены достаточно четко. В результате мастер Вайтерингтон стал претендовать на изрядный кусок, принадлежавший его соседу. — Пэрри вновь вскинул брови. — Соседа этого зовут Джон Болейн, он является мужем Эдит и, вопреки ее заверениям, отнюдь не умер. Впрочем, вполне вероятно, через месяц он расстанется с жизнью, болтаясь на виселице в Норидже.

— Ее муж жив?! — удивленно выпалил Николас. — Зачем же она тогда вообще приходила сюда?

— Терпение, юноша! — вскинул руку Пэрри. — Из показаний Эдриана Кемпсли, которые лежат перед вами, следует, что овечье стадо Вайтерингтона паслось в просторной долине, которую пересекает ручей, представляющий собой естественную границу между владениями Вайтерингтона и Джона Болейна. Хотя, как я уже сказал, граница эта являлась предметом их споров.

— С тех пор как монастырские земли начали распродаваться, подобным спорам не видно конца, — вставил я. — Старинные документы зачастую не способны внести ясность, а планы выцвели или вовсе утрачены.

— Так оно и есть, — согласился мой патрон. — Весна выдалась дождливой, и полноводный ручей размыл берега, превратив их в жидкую грязь. Кемпсли заметил, что у ручья что-то белеет. Еще не вполне рассвело, и поначалу он решил, что это овца, завязшая в грязи. Подойдя ближе, старик испытал потрясение, которого не испытывал никогда прежде. — Помолчав несколько мгновений, Пэрри произнес: — Я уже предупреждал вас: подробности этого дела ужасающи и отвратительны. Так вот, Кемпсли увидел в воде вовсе не овцу, а обнаженное тело Эдит Болейн. Бедняжку сунули в ручей головой вниз, так что голова ее и верхняя часть туловища были скрыты под водой. Ноги ее торчали в воздухе в разные стороны, открывая небесам самые сокровенные части тела.

Повисло молчание.

— Тот, кто так поступил с этой женщиной, явно питал к ней сильнейшую ненависть, — наконец произнес я. — Что послужило причиной смерти?

— Причина смерти очевидна, — ответил Пэрри. — Погибшую ударили по голове чем-то тяжелым. Вытащив ее из ручья, Кемпсли увидел, что макушка несчастной разбита вдребезги. Скорее всего, тело утопили в ручье накануне ночью. Тем не менее официально Эдит Болейн мертва вот уже два года.

Николас, который вел записи, положив лист бумаги на деревянную дощечку у себя на коленях, от неожиданности тряхнул пером и поставил здоровенную кляксу.

— Что?!

— Именно так отреагировал и я сам, когда барристер Копулдейк впервые сообщил мне об этом обстоятельстве, — печально усмехнулся Пэрри и вытащил из папки еще один листок с показаниями. — Согласно утверждению Джона Болейна, его жена Эдит, мать двоих его сыновей, бесследно пропала еще в тысяча пятьсот сороковом году, то есть девять лет назад. По его словам, они с женой не особенно ладили, однако ее исчезновение было абсолютно неожиданным. Она внезапно ушла из дома зимой, не взяв с собой никаких вещей. Джон Болейн искал супругу у родственников — вопреки утверждениям посетительницы, у нее имелись родственники, — расспрашивал слуг и соседей. Но никто не видел миссис Болейн и ничего не знал о постигшей ее участи. С тех пор Эдит как сквозь землю провалилась. Два года назад, то есть через семь лет после исчезновения жены, мастер Болейн обратился к коронеру с просьбой официально признать Эдит умершей. Прошение его было удовлетворено, и он вступил в новый брак с женщиной, с которой сожительствовал уже несколько лет, возбуждая всеобщее осуждение.

— Как правило, в случае исчезновения одного из супругов проводится тщательное расследование, — заметил я.

— Расследование было проведено. Местный коронер — человек честный и добросовестный. Он выяснил, что за семь лет, прошедших с момента исчезновения Эдит, о ней и впрямь не было ни слуху ни духу. Во время расследования возник вопрос о том, не страдала ли она расстройством рассудка. Все в один голос твердили, что Эдит была женщиной со странностями, да к тому же отличалась угрюмым нравом. По словам Джона Болейна, иногда его супруга длительное время отказывалась от пищи, доводя себя до полного истощения. Кстати, когда она пришла сюда, вид у нее тоже был совершенно измороженный, но я решил, причина в том, что в дороге ей пришлось голодать.

— Значит, девять лет эту даму никто в глаза не видел и вдруг она появилась здесь?

— Именно так. Кстати, Джон Болейн, несомненно, завел шашни со своей нынешней женой еще до того, как прежняя загадочным образом пропала. Слухи об этом, разумеется, дошли до Эдит. По словам Болейна, задолго до исчезновения она впала в глубокую меланхолию и вновь принялась морить себя голодом. — Рассказчик испустил тяжкий вздох. — По мнению coronera, Эдит, скорее всего, покончила жизнь

самоубийством, бросившись в реку. Тело ее было унесено течением, а потому не найдено.

— Если Джон Болейн девять лет назад уже состоял в связи с другой женщиной, а жена, узнав об этом, всячески ему досаждала, у него имелась веская причина убить ее, — предположил я.

Пэрри кивнул в знак согласия.

— В тысяча пятьсот сороковом году, когда Эдит исчезла, так считали многие. Но никаких улик против Джона Болейна не имелось, да и тело тоже найдено не было. Год спустя Джон Болейн поселил свою любовницу, женщину по имени... — Пэрри бросил взгляд в записи, — Изабелла Хит, в своем доме, и с тех пор они стали сожительствовать совершенно открыто. Представьте себе, прежде эта молодая особа работала служанкой в таверне. Разумеется, местные дворяне были скандализированы, разговорам о том, что на подобные выходы способны только представители этого распутного семейства, не было конца. Подозрения относительно того, что Джон Болейн сам разделался со своей женой, так никогда полностью и не утихли. Не так давно, как я уже сказал, у него завязался земельный спор с соседом, Леонардом Вайтерингтоном, причем дело дошло до рукоприкладства. По слухам, сейчас у него трудности с деньгами — ему принадлежит несколько поместий, но недавно Болейн приобрел роскошный дом в Лондоне, а подобная покупка ему не по средствам.

— Как я понимаю, жена Болейна вовсе не умерла, а просто ушла от него? — вставил Николас.

— Судя по всему, дело обстояло именно так, — развел руками Пэрри. — Одному Богу известно, где она пропала целых девять лет. Все, что мы знаем: Эдит внезапно появилась у нас во дворце, а потом, менее двух недель спустя, была зверски убита.

— Об этом убийстве вам сообщил барристер Копулдейк? — спросил я.

— Да, а сам он узнал о нем от своего помощника, живущего в Норидже, Тоби Локвуда. Копулдейк решил поставить меня в известность, так как после визита Эдит Болейн в Хатфилд я наводил о ней справки.

— Джона Болейна арестовали?

— Да. На следующий день после того, как тело Эдит было опознано ее отцом.

— Быстрая работа, — изрек Николас.

— Когда речь идет о расследовании убийства, медлить никак нельзя, — пояснил я. — Если виновный — или хотя бы подозреваемый — не будет найден в течение нескольких дней, след, что называется, остынет. — Я повернулся к Пэрри. — Против Болейна есть какие-нибудь улики?

— Да, и достаточно веские. В грязи на берегу ручья остались следы больших тяжелых ботинок, подметки которых подбиты гвоздями. Джон Болейн — крупный мужчина, и во время обыска, произведенного в его поместье, на конюшне были обнаружены именно такие ботинки, облепленные грязью. Кстати, лошадь, которая стоит в этой конюшне, обладает столь бешеным нравом, что никто, кроме хозяина, не осмеливается к ней приближаться. Там же, в стойле, был найден тяжелый молоток, перепачканный кровью, с прилипшими волосами.

Николас метнул на меня вопросительный взгляд.

— Кто-нибудь мог подбросить все это в конюшню, желая скомпрометировать Болейна, — предположил он.

Управляющий леди Елизаветы извлек из папки еще один документ:

— Согласно донесению коронера, ключи от конюшни имелись только у самого Болейна да еще у слабоумного мальчишки-конюха. Однако, полагаю, представ перед судом присяжных в Норидже, Болейн будет настаивать на своей невинности. Суд, кстати, должен состояться в этом месяце, ведь выездная сессия уже началась.

— Да, — кивнул я. — Насколько мне известно, из-за недавних беспорядков в стране летнюю сессию сперва хотели отложить, но лорд-канцлер Рич не пошел на это. Судьям, как обычно, придется отправиться в путешествие по всей стране, дабы вершить справедливость.

— Барак ведь тоже там будет? — спросил Николас.

— Да, нынче ему как раз предстоит работать в Норфолке. В прошлом году он принимал участие в заседаниях окружного суда.

— Кто такой этот Барак? — осведомился Пэрри.

— Мой бывший помощник. Ныне он служит в суде и участвует в летних и зимних выездных судебных сессиях, которые проводятся неподалеку от Лондона, — пояснил я. — Думаю, сейчас слушания проходят в Бакингемшире, а потом судьи отправятся в Восточную Англию.

— Суд присяжных в Норидже начнет свою работу восемнадцатого июня, — сообщил Пэрри. — Меньше чем через две недели. Ваш Барак может быть нам полезен?

— Возможно, он согласится предоставить нам необходимые сведения, — осторожно ответил я. — Этот человек работал со мной в течение нескольких лет, и, ручаюсь, он заслуживает доверия.

— Тогда поговорите с ним, — кивнул Пэрри. — Только ни в коем случае не упоминайте о визите Эдит Болейн в Хатфилд.

— Разумеется, — пожал я плечами. — Несомненно, вероятность того, что Болейн будет признан виновным, весьма высока. Нельзя отрицать, что у него имелся мотив для убийства, — появление законной жены, где-то пропадавшей целых девять лет, вряд ли его обрадовало, особенно если учесть, что он успел жениться вновь. Но полагаю, реши он расправиться с Эдит, он проделал бы это тайно и сумел бы избавиться от тела. Выставить труп на всеобщее обозрение — необъяснимое безрассудство с его стороны. Не будь найдено тело, не было бы и никакого расследования, никто не узнал бы, что все эти годы Эдит была жива, а значит, новый брак Болейна недействителен. Как человек в здравом уме мог совершить подобную глупость?

— Возможно, увидев перед собой воскресшую покойницу, он был так взбешен, что от ярости у него помутился рассудок, — возразил Пэрри. — Но согласен, не исключено, что кто-то намеренно пытается свалить вину на Болейна. Как я уже сказал, этот человек отнюдь не пользуется симпатиями местных жителей. Сами понимаете, как важно это обстоятельство для суда присяжных.

— А что известно о его семье? — спросил я. — О его второй супруге? О детях? Насколько я понял, от брака с Эдит у него были дети?

— Новая его жена, насколько я понимаю, предпочитает лишний раз не высовываться из дому. От брака с Эдит у Джона Болейна родились мальчики-близнецы, сейчас им около восемнадцати лет, — сообщил Пэрри. — Власти Норфолка, судя по всему, не сомневаются, что Болейн будет признан виновным и земли его отойдут в казну, — добавил гофмейстер, нахмурившись. — Он достаточно богат, чтобы его поместья казались королевским чиновникам лакомым кусочком. Я попросил Копулдейка встретиться с адвокатом Болейна и дать ему совет приструнить не в меру ретивых претендентов на чужие земли.

Пусть напоминает всем и каждому: дело находится на рассмотрении суда и исход его еще не решен. Пока вина Болейна не доказана, он считается невиновным. А значит, его поместья остаются неприкосновенными до тех пор, пока он не будет осужден — если только это вообще случится.

— Да, конечно.

— Обязанность надзирать за королевскими владениями в Норфолке возложена на Генри Майна, а верховный феодал здесь — сама леди Мария, — проворчал Пэрри. — Оба имеют доверенных лиц среди местных чиновников. Поместьями леди Марии в Норфолке управляет Ричард Саутвелл, а представителем Майна является Джон Фловердью. Скверная парочка! Возможно, вы знакомы с Фловердью, Шардлейк? Он сержант юриспруденции, как и вы. Но главная его забота — присвоить как можно больше норфолкских земель.

— Нет, мы с ним никогда не встречались.

— Что касается Саутвелла, то это правая рука леди Марии. — Пэрри вновь вскинул брови. — Таким образом, это проклятое дело касается и ее тоже. Я не удивлюсь, если она пожелает выйти замуж за Саутвелла.

— Насколько я понял, убийство Эдит Болейн, равно как и тот факт, что в нем обвинили ее мужа, получили самую широкую огласку, — заметил я. — Из вашего рассказа следует, что в Норфолке уже ходят самые разнообразные слухи на сей счет.

— Увы, так оно и есть. Но слухи эти — сушая ерунда в сравнении с тем скандалом, который разразится в случае, если Болейн будет признан виновным и отправлен на виселицу. Фамилия, которую он носит, жуткие подробности преступления... Все это настоящий подарок для сочинителей памфлетов! Уж конечно, бумагомараки не преминут разнести самые кошмарные версии этой истории от Лондона до Нортумберленда. — Голос Пэрри стал глухим от ярости. — Чушь, которой полны нынешние газеты, доводит меня до отчаяния. Поборники идей всеобщего благоденствия предают анафеме богатых, приверженцы Кальвина пугают скорым концом света и адским пламенем, безумные пророки пичкают всех своими измышлениями, а распутники делятся собственным ценным опытом. Про клевету уж и говорить нечего! Поневоле пожалеешь о том, что кто-то додумался изобрести этот чертов печатный станок.

Повисло молчание, которое нарушил Николас.

— А как вы думаете, сэр, мастер Болейн действительно виновен? — обратился он к Пэрри.

Тот метнул в него сердитый взгляд:

— Господи Иисусе, юноша, откуда же мне знать, виновен он или нет? Я понятия об этом не имею. По словам Локвуда, помощника Копулдейка, который посетил обвиняемого в тюрьме Нориджа, вид у Болейна был печальный и подавленный. Это все, что мне известно.

Я пристально взглянул на патрона:

— Вы уверены, что никто не знает о визите Эдит Болейн в Хатфилд? Я имею в виду, за исключением вас и миссис Бланш?

— Уверен. Слуги, которые видели Эдит, наверняка приняли ее за очередную нищенку, явившуюся просить милостыню. Кроме нас двоих, никто не знает ее имени. И не узнает, — с нажимом добавил он. — Эта гнусная история не должна бросить тень на леди Елизавету.

— Значит, вы хотите отправить нас в Норфолк? — спросил я.

Пэрри испустил длинный сокрушенный вздох:

— Поверьте, я отнюдь не испытываю подобного желания. Но мне пришлось известить леди Елизавету о произошедшем убийстве — до нее в любом случае дошли бы сплетни. Поначалу она решила, что мы должны сообщить властям, что Эдит Болейн побывала здесь. Возможно, сказала леди Елизавета, это даст следствию зацепку. Определив, откуда Эдит пришла сюда, легче будет выяснить, где эта женщина провела последние девять лет.

— Леди Елизавета совершенно права, — кивнул я. — Строго говоря, если любой человек, которому известно, что Эдит Болейн побывала здесь незадолго до смерти, скроет это обстоятельство, то подобное молчание может быть расценено как лжесвидетельство.

Пэрри недовольно взглянул на меня.

— Мне удалось убедить леди Елизавету, что миссис Эдит состоит с ней в родстве столь отдаленном, что нам вряд ли стоит проявлять к этой истории особое внимание. Сейчас, когда едва-едва улеглась шумиха вокруг дела Сеймура, новый скандал, да еще связанный с убийством, нужен нам меньше всего. Миссис Бланш, разумеется, поддержала меня. Слава богу, леди Елизавета трезво смотрит на вещи. Она вняла нашим доводам и согласилась, что нам лучше молчать, предоставив следствию идти своим чередом. — Подавшись вперед, Пэрри медленно

отчеканил: — За пределами этой комнаты — никаких упоминаний о визите Эдит Болейн в Хатфилд. Запомните это хорошенько.

— Да, конечно.

Про себя я порадовался, что мы с Николасом в качестве адвокатов имеем законное право утаить любую информацию, которую клиент желает сохранить в тайне.

— Так или иначе, леди Елизавета поставила нам два условия, — продолжал Пэрри. — Первое: в Норфолк следует отправить ее законного представителя, который будет пристально наблюдать за ходом событий. Подчеркну: главная задача этого представителя — убедиться в том, что с Джоном Болейном поступят по всей справедливости закона. Леди Елизавета решила, что, учитывая ваш богатый опыт по части подобных расследований, никто не справится с этой задачей лучше.

— Так как дело будет рассматриваться в уголовном суде, Болейну придется обойтись без адвоката, — заметил я. — Считается, что для того, чтобы обвинить человека в убийстве, суд должен опираться исключительно на неопровержимые факты, а значит, в адвокате нет необходимости. Полная бессмыслица, однако это так.

— Да, ерунда невероятная, — подхватил Николас. — Когда я начал изучать законы, то долго не мог поверить, что такое правило действительно существует.

— Что до меня, то я очень этому рад, — изрек Пэрри. — В противном случае леди Елизавета непременно захотела бы, чтобы вы, Мэтью, представляли интересы Болейна в суде. А это нам совершенно ни к чему. Вы ограничьтесь тем, что расследуете все обстоятельства дела и, возможно, сумеете направить представителей власти на верный путь. Кстати, я сказал леди Елизавете, что мы вполне можем поручить это Копулдейку, но она настояла на том, чтобы пригласить именно вас.

— А если в ходе моего расследования всплывут обстоятельства, подтверждающие вину Джона Болейна?

— Что ж, тогда с этим человеком придется поступить по всей строгости закона, — прищурившись, процедил Пэрри. — Но будет лучше, мастер Шардлейк, если вы не выявите подобных обстоятельств. Не нужно раскачивать лодку, в которой мы все плывем.

Я счел за благо увести разговор в сторону от этой скользкой темы:

— Вы сказали, леди Елизавета поставила еще одно условие?

— Да, хотя я до сих пор не оставил попыток переубедить ее. Надеюсь, — он устало покачал головой, — выполнять это условие не будет необходимости. Вот в чем оно состоит. Если вам удастся обнаружить факты, подтверждающие невиновность Болейна, а суд тем не менее признает его виновным, вы должны будете подать королю просьбу о помиловании.

Я тяжело вздохнул. Король обладал властью, позволяющей отменить даже смертный приговор. Богатые люди, осужденные на казнь, обычно давали взятку кому-либо из высокопоставленных придворных, имеющих влияние на короля. Но ныне, учитывая юный возраст нашего монарха, королевская милость означала милость лорда-протектора, с которым леди Елизавета находилась далеко в не лучших отношениях.

— Понимаю, почему подобное условие вас тревожит, мастер Пэрри.

— Леди Елизавета полагает, что если просьба о помиловании будет исходить от нее, то король рассмотрит ее лично. Но Эдуард, разумеется, и пальцем не пошевелит. Он очень привязан к сестре, однако это ровным счетом ничего не значит. С сестрой они видятся редко, и он находится под сильнейшим влиянием Сеймуров. То есть семьи, которая, как мы все прекрасно помним, заняла место Болейнов. — Пэрри вновь вперил в меня пронзительный взгляд. — Как я уже сказал, леди Елизавета обладает здравомыслием и осмотрительностью, но, когда речь заходит о покойной матери, ее сердце одерживает верх над разумом. В конце концов, ей всего пятнадцать лет. Помогите мне избежать шума вокруг этого дела, Мэтью. Ради леди Елизаветы. Будет ли Болейн призван виновным или нет, зависит от различных обстоятельств. В любом случае просьба о помиловании нам совершенно ни к чему.

— Разумеется, — кивнул я. — Насколько я понял, ваш барристер Копулдейк и его помощник могут оказать мне содействие в сборе нужных сведений?

— Да. Сейчас оба в Лондоне, но вы можете встретиться с ними, когда вернетесь. Кстати, его помощник отправится с вами в Норфолк. Полагаю, этого юнца, — Пэрри кивнул в сторону Николаса, — вы тоже возьмете с собой. Когда будете говорить о нашем деле со своим другом Баракком, тщательно взвешивайте каждое слово. Остановиться я вам

советую в Норидже. Поместье Болейна находится всего в двенадцати милях оттуда.

Я быстро произвел в уме вычисления. Сегодня шестое июня. Мне придется вернуться в Лондон, поговорить с Копулдейком и Локвудом и поспешно подготовиться к путешествию в Норфолк, которое займет дня три-четыре. Конечно, до крайности неудобно возвращаться в Лондон, в то время как Хатфилд находится на пути в Норфолк. Ну да ничего не попишешь.

— Я буду на месте примерно через неделю, — сообщил я. — До начала выездной сессии суда останется всего несколько дней, так что времени на расследование у нас совсем немного.

— Ну, что успеете сделать, то и успеете, — уклончиво заметил Пэрри.

«Не исключено, что он намеренно тянул время, не сразу сообщив леди Елизавете об убийстве Эдит Болейн, — пронеслось у меня в голове. — Чем короче будет расследование, тем меньше вероятность, что в ходе его всплывут факты, чреватые серьезными неприятностями».

— Мастер Пэрри, вы разрешите мне снять копии со всех этих документов? — спросил я. — Мне бы не хотелось обращаться за ними в городской суд Нориджа.

— Да, конечно, ваш помощник может заняться копиями, пока вы будете у леди Елизаветы. Она ждет вас прямо сейчас. Миссис Бланш проводит вас к ней.

Пэрри взял со стола колокольчик и позвонил. Вошел слуга, которому он приказал позвать миссис Бланш.

— Там, в коридоре, есть скамья, присядьте и подождите миссис Бланш, — обратился он ко мне. — Мастера Овертона она проводит в комнату, где тот сможет снять с документов копии.

Пэрри встал и пожал мне руку. Взгляд его был серьезен, как никогда.

— Не забывайте, Мэтью, хотя леди Елизавета прошла суровую школу, научившую ее выдержке и осмотрительности, она еще очень молода и порой забывает о своих собственных интересах. Занимаясь этим делом, не проявляйте излишнего пыла. Поговорите со свидетелями, вызовите их на откровенность, как вы это умеете. Посетите заседание выездной сессии. Сообщайте мне обо всем, что вам удастся узнать. Но повторяю: особо не усердствуйте.

Глава 3

Скамья, на которую указал нам Пэрри, находилась у окна, откуда открывался вид на довольно затейливый и ухоженный висячий сад. Хотя уже началось лето, на клумбах все еще цвели нарциссы.

— Нарцисс — это ведь символ Уэльса, верно? — спросил Николас. — Наверное, они радуют сердце мастера Пэрри.

— В последнее время у него было столько неприятностей, что даже малая толика радости окажется нелишней, — ответил я, понизив голос так, чтобы не услышал никто из спящих по коридору слуг. — Сначала предательство Сеймура, потом это убийство.

— Честно говоря, я так толком и не понял, чего он хочет от нас, — признался Николас. — Мы должны проследить, чтобы правосудие свершилось должным образом?

— По-моему, мой патрон недвусмысленно намекнул, что нам не стоит слишком глубоко вникать в это дело. По крайней мере, мне так показалось.

— Значит, торжество справедливости нас волновать не должно?

— Конечно должно. Но мы с тобой прекрасно знаем: решения суда порой бывают непредсказуемы.

— Леди Елизавета наверняка хочет, чтобы мы сделали все, что в наших силах.

Я впери́л в Николаса пристальный взгляд:

— Насколько я понимаю, мастер Пэрри тебе не особенно понравился?

— Он слишком скользкий. Как и всякий вельможа, который занимается большой политикой.

— Пэрри — верный и надежный человек, — возразил я. — Полагаю, подобные качества заслуживают уважения. Леди Елизавета, несмотря на свою юность, — его госпожа и повелительница. Он должен ей повиноваться и в то же время удерживать ее от опрометчивых шагов.

— А что будет, если в Норфолке мы выясним, что Джон Болейн ни в чем не виноват?

— Мы сообщим властям о фактах, подтверждающих его невиновность. Но к чему загадывать наперед? Пока дело известно нам

лишь в самых общих чертах.

— Расследовать дело об убийстве куда занятнее, чем возиться с земельными тяжбами, правда? — ухмыльнулся Николас.

— Чистая правда, — кивнул я. — Вижу, мой юный друг, ты уже вошел во вкус.

— Честно говоря, я рад возможности на какое-то время уехать из Лондона, — признался Николас.

— В последнее время я тоже ощущал, что бумажная канитель в конторе мне порядком приелась, — признался я. — А сейчас нас ожидает нечто... интригующее. К тому же предстоящее расследование не угрожает нам ни малейшей опасностью. По крайней мере, мне хочется на это надеяться.

На несколько мгновений в душе моей ожили воспоминания обо всех тех ужасах, которые мне пришлось пережить, когда я оказался вовлеченным в противостояние самых могущественных людей в королевстве. Но это дело совсем другого уровня, тут же успокоил я себя; оно не предполагает участия столь грозных и могущественных сил. К тому же мне действительно необходимы перемены.

— Как я уже сказал мастеру Пэрри, времени у нас будет немного, — обратился я к Николасу. — До Нориджа путь неблизкий.

— По крайней мере сейчас в стране все более или менее спокойно.

— Насколько я помню, начиная с ближайшего воскресенья во всех церквях будут использовать новую «Книгу общих молитв». Многим прихожанам это придется не по душе.

— У вас ведь есть такая книга? — взглянул на меня Николас.

— Да, я приобрел ее еще в марте, когда она только что вышла из печати. — Помолчав несколько мгновений, я добавил: — Наконец-то у нас появились церковные песнопения и псалмы на английском языке. Должен сказать, перевод с латыни, сделанный Кранмером, выше всяких похвал.

— А во время новой службы священник и правда не будет говорить, что хлеб и вино силой Святого Духа претворяются в тело и кровь Христову?

— Нет, так далеко новая книга не заходит, — покачал я головой. — О таинстве евхаристии там говорится весьма расплывчато, и, я так понимаю, подобная неопределенность входила в намерения Кранмера. Полагаю, и сам епископ, и лорд-протектор Сомерсет действительно

склоняются к тому, о чем ты говорил, но не осмеливаются проповедовать подобные взгляды публично — по крайней мере, пока. Поэтому они пошли на компромисс, который, как им кажется, удовлетворит всех.

— Те есть каждый человек может относиться к причастию так, как считает нужным?

— Именно. Но ревнителям религиозных традиций подобный подход, несомненно, не понравится. Они ратуют за возвращение прежней мессы, по латинскому обряду.

— Вы хотите сказать, вскоре снова могут вспыхнуть волнения, на сей раз на религиозной почве?

— В последние два года людям пришлось смириться с такими вещами, что раньше и представить себе было невозможно. Из церквей исчезли все иконы, статуи и витражи, часовни закрыты. Но «Книга общих молитв» на английском — это нововведение, которое многим может показаться чрезмерным.

Несколько мгновений мы оба молчали. В противоположность многим молодым людям, впадавшим в религиозных вопросах в крайности, Николас отличался весьма импонировавшими мне терпимостью и отсутствием предубеждений. Что касается меня самого, некогда пылкого приверженца Реформации, то в настоящее время я едва ли мог сказать, в чем состоят мои религиозные убеждения.

— А как вы думаете, Томас Сеймур действительно... э-э-э... строил брачные планы насчет леди Елизаветы? — сменил тему разговора Николас.

— Думаю, даже он не настолько глуп, чтобы питать на этот счет хоть какие-то надежды. Но тише, здесь не место для подобных разговоров.

До слуха моего долетело звяканье ключей, и мгновение спустя из-за угла появилась миссис Бланш со сложенными на животе руками. Указав Николасу комнату, где он мог заняться снятием копий, она приказала мне следовать за ней.

Леди Елизавета сидела за огромным письменным столом, на котором были разложены книги и бумаги. В отличие от своего брата-короля и от старшей сестры Марии, в настоящее время наследницы престола, Елизавета не имела права восседать под балдахинем,

украшенным государственными гербами. На ней было черное платье, на голове французский чепец, из-под которого падали на плечи длинные темно-рыжие волосы, распущенные, как это и полагалось девице.

«Любопытно, — подумал я, — неужели она все еще носит траур по Екатерине Парр? Или же эта юная девушка одевается в черное в знак своей приверженности к протестантским идеям скромности и умеренности, которыми проникнута вся обстановка Хатфилда?»

Удлиненный овал лица леди Елизавета унаследовала от матери, а маленький рот и нос с горбинкой — от отца; все это делало ее внешность выразительной и запоминающейся, хотя она и не была красавицей в полном смысле этого слова. Квадратный вырез платья позволял увидеть высокую грудь почти взрослой девушки, но при этом леди Елизавета была худенькая и бледная, а под карими ее глазами лежали темные круги. Когда я вошел, она внимательно читала какой-то документ, длинные ее пальцы нервно вертели гусиное перо.

— Сержант Шардлейк, миледи, — провозгласила Бланш, и я согнулся в глубоком поклоне.

Бланш, вставшая у стола Елизаветы, не спускала с меня глаз; можно было не сомневаться: каждое слово нашей беседы будет передано Пэрри.

Несколько мгновений леди Елизавета изучающе смотрела на меня.

— Сержант Шардлейк, с тех пор как мы виделись в последний раз, прошло немало времени, — произнесла она своим чистым голосом, и на лицо ее набежала тень. — При нашей последней встрече вы выразили мне соболезнования по поводу кончины вдовствующей королевы.

— Да. То был печальный день.

— Весьма печальный. — Леди Елизавета отложила перо и негромко сказала: — Я знаю, вы верой и правдой служили этой благородной даме. Я тоже любила ее. Искренне любила, что бы там ни говорили по этому поводу. — Она испустила вздох. — Если мне не изменяет память, первая наша встреча состоялась четыре года назад? Вы тогда посетили вдовствующую королеву, которая попросила вас обсудить со мной один вопрос.

— Совершенно верно, миледи.

— Помню, я спросила у вас, каждый ли человек заслуживает, чтобы с ним поступали по справедливости, — с улыбкой изрекла леди Елизавета. — И вы ответили, что абсолютно каждый, даже самый худший из людей.

— У вас превосходная память, миледи.

Елизавета милостиво кивнула, давая понять, что слова мои ей приятны. Она и прежде любила выказывать свой ум и память. И осведомилась:

— Успешно ли продвигается приобретение земель на те деньги, что оставил мне покойный отец?

— Теперь, когда ваша сестра выбрала земли, которыми желает владеть, дело пошло значительно быстрее.

— О да, Мария всегда отстаивала свое первенство. Посмотрим, как ей понравится новая «Книга общих молитв». Теперь ей придется прогнать прочь всех своих капелланов-папистов. — Елизавета не без злорадства улыбнулась, а потом сделала жест рукой, словно бы отменяя эту тему прочь, и вновь опустилась на стул. — Сержант Шардлейк, я знаю, вы всегда были поборником правосудия и справедливости. Я знаю также, что вы умеете вытаскивать наружу тайны, которые скрываются в укромных углах. Позволю себе предположить, это занятие кажется вам куда более увлекательным, чем составление документов о праве собственности на землю.

— По мере того как я становлюсь старше, миледи, мне все больше нравится спокойная работа с бумагами. По крайней мере, я готов посвятить ей бóльшую часть времени, — вставил я.

— Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала в отношении одного из моих родственников и его несчастной погибшей жены. Надеюсь, вы поможете правосудию свершиться, — произнесла леди Елизавета. — Мастер Пэрри расскажет вам об ужасающих подробностях этого преступления.

— Он уже сделал это. Миледи, насколько я понял, вы хотите, чтобы, отправившись в Норфолк, — я говорил медленно, тщательно подбирая слова, — я ознакомился бы там со всеми обстоятельствами дела и удостоверился, что мастер Болейн не стал жертвой судебной ошибки?

— Да, именно так. Мастеру Пэрри и Бланш не следовало прогонять прочь эту бедную женщину. — Дочь Генриха бросила

укоряющий взгляд на Бланш, и я с удивлением увидел, как эта надменная дама залилась краской. Голос Елизаветы несколько смягчился. — О, конечно, я знаю, они стремились оградить меня от возможных неприятностей. Эти двое постоянно боятся нового скандала и того, что я стану мишенью для клеветы и сплетен. Так или иначе, я хочу, чтобы вы расследовали это дело самым тщательным образом. В разговоре с вами Пэрри наверняка упомянул о своем помощнике барристере Копулдейке.

— Насколько я понял, в Норфолке сей джентльмен является глазами и ушами мастера Пэрри.

— Он предложил мне поручить расследование Копулдейку. Но скажу откровенно, я не слишком высокого мнения об этом адвокате. Надутый дурак, и ничего больше. Не сомневаюсь, вы гораздо лучше справитесь с весьма деликатным поручением.

— Постараюсь оправдать столь лестное для меня доверие, миледи.

— Мастер Пэрри предупредил вас, что вы должны отправиться в Норфолк безотлагательно?

— О да, предупредил.

— Полагаю, он будет рад, если вы не сумеете узнать ничего нового. — В голосе леди Елизаветы послышались жесткие нотки. — Но помните, сержант Шардлейк, если вы обнаружите обстоятельства и факты, способные повлиять на исход этого дела, вы обязаны сообщить их суду в Норидже. И разумеется, поставить в известность меня. — Елизавета вновь перевела взгляд на миссис Бланш. — Я сообщу мастеру Пэрри, что намерена лично просматривать все ваши донесения.

— Миледи, я сделаю все, что в моих силах, — заверил я собеседницу и, поколебавшись мгновение, добавил: — Однако нельзя исключать вероятность того, что мастер Болейн действительно виновен.

— В любом случае: пусть свершится правосудие, — отчеканила Елизавета. — Если вина этого человека будет доказана, он понесет заслуженную кару. Но если вдруг мастер Болейн будет признан виновным, а вы обнаружите факты, свидетельствующие о том, что это отвратительное преступление совершил не он, то я подам королю, моему брату, просьбу о помиловании. Прежде чем вы покинете Хатфилд, я дам вам прошение, скрепленное моей печатью. В случае необходимости вы вручите его суду. — Метнув строгий взгляд на Бланш, она продолжила: — Насколько мне известно, мастер Пэрри

хочет, чтобы вас сопровождал помощник барристера Копулдейка. Я слышала, что при всей своей неотесанности человек этот не лишен деловой сметки. К тому же с вами будет ваш собственный помощник, тот долговязый малый, который сопровождал вас сюда. Я видела из окна, как вы приехали, и мне показалось, что этот молодой человек заслуживает доверия.

— Я всецело доверяю мастеру Овертону, — кивнул я.

А про себя отметил: «Удивительно, как члены разрозненной королевской семьи поднаторели в искусстве наблюдать из окон и делать выводы на основании одной лишь наружности».

— Превосходно. — Елизавета на секунду опустила веки, и я понял, что эта юная девушка изнурена и измучена донельзя. — Мастер Пэрри снабдит вас копиями всех документов, имеющих касательство к этому делу, — добавила она.

— В настоящий момент мастер Овертон как раз занят снятием копий. Не сомневайтесь, миледи, я сделаю все возможное, чтобы справедливость восторжествовала и на этот раз.

Леди Елизавета кивнула. Несколько мгновений она сидела, погрузившись в задумчивость, а потом произнесла с грустной улыбкой:

— Вы ведь никогда не были женаты, сержант Шардлейк?

— Нет, миледи.

— А почему? — спросила она, и в голосе ее прозвучал неподдельный интерес.

— Видите ли, у меня... имеется некоторый физический изъян, который изрядно понижает мои шансы на брачном рынке, — в замешательстве пробормотал я.

— О, какие глупости! — возразила она, махнув рукой. — Я знаю нескольких горбунов, которые выглядят намного хуже вас, но при этом счастливо женаты.

У меня перехватило дыхание. Прежде никто не осмеливался затрагивать этот вопрос со столь бесцеремонной прямотой. Миссис Бланш предостерегающе кашлянула, однако Елизавета даже бровью не повела. Взгляд ее карих глаз встретился с моим.

— Возможно, в сердечных делах у меня чрезмерно высокие амбиции, — ответил я с натужным смехом. — Несколько раз я проникался нежными чувствами к женщинам, чье положение было значительно выше моего.

Сказав это, я незамедлительно пожалел о своих словах, ибо одной из этих женщин являлась Екатерина Парр. Понять, догадалась ли об этом Елизавета, не представлялось возможным, ибо лицо ее оставалось непроницаемым.

— Ныне, когда я состарился и голову мою убелили седины, мне уже поздно думать о браке, — смиренно добавил я.

Вопреки моим ожиданиям леди Елизавета не попыталась уверить меня в обратном; она кивнула, и выражение ее лица стало жестким и суровым.

— Для себя я твердо решила, что никогда не выйду замуж, — произнесла она.

— Миледи... — начала было Бланш.

Но Елизавета повелительным жестом заставила ее замолчать:

— Я говорю об этом во всеуслышание, дабы мое намерение ни для кого не осталось тайной.

— Однако, миледи, со временем ваше мнение на сей счет может измениться... — осторожно вставил я.

— Оно останется неизменным, — отчеканила Елизавета; лицо ее по-прежнему казалось невозмутимым, но в голосе звучала решительность. — Я хочу, чтобы мое желание избежать брачных уз стало известно всем. Таким образом, будет положен конец заговорам, цель которых — поставить меня перед алтарем с мужчиной, для которого этот брак является лишь ходом в политической игре. — Взгляд Елизаветы по-прежнему был устремлен на меня. — Я знаю, какое значение может иметь брачный союз с женщиной, принадлежащей к королевской семье. Я видела, какая участь постигла Екатерину Парр. Наблюдала, как паписты пытались очернить ее в глазах моего отца и преуспели в своих намерениях. Впрочем, вы осведомлены об этом не хуже меня. А потом еще этот брак с Томасом Сеймуром! — К бледным щекам леди Елизаветы прилила кровь. — Он женился на ней ради своих политических выгод, не питал к ней должного уважения, и она прокляла его на смертном одре.

— Миледи! — Голос миссис Бланш звучал тревожно и требовательно, но Елизавета даже не удостоила ее взглядом.

— Сначала любовь, потом замужество, затем предательство и, наконец, смерть. Вот что случилось с Екатериной Парр, — изрекла она и добавила едва слышно: — Равно как и с ее предшественницей.

Поняв, что она говорит о своей матери, я опустил глаза. Леди Елизавете не следовало вести со мной подобные беседы. Словно бы прочтя мои мысли, она сказала с печальной улыбкой:

— Я знаю, что могу всецело доверять вам, сержант Шардлейк. С нашей первой встречи я поняла, что вы человек надежный, а мне пришлось убедиться на собственном горьком опыте, как редко встречается в людях это качество. Я не сомневаюсь, что вы и на этот раз не обманете моего доверия и вновь сделаете все, чтобы справедливость восторжествовала. Убийца этой несчастной женщины, которая напрасно надеялась на мою помощь, должен получить по заслугам. Кем бы он ни оказался.

Глава 4

Пока Николас занимался снятием копий, мне разрешили прогуляться по дворцовому саду. Небо сегодня было безоблачно-голубым, и, шагая по тропинке между деревьями, я поверил, что лето наконец-то вступило в свои права. В небольшой рощице я увидел лань, щипавшую листву с ветвей. Рядом стояли двое ее крошечных детенышей, неуверенно переступавшие на шатких ножках. Я замер и не двигался до тех пор, пока семейство не скрылось в зарослях. Вспомнив о предстоящем мне утомительном путешествии в Лондон, я невольно вздохнул.

Мы двинулись в путь вскоре после полудня; ночевать нам предстояло на постоялом дворе в Ветстоуне, где для нас были заказаны комнаты. Фоуберри, которому мастер Пэрри поручил проводить нас, вывел из конюшни лошадей. Выехав на дорогу, я обернулся и бросил взгляд на залитые солнцем окна дворца. Возможно, у одного из этих окон стоит и смотрит нам вслед леди Елизавета, пронеслось в голове.

Проехав несколько миль, я ощутил, что спина и ноги у меня начали ныть. То ли еще будет во время поездки в Норфолк, подумал я; в течение последних лет мне не доводилось совершать столь длительного путешествия. Можно не сомневаться, чувствовать я себя буду отнюдь не лучшим образом. Оставалось пожалеть, что в последнее время я пренебрегал физическими упражнениями, которым меня научил Гай. Как бы мне хотелось, вернувшись в Лондон, узнать, что моему другу стало лучше. Хотя мне предстояло множество хлопот, я пообещал себе непременно найти время, чтобы навестить его.

Дорога на Лондон ныне была еще менее оживленной, чем когда мы ехали в сторону Хатфилда. Нам не попалось ни одного всадника, да и вообще не встретилось ни единого человека до тех пор, пока Николас, подъехав ко мне вплотную, не произнес тихонько:

— Посмотрите-ка, кто это там?

И действительно, впереди на дороге расположилась небольшая группа, человек десять, одетых в лохмотья. Среди них я разглядел всего одну женщину с двумя детьми, в большинстве же своем то были мужчины; один, в потрепанном солдатском мундире с белым крестом на спине, привлек мое особое внимание. Некоторые путники опирались

на палки; никакого другого оружия у них не имелось, за исключением ножей, висевших на поясе.

— Может, это они прошлой ночью зажгли костер в полях и констебль прогнал их прочь? — предположил Николас.

— Не исключено, — кивнул я. — Сейчас на дорогах полно бродяг. Так или иначе, эти люди вряд ли представляют для нас опасность.

— Все равно давайте-ка побыстрее их объедем. И вообще, почему они расселись посреди дороги? Так не положено.

— Наверное, они хотят немного отдохнуть, а по обеим сторонам тут изгороди, — объяснил я, но Николас, не дослушав, пришпорил лошадь и устремился вперед.

— Прочь с дороги! — крикнул он.

Мне оставалось лишь следовать за ним. Проезжая мимо бродяг, я успел разглядеть угрюмые лица, покрасневшие и огрубевшие от жизни на открытом воздухе, всклокоченные бороды, нечесанные волосы. Вскоре маленькая группа осталась позади.

Постоялый двор в Ветстоуне, подобно тому, где мы ночевали в Хатфилде, давал приют путникам, путешествующим по Большой Северной дороге. Нас разместили со всеми возможными удобствами. Поужинали мы в общем зале, вместе с другими постояльцами. В отличие от Хатфилда, здесь никто не знал ни наших имен, ни рода занятий. Мы устроились за столом у окна, длинные июньские вечера позволяли обходиться без свечей. Прежде чем отправиться ужинать, я провел около часа за чтением документов, которые Николас переписал своим четким секретарским почерком. За едой мы, приглушив голоса, обсуждали содержащиеся там сведения, и при этом оба тщательно следили за тем, чтобы не упоминать о визите Эдит Болейн в Хатфилд.

Бумаг, оказавшихся в нашем распоряжении, было не так много. Вынесенный коронером вердикт об убийстве, случившемся пятнадцатого мая. Предъявленное Джону Болейну обвинение в убийстве его супруги Эдит. Протокол допроса, во время которого Джон заявил о своей невинности. Отчет коронера и, наконец, самый ужасный для Джона документ — отчет о проведенном в его усадьбе обыске, в ходе которого в конюшне были обнаружены облепленные грязью ботинки и перепачканный кровью молоток с прилипшими к нему волосами. Имелись также показания пастуха, нашедшего тело, и

показания новой жены Болейна, заявившей, что в тот вечер супруг ее находился дома. Однако женщина не могла поклясться в том, что он никуда не отлучался, ибо практически не видела его. Более двух часов Болейн провел в своем кабинете, сообщив предварительно, что хочет просмотреть земельные акты и прочие официальные документы и просит его не беспокоить. Тяжба с соседом Вайтерингтоном чрезвычайно тревожила его.

— Любопытное совпадение, — заметил я. — Предметом спора являются границы земельных владений. А труп был обнаружен в ручье, представляющем собой естественную границу между поместьями. Возможно, тот, кто принес туда убитую, хотел привлечь внимание не только к Болейну, но и к тяжке. Но кому это могло понадобиться? — Я задумчиво покачал головой. — Разгадка дела кроется именно в этом обстоятельстве: тело было оставлено в ручье, причем в весьма непристойной позе. Отчасти это снимает подозрения с Болейна — будь он убийцей, наверняка дал бы себе труд закопать жену. По всей вероятности, тот, кто поступил с трупом подобным образом, хотел максимально унижить убитую женщину. Другого объяснения я не нахожу.

— У новой супруги Болейна имелись веские причины ненавидеть прежнюю, — вставил Николас.

— Кстати, она более не считается его женой. Поскольку выяснилось, что все это время Эдит была жива, то и постановление о признании ее умершей недействительно. Следовательно, недействителен и новый брак Болейна. Позволю себе предположить: если бы убийство было делом рук этой дамы, она тоже постаралась бы спрятать тело как можно надежнее.

— Почему-то здесь отсутствуют показания сыновей Болейна и Эдит, — заметил Николас после минутного раздумья. — Насколько я помню, это близнецы лет восемнадцати?

— Да. Возможно, их не было дома. Вряд ли они могли сообщить нечто достойное внимания. Мать бросила их — по причинам, которые пока остаются неясными, — когда они были совсем маленькими. Много лет спустя ее тело было найдено в неподобающем виде. Любопытно, в каких отношениях эти юнцы находятся со своей мачехой? — Я откинулся на спинку стула. — Надеюсь, завтра,

встретившись с адвокатом Копулдейком, мы узнаем значительно больше.

— Когда вы намерены отправиться в Норфолк?

— Думаю, в понедельник. Не волнуйся, наша договоренность насчет обеда в субботу по-прежнему в силе, и ты сможешь увидеться с несравненной мисс Кензи, — добавил я с улыбкой. — Но затем тебя ожидает приблизительно двухнедельная разлука с этой очаровательной особой. Все наши прочие дела остаются в ведении Скелли. Честно говоря, предстоящая поездка не внушает мне особого энтузиазма, — вздохнул я. — Длительные переезды верхом стали для меня утомительны. К тому же придется нанять другую лошадь. Бедняга Бытие стал слишком стар. Как, впрочем, и его хозяин. Для такого путешествия нужен молодой выносливый конь. Твой-то мерин вполне сгодится.

— Да, Ланцелот — настоящий зверь, — с довольным видом кивнул Николас.

Два месяца назад он приобрел крепкого молодого мерина, потратив, как я подозревал, на эту покупку все свои сбережения. Мгновение поколебавшись, Николас пристально посмотрел на меня и спросил:

— Сэр, вас тревожит только необходимость совершить долгий переезд верхом?

— Не вижу других причин для беспокойства. Более того, я рад возможности сменить обстановку. Мне необходимо время от времени давать своим мозгам серьезную работу, иначе они начинают ржать. — Пальцы мои непроизвольно сжались в кулак. — Так что, несмотря на жуткие подробности преступления, я уже предвкушаю расследование.

— Возможно, нам предстоит иметь дело с убийцей.

— Ну да, для начала побеседуем с Джоном Болейном, — кивнул я.

— А если убийца не он?

— Тогда мы постараемся открыть правду, и тебе надлежит внимательно следить, чтобы какой-нибудь злоумышленник не огрел меня молотком по голове, — усмехнулся я. Взглянув на Овертона, я добавил более серьезным тоном: — Если, конечно, ты не боишься впутываться в подобную передрагу.

— Вы же знаете, я не робкого десятка. К тому же большая политика тут ни при чем. Значит, нам не придется сталкиваться с

государственными мужами, способными прихлопнуть человека как муху.

— Поверь, я искренне сожалею, что по моей милости тебе довелось познакомиться с подобными людьми слишком близко. Однако на сей раз влезать в политические игры у нас нет необходимости, хотя мы и действуем в интересах леди Елизаветы. Надо сказать, в настоящий момент она не играет особенно важной роли на политической сцене.

— Не следует забывать, что земельные тяжбы порой тоже приводят к самым жестоким последствиям, — заметил Николас.

— Это точно. Нам, законникам, земельные тяжбы дают возможность заработать на хлеб с маслом. Но далеко не все землевладельцы стремятся разрешить свои споры законным путем. По словам Пэрри, Болейн и его сосед отнюдь не стремились договориться мирно.

Николас взял с тарелки кусок хлеба и принялся вертеть его в своих длинных пальцах. На лице юноши застыло задумчивое и печальное выражение.

— Мой отец... — начал он и тут же осекся.

— Так что же?

— Пять лет назад у него тоже возник спор с соседом. Как и отец, тот обладал правом пасти овец на общинных землях. Так вот, мой батюшка — а надо сказать, что зачинщиком был именно он, — начал его теснить. Овец-то много, лугов на всех не хватает. Тогда сосед обратился в суд. Но мой папаша дал судье на лапу, и тот подтвердил, что пастбище огорожено на законных основаниях.

— Сосед мог обратиться в высшие инстанции и оспорить это решение...

— Сами знаете, на это ушло бы пропасть времени. А овцы не могут ждать, им надо пастись каждый день. Тогда сосед вместе с бедными арендаторами, которых отец тоже потеснил, прогнали наше стадо прочь. Сказали, если мы вновь сунемся туда со своими овцами, они переколотят их дубинками. Папаша хотел было нанять нескольких головорезов, чтобы разобраться с ними, но тут вмешался местный мировой судья. Он возбудил дело против отца и заявил, что не допустит подобных стычек в своем округе. — Меж бровей Николаса залегли глубокие складки. — Отец сразу сбавил обороты. Он бывает очень жесток, но ссориться с мировым судьей в его планы никак не

входило. — Ник невесело усмехнулся и стряхнул с пальцев прилипшие хлебные крошки.

Мне впервые пришло в голову, что моему молодому другу выпала нелегкая участь — быть единственным сыном жестокосердного человека, думающего только о своей выгоде.

— Папаша, как вы понимаете, был в ярости, — продолжал Овертон. — Без конца твердил, что его вынудили уступить жалкому деревенскому сброду, а это унижительно для его чести.

— Ну, положим, честь тут ни при чем, — вставил я.

— Вот именно. Честь — это благородное поведение, достойные отношения между джентльменами и признание разумных порядков, существующих в обществе. Но в одном отец прав: нашему соседу не следовало опускаться до того, чтобы якшаться с простолюдинами и привлекать их на свою сторону.

— Из твоего рассказа я понял, что бедные арендаторы защищали не столько соседа-помещика, сколько свои собственные интересы, которые тоже были ущемлены, — заметил я.

— Да, у этих людей есть определенные права, но они должны знать свое место, — опустив голову, проронил Николас. — Впрочем, все эти стычки уже в прошлом.

— Полагаю, в Норфолке нам вновь придется с головой окунуться в земельные споры.

— Но по крайней мере, я буду смотреть на них исключительно с точки зрения закона. — И Николас разразился смехом, слишком горьким для столь молодого человека. Сполоснув руки в чаше с водой, стоявшей на столе, он вытер их салфеткой и заключил: — Думаю, мне лучше отправиться спать. Завтра нас ожидает трудный день.

Когда я вышел из трактира на воздух, показавшийся мне удивительно прозрачным и свежим, было еще светло. Деревня Ветстоун состояла всего из нескольких домов, разбросанных вдоль дороги, да еще старой церкви. Двери церкви были открыты, и я отправился туда, отворил калитку, ведущую на церковное кладбище, и прошел между могилами.

Войдя в церковь, я увидел какого-то человека, белившего одну из стен; фигуры ангелов в ярких одеяниях исчезали под слоем извести. Все прочие стены были уже побелены. Согласно предписанию

архиепископа Кранмера, витражи, прежде украшавшие окна, были заменены простыми стеклами. Иконостас исчез, алтарь стоял открытым. На одной из стен готическим шрифтом были выведены Десять заповедей; статуи и картины уступили место Слову Божию, хотя прихожане в большинстве своем наверняка были неграмотными.

Усевшись в одно из кресел, предназначенных для пожилых прихожан, я принялся наблюдать за работой маляра. Мне вспомнилось, с каким пылом я в молодые годы выступал против мертвящей обрядности и чрезмерной пышности католической церкви. Но я помнил также, как в детстве, проведенном в деревне, в серые и унылые зимние месяцы я по воскресеньям входил в церковь и сердце мое замирало от радости при виде окружавшей меня красоты. Яркие, красочные настенные росписи, запах ладана, благозвучное пение — настоящее пиршество для всех органов чувств. Даже непонятные латинские тексты внушали мне благоговейный трепет. Что ж, став взрослым, я сам утверждал, что вся эта мишура лишь отдаляет от истинной веры. Я получил, что хотел, и ныне церковь кажется мне холодной, безрадостной и унылой.

Маляр закончил свою работу и принялся мыть кисти в ведре с водой. Увидев меня, он подпрыгнул от неожиданности, сдернул с головы шапку и низко поклонился. Как видно, моя черная мантия внушила ему уважение.

— Простите, сэръ, я вас не заметил, — пробормотал он, приближаясь.

На вид ему было лет пятьдесят, лицо изборождено морщинами и запачкано краской.

— Вы работаете допоздна, приятель, — заметил я с улыбкой.

— Да, — кивнул он. — И завтра придется начинать ни свет ни заря. Наш новый викарий хочет, чтобы к воскресенью все было готово. В воскресенье он первый раз будет служить по новой книге.

— Вы проделали большую работу.

— Надо признать, мне за нее неплохо платят, хотя... — Маляр осекся и устремил на меня взгляд светло-голубых глаз. Первое смущение прошло, и теперь он не испытывал ни малейшей неловкости, разговаривая с джентльменом. — В некотором смысле мне платят моими собственными деньгами. Точнее, деньгами моих предков.

— Это как же?

— Видите ли, за эту работу платят из церковного фонда. Ну то есть из тех денег, которые мы получили, продав старинное серебро — после того, как нам строго-настрого приказали убрать его из церкви прочь. Был здесь один серебряный подсвечник, резной, ужас до чего красивый. Когда-то его подарил церкви мой прадед, с тем условием, чтобы в подсвечнике вечно горела свеча за упокой его души. — Работник окинул взглядом пустые ниши, а потом, словно спохватившись, понурил голову и пробормотал: — Я знаю, мы должны выполнять приказы короля Эдуарда столь же неукоснительно, как и приказы покойного короля Генриха. Простите, если мои слова показались вам дерзкими.

— Перемены зачастую даются нам нелегко, — вполголоса произнес я.

— У вас какое-то дело к нашему викарию, сэр?

Мой собеседник явно был обеспокоен тем, что пустился в излишнюю откровенность.

— Нет, я всего лишь путешественник, которому захотелось осмотреть церковь.

Во взгляде маляра вспыхнуло откровенное облегчение.

— Простите, сэр, но я должен запереть ее на ночь.

Я послушно вышел наружу. Шум, произведенный закрываемой дверью, отдался внутри гулким эхом.

Возвращаться на постоянный двор у меня не было ни малейшего желания; увидев на церковном дворе деревянную скамью, я опустился на нее, чтобы полюбоваться закатом. Наверняка старый король Генрих не одобрил бы того, что творится сейчас, размышлял я. Но вся власть в государстве ныне принадлежит герцогу Сомерсету и архиепископу Кранмеру, а они увлекают Англию по пути континентальных религиозных радикалов, подобных Цвингли и Кальвину. Хотя, разумеется, у нынешних реформ было немало сторонников, особенно в Лондоне, где в некоторых церквях алтарь был заменен простым столом. К тому же в течение последних шестнадцати лет все религиозные реформы проводились по решению властей, и одобрение народа никого не волновало. Мне вспомнилась тревога, вспыхнувшая в глазах маляра после того, как он рассказал мне про подсвечник. Мой бывший помощник Джек Барак, неисправимый циник, с равным

пренебрежением относился и к церковным консерваторам, и к радикалам. «Катились бы они все к дьяволу», — заявил он, когда пару недель назад мы встретились, чтобы пропустить по стаканчику; для этого мы выбрали таверну поблизости от Тауэра, где нам вряд ли встретились бы знакомые его жены Тамазин.

Вспомнив о ней, я сокрушенно покачал головой. Я был свидетелем того, как Тамми познакомилась со своим будущим мужем, а потом в течение нескольких лет мы оставались добрыми друзьями. Когда молодые супруги потеряли первенца, я скорбел вместе с ними; когда у них родился второй ребенок, разделял их радость. Но вот уже три года, как Тамазин стала моим непримиримым врагом. На память мне пришла та жуткая ночь, когда она узнала, что ее муж получил тяжкое увечье и жизнь его висит на волоске; разумеется, она обвиняла во всем меня, ведь это я за спиной жены вовлек Барака в чрезвычайно опасную авантюру. Вспомнив, как Тамми, потрясая кулаками, с искаженным от ярости лицом, кричала: «Убирайтесь прочь и больше никогда к нам не приходите!» — я невольно затряс головой, отгоняя кошмарную картину. Конечно, отчасти я признавал свою вину, хотя Барак решительно утверждал, что, будучи взрослым мужчиной, сам несет ответственность за собственные поступки.

После того как Джек, лишившийся правой руки выше локтя, полностью поправился, Гай смастерил ему протез, крепившийся к предплечью на ремешках. Протез заканчивался металлической пластинкой, к которой был приделан короткий нож. Благодаря этому протезу Барак смог переносить кое-какие вещи под мышкой; приспособившись, он стал даже ездить верхом. Нож он использовал за столом, а также для того, чтобы управляться с ящиками и задвижками; разумеется, на опасных лондонских улицах нож этот тоже отнюдь не был лишним. Выглядела искусственная рука до крайности неуклюже, но Барак, орудуя ею, проявлял редкостную сноровку. Более того, к моему великому удивлению, он выучился писать левой рукой. Почерк у него был не слишком красивый, но чрезвычайно разборчивый.

Так как Тамазин запретила мужу иметь дело со мной, Бараку пришлось общаться с солиситорами — как уважаемыми, так и не очень, — которые подыскивали дела для барристеров, состоявших в юридической корпорации. С работой у него проблем не было, ибо, будучи моим помощником, он завоевал себе прекрасную репутацию.

Ныне он сотрудничал с несколькими солиситорами, собирал улики, находил свидетелей и снимал показания, действуя, вне всякого сомнения, безотказным методом угроз и подкупов. Кроме того, Бараку удалось получить место младшего помощника судьи, и ныне он дважды в год участвовал в выездных сессиях, во время которых рассматривались гражданские и уголовные дела; в задачу подобных сессий входило также удостовериться, что магистраты неукоснительно выполняют распоряжения лорда-протектора. Обязанности Барака, помимо возни с бумагами, заключались в том, чтобы должным образом настроить присяжных и вытянуть показания из неговорчивых свидетелей. Нередко ему приходилось шататься по тавернам и прислушиваться к разговорам местных завсегдатаев, дабы узнать, какие настроения царят в том или ином городе. Барак участвовал в двух последних сессиях, которые проходили в Лондоне и в ближайших к нему графствах, а также в Норфолкской выездной сессии, проделав путь от Бакингемшира до Восточной Англии. Каждая сессия продолжалась около месяца; несмотря на то что подобная работа хорошо оплачивалась, Джек отказался участвовать в сессиях, проходящих в удаленных частях страны, так как Тамазин было отнюдь не по душе, когда супруг ее разлучался с семьей на долгое время. Предполагаю также, что вследствие увечья длительные путешествия верхом были для него слишком утомительны. Мой друг никогда не жаловался, однако, встречаясь с ним, я замечал, как он порой морщится от боли.

Помню, во время одной из наших недавних встреч Барак сказал, что работа на выездных судебных сессиях перестала ему нравиться. По его словам, местные жители испытывают страх перед облаченными в кроваво-красные мантии судьями, которые прибывают в город со всей возможной торжественностью и помпезностью.

— Уголовные процессы проходят самым неподобающим образом, — сетовал он. — Судьи ведут дело так, что у присяжных нет возможности усомниться в виновности подсудимого. С каждым разом мы отправляем на виселицу все больше и больше людей. Причина — распоряжение, что получено сверху.

— От кого? — уточнил я. — От канцлера Рича?

— Полагаю, от лорда-протектора и окружающих его оголтелых кальвинистов, желающих вырвать ростки греха с корнем.

— Когда лорд-протектор упразднил прежний Закон о государственной измене, он обещал, что впредь будет действовать более мягко и теперь настанут иные времена.

Барак сплюнул на стружки, покрывающие пол таверны.

— Как говорится, мягко стелет, да жестко спат! — усмехнулся он. — Епископ Гардинер в тюрьме, каждый, кто осмелился проповедовать, не имея на то особого распоряжения правительства, объявляется преступником. Странные у протектора представления о мягкости.

— А кто из судей будет участвовать в Норфолкской сессии этим летом?

— Рейнберд и Катчет.

— Остерегайся Рейнберда, — посоветовал я. — Он производит впечатление добродушного апатичного старикана, но на самом деле хитер и зорек, как кошка.

— Мне уже доводилось работать вместе с Катчетом, — сообщил Барак. — Он умен, но холоден и непроницаем, как камень. К тому же горячий сторонник Кальвина. Полагаю, городским палачам скучать не придется.

Солнце почти скрылось за линией горизонта; я встал со скамьи, морщась от боли в затекшей спине и ногах. Сумерки быстро сгущались, так что я едва различал тропинку.

«Если в Норфолке я увижусь с Баракком и об этом станет известно Тамазин, она, чего доброго, сочтет себя оскорбленной. Но если мы, старые друзья, в кои-то веки действительно встретимся в зале суда, то не можем же мы сделать вид, что незнакомы, — размышлял я, ощущая, как душу мою наполняет горечь. — И почему, собирая необходимые сведения, я не могу обратиться за помощью к Баракку? Никто не обладает лучшим нюхом на улики и факты, чем он».

Я невольно чертыхнулся, запнувшись о выступающий корень дуба. Внимательно глядя под ноги, я вышел из церковного двора на улицу и побрел назад, ориентируясь на освещенные окна трактира.

Глава 5

Хотя постоянный двор в Ветстоуне мы покинули ранним утром, добраться до Лондона нам удалось лишь после полудня, ибо примерно в двух милях от города дорогу преградила вереница огромных повозок, груженных новехонькими кирпичами; каждую повозку тащило восемь лошадей-тяжеловозов. На желто-красных ливреях возниц красовались гербы лорда-протектора; нам ничего не оставалось, кроме как черепашим шагом тащиться вслед за телегами, оставлявшими на дороге глубокие борозды.

— Экая пропасть кирпичей требуется для дворца протектора, — угрюмо заметил Николас.

— Да, похоже, для того чтобы построить Эдуарду Сеймуру новый дворец, придется продать половину Лондона, — подхватил я.

Став лордом-протектором, герцог Сомерсет принялся возводить для себя новый дворец на Стрэнде; для этого ему пришлось не только снести множество старых домов, но и уничтожить часть древнего склепа собора Святого Павла. Останки выдающихся жителей Лондона были погружены на телеги и вывезены в Финсбери-филд, где и выброшены вместе со всяким мусором.

— Я слышал, он заказал два миллиона кирпичей, чтобы перестроить обветшалый фамильный дворец в Уилтшире, — заметил Николас. — Его ведь называют Волчьим логовом, верно?

— Нет, Волчьим замком. И за все это заплачено из казны, ныне совершенно опустевшей.

У Болотных ворот нам пришлось остановиться, выжидая, пока проедут все повозки. Я заметил на стене листок, на котором было напечатано новое постановление, подписанное королем; из него следовало, что отныне городские ворота будут закрыты в темное время суток, а город станут патрулировать отряды ночной стражи.

— Судя по всему, ожидается, что воскресная церковная служба станет причиной очередных беспорядков, — предположил Николас. — Хотя жители Лондона в большинстве своем протестанты.

— Не все, — возразил я.

Этой весной атмосфера в городе была напряженной, памфлеты против папы римского и традиционной мессы по латинскому обряду

появлялись один за другим. На представления пьес и интермедий был наложен запрет, после наступления темноты простолюдины и молодежь не должны были появляться на улицах. Волнения, вспыхнувшие в сельской местности в мае, и буйные выходки солдат, расквартированных в Лондоне в ожидании отправки на войну с Шотландией, добавили властям немало хлопот.

Наконец последняя повозка прошла через городские ворота; при этом она так резко накренилась, что едва не раздавила стражника, который, побледнев, отскочил в сторону.

— Поехали, — скомандовал я.

Для того чтобы оказаться в моем доме на Канцлер-лейн, нам пришлось пересечь Чипсайд. Город, по обыкновению, был шумным и многолюдным; подмастерья в синих фартуках, ремесленники в кожаных и холщовых куртках, торговки в чепцах и передниках создавали густую толпу, сквозь которую с усилием проталкивались вооруженные джентльмены, за которыми следовали слуги. Сидя в седле, я скользил взглядом по окружавшим меня лицам, исхудалым и встревоженным. Наступило самое тяжелое время года: прошлогодние запасы подходят к концу, до нового урожая еще далеко, а цены неумолимо растут. Нищие, закутанные в рваные одеяла, жались у дверей домов; больше всего их было вокруг Чипсайдского креста. Пытаясь поймать взгляды прохожих, они умоляли о сострадании.

— Думаю, тебе стоит заехать ко мне, умыться и переодеться, — сказал я Николасу. — А потом вместе отправимся к Копулдейку. Наверняка он сейчас в своей конторе в Линкольнс-Инн, а это, слава богу, поблизости. После того как мы с ним побеседуем, можешь отправляться к себе домой.

Мы миновали собор Святого Павла, въехали в Ньюгейтские ворота и оказались на Канцлер-лейн. Дома я первым делом велел своему управляющему Джону Гудколу разобрать багаж, позаботиться о лошадях и принести нам воды для умывания. Сам же я незамедлительно отправился в спальню, где растянулся на кровати, чтобы дать отдых спине. Снизу до меня доносились знакомые звуки и топот шагов. Четыре года назад скончалась моя домоправительница Джоан; первого управляющего, которого я принял на ее место, мне

пришлось уволить, ибо он непозволительно пренебрегал своими обязанностями; вскоре подобная участь постигла и второго. Два года назад на службу ко мне поступили Джон Гудкол, его жена и их двенадцатилетняя дочь; прежний их хозяин, адвокат, недавно умер. У него была большая семья, и, оказавшись в жилище холостяка, Гудколы смогли вздохнуть свободнее. За домом они следили добросовестно и, будучи слаженным семейным трио, понимали друг друга с полуслова, не допуская ни малейших промахов. Правда, в Линкольнс-Инн ходили слухи, что Гудколы являются приверженцами прежней религии, но я предпочитал закрывать на это глаза.

В дверь спальни постучали. Я вскочил и крикнул: «Войдите!» В дверях появился Джон Гудкол с тазом для умывания. Надо было привести себя в пристойный вид. К тому же я хотел попросить Джона нанять мне для предстоящего путешествия в Норфолк крепкую молодую лошадь.

Контора Эймерика Копулдейка находилась на углу Линкольнс-Инн-сквер. С большинством своих коллег-барристеров я был в той или иной степени знаком, но с Копулдейком, как и сообщил Пэрри, мне довелось встретиться лишь однажды. Так как дела требовали его постоянного присутствия в Норфолке, в Линкольнс-Инн этот человек бывал не часто. При виде нас с Николасом он не проявил особой радости, однако пригласил войти.

Копулдейку, приземистому тучному коротышке, несомненно, уже перевалило за пятьдесят; на лице его, украшенном крючковатым носом и пухлым двойным подбородком, застыло суетливое и недовольное выражение. Предложив нам сесть, он махнул в сторону стройного молодого человека в аккуратном сером дублете, сидевшего за столом у окна:

— Мой помощник Тоби Локвуд.

Локвуд встал, поклонился и вновь опустился на стул. Волосы у него были черные, густые и кудрявые; борода, обрамлявшая круглое плосконосое лицо, по части густоты не уступала шевелюре; голубые глаза светились умом. Я вспомнил, что, по мнению Пэрри, помощник отличается куда большей сметливостью, чем его патрон.

— Мастер Пэрри впутал нас в чрезвычайно неприятное дело, — произнес Копулдейк, откинувшись на спинку стула, и в голосе его

послышалось откровенное раздражение. — У меня не было ни малейшего желания заниматься этим расследованием, но мастер Пэрри настаивал. Что ж, мы с вами прекрасно понимаем: в данном случае он выполняет волю своей госпожи. Но я рад иметь такого помощника, как вы, сержант Шардлейк, и особенно рад тому, что благодаря вам у меня самого есть возможность остаться в Лондоне. Ни одно из дел, которыми я занимаюсь, не будет рассматриваться на летней выездной сессии, — добавил он. — Поверьте, будучи жителем Норфолка, я прекрасно осведомлен, насколько там беспокойная обстановка. — Копулдейк прищурил глаза. — Вскоре по поручению лорда-протектора в Норфолке должно начаться расследование, связанное с противозаконными огораживаниями земель под пастбища. Несомненно, норфолкские крестьяне примутся с пылом отстаивать свои права, уповая на то, что закон одинаков для всех. Я предпочитаю держаться от подобных распрей подальше. Вы, конечно, дело иное. Насколько мне известно, вы работали в Палате прошений, а значит, у вас имеется изрядный опыт общения с простолюдинами, — не без скрытого сарказма добавил он.

Слова его задели меня за живое, однако Копулдейк явно не стоил того, чтобы затевать с ним спор. Пропустив его колкость мимо ушей, я произнес:

— Я дал согласие расследовать дело мастера Болейна, и, следовательно, мне предстоит отправиться в Восточную Англию. От вас, сэр, мне необходимо получить письменное подтверждение того, что я являюсь вашим доверенным лицом.

— Да, я уже подготовил это подтверждение! Тоби! — Копулдейк высокомерно кивнул своему помощнику, и бородатый молодой человек протянул мне документ.

— Благодарю вас. — Я пробежал бумагу глазами. — Насколько я могу судить, брат Копулдейк, все в полном порядке. Не хватает только вашей подписи.

— С превеликим удовольствием ее поставлю!

Хозяин кабинета взял документ и снабдил его подписью с затейливым росчерком. Возвращая мне бумагу, он не удержался от вздоха облегчения.

Я повернулся к Локвуду:

— Если я не ошибаюсь, вам предстоит поехать с нами?

— Да, сэр, — негромко произнес молодой человек.

Если Копулдейк говорил без малейшего акцента, то речь его помощника выдавала в нем уроженца севера.

— Мастер Пэрри сказал, что вы хорошо знаете Норфолк, — заметил я.

— О, Тоби знает Норфолк как свои пять пальцев! — воскликнул Копулдейк прежде, чем Локвуд успел ответить. — Провел там полжизни, выполняя мои поручения. У его отца есть небольшая ферма, но выделить наделы своим сыновьям он не в состоянии. Поэтому Тоби решил изучать закон, и я взял его под свое крыло, — снисходительно пояснил он и повернулся к Николасу. — А вы, молодой человек, тоже будете сопровождать своего патрона?

— Да, сэр.

— Судя по вашей короткой мантии, вы еще не успели стать членом коллегии адвокатов.

— Надеюсь стать им в самом скором времени, мастер Копулдейк, — ответил Овертон, и в голосе его послышалась легкая досада.

— Мы собираемся покинуть Лондон в понедельник, — сообщил я. — Мастер Пэрри ввел нас в курс дела, которое нам предстоит расследовать. Но вероятно, вы и мастер Локвуд сообщите нам какие-либо важные подробности. — Я повернулся к молодому человеку. — Насколько я понял, вы посещали Джона Болейна в тюрьме?

Локвуд бросил вопросительный взгляд на своего патрона, который едва заметно кивнул. И ответил:

— Да, на прошлой неделе я был у него в тюрьме, где его будут держать до суда. Не слишком приятное место, сэр, можете мне поверить. И мастер Болейн совсем скис. Случившееся так потрясло его, что у него, похоже, малость ум зашел за разум...

— Тоби! — рявкнул Копулдейк. — Сколько раз я предупреждал, чтобы вы не смели употреблять в этой конторе всякие норфолкские выражения и присказки!

— Простите, сэр, — пробормотал Локвуд. Несмотря на виноватый тон, во взгляде его сверкнула злоба. — В общем, я хотел сказать, что мастер Болейн очень расстроен. Трясется как осиновый лист. Без конца твердит, что ни в чем не виноват. И очень беспокоится за свою жену. Я сообщил ему, что гофмейстер леди Елизаветы заинтересовался этим

делом и поручил законнику, поднаторевшему в расследовании убийств, разобраться, что к чему. Если вы позволите мне высказать свое мнение... — Он вновь посмотрел на Копулдейка, который пожал плечами и махнул рукой. — Так вот, сэр, я полагаю: человек, у которого хватило жестокости не только убить свою жену, но и надругаться над ее телом, вряд ли бы так разнюнился, оказавшись в тюрьме.

— Но может, это всего лишь ловкое притворство, — вставил Николас.

— Вряд ли, сэр.

— Вы были у него дома? — спросил я.

— Да, сэр, по его просьбе. Мастер Болейн живет в прекрасном старинном особняке. Правда, почти все слуги разбежались, узнав, что хозяин арестован. Я видел его вторую жену и двух сыновей от первого брака. Бедная миссис Болейн, на нее больно смотреть. По ее словам, соседи шарахаются от нее, как от зачумленной.

— Эту женщину теперь не стоит называть «миссис Болейн», — поправил Копулдейк. — Появление Эдит Болейн, хотя она и была вскорости убита, делает второй брак ее мужа незаконным. Как девичья фамилия той женщины?

— Хит, — ответил Локвуд. — Ее зовут Изабелла Хит.

— Прежде она была служанкой в таверне «Белый олень», которая находится в Норидже, — сообщил Копулдейк, сопроводив свои слова коротким лающим смехом. — Неудивительно, что у соседей глаза на лоб полезли, когда Болейн через год после исчезновения законной супруги поселил эту девицу в своем доме, а потом и вовсе не придумал ничего лучше, чем на ней жениться. Если называть вещи своими именами, она была самой настоящей шлюхой.

Локвуд, никак не отреагировав на это заявление, негромко продолжал:

— Как видно, многие соседи уверены, что Изабелла причастна к убийству Эдит Болейн. Как и у Джона Болейна, у нее имелся веский повод избавиться от ожившей покойницы. Но, как и у самого Болейна, у нее не было ни малейшей причины глумиться над телом.

— Судя по тому, что нам известно, убийство, похоже, совершил кто-то третий, — заметил Николас. — И этот третий ненавидел Эдит Болейн всеми фибрами души.

— Возможно, столь же сильно он ненавидит Джона Болейна и Изабеллу, — добавил я.

— Когда я сказал Изабелле, что вскоре из Лондона приедет адвокат и займется расследованием, она немного воспрянула духом, — пояснил Локвуд. — Хотя бедная женщина, конечно, не представляет, какая участь ее ожидает, если муж будет осужден. Возможно, год за годом на нее станут вешать всех собак — прошу прощения, я хотел сказать, ее будут преследовать сплетни и наговоры, — добавил Локвуд, и я различил в его голосе тщательно скрываемое раздражение. Метнув взгляд на Копулдейка, он продолжил: — Судя по тому, что мне удалось узнать, с мужем она жила в мире и согласии.

— А с близнецами вы тоже говорили? — осведомился я. — С сыновьями Эдит?

— Парочка мерзких испорченных сопляков! — вмешался Копулдейк, сердито сверкнув глазами. — Росли они как сорная трава под забором, потому что ни один учитель не мог справиться с этими молодчиками! Как-то раз, когда я проезжал мимо их дома, они швырнули камень и сбили с меня шляпу. Да что тут говорить, отвратительные выходки этих шалопаев можно перечислять бесконечно! — Он сдвинул брови. — Впрочем, чего еще ожидать от мальчишек, которых мать бросила на произвол судьбы, предоставив их воспитание трактирной шлюхе?

Локвуд, переждав, пока его патрон выпустит пар, обернулся ко мне:

— Зовут этих юнцов Джеральд и Барнабас. По слухам, оба отличались скверным нравом еще до исчезновения матери. Похожи они как две капли воды, только у Барнабаса на щеке здоровенный шрам. Оба пошли в мать: светловолосые, коренастые.

— А как они ладят с Изабеллой? — поинтересовался я.

— Просто-напросто не замечают, не видят ее в упор. Но со мной побеседовали весьма охотно. Спросили, как я считаю, будет ли их папаша казнен. Я честно ответил, что не знаю. Тогда они поинтересовались, как поступят с отцовскими землями, если его отправят на виселицу, — отойдет ли она королю или достанется наследникам. Сказали, здесь уже побывал управляющий из Ведомства по делам конфискованного имущества. Я не стал скрывать, что если

Болейна признают виновным, то все его имущество отойдет в казну. Тогда братья решили, что об этом необходимо сообщить деду.

— У них еще и дед имеется?

— Да, отец Эдит, Гэвин Рейнольдс, богатый купец, член городского совета Нориджа. Родители Джона Болейна давным-давно умерли. Он унаследовал их владения — не только поместье в Бриквелле, где жил до недавних пор, но еще и имения в Норфолке. Человек он состоятельный. Именно по этой причине люди Саутвелла и Фловердью, чиновника из Ведомства по делам конфискованного имущества, так и рыскают вокруг. Правда, по слухам, финансовые дела Болейна пребывают в расстроенном состоянии. Деньги, которые он получал от арендаторов, изрядно обесценились из-за инфляции, а пару лет назад он купил в Лондоне роскошный дом, потратив на это все свои сбережения.

— Насколько я понял, сыновей Болейна судьба имения волнует куда больше, чем судьба отца, — заметил я.

— Так оно и есть, — кивнул Тоби. — Они даже не удосужились спросить, как я считаю — виновен он в убийстве или нет.

— А хоть какие-то признаки того, что юнцы горюют по матери, вы заметили?

— Ни малейших, — покачал головой Локвуд. — О ней братья даже не упомянули. Помню, пока я разговаривал с ними, Изабелла стояла в дверях, смотрела на них не отрываясь и взгляд ее был полон отвращения. Отвращения и страха.

— А с мастером Рейнольдсом, дедушкой этих молодчиков, вы еще не встречались? — спросил я. — Полагаю, он и его супруга были потрясены до глубины души, узнав, что их дочь, которую все считали бесследно пропавшей, воскресла из небытия только для того, чтобы стать жертвой жестокого убийства.

— Я счел, что из моих попыток встретиться с ним вряд ли выйдет толк, — покачал головой Локвуд. — Рейнольдсы — богатая семья, они не снизойдут до того, чтобы принять простого солиситора. Полагаю, сэръ, побеседовать с вами они не откажутся. Хотя после того, как стало известно об убийстве их дочери, Рейнольдс и его жена живут затворниками. По слухам, старик не сомневается в виновности бывшего зятя и ждет не дождется, когда Джона вздернут на виселицу.

Я украдкой взглянул на Николаса. В Хатфилде, беседуя с мастером Пэрри, Эдит Болейн заявила, что ее родители умерли. Если она находилась в стесненных обстоятельствах и не желала возвращаться к мужу, то самым разумным шагом было бы попросить приюта у отца с матерью. Однако она этого не сделала. Обсуждать визит Эдит в Хатфилд с Копулдейком и его помощником я не имел права, однако про себя отметил, что с родителями убитой необходимо встретиться как можно скорее.

— Разумеется, королевские чиновники живо интересуются исходом этого дела, — подал голос Копулдейк. — Прежде эти земли принадлежали монастырю. Когда они были конфискованы, Болейн приобрел их у казны. Если его отправят на виселицу, его сыновья окажутся под опекой короля. Это означает, что король, а точнее, леди Мария, как верховный феодал этого края, будет иметь право устроить их брак. Подобные поручения леди Мария, как правило, передает Ричарду Саутвеллу. Впрочем, братья Болейн вряд ли могут считаться завидными женихами, особенно если имущество их отца будет конфисковано.

— Насколько мне известно, имя чиновника, представляющего в Норфолке Ведомство по делам конфискованного имущества, — Джон Фловердью, — сказал я.

Копулдейк сдавленно хихикнул.

— Фловердью — юрист, как и мы с вами, брат Шардлейк. Человек он, по моему разумению, достаточно вздорный. Повсюду сует свой нос, только и ищет, чем бы поживиться. Общаться с ним — занятие не из приятных, так что я заранее вам сочувствую, — ухмыльнулся он и тут же добавил другим, более серьезным тоном: — Что до Саутвелла, то, встречаясь с ним, будьте предельно осторожны. Сейчас он — один из самых богатых людей в Норфолке, владелец овечьего стада в две тысячи голов и, судя по всему, вскоре станет членом Тайного совета. — Копулдейк беспокойно заерзал на стуле. — Этот человек чрезвычайно опасен. В чем только его не обвиняли — в хищениях и растратах, в похищении людей, в лжесвидетельстве против своего прежнего патрона, герцога Норфолка, и даже в убийстве. Но всякий раз он выходил сухим из воды.

— Вы сказали, его обвиняли в убийстве?

— Да. Лет двадцать тому назад он затеял ссору с другим норфолкским землевладельцем. Между ними завязалась драка, и Саутвелл проткнул своего противника ножом. В том, что он виновен в убийстве, не было ни малейших сомнений. Однако сэр Ричард обратился к старому королю с просьбой о помиловании, которое и было ему даровано.

— Для богатых, видно, закон не писан, — едва слышно проронил Тоби.

— Постарайтесь не портить с ним отношений, сэр, — посоветовал Копулдейк. — Это будет непросто, учитывая, что Саутвелл представляет интересы леди Марии, а вы выполняете поручение леди Елизаветы. — В голосе его послышалось откровенное беспокойство. — Помните, что официально вы являетесь моим доверенным лицом. Мне ни к чему наживать такого врага, как Саутвелл.

— Да уж, он из тех, с кем лучше не ссориться, — подхватил Локвуд.

— Возможно, после казни Джона Болейна леди Мария пожелает приобрести его земли и присоединить их к своим норфолкским владениям, — предположил Копулдейк. — Хотя бы для того, чтобы досадить сестре.

— И все же полагаю, что визиты представителей Саутвелла и Фловердюю в имение Болейна несколько преждевременны, — сказал я. — Этот человек пока еще не осужден.

— Однако в Норфолке все уверены, что он будет осужден непременно, — возразил Локвуд. — Джон Болейн не пользуется там расположением, в особенности после женитьбы на Изабелле. Да и распря с соседом тоже не прибавила ему симпатий.

— Кстати, что вам известно об этой ссоре? — спросил я.

На лице Копулдейка мелькнуло недовольное выражение, как видно вызванное тем, что я напрямую обратился к его помощнику.

— Расскажите все, что вам известно, Тоби, — проронил он. — Поделитесь с сержантом Шардлейком своими обширными познаниями о земельных владениях в Норфолке. — Копулдейк повернулся ко мне. — Представляете, Тоби даже взял на себя труд составить для вас подробную карту. Хотите взглянуть?

Снисходительный тон патрона заставил Локвуда вспыхнуть.

— Я надеялся, что эта карта будет вам полезна, сэръ... — пробормотал он.

— Уверен, она будет мне чрезвычайно полезна.

Локвуд извлек из ящика лист бумаги и положил на стол. Склонившись, мы принялись его рассматривать. Конечно, картой в полном смысле слова этот рисунок вряд ли можно было назвать, но он был выполнен четко и аккуратно.

— Отличная работа, Локвуд! — восхитился Николас.

Тоби слегка нахмурился, как видно услышав в этой похвале покровительственные нотки. Он был лет на шесть старше Николаса и, возможно, обладал бóльшим опытом по части правоведения. Но, будучи простым клерком, являлся ниже его по статусу.

— Это план поместья Джона Болейна в Северном Бриквелле, — пояснил Локвуд. — Ему принадлежат и другие земли, но это поместье, в котором он жил до ареста, — самое значительное. Вот его дом, он расположен неподалеку от небольшой деревни. — Клерк ткнул пальцем в верхнюю часть карты. — А вот здесь, как видите, протекает ручей. Он отделяет владения Болейна от Южного Бриквелла, который принадлежит Леонарду Вайтерингтону. В обоих поместьях хозяйство ведется по обычной трехпольной системе: два поля засеваются зерновыми, а третье остается, что называется, «под паром». Каждое поле разделено на полосы, которые сдаются арендаторам: кому-то одна полоса, кому-то несколько...

— Сержант Шардлейк занимается земельной собственностью, Локвуд, — прервал своего клерка Копулдейк. — Думаю, не только он, но даже его молодой помощник прекрасно знает, что такое трехпольная система.

— А это что за участки? — указал на план Николас. — Судя по всему, арендаторы, в распоряжении которых находится несколько полос, огородили их, превратив в отдельную ферму?

— Так оно и есть, — кивнул Локвуд.

— В Линкольншире, в имении моего отца, пара арендаторов тоже поступила подобным образом.

— В Норфолке огороженных земель больше, чем в любом другом графстве, — заметил Локвуд. — А теперь посмотрите сюда, в нижний правый угол. Вайтерингтон огородил под пастбища часть общинных

пахотных земель, которые прилегают к его владениям. К тому же он захватил изрядный кусок общинного пастбища.

— Как это ему удалось? — поинтересовался я.

— Не представляю, — пожал плечами Локвуд. — Возможно, заявил, что, будучи владельцем поместья, он имеет право на часть общинного пастбища, и никто не посмел ему перечить.

— Он словно римский император — постоянно расширяет свои владения, — усмехнулся я. — И сколько же голов насчитывает овечье стадо Вайтерингтона?

— Насколько мне известно, около трех сотен. Учитывая, как дорого сейчас стоит шерсть, овцы приносят ему неплохой доход. Если бы он занял эти земли посевами, доход был бы куда скромнее. Так происходит во всем Норфолке — пастбища вытесняют поля, — заключил Локвуд.

Копулдейк вновь заерзал на стуле.

— Если землевладельцы хотят жить как джентльмены, им необходимы деньги, — с досадой бросил он. — Цены растут как на дрожжах, а плата за аренду остается такой же, что и тридцать лет назад. Приходится искать новые источники дохода.

— Поэтому, когда срок аренды истекает, землевладельцы гонят фермеров прочь и отдают их наделы овцам, — мрачно усмехнулся я. — Или же захватывают для своих овец общинные пастбища, хотя не имеют на то ни малейшего права.

Копулдейк раздраженно махнул рукой:

— Если арендаторы полагают, что с ними поступили противозаконно, они всегда могут обратиться в суд.

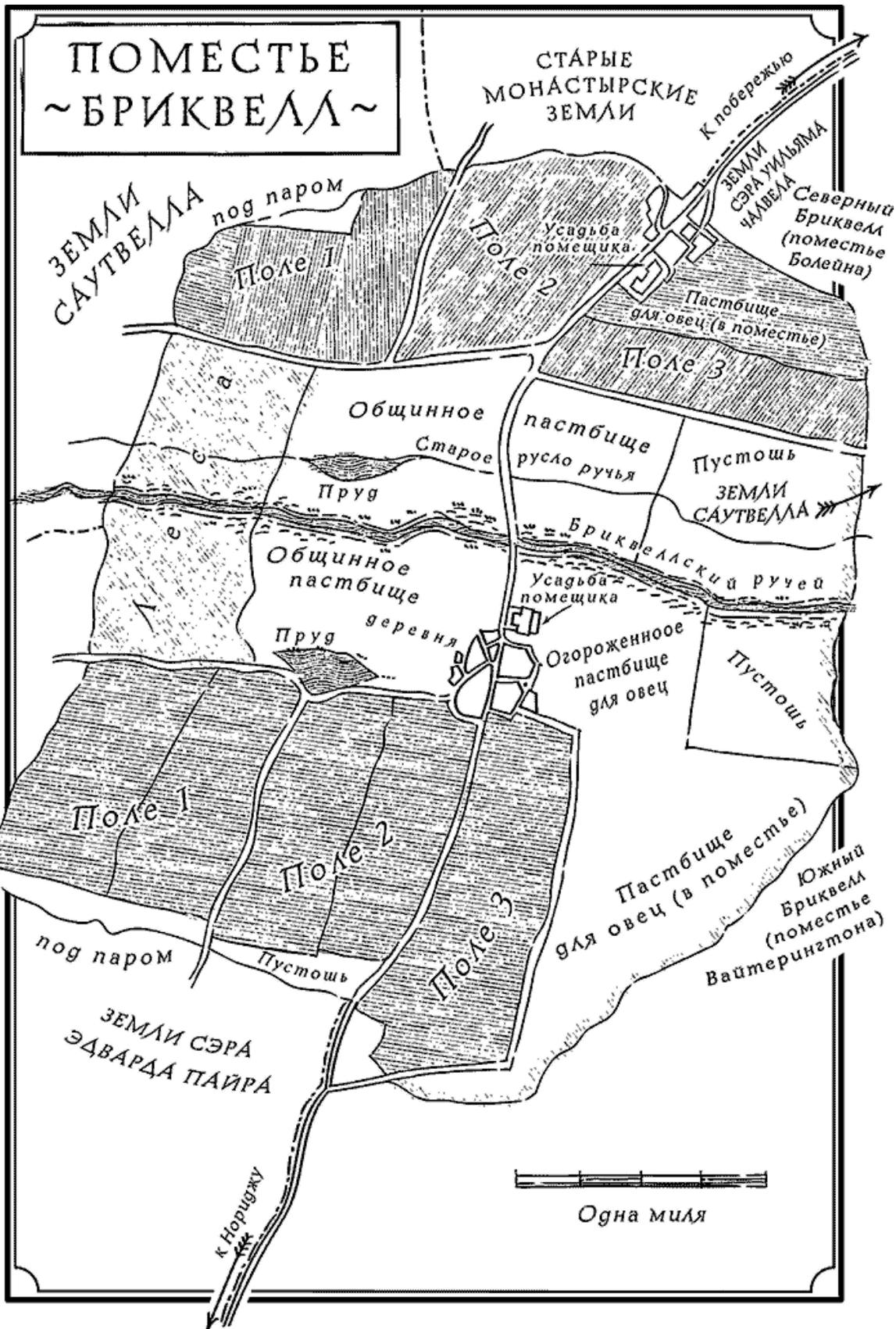
— Нам с вами прекрасно известно, что судебные тяжбы требуют денег и порой тянутся годами. А чтобы прокормить себя и свою семью, бедный фермер должен в поте лица трудиться на своей земле изо дня в день.

— Вы говорите как поборник всеобщего благоденствия, — неодобрительно процедил Копулдейк. — Полагаю, в лице Локвуда вы встретите верного единомышленника.

— Я говорю как адвокат, который много лет проработал в Палате прошений, — возразил я и, чтобы избежать дальнейших споров, вновь указал на план. — Довольно странное расположение. Обычно леса,

пустоши и общинные пастбища окружены полями, а тут они находятся между помещичьими особняками.

— Причина — ручей, который служит границей земельных владений, — пояснил Локвуд. — По одну сторону ручья земля в дождливую погоду превращается в жидкую грязь, хотя там и устроены дренажные каналы. На востоке земли болотистые, и использовать их нельзя — крестьяне собирают там тростник, а иногда стреляют дичь. Ну а на западе раскинулся лес.

— А что означает этот крестик? — указал на план Николас. — Место, где было обнаружено тело миссис Болейн?

— Да.

— Судя по вашему рисунку, совсем близко находится мост через ручей, — заметил я. — Возможно, убийца встретил свою жертву на мосту и там же нанес ей смертельный удар. В противном случае ему пришлось бы тащить тело на довольно значительное расстояние.

Повисло молчание, которое нарушил Копулдейк.

— Два поместья практически зеркально отображают друг друга, — проронил он.

— Это не вполне так, сэр, — возразил Локвуд. — Северный Бриквелл несколько уступает размерами Южному Бриквеллу. В тысяча пятьсот тридцать восьмом году, когда был уничтожен бенедиктинский монастырь, которому принадлежали эти земли, Джон Болейн и Леонард Вайтерингтон воспользовались возможностью увеличить свои владения. Каждый приобрел изрядный кусок земли. Особняк тогда был только один, и в нем жил монастырский управляющий. Находился он на участке Джона Болейна, так что Вайтерингтону пришлось построить себе новый дом. Кстати, как и у Болейна, у него имеются другие поместья. Пожалуй, он богаче своего соседа.

— О, я вижу, неподалеку расположены владения сэра Ричарда Саутвелла, — произнес я, разглядывая карту. — И на севере, и на востоке.

— Да, — подтвердил Копулдейк. — И в обоих своих поместьях он занимается овцеводством. Если Джон Болейн будет признан виновным, то, вполне вероятно, Саутвелл захочет приобрести Северный Бриквелл, дабы соединить свои земли. Чем обширнее пастбища, тем больше доход. Даже новых пастухов нанимать не придется.

— Зато ему придется прогнать прочь арендаторов, — вставил Николас.

— Пока все это не более чем домыслы, — отрезал Копулдейк. — В любом случае это не нашего ума дело.

— Какой размер в среднем имеют участки арендаторов? — спросил я.

— Участки небольшие, от десяти до пятнадцати акров, — ответил Локвуд. — Конечно, есть более обширные наделы, те, что выгорожены

в отдельные фермы. Но с другой стороны, встречаются и убогие хижины, владельцы которых едва сводят концы с концами, нанимаясь работать к более богатым фермерам или же занимаясь различными ремеслами. Сами понимаете, после того как Болейн и Вайтерингтон превратили большинство своих полей в пастбища, спрос на наемный труд изрядно снизился. В Северном Бриквелле проживает двадцать пять семей, а в Южном — более тридцати.

Я провел пальцем по прерывистой линии, тянущейся среди лесов, пастбищ и пустошей. Надпись на ней гласила: «Старое русло ручья».

— Значит, Вайтерингтон утверждает, что граница между участками в действительности должна проходить по этому руслу? — уточнил я.

— Да, — кивнул Копулдейк. — Согласно документу, по которому эти земли даруются монастырю, — как вы понимаете, это древний пергамент — границей между владениями является Бриквеллский ручей. Это старое русло сохранилось, однако примерно четыреста лет назад ручей изменил курс — в местности с песчаными почвами встречаются подобные явления. Таким образом, возникла серьезная проблема юридического характера. Какое русло мы сегодня должны считать границей — нынешнее или же существовавшее на момент составления документа? Без длительного судебного разбирательства тут не обойтись. Согласитесь, братья, для нас, законников, подобные дела — просто клад! — заключил он и с довольной ухмылкой потер руки.

— Десять лет назад, когда Болейн и Вайтерингтон приобретали свои участки, оба, скорее всего, полагали, что граница проходит по современному руслу, — сказал я.

Копулдейк вскинул палец:

— Но ныне Вайтерингтон утверждает, что ознакомился со старыми документами уже после приобретения земли. Иначе он поставил бы существовавшую границу под сомнение.

— Уверен, суд сочтет, что Вайтерингтону следовало решить вопрос о границах до заключения земельной сделки, — заявил я.

Локвуд, вежливо кашлянув, позволил себе вмешаться:

— Ныне возникла еще одна проблема: арендаторы Вайтерингтона недовольны тем, что он захватил часть общинного пастбища. Утверждают, что им теперь негде пасти своих животных: лошадей и волов, на которых они работают; коров, которые дают им молоко...

Копулдейк вновь зашелся лающим смехом:

— Подобным жалобам нынче нет конца. Арендаторы поднимают вой по поводу каждого дюйма утраченной общинной земли. Но Вайтерингтон придумал, как успокоить своих арендаторов. Пообещал, что, в случае если граница будет передвинута, половину земель, которые окажутся в его владении, он передаст под общинное пастбище. А вторую половину, разумеется, предоставит своим овцам.

— Но будет ли передвинута граница, пока неизвестно, — заметил я.

Локвуд повернулся ко мне.

— Если Вайтерингтон выиграет тяжбу, то арендаторы из Северного Бриквелла утратят значительную часть своих общинных земель, — пояснил он. — Между двумя деревнями отношения откровенно враждебные, хотя в обеих есть жители, которые не одобряют планов Вайтерингтона. Несколько месяцев назад, когда он попытался выпустить своих овец на общинное пастбище Северного Бриквелла, между арендаторами из двух деревень вспыхнула драка. Уверен, эта парочка оболтусов, сыновья Болейна, не упустили возможности поработать кулаками.

— Пока что Вайтерингтон не счел нужным обратиться в суд, — произнес я. — Возможно, он советовался с адвокатом и тот убедил его, что тяжбу он проиграет. Так что у Вайтерингтона, несомненно, тоже имеется повод избавиться от Джона Болейна. Если Болейна отправят на виселицу, его сосед, скорее всего, попытается купить Северный Бриквелл и покончить с этим делом.

— Но на эти земли претендует Саутвелл, — возразил Копулдейк. — Вряд ли у Вайтерингтона хватит смелости встать поперек дороги столь могущественному вельможе. — Пожав плечами, он добавил: — Хотя, возможно, они сумеют договориться. Например, обменяются поместьями.

— Я вам чрезвычайно признателен, мастер Локвуд, — произнес я, демонстративно повернувшись к клерку. — Благодаря вам я стал представлять ситуацию намного отчетливее. Очень рад, что вы едете вместе с нами.

Локвуд слегка поклонился:

— Надеюсь, сэр, что сумею и впредь быть полезным.

— Мне трудно будет обходиться без Тоби, но мастер Пэрри — важный клиент, — со вздохом изрек Копулдейк. — Да, перед отъездом вам предстоит еще одно дело, — добавил он. — Когда Тоби был у Джона Болейна в тюрьме, тот попросил его проверить, все ли в порядке в его лондонском доме, и забрать оттуда все купчие и прочие документы на землю. По его словам, в отсутствие хозяина за домом приглядывает местный сторож, которому он платит. Это недалеко отсюда, на северной стороне Стрэнда, напротив Сомерсет-Хауса. У Тоби есть ключ.

— Думаю, нам стоит отправиться туда прямо сейчас, — сказал я. — Откладывать ни к чему.

— Прекрасно. Но потом возвращайтесь в контору, Тоби. Прежде чем вы отправитесь в Норфолк, вам придется выполнить несколько моих поручений.

Я встал и отвесил Копулдейку поклон:

— Спасибо за помощь, брат.

Он вперил в меня усталый взгляд:

— Сержант Шардлейк, у меня к вам единственная просьба — не впутывайте меня в это дело.

Мы вышли на улицу. В голове у меня вертелся один любопытный вопрос: если все документы на владение землей Джон Болейн держит в Лондоне, то какие бумаги он изучал, запершись в своем кабинете в тот вечер, когда была убита Эдит?

Глава 6

Городской дом Болейна, как уже было сказано, находился на северной стороне Стрэнда, напротив огромной строительной площадки, которую представлял собой ныне Сомерсет-Хаус. Шагая по Канцлер-лейн в обществе Николаса и Локвуда, я то и дело бросал изучающие взгляды на молодого человека, которому предстояло сопровождать нас в поездке в Норфолк. Легкий ветерок ерошил его густые черные волосы и бороду, на круглом лице застыло непроницаемое выражение.

— Вы давно работаете с мастером Копулдейком? — спросил я.

— Пять лет.

— Вы ведь сын фермера, верно? Мой отец тоже был фермером в Личфилде.

— В Личфилде, насколько мне известно, хорошие плодородные земли, — равнодушно проронил Локвуд.

Вспомнив слова Копулдейка о том, что ферма у отца Тоби слишком мала и не обеспечивает сыновей средствами к существованию, я счел за благо направить разговор в иное русло:

— Документы, которые хранятся в лондонском доме Джона Болейна, имеют отношение к поместью Бриквелл?

— Полагаю, да. Когда я был у него в тюрьме, он сказал, что привез их в Лондон, так как хотел посоветоваться с адвокатом.

— Возможно, Вайтерингтон все-таки намеревался решить вопрос о границах земельных владений через суд, — предположил я.

— Очень может быть. Полагаю, он рассчитывал затеять долгий изматывающий процесс, который будет Джону Болейну не по карману.

— Судя по тому, что я услышал, у этого Вайтерингтона имеется самая прямая корысть отправить Болейна на виселицу, — вставил Николас.

— Кто его знает, — пожал плечами Локвуд. — Одно могу сказать: Болейн жил тихо и спокойно — то в Бриквелле, то в Лондоне — и, похоже, был вполне своей жизнью доволен. А мастер Вайтерингтон, похоже, из тех, кому вечно всего мало — и земли, и денег. Скорее всего, он рассчитывает, что сумеет добиться рыцарского звания. Как говорит

пословица, «В Англии много рыцарей, зато мало благородства», — печально добавил он.

— Ну, старина, пожалуй, вы преувеличиваете, — возразил Николас покровительственным тоном, которого он неизменно придерживался с теми, кто стоял ниже его на общественной лестнице. — В Англии достаточно и самых благородных рыцарей, и просто порядочных людей.

— Не сомневаюсь, сэр, что вы совершенно правы, — кивнул Локвуд, и лицо его вновь приняло непроницаемое выражение.

Пройдя через арку ворот Темпл-Бар, мы оказались на Стрэнде. В воздухе висело пыльное марево, заставившее нас разразиться кашлем. С южной стороны, где сотни рабочих трудились над строительством Сомерсет-Хауса, доносились стук молотков и визг пил. Огромный дворец, украшенный величественными колоннами, был почти завершен, однако вокруг возводилось еще несколько зданий поменьше; рабочие рыли канавы, закладывали фундаменты, пилили доски, выкладывали каменные стены.

Проходя мимо, Николас произнес:

— Помните, что за потеху устроили в прошлом году? При помощи пороха взорвали часть склепа собора Святого Павла, так что косточки почетных горожан взлетели на воздух?

— Еще бы не помнить, — усмехнулся я. — В саду дома, что расположен по соседству с моим, нашли древнюю бедренную кость, к которой прилип лоскут савана.

Николас внезапно схватил меня за руку, вынуждая остановиться.

— Посмотрите! — взволнованно прошептал он, указывая на другую сторону улицы. — По-моему, это лорд-протектор собственной персоной.

Проследив за направлением его взгляда, я увидел высокого худого человека с остроконечной бородкой, в богато расшитой мантии. Рядом с ним маячили два стражника в ливреях дома Сомерсетов. Стоя у раскладного стола, он рассматривал какой-то чертеж, в то время как архитектор в длинном плаще что-то разъяснял ему, водя по чертежу указкой. Во времена прежнего короля мне довелось несколько раз встречаться с Эдуардом Сеймуром, герцогом Сомерсетом, нынешним лордом-протектором. Ныне, глядя на него, я поразился тому, как сильно он постарел: щеки ввалились, на лице застыло выражение суровой

угрюмости. Слушая архитектора, Сомерсет беспрестанно теребил кончик своей длинной бороды.

— Это и в самом деле он? — с любопытством спросил Локвуд. —
Добрый Герцог?

Он употребил прозвище, которое Сомерсет стяжал, постоянно заявляя, что намерен заботиться о нуждах бедных и неимущих.

— Он самый.

— Выглядит так, словно на плечи ему взвалили все тревоги и заботы мира.

— Или, по крайней мере, нашего королевства, — поправил Николас. — Вы никогда не видали его прежде, Локвуд?

— Видел, но только издалека. Два года назад я любовался церемонией открытия парламента и наблюдал, как он гарцует рядом с королем. Я тогда, конечно, во все глаза смотрел на короля. Помню, он с ног до головы был одет в пурпур и золото, а драгоценных камней на нем было столько, что его величество переливался на солнце всеми цветами радуги. — Локвуд задумчиво покачал головой. — Тогда он казался совсем маленьким мальчиком. Говорят, сейчас он сильно вырос.

— Тем не менее от совершеннолетия Эдуарда отделяют целых шесть лет, — заметил я.

— К тому времени, глядишь, и эту громадину успеют достроить, — добавил Николас.

— Возможно, — кивнул я. — Идемте, друзья мои. Не стоит стоять здесь долго: пыль слишком ест глаза.

В южной части Стрэнда стояли особняки самых богатых и влиятельных людей в королевстве; окружавшие их сады спускались к реке, по которой было легко добраться до Вестминстера. Что касается северной части, то здания там были значительно более скромными и старыми, а переулки между ними вели в открытое поле. Дом Болейна находился в одном из таких переулков; он представлял собой довольно беспорядочное строение с внутренним двором и, вполне возможно, был переделан из бывшей фермы. Я заметил, что краска на стенах облупилась, а многие плитки отсутствовали.

Локвуд вытащил из кармана ключ и отпер тяжелую входную дверь. Вслед за ним мы вошли внутрь. Мебель в некоторых комнатах

отсутствовала, повсюду лежал толстый слой пыли, долетавшей с соседней строительной площадки. В нос мне ударил запах сырости.

— Для того чтобы превратить этот дом в городской особняк джентльмена, придется приложить немало усилий, — изрек Николас.

— Судя по всему, желания мастера Болейна не соответствуют возможностям его кошелька, — сказал я и повернулся к Локвуду. — Думаю, нам стоит поискать документы.

— По словам мастера Болейна, его кабинет находится на втором этаже. После того как мы найдем бумаги и убедимся, что в доме все в порядке, мне нужно будет встретиться с местным констеблем. Мастер Копулдейк поручил передать ему полсоверена, дабы он и впредь хорошенько следил за домом. — Тоби натянуто улыбнулся. — Наверняка он внес эти деньги в бухгалтерскую книгу, чтобы потом потребовать с мастера Пэрри.

Мы поднялись на второй этаж. На лестничную площадку выходили двери нескольких комнат. Одна из них была открыта; за ней располагалось помещение, обставленное как кабинет: письменный стол, несколько стульев, большой деревянный сундук. Стены абсолютно голые, если не считать портрета темноволосого мужчины с суровым выражением лица, судя по красной мантии — лондонского олдермена^[2]. Табличка на раме гласила: «Джеффри Болейн (1406–1463)».

— Прапрадед Анны Болейн, — заметил я. — Тот самый, что приехал в Лондон ни с чем и сделал тут состояние.

— Они с прапрадедом Джона Болейна были родными братьями, — пояснил Локвуд.

— Вы многое знаете об этой семье?

— Сэр, по долгу службы я хорошо знаком с норфолкским дворянством. Всякий раз, когда на горизонте появляется очередной претендент на родство с леди Елизаветой, патрон поручает мне проверить его генеалогическое древо.

Про себя я вновь отметил, что острый взгляд голубых глаз Локвуда противоречит непроницаемому выражению его лица. Подойдя к сундуку, он достал из кармана еще один ключ и вставил его в замочную скважину. Ключ, однако, не повернулся. Нахмурившись, Локвуд попытался поднять крышку. Это ему удалось; сундук был доверху

полон документами и какими-то вдоль и поперек исписанными листами.

— Странно, — пробормотал Локвуд. — Мастер Болейн сказал, что сундук заперт на ключ.

Он принялся перебирать бумаги и вскоре извлек на свет божий папку, содержащую какой-то старинный план, а также кусок пергамента: насколько я мог судить, латынь там перемежалась с норманнским французским.

— Думаю, это то, что нам надо.

Я бережно развернул план. Этому выцветшему ветхому пергаменту было несколько сот лет, однако на плане можно было различить поместья Северный Бриквелл и Южный Бриквелл. Граница между ними, как я убедился, проходила по прежнему руслу ручья.

— Ага, вот оно, старое русло...

Я осекся, услышав топот бегущих ног, долетевший из задней части дома. Бросил взгляд на дверь, потом на окно; во внутреннем дворе явно происходило какое-то движение. К своему великому удивлению, я увидел, что по каменным плитам двора мечется мальчуган лет десяти, чумазый, босоногий и оборванный. Внезапно он издал сдавленный крик и упал, кровь насквозь пропитала его грязную рубашку. Мальчик попытался встать, но ноги его подкосились, и, застонав, бедняга вновь упал навзничь.

— Готов! — долетел до меня чей-то голос.

— Я тоже попал! По одному удару каждый! — раздался второй голос, чрезвычайно походивший на первый; выговор вроде бы правильный, однако гласные чересчур растянуты.

Через несколько секунд по лестнице промчались два коренастых светловолосых юнца; стремительно пролетев мимо открытых дверей кабинета, они нас даже не заметили. Должно быть, молодые люди находились в задней части дома и поэтому не слышали, как мы вошли.

Мы с Николасом изумленно переглянулись, рука моего помощника инстинктивно потянулась к мечу.

— Что за дьявол?.. — пробормотал я.

— Точнее, два дьявола, — сообщил внезапно помрачневший Локвуд. — Это братья Болейн.

Подойдя к окну, мы увидели, как два светловолосых молодчика в дублетах из дорогой ткани выбежали во внутренний двор. Они были

похожи как две капли воды. Каждый держал в руках пращу; судя по всему, стоя у окна, они запускали из этих пращей камни, целясь в злополучного мальчугана. Несчастливая жертва вновь попыталась встать на ноги. Один из близнецов ударил ребенка по ребрам, и тот вскрикнул от страха и боли.

— Надо остановить их! — воскликнул Локвуд, устремляясь к дверям.

Я схватил его за руку:

— Это сыновья Джона Болейна?

— Они самые, сэр. Как видите, добрались до Лондона. Наверняка решили посмотреть, чем можно поживиться в этом доме. Если мы их не остановим, они убьют парнишку, — сказал он, тяжело переводя дух.

Втроем мы сбежали по лестнице и оказались во дворе, залитом ярким полуденным солнцем. Мальчик все еще пытался бежать, но очередной камень, пущенный меткой рукой, всякий раз сбивал его с ног.

— Ах ты, чертов оборванец! — рявкнул один из близнецов. — Решил поселиться в доме нашего отца?

— Говори, что ты успел здесь украсть! — подхватил второй. — Надеюсь, этого хватит, чтобы отправить тебя на виселицу!

Возможность вдоволь поиздеваться над беззащитным ребенком явно доставляла братьям огромное удовольствие.

— Мастер Джеральд, мастер Барнабас! — крикнул Локвуд. — Немедленно прекратите!

Юнцы одновременно обернулись. У них были совершенно одинаковые квадратные лица с широкими плоскими носами, тонкими губами и маленькими голубыми глазками. Единственное различие составлял длинный шрам, пересекавший щеку одного из них от уха до рта; на загорелом лице шрам этот оставался белым. Близнецы уставились на нас с холодной злобой; их окровавленная жертва, лежа на камнях, тихонько скулила.

Парень со шрамом ухмыльнулся, обнажив крупные передние зубы.

— Глянь-ка, Джеральд, — протянул он. — Опять этот прощелыга-клерк Локвуд. До-о-оброго те-е-ебе утречка, То-о-оби Локвуд, — нараспев произнес он. Уроженцы Норфолка обычно растягивают гласные, но это был явный перебор. — И что тебе здесь надобно?

— Ка-а-ак по-о-оживаешь, То-о-оби? — протянул второй, подражая брату. — Притащил с собой еще парочку крючкотворов? Горбуна и долговязого рыжего верзилу? Славная компания, ничего не скажешь!

— Вы что, не слышали, как мы вошли? — удивился Локвуд.

— Мы так славно забавлялись, что ничего не слышали, — ответил парень со шрамом, на этот раз почти без акцента.

Локвуд побагровел от гнева, однако голос его звучал спокойно и ровно:

— Мы пришли сюда по поручению вашего отца. Хотели забрать кое-какие документы и удостовериться, что дом в целости и сохранности. Зачем вы мучаете этого бедного ребенка?

— Нашли кого жалеть! — усмехнулся парень без шрама. — Да будет вам известно, это маленький воришка и разбойник. Мы тоже заглянули сюда, чтобы проверить, все ли в порядке. И представьте себе, обнаружили в кухне этого малолетнего ублюдка. Устроился там как у себя дома. Думаю, вам, законникам, лучше знать, какая кара положена за подобное преступление.

— А отец дал вам разрешение заходить в этот дом? — сурово осведомился я.

— Прежде скажите, кто вы такой, мастер горбун!

Николас сжал рукоять меча:

— Сделайте милость, обращайтесь с моим патроном полюбезнее, иначе я мигом научу вас хорошим манерам!

Близнецы, встав плечом к плечу, уставились на него без всякого страха:

— Ты что, вздумал угрожать нам, каланча недостроенная?

Николас был уже готов броситься на обидчиков, но я придержал его за локоть.

— Сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк, — представился я. — По поручению барристера Копулдейка я буду заниматься делом Джона Болейна. На следующей неделе я отправляюсь в Норфолк, дабы помочь вашему отцу избежать обвинения в убийстве вашей матери.

Я рассчитывал, что прямое упоминание об ужасных событиях, произошедших в их семье, несколько усмирит юных головорезов. Но братья одновременно пожали плечами с видом крайнего равнодушия. Я бросил взгляд на маленького мальчика, все еще лежавшего на земле.

— Чем вы тут занимались?

Парень без шрама — насколько я помнил рассказ Локвуда, его звали Джеральд — ответил с жутковатой простотой:

— Да так, немного поохотились. Мы любим охоту, а оленей в Лондоне не водится.

— Если хотите, можете отвести этого оборванца к констеблю, — добавил Барнабас. — Из дома пропала куча всякого серебра. Так что этого недобитого кролика можно вздернуть на виселицу.

— Или хотя бы поставить ему на лоб клеймо и отправить на каторгу, — процедил Джеральд. — Именно так по новому закону положено поступать с малолетними воришками, да?

— Богом клянусь, я ничего не брал! — прошептал мальчик, не сводя с меня умоляющих глаз.

Я заметил, что на поясе у братьев висят туго набитые мешки, и вспомнил слова Локвуда о том, что они явились в отцовский дом за поживой.

— Полагаю, молодые джентльмены, вы не откажетесь показать нам, что в этих мешках, — произнес я непререкаемым тоном и бросил многозначительный взгляд на Николаса, по-прежнему сжимавшего рукоять меча.

Близнецы переглянулись. Потом Джеральд, как видно сочтя разумным не лезть на рожон, заявил:

— Вот еще не хватало! Кто вы такие, чтобы нас обыскивать? К тому же нам некогда, нечего тут зря время терять. Мы сейчас сядем на лошадей и рванем в Бриквелл.

Конечно, мы могли бы силой заставить их развязать мешки. Но братья наверняка оказали бы сопротивление, а мне ничуть не хотелось начинать расследование с потасовки между моими помощниками и сыновьями Болейна.

— Это вы открыли сундук в кабинете отца? — спросил я.

— Да! — с нахальной ухмылкой ответил Джеральд. — Это наше законное право. Если папашу вздернут на виселицу, все его добро достанется нам. Хотели узнать, что мы получим, но поди разберись во всей этой латинской и французской галиматье.

— Ошибаетесь, молодые люди, — проронил я. — Если вашего отца вздернут на виселицу, все его добро достанется не вам, а королю, который учредит над вами опеку.

— Я слышал, что если наследники несовершеннолетние, то король возвращает им конфискованные земли, — прищурившись, заявил Джеральд.

— А лорд-протектор Сомерсет любит душещипательные истории, — добавил Барнабас.

— Чего никак нельзя сказать о чиновнике, который распоряжается конфискованными поместьями, — возразил Локвуд. — Его имя Джон Фловердью. Вы, наверное, и сами слышали: он не из тех, кто утирает слезы бедных сироток.

— Ну, в любом случае эта шлюха, Изабелла, ничего не получит, — пожал плечами Джеральд. — Идем, Барни, эти пиявки мне надоели.

Близнецы скрылись в доме. До нас долетел грохот внутренней двери. Мальчик, на которого они охотились, поднялся на ноги и весь дрожал, прислонившись к стене.

— Сильно тебе досталось, приятель? — мягко спросил я.

— Несколько камней угодило мне в спину, а пара — в ребра, сэр.

Оглядевшись по сторонам, я увидел мелкие заостренные камни, валявшиеся на земле.

— Они ворвались в кухню, а когда я пустился наутек, принялись гонять меня по всему дому. Я слышал, они кричали, что первый, кто разmozжит мне голову, получит полсоверена. — Мальчик залился слезами. — Я просто искал место, где можно переночевать в тепле, — всхлипнул он. — Всю эту неделю стоит жуткий холод и дождь льет как из ведра.

Я вздохнул, достал кошелек и протянул бедолаге два шиллинга:

— Уходи отсюда поскорее и больше не возвращайся, если не хочешь новых неприятностей. Сейчас мы запрем этот дом на ключ.

— Честное слово, сэр, я ничего здесь не украл! Клянусь вам! Если что-то исчезло, то это они взяли.

— Нисколько не сомневаюсь. А теперь уходи. Пройди дом насквозь и выйди через главную дверь.

Я с жалостью взглянул на маленького оборванца. Тощий как щепка, на грязной рубашке — пятна крови, лицо покрыто струпьями и коростой. Когда парнишка, прихрамывая, скрылся в доме, я вспомнил, что даже не узнал его имени.

Несколько мгновений мы молча стояли в залитом ярким солнечным светом внутреннем дворе.

— Милые детки у Джона Болейна, — наконец изрек я.

— Да уж, подонки еще те, — кивнул Локвуд — Они с малых лет отличались скверным нравом.

— Судя по их поведению, братьям равным счетом наплевать, что мать их убита, а отец сидит в тюрьме, — добавил Николас.

— А может, это всего лишь бравада? — предположил я, повернувшись к Локвуду. — Вдруг они только делают вид, что им наплевать?

— Не знаю, — вздохнул Тоби; выражение его лица было печальным и гневным одновременно. — Но сегодня я ничуть не удивился, увидав, что Джеральд с Барнабасом охотятся на несчастного ребенка, как на кролика.

Вспомнив, с каким пугающим спокойствием братья рассказывали о своей жестокой забаве, я невольно содрогнулся.

— Пару месяцев назад близнецы приняли участие в драке с приспешниками Леонарда Вайтерингтона. В обществе головорезов, среди которых было несколько слуг сэра Ричарда Саутвелла, они чувствовали себя в своей тарелке. Братья и прежде предлагали свои услуги землевладельцам, которые хотели прогнать арендаторов прочь. За деньги они готовы на все — калечить скот, поджигать дома, избивать людей.

— А каким образом этот, как его... Барнабас заработал свой шрам? — полюбопытствовал Николас.

— История эта произошла несколько лет назад, хотя никто не знает, насколько она правдива, — вздохнув, ответил Локвуд. — Одно ясно: Эдит Болейн, упокой Господи ее душу, никак нельзя было назвать хорошей матерью. Едва родив близнецов, она отдала их кормилице — и на этом закончила все свои материнские попечения. И хотя оба сына пошли в нее — светловолосые, крепкие, — миссис Болейн была к ним совершенно равнодушна и почти не обращала на детей внимания.

Я вспомнил, что, по словам Пэрри, женщина, явившаяся в Хатфилд, отнюдь не выглядела крепкой. Напротив, она была до крайности худой и изможденной. Впрочем, Эдит, если верить рассказам о ней, имела привычку морить себя голодом.

— В общем, эта женщина вела себя не так, как пристало матери, — продолжал Локвуд. — Свои родительские обязанности видела лишь в том, чтобы без конца бранить и сечь обоих мальчишек. Ну а они,

понятно, тосковали по материнской любви и ласке. Особенно Эдит злило, что сыновья все время вместе и их невозможно различить. Как-то раз, когда братья завтракали на кухне, мать принялась их распекать. Твердила, как ее бесит, что они похожи как две капли воды. Мол, вчера один из них был пойман за кражей яблок и нагрубил слуге, а она даже не знает, кто это был. Понятия не имеет, кого следует наказать, отчего ей очень досадно. После этого мальчишки вышли во двор. Слуга видел, как они о чем-то шушукались, а затем взяли пучок соломы и принялись по очереди тащить соломинки. Один достал короткую. Блеснуло лезвие ножа, и раздался пронзительный крик. Через несколько минут братья вернулись на кухню как ни в чем не бывало. Только Барнабас был весь залит кровью, потому что Джеральд полоснул его по лицу ножом. «Что вы натворили, недоумки?» — заверещала Эдит, а Джеральд ответил: «Мы сделали это для тебя, мама. Чтобы тебе проще было нас различать».

Николас натужно рассмеялся. Я ошеломленно взглянул на Локвуда: — Неужели это правда?

— Такие ходят слухи, — пожал он плечами. — Близнецы никогда не упоминают об этом шраме и не любят, если их о нем спрашивают. Не удивлюсь, если братья сами выдумали эту историю, — с таких мерзавцев станется. Одно могу сказать: Джона Болейна они неизменно приводили в отчаяние. Люди давно говорили, что эта парочка рождена для виселицы. Но в результате на виселице того и гляди окажется их отец.

Мы с Николасом переглянулись. Если детство близнецов действительно было столь безрадостным, как рассказал Локвуд, у них имелся двойной мотив убить Эдит Болейн; я не сомневался, что эти двое вполне способны поглумиться над телом своей матери. Однако слухи могли быть весьма далеки от истины; по опыту я знал, что крупница правды, становясь предметом досужих разговоров, обрастает плотным коконом вымысла.

Мы заперли дом, и Локвуд отправился договариваться с констеблем. Мы условились встретиться с ним в понедельник у Болотных ворот, откуда нам предстояло вместе двинуться в путь.

Мы с Николасом неспешно вернулись к воротам Темпл-Бар; он шел к себе домой, а я решил воспользоваться возможностью и

навестить своего друга Гая. Визит в дом Болейна дал нам обоим пищу для размышлений.

— Людей, у которых имелся повод прикончить Эдит, становится все больше, — заметил Николас. — Джон Болейн, его вторая жена Изабелла Хит, их сосед-помещик, а теперь еще эти его сыночки. Но всем подозреваемым не имело никакого смысла рисковать попусту, выставляя тело на всеобщее обозрение. Это противоречит здравому смыслу.

— Что касается парней, то, по-моему, их трудно назвать... — я замешкался, подбирая подходящее слово, — вполне нормальными.

— Это уж точно.

— Если история про шрам, которую рассказал нам Локвуд, соответствует истине, то за молодчиками нужен глаз да глаз. Как ты думаешь, такое можно сотворить из любви? Или из ненависти?

— Не знаю, — покачал головой Николас. — Я вижу только, что они считают себя джентльменами, а ведут себя как подонки.

— А как тебе понравился Локвуд?

— По-моему, на него можно положиться. К тому же он не робкого десятка. Не спасовал перед этими головорезами.

— А его патрон брат Копулдейк? Как он тебе показался?

— Ленивый жирный слизняк, — усмехнулся Николас.

— Удивляюсь, как Локвуд терпит столь бесцеремонное обращение, — заметил я.

— Чему же тут удивляться? — пожал плечами Николас. — Копулдейк платит, а Локвуд работает на него. Каждый из них ведет себя согласно своему положению.

— Может, и мне стоит начать разговаривать с тобой подобным образом? — усмехнулся я.

— Полагаете? Но ведь я же не простой клерк, — столь же ироническим тоном возразил Николас.

— Когда ты начинал у меня работать, то был простым клерком.

— Думаю, Локвуд еще многого добьется. Сейчас Копулдейк может плевать в потолок, потому что всеми делами занимается его помощник, но, уверен, Тоби не собирается пахать на него вечно. У него есть связи и знакомства, он неплохо разбирается в людях. На подобные качества всегда большой спрос.

— Не сомневаюсь, нам он окажется чрезвычайно полезен. Чем больше я узнаю о семействе Болейн и их соседях, тем сильнее радуюсь, что с нами будет человек, хорошо знакомый с этим гадючником. — Я покачал головой. — Надо будет спросить Локвуда, где, по его мнению, могла пропадать Эдит все эти девять лет. Увы, запрет упоминать о том, что незадолго до смерти она побывала в Хатфилде, связывает нас по рукам и ногам.

— Но Пэрри настаивает на этом условии.

— Боюсь, нам трудно будет одновременно сохранять лояльность и по отношению к леди Елизавете, и по отношению к истине. Остается лишь молиться, чтобы Господь вразумил нас, как это совместить.

Глава 7

За разговором мы дошли до ворот Темпл-Бар; Николас отправился в свои меблированные комнаты, а я двинулся по Чипсайду к дому Гая. У рыночных прилавков, затененных полосатыми тентами, как обычно, шла оживленная перепалка между торговцами и домашними хозяйками в белых чепцах. Однако то были отнюдь не добродушные препирательства прежних времен; покупатели торговались отчаянно, осыпая лавочников упреками в алчности и взывая к их совести; увы, цены на товары росли чуть ли не ежедневно. В куче капустных листьев, гнилых яблок и прочей дряни я заметил листок бумаги, на котором был напечатан очередной памфлет, и поднял его. То был один из многочисленных памфлетов против превращения полей в пастбища. Автор его взывал к милосердию короля, умоляя того:

«...способствовать торжеству истинной справедливости, искоренить вымогательство, оградить простых людей от притеснений и дать им возможность возделывать землю, получая таким образом средства к существованию».

А далее говорилось:

«Уповаем на доброе сердце нашего короля, неспособное мириться с тем, что овцы губят людей, оставляя их без пропитания, с тем, что один человек ради своей выгоды разрушает жизни сотен наших соотечественников».

Свернув листок, я сунул его в карман.

Гай жил в аптекарском квартале, который представлял собой лабиринт узких улочек и переулков, раскинувшийся между рекой и Чипсайдом. В витринах многочисленных аптек красовались чучела ящериц, якобы привезенных из Индии, и витые рога, якобы принадлежавшие единорогам. Гай, имевший лицензию лекаря, мог бы позволить себе что-нибудь получше крохотного магазинчика с жилыми комнатами наверху; но он жил здесь уже много лет и, подобно большинству немолодых людей, не любил перемен. Я заметил, что окна

его аптеки закрыты ставнями; последние два месяца, с тех пор как Гай захворал, он перестал принимать больных. Это было тревожным знаком, ибо медицина всегда оставалась главным делом его жизни.

Я постучал, и через несколько мгновений помощник Гая Фрэнсис Сибрант распахнул дверь. Как и Гаю, Фрэнсису давно уже перевалило за шестьдесят; как и доктор Малтон, в прошлом он был монахом. Всегда склонный к полноте, в последние два года Фрэнсис сильно разжирел. За плечами у него был ранец.

— Мастер Шардлейк, да пребудет с вами милость Божия! — приветствовал он меня. — Мы вас сегодня не ждали.

Мне показалось, что во взгляде его мелькнуло смущение.

— Доброе утро. Как здоровье мастера Гая?

— Все по-прежнему, сэр, — грустно ответил Сибрант, и я заметил, какой у него утомленный вид. — Никаких улучшений. Простите, сэр, но я вынужден вас оставить. Надо отнести лекарства нашим пациентам.

— А я думал, Гай сейчас никого не принимает.

— Однако наши прежние больные требуют от нас лекарств, и я составляю их по рецептам патрона. Еще раз прошу у вас прощения, но я уже опаздываю. Пожалуйста, входите. Мастер Гай будет рад вас видеть. Он не спит.

Поклонившись, Фрэнсис пропустил меня в дом, а сам выкатился на улицу.

Оказавшись в приемной Гая, я окинул взглядом стоявшие на полках склянки, снабженные аккуратными ярлыками, и сосуды, наполненные сушеными травами. По лестнице я поднялся на второй этаж, в спальню. Мой старый друг читал, лежа в постели; в изголовье его висел старинный испанский крест с распятием. Ныне такие кресты изымали из церквей и сжигали; даже держать его дома было небезопасно, но доктор Малтон оставался убежденным католиком.

Увидев меня, медик улыбнулся. Зубы у него по-прежнему были белыми, но выглядел он скверно. Гай всегда отличался худобой, однако сейчас щеки у него так ввалились, что заострившийся нос казался огромным. Смуглая кожа, которую он унаследовал от своих предков-мавров, приобрела болезненный желтоватый оттенок. Гай и прежде был подвержен лихорадкам, объясняя это тем, что монастырь, в котором он провел большую часть жизни, располагался в болотистой местности с нездоровым климатом; но в последнее время лихорадка трепала его

постоянно, даруя лишь краткие периоды отдыха, и я понимал, что бедняга совершенно изнурен.

— Да пребудет с тобой милость Божия, Гай! — произнес я.

— Рад тебя видеть, Мэтью. Вот уж не ожидал, что ты заглянешь сегодня. — Он замешкался, словно бы собираясь сказать что-то еще, но, бросив быстрый взгляд на дверь, ограничился улыбкой.

— Я только что приехал из Хатфилда и решил навестить тебя. Как твое здоровье?

Гай поднял исхудалую руку и вновь уронил ее на одеяло:

— Слаб, как муха, и постоянно чувствую усталость. И хотя всю жизнь я считал себя неплохим медиком, однако не представляю, как лечить свою собственную хворь. — Губы его вновь тронула улыбка. — Чтение — вот все, что мне осталось. — Он повернул книгу обложкой вверх, и я увидел, что это «Диалог об утешении в невзгодах», сочинение Томаса Мора. — Знаю, ты никогда его не жаловал, но этот человек создал великое учение.

— А также вошел в историю как грозный враг еретиков, без колебания отправлявший их на костер.

То был наш давний спор. Взяв книгу из рук Гая, я пробежал глазами страницу, на которой он остановился.

«Благоденствие богатого человека является источником благоденствия бедного», — прочел я.

Мне была хорошо знакома эта теория, согласно которой состоятельные люди, богатея, позволяют бедным питаться крохами своего богатства. Однако двадцатипятилетний опыт работы адвокатом убедил меня в обратном: растущее благоденствие одних людей зачастую лишает других последних источников существования. Я вытащил из кармана сложенный вчетверо листок:

— Посмотри-ка лучше вот это. Похоже, автор не согласен с Томасом Мором.

Изучив памфлет, Гай пожал плечами:

— Огораживание пастбищ началось не вчера. Томас Мор многократно выступал против этого.

— Однако, когда кардинал Уолси предложил принять новый закон, запрещающий отдавать овцам плодородные земли, Мор не поддержал его.

— Ох, вам, законникам, лишь бы спорить, — тихонько рассмеялся Малтон. — Увы, Мэтью, сейчас я слишком слаб, чтобы быть тебе достойным соперником.

— Прости. Ты в состоянии встать?

— Лишь для того, чтобы сходить в отхожее место. Даже сидеть в кресле для меня утомительно. Ну что ж, по крайней мере, я избавлен от необходимости идти в воскресенье в церковь и среди голых стен слушать службу на английском языке. — Он сокрушенно покачал головой. — Вот уж не думал, что Англия когда-нибудь дойдет до такого. — Темно-карие глаза Гая увлажнились слезами.

— Возвращаясь из Хатфилда, я видел церковь, где только что покрасили все росписи, — сообщил я. — Она показалась мне ужасающе пустой, словно бы лишившейся сердца, хотя на стенах и вывели цитаты из Священного Писания.

— Значит, друг мой, ты тоже признаешь, что реформаторы перегнули палку? — вполголоса осведомился Гай.

— Да, признаю.

— А что ты делал в Хатфилде?

— Посещал леди Елизавету.

— А, протестантскую принцессу, — холодно улыбнулся Гай. — Впрочем, нет, она не принцесса, а всего лишь леди. Как и ее сестра Мария. Браки короля Генриха с их матерями признаны недействительными. В отличие от брака с Джейн Сеймур. Никак не возьму в толк, какую цель преследовал ее брат, лорд-протектор, лишив сестер короля титула принцесс.

— Соображения лорд-протектора ведомы лишь ему одному, — пожал я плечами.

— Ты по-прежнему занимаешься приобретением земель для леди Елизаветы?

— Да, Гай. Не далее как в понедельник мне предстоит отправиться в Норидж. По поручению леди Елизаветы.

— В Норидж? — В голосе его прозвучало удивление. — И какого рода поручение ты должен там выполнить?

Я замешкался, но, вспомнив, что интуицию Малтона обмануть невозможно, решил быть откровенным:

— Поручение довольно необычное. Один из Болейнов, дальних родственников леди Елизаветы, обвинен в убийстве. Она хочет, чтобы я

провел расследование и удостоверился в том, что с этим человеком поступят по справедливости.

Гай вперил в меня пристальный взгляд:

— Ты давно уже не занимался подобными расследованиями, Мэтью. Если мне не изменяет память, с тех самых пор, как Джек Барак лишился руки.

— На этот раз дело вовсе не такое опасное. По крайней мере, к большой политике оно определенно не имеет никакого отношения.

— Молодой Николас поедет с тобой?

— Да. Он полон желания развеяться. И, говоря откровенно, Гай, я тоже рад возможности вырваться из Лондона. Признаюсь, мне ужасно надоело царапать пером по бумаге. Что же касается непосредственно дела, то если говорить кратко — этот человек обвиняется в убийстве своей жены. Предстоит разобраться, справедливо ли это обвинение.

В глазах Гая вспыхнула искорка интереса.

— Не хочешь ли рассказать мне эту историю подробнее? Может, я на время забуду о своей хвори.

Я был рад развлечь больного и с готовностью перечислил все известные мне факты, умолчав лишь о визите Эдит Болейн в Хатфилд. Когда я закончил, Гай откинулся на подушку; сперва я решил, что утомил его своим рассказом, но после догадался, что мой друг погружен в размышления.

— Возможно, когда близнецы были детьми, все их дикие выходки имели одну цель — если не завоевать любовь матери, то хотя бы привлечь ее внимание. Именно поэтому один из них и изуродовал другого.

— Жутковатый способ привлечь внимание.

— А как отреагировала на это мать? Впала в ярость?

— Судя по тому, что мне рассказывали, да. Правда, эта история дошла до меня отнюдь не в пересказе очевидца. Одному Богу известно, где здесь правда, а где вымысел.

— Если мать, увидев своего сына изуродованным, всего лишь разозлилась, то, вполне вероятно, дети решили — проливать кровь легко и просто. — Гай вновь погрузился в задумчивость. — А что собой представляет их отец? Человек, обвиненный в убийстве своей жены?

— Понятия не имею. Знаю только, что он привел в ужас всех соседей, через год после исчезновения законной супруги поселив в своем доме служанку из трактира. С ближайшим соседом у него давняя распря из-за границ земельного участка. К тому же сама фамилия Болейн по-прежнему воспринимается как позорное клеймо. Все это может сыграть против него на суде присяжных. На следующей неделе мне предстоит лично познакомиться с Джоном Болейном. Может, тогда я пойму, что это за человек.

— Надеюсь, ты вернешься живым и здоровым, — вздохнул Гай.

— Надеюсь, когда я вернусь, ты тоже будешь здоров.

Он вновь вскинул худую смуглую руку и уронил ее на одеяло.

— Похоже, мое паломничество на эту брэнную землю близится к концу. Что ж, оно было достаточно длинным. Как-никак мне уже шестьдесят шесть лет.

— В Библии говорится, что срок жизни человека на земле — семьдесят лет, при большой крепости — восемьдесят.

— Однако не многим удается прожить так долго, и мы с тобой прекрасно это знаем. Я думаю, мое время пришло. Не хочу видеть, что происходит в Англии. Не хочу видеть, как уничтожается Церковь, которой я отдал свою жизнь.

— Ты отдал свою жизнь не только Церкви, — напомнил я. — Множество больных людей нуждаются в твоей помощи. Должен признаться, в последнее время я часто пренебрегал упражнениями, которым ты меня научил. Боюсь, во время путешествия в Норфолк мне придется расплатиться за это отчаянной болью в спине. Когда вернусь, непременно буду следовать всем твоим советам.

Гай внимательно посмотрел на меня:

— Запомни, в седле тебе нужно сидеть высоко. Не вытягивай вперед шею и не опускай глаза. Знаю, изгиб твоего позвоночника вынуждает тебя смотреть вниз, но старайся гордо вскидывать голову.

— Постараюсь.

Я наклонился и сжал его руку, превратившуюся в кость, обтянутую кожей. На несколько мгновений в комнате повисло молчание, которое нарушил стук в дверь. Гай бросил на меня быстрый взгляд, в котором мелькнуло беспокойство, и крикнул:

— Войдите!

В комнату вошла Тамазин Барак; в одной руке она держала корзинку с продуктами, а другой сжимала ладошку маленького светловолосого мальчика.

— Я купила все, о чем вы просили... — начала объяснять она и осеклась, увидев меня.

Ее милостивое лицо, обрамленное белым чепцом, из-под которого выбивались пряди светлых волос, мгновенно приобрело ледяное выражение, а пухлые губы сжались.

Я не встречал Тамазин в течение последних трех лет; за это время она заметно постарела, у рта и вокруг глаз появились морщинки. Джорджу, ее маленькому сынишке, моему крестнику, вскоре должно было исполниться четыре; он появился на свет незадолго до нашего разрыва. Их младшую дочь я вообще не видел ни разу. Джорджи, вытаращив глазенки, смотрел на меня с откровенным любопытством.

— Да ниспошлет Господь тебе доброго дня, Тамазин, — негромко произнес я.

Она, отвернувшись от меня, как от пустого места, обратилась к Гаю.

— Пойду отнесу все это в кухню, — произнесла Тамми напряженным, лишенным всякого выражения голосом. — Когда Фрэнсис вернется, он приготовит похлебку из мяса и овощей. Мяса совсем немного, цены опять выросли, и у меня не хватило денег на хороший кусок.

— Мэтью зашел неожиданно, — пояснил Гай. — Я не стал говорить ему, что ты согласилась сходить за провизией для меня. Решил, быть может, увидев его...

Тамазин отвела глаза.

— Мне нужно спешить домой, — сказала она, и в голосе ее послышалась дрожь. — Я оставила Тильду на попечение мамы Маррис...

— Ох, Тамазин, Тамазин! — умоляюще воскликнул Гай. — Мэтью скоро уезжает в Норфолк. Я буду счастлив, если вы помиритесь прежде, чем он покинет Лондон. Вспомни, Господь учит нас милосердию и прощению.

Жена Барака упорно молчала.

— Кто этот дядя в черном? — раздался звонкий голосок маленького Джорджа. Он указал на меня пальчиком. — Спина у него

согнута. Он что, горбун?

— Тише, Джорджи, — сказала Тамми, притянув сына к себе.

Когда она повернулась ко мне, взгляд ее был по-прежнему исполнен ледяной неприязни.

— Я никогда не смогу простить вам того, что по вашей милости муж мой стал калекой, — процедила она. — Я вспоминаю о вас каждый вечер, когда помогаю Джеку снять жуткое приспособление, которое заменяет ему руку, и смазываю маслом его жалкую култышку. Вспоминаю, когда вижу, как бедняга морщится от боли. И чувствую, что никогда не смогу простить вас, — завершила она дрогнувшим голосом.

— Но Джек сам принял решение, — напомнил Гай.

— Я признаю свою вину. Признаю, что вовлек твоего мужа в опасное дело, — сказал я, глядя на Тамазин в упор. — Но когда-то мы с тобой были друзьями. Неужели впредь мы более не сможем хотя бы общаться вежливо, как подобает воспитанным людям?

— А она вам нужна, моя вежливость? — спросила Тамазин. — Вы хотите, чтобы я расточала любезности, когда сердце мое сжимается от злобы? — Она повернулась к Гаю. — Вам следовало сказать ему, что я скоро приду, и попросить уйти. — Она вновь взглянула на меня. — Так, значит, вы едете в Норфолк?

— Да. В Норидже мне предстоит расследовать одно дело.

— Муж мой тоже будет там, на выездной сессии суда. Надеюсь, вы будете держаться от него подальше. Когда Джек вернется, я непременно спрошу, виделся ли он с вами. И Богом клянусь, ему лучше ответить, что нет. А сейчас мне надо идти на кухню.

Тамми повернулась и вышла из комнаты, увлекая за собой Джорджа, который продолжал на меня таращиться.

Гай, расстроенный и огорченный, откинулся на подушку.

— Жаль, что все так вышло, — вздохнул он. — Тамазин иногда покупает нам продукты, так как бедный Фрэнсис не справляется со всей работой по дому и в аптеке. Я так надеялся, что вы помиритесь... — Он покачал головой. — Зря я упомянул про Норфолк. Совсем забыл, что Джек тоже собирается туда.

Я молчал, обуреваемый противоречивыми чувствами: стыдом, обидой, гневом.

— Тамазин всегда отличалась упрямством, — продолжал Гай.

— Да уж, упрямства ей не занимать, — кивнул я.

— После того как Джек попал в эту переделку, она трясется над ним, как курица над яйцом, — произнес Гай. — Полагаю, это вскоре выведет беднягу из терпения. Надо было предупредить тебя, что Тамми вот-вот вернется, дать тебе возможность уйти. Я поступил как последний эгоист.

— Ты поступил абсолютно правильно.

— Я знаю, вы с Джеком по-прежнему общаетесь, хотя и втайне от Тамазин, — с улыбкой заметил Гай.

— Да, и, несмотря на то что она тут наговорила, я намерен встретиться с Джеком в Норфолке, — признался я.

— Смотри только не втяни его в новую опасную авантюру, — попросил Гай, серьезно глядя на меня.

— Никуда я Барака втягивать не собираюсь, хотя его помощью, возможно, и воспользуюсь.

Гай кивнул. Я заметил, что веки его сами собой опускаются от усталости.

— Не буду больше тебя утомлять, — сказал я. — Надеюсь, через две-три недели мы встретимся вновь.

— Я тоже надеюсь на это, Мэтью.

Я покинул комнату и спустился по лестнице. Проходя мимо кухни, услышал, как Тамазин возится там с продуктами, раскладывая их по полкам. При этом она старалась не поднимать лишнего шума: эта женщина была не из тех, кто дает волю своим чувствам. Поколебавшись мгновение, я резко повернулся и вышел на улицу.

Глава 8

На следующий день, в субботу, я поднялся спозаранку. Стояло чудесное июньское утро, но у меня не было времени наслаждаться им; надо было побывать в Линкольнс-Инн, найти какого-нибудь дружески расположенного ко мне барристера, который возьмет на себя труд вести мои дела, пока я буду находиться в Норфолке. К счастью, подобные услуги в ходу между законниками, особенно во время выездных судебных сессий. К тому же мне предстояло снабдить необходимыми указаниями своего клерка Джона Скелли. Вечером я был приглашен на ужин в дом моего друга Филиппа Коулсвина.

После завтрака управляющий сообщил мне, что ему удалось нанять четырех хороших лошадей, которым предстояло доставить меня, Николаса, Локвуда и нашу поклажу в Норидж. Я от души поблагодарил его. Джон вручил мне письмо, только что доставленное гонцом из Хатфилда. Письмо было от Пэрри.

Приветствую Вас, мастер Шардлейк!

Надеюсь, это письмо попадет к Вам прежде, чем Вы отправитесь в Норфолк. Я заказал комнаты для Вас и мастера Овертона сроком на две недели, начиная с 13 июня, — по моим расчетам, раньше этого дня Вы никак туда не прибудете. Жить Вам предстоит в трактире «Девичья голова», одном из лучших в Норидже. Расположен он поблизости от городского собора, на площади под названием Тумлэнд; неподалеку находится рыночная площадь, а за ней — тюремный замок и Ширхолл, в котором будут проходить заседания суда. Как правило, законники, прибывающие на выездную сессию, останавливаются в трактирах, расположенных на рыночной площади, так что у вас будет возможность избежать слишком тесного общения с ними и оградить себя от лишних слухов и сплетен.

Вчера я имел случай встретиться с мастером Уильямом Сесилом, секретарем лорда-протектора, с которым Вы тоже знакомы. Мы с ним состоим в отдаленном родстве, и я полностью доверяю этому человеку во всех вопросах,

связанных с леди Елизаветой. В разговоре с Сесилом я упомянул о деле Болейна и попросил его не доверять слухам, ежели таковые до него дойдут. Я упомянул также, что Вы в скором времени прибудете в Норфолк, дабы провести там частное расследование.

Прошу, по прибытии в Норфолк незамедлительно напишите мне и сообщите, все ли у Вас благополучно.

Ваш преданный друг,

Томас Пэрри

До сей поры я и не знал, что Уильям Сесил приходится Пэрри родственником. Можно было не сомневаться, управляющий леди Елизаветы попросил его сделать все возможное, чтобы слухи о деле Джона Болейна не достигли ушей лорда-протектора. Из письма явствовало, что Пэрри снял для нас комнаты на постоялом дворе, расположенном в некотором отдалении от трактиров, где будут жить прочие юристы. Его желание держать наше дело в секрете было мне понятно, однако я понимал и другое: невозможно провести расследование с тщанием, которого требовала леди Елизавета, и при этом остаться в тени. Запечатанную просьбу о помиловании, которую она вручила мне, я поначалу хотел оставить дома, заперев в одном из ящиков комода, но потом все же решил взять с собой. Оставалось надеяться, что дать ей ход не придется.

Утро я провел в Линкольнс-Инн. К счастью, мне удалось без труда найти коллег, готовых взять на себя ведение моих дел. Договорившись с ними, я отправился в свою контору, где вручил Джону Скелли лист бумаги, исписанный указаниями. Николас тоже был там, заканчивая свои дела.

— Небось с нетерпением предвкушаешь нынешний вечер? — обратился я к нему.

— Еще бы, сэр! С вашей стороны было чрезвычайно любезно попросить мастера Коулсвина пригласить на ужин семейство Кензи.

— Догадываюсь, тебе не терпится увидеть прекрасную Беатрис.

Щеки Николаса слегка вспыхнули, а Скелли ниже склонился над бумагами, пряча улыбку. Беатрис Кензи, как я уже упоминал, была мне

не слишком по душе; но я не собирался препятствовать семейному счастью своего помощника, который, судя по всему, влюбился в эту девицу по уши.

— Вам известно, кто еще будет на ужине? — спросил Николас.

— Полагаю, только сами хозяева — Филипп Коулсвин и его супруга, мы с тобой и семейство Кензи. Да, еще, конечно, старая матушка Филиппа, которая теперь живет вместе с ними.

— А мастер Коулсвин не пригласил какую-нибудь леди, способную возбудить ваш интерес?

— Нет. Пару мне может составить только его старуха-мать. Но ей, насколько я помню, далеко за семьдесят.

Филипп был верным и надежным другом; мы познакомились с ним, когда представляли враждующие стороны в одном весьма неприятном деле, и он зарекомендовал себя как человек чрезвычайно честный и не чуждый милосердию и состраданию. Будучи сам убежденным протестантом, Коулсвин неизменно проявлял терпимость и понимание, когда дело касалось религиозных взглядов других людей. Филипп был близко знаком с отцом прекрасной Беатрис, тоже барристером; со свойственной ему добротой он согласился пригласить нас всех на ужин, предоставив Николасу возможность провести время в обществе предмета своих вздыханий.

Ужин был назначен на шесть часов вечера; я пешком проделал путь от своего дома до дома Коулсвина на Литтл-Бритн-стрит, поблизости от Смитфилдской площади. Дом моего друга стоял в ряду других старых зданий; крыши их, снабженные выступающими козырьками, давали желанную тень, защищая от солнца, которое сейчас, несмотря на вечернее время, по-прежнему палило. Лето, судя по всему, наконец-то вступило в свои права.

До того как отправиться на ужин, я занимался укладкой вещей и бумаг, которые намеревался взять в Норидж. В руки мне попало последнее письмо, которое я получил от своей прежней служанки, Джозефины. Насколько я помнил, в нем она сообщала, что ждет ребенка и что для них с мужем настали нелегкие времена. Тогда я послал ей немного денег; с тех пор прошло уже шесть месяцев, однако Джозефина более не подавала о себе весточки. Я взглянул на адрес на конверте: «Пит-стрит, неподалеку от церкви Святого Михаила;

Кослани, Норидж». Где это, я понятия не имел. Вспомнив, где предстояло поселиться мне самому, я невольно поежился: Пит-стрит, площадь Тумлэнд — ни одно из этих названий, прямо скажем, не внушало оптимизма^[3].

Я немного опоздал и прибыл на званый ужин последним. Памятуя о том, что в протестантских домах пышные наряды не в чести, я надел скромный коричневый дублет, единственным украшением которого служили шелковые шнуры с серебряными наконечниками, а поверх набросил летнюю шелковую мантию. Войдя в гостиную, я убедился, что Филипп, поднявшийся мне навстречу, одет еще более скромно: тесный его дублет оживлял лишь белый воротник рубашки. Он отрастил длинную бороду, весьма популярную среди религиозных радикалов.

— Да ниспошлет вам Господь доброго вечера, Мэтью, — произнес он, пожимая мою руку.

— Простите за опоздание.

— Не стоит извинений, тем более что опоздали вы совсем немного.

Супруга хозяина, Этельреда, подойдя, приветствовала меня реверансом. Этой привлекательной светловолосой даме, как и ее мужу, было около сорока лет. На ней было коричневое платье, волосы убраны под голубой французский чепец. Она совсем не походила на ту смертельно напуганную, изможденную женщину, с которой я познакомился три года назад. Охота за протестантскими еретиками, которую вел старый король, достигла тогда наивысшего накала.

— Этельреда, вы прекрасно выглядите. Как поживают ваши дети?

— Растут с невероятной быстротой и, конечно, без конца выдумывают новые проказы. Но у нас хороший домашний учитель, который умеет держать озорников в узде.

«А вот с братьями Болейн не смог ужиться ни один наставник», — невольно припомнил я.

— Входите же, Мэтью, — продолжала Этельреда. — Познакомьтесь с матушкой моего супруга.

Пожилая дама с седыми волосами, убранными под остроконечный головной убор, сидела в кресле; на ее круглом, изборожденном морщинами лице застыло выражение недовольства.

— Матушка, это адвокат Мэтью Шардлейк, наш добрый друг, — представила меня Этельреда. — Моя свекровь миссис Маргарет

Коулсвин.

Старая дама устремила на меня въедливый взгляд и криво улыбнулась:

— Вижу, голова ваша так же убелена сединами, как и моя. Теперь у молодых людей вошло в привычку выставлять свои волосы напоказ, скромные головные уборы более не в моде.

К нам подошел Эдвард Кензи, пятидесятилетний барристер, мой коллега по Линкольнс-Инн; и в религиозной, и в политической сфере он придерживался консервативных взглядов, но при этом ко всему на свете, включая закон, относился с неисправимым цинизмом. Более всего мастер Кензи любил вкусную еду, хорошее вино и занимательную беседу. Мне несколько раз доводилось встречаться с ним, и, несмотря на различие во мнениях, я проникся к этому человеку симпатией. На нем была мантия барристера, из-под которой выглядывал красный шелковый дублет; воротник рубашки украшала затейливая вышивка. Почтенная миссис Коулсвин неодобрительно нахмурилась, давая понять, что подобное щегольство ей не по вкусу. Однако Кензи был слишком жизнерадостен, чтобы обращать внимание на сердитые гримасы старухи; расплывшись в улыбке, он пожал мою руку.

— Брат Шардлейк, давненько мы не встречались с вами в суде! — воскликнул он. — Как видно, вы по горло заняты делами леди Елизаветы. Мастер Овертон рассказал моей дочери, что в понедельник вам предстоит отправиться в Норфолк по ее поручению.

— Да, скоро мы покинем Лондон.

Я отыскал глазами Николаса, который оживленно беседовал с Беатрис Кензи. Мой помощник был без мантии, но зато вырядился в зеленый атласный дублет с черным поясом, украшенным позолоченной пряжкой. И дублет, и пояс, несомненно, стоили ему немалых денег. Беатрис, в голубом платье с высоким стоячим воротником, с драгоценным кулоном на шее, выглядела очаровательно. Волосы у нее были темные, как и у отца, а лицо покрывал толстый слой пудры. Она внимала Николасу, вся превратившись в слух, чуть жеманно оттопырив нижнюю губку. Про себя я отметил, что именно это жеманство настраивает меня против нее; возможно, я был несправедлив к Беатрис, но мне всегда нравились умные, решительные женщины, а не легкомысленные кокетки. Поблизости от молодых людей, откровенно прислушиваясь к их разговору, стояла дама средних лет, настолько

похожая на Беатрис, что не оставалось никаких сомнений — это ее мать. На миссис Кензи было ярко-желтое платье с черными рукавами, вместо чепца на седеющих волосах примостилась модная шляпка.

Кензи подвел меня к ней:

— Моя супруга Лаура. Дорогая, позволь представить тебе барристера Мэтью Шардлейка, патрона Николаса.

Дама присела в реверансе; напряженное выражение лица, с которым она прислушивалась к разговору молодой пары, несколько смягчилось.

— Ах, сержант Шардлейк, я так много о вас слышала! — произнесла она преувеличенно любезным тоном. — Муж рассказывал, что прежде вы служили покойной королеве Екатерине, упокой Господь ее душу, а ныне служите леди Елизавете.

— Совершенно верно, хотя в прошлом я трудился также и в Палате прошений.

— Уж конечно, вы всегда сможете получить выгодные дела благодаря своим обширным связям! — Она оглянулась на Николаса и Беатрис. — И без сомнения, работая под вашим началом, молодой Овертон тоже сумеет приобрести необходимые знакомства.

В ее светло-голубых глазах светился откровенный расчет. Прежде я никак не мог понять, почему преуспевающий состоятельный барристер позволяет молодцу без гроша в кармане ухаживать за своей дочерью; теперь в голове моей забрезжила догадка. Причина, скорее всего, коренилась в миссис Кензи; имена моих патронесс внушали этой даме благоговение, и она рассчитывала, что благодаря мне Николас будет со временем вращаться в кругу сильных мира сего. Я взглянул на Беатрис, которая самозабвенно внимала рассказу юноши о визите в Хатфилд. Мысль о том, что юная особа, возможно, руководствуется теми же соображениями, что и ее матушка, кольнула мне сердце.

Увидев слугу, появившегося в дверях, Филипп громко хлопнул в ладоши:

— Идемте, друзья, нас ждет ужин!

Мы прошли в столовую, к изысканно накрытому столу, расселись и заправили салфетки за воротники. Рядом со мной сидела Лаура Кензи, с другой стороны, во главе стола, — Филипп. Напротив меня с помощью слуги уселась старая миссис Коулсвин. После молитвы Филипп предложил тост за «короля, нашего маленького кормчего». Слуги

подали первую перемену блюд — салат, вареные яйца, сыр, а также хлеб и масло.

— Впервые в этом году мы за ужином можем обойтись без свечей, — заметил хозяин дома.

Действительно, света, льющегося из окна, которое выходило в небольшой ухоженный сад, было вполне достаточно.

— Весна в этом году выдалась на редкость холодная, — продолжал Коулсвин. — Боюсь, это предвещает плохой урожай. А значит, бедняки станут еще беднее.

— Такая уж у них участь, — пожал плечами Эдвард Кензи. — В любом государстве есть бедные. Так было всегда, и так будет до окончания веков.

— Но не всегда простым людям приходится страдать так, как сейчас, — возразил Филипп. — На пенни нынче дают хлеба в два раза меньше, чем два года назад.

Коулсвин был горячим поборником государства общего блага, ратовал за кардинальные реформы как в обществе, так и в религии; подобно мне, он был убежден, что первейшая обязанность правительства — искоренить злоупотребления, которые привели к обнищанию огромного числа граждан. В поисках поддержки он повернулся ко мне.

— Да, цены сейчас растут как на дрожжах, — кивнул я. — В отличие от доходов крестьян и ремесленников.

— Цены растут для всех, — резонно заметила Лаура Кензи. — И женщинам вроде меня становится все труднее вести хозяйство. Или взять хоть моего брата, которому принадлежит несколько домов у Епископских ворот. Жизнь неуклонно дорожает, а плата, которую он получает от арендаторов, остается такой же, как и несколько лет назад. Разве это справедливо? — Повернувшись ко мне, она добавила, слегка вспыхнув: — Простите, что возражаю вам, сержант Шардлейк.

— Вам не за что просить извинения, сударыня. Вы имеете такое же право высказывать свое мнение, как и я.

— Кто-нибудь собирается завтра в собор Святого Павла, послушать, как архиепископ Кранмер будет служить по новой «Книге общих молитв»? — спросила Этельреда, решив направить разговор в иное русло.

— Мои жена и дочь хотят посетить часовню при Линкольнс-Инн, а я, скорее всего, пойду в собор Святого Павла, — безразличным тоном сообщил Эдвард Кензи. — Первая служба по «Книге общих молитв» — вне всякого сомнения, историческое событие.

Вспомнив о репутации сторонника религиозных традиций, которой пользовался Кензи, я взглянул на него с откровенным удивлением. Он не моргнув встретил мой взгляд:

— А вы намерены быть в соборе, брат Шардлейк?

— Да. Как вы справедливо изволили заметить, это и впрямь историческое событие.

— Наверное, в прежние времена вам доводилось выполнять поручения архиепископа? — спросила Лаура Кензи, чье благоговение перед первыми людьми королевства было куда сильнее религиозных убеждений.

— Да, во времена прежнего короля, — кивнул я. — Как бы кто ни относился к архиепископу Кранмеру, вне всякого сомнения, человек он искренний и честный.

Этельреда, просияв, подхватила:

— На прошлой неделе мы всей семьей ходили слушать проповедь епископа Латимера. Он говорил о том, что наше государство поражено тяжелым недугом и единственное средство, которое может ему помочь, — стремление ко всеобщему благу и справедливости.

— Ты все перепутала, Этельреда! — раздался скрипучий голос Маргарет Коулсвин. — Поистине, мозгов у тебя не больше, чем у блохи. Мастер Латимер сказал, что нам нужны реформы, это верно. Но этой теме он посвятил десять минут, а проповедь его длилась два часа. Больше всего он говорил об истинных бедах Англии: о приверженности людей плотскому греху, распутству и азартным играм. О том, что нам никак не удастся вырвать с корнем остатки папизма. А в заключение он предал проклятию всех мятежников, которые восстают против своих землевладельцев.

Старуха обвела сидевших за столом горящим взглядом, словно бы приглашая к жаркой схватке.

Этельреда залилась краской.

— Матушка... — предостерегающе начал Филипп.

— Сторонники идей всеобщего благоденствия и сочинители памфлетов, разумеется, станут цитировать только то, что епископ

Латимер сказал о земельных реформах, — откашлявшись, произнес Эдвард Кензи. — И уж конечно, при этом изрядно исказят смысл его слов. Надеюсь, епископ Латимер не предавал проклятию вкусные ужины, иначе все мы, собравшиеся здесь, обречены гореть в адском пламени. Впрочем, по мнению этого достойного проповедника, большинству из нас так или иначе предстоят адские муки, причем обстоятельство сие, судя по всему, его только радует. Яичный соус просто восхитителен, Филипп.

Дамы напряженно захихикали, только старая миссис Коулсвин сидела с каменным лицом.

— Хотя, по моему мнению, Латимер совершенно прав, осуждая тех крестьян, которым вздумалось устраивать мятежи, — продолжал Эдвард Кензи уже другим, более серьезным тоном. — Я слышал, недавно беспорядки вспыхнули в Уилтшире. Крестьяне попытались разобрать ограду, которую сэр Уильям Герберт возвел вокруг своего нового парка. Пришлось вызвать более двух сотен солдат, чтобы обратить бунтовщиков в бегство. Как вы понимаете, без кровопролития не обошлось. — Он вновь встретился со мной взглядом. — Кстати, супруга Герберта — родная сестра покойной королевы Екатерины. Вы что-нибудь слышали об этом мятеже?

— Нет. И с семейством Герберт мне довелось встретиться всего один раз в жизни, — осторожно заметил я. — Полагаю, возмущение, которое испытывают крестьяне, вполне понятно. Простым людям трудно смириться с тем, что огромный участок плодородной земли зарастает лесом, где высокородный лорд и его гости развлекаются охотой. Страсть землевладельцев к паркам оборачивается для арендаторов новой бедой. Мы, сторонники государства общего блага, считаем подобное положение вещей недопустимым.

— Я постоянно слышу об этом пресловутом общем благе, но никак не могу взять в толк, что, собственно, означают эти слова, — завил Кензи, в упор глядя на меня.

— Единство нации, экономическое равновесие, предполагающее, что даже самые бедные слои населения будут иметь достаточные средства к существованию.

— В апреле лорд-протектор издал указ, запрещающий незаконные огораживания пахотных земель, — вступил в разговор Филипп. — Насколько мне известно, он поручил Джону Хейлзу создать

специальную комиссию, которая этим летом проедет по всей Англии и уничтожит все незаконные пастбища, огороженные с тысяча четыреста восемьдесят пятого года. Наконец-то будут ликвидированы многие застарелые злоупотребления.

Поразмыслив, я произнес:

— Да, злоупотреблений в прошлом творилось немало, но еще больше их сейчас, когда общинные земли превращаются в пастбища. — Я невольно вспомнил о том, что происходило в Бриквелле. — Что касается того, возможно ли уничтожить все незаконные пастбища, устроенные аж с тысяча четыреста восемьдесят пятого года... — я сокрушенно покачал головой, — то для подобной работы потребуются сотня законников, которые посвятят этому несколько лет. К тому же крупные землевладельцы вряд ли легко смирятся с тем, что участки, которые они привыкли считать своими, будут возвращены в общинное пользование. Полагаю, вскоре после отъезда комиссии они с помощью магистратов вернут себе утраченные земли. Увы, благой замысел лорда-протектора не назовешь досконально продуманным. Его стремление к серьезным реформам не может не радовать, но в подобных вопросах необходимо действовать согласно тщательно разработанному плану.

— Любопытно, как члены комиссии узнают, какие земли принадлежали общине пятьдесят лет назад, если все документы утрачены? — спросил Кензи.

— Возможно, они будут опираться на свидетельства пожилых людей, которые помнят прежние времена, — предположил Коулсвин.

— Человеку, который был взрослым в тысяча четыреста восемьдесят пятом году, сейчас должно быть около восьмидесяти лет. Если он вообще дожил до наших дней, — усмехнулся Эдвард.

— Но дети наверняка помнят рассказы своих родителей и...

— Ерунда, Филипп! — нетерпеливо махнул рукой Кензи. — Вы сами понимаете, что суд не может опираться на подобные свидетельства. И кто они, эти люди, которых будут опрашивать члены комиссии? Мелкие арендаторы и наемные работники! Неужели им решать, кому должны принадлежать земли в Англии? Неужели их мнение важнее мнения крупных землевладельцев? Лорд-протектор Сомерсет хочет, чтобы политические дела вершили руки и ноги, а вовсе не голова. Но это противоречит всем законам, природным и Божеским!

— Единственное, к чему стремится лорд-протектор, — это быть справедливым, — веско произнес Филипп.

— Он желает сохранить свою репутацию Доброго Герцога, друга и защитника бедняков! — возразил Кензи. — Но уверен, в действительности его волнует лишь завоевание Шотландии.

— Порой мне кажется, что, если руки и ноги принимают участие в политических делах, это не так уж и плохо, — позволил себе заметить я. — И в любом случае голове следует заботиться о том, чтобы руки и ноги были здоровы и невредимы.

Старую Маргарет Коулсвин мое заявление привело в ужас.

— Вы что, отрицаете общественный порядок, заведенный Господом? — проскрипела она. — Подобно вам, сэръ, рассуждали анабаптисты, которые хотели низвергнуть весь мир в пучину анархии и разрушения!

— Помню, года три назад религиозные консерваторы называли анабаптистами всех без исключения протестантов, — изрек я с ледяной улыбкой. — Странно, что ныне обвинения в анабаптизме в ходу у убежденных реформаторов. Насколько мне известно, миссис Джоан Бошер обвинили в анабаптистской ереси. Думаю, сейчас ею занимается лорд-канцлер Рич, тот самый, что подверг пыткам Энн Аскью. Возможно, миссис Бошер тоже отправят на костер. Удивительно, как повернулось колесо судьбы.

Старуха ничего не ответила, лишь метнула в меня злобный взгляд. В комнате повисло напряженное молчание. Тут, к великому нашему облегчению, подали вторую перемену блюд: ростбиф с пряными травами и цыпленок в лимонном соусе. Все с оживлением принялись за еду.

— Благодарю вас за прекрасный ужин, миссис Коулсвин! — провозгласил Эдвард Кензи. — Угощение удалось на славу.

— Рада слышать. Сейчас так трудно достать необходимую провизию, все невероятно дорого, да и прилавки опустели. Говорят, купцы намеренно придерживают товары, чтобы продать их, когда цены взлетят еще выше.

— Не сомневаюсь, что так оно и есть, — кивнул Кензи. — Думаю, каждый сидящий за этим столом согласен с тем, что рост цен — это весьма серьезная проблема. — Он обвел всех взглядом. — Но в чем корень этой проблемы, вот вопрос? Да, конечно, торговцы

придерживают товары, и это влечет за собой их дальнейшее подорожание. Но главная причина роста цен — снижение реальной стоимости денег. Не случайно в этом году, когда государство два раза чеканило новые монеты, цены взлетели, как никогда прежде. Война с Шотландией — это настоящая пропасть, в которую улетают все государственные деньги. И ведь всякому здравомыслящему человеку ясно: никаких шансов на победу у Англии нет. Шестилетняя Мария, королева Шотландская, сейчас во Франции. Она никогда не станет супругой короля Эдуарда. Французские войска уже в Шотландии и готовы защищать ее границы. Но лорд-протектор намерен продолжать эту обреченную на провал войну, невзирая на все невзгоды, которыми сие чревато для Англии.

— И все же, сэр, Англия должна отстаивать свои интересы! — подал голос Николас, сидевший на дальнем конце стола. — Всякий раз, когда дело доходило до войны с Францией, Шотландия наносила нам удар с тыла. Если Шотландия будет в нашей власти, мы обезопасим заднюю дверь в свой дом.

— Тем не менее война, которую затеял лорд-протектор, стала для нас настоящим бедствием! — раздраженно процедил Кензи. — Форты, построенные Сомерсетом, падают, как карточные домики. Все его упования на поддержку шотландских протестантов оказались напрасными. Английские солдаты дезертируют целыми отрядами. Поверьте, мастер Овертон, эта злополучная война — корень всех наших проблем. Серебро, необходимое для чеканки монет, уходит на военные расходы. Уменьшать количество серебра в монетах начал еще король Генрих, но по сравнению с тем, что творит лорд-протектор, это сущие пустяки!

— Я вовсе не согласен с тем, что война с Шотландией обречена на поражение, — заявил Николас. — Сейчас Англия как раз готовит новое наступление, и уверен, оно будет успешным.

— На прошлой неделе я видела, как по улицам Лондона проходил отряд швейцарских наемников, — сообщила Этельреда. — Все они были закованы в латы и вооружены арбалетами.

— Я тоже их видел, сударыня! — подхватил Николас; лицо его аж светилось от возбуждения, в которое молодых людей неизменно приводят разговоры о войне. — Впечатляющее зрелище!

— Я бы сказала, пугающее зрелище, — негромко поправила Этельреда. — Неизвестно, чем все это обернется для нас.

— Но они принесли присягу королю! — напомнил Николас.

— Они принесут присягу любому, кто им заплатит, — вступил в разговор я. — В этом вопросе я совершенно согласен с мастером Кензи.

— Уважающей себя нации не следует бояться войны, — отчеканил Николас.

Я бросил взгляд на Беатрис, сидевшую напротив Николаса. Не проявляя ни малейшего интереса к спору о войне, девушка вполголоса беседовала с Этельредой Коулсвин. Смотрела она только на свою собеседницу, не поворачивая головы к Николасу, и, следовательно, лишала его возможности принять участие в разговоре. По-моему, то был очередной прием женского кокетства; по расчетам Беатрис, Овертон, удостоившись наконец ее милостивого взгляда, должен был преисполниться чувства благодарности.

— А вы что думаете о войне, очаровательная мисс Беатрис? — спросил я. — Вы согласны с вашим отцом? Или же вам ближе мнение мастера Николаса?

Беатрис, смущенная и растерянная, вспыхнула и повернулась к своей матери.

— Моя дочь не имеет своего мнения по поводу столь серьезных политических дел, — со снисходительной улыбкой ответила Лаура Кензи. — Она воспитана в убеждении, что молодым девицам не стоит ломать себе голову над вопросами, которые находятся за пределами их разумения.

На лице Беатрис мелькнуло облегчение.

— Да, Николас, разум у меня девический, и с этим ничего не поделаешь. — Метнув на меня откровенно враждебный взгляд, она вновь повернулась к нему и беззаботно прошептала: — Давайте прекратим разговор о войне. Подобные споры наводят лишь скуку и страх. А я так беспокоюсь за вас, ведь на следующей неделе вам предстоит отправиться на север.

— Всего лишь в Норфолк, мисс Беатрис, а это весьма далеко от Шотландии, — любезно заверил ее Николас.

В глубине души я не сомневался, что Беатрис, несмотря на свой девический разум, прекрасно осведомлена об этом обстоятельстве. Овертон слегка коснулся пальцами ее руки. Красавица лучезарно

улыбнулась, словно приглашая всех сидевших за столом посмеяться над своей очаровательной глупостью.

«Нет, милая моя, похоже, ты вовсе не глупа», — подумал я.

— Мне так жаль, что вы уезжаете, Николас, — продолжала Беатрис. — А вдруг, вернувшись, вы станете изъясняться на местном наречии и я не сумею вас понять?

— Что ж, по крайней мере, мы научили свою дочь говорить так, как принято в высших кругах, — изрекла Лаура Кензи.

Судя по всему, чувство юмора не входило в число достоинств этой дамы, что меня ничуть не удивило; согласно моим наблюдениям, достоинство сие чрезвычайно редко уживается со спесью и чванством.

— Наречие, на котором говорят в Норфолке, не слишком сильно отличается от лондонского, — заметил я. — В конце концов, Норидж не такое уж захолустье. Это второй по величине город в Англии.

— К тому же там есть очень красивые здания, — подхватил Эдвард Кензи. — Например, кафедральный собор и городская ратуша.

— Вам доводилось там бывать? — спросил я.

— Да, много лет назад я занимался одним делом, которое привело меня в Норидж. По слухам, в последнее время город этот переживает упадок.

Тут Филипп напомнил, что близится вечерний звон; появляться на улицах после десяти было строжайше запрещено. Мы поднялись из-за стола; думаю, никто не сожалел об окончании ужина, прошедшего в столь напряженных спорах. За окнами сгущалась темнота; пришлось зажечь свечи. Филипп приказал своему управляющему нанять мальчиков-факельщиков, которые проводили бы нас домой. Ожидая, когда они появятся, мы вышли на свежий воздух. Эдвард Кензи подошел ко мне.

— Занятный сегодня выдался вечер, брат Шардлейк, — произнес он. — Я рад, что мы с вами согласны во взглядах на войну. Но скажите, неужели вы действительно считаете, что существующий общественный порядок необходимо изменить? Неужели вы, в отличие от всех прочих джентльменов, не опасаетесь разбушевавшейся черни? Неужели вы ходите по улицам в одиночестве, а не только в сопровождении вооруженного мечом помощника? Не отводите полный отвращения взгляд, когда нищие тянут к вам руки, демонстрируя язвы и раны, в большинстве своем поддельные?

— Признаюсь, брат Кензи, я действительно отвожу взгляд от нищих, но со стыдом, а не с отвращением. Наверное, тот, кто отворачивается от чужих язв, не имеет права рассуждать о всеобщем благоденствии. И все же я не могу не сознавать, что в нашем обществе слишком много несправедливости.

Кензи ничего не ответил; он с улыбкой наблюдал, как Овертон, прощаясь с Беатрис, целует ей руку и рассыпается перед девушкой в любезностях.

— Молодой Николас — славный малый, — проронил Кензи. — Хотя, бесспорно, он излишне дерзок. — Эдвард пристально посмотрел на меня; глаза его блестели в свете свечей, льющемся из окон дома. — Ваши связи в высшем обществе совсем вскружили голову моей жене. Вы ведь когда-то служили у лорда Кромвеля, не так ли?

— Говорить о моих связях в высшем обществе означает грешить против истины, мастер Кензи. Никаких высокопоставленных покровителей у меня нет и сроду не было. Я всего-навсего помощник мастера Пэрри, управляющего двором леди Елизаветы.

— Для того чтобы произвести впечатление на Лауру, этого вполне достаточно, — усмехнулся Кензи.

Скорее всего, его совершенно не волновало, насколько глубоки чувства, возникшие между Николасом и его дочерью; до тех пор пока жена ничего не имела против ухаживаний молодого человека, он тоже не собирался возражать. Я прислушался к долетавшему до меня разговору. Лаура Кензи выражала надежду, что Николас, вернувшись из Норфолка, пожалует к ним на семейный обед.

— О да, мы с нетерпением будем вас ждать! — подхватила Беатрис, лаская Николаса взглядом огромных глаз.

Этот нежный взгляд показался мне фальшивым; Овертон, разумеется, был иного мнения. Но влюбленные, как известно, слепы.

Глава 9

Праздник Святой Троицы пришелся в этом году на девятое июня. С этого дня службы во всех церквях должны были вестись по новой «Книге общих молитв». Утром я надел мантию и сержантскую шапочку и, захватив с собой пресловутую книгу, отправился в собор Святого Павла. Идти мне пришлось в одиночестве. Николас всеми правдами и неправдами старался избегать церковных служб; что касается Джона Гудкола, то в ответ на предложение присоединиться ко мне управляющий слегка смутился и заявил, что он и его жена предпочли бы пойти в ту церковь, которую посещают каждое воскресенье. Я не стал настаивать. Для себя я решил, что подобное историческое событие пропустить невозможно.

Проходя под воротами Темпл-Бар, я вспоминал вчерашний вечер. Возможно, недоверие, которое внушала мне Беатрис Кензи, не имело под собой ни малейших оснований. Мы с этой девушкой были едва знакомы, и, уж конечно, я был не вправе одобрять или не одобрять выбор Николаса. Тем не менее, решил я, во время нашего пребывания в Норфолке стоит осторожно расспросить молодого человека, каковы его намерения относительно Беатрис.

Я миновал Ладгейт; величественный шпиль собора Святого Павла уже маячил впереди. Вокруг ворот, как всегда, толпились нищие. Оборванные дети протягивали свои худые как палочки ручонки; калеки, лишенные той или иной конечности, уверяли, что получили увечья на войне. Вспомнив свой вчерашний спор с Эдвардом Кензи, я вытащил кошелек и дал шиллинг прозрачной от худобы маленькой девочке. Сопровождаемый криками «Сэр, подайте и нам тоже, мы умираем с голоду!», я поспешно зашагал прочь, опасаясь, что нищие увяжутся следом, и сожалея, что со мной нет провожатого.

Когда я пришел в собор, служба еще не началась. Войдя, я увидел, что вдоль стен на равных расстояниях стоят солдаты королевской гвардии. Все первые лица города уже собрались: лорд-мэр Эмкоут и лондонские олдермены в красных мантиях; главы торговых гильдий в разноцветных плащах; члены Тайного совета в мантиях, отороченных мехом, с тяжелыми золотыми цепями на шее. Разумеется, здесь были

Ричард Рич, на изможденном лице которого застыло неизменное суровое выражение, и недавно получивший дворянство Уильям Паджет, чье грубое широкое лицо, казалось, стало еще шире, а длинная раздвоенная борода — еще длиннее. Неподалеку от него стоял брат Екатерины Парр, маркиз Нортгемптон, которого я узнал по ярко-рыжей бороде, обрамлявшей худое вытянутое лицо; он лениво перелистывал свой молитвенник. До чего же этот человек не похож на свою сестру, невольно отметил я. Парр пользовался репутацией человека недалекого, хотя и обладавшего изысканными манерами; своим стремительным карьерным взлетом он был обязан исключительно родству с покойной королевой. Я заметил и Уильяма Сесила; на узком его лице застыло напряженное выражение, а пронзительный взгляд был устремлен в толпу. Встретившись со мной глазами, он едва заметно кивнул. Я кивнул в ответ, вспомнив тот невероятно холодный, тревожный январский день, когда пути наши в очередной раз пересеклись. Филипп Коулсвин сидел на скамье рядом с женой и дочерью, но они расположились в дальнем конце нефа, так что нас разделяла толпа.

Но вот главная дверь распахнулась; все взгляды устремились на процессию священнослужителей, направлявшихся к алтарю. Шествие возглавлял Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский; длинная седая борода и умные голубые глаза придавали ему особенно благообразный вид, а желтоватое лицо было исполнено спокойной властности; в руках он держал «Книгу общих молитв».

Поднявшись на кафедру, Кранмер начал праздничную службу, выговаривая каждое английское слово с особой ясностью и звучностью. В тексте новой службы прославление святых отсутствовало. Собравшиеся украдкой переглядывались, словно ожидая, что кто-нибудь вот-вот возвысит голос в защиту старой привычной латыни; но все шло своим чередом. Когда богослужение приблизилось к своей кульминации — «вечере Господней и Святому причастию, обычно называемому мессой», как осторожно выражалась новая богослужбная книга, — царившее в соборе напряжение достигло наивысшего накала. Во время чтения приуготовительных молитв не было произведено никаких действий, знаменующих подготовку к причастию, — ни омовения рук, ни крестных знамений, ни благословений. Архиепископ, подняв чашу с хлебом и вином, принялся читать нараспев, по-прежнему на звучном и отчетливом английском: «Дозволь нам, Господь

Милосердный, вкусить плоти возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа и испить Его крови во время сего великого таинства, дабы мы пребывали в Нем, а Он — в нас».

Да, с начала и до конца богослужения каждое слово действительно было произнесено по-английски. Я огляделся вокруг. Множество лиц светилось от счастья, но наряду с ними встречались также печальные и хмурые; тишина в соборе стояла такая, что, урони кто-нибудь булавку, это услышали бы все. Когда служба завершилась и Кранмер сошел с кафедры, толпа наконец пришла в движение; раздались вздохи, зашуршали одежды; люди оглядывались на соседей, наблюдая за их реакцией. Придав своему лицу непроницаемое выражение, я вслед за прочими двинулся к выходу.

Двое мужчин, тоже в адвокатских мантиях, пробирались ко мне сквозь толпу. В том, что был ниже ростом, я узнал Сесила. Вслед за ним шел человек лет сорока, высокий и плотный; его чисто выбритое лицо казалось бы красивым, если бы не надменное выражение глубоко посаженных карих глаз и рта с недовольно опущенными уголками. Незнакомец смерил меня презрительным взглядом, словно перед ним стоял нечистый на руку торговец, которого он собирался обвинить в мошенничестве.

Сесил, напротив, расплылся в улыбке и пожелал мне доброго утра. Щеки его, обрамленные жидкой бородкой, разрумянились, а глаза светились воодушевлением.

— Ну, сержант Шардлейк, какое впечатление на вас произвела новая служба? — осведомился он.

— Мы стали свидетелями великих перемен, — уклончиво ответил я.

Спутник Сесила слегка нахмурился, и я догадался, что он не разделяет энтузиазма молодого секретаря. Уильям, сменив свой восторженный тон на деловой и сдержанный, представил нас друг другу:

— Адвокат Шардлейк, познакомьтесь с сэром Ричардом Саутвеллом. Он вскоре станет членом Тайного совета и помогает леди Марии выполнять обязанности верховного феодала в Норфолке. Насколько мне известно, завтра вы отправляетесь именно в те края. Полагаю, знакомство с сэром Ричардом будет для вас нелишним.

Я поклонился, Саутвелл удостоил меня едва заметного кивка. Я вспомнил, что Пэрри упоминал о своем недавнем разговоре с Сесилом. Несомненно, Уильям, представляя нас друг другу, преследовал какую-то цель.

— Мне сообщили, что вы собираетесь заниматься делом Джона Болейна, — изрек Саутвелл высокомерным тоном, вполне соответствующим выражению его лица. — Полагаю, вы лишь впустую потратите время. Нет никаких сомнений в том, что этот человек виновен и будет отправлен на виселицу, — процедил он, натягивая перчатки на свои крупные мясистые руки.

— Пока мне мало что известно об этом деле, сэр Ричард, — осторожно сказал я. И после недолгого колебания спросил: — Если я располагаю верными сведениями, вы владеете землями, которые граничат с владениями Джона Болейна?

— Полагаю, да. — Саутвелл пренебрежительно махнул рукой. — Но у меня в одном лишь Норфолке более тридцати поместий. Нет никакой возможности держать в памяти, с чьими землями они граничат.

Растянув губы в понимающей улыбке, я произнес:

— Вероятно, кто-то из ваших служащих уже беседовал с женой Болейна?

Саутвелл вновь нахмурился и, опустив веки, бросил на меня холодный оценивающий взгляд:

— Существует закон относительно того, как следует распоряжаться землями, владелец которых казнен. А эта женщина, живущая в доме Болейна, никоим образом не является его законной супругой. Полагаю, куда больше ей подходит слово «шлюха». — Он зашелся скрипучим смехом, обнажив гнилые зубы.

— Да, появление Эдит Болейн после девятилетнего отсутствия делает повторный брак ее мужа недействительным, — подхватил Сесил. — Полагаю, брат Шардлейк прекрасно это понимает, — добавил он, повернувшись к Саутвеллу. — Единственная цель его расследования — удостовериться в том, что с обвиняемым поступили по справедливости.

— Для этого существует суд присяжных, мастер Сесил. Простите, джентльмены, я вас покину. Здесь слишком душно. Возможно, мы с вами встретимся в Норфолке, мастер Шардлейк, — произнес Саутвелл с легкой угрозой в голосе, повернулся на каблуках и двинулся прочь.

Уильям, вскинув бровь, проводил его взглядом.

— Прошу прощения за манеры Саутвелла, — негромко произнес он, когда мы тоже направились к выходу. — Таков уж он есть, и с этим надо смириться. Я решил, что вам следует с ним познакомиться.

— Мне известно, что один из помощников Пэрри, барристер Копулдейк, трепещет перед Саутвеллом как осиновый лист, — заметил я.

— Саутвелл — один из самых богатых и влиятельных людей в Норфолке, — почти шепотом сообщил Сесил. — Ему принадлежит более пятнадцати тысяч овец, которые пасутся на норфолкских землях. В течение длительного времени он служил герцогу Норфолку, но несколько лет назад, когда старый король пожелал уничтожить эту семью, Саутвелл дал на суде показания против герцога. Наградой ему послужила должность исполнителя королевской воли. Саутвеллу было также обещано, что, как только кто-нибудь из членов Тайного совета оставит этот мир, он займет место покойного. Ныне, когда леди Мария приобрела земли Норфолка и является верховным феодалом этих мест, Саутвелл поступил к ней на службу. Как бы то ни было, этот человек обладает большим могуществом.

— Насколько я понимаю, он отнюдь не питает расположения ни к леди Елизавете, ни к семейству Болейн, — подытожил я. — Не удивлюсь, если он нацелился на поместье Джона Болейна.

— Если Болейн будет осужден и Саутвелл пожелает приобрести его земли, мой вам совет — не чините ему препятствий, — произнес Сесил, впериw в меня взгляд. — Вследствие своей приверженности религиозным традициям — которую он не считает нужным скрывать — Саутвелл не может подняться так высоко, как ему, несомненно, хотелось бы. Но так или иначе, он пользуется доверием лорда-протектора. Леди Мария заявила, что в ее домашней церкви никогда не будут служить по новой книге. С ней придется вести долгие переговоры, и тут Саутвеллу предстоит сыграть важную роль.

— Сделаю все, что от меня зависит, чтобы не испортить с ним отношений, — уныло вздохнул я.

— Тем более что это в интересах леди Елизаветы. Да и в ваших собственных интересах тоже. Наживать себе такого врага, как Саутвелл, вам вовсе ни к чему.

— Я слышал, он был обвинен в убийстве?

— Да, — оглядевшись по сторонам, едва слышно ответил Сесил. — Семнадцать лет назад сэра Ричарда прикончил в Вестминстере своего соседа, норфолкского землевладельца. Вонзил тому в грудь нож — и поминай как звали. Разумеется, его отдали под суд, но он заплатил старому королю кучу денег и получил помилование. Кстати, в прошлом году Саутвелл попытался покрыть преступление своего приспешника, молодого шалопая по имени Джон Аткинсон. Тот похитил четырнадцатилетнюю девочку из рода Норфолк и против ее воли женился на ней. Семья девушки обратилась к лорду-протектору за помощью и защитой, и тот восстановил справедливость. Брак был аннулирован, девушка вернулась домой, а Саутвелл имел весьма неприятный разговор с протектором. — Сесил снова вперил в меня пристальный взгляд. — Так что имейте в виду: это на редкость жестокий человек, который ни перед чем не остановится. К тому же он обладает могущественными связями. Постарайтесь не перейти ему дорогу.

— Учитывая, что земли Саутвелла граничат с землями Джона Болейна, я не удивлюсь, если он имеет отношение к убийству. Если, как вы только что сказали, он пускает в ход любые средства...

— Получив в прошлом году внушение от протектора, Саутвелл стал осторожнее, — покачал головой Уильям. — И Богом вас заклинаю, никому не рассказывайте о том, что слышали от меня!

— Разумеется, я буду нем как рыба. И конечно, сделаю все от меня зависящее, чтобы не переходить дорогу Саутвеллу. Поверьте, мастер Сесил, я отправляюсь в Норфолк вовсе не для того, чтобы искать на свою голову неприятностей.

— Но неприятности имеют обыкновение сваливаться на вашу голову сами, — едва заметно улыбнулся Сесил. Остановившись, он оглянулся на кафедру, на которой во время службы стоял Кранмер. — Сегодня был сделан важный шаг. Надеюсь, на этом мы не остановимся, и вскоре во время богослужения будет отчетливо произнесено: хлеб и вино — это не более чем воспоминание о той жертве, которую принес Христос.

— Таково желание лорда-протектора?

— Таково желание короля, — веско ответил Сесил. — Они с лордом-протектором едины во мнении.

Мы подошли к дверям собора. Уильям пожал мне руку на прощание:

— Надеюсь, мастер Шардлейк, у вас будет время осмотреть Норидж. Это на редкость красивый город. Кстати, невзирая на консервативные взгляды леди Марии и Саутвелла, в большинстве своем жители Норфолка являются сторонниками церковных реформ. И повторяю: не лезьте на рожон!

С этими словами он спустился по ступенькам к ожидавшим его слугам.

Я не спешил уходить, нежась в лучах утреннего солнца. Ко мне подошел Филипп Коулсвин в сопровождении Этельреды и двоих старших детей. Как и Сесил, он буквально светился воодушевлением.

— Итак, дело сделано! — провозгласил Филипп.

— Да, архиепископ Кранмер, бесспорно, выдающийся проповедник, — кивнул я.

— Было очень приятно видеть вас вчера за нашим столом, — продолжал Филипп. — Жаль только, что разговор быстро перерос в спор.

— Такова участь всех разговоров в нынешние времена, — улыбнулся я. — Тем не менее мы прекрасно провели время: вкусная еда, достойное общество. Спасибо, что пригласили семейство Кензи.

— Эдвард Кензи — убежденный консерватор, но, как ни странно, это не мешает мне испытывать к нему симпатию.

— Мне этот человек тоже по душе. По крайней мере, он говорит, что думает.

— Хотя его жена... — начала Этельреда и тут же осеклась.

— Возможно, чем меньше говоришь о ней, тем лучше, — вскинув бровь, произнес Филипп.

Мы рассмеялись.

— Сразу после возвращения из Норфолка вы должны отужинать у нас снова, — предложил Коулсвин.

— С превеликим удовольствием.

Ощувив легкий укол зависти при виде столь безоблачного семейного счастья, я простился со своими друзьями и пошел прочь. Мысли мои вертелись вокруг Эдварда и Джозефины Браун. Их ребенок уже должен был появиться на свет. Приехав в Норфолк, первым делом разыщу их, пообещал я себе.

Я шел куда глаза глядят; толпа, собравшаяся в начале переулка, ведущего к Картер-лейн, заставила меня остановиться. Пробравшись вперед, я увидел какого-то человека, который стоял на коленях, закрыв лицо руками. Сквозь пальцы его струилась кровь; на булыжной мостовой атели кровавые пятна. Вокруг сгрудилось с полдюжины хохочущих солдат в белых мундирах, украшенных крестом Святого Георгия. На память мне пришли братья Болейн и маленький оборванец, на которого они устроили охоту. Впрочем, то, что происходило сейчас, было еще хуже. Толпа, по большей части состоявшая из ремесленников и подмастерьев — впрочем, было в ней и несколько женщин, — с интересом наблюдала за расправой, встречая одобрительными возгласами каждый новый удар. Получив очередной пинок тяжелым солдатским сапогом, несчастный застонал и схватился за стену, чтобы не упасть.

— Я не шпион, — твердил он с сильным шотландским акцентом. — Я живу в Лондоне уже десять лет и все эти годы честно работаю...

— Если ты шотландец, то почему не сражаешься вместе со своими соотечественниками? — крикнул кто-то из толпы.

— Да ты, видно, не знаешь, что такое честь! — рявкнул здоровенный солдат, судя по всему зачинщик. Он поднял ногу, чтобы нанести очередной удар. — Эй ты, трусливый шпион, открой свою харю! Я отделаю тебя так, что и мать родная не узнает!

Толпа внезапно расступилась. К великому своему облегчению, я увидел внушительную фигуру в красной мантии, с золотой цепью на шее — то был лорд-мэр Эмкоут в сопровождении дюжины вооруженных дубинками констеблей. Лицо его, обрамленное длинной седой бородой, было искажено яростью. Рядом с ним стоял какой-то человек в офицерском мундире, высокий и тощий, с крючковатым носом и короткой каштановой бородой. На вид ему было лет сорок; выражение изборожденного шрамами лица свидетельствовало о характере властном и решительном.

— Именем короля, прекратите! — взревел лорд-мэр. — Богом клянусь, я отправлю вас всех на виселицу за мятеж и дезертирство! Капитан Друри, призовите своих людей к порядку! — Он метнул яростный взгляд на офицера, стоявшего рядом с ним.

Тот ответил не менее злобным взглядом, однако приказал солдатам встать по стойке смирно. Они незамедлительно повиновались, оставив злополучного шотландца. Мэр повернулся к толпе, которая на глазах начала редеть.

— Убирайтесь прочь! — крикнул он. — Здесь вам не петушинные бои!

Шотландец попытался встать, но ноги отказывались ему повиноваться; взгляд мой встретился со взглядом его заплывших глаз. Он сплюнул кровавую слюну вместе с двумя выбитыми зубами. Заметив это, капитан Друри ухмыльнулся так, что по спине моей пробежала дрожь.

— Что у вас здесь за разборки, ребята? — спросил он беззаботно, словно речь шла о не стоящей внимания ерунде.

— Мы решили прогуляться по городу, сэр, посмотреть, что там происходит, — ответил здоровенный парень, избивавший шотландца с особым рвением. — Этот шотландский ублюдок выполз из таверны и во всеуслышание обозвал англичан свиньями! Спустить ему это безнаказанно было бы для нас бесчестьем, сэр!

Шотландец, подняв разбитое лицо, бросил на лорд-мэра исполненный отчаяния взгляд. Он попытался оправдаться, но рот его был полон крови и голос звучал невнятно:

— Клянусь, я ничего такого не говорил! Я всего лишь покупал у разносчика книгу, а солдаты услышали мой акцент и набросились на меня! Я живу в Лондоне уже десять лет и честно зарабатываю свой хлеб...

— Как именно? — спросил лорд-мэр, глядя на бедолагу с нескрываемым отвращением. — Чем ты занимаешься?

— Я работаю у торговца зерном, сэр. Его зовут мастер Джексон, и его лавка находится у причала Трех Журавлей. Я доставляю зерно из доков, помогаю на складе, и все такое... У меня есть жена и дети...

— Вашим людям следует находиться в лагере, а не шататься по городу, устраивая заварухи, — процедил лорд-мэр, повернувшись к капитану Друри.

— Этот человек оскорбил их, — ответил капитан. — Вполне вероятно, он действительно шпион.

— Шпион не стал бы привлекать к себе внимания! — раздраженно возвысил голос лорд-мэр. — Богом клянусь, Друри, ваши солдаты

слишком распустились, и я не намерен больше этого терпеть. Предупреждаю: я непременно сообщу лорду-протектору, что их поведение становится невыносимым. А теперь забирайте своих людей и ведите их в лагерь в Ислингтоне, который им не следует покидать!

Друри посмотрел на своих солдат и вновь повернулся к Эмкоуту.

— А что делать с этим шотландским псом, сэр? — спросил он, и в голосе его прозвучал откровенный вызов. — Неужели оскорбление солдат его величества сойдет мерзавцу с рук?

Эмкоут попытался было испепелить его исполненным ярости взглядом, но капитан даже бровью не повел. Лорд-мэр, испутив тяжкий вздох, обратился к констеблям:

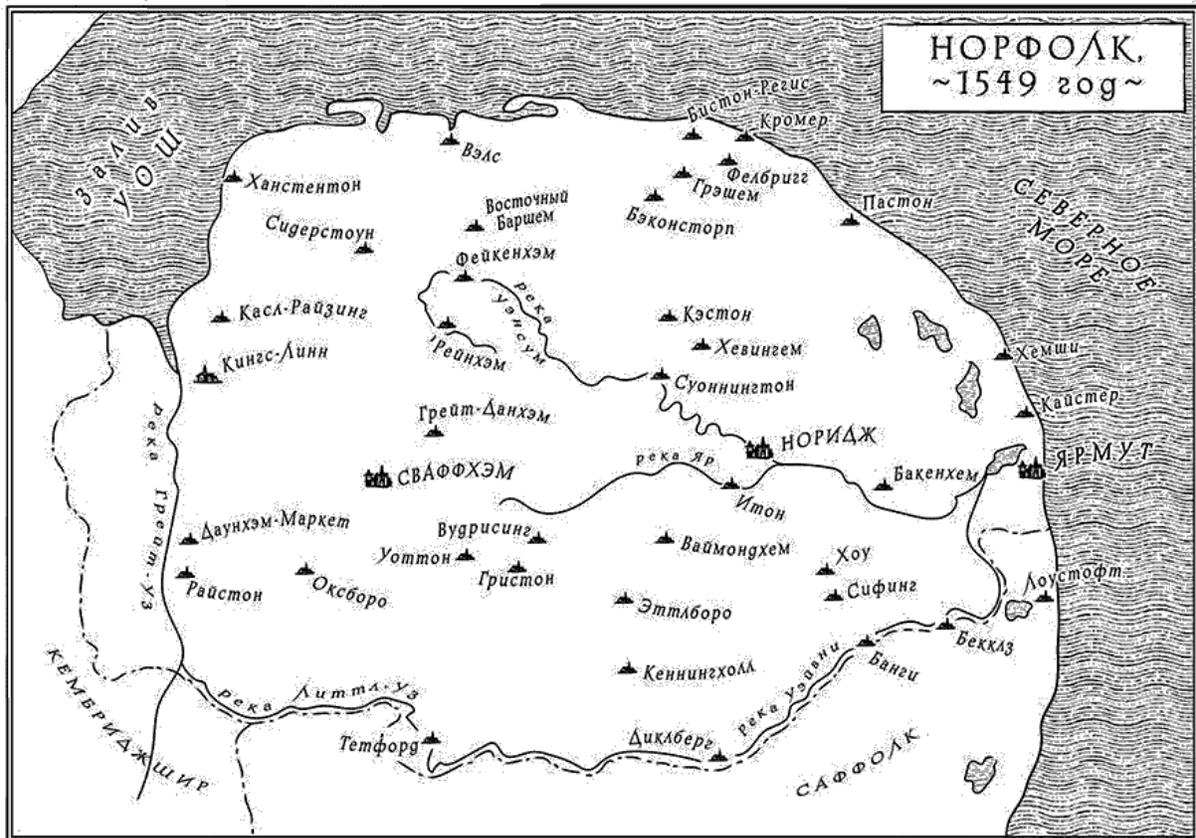
— Отведите этого человека во Флитскую тюрьму. Пусть там его допросят с пристрастием.

Капитан Друри вновь растянул губы в своей жутковатой ухмылке, поклонился и приказал солдатам следовать за ним. Громко топоча, они удалились. Два констебля, схватив шотландца за руки, потащили его прочь; ноги несчастного волочились по булыжной мостовой, а по лицу стекали струйки крови.

Мне вспомнился мой старый друг капитан Джордж Ликон; он участвовал в обеих войнах с Францией и утонул на боевом корабле «Мэри Роуз». Да Ликон сгорел бы со стыда, если бы его подчиненные устроили нечто подобное. Однако затянувшаяся война, как видно, превращает людей в скотов. Булыжники, залитые кровью, блестели в ярком свете солнца. Глядя на них, я молил Господа впредь уберечь меня от таких зрелищ.

Часть вторая

Норидж

Глава 10

Предполагалось, что мы прибудем в Норидж в четверг, тринадцатого июня, вскоре после полудня. Путешествие было длительным: сначала на север через Мидлсекс и Хартфордшир, а потом на северо-восток, в сторону Норфолка. Солнечная теплая погода благоприятствовала нам, но после холодной зимы и дождливой весны дороги пребывали в плачевном состоянии. Множество раз лошадям приходилось тащиться по колено в жидкой грязи. Как я и опасался, для моей горбатой спины длительное путешествие стало тяжким испытанием; к тому времени, когда мы наконец оказались в Норфолке, я весь уже извелся от боли. Николас сочувственно относился к моей немощи, в то время как Тоби Локвуд настаивал на том, что следует ехать как можно быстрее; моих мучений он, казалось, не замечал. Гордость мешала мне объяснить Тоби, что быстрая езда для меня губительна; однако на второй день пути Овертон поговорил с ним, после чего Локвуд несколько сбавил скорость. Теперь мы подстегивали лошадей, лишь заведя на дороге группу бродяг; таковых было предостаточно, и все они тащились на юг, в Лондон.

От моего внимания не ускользнуло, что Тоби и Николас, которым во время ночевки на постоялых дворах приходилось спать в одной комнате, не слишком хорошо поладили между собой. Они почти не разговаривали друг с другом; при этом со мной Тоби был неизменно вежлив и предупредителен, хотя и держался независимо. Впрочем, этого молодого человека никак нельзя было назвать разговорчивым, да и в любезных манерах его сквозил некоторый холодок. Свойственная Николасу джентльменская привычка свысока разговаривать с людьми, стоящими ниже его на общественной лестнице, даже если ему предстояло работать с ними бок о бок, отнюдь не помогала Тоби проникнуться к моему помощнику симпатией.

В Норфолк мы въехали через Тетфорд; дорога шла через лес, который лишь изредка сменялся полями и обширными землями, отданными под пастбища. В лесах преобладали древние дубы, покрытые свежей листвой, но мы так спешили, что не могли позволить себе отдохнуть под их сенью. Вскоре после того, как Тетфорд остался

позади, Тоби указал направо и сообщил, что в нескольких милях отсюда находится Кеннингхолл, дворец леди Марии.

Длинная прямая дорога привела нас сначала в крохотный городок Этлборо, а потом в Ваймондхем, несколько превышавший его размерами; оба этих названия ничего мне не говорили. Название второго города Тоби произносил как «Виндхам», что несколько сбilo меня с толку, ибо на карте, с которой я постоянно сверялся, такого населенного пункта не было.

— Здесь написано «Ваймондхем», — поправил я.

— Мы в Норфолке частенько сокращаем названия, — пояснил Тоби. — Если слово слишком длинное, выпускаем средний слог. Жители Норфолка легко справляются с любыми трудностями.

Я улыбнулся, радуясь тому, что ему не чуждо чувство юмора.

После Ваймондхема местность вдоль дороги изменилась. Лесов стало значительно меньше. Вплоть до горизонта расстилались равнины; все они были возделаны, за исключением песчаных пустошей, поросших незабудками и изрытых кроличьими норами. Картина оказалась в точности такой, каковую я ожидал увидеть: лоскутное одеяло разрезанных на полосы полей, множество обнесенных оградами ферм, иногда довольно больших. Что меня удивило, так это размеры пастбищ; никогда прежде я не видел, чтобы столь значительные участки земли были отданы овцам. Животные эти выглядели весьма необычно: шерсть у них была куда длиннее, чем у тех, что разводят в окрестностях Лондона, и ниспадала выющимися прядями чуть ли не до самой земли. Пастбища были огорожены плетеными изгородями высотой примерно футов в пять; порой эти изгороди тянулись вдоль дороги на несколько миль, а рядом с большинством из них были прорыты канавы. На полях то и дело встречались работники, пропалывающие посевы, которые поднялись вовсе не так высоко, как это обычно бывает в середине июня. Что касается пастбищ, там людей почти не было, лишь изредка встречался пастух с мальчиком-подпаском или же с собакой. Один из таких псов долгое время бежал за нами по другую сторону ограды, заходясь яростным лаем; он так перепугал овец, что бедные животные сбились в кучу, жалобно бляя.

По пути нам встретилось несколько деревень. Через открытые окна домов можно было увидеть ткачей, сидевших за станками. Женщины и дети, стоя в дверях, пряли шерсть, проворно вращая

деревянными веретенами. Люди смотрели на нас неприветливо; мало кто дал себе труд снять шапку и поклониться, как это принято среди крестьян при встрече с джентльменами. В одной из деревень путь нам преградила груженная сеном повозка, которую тащила дряхлая кляча. Возница, парень в блузе из грубой холстины, ехал по самой середине дороги, даже и не думая посторониться. Я решил, что он не видит нас, и крикнул:

— Эй, приятель, а ну-ка, позволь нам проехать!

Парень и ухом не повел. Николас, нахмурившись, рявкнул что есть мочи:

— Прочь с дороги, невежа! Мы спешим по делу государственной важности!

Возница, расправив плечи, продолжал упорно ехать по центру дороги.

— Здесь вряд ли стоит действовать грубостью, мастер Овертон, — сказал Тоби, бросив на Николаса холодный взгляд.

В обращении «мастер» прозвучала горечь, которой я никогда прежде у него не замечал.

— Прости моему спутнику его манеры, старина! — крикнул Локвуд с подчеркнутым норфолкским акцентом. — Будь так добр, позволь нам проехать! Нам срочно нужно в Норидж!

Возница оглянулся, кивнул и сдвинул свою телегу ближе к обочине.

Когда деревня осталась позади, Николас процедил, обращаясь к Тоби:

— Вот уж не думал, что при обращении со здешними фермерами требуются изысканные манеры.

— Изысканность, пожалуй, ни к чему, а вот приветливость и любезность никогда не помешают, — усмехнулся Локвуд. — Особенно людям в адвокатских мантиях. Да будет вам известно, мастер Овертон, в Норфолке законники не пользуются особым расположением.

Заночевали мы в Ваймондхеме, в одном из тракторов. Спина у меня так разболелась, что я не мог передвигаться без палки, которую предусмотрительно захватил с собой. Во дворе трактора, когда слуга отвел лошадей в конюшню, Николас сочувственно заметил:

— Вид у вас утомленный, сэр.

— Ничего, завтра приедем в Норидж, там у меня будет возможность отдохнуть. По крайней мере, от верховой езды, — сказал я и добавил, понизив голос: — Думаю, старина, ты поступишь разумно, если будешь обращаться с Тоби по-дружески. Он хорошо знает местные нравы и обычаи, и это чрезвычайно важно для нас.

— Да я бы рад, но этот парень сразу меня невзлюбил и не считает нужным скрывать этого. Вчера принялся читать мне мораль, словно мы с ним ровня, разъяснять, что алчность дворянства — причина всех бед в нашей стране. Выслушивать подобную ахиною я считаю ниже своего достоинства. Да и вообще, такие разговоры небезопасны — особенно сейчас, когда в западных графствах снова начались беспорядки.

Насчет беспорядков Овертон был абсолютно прав. В каждом трактире, где мы останавливались на ночлег, до нас долетали слухи о вспыхнувшем в Девоне мятеже, который перекинулся в Корнуолл и Хэмпшир. Никто не мог в точности сказать, что именно вызвало протесты — службы по новому английскому молитвеннику, злоупотребления землевладельцев или же и то и другое вместе.

— Со мной Локвуд никогда не заводит подобных разговоров, — пожал я плечами.

— Вы платите этому парню жалованье, и поэтому он с вами почтителен. А я теперь прекрасно понимаю, почему Копулдейк так грубо его третировал.

— Николас, судя по твоим рассказам, твой отец отнюдь не был примером истинно джентльменского поведения, — мягко заметил я.

— Я стараюсь не походить на него и вести себя сообразно своему положению, — не без гордости ответил Овертон.

— Тогда попробуй подружиться с Тоби. Поупражняйся в приветливости и любезности, которые, по его словам, так необходимы законникам в Норфолке, — с улыбкой посоветовал я.

Однако Николас не улыбнулся в ответ.

— Постараюсь, — мрачно буркнул он.

На следующее утро мы выехали спозаранку. Когда до Нориджа оставалось всего несколько миль, Тоби указал на песчаную дорогу:

— Она ведет в бриквеллские поместья.

Приглядевшись, я различил вдали очертания двухэтажного особняка, — вероятно, то был дом Джона Болейна.

В середине дня мы пересекли реку Яр. Впереди уже маячил величественный шпиль Нориджского кафедрального собора. Подъехав ближе к городу, мы увидели и другие шпили, а также зубчатые городские стены, расступавшиеся лишь в том месте, где несла свои темные коричневые воды пересекавшая город река Уэнсум, берега которой поросли камышом.

Дорога была плотно забита повозками, доставлявшими в Норидж провизию и прочие товары; подъехав к самым большим и пышно украшенным городским воротам, мы вынуждены были остановиться. В широкую арку ворот, по обеим сторонам от которой возвышались две круглые башни, могла въехать только одна повозка, а их перед нами стояло несколько. Лошади наши нетерпеливо переминались с ноги на ногу у деревянного моста, переброшенного через глубокий ров, тянувшийся вдоль городских стен; подобно всем рвам за пределами Лондона, он был наполнен вонючими отбросами. На стенах, как водится, была устроена виселица, на которой болтались полусгнившие останки закованного в цепи злоумышленника; пара ворон клевала его почерневшую плоть. Я поспешно отвернулся и устремил взгляд в другую сторону, рассматривая стены, сложенные из темного камня и снабженные многочисленными бойницами. Я заметил, что во многих местах они начали разрушаться и, несомненно, требовали ремонта.

— Эти стены вряд ли могут служить надежной защитой, — сказал я, обращаясь к Тоби. — И они куда ниже, чем я ожидал. Не идут ни в какое сравнение с теми, что окружают Лондон или же Йорк.

— Эти стены построены для украшения города, а не для обороны, — кивнул Тоби. — Возвели их два столетия назад, еще до Великой чумы. Город был тогда значительно больше.

Наконец мы въехали в ворота и двинулись по Нориджу. Меня поразило множество незастроенных пространств: справа от нас тянулся поросший травой пустырь, где возвышался стрельбищный вал, на котором практиковались лучники, а слева — фундамент огромного дома, как видно недавно снесенного.

— Прежде здесь находился монастырь Святой Марии, — пояснил Тоби. — Правительство продало этот участок Спенсерам, одной из самых богатых семей в Норфолке.

Мы продолжали путь. Дома теперь стояли более тесно, за фасадами многих зданий угадывались внутренние двory, на нижних этажах находились лавки. В одном месте дорогу пересек мелкий зловонный ручей. Множество лавок торговали кожевенными товарами; в воздухе висел густой запах свежесделанной кожи. Толпа на улицах казалась далеко не такой плотной, как в Лондоне, и тем не менее народу хватало: ремесленники в кожаных или холщовых куртках, подмастерья в синих фартуках, домашние хозяйки в чепцах. Время от времени попадался джентльмен в расшитом дублете, с мечом на поясе. Про себя я отметил, что джентльмены здесь предпочитают расхаживать по улицам в сопровождении нескольких вооруженных слуг, а горожане выглядят еще беднее, чем в Лондоне. Многие местные жители ходили босиком, одежда их превратилась в лохмотья, а щеки запали от недоедания. Нищие, прислонившись к стенам домов, умоляюще смотрели на прохожих. Взгляды, которые они бросали на нас, были исполнены откровенной неприязни. Вспомнив о Джозефине и ее муже, я ощутил укол тревоги.

Слева, на вершине искусственно насыпанного холма, возвышался норманнский замок, гигантское сооружение из камня; снизу он был облицован кремнем, а сверху — потемневшим от времени известняком. Подобно большинству норманнских замков, он производил впечатление могущества и неприступности. И, разделяя общую участь подобного рода строений, ныне он служил тюрьмой. Тоби указал на небольшое здание, стоявшее неподалеку от замка:

— Это Ширхолл. Там будет происходить выездная сессия суда.

— А мастер Болейн, как я понимаю, сейчас заключен в замке.

— Отсюда вряд ли убежишь, — изрек Николас, озирая каменную громаду. — Единственный путь из этого замка ведет в суд.

— Вы правы, мастер Овертон, — подхватил Тоби. — Но вот из суда есть два пути — на свободу или на виселицу.

Я не стал вмешиваться в разговор, однако вспомнил, что в кармане у меня лежит просьба о помиловании, подписанная леди Елизаветой. Даст Бог, все сложится так, что пустить в ход эту бумагу мне не придется.

Мы поравнялись с самой большой рыночной площадью, которую мне когда-либо доводилось видеть; она имела форму прямоугольника и спускалась к реке. Проезжая мимо прекрасной старинной церкви, я

заметил, что восточное окно украшает чудом уцелевший изысканный витраж.

— Это церковь Святого Петра Мэнкрофта, — сообщил Тоби. — В ней по воскресеньям собираются самые богатые и влиятельные горожане, так называемые отцы города.

У подножия поросшего травой холма, на котором стоял замок, устроили скотный рынок: покупатели, с озабоченным видом расхаживая вдоль загонов, разглядывали стоявших в них животных. Что же касается главного городского рынка, раскинувшегося на мощенной булыжником площади, он был закрыт; на дверях лавок висели замки, работники в кожаных фартуках выметали мусор из-под пустующих прилавков.

— Базарные дни здесь среда и суббота, — продолжил свои объяснения Тоби. — В субботу народу собирается столько, что яблоку негде упасть.

Свернув на рыночную площадь, мы пересекли ее. В центре возвышался огромный резной крест, высотой примерно с двухэтажный дом. На краю площади стояло впечатляющих размеров здание, облицованное кремнем и известняком, фасад его украшал узор из чередующихся черных и белых квадратов.

— Это ратуша, — сообщил Тоби. — Здесь вершатся все городские дела, устанавливаются размеры налогов и пошлин, проводятся собрания гильдий.

У дверей ратуши, в сопровождении вооруженных слуг, стояло несколько джентльменов в богатых дублетах. Озирая рыночную площадь, они о чем-то негромко беседовали.

— Члены городского совета и шерифы, — пояснил Локвуд. — Представители самых знатных семей в городе. Стюарды, Энгвиши, Сотертонны. А вот тот жирный коротышка в красной мантии — мэр города Томас Кодд собственной персоной.

Я заметил, что неподалеку от ратуши возвышается еще одна виселица, на сей раз без повешенного. Рядом находились колодец под навесом и невысокие здания городских складов.

— Вы сказали, тесть Джона Болейна является членом городского совета, — напомнил я.

— Да. Его зовут Гэвин Рейнольдс. Но после того как стало известно об убийстве их дочери, они с женой не выходят из

собственного дома на площади Тумлэнд. Рейнольдс известен своим заносчивым и вспыльчивым нравом, но, если вы явитесь к нему в мантии барристера, думаю, он не откажется вас принять, — едва заметно улыбнулся Тоби. — Он выдал свою дочь за Джона Болейна, когда Анна Болейн собиралась стать королевой. Уж конечно, полагал, что, породнившись с этой семьей, прибавит себе весу в обществе. Но звезда Анны Болейн закатилась слишком быстро.

Прежде чем я успел ответить, нас окружила толпа оборванных детишек, неведомо откуда взявшихся. Протягивая к нам исхудалые ручонки, они жалобно канючили:

— Подайте на пропитание! Мы умираем с голоду!

К немалому моему удивлению, Тоби, грозно нахмурившись, рявкнул:

— Ну-ка, заткните глотки и убирайтесь прочь!

Мы продолжили путь, сопровождаемые хором оскорблений:

— Чертов горбун! Жадюги! Гореть вам всем в аду!

Я вопросительно взглянул на Тоби.

— С этим народом, сэр, необходимо держать ухо востро еще больше, чем в Лондоне, — вполголоса произнес он. — Стоит вам разок подать милостыню, и вас уже не оставят в покое. Конечно, непросто быть суровым с этими несчастными детьми, ведь в большинстве своем они действительно голодают. В прошлом месяце в городе был введен новый налог в пользу бедных, но средства, которые удалось собрать, слишком ничтожны, — добавил Локвуд дрогнувшим от гнева голосом.

На дальнем конце площади, за ратушей, теснилось несколько трактиров. У дверей их стояли люди, занятые оживленной беседой. Именно в этих трактирах будут жить законники, прибывшие на выездную сессию, догадался я. Когда мы подъехали ближе, крупный мужчина под сорок, отделившись от одной из групп, направился к нам. На нем были зеленый дублет и черные штаны, из-под широкополой красной шляпы выбивались каштановые волосы. Тоби изумленно вытаращил глаза, заметив, что у него отсутствует правая рука, которую заменяет металлический прут с крюком на конце, наполовину скрытый кожаным чехлом. При помощи этого крюка мужчина нес кожаную сумку.

— Джек! — воскликнул я, пожимая его протянутую левую руку. — Вот уж не ожидал увидеть тебя, едва въехав в Норидж!

— А я так вообще не ожидал увидеть вас здесь, — усмехнулся Барак. — Но когда я заметил джентльмена, окруженного толпой наглых попрошайек, сразу смекнул, что это вы. Привет, Николас! Как дела, верзила ты этакий?

— Превосходно! — ответил Николас.

Тоби, судя по всему, несколько шокировала подобная фамильярность. Но мой бывший помощник происходил из лондонских беспризорников и, естественно, не отличался изысканностью манер; к тому же Джек считал себя наставником Николаса, да и в опасную переделку, которая стоила бедняге правой руки, мы попали втроем.

— Это мастер Локвуд, — представил я Тоби. — Он житель Нориджа и любезно согласился помочь нам в деле, которое привело нас сюда.

Барак и Тоби обменялись рукопожатиями.

— Вы здесь по делу? — спросил Барак. — Это связано с выездной сессией суда?

— Да.

— Наверное, какая-нибудь земельная тяжба?

— Не совсем, — ответил я после недолгого колебания. — Если ты располагаешь временем, Джек, я с удовольствием расскажу об этом деле во всех подробностях. Но почему ты уже здесь? Если не ошибаюсь, заседания суда начнутся только на следующей неделе.

— Да, все судьи еще в Кембриджшире, — кивнул Барак. — Меня выслали вперед — разнюхать, какова атмосфера в Норидже, какие постановления лорда-протектора здесь выполняют, а какие посылают к чертям, насколько рьяно народ молится по новому молитвеннику, и все такое. Ну и конечно, надо приглядеть людей, которые сгодятся на роль присяжных. — Он бросил выразительный взгляд в сторону своих недавних собеседников. — Как раз этим я сейчас и занимался. Так все же какое дело заставило вас притащиться сюда? — прищурившись, поинтересовался он. — Неужели уголовное? Тогда вам не позволят представлять обвиняемого.

— Поговорим об этом позднее, — негромко произнес я. — Где ты остановился, старина?

— В трактире, что стоит на самом берегу реки, в дальнем конце Холм-стрит. Называется он «Голубой кабан». Отсюда далековато, но

такова уж моя участь — не жалеть своих ног. А вы где собираетесь поселиться?

— На площади Тумлэнд, в трактире «Девичья голова».

— Неплохое местечко. Я проезжал мимо, когда прибыл сюда. — Джек помолчал, пристально глядя на меня. — Вид у вас, мастер Шардлейк, неважнецкий. Похоже, скверно себя чувствуете?

— Да нет, не так уж скверно, — не без раздражения бросил я. — Всего лишь адски болит спина, но мне к этому не привыкать. Слушай, Барак, а давайте сегодня пропустим по кружке пива в этом твоём «Голубом кабане»? Встретимся в семь.

— Заметано. Заодно расскажете мне, каких неприятностей вам вздумалось искать на свою голову на этот раз.

Барак подмигнул Николасу, отсалютовал Тоби своей железной рукой и, повернувшись, направился обратно к своим собеседникам.

Покинув рыночную площадь, мы оказались в центре города, который представлял собой лабиринт узких, запруженных народом улиц. Судя по беспрестанно доносившемуся металлическому лязганью, поблизости располагался квартал ремесленников, занимавшихся ковкой и резьбой по железу. Я заметил, что вокруг много новых домов.

— Лет сорок назад два пожара, вспыхнув один за другим, буквально выжгли центр Нориджа, — пояснил Тоби. — С тех пор деревянных домов здесь больше не строят. Видите, больше всего зданий из кремня. Прежде из этого камня строили только церкви, устоявшие во время пожара.

— В городе полно церквей, — заметил Николас.

— Говорят, в Норидже больше церквей и пивных, чем в любом другом городе Англии, — сказал Тоби, и губы его тронула улыбка, что случилось с ним крайне редко. — Я так понял, человек, с которым мы только что встретились, прежде был вашим помощником? — уточнил он, повернувшись ко мне.

— Да. Его зовут Джек Барак.

Мы проехали мимо впечатляющих размеров старинного каменного дома; в двери его то и дело входили ремесленники, тащившие тюки материи. Из рассказа Локвуда мы узнали, что прежде здесь находился большой доминиканский монастырь. После упразднения монастыря король Генрих продал его здания городу. Потом мы оказались на улице,

вдоль которой тянулись новые дома, явно построенные уже после пожаров; в большинстве своем то были особняки состоятельных горожан. Тоби сообщил, что квартал этот называется Элм-Хилл. Неподалеку от очередной церкви, возведенной из кремня, улицу пересекала другая, более широкая. Свернув на нее, мы увидели мост, переброшенный через мутные коричневые воды реки. Тоби, однако, двинулся в противоположном направлении. Перед глазами у нас теперь маячил устремленный в небо шпиль величественного собора. В некотором отдалении возвышался поросший травой холм — редкость для плоского рельефа Норфолка; склоны холма были усыпаны бесчисленными точками, и, приглядевшись, я понял, что это овцы.

Локвуд остановился в самом конце улицы, на небольшой площади неподалеку от ограды собора.

— А вот и Тумлэнд, — провозгласил он.

— Но почему эта площадь так называется? — осведомился я. — Наверное, прежде здесь было церковное кладбище?

— Нет, — покачал головой Тоби. — Насколько мне известно, ничего такого тут никогда не было. Возможно, название Тумлэнд придумали еще древние саксонцы. На этой площади живут только самые богатые горожане. — Он указал налево, на открытые ворота огромного здания. — А это главный вход в трактир «Девичья голова», где вам предстоит жить.

Въехав в ворота, мы оказались в конюшенном дворе. Упитанный коротышка средних лет в красивом черном дублете, выйдя нам навстречу, расплылся в радушной улыбке.

— Добро пожаловать в «Девичью голову», сэр! — воскликнул он, пожимая мне руку. — Это лучший трактир в Норфолке, а я, Агустус Теобальд, имею честь быть его хозяином.

Ноги у меня так затекли, что отказывались повиноваться. Спешившись с помощью табуретки, которую принес расторопный слуга, я выяснил, что не могу сделать ни шагу. Николас поспешно подал мне палку. Ощущая нестерпимую боль между лопатками, я вынужден был прислониться к водокачке над колодцем. Мастер Теобальд встревоженно посмотрел на меня:

— Вы нездоровы, сэр?

— Говоря откровенно, я чувствую себя не лучшим образом. Переезд верхом из Лондона стал для меня серьезным испытанием. Но ничего страшного, все пройдет, стоит мне лишь немного полежать.

— Вы уверены? — с беспокойством спросил Николас; никогда прежде он не видел меня в столь беспомощном состоянии.

— Слишком много внимания моей скромной персоне! — отрезал я и повернулся к хозяину трактира. — Комнаты для нас троих заказал мастер Томас Пэрри.

— Боюсь, мы ожидали всего лишь двоих гостей, — смущенно пробормотал трактирщик.

— Все правильно, — подал голос Тоби. — Видите ли, несколько дней назад я написал вам и отказался от комнаты. Ферма моих родителей находится всего в трех милях отсюда. Они будут рады, если я поселюсь у них. А ежедневные поездки в город не отнимут много времени.

— Как видите, недоразумение уладилось, — кивнул я мастеру Теобальду. — Будьте добры, распорядитесь, чтобы поклажу доставили в наши комнаты, а лошадей отвели в конюшни, накормили и как следует вычистили.

— Все будет сделано наилучшим образом, — с поклоном ответил трактирщик.

— Николас, проследи за тем, как будут разгружать вещи, — распорядился я. — Мне надо перемолвиться парой слов с Тоби. Мастер Теобальд, где бы нам поговорить с мастером Локвудом, причем сидя?

Трактирщик провел нас в дом; указав на просторную уютную столовую, он упомянул, что в прошлом гостями его заведения были Екатерина Арагонская и кардинал Уолси. Оставив нас в хорошо обставленной гостиной, Агустус Теобальд с поклоном удалился. Через несколько минут появился слуга, который принес две кружки пива, а также хлеб и сыр, что оказалось весьма кстати. Я с превеликим облегчением опустился в кресло, получив наконец возможность дать отдых своей многострадальной спине.

— Если вы хотели остановиться у родителей, вам следовало заранее предупредить меня об этом, — пробурчал я, буравя Тоби суровым взглядом. — Времени у нас немного, а дел предстоит уйма. Я рассчитывал, что вы, с вашим знанием города, постоянно будете рядом.

— Прошу прощения, — ответил Локвуд, теребя своими крупными пальцами курчавую черную бороду; взгляд мой встретился с пристальным взглядом его умных голубых глаз. — Дело в том, что моя матушка серьезно больна и очень хочет повидаться со мной. Обещаю каждый день неукоснительно прибывать сюда к тому часу, который вы назначите.

— Ваша мать больна?

— Она никогда не отличалась крепким здоровьем, а в последнее время работа на ферме совершенно лишила ее сил. К тому же все хлопоты оказались напрасными — судя по высоте нынешних всходов, на богатый урожай рассчитывать не приходится.

— Боюсь, что так, — согласился я.

— Надеюсь, вы не слишком рассердились на меня, сэр, — добавил Тоби.

— Конечно, я понимаю ваши чувства, — вздохнул я. — Но завтра вы понадобится мне с самого раннего утра. Я намерен посетить Джона Болейна в тюрьме, а затем попытаюсь добиться встречи с родителями Эдит Болейн. Послезавтра я собираюсь поехать в Бриквелл. На нынешний вечер у меня намечена встреча с Баракком, так что вы можете отправляться на ферму к родителям. Кстати, далеко ли отсюда находится трактир «Голубой кабан»?

— Я нарисую вам план. — Собеседник с сомнением взглянул на меня. — Сэр, вы уверены, что вам не следует посвятить этот вечер отдыху?

— Ничего, я отлично прогуляюсь, опираясь на палку. — В голосе моем против воли опять зазвучали раздраженные нотки. — Разумеется, если прежде у меня будет возможность немного полежать.

— Возможно, вам стоит взять с собой мастера Николаса.

— Полагаю, я сумею дойти до «Голубого кабана» без посторонней помощи. — Я злился все больше и больше. — Тем более мне нужно кое-что обсудить наедине с мастером Баракком.

— Хорошо одетым путешественникам не рекомендуется разгуливать по улицам Нориджа в одиночестве, особенно по вечерам, — веско произнес Тоби. — Воров и грабителей здесь даже больше, чем в Лондоне.

— Печально, — пожал я плечами. — Похоже, несмотря на обилие красивых домов, многие жители Нориджа пребывают в крайней нужде.

— Так оно и есть, сэр. Уже в течение нескольких лет богатые купцы, которые занимаются торговлей шерстью, размещают ткацкие цеха за пределами города, дабы не следовать тем жестким правилам, что устанавливают для мануфактур гильдии. Все производство тканей сосредоточилось в руках нескольких человек. Зачастую они контрабандой переправляют ткани на кораблях в Европу, в основном в Голландию. В результате состоятельные семьи — мы видели их представителей сегодня у ратуши — становятся все богаче. Но бедным от их богатства не перепадает ни крошки. А теперь, когда цены растут как на дрожжах, а многие фермерские работники, лишившись своих мест, устремились в город, положение простых людей стало еще печальнее.

Голос Тоби, по обыкновению, звучал спокойно и ровно, однако взгляд его был полон горечи.

— Возможно, Комиссия по огораживаниям, которую собирается учредить лорд-протектор Сомерсет, сумеет исправить ситуацию, — предположил я.

— Вы и правда так думаете, сэр?

На память мне пришел разговор с Эдвардом Кензи в минувшую субботу.

— Боюсь, значительных перемен к лучшему ожидать не приходится, — осторожно заметил я. — У комиссии будет слишком мало времени, да и землевладельцы, вне всякого сомнения, станут чинить ей препятствия.

— Так считают многие, — кивнул Локвуд, откинувшись на спинку стула. — Мой отец полагал, что никто никогда не помешает ему пасти своих коров и волов на общинных землях. Однако три года назад землевладелец огородил значительную часть этого пастбища для своих овец и заявил, что имеет на это полное право. Теперь фермерский скот вынужден тесниться на крохотном лоскутке земли. В последнее время отцу удавалось сводить концы с концами, продавая зерно, — урожаи, слава богу, были щедрыми. Но как он выкрутится в этом году, невозможно себе представить... — покачал головой Тоби.

— Сочувствую вашему отцу.

— Я рассказал вам об этом, чтобы вы поняли, почему я так тревожусь о своих стариках. Прошу вас, ничего не говорите мастеру

Копулдейку. В несчастьях моей семьи он видит лишь повод для насмешек.

— Вы можете на меня положиться.

— Благодарю вас.

— В качестве ответной любезности я попрошу вас об одной услуге.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Постарайтесь поладить с Николасом. Спору нет, сознание того, что он джентльмен, заставляет Овертона буквально лопаться от гордости. Но во всех прочих смыслах он парень неплохой — порядочный, ответственный, умный и, как я имел возможность убедиться, смелый.

— Вы чрезвычайно наблюдательны, сэр, — слегка улыбнулся Тоби.

— Как и все опытные законники. И помните, я очень рассчитываю на то, что вы поможете мне разобраться в здешних обстоятельствах.

— Буду рад всячески вам содействовать, сэр.

— Прежде всего я хотел бы поговорить с коронером, который расследовал убийство Эдит Болейн. Где его можно найти?

— В городской ратуше. Коронеры, как и судьи, должны присутствовать на заседаниях выездной сессии суда.

— Превосходно. И напоследок еще одна просьба. Два года назад служанка, проработавшая у меня несколько лет, вышла замуж и перебралась в Норидж. Девушку зовут Джозефина, а ее мужа — Эдвард Браун. Он был в услужении у пожилого барристера по имени Питер Хеннинг. Когда Хеннинг отошел от дел, они с женой решили вернуться в Норидж, откуда оба родом. Эдварду и Джозефине пожилая чета предложила сопровождать их в качестве слуг. Я был очень привязан к Джозефине. Когда-то я помог этой девушке выпутаться из одной неприятной переделки и радовался, что она нашла свое счастье. Кстати, и она, и Эдвард — оба круглые сироты.

Я рассказал Тоби о последнем письме Джозефины, в ответ на которое послал ей денег, и о том, что с тех пор она более не подавала о себе вестей. Завершив рассказ, я сообщил Локвуду ее адрес.

— Значит, она живет в Косни... Так простые люди называют Кослани, — с озабоченным видом пробормотал он. — Квартал самый что ни на есть захудалый. Сомневаюсь, что там поселился барристер,

пусть даже удалившийся от дел. Возможно, старик уже покинул этот бренный мир.

— Не исключено. Если Эдвард и Джозефина бедствуют, я должен им помочь.

— Постараюсь выяснить, что с ними произошло, — кивнул Локвуд и при этом многозначительно прищурился.

Я догадался, какой оборот приняли его мысли, и резко бросил:

— Джозефина — всего лишь моя бывшая служанка, и ничего больше.

— Разумеется, сэр, — улыбнулся Локвуд. — Когда мне следует быть у вас завтра?

— В шесть часов утра. Позавтракать, если хотите, можете с нами.

— Удачного вам вечера, сэр, и да хранит вас Господь.

С этими словами он встал, поклонился и вышел из комнаты своей твердой уверенной походкой.

Я вздохнул и, опираясь на палку, отправился на поиски слуги, который мог бы проводить меня в комнату. Слова Тоби о том, что даже светлым июньским вечером путешествующим джентльменам не следует разгуливать по Нориджу в одиночестве, заронили в мою душу семена тревоги; я решил попросить Николаса составить мне компанию.

Путешествие верхом оказалось более мучительным, чем я соглашался признать, и, растянувшись наконец на пуховой перине, я испытал истинное наслаждение. Лежа на широкой удобной кровати под балдахинном, я смотрел в окно, на церковь, стоящую на углу Элм-Хилл, и на вяз, покрытый бледно-зеленой листвой. Лежать, бесспорно, было куда приятнее, чем сидеть в седле, однако последствия долгой верховой езды не могли пройти быстро; боль между лопатками никак не унималась.

Несколько лет назад, когда я повредил спину, мой друг Гай научил меня нескольким физическим упражнениям. Например, он советовал мне подложить под больное место нечто вроде свернутого из ткани валика и, лежа на спине, закинуть руки за голову. Постель была слишком мягкой для подобного упражнения, поэтому я не без труда растянулся на полу, пристроил валик на уровне лопаток и, пыхтя от напряжения, осторожно закинул руки за голову и замер.

В течение нескольких мгновений я ничего не чувствовал, но внезапно раздался громкий хруст. Охнув от испуга, я потихоньку перевалился на бок и встал. Вопреки собственным ожиданиям я не только не навредил себе, но, напротив, почувствовал облегчение.

— То, что нас не убивает, способно нас излечить, — пробормотал я и, снова устроившись на кровати, мысленно поблагодарил своего друга.

Некоторое время я лежал, погруженный в легкую дремоту; но вот удлинившаяся тень вяза подсказала мне, что настало время подниматься и отправляться на встречу с Баракком. Захватив с собой палку, я вышел из комнаты, намереваясь отыскать Николаса.

Глава 11

Над городом стояли теплые июньские сумерки. Благодаря палке я шагал довольно уверенно. Покинув постоянный двор, мы оказались на площади Тумлэнд. С трех сторон ее стояли добротные новые дома, в большинстве своем трехэтажные, фасады их были выкрашены в яркие цвета, перед каждым за решетчатой оградой зеленел небольшой садик. С четвертой стороны тянулась стена, отделявшая от площади церковь. Высокие, украшенные резьбой и изысканной росписью ворота в этот вечерний час были закрыты, как и две массивные двери по обеим сторонам от них. Величественный старинный храм, возвышавшийся за стеной, подобно Нориджскому замку, был сложен из известняка; его заостренный каменный шпиль устремлялся в темнеющие небеса. На улице то и дело встречались прохожие, судя по одежде слуги и лавочники. На углу стояли стражники с дубинками, в мундирах, на которых красовался городской герб: красный щит с изображением замка в верхней части и льва — в нижней. К одному из домов подъехала повозка, на которой лежали здоровенная говяжья туша и несколько ощипанных гусей; двое слуг в фартуках распахнули ворота, пропуская ее во двор.

— Кто-то задумал дать грандиозный обед, — заметил Николас. — Похоже, жить в Норидже не так уж плохо.

— Тому, у кого есть деньги, — добавил я.

Локвуд снабдил меня планом, нарисованным, впрочем, довольно грубо; покинув площадь, мы двинулись по оживленной улице, носившей, согласно схеме, название Холм-стрит. Вдоль одной ее стороны тянулась стена, ограждавшая территорию, которая прилегала к собору. Изредка попадались прохожие, в большинстве своем торговцы с корзинами; встретилась нам и повозка, груженная кудрявой шерстью местных овец. Как и повсюду в городе, здесь было полно одетых в лохмотья бедняков; внимание наше привлек человек в железном ошейнике, свидетельствующем о том, что он незаконно занимался попрошайничеством; богатая наша одежда притягивала жадные взгляды, однако, заметив меч, висевший на поясе у Николаса, прохожие поспешно отводили глаза.

— Как ваша спина, сэръ? — осведомился Николас.

— Отдых пошел мне на пользу, — ответил я. — Отдых и упражнение, которому научил меня Гай. Но признаюсь откровенно, мысль о том, что вскоре придется вновь сесть на лошадь, не внушает мне особого восторга.

Перед нами вновь вырос силуэт огромной церкви. Дома вокруг были значительно меньше, чем на площади Тумлэнд, но по-прежнему отличались добротностью; за многими из них зеленели сады. Неожиданно улица совершила резкий поворот; теперь глухие стены тянулись по обеим ее сторонам. За одной из этих стен виднелась большая церковь прямоугольной формы; на плане Локвуда церковь значилась как «Большой госпиталь». Деревянные резные ворота вели в окруженный строениями двор; судя по всему, прежде тут располагался монастырь. С десятков нищих, как мужчин, так и женщин, сидели по обеим сторонам ворот с плашками для сбора милостыни на коленях. Завидев нас, они принялись на разные голоса взывать к нашему милосердию. Какой-то старик с изрытым оспинами лицом, поднявшись на ноги, тянул ко мне свою плашку.

— Я чуть жив от голода, сэръ! — причитал он. — Не проходите мимо, совершите доброе дело!

Николас уже протянул руку, намереваясь оттолкнуть его, но я вытащил кошелек и протянул бедолаге шестипенсовик. Все прочие немедленно повскакали на ноги и устремились к нам. Николас бесцеремонно схватил меня за руку и потащил прочь.

— Ты обращаешься со мной как с пустым мешком! — посетовал я, когда мы оказались на безопасном расстоянии от попрошайек.

— Да они бы оставили от вас мокрое место!

— Вот и проявляй после этого христианское милосердие! — вздохнул я.

Таверна «Голубой кабан» располагалась неподалеку от большого каменного моста, переброшенного через реку, оба берега которой поросли плакучими ивами; около сторожевой башни у моста прохаживались часовые. За рекой виднелся высокий голый холм, на вершине которого можно было разглядеть один-единственный дом.

— Во время разговора глаз с меня не своди и, когда я кивну, скажи, что тебе приспичило в нужник, — распорядился я. — Мне надо кое-что обсудить наедине с Джеком.

— А вот, кстати, и он.

Николас указал на столики, стоявшие в саду трактира. Сидевшие за ними посетители, судя по холщовым блузам и кожаным курткам, принадлежали к сословию ремесленников.

Барак расположился чуть в стороне, перед ним стояла кружка эля. Отблески закатного солнца играли на его железной руке, мирно лежавшей на столе.

Завидев нас, он просиял от радости, встал и сделал несколько шагов нам навстречу. Я отметил, что за последнее время Джек заметно потолстел.

— Ну что, как вы устроились? — спросил он. — Богом клянусь, Николас, тебя и не узнать! Похоже, ты продолжаешь расти, юный балбес!

— Как твои дела, Джек? — спросил Николас.

— Откровенно говоря, я был счастлив вырваться из Лондона! — воскликнул Барак.

Однако, пристально взглянув на своего старого друга, я различил в его взгляде печаль и усталость, не свойственные ему прежде.

— Пойду принесу пива, — сказал Николас.

— Не откажусь еще от одной кружки! — жизнерадостно заявил Барак.

Овертон скрылся в трактире, а я опустился на стул рядом с Джеком и осведомился:

— Как продвигаются дела, которые привели тебя в Норидж?

— Как всегда, успешно. Вечерами ошиваюсь в тавернах, слушаю разговоры и мотаю себе на ус все, что нужно мотать. Судьи уверены: нельзя устраивать в городе выездную сессию, не разузнав прежде, какие настроения здесь царят. — Губы его тронула саркастическая усмешка. — А я пользуюсь репутацией человека, поднаторевшего в подобных дознаниях еще во времена лорда Кромвеля. Еще одна моя задача — ненавязчиво проследить, чтобы здешний шериф назначил присяжными подходящих людей. Правда, на этот раз мне придется якшаться с его помощником. Сам сэръ Николас Л'Эстранже изволил отбыть в Сомерсет.

— Ну и какие же настроения царят в Норидже?

— Если говорить коротко, скверные. — Барак понизил голос. — В городе куча бродяг, пришедших сюда из деревень, работы на всех не хватает, люди терпят нужду, что, как вы понимаете, не делает их

добрее. Прежде в честь прибытия судей здесь закатывали грандиозный праздник, а в этом году решили ограничиться лишь скромным обедом. Городские власти не хотят подливать масла в огонь. Понимают, что пышное празднество разозлит народ еще сильнее.

— Значит, того и гляди здесь вспыхнут беспорядки?

— Очень может быть, — кивнул Барак. — Во всех городах, где мы успевали побывать, обстановка паршивая, но здесь хуже всего.

Вернулся Николас с тремя кружками пива; мы выпили за здоровье друг друга.

— Джек, мне нужно кое-что выяснить, — начал я. — Когда будут слушаться уголовные дела? Как обычно, в начале сессии?

— Нет, — покачал головой Барак. — В этот раз лишь на третий день. Вначале судьи хотят разобрать пару крупных земельных тяжб. А слушание криминальных дел назначено на двадцатое июня.

— Значит, в нашем распоряжении целая неделя, — сказал Николас. — Больше, чем мы ожидали.

— Как я догадываюсь, вы намерены расследовать какое-то уголовное дельце? — спросил Барак, с любопытством переводя взгляд с меня на Овертона.

— Да, — кивнул я. — Дело Джона Болейна, обвиняемого в убийстве собственной жены. Ты что-нибудь слышал о нем?

— А как же. В судейских кругах это убийство вызывает определенный интерес — из-за фамилии подсудимого, разумеется. Ну и плюс еще эти жуткие подробности. От них просто мурашки по коже.

— Это еще мягко сказано.

Я поведал Джеку все, что мне было известно об обстоятельствах преступления, и о том особом внимании, которое проявила к этому делу леди Елизавета; упомянул я и о Тоби Локвуде, приехавшем с нами в Норидж. Единственным, что я утаил, был визит Эдит Болейн в Хатфилд. Когда я закончил рассказ, Барак некоторое время молчал, не сводя с меня прищуренных глаз.

— Мне казалось, сэр, что вы решили больше никогда не связываться в политику, — изрек он наконец.

— Но это дело не имеет ни малейшего отношения к политике, — возразил я. — Леди Елизавета желает лишь, чтобы расследование провели добросовестно, а вердикт, вынесенный присяжными, был справедливым.

— Возможно, к большой государственной политике это дело отношения и не имеет, но вот зато политики местной касается самым непосредственным образом, — заявил Барак. — Я уже успел выяснить, что фамилия Болейн не возбуждает здесь особых симпатий. Да и то, что Джон Болейн поселил в своем доме служанку из таверны, отнюдь не пришлось местному дворянству по нраву.

— Да, я тоже об этом слышал.

— Вы полагаете, он невиновен? — спросил Барак, буравя меня взглядом.

— Пока не знаю. Моя задача — выяснить это до начала суда, а потом добиться справедливого решения.

— Как ты считаешь, присяжные будут беспристрастны? — обратился к Джеку Николас.

— Вряд ли, — пожал плечами Барак. — Как я уже говорил, сама фамилия Болейн возбуждает в Норфолке неприязнь. И судьи заранее настроены на обвинительный вердикт. Надо сказать, приговоры год от года становятся все суровее — подозреваю, виной тому кальвинисты, которые получили теперь слишком много власти.

— Помню, ты упомянул, что один из судей отличается особой суровостью, — заметил я. — Судья Катчет, не так ли?

— Да уж, дай ему волю, он бы всех отправил на виселицу, — кивнул Барак. — Другой судья, Рейнберд, более мирного нрава. Со всеми приветлив, без конца улыбается. Иногда кажется, будто он спит на ходу, но на самом деле это не так. Он чертовски наблюдателен и умеет держать нос по ветру. Он тоже может проявить суровость, если сочтет нужным, но до Катчета ему далеко. В общем, во время выездных сессий они уравнивают друг друга.

— Послушать тебя, так ты не слишком жалуешь судей, — усмехнулся Николас.

— Ты прав, старина, — вздохнул Барак, откидываясь на спинку стула. — Я их не жалею. Видел бы ты, с какой помпой они въезжают в очередной город: красуются на конях в своих красных мантиях, которые в народе называют кровавыми, а вокруг полно вооруженных стражников... А потом второпях пролистывают запутанные дела, не вникая в подробности. Они всегда спешат, так как до смерти боятся подхватить тюремную лихорадку. Быстренько вынесут несколько смертных приговоров и, прежде чем осужденных вздернут на виселицу,

двинут в другой город. В гражданские дела они тоже вникать не желают. В прошлом году некий землевладелец затеял тяжбу против слепой вдовы с пятью детьми. Муж ее был арендатором, и после его смерти помещик решил прогнать вдову с детьми прочь, так как вести хозяйство на ферме они не в состоянии. Разумеется, исход тяжбы был предрешен. Суд решил, что вдова не сможет вносить землевладельцу арендную плату и, следовательно, он имеет полное право вышвырнуть ее с ребятишками на улицу. То есть закон всецело на стороне этой канальи.

— Увы, это так, — кивнул я.

— Печально, — проронил Николас.

— Не ожидал от тебя такого, Ник! — удивился Барак. — Я думал, ты всегда защищаешь богатых.

— Не всегда. Когда речь идет о столь вопиющей несправедливости...

— Сейчас настали такие времена, что справедливости не дождешься, — с горечью перебил Барак. — Беднякам платят за их труд деньгами, которые с каждым днем становятся все дешевле. Молодых крепких парней забирают в солдаты и отправляют на эту безумную войну с Шотландией.

— О, я гляжу, ты тоже стал поборником всеобщего благоденствия, — улыбнулся я.

— Просто я вижу, что творится вокруг, — пожал плечами Барак. Два года назад я был здесь, в Норидже, на зимней выездной сессии. Бог свидетель, с тех пор жизнь тут стала еще хуже. Люди жалеют о временах короля Генриха. Пока нами правил этот старый хрыч, каждый хотя бы знал, на что можно рассчитывать.

— Каждый знал, что сидит по уши в дерьме, вот тебе и весь расчет, — вставил Николас.

— Думаю, что скоро пошлю к чертям эту волынку с выездными сессиями, — вздохнул Барак. — Уж лучше работать с лондонскими адвокатами. — Просветлев лицом, он добавил с улыбкой: — Представьте себе, я научился писать левой рукой. Каракули, конечно, выходят ужасные, но их вполне можно прочесть. Так что я снова могу записывать показания свидетелей.

— Замечательно! — воскликнул я, украдкой покосившись на его протез, из которого торчал зачехленный нож.

На пару мгновений повисло молчание. Я заметил, что несколько молодых людей, сидевших за соседним столиком, то и дело бросают на нас злобные взгляды. Все парни были в широкополых шляпах и кожаных куртках; глядя на их дочерна загорелые лица и длинные шесты, стоявшие у стены, я догадался, что это лодочники.

— А «Голубой кабан» становится шикарным местечком, — произнес один из них так громко, чтобы мы слышали. — Поглядите только на этих блаародных жентлеменов.

— Да, зна-атная подобралась шайка, — столь же громко протянул второй.

— Слепому видно, это подручные судейских, которые скоро сюда нагрянут. Будут решать, кому придется отплясывать, размахивая ногами в воздухе.

— И где они только отыскивали такую славную компанию уродов: один горбатый, у другого вместо руки железная палка. Третий наверняка тоже калека, только вот никак не возьму в толк, чего ему не хватает.

— Наверняка у бедняги отвалился хрен.

Они хрипло расхохотались. Николас залился краской.

— Заткнитесь, вы, невежи! — взревел он, вскакивая и с грохотом отталкивая стул.

Барак сделал предостерегающий жест левой рукой, потом грохнул по столу второй, железной, и снял чехол, скрывающий нож. Лезвие оказалось коротким, но острым. Он бросил на балагуров угрожающий взгляд.

— Мы всего лишь малость пошутковали, сэр, — буркнул один из них с откровенной злобой в голосе, и все они вновь склонились над своими кружками.

— Теперь вы убедились, что я вас не обманывал, — процедил Барак, повернувшись к нам. — Джентльмены здесь не в чести, а манеры городских жителей не отличаются учтивостью.

— К тому же взрослые люди позволяют себе тупые шуточки, которые в ходу у малолетних оболтусов, — произнес Николас, по-прежнему не сводя глаз с компании за соседним столом.

Один из лодочников, обернувшись, метнул в него презрительный взгляд. Барак, заметив это, попытался отвлечь внимание Ника.

— И какие же шаги вы намерены предпринять в ближайшее время? — спросил он.

— Завтра пойдем в тюрьму, встретимся с Болейном, — ответил Овертон. — Потом переговорим с коронером и нанесем визит родителям убитой — если только они сообразоволят нас принять.

— А есть у вас какие-нибудь предположения насчет того, кто, если не Джон Болейн, мог прикончить эту женщину?

Я молча покачал головой.

— Выбор богатый, — заявил Николас. — Сыновья Болейна, его вторая жена, сосед, с которым Болейн ведет тяжбу.

«И еще сэр Ричард Саутвелл, — добавил я про себя. — Могущественный вельможа, который явно не прочь заполучить земли Болейна. Человек, которого нам, согласно предостережениям Сесила, следует остерегаться».

— Если бы у Болейна имелось крепкое алиби, все было бы значительно проще, — вздохнул Николас. — Его вторая жена утверждает, что во время убийства Джон якобы сидел в своем кабинете, изучал документы, имеющие отношение к земельной тяжбе. Но его никто не видел, так что алиби до крайности шаткое.

— Особенно если учесть, что документы эти оказались в Лондоне, — заметил я. — Купчие и все прочее. Я привез их сюда. Полагаю, в субботу мы вместе с Локвудом съездим в Бриквелл, посмотрим, как там обстоят дела, — добавил я, повернувшись к Николасу.

— Не будете возражать, если я к вам присоединюсь? — спросил Барак. — Завтра у меня полно дел, зато в субботу я свободен как птица. — Заметив мою удивленно вскинутую бровь, он пояснил: — Тамазин ведь далеко, верно? Она не узнает, что я провожу время в вашем опасном обществе.

— Будь по-твоему, дружище, — немного поколебавшись, сказал я и едва заметно кивнул, глядя на Николаса.

— Пойду-ка я прогуляюсь до нужника, — заявил он. — Вернусь через пару минут.

Когда он ушел, я негромко произнес:

— Неделю назад я случайно встретился с Тамазин.

Выслушав мой рассказ о том, что произошло в доме Гая, Барак сокрушенно покачал головой:

— Тамми никак не может вас простить, хотя прошло уже три года. Я пытался на нее повлиять, но она упряма как ослица.

— Тамазин сказала, что вспоминает обо мне каждый вечер, когда натирает маслом твою... ну, то, что осталось от твоей руки. Говорит, ты испытываешь сильные боли.

— Конечно, чертова культя просто адски болит! — вздохнул Барак. — Но боль — это неотъемлемая часть жизни, разве нет? Вам это известно лучше, чем кому-либо. Когда вы вошли, я сразу смекнул, что у вас разламывается спина. А Тамазин вечно разводит занудство: «Будь осторожен, милый, не делай того, не делай этого», — произнес он с внезапной досадой. — Дай ей только волю, она держала бы меня в пеленках, как малое дитя. Всякий раз, когда мне надо ехать по делам, между нами вспыхивает ссора. По совести говоря, мне это изрядно надоело.

Вспомнив, что однажды супруги уже едва не расстались, я с беспокойством взглянул на Джека.

— Вы не думайте, я не представляю себе жизни без Тамми и детей, — заявил он, догадавшись, что у меня на уме. — Далеко не всякая жена так заботится о своем муже, как она обо мне. Но Тамазин не понимает, что иногда эти заботы способны привести человека в бешенство. Женщины есть женщины, — глубокомысленно вздохнул он, покачав головой. — Кстати, о женщинах. Как успехи молодого Николаса по этой части?

— Он питает нежные чувства к одной юной особе, — улыбнулся я. — И вполне вероятно, эти чувства небезответны. Однако не могу сказать, что девица сия мне по душе.

Лодочники, шумно отодвигая стулья, поднялись из-за стола и принялись разбирать свои шесты. Один, приподняв шляпу, отвесил мне поклон, но вслед за этим громко выпустил газы. Оглушительно хохоча, он и его товарищи вышли из таверны.

Барак снисходительно улыбнулся. Несколько мгновений мы с ним не произносили ни слова. Я смотрел на сторожевую башню у ворот, верхушка ее терялась в сгущавшихся сумерках. В овальном оконце башни, расположенном на высоте двадцать футов, вспыхнул свет.

— Впечатляющее сооружение, — заметил я.

— Ее возвели для охраны Епископского моста, — пояснил Барак. — Это единственный мост, по которому можно попасть на ту

сторону реки.

— А что это за особняк на холме?

— Дворец Суррея. Граф Суррей, сын герцога Норфолка, построил его всего несколько лет назад. С тех пор как графа казнили, дворец стоит пустой. Он передан Ведомству по делам конфискованного имущества, но в этих краях не имеется охотников приобретать такую громадину. Холм носит название Маусхолдского, сразу за ним начинается пустошь, огромное пространство, принадлежащее кафедральному собору. Почва там песчаная и годится только для пастбищ. Кстати, у этой пустоши любопытная история, — сообщил Барак, и в голосе его послышались печальные нотки.

— Какая же?

— Несколько столетий назад там был убит ребенок — маленький мальчик. В убийстве обвинили нориджских евреев, на которых обрушились жестокие кары. Что касается мальчика, он был причислен к лику святых как мученик. Рака с мощами Уильяма Нориджского стояла в соборе до тех пор, пока король Генрих не распорядился убрать из церквей все эти священные останки. Одно из немногих добрых дел, совершенных этим старым греховодником. — Рука Барака скользнула за ворот рубашки. Я догадался, что он нащупал древнюю мезузу, иудейскую реликвию, когда-то подаренную ему отцом. Предки моего друга были иудеями. — А во время крестьянского бунта там, на Маусхолдском холме, повстанцы разбили свой лагерь, — продолжал Барак, глядя на темнеющую в сумерках возвышенность. — Как-то раз я слышал, как люди в таверне говорили об этом восстании. Вспоминали Уота Тайлера и Пирса Пахаря. Такие вот здесь царят настроения, — завершил он и с беспокойством огляделся по сторонам. — Черт побери, куда запропастился Николас, хотел бы я знать? Этому парню нужно слишком много времени, чтобы помочиться!

— Я, кстати, и сам не прочь прогуляться до нужника. Да и поесть не помешало бы. У них здесь подают какую-нибудь еду?

— Да, вполне приличную похлебку.

— Надо будет заказать.

Я встал, хотя спине моей этого явно не хотелось, и двинулся в дальний конец сада, к деревянному сарайчику, над входом в который горел фонарь.

— Николас! — окликнул я, подойдя поближе. — Ты здесь?

Ответа не последовало. Я рывком распахнул дверь и тут же подался назад. Николас лежал ничком на загаженном полу, у самой выгребной ямы, над которой была перекинута укрепленная на двух кирпичях перекладина. Я схватил фонарь и осветил молодого человека. На разбитом затылке темнела кровь. Опустившись на корточки, я нащупал пульс на его шее, — к счастью, под пальцами ощущалось слабое биение. К спине Николаса была приколотая какая-то записка. В свете фонаря я разобрал надпись, выведенную корявыми буквами: «СМЕРТЬ ДЖЕНТЛЬМЕНАМ».

Глава 12

Николас застонал и пошевелился. Я помог ему сесть и заорал во всю глотку, призывая на помощь Барака. Через несколько минут тот примчался в сопровождении нескольких посетителей таверны. К этому времени Николас, к великому моему облегчению, пришел в себя и затряс головой.

— Что произошло? — спросил я.

— Не знаю. Стоило мне сюда войти, как кто-то огрел меня по затылку. — Рука его потянулась к кошельку. — Деньги на месте, — с удивлением пробормотал он.

Джек, наклонившись, внимательно осмотрел голову пострадавшего.

— Рана неглубокая, — сообщил он. — Много крови, но никакого серьезного вреда. Судя по всему, ни убивать, ни грабить тебя они не собирались. Унизить джентльмена — вот их единственная цель. Ты никого не видел?

— Нет. Но мне кажется, их было несколько.

— Наверняка работа тех чертовых лодочников.

— Думаю, ты прав, — кивнул я. — Они хотели отомстить.

— За что? — сердито буркнул Николас. — Они первыми начали к нам цепляться.

— Возможно, за то, что ты назвал их невежами, — предположил Барак. — То есть подчеркнул их принадлежность к низшему классу. Такого рода оскорбления здесь не сходят с рук.

— Они оскорбили нас еще хуже, и без всякой на то причины, — напомнил я. — Давайте выйдем уже из этого вонючего сарая.

Под огнем множества любопытных взглядов мы помогли Николасу выйти на свежий воздух и усадили его на скамью. Он несколько раз моргнул и снова затряс головой.

— У него здорово кружится башка, — захохотал кто-то из зрителей.

— И вся его красивая одежда теперь в дерьме.

Надо признать, наблюдение было верным; от одежды бедняги Николаса исходила жуткая вонь. К нам подошел запыхавшийся хозяин таверны.

— Что здесь произошло? — спросил он, обращаясь к Бараку, своему постояльцу.

— На моего друга напали, когда ему приспичило заглянуть в нужник.

— Его ограбили?

— Нет, только ударили по голове.

Я протянул трактирщику записку, пришпиленную к спине Овертона:

— Вот что они оставили. За соседним столом сидели какие-то лодочники, все время пытавшиеся завязать ссору. Думаю, это они напали на моего помощника.

— Он сам сказал, что никого не видел, — раздался чей-то злобный голос. — Или джентльменам можно возводить на простых людей напраслину?

— И зачем они только вообще к нам приперлись, спрашивается? — подхватил кто-то еще. — Сидели бы в своем Лондоне.

По небольшой толпе прошел одобрителный ропот. Хозяин таверны отвел нас в сторону и произнес, понизив голос:

— Среди наших завсегдатаев много лодочников и рыбаков. Я очень сожалею о случившемся, сэр, но умоляю вас: не разбрасывайтесь здесь подобными обвинениями. Иначе нам не миновать крупных неприятностей. Сообщите обо всем констеблю, если считаете нужным. Но я очень сомневаюсь, что от этого будет хоть какой-то толк. Ведь нападение произошло без свидетелей.

Догадавшись, что оскорбившие нас рыбаки являются постоянными клиентами заведения, я метнул в собеседника суровый взгляд. Однако Барак, оглядев толпу, сказал мне почти шепотом:

— Думаю, вам с Николасом стоит побыстрее унести отсюда ноги.

— А ты?

— За меня не волнуйтесь. Меня можно принять за джентльмена, лишь когда я нахожусь в вашем блистательном обществе.

Трактирщик едва сдержал вздох облегчения.

— Я пошлю двух мальчишек с фонарями проводить вас до самого дома, — пообещал он. — Где вы остановились?

— В «Девичьей голове».

Хозяин таверны обернулся к зевакам:

— Ничего особенного не произошло. Все живы и здоровы. Возвращайтесь к своей выпивке, парни.

Зрители, поняв, что представление окончено, поплелись к своим столам.

— Ты можешь идти? — обратился я к Николасу.

— А что мне остается делать? — пожал он плечами. — Господи Иисусе, мне нужно вымыться как можно скорее.

Глянув на людей, сидевших за столами, я получил в ответ несколько недоброжелательных взглядов. Тут, к моей радости, появился трактирщик в сопровождении двух дюжих юнцов, державших в руках факелы.

Вернувшись в «Девичью голову», мы объяснили плачевный вид Николаса тем, что в темноте он якобы наступил на кучу дерьма, поскользнулся и упал. Хорошенько вымывшись и переодевшись, Овертон почувствовал себя лучше, хотя и оставался бледным как полотно. Николас настаивал на том, что завтра утром будет сопровождать меня и Тоби. Припомнив поговорку «Утро вечера мудренее», я отправил его спать. Когда Николас ушел, я извлек из кармана записку. Один из четверых лодочников — я не сомневался, что нападение совершили именно они, — был обучен грамоте. Никогда прежде я не сталкивался с подобной ненавистью к джентльменам — ненавистью, толкавшей людей на самые рискованные поступки. Оказавшись в своей комнате, я первым делом тщательно запер дверь.

Назавтра я проснулся рано. Не было еще и шести утра, а мы с Николасом уже сидели за завтраком. Я с облегчением заметил, что к нему вернулся прежний румянец. Огромный синяк на затылке был скрыт под шляпой. Вчера, прежде чем лечь спать, я снова проделал упражнения, рекомендованные Гаем, и теперь спина беспокоила меня гораздо меньше. Садиться в седло, впрочем, у меня не было ни малейшего желания, но я чувствовал, что смогу обойтись без палки. Едва колокола собора прозвонили шесть, как в дверях появился пунктуальный Тоби Локвуд.

— Да ниспошлет вам Господь доброго утра, — произнес он, кланяясь нам обоим.

— И вам тоже, Тоби. Как поживают ваши родители?

— Матушка чувствует себя немного лучше. А отец очень озабочен видами на урожай.

Я выглянул в окно, на залитую солнцем улицу:

— К счастью, ненастная погода, похоже, закончилась.

— Да. Даже в такую рань уже жарко. День, судя по всему, будет знойный.

— И к тому же трудный. Я намерен сегодня повидаться с Джоном Болейном, с коронером и с родителями Эдит Болейн — конечно, если они нас примут.

— Вчера вечером мне удалось договориться с коронером. Он будет ждать вас в ратуше в полдень.

— Было бы лучше сначала поговорить с ним, а потом уже с Болейном, — задумчиво произнес я.

— Но к сожалению, сэр, встретиться с вами раньше он никак не сможет.

— Значит, первым делом мы отправимся в замок. Скажите, Тоби, а удалось вам что-нибудь узнать о моей бывшей служанке Джозефине Браун?

— Никто из моих знакомых не слышал этого имени, — покачал головой Локвуд. — И о Питере Хеннинге, адвокате в отставке, тоже пока ни слуху ни духу. Правда, один из моих друзей, помощник солиситора, пообещал навести справки. Даже если мастер Хеннинг оставил адвокатскую практику, он не мог провалиться сквозь землю. Конечно, если милостью Божией этот человек до сих пор жив.

— Спасибо, Тоби. Это очень важно для меня. Что ж, идемте. — Я внимательно посмотрел на Николаса. — Ты уверен, что после вчерашнего приключения сможешь выдержать все тяготы предстоящего дня?

— Уверен, — буркнул он не без раздражения.

— После вчерашнего приключения? — нахмурившись, переспросил Тоби.

Я рассказал ему о печальном происшествии в «Голубом кабане» и показал записку, которую оставили злоумышленники. Локвуд внимательно выслушал, тербя свою густую черную бороду.

— Напрасно мастер Николас назвал этих людей невежами, — заметил он. — Даже если они первыми затеяли ссору.

— В точности то же самое сказал мой друг Барак, — кивнул я.

— Вы совершили оплошность, явившись в трактир, в который редко заглядывают джентльмены, — продолжал Тоби, пристально глядя на Николаса. — Постарайтесь впредь не допускать подобных промахов и избегать ненужных стычек.

— Я думаю, стоит сообщить о случившемся констеблю, — процедил Николас.

— Это ни к чему не приведет, лишь создаст о вас не самое благоприятное впечатление, — возразил Локвуд, переводя на меня взгляд своих ярко-голубых глаз. — Согласитесь, сэр, выполняя свою работу, мы должны считаться с обстоятельствами, верно?

В семь часов утра мы уже покинули трактир «Девичья голова». Мы с Николасом облачились в мантии законников.

Тоби указал на один из домов, стоявших на площади Гумлэнд.

— Здесь живет олдермен Гэвин Рейнольдс, — сообщил он; дом представлял собой просторный особняк, недавно выкрашенный в желтый цвет. — Я уже предупреждал вас: нрав у старика скверный. Судя по запуганному виду его бедной жены, она трепещет перед грозным мужем. Прежде он был известен тем, что не пропускал ни одной смазливой служанки. Сегодня мы попытаемся к нему наведаться, утром у нас назначена встреча в замке, а это, как вы помните, на Элм-Хилле.

Мы вышли на широкую рыночную площадь, над которой возвышалась громада замка. Торговцы протирали свои прилавки, выметали мусор и убирали конский навоз, готовясь к завтрашнему базарному дню. У большого креста какой-то человек в одеянии проповедника ораторствовал, энергично размахивая в воздухе книгой Нового Завета. Ему внимала небольшая толпа, состоявшая главным образом из ремесленников и подмастерьев в синих фартуках.

— Апостол Павел говорит, что как тело едино, хотя имеет многие члены, и как все члены одного тела, хотя их и много, составляют единое тело, так и Христос един для всех, — долетел до меня голос проповедника, звучный и глубокий.

— Это правда! — воскликнул какой-то юнец. — Все верующие равны перед Господом!

Толпа встретила сие заявление одобрительным гулом.

Проповедник, долговязый молодой человек, вновь взмахнул в воздухе Новым Заветом:

— Именно так! Все верующие равны в глазах Господа! Но апостол Павел учит также, что в этом мире каждому из нас, подобно частям человеческого тела, уготовано свое служение. Господь, по милости своей, даровал каждому из нас способности, необходимые для того служения, к которому Он нас предназначил. Тот, кто наделен даром пророчества, должен пророчествовать...

— Предрекаю, что, когда к нам наконец прибудет Комиссия по огораживанию во главе с Джоном Хейлзом, общины вновь воспрянут! — подал голос пожилой человек с окладистой седой бородой. — Вместе мы будем так же сильны, как левиафан из Книги Иова. — Все повернулись к нему, и он громогласно процитировал: — «Можешь ли ты удою выловить Левиафана и веревкою схватить язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его? Будет ли он умолять тебя и будет ли говорить с тобой кротко?» Мы, простые люди, и есть этот самый левиафан! — гремел над площадью его голос.

Ответом ему стал хор одобрительных возгласов. Проповедник горячо затряс головой:

— Не сомневайтесь, возлюбленные братья и сестры, в мире, которым управляет Господь, должна восторжествовать справедливость. И благодаря попечениям короля и лорда-протектора она неминуемо восторжествует. Но телу необходима голова, дабы управлять членами. Помните: апостол Павел учит нас с радостью подчиняться тем, кто управляет нами...

— К черту лордов! — заорал какой-то подмастерье.

Мы двинулись дальше.

— Этот проповедник ходит по острию ножа, — заметил я. — Он ежеминутно рискует возбудить гнев толпы. То же самое происходит в Лондоне.

— Именно поэтому разрешение проповедовать на улицах теперь дается далеко не всякому, — сказал Тоби. — Того, которого вы только что видели, зовут Роберт Уотсон. Он один из тех, кому покровительствует архиепископ Кранмер. Кранмер добился, чтобы Уотсона назначили каноником в собор. По слухам, он хотел досадить этим епископу Рагге.

— Рагге, я так понимаю, приверженец старых религиозных традиций?

— Да. К тому же он ленив и корыстен. Что до Уотсона, то вы сами видели, он пляшет под дудку лорда-протектора. Некоторым это не слишком нравится, например тому старику, что его перебил. Его, кстати, зовут Захария Ходж. Воображает себя пророком и вот уже лет двадцать проповедует на улицах Нориджа. Даже в тюрьме за это несколько раз сидел. Надо сказать, некоторые из его пророчеств и в самом деле сбываются.

— Ну просто кошмар, сколько в последнее время развелось прорицателей, — ухмыльнулся Николас. — И все они играют на руку какому-нибудь политику.

— Это верно, старина, — согласился я.

Мы посторонились, уступая дорогу худому оборванному подростку с копной спутанных каштановых волос, тащившему огромный тюк шерстяной ткани. Какой-то толстяк средних лет, стоя в дверях своей лавки, покрикивал на него:

— Пошевеливайся, Скамблер! Ты что там, уснул?

Мальчишка, изнемогавший под тяжестью своей ноши, ускорил шаг. Тут толстяка окликнули из лавки, и он исчез. В этот момент трое других подростков в блузах подмастерьев, ошивавшиеся у повозки, бросились наперерез мальчику с тюком. Один из них сбил беднягу с ног, так что тот упал. Тюк, несмотря на все отчаянные усилия мальчика удержать его, оказался в грязной луже.

— Грязнуля Скамблер снова отличился! — хором закричали подмастерья.

Лавочник вновь появился в дверях и, сердито сдвинув брови, бросился к месту происшествия. Сокрушенно взглянув на перепачканный грязью тюк, он поднял его из лужи и двинулся к мальчику, недоуменно озирающемуся по сторонам. Подмастерья, устроившие эту проделку, с серьезными лицами наблюдали за происходящим. Один из них осуждающе покачал головой.

— Гляди, что ты натворил, безмозглая скотина! — взревел лавочник.

Николас подошел к нему и тронул за рукав:

— Послушайте, сэр! Вот эти три шельмеца сбили мальчика с ног, и мы тому свидетели!

— Нам нельзя терять времени, я уже говорил вам об этом, — недовольно вздохнул Тоби.

— Но допустить, чтобы эта шайка юных оболтусов осталась безнаказанной, тоже нельзя, — возразил я, подходя к Николасу.

Локвуд неохотно последовал за мной.

Лавочник, злобно зыркнув на Овертона, процедил:

— Не суйте свой нос в чужие дела, молодой крючкотвор! Я уже полтора месяца вожусь с этим недоумком Скамблером, и ныне моему терпению пришел конец! Убирайся прочь, дармоед! Если у тебя остались родные, я привлеку их к суду за порчу ткани!

— Простите, сэр, но мой помощник совершенно прав! — изрек я непререкаемым тоном. — Мальчика нарочно сбили с ног. Мы это видели, все трое.

— Вранье! — хором завопили подмастерья.

Злополучный Скамблер взглянул на своих обидчиков, и недоуменное выражение на его лице сменилось печальным.

— Это правда они? — едва слышно спросил он.

Я пристально посмотрел на мальчика, пытаюсь определить, не страдает ли он слабоумием. Но взгляд его, хотя и растерянный, отнюдь не свидетельствовал о тупости.

Лавочник по-прежнему рвал и метал:

— Вы думаете, мы здесь, в Норфолке, такие недоумки, что не отличим дармоеда от хорошего работника? — Трясущимся от ярости пальцем он указал на троих озорников. — Эти ребята работают подмастерьями у городских ремесленников, достойных всяческого уважения. А Скамблер — безмозглый осел, не способный даже смотреть себе под ноги. Родные выгнали его из дома, потому что этот жалкий мешок с костями способен доводить людей до белого каления! А то, что его с детства прозвали Грязнулей, говорит само за себя!

Один из подростков поднял тюк, валявшийся на земле, и подал его лавочнику. Тот кивнул в знак благодарности. Скамблер, по щекам которого ползли слезы, пробормотал:

— Я смотрел под ноги, хозяин. Наверняка это они меня повалили.

Торговец вместо ответа закатил ему оплеуху:

— Убирайся! И чтоб глаза мои тебя больше не видели. — Он метнул в нас злобный взгляд. — Законники! Знаем мы ваши законы, черт бы вас всех побрал!

Смачно сплюнув, он скрылся в своей лавке и захлопнул дверь. Трое подмастерьев, хохоча, убежали прочь. Один из них распевал во весь голос:

— Ах ты, наш Грязнуля Скамблер, глупый маленький урод!
Несчастный Скамблер стоял, потупив голову и глотая слезы.

— Прости, парень, что не сумели тебе помочь. Но мы сделали все, что могли! — обратился я к нему.

— Вы были очень добры, сэр, благодарю вас.

Я вытащил из кармана кошелек и протянул бедолаге шиллинг.

— Почему эти мальчишки тебя изводят? — спросил я.

Скамблер покачал головой, слезы потекли по его щекам еще быстрее.

— Не знаю, — выдохнул он. — Но люди всегда надо мной издеваются. А почему — не знаю.

— Кончай лить слезы, парень, — нетерпеливо вмешался Тоби. — Будь мужчиной.

Скамблер взглянул на него, резко повернулся и припустил бегом в сторону замка. Мы с удивлением глядели ему вслед.

— Вот мерзавцы, — буркнул Николас. — То, что они устроили, — это уже не шутка. Мальчонка по их милости лишился работы.

— Все дело в том, что этот парень не походит на других, — задумчиво произнес я, вспоминая собственное детство. — Люди не любят тех, кто от них отличается, и дети в этом смысле еще хуже взрослых. Проповедники ныне орут на всех углах, что мир забыл о милосердии, и с ними трудно не согласиться. — Переведя взгляд на Тоби, я заметил: — А вы могли бы нас поддержать.

— Насколько я понимаю, сэр, нам следует по возможности не привлекать к себе внимания. Таково распоряжение мастера Пэрри, о котором мне сообщил мастер Копулдейк.

— Идемте, — велел я. — Нас ждут в замке.

«Судя по всему, сочувствие, которое Локвуд питает к обиженным и угнетенным, далеко не безгранично», — размышлял я по пути.

Глава 13

Прежде чем подняться на огромный, поросший травой холм, на котором стоял Нориджский замок, нам пришлось пересечь пустошь, где уже сколачивали загоны для завтрашнего скотного рынка. Перейдя по мостику мутный ручей, мы вступили сначала на извилистую тропу, а потом на широкую дорогу, которая вывела нас к воротам замка. Солнце стояло уже высоко, и к тому времени, как мы добрались до цели, я взмок от пота, а многострадальная моя спина буквально раскалывалась от боли. Что до моих молодых спутников, то они оба, несмотря на события вчерашнего вечера, выглядели свежими и бодрыми. Наконец мы оказались у главного входа, представлявшего собой огромную полукруглую арку. Массивные деревянные ворота были заперты, но у вделанной в них калитки стоял часовой — хорошо сложенный парень с начищенной до блеска алебардой в руках. На нем были круглый шлем и белый солдатский мундир. Буквы «ER»^[4], вышитые на мундире, напоминали, что превращенный в тюрьму замок находится в ведении короля, а не городских властей. Стражник внимательно наблюдал за человеком, который приколачивал к воротам какую-то бумагу, вероятно с официальным указом. Покончив с работой, тот кивнул стражнику, бросил: «Теперь пойду к ратуше» — и двинулся по дороге прочь.

Локвуд, подойдя к воротам, принялся читать. Пробежав объявление глазами, он потербил свою длинную бороду и присвистнул.

— Очередное воззвание лорда-протектора? — осведомился я.

— А что же еще.

Мы с Николасом тоже изучили бумагу.

— Подумать только, герцог Сомерсет объявляет помилование всем бунтовщикам, выступавшим весной против незаконных огораживаний, — заметил Тоби. — Против богатых землевладельцев, вроде сэра Уильяма Герберта и ему подобных.

— И о чем Сомерсет только думает? — нахмурился Николас. — Очень подходящее время для подобного указа, ничего не скажешь. В западных графствах и без того беспорядки. Этот указ только придаст бунтовщикам пылу.

— Так оно и будет, — с непроницаемым лицом кивнул Тоби.

Я подошел к часовому и протянул ему верительную грамоту, которую Копулдейк вручил мне в Лондоне.

— Нам необходимо увидеть заключенного по имени Джон Болейн, — сообщил я.

Часовой кивнул и распахнул перед нами калитку. Поднявшись на каменное крыльцо и миновав богато украшенную арку, мы оказались в огромном пустынном зале с высокими узкими окнами, сквозь которые проникал тусклый свет. Как и во всех на свете тюрьмах, тут разило сыростью, мочой и потом. Несмотря на стоявшую за стенами замка жару, воздух здесь оставался холодным и влажным. Двое стражников играли в карты, устроившись у грубого деревянного стола. Один из них, оторвавшись от этого увлекательного занятия, устремил на нас вопросительный взгляд. Я изложил наше дело, и он крикнул: «Орестон!» Зычный голос эхом разнесся под сводами просторного зала. До меня долетел топот шагов по железной лестнице. Мгновение спустя одна из внутренних дверей распахнулась и перед нами предстал здоровенный детина в грязной блузе; на поясе у него висела дубинка.

— Тут целый отряд законников хочет увидеть Болейна, — сообщил ему часовой.

Тюремщик бросил на нас любопытный взгляд.

— Как я смотрю, кого-то из важных людей сильно интересует мастер Болейн, — пробормотал он.

— Его адвокат живет в Лондоне и не смог приехать. Он передал мне свои полномочия, — пояснил я и кивнул в сторону Тоби. — А это его помощник, мастер Локвуд.

Вслед за тюремщиком мы спустились на один пролет по железной лестнице и оказались в коридоре с каменными стенами и узкими окнами; в коридор выходило несколько дверей с зарешеченными оконцами. Звук наших шагов гулко раздавался под сводами замка; услышав его, заключенные подходили к оконцам своих камер и провожали нас тоскливыми взглядами. Остановившись возле одной из дверей, тюремщик выбрал ключ из связки, висевшей у него на поясе, и отпер ее.

Камера Джона Болейна оказалась совсем крохотной; свет проникал туда только через маленькое окошко, расположенное под самым потолком. Я догадался, что мы находимся под землей. Пол покрывали грязные циновки; вонючая бадья, табуретка и деревянная кровать с

соломенным тюфяком составляли всю обстановку камеры. Заключенный, сидя на кровати, читал Евангелие при тусклом свете, падающем из окна. Когда мы вошли, он поднял голову.

Я ожидал, что Джон Болейн, подобно своим сыновьям, окажется светловолосым и дородным. И действительно, высокий рост и широкие плечи близнецы явно унаследовали от отца; однако волосы и борода у него были черными как смоль. Изборожденное морщинами чумазое лицо выглядело до крайности изнуренным, в глазах застыло выражение безнадежности. Трудно было поверить, что перед нами один из крупнейших землевладельцев Норфолка. Впрочем, еще в Лондоне Тоби Локвуд утверждал, что Болейн пребывает в удручающем состоянии.

— Что, мастер, хотите примириться с Господом до того, как вас повесят? — жизнерадостно осведомился Орестон.

Болейн промолчал, ограничившись презрительным взглядом.

— Оставьте нас, — повернулся я к тюремщику.

Он пожал плечами и вышел, закрыв за собой дверь.

— Сержант юстиции Мэтью Шардлейк, — представился я, протянув Болейну руку. — Приехал разобраться в вашем деле. Это мой помощник, мастер Овертон. Полагаю, с мастером Локвудом вы знакомы.

— Да, — сдержанно ответил Джон. — Надо же, сержант юстиции! Никак не ожидал, что сюда пришлют адвоката, занимающего столь высокое положение.

— В этом мире есть люди, которые хотят вам помочь, мастер Болейн, — улыбнулся я. — Я не имею полномочий представлять ваши интересы в суде, так как дело относится к разряду уголовных. Однако намерен собрать все факты, проливающие свет на случившееся. С вашего позволения, я сяду. В последнее время спина доставляет мне много неприятностей.

— Вы уже встречались с моей женой Изабеллой? — спросил Болейн, и голос его неожиданно потеплел.

— Пока еще нет. Надеюсь, завтра мы сможем съездить в Бриквелл и поговорить с ней.

— Они заявляют, что теперь Изабелла не считается моей законной женой. Здешний священник не разрешил ей навещать меня, — вздохнул Болейн, и лицо его исказилось от злобы. — Меня повесят, в этом можно

не сомневаться. Им ненавистно мое имя, ненавистна моя жена... И соседи давно мечтают прибрать к рукам мои земли.

— На суде имеют значение лишь факты, а чувства не играют никакой роли, — заметил я, пытаясь его приободрить. — Если вы не возражаете, я задам вам несколько вопросов. У меня с собой ваши прежние показания, — сообщил я, вынимая из сумки бумаги.

— Как вам будет угодно.

— Прежде всего давайте поговорим об исчезновении вашей покойной супруги девять лет назад. Насколько я понял, Эдит покинула ваш дом внезапно, без всяких объяснений.

К моему удивлению, Джон отрывисто расхохотался.

— Именно так. Хотя, надо признать, ее исчезновение не слишком меня удивило, — бросил он с горечью.

— Почему?

Поколебавшись несколько мгновений, Болейн начал свой рассказ:

— Двадцать лет назад, когда я женился на Эдит Рейнольдс, она была очаровательной девушкой, с пышной грудью и чудесными белокурыми волосами. При этом Эдит была на редкость робкой и застенчивой — полагаю, потому, что отец держал ее в ежовых рукавицах. Впоследствии я догадался, что она вышла за меня замуж лишь для того, чтобы избавиться от отцовской власти. Но тогда я любил Эдит. Очень любил. — Джон прикусил губу и погрузился в молчание. Когда он заговорил вновь, голос его был едва слышен. — Как только мы поженились, Эдит точно подменили. Свои супружеские обязанности она исполняла до крайности неохотно. Даже самую главную из них. — Залившись краской, Болейн бросил на меня вызывающий взгляд. — Мужчины обычно не признаются в подобных вещах, но мне уже на все наплевать. Произведя на свет близнецов, жена заявила, что больше не желает иметь детей. К сыновьям она не питала ни малейшей привязанности, даже когда они были совсем малютками. Иногда я думаю, что именно поэтому Джеральд и Барнабас выросли такими варварами. В общем, жизнь с ней превратилась в сущий ад, — продолжил он дрожащим от застарелой обиды голосом. — Эдит постоянно устраивала скандалы, прислуга боялась ее как огня — за исключением горничной по имени Грейс Боун, к которой моя супруга благоволила. Но даже Грейс в конце концов не выдержала и попросила расчет. К тому же у моей жены имелись странные привычки. Как я уже

сказал, когда мы поженились, она была цветущей девушкой с пышными формами. Однако порой Эдит принималась морить себя голодом и доходила до того, что от нее оставались кожа да кости. Причины столь дикого поведения были совершенно мне непонятны. Садясь за стол, она заявляла, что не голодна, и не брала в рот ни крошки. Я пытался действовать добротой, пробовал вразумить ее бранью. Но все оставалось по-прежнему. У меня даже возникли опасения, что у Эдит помутился рассудок.

— А потом вы встретили свою нынешнюю супругу, Изабеллу?

Во взгляде Болейна вновь сверкнул вызов. Про себя я отметил, что подвижное лицо выдает в нем человека, обуреваемого страстями.

— Да, это случилось примерно за год до исчезновения Эдит, — кивнул Джон. — Изабелла работала в таверне, куда я частенько заглядывал. Она обладает всеми достоинствами, которых была лишена моя первая жена. Иными словами, она добра, приветлива, жизнерадостна и молода. И самое главное — я пришелся ей по душе. Это было упоительно — после стольких лет ненависти ощущать себя желанным. Изабелла стала моей любовницей. А какой у нас еще был выбор в подобных-то обстоятельствах? — спросил Болейн, и в приглушенном его голосе неожиданно зазвенела злоба.

— Вскоре соседи начали чесать языками, и Эдит узнала о ваших отношениях с Изабеллой, — подсказал Тоби.

— Да, когда это произошло, Эдит не сказала мне ни слова, но нрав ее стал еще невыносимее. Незадолго до этого Джеральд порезал Барнабасу лицо. Эта кошмарная выходка не только рассердила Эдит, но, полагаю, и всерьез напугала ее. Она вновь перестала есть. Времена тогда были трудные, лето выдалось жарким и засушливым, а значит, неурожайным. Я опасался, что останусь без денег. Если вы помните, именно в тот год пал лорд Кромвель. Признаюсь, я был с Эдит груб и не раз давал волю вспыльчивости.

«То, что этот человек подвержен приступам вспыльчивости, не вызывает никаких сомнений, — подумал я. — Но вот мог ли он до такой степени выйти из себя, чтобы убить бывшую жену предельно жестоким и изощренным способом?»

— И вот в один из зимних дней, в начале декабря, Эдит исчезла, — продолжал Болейн. — Не взяла с собой ничего, ушла в той одежде,

которая на ней была. Поднялась суматоха, мою жену искали повсюду, но не удалось обнаружить ни малейшего ее следа.

— После исчезновения Эдит Изабелла переехала к вам? — уточнил я.

Болейн сдвинул брови, лицо его стало непроницаемым.

— Она перебралась в мой дом только год спустя, — процедил он. — После того, как нам стало ясно: Эдит не вернется. Вы читали мои показания, сэр, а значит, вам должно быть известно — я не пытался скрыть свои отношения с Изабеллой. Наше чванливое норфолкское дворянство было этим до крайности скандализировано. Многие местные болваны были убеждены, что я убил Эдит и закопал ее тело в укромном месте. При встрече со мной они воротили нос и утверждали, что безнравственность — фамильная черта Болейнов, а отсутствием моральных принципов я похожу на Анну Болейн, свою дальнюю родственницу. «Ну и черт с ними», — думал я. А что мне еще оставалось?

— И все эти девять лет вы не получали от Эдит никаких вестей?

Он устало покачал головой:

— Нет, и это меня вполне устраивало. Как и все прочие, я считал, что она мертва. Полагал, жена покончила с собой.

— У нее имелись какие-либо знакомые за пределами Норфолка? — спросил я и после недолгого замешательства уточнил: — Например, в Эссексе, в Кембриджшире, в Хартфордшире?

Николас метнул в мою сторону предостерегающий взгляд. Упомянув про Хартфордшир, я слишком приблизился к Хатфилду. Однако на лице Болейна не дрогнул ни один мускул.

— Нет, никаких знакомых в других графствах у Эдит не было. Она родилась и выросла в Норидже.

— Насколько мне известно, ее отец — богатый купец.

— Да уж, денег у него предостаточно. — В голосе Болейна вновь зазвенела злоба. — Гэвин Рейнольдс торгует тканями, так же как его отец и дед. Они нажили состояние, нелегально продавая камвольную шерсть в Данию. Характер у старика скверный. Впрочем, мне не стоит об этом распространяться. Олдермен Рейнольдс — один из тех, кто правит Нориджем. Жена его — урожденная Сотертон. Рейнольдс жесток и хитер. Можно не сомневаться, он способен добиться своего любой ценой. Сейчас он залег на дно — видно, боится, что шум вокруг

этого дела повредит его положению в городе. — Болейн усмехнулся. — Старый хрыч мечтал стать мэром Нориджа. Теперь с этой мечтой пришлось проститься. Думаю, он не будет слишком горевать, когда меня вздернут на виселицу.

— Прямо отсюда я намерен отправиться к нему.

— Сомневаюсь, что он станет с вами разговаривать.

— Когда это необходимо, я умею проявлять настойчивость.

Тоби почесал голову, и Болейн, заметив это, грустно улыбнулся:

— В здешних тюфяках пропасть блох.

— Мастер Болейн, наша цель — доказать, что вы не убивали Эдит, — веско произнес я. — А значит, мы должны найти, у кого еще имелась причина лишить жизни вашу бывшую жену. И кто при этом мог подстроить все так, чтобы подозрение упало на вас. Прежде всего необходимо определить, у кого была возможность спрятать в конюшне грязные ботинки и молоток. Это правда, что ключи от конюшни были только у вас и у конюха?

— Да. — Лицо Болейна смягчилось. — Мой любимый жеребец по кличке Полдень — отличный скакун, но норов у него крутой. Меня этот зверюга слушается беспрекословно, а ко всем прочим относится с недоверием. Даже сыновьям я запрещал подходить к нему, потому что конь не раз их лягал. Я боялся, что он лягнет Изабеллу или кого-нибудь из работников. Кроме меня, он слушался только мальчика-конюха. Но конюх тут ни при чем, уверяю вас. — Болейн грустно усмехнулся. — У этого мальчишки не все в порядке с головой, но с лошадьми он ладит отлично. Я нанял его в начале года. Честно говоря, поначалу сомневался, стоит ли брать на работу парня, которого все считают малость чокнутым. Но меня заверили, что лучше конюха не найти. И правда, он подружился с Полднем, и тот полюбил его. Мне кажется, этот парень, Саймон, предпочитает общаться с лошадьми, а не с людьми. Близнецы вечно его изводили, и бедняге приходилось это терпеть. В общем, поверить в то, что Саймон убил человека, так же трудно, как и в то, что он улетел на Луну. Ключи от конюшни малец всегда держал при себе, я сам на этом настаивал. После убийства он вручил их мне и скрылся в неизвестном направлении. Я так полагаю, что Скамблер чертовски испугался. Удивляться этому не приходится, этот парень из тех, кто боится собственной тени.

Мы с Николасом переглянулись.

— По пути сюда мы встретили в городе мальчика по фамилии Скамблер, — сообщил я. — Подросток лет пятнадцати, худой как жердь.

— Наверняка это он.

— Он тащил здоровенный тюк ткани, и какие-то подмастерья подставили ему подножку, так что бедняга уронил свою ношу в лужу. Лавочник, у которого он работал, тут же его уволил. Все называли его Грязнулей — насколько я понял, это его прозвище.

— Так его зовут с детства, — кивнул Болейн. — Он постоянно таскается по городу и вечно попадает в переделки, придурок безмозглый.

— Сегодня Скамблер угодил в переделку не по своей вине, — уточнил Николас.

— Мальчишки — жестокий народ, — пожал плечами Болейн. — Но повторяю: к смерти Эдит Скамблер не имеет никакого отношения. Можете о нем забыть.

— Нет уж, забывать о нем не стоит, — решительно возразил я. — Если мы действительно хотим разобраться в этом деле, то должны поговорить с каждым, кто имеет к нему хотя бы отдаленное отношение. Вы сказали, что, кроме вас, ключи от конюшни были только у Скамблера. Насколько я понимаю, где он живет сейчас, вам неизвестно?

Болейн вновь пожал плечами, на сей раз с откровенным раздражением:

— Откуда мне знать? Родители его давно умерли. Вроде у него есть какая-то тетка, которая живет на Бет-стрит. А впрочем, найти его не составит труда. Грязнуля Скамблер — известная в Норидже личность, и вам наверняка подскажут, где он сейчас обретается. Но предупреждаю, вы только зря потеряете время.

— Доказать вашу невиновность возможно, лишь узнав, кто подкинул в конюшню основные улики против вас, — веско произнес я. — Необходимо собрать как можно больше фактов. Чем мы и займемся на этой неделе.

— Адвокат Шардлейк известен тем, что раскрыл немало запутанных убийств, — с гордостью сообщил Николас.

Во взгляде, который бросил на меня Болейн, мелькнуло откровенное недоверие.

— Я очень признателен вам за хлопоты, — буркнул он.

— Давайте подумаем, у кого еще была причина убить вашу супругу, — предложил я. — Как это ни печально, на ум мне первым делом приходят Изабелла и ваши сыновья.

— Разумеется, у Изабеллы имелся веский повод избавиться от Эдит. Как, впрочем, и у меня самого. — Голос Болейна звучал спокойно и размеренно, однако видно было, что он с трудом сдерживает досаду. — Но спрашивается: зачем ей глумиться над трупом? С какой целью она стала бы выставлять тело на видном месте? Для того, чтобы навлечь подозрение на себя и на меня?

— Согласен, — кивнул я. — Это ваш самый сильный козырь. Кстати, Изабеллу допрашивали?

— Да. И коронер пришел к выводу, что она непричастна к убийству.

— Однако официально она не давала показаний. Как и Джеральд с Барнабасом. При этом, насколько я понимаю, они никогда не питали к матери сыновнюю любовь. Ее возвращение вряд ли доставило им радость.

— Я хорошо знаю своих сыновей, — процедил Болейн, глядя мне прямо в глаза. — Это парочка бессердечных мерзавцев, в чем нет ни малейших сомнений. Но они не убивали Эдит.

— Мастер Шардлейк уже имел случай познакомиться с этими молодыми джентльменами, — вставил Тоби. — В вашем лондонском особняке.

У Болейна глаза на лоб полезли.

— Что им там понадобилось?

— Думаю, решили проверить, можно ли в доме чем-нибудь пожить, — сказал я.

— Эти парни меня терпеть не могут, — пробормотал Болейн. — Я давно это понял. Но поверите ли, после исчезновения матери они просто места себе не находили. Несколько недель глаза у обоих были на мокром месте. Думаю, мать они как раз любили — на свой собственный манер, разумеется. Хотя я и довожусь этим молодчикам родным отцом, однако не испытываю на их счет ни малейших иллюзий, — продолжил Джон, впери в меня пристальный взгляд. — И все же я не могу поверить, что они убили Эдит.

— Тогда остается ваш сосед Леонард Вайтерингтон. У него тоже имеется свой интерес. Вы вели тяжбу относительно границы между

вашиими владениями. Если вас признают виновным и передадут ваши земли в казну, он сможет их выкупить.

— Если только этот пройдоха сумеет опередить сэра Ричарда Саутвелла, — мрачно усмехнулся Болейн. — Земли Саутвелла с двух сторон примыкают к Бриквеллу. Думаю, в схватке с таким противником Вайтерингтон обречен на поражение. Возможно, границы его владений действительно изменятся, да только совсем не так, как ему того хотелось бы.

— А у вас были какие-нибудь столкновения с сэром Ричардом?

— Я слишком мелкая сошка, чтобы такой вельможа обращал на меня внимание. Вайтерингтон — другое дело. Он считает, что если расширит свои владения, это поможет заткнуть глотки арендаторам, которые возмущаются огораживанием пастбищ. Наверное, он предполагает отдать вновь приобретенные земли под общинные пастбища или что-нибудь в этом роде. Но мои арендаторы никогда не смиряются с утратой своих наделов.

— Насколько мне известно, дело уже доходило до драки.

— Да. В марте. Управляющий Вайтерингтона собрал толпу крестьян, и они попытались силой захватить мои земли. Я узнал об их планах заранее — от одного из арендаторов Вайтерингтона, которому приплачивал за подобные сведения. Так что я приказал своему управляющему Чаури тоже собрать парней покрепче, включая моих сыновей. В том, что они будут рады поработать кулаками, я не сомневался. Близнецы привели своих друзей, таких же головорезов, как и сами. В тот день они повеселились на славу. Вышибли прихвостней Вайтерингтона прочь, а одному из них проломили голову. Кажется, после этого он тронулся умом. Думаю, теперь любезный соседущка хорошенько подумает, прежде чем соваться на мои земли.

— Полагаю, тот человек, которому проломили голову, всего лишь хотел получить клочок земли, дающий ему средства к существованию, — подал голос Тоби. — А Вайтерингтон использовал его желание в своих целях.

Болейн повернулся к говорившему, и лицо его впервые за время нашего разговора приняло надменное выражение.

— Арендаторы, создающие проблемы своим землевладельцам — или соседям своих землевладельцев, — заслуживают самого жесткого

наказания, — отчеканил он. — Тем не менее ныне Вайтерингтон угрожает обратиться в суд. Но я сомневаюсь, что он на это решится.

— Насколько мне известно, мастер Болейн, в Норфолке у вас есть и другие владения, — заметил я.

— Прочие мои поместья расположены довольно далеко отсюда, — пожал он плечами. — Я был бы не прочь отдать их под пастбища. В нынешние времена разведение овец — единственный верный способ получить доход. Никакой арендной плате не поспеть за ростом цен. Но на этих землях находятся фермы, которые я не могу уничтожить. Попробуй я только заикнуться об этом, арендаторы непременно подадут в суд. — Он испустил тяжкий вздох. — Новых судебных издержек, вдобавок к тяжбе с Вайтерингтоном, мне не выдержать.

— Я полагаю, ваш дом в Лондоне стоит немалых денег, — произнес я.

— Вы намекаете, что для меня он слишком дорог? Но я давно мечтал купить приличный дом в Лондоне и жить в нем с Изабеллой, вдали от косых взглядов и пересудов. Хотя Бриквелл я продавать не собираюсь. Здесь жили все мои предки.

— Позвольте спросить вас еще кое о чем, мастер Болейн, — сказал я, понизив голос.

— О чем же?

— Из ваших показаний явствует, что в тот вечер, когда было совершено убийство, вы провели два часа в своем кабинете, просматривая документы. Да, именно два часа, с девяти до одиннадцати. Приходится только сожалеть, что в это время вас никто не видел — ни ваша жена, ни слуги.

— Мне нужно было поработать в тишине. И я попросил Изабеллу проследить, чтобы меня никто не беспокоил.

— А какие именно документы вы просматривали?

— Старинные купчие и прочее в этом роде. Я знал, что Вайтерингтон намерен обратиться в суд, и собирался нанять адвоката. Но прежде необходимо было хорошенько изучить все бумаги самому.

До этого момента Болейн говорил только правду, в чем у меня не было ни малейших сомнений. Теперь он начал лгать, и поведение его сразу изменилось. Он избегал встречаться со мной взглядом и беспокойно ерзал на табурете.

— Дело в том, что все эти документы находятся у меня, — негромко сообщил я. — Мы обнаружили их в вашем лондонском доме.

Болейн резко вскинул голову.

— Да, я отвез некоторые бумаги в Лондон, — заявил он после недолгого замешательства. — Как я уже сказал, хотел нанять адвоката. Теперь я отчетливо вспомнил: в тот вечер я просматривал старые приходно-расходные книги, расписки от арендаторов и тому подобное.

Он явно лгал, однако я решил до поры до времени оставить всякие попытки вывести его на чистую воду. Прежде следовало побывать в Бриквелле, предоставив Болейну возможность хорошенько подумать.

— Понятно, — кивнул я, намеренно придав своему голосу оттенок сомнения. — Боюсь, мы слишком утомили вас, мастер Болейн. В самом скором времени мы вновь посетим вас. Но полагаю, завтра нам необходимо съездить в Бриквелл. Попробую побеседовать с мастером Вайтерингтоном.

— Не уверен, что этот старый дикарь согласится встретиться с вами, — пожал плечами Джон. В следующее мгновение неприязненное выражение его лица сменилось умоляющим. — Вы ведь не откажетесь передать Изабелле, что я люблю ее? Что я думаю о ней дни и ночи? Да, еще поблагодарите ее за то, что она присылает мне еду. Хотя добрую половину всей снеди забирают тюремщики, будь они трижды прокляты.

— Непременно все передам вашей жене.

— Во время своего прошлого визита Тоби сказал, что леди Елизавета проявила ко мне интерес, — почти шепотом произнес Болейн. — Это правда?

— Правда.

— Это она вас наняла?

— Она хочет, чтобы справедливость восторжествовала. Но прошу вас, держите это в тайне.

— Можете не сомневаться, я умею держать рот на замке.

Я поднялся с табурета со всей возможной осторожностью, но все же спина моя жалобно затрещала. Тоби ударил кулаком в дверь, призывая тюремщика, который незамедлительно выпустил нас. После холодной, промозглой атмосферы замка приятно было вновь оказаться на свежем воздухе и ощутить тепло солнечных лучей. Несколько минут

мы постояли на холме, озирая раскинувшийся внизу город. Никогда прежде я не видел такого количества церковных шпилей одновременно.

— Ну, что скажете? — обратился я к своим спутникам. — Какое впечатление на вас произвел Болейн?

— Он явно кривит душой, рассказывая, чем занимался в вечер убийства, — заявил Николас.

— Несомненно. Нам следует выяснить причины этого.

— Подобная ложь наталкивает на мысль, что он таки имеет отношение к убийству, — заметил Тоби.

— Это вполне возможно, — кивнул я. — Не сомневаюсь, Джон Болейн подвержен приступам ярости. Но вот настолько ли он жесток, чтобы совершить чудовищное надругательство над трупом, это другой вопрос. Из его рассказа о драке в Бриквелле можно сделать вывод, что он суров и безжалостен. Тем не менее порой он производит впечатление человека слабого и неуверенного в себе. Боится, что арендаторы привлекут его к суду, опасается происков Вайтерингтона. Но как бы то ни было, в самом главном вопросе Болейн лжет. И мы должны понять почему. А еще нам необходимо отыскать Грязнулю Скамблера.

— Никогда прежде не был в тюрьме, — содрогнувшись, признался Николас. — Тоскливое местечко.

— Прежде вы не занимались уголовными делами? — осведомился Тоби.

— В основном мы специализируемся на земельной собственности, — пояснил я. — Впрочем, у меня самого имеется изрядный опыт посещения тюрем.

«И не только в качестве адвоката», — добавил я про себя. Два раза я попадал в Тауэр в качестве арестанта. Правда, оба раза заключение длилось недолго.

Я поднял голову. Солнце стояло почти в зените.

— Ну а теперь идем в ратушу, — скомандовал я. — Нас ждет встреча с коронером.

Глава 14

Проповедник, витийствовавший на рыночной площади, уже ушел. Я заметил одного из подростков, изволивших Скамблера. Что касается злосчастливого Грязнули, то его и след простыл.

Мы направились к ратуше, трехэтажному зданию впечатляющих размеров. У дверей стояло двое стражников в ливреях. Я заметил, что кремниевые плиты, которыми были облицованы стены, покрывают многочисленные зазубрины; в швах раствора, скрепляющего плиты, торчали мелкие осколки. Я уже собирался провести по стене пальцами, но Тоби, заметив мое намерение, предостерег:

— Осторожно: пораните руки.

Откуда-то из подвала донесся приглушенный крик. В решетку крохотного оконца, распложенного у самой земли, вцепились грязные пальцы.

— Добрые господа, смилуйтесь, подайте на хлеб, — долетел до нас жалобный голос.

— Здесь тоже есть тюрьма, — пояснил Тоби. — Те заключенные, которым предстоит предстать перед городским судом, сидят тут. В замок помещают только тех, чьи дела будут слушаться на выездной сессии суда присяжных.

Я просунул сквозь прутья решетки несколько мелких монет. В то же мгновение кто-то схватил их, и из мрачного подземелья появились новые руки. С трудом выпрямившись, я испустил тяжкий вздох, повернулся к Тоби и спросил:

— Здесь ведь проходят заседания городского совета?

— Да, разумеется. Это самая большая ратуша в Англии. За пределами Лондона, конечно. Ее возвели примерно сто сорок лет назад, причем горожан насильно заставляли работать на строительстве. Среди этих горожан были и мои предки.

Локвуд поднялся на крыльцо и что-то сказал одному из стражников. Тот поклонился и распахнул дверь, пропуская нас.

Внутри было достаточно света благодаря большим окнам; возможно, когда-то окна украшали витражи, но ныне их сменили простые стекла. Стражник подвел нас к лестнице.

— Коронер ожидает вас в оружейной палате, господа, — сообщил он.

— В оружейной палате? — удивленно переспросил Николас.

— Никакого оружия вы там не увидите, — улыбнулся Тоби. — Это зал, в котором проходят заседания городского совета. Но там устроено подобие чердака, где действительно хранится оружие — на случай, если в городе вспыхнут беспорядки.

— Такое уже бывало? — спросил я.

— Пока нет.

Стражник провел нас наверх и постучал в массивную резную дверь. Раздался голос, приглашавший войти, и дверь распахнулась. Слуга, отвесив поклон, пропустил нас. Мы оказались в просторном зале, где полукругом стояли скамьи и стулья. За столом, заваленным бумагами, восседал дородный мужчина средних лет, седобородый и с выцветшими голубыми глазами. Он встал, приветствуя нас:

— Сержант Шардлейк?

— К вашим услугам. А это мои помощники: мастер Овертон и мастер Локвуд.

Коронер вперил в нас пронзительный взгляд:

— Позвольте представиться: Генри Уильямс, коронер Нориджа. Бриквелл расположен на территории, находящейся в моем ведении. Мне не часто приходится встречаться с законниками столь высокого ранга, сэры. Вы знакомы с сержантом юриспруденции Фловердью, представителем Ведомства по делам конфискованного имущества?

— Нет. Но уже немало о нем наслышан. Например, мне известно, что он хочет выселить семью Джона Болейна из имения, не дожидаясь решения суда.

Уильямс поджал губы:

— Возможно, он намерен приобрести эти земли для себя или для кого-то другого. Он человек, который... э-э-э... Скажем так, фамилия не слишком ему подходит. С росинкой на цветке он, чего уж греха таить, не имеет ничего общего^[5]. — Коронер невесело усмехнулся и, прищурившись, вновь метнул на меня пронзительный взгляд. — Насколько мне известно, мастер Шардлейк, вы прибыли к нам, дабы заняться делом Болейна, которое вам передал мастер Копулдейк?

— Да, именно так.

— Копулдейк работает на Томаса Пэрри, управляющего леди Елизаветы, — продолжал он, не сводя с меня глаз.

Я сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей. И заверил собеседника:

— В мои намерения входит всего лишь собрать факты и взглянуть на них свежим взглядом. Я отнюдь не собираюсь доказывать невиновность Болейна во что бы то ни стало. Как, впрочем, и его виновность.

— Виновен он или нет, решит суд.

— Разумеется.

Я ободряюще улыбнулся, прекрасно сознавая, что коронер заинтересован в подтверждении собственного вердикта.

— Вы будете давать показания на суде? — осведомился я.

— Разумеется. Ведь именно я провел дознание, что называется, по горячим следам. И вынес вердикт, согласно которому Эдит Болейн была убита своим собственным мужем Джоном, — произнес он многозначительно.

— Понятно. Решающими уликами оказались ботинки Болейна и окровавленный молоток, найденные в конюшне?

— Заметьте, ключи от конюшни имелись только у самого Болейна, не считая, разумеется, слабоумного мальчишки-конюха. Никто другой проникнуть в конюшню не мог. К тому же стоявший там жеребец обладает крутым нравом — об этом упоминается в показаниях Болейна. Наверняка конь огрел бы чужака копытом.

— Согласен, улики против Болейна весьма серьезны. Но может быть, кто-то проник в конюшню, обойдясь без ключа? Например, подлез под дверь? Или, скажем, воспользовался дырой в крыше?

— В отчете констебля о дыре на крыше не говорится ни слова, — нахмурился Уильямс. — Как и о том, что под дверью имеется широкая щель.

Я счел за благо сменить тему:

— Вопрос о том, по какой причине Болейн надругался над телом убитой жены столь чудовищным образом, напрашивается сам собой. У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет, мастер Уильямс?

Коронер пожал плечами:

— Кто знает, что творилось тогда у него в голове? Одно ясно как день: внезапное возвращение Эдит привело Болейна в ярость. У него

имелись веские причины убить ее.

— Согласен. И все-таки мой опыт доказывает: все, что лишено смысла, как правило, оказывается неправдой.

— Мой опыт доказывает другое, — проворчал Уильямс. — Чем старше я становлюсь, тем сильнее убеждаюсь: сплошь и рядом человеческие поступки вообще лишены здравого смысла. — Он устало улыбнулся и вновь вскинул на меня внимательный взгляд. — Вы уже побывали в Бриквелле?

— Пока нет. Собираюсь поехать туда завтра. Меня очень занимает один вопрос. Неужели никто не имеет понятия, где Эдит провела последние девять лет?

Коронер вздохнул.

— Никто, — ответил он; я видел, что он не кривит душой. — Я уже пробовал выяснить что-нибудь относительно местопребывания Эдит два года назад, когда Джон Болейн обратился с просьбой признать его жену умершей. А мой предшественник пытался найти ее следы еще в тысяча пятьсот сороковом году, когда она исчезла. Но эта женщина словно сквозь землю провалилась.

— А ее родители? Они тоже ничего не знают?

— Нет. Эдит не подавала им никаких вестей. Впечатление такое, словно она забилась в нору и просидела там девять лет. — Мгновение помешкав, он добавил: — Помню, когда я принимал дела у своего предшественника — теперь он уже покинул этот бренный мир, упокой Господь его душу, — тот рассказал мне об этом случае. И упомянул, что хотел бы хорошенько расспросить одну женщину. Но и она тоже бесследно исчезла.

— И кто же это такая?

— Грейс Боун, горничная Эдит Болейн.

— Да, мастер Болейн упоминал это имя. Сказал, что Эдит вечно скандалила со слугами. И даже ее любимая горничная в конце концов не выдержала и уволилась.

Коронер покачал головой:

— Судя по тому, что рассказывал мой предшественник, здесь все не так просто. В тысяча пятьсот сороковом году, когда Эдит исчезла, мысль о том, что дело нечисто, напрашивалась сама собой. С мужем они жили скверно, и у Болейна имелась любовница. Так вот, бывший коронер допрашивал всех слуг и выяснил, что Эдит и Грейс были

привязаны друг к другу, как только могут быть привязаны госпожа и горничная. Узнав о том, что муж ей изменяет, миссис Болейн часто запиралась в своей комнате и рыдала, а Грейс пыталась ее утешить. В эти месяцы они сблизились между собой еще теснее. Когда Грейс вдруг неожиданно уволилась, все прочие слуги ушам своим не поверили. Эдит после ее ухода окончательно свихнулась, а вскоре и сама исчезла. — Уильямс задумчиво посмотрел на меня. — Мой предшественник даже предполагал, что горничная была убита, так же как и ее госпожа.

— И предполагаемый убийца, разумеется, Джон Болейн?

Уильямс пожал плечами.

— Могу сказать одно: с тех пор о Грейс Боун не было ни слуху ни духу. Как и ее госпожа, она словно сквозь землю провалилась. Говорят, в Норидже у нее есть брат, но его тоже не удалось найти. Разумеется, сейчас проводить дознание уже поздно.

— Вы хотите сказать, что практически одновременно с Эдит пропала еще одна женщина, живущая в Бриквелле, однако никакого дознания, связанного с этим исчезновением, не проводилось? — недоверчиво уточнил я.

Коронер нахмурился:

— Напротив, сэр. Я хочу сказать, что мой предшественник провел дознание, однако ему не удалось ничего выяснить. Возможно, Грейс Боун было известно, что Эдит намерена уйти от мужа. Поэтому она решила оставить их дом прежде, чем поднимется шум, связанный с исчезновением ее госпожи.

— Не исключено, что так оно и было. Но почему эта женщина исчезла бесследно? — Я в упор взглянул на Уильямса. — Вполне резонно предположить, что она убита.

Уильямс покачал головой:

— Нет никаких фактов и улик, подтверждающих подобную гипотезу. А это означает, что мы не можем считать ее убитой. Что касается убийства Эдит Болейн, тут фактов и улик более чем достаточно. И все они изобличают Джона Болейна.

— Я читал показания отца Эдит Гэвина Рейнольдса. Он утверждает, что в последние девять лет ни разу не видел свою дочь. Вплоть до прошлого месяца, когда его вызвали на опознание ее тела.

— Это все, что он счел нужным сообщить, — пожал плечами Уильямс.

— Меня удивило, что в деле отсутствуют показания Саймона Скамблера, который работал у Болейна конюхом.

Уильямс внезапно расхохотался:

— Вы о чокнутом Грязнуле Скамблере? Этот парень и цыпленка не сумеет зарезать — как говорится, кишка тонка.

— Тем не менее я намерен побеседовать с ним. А также с мастером Гэвином Рейнольдсом.

— Будьте осторожны с этим стариканом, — предостерег Уильямс. — Он не из тех, кого можно взять голыми руками.

Мы вышли из ратуши.

— Ну, какое впечатление произвела на вас встреча с коронером? — обратился я к своим спутникам.

— В его интерпретации исчезновение горничной предстает в совершенно ином свете, чем в рассказе Джона Болейна, — ответил Николас.

— Хотя вполне вероятно, Болейн ничуть не кривил душой. Ему самому так опостылела Эдит, что он не сомневался: Грейс она тоже осточертела и служанка уволилась, потому что устала от выходок хозяйки. Надо поговорить с ним еще раз. И попытаться выяснить, где он все-таки был в вечер убийства.

Мы двинулись в сторону площади Тумлэнд. Солнце палило вовсю, но высокие дома, стоявшие в центральных, богатых и процветающих кварталах города, давали желанную тень. Внимание наше привлек впечатляющих размеров особняк в итальянском стиле; двери его были заперты на массивные деревянные засовы.

— Это бывший дворец герцога Норфолкского, — пояснил Тоби.

— Ныне он является собственностью короля? — уточнил я. — Или вместе с другими владениями герцога был продан леди Марии?

— Думаю, пока он принадлежит королю.

— И следовательно, им распоряжается Ведомство по делам конфискованного имущества.

Дом Гэвина Рейнольдса на площади Тумлэнд выглядел необитаемым: ставни на окнах опущены, двери, ведущие во внутренний двор, заперты. Однако, после того как Тоби громко постучал в дверь, до нас долетел звук шагов. Дверь открыл мужчина лет тридцати, весьма привлекательной наружности — хорошо сложенный, с густыми каштановыми волосами, короткой бородкой и умными зелеными глазами. На нем были ярко-красный дублет и зеленая шапка. Увидев наши с Николасом мантии, он подозрительно прищурился.

— Это дом мастера Гэвина Рейнольдса? — осведомился я.

— Олдермена Рейнольдса, — не своя с меня настороженного взгляда, уточнил он. — Я — его управляющий. Мастер Рейнольдс и его супруга сейчас не принимают посетителей: они недавно понесли тяжкую утрату.

— Именно в связи с этой утратой мы и позволили себе побеспокоить мастера Рейнольдса, — заявил я, назвал свое имя и звание, после чего представил своих спутников. — Мы расследуем обстоятельства трагической гибели дочери вашего хозяина.

Управляющий не сдвинулся с места.

— По чьему поручению вы проводите расследование, сэр? — спросил он, бросив взгляд в сторону дома, стоявшего в глубине внутреннего двора.

— Подобные вопросы я буду обсуждать только с вашим хозяином, — отрезал я. — Он дома?

Из дома донесся мужской голос, громкий и злобный:

— Господи Исусе, Воувелл, кто там еще приперся? Гони их прочь!

Управляющий замешкался.

— Прошу вас, подождите здесь, — обратился он к нам и закрыл дверь.

— Старикан явно не рад гостям, — усмехнулся Николас.

— Думаю, любопытство все-таки пересилит, — заметил я. — От мантии законника тоже иногда бывает толк.

«Хотя в этой мантии, даже летней, шелковой, сегодня чертовски жарко», — вздохнул я про себя.

Через несколько минут управляющий вернулся.

— Вы можете войти, — сообщил он. — Прошу, подождите в холле.

Вслед за ним мы вошли в дом, просторный и хорошо обставленный. В центре холла стоял стол венецианской работы, несомненно очень дорогой, а на нем — огромная ваза с цветами. Управляющий скрылся за одной из внутренних дверей. До меня донеслись приглушенные голоса, затем дверь приоткрылась, из нее выглянула горничная и, увидев нас, тут же исчезла.

Оглянувшись, я слегка вздрогнул. На лестнице стояла пожилая женщина, худая как тень. Она появилась так бесшумно, что мы не услышали ее шагов. Мы поспешно сняли шляпы и склонились в почтительном поклоне. Старая дама стояла на нижней ступеньке, буравя нас ледяным взглядом. Глаза ее, несмотря на возраст, сохранили ярко-голубой цвет, руки были сложены на подоле черного платья, белоснежные волосы убраны под черный чепец. Лицо ее имело желтовато-бледный пергаментный оттенок.

— Зачем вы пришли? — Голос ее был так тих, что мало чем отличался от шепота.

— Мы занимаемся расследованием обстоятельств смерти Эдит Болейн.

— Моя дочь мертва, и тут уже ничего не исправишь, — проронила старуха, словно преодолевая усталость. — Ее мужа вскоре вздернут на виселицу. Что вы намерены расследовать?

— Олдермен Рейнольдс примет вас, господа! — возвестил управляющий, входя в комнату. — Но предупреждаю, смерть дочери повергла его в глубокую скорбь.

Когда мы двинулись к двери, управляющий вскинул руку, преграждая путь Тоби:

— Мне очень жаль, мастер, но мой хозяин примет только законников. Вам придется подождать здесь.

Тоби пожал плечами. Миссис Рейнольдс по-прежнему стояла у подножия лестницы, вцепившись рукой в перила.

Управляющий проводил нас с Николасом в просторную приемную. В комнате царил сумрак, так как ставни на окнах были плотно закрыты; на массивном столе горели свечи. У стола стоял высокий тощий старик в глухом черном дублете. На вид ему было лет семьдесят; длинные седые волосы, на старомодный манер, почти касались плеч. Изборожденное морщинами лицо, длинный нос, квадратный подбородок, жесткий рот с опущенными уголками; темные глаза

полыхали неприязнью. С первого взгляда было видно: Гэвин Рейнольдс относится к числу людей, с которыми не слишком приятно иметь дело. Его жена стояла в дверях, на лице ее застыло настороженное выражение. Управляющий переминался с ноги на ногу за спиной хозяйки.

Рейнольдс махнул рукой в их сторону и произнес исполненным досады голосом:

— Моя супруга Джейн и мой управляющий Майкл Воувелл. Они будут присутствовать при нашей встрече, которая, надеюсь, окажется недолгой. Что привело вас ко мне?

Старик сделал несколько шагов, и я заметил, что он сильно хромает и вынужден опираться на палку с золотым набалдашником.

— Мы расследуем обстоятельства убийства вашей дочери и надеемся, что вы сообщите нам некоторые факты, ибо... — начал я.

— Расследование уже было проведено, — бесцеремонно прервал меня Рейнольдс. — На кого вы работаете?

— Поручение приехать сюда мне дал мастер Томас Пэрри.

— Это что еще за хрен, черт бы его побрал?

Я глубоко вздохнул, пытаюсь сохранять невозмутимый вид. И пояснил:

— Казначей и управляющий леди Елизаветы.

Рейнольдс поджал губы:

— Все ясно. Разумеется, Елизавета пытается спасти от виселицы своего родственничка Болейна. Только слишком поздно вы спохватились, господин горбатый адвокат. Вина Джона Болейна доказана, и через несколько дней ему предстоит дрыгать в воздухе ногами.

Последнюю фразу старик произнес с нескрываемым удовольствием.

— Нам поручено проверить все обстоятельства дела, — спокойно ответил я. — Никаких иных целей мы не преследуем. Вы согласны побеседовать с нами, сэр?

— О чем тут беседовать? — процедил Рейнольдс дрожащим от злобы голосом. — Я вынужден сидеть взаперти, чтобы скрываться от любопытных взглядов. Мне пришлось распрощаться с надеждой стать мэром.

«Да, если этот человек и скорбит о чем-то, так только о крахе своих честолюбивых планов, а не о смерти дочери», — подумал я.

Однако Николас произнес сочувственно:

— Мы догадываемся, сэр, что вы пережили страшное потрясение.

— Догадываетесь? — возвысил голос Рейнольдс. — Девять лет назад моя единственная дочь бросила мужа и детей и скрылась в неизвестном направлении. Эдит не обратилась за помощью ко мне или к кому-либо другому. Она просто ушла неведомо куда. — Он злобно махнул рукой. — А в прошлом месяце ее труп обнаружили в Бриквелле. И после этого вы строите догадки по поводу того, были мы потрясены или нет?

— Никаких догадок мы не строим, — отрезал я. — Сэр, мы понимаем, что такого страшного исхода вы не ожидали. Все эти девять лет вы надеялись на лучшее.

— Девять лет, целых девять лет, — повторил Рейнольдс. Голос его по-прежнему дрожал от досады.

Я повернулся к его супруге, рассчитывая, что с ней будет проще найти общий язык:

— Скажите, миссис Рейнольдс, помимо вас, у вашей дочери имелись родственники в Норидже? Или где-нибудь в другом месте? Возможно, у нее были друзья, у которых она могла найти приют?

Вместо жены ответил муж.

— Родственники, друзья? — процедил он. — Сразу видно, вы не знали мою дочь, мастер горбун. Эдит всегда была чокнутой, с самого детства. Она не любила общаться с людьми, потому что ненавидела всех вокруг без исключения. Когда она была маленькой, ее невозможно было заставить играть с другими детьми. А когда она выросла и превратилась в красивую девушку, то ни в какую не хотела бывать на званых вечерах и балах. Я надеялся, что замужество смягчит ее дикий нрав. Но она сразу возненавидела этого болвана Болейна, а потом и своих несчастных сыновей. — Внезапно он разразился каркающим смехом. — Признаюсь откровенно, все мы были чертовски рады, когда Болейн проявил интерес к Эдит. Анна Болейн была тогда в фаворе, и мы рассчитывали, что у нас появятся связи при дворе. Но Джон Болейн никогда не умел пользоваться моментом. Приехав в Лондон, он повел себя как настоящий пентюх и даже не сумел встретиться с Анной Болейн. Что до Эдит, она вообще наотрез отказалась ехать в столицу. А

кончилось все тем, что Болейн убил ее! — Голос старика вновь задрожал от ярости. — И вместо законной жены привел в свой дом потаскуху из грязной харчевни! Мне осталась одна-единственная отрада — посмотреть, как эта шлюха будет побираться на рыночной площади.

Лицо Рейнольдса исказилось от злобы, а глаза метали молнии. Бросив взгляд на его жену, я заметил, что она еще сильнее побледнела от испуга.

На несколько мгновений в комнате повисло молчание, которое нарушил женский визг, долетевший из дальних комнат. Миссис Рейнольдс нахмурилась.

— Чем сейчас заняты мальчишки? — обратилась она к мужу.

Тот зашелся лающим смехом.

— Судя по визгу, забавляются с этой девчонкой Юдит, — ответил он.

Его супруга поспешно вышла из комнаты. Несколько мгновений спустя до меня донеслись знакомые нахальные голоса:

— Смотри-ка, опять Локвуд притащился!

— Какой черт тебя принес, недоумок? Лучше бы ты оставил деда в покое, пока цел.

Мы с Николасом многозначительно переглянулись. Итак, снова близнецы, Барнабас и Джеральд.

— Что вам понадобилось в кухне? — раздался голос управляющего.

— Да вот хотели посмотреть, высоко ли у Юдит задираются юбки, — ответил один из близнецов. — А она, дуреха, принялась верещать как резаная!

— Ваша бабушка просила вас не приставать к служанкам!

— Отвали, если не хочешь щеголять с расквашенным носом!

В комнату ввалился Барнабас, юнец со шрамом. Завидев нас, он на миг замер от неожиданности и нахмурился, однако уже в следующее мгновение к нему вернулась прежняя наглость.

— Гляди-ка, Джерри, у нас гости, старые знакомые! Горбун и его подручный, долговязый рыжий ублюдок!

Взгляд Джеральда, вошедшего в комнату вслед за братом, не предвещал ничего хорошего.

— Вы знакомы с моими внуками? — удивленно спросил Рейнольдс.

— Да. Мы имели удовольствие встретиться с этими молодыми джентльменами в Лондоне, на прошлой неделе. В доме их отца.

— Куда эта компания крючкотворов приперлась, хотя их никто не звал, — вставил Барнабас.

— Внуки — это все, что у меня осталось, — заявил Рейнольдс. — Я должен защищать их интересы. После того как отца мальчиков повесят, я подам прошение об опекунстве. — Он повернулся к близнецам, и взгляд его неожиданно смягчился. — А потом мы найдем пару богатеньких красоток вам в жены, да, парни?

— Только не надо с этим спешить, дедуля. Нам пока и холостым неплохо.

Рейнольдс перевел взгляд на меня:

— Кстати, если у вас имеются какие-то подозрения относительно моих внуков, знайте — у мальчиков есть алиби. Тот вечер, когда моя дочь была убита, они провели со своими друзьями. Повеселились на славу, как это принято у молодежи, верно, парни? Весь вечер просидели в харчевне, и тому есть добрый десяток свидетелей. Коронер уже говорил с ними.

— Дед, хочешь, мы вышвырнем эту парочку вон? — спросил Джеральд, расправляя могучие плечи. — Да и Локвуда стоит выгнать взащей. Неплохая выйдет забава.

— Полагаю, они уйдут сами, — процедил Рейнольдс. — Прежде, чем вы им поможете это сделать.

Николас метнул в близнецов негодующий взгляд. Барнабас в ответ лишь издевательски подмигнул. Я взял своего помощника за локоть и потащил к дверям.

— Я слышал, сейчас за городом стоят цыгане, мастер горбун! — крикнул нам вслед один из близнецов. — Будьте осторожны, иначе они украдут вас и будут показывать на потеху публике!

Их дедушка, оценивший шутку по достоинству, зашелся лающим смехом.

«Да уж, — вновь подумал я, — в душе этого человека нет ни капли сожаления о погибшей дочери».

В холле мы увидели Тоби, ожидавшего нас в обществе управляющего. Воувелл, нахмурившись, с тревогой поглядывал на

дверь кухни, откуда доносились приглушенные всхлипывания. Джейн Рейнольдс куда-то скрылась.

К немалому моему удивлению, Воувелл вышел на улицу вслед за нами. Быстро оглянувшись на дом, он сжал мою руку повыше локтя и прошептал:

— Вам следует знать, сэр, что мой хозяин рассказал вам далеко не все.

— Что вы имеете в виду?

Лицо управляющего исказилось от злобы.

— Существуют некие обстоятельства, которые он считает нужным скрывать. Я служу у него более десяти лет и хорошо осведомлен обо всех его делах. Так вот, девять лет назад, за несколько месяцев до своего исчезновения, Эдит Болейн обратилась к отцу за помощью. Джон Болейн хотел, чтобы у них были еще дети, но Эдит не могла заставить себя лечь с супругом в постель. Болейн, пытаясь принудить жену выполнять свои обязанности, пускал в ход побои. Она надеялась, что отец встанет на ее защиту. Но вы уже поняли, что за человек старый Рейнольдс. Папаша лишь накричал на Эдит и прогнал ее с глаз долой. Заявил, что он не собирается вмешиваться в чужие семейные дела и со своим мужем она должна разбираться сама.

— Почему вы решили рассказать мне об этом? — спросил я, внимательно посмотрев на Воувелла.

— Потому что я слишком хорошо знаю Гэвина Рейнольдса. Все, что его волнует сейчас, — это его несостоявшееся мэрство. А теперь, когда в доме появилась парочка юных мерзавцев, возросла вероятность того, что в один прекрасный день я тоже исчезну без следа.

— Я заметил, что Рейнольдс сильно хромот. Если бы не хромота, он, пожалуй, выгнал бы нас пинками. Вам не известно, при каких обстоятельствах он повредил ногу? — спросил я.

— Нынешней весной поскользнулся в жидкой грязи, которой в Норидже хватает. Это произошло на моих глазах. С той поры старикан вынужден ходить с палкой. Признаюсь откровенно, этот дом мне изрядно опостылел. Вот, собственно, и все, что я хотел вам сообщить.

С этими словами он повернулся, скрылся в доме и закрыл за собой дверь.

Я догнал Николаса и Тоби.

— Что там вам нашептывал этот молодчик? — спросил Николас.

Я вкратце передал слова управляющего.

— Если бы Рейнольдс сообщил властям, что Эдит жаловалась на побои мужа, это стало бы еще одним доказательством вины Болейна, — заметил Николас.

— Не понимаю, почему старик счел нужным это скрыть? — спросил Тоби. — Он спит и видит, как бывшего зятя вздернут на виселицу.

— Потому что в этой истории он сам предстает отнюдь в не лучшем свете, — предположил я. — Отец просто-напросто отмахнулся от своей дочери, и, если это станет публичным достоянием, его репутация пострадает еще сильнее. А репутация — это единственное, что волнует Рейнольдса. Бедная Эдит! — вздохнул я. — Этой женщине достались в удел безрадостная жизнь и ужасная смерть.

Вечер я провел в своей комнате, записывая сведения и факты, которые нам удалось собрать. Вне всякого сомнения, пока что все они подтверждали виновность Джона Болейна. Тем не менее образ жестокого домашнего тирана никак не увязывался в моем сознании с подавленным и растерянным человеком, которого мы нынешним утром видели в тюремном замке. Покончив с записями, я вспомнил, что пришло время составить отчеты для Пэрри и леди Елизаветы, и призадумался, сжимая в пальцах перо. Стоит ли сообщать о том, что все обстоятельства складываются против Болейна? О том, что без просьбы о помиловании, судя по всему, не обойтись, так как суд, вероятно, признает его виновным? Стоит ли упоминать, что сам я отнюдь не уверен в невинности Болейна? До заседания суда осталась всего неделя, но, возможно, за это время мы сумеем раздобыть сведения, которые заставят взглянуть на дело в новом свете. Не исключено, что это произойдет уже завтра, во время поездки в Бриквелл. Поразмыслив, я ограничился сообщением о том, что расследование пока не принесло результатов, и обещанием в ближайшее время написать вновь. Запечатав письма, я отнес их вниз и попросил хозяина отправить с утренней почтой в Лондон. Любопытно, подумал я, как отнесутся к моим посланиям в Хатфилде. Пэрри вряд ли будет опечален медленным ходом расследования. А вот леди Елизавета — иное дело.

Глава 15

На следующее утро, предвещавшее очередной жаркий день, Локвуд присоединился к нам за завтраком ровно в шесть часов. Он сообщил, что мать его чувствует себя немного лучше. Едва Тоби уселся за стол, как в дверях появился Джек. Трактирный слуга с подозрением посмотрел на его железную руку и потрепанную одежду, но Барак, не удостоив его взглядом, уселся за стол рядом с нами.

— Познакомься с мастером Локвудом, — сказал я. — Впрочем, вы уже встречались. В четверг, когда мы приехали в город, он был с нами.

— Рад знакомству, — кивнул Барак, пожимая руку Тоби. — Насколько я помню, вы местный житель и хорошо знакомы со здешними обстоятельствами.

— Что-то в этом роде.

— Глаза и уши повсюду — вот что вам сейчас необходимо, — глубокомысленно изрек Барак, обращаясь ко мне.

— Кстати, о глазах и ушах. Вчера вечером мои нориджские осведомители сообщили весьма важные для нас сведения, — повернулся ко мне Тоби. — Во-первых, у нас теперь есть адрес тетки Скамблера — она, как выяснилось, проживает на Бет-стрит. Во-вторых, удалось найти следы Джозефины и Эдварда Браун.

— Джозефина! — воскликнул Барак. — Да, конечно, она ведь теперь живет в Норидже! Как у нее дела?

— Муж ее работает каменщиком, а она прядет шерсть. Не так давно они перебрались в Конисфорд, квартал, что находится к югу от замка. — Поколебавшись, Тоби добавил: — Один из самых бедных кварталов в Норидже.

— Мы непременно с ней увидимся! — заявил я. — И со Скамблером, конечно, тоже. Нынешним вечером, когда вернемся из Бриквелла. Я вам очень признателен, Тоби. Как вам удалось отыскать Джозефину?

— Один из моих друзей выяснил, что Хеннинг, удалившийся от дел адвокат, и его супруга в прошлом году умерли от оспы. Дом их был продан, а слуги остались без крова. Друг мой знаком с их бывшим домоправителем, который ныне влачит почти нищенское существование. Именно он сообщил, что случилось с мастером Брауном и

его женой. В последний раз он получил от них весточку несколько месяцев назад.

Николас покачал головой:

— Вы хотите сказать, что слуг просто-напросто выгнали на улицу? Но ведь это жестоко!

— Подобное случается чаще, чем вы думаете, — пожал плечами Тоби.

— Как я погляжу, у вас неплохие глаза и уши, — одобрительно кивнул Барак. — Я имею в виду, что ваши осведомители знают свое дело.

Тоби настороженно взглянул на него.

— Полагаю, вы тоже служите глазами и ушами для судей, собирая сведения о том, какие настроения царят в Норидже, — заметил он.

— Прежде Джек много лет работал на лорда Кромвеля, — сообщил я.

— На самого Кромвеля! — Это имя явно произвело на Локвуда впечатление. — Говорят, он заботился о бедных, да только парламент и старый король не позволяли ему облегчить их участь.

— Чистая правда, — подтвердил Барак.

— А вот нынешние судьи всегда на стороне богатых, — заявил Тоби, глядя в глаза Джеку.

Тот пожал плечами:

— Это дело их совести. Моя задача — всего лишь узнать, какие настроения царят в городе. А уж судьи после выездной сессии будут отчитываться перед лордом-протектором Сомерсетом и лорд-канцлером Ричем.

— И что вы скажете об этих самых настроениях?

— Повсюду преобладает чрезвычайное недовольство. — Барак загадочно улыбнулся. — Во всех городах, где прежде проходила выездная сессия, люди тоже были не слишком довольны жизнью. Но здесь возмущение достигло крайней степени. С подобным мне еще не доводилось сталкиваться.

Встав из-за стола, мы, не тратя времени попусту, выехали в Бриквелл. С утра спина беспокоила меня гораздо меньше, и я надеялся без особых мучений продержаться в седле пять миль. Не желая пересекать рыночную площадь, мы выехали из города через ворота

Святого Бенедикта, расположенные в западной части, а затем свернули на дорогу, ведущую на юг. Несмотря на ранний час, там царило оживление. То и дело попадались повозки, груженные сыром и маслом, и пешие путники, тащившие на спине огромные мешки; все они спешили доставить товары на рынок. Встречались и всадники, законники и джентльмены; хотя до начала выездной сессии оставалось еще три дня, они, как видно, решили прибыть в город заблаговременно. Стайка подростков, громко гомонивших и хохотавших, преградила дорогу двум пожилым адвокатам в черных мантиях и их многочисленным слугам.

— Прочь с дороги, болваны! — крикнул один из юристов.

Как правило, мальчишки предпочитают не связываться со столь почтенными джентльменами, в особенности если их слуги, все как на подбор рослые и крепкие парни, вооружены ножами и дубинками. Однако на этот раз юные шалопаи, отступив на обочину, дружно спустили штаны, предоставив путешественникам возможность полюбоваться своими тощими задницами. Пожилой законник, обозвавший их болванами, побагровел от ярости, которую изрядно усугубил одобрительный хохот других путешественников. Раздались даже крики «Отлично, ребята!» и «Теперь навалите им кучу дерьма!». Барак и Тоби тоже смеялись, в то время как мы с Николасом, оба в адвокатских мантиях, обменялись встревоженными взглядами.

— Как бы эти шутники не избрали очередной мишенью нас, — вполголоса пробормотал Николас.

Но к счастью, все обошлось. По мере того как мы продвигались на юг, дорога становилась все более пустынной. Вокруг расстилались равнины; небо, синевшее над нашими головами, казалось безбрежным. На одном из огороженных пастбищ мы увидели нескольких человек, которые стригли овец, собранных в небольшом загоне. Выбрав очередную овцу, работники растягивали ее на дощатом столе и остригали длинные кудрявые пряди, с поразительной ловкостью орудуя огромными ножницами. В начале лета стричь овец уже поздновато, но холодная зима и поздняя весна сдвинули все сроки.

Мы с Николасом, Тоби и Баракком продолжали путь. С тех пор как Барак потерял руку, я ни разу не видел его в седле и ныне убедился, что он уверенно справляется с поводьями, накрутив их на свой протез. Судя по долетавшим до меня обрывкам разговора, Локвуд, с первого взгляда

невзлюбивший Николаса, проникся к Бараку симпатией, чем я был весьма доволен.

— Никогда прежде не видел такой прорвы овец, — заметил Джек.

— Каждый год все больше и больше земель отдается овцам. И все больше и больше фермеров лишаются своих наделов, — откликнулся Тоби.

— Да, об этом толкуют во всех тавернах.

— А что в тавернах говорят о мятежах в западных графствах? — спросил я, поворачиваясь к ним.

— Некоторые считают, что причина — новая богослужбная книга, другие видят корень всех бед в беззакониях местных землевладельцев. В общем, непонятно, кто там мутит воду. В этом разобраться не только я не могу, но и, судя по всему, лорд-протектор Сомерсет тоже. Одно ясно — мятежи разгораются все сильнее.

Проехав меж пастбищ, мы свернули на широкую песчаную дорогу. Я услышал, как Барак спрашивает у Тоби, женат ли тот.

— Я? Нет, что вы. Пока у меня нет желания повесить себе на шею жену и детей.

— А я вот уже семь лет таскаю на своей шее такой груз и, как видишь, пока жив! — расхохотался Барак. — Хотя, конечно, рад возможности время от времени вырваться на свободу. А как у тебя дела по любовной части, парень? — обратился Барак к Николасу.

— Я обхаживаю дочь одного барристера из Грейс-Инн, — сообщил тот. — Ее зовут Беатрис.

— Надеюсь, она красотка?

— Свежа, как роза, нежна, как голубка.

— И когда же зазвонят свадебные колокола?

— Это одному Богу известно.

— На матушку очаровательной Беатрис производят сильное впечатление мои знакомства в высших кругах, — сообщил я, подъезжая к ним. — Думаю, эта особа мечтает в один прекрасный день удостоиться приема у леди Елизаветы.

Я бы никогда не рискнул неодобрительно отозваться о Беатрис в присутствии Николаса, однако не отказал себе в удовольствии слегка уколоть ее мать.

— Я так понимаю, она дамочка с амбициями? — спросил Барак, привыкший называть вещи своими именами.

— Тем лучше для меня, — ухмыльнулся Николас. — Амбициозная теща — залог успешной карьеры зятя.

Мы проехали мимо маленькой часовни, где до прошлого года служили заупокойные мессы; ныне и часовня, и прилегающие к ней земли принадлежали королю. Почти все витражные окна были разбиты, кто-то мелом накорябал на дверях: «К черту папу римского!» Впереди виднелся шпиль деревенской церкви.

— Бриквелл уже близко, — сказал Тоби, указывая на шпиль. — Вон она, тамошняя церковь. Думаю, сэр, неплохо было бы взглянуть на план, который я вам дал.

Я вытащил из сумки план, и мы на ходу принялись его разглядывать. Пахотные земли, расстилавшиеся слева от нас, прежде принадлежали упраздненной ныне часовне. Наверняка какой-нибудь богатый помещик собирается их выкупить, подумал я. Например, сэр Ричард Саутвелл, чьи владения примыкают к бывшим церковным землям. Проехав еще немного, мы оказались в маленькой убогой деревушке, где ветхие домишки теснились вокруг небольшого пруда. Слева по-прежнему тянулись пашни, а справа — зеленые пастбища, испещренные серыми и белыми пятнами — местными овцами.

— Это земли, принадлежащие Болейну, — пояснил Тоби. — Прежде он отдавал их в аренду, а потом пустил под пастбища. Скоро увидим его дом.

Действительно, вскоре дорога привела нас к кирпичной ограде, за которой возвышался просторный особняк из красного кирпича; длинные дымовые трубы, казалось, касались неба. Когда мы въехали в железные ворота, я заметил, что маленький садик перед домом совсем одичал, а цветочные клумбы поросли сорняками.

— Значит, это — обитель Джона Болейна? — спросил Николас.

— Да, — кивнул Тоби. — Какой разительный контраст с тюремной камерой, где он обретается ныне.

Мы неспешно подъехали к дому. Не успели мы спешиться, как входная дверь распахнулась и на пороге возник рыжеволосый детина лет тридцати, широкоплечий и начинающий обрастать жиром. В руках он держал дубинку.

— Я адвокат Шардлейк, — представился я. — Прибыл сюда по просьбе мастера Копулдейка, дабы расследовать дело Джона Болейна. Миссис Изабелла дома?

— Нам ничего не известно о том, что мастер Копулдейк передал это дело другому адвокату, — нахмурился рыжеволосый.

— Я являюсь его законным представителем. У меня есть письмо, подтверждающее мои полномочия. Со мной помощник, мастер Овертон. Что касается мастера Локвуда, полагаю, он вам хорошо известен.

— Конечно. Да ниспошлет вам Господь доброго утра, Тоби.

— И вам тоже, Дэниел. Мы приехали сюда, чтобы помочь вашему хозяину. — Тоби повернулся ко мне. — Это управляющий мастера Болейна Дэниел Чаури.

Управляющий по очереди поклонился каждому из нас.

— Боюсь, мне придется попросить вас самих отвести лошадей в конюшню, — вздохнул он. — В доме не осталось других слуг, кроме меня.

— Значит, дома только миссис Изабелла?

Я опасался очередной встречи с несносными близнецами, но Чаури ответил:

— Да, только она, ее горничная и я. Все остальные слуги разбежались после ареста хозяина.

Я понимающе кивнул. Нет ничего удивительного в том, что слуги не захотели оставаться в доме, в котором произошло столь ужасающее происшествие. Мы спешили. Ломота под лопаткой напоминала, что моей многострадальной спине путешествие пришлось не слишком по вкусу. Чаури провел нас в конюшню, расположенную за домом. Неподалеку от конюшни находился небольшой сарайчик на одно стойло; проходя мимо, мы слышали громкое ржание и звук, производимый конскими копытами.

— Я так полагаю, там обитает пресловутый Полдень? — осведомился Барак.

— Именно так. Этого коня лучше держать подальше от других лошадей. К счастью, его стойло сделано из крепких дубовых досок и он хорошо привязан. Корм я бросаю ему через стенку, не подходя к этому зверю близко. Зайти в стойло и убраться пока не отваживаюсь.

Я передал поводья своей лошади Бараку и подошел к сараю. Значит, именно здесь были обнаружены грязные ботинки и окровавленный молоток. Оглядев дверь, я убедился, что она надежно заперта и плотно прилегает к стене. Подсунуть под нее либо

перебросить через эту дверь даже небольшой предмет было совершенно невозможно. Я обошел сарай кругом и обнаружил, что сзади имеется небольшое оконце с опущенными ставнями, попытался открыть его, но ставни были заперты изнутри. Действия мои вызвали новый приступ ржания и биения копытом. Вернувшись к дверям сарая, я заметил в стене крохотный зазор между досками — шириной в четверть дюйма, не более. Приникнув к этой щели, я заглянул внутрь. В конюшне царила полная темнота, однако через несколько мгновений взгляд мой различил белки лошадиных глаз, поблескивавшие в сумраке.

— По-моему, держать коня в полной темноте жестоко! — заметил я, отойдя от стены и повернувшись к Чаури.

— Не спорю, но дело в том, что окно заперто изнутри. Для того чтобы добраться до него, нужно пройти мимо стойла на близком расстоянии. Честно говоря, у меня нет ни малейшего желания получить удар копытом. Зато у меня имеется ключ. Когда мастера Болейна арестовали, он передал его мне. Если хотите, можете зайти в конюшню и открыть ставни, — предложил Чаури, и в голосе его послышалась легкая насмешка.

— Не думаю, что готов к подобному подвигу, — сухо ответил я.

— Мастер Болейн хочет продать Полдня, — сообщил управляющий. — Через миссис Изабеллу он передал мне просьбу заняться этим. Но найти покупателя на этого бешеного зверя непросто.

После того как мы привязали лошадей в другой конюшне, Чаури проводил нас в дом. В гостиной он попросил нас подождать, а сам отправился на поиски хозяйки. Комната, где мы оказались, была хорошо обставлена, на стенах висели дорогие гобелены, изображающие идиллические сельские сценки, участниками которых были пастушки и нимфы. Однако же взгляд мой различил комья пыли, скопившиеся в углах.

Чаури, вернувшись, сообщил, что миссис Болейн готова нас принять. Про себя я отметил, что он назвал свою хозяйку именем, на которое она ныне не имеет права. Николасу я сделал знак следовать за мной, а Барака и Тоби взглядом попросил подождать. Ни к чему было пугать бедную женщину, ввалившись к ней целой толпой. Комната, в которую провел нас управляющий, была, как и весь дом, хорошо обставлена, но несла на себе признаки запустения. Когда мы вошли, чрезвычайно милостивая женщина лет тридцати, с пышными формами

и белокурыми волосами, выбивавшимися из-под унылого черного чепца, поднялась нам навстречу. Поклонившись, я представился сам и представил Николаса.

— Мастер Копулдейк просил вас помочь моему мужу? — спросила дама; в речи ее ощущался заметный норфолкский акцент.

— В мои намерения входит тщательно расследовать все обстоятельства дела и выяснить, нельзя ли взглянуть на происшедшее в ином свете.

— Благослови Господь леди Елизавету за милость, которую она нам оказывает, — с чувством произнесла Изабелла. — Но до суда осталось так мало времени! Всего шесть дней...

— Мне это известно. Вчера я посетил вашего супруга в Нориджском замке. Он велел передать, что любовь, которую он к вам питает, неизменна, и просил поблагодарить за снедь, которую вы ему посылаете.

— Я приготовила еще одну корзинку с едой. Не могли бы вы захватить ее с собой и передать моему мужу? В противном случае ему придется голодать. Тюрьма не обеспечивает заключенных пропитанием.

— Буду рад вам помочь.

Изабелла откинула с лица прядь белокурых волос.

— Наша кухарка попросила расчет, так что готовить мне приходится самой. Хорошо, что у меня имеется немалый опыт по частистряпни — я ведь работала в харчевне, — сообщила она, пристально глядя на меня огромными синими глазами. — Думаю, вам хорошо об этом известно. После того как Джон поселил меня в своем доме, все соседи отвернулись от него. Полагаю, сэръ, вы тоже презираете меня — и за то, что я работала в харчевне, и за то, что столько лет жила во грехе?

— Разумеется, нет, — покачал я головой, мысленно подивившись и откровенности, и смелости этой женщины. — Заверяю вас, я сделаю все, что в моих силах, дабы помочь вам и вашему мужу.

— И я тоже! — неожиданно вставил Николас, буквально поедавший Изабеллу глазами; красота хозяйки явно произвела на молодого человека неотразимое впечатление.

— С вашего позволения, мы присядем и зададим вам несколько вопросов, — сказал я и уточнил: — Предупреждаю, это будут вопросы

довольно щекотливого характера. Мастер Николас станет записывать нашу беседу — без этого никак не обойтись.

— Я готова ответить на любой вопрос. Дэниел, будьте любезны, оставьте нас!

Чаури, поклонившись, направился к дверям, однако по пути обернулся и бросил на свою хозяйку взгляд, как мне показалось, исполненный откровенного вожделения.

Изабелла, впрочем, ничего не заметила или сделала вид, что не заметила. Когда дверь за Чаури закрылась, она произнесла вполголоса:

— Уверена, вам известно, что закон более не считает меня супругой Джона. Но я не сомневаюсь: если его признают невиновным, он вернется сюда и мы снова будем жить вместе, как и прежде. Так или иначе, Эдит мертва.

— Да уж, мертвее не бывает, — кивнул я. — Насколько я понимаю, вы познакомились с вашим будущим мужем лет десять назад?

— Именно так. Как вы уже знаете, я тогда работала в харчевне. Джон частенько заглядывал к нам, так как дома у него творился настоящий ад. Он рассказывал мне, что вытворяет Эдит: Бог свидетель, я никогда не желала ей зла, но Джона она совершенно измучила. Да и сыновья доставляли ему немало огорчений. Им тогда было лет по восемь, не больше, но всякому было ясно — свет еще не видел подобной парочки жестоких паршивцев! — Изабелла вздохнула, и верхняя ее губа изогнулась от отвращения.

— Мы уже имели удовольствие познакомиться с Джеральдом и Барнабасом, — сообщил Николас.

— Поначалу я только жалела Джона. Я видела, что он достойный человек, который пытается выдержать все удары судьбы. Ну а потом... потом мы полюбили друг друга... — Во взгляде Изабеллы, устремленном на меня, вспыхнули искорки вызова. — Да, полюбили, несмотря на разницу в возрасте и положении. Такое бывает с людьми, знаете ли...

— Знаю! — с жаром ответил я. И спросил: — Вы когда-нибудь встречались с Эдит?

— Никогда. Но я столько слышала об этой женщине — сначала от Джона, потом от слуг и соседей. О ее угрюмом и вздорном нраве, о том, что она совершенно не заботилась о собственных детях. О ее странной привычке время от времени морить себя голодом. Нашлись досужие

сплетники, которые рассказали ей о нас с Джоном, и вскоре после этого она исчезла. Когда стало ясно, что Эдит уже не вернется, Джон предложил мне поселиться в его доме. Конечно, он предупреждал, что его сыновья примут меня в штыки, да и соседи, скорее всего, не захотят с нами знаться. Но я любила его и была согласна на все.

Поколебавшись мгновение, я задал следующий вопрос:

— Джон когда-нибудь говорил вам о своем желании иметь еще детей от Эдит?

— Да, говорил, — ответила она, глядя мне прямо в глаза. — Но его жена наотрез отказывалась. Поначалу он пытался ее уломать, но все было напрасно, и он оставил все попытки. А после... Джон признался мне, что еще задолго до нашей встречи проникся к Эдит отвращением. Таким же сильным, какое питала к нему и она сама.

Мы с Николасом обменялись многозначительными взглядами. Очередная версия существенно отличалась от той, что вчера сообщил нам Майкл Воувелл, управляющий старика Рейнольдса.

— Простите за нескромный вопрос, но почему у вас с Джоном нет детей? Вы не хотели их иметь?

— Да, я не хотела иметь детей, пока мы не станем супругами по закону, — вздохнула Изабелла. — А Джон... он мечтал о детях. Мысль о том, что близнецы останутся его единственными наследниками, была для него невыносима. Он пытался переубедить меня, но после... — она покраснела и опустила глаза, — после признал мою правоту. Мы... мы принимали все меры предосторожности, известные сельским жителям. Я всегда говорила Джону, что, если мы поженимся, я буду счастлива родить ему дитя. После того как Эдит официально признали мертвой, мы наконец обвенчались, и тогда все препятствия исчезли. Но увы... Господь не благословил нас потомством. — Изабелла вздохнула и устало покачала головой. — Если бы я только знала, какое горе нас ожидает! Я попыталась бы родить ребенка сразу, как только мы стали жить вместе.

Щеки ее вновь вспыхнули, и она с трудом перевела дух. Я сознавал, как тяжело дается Изабелле подобная откровенность в разговоре с посторонними людьми. Решимость и отвага, свойственные этой женщине, порой граничили с дерзостью.

— Когда вы поселились в Бриквелле, как встретили вас сыновья Джона? — продолжил я свои расспросы.

— Возненавидели лютой ненавистью, — призналась Изабелла. — Скажу откровенно, вскоре я начала платить им той же монетой. Да еще и боялась обоих как огня. Как ни пытался мой муж держать эту парочку в узде, они были совершенно неуправляемы.

— Насколько мне известно, с ними не мог справиться ни один учитель.

— Ох, страшно вспомнить, как доставалось от них несчастным учителям! Помню, одного близнецы связали веревками и спустили вниз по лестнице. Он чудом не сломал шею, бедняга. Другого в классной комнате раздели догола, а потом вытащили наружу и бросили на лужайке. После этого учителя обходили наш дом за несколько миль. Близнецам было тогда по четырнадцать лет. Два молодых жеребца, не дающие проходу служанкам. Они всегда были неразлучны и все безобразия творили вместе. Как, впрочем, и сейчас. Когда Джона арестовали, я боялась оставаться с его сыновьями под одной крышей. Но на мое счастье, они решили прибегнуть к покровительству своего деда. Как видно, опасаются, что их объявят подопечными короля — в случае, если мой муж... — Изабелла осеклась, не договорив; самообладание в конце концов изменило ей; слезы, хлынув из глаз, поползли по щекам. Смахнув их платком, она пробормотала: — Продолжайте, мастер Шардлейк. И не обращайтесь внимания на проявления моей женской слабости.

— Вы знакомы с дедушкой близнецов, мастером Гэвином Рейнольдсом? Я беседовал с ним вчера. Излишней приветливостью сей пожилой джентльмен не отличается.

— Я его никогда не видела. Он наотрез отказался со мной знакомиться. А вот внуки частенько у него бывали. Думаю, чувствовали в нем родственную душу...

— Мне показалось, он питает к ним привязанность.

— Может быть, — пожала плечами Изабелла. — Могу сказать одно: у меня нет ни малейшего желания водить с ним знакомство.

— Есть еще один, весьма важный вопрос. Из ваших показаний явствует, что в тот вечер, когда была убита Эдит, ваш супруг заявил, что намерен поработать с документами в своем кабинете. Он просил вас проследить, чтобы его никто не беспокоил, и в течение двух часов вы его не видели.

— Да, так оно и было. Вам наверняка известно, что Джон вел давнюю тяжбу с соседом Леонардом Вайтерингтоном. Бедный Джон. Люди словно сговорились отравлять ему жизнь.

— Не скрою: то, что мастера Болейна никто не видел в течение двух часов, дает в руки обвинению сильный козырь.

— Я прекрасно понимаю это, — нахмурилась Изабелла. — Во время первого свидания с Джоном в тюрьме я сказала ему, что готова дать ложные показания. Хотела сказать коронеру, что в тот вечер якобы заходила в кабинет и разговаривала с ним. Но он запретил мне обманывать. Сказал, лжесвидетельство — это преступление и, если меня уличат, у меня будут серьезные неприятности. Вы сами видите, мастер Шардлейк, какой Джон преданный и любящий муж.

— Я вижу, что вы — преданная и любящая жена, — негромко произнес я. — Николас, не надо записывать этот разговор о лжесвидетельстве.

— Лжесвидетельство? Да я и слова такого не слышал! — улыбнулся Овертон, и губы Изабеллы тронула слабая ответная улыбка.

— Как вы полагаете, где ваш муж провел эти два часа? — спросил я.

— В своем кабинете, где же еще, — пристально взглянув на меня, отчеканила она.

— Вы готовы на суде дать показания в защиту своего мужа?

— Разумеется. Я заявлю во всеуслышание, что Джон — лучший из мужей. И что он не мог убить Эдит. Я в это никогда не поверю.

— Еще один, последний вопрос. У вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, кто мог ее убить?

Изабелла вздохнула:

— Поверьте, я ломаю голову над этим вопросом дни и ночи напролет, но не нахожу ответа. Леонард Вайтерингтон хочет заполучить часть наших земель. Но вряд ли это достаточно веский повод для того, чтобы совершить убийство.

— А близнецы?

— Нет, вряд ли. При всей своей испорченности и жестокости они любили мать.

— Мне не показалось, что они хоть сколько-нибудь опечалены ее смертью, — заметил я.

— Они никогда не станут выказывать своей печали, — возразила Изабелла. — Эти молодчики из тех, кто считает скорбь проявлением слабости.

— Ясно, — кивнул я и добавил с улыбкой: — На прощание позвольте дать вам небольшой совет, миссис Болейн. Откровенность и прямота, с которой вы отвечали на мои вопросы, достойны всяческого восхищения. Но на суде вам следует держаться... как бы это лучше выразиться... несколько более робко, застенчиво, даже слегка приниженно. И не бойтесь дать волю слезам. Женские слезы обычно трогают сердца судей.

— Вы считаете меня излишне самоуверенной? Поверьте, за эти девять лет мне пришлось научиться ставить на место людей, выражающих мне свое презрение.

— Я все понимаю, миссис Болейн. Но суд — это совершенно особый случай. Вы должны думать о том, как произвести наиболее выгодное впечатление.

— Хорошо, я попытаюсь последовать вашему совету. Что касается слез, то за ними дело не станет. Стоит мне подумать об участи, которая ожидает моего мужа, если его признают виновным, и слезы текут сами собой. — Изабелла потупилась, но через мгновение вновь вскинула голову. — Прошу вас, найдите убийцу. Ради спасения Джона и в память о несчастной Эдит.

Глава 16

Я сообщил Изабелле, что намерен осмотреть место преступления, и попросил послать с нами Чаури в качестве провожатого. Она с готовностью согласилась и отправилась на поиски управляющего. Мы с Николасом вернулись в гостиную, где Барак и Тоби коротали время за дружеской болтовней.

— Этой женщине не занимать смелости и силы духа, — сообщил я. — И несомненно, она всей душой предана своему мужу.

— По моему мнению, излишняя смелость идет ей во вред, — заметил Тоби. — По слухам, разбираясь с жалобами арендаторов, она не чуждается самых резких выражений. Суд может счесть ее слишком дерзкой.

— Я уже дал ей совет держаться поскромнее. Но несомненно, Изабелла не из тех, кто способен надругаться над мертвым телом. Хотя веский мотив для убийства у нее, вне всякого сомнения, имелся.

— А вы заметили, какой страстный взгляд метнул на хозяйку Чаури? — осведомился Николас.

— Я горбат, но не слеп. Но у меня создалось впечатление, что сама она к нему совершенно равнодушна.

— Если Болейна повесят, у Чаури появится шанс жениться на Изабелле. Так что, вполне возможно, у него тоже имелся повод прикончить Эдит, — предположил Николас.

Я испустил сокрушенный вздох. Наш визит в Бриквелл порождал лишь новые вопросы, не давая никаких ответов. Наконец появился Чаури. Мы попросили его отвести нас к ручью, у которого была убита Эдит; ручей этот, насколько я помнил, представлял собой естественную границу между владениями Болейна и Вайтерингтона.

Чаури прихватил с собой три пары ботинок на толстой подошве.

— Там жуткая грязь, — сообщил он.

Я взглянул на ботинки. Все три пары — тяжелые, большого размера.

— Это ботинки мастера Болейна и его сыновей, — пояснил управляющий. — Ту пару, что нашли в конюшне, забрали в качестве улики.

Мы поблагодарили его, переобулись и вслед за нашим провожатым вышли из дома.

Довольно долго мы шли по тропе, тянувшейся меж вспаханных полей.

— Миссис Болейн очень предана своему мужу, — заметил я, обращаясь к Чаури.

— Она прекрасная женщина и прекрасная хозяйка! — с пылом ответил он.

— Вы верите в невиновность мастера Болейна?

— Верю. Я служил у него последние пять лет. Несмотря на свою привычку выходить из себя по пустякам, он хороший человек. Думаю, все, чего он хочет, — спокойно жить в своем поместье.

— Кстати, а где живете вы? В том же самом доме, что и хозяйева?

— Нет. У меня собственный небольшой домик неподалеку.

— О, замечательно! — воскликнул я непринужденно. — Полагаю, дом достаточно просторный, чтобы хватало места жене и детям?

— Я пока не женат.

— В вечер убийства вы слышали какие-нибудь подозрительные звуки?

— Я не слышал ровным счетом ничего! — отрезал Чаури и поджал губы. — Если вы хотите узнать, имеется ли у меня алиби, сразу говорю — нет!

Поля, расстилавшиеся по обеим сторонам дороги, были разделены на узкие полосы; нам встретился лишь один участок довольно значительного размера, примерно в несколько акров. На краю этого участка стоял небольшой каменный дом.

— Это земли йомена^[6] Чарлесвотра, — сообщил Чаури. — Он прикупил к своему наделу еще несколько полос. Один из разбогатевших фермеров, желающих выбиться в люди. Он даже готов платить за обучение своих детей в школе, — добавил управляющий, и в голосе его послышались нотки осуждения.

— Мой отец тоже был йоменом, — сообщил я. — И на мое счастье, он тоже выбился в люди и послал меня в школу.

Чаури слегка смутился; Барак и Тоби перемигнулись. Я заметил, что люди, работавшие в полях, завидев нас, разгибали спину и, опираясь на свои мотыги, провожали чужаков удивленными взглядами.

— Пялятся как на диковинку, недоумки, — недовольно проворчал Чаури. — Ничего, там, куда мы идем, никаких любопытных глаз не будет.

Мы прошли еще немного, и поля сменились общинными пастбищами, обнесенными плетеными оградами. В основном там паслись волы и коровы, овец было совсем немного. Справа за пастбищами виднелся пруд, за которым темнел лес; слева тянулась болотистая местность, поросшая тростником и редкими деревьями. Солнце припекало всюду; день выдался еще более жаркий, чем вчера.

Тоби замедлил шаг и повернулся ко мне.

— Это общинные пастбища, мастер Шардлейк, — сказал он, указывая на изгороди. — Во многих местах землевладельцы пытаются изъять их из общего пользования и отгородить для своих овец. Видите этих коров? Каждая из них принадлежит какому-нибудь местному крестьянину и обеспечивает молоком целую семью. Без волов и лошадей крестьяне не могут возделывать землю. Лес дает им дрова и желуди для свиней. На болотах крестьяне собирают тростник и охотятся на диких птиц. Если деревни лишатся общинных земель, они просто-напросто вымрут.

— Это, конечно, правда, — кивнул Чаури. — Но не забывайте, в некоторых деревнях общинных земель намного больше, чем требуется крестьянам. А там, где общинных наделов мало, помещики пускаются на любые ухищрения. Взять хотя бы мастера Вайтерингтона. Общинное пастбище в собственном имении он хочет отгородить для своих овец, а крестьянам отдать земли, которые рассчитывает отсудить у моего хозяина.

— Но разве закон не защищает общинные пастбища? — осведомился Барак.

— Защищает лишь на словах, — пожал плечами Тоби. — Сами знаете, кто заседает в суде и ведает всеми земельными документами. Владельцы богатых поместий.

— Вы слово в слово вторите этим радикалам, что твердят о всеобщем благе, Локвуд, — усмехнулся Чаури. — Впрочем, бесчестных и алчных землевладельцев у нас и впрямь хватает. С этим трудно поспорить. Взять хотя бы Вайтерингтона.

— Мастер Чаури, если я не ошибаюсь, вон та полоса, где трава потемнее, и есть русло пересохшего ручья? — спросил я, указывая

направо. — Старое русло, которое, как утверждает Вайтерингтон, должно являться границей между поместьями?

— Это именно оно, — кивнул Чаури. — Хотя ручей давно пересох, но в дождливую погоду старое русло наполняется водой.

— А чуть подальше виднеются ручей и мост через него, верно? Расстояние до моста составляет примерно треть мили, насколько я могу судить.

— Да, и пока это официальная граница между именьями. Как раз там было найдено тело бедной Эдит Болейн.

— Ну что ж, идемте туда.

Мы дошли до деревянного моста через ручей. На берегу, принадлежавшем Вайтерингтону, слева тянулись пахотные земли, а справа — пастбища, огороженные плетеными изгородями. Вдали виднелись деревня и шпиль церкви.

— Иногда, бывает, местному священнику удается разрешить тяжбу между землевладельцами и уладить дело мирным путем, — заметил Чаури. — Но здешний священник предпочитает не вмешиваться в дела своих прихожан. Правду сказать, человек он недалекий и невежественный. Без конца вздыхает о старых добрых временах и печется лишь о собственном покое.

Мы поднялись на мост и некоторое время стояли там, глядя на мутные воды ручья, медленно текущего меж заболоченных, поросших ивами берегов.

— Хотите увидеть место, где было найдено тело? — переведя дух, спросил Чаури.

— Разумеется.

Вернувшись на земли Болейна, мы через калитку в изгороди вошли на пастбище. Пройдя вдоль ручья ярдов пятьдесят, Чаури остановился и указал на берег:

— Это было здесь, около вон той молодой ивы. Тело обнаружил старый пастух. Когда мне сообщили об этой страшной находке, я бросил все и примчался сюда. Зрелище, доложу я вам, было кошмарное. Совершенно голый труп, стоявший вниз головой в жидкой грязи. Когда убитую вытащили, выяснилось, что череп у нее проломлен, так что мозги вывалились в воду.

Я приблизился к берегу, радуясь, что ботинки на толстой подошве позволяют это сделать. Жидкая грязь хлюпала и пузырилась при

каждом моем шаге. Николас двинулся вслед, протянув руку Бараку, которому трудно было сохранять равновесие в подобных обстоятельствах. Чаури и Тоби остались стоять в отдалении.

— Будьте осторожны, вас может засосать! — крикнул Чаури. — Смотрите, куда ставите ногу!

— Для того чтобы поступить с телом подобным образом, потребовалась немалая сила, — пробормотал Барак. — Тащиться по такой грязи с трупом в руках — работенка не из легких.

Я оглянулся на мост, на глаз прикидывая расстояние до него:

— Да уж, убийца наверняка изрядно попотел. Если предположить, что Эдит была убита на мосту — а это единственное подходящее место, где можно назначить встречу, — убийце пришлось тащить ее сюда на себе, да еще и в полной темноте. Это мог сделать только сильный и крепкий мужчина, к тому же хорошо знакомый со здешней местностью.

— Пожалуй, мне подобное не по силам, — подал голос Николас. — Возможно, преступников было двое, — предположил он.

Некоторое время мы молчали, глядя на воду, казавшуюся почти неподвижной. Сейчас все вокруг дышало тишиной и покоем.

— Согласен, притащить сюда Эдит в одиночку трудновато даже для крепкого мужчины, — кивнул я. — Но когда человек охвачен приступом безумной ярости, силы его, как известно, удваиваются.

— И все же не исключено, что здесь действовало двое безумцев, взбешенных до последней степени, — настаивал на своем Николас.

Я пристально взглянул на него:

— Ты имеешь в виду Джеральда и Барнабаса?

— Вполне вероятно, что Эдит, вернувшись, захотела повидаться с сыновьями и назначила им встречу на мосту.

— Но все, с кем мы до сих пор говорили, в один голос твердят: несмотря на свой отвратительный нрав, близнецы любили мать. Впрочем, убийц действительно могло быть двое. Мало ли с кем у Эдит имелись счеты, — добавил я, окидывая взором поля и равнины.

С трудом вытаскивая ноги из жидкой грязи, мы вернулись на тропу. Управляющий подждал нас, поглаживая свою рыжую бороду.

— Мы очень вам признательны, мастер Чаури, — сказал я. — Без вас мы вряд ли отыскали бы это место. Позвольте задать вам еще один вопрос. Случались ли в этой местности за последние несколько лет другие убийства или, может быть, таинственные исчезновения людей?

Вопрос мой, несомненно, привел Дэниела в недоумение.

— Нет, что вы, — покачал он головой. — Мы здесь живем тихо и мирно. Если, конечно, не считать драки с арендаторами Вайтерингтона несколько месяцев назад.

— Я просто полюбопытствовал, — ответил я, думая о Грейс Боун, которая пропала бесследно незадолго до исчезновения Эдит.

— Может, здесь и происходили подобные происшествя, но мне о них ничего не известно, — произнес Чаури.

— Если вас не затруднит, расскажите чуть подробнее о стычке с людьми Вайтерингтона, — попросил я. — Насколько я понимаю, драка была довольно жестокой. Мастер Болейн упомянул, что в ней принимали участие его сыновья. Скажите, он ведь попросил вас собрать людей, готовых схватиться с арендаторами соседа?

В темных глазах Чаури мелькнуло недовольство, меж бровей залегла угрюмая складка.

— Начнем с того, что главный и единственный зачинщик этой стычки — Вайтерингтон, — пробурчал он. — Этот пройдоха пытался силой захватить наши земли. У меня имелся осведомитель среди его арендаторов, так что о намерениях этого негодяя мы узнали заранее и приготовились дать ему отпор. Да, мастер Болейн попросил меня собрать людей, и я решил привлечь близнецов. Отношения с отцом у них скверные, но оба рады любому поводу помахать кулаками. Вместе со своими друзьями, такими же молодыми бездельниками, они сколотили целую шайку и за деньги готовы драться на стороне любого помещика, желающего выяснить отношения со своим соседом или же прогнать прочь арендаторов. Спору нет, было разбито немало носов и скул. Но повторяю: виновник этого — Вайтерингтон, и никто иной.

— Вы сообщили мастеру Болейну, что хотите обратиться к его сыновьям?

— Нет, я решил не делать этого, — вновь сверкнул глазами Чаури. — С близнецами я связался через их деда.

— Возможно, вы приняли верное решение, — кивнул я. А про себя отметил, что, похоже, этот человек при случае может быть жестоким и беспощадным. — Еще раз благодарю вас за помощь и содействие, мастер Чаури. Полагаю, вас ждут дела, и не смею больше вас задерживать. Возвращайтесь домой. Мы сейчас отправимся в Южный Бриквелл и попытаемся побеседовать с мастером Вайтерингтоном.

— Будьте осторожны, сэр, — предостерег меня управляющий. — Старый хрыч не отличается хорошими манерами. Откровенно говоря, это настоящий дикарь.

Перейдя через мост, я оглянулся. Чаури стоял на тропе, глядя нам вслед. Несколько минут спустя до нас долетели возбужденные крики и вопли. Судя по всему, на землях Вайтерингтона вспыхнула очередная стычка.

Глава 17

Мы двинулись в сторону Южного Бриквелла. Сердитые голоса, доносившиеся издалека, не умолкали. Поднявшись на холм, мы увидели на полях, окружавших деревню, множество человеческих фигур; над головами людей кружились белые птицы. Войдя в ворота, мы приблизились к особняку, возведенному из кремниевых плит; выглядел он менее старинным, чем дом Болейна. Во дворе царила суета; несколько человек сновало туда-сюда, конюх вел под уздцы пару лошадей. Другой слуга держал на поводке двух здоровенных охотничьих мастифов. Увидев нас, собаки обнажили клыки и зашлись злобным лаем.

— Судя по всему, мы выбрали для визита не слишком подходящее время, — заметил Барак. — Здесь явно назревает какая-то заваруха.

— Идемте в поля, посмотрим, что там происходит, — предложил Тоби.

— Думаю, разумнее будет не вмешиваться в чужие дела, — изрек Николас.

— А я уверен в обратном, — возразил Джек. — Нам необходимо выяснить, что такое здесь творится. К тому же бояться нам нечего, — добавил он, придерживая свой протез здоровой рукой. — У нас есть ножи, а у Ника еще и меч в придачу.

— Хорошо, идемте, — согласился я. — Только, сделайте милость, не лезьте на рожон.

Мы прошли через деревню, представлявшую собой несколько ветхих лачуг, окружавших пруд. Южный Бриквелл оказался даже еще меньше, чем Северный. За деревней раскинулось пастбище, на котором паслись недавно подстриженные овцы. Заметив хижину пастуха, я мысленно спросил себя, уж не здесь ли живет Эдриан Кемпли, обнаруживший тело Эдит.

Деревня была совершенно пустынна — на улице никого, за исключением кур и коз. Окна домов в большинстве своем закрыты ставнями, из редких открытых окон выглядывали люди, как правило старики и дети; лица их выражали величайшее беспокойство. Приблизившись к полям, мы увидели, что там собралось человек тридцать — в основном мужчины, однако встречались и женщины, и

даже подростки. Все они двигались вдоль борозд, которые разделяли наделы, к дубовой рощице, зеленевшей на краю поля. Многие несли сети и вилы, несколько молодых парней держали в руках луки и колчаны со стрелами. Белые птицы тревожно вспархивали с земли и начинали беспорядочно носиться в воздухе. Люди пытались набросить на них сети; один из юношей выпустил стрелу, и подбитая птица упала.

— Хороший выстрел, — одобрительно пробормотал Николас.

— Что они делают? — недоуменно спросил я.

— Убивают голубей своего помещика, которые уничтожают посевы, — пояснил Тоби. — Вон, видите голубятню? — Он указал на просторный сарай, стоявший на краю поля. — Голубиные яйца и мясо — любимое лакомство богачей. Но крестьянам трудно смириться с тем, что эти птицы лишают их детей хлеба.

— У моего отца тоже есть голубятня, — сообщил Николас. — Но конечно, не такая здоровенная, как эта.

— В таком роскошном дворце явно проживает несколько сот вредных птиц, — усмехнулся Тоби. — Видите, они совсем обезумели. Наверняка крестьяне насыпали в борозды зерна, хорошенько вымоченного в пиве, и голуби опьянели.

— Но подобная расправа является нарушением закона, — вмешался я. — Тем, кто устроил голубиное побоище, не миновать крупных неприятностей.

— Неприятностей у крестьян и так более чем достаточно, — с внезапной злобой процедил Локвуд.

Я смерил его ледяным взглядом.

— Простите, сэр, — смутившись, пробормотал он.

Еще один голубь неуверенно поднялся в воздух и был тут же насажен на вилы. Люди, заметив нас, бросали в нашу сторону настороженные взгляды; вне всякого сомнения, появление компании чужаков не слишком их обрадовало. На память мне пришли подростки, заставившие путешественников законников любоваться своими задницами.

— Думаю, нам лучше здесь не задерживаться, — сказал я вполголоса.

В этот момент раздались собачий лай и цокот копыт. Мы поспешно отошли в сторону, уступая дорогу двум всадникам, за которыми следовало не менее десятка здоровенных парней, вооруженных мечами

и алебардами; замыкали процессию еще двое конных, каждый из которых держал на поводке мастифа. Всадники спешили, привязали лошадей к ограде и двинулись в сторону охотников. Их предводитель, человек лет пятидесяти, приземистый, тучный и краснолицый, угрожающе размахивал мечом.

— Прекратите! — орал он. — Мерзавцы! Ублюдки! Немедленно прекратите убивать моих птиц! За нарушение закона я вас всех упеку в тюрьму! Или сдам в солдаты и отправлю в Шотландию!

— Полагаю, это мастер Леонард Вайтерингтон собственной персоной, — ухмыльнулся Барак.

Вайтерингтон двинулся к деревенским жителям, которые испуганно сбились в кучу. Никто не произносил ни слова в ответ, хотя помещик, в неистовстве размахивая мечом, срубал молодые побеги ячменя. Крестьяне наблюдали за ним, сжимая в руках вилы и грабли, которые в любой момент могли превратиться в смертоносное оружие. Три молодых лучника, уже готовые выпустить стрелы, завидев приспешников Вайтерингтона, опустили луки.

Коротышка остановился перед ними, по-прежнему истошно вопя и брызжа слюной.

— Негодяи, мошенники, подонки! Я вас всех заживо сгною в тюрьме! — разорвался он.

— Закройте-ка свою пасть, мастер Вайтерингтон! — наконец подал голос кто-то из крестьян. — Иначе я насажу вас вот на эти вилы! И ваших псов тоже!

Пожилой мужчина угрожающе тряхнул вилами, которые держал в руках:

— Вам нас не запугать!

Один из крестьян указал граблями на голубятню:

— Сожжем этот чертов птичник!

Люди Вайтерингтона подняли мечи. В ответ крестьянские парни вскинули луки и прицелились. В следующее мгновение из толпы крестьян вышел высокий мужчина средних лет. По контрасту со своими товарищами, тощими и оборванными, он был упитан и хорошо одет — в добротный дублет и кожаные штаны. Вперив взгляд в разгневанного помещика, он произнес громким и четким голосом:

— Мы не хотим враждовать с вами, сэр. Но ваши птицы — это настоящее бедствие для наших полей. А урожай в этом году и так

ожидается скудный.

— Вот уж не думал, что ты заодно с этим сбродом, йомен Харрис, — злобно процедил Вайтерингтон. — У тебя ведь, если мне не изменяет память, пятьдесят акров собственной земли. И половину ты купил у меня.

— Но это не мешает вашим птицам уничтожать мои посевы! — усмехнулся Харрис. — Так больше продолжаться не может.

На несколько мгновений повисло молчание. Люди по обеим сторонам, сжимая в руках оружие, ждали. Некоторые, заметив чужаков, бросали в нашу сторону любопытные взгляды.

— А это что еще за птицы? — насмешливо крикнул один из крестьян. — Что им здесь надобно?

Харрис вскинул руку, призывая его замолчать, и направился к нам. На поясе у него висел здоровенный нож.

«Николас был прав, — пронеслось у меня в голове, — похоже, мы попали в серьезную переделку».

Но когда Харрис приблизился к нам, я заметил, что он радостно улыбается.

— Вы ведь члены Комиссии по незаконным огораживаниям? — с надеждой осведомился он. — Нам известно, что лорд-протектор создал такую комиссию. Но мы не ожидали, что вы приедете так быстро.

Итак, Харрис счел нас членами новой комиссии, которую обещал учредить Сомерсет. Спрашивается, за кого еще он мог принять людей в адвокатских мантиях, неведомо зачем явившихся в деревню? Поколебавшись, я все же решил развеять его заблуждение.

— Нет, мы не имеем отношения к этой комиссии, — покачал я головой. — Хотя, разумеется, слышали о ней. Но я прибыл в Бриквелл по частному делу, никоим образом не связанному с незаконными огораживаниями. В вашу деревню мы приехали, чтобы поговорить с мастером Вайтерингтоном.

От толпы крестьян отделился еще один человек и торопливо направился к нам. Он был молод и, в отличие от Харриса, одет в лохмотья, а в руках держал косу. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Что ты с ними церемонии разводишь, Харрис! — крикнул он. — Слепому видно, это прихвостни Вайтерингтона. — Он угрожающе потрянул косой. — Хотят упечь нас в тюрьму за то, что мы спасаем свои

поля от этих милых пташек. Смотри, мастер горбун, как бы я не выпотрошил тебя, словно рыбу!

Барак и Николас угрожающе шагнули вперед, но парень не двинулся с места.

— Мне терять нечего! — продолжал он орать. — Два года я торчал в Шотландии, два года кормил блох и ночевал в вонючей казарме с дырявой крышей, а плату получил только за один год! Вернулся сюда, и что я вижу? Семья моя подыхает с голоду, а этот мешок с дерьмом, — он указал на Вайтерингтона, — знай стрижет своих чертовых овец и получает денежки!

— Помолчи, Мелвилл! — Харрис сжал руку парня повыше локтя; взгляд его, устремленный на нас, стал колючим и жестким. — И какое же у вас дело к мастеру Вайтерингтону?

— Я расследую убийство женщины по имени Эдит Болейн, — произнес я, стараясь говорить как можно громче, так чтобы меня слышали все собравшиеся на поле. — Все, чего я хочу, — это задать мастеру Вайтерингтону несколько вопросов.

Услышав это, помещик нахмурился. В воздухе вновь повисло молчание.

— Вас, спору нет, намного больше, чем людей Вайтерингтона, — вполголоса произнес Барак, обращаясь к Мелвиллу. — Но они куда лучше вооружены, и с ними эти жуткие псы. А среди вас есть женщины и дети. Конечно, вам решать. Но на твоём месте, парень, я увел бы своих людей от греха подальше. До поры до времени.

— Он прав, — подхватил Тоби. — Уходите, пока не поздно!

Харрис и Мелвилл переглянулись, потом Мелвилл обернулся к крестьянам и крикнул:

— Они не из комиссии! Но вроде бы и не прихвостни Вайтерингтона! Давайте расходиться! В конце концов, мы сделали, что хотели, — прикончили прорву этих паскудных птиц!

Лучники опустили луки; один из них насадил на стрелу окровавленного белого голубя, валявшегося на земле. Крестьяне разразились одобрительными возгласами, Вайтерингтон побагровел еще сильнее. Тем не менее он позволил крестьянам разойтись, проводив их истошными криками:

— Харрис! Теперь ты конченный человек! Мелвилл, безмозглый баран, попомни мои слова: ты останешься без земли!

Вместо ответа Мелвилл повернулся и показал ему кукиш.

Я перевел дух.

— Слава богу, ты уговорил их разойтись, — сказал я, повернувшись к Бараку. — Иначе пролились бы потоки крови.

— Да уж, крестьянам пришлось бы несладко.

— Но как эти деревенские пентюхи разговаривали с богатым лордом, с ума сойти! — Николас покачал головой, восхищенно и возмущенно одновременно, и расхохотался.

— А вот и он собственной персоной, — заметил Барак.

Вайтерингтон, оставив своих людей, приблизился к нам. В руках он держал меч; круглое красное лицо помещика исказилось от негодования.

— Кто вы такой, сэр? — спросил он, буравя меня глазами. — Я слышал, вы упомянули про Болейна.

— Да, мы расследуем дело об убийстве, в котором обвиняется Джон Болейн. Прибыли сюда, дабы собрать все факты, не упустив ни единого.

— Кто вас послал?

— В настоящий момент я являюсь представителем мастера Копулдейка.

— Не сомневаюсь, что вы исполняете поручение леди Елизаветы, — прищурившись, произнес Вайтерингтон.

Я набрал в грудь побольше воздуха:

— Леди Елизавета всего лишь желает, чтобы мы ознакомились со всеми обстоятельствами дела и удостоверились в торжестве справедливости. Она вовсе не уполномочивала меня любой ценой доказывать невиновность мастера Болейна.

— Обелить преступника у вас в любом случае не выйдет! — Вайтерингтон внезапно разразился издевательским смехом. — Леди Марии не слишком понравится, если она узнает, что ее сестрица сует нос в норфолкские дела. Ну да ладно! Чего вы хотите от меня?

— Всего лишь узнать вашу точку зрения на это печальное событие. И если позволите, расспросить пастуха, обнаружившего тело.

Вайтерингтон пристально взглянул на Барака:

— Что вы такое сказали этим болванам, что они решили разойтись?

Джек выдержал его взгляд и невозмутимо пояснил:

— Сказал, что ваши люди лучше вооружены. И что крестьянам следует подумать о женщинах и детях, которые находятся среди них.

Вайтерингтон повернулся ко мне:

— Разумеется, я сообщу об этом возмутительном происшествии мировому судье. Харрис и Мелвилл по закону ответят за голубиное побоище, которое они устроили. — Голос его вновь задрожал от злобы. — Вы были свидетелями! Вы видели, как они убивали несчастных голубей! Видели, как нагло они держались и как Мелвилл показал мне кукиш! — Он так кипел от ярости, что, казалось, вот-вот задохнется.

— Вы можете связаться со мной, когда сочтете нужным, — ответил я.

Тоби удивленно открыл рот, но Барак подмигнул ему, давая знак молчать. Мой давний помощник прекрасно понимал: Вайтерингтон может мне написать, но это еще отнюдь не означает, что я ему отвечу, а уж тем более дам показания, на которые он рассчитывает.

Вайтерингтон удовлетворенно кивнул. Про себя я отметил, что особым умом он, судя по всему, не отличается.

— Шукбору! — крикнул он, повернувшись к своим слугам. — Живо найди Эдриана Кемпсли и приведи его в мой дом. Скорее всего, старикан сейчас дрыхнет в своей хижине. И Ральфа тоже приведи! — распорядился он. — Наверняка им будет любопытно на него посмотреть. Вы двое, отведите домой собак. А все остальные пусть принимаются за работу!

Отдав эти приказы, владетельный лорд двинулся к дороге. Мы следовали за ним, сопровождаемые исполненными недоумения взглядами слуг.

Мы подошли в дому Вайтерингтона; хозяин провел нас в высокий гулкий холл с облицованными камнем стенами. Слуги встревоженно выглядывали из всех дверей. Один из них, набравшись смелости, приблизился к своему повелителю.

— Все хорошо, сэр? — робко проблеял он.

— Все просто замечательно! Если не считать того, что деревенские паскудники истребили несколько десятков моих голубей! — прорычал Вайтерингтон и распорядился: — Принеси в мой кабинет кувшин пива.

Вы, господа законники, идите за мной! — бросил он, обращаясь к нам с Николасом.

Оставив Барака и Тоби в холле, мы вслед за хозяином отправились в кабинет, насквозь пропахший псиной; на столе высились пыльные груды старинных книг и документов.

— После того как моя жена умерла, в этом доме черт знает что творится! — проворчал помещик, сдвигая их в сторону.

— Сочувствую постигшей вас утрате, — изрек я.

Вайтерингтон важно кивнул, швырнул меч на стол и опустился в кресло, сделав нам с Николасом знак садиться. Взглянув на нас, он зашелся лающим смехом:

— А славная ручонка у того парня, что остался внизу!

— Он потерял руку в честном бою, — сообщил Николас.

— С шотландскими негодьями?

— Нет, не с шотландскими, — ответил я. — С лондонскими.

— Это верно, в Англии негодяев достаточно, — вздохнул Вайтерингтон. — Вы только что имели возможность в этом убедиться. Господи Иисусе, до чего же настали скверные времена! И всему виной протектор и эти ублюдки, что трещат о каком-то государстве общего блага. Да уж, поневоле пожалеешь о старом короле, при нем порядка было больше. Говорят, на юго-западе дела обстоят еще хуже — повсюду мятежи и бунты. Да и у нас положение скверное. Здешние людишки настолько глупы, что не понимают собственной выгоды. Твердят, что мои новые пастбища оставляют их скотину без пропитания, ну хоть кол на голове им теши! Меж тем я много раз говорил: как только получу кусок земли Болейна, отдам его под общинное пастбище.

— Насколько мне известно, весной у вас тут произошло... серьезное столкновение, — заметил я. — Между крестьянами вашей деревни и крестьянами Болейна.

— Да уж, — прищурившись, проронил Вайтерингтон. — Это было в марте. Я знаю, что земля до сухого русла ручья принадлежит мне по закону, поэтому и попытался занять ее. Но люди Болейна устроили настоящее побоище и вышибли моих прочь.

Попытка захватить землю силой представляла собой вопиющее нарушение закона, но я счел за благо не упоминать об этом и ограничился лишь тем, что сказал:

— Насколько мне известно, ныне дело передано в суд.

— Хотя в этом нет никакой необходимости, — пожал плечами Вайтерингтон. — Если Болейна вздернут на виселицу, земли его отойдут королю, и я смогу приобрести их, обратившись в Ведомство по делам конфискованного имущества.

— Если я не ошибаюсь, в Норфолке это ведомство представляет Джон Фловердью.

— Вроде бы, — осторожно ответил Вайтерингтон.

— По имеющимся у меня сведениям, владения сэра Ричарда Саутвелла граничат и с вашими землями, и с землями Болейна.

— Без сомнения, я смогу совершить сделку, выгодную обеим сторонам, — вновь пожал плечами собеседник.

Судя по всему, пронирливый коротышка уже успел прощупать почву, переговорив с Саутвеллом или Фловердью, решил я. На память мне пришли слова Болейна о том, что Саутвелла ничуть не интересует Бриквелл.

— Никак не возьму в толк, какое отношение мои земельные дела имеют к убийству миссис Болейн, — проворчал Вайтерингтон, складывая на животе пухлые красные руки.

— Я всего лишь пытаюсь представить целостную картину здешней жизни. Скажите, вы были знакомы с миссис Болейн?

— Едва знал ее. Она исчезла через два года после того, как мы с Болейном приобрели бывшие монастырские земли и стали соседями. Как-то раз я пригласил их с мужем на обед. Эта особа сидела за столом, точно в рот воды набрав. Когда я попытался завязать с ней разговор, бросила на меня угрюмый взгляд и не удостоила ни словечком. Больше мы их не приглашали. Я так считаю, у нее с головой было не все в порядке. И эта парочка балбесов, молодые Болейны, — явно пошла в матушку. На своего папашу они ничуть не похожи. — Вайтерингтон презрительно поджал губы. — После того как Эдит исчезла и Болейн поселил у себя в доме шлюху из харчевни, многие думали, что он прикончил свою женушку. Я, впрочем, всегда считал, что у него для этого кишка тонка.

— У вас есть какие-нибудь соображения относительно того, где Эдит Болейн могла находиться в течение последних девяти лет?

— Откуда мне знать? — в очередной раз пожал плечами Вайтерингтон. — Вероятно, она нашла где-то приют. Вдали от здешних мест.

— Все-таки странно, что тело убитой было обнаружено именно на границе между вашими владениями и владениями Болейна, — заметил я.

— Что вы имеете в виду, сэр? — грозно возвысил голос Вайтерингтон.

— Ровным счетом ничего. Просто выбор места преступления меня удивил. И с телом обошлись, мягко говоря, самым странным образом.

— Возможно, Болейн назначил своей жене встречу на мосту. А когда она явилась, вышел из себя и прикончил ее. Хотя он и рохля, однако у него случаются приступы бешенства.

В дверь постучали; в комнату вошел слуга по имени Шукбору, а вслед за ним — исхудалый, убеленный сединами старик. Он робко переминался с ноги на ногу и мял в руках засаленную шапку. Я догадался, что Шукбору служит у Вайтерингтона управляющим и выполняет примерно те же обязанности, что и Чаури в поместье Болейна. На вид ему было лет сорок, он был хорошо сложен и широк в плечах, с квадратным лицом и тяжелым подбородком. Бросив на испуганного старика презрительный взгляд, Шукбору обратился к своему хозяину:

— Я привел Кемпли, сэр. Вы были правы: он спал в своей хижине. По дороге сюда старик имел наглость жаловаться, что ему трудно справляться с таким множеством овец, и просил выделить ему в помощь мальчика-подпаска.

— Если ему трудно управляться с овцами, он может убираться прочь, — бросил Вайтерингтон. И обратился к пастуху: — Ты хочешь бродить по дорогам, собирая милостыню, старый пень?

— Нет, сэр.

— Значит, кончай ныть. Вот эти два джентльмена желают расспросить тебя об убийстве жены Болейна. Хотят узнать, что ты видел в тот день.

— Дык я уже давал эти, как их... показы.

— Показания, — с улыбкой поправил я. — Да, я читал ваши показания. Полагаю, обнаружив тело, вы пришли в ужас?

— Верно, сэр. Было от чего испугаться. Словно сами черти из ада явились сюда поизгаляться над бедной женщиной. Поначалу-то я подумал, что это овца завязла в грязи, — было ведь совсем рано, едва начало светать. Но когда подошел поближе и увидел, что это

женщина... — Страшное воспоминание заставило пастуха содрогнуться.

— А следы вы видели? Там ведь должны были остаться следы!

— Как же, сэр, видал! Большие такие следы, от здоровенных ботинок. Они тянулись по грязи от того пастбища, что на стороне мастера Болейна.

— Как вы полагаете, тело оказалось там ночью?

— А когда же еще, сэр? Накануне я торчал там с овцами до самой темноты. Часов до девяти. И у ручья не было ни души.

— Как вы считаете, тот, кто это совершил, был хорошо знаком с местностью?

Кемпсли убежденно кивнул:

— Наверняка, сэр! Ему ведь пришлось идти в полной темноте, да еще и тащить на руках бедную миссис Болейн, да упокоит Господь ее душу.

— Злоумышленник должен был обладать изрядной физической силой. Согласны?

— Да уж конечно, сэр. По правде сказать, меня берут сомнения, что такое можно проверить в одиночку.

— Твои сомнения, домыслы и предположения никого не интересуют, — вмешался Вайтерингтон.

— Напротив, — возразил я, — подобные предположения могут быть нам весьма полезны. Давайте вернемся к следам. Скажите, то не могли быть следы от двух пар ботинок?

— Следов было слишком много, сэр, они все перепутались, так что поди разберись, — сдвинув брови, пробормотал Кемпсли. — Все следы были от больших тяжелых ботинок, ничего другого, сэр, я вам сказать не могу.

— Я вам очень благодарен, любезнейший. Не буду больше вас задерживать. Можете возвращаться к своим овцам.

Управляющий кивнул, и старый пастух поспешно вышел прочь. Вайтерингтон взглянул сначала на Шукбору, а потом на нас:

— Здесь есть еще один человек, с которым, как я полагаю, вам стоит познакомиться. — Он кивнул управляющему, тот вышел и через минуту вернулся, таща за локоть парня лет двадцати. Парень был высок и отличался крепким сложением, однако на лице его застыло отсутствующее выражение, а из уголка рта сочилась струйка слюны.

Каштановые его волосы были спутаны, а борода висела клочьями. — Это Ральф, — сообщил Вайтерингтон. — Он работает на моих землях вместе с отцом и братьями. Весной он был среди тех, кого я послал захватить земли, принадлежащие мне по закону. — Помещик зашелся лающим смехом. — Тогда Ральф был сильным парнем и хорошим работником. Теперь-то он малость переменялся, верно, Ральф?

Парень вперил в него пустой взгляд.

— Я... Ральф, — пробормотал он. А затем расплылся в улыбке и сообщил: — Я знаю стишок: «Катись, катись, колечко...»

— Заткнись, — перебил Шукбору, сжимая его руку повыше локтя.

Крестьянин послушно смолк.

— Покажи джентльменам свою голову, Ральф, — приказал Вайтерингтон.

— Не хочу! — заупрямился парень.

В следующее мгновение он пронзительно взвизгнул, так как Шукбору заставил его нагнуться и продемонстрировать нам свою макушку. На белой затылке темнел здоровенный шрам; судя по тому, что вокруг образовалась изрядная выемка, беднягу ударили по черепу чем-то тяжелым.

— Не слишком приятное зрелище, согласитесь, мастер Шардлейк? — спросил Вайтерингтон. — Работа Джеральда Болейна. Эти два молодых подонка, сыновья моего соседа, созвали кучу своих друзей — таких же отпетых головорезов, как они сами. Обычно подобные драки заканчиваются разбитыми носами да парой сломанных ребер. Но близнецы были вооружены тяжеленными дубинками, и тот из них, что без шрама на морде, огрел этой дубинкой Ральфа по голове. Удивительно, как он не убил бедолагу. Но мозги он ему отшиб напрочь, сами видите. Уведи его, Шукбору, — махнул он рукой. — А то он того и гляди разорется.

— Если есть свидетели того, что Джеральд Болейн превратил этого человека в калеку, то злоумышленник должен ответить по закону, — заметил Николас после того, как несчастного парня увели. — За такие дела могут и на виселицу отправить.

Вайтерингтон растерянно заерзал в кресле:

— Мне ни к чему поднимать шум. Не хватало еще объяснять, почему мои люди оказались на землях, которые Болейн считает своими. Ральфу все равно уже ничем не поможешь. Родные о нем заботятся, я

даю им немного денег. — Он вперил в меня пристальный взгляд. — И должен вам сказать, мастер Шардлейк, я приказал слугам хорошенько охранять дом, особенно по ночам. Мастер Болейн сидит в тюрьме, но его милые сыночки разгуливают на свободе.

Глава 18

В трактир мы вернулись ближе к вечеру. На обратном пути из Бриквелла небо становилось все темнее — «грязнее», как выразился Тоби. Похоже, собиралась гроза.

Подъехав к «Девичьей голове», мы увидели, что в нише у стены лежит какой-то человек, накрытый рваным одеялом. Судя по натекшей вокруг его головы луже рвоты, он был или пьян, или болен. Люди, проходившие и проезжавшие мимо, в особенности те из них, кто был одет побогаче, бросали на лежавшего взгляды, исполненные отвращения.

Оставив лошадей в конюшне, Барак и Николас сообщили, что намерены отправиться в город на поиски Скамблера. Мне не терпелось повидаться с Джозефиной, однако спина моя так разболелась, что перспектива снова оказаться в седле приводила меня в ужас. Заявив, что хочу сегодня лечь пораньше, я предложил незамедлительно садиться ужинать. Перекусив с нами, Тоби мог вернуться к себе на ферму.

В трактире появилось множество новых постояльцев; слуги, нагруженные узлами и тюками с поклажей, сновали туда-сюда; хозяин мастер Теобальд с важным видом отдавал им распоряжения. Я заметил, что все вновь прибывшие хорошо одеты; на некоторых были черные адвокатские мантии. Однако никого из числа своих знакомых я не встретил.

— Законники начинают собираться на выездную сессию, — прокомментировал Барак.

— Да, — подтвердил Тоби. — Скоро сюда съедется куча мировых судей и королевских чиновников.

— Наверное, мы увидим и Ричарда Саутвелла, и Джона Фловердью?

— Уж конечно, — кивнул Тоби. — Я вам непременно их покажу.

— Как-то раз я мельком видел Саутвелла. Он имеет весьма внушительную наружность.

— И грубый нрав, — добавил Тоби. — К тому же он — самый алчный человек в Норфолке.

Мы вчетвером уселись за стол. За окнами стало так темно, что в комнате пришлось зажечь свечи. Время от времени раздавались отдаленные раскаты грома. Разговор наш, естественно, вертелся вокруг сегодняшней поездки.

— Изабелла любит своего мужа, в этом нет сомнений, — заметил Николас. — Чаури, судя по всему, втрескался в нее по уши. Но разве можно остаться равнодушным к такой красоте?

— Да, его можно понять, — согласился я. — Судя по всему, Болейн и Изабелла жили душа в душу. Мне показалось, он с пониманием относился к тому, что она не хотела рожать ребенка до вступления в законный брак, и не принуждал ее к этому.

— Вайтерингтон — человек совсем иного склада, чем его сосед, — изрек Барак.

— Да, отменный невежа и грубиян.

— Этот негодяй уже превратил в пастбище для своих овец поля, которые раньше кормили дюжину фермеров, — вздохнул Тоби. — Теперь на этих землях едва зарабатывает себе кусок хлеба один-единственный старый пастух. В басни о честных и благородных отношениях между землевладельцем и арендаторами теперь никто не верит.

— Вайтерингтон, спору нет, скотина, — кивнул Николас. — Тем не менее среди землевладельцев встречаются честные и порядочные люди, которые сознают свои обязанности перед крестьянами.

— Когда доходит до выгоды, порядочность отступает на второй план, — возразил Тоби. — Ради овец, которые приносят им деньги, богатые помещики готовы уморить людей голодом.

— Как вы полагаете, притязания Вайтерингтона на земли Болейна имеют под собой законные основания? — обратился ко мне Барак, почувствовав, что настало время сменить тему.

В ожидании ответа он ловко кромсал ножом, укрепленным в железной руке, кусок мяса, который лежал перед ним на тарелке.

— Судя по старым земельным актам и карте, которые мы обнаружили в лондонском доме Болейна, шансы Вайтерингтона выиграть тяжбу весьма незначительны. Полагаю, он прекрасно это сознает. Именно по этой причине он и попытался весной захватить земли силой.

— А может, он решил пойти дальше и отправить Джона Болейна на виселицу за убийство жены? — предположил Николас.

— Вдруг у него куча долгов? — подхватил Барак. — И он решил поправить свои дела любой ценой.

— Нет, мастер Копулдейк утверждает, что никаких денежных проблем у Вайтерингтона нет, — покачал головой Тоби. — В отличие от Болейна, финансы которого пребывают в плачевном состоянии, Вайтерингтоном движет исключительно алчность. Своих земель ему мало, хочет заполучить еще и чужие.

— Он отнюдь не производит впечатления умного малого, — изрек Николас.

— Согласен, — кивнул я. — Мне Вайтерингтон тоже показался недалеким и чрезвычайно упрямым. С одной стороны, он настолько глуп, что вполне мог совершить убийство, вообразив, что выйдет сухим из воды. С другой стороны, спорный кусок земли так мал, что даже отпетый дурак не станет из-за него подвергать себя риску быть отправленным на виселицу. Хотя вероятность того, что убийца — Вайтерингтон, нельзя сбрасывать со счетов.

— Итак, мы не продвинулись вперед ни на шаг, — нахмурился Николас. — Все, что мы установили, — это что у Изабеллы и Чаури нет алиби и, следовательно, их тоже можно внести в список подозреваемых.

— Нельзя сказать, что мы совсем не продвинулись, — возразил я. — Мы осмотрели место преступления и кое-что выяснили. Например, то, что убийца — человек явно здешний и хорошо знает местность. И если он действовал в одиночку, то обладает незаурядной физической силой.

— Но вполне вероятно, что преступников было двое, — подхватил Барак.

— Не забывайте, у братьев Болейн имеется надежное алиби, — напомнил я. — Они всю ночь пьянствовали в большой компании приятелей.

— Очень может быть, что близнецы припугнули этих самых приятелей, заставив их дать нужные показания, — предположил Николас. — Эти милые молодые джентльмены вполне на такое способны.

— Да уж, распутать этот клубок будет непросто, — вздохнул я, морщась от боли в спине. — Было бы неплохо отыскать каких-нибудь родственников Грейс Боун, бесследно исчезнувшей горничной, — обратился я к Тоби. — Неужели за все эти годы о ней не было ни слуху ни духу? Это необходимо выяснить. Что касается железного алиби близнецов, его тоже нужно проверить. Придется поговорить с ними еще раз.

— Вряд ли они будут рады с нами поболтать, — заметил Николас.

— Ничего, мы сумеем выбить у этих молодчиков почву из-под ног, — усмехнулся Барак. — Как-никак нас четверо, а их всего двое.

— Верно, — кивнул я. — Но действовать нужно осмотрительно.

— Да, от них всего можно ожидать, — вставил Тоби.

— По-моему, не стоит особенно бояться пары безмозглых юнцов, — пожал плечами Джек.

Раскаты грома, доносившиеся с улицы, становились все ближе.

Гроза разразилась ночью. Меня разбудили оглушительный гром и вспышка молнии, осветившая комнату; в следующее мгновение хлынул дождь. Мне вспомнился нищий бродяга, лежавший в нише у стены.

Утром после грозы воздух был свеж и прозрачен. Еще с вечера мы решили, что Барак присоединится к нам за завтраком, в восемь часов. Хотя было воскресенье, ни у кого из нас не имелось ни малейшего желания пойти в церковь: я догадывался, что Тоби, подобно мне, Николасу и Бараку, отнюдь не считает для себя обязательным участие в религиозных ритуалах. Вчера Джек заявил, что не прочь повидаться с Джозефиной, но я видел, что в нем пробудился охотничий азарт. Впрочем, с завтрашнего дня, то есть с понедельника, он должен был приступить к выполнению своих обязанностей в суде; отчасти я был даже рад этому. Страшно было представить, в какую ярость придет Тамазин, узнав, что я вновь втянул ее мужа в расследование преступления.

Барак появился, когда мы уже сидели за столом. С первого взгляда было видно, что он взволнован.

— По пути я заглянул в контору, которую сняли для клерков, работающих на выездной сессии, — сообщил он. — Из Лондона только что получено известие: мятежники в западных графствах, кому протектор обещал помилование, послали его к чертям. Реформистских

проповедников, которых он к ним направил, бунтовщики послали к чертям тоже. Теперь Сомерсет собирается сменить тактику и двинуть против них войска.

— Что еще слышно об этом мятеже?

— Повстанцы недовольны переменами, происходящими в Церкви. Они хотят, чтобы все снова стало так, как при короле Генрихе. Но и землевладельцев они намерены пощипать тоже. В общем, протектор, судя по всему, изрядно напуган.

— Требовать реформ — это одно, а поднимать мятеж, да еще когда страна ведет войну, — совсем другое, — покачал головой Николас. — Бунтовщики за это поплатятся. И поделом.

Тоби, погруженный в задумчивость, хранил молчание.

— Так или иначе, к делу, которым мы занимаемся, это не имеет никакого отношения, — изрек я. — Не будем даром терять времени. Прежде всего попытаемся отыскать этого мальчишку, Скамблера, а потом отправимся к Джозефине — если только она действительно проживает по тому адресу, который у нас имеется. Вы, Тоби, можете вернуться домой после встречи со Скамблером — если хотите, конечно. Наш визит к Джозефине никак не связан с расследованием, а вы совсем не видите своих родителей.

— Благодарю вас, — кивнул Локвуд. — Я удовольствием воспользуюсь вашим разрешением.

Выйдя из дому, мы ощутили, что после грозы вернулась прежняя жара. Воздух, впрочем, был не такой плотный и липкий, как вчера; потоки дождя смыли нечистоты, и скверные городские запахи несколько развеялись. Проходя мимо ниши у стены постоянного двора, я заметил, что бродяга, укрытый одеялом, лежит там по-прежнему. Когда мы поравнялись с ним, он застонал и пошевелился.

— Этот человек наверняка болен, — сказал я. — Надо ему как-то помочь.

Но стоило мне сделать шаг в сторону несчастного, как Тоби, к моему удивлению, схватил меня за руку повыше локтя:

— Не приближайтесь к нему, сэр. Если он болен, вы можете заразиться. Сегодня множество людей пойдут в собор на службу. Если хоть для кого-то из них имя Христа не пустой звук, об этом бродяге

позаботятся. Впрочем, таких, как сей несчастный, в Норидже сотни, — добавил он с горечью.

Поколебавшись, я неохотно кивнул и зашагал прочь. Мощеную площадь покрывали многочисленные лужи; с крыши домов все еще капала вода; в ярком солнечном свете капли сверкали, как искры. Массивные ворота, ведущие во двор собора, были распахнуты настежь; в проеме виднелись грандиозное здание и окружавшие его разрушенные постройки монастыря. Рядом с разбитыми стенами стояли повозки, груженные всякого рода мусором. Двери собора тоже были открыты; за ними угадывались величественные сумрачные своды. Вслед за Тоби мы двинулись в центр города.

В Норидже царила тишина, нарушаемая лишь звоном церковных колоколов. Локвуд был прав: множество бездомных дремало, прикорнувшись у дверей домов и лавок; теперь, когда на улицах было малоллюдно, эти бедолаги поневоле приковывали к себе внимание. Проходя мимо древнего замка, возвышавшегося на холме, я подумал о том, не затопил ли ночной ливень подземную камеру Джона Болейна, которую завтра мне предстояло посетить вновь. На рыночной площади несколько человек убирали оставшийся после вчерашнего базара мусор — гнилые фрукты, внутренности животных, рваные мешки. Миновав рыночную площадь, мы оказались на длинной улице, по обеим сторонам которой стояли дома и лавки. Тоби сообщил, что она называется Бет-стрит. Некоторые дома, судя по всему, принадлежали состоятельным горожанам, но во многих, несомненно, ютилось по несколько бедных семейств. Локвуд остановился перед зданием, когда-то выкрашенным в желтый цвет; ныне краска облупилась, обнажив потемневшие доски.

— Одноэтажный желтый дом поблизости от Охотничьего двора. Похоже, это здесь! — провозгласил Тоби и постучал в дверь.

Через несколько мгновений нам открыла низенькая тучная женщина; круглое лицо ее бороздили морщины, из-под черного чепца выбивались седые волосы. Губы были неодобрительно поджаты, а маленькие серые глазки, буравившие нас, полезли на лоб от изумления при виде железной руки Барака.

— Что вам нужно? — проворчала она. — Я не звала в гости законников. И вообще, почему вы сейчас не в церкви, как все добрые люди?

— Нам необходимо поговорить с Саймоном Скамблером, — сообщил я. — Насколько я понимаю, вы, сударыня, доводитесь ему тетей?

Она испустила сокрушенный вздох:

— Что еще натворил этот негодник Грязнуля? Вы не имеете права его арестовать, если с вами нет констебля. А если он опять что-то разбил или испортил, у меня нет денег платить за его пакости.

Она вцепилась в ручку двери, явно намереваясь ее захлопнуть.

— Успокойтесь, ваш племянник ровным счетом ничего не натворил, — поспешно произнес я. — Я расследую дело мастера Болейна, у которого он прежде работал конюхом. Если вы предоставите Саймона в наше распоряжение, мы в долгу не останемся, — добавил я, извлекая из кармана кошелек.

Женщина немедленно протянула руку, в которую я вложил шиллинг. Она плотно сжала пальцы; я заметил, что у нее воспаленные распухшие суставы, — в точности так же, по словам Пэрри, выглядели суставы Эдит Болейн.

— Ладно уж, заходите, — разрешила хозяйка. — Хотя в нашем домишке едва ли хватит места для четверых. Заниматься делами по воскресеньям — значит нарушать закон, установленный Богом, — нравоучительно добавила она, однако провела нас в комнату, все меблировка которой состояла из деревянного стола, где лежало потрепанное Евангелие, шкафа, пары стульев и деревянного сундука, стоявшего у стены. Я заметил, что ставни на окнах покосились и едва держатся в петлях. Подойдя к закрытой двери в соседнюю комнату, дама гаркнула так оглушительно, что я едва не подпрыгнул: — Грязнуля! Иди-ка сюда, шельмец! — Повернувшись к нам, она покачала головой и сообщила: — Этот парень доводится сыном моей покойной сестре. Знали бы вы, как он меня бесит своей бесконечной болтовней и дурацким пением!

Я уселся на один из стульев, предоставив Тоби, Бараку и Николасу тесниться на сундуке. Через несколько мгновений перед нашими взорами предстал подросток, которого мы уже имели случай видеть на рыночной площади. Одет он был в грязную ночную рубашку, из-под которой торчали тощие ноги; каштановые волосы были спутаны, лицо заспано. Стоило парнишке увидеть нас, как у него отвисла челюсть.

— Кто это такие, тетя Хильда? — пробормотал он, повернувшись к даме.

— Вот этот господин хочет расспросить тебя о том, как ты работал у Джона Болейна, — сообщила она и добавила с горьким смехом: — Когда Грязнулю взяли конюхом в Бриквелл, я уж подумала, что избавилась наконец от тяжкого бремени. Но нет, случилось это проклятое убийство, и теперь он снова притащился сюда объедать свою старую тетку.

Мальчик слушал ее сетования, понунив голову. Тоби, подавшись вперед, негромко произнес:

— Будет лучше, если вы придержите язык, сударыня. Мы заплатили за то, чтобы поговорить с вашим племянником, и совершенно не желаем слушать ваши жалобы и причитания. Ваши религиозные воззрения нас тоже нисколько не интересуют. Так что оставьте нас, сделайте такую милость.

Морщинистые щеки старухи побагровели, а лицо приняло такое выражение, словно она только что проглотила осу. Тем не менее женщина сочла за благо не спорить и двинулась к дверям комнаты племянника.

— Только не тяните долго, — бросила она на прощание. — Сегодня мы должны быть в церкви. И Грязнуля нужен мне, чтобы читать псалмы вслух.

Я ободряюще улыбнулся мальчику, который настороженно разглядывал незваных гостей, как видно прикидывая, какого подвоха от нас можно ожидать.

— Мы с тобой уже встречались, Скамблер. На рыночной площади, два дня назад. Помнишь, какие-то скверные мальчишки поставили тебе подножку и ты уронил тюк?

Мальчик перевел взгляд с меня на Николаса, и лицо его прояснилось.

— Да-да, помню! Вы пытались за меня заступиться! — выпалил он с внезапным оживлением. — Те парни, они вечно меня изводят, еще со школы...

Приглядевшись к Скамблеру, я убедился, что слабоумным его назвать никак нельзя. Теперь, после знакомства с его тетей, можно было не сомневаться — жизнь этого мальчика омрачают не только издевательства других подростков.

— Мастер Болейн рассказал, что ты — единственный, кто мог поладить с его любимой лошастью, — начал я, стараясь говорить как можно мягче.

Услышав это, Скамблер буквально просиял:

— Да, Полдень — это такой умный конь! Если знать к нему подход, он ни в жизнь не станет лягаться...

— Я видел жеребца в конюшне, — вставил Николас. — Он бил копытами без передыху. Если ты знаешь к нему поход, значит ты большой знаток по части лошадей.

— Это верно, с лошадьми я умею ладить! Главное, надо им показать, что ты их любишь и готов им помочь.

— Но насколько нам известно, всех прочих, кроме тебя, Полдень не жаловал. Например, сыновей мастера Болейна.

Лицо Скамблера моментально помрачнело.

— Наверняка прежде, еще до моего прихода, они пытались ему как-то навредить. Наверное, сделали бедняге больно. Вот он и лягнул этого злого Барнабаса.

— А тебе близнецы тоже пытались навредить?

— Еще бы! — устало вздохнул он. — Щипали, толкали, швыряли в меня всякой дрянью. Один раз даже кирпичом запустили. А как-то раз подкараулили меня на дороге и избили до синяков — просто так, без всякой причины.

— Думаю, ты далеко не единственный, с кем они так поступали, — заметил Николас.

— Это уж точно, — кивнул я, вспомнив нищего мальчика, на которого близнецы устроили охоту в Лондоне. — Но так или иначе, мастер Болейн доверял тебе, верно? Ты ведь был единственным, у кого имелся ключ от конюшни, где стоял Полдень?

— Да. Мастер Болейн велел мне всегда держать ключ при себе, чтобы никто не мог его взять. Он очень боялся, что ключ окажется у его сыновей. После убийства я отдал его констеблю, — сказал Скамблер, устремив на меня беспокойный взгляд.

— Может, именно по этой причине близнецы так тебя изводили? — предположил Николас. — Им было завидно, что ты имеешь доступ к лошади, а они нет?

— Людям не нужна причина, чтобы изводить меня, сэр, — покачал головой Скамблер. — Тетя говорит, наверное, на меня навели порчу.

— И ты в это веришь?

— Нет! — ответил парнишка с неожиданным пылом. — Не верю я ни в какую порчу! Все это чертова хрень, да и только! — Он осекся и зажал рот рукой. — Простите, я не хотел сквернословить.

— Ерунда. Мы же не в церкви. А теперь, Грязнуля...

— Прошу вас, сэр, не называйте меня этим дурацким прозвищем. Меня зовут Саймон.

— Отлично, Саймон. Я уверен, ты понимаешь, что в этом деле ключ от конюшни имеет первостепенное значение. Думаю, тебе известно, что именно в конюшне были обнаружены главные улики — ботинки, облепленные грязью, и окровавленный молоток, послуживший орудием убийства. Ты можешь поклясться, что ключ всегда был при тебе?

— Я никогда никому не давал его! — выпалил мальчик.

Однако во взгляде его мелькнуло смущение; я заметил, что он неловко переминается с ноги на ногу. Скамблер никоим образом не относился к числу людей, умеющих скрывать свои чувства; возможно, это обстоятельство изрядно усложняло ему жизнь.

— Ты не ответил на мой вопрос, — мягко возразил я. — Я спросил, всегда ли ключ был при тебе?

Внезапно мальчик закрыл лицо руками и разрыдался, отчаянно всхлипывая.

— Прекрати реветь, как девчонка, и отвечай, когда тебя спрашивают! — нетерпеливо прикрикнул на него Тоби.

Я поднял руку, подавая ему знак молчать:

— Слезами делу не поможешь, парень. Успокойся и расскажи мне правду. Обещаю, тебе за это ничего не будет. Если, конечно, речь идет не о преступлении.

Мальчишка вскинул голову. Слезы оставили на его чумазом лице грязные полосы.

— Никакого преступления я не совершал, сэр.

— Значит, тебе нечего бояться.

Взгляд Скамблера, устремленный на меня, по-прежнему был полон испуга. Помедлив несколько мгновений, он пробормотал себе под нос:

— Вы уже пытались мне помочь. Никто больше не делал этого.

— Обещаю, что помогу тебе и на сей раз, если это будет в моих силах.

Скамблер вздохнул так тяжело, что его худенькие плечи задрожали:

— Я вам рассказывал, что как-то раз близнецы меня здорово отметелили. В тот день я по поручению хозяина ходил в Ваймондхем. Когда возвращался домой, они подстерегли меня на дороге — в том месте, где она идет через лес, примерно в миле от дома. Набросились и принялись мутузить кулаками, да при этом еще и обзывали всякими скверными словами. А потом убежали в лес.

— По твоим словам, никакой причины мстить тебе у них в тот день не было?

— Нет, сэр. Но вы не знаете Джеральда и Барнабаса. Им не требуется причина, чтобы кого-нибудь поколотить. — Скамблер перевел дух и всхлипнул. — А когда я вернулся домой, выяснилось, что ключ от конюшни исчез. Я носил его на шее, на железной цепочке. Наверное, во время драки цепочка порвалась. Понятное дело, я испугался. Мастер Болейн — хороший хозяин, но, узнай он, что я потерял ключ, мне бы здорово влетело. Так что я побежал к тому месту, где близнецы на меня набросились, хотя все тело у меня было в синяках и ссадинах. Надеялся, что ключ так и лежит на дороге или на опушке. Но никакого ключа я не нашел. — Голос Скамблера задрожал. — Уже темнело, и я решил, что вернусь сюда завтра и поищу ключ при солнечном свете. Утром у меня была уйма дел, так что пришел я уже после полудня. И сразу увидел ключ на цепочке — он лежал в траве у дороги. Цепочка и правда порвалась. Но вот какая странная штука, — добавил парень, сдвинув брови. — Я точно помню, что вечером искал именно в этом месте, но никакого ключа там не было.

Я обвел глазами остальных. Вполне возможно, размышлял я, братья Болейн затеяли драку с одной-единственной целью — украсть ключ. Через день они вернули его, уверенные, что испуганный Скамблер никому ничего не скажет. Судя по виноватому выражению, мелькнувшему на лице мальчишки, подобная догадка не раз приходила ему в голову.

— И когда все это случилось, Саймон? — уточнил я.

— Двенадцатого мая, — ответил он без запинки. — Я запомнил так хорошо, потому что это день рождения моей бедной матушки, упокой Господь ее душу.

У меня перехватило дыхание. Двенадцатого мая! Как раз накануне убийства Эдит, которое произошло в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое.

— Как ты думаешь, ключ украли близнецы? — спросил я, пристально глядя на Скамблера.

— Они, конечно, могли взять его, а потом вернуть. Но зачем?

— А тебе не приходило в голову, что об этом случае необходимо сообщить властям? Ты же знал, что после убийства миссис Болейн в конюшне были обнаружены главные улики?

Мальчик вспыхнул и вновь понурил голову:

— Я боялся. Узнай об этом близнецы, мне бы не поздоровилось. Поэтому я ничего не рассказал констеблю.

— Тебя не просили дать официальные показания?

— Нет. Констебль сказал своему помощнику, что говорить со мной — пустая трата времени. Ведь все здесь считают меня чокнутым.

— После убийства ты по-прежнему работал в Бриквелле?

— Нет. Когда бедного мастера Болейна арестовали, некому стало защищать меня от близнецов. Я решил, что надо уносить ноги. И вернулся сюда, к тете Хильде. — Склонив голову еще ниже, он сцепил костлявые пальцы и пробормотал: — Знаю, сэр, что поступил плохо. Но я никак не мог взять в толк, зачем близнецам понадобился ключ всего на один день.

— А ты не знаешь, случайно, доводилось ли мастеру Болейну обращаться к услугам слесаря? — подал голос Барак.

— Да, слесарь у нас бывал. Вскорости после того, как я поступил на работу в Бриквелл, мастер Болейн решил повесить на амбары новые замки. Из Нориджа приехал слесарь. Ох, до чего занятно было смотреть, как он работает! Никогда прежде я не видел, как вешают замки. Мне хотелось кое о чем расспросить его, но он прогнал меня прочь. А позже я видел, как он пил пиво с Джеральдом и Барнабасом и все трое покатывались со смеху. С ними он поладил.

— А ты не знаешь, прежде мастер Болейн уже имел дело с этим слесарем?

— Думаю, да. Точно, сейчас я вспомнил: управляющий, мастер Чаури, при встрече сказал слесарю, что рад снова видеть его в Бриквелле.

— А как звали этого слесаря, ты, случайно, не знаешь?

— Помню, фамилия у него какая-то чудная, — в замешательстве сдвинул брови Скамблер; в следующее мгновение лицо его просияло. — Вспомнил! Снокстоуб! Ну и дурацкое имечко! — Он рассмеялся, но тут же осекся и впери́л в меня взгляд, исполненный ужаса. — Сэр, вы хотите сказать, что сыновья мастера Болейна сделали дубликат ключа?

— Это вполне возможно.

У Скамблера отвисла челюсть.

— Значит, расскажи я обо всем этом констеблю, бедный мастер Болейн не сидел бы сейчас в тюрьме? Господи Иисусе, вечно от меня одни беды.

Ручейки слез вновь потекли по его чумазым щекам.

— Если близнецы действительно похитили ключ, мы выведем их на чистую воду, — пообещал Николас.

— В этом можешь не сомневаться, — уверенно кивнул Барак.

Я лишь испустил тяжкий вздох.

— Саймон, я сдержу свое обещание, — обратился я к мальчугану, который продолжал жалобно всхлипывать. — Никаких неприятностей у тебя не будет. Надеюсь, твой рассказ поможет нам распутать это дело. Но у нас есть к тебе одна весьма важная просьба: никому не говори ни слова о том, что ты нам сообщил. Даже твоей тете.

— Я знаю, сэр, все говорят, что у меня длинный язык, — невесело усмехнулся мальчик. — Но обещаю: буду нем как рыба. А тете я вообще ни о чем не рассказываю, — добавил он с горечью в голосе.

— Эти два шиллинга скрепят наш договор, — произнес я, доставая кошелек.

— Спасибо, сэр. С той поры как я ушел из Бриквелла, у нас нет ни гроша. Тетя прежде пряла шерсть, но сейчас у нее так распухли пальцы, что работать она не может. Мы уж собирались попросить помощи в церковном приходе. Надеялись, может, кто из богатых людей даст нам несколько монет.

— Если вспомнишь что-нибудь еще, непременно сообщи мне. Я остановился в трактире «Девичья голова». Спроси мастера Шардлейка.

— Да, сэр. — Скамблер отвесил мне неуклюжий поклон. — Премного вам благодарен.

Мы покинули жалкую лачугу, сопровождаемые визгливым голосом тетушки:

— Грязнуля! Живо одевайся! Мы уже опаздываем в церковь!

Глава 19

Пройдя немного по Бет-стрит, мы остановились на углу, чтобы посоветоваться. Церковные колокола по-прежнему звонили, и люди спешили в церковь. Несомненно, горожане принарядились по случаю воскресенья, однако в одежде преобладал черный цвет, столь излюбленный протестантами.

— Итак, после того, что мы узнали, список подозреваемых возглавляют братья Болейн, — изрек Барак. — Нужно срочно отыскать этого слесаря.

— Наверняка хозяин «Девичьей головы» знает всех городских слесарей, — предположил Тоби. — Этот трусливый сопляк Скамблер здорово подгадил своему хозяину, — резко добавил он. — Расскажи он о пропаже ключа сразу, Болейн был бы сейчас на свободе. Малолетний паршивец догадывался, что виной всему близнецы, но думал только о собственной шкуре.

— Сомневаюсь, что Скамблер обо всем догадался, — возразил я. — На это у него попросту не хватило бы ума. Ему ведь не больше пятнадцати, верно? И к тому же с головой у парня явно неладно, хотя я никак не могу понять, в чем именно этот непорядок заключается.

— Что уж тут непонятного? — пожал плечами Тоби. — Чуть что, ревет, как голодный теленок. На вашем месте я бы дал ему хорошую затрещину, чтобы выбить из него дурь.

— Полагаю, затрещин мальчик за свою жизнь получил более чем достаточно и успел к ним привыкнуть. — Я покачал головой, вперив в Локвуда неодобрительный взгляд.

Чем ближе я узнавал этого человека, тем больше убеждался: несмотря на свое свободомыслие, он не способен на сострадание и подчас бывает жесток.

— Кое-что странное в этом парне действительно есть, — заметил Барак. — То проливает слезы, то тараторит как безумный. И тетка жалуется, что он вечно донимает ее своим пением. Похоже, Скамблер совершенно не умеет держать свои чувства в узде.

— И все же чокнутым его назвать никак нельзя, — возразил я. — Кстати, вы обратили внимание, что местный акцент в его речи почти не заметен? И он упомянул, что ходил в школу.

— Наверное, его выгнали оттуда взащей, — предположил Тоби.

— Скорее, у родителей мальчика не было денег, чтобы платить за обучение, — искоса взглянув на Локвуда, процедил Николас. — Если убийство — дело рук близнецов, — продолжил он, — значит им было известно, где находится их мать, вернувшаяся в Норидж. И несмотря на то что все вокруг твердят об их нежной сыновней любви и о том, как они тосковали без мамочки, милые детки хладнокровно прикончили свою обожаемую родительницу. И повесили убийство на отца.

— Вот только вопрос, какая им от этого выгода? — пожал я плечами. — Если их отца казнят, земли отойдут в королевское Ведомство по делам конфискованного имущества. А сами близнецы будут находиться под опекой короля до тех пор, пока им не исполнится двадцать один год.

— Но, как мы выяснили, юнцов собирается взять под опеку родной дед, — напомнил Барак.

— Все, что я пока могу сказать, — завтра нам необходимо отыскать слесаря, которого зовут Снокстоуб.

— Братья Болейн могли обратиться к услугам другого мастера, — возразил Николас.

— Если понадобится, мы обойдем всех слесарей в Норидже. Под предлогом того, что у меня якобы есть дорогой кованый сундук, нуждающийся в починке. А теперь, Тоби, ведите нас в Конисфорд. Настало время повидаться с Джозефиной. Проводив нас, можете возвращаться домой. Завтра ждем вас в «Девичьей голове» в семь утра, как обычно.

Квартал, называемый Конисфордом, раскинулся к югу от замка. На главной улице, Конисфорд-стрит, стояло несколько новых красивых домов, соседствующих с развалинами монастыря, которые окружал поросший сорняками пустырь. По мере того как мы продвигались на юг, дома становились все беднее, а во дворах за ними ютились ветхие деревянные хижины. Тоби провел нас сквозь арку в один из таких дворов, окруженный вонючей сточной канавой. Во дворе, скрытом стенами просторного здания, фасад которого выходил на улицу, теснилось с десятков крохотных лачуг. Несмотря на свой жалкий вид, хижины, судя по всему, были построены недавно; их еще не успели покрасить, ставни на многих окнах отсутствовали, и лишь кое-где их

заменяли выцветшие занавески. В грязи разгуливали куры, тут же играли чумазые ребяташки.

— Гляньте-ка, однорукий! — заорал один из них, указывая на протез Барака. — Видать, руку ему оторвали шотландцы!

— Сейчас я не хуже шотландцев отделаю вас, шельмецы! — пообещал Барак, погрозив протезом.

Дети покатались со смеху.

— Вот он, этот двор, — сообщил Тоби. — Теперь вы своими глазами видите, как живут бедняки в Норидже.

— В Лондоне они живут ничуть не лучше, — пожал я плечами.

Впрочем, мысль о том, что нужда загнала сюда Джозефину, привела меня в ужас.

— Спросите у соседей, в каком доме искать Браунов, — посоветовал Локвуд. — Только сразу дайте понять, что вы не имеете никакого отношения к властям. Законников здесь, мягко говоря, не жалуют.

— Я это учту, Тоби. Спасибо, что проводили. Теперь можете быть свободны.

Локвуд, отвесив нам прощальный поклон, поспешил прочь.

— Богом клянусь, паршивое местечко, — пробормотал Барак, озираясь по сторонам.

Как и предупреждал Тоби, наши попытки узнать, где живут мастер Браун и его супруга, встретили у здешних обитателей не слишком доброжелательный отклик. Хозяин первого дома, стоило мне открыть рот, захлопнул дверь перед моим носом. Во втором дверь открыла худенькая молодая женщина с плачущим младенцем на руках. Не успела она и слова сказать, как в проеме возник ее муж.

— Если мастер Рейнольдс послал вас сюда получить у Браунов арендную плату, так прямо и скажите! — процедил он, оттеснив жену в сторону. — Нечего дурить нам голову, иначе мы живо вас вышвырнем!

Оглядевшись по сторонам, я увидел, что двери нескольких лачуг приоткрылись и оттуда выглядывают люди в залатанных блузах и потертых кожаных куртках без рукавов. Выражение их лиц не предвещало нам ничего хорошего.

— Мастер Рейнольдс — владелец этих домов? — спросил я.

Кто бы мог подумать, что здесь я снова услышу имя отца Эдит Болейн и деда близнецов.

— Да, он построил эти вонючие трущобы и много других таких же, чтобы сосать из бедняков кровь, — раздалось в ответ. — Это он вас послал?

— Мы не имеем к нему никакого отношения. Джозефина Браун когда-то работала в моем доме. Я приехал в Норидж по делам и решил повидаться с ней. Мои друзья тоже хорошо знают Джозефину.

— Она ушла из дома мастера Шардлейка, когда вышла замуж, — добавил Барак.

— Так вы приехали из Лондона, как и Брауны? — спросила женщина с ребенком на руках.

— Вон их дом! — сурово сдвинув брови, указал ее муж. — Только знайте, мастер, мы с вас глаз не спустим. И если что не так, вам не поздоровится!

С этими словами он захлопнул свою дверь.

В последний раз я видел Эдварда Брауна два с половиной года назад, как раз перед тем, как они с Джозефиной уехали в Норидж. Тогда он был крепким и жизнерадостным малым лет под тридцать и держался с уверенностью человека, который знает свое дело и не опасается завтрашнего дня. Когда Эдвард открыл дверь, я увидел, что за это время он похудел по крайней мере на полтора десятка фунтов. Щеки у него ввалились, а тело, казалось, усохло. На нем были поношенная блуза и грязные штаны; судя по всему, Браун давно не умывался и не расчесывал ни бороды, ни волос. Бросив взгляд на его руки, я заметил несколько незаживающих порезов; левый мизинец по какой-то причине скрючился. Глаза его полыхали досадой, которая в следующее мгновение сменилась изумлением.

— Мастер Шардлейк?! Вот уж не ожидал!

Тут появилась Джозефина с ребенком у груди. Некогда пухленькая и круглолицая, сейчас она, как и муж, заметно исхудала. Ее старое серое платье покрывали заплаты, а из-под чепца, тоже знававшего лучшие времена, выбивались сальные белокурые волосы. При виде нас глаза у молодой женщины полезли на лоб, однако она тут же расплылась в радостной улыбке:

— Неужели это мастер Шардлейк? А с ним мастер Николас и Джек Барак! Каким ветром вас занесло в Норидж?

— Мы здесь по делу, — ответил я. — Ты не ответила на мое последнее письмо, Джозефина, и я очень о тебе беспокоился.

— Но как вам удалось отыскать нас?

— В городе у меня есть знакомый, который связался с бывшим управляющим мастера Хеннинга. Он-то и дал нам этот адрес.

— Я говорила тебе: надо написать мастеру Шардлейку и он нам непременно поможет! — воскликнула Джозефина, повернувшись к мужу.

— После смерти мастера Хеннинга и его жены их наследники вышвырнули нас на улицу, — с горечью процедил Браун. — Дом они продали, и им было ровным счетом наплевать, что мы остались без работы и крова. Тогда я решил послать к чертям всех законников на свете. И всех джентльменов тоже.

— Эдвард! — с укором воскликнула Джозефина, готовая вот-вот расплакаться.

— Мы потратили уйму времени, чтобы отыскать вас, — обиженно бросил Николас. — Из вашего последнего письма явствовало, что дела у вас плохи, и мастер Шардлейк очень тревожился. Он всегда был к вам добр. И он не заслуживает подобного отношения.

Эдвард, слегка смутившись, обнял жену за плечи:

— Простите, наверное, я был не прав. — Он испустил сокрушенный вздох. — Милости просим в наш дом, если только можно назвать эту конуру домом.

Мы вошли в комнату с земляным полом, освещенную тусклым светом, падавшим из единственного окна; судя по лужам, натекшим в углах после вчерашнего дождя, крыша в доме была дырявой. У одной из стен стояла грубо сколоченная деревянная кровать, а рядом с ней — самодельная колыбель; на шаткой полке теснилась потрескавшаяся глиняная посуда, на дощатом столе, покрытом многочисленными зазубринами, лежали веретено и куча шерсти. Убогую обстановку дополняли пара ветхих стульев и покосившийся шкаф. Джозефина опустилась на стул, прижимая к груди спящего ребенка — крошечную светловолосую девочку не более трех месяцев от роду.

— Как видите, живем мы небогато, — изрек Эдвард Браун.

— Но как случилось, что вы впали в подобную нужду? — осведомился я.

— Как сказал Эдвард, полтора года назад мастер Хеннинг и его жена умерли, — вздохнула Джозефина. — Их дети выставили нас на улицу, не дав на прощание ни пенни. Работу в Норидже найти трудно, да и мы с Эдвардом всю жизнь служили у джентльменов и не обучены никаким ремеслам. Пришлось мне научиться прясть. Но хотя я просиживаю с веретеном в руках целые дни напролет, так что начинаю дуреть от скуки, много денег этим не заработаешь. Эдвард устроился каменщиком и теперь разбирает стены старого монастыря.

— Получаю четыре пенса за день, — пробурчал Эдвард. — Да еще, бывает, иногда придешь, а тебе дают от ворот поворот — говорят, сегодня нужны только умелые и опытные работники. А цены каждую неделю растут как на дрожжах. Постепенно я кое-чему научился, и мастера даже стали поговаривать о том, что из меня выйдет неплохой строитель. Но тут мне на руку упал здоровенный кусок камня. Видите, что стало с пальцем? Толком работать я теперь не могу. С апреля в церковных приходах начали собирать деньги для бедняков, но мы не считаемся бедными — у нас же есть работа. Да вот только денег, которые мы за нее получаем, не хватает даже на то, чтобы платить за эту конурку. Владелец трущоб несколько раз присылал своих слуг, чтобы нас запугать. Но мы встали плечом к плечу и прогнали их прочь.

— Ваш сосед сказал, что эти дома принадлежат мастеру Рейнольдсу. Гэвину Рейнольдсу?

— Да, старому негодяю, дочь которого убили несколько недель назад. Если она походила на своего папашу, туда ей и дорога. А вы с ним знакомы? — спросил Эдвард, подозрительно прищурившись.

— Мне довелось встречаться с ним по делу, — кивнул я. — Гнусный старикан.

— Это верно.

— Вы могли написать мне и попросить денег. Я действительно очень за вас переживал.

— Прошу тебя, Эдвард, оставь свою гордыню, — взмолилась Джозефина. — Хотя бы ради Мышки.

— Ее зовут Мышка? — спросил я, посмотрев на малютку.

— Мы крестили дочь как Мэри, — ответила Джозефина, с нежностью глядя на спящее дитя. — Но между собой называем ее Мышка.

— Потому что она, можно сказать, родилась на Маусхолдском холме^[7], — пояснил Эдвард более приветливым тоном, чем прежде. — В марте мы с Джози отправились туда — погулять, подышать свежим воздухом. И вдруг у нее отошли воды. Уж не знаю, как мы в тот день успели вернуться домой, да, милая?

— Еще бы! — вздохнула Джозефина. — Я всегда мечтала иметь детей, хотела окружить их любовью, которую не получала от своего приемного отца. Но теперь боюсь привязаться к дочке слишком сильно. Половина ребятишек в этом дворе умирает, не дожив до двух лет.

— Я сделаю все, чтобы Мышку не постигла подобная участь! — с жаром произнес я. — Если только вы мне позволите вам помочь.

Джозефина посмотрела на мужа. Тот прикусил губу. Я понимал, гордость — это все, что у него осталось. В комнате повисло напряженное молчание. Джозефина перевела взгляд на Барака.

— Твоя бедная рука по-прежнему болит, Джек? — с сочувствием спросила она.

— Временами.

— Вы совсем поседели, мастер Шардлейк.

— Как и все люди, я не молодею с годами.

— А вы как поживаете, мастер Николас? — повернулась Джозефина к моему помощнику, который был так потрясен окружающим его убожеством, что, казалось, впал в оцепенение.

Услышав вопрос, он вздрогнул и провел рукой по спутанным рыжим волосам:

— Я? У меня все отлично. Надеюсь, что в следующем году стану адвокатом.

— О, адвокату никак нельзя обойтись без супруги, — шутливым тоном изрекла Джозефина.

— Думаю, за этим дело не станет.

— Боюсь, нам нечем вас угостить, — вздохнул Эдвард.

— Ничего страшного. Может, мы все вместе отправимся в какую-нибудь таверну? — предложил я.

— Таверны поблизости такие, что вы, едва войдя, броситесь наутек, — мрачно усмехнулся Эдвард. — Я хочу сказать... — он осекся и перевел дух, — хочу сказать, что очень благодарен вам... э-э-э... за предложенную помощь. Джозефина права: мы должны думать о ребенке. Мы задолжали за квартиру за три месяца. Если вы одолжите

нам немного денег, мастер Шардлейк, это будет для нас настоящим спасением.

— Разумеется, я дам вам сколько потребуется.

Взгляд Джозефины устремился на шерсть и веретено, лежавшие на столе.

— Мы были бы рады пригласить вас остаться. Но я должна прясть в воскресный день точно так же, как и в будний. Завтра надо отдать готовую пряжу. Но прошу вас, приходите еще, — с чувством произнесла она.

— Только в следующий раз одевайтесь победнее, — предостерег нас Эдвард. — Наши соседи и к нам-то на первых порах относились с подозрением. Лондонцы для них — чужаки.

Пока я отсчитывал деньги за аренду, Николас и Барак ожидали во дворе, под прицелом множества любопытных взглядов. На прощание я коснулся крошечной ручки Мышки. Она взглянула на меня и расплылась в улыбке.

— Вы ей понравились, — обрадовалась Джозефина. — Она только-только начинает проявлять интерес к миру. Некоторые люди ей нравятся, другие — нет.

Как ни странно, я ощутил, что эти слова и младенческая улыбка задели какие-то чувствительные струны в моей душе.

На постоянный двор мы возвращались в подавленном настроении, почти не разговаривая друг с другом.

— Честные люди не должны так жить, — проронил наконец Николас. — Прежде я думал, что до подобной нужды могут докатиться лишь отпетые бездельники.

— Значит, жизнь преподнесла тебе неплохой урок, парень, — с легкой насмешкой заметил Барак. — Неужели ни разу не видел в Лондоне жутких дворов вроде этого?

— Видел, и очень часто. Но никогда не заходил внутрь.

— Мы с Эдвардом и Джозефиной решили встретиться вечером во вторник в таверне «Голубой кабан», — сообщил я и добавил с горечью: — Надеюсь, их туда пустят.

— Пустят, — кивнул Барак. — А вот вам с Николасом лучше снять ваши мантии.

— Эдвард сказал, что нам не стоит разгуливать по городу после наступления темноты. Это небезопасно.

— Я твержу вам то же самое третий день подряд.

Вернувшись на площадь Тумлэнд, мы услышали пение хора, доносившееся из собора. Человек, скорчившийся в нише у стены постоянного двора, по-прежнему лежал без движения, накрытый одеялом с головой. Подчинившись внезапному порыву, я наклонился и потряс его за плечо. Он не откликнулся. Я осторожно откинул край одеяла и едва не задохнулся от жуткой вони. Передо мной лежал совсем молодой парень, никак не больше двадцати лет от роду. Щеки его ввалились, по волосам сновали вши, взгляд полуоткрытых глаз был неподвижен. Вне всякого сомнения, человек этот был мертв.

— Похоже, бедняга умер с голоду, — заметил Барак.

— Да уж, христианского милосердия на его долю не хватило, — вздохнул я, оглянувшись на величественное здание собора.

Глава 20

На следующее утро Тоби, по обыкновению, явился в «Девичью голову» ровно к семи. Барак не мог к нам присоединиться — на этой неделе все его время поглощали обязанности, связанные с выездной сессией. Был понедельник, семнадцатое июня; следовательно, до суда над Джоном Болейном оставалось три дня. Вечером на постоянный двор должно было прибыть множество судей, и хозяин буквально сбился с ног.

За завтраком я рассказал Тоби и Николасу о наших сегодняшних планах:

— Прежде всего повидаемся с Болейном и узнаем у него про Снокстоуба, а также выясним, доводилось ли ему обращаться к услугам других слесарей. Да, и, учитывая то, что поведал нам управляющий Рейнольдса, следует понастойчивее расспросить Болейна об отношениях с женой. И о том, где же он все-таки был в вечер убийства. Я уверен, до сих пор Джон пытался скрыть от нас правду.

— Возможно, перспектива уже в ближайшую пятницу оказаться на виселице сделает его откровеннее, — пробурчал Тоби.

— Надеюсь, так оно и будет. Впрочем, увидим. После визита в тюрьму мы отправимся к слесарю. Если выяснится, что копии ключей от конюшни ему не заказывали, нам придется обойти всех слесарей в Норидже. Думаю, нам с Николасом такая работа по плечу. И если мы узнаем, что дубликат ключа заказали братья Болейн, дело предстанет в совершенно ином свете.

— А может, близнецы просто исполнили чье-то поручение? — предположил Николас. Он повернулся к Тоби. — Если мне не изменяет память, вы рассказывали, что в здешних краях хватает молодых головорезов, готовых выполнять грязную работу для Ричарда Саутвелла?

— Так говорят, — пожал плечами Локвуд.

— После того как мы побываем в тюрьме, вам, Тоби, придется кое-что сделать, — сказал я. — Попытайтесь отыскать брата Грейс Боун.

— Задача не из легких. Скорее всего, он бедный человек, который не входит ни в одну ремесленную гильдию. Таких в Норидже сотни.

Как и ваша Джозефина, они ютятся в трущобах и не имеют никакого желания сообщать властям о своем местожительстве.

— И все же постарайтесь его найти. Вам ведь удалось отыскать Джозефину, — с невольным раздражением бросил я.

Мысль о том, что до суда осталось всего три дня, не давала мне покоя. К тому же образ умершего голодной смертью бродяги, труп которого мы обнаружили минувшим вечером, по-прежнему стоял перед моим внутренним взором.

— Мы так и не выяснили, где Эдит провела последние девять лет. Если Грейс Боун жива и обитает в Норидже, возможно, она поможет нам ответить на этот вопрос. А если мы найдем ответ, то вполне вероятно, что нам удастся распутать все дело.

— Если Эдит действительно тронулась умом, она нуждалась в человеке, который бы ее опекал, — заметил Николас.

— Или караулил, — добавил Тоби.

— А потом случилось одно из двух: либо опекун лишил ее своих забот, либо она сама сбежала, — подытожил я. — И отправилась к леди Елизавете, уповая на ее помощь. Увы, мы понятия не имеем, что произошло в действительности.

— Да и с близнецами пока нет никакой ясности, — вздохнул Николас.

Внезапно на стол упала тень. Оглянувшись, я увидел высокого худого мужчину на исходе пятого десятка; одет он был в точности так же, как и я сам, — в черную адвокатскую мантию и сержантскую шапочку. Напряженно улыбаясь, он приподнял шляпу и отвесил мне поклон:

— Да ниспошлет вам Господь доброго утра, сэр. Я и не знал, что в выездной сессии будут принимать участие другие сержанты юриспруденции.

Поднявшись, я в свою очередь поклонился и представился:

— Мэтью Шардлейк из Линкольнс-Инн, к вашим услугам.

— А я — Джон Фловердюю из Хетхерсета. В последнее время большинство дел, которые находятся в моем ведении, связано со здешними краями, ибо я являюсь представителем Генри Майна, главы Ведомства по делам конфискованного имущества.

Он вновь раздвинул губы в улыбке, фальшивой и неискренней; темные глаза его под кустистыми бровями оставались при этом

холодными и настороженными. Узкое лицо с крупным римским носом, вне всякого сомнения, когда-то было красивым, но теперь его избородили глубокие морщины.

— Вы тоже остановились в «Девичьей голове»? — осведомился я.

— Да. Буду здесь квартировать на протяжении всей сессии. А какое дело привело сюда вас?

— Я прибыл, чтобы дать несколько советов юридического характера мастеру Джону Болейну, обвиняемому в убийстве собственной жены.

Взгляд Фловердью стал еще более холодным и жестким.

— Да, об этом убийстве ходит много толков. Судя по всему, Болейну не избежать виселицы. После казни его земли поступят в распоряжение нашего ведомства.

— Насколько мне известно, вы уже встречались с миссис Болейн?

— Эта особа по-прежнему именуется миссис Болейн? — саркастически расхохотался Фловердью. — Да, я с ней встречался. Предупредил, что ей пора собирать свой скарб. Если земли Болейна отойдут королю, ей придется убраться прочь.

Я ограничился тем, что молча вскинул бровь.

— Вы намерены нынешним вечером присутствовать на церемонии торжественной встречи судей? — спросил Фловердью.

— Возможно, — кивнул я.

— Я буду там непременно, — кивнул он в свою очередь; краткость моих ответов несколько его озадачила. — На сегодня у меня назначена встреча с мировыми судьями, — добавил он.

— Простите, сэръ, но не располагаете ли вы какими-либо известиями о волнениях в западных графствах? — вступил в разговор Николас.

Фловердью слегка нахмурился:

— Говорят, мятежники осаждают Эксетер. В самом скором времени туда будут посланы войска. У этого сброда хватило дерзости направить королю петицию и потребовать отмены церковных реформ, прекращения войны с Шотландией и бог знает чего еще.

— Да, все эти беспорядки — весьма серьезная проблема, — проронил я.

— Говоря откровенно, дела в стране обстоят хуже некуда. В сравнении с нынешним мятежом заваруха в марте, с которой сельские

сквайры справились собственными силами, представляется сущим пустяком. Правда, я слышал, что в Хэмпшире волнения уже улеглись, а протектор помиловал бунтовщиков. Помиловал! Старый король вздернул бы всех негодяев на виселицу! Как можно быть таким сердобольным? Да ведь после этого прочие простолюдины вообразят, что отныне могут безнаказанно вытворять любые безобразия.

— Весьма сомнительно, что прочие простолюдины узнают об этом помиловании, — возразил я.

Фловердью взглянул на меня с недоумением, словно поражаясь моей глупости.

— Судя по тому, что дезертиры, сбежавшие из Шотландии, и прочие бунтовщики устраивают беспорядки по всей стране, английские простолюдины уверены в своей безнаказанности! — процедил он. — Хорошо еще, что во время выездной сессии приняты особые меры предосторожности. Многие судьи приехали в Норидж в сопровождении вооруженной охраны. Но все равно эти бараны из городского совета настолько напуганы, что решили в этом году не устраивать традиционный торжественный обед. Верьте моему слову: мэр Кодд — это какая-то снулая рыба.

Отвесив мне поклон, он повернулся и удалился.

— Этому господину палец в рот не клади, — изрек Николас, глядя вслед его развевающейся мантии.

— Представляю, что будет, если он попытается выселить сыновей Болейна из отцовского дома! — заметил Тоби с издевательской ухмылкой. — Они не дадут друг другу спуска, это уж точно!

День снова выдался жаркий, и, едва добравшись до замка, я почувствовал себя усталым. Спина мучительно ныла; я уже начал опасаться, что поездка верхом из Лондона в Норидж нанесла моему хребту серьезный вред. Мы вновь оказались под мрачными сводами замка, где, несмотря на солнечный день, царила промозглая прохлада; тюремщик опять провел нас вниз по гулкой железной лестнице. Повсюду виднелись лужи, оставленные недавним дождем; от гниющей воды исходил скверный запах. Остановившись у дверей камеры Джона Болейна, я попросил своих спутников подождать в коридоре, ибо хотел обсудить с арестантом несколько деликатных вопросов.

Болейн лежал на своем тюфяке, устремив неподвижный взгляд в пространство. Его волосы и борода были спутаны еще сильнее, чем в прошлый раз; мне показалось, что за эти дни он отощал и усох. Лицо его слегка просветлело, когда я протянул ему корзинку с едой, приготовленную Изабеллой. Достав из корзинки глиняный горшок, он обхватил его ладонями, бормоча:

— Милая Изабелла... Я так скучаю по ней, так скучаю...

— Не падайте духом, мастер Болейн! — бодрым голосом произнес я. — Мы располагаем некоторыми новыми сведениями и, надеюсь, сумеем доказать вашу невиновность.

Глядя на понурого Болейна, я с трудом удержался от искушения сообщить, что в ближайшее время ему нечего опасаться виселицы. Даже если суд признает его виновным, казнь наверняка будет отсрочена, ибо леди Елизавета уполномочила меня подать просьбу о помиловании. Однако я помнил, что это обстоятельство следует держать в строжайшей тайне до вынесения вердикта; к тому же просьбу о помиловании я мог подать лишь в том случае, если сочту решение суда несправедливым. Так что я ограничился тем, что рассказал Болейну о встрече со Скамблером и о загадочном исчезновении ключа от конюшни. Выслушав меня, он покачал головой:

— То, что мои сыновья поколотили Грязнулю, меня ничуть не удивляет. Но я никогда не поверю, что они могли убить собственную мать.

— Тем не менее, сэр, у нас появилась новая зацепка, которую необходимо проверить.

— Да, конечно, — вздохнул он. — Надо признать, Джеральд и Барнабас не испытывают ко мне никаких сыновних чувств. Ни разу не соизволили навестить меня здесь.

— Скажите, вам доводилось обращаться к услугам слесаря по фамилии Снокстоуб?

— Да, в течение нескольких лет. Впрочем, не могу сказать, что близко знаком с ним. Обычно с людьми подобного рода имел дело Чаури.

— Вам известно, где он живет?

— В каком-то переулке поблизости от площади Тумлэнд, если мне не изменяет память.

— Превосходно. Думаю, мы сумеем его найти. Я так понимаю, с другими слесарями вы дела не имели?

— Нет. У Чаури был целый список ремесленников, которых он приглашал для тех или иных работ. — Лоб его пересекла складка. — Честно говоря, мне кажется, что вся эта история с ключом выеденного яйца не стоит. В первый раз Грязнуля просто не заметил ключ, тем более что уже смеркалось. Этот парень отличный конюх, но вы сами наверняка поняли: в голове у него гуляет ветер.

— Есть еще один вопрос, который я вынужден вам задать, — произнес я, набрав в грудь побольше воздуха. — Предупреждаю, это вопрос личного характера, и он касается ваших отношений с Эдит.

— Когда речь идет о жизни и смерти, о деликатности приходится забыть, — горько усмехнулся Болейн.

— Я нанес визит мастеру Гэвину Рейнольдсу. И встретил там ваших сыновей, Джеральда и Барнабаса.

— Да, с дедом они всегда неплохо ладили. Наверное, причина заключается в сходстве характеров. — Болейн вперил в меня пристальный взгляд. — Старый Рейнольдс спит и видит, как меня вздернут на виселицу. Полагаю, для вас это не тайна.

— Нет. Он сразу дал понять, что не намерен помогать нам. Скажите, а вы знакомы с его управляющим, неким Воувеллом?

— Даже не представляю, как он выглядит, — покачал головой Болейн. — Не забывайте, сэр, я не бывал в доме Рейнольдса с тех пор, как Изабелла поселилась в Бриквелле. Близнецы часто гостили у деда, но для меня двери его дома были закрыты.

— Воувелл не слишком доволен своим хозяином...

— Да уж, служить этому сварливому старикану и его угрюмой жене, которая вечно смотрит так, словно укуса хлебнула, — работенка не из приятных, — сардонически изрек Болейн. — А теперь, когда в доме поселились еще Джеральд и Барнабас...

— Так вот, Воувелл украдкой сообщил мне кое-что важное, — перебил я. — По его словам, несколько лет назад Эдит явилась к своему отцу и пожаловалась, что вы... говоря без обиняков, силой принуждаете ее к выполнению супружеских обязанностей. Отец отослал ее прочь, заявив, что она сама выбрала свою долю и он не намерен вмешиваться в чужие семейные дела.

Болейн отвел глаза.

— Вы верите, что я способен на подобное? — произнес он едва слышно.

— Вы должны рассказать мне, как все обстояло в действительности.

Джон вскинул голову и взглянул мне прямо в глаза:

— Даже если бы я хотел воспользоваться своими супружескими правами, то никогда не стал бы принуждать Эдит силой. Поверьте, я ни разу ее пальцем не тронул. Но явиться к отцу и возвести на меня напраслину — это поступок вполне в ее духе. — Он яростно затряс головой. — Под конец нашей семейной жизни моя жена лишилась рассудка, мастер Шардлейк. Она впала в совершенное безумие.

— Простите, сэр. Но, услышав рассказ Воувелла, я вынужден был задать вам этот вопрос.

Болейн понимающе кивнул. На несколько мгновений в воздухе повисла тишина.

— Остается еще вопрос с вашим алиби, — прервал я молчание. — Вы по-прежнему утверждаете, что в тот злосчастный вечер с девяти до одиннадцати были в своем кабинете?

— Да, я был в кабинете, — ответил он после недолгого замешательства. — Просматривал документы в полном одиночестве.

— Если вы по какой-то причине находились в другом месте, то в ваших интересах не скрывать этого. Сие обстоятельство весьма важно и для вас, и для вашей жены.

В ответ Болейн молча покачал головой.

— Буду откровенен, сэр, — продолжал я. — Уверен, вы скрываете от меня правду. Поверьте, упорствуя, вы лишь вредите себе.

Болейн, казалось, колебался. Однако через несколько мгновений он упрямо повторил:

— Я был в своем кабинете.

— Что ж, предупреждаю: если мне удастся выяснить, что вы находились в другом месте, мой долг — сообщить об этом суду, — вздохнул я. — Сейчас я намерен отправиться на поиски слесаря. А после побеседую с вашими сыновьями, расспрошу их, почему они набросились на Скамблера.

— Будьте осторожны, сэр. От них можно ждать самых диких выходов.

— Я это уже понял. Мы также попытаемся найти Грейс Боун, горничную, покинувшую ваш дом девять лет назад, незадолго до исчезновения Эдит. Если она жива, то, полагаю, может сообщить нам немало любопытных сведений. А если умерла, возможно, кое-что известно ее родственникам. Насколько я помню, она оставила ваш дом внезапно, никого не предупредив заранее?

— Да, ушла, даже не получив причитавшегося ей жалованья за последнюю неделю! — Болейн покачал головой. — Девять лет назад Грейс так и не сумели найти. Сейчас она, скорее всего, мертва. — Вы предполагаете, что ее тоже могли убить? — спросил он, буравя меня глазами.

— Какая бы участь ее ни постигла, нам необходимо это выяснить. Согласитесь, практически одновременное исчезновение хозяйки и горничной вряд ли можно счесть случайным совпадением.

— Я всегда считал, что ей просто-напросто осточертели выходы Эдит, — усмехнулся Болейн. — Хотя, надо признать, Грейс пользовалась расположением своей хозяйки. Одно могу сказать: мои сыновья тут ни при чем. Им в ту пору едва исполнилось девять. — И он погрузился в унылое молчание.

— Полагаю, мы с вами увидимся завтра, — произнес я, поднимаясь. — В крайнем случае послезавтра.

— А уж на суде точно увидимся, — буркнул Джон, растянув губы в подобие улыбки.

— Болейн по-прежнему упорствует в своей лжи, — сообщил я, присоединившись к Николасу и Тоби. — Нет никаких сомнений: вечер, в который была убита Эдит, он провел вовсе не в своем кабинете. Возможно, он с кем-то встречался и у него имеются веские причины это скрывать.

— Возможно, он встречался со своей женой, которую в конце концов и убил, — равнодушно бросил Тоби.

— Впервые я склонен с вами согласиться, — кивнул Николас. — Сэр, не забывайте, наша цель — расследовать совершенное преступление, а не оправдать Болейна, — обратился он ко мне.

— Ты прав, нам поручено отстаивать справедливость, а не интересы Болейна, — ответил я после недолгого раздумья. — Но это отнюдь не означает, что он виновен. Тем более существует множество

обстоятельств, которые нам необходимо прояснить. И первым делом следует отыскать слесаря.

— Вайтерингтон считает Болейна безвольным рохлей, — напомнил Тоби. — Он даже вообразил, что сможет безнаказанно отнять у своего соседа земли. Однако получил отпор, да еще какой. Слабый человек никогда не решился бы бросить вызов общественному мнению, приведя в свой дом трактирную служанку. Люди, которые хорошо знают Болейна, в один голос утверждают, что нрав у него вспыльчивый.

— Вы передали Джону рассказ Майкла Воувелла? — спросил Николас. — Как он к этому отнесся?

— Заявил, что все это ложь и наговоры. По его словам, он никогда и пальцем не тронул Эдит. При этом не отрицает, что жена его могла явиться к отцу и возвести на мужа напраслину. Говорит, Эдит впала в совершенное безумие. Но вот какой вопрос меня мучает. Всякому ясно, что Болейн обожает Изабеллу и тревожится об ее участи. А участь эта может быть весьма плачевной. Не далее как нынешним утром Фловердью сообщил нам: если Болейна повесят, Изабеллу выгонят на улицу. При этом Болейн даже не пытается составить себе убедительное алиби. Возможно, правда, которую он так упорно скрывает, способна повредить Изабелле? — Помолчав несколько мгновений, я воскликнул в отчаянии: — Господи Исусе, каждый вопрос лишь порождает новый, и ничего более!

Мастер Теобальд, хозяин «Девичьей головы», как и всегда, был рад оказать нам услугу. Побеседовав с ним, мы выяснили, что слесарная мастерская Снокстоуба находится в переулке, который тянется между площадью Тумлэнд и Элм-Хиллом.

Заведение мы нашли без труда, тем более что над дверями висела вывеска, изображавшая пару перекрещенных ключей. Внутри царил полумрак, в воздухе стоял острый запах железа. За прилавком никого не было, однако из соседней комнаты доносился стук.

— Эй, есть кто-нибудь? — подал я голос.

На мой зов явился высокий и тощий парнишка лет шестнадцати, в синей блузе и шапке подмастерья.

— Доброе утро, — приветствовал его я. — Нам нужен мастер Снокстоуб.

— Он понес заказчику готовые ключи. Наверное, скоро вернется.

— Тогда мы подождем.

Юнец не сводил настороженного взгляда с наших с Николасом мантий.

— Вы хотите заказать ключ или замок? — решился спросить он. — Или... у вас дело, связанное с законом?

Вместо ответа я сам приступил к расспросам:

— Насколько мне известно, твой хозяин много лет подряд выполнял заказы мастера Болейна, помещика из Бриквелла?

— Да, вроде того, — уклончиво проямлил мальчишка, недоверчиво глядя на нас. — Это вы толкуете про того Болейна, что сейчас сидит в тюрьме и дожидается суда?

— Именно про него. Мы расследуем дело об убийстве его жены и беседуем со всеми, кто знает мастера Болейна. Я — барристер Мэтью Шардлейк. А тебя как зовут?

— Уолтер, сэр, — пробормотал парнишка, беспокойство которого росло с каждой минутой. — Но вам лучше поговорить с хозяином.

— Разумеется, мы побеседуем с ним. Скажи, а сыновья Болейна, Джеральд и Барнабас, сюда заглядывали? — осведомился я как бы между делом. — Насколько мне известно, они недавно обращались к услугам твоего хозяина.

— Прошу вас, поговорите об этом с мастером Снокстоубом, — потупив глаза, повторил Уолтер. — Нехорошо с вашей стороны приставать ко мне с вопросами. Если хозяин узнает, что я болтал о его делах, мне достанется на орехи!

— Он хочет сказать, что хозяин побьет его! — перевел Тоби, сочтя последнее выражение непонятным для нас.

Взглянув на испуганно переминавшегося с ноги на ногу парнишку, я смилостивился:

— Ладно, Уолтер, если ты не хочешь с нами общаться, то и не надо.

Подмастерье мигом юркнул обратно в мастерскую и затаился там. Какое-то время мы провели в ожидании, разглядывая связки ключей, висевшие на стене за прилавком. Наконец дверь отворилась, и внутрь вошел низкорослый тощий человек в кожаном фартуке; длинные сальные волосы рассыпались по плечам, а красный распухший нос выдавал завязатого пьяницу. Подобно Уолтеру, увидев нас, он слегка подался назад. И настороженно спросил:

— Чем могу служить?

— Мастер Снокстоуб, если я не ошибаюсь?

— А вы кто такой?

Многолетний мой опыт доказывал: подобный вопрос, как правило, задают люди, которым есть что скрывать. Тем не менее я представился по всей форме и обстоятельно рассказал о деле, которое привело меня в мастерскую слесаря.

— Почему это я должен обсуждать с вами своих заказчиков? — угрюмо процедил Снокстоуб, скрестив руки на груди.

Я решил, что уже хватит с ним миндальничать:

— Потому что молчать не в ваших интересах. Если вы откажетесь говорить, то в четверг вас вызовут в суд и вам придется отвечать перед судьями.

Угроза, несомненно, произвела на Снокстоуба впечатление. Отбросив гонор, он принялся объяснять со всей возможной обстоятельностью:

— Я выполнял заказы Джона Болейна в течение нескольких лет. Много раз бывал у него в Бриквелле. Сами понимаете, на ферме часто приходится чинить замки — скотина постоянно их сбивает.

— Вы изготовили ключи и замок для конюшни, где он держал своего любимого жеребца по кличке Полдень?

— Страшный зверь, — усмехнулся Снокстоуб. — Так и норовит лягнуть кого-нибудь копытом. Да, несколько лет назад я сделал замок для его конюшни. И ключи, разумеется, тоже.

— А недавно, я слышал, вам пришлось сделать еще один ключ.

— Кто это вам наплел? — подозрительно прищурился слесарь.

— Тот, кому это известно, — с ухмылкой ответил Тоби.

— Я слышал также, что вы хорошо ладите с сыновьями мастера Болейна, — заметил я. — Не всем это удается.

— Они неплохие парни. По крайней мере, с ними весело. Когда в городе устраивают травлю медведей, мы с ними всегда там встречаемся. И на петушиных боях тоже.

«Кто бы сомневался, что забавы такого рода нравятся близнецам», — подумал я, вспомнив, как в Лондоне они охотились на несчастного маленького оборванца.

— В прошлом месяце братья Болейн заказали вам копию ключа от конюшни? — спросил я напрямик.

— Нет, ничего они мне не заказывали, — отрезал Снокстоуб, и лицо его приняло непроницаемое выражение. — Уолтер! — заорал он во всю глотку, обернувшись в сторону мастерской. — Скажи, парень, кто-нибудь из молодых Болейнов был здесь в этом году? — спросил он, когда подмастерье неохотно высунул голову.

— Нет, сэр, могу поклясться чем угодно, — с нескрываемым облегчением выпалил Уолтер. — Если хотите, могу даже присягнуть на Евангелии.

— Слыхали? — повернулся к нам слесарь. — Да будет вам известно, Уолтер — мальчонка набожный. Едва у него выдается свободная минутка, бухается на колени и читает молитвы. Или бежит в церковь слушать бесконечные проповеди отца Уотсона.

Несомненно, оба — и хозяин, и подмастерье — что-то от нас скрывали. Но уличить их в обмане у меня не было возможности.

— Что ж, в самом скором времени мы выясним правду, — пообещал я, грозно обведя их глазами. — Сейчас мы уходим, но непременно вернемся. С официальным вызовом в суд. Возможно, даже с двумя.

У Уолтера отвисла челюсть, а Снокстоуб, напротив, сжал губы в тонкую линию.

— Разумеется, без этого можно будет обойтись, если вы добровольно расскажете все, что знаете, — добавил я.

— Нам нечего рассказывать, — буркнул Снокстоуб, вновь скрестив руки на груди.

— Что ж, значит, увидимся в суде, — произнес я и сделал своим спутникам знак уходить.

— Надо было припугнуть их посильнее, — сказал Тоби, когда мы оказались на улице. — Может, братья Болейн к ним в мастерскую и правда не заходили. Но слепому видно: они что-то скрывают.

— Разумеется. Но я не могу вытянуть из них признание клещами. Думаю, стоит им увидеть вызов в суд, как у обоих мигом развяжутся языки. Николас, иди в судебную контору, отыщи Барака и получи официальную бумагу. Там должно быть сказано, что слесарь Снокстоуб вызывается в суд для дачи показаний и что ему следует внести денежный залог, гарантирующий его присутствие на заседании. Не сомневаюсь, это возымеет действие. Тоби, а вы можете приступить к розыскам Грейс Боун или ее родных.

— Да, сэр.

Поклонившись, Локвуд повернулся и зашагал прочь. Николас двинулся в другую сторону, по направлению к замку. Некоторое время я стоял неподвижно, погруженный в размышления.

«Подобно утопающим, мы цепляемся за соломинку, — вертелось у меня в голове. — Но лучше иметь в руках соломинку, чем совсем ничего, — возразил я сам себе. — В любом случае в историю с ключом необходимо внести ясность».

Глава 21

Заметив, что каменные ворота, ведущие на территорию собора, открыты, я направился к ним. Возможно, говорил я себе, стоит мне посидеть и поразмышлять в тишине церковного придела, как на меня снизойдет озарение. К тому же все утро я никак не мог отделаться от неприятных воспоминаний о бродяге, умершем от голода. Тело его, как я заметил, уже успели убрать.

Внутренний двор являл собой соединение величия и разрухи. Передо мной возвышалось впечатляющее здание собора, подобно замку, возведенное из белого камня; его узкие стрельчатые окна были устремлены в небо, огромную колокольню венчал невероятно высокий шпиль. Справа, на том месте, где некогда располагался монастырь, тянулись полуразрушенные стены корпусов, в которых прежде жили монахи. Множество рабочих в кожаных безрукавках разбирали стены, сортировали камни по форме и размеру и грузили их на повозки, стоявшие неподалеку от развалин. Я долго смотрел в ту сторону, выглядывая Эдварда, мужа Джозефины, но так и не увидел его.

Главная дверь собора была распахнута настежь; грандиозное пространство, в котором я очутился, переступив порог, поистине не знало себе равных. Вестминстерское аббатство и даже Йоркский собор бледнели перед величием Нориджского кафедрального собора. Хотя в ширину он был невелик, чрезвычайно высокие арочные своды производили удивительное впечатление. Подняв голову, я увидел, что потолки украшают дивной красоты росписи. Однако разрушение не обошло собор стороной. Несколько человек разбирали часовню в одном из боковых приделов; в другом приделе рабочие, вооружившись молотками, пытались разбить на куски пышную гробницу; по всему храму стояли стук и скрежет. В дальнем конце главного нефа по-прежнему возвышалось огромное распятие; витражи в окнах тоже пока были целы, однако можно было не сомневаться: они обречены на уничтожение. Около дальней стены были сооружены шаткие деревянные леса, и рабочие, стоя на них, замазывали фрески белой краской. На память мне пришла церковь в Ветстоуне, тоже лишившаяся своих росписей. Я с удивлением подумал, что был там всего двенадцать дней назад; казалось, с той поры миновала целая вечность.

Поняв, что намерение поразмыслить в тишине и покое мне вряд ли удастся осуществить, я вышел на улицу и вернулся на постоянный двор. Спина моя невыносимо ныла, и я с наслаждением растянулся на мягкой перине. Усталость взяла свое, и вскоре меня сморила дрема. От сна меня пробудили громкий стук в дверь и голос Николаса. Открыв глаза и взглянув в окно, я с удивлением убедился, что солнце уже клонится к закату.

— Который час? — спросил я у Овертона, вошедшего в комнату.

— Скоро шесть.

— Неужели я проспал пять с лишним часов? — изумленно пробормотал я.

— Вероятно, вы нуждались в отдыхе.

— Вот уж точно. Это проклятое дело полностью меня вымотало. Да еще эта чертова жара. И жуткая атмосфера в городе...

— Я вас понимаю, — кивнул Николас. — Ощущение такое, будто мы ходим по острию ножа. Тем не менее ваше поручение я выполнил. Вот он, ордер, повелевающий Маркусу Снокстоубу явиться в суд. На то, чтобы отыскать мирового судью, у нас с Баракком ушло добрых полдня. И все же мы его поймали и заставили выдать нам нужный документ.

— Надеюсь, в разговоре с судьей ты не упомянул имени леди Елизаветы?

— Нет, конечно. Я сказал лишь, что мы расследуем дело Болейна.

— Отлично, Николас.

Овертон извлек из своего кожаного ранца сложенный вчетверо лист бумаги и протянул мне. Я пробежал его глазами и удовлетворенно воскликнул:

— Именно то, что нам нужно! Залог в размере двух фунтов, обеспечивающий присутствие свидетеля. В случае если тот не соизволит явиться, он будет привлечен к ответственности за неуважение к суду. Черт, сейчас мастерская Снокстоуба наверняка уже закрыта. Ничего, завтра с утра первым делом отправимся туда. Ты виделся с Тоби, Николас?

— Он внизу, ждет нас, чтобы проводить на церемонию торжественной встречи судей. Судьи проедут верхом от ворот Святого Стефана до рыночной площади. Отцы города будут встречать их у дверей ратуши. Думаю, все начнется примерно через час.

— Надеюсь, Тоби тоже сопутствовала удача? — спросил я. — Удалось ему обнаружить хоть какие-то следы родственников Грейс Боун?

— Боюсь, ему нечем вас порадовать. По его словам, Локвуд пробежал по городу весь день, но не нашел ровным счетом ничего.

— Меня это не удивляет, — вздохнул я. — Как-никак прошло уже девять лет.

— Тоби сказал, завтра с утра он возобновит поиски.

— Вот и отлично. Если и есть в этом городе человек, способный найти следы Грейс Боун, так это Тоби. Насколько я могу судить, упорства ему не занимать.

— Да, работник он, бесспорно, неплохой. Хотя, чего уж греха таить, не блещет ни воспитанием, ни манерами. Признаюсь, сейчас мы с ним немного поспорили.

— Опять? — недовольно буркнул я.

— Судите сами. Он признался, что надеется — крестьянские восстания наконец-то вынудят правительство принять серьезные меры против злоупотреблений землевладельцев и чиновников. Я возразил на это, что позорно выступать против правительства, когда страна ведет войну. А Локвуд заявил, что война с Шотландией — это чистой воды варварство и всякому ясно, что она обречена на поражение.

— По крайней мере в этом вопросе мы с Тоби придерживаемся сходных взглядов, — улыбнулся я.

— Что до меня, я рад, что лорд-протектор собирается послать в Шотландию новые войска. Для Англии эта война — дело чести.

— Словом «честь» нередко маскируют такие понятия, как «престиж» и «статус», — возразил я. — Этим грешат не только люди, но и целые страны.

Овертон уже открыл было рот, чтобы возразить, но я опередил его:

— Сделай милость, Ник, постарайся впредь обойтись без стычек. Пойдем посмотрим, что собой представляют судьи.

Локвуд ожидал нас во дворе. Красноватый загар, покрывший его круглое лицо, свидетельствовал о том, что он провел весь день на воздухе; голубые глаза его теперь казались еще более яркими, чем прежде. Втроем мы направились к рыночной площади. Проспав полдня, я все равно ощущал себя разбитым и завидовал неутомимости

своих молодых спутников. К счастью, вечером жара начала спадать. Вокруг площади выстроились стражники, вооруженные мечами; на мундирах их красовался герб Нориджа. Учитывая размеры города, толпа, собравшаяся поглазеть на церемонию, была не столь уж велика, не более двух сотен человек. У дверей ратуши стояла небольшая группа богато одетых людей. Тоби указал на низкорослого толстяка в дублете с белыми атласными рукавами:

— Это Томас Кодд, мэ́р, избранный в нынешнем году.

— Утром я слышал, как его называли снулой рыбой.

— Тем не менее он лучше многих своих предшественников. Например, Кодд организовал в церковных приходах сбор денег в помощь бедным. Тощий верзила рядом с ним — Августин Стюард, один из богатейших людей в Норидже. Здесь не так много купеческих семей, которые заправляют городскими делами из поколения в поколение. Стюарды торгуют шерстяными тканями и, я так полагаю, немалую часть своего товара нелегально переправляют за границу, — добавил Тоби с горечью, которая ощущалась в его голосе нередко.

По толпе пронесся гул, и все головы повернулись в ту сторону, откуда слышались цоканье копыт и звон упряжи. Процессию возглавлял отряд вооруженных стражников. За ними следовало двое судей в ярко-красных мантиях, отороченных мехом. Я впери́л в них взгляд, припоминая описания Барака. Наверняка худой человек с хмурым суровым лицом и длинной седой бородой — это судья Катчет, решил я; по словам Джека, он был убежденным кальвинистом. Выглядел он в точности так, как, по моим представлениям, следовало выглядеть законнику, имеющему обыкновение выносить самые суровые приговоры. Старый судья Рейнберд, напротив, отличался дородностью; он вяло развалился в седле, на его оплывшем красном лице застыло безучастное выражение. Судя по всему, откровенная враждебность, сквозившая во взглядах зевак, ничуть его не удивляла. Прежде я неоднократно сталкивался с Рейнбердом в суде и знал, что его нельзя упрекнуть в несправедливости; однако, когда к делу примешивались политические соображения, этот человек неизменно становился на сторону сильных. Можно было не сомневаться — ни Катчет, ни Рейнберд не намерены проявлять снисхождение к Болейну. Вслед за судьями тянулась длинная вереница всякого рода мелких сошек, облаченных в черные мантии. Среди них я заметил Барака; подобно

всем остальным, он смотрел не по сторонам, а прямо перед собой, в спины судей. Затем следовало несколько богато одетых джентльменов, по всей видимости мировых судей и королевских чиновников; каждого сопровождала вооруженная свита, насчитывавшая не менее полудюжины верховых. Мелькнул точеный профиль Джона Фловердью; рядом с ним возвышалась грузная фигура сэра Ричарда Саутвелла, облаченного в роскошную мантию. Процессия, которая насчитывала человек пятьдесят, пересекла рыночную площадь и остановилась напротив дверей ратуши. Нориджские олдермены, спустившись по ступеням крыльца, склонились в глубоком поклоне. Толпа, наблюдавшая за церемонией в угрюмом молчании, начала расходиться. Повернувшись к Тоби, я поблагодарил его за помощь и осведомился, как себя чувствует его матушка.

— Немного лучше. Но она по-прежнему дышит с таким хрипом, что слышать это — сущее мучение. — Локвуд сокрушенно покачал головой. — Боюсь, она вскоре нас покинет. Если это случится, я буду вынужден поселиться на ферме и помогать отцу. У нас всего два наемных работника, и без меня отец никак не справится.

— У вас нет братьев или других родственников, которые могли бы ему помочь?

— У меня есть лишь один-единственный брат, который перебрался в Саффолк и приобрел там небольшой дом. Так что вся надежда на меня. Впрочем, признаюсь, предстоящая разлука с мастером Копулдейком не слишком меня печалит. Думаю, устроив дела на ферме, я сумею найти в Норидже нового патрона. Разумеется, если буду держать язык за зубами, — добавил он с иронической ухмылкой.

— Но возможно, ваша матушка еще поправится, — заметил Николас.

Локвуд лишь молча покачал головой. Повисло неловкое молчание, которое прервал голос, раздавшийся у меня за спиной:

— Мастер Шардлейк!

Обернувшись, я увидел статную фигуру Майкла Воувелла, управляющего Гэвина Рейнольдса.

— Простите, что докучаю вам, сэр, — сказал он, отвесив поклон. — Но вчера я взял расчет и покинул дом мастера Рейнольдса. Терпению моему пришел конец после того, как Джеральд и Барнабас устроили в моей комнате разгром в отместку за то, что я попросил их

оставить молодых служанок в покое. Теперь придется искать новое место. Быть может, кому-то из ваших знакомых, сэр, требуется управляющий или дворецкий?

— В Норфолке у меня практически нет знакомых. Может, вы сумеете помочь, Тоби?

— Боюсь, что нет.

— Должен сказать, что сегодня утром я посетил мастера Болейна в тюрьме, — произнес я, пристально глядя на Воувелла. — Он отрицает, что когда-либо применял насилие по отношению к Эдит.

Воувелл нахмурился и расправил плечи:

— Я передал вам лишь то, что слышал собственными ушами. Могу принести присягу на Библии.

— Мастер Болейн полагает, что вся эта история — целиком и полностью плод больного воображения Эдит. В том, что Рейнольдс, выслушав дочь, отказался вмешиваться и велел ей возвращаться к своему семейному очагу, у него нет никаких сомнений.

Во взгляде Воувелла мелькнуло облегчение. Он оглянулся на ратушу, около которой продолжалась церемония торжественной встречи. Слуги подавали вновь прибывшим участникам сессии огромные глиняные кружки с пивом.

— Если бы не это убийство, мастер Рейнольдс непременно был бы здесь, — заметил Воувелл. — Он ведь рассчитывал в следующем году стать мэром. Прежде старик никогда не упускал случая появиться в обществе отцов города.

Голос Майкла был полон горечи, — очевидно, неприязнь к бывшему хозяину пропитала его душу насквозь.

«А ведь этот человек лучше других знаком с привычками и обычаями близнецов», — подумал я и произнес вслух:

— Мы бы очень хотели задать несколько вопросов сыновьям Болейна.

— Будьте осторожны, сэр, — предупредил Воувелл.

— Я полагаю, опасаться нам нечего. Как-никак нас трое, а может, возьмем себе в помощь еще и четвертого. Было бы неплохо застигнуть этих молодчиков врасплох.

— Понимаю, — кивнул Воувелл и погрузился в задумчивость. — Сегодня понедельник. По вторникам и субботам близнецы бывают на петушиных боях в Косни, развлекаются там в обществе других

молодых шалопаев. Именно там они провели тот субботний вечер, когда была убита их мать. После петушинных боев они обычно пьянствуют с приятелями в какой-нибудь таверне, а затем возвращаются в дом деда. Как правило, это бывает около двух, а то и трех часов ночи. В это время вы наверняка сумеете подкараулить братьев на улице неподалеку от дома Рейнольдса.

— Весьма вам признателен, — улыбнулся я. — Сведения, которые вы сообщили, чрезвычайно важны для нас.

— Повторяю: будьте осторожны. Эти молодчики не расстаются с мечами и, даже пьяные, орудуют ими весьма ловко.

— Я тоже неплохо управляюсь с мечом, — сообщил Николас. — И в отличие от них, буду трезв как стеклышко.

— Если вы позволите мне сопровождать вас, на вашей стороне будет еще один меч, — заметил Тоби.

— Итак, в ночь со вторника на среду близнецов ожидает не слишком приятная встреча, — усмехнулся я. — Еще раз благодарю вас, мастер Воувелл. Надеюсь, в самом скором времени вы сумеете отыскать подходящее место.

— Спасибо, сэр. Наверное, я отправлюсь в Ваймондхем: по слухам, один из тамошних помещиков ищет управляющего.

Поклонившись на прощание, он повернулся и ушел.

— Глядите-ка, сэр, возможно, нам наконец-то улыбнется удача! — изрек Николас. — Уверен, Барак нам поможет. Мы ведь увидимся с ним завтра вечером в харчевне. С ним, с Джозефиной и ее мужем.

— Вы и правда готовы идти с нами? — обратился я к Тоби.

— Разумеется, сэр, — решительно ответил он. — Мне будет приятно свести счеты с этими юными паршивцами.

Глава 22

Той ночью я долго лежал без сна. В комнате было слишком жарко и душно. Наконец я задремал, но вскоре проснулся весь в поту: мне приснился мертвый бродяга. Отчаявшись уснуть, я стал размышлять о предстоящей встрече с братьями. Надо было поговорить с ними достаточно жестко, но при этом обойтись без прямых угроз. В конце концов меня сморил сон, оказавшийся совсем недолгим, ибо в шесть часов утра слуга разбудил меня стуком в дверь.

Он принес на серебряном подносе два письма, которые были доставлены гонцом, прибывшим в город вместе с судьями. Оба конверта были скреплены печатью леди Елизаветы. Первое письмо, от Пэрри, оказалось совсем коротким.

Благодарю Вас за письмо и надеюсь, что Вам удалось продвинуться в проводимом Вами расследовании. Уверен, Вы держите в тайне обстоятельства, не подлежащие разглашению. Прошу Вас, сообщите мне о нынешнем положении дел. Леди Елизавета пребывает в тревоге, несмотря на все мои заверения в том, что новые факты вряд ли будут обнаружены и решение суда в любом случае окажется справедливым.

Ваш преданный друг,

Томас Пэрри

Второе письмо, от леди Елизаветы, было выдержано в более резком тоне.

Я получила Ваше письмо, из которого не узнала почти ничего нового. Настоятельно прошу Вас ответить мне без промедления и сообщить, каких именно результатов Вам удалось достичь, расследуя дело моего родственника. Время на исходе, и день суда близок. Вряд ли стоит напоминать, что я снабдила Вас просьбой о помиловании, которой

следует дать ход в случае, если этот человек будет признан виновным, вне зависимости от того, каково Ваше собственное мнение на сей счет.

Внизу красовалась крупная, замысловато выведенная подпись: Елизавета.

У меня перехватило дыхание. Леди Елизавета не только выражала неудовольствие тем, что расследование не принесло быстрых результатов. Она настаивала, что в случае обвинительного приговора я должен непременно подать просьбу о помиловании, даже если мне самому судебный вердикт и представляется вполне справедливым. Следует ли мне сообщить об этом Пэрри? Но если леди Елизавета приняла решение, он не в состоянии отменить ее приказ. Возможно, Пэрри и миссис Бланш пытались переубедить свою госпожу, но безуспешно. Мне не хотелось отвечать на письма до тех пор, пока мы не допросим слесаря и не подкараулим близнецов. Завтра, возможно, я смог бы сообщить, что расследование наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Однако леди Елизавета требовала ответить «без промедления». Поразмыслив, я написал два совершенно одинаковых письма, адресованные ей и Пэрри; в них я перечислил все наши скромные достижения и заверил, что завтра непременно напишу вновь. Запечатав письма, я отнес их вниз и вручил хозяину постоянного двора, присовокупив к ним несколько монет — плату за то, что послания мои будут отправлены самой быстрой почтой, которая, согласно заверениям трактирщика, доставит их в Хатфилд уже завтра.

Тем не менее к завтраку я вышел в самом тревожном расположении духа. К моему удивлению, Тоби Локвуда еще не было. Николас сидел за столом в одиночестве и, слегка нахмурившись, читал какое-то письмо.

— От кого это? — спросил я. — Бьюсь об заклад, от Беатрис Кензи.

Николас молча кивнул.

— Я тоже получил сегодня письмо, от леди Елизаветы. Она сердится, что расследование продвигается слишком медленно.

— Послушал бы я, как она заговорила бы, приехав сюда и пошатавшись по улицам этого мерзкого городишки, — пробурчал Николас.

Я с изумлением взглянул на него; подобные непочтительные замечания были отнюдь не в характере моего помощника.

— Плохие новости от Беатрис? — осторожно осведомился я.

Он бросил письмо на стол.

— Она пишет о чем угодно — о погоде в Лондоне, о новых мерах безопасности, принятых столичными властями, о том, как пьяный нищий на улице обратился к ней с дерзкими словами, которых леди отнюдь не подобает слышать. Что же касается меня... — Ник криво усмехнулся, — то Беатрис выражает надежду, что, выполняя поручение леди Елизаветы, я сумею обрести важные связи в высшем обществе Норфолка.

Я невольно прыснул со смеху:

— Что ж, в ответном письме расскажи ей о своих новых блистательных знакомствах — о братьях Болейн, Грязнуле Скамблере и тех парнях, что огрели тебя по затылку в таверне.

— Боюсь, подобные шутки отнюдь не покажутся Беатрис забавными, — покачал головой Николас. — Но больше всего меня опечалило другое. Она сообщает, что познакомилась в церкви с каким-то молодым барристером и он стал за ней настойчиво ухаживать. Так что у меня появился соперник: Беатрис говорит об этом без обиняков.

— А имя своего нового ухажера она упоминает?

— Нет. Но можно не сомневаться: этот пройдоха обладает деньгами и нужными связями, — вздохнул Овертон.

— Она просто играет с тобой, Ник, — заметил я. — При первом же знакомстве Беатрис произвела на меня впечатление особы, весьма искусственной в женских хитростях и уловках. К тому же у нее есть опытная наставница — ее матушка.

— Вы совсем не знаете Беатрис, — нахмурившись, возразил Николас. — Она совершенно не похожа на свою мамашу. Если бы вы не были так циничны, когда речь идет о женщинах, то...

— ...то уже давным-давно женился бы, — перебил я. — Только не на такой легкомысленной кокетке, каковой мне представляется твоя Беатрис.

Произнеся эти слова, я моментально пожалел о них. Увы, в то утро я был слишком раздражен, чтобы проявлять деликатность.

— Вы совсем не знаете Беатрис, — упрямо повторил Николас. — Мать плохо влияет на нее, это верно. Но сама Беатрис добрая и

искренняя девушка.

К моему великому облегчению, этот неловкий разговор был прерван появлением Тоби. Он выглядел усталым, сквозь загар пробивалась бледность. Нынешним утром гребень явно не коснулся его бороды и волос.

— Простите, что опоздал, — извинился Локвуд. — Матери вновь стало хуже.

— Мне очень жаль, — кивнул я. — Полагаю, сегодняшним вечером вы можете вернуться домой. С братьями Болейн мы вполне справимся и без вас — с нами, надеюсь, будет Барак.

— Матушке я все равно ничем помочь не могу, — вздохнул Тоби. — Да и на ферме у меня нет сейчас других дел, кроме как косить чертополох да наблюдать, как сохнут на жаре посевы. День у нас сегодня ожидается тяжелый. Давайте захватим слесаря в его логове, прежде чем солнце поднимется слишком высоко.

Мы направились в заведение Снокстоуба, расположенное неподалеку от нашего постоянного двора. Я надеялся, что при виде официального вызова в суд у слесаря развяжется язык. Мастерская была открыта, но за прилавком стоял только юный Уолтер, встретивший нас испуганным взглядом.

Я протянул ему повестку и строго спросил:

— Где мастер Снокстоуб?

— Его нет, — развел руками парнишка. — Ума не приложу, куда он подевался. В девять часов заказчик должен прийти за готовыми ключами, а я не знаю, где они. — Он бросил отчаянный взгляд на ряды висевших на стене ключей, каждый из которых был снабжен биркой. — Мастер не записал их в книгу.

— И часто твой хозяин позволяет себе опаздывать? — процедил я.

Подросток, поколебавшись несколько мгновений, пробормотал:

— Только прошу, не говорите ему, что я разболтал вам об этом. Но с тех пор как в прошлом году от мастера Снокстоуба ушла жена, он вечерами таскается по тавернам и напивается в стельку. А утром никак не может проспать и вечно опаздывает. Правда, если у него назначена встреча, он всегда приходит вовремя.

— Мы вернемся примерно через час, — пообещал я. — Скажи своему хозяину, что у нас есть официальная бумага, повелевающая ему

явиться в суд. И если он что-либо знает о ключах от конюшни Болейна, пусть лучше оставит любые запирательства.

— Да, сэра, — уныло промямлил Уолтер.

Мы двинулись к дверям.

— Господи Иисусе, и почему на нашем пути вечно возникают какие-то препоны и помехи? — посетовал я, оказавшись на улице.

— Значит, мы не заслуживаем благосклонности судьбы, — ледяным тоном изрек Николас; он все еще дулся на меня за нелестный отзыв о Беатрис.

— В нашем распоряжении целый час. Может, пойдем посмотрим, как откроется первое заседание выездного суда? Оно начнется совсем скоро.

По улицам, залитым яркими лучами утреннего солнца, мы направились в сторону замка.

Ширхолл, грандиозное здание, увенчанное готическими башнями, располагалось к северо-востоку от замка; оно тоже было сложено из белого камня. У дверей, оживленно беседуя, стояло несколько человек, судя по виду джентльменов. Я заметил сэра Ричарда Саутвелла, обсуждавшего что-то с двумя собеседниками. На лице его, по обыкновению, застыло выражение презрительной надменности. Увидев меня, он слегка кивнул, не сопроводив свой кивок даже подобием улыбки. Значит, он помнил нашу короткую встречу у собора Святого Павла; впрочем, судя по всему, он относился к числу людей, которые никогда ничего не забывают. На память мне пришли слова Тоби о том, что близнецы и подобные им молодые шалопаи время от времени выполняют для Саутвелла всякого рода грязную работу.

Войдя внутрь, мы миновали просторный вестибюль и оказались в зале суда, громадном, с невероятно высокими сводчатыми потолками. На помосте стоял покрытый тяжелой зеленой скатертью стол, за которым предстояло воссесть судьям. Взгляд мой упал на скамью подсудимых, находившуюся слева; к ней вело несколько деревянных ступенек. Чиновники, облаченные в черные мантии, уже заняли свои места на скамьях перед судейским столом; они сосредоточенно просматривали какие-то документы. Солдаты в королевских мундирах застыли в карауле у дверей и вдоль стен. Множество зрителей, судя по дорогой одежде — представителей местного дворянства, занимали свои

места; некоторые еще стояли поодаль, продолжая беседовать. От одной из групп отделилась долговязая фигура и направилась к нам.

— Приветствую вас, сержант Шардлейк. Пришли посмотреть на открытие выездной сессии?

— Мое почтение, сержант Фловердью, да ниспошлет вам Господь доброго утра. Да, мы решили, что взглянуть на это будет любопытно.

Сегодня Фловердью, похоже, пребывал в лучшем расположении духа, чем накануне.

— Думаю, в начале церемонии олдермены и городские чиновники получают хороший нагоняй за то, что скверно выполняют новые законы и постановления. Кстати, как продвигается расследование дела Болейна?

— Открылись некоторые любопытные обстоятельства, — осторожно ответил я.

Прищурившись, Фловердью вперил в меня пристальный взгляд:

— Вы хотите сказать, что располагаете новыми фактами, свидетельствующими в пользу Болейна?

— Я всего лишь хочу сказать, что всякий человек вправе уповать на справедливость закона, — отрезал я.

— С этим трудно поспорить.

Пристав, войдя в зал, призвал собравшихся к тишине. Зрители поспешно заняли места на скамьях. Судьи Рейнберд и Катчет прошествовали к своему столу. Толстошее лицо Рейнберда сияло от сознания собственной важности; Катчет, по обыкновению, выглядел угрюмым и мрачным. Они опустили в кресла. Рейнберд, главный судья, кивнул Катчету, и тот, громко хлопнув костлявыми ладонями, провозгласил:

— Именем нашего повелителя, короля Эдуарда Шестого, объявляю Нориджскую выездную судебную сессию открытой. Нам предстоит рассмотреть множество дел. Однако прежде всего я вынужден заявить, от имени короля и лорда-протектора, что последние законы и постановления не выполняются в Норидже надлежащим образом и это повергает нас в гнев и скорбь. Введение налога на овец происходит слишком медленно и не в полной мере. Самозванцы, объявляющие себя пророками, продолжают беспрепятственно проповедовать в людных местах; безбожные памфлеты, призывающие к бунту, разбрасываются на улицах и вывешиваются на дверях домов. — Катчет звучно ударил кулаком по столу. — Судьи и констебли отнюдь не предпринимают

должных усилий, дабы отыскать виновных и подвергнуть их наказанию. Хочу напомнить вам, джентльмены, слова мастера Кальвина, коего столь высоко ценит наш король, о том, что простолудинов следует держать в узде. Предметом особой тревоги нашего монарха и лорда-протектора являются попытки противодействовать закону и порядку, каковые наблюдаются в последнее время в южных и западных частях нашей страны. Распространение подобной смуты необходимо прекратить. Малейшие зачатки мятежных настроений следует вырывать с корнем и безжалостно уничтожать. Ныне лорд-протектор озабочен созданием особой комиссии, целью которой является предотвращение незаконного огораживания пастбищ. В самом скором времени комиссия эта отправится в путешествие по стране и положит конец всем творимым ныне злоупотреблениям. Довольно потакать бунтовщикам и нарушителям закона! Джентльмены, призываю вас неукоснительно исполнять свои обязанности. Заверяю вас, что в ходе данной сессии мы будем радеть о торжестве справедливости, сколь бы сурова она ни была. Сегодня мы приступаем к рассмотрению дел, в том числе и уголовных. Преступники, признанные виновными, будут подвергнуты публичной казни через повешение на рыночной площади в ближайшую субботу. Палач получил распоряжение не затягивать петли слишком туго, дабы зрелище предсмертных судорог казненных послужило хорошим уроком жителям города. Никому не будет позволено приблизиться к преступникам и прекратить их мучения, повиснув у них на ногах и сломав им шею.

— А когда приедет эта ваша комиссия? — раздался недовольный голос из задних рядов. — Пока что о ней ни слуху ни духу.

Катчет побагровел. С искажившимся от ярости лицом указал на кричавшего, молодого человека в поношенном дублете:

— Арестовать его немедленно! Он оскорбил суд!

Солдаты бросились к нарушителю спокойствия, схватили его и вывели прочь.

— За оскорбление суда тебе придется поплатиться! — орал ему вслед Катчет. — Верь моему слову, тебе отрубят уши!

Столь незначительное нарушение порядка никак не могло повлечь за собой столь тяжкое наказание; тем не менее зрители беспокойно заерзали на своих местах.

Катчет опустился в кресло, слово взял Рейнберд:

— Надеюсь, джентльмены, призыв моего коллеги, ученого-судьи, дошел до ваших сердец. — Пухлые его пальцы перебирали лежавшие на столе бумаги. — А теперь мы приступаем к рассмотрению первого гражданского дела. Итак, слушается дело о завещании покойного Джеральда Карберри...

— Дела о спорных завещаниях меня ничуть не интересуют, — повернулся я к Николасу. — Думаю, нам пора.

И, поклонившись суду, мы вышли вон.

— Надо же, палач получил распоряжение не затягивать петли слишком туго, — бормотал Николас на обратном пути в мастерскую Снокстоуба. — Бедолагам придется долго дрыгать ногами в воздухе, и никто не посмеет положить их мучениям конец.

— Считается, что всем прочим жителям города это послужит назидательным примером, — вздохнул я.

— Не случайно судьи носят мантии красного цвета, — негромко проронил Тоби. — Красный — цвет крови.

Мы дошли до середины рыночной площади. Неподалеку от ратуши уже соорудили виселицу, поблизости плотники возводили еще одну. Они рыли в земле углубления, рядом лежали свежевыструганные столбы разной длины. Приготовления к публичной казни нескольких осужденных шли полным ходом. Поодаль стояла небольшая горстка бедно одетых людей, наблюдавших за работой плотников. Проходя мимо, мы уловили обрывки их разговора:

— Он плавал лицом вниз прямо под Епископским мостом. Лодочник, который его выловил, говорит, что бедняга запутался в водорослях...

— Наверное, свалился с моста, горемыка. Господи Иисусе, до чего же паршивая смерть...

— Каждый вечер он был пьян как сапожник. Не представляю, как он только управлялся в своей мастерской...

— Ну, слесарем-то, положим, он был отличным...

Услышав это, я замер точно громом пораженный.

— Какой-то слесарь утонул? — спросил я, вновь обретя дар речи.

Говорившие удивленно посмотрели на меня.

— Да, мастер. А вам какое до этого дело?

— Как его звали?

— Маркус Снокстоуб. Этим утром его мертвое тело выловили из реки Уэнсум.

— Идем туда, — повернулся я к своему помощнику. — Немедленно!

На мгновение у меня закружилась голова, так что я вынужден был опереться на руку Николаса. Столь важный для нас свидетель, единственный человек, способный внести ясность в вопрос о ключах, был найден мертвым; официальный вызов в суд, который нам удалось раздобыть с таким трудом, оказался совершенно бесполезным.

— Епископский мост довольно далеко отсюда, — сообщил Тоби, с сомнением глядя на меня.

— Идем туда немедленно, — повторил я и, выпустив руку Николаса, зашагал вперед.

Мы вернулись на площадь Тумлэнд, вновь прошли по Холм-стрит, мимо Большого госпиталя, у ворот которого сидело множество нищих, и направились в сторону таверны «Голубой кабан». Миновав высокие ворота, мы вышли на каменный мост через реку Уэнсум. На противоположном берегу возвышался Маусхолдский холм. У парапета стояло несколько зевак, с любопытством наблюдавших за происходящим. Мы присоединились к ним. Двое дюжих констеблей с трудом тащили из воды труп, чьи ноги обвивали водоросли. Коронер, которого мы видели в ратуше, стоя на берегу, отдавал им распоряжения. Стоило мне бросить взгляд на утопленника, как я сразу узнал тощую фигуру Снокстоуба; лицо его, прежде багровое, теперь было синюшно-бледным.

— Как нам спуститься вниз? — повернулся я к Тоби.

Он указал на земляные ступеньки, ведущие к небольшому квадратному углублению на берегу.

— Что это? — спросил Николас.

— Лоллардова яма, — пояснил Тоби. — Прежде тут казнили еретиков. По приказу Мора здесь сожгли Томаса Билни.

Мы осторожно спустились по ступенькам и обогнули зловещую яму.

Тело лежало на берегу, коронер и констебли осматривали его.

— Слепому ясно: он напился до чертиков и свалился с моста, — изрек один из констеблей.

— Похоже на то, — кивнул коронер. — Никаких ран и повреждений на теле не видать.

Я с трудом опустился на колени и осмотрел голову утопленника. Эдит Болейн размозжили затылок. Одного из крестьян Вайтерингтона близнецы огрели по голове дубинкой. Откинув длинные волосы Снокстоуба, я внимательно осмотрел его череп. Нет, никаких следов удара.

— Эй, мастер законник! — недовольно окликнул меня коронер. — Чем это вы тут занимаетесь?

Я разогнул колени и поклонился:

— Простите мое самоуправство. Но я немного знал этого человека. Вчера разговаривал с ним — о ключах, которые он делал. Вы не будете столь любезны рассказать нам, что здесь случилось?

Вместо ответа коронер поманил пальцем какого-то мужчину в шерстяной куртке и белой шляпе, стоявшего поодаль; вид у того был до крайности испуганный.

— Это Седжлей, лодочник, который нашел труп. Седжлей, расскажи-ка этим джентльменам, как все произошло.

— Рано утром я плыл на своей лодке вниз по течению, — судорожно сглотнув, пробормотал лодочник. — Неподалеку от моста заметил, что в воде что-то болтается. Подплыл поближе и увидел, что это он, бедняга. Наверняка свалился с моста и запутался ногами в водорослях. В этом году водоросли чертовски густые.

Коронер, немного поразмыслив, повернулся ко мне:

— Судя по всему, джентльмены, это несчастный случай. Утопленник был известен всему городу как горький пьяница.

Я оглянулся на мост, потом окинул взглядом Маусхолдский холм, склоны которого были усеяны точками пасущихся овец; вдали, на самой вершине, возвышалось величественное здание — дворец графа Суррея.

— Но почему Снокстоуб решил отправиться на холм посреди ночи? — произнес я, размышляя вслух. — Там ведь нет никакого жилья, за исключением дворца, разумеется.

Коронер пожал плечами:

— Когда человек пьян в стельку, ему может взбрести в голову все, что угодно.

— Судебный эксперт будет осматривать тело?

— Наверное, раз так положено, — вздохнул коронер. — Небось обнаружит, что легкие у покойника полны воды, и ничего больше. — Он повернулся к констеблю. — Ты пригнал повозку?

— Да, сэр.

— Отвези его в мертвецкую. А ты, лодочник, пойдешь со мной. Надо взять у тебя показания.

Констебли подняли утопленника, от которого исходил запах гниющих водорослей.

— Эй вы, бездельники, расходитесь по домам! — крикнул коронер зевакам на мосту. — Представление окончено!

Глава 23

Мы вернулись на площадь Тумлэнд. Смерть слесаря нанесла нашему расследованию ощутимый удар; ордер, лежавший в моем кармане, оказался бесполезным. Более того, меня терзала мысль, что косвенным образом именно я оказался причиной гибели этого человека. То, что утром я пригрозил вызвать Снокстоуба в суд, а вечером он свалился с моста, трудно было счесть простым совпадением.

— Похоже, это действительно несчастный случай, — заметил Николас. — По голове его никто не бил, крови на теле не видно.

— Возможно, ему нанесли удар кинжалом и кровь просто смыло водой. Но тогда рану непременно обнаружат во время осмотра трупа.

— Не забывайте, у нас еще остался подмастерье, — напомнил Тоби. — Пока он не знает о смерти своего хозяина. Надо попытаться вытянуть из парня все, что ему известно.

Стоило Уолтеру, стоявшему за прилавком, увидеть нас, как лицо его вытянулось.

— Хозяин еще не вернулся, — буркнул он.

— Боюсь, мы принесли тебе дурную весть, Уолтер, — мягко произнес я. — Сегодня утром твой хозяин был найден мертвым. Он утонул в реке Уэнсум. Судя по всему, прошлой ночью свалился с моста в пьяном виде.

У парнишки аж челюсть отвисла. На лице его не отразилось ни малейшей печали (учитывая скверный нрав его хозяина, это меня ничуть не удивило), зато ясно проступил испуг. На память мне пришло, что вчера, пока мы допрашивали Снокстоуба, Уолтер тоже пребывал в величайшем беспокойстве; помню, я заметил, как пальцы мальчишки судорожно цеплялись за прилавок.

— Уолтер, а куда твой хозяин пошел вчера, после нашего с ним разговора?

Парень судорожно сглотнул.

— Не знаю, Богом клянусь. Как только вы ушли, мастер Снокстоуб начал метаться туда-сюда как бешеный. Видно было, что на душе у него кошки скребут. Потом собрался уходить, сказал, вернется через час. Пришел обратно мрачнее тучи, целый день рычал на меня да сидел как

истукан, сложа руки. В пять часов мы, как водится, закрылись. Я отправился в свою комнату наверху, а он к себе домой. Дураку ясно, мастер Снокстоуб был испуган до чертиков. Упокой Господи его душу, — завершил Уолтер свой рассказ.

— Помнишь, вчера мы спрашивали, доводилось ли братьям Болейн, Джеральду и Барнабасу, заходить в вашу мастерскую этой весной. Ты сказал, что никогда их здесь не видел. И твой хозяин утверждал в точности то же самое.

— Помню, сэр. Я не солгал вам, честное слово.

— Солгать не солгал, но кое-что скрыл, верно? — спросил я, буравя подмастерье взглядом.

Уолтер понурил голову и испустил вздох столь тяжкий, что все его тощее тело содрогнулось. Несколько мгновений он молчал — как мне показалось, мысленно читая молитву. Наконец парнишка вскинул голову.

— Сюда приходил... один человек, — выдавил он из себя. — Это было в мае. Он принес ключ и попросил сделать дубликат. Сказал, что его послал мастер Болейн. Хозяин, ясное дело, сразу узнал ключ. На нем ведь стояло его клеймо. Если бы этот человек обратился к другому слесарю, по законам гильдии тот отослал бы его к Снокстоубу.

— И кто же это был? Ты узнал заказчика?

— Никогда прежде я его не видел, — покачал головой Уолтер.

— Скажи хотя бы, как он выглядел! — вступил в разговор Тоби.

— Ну, такой... широкоплечий. Еще не старый. С бородой.

— Прекрасное описание, — усмехнулся я; подойдет доброй половине мужчин в Норидже. — Может, вспомнишь, какой масти у него была борода — светлая, темная, рыжая?

— Темная, мне кажется. А может, и рыжая. Не помню. — Щеки мальчишки залила краска. — Понимаете, сэр, зрение у меня скверное. Вблизи еще ничего, иначе я не смог бы работать. А чуть подальше все расплывается. Богом клянусь, того человека я видел только мельком. Мастер Снокстоуб сразу увел его в заднюю комнату. Но когда они проходили мимо, я слышал, как они говорят о мастере Болейне и о том, что он потерял ключ от конюшни своего любимого жеребца по имени Полдень.

Я утомленно прикрыл глаза. Удача явно не желала поворачиваться к нам лицом. В довершение всех бед еще и свидетель оказался

близоруким. Но по крайней мере, он мог подтвердить, что Снокстоуба посетил некто, заказавший ключи от конюшни. И не исключено, именно это свидетельство окажется на суде решающим. Пристально взглянув на дрожавшего мелкой дрожью Уолтера, я спросил:

— Почему ты так боишься этого человека?

— Не его, сэр, нет. Я боюсь сыновей мастера Болейна. Сэр, вчера мастер Снокстоуб буквально места себя не находил. Его убили, да? Он ведь не сам упал с моста?

— Не знаю, Уолтер, — пожал я плечами. — В четверг тебе придется дать показания в суде. Но мы позаботимся, чтобы до этого времени с тобой ничего не случилось...

— Нет! — возопил Уолтер. — Сначала убили миссис Болейн, потом моего хозяина... Лопни мои глаза, если я пойду в суд!

— У тебя есть в Норидже родные, готовые дать тебе приют?

— Нет у меня никаких родных! Моя семья живет в Сандлингсе. Здесь я один как перст.

— Послушай, Уолтер, — произнес я, стараясь говорить как можно внушительнее. — Сейчас ты вместе с нами пойдешь на постоянный двор при трактире «Девичья голова». Там останешься в моей комнате. Если хочешь, запиру тебя на ключ. А после суда мы отвезем тебя в Сандлингс, к родным.

— Да что вы такое говорите! — выпучив глаза, пробормотал подмастерье. — В «Девичьей голове» оборванцев вроде меня и на порог не пускают. Они дадут мне пинка под зад, только и всего. Нет уж, видно, мне надо поскорее уносить ноги из города.

— Если я попрошу, хозяин трактира позволит тебе остаться. И каким образом ты собираешься уносить ноги из города, скажи на милость? Думаешь, на проселочной дороге ты будешь в безопасности?

Уолтер застонал и закрыл лицо руками:

— Я хочу домой.

— Но если ты придешь в суд и расскажешь правду, то спасешь невинного от петли. Ты же веруешь во Христа, Уолтер? А значит, твой долг — прийти на помощь безвинно осужденному.

Парнишка склонил голову так низко, что пряди сальных волос упали ему на глаза.

— Думаю, самое разумное, что ты можешь сейчас сделать, — это беспрекословно слушаться меня, — продолжал я. — Ступай наверх,

быстренько собери вещи. Мы отвеем тебя в «Девичью голову». Там ты будешь в полной безопасности, Уолтер, в этом можешь не сомневаться. В четверг пойдешь на заседание суда, расскажешь судьям правду, а после мы отвезем тебя домой.

На бледном лице подмастерья застыло выражение полной безнадежности.

— Хватит уже трусить, парень! Иди собирай свои пожитки! — попытался ободрить его Николас.

Уолтер молча кивнул и направился к деревянной лестнице, расположенной в задней части магазина.

— Еще одна заячья душа на наши головы, — недовольно пробормотал Тоби. — Мало нам Скамблера. Прежде в Англии жили крепкие, отважные и честные фермеры. А ныне бывшие крестьяне переселились в города в поисках куска хлеба и превратились в жалких трусов. Неудивительно, что мы терпим в Шотландии поражение за поражением.

— Подчас вы бываете очень суровы, Тоби, — заметил я.

— Я привык говорить правду.

— Пора бы уж мальчишке спуститься, — с тревогой заметил Николас через несколько минут. — Вещей, я полагаю, у него кот наплакал.

— Давайте посмотрим, что он там возится, — предложил Локвуд.

Мы торопливо поднялись по лестнице. Наверху располагалась крошечная каморка, всю обстановку которой составляли шаткая кровать да грубо сколоченный стол, на котором лежало дешевое издание нового молитвенника. Ставни на единственном окне были распахнуты настежь.

— Черт! — взревел Тоби. — Этот паршивец удрал!

Мы бросились к окну. Из него не трудно было перебраться на покатую крышу соседнего дома, а оттуда соскочить во двор. Судя по всему, именно так и поступил Уолтер.

Выбежав на улицу, мы устремились в противоположные стороны. Тоби помчался вдоль по переулку, а мы с Николасом — к площади Тумлэнд, осматривая по пути все улицы и закоулки. Уолтер мог нырнуть в любой из них. Вернувшись в «Девичью голову», Овертон принялся расспрашивать слуг, пытаюсь выяснить, не видел ли кто-

нибудь из них парнишку, бегущего через площадь. Но все расспросы оказались тщетными. Вскоре к нам присоединился Тоби.

— Негодный мальчишка как сквозь землю провалился, — сообщил он. — Искать его бесполезно.

— А Сандлингс, где живет его семья, далеко отсюда?

— В Саффолке, на побережье. Туда ведет множество дорог, а Уолтер, скорее всего, двинется окольными путями. Мы его упустили. Я сразу понял: он не только трус, но и обманщик.

— Парень чертовски запуган, — заметил Николас.

— Что ж, теперь уже ничего не исправишь, — вздохнул я. — Конечно, я могу повторить под присягой все, что слышал от Уолтера. Но показания с чужих слов не имеют в суде большого веса.

— Скамблер может подтвердить, что потерял ключ, — напомнил Тоби.

— Не думаю, что это произведет на суд сильное впечатление. К тому же к его показаниям вряд ли отнесутся серьезно. В Норидже Грязнулю считают придурком, способным нести всякую околесицу.

— Если Снокстоуба действительно убили, то не исключено, что и Скамблер тоже в опасности, — предположил Николас. — Возможно, тот человек, что принес в мастерскую ключ, получил его от близнецов.

— В твоих словах, несомненно, есть резон, Николас, — кивнул я. — Прошу тебя, сходи к Скамблеру домой и скажи, что им с теткой лучше не выходить на улицу до четверга. Будет разумнее, если они попросят своих знакомых по церковному приходу побыть с ними. Скажи еще, что я загляну к ним завтра проверить, все ли в порядке. Тоби, вы можете вернуться к своим родителям. Встретимся в «Голубом кабане» в девять часов вечера.

— Но вы не отказались от своего намерения подстеречь нынешней ночью братьев Болейн?

— Нет. Однако прежде надо хорошенько обдумать, как мы это сделаем. Полагаю, сегодня вечером я загляну к мастеру Рейнольдсу и скажу, что хотел бы побеседовать с его внуками. Вне всякого сомнения, он ответит, что они ушли на петушинные бои, и предложит нам убираться восвояси. Тогда я скажу, что мы попытаемся отыскать их в городе. Это спасет нас от обвинений в незаконном преследовании и угрозах. В случае чего мы заявим, что даже не думали им угрожать, а хотели всего лишь мирно побеседовать. А мечи захватили на всякий

случай, ибо молодые люди — известные забияки, и неизвестно, что взбредет в их шальные головы.

— Если я буду вооружен, это может вызвать подозрения, — угрюмо проронил Тоби. — Я не джентльмен и по закону не имею права носить оружие.

— Имеете, если служите у меня и защищаете своего патрона.

— Значит, вам нужно купить мне меч, — сказал Тоби. — Кстати, вот и оружейная лавка, — заметил он, указывая на небольшой домик, притулившийся между двумя внушительными особняками; в окне были выставлены кинжалы разных форм и размеров. — Здесь покупают оружие все джентльмены, а джентльменов в Норидже хоть отбавляй.

Я слегка нахмурился, однако счел за благо промолчать, понимая, сколь глубоко Тоби уязвлен собственным низким статусом.

Мы с Николасом вошли в лавку. Я объяснил, что хочу приобрести меч для своего слуги, так как обстановка в городе беспокойная. Через несколько минут мы вышли с мечом в ножнах, который висел у меня на поясе. Тоби уже ушел.

— Вам бы тоже стоило обзавестись мечом, — заметил Николас.

— Боюсь, вступив в схватку, я нечаянно снесу голову тебе или Локвуду, — возразил я.

— Невелика потеря, — ухмыльнулся Николас. — Я имею в виду Тоби, конечно. Упертым радикалам вроде него голова ни к чему — они все равно ею не пользуются.

— Судя по всему, на суде лишь два свидетеля дадут показания в пользу Болейна, — вздохнул я, пропустив его выпад мимо ушей. — Я и Изабелла, его жена.

— Может, привлечем еще старого пастуха? Пусть скажет, что одному человеку было бы весьма затруднительно дотащить тело Эдит до берега и воткнуть его головой в ил.

— Вайтерингтон наверняка запретит ему давать показания, которые можно истолковать в пользу Болейна, — возразил я. — Конечно, я могу повторить рассказ пастуха, но, как известно, показания с чужих слов не имеют особого веса. Ладно, пожалуй, мне стоит вернуться на постоянный двор. Ночь я провел почти без сна, и, если не отдохну сейчас, вечером от меня будет мало проку.

— Сэр, боюсь, это проклятое дело доведет вас до полного изнеможения. — Николас с беспокойством поглядел на меня.

— Да, помнишь, мы с тобой надеялись в Норидже слегка развеяться и отдохнуть от однообразных будней? — усмехнулся я. — Однако то, что происходит сейчас, мало походит на увеселительную поездку. Пока мы здесь, в деле появился второй труп. Честно тебе скажу — пожилому горбуну вроде меня затруднительно выдержать все эти пешие переходы и путешествия верхом. Но сдаваться я не собираюсь. Сейчас отдохну немного и пойду в контору коронера. Надо узнать, какие результаты дал осмотр тела Снокстоуба. Если слесарь был убит, это многое меняет. Мы можем даже потребовать, чтобы заседание суда было отложено. Ну а ночью нам предстоит приятная встреча с братьями Болейн.

Вечером по пути в трактир «Голубой кабан» мы с Николасом, как и собирались, заглянули в дом Гэвина Рейнольдса. Дверь, ведущую во внутренний дворик, отворила служанка, которая и не подумала пригласить нас внутрь. Вместо этого олдермен Рейнольдс, опираясь на палку, вышел к нам собственной персоной. Я сообщил, что мы хотели бы поговорить с его внуками, однако нам известно, что нынешним вечером они отправились на петушинные бои.

— Кто вам об этом сказал? — подозрительно прищурился Рейнольдс.

— Разве это тайна? — ответил я вопросом на вопрос.

— А о чем вы намерены беседовать с моими внуками? — процедил старик.

— О том, как они относятся к случившемуся.

Упомянуть про ключ я не собирался.

Губы Рейнольдса искривились в отвратительной ухмылке.

— А как, интересно, мальчики могут относиться к тому, что их отец прикончил их мать? Да будет вам известно, на суде мы намерены свидетельствовать против этого подонка: я, Джеральд и Барнабас. Расскажем, что он отличается вспыльчивым нравом и подвержен приступам ярости. Так вот, мастер Горбун, я не позволю вам допрашивать моих внуков под моей собственной крышей. Если вы сумеете отыскать их в городе, значит вам повезло. Мы договорились, что после петушинных боев они вернутся домой — надо обсудить наши завтрашние показания.

Он злорадно улыбнулся и захлопнул дверь перед моим носом.

— Да уж, дело принимает дерьмовый оборот, — буркнул Николас. — Еще три свидетеля, твердо намеренные утопить Болейна.

— И все же мы побеседуем с близнецами. Тем более что их любящий дедушка, можно сказать, благословил нас поболтать с внучатами. Никто не обвинит нас в том, что мы пытались их запугать.

В тот вечер в таверне «Голубой кабан», расположенной неподалеку от Епископского моста, условились встретиться шесть человек: я, Николас, Тоби, Барак и чета Браун, Эдвард и Джозефина. Мы с Николасом прибыли незадолго до девяти. Днем мой помощник успел навестить Скамблера и его тетку. Весть об убийстве слесаря повергла обоих в ужас; по словам Николаса, можно было не сомневаться, что до четверга они носа на улицу не высунут. Тетка обещала, что непременно попросит кого-нибудь из своих знакомых по церковному приходу пожить с ними. Разумеется, она не сомневалась, что виной всему — ее горемычный племянник, и не преминула обрушить на голову Грязнули град упреков и ругательств.

Войдя, мы сразу увидели Барака, сидевшего в саду за столом, на котором горела свеча. Озабоченно сдвинув брови, он читал какое-то письмо. Собираясь в таверну, мы с Николасом надели серые шерстяные дублеты, дабы не слишком отличаться от прочих посетителей. Оглядевшись по сторонам, я с облегчением убедился, что компания лодочников, напавших на Николаса во время нашего прошлого визита, на сей раз отсутствует. Бросив взгляд на сторожевую башню Епископских ворот, видневшуюся неподалеку, я вспомнил о Снокстоубе, который вошел в эти ворота в последние мгновения своей жизни.

Заметив нас, Барак удивленно вскинул бровь:

— Никогда прежде не видел вас с мечом.

— Я купил его для Тоби Локвуда.

— Снимайте меч поскорее, а то оружие привлекает слишком много внимания. Сразу видно, что вы джентльмен, а их, как вы помните, здесь не жалуют. Мой собственный лежит в комнате.

Мы положили мечи под стол, и Николас отправился принести пива.

— От кого письмо? — спросил я, оставшись наедине с Баракком.

— От Тамазин.

— Она сообщает, как себя чувствует Гай?

— По-прежнему. Ни лучше ни хуже. У него часто случаются приступы лихорадки. Тамазин пишет, что теперь, когда она его навещает, ей приходится брать с собой не только Джорджа, но и маленькую Тильду. Мамаша Маррис заявила, что ей надоело постоянно присматривать за девочкой. Честно говоря, все письмо Тамазин — это сплошной поток жалоб, — с досадой проворчал Барак. — Цены растут, в городе полно вооруженных солдат, по ночам ей одиноко, и она недовольна, что я так долго прохлаждаюсь в провинции. При этом Тамми ничего не имеет против денег, которые я привожу после каждой выездной сессии. Да, еще она выражает надежду, что я воздерживаюсь от выпивки и не вожу компанию со всяким сбродом. Похоже, себя она относит к разряду благородных особ. Забыла, что вышла из таких же низов, что и я сам. Да что там говорить, моя жена даже писать не умеет. Письмо написано рукой Фрэнсиса, помощника Гая.

— Я думаю, женщине, да еще с двумя маленькими детьми, сейчас приходится в Лондоне нелегко.

— Сочувствуете бедняжке Тамазин? — нахмурился Барак. — Тогда прочту вам самый лучший фрагмент ее письма. Вот, слушайте: «Надеюсь, что в Норидже ты занимаешься исключительно выполнением своих обязанностей, связанных с выездной сессией. Мне известно, что сейчас там также находится мастер Шардлейк. Полагаю, ты исполнишь мою просьбу не вступать с ним в какое-либо общение. Если вдруг случайно столкнешься с ним в суде, сделай вид, что не узнал его». Вот ведь чертова перечница, — вздохнул Барак и отхлебнул пива из своей кружки.

Я пристально взглянул на Джека. Его семейная жизнь с Тамазин отнюдь не была безоблачной и гладкой; супругам непросто поладить, когда оба обладают сильным характером. Я знал, что Барак частенько пытается найти забвение от семейных распрей на дне кружки с пивом.

— Мне известно, как скверно Тамазин ко мне относится, — печально проронил я. — С этим уже ничего не поделаешь.

— Признаюсь откровенно, меня больше выводит из себя то, как скверно она относится ко мне, — угрюмо изрек Джек. — Куда это Ник запропастился? Мне нужно пропустить еще кружечку пива.

— Только прошу, не напивайся в стельку, — сказал я. — Сегодня нам предстоит важная встреча с близнецами. Мы обсудим наши планы

после того, как Брауны уйдут.

Тут вернулся Николас с подносом, на котором стояло шесть глиняных кружек с пивом. Вскоре к нам присоединился Тоби. Поздоровавшись с ним, Барак спросил с улыбкой:

— Ну как поживаете, сторонник всеобщего благоденствия?

— Неплохо.

— Мастер Шардлейк купил вам меч. Он под столом.

— Отлично, — кивнул Локвуд.

— А вы умеете обращаться с оружием? — осведомился Николас.

— Умею. У нас в приходской церкви хранится несколько десятков мечей, на случай если придется создавать вооруженный отряд. Когда я был мальчишкой, мы с приятелями частенько пролезали в кладовую, где они лежали, брали оружие и сражались. И у меня получалось неплохо.

— Очень надеюсь, что сегодня ночью вам не придется блеснуть своим мастерством, — вздохнул я.

— Посмотрим, — пожал плечами Тоби. — Кстати, мастер Шардлейк, у меня есть две новости. Как водится, одна хорошая, а другая плохая.

Я вопросительно вскинул бровь.

— Сегодня днем, по дороге домой, я заглянул к одному старому приятелю, — продолжал Тоби. — У него много знакомых ткачей. И ему удалось отыскать следы Грейс Боун и ее родных.

— Новость и правда отличная! — воскликнул Николас.

— Грейс жила в северной части города, вместе с братом и сестрой. Брата ее зовут Питер Боун, он работает ткачом, сейчас переживает тяжелые времена и с трудом сводит концы с концами. Сестры помогали ему, прядли шерсть. Плохая новость состоит в том, что нынешней весной они обе умерли — и Грейс, и ее сестра Мерси. От легочной лихорадки. Как и многие, не вынесли голода, суровой зимы и холодной весны. Переболели все трое, но брату удалось выжить.

— Что ж, по крайней мере, теперь мы точно знаем: в отличие от Эдит, Грейс не была убита, — заметил я.

— А о Снокстоубе новости есть? — спросил Тоби. — Осмотр тела уже проводили?

— Нет, официальная процедура назначена на завтрашнее утро. Я не хочу слишком торопить коронера. Он сказал, что, когда утопленника

раздели, никаких ран на теле не обнаружилось.

— Снокстоуб утонул? — удивился Барак.

Я рассказал ему все, что нам было известно о печальной участи, постигшей слесаря.

— Кто-то напоил его почти до беспамятства, вывел прогуляться и столкнул с моста, — поразмыслив немного, предположил Джек.

— Вполне вероятно, так оно и было. Но какие-либо доказательства отсутствуют. — Я повернулся к Тоби. — Вы сможете завтра отвести меня к брату Грейс Боун?

— Разумеется.

— У меня тоже есть новость, хотя, боюсь, не слишком хорошая, — сообщил Барак. — Выяснилось, что еще три свидетеля намерены дать на суде показания против Болейна.

— Да, нам об этом уже известно, — кивнул я. — Олдермен Гэвин Рейнольдс и его внуки Джеральд и Барнабас. Все трое заявят под присягой, что Джон Болейн обладал вспыльчивым нравом и был склонен к вспышкам ярости.

— Возможно, Рейнольдс припомнит, что дочь жаловалась на мужа, силой принуждавшего ее к выполнению супружеских обязанностей, — заметил Николас. — Это, конечно, не является преступлением, однако тоже льет воду на мельницу обвинения.

Повернув голову, я увидел, что к нам приближаются Эдвард и Джозефина. Они шли через лужайку, держась за руки. Какой-то мужчина, сидевший за столом, помахал Эдварду, тот подошел и пожал ему руку. Когда супруги приблизились к нам, я заметил, что оба слегка смущаются, в особенности Джозефина; по всей видимости, им не часто доводилось бывать в тавернах. Я познакомил Браунов с Тоби, и они уселись за стол.

— Как поживает маленькая Мышка? — спросил я.

— Последние два дня немного капризничает, — с усталой улыбкой ответила Джозефина. — Одна из наших соседок согласилась присмотреть за ней.

На память мне пришли слова Джозефины о том, что большинство детей у них во дворе не доживают до двух лет. У меня никогда не было сомнений, что моя бывшая служанка станет превосходной матерью. Можно было только пожалеть, что постоянный страх за жизнь ребенка отравляет ей радость материнства.

— Рад видеть вас обоих, — улыбнулся я.

— Взаимно, — откликнулся Эдвард. — Вы с мастером Николасом были у нас на свадьбе, вы позволили Джозефине уехать со мной в Норидж. — Сегодня он держался куда дружелюбнее и приветливее, чем в прошлый раз. — Вы тоже служите у мастера Шардлейка? — обратился он к Тоби.

— В настоящий момент — да. Вообще-то, я живу в Норидже.

— Тоби — непревзойденный мастер по части розыска нужных людей, — сообщил я. — Именно благодаря ему я сумел встретиться с вами.

— Он отыскал даже родственников Грейс Боун, — напомнил Николас.

— Подобные поиски — весьма увлекательное занятие, — признался Локвуд.

Я пристально поглядел на него, слегка задетый его легкомысленным тоном.

«По всей видимости, наше расследование для этого молодого человека — не более чем развлечение, позволяющее забыть о скучных буднях», — пришло мне на ум.

— Вы говорите о Питере Боуне и его сестрах? — уточнила Джозефина. — Мы были с ними знакомы, когда жили на Пит-стрит.

— Вот как? — удивился я.

— Мир нориджских ткачей достаточно тесен, — пожала плечами Джозефина. — Время от времени я пряла шерсть для Питера Боуна. Его сестер знала вся округа. Их звали Грейс и Мерси.

— Да уж, девицы хоть куда! — усмехнулся Эдвард. — Пара развеселых пышечек, любительниц сальных шуток и острых словечек. Помню, красавицы вечно хохотали так, что стены тряслись. Волосы у обеих были черные как смоль, а языки работали без умолку. Может, поэтому ни одна из них не вышла замуж. После того как мы переехали в свою нынешнюю халупу, мы их больше не видели.

— Увы, нынешней весной они обе умерли от легочной лихорадки, — сообщил я.

— Печальная новость, — вздохнула Джозефина. — Упокой Господь их души.

— Да, минувшей зимой и весной умерло немало бедняков, — заметил Тоби. — Пока купцы и землевладельцы грелись в своих

добротных домах у жарких очагов, горемыки, не имевшие ни вязанки хвороста, ни куска хлеба, дохли как мухи. Надеюсь, члены комиссии Хейлза и друзья лорда-протектора, сторонники государства общего блага, сделают жизнь в нашей стране более справедливой.

— Уж эти мне сторонники общего блага, — буркнул Эдвард Браун. — Они много болтают о справедливости и благоденствии, но беднякам вроде нас от подобных разговоров мало толку. Нет, эти игры пригодны только для джентльменов. А протектора если что и заботит, так только война в Шотландии.

Повисла неловкая тишина.

— Я слышал в суде, что леди Мария отказалась использовать новую «Книгу общих молитв», — нарушил молчание Барак. — В ее домовой церкви, в Кеннингхолле, службы по-прежнему проводятся на латыни. Там полно статуй, икон, а во время мессы курят ладан. Похоже, старшая дочь Генриха ищет проблем на свою голову.

— Не думаю, что ей стоит опасаться серьезных неприятностей, — возразил я. — Как-никак леди Мария — наследница престола. Протектор изо всех сил пытается заручиться ее дружеским расположением. А ее кузен — император Священной Римской империи, с которым Сомерсет вынужден поддерживать хорошие отношения. Особенно сейчас, когда Франция стала союзницей Шотландии.

— В этой проклятой войне нет ни малейшего смысла, — проворчал Барак. — Кажется, это понимают все, кроме протектора.

— Нет, мы должны навсегда избавиться от угрозы, которую представляет собой Шотландия, — возразил Николас. — Иначе Франция будет использовать шотландцев во всех будущих войнах против нас. Ох, если бы только две страны, Англия и Шотландия, смогли наконец соединиться под крылом одной религии. Я слышал, протектор отправил в Бервик шотландского проповедника по имени Джон Нокс, чтобы тот просвещал своих соотечественников.

— С каких это пор тебя стали занимать вопросы религии? — раздраженно вскинул голову Барак. — Как бы то ни было, войну Англия проиграла. Шотландцы вышибли нас из всех фортов, построенных протектором.

Я заметил, что он уже успел осушить свою кружку.

— Пойду прогуляюсь до нужника, — сказал я, поднимаясь. — И заодно принесу всем еще пива. Кроме тебя, — добавил я,

многозначительно взглянув на Барака.

— Хотите, я пойду вместе с вами? — предложил Николас. — Помните, что случилось со мной в прошлый раз, когда мне приспичило в нужник?

— Сиди. Сегодня я без мантии, так что опасаться нечего.

С подносом в руках я прошел между столами, на которых мерцали свечи. Скромный шерстяной дублет не обращал на себя внимания, в отличие от моей горбатой спины, которая привлекла несколько любопытных взглядов. Сегодня, в теплый ясный вечер, столов в саду стояло множество, так что я не сразу нашел нужное мне дощатое сооружение, у дверей которого горел фонарь. Тем не менее мой визит туда прошел без всяких происшествий. Выйдя из нужника, я направился в таверну за пивом, однако в темноте немного заплутал; огромный дуб, который, как мне казалось, возвышался рядом с нашим столом, оказался совсем в другом месте. Растерянно озираясь, я пытался понять, в какую сторону двигаться. Неожиданно до меня долетел знакомый голос. То был Эдвард Браун, говоривший с пылом и страстью:

— Сейчас, когда одна часть армии находится в Шотландии, а другая — в западных графствах, правительство осталось практически без войска.

Я подался назад, скрывшись за деревом. Эдвард сидел за ближайшим ко мне столом, в обществе человека, с которым он поздоровался, прибыв сюда. С ними был и третий, в котором я, к величайшему своему изумлению, узнал Майкла Воувелла, бывшего управляющего Гэвина Рейнольдса. Того самого, кто подсказал нам, где лучше подстеречь близнецов. Все трое, сблизив головы, что-то оживленно обсуждали.

— Я только что вернулся из Эттлборо, Майлс, — различил я голос Воувелла. — В двадцатых числах они намерены поднять восстание и разрушить все изгороди в поместье Джона Грина.

— Они чересчур спешат, — ответил тот, кого я не знал.

То был мужчина лет сорока, высокий, хорошо сложенный. Светлые волосы и борода аккуратно подстрижены, взгляд светился умом и решимостью.

— Жители Эттлборо охвачены негодованием, — ответил Воувелл. — Мы не можем заставить их действовать по своей указке.

Все, что нам остается, — попытаться согласовать сроки.

В это мгновение трактирная служанка подошла к ним, чтобы протереть стол. Все трое сразу смолкли. Я потихоньку оставил свое укрытие и направился в таверну. Ожидая, пока мне нальют пива, я размышлял над тем, что услышал благодаря случайности. Возможно, человек по имени Майлс был одним из мятежников, которые, путешествуя по стране, подстрекали людей к восстанию. Впрочем, подобные разговоры велись сейчас повсюду. Так или иначе, я счел за благо пока что промолчать, а потом, при случае, обсудить этот вопрос с Баракком.

Когда я вернулся к столу, предметом общего разговора была новая «Книга общих молитв». Все были согласны с тем, что читать в церкви молитвы по-английски отнюдь не плохо; что касается религиозных тонкостей, собеседники, не искушенные в богословских спорах, предпочитали в них не вникать. Стул Эдварда пустовал.

— А где твой муж? — обратился я к Джозефине.

— Сказал, отойдет ненадолго, перемолвится парой слов с другом. Когда у него есть возможность, он любит поговорить с приятелями. — Лицо ее внезапно погрузнело. — И все их разговоры — о том, как в Англии притесняют бедняков. Знаете, для Эдварда стало тяжким ударом, когда дети мастера Хеннинга выставили нас на улицу. С тех пор его словно подменили. Люди бывают так жестоки, — вздохнула она. — Но вам это хорошо известно, сэръ, вы же знали моего приемного отца.

— Да уж, — печально кивнул я.

— Простите, что вчера Эдвард был так груб с вами. Вы, наверное, сами понимаете: он винит себя за то, что не может обеспечить своей семье достойную жизнь. Но он очень добрый и заботится обо мне и Мышке.

— Я в этом не сомневаюсь.

Имя Мышки напомнило мне о Маусхолдском холме, и я повернулся в сторону темной громады, возвышавшейся за рекой. Холм тонул в сумраке, лишь на самой вершине горел огонек, — по всей видимости, в бывшем дворце графа Суррея оставался кто-то из слуг.

— Я все думаю, может, стоит уговорить Эдварда вернуться в Лондон, — продолжала Джозефина. — Там мы сможем устроиться служить в какой-нибудь богатый дом, как и прежде. И если бы вы согласились помочь нам...

— Разумеется, если вы с мужем вернетесь в Лондон, я постараюсь вам помочь...

Тут вернулся Эдвард, глаза его возбужденно поблескивали.

— О, пиво! — воскликнул он, взглянув на стол. — Позвольте мне произнести тост. За мастера Шардлейка! За встречу старых друзей!

Мы покинули таверну «Голубой кабан» в девять часов, сказав, что на сегодняшний вечер у нас назначена еще одна встреча. Эдвард и Джозефина немного проводили нас, а потом свернули в южную часть города. Вернувшись в «Девичью голову», я сразу поднялся в свою комнату и попросил слугу принести лампу. Хозяин трактира, мастер Теобальд, бросил на нас удивленный взгляд, — вне всякого сомнения, любопытство его возбудили и наши мечи, и простота наших костюмов.

Тоби, по обыкновению педантичный, расстелил на столе план северной части Нориджа:

— Петушиные бои проходят вот здесь, на улице Святого Мартина. Это к северу от реки. Для того чтобы вернуться в дом своего деда, близнецы должны миновать Колгейтские ворота и пересечь мост Черных Монахов. Там по ночам не бывает ни души, хотя у моста стоит в карауле стражник. К северу от моста — бедный квартал со множеством темных дворов. Полагаю, нам стоит притаиться в одном из них, дожждаться наших молодчиков, пойти за ними вслед и завязать разговор. Надеюсь, смекнув, что мы превосходим их силой, они не станут затевать драку. И вы, мастер Шардлейк, сможете спросить у близнецов все, что считаете нужным.

— А вдруг с ними будет куча приятелей? — спросил Николас.

— Судя по тому, что я слышал о нравах молодых шалопаев, с которыми братья Болейн водят компанию, в этом случае нам придется уносить ноги. Но сегодня Джеральд и Барнабас уйдут с петушинных боев рано, приятели вряд ли за ними увяжутся.

— Невольно вспоминаются старые добрые времена, когда я служил мастеру Кромвелю, — усмехнулся Барак, поигрывая мечом.

— Смотри не слишком увлекайся! — предостерег я. — На этот раз мы намерены исключительно защищаться и перейдем в наступление, только если у нас не останется иного выбора.

Глава 24

Мы перешли мост Черных Монахов, за которым находился квартал, именуемый Кослани или Косни, как называл его Тоби. Дома здесь были бедные и невзрачные, воздух насквозь пропитан гнилостным запахом, который, как объяснил нам Локвуд, долетал из расположенных неподалеку многочисленных кожевенных мастерских. Было еще совсем светло, длинный летний день только-только начал клониться к закату. По пути нас остановил проходивший по улицам дозорный отряд; люди, вооруженные мечами, естественно, вызвали у констеблей подозрение. Мне пришлось сказать, что я адвокат и иду к умирающему клиенту. Так как в городе по ночам беспокойно, а отложить визит до утра не представляется возможным, я взял с собой трех вооруженных слуг. Адвокатская мантия, которую я предусмотрительно надел, вернувшись из «Голубого кабана», подтверждала истинность моих слов, и нас не стали задерживать. Барак вышагивал рядом со мной с бодрым и самоуверенным видом, но я сильно сомневался, что левой рукой он сумеет владеть мечом с прежней ловкостью.

Тоби свернул на улицу, которая, по его словам, называлась Оук-стрит. Почти все здешние дома, ветхие и обшарпанные, имели пустынные, темные внутренние дворы. Вслед за Тоби мы вошли в арку, миновали узкий проулок и оказались в одном из таких дворов, который наш провожатый приглядел заранее. В нос нам ударил резкий запах мочи. Локвуд зажег фонарь, стоявший у бочки с водой; спина моя опять принялась ныть, и я примостился на крышке бочки.

Время от времени на улице появлялись прохожие, однако близнецов среди них не было. Но вот раздались шаги, производимые двумя парами ног, и громкие голоса, столь хорошо нам знакомые:

— А тот здоровенный петух со шпорами задал жару своему сопернику!

— Да уж, отделал его как надо! Никогда прежде не видел, чтобы из птицы хлестало столько крови!

Смех, которым сопровождалась эта слова, гулко разнесся по пустынной улице. Вскоре мы увидели две крепкие фигуры; братья

Болейн шли плечом к плечу, на поясе у обоих висели мечи. Как только они поравнялись с аркой, мы бесшумно вышли из своего укрытия.

Близнецы, впрочем, обладали поистине звериным слухом. Они моментально обернулись, сжимая рукояти мечей.

— Глянь-ка, Барни, какая встреча! — расхохотался Джеральд. — Снова горбун и его прихвостни! Похоже, они присосались к нам как пиявки. О, да они привели себе на подмогу еще одного калеку!

Оба одновременно выдернули мечи из ножен. Согнутая в три погибели старуха, тащившая на спине вязанку хвороста, поспешно перешла на другую сторону улицы. Тоби и Николас сжали рукояти мечей, однако не спешили их вытаскивать.

— Что ты к нам привязался, горбун? — процедил Барнабас. — И откуда ты узнал, что мы пойдем по этой улице?

— Ваш дедушка любезно сообщил нам, что вы отправились на петушинные бои и намереваетесь вернуться домой пораньше.

Близнецы удивленно переглянулись.

— Дед сказал вам, где нас найти? — недоверчиво переспросил Барнабас.

— Видно, эти мешки с дерьмом так ему осточертели, что он уж не знал, как от них отделаться, — расхохотался Джеральд. — Тебе известно, почему мы возвращаемся так рано? Завтра мы собираемся давать на суде показания. Против нашего обожаемого папочки.

— Я это знаю. Но у нас возникло несколько вопросов, и мы надеемся, что вы поможете нам найти ответы. В особенности нас интересует ключ от конюшни, сначала исчезнувший, а через день чудесным образом нашедшийся.

Близнецы снова переглянулись. Несомненно, они прекрасно знали, о чем идет речь. Выражение их лиц стремительно менялось от издевательского до угрожающего.

— Так и быть, давайте поболтаем, — процедил Джеральд. — Послушаем, что вы плетете. Идем в тот двор, где вы прятались. — Он наставил меч мне на грудь. — Только вы трое, Локвуд, рыжий и однорукий, вложите мечи в ножны. Иначе мигом проткну вашего горбуна насквозь.

Настал наш черед переглянуться. План наш дал сбой. Самодовольно ухмыляясь, близнецы наступали на нас и теснили в темный двор. Ситуацию спас Джек. Братья не видели в нем опасного

противника, и он сумел использовать это обстоятельство. Неожиданно метнувшись вперед, Барак что есть силы ударил своей железной рукой по мечу Джеральда. Тот пошатнулся и выпустил оружие из рук. В следующее мгновение Барак сорвал ножны с ножа, прикрепленного к протезу, и приставил лезвие к горлу юнца. Тоби тут же выхватил меч и ударил по мечу Барнабаса, а Николас приставил острие к его горлу.

— Бросай меч, крысиный потрох, иначе выпущу тебе кишки! — скомандовал Тоби.

Голос его был полон ярости, и я осознал, сколь глубокую ненависть он питает к братьям Болейн.

С искаженным от злобы лицом Барнабас выпустил рукоять, и меч его упал на землю.

— Так-то лучше, — удовлетворенно хмыкнул Тоби. — А теперь, молодые джентльмены, слушайте внимательно, что скажет мастер Шардлейк. Отвечайте на его вопросы четко и ясно. А если будете выкобениваться, пеняйте на себя.

— Плевать мы на тебя хотели, поганый ублюдок! — прорычал Джеральд, у горла которого Барак по-прежнему держал нож.

— Грязная скотина! — подхватил Барнабас.

Чего-чего, а дерзости и нахальства близнецам было не занимать при любых обстоятельствах.

— Раз так, придется вас прикончить! — откликнулся Тоби. — Пожалуй, мы вас придушим, а потом утопим в реке, как вы утопили несчастного слесаря.

Я бросил на Тоби обеспокоенный взгляд. Судя по его голосу, он был готов привести все свои угрозы в исполнение.

— Какого еще слесаря? Пьяницу Снокстоуба, который прошлой ночью свалился с моста у Епископских ворот? — В голосе Барнабаса звучало неподдельное недоумение.

— Не стройте из себя дураков! — рявкнул Тоби. — Если ответите толком на наши вопросы, мы отпустим вас восвояси.

— А почему мы должны тебе верить? — усмехнулся Джеральд.

— Потому что у вас нет выбора, — жизнерадостно сообщил Барак. — Или откровенный разговор, или смерть.

— Неужели ты тоже владеешь мечом, слизняк одорукий? — не унимался Джеральд.

Вместо ответа Барак, не выпуская Джеральда, схватил меч левой рукой и приставил острие к боку своей жертвы.

— Я владею мечом не хуже, чем ножом, парень, — сообщил он.

Джеральд, горла которого теперь касалось лезвие ножа, а ребер — острие меча, растерянно заморгал и внезапно превратился в испуганного мальчишку. Однако через несколько мгновений он обрел прежний кураж и бешено сверкнул голубыми глазами.

— Ничего, мы с вами еще разделаемся. Со всеми! — вполголоса процедил он. — Можешь попрощаться со своей паскудной жизнью, Локвуд. В один прекрасный день тебя найдут в глухом закоулке с кинжалом в брюхе. Да и вы трое, даже не мечтайте убраться из Норфолка целыми и невредимыми.

— Ох как ты нас напугал, щенок бесхвостый! — усмехнулся Барак. — Давай говори, будешь отвечать на вопросы? Или перерезать тебе глотку прямо сейчас?

Он плотнее прижал острие к шее Джеральда, так что на коже юноши выступило несколько капель крови.

Джеральд вопросительно взглянул на брата. Барнабас сжал губы и метнул яростный взгляд в Тоби; тот с ледяной улыбкой пощекотал ему ребра мечом. Я прекрасно понимал, что Барак всего лишь пытается взять юнцов на испуг, а вот насчет намерений Тоби отнюдь не был уверен.

— Что за чертовы вопросы вы хотите нам задать? — бросил наконец Джеральд.

— О, вижу, ты не такой непроходимый тупица, каким кажешься на первый взгляд, — одобрительно кивнул Барак и слегка отодвинул лезвие.

Тоби с явной неохотой последовал его примеру.

Во дворе стало совсем темно, и я принес лампу, стоящую за бочкой с водой. В тусклом свете я как следует разглядел квадратные, словно вырубленные топором лица близнецов; две пары совершенно одинаковых голубых глаз смотрели на меня не мигая, и взгляды их были полны ненависти. Стоило Барнабасу слегка пошевелить головой, и в неровном свете лампы казалось, что шрам у него на щеке извивается как змея. Я обвел глазами темные окна домов и сказал:

— Не дай бог, кто-нибудь из жильцов услышит нас и выйдет посмотреть, что здесь творится. Нам это совершенно ни к чему.

— Этого можно не опасаться, — заверил меня Тоби. — Если здешние жители увидят, что некий джентльмен затеял в их дворе драку, будьте уверены, у них хватит благоразумия не вмешиваться.

— Тем лучше, — кивнул я и вперил взгляд в близнецов. — Итак, молодые люди, я хочу задать вам несколько вопросов относительно дела вашего отца.

— Мы об этом уже догадались, — буркнул Джеральд. — Не трать времени даром, горбун.

— Прежде всего поговорим о вашем алиби на тот вечер, когда была убита ваша мать.

Джеральд сдвинул брови и сжал кулаки.

— Ты что, намекаешь, что это мы убили свою мать, горбатая шельма? — взревел он.

— Я просто хочу узнать все подробности. Насколько нам известно, вы заявили, что были на петушиных боях и тому имеется множество свидетелей.

Джеральд зашелся хриплым издевательским смехом:

— Под нас тебе не подкопаться, крот горбатый! Да, мы были на петушиных боях в компании доброй дюжины друзей. А после завалились в таверну «Белый лев» и просидели там всю ночь. Хочешь узнать имена свидетелей? Джон Аткинсон, который служит у сэра Ричарда Саутвелла. Уильям Бейли и Майкл Хар служат тому же хозяину. Эдвард Уайт, сын сэра Джорджа Уайта. Мы все напились в стельку и пошли домой к Джону отсыпаться. В таверне мы задали трепку какому-то невеже, который пытался получить пиво прежде нас. Я двинул его по башке цепью, так что тот свалился с копыт. Наверняка хозяин таверны это запомнил, да, Барни?

— Это уж точно, — ухмыльнулся Барнабас; к молодчикам возвращалось их прежнее нахальство.

— В Бриквелле я видел несчастного парня, которого вы ударили по голове дубинкой, — сообщил я. — Теперь он впал в детство и ничего не соображает.

— Болван получил по заслугам, — невозмутимо ответил Джеральд. — Теперь до старости будет нести чушь да распускать слюни. Нечего было соваться на нашу землю, верно, Барни?

— Верно. Да и кто он такой, в конце концов? Крепостной, и ничего больше. Мало чем отличается от вола или осла.

— Тем не менее за нанесение подобного увечья вас обоих можно вздернуть на виселицу.

— Сказки для глупых детей, — презрительно пожал плечами Джеральд. — Вайтерингтон не станет поднимать шума, потому что понимает: на суде придется признать, что он незаконно вторгся в чужие владения. Так что можете не стараться, каналы, этого придурка вам на нас не повесить. — Он прищурил свои полыхающие злобой глаза. — Кстати, а на кого вы работаете? Кто вас послал?

— Локвуд работает на Копулдейка, Джерри, — сообщил Барнабас. — А Копулдейк — приспешник леди Елизаветы, этой маленькой потаскухи, что водила шашни с Томасом Сеймуром. Ясное дело, она хочет спасти нашего папашу от виселицы, потому что он приходится ей родственником. Ее мать, тоже шлюха, была из рода Болейн.

— Молодые люди, вы, кажется, забыли, что в случае, если ваш отец будет осужден на смерть, все его земельные владения отойдут королю, — напомнил я.

— Ничего, мы их живо вернем, — самоуверенно заявил Джеральд. — Найдем адвокатов, и они подадут просьбу протектору. Конечно, этот здоровенный сарай, который папаша купил в Лондоне, придется продать за долги. Но нам достанется Бриквелл. Прогоним всех арендаторов прочь, разведем овец, будем стричь шерсть и жить припеваючи.

— Вы не сможете ничего продавать и покупать, — предостерег я. — После смерти отца вы поступите под опеку двора и будете находиться в полной власти леди Марии и сэра Ричарда Саутвелла.

— Дед все уладит. Он выкупит право опеки над нами, — заявил Барнабас, однако в голосе его я впервые различил нотки сомнения.

От слуха Джеральда они, по всей видимости, тоже не ускользнули, ибо он метнул в брата предостерегающий взгляд. Судя по всему, в этой паре вожаком являлся Джерри.

— Насколько я понял, перспектива того, что вашего отца вздернут на виселицу, вас ничуть не печалит? — с легким недоумением спросил Николас.

— А чего нам о нем печалиться? — пожал плечами Джеральд. — Наш папаша слюнтяй и размазня, да к тому же развратник. Из-за того что он завел шашни с этой тварью Изабеллой, матери пришлось уйти из

дому. Пусть теперь подонок болтается на виселице. — Он возвысил голос, задрожавший от злобы; в это мгновение мне показалось, что юнец близок к безумию.

— Еще один вопрос, и мы отпустим вас с миром, — пообещал я.

— Разумеется, только в том случае, если вы будете хорошими мальчиками, — издевательски добавил Барак.

Джеральд сжал кулаки; я уж думал, он сейчас набросится на Барака, но тот снова прижал острие ножа к шее юнца, не давая ему шевельнуться.

— Мне бы хотелось узнать, с какой целью вы украли у Саймона Скамблера ключ от конюшни, — негромко произнес я. — Это произошло за несколько дней до того, как ваша мать была убита.

Во взглядах, которыми обменялись близнецы, мелькнула откровенная растерянность.

— Клянусь толстой задницей Марии Магдалины, откуда они это выкопали? — спросил Барнабас.

— Видно, это чертов недоумок Грязнуля распустил язык, — ответил Джеральд. — И теперь они думают, что мы столкнули старину Снокстоуба в реку.

Братья дружно расхохотались. Беспокойство, которое они испытали, поняв, что нам известно о пропаже ключа, длилось недолго.

Тоби пошевелил мечом, наставив его точно на живот Барнабаса.

— Вы подстерегли Скамблера на дороге и набросились на него. Ключ от конюшни, в которой стоит Полдень, исчез. На следующий день Скамблер вернулся к месту драки и обнаружил его на обочине дороги. Однако он точно помнит, что накануне искал на этом самом месте, но никакого ключа там не было.

— Мне осточертело слушать всю эту чушь, — заявил Джеральд.

Барнабас молча улыбнулся. Да, Джеральд, несомненно, был вожаком, но второй брат отличался бóльшим самообладанием.

— Ты хочешь узнать, что произошло, горбун? — процедил он. — Так и быть, я тебе расскажу. Мы решили, что Грязнуля заслуживает хорошей трепки. Он слишком задирает нос, позволял себе петь во время работы — не представляю, как лошади выдерживали это жуткое вытье, — и вообще вел себя нагло. Вечером мы подстерегли его на Ваймондхемской дороге и немного поучили хорошим манерам. Ну и забрали этот чертов ключ. Думали устроить славную забаву, выпустив

во двор эту бешеную лошадь. То-то было бы визгу и суматохи! — Барнабас мечтательно улыбнулся; улыбка казалась еще одним шрамом, уродующим его лицо. — Потом, ясное дело, отец прогнал бы Грязнулю взашей, и мы избавились бы от необходимости каждый день любоваться его тупой мордой.

— Однако вы не выполнили своего намерения.

— Нет. В тот вечер мы отправились в Норидж, на петушинные бои. Заночевали в доме у деда. Мы рассказали ему, какую отличную шутку задумали, хотели его повеселить. Но дед принялся нас отговаривать. Сказал, Скамблер нажалуется нашему отцу, что мы отняли у него ключ силой, и в качестве доказательства предъявит свои синяки. А дед не хотел, чтобы папашка выгонял нас из дома. Он все время говорил, что мы должны приглядывать за Бриквеллом.

— Так вот, дед посоветовал нам положить ключ на дорогу, — добавил Джеральд. — Конечно, жаль было отказываться от такой веселой потехи, тем более что мы растрезвонили о ней всем нашим друзьям. В тот вечер во дворе, где проходили петушинные бои, яблоку было негде упасть. Дрались самые лучшие петухи.

Про себя я отметил, что сейчас оба юнца говорят совсем другим тоном. Они спокойно рассказывали о случившемся, не чувствуя ни малейшей необходимости занимать оборонительную позицию.

— Ключ все время находился у вас? — уточнил я.

— Да, — кивнул Джеральд. — Он лежал в моем кошельке. А с кошельком я не расставался.

— Нет, один раз все-таки расстался, — поправил его Барнабас. — Помнишь, в таверне было жарко, как в аду? Ты снял дублет и бросил его на лавку. Кошелек лежал в кармане, а ключ — в кошельке.

Джеральд метнул в брата исполненный ярости взгляд:

— Заткни свою глупую пасть, Барни! Никто не мог взять ключ в это время!

— И долго дублет пролежал на скамье? — уточнил Николас.

— Да полчаса, не больше, — буркнул Джеральд. — И ключ все это время был в кармане. Никто не мог его взять, — упрямо повторил он.

— А кто в тот вечер был в таверне? — спросил я.

— Да пропасть народу. Наши друзья, о которых мы говорили. Еще Чаури, отцовский управляющий. Он сидел за столом в одиночестве, как в воду опущенный, и накачивался пивом. Он частенько заходит в эту

таверну. Но какого черта вы спрашиваете? Ключ все время был у меня в кармане.

Мы с Баракком переглянулись поверх головы Джеральда. Одними губами он произнес слово «воск». Я понимающе кивнул. Барак неплохо разобрался в ключах. Юнцы повсюду разрезвонили о проделке, которую задумали; многим было известно, что у них есть ключ от конюшни. И кто-нибудь, воспользовавшись, скажем, свечой, вполне мог снять с ключа восковой слепок и отнести его слесарю.

— Хорошо, полагаю, на этом мы закончим нашу милую беседу, — кивнул я. — И не вздумайте нам угрожать. Не позднее чем завтрашним утром полный отчет о нашей встрече будет направлен леди Елизавете и ее управляющему. Если с кем-нибудь из нас случится неприятность, власти будут знать, где искать виноватых.

Барнабас и Джеральд переглянулись.

— Зря вы потратили на нас время, господа крючкотворы, — со смехом произнес Барнабас. — Хотя, надо признать, это вы хитро придумали — подстеречь нас здесь.

— Да, это было ловко! — согласился Джеральд.

— А теперь проваливайте отсюда! — скомандовал Тоби, опустив меч.

Барак и Николас тоже отступили. Близнецы взглянули на свои мечи, лежавшие на земле.

— Эй, мастер Горбун, вы ведь разрешите нам взять наше оружие? Неужели вы допустите, чтобы двое несчастных молодых людей, которые в скором времени останутся круглыми сиротами, разгуливали по ночному Нориджу безоружными? Вы же знаете, в городе полно грабителей и прочего отребья!

— Думаю, без мечей вам будет безопаснее, — усмехнулся Барак.

— Но мы не можем бросить их здесь! — с жаром возразил Барнабас. — Мечи — это наша собственность. И кстати, они стоят немалых денег.

— Клянусь, мы сразу сунем мечи в ножны и уйдем, — заверил Джеральд. — Вам нечего опасаться.

Не дожидаясь ответа, близнецы одновременно наклонились, подняли лежавшие на земле мечи и принялись неспешно засовывать их в ножны.

Мы утратили бдительность, и это было ошибкой. Синхронно, точно по команде, братья выхватили мечи из ножен и набросились на нас. Джеральд, яростно пыхтя, скрестил клинок с Бараком. Тот отразил несколько ударов, однако левая его рука была далеко не так сильна, как когда-то правая; вскоре Джеральду удалось выбить у него меч. Джеральд изо всех сил лягнул противника ногой в живот, и Барак упал. Тогда Джеральд повернулся к Тоби; Барнабас в это время сражался с Николасом. И Николас, и Тоби неплохо владели мечами, однако братья оказались свирепыми бойцами. Джеральду удалось пронзить правую руку своего противника. Тоби пошатнулся, выронил меч и зажал рану здоровой рукой; кровь текла у него между пальцами. Джеральд, с искаженным от злобы лицом, набросился на меня. До ушей моих долетал лязг клинков Барнабаса и Николаса, продолжавших бой; Николас успешно отражал атаки своего противника.

Я не сомневался в том, что Джеральд Болейн не откажет себе в удовольствии проткнуть меня насквозь; но вместо этого он оттеснил меня к стене одного из домов и, касаясь острием меча моего живота, свободной рукой сжал мне горло. Парень оказался чертовски силен. Я и пальцем не мог пошевелить, а сердце мое, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Джеральд неотрывно смотрел мне в лицо; глаза его, полыхавшие яростью, едва не вылезали из орбит.

— Ты, старый горбатый урод! — прошипел он. — Неужели ты думаешь, будто мы с Барни убили свою мать? У тебя была когда-нибудь мать, ублюдок, или ты вылупился из поганого яйца? Мы любили свою маму, слышишь, ты! И мы с радостью полюбуемся, как нашего папашу вздернут на виселицу за то, что он с ней сотворил! А тебя я прикончу в наказание за твои паскудные мысли! — Он зашелся жутким безумным смехом. — Сейчас ты почувствуешь, как мой меч проткнет твои вонючие кишки! — Он чуть плотнее прижал острие к моему животу. — Все твоё дерьмо вывалится наружу! Ты заслуживаешь мучительной смерти, поганая крыса! И ты будешь умирать медленно, извиваясь от боли!

Лицо Джеральда расплылось в кошмарной улыбке, обнажившей ровные белоснежные зубы. Он слегка пошевелил мечом, готовясь к смертельному удару.

Я закрыл глаза. Кто бы мог подумать, что я, человек, вышедший невредимым из стольких опасных ситуаций, приму смерть от руки восемнадцатилетнего сопляка.

Однако в следующее мгновение Джеральд рухнул на землю как подкошенный. Пальцы его разжались, выпустив меч. В свете фонаря я с изумлением смотрел на его недвижно распростертое тело. Над поверженным Джеральдом, тяжело дыша, стоял Николас; он был без рубашки, поджарая мускулистая фигура белела в темноте. Меч он держал за клинок, обернутый рубашкой. Я недоуменно уставился на него, потом перевел взгляд на Барнабаса, лежавшего на земле и зажимавшего рукой рану на плече. Над ним возвышался Тоби.

— Что... что произошло? — наконец выдавил я из себя.

Николас с усилием перевел дух:

— Мне удалось ранить Барнабаса. Оглянулся и вижу, что Джеральд вот-вот отправит вас на тот свет. Если бы я проткнул мерзавца мечом, он мог бы успеть в последний миг вонзить лезвие в вас. Тогда я обмотал клинок рубашкой и треснул его по башке. — Овертон хрипло рассмеялся. — Надеюсь, я его не прикончил, иначе неприятностей не оберешься. Сейчас посмотрим, жив ли он.

Во многих окнах, выходивших во двор, мелькали любопытные лица, в некоторых зажглись лампы. Лязганье клинков разбудило всех жильцов, но, как и предполагал Тоби, они не собирались вмешиваться в разборку.

Я горячо сжал руку Николаса:

— Благодарю тебя, дружище! Если бы не ты, мне бы пришел конец!

— Я слышал, что тут нес Джеральд. По-моему, он чокнутый, — заметил Николас, указывая на лежавшее на земле тело.

Юный Болейн застонал и пошевелился. Из раны на голове сочилась кровь. Медленно, с трудом, он поднялся на четвереньки, а потом встал на ноги. Николас держал наготове меч. Однако Джеральд явно был не в состоянии возобновить бой. Бросив на нас исполненный ненависти взгляд, он заковылял к бочке с водой.

Тоби стоял, привалившись к стене; из раны на его руке по-прежнему текла кровь.

— Тебе надо поскорее наложить жгут, приятель, — заявил Барак, подойдя к нему. — Николас, помоги ему.

Затем Джек указал острием меча на Барнабаса:

— Эй, ты, хватит разлеживаться. Забирай своего братца, и убирайтесь отсюда оба. Что касается ваших мечей, мы утопим их в реке. Завтра сможете прийти на берег и нырнуть за ними.

Барнабас, чья рана тоже кровоточила, подошел к брату и неожиданно мягким жестом обнял его за плечи.

— Богом клянусь, нам обоим нужно чаще упражняться! — процедил он, оглянувшись на нас. — А то сегодня мы опозорились. Не смогли справиться с компанией уродов — старым горбуном, жирным калеккой, долговязым придурком и неотесанным мужланом, который даже не имеет права носить меч. Но ничего, мы еще себя покажем. Будет и на нашей улице праздник!

— Мы еще встретимся! — Глаза Джеральда сверкнули сквозь текущие по лицу струйки крови такой злобой, что я невольно вздрогнул.

Джеральд застонал и схватился за голову. Барнабас метнул в нас исполненный угрозы взгляд и смачно сплюнул. Оба молодчика, оставляя за собой кровавые следы, поплелись к арке.

Николас подошел к Тоби, лицо которого казалось мертвенно-бледным в обрамлении черной бороды и волос. Оторвав рукав от рубашки Тоби, Николас принялся накладывать жгут.

— Кость не задета, — пробормотал Локвуд. — Рану надо зашить, и она скоро заживет. Господи, ну и ловкими же оказались эти прохвосты, — добавил он, повернувшись ко мне. — Надо признать, они обладают изрядной сноровкой в обращении с мечом. Как и положено молодым джентльменам.

Я положил руку ему на плечо:

— Вам тоже не занимать сноровки и ловкости, старина.

Одна из дверей закрипела, и на пороге появился человек, державший в руках лампу.

— Идемте отсюда, — скомандовал Барак. — Лучше нам здесь не задерживаться. — Он наклонился и поднял мечи близнецов. — Ник, ради бога, надень наконец рубашку.

— Я знаю, каким путем идти, чтобы избежать встречи с констеблями, — сообщил Тоби.

— Когда мы вернемся на постоянный двор, нам придется вызвать для вас лекаря. И сообщить ему, что на нас напали. Богом клянусь, мы

уже стали местными знаменитостями, — добавил я с горькой усмешкой. — А это вряд ли можно считать достижением для людей, которым поручена тайная миссия.

Глава 25

Как я и предполагал, наше появление произвело в «Девичьей голове» изрядный переполох. Пришлось сообщить мастеру Теобальду, что на нас напали грабители. Судя по подозрительному взгляду трактирщика, он не слишком нам поверил, но, так или иначе, безотлагательно вызвал лекаря. Медик, невозмутимый пожилой человек, оказался весьма сведущим в своем деле; он смазал рану Тоби лавандовым маслом и зашил ее столь же искусно, как это сделал бы мой старый друг Гай.

После ухода доктора мы вчетвером направились в мою комнату, дабы оправиться после пережитого приключения и поразмыслить над новыми фактами, которые нам удалось добыть.

— Если братья Болейн говорят правду, множество людей знало, что у них имеется ключ от конюшни, — заметил я. — И когда Джеральд оставил свою куртку на скамье, любой из них мог вытащить ключ у него из кармана, при помощи восковой свечи сделать слепок и положить ключ обратно.

— Вы полагаете, слова этих молодых подонков можно принимать на веру? — угрюмо осведомился Тоби.

— Мы можем проверить, лгут они или нет. Они назвали имена нескольких свидетелей. И среди них, кстати, Чаури, управляющий Болейна.

— Значит, по вашему мнению, близнецы не имеют отношения к убийству? — уточнил Николас.

— У меня возникли серьезные сомнения в их виновности. Хотя, конечно, не стоит полностью сбрасывать эту парочку со счетов. Еще одна любопытная деталь состоит в том, что они водят дружбу со служащими лорда Саутвелла, который не прочь заполучить имение их отца.

— Их приятели — такие же подонки, как и они сами, — заметил Тоби. — Прошлой весной Джон Аткинсон похитил на Маусхолдском холме юную девушку и пытался силой принудить ее вступить с ним в брак. В этом грязном деле ему помогали Саутвелл и его приспешники.

— Нельзя забывать, что ключ могли взять дед близнецов, их бабка, а также всякий, живущий в их доме, — добавил я, устало откидываясь

на спинку кресла. — Любой из них мог в ту ночь сделать слепок, а на следующий день заказать Снокстоубу копию.

— Но зачем — вот в чем вопрос? Для того, чтобы угодить Саутвеллу или Вайтерингтону, которым выгодно отправить Болейна на виселицу? Или существует какой-то иной мотив?

— Если таковой и существует, мне он неизвестен, — покачал я головой. — Но еще в Лондоне Копулдейк и Уильям Сесил предупреждали меня, что Саутвелла беспокоить нельзя: он обладает слишком большой политической властью да вдобавок связан с леди Марией. К тому же мы совершенно не располагаем фактами, подтверждающими его причастность к этому делу. Множество подозрений — и ни одного факта. — Я повернулся к Бараку. — Тебе известно, кто послезавтра будет в составе присяжных?

— Завтра, вы хотите сказать, — поправил он, кивнув в сторону окна. Небо начинало светлеть; близился ранний летний рассвет, и на деревьях, росших в церковном дворе, громко чирикали птицы. — Уже наступила среда. Присяжные, по обыкновению, набраны из числа местных йоменов, сельских дворян и наиболее уважаемых горожан. Как вам известно, здешнее дворянство терпеть не может Болейна. — Барак вскинул бровь. — На сей раз среди присяжных много деревенских жителей. Полагаю, на завтрашнем заседании их тоже будет больше всего.

— Пожалуй, нам всем стоит немного поспать, — устало предложил я. — Тоби, вы можете прилечь в комнате Николаса. А ты, Джек, устраивайся со мной. Зачем тебе сейчас тащиться в «Голубого кабана»?

— Я не прочь прогуляться и немного освежить голову, — возразил Барак. — К тому же через несколько часов я должен приступить к работе.

— Как хочешь. Так или иначе, у нас осталась одна-единственная зацепка, связанная с братом Грейс Боун. Хотя, конечно, это скорее соломинка, за которую хватается утопающий, — вздохнул я. — После того как мы встретимся с этим человеком, я должен буду навестить Джона Болейна в тюрьме и обсудить с ним, как ему следует держаться на суде. Да, Джек, будь добр, подготовь повестки для Дэниела Чаури и Саймона Скамблера.

— Вы же сами говорили, что из Скамблера вряд ли выйдет толковый свидетель, — напомнил Тоби. — И что интересного может сообщить суду Чаури?

— Сейчас мы в таком положении, что не можем пренебрегать любой возможностью склонить суд в пользу Болейна. Надеюсь, рассказ Скамблера сумеет убедить присяжных, что ключ от конюшни действительно был похищен. Что касается Чаури, то он, по крайней мере, подтвердит, что Болейн был хорошим хозяином.

— Любопытно, чем ему так полюбилась таверна, расположенная довольно далеко от Бриквелла? — задумчиво произнес Николас. — Полюбилась до такой степени, что он частенько приходил туда в одиночестве.

— Возможно, за кружкой пива он мечтал о прекрасной Изабелле, — предположил Барак.

— Скажи, ты сможешь получить повестки накануне суда? — спросил я.

— Думаю, да, хотя, конечно, судейские чиновники будут несколько удивлены, — ответил он.

— Ну что ж, давайте наконец отдохнем! — сказал я, с усилием поднимаясь. — Пойдем, я немного провожу тебя, — обратился я к Бараку.

Мне хотелось кое о чем перемолвиться с ним наедине.

Мы спустились по широкой деревянной лестнице. На постоялом дворе все спали, за исключением ночного сторожа, сидевшего на стуле у дверей и встретившего нас любопытным взглядом.

— Завтра о нас пойдут пересуды, — усмехнулся Джек.

Мы вышли в пустынный холл. Шаги наши гулко раздавались по каменным плитам.

— Сегодня я понял, что больше не гожусь для доброй драки, — печально вздохнул Барак. — Похоже, я превращаюсь в бесполезную развалину.

Я положил руку ему на плечо:

— Неправда. Спору нет, этой ночью ты немного преувеличил свои бойцовские качества. Но помощь, которую ты оказываешь нам в расследовании, поистине бесценна. Сведения о судьях, судебные ордера, а главное — твои идеи! В общем, без тебя мы бы совсем пропали. У меня никогда не было более толкового помощника, и ты

даже не представляешь себе, Джек, как часто мне тебя не хватает, — добавил я дрогнувшим голосом.

Несколько мгновений Барак хранил молчание.

— Когда мы с вами работали в Палате прошений, я чувствовал: мы заняты самым что ни на есть полезным делом — помогаем беднякам добиться справедливости, защищаем их от произвола бесчестных землевладельцев и прочих обидчиков. Прежде, когда мы служили лорду Кромвелю, я верил в него почти как в Бога. Может, он и не заслуживал подобной веры, но что было, то было. Однако теперь... — Барак устало покачал головой, — теперь, когда я занимаюсь сбором показаний для лондонских солиситоров, работа не приносит мне никакого удовлетворения. Все это напоминает драку крыс в мешке. Что касается этих чертовых выездных сессий, то я все больше убеждаюсь, что главная задача нашей судебной системы — помогать богатым. Три дня посвящены гражданским делам, и все эти три дня богатеи брызжут друг на друга слюной. А на уголовные дела остается один день, и в этот день судьи спешат отправить побольше людей на виселицу. Честно вам скажу: мне все это порядком осточертело.

— Понимаю. Но работа есть работа. И тебе нужно содержать Тамазин и детей.

— Конечно, я рад, что у меня есть дети. Но Тамми... В последнее время она взяла моду мною командовать... и, похоже, считает, что я должен слушаться ее, как мальчишка. — Барак взглянул мне прямо в глаза. — Признаюсь, я не слишком по ней скучаю и совсем не рвусь домой.

— У каждой супружеской пары бывают сложные периоды, — рассудительно изрек я. — Так или иначе, Тамазин любит тебя, и уверен, ты, несмотря ни на что, тоже по-прежнему любишь ее. Не сомневаюсь, ваша семейная жизнь еще наладится. — (В ответ Барак лишь горько усмехнулся и опустил голову.) — Джек... — продолжил я. — Мне нужен твой совет. Только прошу, никому об этом ни слова.

— Буду нем как рыба.

Я поведал ему о разговоре между Эдвардом Брауном, Воувеллом и человеком по фамилии Майлс; разговор этот мне довелось случайно подслушать в «Голубом кабане».

— Все это весьма походило на подстрекательство к бунту, — завершил я свой рассказ. — По закону я обязан сообщить об

услышанном властям.

Барак вперил в меня пристальный взгляд:

— Возможно, это всего лишь пустая болтовня. Сейчас ходит множество слухов о мятежах и восстаниях.

— Нет, вряд ли. Эти люди говорили серьезно.

— Предположим, они действительно занимаются подстрекательством, — нахмурился Барак. — Ну и что дальше? Неужели вы хотите, чтобы мужа Джозефины отправили в тюрьму и подвергли допросу с пристрастием? Да и Воувелла, парня, который пытался нам помочь, вряд ли стоит обречь на подобную участь! — Он яростно затряс головой. — Так что давайте договоримся: вы ничего не слышали и ни о чем мне не рассказывали. И, кроме всего прочего, согласитесь: у крестьян в тех краях, о которых шла речь, есть веский повод поднять мятеж.

— Всякое кровопролитие внушает мне ужас.

— Может, до кровопролития дело еще и не дойдет.

— Надеюсь на это.

— Как бы то ни было, мой вам совет — выбросьте этот случай из памяти. Это самый разумный выход.

Помолчав несколько мгновений, я кивнул:

— Пожалуй, ты прав.

Барак похлопал меня по плечу:

— Как говорится, чему быть — того не миновать.

Я был так утомлен, что сразу провалился в глубокий сон и проспал до шести часов утра, когда меня разбудил слуга. Поднявшись, я первым делом исполнил свое намерение написать Пэрри и леди Елизавете; в письмах я сообщал, что мне удалось выявить новое обстоятельство, связанное с исчезновением ключа, и что в оставшееся до суда время я намерен использовать эту зацепку.

За завтраком я сказал Тоби, что, после того как он отведет нас к брату Грейс Боун, он может вернуться на ферму к родителям и оставаться там до завтрашнего судебного заседания.

— Благодарю вас, — кивнул Тоби.

Он был очень бледен, — вне всякого сомнения, раненая рука доставляла ему сильную боль.

— Я тоже очень вам благодарен, в особенности за помощь минувшей ночью, — ответил я. — Жаль, что вы пострадали.

— Так или иначе, я рад, что мы хорошенько проучили этих мерзких сопляков, — усмехнулся Тоби.

После завтрака мы повторили путь, который проделали прошлой ночью, — перешли на другую сторону реки и двинулись по Оук-стрит, широкой улице, которая привела нас к воротам Святого Мартина, расположенным на северной окраине Нориджа. Вдалеке маячили городские стены. День снова выдался жаркий; судя по всему, по-настоящему летняя погода установилась надолго. Среда была в Норидже базарным днем, и по дороге, вздымая облака пыли, тащилось множество повозок. Мы миновали большую церковь, окруженную незастроенным пустырем, и подошли к домам, теснившимся около ворот. К моему удивлению, дом, в котором жил Питер Боун, оказался достаточно просторным двухэтажным зданием; впрочем, краска, покрывавшая его стены, во многих местах облупилась, обнажая деревянные балки, явно тронутые гниением. Дверь нам открыл человек лет тридцати, высокий, худой, темноволосый. Безбородое лицо его отличалось правильностью черт, в умных карих глазах светилась настороженность. В руках он держал веретено с намотанной на него шерстью.

— Мастер Питер Боун? — осведомился я.

— Да, к вашим услугам, — ответил он, испустив тяжкий вздох. — Я слышал, что меня разыскивает законник из Лондона, и сразу смекнул: дело тут в моей сестре, которая работала у Джона Болейна. Думаю, нам лучше пройти в дом.

Вслед за хозяином мы вошли в комнату, просторную и светлую, хотя и меблированную весьма скудно. Обстановка состояла из стола, на котором лежала куча шерсти, четырех стульев, кровати и стоявшего в углу кованого сундука. Боун предложил нам сесть.

— Вы не откажетесь выпить пива? — спросил он.

— Нет, спасибо. Мы были очень опечалены, узнав, что Грейс и вторая ваша сестра оставили этот мир.

— Да, прошлая зима выдалась тяжелой и унесла немало жизней, — вздохнул Боун и устремил в пространство взгляд увлажнившихся глаз. — Бедняжка Мерси захворала легочной лихорадкой, а вслед за ней заболела Грейс. У меня даже не было денег

на похороны, и сестер похоронили в общей могиле — как и многих других, умерших от этой болезни. — Боун поднял на меня глаза, взгляд которых был исполнен горечи и, как мне показалось, вызова. — Наверное, грех так говорить, но я предпочел бы умереть вместе с сестрами. Теперь в этом мире у меня не осталось ни единой родной души.

— Да, наверное, дом кажется вам опустевшим, — вполголоса заметил Тоби.

— Я сдаю внаем комнаты Грейс и Мерси, а также свою бывшую спальню, чтобы выручить немного денег, — сообщил Питер. — Это нарушение правил аренды, но домовладельцу об этом ничего не известно, — добавил он, пристально глядя на меня.

— Нас это совершенно не касается, — поспешно заверил я. — Мы пришли сюда вовсе не затем, чтобы создавать вам новые трудности. И мы очень признательны за то, что вы согласились с нами побеседовать.

Боун снова обвел нас настороженным взглядом и понурил голову.

— Прежде здесь была моя ткацкая мастерская, — сказал он. — Два года назад тут стоял станок, я ткал, сестры мне помогали. Но теперь люди, которые заправляют делами в городе, прибрали к рукам все производство шерстяных тканей и оставили без работы мелких ремесленников вроде меня. Ткацкий станок пришлось продать. Грейс и Мерси пряли шерсть и зарабатывали немного денег. Теперь и я вынужден заниматься этой женской работой.

Он с неожиданной злобой швырнул веретено на стол.

— Насколько мне известно, одним из крупнейших производителей шерстяных тканей в Норидже является Гэвин Рейнольдс, отец Эдит Болейн, у которой прежде работала Грейс, — заметил Тоби.

— Да, он из тех, кто сделал на шерсти целое состояние, — кивнул Боун. — Все его предки — купцы, торговавшие шерстью. Но он первый начал производить ткани, причем взял в свои руки весь процесс — от закупки овечьей шерсти до выделки и окраски. Многие бедные люди остались без куска хлеба из-за таких вот алчных пауков, как Рейнольдс. — Боун вперил в меня взгляд. — Но вы наверняка явились сюда не затем, чтобы выслушивать мои жалобы и сетования, сэр. Боюсь, вы сочли меня назойливым невежей.

— Во все нет. Я понимаю, вам приходится сейчас нелегко, и очень вам сочувствую.

— Вы ведь хотите поговорить о Грейс, верно? — прищурившись, спросил он. — Упокой Господь ее душу.

— Я слышал, что сестра ваша покинула дом Болейнов девять лет назад, незадолго до исчезновения Эдит, своей хозяйки. После этого она вернулась сюда, к вам?

— Да. Мы жили втроем — я, Грейс и Мерси. До самой смерти сестер нынешней весной.

— А вам не известно, по какой причине Грейс столь внезапно уволилась? Возможно, она поссорилась с миссис Эдит или с мастером Болейном?

— Грейс проработала в доме Болейнов пять лет и всегда твердила, что это настоящее осиное гнездо. По ее словам, Эдит терпеть не могла своего мужа. Они спали в разных комнатах. Хозяйка часто говорила Грейс, что на дух не переносит супруга. И детей, которых от него прижила, тоже.

— А в чем причина подобной ненависти, Эдит не объясняла?

Боун пожал плечами. Он по-прежнему смотрел мне в лицо, словно проверяя, какое впечатление производят на меня его слова.

— Миссис Эдит говорила, что сама себя не понимает. Но ненависть прочно овладела ее душой, и она ничего не может с этим поделать. Она даже подозревала, что над ней тяготеет проклятие. Мастера Болейна я никогда не видел, однако Грейс утверждала, будто бы человек он вполне достойный, хотя и вспыльчивый. Я так полагаю, Эдит малость тронулась умом. По словам Грейс, иногда она принималась морить себя голодом и из пухленькой женщины превращалась в ходячий скелет.

— Но Грейс всегда пользовалась доверием госпожи?

— Да. У Грейс было доброе и отзывчивое сердце. Но в конце концов обстановка в доме так накалилась, что чаша терпения моей сестры переполнилась. Миссис Эдит узнала, что ее муж завел шашни со служанкой из местной таверны, и хотя она терпеть его не могла, это обернулось для нее настоящим ударом. А ее сыновья-близнецы подросли и стали сущими исчадиями ада. Измывались над учителями, спускали их с лестницы и все такое. Мастер Болейн стал выходить из себя по любому поводу. Грейс понимала: добром все это не кончится. И вот настал день, когда она решила — с нее хватит. Уволилась и вернулась сюда.

— А вскоре после этого Эдит Болейн бесследно исчезла, — добавил я, пристально глядя на него.

— Да, я знаю.

— В ходе расследования представители власти должны были взять показания у Грейс.

— Им не удалось ее найти, — покачал головой Боун. — Никто не знал, где мы живем, так как мы с Мерси незадолго до этого переехали в новый дом. Конечно, мы с сестрами, узнав об исчезновении Эдит, стали думать, как лучше поступить. И Грейс заявила, что не желает больше связываться с этой семейкой. — Губы его тронула едва заметная усмешка. — Мы, простолюдины, стоим друг за друга горой. Всех, кто знал, где мы живем, мы просили не рассказывать об этом констеблям. В конце концов им надоело искать Грейс, и они плюнули на это дело.

— Однако показания Грейс могли пролить свет на загадочное исчезновение ее хозяйки, — осуждающе процедил Николас. — По крайней мере, она лучше других знала характер Эдит.

— Не надо читать мне нотаций, молодой человек в красивой мантии! — В голосе Боуна неожиданно зазвучала откровенная злоба. — Мы не хотели больше иметь дела с этой безумной семейкой, особенно после того, как Эдит исчезла. — Боун повернулся ко мне. — Может, сейчас, девять лет спустя, вы намерены сообщить властям, что мы скрывались от констеблей? Что ж, это ваше право. К счастью, ни до Грейс, ни до Мерси им уже не добраться, а со мной пусть делают все, что хотят.

— Никто из нас не собирается ничего сообщать властям, — примирительно вскинул руки Тоби. — Все, чего хотят эти джентльмены, — собрать факты, проливающие свет на дело, которое им поручено. Времени у них почти не осталось, завтра суд. Простите мастера Овертона, он человек с амбициями и очень переживает за успех расследования.

Николас вспыхнул.

— Мы очень благодарны вам за то, что вы согласились с нами встретиться, — негромко произнес я. — И поверьте, доставлять вам неприятности отнюдь не входит в наши намерения.

— Я был бы рад вам помочь, — кивнул успокоившийся Боун. — Но Небом клянусь, о смерти миссис Эдит мне не известно ровным счетом ничего.

Я поднялся и положил на стол пять шиллингов:

— Примите это в возмещение времени, которое вы потратили на беседу с нами.

Боун, не глядя на нас, сгреб монеты со стола и зажал их в кулаке.

— Мне пора приниматься за работу, — сказал он, указывая на веретено.

Мы вышли на улицу. Оглянувшись, я увидел, что Боун, стоя у окна, смотрит нам вслед. Веретено проворно двигалось в его ловких руках, а на лице застыло все то же настороженное выражение, с каким он встретил нас.

Глава 26

По возвращении в «Девичью голову» Тоби, заверив нас, что раненая рука ничуть не мешает ему ездить верхом, отправился домой.

— У Болейна я, пожалуй, лучше побываю один, — сказал я Николасу. — А ты тем временем наведайся в контору коронера, узнай, осматривал ли он тело Снокстоуба.

— Уж конечно осматривал, — сердито буркнул Николас. — Неужели нет?

Я пристально взглянул на него:

— Чем ты недоволен, можно узнать?

— Этот каналья Локвуд меня бесит. Только и думает, как бы проехать на мой счет.

— А, ты не можешь забыть, как он поставил тебя на место, когда мы беседовали с Питером Боуном, — улыбнулся я. — Но надо признать, правда была на его стороне. Читать мораль человеку, попавшему в столь печальные обстоятельства, — это... как бы помягче сказать... не слишком уместно.

— Возможно, я был не прав. И все равно Локвуд слишком много себе позволяет. Он всего лишь простой клерк, а держится так, словно ровня нам.

— Барак тоже всего лишь простой клерк.

— Но вы с ним знакомы еще с незапамятных времен. Конечно, Джек может позволить себе держаться с вами накоротке. И он приятный, компанейский парень. В отличие от этого Локвуда, который только и знает, что возмущаться и негодовать.

— Я надеялся, что после той переделки, в которую мы попали минувшей ночью, вы с Тоби проникнетесь друг к другу большей симпатией, — покачал я головой. — Ник, я понимаю, что Тоби тебе не по душе, но все-таки сделай милость, будь с ним полубезнее. Тем более что терпеть его общество осталось уже недолго. Если повезет, через несколько дней мы уедем из Нориджа.

— Попытаюсь с ним не ссориться. Но он сам отнюдь не считает нужным со мной любезничать. Видели, какими презрительными взглядами этот тип одаривал меня сегодня?

— Осталось всего несколько дней, — повторил я. — Ладно, Ник, хватит дуться. Отправляйся к коронеру. Встретимся у главного входа в замок.

Ночь, проведенная почти без сна, давала о себе знать; добравшись по крутым улочкам Нориджа до рыночной площади, я буквально с ног валился от усталости. Базарный день был в самом разгаре, на площади яблоку было негде упасть. Под разноцветными навесами шла бойкая торговля овощами, рыбой, мясом, шерстью, скобяными изделиями; купцы на все лады восхваляли свои товары. В дальнем конце площади, там, где прилавков не было, крестьяне, прибывшие утром из деревень, продавали сыр, масло, сморщенные прошлогодние яблоки и груши, разложив их на кусках ткани, расстеленных на земле. Разносчики предлагали всякую всячину: булавки, деревянные кружки, цветные ленты, книжки с картинками. Я заметил лавочника, у которого прежде работал Скамблер, и вспомнил о том, что сегодня непременно должен побеседовать с мальчуганом.

Подойдя к замку, я бросил взгляд на Ширхолл, где сегодня слушались гражданские дела. Тюремщик вновь провел меня по гулкой железной лестнице и вслед за мной вошел в камеру.

— Посмотрите только на него, — усмехнулся он, указав на арестанта. — Жить ему осталось меньше двух дней, а он знай себе дрыхнет.

Я знал, что многие люди, лишённые возможности действовать, изнемогая под тяжестью страха, находят спасение во сне. Тюремщик грубо потряс Болейна за плечо. Тот вздрогнул, вскинул голову и растерянно заморгал:

— Что... что такое?..

— Доброе утро, Джон, — улыбнулся я.

Он провел руками по спутанным волосам и сел на койке.

— Я просил дать мне возможность как следует вымыться и побриться перед судом. Но получил отказ, — пожаловался узник.

— Ничего, я добьюсь того, что вам предоставят все необходимое, — заверил я. — Несомненно, это вопрос денег.

— Изабелла принесет мне чистую одежду. По крайней мере, на суде я не буду выглядеть вонючим забулдыгой, — вздохнул Болейн. — Изабелла уже в городе, она остановилась в «Белой лошади» — это постоянный двор на рыночной площади. Ее сопровождает Чаури, мой

управляющий. Часов в семь вечера оба будут здесь. Вы сможете встретиться с ними и поговорить о том, что ожидает нас всех на суде?

— Да, разумеется.

— К счастью, Изабелле разрешили навестить меня.

— Вы хотите, чтобы я присутствовал при вашей встрече?

— Нет, благодарю вас, — грустно улыбнулся Болейн. — Скорее всего, это наша последняя возможность побыть вместе. — Он испустил тяжкий вздох. — Есть какие-нибудь новости?

Я сообщил о внезапной гибели слесаря, о том, что Грейс Боун, как выяснилось, умерла этой весной, а брат ее не смог сообщить нам ничего достойного внимания. Рассказ о стычке с близнецами я приберег напоследок, а о том, что обе стороны пустили в ход мечи, счел за благо не упоминать. Выслушав меня, Болейн сокрушенно покачал головой:

— Как это ни печально, я надеюсь, что никогда больше не увижу родных сыновей. Хотя я далеко не уверен в том, что они имеют отношение к убийству своей матери.

— Если бы мы только знали, кто он, тот человек, принесший ключ от конюшни — или его восковой слепок — в мастерскую Снокстоуба... Но выяснить это до завтрашнего суда не представляется возможным. Подмастерье Снокстоуба скрылся в неизвестном направлении, да и в любом случае от него было бы мало проку. Неведомого заказчика он видел в первый раз в жизни и не сумел толком разглядеть. Парень близорук, как крот, если только не врет, — вздохнул я.

— Я очень признателен вам, мастер Шардлейк, — вскинул руку Болейн. — Вы сделали все, что было в ваших силах.

Как это ни странно, Джон, казалось, успокаивал меня. По пути в замок я решил попытаться вновь расспросить Болейна о том, что он делал в ночь смерти Эдит. После чего намеревался сообщить ему, что после суда подам просьбу о помиловании от имени леди Елизаветы. Скрывать от него это обстоятельство и далее было бы немилосердно.

Болейн вперил в меня пристальный взгляд.

— Есть еще одна вещь, о которой я хочу сообщить вам, мастер Шардлейк, — проронил он и погрузился в молчание. — В Бриквелле у меня хранится довольно крупная сумма денег, — произнес он наконец. — На тот случай, если мои кредиторы начнут предъявлять претензии. Двадцать старых соверенов из чистого золота.

— В самом деле, крупная сумма, — вскинул я бровь.

— Сегодня я скажу Изабелле, где спрятаны деньги. Если... если дело примет скверный для меня оборот, ей придется тяжело. — Болейн устало улыбнулся. — В задней стене конюшни, где стоит Полдень, есть выемка, заложённая кирпичом. Отличный тайник, верно? Трудно найти охранника лучше, чем мой бешеный жеребец. Ни одна живая душа, кроме меня, про тайник не знает.

— Ох, мастер Болейн! — воскликнул я. — То, что вы рассказали, заставляет взглянуть на историю с ключом в ином свете. Предположим, кто-нибудь из ваших домашних — ваши сыновья, или Чаури, или кто-то из слуг — выследил, как вы прячете деньги в конюшне. У этого человека появился мотив завладеть ключом, никак не связанный с убийством, и, значит...

Имя Изабеллы я назвать не осмелился, однако мысленно включил в список подозреваемых и ее тоже.

— Неужели вы думаете, что это не приходило мне в голову? — нетерпеливо перебил меня Болейн. — Но штука в том, что мешочек с деньгами я спрятал в конюшне примерно год назад. Никто, повторяю, никто не видел, как я это делал! И никто, кроме меня и Скамблера, не отважится войти туда. Но даже если вы правы и тот, кто взял ключ, рассчитывал украсть мои деньги, то каким образом это поможет доказать, что я невиновен в убийстве жены? Напротив, при подобном раскладе обвинение против меня становится еще убедительнее.

Я погрузился в задумчивость:

— Пожалуй, вы правы. Но, мастер Болейн, повторяю: я смогу помочь вам лишь в том случае, если буду осведомлен обо всех обстоятельствах. Мне решать, имеют ли они отношение к нашему делу или нет. И кстати, я хотел бы задать вам еще пару вопросов.

Джон кивнул.

— Итак, первый мой вопрос связан с попыткой Вайтерингтона захватить часть ваших земель, — глубоко вздохнув, начал я; Болейн напрягся, сгорбив плечи. — Вам известно, что ваши сыновья, намереваясь дать захватчикам отпор, собрали целую шайку молодых джентльменов, находящихся на службе у сэра Ричарда Саутвелла?

— Мне известно только, что они позвали своих приятелей, — покачал головой Болейн. — О том, что друзья их как-то связаны с Саутвеллом, я до сих пор и понятия не имел. Надеюсь, вы не

собираетесь осуждать меня за то, что я защищал собственные владения, — с горечью добавил он.

Перед моим мысленным взором встал образ несчастного парня, которому проломили голову, превратив его в слабоумного. Упомянуть о нем я не стал, однако произнес достаточно жестким тоном:

— Этот вопрос связан со следующим — вопросом о вашем алиби. Скажу откровенно, я не верю, что весь вечер вы провели в одиночестве, просматривая документы в своем кабинете. Если в тот вечер вы встречались с кем-то, кто сможет это подтвердить, ваше алиби станет более надежным.

— Весь вечер я провел в своем кабинете, просматривая документы, — процедил Болейн, глядя мне прямо в глаза.

— Именно это вы собираетесь сказать завтра на суде?

— Разумеется.

— В таком случае вынужден вас предупредить: несмотря на все мои усилия, присяжные, скорее всего, сочтут вас виновным.

— Тюремщик сказал, судьи приказали палачам не затягивать петли туго, чтобы осужденные подольше мучились, — пробормотал Болейн, понурился.

— Именно так. Судья Катчет высказал подобное пожелание во вступительной речи, открывающей выездную сессию.

— Этот человек будет меня судить? — спросил Болейн, вновь поднимая на меня взгляд.

— Пока не знаю. Может, он, а может, судья Рейнберд. Не исключено, оба сразу, учитывая, что дело сложное.

Болейн погрузился в молчание. Я надеялся, что он наконец расскажет откровенно о том, где провел тот злополучный вечер. Но Джон всего лишь прошептал чуть слышно:

— Я слышал, порой висельники мучаются минут двадцать, а то и дольше.

— Иногда намного меньше.

Болейн шумно перевел дух:

— Ну и как же вы посоветуете мне держаться на суде?

— Уголовные дела разбираются быстро: как правило, слушание занимает не более получаса. Отвечайте на вопросы судей откровенно и искренне. Имейте в виду, коронер будет давать показания о том, где и в каком виде было найдено тело убитой. Констебль, обнаруживший

ботинки и топор в конюшне Полдня, тоже расскажет об этом на суде. Да, и предупреждаю: ваш бывший тесть Гэвин Рейнольдс и ваши сыновья тоже намерены выступить против вас, — со вздохом добавил я. — Вне всякого сомнения, они сообщат, что покойная Эдит обладала ангельским нравом, а вы — дьявольским.

Болейн опустил веки, тяжело переводя дух. Я догадывался, что в душе его гаснет последняя искра отцовского чувства.

— Значит, единственной свидетельницей защиты будет Изабелла, — прошептал он.

— Несомненно, если она заявит, что вы были хорошим мужем, это произведет на суд благоприятное впечатление. Но я рассчитываю, что в вашу защиту выступят еще два свидетеля — Саймон Скамблер, который расскажет, при каких обстоятельствах у него похитили ключ, и ваш управляющий Дэниел Чаури. Как вы полагаете, он подтвердит, что вы были хорошим хозяином?

— Да, я в этом уверен. Но Чаури даже не был знаком с Эдит. Он работает у меня всего пять лет.

— Я тоже дам показания, хотя и не имею права представлять ваши интересы. Тем не менее я расскажу и об исчезнувшем ключе, и о том, что некто заказал слесарю копию. Впрочем, боюсь, суд не придаст особого значения показаниям с чужих слов. Правда, если коронер, осмотрев тело слесаря, вынесет заключение, что тот был убит, это будет свидетельствовать в нашу пользу. О том, какие результаты принес осмотр, мы узнаем в самом скором времени. Да, еще я сообщу, что, осмотрев место убийства Эдит, пришел к выводу: даже сильному мужчине было бы затруднительно в одиночку сотворить с телом то... что с ним сотворили. Но самый веский довод, на котором я намерен стоять непоколебимо — и на который должны напирать вы, — заключается в следующем: глумиться над телом убитой супруги и выставлять его на всеобщее обозрение было бы с вашей стороны сущим безумием. Только безумец способен навлекать на себя подозрения и ставить под удар свой счастливый второй брак.

— Сущая правда, — кивнул Болейн, и взгляд его несколько оживился. — Буду напирать на это, как вы и сказали.

— Есть еще одно важное обстоятельство, — заявил я, переведя дух. — Прежде я не упоминал о нем, ибо мне было приказано хранить молчание. К тому же, буду откровенен, я рассчитывал, что вы измените

свои показания относительно того, где находились в вечер убийства, — добавил я, буравя собеседника взглядом.

— Я не могу ничего изменить.

— Что ж, воля ваша. Так вот, если суд признает вас виновным, леди Елизавета уполномочила меня незамедлительно подать просьбу о помиловании. У меня имеется бумага, подписанная ее именем. Она даже готова... смазать судебные шестеренки, выделив необходимую денежную сумму.

У Болейна глаза полезли на лоб от изумления.

— Вне всякого сомнения, имени леди Елизаветы будет вполне достаточно, дабы обеспечить отсрочку исполнения приговора, — продолжал я. — Однако я не могу утверждать с уверенностью, что просьба о помиловании будет удовлетворена. После скандала, вызванного делом Сеймура, леди Елизавета находится отнюдь в не лучших отношениях с лордом-протектором. С королем, своим братом, она видится до крайности редко, в то время как ее сестра Мария... — Я смолк, не считая нужным завершить фразу.

Я ожидал, Болейн будет пенять мне за то, что я скрывал от него столь важное известие. Но он всего лишь кивнул и процедил:

— Возможно, я ошибался.

— Что вы имеете в виду?

— Когда мы с Эдит еще жили вместе и у нас росли сыновья, я никак не мог отделаться от чувства, что над моей семьей тяготеет проклятие. Вероятно, виной тому была казнь Анны Болейн... и те печальные последствия, которые она повлекла за собой. Впоследствии, когда я женился на Изабелле, мысли о проклятии перестали мне досажать. А потом... случилось то, что случилось. — Он испустил тяжкий вздох. — И возможно, дочь Анны Болейн принесет мне спасение.

— Да, есть все основания на это надеяться, — кивнул я.

В памяти моей всплыл недавний разговор с Питером Боуном. По словам Грейс, Эдит тоже считала, что над ее семьей тяготеет проклятие.

— Я понимаю, по какой причине вы прежде не рассказали мне о возможном помиловании, — произнес Болейн с грустной улыбкой. — Надеялись, я признаюсь, что в ночь убийства выходил из дому. Вы ведь законник до мозга костей, не так ли, мастер Шардлейк?

— Именно так. Вы знаете, быть юристом — это тоже своего рода проклятие.

Джон протянул мне руку, которую я крепко пожал.

Оставшееся время я потратил, разъясняя Болейну, как ему следует вести себя на суде. Предупредил его о том, что обязанность вызывать свидетелей защиты ему придется взять на себя, так как уголовные преступники лишены адвокатов, представляющих их интересы. Джон слушал меня молча, ни слова не пропуская мимо ушей.

— Ну что ж, увидимся завтра на суде, — сказал я на прощание. — Мужайтесь.

— Постараюсь, — кивнул он. — После того, что вы рассказали, я, пожалуй, смогу сегодня прочитать молитву на ночь. А то я уж, признаться, отвернулся от Бога, считая Его своим врагом.

Простившись с Болейном, я медленно поднялся по лестнице и вышел из-под мрачных сводов замка. Яркий солнечный свет ударил мне в глаза, заставив несколько раз моргнуть. Николас стоял у ворот, ожидая меня. Унылое выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Какие новости? — спросил я.

— Вчера произвели осмотр тела. Раны и повреждения отсутствуют, легкие наполнены водой. Снокстоуб действительно утонул.

— Утонул, потому что кто-то столкнул его с моста.

— Дознание назначено на следующую неделю. Как сказал мне один из клерков, вне всякого сомнения, будет вынесен вердикт «смерть в результате несчастного случая».

— Итак, еще она дверь захлопнулась у нас перед носом, — изрек я.

Тут поневоле согласишься в то, что над Джоном и Эдит и впрямь тяготеет проклятие.

До суда нам нужно было завершить еще несколько дел. Николас напомнил, что, если верить близнецам, Чаури, управляющий Болейна, присутствовал на петушиных боях в тот вечер, когда ключ находился в кармане Джеральда.

— Возможно, он что-нибудь заметил, — предположил Николас.

— Что ж, пожалуй, нам стоит побеседовать с ним еще раз, — согласился я. — Но прежде навестим Скамблера.

Мы пообедали в таверне, до отказа набитой прибывшими на базар торговцами, вышли на Бет-стрит и отправились к дому, где жил Скамблер. К немалому своему удивлению, приблизившись к ветхому домишке, мы услышали веселое пение. Несколько мальчишек, хихикая, приникли к окнам, высматривая что-то сквозь неплотно закрытые ставни. Завидев нас, они бросились врассыпную.

Мы тоже заглянули сквозь щели в ставнях. Скамблер, костюм которого, как и в прошлый раз, состоял из длинной ночной рубашки, неуклюже кружился по комнате, махал руками и распевал песню, которую мне не доводилось слышать никогда прежде:

О, наши души грешные спасутся,
Ведь ангелы заступятся за нас...

Чистота и мелодичность его голоса поразили меня, хотя я прекрасно понимал, что здешним мальчишкам подобное представление кажется выходкой чокнутого.

— Что это он делает? — вполголоса спросил Николас.

— А ты разве не видишь? Поет и танцует, — пожал я плечами. — Кстати, голос у него прекрасный. Можно подумать, он где-то учился петь.

Мы постучали. Пение немедленно прекратилось, дверь приоткрылась, и перед нами с кислой миной предстала Хильда, тетка Скамблера.

— Снова вы, — буркнула она и провела нас в комнату.

— Грязнуля, ты опять за свое! — набросилась она на племянника. — Сколько раз я тебе говорила: ставни надо закрывать плотно. И прекрати ты, ради бога, свои дурацкие прыжки и завывания. Они выводят меня из себя!

Скамблер стоял недвижно, понутив голову.

— Я не выпускала его из дому ни на шаг, — сообщила старая карга. — И сама носа за дверь не высовывала. Попросила соседей охранять дом, а одной из соседок даже пришлось заплатить, чтобы она принесла нам что-нибудь пожевать.

С откровенной наглостью, которая, похоже, никогда ей не изменяла, пожилая дама протянула руку, и я положил ей на ладонь несколько монет.

— Не слишком это приятное занятие — сидеть взаперти и дрожать от страха, — продолжала ворчать она. — Да и Грязнуля так и рвется на улицу, попробуй-ка его удержи.

— Чего мне бояться? — протянул Скамблер, вскинув на нас недоумевающий взгляд. — Меня что, прежде не колотили? Я к этому привычный.

Я счел за благо не говорить, что на этот раз дело может не ограничиться обычной трепкой. Увы, обеспечить Скамблеру надежную защиту мы были не в состоянии. Оставалось лишь надеяться, что в случае опасности тетя Хильда своим визгом переполошит весь квартал.

— Потерпите еще денек, — попросил я, тяжело вздохнул и добавил: — Саймон, тебе придется дать показания на суде. Рассказать о том, что произошло с ключом от конюшни.

На лице парнишки мелькнул испуг.

— Говорить на суде, перед кучей народу? Перед судьями?

— Тебе нечего бояться, — заверил я. — Я все время буду рядом. Твои показания очень важны.

— Ему заплатят? — спросила тетя Хильда, во взгляде которой вспыхнули жадные огоньки.

— Нет.

— Тогда нечего тебе делать в этом суде, Грязнуля.

Но Скамблер решительно кивнул:

— Я приду, мастер Шардлейк. Только вы с мастером Николасом не оставляйте меня ни на минуту.

— Спасибо, Саймон, — с чувством произнес я.

Тетя Хильда поджала губы.

— Думаю, будет лучше, если я тоже пойду в суд, — заявила она. — Присмотрю за Грязнулей.

— Как вам будет угодно, — пожал я плечами. — Да, Саймон, твоя тетя права: ставни следует закрывать плотнее. На всякий случай.

— В комнате страшная духота, — пожаловался Скамблер.

— Знаю. Но ради безопасности духоту вполне можно потерпеть.

Тетушка Хильда проводила нас до порога.

— Иногда мне кажется, сам дьявол послал этого мальчишку мне на мучение, — изрекла она на прощание и с шумом захлопнула за нами дверь.

Вернувшись в «Девичью голову», мы решили немного поспать: вечером предстояло еще немало дел, а мы буквально с ног валились от усталости. В семь часов, поспешно перекусив, мы вновь направились на рыночную площадь, на постоянный двор, где остановилась Изабелла. Проходя по площади Тумлэнд, мы увидели в дверях одного из богатых трехэтажных домов высокого человека в пышно расшитой мантии; судя по всему, он грелся на вечернем солнышке. На вид ему было лет пятьдесят; длинные седые волосы обрамляли красивое, с правильными чертами лицо; у рта залегла жесткая складка; большие глаза внимательно поглядывали по сторонам. Некоторые прохожие кланялись ему. Я вспомнил, что Тоби уже показывал мне этого человека; он был среди отцов города, которые приветствовали судей у ратуши в минувший понедельник. Августин Стюард, один из самых уважаемых людей в Норидже. На память мне пришли слова Питера Боуна о том, что богатые купцы прибрали к рукам не только торговлю, но и производство шерстяных тканей.

На рыночной площади всюю шла уборка; торговцы складывали в повозки нераспроданные товары; оборванные ребятишки сновали туда-сюда, подбирая с земли гнилые фрукты и обрезки мяса. Нужный нам трактир мы нашли без труда. Обеденный зал был битком набит купцами и законниками, наливавшимися пивом после трудного дня. Мы осведомились у слуги, где находится комната миссис Изабеллы Болейн. Услышав это имя, несколько человек с любопытством уставились на нас. Слуга, не говоря ни слова, провел нас по коридору первого этажа.

Мы постучали, и Изабелла открыла дверь. На ней было зеленое платье с высоким воротником, изящное, но скромное, идеально подходящее для суда; белокурые волосы убраны под чепец такого же оттенка, как платье. На очаровательном личике застыло встревоженное, хотя и решительное выражение. Увидев нас, она улыбнулась с явным облечением:

— Спасибо, что пришли, мастер Шардлейк. Мы прибыли сюда всего полчаса назад. Здешние постояльцы тарасились на нас, как на диковинку.

— Боюсь, в течение ближайших дней вы будете находиться под постоянным огнем любопытных взглядов.

— Вы виделись сегодня с моим мужем? — нетерпеливо спросила она. — Есть какие-нибудь добрые известия?

— Боюсь, что нет.

Изабелла изменилась в лице. Я сообщил ей о печальной участи, постигшей Снокстоуба.

— Господи Иисусе, — прошептала она. — Еще одна смерть. Вы полагаете, кто-то толкнул его с моста?

— У меня имеются подозрения, но нет ровным счетом никаких доказательств, — вздохнул я.

Рассказывая Изабелле о крупной сумме денег, которую ее муж спрятал в конюшне, я внимательно наблюдал за реакцией собеседницы. Ее удивление, так же как и радость, показалось мне абсолютно искренним.

— Слава богу, что Джон оказался так предусмотрителен, — произнесла она, выслушав меня.

Наконец я сообщил, что в случае неблагоприятного решения суда леди Елизавета уполномочила меня подать просьбу о помиловании; можно было не сомневаться, что во время свидания Болейн расскажет об этом жене. Необходимо до времени держать наше намерение в тайне, подчеркнул я. Услышав, что нависшая над ее мужем угроза смерти несколько отступила, Изабелла в изнеможении опустилась на стул; плечи ее содрогались, на глаза выступили слезы.

— Слава богу... — шептала она одними губами. — Слава богу...

— Исполнение приговора, вне всякого сомнения, будет отсрочено, — заметил я. — Но, как я уже сказал вашему супругу, мы не можем быть совершенно уверены в том, что король дарует ему помилование.

Изабелла промокнула глаза платком:

— Но это дает нам надежду, даже если Джон будет признан виновным. Простите меня, я всего лишь слабая женщина, а в последнее время стала особенно слезливой.

— Вы несправедливы к себе, миссис Болейн, — возразил Николас. — Хотя на вашу долю выпало немало испытаний, вы проявили недюжинную смелость и выдержку.

Губы Изабеллы тронула благодарная улыбка.

— Да, ваше мужество достойно всяческого уважения, — подхватил я и, глубоко вдохнув, добавил: — Есть один вопрос, по которому мы с

вашим супругом так и не смогли договориться. Я полагаю, что в ночь убийства Эдит он выходил из дому. У вас имеются какие-либо предположения по поводу того, где он мог быть?

— Если вам что-нибудь известно, расскажите нам об этом сейчас, иначе будет слишком поздно, — добавил Николас.

— Я ничего не знаю, — ответила Изабелла, глядя мне прямо в глаза. — Если Джон уходил, он покинул дом тайком, ни слова мне не сказав. — В голосе ее послышались нотки отчаяния. — Неужели вы думаете, что я скрыла бы от вас правду — сейчас, когда на карту поставлена жизнь мужа?

— Мы не сомневаемся, что вы откровенны с нами, миссис Болейн. Прежде чем вы отправитесь на свидание с мужем, я хочу подготовить вас к тому, что нам предстоит завтра. Я намерен вызвать в качестве свидетеля вашего управляющего, мастера Чаури. Ваш супруг уверен, Чаури не откажется свидетельствовать в его пользу, подтвердив, что он был хорошим хозяином.

— Да, конечно. Дэниел и мой муж прекрасно ладили друг с другом. Чаури — очень порядочный человек, единственный из слуг, кто сохранил нам верность. У меня не осталось даже горничной, так что меня сопровождает только Дэниел. Он остановился в соседней комнате. Вне всякого сомнения, мы дали пищу для новых сплетен, — с горечью добавила Изабелла.

— Вы не могли бы позвать мастера Чаури? Я хотел бы кое о чем его спросить.

Изабелла вышла и через пару минут вернулась в обществе Чаури, одетого в добротный черный дублет; его рыжие волосы и борода были подстрижены и аккуратно причесаны.

«А ведь этот человек идеально подходит под описание неведомого заказчика, которое нам дал подмастерье Снокстоуба, — пронеслось у меня в голове. — Впрочем, под это описание подходит половина мужчин, живущих в Норидже», — тут же возразил я себе. А вслух произнес:

— Да ниспошлет вам Господь доброго вечера, мастер Чаури.

— Мастер Шардлейк, я весьма признателен за ту помощь, которую оказываете нам вы и мастер Николас, — произнес он спокойным и уважительным тоном.

— Увы, нам не удалось добыть какие-либо новые сведения, способные повлиять на благоприятное решение суда, — сообщил я. — Осталась лишь одна зацепка. Возможно, вы помните вечер после петушинных боев, незадолго до убийства Эдит Болейн. Джеральд и Барнабас с приятелями отправились в таверну, где, по их словам, находились и вы тоже. И там у Джеральда пропал кошелек, который, однако, вскоре был найден.

— Разумеется, я прекрасно помню этот вечер. Оба молодчика во всеуслышание похвалялись, что выпустят бешеного жеребца из стойла и устроят в Бриквелле славную потеху.

— Прямо так и говорили?

— Да, конечно. Их друзья буквально катались со смеху.

«Спору нет, близнецы задумали рискованную шутку, — рассудил я. — Но эта безумная затея вряд ли привела бы к чьей-либо смерти. Имей юнцы намерение совершить убийство, они наверняка не стали бы бахвалиться перед приятелями».

— Вы часто бываете в этой таверне? — задал я очередной вопрос.

— Да. По крайней мере раз в неделю я хожу на петушинные бои. А после не отказываю себе в удовольствии выпить кружку пива.

Признаться, мне самому жестокие забавы, подобные схваткам петухов и других животных, были отнюдь не по нраву. Бешеные вопли, которыми зрители подбадривают участников драки, ручьи крови, предсмертные судороги побежденных — все это доставляет мне муку, а не удовольствие. Многие видят в этом проявление слабости характера, и, возможно, они правы. Впрочем, напомнил я себе, к нашему делу это не имеет ни малейшего отношения. И продолжил беседу с управляющим.

— Как выяснилось, в кошельке находился ключ от конюшни, который близнецы украли у Саймона Скамблера, — сообщил я.

— Ох уж этот мне Грязнуля, — покачал головой Чаури. — Вечно он попадает в переделки.

— Его вины тут не было, — решительно возразил я. — Вопрос состоит в том, мог ли кто-нибудь украдкой взять ключ и сделать с него восковой слепок — скажем, при помощи свечи. Вы ничего не заметили?

— Помню только, близнецы что-то орали про исчезнувший кошелек и шарили под скамьей. Скажу откровенно, я наблюдал за ними не без злорадства. Думал, если кошелек украли, то и поделом этим

юным прохвостам. Однако кошелек вскоре нашелся. Это все, что я помню. Простите мое любопытство, но какое отношение это имеет к расследованию?

Я рассказал о том, что узнал в мастерской слесаря и во время нашей стычки с близнецами.

— Конечно, завтра, когда я изложу все, что мне известно со слов Снокстоуба и его подмастерья, суд не придаст особого значения подобным показаниям с чужих слов. Тем не менее я это сделаю.

Чаури кивнул, перевел взгляд на Изабеллу и растянул губы в улыбке:

— Возможно, через несколько дней мастер Болейн вернется домой и будет разъезжать на своем обожаемом Полдне.

— Да, — не слишком уверенно кивнула она. — Этот жеребец — сущее наказание. Он так скучает по хозяину, что совершенно обезумел. Без конца ржет и бьет копытом в двери конюшни. Дэниел каким-то образом ухитряется его кормить, но, боюсь, при этом он рискует собственной жизнью.

— Конь потихоньку начинает ко мне привыкать, — заметил управляющий.

Я вновь заговорил о судебном заседании, на котором всем нам предстояло выступить завтра. Чаури с готовностью согласился дать показания в пользу своего хозяина, хотя мы оба понимали, что от его свидетельства будет мало толку. Вместе мы вышли из таверны на рыночную площадь и направились в разные стороны. Изабелла и Дэниел поспешили в замок, чтобы навестить Болейна и передать ему очередную корзинку с едой, которую нес Чаури. Мы с Николасом двинулись в сторону площади Тумлэнд.

— Как вы думаете, Изабелла сумеет произвести на суд благоприятное впечатление? — спросил он по дороге.

— Я в этом не сомневаюсь. Эта женщина далеко не глупа. Я бы сказал, для бывшей трактирной служанки, не получившей никакого образования, она обладает редким умом и тактом.

— А сколько, по вашему мнению, ей лет?

— Несомненно, Изабелла намного моложе Джона. Полагаю, ей около тридцати.

— Я бы дал ей меньше.

— Как бы то ни было, для тебя она слишком стара, мой юный друг, — усмехнулся я, пытаюсь скрыть под личиной иронии то сильное впечатление, которое произвела на меня миссис Болейн. — Кроме того, я всегда считал, что ты предпочитаешь робких и благовоспитанных девиц, таких как Беатрис Кензи.

— Как бы то ни было, для вас она слишком молода, — не преминул поддеть меня Николас. — Я имею в виду Изабеллу.

— К тому же Изабелла — одна из подозреваемых, — напомнил я, сменив тон с шуточного на серьезный. — Так же, как и Чаури.

— Этот Чаури буквально пожирал ее глазами, — заметил Николас. — Не сомневаюсь, он влюблен в хозяйку по уши.

— Думаю, печальные события последнего времени способствовали их сближению, — сказал я. — Но Изабелла предана своему мужу всей душой, это очевидно. — Помолчав, я добавил: — Удивительно все-таки получилось — всю неделю мы только и говорим что о Джоне Болейне, его сыновьях, слугах, соседях. А о несчастной Эдит даже не вспоминаем. А ведь она страдала больше всех и в конце концов приняла кошмарную, чудовищную смерть.

— Да, Эдит... это какая-то неразрешимая загадка... — задумчиво пробормотал Николас.

— Именно так. Судя по всему, никто и никогда не дал себе труда поинтересоваться, почему эта женщина так странно вела себя. Если мы сумеем это выяснить, то, возможно, узнаем, кто ее убил.

— Вы уверены, что Болейн невиновен? — глядя мне прямо в глаза, спросил Николас.

— Признаюсь откровенно, сейчас я ни в чем не уверен, — ответил я, выдержав его взгляд. — Скажу осторожно: все, что нам удалось узнать до сих пор, ставит его виновность под сомнение.

Мы пересекли рыночную площадь, глядя на замок, который возвышался над городом подобно гигантскому часовому.

Глава 27

К собственному удивлению, ночью я спал крепко. Проснувшись, как и всегда в те дни, когда в суде слушались важные дела, ощутил, как в голове моей гудят бесчисленные вопросы. Если Джон Болейн не убивал свою жену, то кто же тогда это сделал? Подозреваемых, кому смерть Эдит была выгодна по каким-либо соображениям, нам найти не удалось. У близнецов имелось железное алиби; к тому же ярость, в которую пришел Джеральд, догадавшись, что их с братом подозревают в убийстве матери, казалась мне вполне искренней.

Облачившись в адвокатскую мантию и сержантскую шапочку, я спустился по лестнице и вошел в обеденный зал. Обычно перед слушанием гражданских дел я испытываю нечто вроде приятного волнения, но сегодня настроение мое было тревожным и мрачным. На кону стояла человеческая жизнь, и шансы оправдать обвиняемого были ничтожно малы. Правда, в кармане у меня лежала просьба о помиловании, однако я помнил слова Уильяма Сесила, сказанные еще зимой. Тогда он просил предупредить леди Елизавету, что ей следует соблюдать предельную осторожность, дабы дыхание скандала не коснулось ее вновь. А если вдруг выяснится, что за десять дней до смерти Эдит Болейн побывала в Хатфилде...

Николас и Тоби ждали меня за столом. Вид у обоих был сосредоточенный. Николас тем не менее растянул губы в подобие улыбки:

— Вот он и настал, великий день суда.

— Да. Двадцатое июня.

Я взглянул на Тоби. Его раненая рука висела на перевязи под зеленым дублетом, а лицо, обрамленное черной бородой, казалось усталым и бледным.

— Как ваша рука, болит?

— Болит немного, особенно когда приходится ездить верхом. Но ничего, все заживет как на собаке. Никаких признаков того, что рана нагноилась.

— Слава богу. А как себя чувствует ваша матушка?

— Немного лучше. Но по-прежнему не встает с постели. День сегодня, похоже, опять будет жарким, — добавил он со вздохом. — Для

посевов эта жара губительна. Колосья сохнут на корню. Весной дожди лили чуть не каждый день, и всем это казалось настоящим бедствием. А теперь мы ждем дождя как манны небесной. Гроза, разразившаяся недавно, только прибила колосья. Но вне зависимости от погоды день нынче обещает быть интересным.

Я с любопытством взглянул на Локвуда, вновь отметив про себя, что дело, которым мы занимаемся, не затрагивает в его душе ни одной струны.

Слуга принес нам хлеба и сыра.

— После завтрака мы без промедления отправимся в суд, — сообщил я. — Надо быть там, когда придут свидетели: Изабелла, Чаури, Скамблер и... — я слегка запнулся, — сыновья Болейна.

— Первыми суд выслушает свидетелей обвинения, — заметил Николас. — Бриквеллского констебля, старого пастуха Кемпли, обнаружившего тело, Гэвина Рейнольдса и его милых внучат. Наиболее опасны для обвиняемого показания констебля, который нашел в конюшне молоток и облепленные грязью ботинки.

— Да, это просто убийственные улики, — вздохнул я. — К тому же Джон Болейн снискал всеобщее неодобрение, поселив в своем доме Изабеллу. Можно не сомневаться, в зале суда будет полно сочинителей памфлетов, охочих до жутких деталей и невероятных преувеличений. Так что в ближайшие дни печатные листки с рассказом о деле Болейна станут продаваться по всей стране.

— Это уголовное дело, а значит, судьи постараются завершить его слушание как можно скорее, — заметил Тоби. — Во время лондонских сессий они иногда рассматривают по двадцать дел за одно заседание. Если председательствовать будет судья Катчет, можно не сомневаться, он сделает все, чтобы вынести обвинительный приговор. По его убеждению, смертные приговоры способствуют укреплению моральных устоев общества.

— Согласен, Тоби, обычно судьи очень спешат, — кивнул я. — Но наше дело получило слишком широкую огласку. Так что, надеюсь, его рассмотрят с бóльшим тщанием. И будут допрашивать свидетелей внимательнее, чем обычно. — Я допил последние капли эля, остававшиеся в кружке. — Ну что ж, идем. Будем уповать на Бога, только это нам, похоже, и остается.

Когда мы прибыли в Ширхолл и вошли в вестибюль перед залом, где должны были слушаться уголовные дела, выяснилось, что Бог послал нам встречу с чиновником Ведомства по делам конфискованного имущества Джоном Фловердью и управляющим леди Марии сэром Ричардом Саутвеллом. Высокий и тощий Фловердью, облаченный в черную мантию, чрезвычайно походил на ворону; дородный Саутвелл, в красной мантии, отороченной мехом, и черной шляпе, украшенной бриллиантами, по обыкновению, казался воплощением надменной спеси. Они что-то негромко обсуждали, но, завидев нас, разом смолкли и повернули голову в нашу сторону. Рядом с Саутвеллом стоял какой-то молодой человек, высокий и стройный; его удлиненное лицо портили два крупных родимых пятна, губы были строго поджаты, глаза горели злобным огнем. Оставив Тоби и Николаса, я приблизился к своим высокопоставленным знакомым и отвесил им поклон. Подходя, я услышал, как Саутвелл осведомился у Фловердью:

— Вы намерены остаться здесь до окончания выездной сессии?

— К несчастью, служебные обязанности вынуждают меня задержаться, хотя дома, в Ваймондхеме, ожидает множество дел. Чертов Роберт Кетт того и гляди снова устроит заваруху.

— С этим возмутителем спокойствия надо разобраться раз и навсегда, — изрек Саутвелл и наконец снизошел до того, чтобы удостоить меня взглядом, холодным и неприветливым. — Сержант Шардлейк, — проронил он.

— Да ниспошлет вам Господь доброго утра, сэр Ричард. И вам также, брат Фловердью.

— О брат Шардлейк! — бодрым голосом воскликнул Фловердью. — Дело Болейна будет слушаться первым. Судья Рейнберд отказался сегодня разбирать гражданские дела, дабы присутствовать на слушании вместе с судьей Катчетом.

— Неужели? — искренне удивился я, отметив про себя, что влияние судьи Рейнберда, возможно, несколько смягчит суровость Катчета.

— Да, на заседании будут они оба, — продолжал Фловердью. — Полагаю, Болейну не миновать виселицы. Улики, обнаруженные в конюшне, неопровержимо доказывают его вину. Впрочем, не будем загадывать. Мы с сэром Ричардом присутствуем здесь в качестве

представителей верховного феодала Норфолка и Ведомства по делам конфискованного имущества.

Жизнерадостная улыбка, которой он сопровождал свои слова, удручающе походила на издевательскую ухмылку.

Саутвелл, до сих пор молча буравивший меня глазами, изрек:

— Насколько я понял, вы и сами намерены выступить на слушании. Ваше имя значится в списке свидетелей. Вы, несомненно, помните, что не имеете права представлять интересы Болейна, — добавил он, надменно прищурившись. — Надеюсь, вы не собираетесь, прикрывшись личиной свидетеля, играть роль адвоката?

— Разумеется, нет, сэр Ричард. Я всего лишь хочу сообщить суду о важных обстоятельствах, которые нам удалось выяснить.

Подавшись вперед, Саутвелл с откровенной неприязнью взглянул на меня сверху вниз:

— Вижу, вы не вняли совету мастера Сесила и не желаете держаться в тени. — Он пожал своими широкими плечами. — Что ж, искать неприятностей на свою голову — это ваше неотъемлемое право.

Молодой человек, стоявший рядом с ним, расхохотался. Саутвелл с улыбкой повернулся к нему:

— Это мой верный помощник Джон Аткинсон. Он, кстати, водит дружбу с сыновьями Болейна. Они ведь убеждены в виновности своего отца, не так ли, Джон?

— У них нет на этот счет никаких сомнений! — Парень ухмыльнулся, обнажив желтые зубы.

«Значит, это и есть тот самый молодой прохвост, который год назад похитил юную девушку и пытался силой заставить ее вступить в брак, — отметил я про себя. — Кстати, в этой аванюре ему помогал Саутвелл».

Под высокими сводами зала раздались шаги, и, обернувшись, я увидел Изабеллу, сопровождаемую Дэниелом Чаури. Извинившись перед своими собеседниками, я поспешил к ней. Изабелла была бледна, однако казалась спокойной.

— Как вы себя чувствуете, миссис Болейн? — поинтересовался я.

— Как себя чувствует миссис Болейн, известно одному лишь Богу, ибо она мертва! — выкрикнул Джон Аткинсон, услышавший мои слова.

Изабелла вспыхнула.

— Да, насколько мне известно, двоеженство в Англии находится под запретом, — со смехом добавил Саутвелл.

Фловердью, расплывшись в улыбке, отвернулся.

— Я прекрасно знаю, что нужно вам обоим! — выкрикнула Изабелла. — Взять опеку над сыновьями Джона и заполучить его земли!

Саутвелл, не ожидавший столь дерзкой выходки, слегка сдвинул брови и сделал шаг в сторону Изабеллы. Однако мгновение спустя на лице его вновь застыло выражение непоколебимой надменности.

— Прошу вас, миссис Болейн, держите себя в руках! — взмолился я. — Вы не должны отвечать, поддаваясь на провокации, в противном случае вы лишь навредите мужу.

— Он прав, — подхватил Чаури.

Изабелла недовольно поджала губы, однако кивнула в знак согласия. Свидетели продолжали прибывать; в большинстве своем то были простые люди, вызванные по другим уголовным делам. Оказавшись в просторном зале с каменными стенами и высокими сводами, среди облаченных в мантии законников, они тревожно озирались по сторонам. Наконец явилась знакомая нам тройца: сосед и заклятый враг Болейна — краснолицый тучный Вайтерингтон и его здоровенный управляющий Шукбору, который крепко держал за локоть старого пастуха Эдриана Кемпсли. Последний выглядел до крайности испуганным и растерянным. Конечно, он привык проводить время в одиночестве, среди овец, и столь многолюдное общество не может не смутить его, подумал я. Однако Вайтерингтон, вне всякого сомнения, втолковал старику, что именно тому следует говорить. Бросив взгляд на Изабеллу, Вайтерингтон насмешливо скривил губы и что-то пробормотал себе под нос. Изабелла резко отвернулась.

Тут я заметил Саймона Скамблера, вошедшего в зал своей странной прыгающей походкой. Вслед за ним шествовала тетушка, чье кислое лицо обрамлял парадный черный чепец. Вид у Скамблера был скорее озадаченный, чем испуганный; рот приоткрыт, словно бы у рыбы, которую вытащили на сушу. Стоило ему появиться, как кто-то в толпе захохотал. Завидев нас, мальчуган просиял от радости.

— Мастер Шардлейк! Мастер Овертон! — воскликнул он, подбегая поближе.

— Да ниспошлет тебе Господь доброго утра, Саймон. Приветствую вас, миссис Скамблер.

Тетя Хильда сжала губы в противоестественно тонкую полоску.

— Миссис Марлинг, с вашего позволения, — поправила она меня. — Мать Грязнули доводилась мне сестрой.

— Я так рад вас видеть, — доверчиво сообщил Скамблер. — Когда вы рядом, я ничего не боюсь.

— Саймон, будь готов к тому, что судьбы станут задавать тебе самые каверзные вопросы, — предупредил я.

— Да, Грязнуля, они будут говорить с тобой очень строго, — добавила тетя Хильда. — Но ты должен отвечать честно и откровенно. Помни, Господь все слышит и все знает.

— Не сомневаюсь, Саймон, ты будешь держаться молодцом! — подбодрил парнишку Николас.

Дверь вновь распахнулась, впуслав братьев Болейн и их деда, облаченного в мантию олдермена. Правая рука Барнабаса висела на перевязи под богато расшитым дублетом. Все трое смотрели на меня, как удавы на кролика. Вслед за своим супругом и внуками в зале появилась миссис Джейн Рейнольдс. Она шла, низко опустив голову в темном старушечьем чепце. Скамблер, увидев эту семейку, моментально съежился. Изабелла вздрогнула, и Николас успокоительно сжал ее руку повыше локтя.

Близнецы и их дед важно шествовали сквозь толпу. Гэвин Рейнольдс бесцеремонно оттолкнул молодую женщину, стоявшую у него на пути. Барнабас, увидев Скамблера, закричал во всю глотку:

— А ты зачем сюда приперся, придурок? Пожаловаться судьям, что мы задали тебе трепку?

Все взгляды устремились к нему. В зале повисло молчание, которое, к немалому моему удивлению, нарушил голос Джона Фловердю:

— Прекратите безобразничать, юный Болейн, иначе судебный пристав выведет вас отсюда!

Близнецы злобно зыркнули в сторону Фловердю и уже было двинулись к нему, однако дед резко одернул их:

— Стойте! Вам ни к чему наживать такого врага! Этот человек будет распоряжаться вашими землями.

Братья замерли, пытаясь испепелить Фловердью помутневшими от ярости глазами. Завидев Джона Аткинсона, они устремились к нему.

— Пришел посмотреть комедию, Джонни? — спросил Джеральд.

— Да, решил немного позабавиться. Что у тебя с рукой, Барни?

— Ввязался в небольшую драку. А ты больше не пытаешься заставить эту глупую корову Агнесс Рендольф выйти за тебя замуж?

— Мы давно женаты, — нахмурившись, ответил Аткинсон.

Джеральд игриво толкнул его в бок и подмигнул, Джон криво усмехнулся.

Можно было не сомневаться: о ночном столкновении с нами близнецы будут молчать; оба скорее умрут, чем признаются, что потерпели поражение и лишились мечей. Внутренняя дверь распахнулась, и появился человек в черной мантии, с белым посохом в руке.

— Свидетели по делу «Король против Джона Болейна», предстаньте перед судом! — провозгласил он.

Скамьи для публики были уже полны зрителей, мужчин и женщин разных сословий; несомненно, все предвкушали дармовое развлечение. Оба судьи восседали за столом, стоявшим на возвышении: Катчет, по обыкновению, выглядел суровым и неприступным, а Рейнберд, как водится, имел обманчиво сонный вид. Ниже, за столом для клерков, сидело несколько человек в черных мантиях; перед ними лежали груды бумаг. Судебный пристав провел нас к скамье, предназначенной для свидетелей. Николасу, Вайтерингтону, старой миссис Рейнольдс и тетушке Скамблера было приказано занять места на скамьях для публики. Близнецы и их дед уселись на дальнем конце; рядом с ними устроился Кемпли, который поглядывал на братьев Болейн с откровенной опаской, — как видно, воспоминания о том, что эти молодчики сотворили с несчастным крестьянским парнем несколько месяцев назад, не давали старому пастуху покоя. На другом конце сидели Чаури, Изабелла, я и жавшийся ко мне Скамблер. Посередине скамьи осталось свободное место. Скамблер вертел головой, выглядывая тетушку. Сидя в первом ряду, она не сводила глаз с судей, сморщенное лицо ее походило на печеное яблоко. Я устремил взгляд на скамью присяжных. Их было двенадцать человек, все среднего возраста, одеты прилично и скромно. Судя по загару, покрывавшему

лица восьми из них, то были помещики или состоятельные йомены, те самые, что не смогли простить Болейну брака с Изабеллой. Четверо остальных, скорее всего, относились к числу процветающих нориджских купцов.

Двое немолодых мужчин, войдя в зал, заняли пустующее место посреди скамьи для свидетелей. В одном из них я узнал Генри Уильямса, коронера; проходя мимо меня, он слегка поклонился. Второй, как я догадался, был бриквеллским констеблем.

Когда в зал ввели Джона Болейна, его встретил возбужденный гул голосов. Ему удалось побриться и подстричься — накануне я дал тюремщику денег, дабы тот предоставил арестанту такую возможность. В чистом сером дублете и белой рубашке, он выглядел состоятельным джентльменом, каковым, вне всякого сомнения, и являлся; впечатление портили лишь скованные цепями ноги. Громко звеня цепями, он поднялся по ступенькам на скамью подсудимых. Я заметил, что в руках он держит лист бумаги, покрытый какими-то записями. Стоя, Джон смело обвел глазами публику и свидетелей. Возможно, мысль о том, что просьба о помиловании в любом случае отсрочит исполнение приговора, придавала ему уверенности в себе.

Судебный клерк прочитал обвинительное заключение, согласно которому в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое мая сего года Джон Болейн убил свою супругу Эдит Болейн. Судья Рейнберд поднялся и произнес громким звучным голосом:

— Должен сказать, мы неприятно удивлены потоком просьб о принудительном вызове свидетелей в суд, обрушившимся на нас в последние дни. Свидетелям надлежит давать показания добровольно, запугивание и принуждение являются вопиющим злоупотреблением. — Он взглянул прямо на меня. — Я вижу, что один из свидетелей является адвокатом. — Он махнул рукой, сделав мне знак встать.

— Сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк, ваша честь, — представился я, поднимаясь.

— Должен предупредить, что вам следует давать показания лишь в качестве свидетеля, а не в качестве представителя обвиняемого.

— Я сознаю это, ваша честь.

— Вы будете давать показания в защиту Джона Болейна?

— Да, ваша честь.

— Отлично, — кивнул Рейнберд. — Ну что ж, начнем. Приведите обвиняемого к присяге.

Болейн произнес клятву звучным и чистым голосом. Первым был вызван коронер. Он поднялся со скамьи и вошел на кафедру для свидетелей. Коронер подтвердил, что проводил дознание и вынес заключение, согласно которому Эдит Болейн была убита собственным мужем. Вслед за ним на свидетельскую кафедру поднялся констебль, показавший, что в результате обыска, проведенного во владениях Болейна, в конюшне были обнаружены ботинки с облепленными грязью подошвами и молоток со следами крови и прилипшими к нему волосами. Он сообщил также, что ключи имелись только у Джона Болейна и какая-либо возможность забросить улики в конюшню, не отпирая дверей, отсутствовала.

— У мастера Болейна имеется алиби, ибо его супруга утверждает, что в тот вечер он не выходил из дому, — сказал он в завершение. — Но заметьте, между девятью и одиннадцатью часами вечера, когда обвиняемый, по ее словам, сидел в своем кабинете, его не видела ни одна живая душа. Вот они, эти ботинки и молоток, — произнес констебль, выкладывая злосчастные предметы на стол; со своего места я разглядел темные пятна, покрывающие молоток. — Осмотреть конюшню было чертовски тяжело, — добавил он. — Жеребец, который там содержится, отличается просто бешеным нравом. Хорошо, что мне помог управляющий.

Ботинки и орудие убийства были переданы судьям, которые принялись внимательно их разглядывать. Зрители вытягивали шею, пытаясь увидеть хоть что-то. По залу пронесся взволнованный ропот.

— Прошу тишины! — подавшись вперед, рявкнул судья Катчет. — Нечего вам глазеть на этот молоток! Это не занятная диковинка, а орудие страшного преступления против Бога и людей.

Следующим был вызван пастух Эдриан Кемпли. Боязливо поглядывая на судей, он вошел на свидетельскую кафедру.

— Расскажите нам, что произошло утром пятнадцатого мая, мастер Кемпли, — обратился к нему Рейнберд.

Дрожащим голосом Кемпли поведал, как обнаружил тело; при этом он то и дело бросал испуганные взгляды на своего хозяина Вайтерингтона. Во всех подробностях старый пастух описал, как нижняя часть трупа торчала из прибрежной тины, как тощие ноги Эдит

согнулись в воздухе под углом, обнажив самые сокровенные части тела. Сообщил он также, что голова ее была разбита и, когда ее извлекли из грязи, буквально разлетелась на куски. Однако лицо убитой, продолжал пастух, оставалось нетронутым, что позволило незамедлительно опознать ее. Глаза миссис Болейн были расширены от ужаса.

По залу опять прошел ропот, и Катчет был вынужден снова призвать зрителей к тишине. Рейнберд отпустил Кемпли, и тот заковылял к своему месту. Джон Болейн стоял понурился голову. Близнецы сидели с напряженными красными лицами, шрам Барнабаса выделялся на разругавшейся щеке особенно отчетливо. Их дед хранил непроницаемый вид.

Внезапно раздались женские всхлипывания — громкие, отчаянные, душераздирающие. Мать Эдит, старая Джейн Рейнольдс, уронив голову на руки, разразилась рыданиями.

— О моя бедная Эдит, упокой Господь ее душу! — повторяла она. — Ну что бы ей родиться мальчиком! Насколько все тогда было бы проще!

По залу опять пронесся гул, на этот раз сочувственный. Рейнберд повернулся к судебному приставу:

— Полагаю, миссис Рейнольдс лучше покинуть зал.

Пристав мягко взял Джейн за руку повыше локтя и повел к дверям; она шла покорно, по-прежнему всхлипывая. Супруг ее тем временем пытался испепелить Болейна взглядом. Следующим пристав выкрикнул имя Гэвина Рейнольдса.

Старый олдермен в широкой мантии направился к свидетельской кафедре, тяжело опираясь на палку.

— Вы намерены дать показания относительно характера вашей покойной дочери? — негромко осведомился Рейнберд.

— Да, ваша честь. Прошу простить мою несчастную жену, но смерть Эдит разбила ей сердце. И мне тоже, — добавил он дрогнувшим голосом; я не сомневался, то было чистой воды притворство, но, надо отдать должное Рейнольдсу, весьма искусное. — Я вовсе не был уверен, что сегодня найду в себе силы прийти сюда, — продолжал старик. — Но потом решил, что это мой долг перед покойной дочерью и перед Богом.

Вновь сочувственный гул. Рейнольдс тяжело перевел дух и звучным голосом сообщил суду, что Эдит — это единственное дитя,

которое им с женой послал Господь. К сожалению, она с детства была подвержена приступам меланхолии, хотя причины этого и оставались для ее родителей загадкой. Как бы то ни было, Джон Болейн был счастлив взять ее в жены.

— Увы, несколько лет спустя мой бывший зять связался с женщиной скверного поведения, служанкой из трактира, — произнес Рейнольдс, метнув негодующий взгляд в сторону Изабеллы. — Слухи об этой грязной связи достигли ушей Эдит. Возможно, мой бывший зять не слишком заботился о том, чтобы хранить свою супружескую измену в тайне. Так или иначе, девять лет назад моя несчастная дочь исчезла. Я полагал, что, поддавшись приступу отчаяния, она покончила с собой, и пребывал бы в этой уверенности до сих пор, не будь в мае обнаружено ее мертвое тело. Теперь я знаю, что до недавнего времени Эдит была жива и лишь в прошлом месяце жизнь ее была прервана, причем самым ужасающим способом. Полагаю, ее возвращение стало ударом для мужа, объявившего своей новой женой потаскуху. — Рейнольдс обжег глазами Болейна, который инстинктивно подался назад. — Скажу больше: возвращение законной супруги довело этого человека до умоисступления и, одержимый бешенством, он убил Эдит с чудовищной жестокостью.

Тут уж моему терпению пришел конец.

— Протестую, ваша честь! — заявил я, поднимаясь. — Это уже не свидетельские показания, а целая обвинительная речь.

— Я предупреждал вас, сержант Шардлейк, что вы не являетесь защитником подсудимого! — сердито зыркнул на меня Рейнберд. — Тем не менее я и сам намеревался сделать свидетелю подобное замечание. — Он повернулся к Рейнольдсу. — Скажите, у вас имеются какие-либо предположения относительно того, где ваша дочь могла провести девять лет, прошедшие со дня ее исчезновения?

— Никаких предположений, милорд. Я могу лишь сожалеть о том, что Эдит не вернулась под родительский кров. — Голос его вновь дрогнул.

Отпустив свидетеля, Рейнберд обратился к обвиняемому:

— Мастер Болейн, как долго вы состояли в браке, прежде чем ваша супруга исчезла?

— Десять лет.

— Ваш брак можно было назвать счастливым?

У меня перехватило дыхание. Разумеется, Рейнберд имел право задать подобный вопрос; но я понимал: разговор о том, насколько скверными были отношения супругов, отнюдь не пойдет на пользу обвиняемому. Болейн взглянул на меня в откровенном замешательстве. Взгляд этот не ускользнул от Рейнберда, недовольно сдвинувшего брови. Я опустил голову. Джон судорожно сглотнул и произнес:

— Полагаю, ни для кого не секрет, что брак наш не был счастливым. Эдит не выказывала по отношению ко мне ни малейшей привязанности, так же как и к своим сыновьям. Скажу откровенно, супруга моя не походила на всех прочих женщин. Судя по всему, общество других людей было ей ненавистно. Порой она, как ни трудно в это поверить, принималась морить себя голодом и превращалась в ходячий скелет. На вопросы о причинах столь странного поведения Эдит не считала нужным отвечать. Тем не менее я вступил с ней в брак, и она являлась моей законной женой. Каждому приходится нести свой крест, — добавил Болейн едва слышным шепотом.

— И вы нашли возможность отдохнуть от тягот семейной жизни на стороне.

Глаза Болейна внезапно вспыхнули яростью.

— Какой мужчина на моем месте не сделал бы этого?

— Всякий добрый христианин, который чтит заповеди Господни! — скрипучим, как пила, голосом отрезал Катчет.

Повисло молчание, которое прервал Рейнберд, вызвавший очередных свидетелей — Джеральда и Барнабаса Болейнов.

Близнецы, с одинаково непроницаемыми лицами, важно прошествовали к кафедре для свидетелей; в своих шелковых дублетах, они выглядели именно так, как пристало выглядеть состоятельным молодым джентльменам. Болейн неотрывно смотрел на сыновей, но выражения его прищуренных глаз я разобрать не мог. Впрочем, я заранее предупредил Джона, чтобы он держал себя в руках и при любом повороте событий не давал воли вспыльчивости.

— Вы — сыновья Джона и Эдит Болейн, Джеральд и Барнабас? — спросил Рейнберд.

— Да, — вежливо ответили близнецы; как выяснилось, они умели хорошо себя вести, когда того требовали обстоятельства.

— Вы всегда жили со своим отцом?

— До тех пор, пока его не посадили в тюрьму, — хладнокровно сообщил Джеральд.

— Он был хорошим отцом?

— Он не выказывал особого интереса к нам, — заявил Барнабас.

— А ваша мать?

Джеральд вперил взгляд в лицо судьи:

— Наша бедная мать постоянно была больна. Отец ничего не делал, чтобы ей помочь, только вечно орал на нее. Мы горячо любили матушку и были безутешны, когда она нас оставила, узнав, что отец связался с этой вот недостойной женщиной, служанкой из таверны! — Он наставил указующий перст на Изабеллу.

Рейнберд повернулся к Болейну:

— У вас есть какие-нибудь вопросы к сыновьям?

— Вы превратили жизнь своей матери в ад! — дрожащим от волнения голосом произнес Болейн. — И жизнь своего отца тоже. Безобразия, которые вы творили, ваши дикие выходки, издевательства над учителями, которых мы нанимали... Вы не думаете, что мать ушла из дома, устав от ваших бесчинств?

— Вряд ли, учитывая, что тогда нам было всего по девять лет, — невозмутимо ответил Джеральд. — Нет, последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стала ваша измена, сэр. Мы счастливы, что ныне живем у дедушки, окруженные любовью, которой не давали нам вы.

Искусно разыгранное представление достигло своей цели. Зрители преисполнились сочувствия, хотя они, как и большинство жителей Нориджа, наверняка были наслышаны о необузданном нраве близнецов. Лицо Болейна потемнело. Я опасался, что он не сможет сдержать вспышку ярости. Но Джон, крепко сжав губы, хранил молчание.

— Полагаю, допрос свидетелей обвинения завершен, — провозгласил Рейнберд. — Но я хотел бы прояснить еще один момент. Мастер Болейн, если я правильно понял, ваше алиби в вечер убийства основано лишь на свидетельстве мисс Изабеллы Хит? — (Услышав свою девичью фамилию, Изабелла вспыхнула.) — Из ваших показаний следует, что в течение двух часов, между девятью и одиннадцатью, вы находились в своем кабинете и никто, в том числе Изабелла Хит, вас не видел. Верно?

— Совершенно верно, — кивнул Болейн.

— Мисс Изабелла не заходила в ваш кабинет, чтобы принести вам стакан вина или пива? А может, это сделал кто-нибудь из слуг?

— Я просил не беспокоить меня, так как намеревался просмотреть важные бумаги. Документы, имеющие отношение к тяжбе, которую я веду со своим соседом, мастером Вайтерингтоном, претендующим на часть моих земель.

Рейнберд слегка наклонил голову. Я бросил взгляд в сторону скамьи присяжных; некоторые из них оживленно перешептывались. Это чертово алиби, точнее, его отсутствие было самым убийственным свидетельством против Болейна.

— Отлично, — изрек Рейнберд. — Думаю, мы сделаем небольшой перерыв. Я должен ознакомиться с документом, имеющим отношение к одному из гражданских дел, на слушании которого мне предстоит присутствовать. Заседание возобновится через пятнадцать минут.

Судьи поднялись и удалились через особую дверь. Краешком глаза я заметил, что сэр Ричард Саутвелл тоже покинул зал. Я встал и подошел к Николасу.

— Ну, что ты обо всем этом думаешь? — спросил я.

— Думаю, Болейну не стоит огрызаться на судей.

— Это верно. Хотя Катчет способен вывести из себя даже святого. Старикан Рейнольдс сумел снискать сочувствие присяжных, — невесело усмехнулся я. — А я получил нагоняй.

— Хорошо хоть вас из зала не вывели, — фыркнул Николас.

— Пока все складывается просто хуже некуда. Неубедительное алиби, несчастливый брак, свидетельство сыновей о том, что измена отца послужила причиной ухода матери из дома... — Я сокрушенно покачал головой. — Ну, теперь мы должны не упустить ни единой возможности поставить под сомнение вину Болейна. В первую очередь надо привлечь внимание к исчезнувшему ключу. Это наш главный козырь.

Глава 28

Наконец судьи вернулись, и Рейнберд провозгласил, что сейчас показания предстоит дать обвиняемому, Джону Болейну. В зале стояла невыносимая духота, оба судьи постоянно вытирали вспотевшие лбы кружевными носовыми платками.

— Итак, ваш черед, — заявил Катчет, махнув рукой в сторону Болейна.

Все взгляды устремились на обвиняемого, который остался на своем месте.

Болейн бросил взгляд в свои записи и, к моему облегчению, заговорил спокойным и ровным голосом:

— Милорд, я хочу обратить ваше внимание на то, что прямые свидетельства, указывающие на меня как на лицо, совершившее сие жестокое деяние, отсутствуют. Да, жена моя действительно была убита, и над телом ее надругались самым чудовищным образом. Из этого следует лишь, что до недавнего времени она была жива и второй мой брак является недействительным. Ваша честь, хочу подчеркнуть, что у меня не было никаких причин выставлять тело убитой на всеобщее обозрение. Более того, имеются свидетельства, подтверждающие, что ни один мужчина не в состоянии совершить подобное преступление в одиночку. Свидетели подтвердят также, что ключ от конюшни, находившийся у меня, не был единственным и что дубликат его исчез незадолго до убийства.

Джон тяжело перевел дыхание. Во время своей речи он смотрел прямо перед собой, иногда бросая взгляды на присяжных. Я советовал ему действовать именно так — попытаться установить контакт с ними, напомнить им, что перед ними человек, чья жизнь зависит от их решения. По залу в очередной раз пронесся гул. По крайней мере, Болейну удалось произвести благоприятное впечатление на публику, отметил я про себя.

— Вы упомянули о своем втором браке, — произнес судья Катчет. — Однако нам известно, что после исчезновения вашей законной супруги вы поселили в своем доме некую Изабеллу Хит и жили с ней во грехе целых семь лет, обвенчавшись лишь после того, как ваша жена официально была признана мертвой. Тем самым вы

подавали слугам и сыновьям, — тут он бросил взгляд на близнецов, одновременно склонивших голову, — пример вопиющей безнравственности!

Болейн смело посмотрел в лицо Катчету.

— Я никогда не ставил Эдит в известность о своих отношениях с Изабеллой, — отчеканил он. — Однако сплетни быстро достигли ее ушей. После исчезновения жены я сообщил властям о случившемся и сделал все, чтобы отыскать ее. Коронер и констебль, вне всякого сомнения, подтвердят, что я всячески содействовал поискам.

Коронер поднялся со своего места.

— Мой предшественник умер, но он рассказывал мне о поисках Эдит Болейн, и я своими глазами видел документы, — сообщил он. — Мастер Болейн говорит правду.

— Так или иначе, вы и Изабелла Хит открыто жили во грехе на протяжении семи лет, — настаивал Катчет.

— Насколько мне известно, я здесь по обвинению в убийстве, а не в прелюбодеянии! — Голос Болейна внезапно возвысился чуть ли не до крика. — Это не церковный суд, где досужие сплетники и клеветники выносят суждения о вещах, в которых ничего не смыслят!

У меня в очередной раз перехватило дыхание. Болейн не сумел-таки удержать свои чувства в узде. Судьи на несколько мгновений лишились дара речи. Катчет опомнился первым.

— Как вы смеете грубить вершителям правосудия?! — возопил он. — Вы, бесстыдный, безбожный развратник!..

Рейнберд не дал ему закончить тираду.

— Впредь не позволяйте себе разговаривать в суде подобным тоном, мастер Болейн, — отчеканил он, буравя подсудимого взглядом. — Поступая так, вы лишь наносите себе огромный вред.

Болейн судорожно сглотнул, — как видно, он осознал, что совершил серьезную ошибку.

— Приношу свои извинения, милорд, — пробормотал он.

— Так-то лучше. Вы имеете сказать что-нибудь еще?

Джон взглянул в свои записи:

— Я хотел бы, чтобы суд вызвал в качестве свидетелей Изабеллу Хит и моего управляющего Дэниела Чаури. Они могут дать показания относительно моего характера и привычек.

— Хорошо, — кивнул Рейнберд и сделал знак Изабелле.

Глубоко вдохнув, она поднялась на кафедру для свидетелей. Выражение ее лица было именно таким, каким ему следовало быть в данных обстоятельствах, — серьезным и печальным.

Болейн откашлялся и негромко произнес:

— Изабелла, как долго продолжалась наша совместная жизнь?

— Девять лет, сэр. В течение последних двух лет, после того как ваша бедная супруга была признана мертвой, мы были женаты.

— Почему вы дали согласие жить с этим человеком во грехе? — продолжал гнуть свою линию Катчет.

— Потому что я любила Джона, а его жена исчезла и не давала о себе знать, — ответила Изабелла, глядя ему прямо в лицо.

Гул голосов, пронесшийся по залу, показался мне сочувственным. Я заметил, что некоторые женщины понимающе кивают.

— Ты можешь сказать, что мы были счастливы? — задал очередной вопрос Болейн.

Изабелла взглянула на него, и на губах ее мелькнула улыбка.

— Я думаю, не многим людям в этом мире выпадает удел жить так счастливо, как жили мы, несмотря на разницу в возрасте и положении.

— Ты веришь, что я совершил убийство?

— Нет, сэр. Вы — благородный человек, и если вас можно в чем-то упрекнуть, так лишь в том, что вы проявляете излишнюю мягкость в отношении своих алчных соседей и непокорных сыновей.

Говоря это, Изабелла обожгла взглядом сначала Леонарда Вайтерингтона, а затем близнецов, которых, впрочем, это ничуть не смутило.

— Должен признать, что тебе пришлось нелегко, — раздался голос Болейна. — Так как наше сожитительство не было скреплено узами законного брака, ты стала мишенью для злословия и сплетен... Я сознаю, что виноват перед тобой.

— Вам не в чем себя винить, сэр. Мы не вступали в брак лишь потому, что нам этого не позволял закон. Миссис Эдит, упокой Господь ее душу, могли признать умершей не ранее того, как со дня ее исчезновения пройдет семь лет.

— Ты взяла на себя бремя быть хозяйкой моего дома и воспитывать моих сыновей, с которыми трудно поладить, — продолжал Болейн. — Тебе не приходила в голову мысль оставить меня?

— Нет, никогда.

Я видел, что оба они с трудом сдерживают слезы. Болейн несколько раз сглотнул и внезапно спросил:

— Если меня признают невиновным в этом ужасном преступлении, то теперь, когда бедная Эдит мертва, ты выйдешь за меня замуж вторично?

— Разумеется, — без колебаний ответила Изабелла.

Я испустил глубокий вдох. Два молодых человека, сидевшие в зале, торопливо записывали каждое слово: происходившее здесь было идеальным материалом для памфлета. Предложение руки и сердца со скамьи подсудимых — это настоящая сенсация. Однако, взглянув на скамью присяжных, я заметил, что некоторые из них неодобрительно переглядываются; судьи тоже хмурились. Рейнберд призвал к тишине и, повернувшись к присяжным, произнес:

— Прошу не принимать в расчет это чувствительное представление. Мастер Болейн, у вас имеются еще вопросы к свидетельнице?

— Нет, милорд.

Изабелла, вытирая увлажнившиеся слезами глаза носовым платком, спустилась с кафедры.

Дэниел Чаури, наклонившись ко мне, прошептал:

— Никак не ожидал подобного поворота.

Выглядел он расстроенным, что было вполне понятно, учитывая его чувства к хозяйке.

— Вы держались превосходно, — вполголоса сказал я Изабелле, когда та опустилась на скамью.

А суд тем временем пригласил на свидетельскую кафедру мастера Чаури. Видно было, что он очень волнуется, но изо всех сил пытается это скрыть. Дэниел подтвердил, что в течение пяти лет служил управляющим у Болейна и всегда считал его достойным и честным человеком. Джон Болейн со всеми держался приветливо и дружелюбно, сообщил Чаури. Невозможно поверить, что он совершил жестокое убийство.

— Вне всякого сомнения, вы не считаете меня образцом добродетели, — заявил Болейн; подобный ход посоветовал ему сделать я, понимая, что присяжным быстро надоест слушать хвалебные оды в адрес подсудимого. — Какие просчеты мне доводилось совершать? — спросил он.

— Как уже сказала ваша жена...

— Как сказала мисс Хит, — перебил его Катчет.

— Приношу свои извинения, милорд. Как уже сказала мисс Хит, порой вы проявляли излишнюю мягкость и уступчивость. Например, в спорах относительно земельных владений. — Подобно Изабелле, он устремил осуждающий взгляд на Вайтерингтона. — А также... — Управляющий неожиданно осекся.

— Продолжайте, Чаури, — произнес Болейн.

— Должен признать, вам свойственно некоторое легкомыслие в денежных вопросах. Ваша щедрость противоречит требованиям нашего алчного и корыстного века.

Некоторые зрители одобрительно закивали. Подобное заявление, несомненно, пошло бы на пользу подсудимому, будь среди присяжных представители беднейших слоев общества; однако, увы, таковых здесь не было.

— Мы слышали, что обвиняемый нередко выходил из себя, — произнес судья Катчет. — Несомненно, вы были очевидцем подобных вспышек ярости.

— Мастер Болейн, разумеется, не ангел, — осторожно ответил Чаури. — Ему случалось досадовать, гневаться и даже выходить из себя. Однако на то всегда имелась серьезная причина, например плохой урожай или же очередное безобразие, учиненное его сыновьями.

— Полагаю, возвращение законной жены — это весьма серьезная причина для досады и гнева, — непререкаемым тоном изрек Рейнберд.

Бросив взгляд в свои записи, Болейн поспешно произнес:

— Перейдем к следующему вопросу. Вам известно место, где было обнаружено тело моей жены?

— Разумеется, сэръ. В ваших владениях мне знакома каждая пядь.

— С разрешения суда, я хотел бы передать господам судьям и присяжным план моего имения. Прошу также вручить одну из копий плана пастуху, мастеру Кемпли, ибо я хочу задать ему вопрос.

Услышав свое имя, старый пастух испуганно уставился на обвиняемого. Судья Рейнберд махнул рукой в знак согласия, и Болейн извлек копии плана, которые по моей просьбе сделал Тоби. Взглянув на схему, Рейнберд кивнул и передал несколько бумажных листов приставу, который вручил их присяжным.

— Подсудимый, не тяните время, — проворчал Катчет. — Нас ждут другие дела.

— Как известно, берега ручья, у которого было обнаружено тело, сильно заболочены, — произнес Болейн. — Вы готовы подтвердить, что в мае это было именно так?

— Да, конечно, — кивнул Чаури. — Прошли сильные дожди, и берега развезло.

— Тот, кто убил Эдит, должен был по жидкой грязи донести ее тело до ручья, причем в полной темноте, и утопить вниз головой. Как вы полагаете, способен ли человек совершить такое в одиночку, пусть даже убийство произошло на ближайшем мосту?

— Сомневаюсь. Под весом мертвого тела ноги его увязли бы в грязи по колено. Я отнюдь не уверен, что подобное мог совершить даже сильный мужчина.

Болейн вызвал Кемпсли, по-прежнему чуть живого от испуга.

— Мастер Кемпсли, вы согласны с тем, что сказал мастер Чаури? — мягко спросил он.

Старый пастух бросил отчаянный взгляд на Вайтерингтона и поспешно отвернулся.

— Помните, что вы принесли клятву, — бросил судья Рейнберд.

Кемпсли тяжело перевел дух.

— Да, сэр, земля там вязкая, — пробормотал он. — Ежели один человек потащил бы мертвое тело, то увяз бы по колено, это точно.

— Еще один вопрос, — продолжал Болейн. — Из ваших показаний следует, что вы видели на берегу следы. Как вы полагаете, эти следы были оставлены одной парой сапог или же несколькими?

Кемпсли молчал, опустив голову.

— Вы должны ответить, старина, — строго произнес Катчет.

— Кажись, там ходило двое, — выдохнул наконец пастух.

Я заметил, как некоторые зрители с подозрением взглянули на близнецов.

— Однако в моей конюшне была обнаружена лишь одна пара ботинок, — заявил Болейн. — И никто не опознал их как принадлежащие мне. Тот, кто замыслил обвинить меня в убийстве, не стал подбрасывать вторую пару.

Он смолк, давая судьям и присяжным время осмыслить услышанное.

«Если бы только Джон не реагировал столь бурно на выпады Катчета», — вздохнул я про себя.

— Видать, у мастера Болейна имелся помощник, — раздался дребезжащий голос Кемпли. — И этот помощник забрал свои ботинки к себе домой.

Высказав сие предположение, старик метнул вопросительный взгляд в сторону Вайтерингтона, и тот едва заметно кивнул. Я прикусил губу. Существование подобной вероятности невозможно было отвергать.

— Нам следует поспешить, — заявил Рейнберд. Пробежав глазами лежавшие перед ним бумаги, он взглянул на Болейна. — Насколько я понимаю, все прочие, весьма запутанные показания касаются ключей от вашей конюшни.

— Да, ваша честь. Я хотел бы вызвать в качестве свидетеля сержанта юриспруденции Мэтью Шардлейка.

— Вызывайте, — испустил вздох Рейнберд.

Я встал и направился к свидетельской кафедре. Ощущение было непривычным; обычно в суде я выступал со скамьи адвокатов, а сегодня мне пришлось под огнем любопытных взглядов пройти в центр зала.

Болейн смотрел на меня в некотором замешательстве, словно бы не зная, о чем спрашивать. Однако, взглянув в свои записи, он быстро собрался с мыслями и произнес:

— Сержант Шардлейк, будьте любезны, расскажите суду, что вам удалось выяснить в ходе расследования, которое вы провели, относительно ключа от конюшни.

— В Бриквелле, усадьбе мастера Болейна, имеется конюшня, где содержится лишь одна лошадь, жеребец по кличке Полдень, — начал я, обводя зал глазами. — Это животное обладает весьма буйным нравом и, вырвавшись на волю, способно натворить немало бед. Как уже отмечал констебль, жеребец представляет для людей опасность. Поэтому мастер Болейн всегда держал двери конюшни на запоре. У него имелось два ключа, сделанные нориджским слесарем, к услугам которого он обращался в течение многих лет. Имя этого человека Маркус Снокстоуб.

Гул голосов, пронесшийся по залу, свидетельствовал о том, что многие слышали о смерти Снокстоуба. Вид у присяжных был

озадаченный.

— Два дня назад тело мастера Снокстоуба было извлечено из реки Уэнсум, неподалеку от Епископского моста, — продолжал я. — Нельзя исключать, что он погиб насильственной смертью.

Рейнберд подался вперед, взгляд его оживился.

— Коронер осматривал тело? — осведомился он.

— Да, милорд. Согласно заключению, Снокстоуб утонул. Однако дознание еще не проводилось.

— На теле обнаружены какие-либо раны?

— Насколько мне известно, нет, милорд.

— Этот человек был известен своим пристрастием к спиртному, — поднявшись, сообщил коронер. — Будучи, по обыкновению, пьян, он вполне мог свалиться с моста.

— Продолжайте, — кивнул мне Рейнберд.

— За день до смерти мастера Снокстоуба я беседовал с ним. Для того чтобы передать факты со всей возможной точностью, я прошу мастера Болейна вызвать еще одного свидетеля.

Болейн вновь замешкался; начинало сказываться колоссальное напряжение, в котором он пребывал. Я ободряюще улыбнулся, и он произнес:

— Я хотел бы пригласить Грязнулю Скамблера.

— Кого-кого? — ушам своим не поверив, переспросил Катчет.

— Прошу прощения, милорд, — вспыхнул Джон. — Я имел в виду Саймона Скамблера, который прежде служил у меня конюхом. Все зовут его Грязнулей.

Подмастерья, которых среди зрителей было немало, довольно захихикали. Скамблер, донельзя смущенный, поднялся со скамьи. Я спустился со свидетельской кафедры, отметив про себя, что бабушка близнецов Джейн Рейнольдс так и не вернулась в зал. Я ожидал, что Саймон займет мое место, однако он своей прыгающей походкой направился прямо к столу, за которым сидели судьи, и вытаращил на них глаза. Они тоже разглядывали его с откровенным любопытством. Хихиканье в зале становилось все громче; Скамблер, окончательно сконфузившись, озирался по сторонам. Я подошел и взял его за локоть:

— Саймон, тебе надо встать вон туда. Это место для свидетеля. Мастер Болейн задаст тебе несколько вопросов.

— Простите, мастер Шардлейк, — смущенно пробормотал Скамблер, повернулся и, наступив на расшатанную половицу, едва не упал.

Подмастерья в зале уже изнемогали от смеха.

Судья Катчет ударил по столу молотком:

— Прошу тишины! Пристав, выведите этих весельчаков из зала!

Мальчишки, по-прежнему хихикая, двинулись к дверям; пристав подгонял их дубинкой, словно стадо баранов. Я вернулся на скамью свидетелей и сел рядом с Изабеллой, изо всех сил противясь отчаянному желанию закрыть лицо руками. Скамблер, взгромоздившись на кафедру, выжидающе взглянул на Джона Болейна.

— Скажи, Грязнуля... то есть Саймон, ты же помнишь, как работал у меня конюхом? Ухаживал за Полднем, моим жеребцом? — не слишком уверенно начал тот.

Лицо Саймона просветлело.

— Еще бы мне не помнить, мастер Болейн. Полдень сразу меня признал, правда? Мы с ним хорошо ладили.

— Именно так. Ты помнишь, что я вручил тебе второй ключ от конюшни и строго-настрого наказал никому не давать его?

— Конечно, мастер Болейн. И я никому его не давал. Вот только... — Саймон осекся.

— Говори! — приказал Катчет. — Что произошло с ключом?

— Как-то раз Джеральд и Барнабас подкараулили меня и задали трепку. Это было на дороге в Ваймондхем. Когда они меня отпустили и убежали прочь, оказалось, что ключа от конюшни нет. Я всегда носил его на шее, на железной цепочке. А тут он исчез.

Саймон опасливо оглянулся на близнецов, на лицах которых не дрогнул ни один мускул.

Зрители наблюдали за происходящим с возрастающим любопытством, некоторые присяжные подались вперед.

— Ты помнишь, когда это произошло? — спросил Болейн.

— Двенадцатого мая, сэра. Как раз в день рождения моей бедной покойной матушки.

— И что ты сделал, убедившись, что ключ исчез? — задал очередной вопрос Болейн.

— Понятное дело, сэра, я принялся его искать. Искал повсюду: на земле, в траве, но нигде не нашел. Потом вернулся домой, однако

ничего не сказал вам. Боялся, что вы рассердитесь и будете меня ругать. Утром я снова побежал туда. Решил на всякий случай поискать еще раз. И представляете, ключ нашелся! — Голос мальчика зазвенел от волнения. — Он лежал на обочине, у самой дороги. Но клянусь святым распятием, накануне я обшарил там каждый дюйм, и никакого ключа не было!

На лицах присяжных светился несомненный интерес, близнецы под прицельным огнем множества взглядов сохраняли невозмутимый вид. Болейн тоже посмотрел на своих сыновей, однако сразу отвернулся и задал Скамблеру следующий вопрос:

— Как ты думаешь, могли мои сыновья взять ключ, сделать с него копию, а потом вернуть?

— Они вполне могли это сделать, сэр, — кивнул Скамблер.

— Мастер Болейн, это уже не вопрос, а гипотеза! — откашлявшись, предостерег судья Рейнберд. — Разве адвокат Шардлейк не разъяснил вам, что строить предположения недопустимо? — Сурово взглянув на Скамблера, он осведомился: — А по какой причине сыновья мастера Болейна тебя избили?

— Сказали, что им надоело мое пение. Я люблю петь за работой.

— Вряд ли твое пение успокоительно действовало на жеребца с буйным нравом.

— Нет, сэр, что вы! — воскликнул Скамблер. — Полдень очень любит песенки, особенно вот эту! — И он принялся напевать: — «Ах, как жаль, моя голубка, что не любишь ты меня...»

Катчет хлопнул в ладоши:

— Прекрати немедленно! Не забывай, ты в зале суда!

Грязнуля растерянно потупился.

— Я только хотел показать, как я пою, — пробормотал он и оглянулся на тетку, которая, казалось, готова была вскочить со своего места и надавать племяннику тумаков.

Катчет недоуменно вскинул брови.

— Этот мальчик пребывает в здравом рассудке? — обратился он к Болейну.

— У него репутация... парня со странностями, — с заминкой ответил тот. — Но он честный малый и отличный конюх.

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы к этому свидетелю? — поинтересовался Рейнберд.

— Нет, сэр. Я хотел бы вновь пригласить сержанта Шардлейка.

Рейнберд утомленно махнул рукой:

— Приглашайте!

Скамблер понуро побрел к скамье, а я вернулся на кафедру. Многие зрители улыбались, включая и некоторых присяжных; однако были и такие, кто недовольно хмурился. Ребячливое поведение Скамблера изрядно подорвало доверие к его показаниям. Тем не менее множество любопытных взглядов по-прежнему было устремлено на братьев Болейн. Я пристально смотрел на их отца, надеясь, что он вернется к теме исчезнувшего ключа.

Несколько мгновений помедлив, словно бы в нерешительности, Джон произнес:

— Сержант Шардлейк, насколько я понял, после разговора с Грязнулей — то есть со Скамблером — вы посетили мастерскую слесаря Снокстоуба?

— Да, — кивнул я. — Она находится неподалеку от площади Тумлэнд. Семнадцатого июня я был там и беседовал с подмастерьем слесаря, неким Уолтером. На вопрос, не заглядывал ли к ним недавно кто-нибудь из братьев Болейн, он ответил отрицательно. Что касается самого Снокстоуба, тот категорически отказался отвечать на какие-либо вопросы. На следующий день, после того как тело слесаря было обнаружено в реке, я вновь посетил его мастерскую. На этот раз Уолтер сообщил, что некий мужчина, которого он никогда прежде не видел, заказал его хозяину копию ключа от конюшни в Бриквелле. По словам подмастерья, слесарь был весьма встревожен визитом незнакомца. После того как тот покинул мастерскую, Снокстоуб куда-то ушел. Вернувшись, он по-прежнему выглядел сильно обеспокоенным. Расспросить об этом самого слесаря я не имел возможности, ибо он умер.

Судя по ропоту в зале, рассказ мой возбудил ничуть не меньший интерес, чем показания Скамблера.

— И где же он, этот подмастерье? — пристально глядя на меня, осведомился Рейнберд.

— Скрылся в неизвестном направлении. Полагаю, отправился домой. Насколько мне известно, его родные живут в Сандлингсе.

— А как его фамилия?

— Он удрал прежде, чем я успел ее узнать, милорд, — вздохнул я и, сознавая собственный просчет, невольно залился краской.

— Таким образом, ваш рассказ является показаниями с чужих слов и не может быть принят судом в расчет. Никак не ожидал, сержант Шардлейк, что вы способны упустить столь важного свидетеля.

— Мастер Снокстоуб мертв, милорд. Когда свидетель мертв, правило о показаниях с чужих слов теряет силу и суд может принять в расчет факты, которые он сообщил третьей стороне.

— Третьей стороной в данном случае является Уолтер, который отсутствует в зале суда, — отчеканил Рейнберд.

— Этот Уолтер описал человека, заказавшего копию ключа? — спросил Катчет.

— Он сказал лишь, что это был рослый широкоплечий мужчина с бородой. Как выяснилось, подмастерье страдает близорукостью.

— Что только играет вам на руку, — проронил Катчет.

— Нет, милорд, напротив, нам это ничуть не играет на руку, — возразил я, глядя ему прямо в лицо. — Мы бы очень хотели располагать подробным описанием внешности этого человека, которое позволило бы опознать его. — Помолчав, я продолжил: — Признаюсь, я не слишком верю в близорукость подмастерья. Остается лишь сожалеть, что я упустил его. Осмелюсь просить суд отсрочить рассмотрение дела, — набравшись решимости, заявил я. — Полагаю, в ближайшее время я сумею отыскать Уолтера, и тогда...

Судья Рейнберд, подавшись вперед, резко оборвал меня:

— Сержант Шардлейк, вы выступаете сейчас как защитник подсудимого, тогда как я категорически предостерег вас от этого! В вашем распоряжении было больше месяца для того, чтобы собрать все необходимые свидетельства и...

— Я прибыл в Норидж всего лишь на прошлой неделе!

— Суда это не касается, — махнул рукой Рейнберд. — Мы должны рассмотреть это дело сегодня, основываясь на тех свидетельствах и фактах, которые нам представлены.

— Да, милорд, — со вздохом кивнул я. Отказ отнюдь не явился для меня неожиданностью, но, как говорится, попытка не пытка. — Если мне будет позволено продолжить, надеюсь, я сумею убедить суд в том, что ключ, который Барнабас и Джеральд Болейны похитили у конюха,

вечером того же дня был украден у них. Полагаю, это важное обстоятельство позволит взглянуть на дело в ином свете.

Я повернулся к Болейну, давая ему понять, что настало время приглашать новых свидетелей.

— Я хотел бы опять вызвать своих сыновей Барнабаса и Джеральда, — произнес он.

Близнецы вернулись на свидетельскую кафедру; они шагали рядом, плечом к плечу.

— По какой причине вы напали на моего конюха Скамблера? — ровным голосом осведомился Болейн. — Вы избили беднягу так, что все его тело было покрыто синяками и ссадинами.

— Мы знали, что этот парень плохо обращается с вашей лошадью, сэр, — вежливо ответил Джеральд. — Как-то раз, проходя мимо конюшни, мы увидели, как он тычет в несчастное животное вилами, а в другой раз заметили, как он колет Полдня гвоздем.

— Возможно, причина бешеного нрава жеребца крылась в том, что этот скверный мальчишка совсем его измучил, — не без ехидства вставил Барнабас.

Изабелла, сидевшая рядом со мной, сжала кулаки.

— Лжецы, — прошептала она. — Гнусные лжецы.

— Тише, — также шепотом сказал я, накрывая ее руку своей.

Взгляд Болейна, устремленный на сыновей, был исполнен откровенного недоверия.

— Всякий, кто знает Полдня, скажет, что он не потерпит подобного обращения! — воскликнул он дрожащим от возмущения голосом. — Признайтесь, вы украли у Скамблера ключи от конюшни?

— Нет, сэр, мы не делали этого, — заявил Джеральд.

Близнецы держались до крайности хладнокровно и самоуверенно. Наверное, перед судом дед не преминул дать им наставления; скорее всего, именно он посоветовал внукам отвечать на вопросы кратко и по существу, без всякой уклончивости.

— Мы даже не видели этого ключа, — продолжал Джеральд. — Грязнуля Скамблер — чокнутый, это знает каждая собака в Норидже. Уж конечно, он обронил ключ во время драки и в первый раз просто не сумел его найти.

Барнабас устремил на Катчета взгляд невинного ягненка.

— Милорд, могу я добавить кое-что в нашу с братом защиту? — кротко осведомился он.

— Разумеется.

— Я хочу сказать лишь одно: мы любили нашу покойную мать. Никто не станет отрицать этого. И у нас есть алиби на тот вечер, когда она была убита. На вечер и на всю ночь. — Помолчав, Барнабас заключил: — В отличие от нашего отца, у которого никакого алиби не имеется.

Болейн, сверливший сыновей глазами, повернулся к судьям и попросил разрешения еще раз вызвать Дэниела Чаури. Судья Рейнберд кивнул в знак согласия, и управляющий поднялся на свидетельскую кафедру; я заметил, что он и близнецы избегают смотреть друг на друга.

— Насколько мне известно, вы часто посещаете петушиные бои в Кослани, а после этого заходите в таверну, которая находится неподалеку. Так?

— Да, сэръ. Как правило, я хожу на петушиные бои по субботам.

— Двенадцатого мая вы тоже были там? — Болейн, судя по всему, уже пришел в себя.

— Да, сэръ.

— А мои сыновья? В тот вечер они присутствовали на петушиных боях?

— Да, сэръ, я видел их обоих: сначала во дворе, где проходили бои, а потом в ближайшей таверне. Они пришли туда в большой компании друзей, громко разговаривали и смеялись. Я слышал, они говорили о том, что намерены устроить шутку с ключом. Позднее поднялась суета, ибо Джеральд оставил на скамье свой дублет, в кармане которого находился кошелек с ключом. В таверне в тот вечер яблоку негде было упасть, и, когда они вспомнили о дублете, им не сразу удалось добраться до той скамьи. Помню, братья распихивали посетителей локтями и толкали столы, так что даже опрокинули пару кружек с пивом. Но когда они наконец нашли дублет, выяснилось, что ничего не пропало. К немалой их радости.

— Вы говорите, мои сыновья упоминали о некой шутке с ключом?

— Именно так. Они с друзьями немало выпили и говорили во весь голос.

— Благодарю вас, — кивнул Болейн; взгляд его был исполнен печали.

— Если позволите, я хотел бы сообщить суду еще кое-что, — заявил Чаури. — Жеребец по кличке Полдень всегда отличался неукротимым нравом. В Бриквелле сменилось несколько конюхов, ибо никто не сумел с ним поладить. Саймон Скамблер — единственный, кто нашел к нему подход. Ныне Полдень, как и прежде, никого не подпускает к себе.

— Благодарю вас, Чаури, — сказал Болейн. — А теперь... — трясущимися руками он перевернул несколько листков с записями, — я хотел бы в последний раз вызвать своих сыновей.

Близнецы, сопровождаемые любопытными взглядами, вернулись на свидетельскую кафедру. На этот раз вид у них был слегка раздосадованный. Болейн судорожно сглотнул. Снова повисло молчание.

— Нам следует поспешить! — не скрывая раздражения, заявил Рейнберд. — Заседание длится уже целых сорок пять минут.

— Приношу свои извинения, милорд! — Болейн взял себя в руки и пристально взглянул на сыновей. — Вы слышали: мой управляющий заявил, что вы лгали, утверждая, будто Скамблер скверно обращается с лошадью.

— Его слово стоит не дороже нашего, — равнодушно бросил Джеральд. — К тому же Чаури ваш слуга.

— Вы отрицаете, что вечером двенадцатого мая были в Кослани на петушиных боях, а затем отправились в таверну, где в компании друзей похвалялись, что устроите славную штуку с ключом?

— Накануне мы ночевали у дедушки и потеряли ключ от его дома. Именно об этом шел разговор, — сообщил Джеральд.

— А когда Джеральд нашел наконец свой дублет с кошельком в кармане, оказалось, что ключ лежит в кошельке, — добавил Барнабас.

— И как долго дублет находился на скамье?

— Примерно с полчаса, — пожал плечами Джеральд.

— Значит, вы не собирались отпереть конюшню, выпустить Полдня и все свалить на Скамблера? — продолжал свои расспросы Болейн. — Вы не сообщали об этом намерении своим приятелям и деду?

— Что за вздор он несет? — бросил Джеральд, повернувшись к брату.

— И дед не стал отговаривать вас от подобной шутки, сказав, что ваш отец, то есть я, непременно догадается обо всем, увидев у Скамблера синяки? Ему удалось вас убедить, и на следующий день вы подбросили Саймону ключ. Но вечером, когда ключ находился в кармане дублета Джеральда, кто-то украл его и снял восковой слепок — предположим, при помощи свечи. Слепок этот неизвестный человек впоследствии отнес слесарю Снокстоубу, дабы заказать копию ключа. Вы отрицаете, что подобное возможно?

Близнецы одновременно обожгли меня злобными взглядами. Я тяжело перевел дух. Если сейчас свидетели сообщат суду, что мы выудили у них все эти факты, прибегнув к насилию, нам с Николасом не миновать серьезных неприятностей в коллегии адвокатов. Оставалось надеяться, гордость не позволит братьям Болейн признать, что они попали в ситуацию, в которой выглядели самым жалким образом.

— Откуда вам известно, что именно говорил вашим сыновьям их дед? — обратился к Болейну судья Рейнберд.

— Простите, ваша честь, но я не могу открыть вам источник, из которого получил эти сведения, — судорожно сглотнув, заявил Болейн.

— Значит, ваши слова — не более чем показания с чужих слов, — возвел глаза к потолку Рейнберд.

— Милорд, мои сыновья так и не ответили на мой вопрос.

— Все это — не более чем бессовестная ложь! — Голос Джеральда звучал спокойно и ровно, однако в нем слышались зловещие нотки. — Наш отец и его управляющий Чаури измыслили эту историю, чтобы бросить на нас подозрение. Наш дед, вне всякого сомнения, подтвердит, что подобного разговора между нами никогда не было.

— Разумеется, я готов подтвердить это, — поднимаясь со своего места, заявил Рейнольдс.

— Наши друзья тоже подтвердят, что ни о какой шутке с ключом между нами не было речи.

— Не сомневаюсь, ваши друзья подтвердят все, что угодно, — буркнул Болейн. — Те самые друзья, на показаниях которых и основано ваше алиби.

— Напрасно вы расставляете нам ловушки, отец! — процедил Барнабас. — Вам не удастся отправить нас на виселицу за преступление, которого мы не совершали. Наша мать вернулась домой, и вы убили ее, это очевидно. А после подучили своего прихвостня Чаури и этого чокнутого Скамблера возвести на нас напраслину. — Он метнул взгляд в сторону Саймона. — Эй, Грязнуля! Я слышал, твой новый хозяин дал тебе пинка под зад? И поделом тебе, наглый вун. — Скамблер моментально съезжился. Барнабас повернулся к отцу. — Завтра мы придем посмотреть, как вас вздернут на виселицу, сэр.

— И каждая лишняя минута ваших мучений доставит нам огромное удовольствие! — с жутким смехом добавил Джеральд.

Близнецы, как я и надеялся, дали волю обуревавшей их злобе — увы, не в тот момент, когда речь шла о ключах. Так или иначе, зрители и присяжные взирали на братьев с отвращением; несомненно, на судей их выходка тоже произвела отталкивающее впечатление.

— Довольно! — рявкнул Катчет. — Своим поведением вы оскорбляете суд! Если бы не ваша тяжкая утрата, я приказал бы заключить вас обоих в тюремную камеру. Убирайтесь немедленно!

Не проронив более ни слова, близнецы вернулись на свое место. Дед наблюдал за ними с нескрываемым беспокойством. Вновь повисло молчание. Судья Рейнберд безмолвствовал, внимательно разглядывая собственные переплетенные пальцы. Наконец он повернулся к присяжным и изрек:

— Допрос свидетелей закончен. Вы слышали показания относительно обстоятельств, при которых было обнаружено тело. Вы слышали также, что в конюшне, принадлежащей обвиняемому, были обнаружены облепленные грязью ботинки и молоток, послуживший орудием убийства. Свидетели сообщили, что лошадь, находившаяся в конюшне, не подпускала к себе никого, кроме конюха и обвиняемого. Таким образом, у обвиняемого имелись как причина, так и возможность убить свою законную супругу. Даже если выдвинутое защитой предположение, согласно которому преступник действовал не в одиночку, соответствует истине, это отнюдь не означает невиновности Болейна. Что касается пропавшего ключа, вся эта история строится на запутанных показаниях с чужих слов и откровенных домыслах. Тем не менее вам решать, ставит ли она под сомнение виновность Джона Болейна вкупе с тем неопровержимым фактом, что разумный человек,

убив свою законную жену ради сохранения второго брака, несомненно, постарался бы спрятать труп, а не выставлять его на всеобщее обозрение. Впрочем, все мы сегодня убедились... — для пущего эффекта он сделал паузу, — все мы убедились в том, что мастер Болейн чрезвычайно вспыльчив и подвержен приступам ярости. Оставайтесь на своих местах, ибо нам предстоит рассмотреть еще несколько дел. Надеюсь, все они будут не столь запутанны и не отнимут так много времени.

По непроницаемым лицам присяжных трудно было понять, какое впечатление произвели на них слова судьи.

— Весьма предвзятое заключение, — шепнул я Изабелле.

— Значит, мы проиграли, сэр?

— Все теперь зависит от них, — сказал я, указав взглядом на присяжных.

Глава 29

Судья Рейнберд покинул зал суда; все встали и склонили голову в поклоне. Очевидно, прочие дела Катчету предстояло рассматривать в одиночестве. Тюремщик, подойдя к стоявшему за деревянной перегородкой Болейну, отвел его на скамью подсудимых. Два других тюремщика ввели в зал с полдюжины арестантов, грязных и оборванных. Все они опустились на скамью рядом с Болейном. Одна из них, девушка лет двадцати, со спутанными длинными волосами, беспрестанно кашляла. Зрители поглядывали на нее с некоторой опаской; всякий присутствующий в зале рисковал подцепить тюремную лихорадку, которой страдали многие заключенные. Родственники обвиняемых, в большинстве своем бедно одетые горожане, ерзали на местах. Катчет поднес к носу ароматический шарик, помогающий уберечься от заразы.

— «Король против Флетчера», — возвестил пристав. — Дело о краже шести буханок хлеба.

Со скамьи поднялся ужасающе худой старик. Его сотрясала мелкая дрожь. Украденный хлеб стоил больше нежели шиллинг, а это означало, что преступление карается смертной казнью. Катчет вперил суровый взгляд в обвиняемого.

— Уйдем отсюда, — шепнул я Изабелле.

Она поднялась со скамьи; за нами последовали Чаури, Скамблер, его тетушка, Николас и Тоби. Выйдя в вестибюль, я увидел бабушку близнецов, старую Джейн Рейнольдс. Она сидела на скамье, сложив на коленях забинтованные руки; белые повязки ярко выделялись на фоне черного платья. По словам Пэрри, у Эдит тоже были распухшие перекрученные суставы, припомнил я, — возможно, болезнь передавалась по наследству. Лицо Джейн, обрамленное черным чепцом, казалось восковым; взгляд остекленевших глаз был устремлен в пространство. Любопытно, подумал я, что эта женщина имела в виду, когда в зале суда повторяла сквозь рыдания: «О моя бедная Эдит, упокой Господь ее душу! Ну что бы ей родиться мальчиком! Насколько все тогда было бы проще!»

Мы отыскивали свободную скамью и уселись.

— Дела у нас не слишком хороши, да, сэр? — дрожащим голосом спросила Изабелла.

— Ну, так мы скажем не ранее, чем присяжные вынесут вердикт «виновен вне всяких сомнений». Я все-таки надеюсь, что история с ключом заронила в их души сомнения. Хотя, надо признаться, я рассчитывал, что нам удастся расколоть близнецов.

Чаури смотрел на Изабеллу со странным выражением, в котором сострадание смешивалось с вожделением.

— Я слышал, если обвиняемому угрожает виселица, присяжные хватаются за любую возможность признать его невиновным, — заметил он, повернувшись ко мне.

— За исключением тех случаев, когда они предубеждены против него, — пробурчал Тоби. — Увы, среди присяжных я заметил нескольких норфолкских дворян.

На лице Изабеллы мелькнул ужас. Я нахмурился и метнул в Локвуда сердитый взгляд, давая понять, что заводить подобный разговор вряд ли уместно.

— Вот невежа, — довольно громко пробормотал себе под нос Николас.

Скамблер с виноватым видом приблизился ко мне:

— Я только все испортил, да, сэр? Опять свалял дурака.

— Да уж, надо же до такого додуматься — затянуть перед судьями какую-то глупую песню! — сокрушенно покачала головой его тетушка.

— Со мной всегда так, — вздохнул Грязнуля. — Хочу сделать как лучше, но все порчу.

— Это потому, что в голове у тебя ветер, а слушать старших ты не желаешь, — убежденно изрекла тетя Хильда. — От этого все твои беды.

— Неправда, — возразил я. — Саймон очень толково дал показания относительно драки и пропавшего ключа. Всем было ясно, что он не кривит душой.

К сожалению, странности его поведения сыграли на руку близнецам, вздохнул я про себя. Наверняка присяжные решили, что этот чудаковатый подросток способен проглядеть ключ у себя под носом. Но об этом я счел за благо умолчать.

Дверь распахнулась, пропуская Гэвина Рейнольдса, за которым следовали его внуки.

— Вставай, Джейн, мы идем домой, — сказал он, подходя к жене. — Я договорился, что нам сообщат о вердикте, который вынесут присяжные.

Джейн безропотно поднялась. Проходя мимо, старик обжег меня взглядом, однако не сказал ни слова. Близнецы замешкались, с издевкой посматривая на Скамблера. Николас, придав лицу грозное выражение, сделал несколько шагов по направлению к ним. Барнабас ухмыльнулся и медленно провел пальцем по своей шее.

Около часа мы провели в тревожном ожидании. Я был отнюдь не прочь обсудить подробности заседания с Николасом и Тоби, но присутствие Изабеллы не позволяло мне сделать это. Чаури пытался развлечь ее разговорами о хозяйстве и будущем урожае, которому угрожала засуха. Но вот дверь отворилась, и перед нами предстал Барак.

— Мне нужно спешить, — сказал он. — Хотел только сообщить вам, что присяжные удалились для вынесения вердиктов. Как прошло слушание?

— Мы сделали все, что в наших силах, — осторожно ответил я.

Чаури, от которого не ускользнул печальный смысл моих слов, сочувственно посмотрел на Изабеллу. Она в испуге глядела на Барака.

— Это мой друг, — успокоительно заметил я.

— Я думала, заседание закончится гораздо быстрее, — прошептала Изабелла. — Ведь им надо было рассмотреть еще несколько дел.

— Делу вашего мужа уделили больше времени, чем обычно, потому что оно... — я запнулся, подыскивая подходящее слово, — чрезвычайно запутанное.

По правде говоря, я полагал, что делу Болейна уделили столько внимания по иной причине: оно относилось к числу скандальных событий, способных получить широкую огласку.

— Думаю, присяжные не станут медлить, — заметил Джек. — Судьи знают, как заставить их принять решение побыстрее. Подавать в комнату присяжных еду и питье категорически запрещено, так что до тех пор, пока вердикты не будут вынесены, им придется страдать от голода и жажды.

— Значит, вердикт вынесут совсем скоро. Спасибо, что сообщили нам об этом, — слабо улыбнулась Изабелла.

Барак поклонился и скрылся вновь.

Прошло еще томительных полчаса, прежде чем пристав пригласил нас в зад суда. Вставая, Изабелла пошатнулась, так что Чаури пришлось поддержать ее под локоть.

Войдя, мы увидели, что присяжные уже заняли места на своей скамье. Болейн, бледный как полотно, сидел рядом с другими обвиняемыми. Зрители бросали на него любопытные взгляды; два молодых человека, что-то оживленно строчившие во время слушания дела, держали перья наготове. Обведя зал глазами, я увидел Саутвелла и Фловердью, сидевших рядом.

Катчет ударил по столу молотком и повернулся к присяжным:

— Первое дело, «Король против Джона Болейна». Старшина, к какому решению вы пришли? Виновен или нет подсудимый?

— Виновен! — отчетливо прозвучало в наступившей тишине.

Я боялся, что Изабелла потеряет сознание, однако это произошло не с нею, а с ее мужем. Резко, как подкошенный, Джон упал, глухо ударившись об пол и звякнув цепями. Тюремщику пришлось поднять его и усадить на скамью.

Катчет устремил на него взгляд, лишенный малейших проблесков сочувствия.

— Джон Болейн, вы признаны виновным в одном из самых ужасающих преступлений, которые мне когда-либо приходилось рассматривать, — изрек он. — Приговариваю вас к казни через повешение, которая совершится завтра в девять часов утра.

Болейн сидел неподвижно, лицо его вновь обрело живые краски. Посмотрев на Изабеллу, он попытался растянуть губы в подобие улыбки. Катчет тем временем вопрошал, какой вердикт присяжные вынесли по следующему делу. Подсудимый, оборванный краснолицый малый лет сорока, горький пьяница, живущий подаянием, обвинялся в краже дюжины бутылок вина. Его тоже приговорили к смертной казни.

— Просьба о помиловании, — шепнул Николас, коснувшись моего локтя. — Передайте ее Бараку.

— Да, конечно. — Я стряхнул с себя оцепенение. — Надо вручить ее судьям, лучше Рейнберду. Надеюсь, Джек поможет мне.

Изабелла сжала мою руку обеими руками, взгляд ее был полон мольбы.

— Не сомневаюсь, узнав, что мы располагаем просьбой о помиловании, подписанной леди Елизаветой, суд отложит исполнение приговора, — вполголоса сказал я.

Третья обвиняемая, четырнадцатилетняя девочка-служанка, убежавшая от хозяев, прихватив с собой кое-какую принадлежавшую им одежду, была признана невиновной в краже, ибо присяжные сочли, что стоимость вещей не превышает шиллинга. Катчет недовольно зыркнул на них; впрочем, он прекрасно знал, что в делах подобного рода присяжные предпочитают проявлять милосердие.

Мы вышли из зала. Чаури и Изабелле предстояло вернуться на постоянный двор, и я попросил Тоби сопровождать их на тот случай, если им станут докучать назойливые сочинители памфлетов. Двое борзописцев покинули зал сразу после вынесения приговора Болейну. Можно было ожидать, что теперь они захотят встретиться с его женой.

— А ты, Николас, пойдешь со мной, — распорядился я.

Дверь зала суда распахнулась, пропуская Саутвелла и Фловердю. Фловердю слегка кивнул мне.

— Примите мои соболезнования, брат Шардлейк, — произнес он, не скрывая злорадной ухмылки.

— Благодарю вас, — ответил я ледяным тоном.

— Теперь земли Болейна отойдут королю и будут находиться в распоряжении главы Ведомства по делам конфискованного имущества сэра Генри Майна, — столь же холодно изрек Фловердю. — Этой распутной трактирной служанке придется покинуть его дом. Полагаю, в качестве представителя Болейна вы объясните Изабелле Хит, что в Бриквелле ей больше нечего делать.

— А я, в качестве представителя верховного феодала Норфолка, должен буду взять под опеку его сыновей, — добавил Саутвелл, глядя на меня сверху вниз из-под полуопущенных век; на губах его мелькнула угрожающая улыбка. — Надеюсь, все устроится ко всеобщему удовольствию. Насколько мне известно, дед молодых людей намерен выкупить право опеки. Уверен, мы сумеем договориться о цене, которая не ущемит интересов короля.

— Джентльмены, боюсь, подобные разговоры несколько преждевременны, — заявил я, судорожно сглотнув. — Я уполномочен подать просьбу о помиловании от имени леди Елизаветы. И сделаю это незамедлительно.

У Фловердью от неожиданности аж глаза на лоб полезли, лицо Саутвелла потемнело.

— Но не могла же она... — пробормотал он.

— Тем не менее она это сделала, сэр Ричард. Собственноручно подписала просьбу о помиловании. — Памятуя о том, что Саутвелл был в свое время приговорен к смертной казни и прощен старым королем, я не отказал себе в удовольствии добавить: — Вы сами знаете, джентльмены, помилование осужденного возможно, ибо тому имеются прецеденты.

Поклонившись Фловердью, который, казалось, впал в оцепенение, и Саутвеллу, тщетно пытавшемуся испепелить меня взглядом, я направился на поиски Барака.

Войдя в дверь, за которой он исчез, я оказался в просторной комнате, где за столами, заваленными бумагами, сидело не менее дюжины клерков. Завидев нас с Николасом, Барак встал из-за стола, в то время как все остальные поглядывали на нас с откровенной враждебностью.

— Ну что? — едва слышно спросил Барак. — Виновен?

— Да.

— Я заметил, что присяжные не прониклись к нему сочувствием. Как его несчастная жена?

— Отправилась в трактир, где сняла комнату.

— Бедная женщина в отчаянии, — сочувственно вздохнул Николас. — А как сейчас поступят с Болейном? Отведут назад в тюремную камеру?

— Да. Там он проведет ночь в ожидании завтрашней потехи, — кивнул Барак.

— У меня в кармане просьба о помиловании, — сказал я. — Ее надо безотлагательно передать судьям. Полагаю, лучше Рейнберду.

— Сейчас он на слушании гражданских дел, — сообщил Джек. — Так что придется часок-другой подождать, когда они сделают перерыв на обед.

Я обвел комнату глазами. Лица сидевших за столами клерков по-прежнему выражали недоброжелательство. Один из них, высокий, тощий как жердь малый, буравил нас глазами особенно злобно.

— Нам не следовало заходить сюда? — шепотом осведомился я у Барака.

— Теперь уж ничего не поделаешь, — пожал он плечами. — Идемте, я покажу вам, где лучше подождать Рейнберда.

Он вывел нас в длинный, лишенный окон коридор, в конце которого виднелась дверь, а перед ней — скамья.

— Рейнберд заседает в этой палате, — махнув рукой на дверь, сказал Джек. — Ждите здесь.

— Мы только что столкнулись с Саутвеллом и Фловердью, Они налетели на нас, как вороны на падаль, — ухмыльнулся Николас. — Видел бы ты, как у них вытянулись лица, когда мастер Шардлейк сообщил, что намерен подать просьбу о помиловании.

— Саутвелл служит управляющим у леди Марии, — добавил я. — Вне всякого сомнения, это известие будет ей не слишком приятно. Чем скорее мы передадим просьбу в суд, тем лучше.

Барак вернулся в свою контору, а мы с Николасом опустились на скамью. После шумного зала суда тишина, стоявшая в коридоре, казалась гнетущей. До нас доносилось только хлопанье дверей. Лишь однажды тишину нарушил дальний, исполненный муки вопль, — возможно, он долетел из зала суда, где очередному обвиняемому вынесли смертный приговор.

Николас покачал головой:

— Нет, заниматься уголовными делами мне не по душе. Мне кажется, я оказался в преддверии ада.

Одна из дверей распахнулась, и в коридор вышли двое мужчин. Судя по их богатой одежде, они никоим образом не относились к числу мелких клерков, — несомненно, то были высокого ранга чиновники. Они остановились неподалеку от нас, беседуя вполголоса.

— Наш осведомитель сообщает: то, что происходит ныне, — это всего лишь мелкая заварушка, — заметил один из них. — Настоящие беспорядки начнутся не здесь и не сейчас.

— Я встретил нескольких старых знакомых, причем двое из них — из Кента. Но никто не говорит ничего определенного.

— Не сомневаюсь, вскоре мы получим новые сведения. За моей спиной стоит Саутвелл, и он заинтересован в том, чтобы... — Второй бросил опасливый взгляд по сторонам и, заметив нас, предостерегающе опустил руку на плечо говорившего.

Оба поспешно удалились по коридору.

— О чем это они? — спросил Николас.

— Понятия не имею, — пожал я плечами.

Однако в памяти моей всплыл другой разговор, недавно подслушанный в трактире «Голубой кабан». Эдвард Браун, Майкл Воувелл и похожий на бывшего офицера человек по имени Майлс говорили о заварухе, которая вспыхнет в двадцатых числах июня. А сегодня было уже двадцатое.

В дальнем конце коридора раздались шаги. Обернувшись, я увидел судью Рейнберда, идущего так быстро, что красная, отороченная мехом мантия развевалась вокруг его дородного тела; вслед за ним семенил высокий худой клерк, тащивший кипу бумаг. Мы с Николасом встали и поклонились. На губах Рейнберда мелькнуло подобие улыбки. Как ни странно, он ничуть не удивился, увидев нас здесь:

— А, сержант Шардлейк. Любитель давать показания с чужих слов. — Несмотря на шуточный тон, взгляд его оставался жестким и колючим. — Кто этот молодой человек?

— Мой помощник мастер Овертон.

Рейнберд повернулся к своему клерку:

— Отоприте дверь, Арден, и положите бумаги на стол. А потом ступайте и исполните то, что я вам сказал.

После того как клерк удалился, Рейнберд сделал нам знак войти. Первым делом он сбросил мантию, под которой оказался шелковый дублет с гофрированным воротником. Усевшись за стол, судья с облегчением снял башмаки.

— Богом клянусь, от этой жары можно спятить. — Он улыбнулся, обнажив желтоватые зубы, которых уже осталось не слишком много. — Я предполагал, что вы будете меня ждать.

— Предполагали, милорд?

Мы с Николасом обменялись недоуменными взглядами.

— Именно так. Точнее, я не сомневался, что встречу вас здесь. Так что вы хотите мне сообщить?

— Леди Елизавета желает подать королю, своему брату, просьбу о помиловании мастера Болейна, — выдохнул я, извлек документ из кармана и вручил его Рейнберду.

Пробежав прошение глазами, судья удивленно вскинул бровь и положил бумагу на стол.

— Вот, значит, как, — пробормотал он. — Я не ожидал, что леди Елизавета пойдет так далеко. О том, что вы действуете по ее поручению, догадаться было нетрудно. В Англии не так много людей, располагающих средствами, позволяющими нанять сержанта юриспруденции, да еще и с помощником. Должен сказать, вы сделали все, что можно было сделать в этой безнадежной ситуации. Однако, пригласив в качестве свидетеля этого полоумного мальчишку-конюха, вы совершили несомненную ошибку. — Рейнберд хрипло рассмеялся и, наклонившись ко мне, произнес, многозначительно понизив голос: — Я полагаю, у вас не имеется ни малейших оснований оспаривать тот неопровержимый факт, что суд был справедлив и беспристрастен. Каждый, кто присутствовал в зале, подтвердит это.

— У меня нет никаких претензий к суду, милорд, — ответил я после недолгого колебания.

— Болейн находился под арестом более месяца, — продолжал Рейнберд. — Если вы прибыли в Норидж всего неделю назад, это не моя вина. Предупреждаю: любая попытка доказать, что в ходе рассмотрения дела нарушены нормы правосудия, будет иметь для вас самые печальные последствия.

— Это отнюдь не входит в мои намерения, милорд. Леди Елизавета просит короля, своего брата, проявить к преступнику милосердие и отменить смертный приговор, воспользовавшись королевским правом помилования.

Рейнберд вновь улыбнулся своей отталкивающей улыбкой.

— Не знаю, как отнесется лорд-протектор к тому, что леди Елизавета вновь оказалась замешанной в скандальную историю, — процедил он. — И это в то время, как толки вокруг прежнего скандала еще не успели затихнуть. К тому же нынешняя история произошла во владениях леди Марии. Как бы то ни было, — с этими словами он взял лежавшее на столе прошение, — все просьбы о помиловании должны получить одобрение суда, что вам, вне всякого сомнения, известно. Порой я не считаю нужным давать подобным прошениям ход. Но разумеется, когда речь идет о желаниях столь влиятельных особ, я умываю руки. Так что завтра жителям города придется пережить разочарование, — ухмыльнулся судья. — Они не увидят, как Болейна вздернут на виселицу.

Я счел за благо промолчать.

— А что намерены делать вы? — осведомился Рейнберд. — Вернетесь в Лондон?

— Полагаю, да. Через несколько дней.

— Придется вам захватить с собой одного из своих старых знакомых, — сообщил Рейнберд. И крикнул так громко, что мы с Николасом аж подпрыгнули от неожиданности: — Арден!

Дверь отворилась, и в комнату вошел уже знакомый нам тощий клерк. За ним следовал Барак, расстроенный и хмурый. Он снял железную руку, и правый рукав его дублета болтался пустой. Заметив это, Рейнберд удивленно вскинул бровь.

— К его протезу прикреплен нож, — пояснил клерк. — Вооруженные люди не могут быть допущены к вашей светлости.

Арден встал у дверей. Рейнберд, разглядывая Барака, вновь обнажил зубы в улыбке, удручающе походившей на волчий оскал.

— Итак, в нашем лесу завелась кукушка, подкладывающая яйца в чужие гнезда, — изрек он. — Иными словами, один из наших сотрудников в частном порядке оказывает услуги клиентам, что совершенно недопустимо.

Я изумленно уставился на Рейнберда. Во всех без исключения английских судах клерки за взятку сообщают служебные сведения, дают прошения ход или, напротив, откладывают их в долгий ящик. Разумеется, официально это запрещено, но в действительности является такой же неотъемлемой частью судебной системы, как дубинки приставов или мантии судей. Тем не менее Рейнберд продолжал сокрушенно качать головой. Джек не говорил ни слова в свое оправдание, губы его были плотно сжаты.

Судья повернулся ко мне:

— Десять лет назад, когда мастер Барак начал работать в качестве клерка на выездных сессиях суда присяжных, он уже обладал немалым опытом. Годы работы с вами и служба у Томаса Кромвеля не прошли для него даром. Он приносил немало пользы в качестве осведомителя, помогал отобрать подходящих присяжных, заблаговременно узнавал о царивших в городе настроениях, проводя вечера в разговорах с завсегдатаями трактиров и харчевен. Про обычную для клерка возню с бумагами я и не говорю. Однако прошения о вызове свидетелей в суд, которые Барак неоднократно подавал в ходе нынешней сессии, вызвали недоумение его непосредственного начальства. Сегодня он совершил

очередной недопустимый просчет, позволив вам находиться в конторе, куда доступ для посторонних лиц закрыт. Сержант Шардлейк, вы подкупаете служащих суда, дабы обеспечить себе их содействие.

— Я всего лишь поступаю так, как поступают все прочие, милорд, — растерянно пробормотал я. — То же самое можно сказать и про Барака. И я никогда ему не платил.

— Тем не менее мы не можем попустительствовать подобному нарушению правил, — отчеканил судья и кивнул Ардену. — Сделайте все необходимые записи относительно имевших место нарушений закона. Надеюсь, у нас не возникнет необходимости направить донесение об этом лорду-протектору, которому предстоит рассмотреть просьбу о помиловании.

Рейнберд вновь вскинул бровь и усмехнулся.

«Этот человек хочет иметь в руках оружие против меня, — мелькнула в моей голове догадка. — На тот случай, если я позволю себе неодобрительно отозваться о ведении процесса». Повернувшись к Бараку, судья сухо бросил:

— Разумеется, вы уволены.

Я ожидал, что Джек начнет шумно протестовать и возмущаться. Однако, к моему удивлению, он выслушал Рейнберда с невозмутимой улыбкой и кивнул:

— Может, это и к лучшему. Мне все равно опостылело заниматься этой ерундой. Давно подумывал о том, чтобы найти себе более достойную работу. — Он поднял пустой рукав. — Надеюсь, мне вернут мою железную руку? С ее помощью я кромсаю не судей, но лишь жирные куски мяса на своей тарелке.

— Убирайтесь! — рявкнул Рейнберд, смерив его презрительным взглядом.

Барак, отвесив издевательски почтительный поклон, вышел прочь. Николас, привыкший уважительно относиться к вышестоящим лицам, не выдержал и воскликнул:

— Это уж слишком!

Рейнберд устремил на него ледяной взгляд:

— Слишком, молодой человек? Что вы хотите этим сказать?

Николас моментально спохватился и прикусил губу:

— Простите, милорд.

— Так-то лучше. Что ж, надо подготовить официальный приказ об отсрочке казни Болейна. Завтра в восемь часов утра вы сможете его забрать. А сейчас я вас более не задерживаю.

Мы были уже у дверей, когда он окликнул меня:

— Сержант Шардлейк!

— Да, милорд? — повернулся я.

— Вам не следует задерживаться в Норидже. Вы нажили здесь немало врагов.

Барак ожидал нас у дверей Ширхолла; прислонившись к стене, он грелся на солнышке. Я заметил, что он успел пристегнуть свой протез. Увидев нас, он криво усмехнулся:

— Вот оно как вышло.

— Это я во всем виноват, старина. Рейнберд хочет вооружиться против меня.

— Дураку ясно, так оно и есть. Не терзайтесь понапрасну, я же говорил, эта крысиная возня мне осточертела. — Он бросил взгляд вниз, на город, расстилавшийся у подножия холма. — Тамазин эта новость, конечно, не слишком обрадует. У меня заранее звенит в ушах, стоит лишь представить, какими воплями разразится моя женушка. — Он ухмыльнулся и добавил: — Полагаю, не стоит рассказывать ей, что вы имеете некоторое отношение к моей отставке.

— Джек, позволь мне хоть как-то возместить тебе...

— Ничего не нужно, — покачал он головой. — Не волнуйтесь за меня. Буду работать на лондонских адвокатов и жить припеваючи. Кстати, а где Тоби? — спросил он, оглядевшись.

— Я попросил его проводить Изабеллу на постоянный двор.

— У меня вот какое предложение. — Барак говорил спокойно, но в глазах его горели хорошо знакомые мне бешеные огоньки. — Давайте сперва хорошенько пообедаем, а после обсудим наши дела. — Он хлопнул Николаса по плечу. — Как в старые добрые времена, да, парень?

Я провел рукой по волосам и взглянул на маячившую впереди серую громаду замка.

— Прежде мне нужно увидеться с Джоном Болейном, сообщить ему, что казнь отсрочена. К тому же следует безотлагательно написать леди Елизавете и мастеру Пэрри, поставить их в известность о том, что

дело приняло наихудший оборот. Так что давайте встретимся немного позднее. Джек, как ты отнесешься к перспективе поужинать в «Девичьей голове»?

— Прекрасно, — кивнул Барак. — Ник, придется нам с тобой обедать вдвоем.

— Ты ведь не собираешься уже завтра возвращаться в Лондон? — спросил я у Джека.

— Моя комната в «Голубом кабане» оплачена до воскресенья. Предполагалось, что на следующей неделе я отправлюсь в Саффолк. Так что Тамазин меня не ждет, да и я тоже не горю желанием поскорее вернуться в лоно семейства.

И, резко повернувшись, он двинулся прочь.

— Джек, мне очень жаль, что так получилось! — крикнул я ему вслед.

Не поворачиваясь, он помахал в воздухе единственной рукой в знак того, что не сердится. Сжав плечо Николаса, я прошептал:

— Сделай милость, проследи за ним. Судя по всему, Джек намерен напиться в стельку.

Николас кивнул и поспешил вслед за Бараксом. Проводив их взглядом, я направился в сторону замка.

Глава 30

В камере Болейна я застал Изабеллу. Она предпочла отправиться к мужу, а не в свою комнату на постоялом дворе. Супруги сидели, тесно прижавшись друг к другу и переплетя руки. Когда тюремщик впустил меня внутрь, оба устремили на меня взгляды, исполненные надежды и страха.

— Казнь отложена вследствие того, что мы подали просьбу о помиловании, — без промедления сообщил я. — Рейнберд согласился принять прошение, и тому будет дан законный ход.

Лица супругов просияли, и они заключили друг друга в объятия.

— Благодарю вас, мастер Шардлейк! — со слезами на глазах воскликнул Болейн. — Я уже решил, что мне конец. Особенно после того, как я вспылел в ответ на выпады этого мерзкого судьи.

— Кто бы сдержался на твоём месте, слушая, как он осыпает нас оскорблениями, — возразила Изабелла. — Какое ему дело, сколько лет мы жили вместе, прежде чем смогли пожениться? К преступлению это не имеет ни малейшего отношения.

— Вы совершенно правы, миссис Болейн, — кивнул я. — Но судьи никогда не упускают случая преподать публике урок морали. Особенно такие судьи, как Катчет. — Я с укором посмотрел на Болейна. — И вам, конечно, не следовало выказывать свой вспыльчивый нрав.

— Увы, у меня не хватило выдержки.

— За исключением этого эпизода, вы держались отлично. Жаль только, у ваших сыновей не удалось выманить признание относительно похищенного ключа. И Скамблер выставил себя на посмешище.

— Бедный Саймон, — улыбнулась Изабелла.

За исключением меня, она была единственным человеком, который называл мальчугана по имени, а не унижительным прозвищем.

Сквозь толстые тюремные стены до нас долетел вопль, исполненный тоски и отчаяния. Несомненно, то был один из тех несчастных, кому утром предстояла казнь.

— Это было ужасно — сидеть рядом с этими людьми, когда слушались их дела... — пробормотал Болейн. — Трое были признаны виновными в краже и приговорены к виселице. Катчет спешил, не давая себе труда толком разобраться в обстоятельствах, и без зазрения

совести объявлял закоренелыми преступниками бедняков, умирающих с голоду. Я не неженка, но как ужасно от них смердело... — Он покачал головой. — Еще бы, ведь некоторым пришлось гнить в тюрьме несколько месяцев подряд. И мне бы тоже не миновать виселицы, как этим троим, если бы не родственные связи с леди Елизаветой.

— Любимый мой, но ты ни в чем не виноват, — прошептала Изабелла, сжав руку мужа.

— Боюсь, вам придется провести в тюрьме еще немало времени, — заметил я, пристально глядя на Болейна. — В королевском суде не обойтись без взяток, и, прежде чем протектор рассмотрит просьбу о помиловании, может пройти долгий срок. Увы, мы не можем быть уверены в том, что решение окажется благоприятным. Но у нас имеются веские основания на это надеяться.

«Надо будет попросить Пэрри написать Уильяму Сесилу», — подумал я.

Джон потупился, но Изабелла тут же попыталась его приободрить:

— Я буду приходить к тебе, приносить еду... ведь я смогу навещать его, мастер Шардлейк? А о хозяйстве позаботится Дэниел.

— Да, — кивнул я, — полагаю, отныне с вами будут обращаться менее сурово.

— Если я просижу здесь долго, тебе понадобятся деньги, — обратился к жене Болейн. — У меня ничего более не осталось. — Он устремил угрюмый взгляд в пространство. — Думаю, настало время продать Полдня. Ты говорила, Чаури сумел с ним поладить?

— Более или менее. Конечно, Полдень не питает к нему особого расположения, однако соглашается подпускать к себе. Но как ты будешь обходиться без своей любимой лошади, когда вернешься?

— Я никогда не вернусь в Бриквелл, — покачал головой Болейн. — Даже если меня помилуют, это кошмарное обвинение легло на мою репутацию несмываемым пятном. И я вовсе не уверен, что хочу жить в Норфолке. А ты, моя радость?

— Нет. После того, что мы пережили, мне тяжело будет здесь оставаться.

— Мы могли бы поселиться в Лондоне.

— Но ты говорил, что содержание лондонского дома требует слишком больших вложений, — напомнила Изабелла.

— Мы можем его продать, так же как Бриквелл и прочие мои поместья, расплатиться с долгами и купить в Лондоне другой дом, поменьше. Или перебраться в любой другой город, туда, куда ты пожелаешь. Будем жить тихо и мирно, как скромные дворяне.

— И снова пойдем к венцу — там, где никто о нас ничего не знает, — со вздохом добавила Изабелла. — Да, это было бы неплохо.

— Насколько мне известно, я лишен права продавать и покупать земли до тех пор, пока не получу помилования? — повернувшись ко мне, осведомился Болейн.

— Да, в настоящий момент вы не можете совершать какие-либо сделки. По закону вы не имеете права даже продать свою лошадь.

— Сбагри Полдня побыстрее, не поднимая шума. За ценой не гонись, — накрыв рукой руку Изабеллы, посоветовал Болейн. — И когда жеребец будет продан, зайди в конюшню, подойди к задней стене и отсчитай двенадцать кирпичей справа и четыре снизу. Достань кирпич, и найдешь за ним двенадцать соверенов. Об этом тайнике не знает ни одна живая душа, кроме нас с тобой и мастера Шардлейка. — Помолчав, он вздохнул и произнес: — Конечно, мне будет не хватать Полдня. Я купил его, когда он был еще жеребенком, мастер Шардлейк. Уже тогда норы у него были своевольный, но я сумел показать ему, кто из нас двоих главный. А теперь мне придется расстаться с ним.

— Ты так добр ко мне, — прошептала Изабелла, коснувшись щеки мужа.

— Я не принес тебе ничего, кроме горестей, — вздохнул Болейн.

— Что ж, надеюсь, отныне судьба будет вам благоволить, — произнес я, вставая. — Завтра утром я получу приказ об отсрочке казни и после этого непременно навещу вас.

— Вы намерены вскоре вернуться в Лондон, мастер Шардлейк? — с печалью в голосе спросила Изабелла.

— Да, но я буду поддерживать с вами постоянную связь посредством писем. А теперь, с вашего позволения, мне пора идти. Надо написать леди Елизавете и завтра утром отправить ей письмо вместе с официальным постановлением суда. Жаль, что мы проиграли дело, но обстоятельства складывались так, что иной исход вряд ли был возможен, — сказал я и добавил, пристально глядя на Болейна: — Будь у вас более убедительное алиби, судебное разбирательство могло принять совсем иной оборот.

Изабелла, слегка нахмурившись, переводила взгляд с меня на мужа.

— Что уж теперь говорить попусту, — пожал плечами Джон; однако в голосе его я уловил нотки досады.

Я направился в «Девичью голову». День был в самом разгаре, солнце припекало вовсю. В Норидже у меня вошло в привычку ходить пешком; передвигаться верхом по узким многолюдным улицам города было бы затруднительно, к тому же ходьба была менее утомительна для моей спины. Тем не менее, когда я добрался до площади Тумлэнд, мускулы меж моих лопаток мучительно ныли. Мысли об увольнении Барака не давали мне покоя; я не мог не сокрушаться о том, что снова подставил своего друга под удар.

Войдя в комнату, я незамедлительно сел за письма леди Елизавете и Томасу Пэрри. Изорвав несколько черновиков, я в конце концов ограничился краткими, почти дословно повторяющимися друг друга сообщениями о том, что Болейн, несмотря на все наши усилия, был признан виновным, но просьба о помиловании принята и казнь отложена. В письме, адресованном Пэрри, я позволил себе добавить, что весьма сожалею о подобном вердикте, а также о том, что дело возбудило всеобщее внимание; однако, учитывая данные мне распоряжения, у меня не было иного выхода, кроме как подать просьбу о помиловании. В конце я посоветовал ему связаться с Сесилом. Посыпав письма песком, дабы чернила высохли быстрее, я спустился вниз и сообщил, что хочу отправить срочной почтой важные депеши в Хатфилд. Можно было не сомневаться: леди Елизавета, узнав о вердикте, будет очень огорчена, а Пэрри, пожалуй, придет в ярость. Просьба о помиловании означала, что дело будет передано в Королевский суд и неизбежно получит еще более широкую огласку. Я был уверен: и леди Елизавета, и Пэрри не преминут выразить мне свое неудовольствие.

Последние дни страшно меня вымотали, и я чувствовал себя таким усталым, что, растянувшись на кровати, проспал не менее двух часов — до тех пор, пока вошедший в комнату слуга не сообщил, что мастер Николас вернулся вместе с двумя джентльменами, которые нам

помогают. Время для ужина еще не настало, и я велел слуге пригласить всю компанию ко мне.

Николас выглядел посвежевшим, его бледная кожа покрылась легким загаром. Он поведал мне, что после обеда они с Бараксом отправились прогуляться на Маусхолдский холм.

— Ох, и славное местечко! — сказал он. — Мы там вдоволь надышались свежим воздухом.

Я догадался, что Овертон потащил на прогулку Баракса, дабы помешать последнему накачаться пивом.

— Жаль только, трава там жесткая и полно всяких мерзких колючек, — с усмешкой добавил Джек.

Вид у него был жизнерадостный, однако злобные огоньки в глубине глаз, так беспокоившие меня, не погасли. Тоби, напротив, выглядел усталым и грустным. Я сообщил ему, что уже подал просьбу о помиловании.

— Мастер Шардлейк, после ужина, если вы не возражаете, я хотел бы вернуться на ферму к родителям, — произнес он в ответ. — Мне очень жаль, что дело проиграно, но теперь, когда прощению дан ход, я вряд ли смогу быть вам полезен. Если вам или мастеру Копулдейку понадобятся мои услуги, вы всегда можете мне написать.

Учитывая, сколь тесно мы общались всю эту неделю, суховатая отчужденная манера Локвуда не могла не удивить меня. Но я понимал, мысли его поглощены болезнью матери и тревогами о будущем урожае.

— Разумеется, Тоби, я не смею вас задерживать. И спасибо за помощь, которую вы нам оказали.

— Надеюсь, старина, ты, по крайней мере, поужинаешь с нами? — воскликнул Баракс. — Кстати сказать, теперь, когда суд позади, я не прочь обсудить все подробности дела.

— К тому же, хотя суд и вынес вердикт, мы по-прежнему не знаем, кто убил Эдит Болейн, — напомнил Николас. — Определенно, нам будет что обсудить за ужином.

— Идея неплохая, — кивнул я. — Вы останетесь, Тоби?

— Да, конечно. Хотя, признаюсь откровенно, не думаю, что нам удастся разгадать эту загадку.

Отодвинув стол, стоявший у окна, все уселись вокруг него. Я принес бумагу и чернила для записей и тоже опустился на стул. Когда я сел, спину пронзила резкая боль, заставившая меня поморщиться.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил заметивший это Барак.

— Превосходно, — отрезал я.

— Итак, — начал Николас, — прежде всего мы пришли к выводу, что убийство совершено двумя мужчинами. Оба обладают недюжинной физической силой и хорошо ориентируются в Бриквелле.

— Если бы только вы смогли отыскать этого парнишку, Уолтера, и выяснить, кто же был тот незнакомец, приходивший в мастерскую Снокстоуба, — проронил Тоби. — Не сомневаюсь, этот молодой плут-подмастерье видит не хуже нас с вами. Но теперь, как говорится, ищи ветра в поле.

Отметив про себя, что он говорит «вы» вместо «мы», я невольно почувствовал себя задетым.

— По крайней мере, нам известно, кто украл ключ, — заметил Барак. — Братья Болейн. Двое молодых парней, крепких и сильных. — Он повернулся ко мне. — Вы по-прежнему непоколебимо уверены, что убийство — не их рук дело? По-моему, они оба сумасшедшие. Ни дать ни взять пара бешеных псов.

— Ты действительно считаешь этих молодчиков сумасшедшими? — уточнил Николас. — Необузданный и злобный нрав — это еще не признак безумия.

— Понять, до какой степени человек одержим безумием, бывает непросто, — кивнул я. — И все-таки нам удалось составить определенное представление о характерах близнецов. Да, я по-прежнему не думаю, что они убили свою мать; хотя, разумеется, подобную возможность нельзя исключать полностью. Не забывайте, несмотря на то что отношения отца и сыновей были предельно скверными, когда дело дошло до стычки с людьми Вайтерингтона, близнецы не отказались дать отпор захватчикам. Сегодня они не скрывали, что желают своему отцу смерти. Полагаю, это может означать только одно: они уверены, что Джон Болейн убил их мать.

— Вспомните, при каких обстоятельствах Барнабас получил свой шрам, — покачал головой Барак. — Братья, тогда еще мальчишки, кинули жребий, кому уродовать себе лицо. Хотели таким образом угодить своей матери, которая вечно жаловалась, что ей трудно различать близнецов. Так могли поступить только законченные безумцы.

— А по-моему, этот поступок всего лишь доказывает, что они отчаянно хотели завоевать ее любовь, — возразил я.

— Любовь, если она остается безответной, способна превратиться в ненависть, — изрек Барак. — К тому же смерть отца им выгодна. Если Саутвелл согласится передать их под опеку деда, а протектор вернет им конфискованные земли, как это порой бывает, они станут хозяевами всех владений своего отца. Прогонят прочь Изабеллу и продадут Бриквелл. Очень может быть, уступят его по сходной цене Саутвеллу — в благодарность за содействие в вопросе опеки.

— Старик Рейнольдс вполне способен заплатить Саутвеллу за право опеки над внуками, — заметил я. — Деньги, разумеется, пойдут в казну, но Саутвелл тоже внакладе не останется. Судя по тому, что я о нем слышал, он не из тех, кто упустит собственную выгоду.

— Этот человек был признан виновным в убийстве, однако получил от короля помилование, — проронил Тоби. — Ныне он обладает большим политическим влиянием.

— Мне это известно, — кивнул я. — Уильям Сесил, секретарь лорда-протектора, предупреждал, чтобы я остерегался переходить дорогу столь могущественному вельможе. Бриквелл нужен Саутвеллу для того, чтобы соединить свои земельные владения. И, познакомившись с ним, я убедился: это человек, для которого любые средства хороши.

— Не забывайте, есть еще Фловердюю, — напомнил Николас. — Он также занимается вопросами опеки и, возможно, тоже рассчитывает нагреть на этом деле руки.

— Надо бы хорошенько проверить алиби близнецов, — предложил Тоби. — На чем основано это алиби? На показаниях их закадычных друзей, молодых шалопаев. Среди этих друзей — Джон Аткинсон, который с помощью Ричарда Саутвелла в прошлом году похитил молодую девушку. Такие и соврут — недорого возьмут. Возможно, в тот вечер никто из них даже не заглядывал на петушинные бои.

— Но ведь там, помимо близнецов и их приятелей, собралась куча народа, — заметил Николас.

— Однако показания достойных молодых джентльменов способны перевесить показания нескольких дюжин простолюдинов, — не преминул вставить Локвуд.

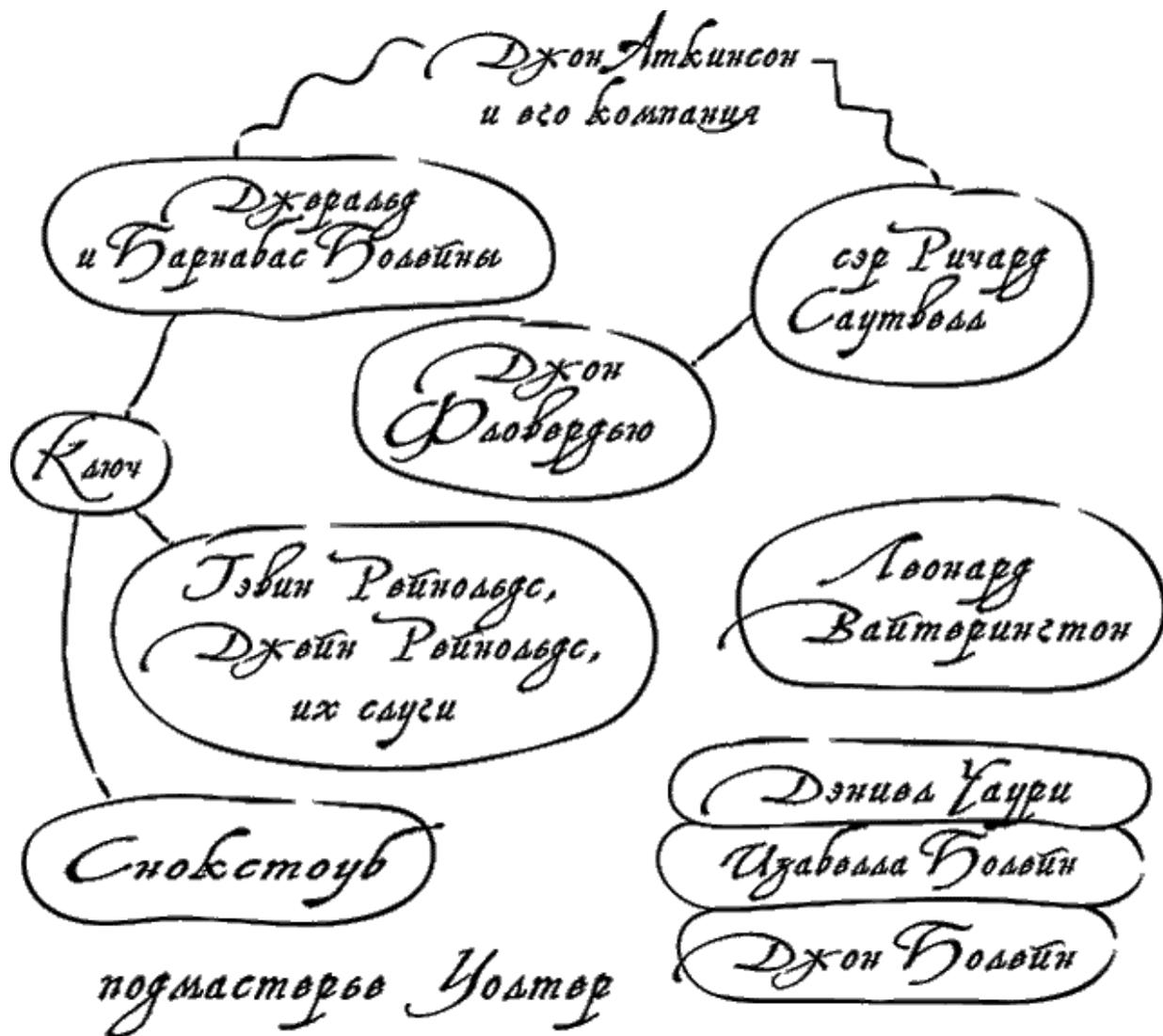
— Если близнецов на петушиных боях не было, всякий, кому это известно, может их шантажировать. Так же как и их друзей, давших ложные показания, — покачал я головой.

— Вы не знаете Норидж! — раздраженно бросил Тоби. — Не представляете, как сильно люди здесь боятся этих бешеных псов, братьев Болейн. И разумеется, Саутвелла.

— Любопытно, что управляющий Болейна Чаури тоже оказался в таверне в тот вечер, когда исчез пресловутый ключ, — задумчиво пробормотал Барак.

— Да, удивительное совпадение, которое могло сыграть нам на руку, — кивнул я. — Признаюсь, я очень рассчитывал на показания Чаури. Однако надо отдать должное близнецам, они вывернулись довольно ловко. Полагаю, дед дал им четкие указания. Не спору, полностью исключать братьев из числа подозреваемых нельзя, — признал я.

После чего вывел на листе бумаги «Джеральд и Барнабас Болейны», обвел имена близнецов кружком и соединил его волнистой линией с другой надписью — «Джон Аткинсон и его компания». Молодые приспешники Саутвелла, конечно, не относились к разряду подозреваемых, однако вполне могли обеспечить своим приятелям фальшивое алиби. Еще одна волнистая линия тянулась к другому имени — «сэр Ричард Саутвелл». Написав чуть в стороне «Джон Фловердью», я поднял голову и произнес:

— Давайте на несколько минут примем как данность, что близнецы сказали правду и ключ действительно был у них украден. Это мог сделать любой из их приятелей, людей Саутвелла, в интересах своего патрона. Но существует также вероятность, что ключ был похищен в доме их деда — самим Гэвином Рейнольдсом или кем-то из его домашних.

— Да старику-то ключ зачем понадобился? — недоверчиво спросил Николас. — Ему ведь уже за семьдесят, он еле ковыляет, опираясь на палку. Не могу себе представить, что Рейнольдс убил собственную дочь и сунул ее головой в ручей. Даже если у него имелся помощник.

— Не знаю, как насчет помощника, а веский мотив у него точно имелся, — заявил Барак. — Слепому видно, Рейнольдс лютой ненавистью ненавидит Джона Болейна и Изабеллу. Отправить зятя на виселицу и сделать внуков хозяевами поместья — предел мечтаний старого хрыча. Он вполне мог поручить это грязное дело кому-нибудь из своих слуг.

— Согласен, — кивнул Николас. — Это вполне возможно. Жаль, что их бывший управляющий Воувелл уехал из города. Он мог бы многое рассказать нам о домочадцах Рейнольдса.

Я молчал, сожалея о том, что упустил возможность поговорить с Воувеллом, встретив его в трактире в обществе Эдварда Брауна и человека по фамилии Майлс.

— За всю свою довольно долгую жизнь мне не доводилось сталкиваться с такой несуразной семьей, как эта, — произнес я наконец. — Дед — человек жестокий и бессердечный, прогнал свою дочь, когда она обратилась к нему за помощью; бабка обезумела от горя и...

— А что она там бормотала на суде? — перебил меня Николас.

— «О моя бедная Эдит, упокой Господь ее душу! Ну что бы ей родиться мальчиком! Насколько все тогда было бы проще!»

— Надеюсь, вы не подозреваете, что старуха убила свою дочь? — с натужным смехом спросил Барак.

— Скорее всего, она просто имела в виду, что, родись у нее вместо дочери сын, жизнь его сложилась бы более счастливо, — пояснил я. — Полагаю, представительницам слабого пола в этой семье живется несладко. Я своими глазами видел, как в суде старик бесцеремонно толкнул женщину, стоявшую у него на пути. Ну а близнецы, вне всякого сомнения, относятся к молодым женщинам как к забаве, а к старым — как к пустому месту.

— Достойные внуки своего дедушки, — кивнул Николас.

— Покойная Эдит тоже отнюдь не была ангелом, — обведя нас глазами, заметил Тоби. — Разумеется, она не заслужила такой ужасной смерти. Но характер у нее был тяжелый и своевольный. Возможно, это у них в крови.

— Вне всякого сомнения, Эдит была особой со странностями, — согласился я. — Ее домочадцам не позавидуешь.

Перо мое выводило на бумаге новые имена, заключенные в кружки: «Гэвин Рейнольдс, Джейн Рейнольдс, их слуги». Потом я написал слово «ключ» и соединил его чертой с фамилией «Снокстоуб». Чуть в стороне появилась еще одна надпись — «подмастерье Уолтер»; то был единственный человек, который мог бы пролить на эту тайну немного света. Закончив, я положил листок посреди стола, чтобы все могли хорошо его разглядеть.

— Как много зависит от этого злополучного ключа, — пробормотал Николас. — И самый главный свидетель здесь — пустившийся в бега Уолтер.

— То-то и оно. Впрочем, надо добавить еще одно имя. — В очередной кружок я заключил надпись «Леонард Вайтерингтон». — Сосед Болейна не скрывает своей ненависти к нему и хочет заполучить часть его земель. И если бы не прошение о помиловании, мог бы прямо сейчас купить все его имение.

— Очень сомневаюсь, что он посмел бы перейти дорогу Саутвеллу, — возразил Николас. — Наверняка ему известно, что сэр Ричард тоже не прочь захватить земли Болейна. И честно говоря, этот Вайтерингтон показался мне безнадежным тупицей. Где уж такому недоумку изобрести столь коварный и хитроумный план.

— Однако жестокости ему не занимать. Мы своими глазами видели, как он набросился на фермеров, которые пытались спасти посеы от его прожорливых голубей, — напомнил Тоби. — Не сомневаюсь, Вайтерингтон запугал старого пастуха.

— Тем не менее Николас прав, — покачал я головой. — Вайтерингтон слишком глуп, чтобы измыслить подобное преступление. И все же без него наш список будет неполным.

Николас смущенно откашлялся:

— Я бы не хотел вносить лишнюю путаницу, но...

— Давай, парень, выкладывай, что ты там придумал! — подбодрил его Барак.

— Есть еще один человек, заинтересованный в смерти Болейна. — Все мы уставились на Николаса так пристально, что он слегка зарделся. — Я говорю о Дэниеле Чаури, управляющем.

— Ему-то здесь какая корысть? — недоуменно спросил Тоби. — Что он выигрывает?

— Изабеллу, — проронил Овертон.

На несколько мгновений повисло молчание, потом Локвуд расхохотался:

— Изабеллу? Согласен, она чертовски хороша, и я понимаю, мастер Николас, вам она приглянулась. Хотя, на мой вкус, она раскрывает свой рот чаще, чем это следует достойной женщине. Но слепому ясно: она верная жена и обожает своего мужа. Помните, как Болейн вторично сделал ей предложение со скамьи подсудимых и она ответила согласием?

Разумеется, все мы прекрасно это помнили. Перед внутренним моим взором встало расстроенное лицо Чаури. Вне всякого сомнения, чувствительная сцена, произошедшая между супругами, ранила его в самое сердце.

— Изабелла, разумеется, не влюблена в Чаури, — негромко произнес Николас. — Но он влюблен в нее, а любовь, как известно, слепа. К тому же они стоят на одной ступеньке общественной лестницы.

Тоби вновь расхохотался. Пытаясь предотвратить очередной спор между ним и Николасом, я поспешно встал:

— Вне всякого сомнения, Чаури действительно влюблен в Изабеллу по уши. Полагаю, она прекрасно осведомлена о его чувствах и иногда этим пользуется. Что ничуть не мешает ей любить своего мужа, Джона Болейна. Ты согласен со мной, Джек? — Я повернулся к Бараку.

— Я далек от мысли, что убийца — Чаури, хотя у него имелась возможность сделать это. Равно как и изготовить дубликат ключа. Несомненно, управляющего следует внести в список подозреваемых. Как, впрочем, и Изабеллу.

Я кивнул в знак согласия.

— Есть еще один человек, у которого отсутствует алиби, — произнес я, выводя на бумаге последнее имя — Джон Болейн.

Мы принялись внимательно рассматривать листок. Джеральд и Барнабас Болейны. Гэвин и Джейн Рейнольдс, а также их слуги. Леонард Вайтерингтон. Джон Фловердью. Сэр Ричард Саутвелл. Дэниел Чаури. Изабелла Болейн. И наконец, Джон Болейн. Итого десять имен. Теперь загадка казалась еще более неразрешимой, чем прежде. Я взглянул на Локвуда, который хмурился, все еще переживая спор с Николасом.

— Тоби, вы оказали нам бесценную помощь и, более того, в ходе расследования пролили свою кровь, — произнес я. — Поверьте, все мы питаем к вам глубочайшую признательность. Могу я попросить вас еще об одной услуге? После нашего отъезда попытайтесь отыскать следы сбежавшего подмастерья и бывшего управляющего Майкла Воувелла. Возможно, фамилию Уолтера вам сообщат в гильдии слесарей. Показания этих людей — наша единственная надежда распутать дело.

Тоби запустил руки в свою смоляную шевелюру и задумчиво посмотрел на меня.

— Отыскать Уолтера — дело не такое уж и хитрое. Вы правы, скорее всего, в гильдии слесарей знают его фамилию. Найти Воувелла будет посложнее, хотя попробовать можно, — пробормотал он без особой уверенности. — Но зачем это вам сейчас, после суда, когда просьбе о помиловании уже дан ход?

— Однако нет никакой уверенности, что ответ окажется благоприятным, — пожал я плечами. — В любом случае будет неплохо отыскать убийцу и восстановить доброе имя Болейна.

— Тот, кто убил Эдит, скорее всего, убил и Снокстоуба, — предположил Барак.

Локвуд повернулся ко мне:

— А мастер Копулдейк даст согласие на продолжение расследования?

— Даст он согласие или нет, я гарантирую, что заплачу вам за услуги.

Тоби, теребя свою густую черную бороду, устремил на меня взгляд, в котором светилось нечто вроде восхищения.

— Признаюсь, сэр, прежде мне не доводилось встречать такого упорного законника, как вы. Разумеется, я постараюсь выполнить вашу просьбу. Правда, сейчас, когда матушка больна, а хозяйство требует постоянных забот, свободного времени у меня остается немного. Но поверьте, я сделаю все, что в моих силах.

— Благодарю вас. — Я поднялся и пожал Локвуду руку. — Непременно пришлю вам документ, в котором будут перечислены условия нашего сотрудничества. А вы в любое время можете написать мне в Линкольнс-Инн.

Повисло молчание, которое нарушил Николас:

— Меня все-таки очень занимает, где Эдит провела последние девять лет?

— Одно могу сказать с уверенностью: не в Норидже, — ответил Тоби. — Здесь о ней не было ни слуху ни духу. Разве что все эти девять лет она безвылазно просидела в погребе.

Представив это, я невольно поежился.

— Но если ее не было в Норидже, то где Эдит жила все эти годы? — спросил Барак. — И в каком качестве — пленницы или гостьи?

— И по какой причине она ушла оттуда и направилась в...

Я успел лягнуть Николаса под столом прежде, чем он произнес «Хатфилд». То была тайна, которую мы свято хранили и должны были блюсти впредь; выйди эта тайна наружу, можно было не сомневаться — сочинители памфлетов раздуют из нее самую невероятную историю.

— Пожалуй, пора садиться ужинать, — поспешно произнес я, пытаясь замять неловкость. — Ведь Тоби еще предстоит ехать на свою ферму.

Мы спустились по широкой лестнице. Я решил за ужином уговорить Барака вернуться в Лондон вместе с нами. В любом случае завтра надо будет сообщить хозяину постоянного двора, что в субботу мы намерены тронуться в обратный путь. Можно не сомневаться: избавившись от столь беспокойных постояльцев, он вздохнет с облегчением. Я взглянул на троих своих товарищей и с грустью подумал о том, что, возможно, мы в последний раз собираемся вместе. Войдя в обеденный зал, я услышал, как два купца горячо обсуждают крестьянский бунт, вспыхнувший в местечке под названием Эттлборо; из разговора явствовало, что тамошние фермеры ломают изгороди, ограждавшие пастбища местного землевладельца.

На следующее утро, двадцать первого июня, мы с Николасом вновь отправились в замок, забрать приказ об отсрочке смертной казни. Накануне вечером Барак, хотя и без особой охоты, дал-таки согласие вернуться вместе с нами в Лондон и сообщить Тамазин о том, что он потерял свою прибыльную должность. Сегодня была пятница; все уголовные дела уже были рассмотрены, однако суд продолжал заниматься слушанием гражданских дел. Завтра судьям предстояло перебраться в Саффолк. Оба мы пребывали отнюдь в не лучшем

настроении, поэтому шагали по улицам молча. День снова выдался жаркий, так что мы позволили себе скинуть мантии законников; производить впечатление на окружающих более не требовалось. Николас, по обыкновению, не расставался с мечом, который висел у него на поясе.

— По крайней мере через несколько дней ты увидишься со своей ненаглядной Беатрис, — усмехнулся я.

Мне было известно, что с сегодняшней почтой мой помощник отправил Беатрис письмо, в котором сообщал о своем скором возвращении.

— Да, и с тем молодым прохиндеем, который вздумал волочиться за ней в мое отсутствие.

— Я уже говорил — скорее всего, никакого ухажера не существует в природе. Она просто морочит тебе голову, пытаясь возбудить ревность. Испытанный прием женского кокетства.

— Беатрис на такое не способна, — отрезал Николас, однако голос его звучал далеко не так уверенно, как прежде.

— Вчера ты был совершенно прав, напомнив, что Чаури тоже входит в число подозреваемых, — перевел я разговор в другое русло. — А то, что ты согласился включить в список подозреваемых Изабеллу, особенно служит тебе к чести.

— Это еще почему? — недоуменно уставился на меня Николас.

— Потому что слепому видно: ты к ней равнодушен, — улыбнулся я. — Но здравый смысл, присущий тебе как законнику, все же возобладал над чувствами. Не сомневаюсь, из тебя выйдет превосходный адвокат.

Овертон, довольный похвалой, расплылся в улыбке.

— Я распорядился, чтобы завтра нам подали лошадей к девяти часам, — сообщил я. — Думаю, сегодня мы сможем навестить Джозефину и Эдварда.

— Что ж, давайте заглянем к ним. Надеюсь только, на этот раз Эдвард не будет рассуждать о том, как несправедливо устроен этот мир. Как и Тоби, он бывает невыносим, когда пускается в обличения и начинает сотрясать воздух.

На память мне вновь пришел вечер в трактире «Голубой кабан», когда я невольно подслушал разговор между Эдвардом, Майклом Воувеллом и неким Майлсом. Возможно, в отличие от Тоби, Эдвард

Браун не ограничивается одним лишь сотрясанием воздуха, пронеслось у меня в голове.

По Аппер-Гоут-лейн мы подошли к рыночной площади. Когда мы проходили мимо ратуши, до нас долетел взволнованный гул голосов. Толпа в нетерпении ожидала потехи — смертной казни. По настоянию судьи Катчета, всем осужденным предстояла долгая и мучительная смерть на виселице.

Перед входом в ратушу собралось человек сто. Широкий деревянный помост, который начали сооружать еще несколько дней назад, теперь был полностью готов; на него вело несколько ступенек. Четыре петли из толстой веревки свисали с перекладины, ожидая приговоренных. Палач, здоровенный детина в белой рубашке, с длинными седыми волосами и мясистым квадратным лицом, поочередно потянул за каждую петлю, проверяя их крепость. Вокруг эшафота стояло с десятков солдат, вооруженных алебардами; они не давали зевакам подходить к месту казни слишком близко. Помощник палача, юнец лет двадцати, нажал на рычаг, и доски помоста, находившиеся под петлями, с треском провалились. Еще одно движение рычага, и они вернулись на свое место. Палач, наблюдавший за действиями своего подручного, удовлетворенно кивнул.

В дальнем конце рыночной площади появились три повозки с высокими бортами. Их сопровождал отряд стражников из замка. Один из них шел впереди и оглушительно бил в барабан.

В Лондоне мне множество раз приходилось видеть подобные процессии, направлявшиеся в Тайберн.

— Посмотрите, — толкнул меня в бок Николас.

Толпа по большей части состояла из бедно одетых простолюдинов обоих полов, предвкушающих бесплатное развлечение; я заметил и нескольких плачущих родственников, которых утешали друзья. Впрочем, два человека, несмотря на близкое родство с одним из осужденных, и не думали проливать слезы; то были Джеральд и Барнабас Болейны. Братья стояли в окружении своих приятелей, молодых людей, одетых с вызывающей пышностью; был среди них и Джон Аткинсон. Все они оживленно болтали и смеялись. Толпа словно бы обтекала эту компанию, оставляя вокруг нее свободное пространство.

— Подонки! — с отвращением бросил Николас. — Пришли поглазеть, как их отца вздернут на виселицу. Не знают, какое их ждет горькое разочарование.

— Рейнберд не стал предавать огласке отсрочку смертной казни Болейна, — кивнул я, ошеломленно глядя на близнецов.

Они во всеуслышание обещали в суде прийти и полюбоваться, как их отца вздернут на виселицу; но я все же не думал, что они исполнят свое обещание.

— Тянуть висельников за ноги запрещено, — пояснил один из зевак своей жене. — Значит, бедолагам придется вдоволь поплясать в воздухе.

— Не хочу на это смотреть, — отвернулся Николас.

Но я словно бы к месту прирос. Повозки смертников остановились напротив ратуши. Солдаты заставили сойти на землю четырех человек, сидевших на первой из них. Руки несчастных были крепко прикручены к телу веревками. То были люди, дела которых слушались вчера. Растрепанная девица с тряпичной куклой в руке. Краснолицый парень, украсивший дюжину бутылок вина, — судя по тому, как сильно он шатался, сегодня утром ему было позволено вдоволь испить своего любимого напитка. Истощенный, дрожащий от страха старик, стянувший несколько буханок хлеба. Последним шел человек в сером дублете и белой рубашке, наряде, столь не похожем на лохмотья остальных осужденных; то был Джон Болейн, с расширенными от ужаса глазами. Я так сильно сжал руку Николаса, что тот вскрикнул.

— Господи Иисусе! — сорвалось с его губ, когда он проследил за моим взглядом.

— Но моя казнь отсрочена! — возопил Болейн, пытаясь оттолкнуть солдат, тащивших его на эшафот. — Я подал просьбу о помиловании, которую одобрил суд!

— А я королева Франции! — издевательски крикнул какой-то остряк. — Давай не трусь! Бери пример с остальных!

Трое других смертников безропотно двигались к помосту; пьяный едва держался на ногах, девчушка не сводила глаз со своей тряпичной куклы. Они были уже у самых ступеней. Зрители, которых перепалка между остряком и Болейном весьма позабавила, довольно посмеивались. Взгляды близнецов, устремленные на отца, выражали

глубочайшее отвращение. Болейн обвел толпу безумными глазами и, заметив нас с Николасом, заорал во всю глотку:

— Спасите меня! Спасите!

— Умел убить, сумей и умереть! — рявкнул кто-то в толпе.

К нему присоединилось еще несколько голосов.

— Умри, как подобает мужчине! — донеслось до меня, и я понял, что это кричат близнецы.

— Мы должны остановить казнь! — выдохнул я и, расталкивая толпу локтями, начал пробираться к помосту.

Николас следовал за мной по пятам. Осужденные уже поднимались по ступенькам. Старик рыдал, сотрясаясь всем телом. Я хотел вбежать на эшафот вслед за ними, но солдат с алебардой преградил мне путь:

— Какого черта ты сюда лезешь, горбун? Или тоже хочешь поплясать в петле?

— Казнь Джона Болейна отложена! — крикнул я. — Я — его адвокат! Вчера судья Рейнберд издал приказ об отсрочке казни!

Второй солдат наставил свою алебарду на Николаса:

— Что-то вы с приятелем не слишком похожи на законников!

— Они — не законники, а прохиндеи! — донеслось с площади; вне всякого сомнения, это кричали близнецы.

— Вздерните их на виселицу! — подхватил кто-то.

— Смерть всем джентльменам! — пронеслось по толпе, настроение которой становилось все более кровавым.

Я взглянул на помост. Смертники уже стояли там, каждый напротив своей петли. Пьяница, внезапно осознавший, что происходит, попытался соскочить с эшафота.

— Нет! Нет! — повторял он.

— И где же это чертово помилование? — сердито спросил солдат, стоявший рядом со мной.

— В замке! Мы как раз шли за ним! Констебль должен был доставить в замок копию приказа. Умоляю, позвольте мне поговорить с палачом.

— Значит, никакой бумаги у вас нет?

— Нет, но...

На помосте палач уже набросил петлю на шею старика. Он устремил на меня абсолютно безучастный взгляд и, услышав, что никакого документа у меня нет, продолжил свою работу: накинул петлю

сначала на шею девушки, а потом на шею Болейна. Последним настал черед пьяницы, который тщетно пытался оттолкнуть палача.

— Я невиновен! — отчаянно кричал Болейн. — Это мой адвокат!

Девчушка, даже с петлей на шее, продолжала неотрывно смотреть на свою куклу.

— Милли, моя маленькая Милли, — бормотала она.

Старик молчал, сотрясаемый крупной дрожью.

— Пропустите нас! — рявкнул Николас, метнулся вперед, что есть мочи толкнул солдата с алебардой и выхватил из ножен меч.

Воспользовавшись моментом, я бросился к лестнице.

— Мастер Шардлейк, спасите меня! — взмолился Болейн.

Палач, нахмурившись, кивнул своему помощнику. Тот нажал на рычаг, и доски помоста провалились.

Толпа удовлетворенно загудела. Четверо смертников повисли в воздухе. Старик сразу затих, но мужчина, висевший рядом с Болейном, громко хрипел, словно все еще пытаюсь протестовать, и отчаянно дергал ногами в безумной надежде вновь обрести опору. Глаза его вылезли из орбит, на губах показалась пена. Ноги девушки тоже отплясывали в воздухе дикий танец. Подол ее платья потемнел, так как она обмочилась; кукла выпала из разжавшихся пальцев и упала на землю. Кто-то из зевак моментально схватил ее в качестве сувенира. Болейн не сучил ногами, он лишь несколько раз конвульсивно дернулся. Лицо его побагровело, язык высунулся.

Я наконец взобрался на помост. Палач преградил мне путь.

— Казнь отсрочена! — сипел я из последних сил. — Ради бога, спасите его, пока еще не поздно!

Сквозь толпу протолкнулась пожилая женщина. Подойдя к помосту, она умоляюще сложила руки.

— Мой муж! Мой дорогой муж! — повторяла она. — Прошу вас, мастер палач, позвольте мне повиснуть у него на ногах и прекратить его мучения.

Оглянувшись на повешенных, которые парили в воздухе, подобно призракам, я понял, что старик все еще жив. Тело его сводили судороги беззвучной агонии.

Не знаю, где я нашел силы оттолкнуть грузного палача и броситься к Болейну. Ноги девушки, отплясывающие безумный танец в воздухе, едва не задели меня по голове. Из закрытых глаз Джона струились

слезы, вывалившийся язык посинел. Я обхватил его руками за пояс и, сделав отчаянное усилие, приподнял. Спину мою пронзила резкая боль. Толпа удивленно гомонила. Несколько мгновений спустя рядом со мной оказался Николас, тоже пытавшийся вынуть Болейна из петли. Потом кто-то железной хваткой сжал мою руку повыше локтя и потащил прочь. Отбиваясь, я споткнулся, упал и, скатившись с помоста, рухнул на землю. Невыносимая боль в спине заставила меня потерять сознание.

Часть третья
Ваймондхем

Глава 31

Я очнулся, словно вынырнув из темноты. Обнаружив себя в лежачем положении, в течение нескольких жутких мгновений я полагал, что все еще валяюсь на земле у эшафота, посреди орущей и улюлюкающей толпы, а надо мной висят четыре смертника и среди них — Болейн. Переведя дух, попытался пошевелиться, но спину пронзила боль столь мучительная, что я невольно вскрикнул. А затем ощутил, как на лоб мне положили полотенце, смоченное холодной водой. Знакомый женский голос мягко произнес:

— Не двигайтесь, мастер Шардлейк. Доктор сказал, вам нельзя шевелиться.

Моргнув несколько раз, я убедился, что нахожусь в своей комнате в «Девичьей голове». У постели моей стояла Джозефина, взгляд ее был исполнен тревоги и заботы.

— Вы в безопасности, — сказала она негромко.

— Болейн? — прошептал я одними губами; во рту у меня пересохло, шершавый язык еле ворочался.

— Жив, — улыбнулась она. — Подождите, я приведу доктора. И умоляю: пока меня не будет, не пытайтесь двигаться.

Джозефина поспешно вышла из комнаты. Почувствовав, что боль, вызванная неосторожным движением, ослабла, я прислушался к собственным ощущениям и отважился слегка повернуть голову. Неподалеку от кровати стояла легкая переносная колыбелька, а в ней лежал младенец со светлыми волосиками — дочь Джозефины Мышка. Она взглянула на меня и неожиданно расплылась в беззубой улыбке, протянув ко мне ручонки. Я улыбнулся в ответ.

Джозефина вернулась с доктором Белайсом, лечившим Тоби после ночной схватки с братьями Болейн. Узкое вытянутое лицо медика выражало величайшую серьезность. Взяв ребенка на руки, Джозефина выскользнула из комнаты.

— Вашей спине необходим покой! — вскинув руку, предупредил врач. — Любое движение может принести вам непоправимый вред.

— Но ходить-то я смогу? — спросил я дрогнувшим от страха голосом.

— Конечно, конечно, — заверил доктор. — Вам несказанно повезло. Запросто могли сломать хребет, но Господь уберег вас от такой беды, и вы отделались ушибом мягких тканей. Правда, сейчас мускулы у вас свело судорогой, и они твердые как камень. Но не волнуйтесь, вскоре станете как новенький — разумеется, если будете меня слушаться. Я тщательно осмотрел вас, пока вы были без сознания. На ваше счастье, я имею немалый опыт по части лечения поврежденных костей и мускулов.

— Вот как?

— Да, меня привлекает именно эта область медицины. По крайней мере, здесь можно обойтись без жутких снадобий, которыми потчуют своих пациентов мои коллеги.

— Долго я провалялся без сознания?

— Около суток. Сейчас утро субботы. На свою удачу, вы не разможили себе череп, хотя и получили при падении сильный удар. Крови было великое множество, как и всегда, когда поврежден скальп. Зеваки, собравшиеся на площади, не сомневались, что вам конец. — Доктор налил из кувшина, стоявшего на столике у кровати, легкого пива и поднес стакан к моим губам. Потом пристально взглянул на меня и произнес: — Вы стали в Норидже знаменитостью.

— Джозефина сказала, Болейн жив...

— Да. Когда палач толкнул вас и вы упали с помоста, ваш молодой помощник продолжал держать его за ноги, спасая от удушения. Мне рассказывали, мастер Овертон кричал, что казнь отсрочена, что палач убил вас и теперь его самого вздернут на виселицу. — Губы Белайса тронула легкая улыбка, но взгляд по-прежнему был серьезен. — У вас имелись все шансы сломать позвоночник и навсегда лишиться возможности ходить. — Дав мне время осознать это, он продолжил: — Палач вынул Болейна из петли, и его отвезли в замок. Пока он не в состоянии говорить, но жизни его ничто не угрожает. Я это точно знаю, ибо жена Болейна попросила меня заняться его лечением.

— А все другие осужденные повешены? Те, что ожидали своей очереди на повозках.

— Разумеется, все прочие казни свершились своим чередом, — пожал плечами врач. — Городские простолюдины очень разочарованы. Только и разговоров о том, что джентльмен, на казнь которого все так

хотели полюбоваться, спасся благодаря уловкам законников, а бедняков вздернули на виселицу.

— Что ж, это чистая правда.

Белайс искоса взглянул на меня и счел за благо сменить тему:

— Вам повезло еще и в том, что у вас есть хорошие друзья. Мастер Овертон быстро связался с мастером Бараком и миссис Джозефиной, и они втроем по очереди дежурили у вашей постели. После того как спазм пройдет, вы сможете двигаться, но только очень медленно и осторожно. И помните, вам надо оставаться в постели еще как минимум сутки. Надеюсь, завтра, в крайнем случае послезавтра, я разрешу вам встать. Согласно моим принципам, больных не следует оставлять в кровати, когда в этом нет необходимости. Кстати, с моего одобрения мастер Овертон написал доктору, который лечит вас в Лондоне.

— Огромное вам спасибо, — сказал я. — Жаль, что вы не знакомы с Гаем, наверняка вам было бы о чем поговорить. Читали вы трактат Везалия «О строении человеческого тела»?

— Да, конечно. Книга эта есть в моей библиотеке.

— Гай чрезвычайно ее ценит. Еще раз благодарю вас.

— Подождите с благодарностями, пока не получите счет за лечение, — усмехнулся доктор Белайс. — Врачи еще более алчный народ, чем адвокаты. Да, вот еще что... — добавил он, слегка поколебавшись. — Я приготовил для вас отвар, облегчающий боль. Только смотрите не злоупотребляйте им. Легкий массаж спины два раза в день принесет вам несомненную пользу. Миссис Браун готова этим заняться. Женские руки, как известно, нежнее мужских.

Я сокрушенно вздохнул. Меньше всего на свете мне хотелось обнажать перед кем-нибудь свою горбатую спину. Тем более перед женщиной, Джозефиной...

Замешательство мое не ускользнуло от доктора Белайса, который сообщил:

— Она уже дала согласие. Во время массажа в комнате непременно будет присутствовать мастер Барак или мастер Овертон, дабы избежать кривотолков.

— Массаж действительно необходим мне?

— В этом нет никаких сомнений.

— Если нужен свидетель, то пусть это будет Барак, — попросил я. — Ему уже доводилось любоваться моей спиной.

— Хорошо. А сейчас лежите спокойно. — Он внимательно взглянул на мое изборожденное морщинами лицо и седые волосы. — Мне сказали, вам сорок семь лет.

— Так оно и есть.

— Учитывая состояние здоровья, не староваты ли вы для подобных приключений?

После ухода доктора в комнату вошли Барак и Николас, который выглядел встревоженным и бледным. Я поблагодарил его за участие в спасении Болейна.

— Сам не знаю, как мне удалось вытащить бедолагу из петли, — ответил он, и в голосе его прозвучало искреннее недоумение. — Страшно вспомнить, как все это было... Я держу его, обхватив за ноги, вокруг извиваются и хрипят все эти несчастные, а палач пытается оттащить меня прочь. В довершение ко всему я не сомневался, что вам крышка... — Николас осекся и сокрушенно покачал головой.

Барак тоже казался усталым, однако он шутливо похлопал Овертона по плечу:

— Думаю, дружище, после таких упражнений у тебя здорово окрепли мускулы на руках.

— Ты молодец, Николас, что решил написать Гаю, — сказал я и тут же спохватился: — Да, а как же мои письма к Пэрри и леди Елизавете?..

Забывшись, я попытался сесть; дыхание у меня перехватило от боли, и я повалился на спину.

— Я отослал оба письма, как только получил в суде официальный приказ об отсрочке казни, — сообщил Николас. — Клерки в судебной конторе клялись и божились, что отправили копию констеблю тюремного замка.

— А констебль утверждает, что никакого приказа не получал, — добавил Барак. — Странная вышла путаница, ничего не скажешь. Но разбираться уже поздно, сегодня суд переезжает в Саффолк.

— Ты должен был поехать вместе с ними, — вздохнул я. — Простить себе не могу, что из-за меня ты потерял работу.

— Не переживайте попусту, — пожал плечами Барак. — Говорю вам, мне все это надоело до чертиков. Хорошо, что Тамазин пока ничего не знает. Я останусь с вами до конца следующей недели. Вы ведь сейчас явно не в состоянии ехать в Лондон, верно?

— Джек устроился в моей комнате, — сообщил Николас. — С хозяином постоянного двора мы обо всем договорились. Доктор тоже поговорил с ним, и он разрешил Джозефине ухаживать за вами — при условии, что она будет пользоваться дверью для прислуги, а в комнате всегда будет находиться кто-то третий. Да, чтобы оплатить расходы, мне пришлось воспользоваться вашим кошельком.

— Правильно, — махнул я рукой.

— К счастью, хозяин нашего трактира относится к числу горожан, которые считают вас героем, спасшим от виселицы несправедливо осужденного джентльмена.

— Насколько я понял из слов доктора Белайса, так думают далеко не все, — грустно улыбнулся я.

— Да уж, вы стали предметом жарких споров и словесных баталий, — ухмыльнулся Барак.

— Сыновья Болейна ушли с площади, как только их отца вынули из петли, — сообщил Николас. — Ох, ну и парочка... — Он смолк, не находя подходящих слов.

— А как там Изабелла?

— Сегодня утром отправилась в Бриквелл вместе с Чаури. Будет приезжать сюда, навещать мужа.

— Ей нужно побыстрее продать лошадь и отыскать в конюшне спрятанное золото, — сказал я, со вздохом откинувшись на подушки. — Если только тайник все еще цел.

— Пойду позову Джозефину, хорошо? — предложил Барак слегка смущенным голосом. — Пусть займется вашей спиной.

В течение двух дней я оставался в постели и коротал время, глядя в окно, на церковный шпиль и зеленеющие во дворе деревья. Благодаря болеутоляющему снадобью, которое прописал мне доктор Белайс, я пребывал в некотором оцепении, гасившем все мысли. Погода меж тем переменилась: похолодало, небо затянуло тучами, и на оконном стекле то и дело появлялись алмазные капли мелкого дождя.

Поначалу я ощущал неловкость, когда Барак и Джозефина осторожно переворачивали меня на живот, задирали ночную рубашку и Джозефина принималась втирать мне в спину мазь, распространявшую запах лаванды. Этой мазью ее также снабдил доктор Белайс. Руки ее, хотя и покрытые мозолями от тяжелой работы, были нежны и проворны. Джозефина рассказала, что приемный отец часто заставлял ее растирать ему спину, так что некоторые навыки она приобрела еще в детстве; Эдвард, которому приходилось целыми днями ворочать тяжелые камни, тоже частенько просил жену помассировать ему ноющую поясницу. По словам Джозефины, они с мужем обсуждали возможность возвращения в Лондон и он обещал подумать. Когда я спросил, не возражает ли ее супруг против того, что она за мной ухаживает, молодая женщина без колебаний ответила отрицательно. У него нет ни малейших оснований не доверять ей, пожалала плечами Джозефина. К тому же она ведь берет с собой ребенка.

Лежа в постели, я не раз вспоминал подслушанный разговор между Эдвардом, Майклом Воувеллом и незнакомцем по фамилии Майлс. Они говорили о грядущем восстании в Эттлборо, которое действительно разразилось, и о том, что вскоре крестьянские бунты вспыхнут по всей стране. Пока Джозефина трудилась над моей спиной, Барак рассказал, что землевладелец из Эттлборо, некий джентльмен по фамилии Грин, не осмелился восстановить изгороди, разрушенные негодующими фермерами, и перегнал своих овец в другое место. Он сообщил также, что в самом скором времени будет издан приказ, повелевающий членам Комиссии по незаконным огораживаниям начать свое путешествие по стране.

— Да уж, будет неплохо, если они наведут порядок, — вздохнула Джозефина, узнав об этом. — Эдвард прав, простые люди умирают с голоду. Так не должно быть в стране, живущей по Божеским законам. Может, эта комиссия сумет восстановить справедливость, по крайней мере в деревне.

Прежде Джозефина никогда не позволяла себе высказывать вслух собственное мнение, тем более по столь серьезным вопросам. Как видно, ныне она разделяла вольнодумные убеждения своего мужа; а может, месяцы тяжкой нужды настроили их обоих на критический лад.

У Николаса, никогда прежде не видевшего мою горбатую спину обнаженной, хватало такта не присутствовать при этих сеансах. Я

попросил его не терять времени даром и попытаться разузнать хоть что-то о сбежавшем ученике слесаря. Конечно, поиски исчезнувшего свидетеля я поручил Тоби, но сейчас его не было в городе. Под мою диктовку Николас написал заявление, в котором сообщалось, что братья Болейн угрожали Скамблеру расправой; заявление это мы направили в суд, а копию я распорядился отослать старому Рейнольдсу. Я надеялся, что это возымеет действие и близнецы оставят парнишку в покое.

Джозефину я донимал расспросами о Грейс Боун, ее сестре и брате, с которыми она когда-то жила по соседству. По ее словам, эти трое пользовались всеобщим расположением. Питер, искусный ткач, давал за пряжу хорошую цену и никогда не обманывал при расчетах. В отличие от своих веселых, острых на язык сестер, он обладал серьезным нравом, любил читать и верил в идеи общего блага. И Грейс, и Мерси уже перевалило за тридцать, и Джозефина недоумевала, почему ни одна из них не вышла замуж. Возможно, женихов отпугивали самоуверенность и чрезмерная шумливость сестер.

В среду я встал с постели и попробовал пройтись, опираясь на палку. Барак и Николас шли по обеим сторонам, чтобы в случае чего не дать мне упасть. Передвигать ноги мне приходилось с величайшей осторожностью, однако я ощущал, что мускулы моей спины стали более мягкими и подвижными. В четверг я позволил себе не только прогуляться по спальне, вновь в сопровождении Барака и Николаса, но и слегка потянуться.

На следующий день Николас вошел в мою комнату с тремя письмами в руках. На двух красовались печати леди Елизаветы; третье было надписано хорошо знакомым мне почерком Гая.

— Ответы пришли на удивление быстро, всего через неделю, — заметил я.

— Джек тоже получил письмо, наверное от Тамазин, — сообщил Барак. — А я — от Беатрис. К тому же мне написала Изабелла Болейн. Она просит разрешения навестить вас завтра утром, после того как побывает в замке, у мужа.

— Разумеется, пусть приходит, — кивнул я. — Кстати, надеюсь, сегодня я смогу выйти на улицу. Спина, слава богу, не болит. Конечно, без палки мне пока не обойтись и без твоей помощи тоже. Прогуляемся по улице и вернемся назад.

Во взгляде Николаса мелькнуло сомнение.

— Иди читай скорее письмо от Беатрис, — усмехнулся я.

Первым я вскрыл послание от Гая. Почерк его, прежде твердый и четкий, ныне превратился в старческие каракули.

Дорогой Мэтью!

Я получил письмо от Николаса и горько сожалею как о твоём увечье, так и о печальных обстоятельствах, ему предшествовавших. Каждый вечер я молю Господа ниспослать тебе скорейшее выздоровление. Что до меня, то лихорадка моя не отступает, так что я вынужден большую часть времени проводить в постели. Однако это не помешало мне ответить на письмо доктора Белайса, которое я получил с той же почтой, что и письмо Николаса. Все его назначения представляются мне совершенно верными. Начинай ходить, как только будешь в состоянии встать с постели, но при этом соблюдай осторожность. Судя по письму, доктор Белайс — опытный и умелый врач. Я рассказал Тамазин, которая по-прежнему помогает нам с Фрэнсисом по хозяйству, о произошедшем с тобой несчастье; ведь это она принесла мне письма и узнала почерк Николаса. Прошу тебя, как можно скорее сообщи мне о своём самочувствии.

Твой преданный друг,

Гай Малтон

Прочитав это письмо, я ощутил, как сердце мое сжалось. Гай серьезно болен, а я без зазрения совести беспокою его рассказами о своих злоключениях.

Письмо от Пэрри, которое я распечатал вторым, в отличие от послания Гая, отнюдь не дышало дружелюбием.

Сержант Шардлейк!

Приходится лишь сожалеть о том, что Болейн признан виновным и, согласно настоянию Леди, просьбе о помиловании дан ход. Я надеялся на иной исход. Теперь дело

неизбежно получит огласку, что отнюдь не послужит на пользу Леди. Полагаю, ответ Болейн получит не скоро. Мастер Сесил сообщил мне, что протектор и Тайный совет весьма обеспокоены беспорядками, вспыхнувшими на западе и ныне бушующими в Эксетере. В последние дни стало известно, что в Кенте тоже неспокойно, да и Сассекс охвачен смутой. Протектор издал указ, дарующий помилование тамошним бунтовщикам, но, увы, проявленная им снисходительность лишь подлила масла в огонь. Меж тем крупные землевладельцы из всех графств призываются в Лондон, дабы принять участие в формировании войск, направляемых в Эксетер. В довершение всех бед леди Мария по-прежнему упорствует в своем неприятии церковных служб, совершаемых на английском языке; все посланники, отправленные в Кеннингхолл с целью переубедить ее, не достигли успеха. Вне всякого сомнения, вести о событиях, произошедших в Норфолке, возбуждают неудовольствие протектора Сомерсета. Сесил полагает, что сейчас отнюдь не лучший момент для того, чтобы представить ему на рассмотрение просьбу о помиловании. Впрочем, должен сообщить, что по желанию Леди в мое распоряжение выделена крупная денежная сумма, каковая, будучи передана охочим до золота членам палаты, должна обеспечить благоприятное решение. Надеюсь, Вы в самом скором времени прибудете в Хатфилд и дадите мне исчерпывающий отчет обо всем произошедшем.

Томас Пэрри

Разумеется, я не ожидал от Пэрри сердечного письма, однако столь резкий тон неприятно поразил меня. В ответ мне предстояло сообщить своему патрону, что я повредил спину и в течение недели, а то и больше, не смогу тронуться в путь. Испутив тяжкий вздох, я распечатал письмо от леди Елизаветы.

Мастер Шардлейк!

Я была весьма опечалена, узнав, что, невзирая на выявленные Вами обстоятельства, ставящие вину моего

родственника под сомнение, он был признан виновным. Мастер Пэрри сообщил мне, что просьба о помиловании принята, но, учитывая трудности, переживаемые ныне Англией, не стоит рассчитывать, что она будет рассмотрена в ближайшее время. Я приказала мастеру Пэрри выяснить, не располагает ли кто-нибудь из жителей Хатфилда сведениями о женщине, которая по описаниям походила бы на несчастную Эдит Болейн. Если настоящий убийца будет найден, это прекратит поток слухов и злопыхательских памфлетов, которых так опасается Пэрри.

С нетерпением жду Вашего приезда и надеюсь, что факты, указывающие на невиновность мастера Болейна, достойны всяческого доверия.

Да уж, леди Елизавете палец в рот не клади, усмехнулся я, откладывая письмо. Пэрри приходится нелегко, и этим, возможно, объясняется тон его письма. В последней фразе послания угадывалось скрытое предостережение. Если леди Елизавета сочтет, что я ошибся относительно невиновности Болейна, участь моя будет незавидной. Несмотря на свой юный возраст, младшая дочь Генриха превращалась в серьезного политика. В задумчивости я несколько раз провел рукой по седым волосам, однако спина моя воспротивилась этому; очередной приступ боли прервал поток моих размышлений.

После полудня, когда ко мне заглянул Николас, я вновь ковылял по комнате, находя немалое удовольствие в том, что могу делать это без палки.

— Поможешь мне спуститься вниз? — повернулся я к помощнику. И тут же осведомился, увидев его встревоженное лицо: — Что случилось?

— Я только что был у тетушки Саймона Скамблера, вдовы Марлинг.

— И как поживает Скамблер?

— Удрал, — проронил Николас. — Точнее, старая карга вышвырнула его из дома.

— Но почему? — спросил я, осторожно усаживаясь на стул.

— Судя по всему, когда парень узнал, что произошло во время казни, у него совсем съехала крыша. Кто-то из соседей поведал ему об

этом событии во всех кошмарных подробностях. Сказал, что вы получили тяжкое увечье и сейчас лежите при смерти. Бедняга Саймон, услышав об этом, стал кричать, что Бог слишком жесток, если допускает подобную несправедливость. Его тетушке подобные богохульства, сами понимаете, не пришлись по нраву. Она сбегала к викарию и попросила его заглянуть к ним и вразумить племянника. Но и в присутствии викария Саймон продолжал в том же духе. Твердил, что если Бог потворствует злу и жестокости, значит все разговоры о Его милосердии — вранье. Тетка не могла стерпеть подобных гнусных речей в своем доме и вышвырнула племянника за порог. Она всерьез опасается, что Грязнуля одержим дьяволом.

— И никто не знает, где он сейчас?

— Нет. Тетушка Хильда заявила, что умывает руки. Без конца причитала о том, как горько наказана за свое христианское милосердие. Насколько я знаю, Саймон — сын ее покойной сестры. Когда отец мальчика тоже умер, ей пришлось приютить сироту.

— Вот же старая ханжа, — вздохнул я.

— Я рассказал ей, что вы направили в суд заявление, в котором сообщили, что братья Болейн угрожали ее племяннику. Она порадовалась, что эта парочка мерзавцев больше не посмеет третировать Грязнулю. Должен сказать, впечатление эта особа производит странное. Физиономия, как всегда, кислая, словно она укуса глотнула. Жалуется на жизнь, твердит о своих добродетелях и ругает вас за то, что вы втянули ее племянника в скверную переделку. И в то же время мне показалось, что она словно бы чего-то стыдится.

— Хотел бы я знать, куда отправился Саймон, — вздохнул я. — Боюсь, ему предстоит участь бездомного бродяги. Прошу тебя, постарайся его отыскать. И пусть Барак тоже займется поисками.

Помолчав несколько мгновений, Николас произнес:

— На обратном пути я заглянул в гильдию слесарей, спросить про Уолтера. Пришлось дать тамошнему клерку на лапу. Он посмотрел в свои книги и сообщил, что фамилия парня Пэдбери, что прежде он жил в Саффолке, на побережье, в местечке, называемом Сандлингс. Он сирота, но отец его имел какие-то знакомства в Норидже. О том, что Уолтер близорук, никто никогда не слышал. Будь это действительно так, его не приняли бы в подмастерья.

— Надо будет послать Тоби в этот самый Сандлингс. Надеюсь, он скоро появится или даст о себе знать.

— Я и сам могу туда съездить.

— Нет, будет лучше, если в Сандлингс отправится человек, хорошо знакомый со здешними краями. — Я протянул руку к палке. — А сейчас я намерен прогуляться. Надеюсь, ты составишь мне компанию.

Медленно и осторожно спустившись по лестнице, я вздохнул с облегчением, когда ноги мои коснулись каменных плит холла. Слуга с поклоном распахнул дверь, и я вышел на Магдален-стрит и с упоением вдохнул полной грудью свежий воздух. Небо сияло голубизной, погода вновь повернула к теплу.

— Давай дойдем до конца площади, — предложил я Николасу. Проходя мимо того места, где некогда лежал мертвый нищий, я осознал, что уже несколько дней не вспоминал о нем. — Что пишет Беатрис? — осведомился я.

— Последнее ее письмо оказалось куда нежнее предыдущего, — усмехнулся мой спутник. — Пишет, что с нетерпением ждет моего возвращения и надеется, в самом скором времени я вновь буду у них обедать.

— Про молодого любезного барристера больше ни упоминает ни словом?

— Нет, — покачал головой Николас и, поколебавшись, добавил: — Наверное, вы были правы. Этот мифический ухажер — всего лишь одна из женских уловок. У женщин в запасе не так много козырей, которые они могут пустить в ход.

— Рад, что ты это понял.

— Знаете, после того как я прочел письмо Беатрис, мне невольно пришла на ум Изабелла Болейн. Вот уж, ничего не скажешь, сильный характер. В сравнении с нею... Беатрис выглядит бледно. — Николас залился краской. — Нет, я вовсе не хочу сказать, что она мне не нравится... — пробормотал он, окончательно смешавшись.

— Да, Изабелла неотразима, — кивнул я.

— Зато Беатрис имеет связи и занимает видное положение в обществе, — заявил Овертон.

— С этим не поспоришь, — согласился я, скрывая улыбку.

За ужином к нам присоединился Барак. Судя по его покрасневшему лицу, он уже успел пропустить несколько кружек пива. Волосы его и борода были спутаны, на потрепанном дублете не хватало нескольких пуговиц, а рубашка явно нуждалась в стирке. Что меня удивило сильнее всего, искусственная рука отсутствовала. Заметив недоуменные взгляды, которые мы с Николасом бросали на его пустой рукав, Джек пробурчал:

— Чертова железяка надоела мне до жути. Из-за нее моя культя так болит, что нет никакой мочи терпеть.

— А ты сможешь есть одной рукой? — спросил Николас.

— Еще бы нет. Набивать утробу — дело нехитрое. Если тебя донимает голод, можно вообще обойтись без рук.

— Николас сказал, что ты получил письмо от Тамазин, — осторожно заметил я.

— Да, — кивнул Барак, устремив взгляд в пространство. — Оказывается, Гай рассказал ей о том, что с вами произошло. Знаете, что она пишет? — Джек поджал губы и пролепетал, издевательски подражая голосу жены: — «Возможно, теперь мастер Шардлейк поймет, каково приходится человеку, получившему тяжкое увечье. Полагаю, Господь поступил справедливо, наказав его подобным образом». — Барак сжал в кулак пальцы своей единственной руки. — Прежде мне казалось, что ума у нее малость побольше. Возможно, мозги у моей женушки протухли после того, как она стала ревностной протестанткой. Что ж, так или иначе, в ответном письме я сообщу Тамми, что получил в суде пинок под зад и не испытываю по этому поводу ни малейших сожалений. А еще напишу, что намерен остаться здесь на несколько дней, дабы помочь вам. Если ей это придется не по нраву, мне ровным счетом наплевать.

С тех пор как Барак и Тамазин едва не расстались, потеряв первого ребенка, я ни разу не слышал, чтобы он говорил о своей жене со столь откровенной неприязнью.

— Но это несправедливо по отношению к мастеру Шардлейку, — возразил Николас. — Получив такое письмо, твоя жена выльет на его голову ушаты проклятий.

Джек заерзал на стуле, переводя взгляд с меня на Ника и обратно.

— Ладно, так и быть, — кивнул он. — Подожду до конца недели, а потом сделаю вид, что пишу из Саффолка. Но это последний раз, когда

я иду на подобные хитрости. Когда приеду в Лондон, сразу дам Тамазин понять, что больше не намерен быть подкаблучником.

На следующий день, в субботу, нас посетила Изабелла Болейн в сопровождении Дэниела Чаури. Я вновь отважился спуститься по лестнице и встретил их в гостиной. Изабелла выглядела бледной и измученной; во взглядах, которые время от времени бросал на нее Чаури, сквозило откровенное беспокойство.

— Очень рада, что вы идете на поправку, — сказала Изабелла. — Известие о произошедшем с вами несчастье повергло меня в ужас.

— Моя хозяйка только что посетила мастера Болейна, — беспрестанно теребя свою рыжую бороду, сообщил Чаури. — Поврежденная шея все еще доставляет ему множество неудобств. Мастер Болейн питается исключительно размятым вареным картофелем, и, по словам доктора Белайса, пройдет не менее недели, прежде чем он сможет говорить.

— Но он надеется, вы навестите его, когда сможете выходить. Вместе с мастером Николасом, конечно, — вставила Изабелла. — Хоть Джон и вынужден молчать, это не мешает ему выразить вам обоим самую горячую признательность.

— Надеюсь, что скоро я сумею добраться до замка, — кивнул я. — Здоровье мое поправляется довольно быстро. Кстати, недавно я получил письмо от мастера Пэрри, — добавил я после недолгого колебания. — Он пишет, что секретарь протектора, мастер Сесил, советует не спешить представлять просьбу о помиловании на рассмотрение герцога Сомерсета. В стране сейчас неспокойно, и голова у протектора занята совсем другими проблемами. Мастер Пэрри и я, мы оба хорошо знаем мастера Сесила, — продолжал я. — Он верный друг леди Елизаветы, и на его слова можно положиться. Боюсь, вашему супругу придется провести в тюремном замке довольно долгое время.

— Эти чертовы бунты, — пробормотал Чаури. — Я слышал, в Кенте вспыхнула новая заваруха.

Я посмотрел на Изабеллу. Она печально понурилась, в уголках ее глаз блестели слезы. Однако в следующее мгновение она вскинула голову и упрямо сжала губы.

— Что ж, я сделаю все, чтобы мой супруг не впал в уныние, — сказала она. — Представьте себе, Дэниел сумел продать этого бешеного

жеребца Полдня.

— За него удалось выручить больше, чем я рассчитывал, — заметил Чаури. — Нашелся любитель укрощать непокорных лошадей.

— Так что конюшня опустела, — бросив на меня быстрый взгляд, сообщила Изабелла. — Я вычистила ее собственными руками.

Фраза эта могла означать только одно: миссис Болейн удалось найти деньги, спрятанные ее мужем. Я удовлетворенно кивнул, мысленно задаваясь вопросом о том, рассказала ли она о тайнике Чаури.

— Сейчас вы, разумеется, не в состоянии ездить верхом? — спросила Изабелла.

— Надеюсь, не далее чем в понедельник я смогу добраться верхом до замка и повидаться с вашим мужем, — заявил я; Николас с сомнением взглянул на меня, но я сделал вид, что ничего не заметил. — На следующей неделе нам неплохо было бы отправиться в Лондон.

— Не могу не сожалеть о том, что вы оба нас покидаете, — слегка потупив взор, проронила Изабелла.

— Мы будем поддерживать связь посредством писем, — пообещал ей Овертон.

Я написал краткие ответы Пэрри и леди Елизавете, сообщив, что был вынужден задержаться в Норидже из-за полученного увечья. Письмо Гаю получилось куда более длинным; я не преминул заверить своего друга, что самочувствие мое значительно улучшилось.

Остаток субботы и воскресенье я провел, совершая пешие прогулки и с радостью отмечая, что походка моя становится все более уверенной. К тому же под присмотром доктора Белайса я занимался физическими упражнениями, разрабатывая спину. Он был доволен совершенными мною успехами и не возражал против моего намерения проехаться в понедельник верхом — разумеется, со всей возможной осторожностью.

В воскресенье, выглянув из окна своей комнаты, я увидел в церковном дворе новобрачных, окруженных родственниками и гостями. Жених оказался викарием; хотя священнослужителям разрешили вступать в брак еще в прошлом году, я впервые стал свидетелем того, как один из них воспользовался этим правом. Обоим новобрачным, судя по всему, уже перевалило за тридцать; с сияющими лицами они

вышли на церковное крыльцо. На женихе была сутана, на невесте — скромное закрытое платье и кружевной чепец. Помимо гостей, в большинстве своем прихожан этой церкви, за церемонией наблюдало несколько собравшихся во дворе зевак. Кто-то из них крикнул:

— В глазах Господа это блуд!

Однако на счастливых лицах молодых супругов не дрогнул ни один мускул. Отойдя от окна, я вернулся к своему столу и в очередной раз принялся просматривать документы, имеющие отношение к расследованию. От Тоби по-прежнему не было вестей, хотя со дня казни прошло чуть больше недели. Разумеется, до него не могли не дойти слухи о том, что произошло на рыночной площади. Я предполагал, что причина его молчания — ухудшившееся здоровье матери. Тем не менее беспокойство мое росло. После возвращения в Лондон мы не могли заниматься поисками исчезнувшего Уолтера. Оставалось рассчитывать только на усердие Локвуда.

Глава 32

Наступил понедельник, первое июля. При ходьбе я уже обходился без палки, однако перспектива поездки верхом, хотя и недалей, внушала мне некоторое беспокойство. Тем не менее с помощью Николаса, которому предстояло меня сопровождать, я отважно взгромоздился в седло. Минувший вечер мы провели в «Голубом кабане» в обществе Барака, который, похоже, несколько воспрянул духом; он был немногословен, однако пил по-прежнему куда больше, чем следовало.

— Если пробный опыт верховой езды окажется для меня удачным, в конце недели нам предстоит покинуть Норидж, — сообщил я.

— Отлично, — ответил Барак. — Надо сматываться отсюда, пока я не просадил по трактирам все деньги.

Мы с Николасом, облаченные в мантии законников, неспешно ехали по узким городским улочкам. Вновь стояла жара, сточные канавы распространяли невыносимую вонь. К великой моей радости, поездка не доставляла мне никаких неприятных ощущений. Я поглядывал по сторонам; торговцы отпирали свои лавки, выносили на улицу столы, раскладывали на них товары и поливали мостовую водой, дабы уберечь эти товары от пыли. Некоторые отгоняли прочь бродяг, скорчившихся у дверей; один из нищих, одетый в ветхие лохмотья, с красным, покрытым болячками лицом, преградил нам путь.

— Доброе утро, господа законники! — хрипло крикнул он, размахивая кожаной флягой. — Вижу, вы с утра пораньше торопитесь к богатеньким клиентам, чтобы избавить их от лишних денег? Выпейте-ка винца, которое улучшит ваш аппетит!

Испуганные лошади дернулись, и спину мою пронзила боль.

— Прочь с дороги, болван! — рявкнул Николас; нищий неохотно отступил. — Ну что, удержались в седле? — повернулся Овертон ко мне.

— Как видишь, да.

— Из-за этого придурка вы могли свалиться. Видно, он из тех, кто тратит на выпивку все жалкие гроши, которые ему подают.

— А как ты думаешь, почему эти люди пьянствуют?

— Известное дело почему. Больше они ни на что не годятся. Другой причины я не вижу.

— А я полагаю, причина иная. На трезвую голову жизнь, которую они ведут, кажется невыносимой.

Мы добрались до замка, въехали в главные ворота и сообщили надзирателю, что хотим повидаться с Джоном Болейном. Надзиратель бросил на меня взгляд, исполненный откровенного любопытства, — вне всякого сомнения, до него докатилась молва о моих подвигах. Мы вошли в главный зал, холодный и гулкий. Навстречу нам вышел еще один надзиратель, державшийся не так угрюмо, как первый. Он провел нас по коридору; выяснилось, что Болейна перевели в другую камеру, расположенную на первом этаже. Остановившись перед дверью, надзиратель отпер ее.

Новая камера Болейна была просторнее прежней и казалась чуть менее сырой. Из забранного решетками окна в нише, ширина которой позволяла судить о толщине стен замка, открывался вид на холм и шпили городских церквей. К тому же теперь заключенному полагались стол и две табуретки. Увидев нас, Болейн поднялся с постели и вскинул руку в приветственном жесте. Широкий багровый рубец пересекал его шею, а в глубине глаз тлели искры пережитого ужаса.

— Мы знаем, мастер Болейн, что вы не можете говорить, — поспешно произнес я. — Прошу вас, даже не пытайтесь.

К моему удивлению, Болейн, издавая нечто вроде радостного урчания, поочередно заключил нас в объятия. Потом указал на стол, где лежали грифельная доска и кусок мела. Склонившись над доской, он вывел:

*«Благодарю вас. Вы вели себя как настоящие герои.
Прошу вас, впредь зовите меня Джон».*

— А вы зовите нас Мэтью и Николас. Я вижу, Джон, с вами сейчас обращаются гораздо лучше?

Болейн кивнул и тут же сморщился от боли. Вернувшись к доске, он стер написанное прежде и вывел новую фразу:

«Изабелла им платит».

— Полагаю, она сумела отыскать спрятанные деньги, — с улыбкой заметил я. — Мы с ней виделись в субботу.

Хотя Изабелла, вне всякого сомнения, уже успела передать мужу содержание нашего разговора, я сообщил Болейну о том, что ответ на просьбу о помиловании не приходится ждать быстро, и попросил его запастись терпением. После возвращения в Лондон мы непременно ему напишем, пообещал я и добавил, что, выполняя мою просьбу, Тоби обещал заняться розысками сбежавшего ученика слесаря. Выслушав меня, Джон вновь склонился над доской и вывел крупными буквами, нажимая на мел так сильно, что тот едва не сломался:

«Я НЕВИНОВЕН!»

Тюремщику, который сопровождал нас наружу, я сообщил, что жена Болейна готова заплатить за хорошее обращение с мужем, и поинтересовался, нельзя ли позволить заключенному прогулки на воздухе.

— Констебль Фордхилл уже дал на это согласие, — кивнул тот. — Теперь арестант сможет дышать воздухом, прогуливаясь на крыше замка. Констебль хотел бы повидаться с вами, — добавил он. — Поговорить о том, что случилось на прошлой неделе.

Трудно было сказать, какие чувства светились во взгляде, который тюремщик украдкой бросил на нас, — то ли восхищение нашим мужеством, то ли изумление нашей глупостью.

Вслед за зрителем мы поднялись на два лестничных пролета в покои констебля. Светлые просторные комнаты были хорошо обставлены, а стены увешаны гобеленами. В коридоре нам встретился маленький мальчик, игравший с деревянной лошадкой на колесиках. Странно было видеть эту уютную домашнюю картину в столь мрачном месте, как тюремный замок. Зритель постучал в массивную деревянную дверь. Раздался голос, приглашавший нас войти.

Констебль Фордхилл оказался мужчиной средних лет, черноволосым и широкоплечим. На лице, обрамленном короткой бородкой, посверкивали внимательные и настороженные серые глаза. Одет он был по последней моде, в дублет с высоким расшитым воротником. Отвесив любезный поклон, Фордхилл пригласил нас сесть

и сам опустил на стул. Несколько мгновений он не сводил с нас изучающего взгляда, потом негромко осведомился:

— Насколько мне известно, просьба о помиловании Болейна уже направлена в Лондон?

— Именно так, мастер Фордхилл.

— Мысль подать прошение, разумеется, исходит от леди Елизаветы, — глубокомысленно изрек он.

— Да, сэр, — кивнул я, сознавая, что отрицать этот факт не имеет ни малейшего смысла.

— Джон Болейн, как я понимаю, доводится родственником Анне Болейн, — заметил он.

— Весьма отдаленным, сэр.

Помолчав несколько мгновений, констебль продолжал:

— Возможно, протектор неодобрительно отнесется к тому, что имя леди Елизаветы оказалось связанным со столь нашумевшим преступлением. Особенно после скандала, связанного с делом Томаса Сеймура.

— Все, к чему стремится леди Елизавета, — это помочь своему родственнику.

— Несмотря на то, что суд присяжных признал его виновным?

— Я уверен, что вердикт несправедлив. В деле очень много темных моментов. Я по-прежнему нахожусь в поисках важного свидетеля.

— И леди Елизавета разделяет вашу точку зрения? — вскинул бровь Фордхилл. — И она, и ее управляющий мастер Пэрри?

— Да, — ответил я после недолгого колебания, не ускользнувшему от собеседника; брови его поползли еще выше. — Мне советовали не настаивать на том, чтобы прошение было рассмотрено в ближайшее время, — продолжил я. — Учитывая беспорядки на юго-западе страны и прочие проблемы...

— Понятно.

Констебль устремил взгляд в окно, откуда, как и из камеры Болейна, открывался вид на Норидж.

— Слава богу, у нас пока все спокойно, хотя, не сомневаюсь, в городе хватает смутьянов. — Повернувшись к нам, он чуть смущенно произнес: — Примите мои извинения за то, что произошло на прошлой

неделе, во время казни. Вы оба проявили недюжинную отвагу. Мне сообщили, что вы серьезно пострадали, сержант Шардлейк.

— Я уже почти полностью поправился.

Фордхилл погрузился в молчание. Мгновение спустя он сдвинул брови и процедил с неожиданной досадой:

— Я несу ответственность за то, чтобы решения суда выполнялись должным образом. И если осужденного пытались вздернуть на виселицу, несмотря на приказ об отсрочке казни, — это моя вина.

— Скажите, сэр, но как подобное могло произойти? — негромко осведомился я.

— Я уже спрашивал об этом судью Рейнберда, — покачал головой констебль. — По его словам, подписав приказ об отсрочке казни, он передал его старшему клерку, распорядившись снять с приказа копию и немедленно доставить ее в замок.

— Как видно, имеется в виду мастер Арден, — сказал я.

А про себя добавил: «Тот самый тощий клерк, из-за которого Барак лишился работы».

— Вы хорошо осведомлены, — снова вскинул бровь Фордхилл. — Так вот, этот самый Арден клянется, что, сняв копию, передал ее младшему клерку и велел отнести в замок и вручить командиру стражи с наказом передать констеблю, то есть мне. Командир стражи, в свою очередь, божится, что никакой копии не получал. У меня нет оснований подвергать его слова сомнению — этот человек давным-давно служит под моим началом. Разумеется, я допросил младшего клерка, которого Арден избрал в качестве посыльного. Тот упорно стоял на своем, хотя и заметно нервничал. К несчастью, Рейнберд не позволил мне поговорить с младшим клерком наедине. При нашем разговоре присутствовал Арден, который твердил как заведенный: документ был доставлен в замок, где и затерялся. Но будьте спокойны, я этого так не оставлю, — пробурчал констебль. — Я уже написал лорд-канцлеру Ричу письмо с просьбой провести расследование этого прискорбного инцидента.

— Вы упомянули о моей роли в этом деле?

— Разумеется. Я всячески подчеркнул, что, если бы не ваше вмешательство, Болейн не избежал бы незаконной казни. Не преминул сообщить также и о том, что вы получили тяжкое увечье.

— Благодарю вас, — кивнул я, хотя прекрасно понимал: узнав о случившемся, Рич скорее наградит Ардена, чем подвергнет его

взысканию.

И все-таки какими соображениями руководствовался Арден, устраивая эту жестокую путаницу? На кого он работает? Мы с Николасом обменялись многозначительными взглядами.

— Я этого так не оставлю, — повторил Фордхилл. — Сей неприятный инцидент пятнает мою служебную честь и ставит под сомнение мои деловые качества.

— Вы правы, необходимо провести тщательное расследование, — кивнул я.

Перед внутренним моим взором на мгновение возникли смертники, болтавшиеся в петлях; я ощутил, как ноги их, отплясывая жуткий танец, бьют меня по голове.

— Я лично прослежу за тем, чтобы с мастером Болейном хорошо обращались, — пообещал констебль.

— Если мне будет позволено дать вам совет, сэр, полагаю, стоит принять особые меры, дабы оградить заключенного от любых посягательств на его жизнь, — произнес я, пристально глядя на него. — Вне всякого сомнения, у мастера Болейна имеются опасные враги.

— Об этом можете не тревожиться, — кивнул Фордхилл. — Пока Болейн здесь и находится на моем попечении, он будет цел и невредим.

Неспешной рысцой мы вернулись в «Девичью голову».

— Вы уверены в том, что Болейн действительно будет цел и невредим? — спросил Николас.

— Надеюсь на это. Если с ним что-то произойдет, это запятнает репутацию Фордхилла.

— А как вы думаете, этот чертов клерк Арден нарочно все подстроил? По его милости Болейна едва не повесили.

— Похоже на то. В противном случае вся эта путаница — дело рук самого Рейнберда. Но на сей счет у меня имеются серьезные сомнения. Если бы Болейна незаконно казнили по вине судьи, для Рейнберда это повлекло бы за собой весьма серьезные последствия. Нет, я склоняюсь к тому, что кто-то заплатил Ардену. И заплатил хорошо.

— Сейчас Арден уже в Саффолке. Еще один человек, которого мы не можем допросить.

— Ничего, скоро мы вернемся в Лондон и во всем разберемся.

— Ваша спина и правда болит меньше?

— Правда, — улыбнулся я. — Но я рад, что сегодня вечером придет Джозефина и хорошенько меня помассирует. Барак, как всегда, будет при этом присутствовать в качестве дуэньи.

Мы подъехали к площади Тумлэнд.

— Поглядите-ка на эту парочку, — повернулся ко мне Николас и указал на другую сторону улицы.

Я увидел Гэвина Рейнольдса и его супругу, только что вышедших из дверей своего дома. Старик, облаченный в мантию олдермена, тяжело опирался на палку; жена его, по обыкновению, была в черном платье, на фоне которого повязки на ее распухших руках белели особенно ярко. Рейнольдс метнул в нашу сторону злобный взгляд. Николас дерзко приподнял шляпу. Проехав по Магдален-стрит, мы остановились у конюшни нашего постоянного двора. Конюх принес деревянный табурет, и Николас помог мне спешиться. Едва коснувшись ногами земли, я услышал за спиной хриплый голос:

— Что, горбун, ты даже с лошади сам слезть не можешь?

Обернувшись, я увидел Рейнольдса.

— Убирайся прочь, — бросил он конюху, который таранился на него во все глаза.

Тот послушно побрел в дом.

— Я ушиб спину, Рейнольдс, — отчеканил я. — Десять дней назад упал с помоста, на котором стояли виселицы. Ваши внуки наверняка рассказали вам об этом. Они были там, на рыночной площади. Хотели посмотреть, как их отец будет болтаться в петле.

— Жаль, что мальчишки этого не увидели. Хотя суд и приговорил негодяя к смерти.

— Мы подали прошение о помиловании. Не стоит делать вид, будто вам ничего не известно, — вмешался Николас. — Об этом говорит весь Норидж.

— Что вам угодно, мастер Рейнольдс? — спросил я.

— Узнать, скоро ли будет получен ответ на это прошение.

— Понятия не имею.

— В Лондоне у меня есть влиятельные друзья, которые могут это выяснить, — прищурил глаза, процедил старик.

— Тем лучше для вас. Но на вашем месте я поостерегся бы переходить дорогу леди Елизавете.

— Плевать я хотел на эту дочь шлюхи! — процедил Рейнольдс. — В Норфолке всем заправляет леди Мария.

На несколько мгновений повисло молчание. Я прервал его, спросив:

— Скажите, а почему вам так хочется вздернуть на виселицу своего бывшего зятя?

— Потому что он распутник и мерзавец, как и все проклятые Болейны. Я хочу отсечь эту заразу от своей семьи, как гниющий палец.

— Насколько мне известно, мастер Рейнольдс, вы пользуетесь в Норидже немалым влиянием, — произнес я, глядя ему прямо в глаза. — А ваших внуков горожане боятся как огня. Тем не менее здесь вы бессильны. Просьба о помиловании уже отправлена в Лондон. Я только что встречался с констеблем замка, и он заверил меня, что примет все меры, дабы ко дню получения ответа мастер Болейн был жив и здоров.

Ноздри Рейнольдса презрительно дрогнули.

— Вижу, горбун, ты поднаторел в крюкотворстве. Но сколько бы ты ни учился, порядочного человека из тебя не вышло, жалкий бумажный червь. Когда ты уезжаешь?

— Скоро.

— Слава богу, мы избавимся от необходимости любоваться твоей горбатой спиной и скверной рожей. Стоит моей жене тебя увидеть, как она заливается слезами, и мне приходится отсылать ее домой. К тому же ты столь же развратен, сколь и уродлив. Трактирные слуги рассказали, что сюда каждый день таскается какая-то девица. Вместе с одноруким она запирается в твоей комнате. Представляю, какие забавы вы там устраиваете. Ты тоже принимаешь участие в этих распутных играх, долговязый? — повернулся он к Николасу.

Задетый за живое, Николас шагнул было к старику, но я расхохотался, чем взбесил Рейнольдса еще сильнее.

— Вижу, господа, вам неведомо, что такое честь! — рявкнул он. — Ни один джентльмен не стал бы такое выслушивать.

— Как видно, мастер Рейнольдс, вы переняли скверные манеры у своих внуков, — усмехнулся я. — Подобные оскорбления в ходу у невоспитанных мальчишек, а не у джентльменов. Но, как говорится, дурной пример заразителен.

Рейнольдс издал нечто вроде злобного рычания, однако взял себя в руки, повернулся и захромал прочь.

— Старая крыса! — буркнул Николас. — Меня одолевает невыносимое желание поддать ему сапогом под зад!

— Ты говоришь в точности как Барак, — усмехнулся я. — Еще одно подтверждение того, что дурной пример заразителен.

На следующий день, во вторник, я в одиночестве отправился на длительную верховую прогулку. Миновав ворота Святого Стефана, оказался за пределами города. В седле я держался намного увереннее, чем в прошлый раз. Жара стояла еще более сильная, чем пару недель назад. Оглядываясь по сторонам, я обратил внимание, сколь жалкий вид имеют всходы на полях. По обе стороны от дороги расстилалось поле, засеянное шафраном. Когда оно осталось позади, я увидел огромный участок, огороженный плетеными изгородями и канавами. Однако паслись там коровы, а не овцы. Заметив старого пастуха, сидевшего у своей хижины, я приблизился к нему.

— Да ниспошлет Господь тебе хорошего утра, добрый человек, — приветствовал я старика. — Скажи, чей это скот?

— Видно, мастер, вы приехали издалека, если об этом спрашиваете, — улыбнулся он. — Вся эта скотина принадлежит горожанам — тем, кто не может обойтись без молока. Иногда они даже покупают одну корову на две семьи. Так что это городское пастбище, а я — пастух и приглядываю за скотиной, — сообщил он не без гордости. — Всякий, кто готов платить пенни в неделю, может привести на этот выпас свою корову.

— А как быть тем, для кого это слишком дорого?

Старик с недоумением взглянул на меня.

— Нет пенни, значит нет и выпаса для коровы, — пожал он плечами. — А если скотина забредет на чужое пастбище, ее отберут, и придется платить штраф, чтобы ее вернули. Простите, сэр, вижу, один телок отошел от своей мамки слишком далеко. Надо бы его вернуть.

Отвесив мне поклон, пастух торопливо ушел, хотя я, сколько ни смотрел на пастбище, не заметил никакого отбившегося теленка. Доехав до реки, я повернул назад, размышляя на обратном пути о том, как много странностей в жизни Нориджа.

В среду я вознамерился совершить еще более длительную прогулку верхом, на этот раз в компании Николаса и Барака, а также

Джозефины и Эдварда Браун. Супруги выучились ездить верхом еще в Лондоне, однако долго не практиковались и ныне были рады возможности возобновить прежние навыки. Лошадей для них мы наняли на постоялом дворе. Прогулку я устраивал отчасти из желания отблагодарить Джозефину за ее заботы. Трактирщик, стоя у ворот, проводил нас поклоном. Мастер Теобальд держался с неизменной любезностью, но я не сомневался: когда мы наконец покинем постоянный двор, он вздохнет с облегчением. «Любопытно, кто из трактирных слуг сплетничает о постояльцах со слугами старого Рейнольдса?» — подумал я, вспомнив злобные обличения старика.

Встретившись с Баракком у ворот «Голубого кабана», мы решили пересечь Епископский мост и вдоль берега реки двигаться на юг, в сторону Маусхолдского холма. Эдвард держался в седле уверенно, а Джозефина, как я заметил, поначалу слегка робела. Поцокав копытами по плитам моста, мы свернули на дорогу, которая тянулась вдоль берега. Баракк вновь прицепил свою железную руку. Судя по его свежему и бодрому виду, накануне он не стал злоупотреблять пивом. Мы с Николасом были полны решимости удержать его от пьянства и сегодня.

Эдвард окинул взглядом дорогу, ведущую на вершину холма, который вблизи оказался куда более высоким и крутым, чем издали. На вершине красовался дворец графа Суррея, обнесенный высокими стенами. Далее к северу виднелись две ветряные мельницы, без устали вращавшие крыльями.

— Говорят, внутри этот дворец просто великолепен, — заметил я.

— Там сейчас никто не живет, за исключением слуг, которые присматривают за ним, — усмехнулся Эдвард. — Так же, как и в городском дворце герцога Норфолка. Последний граф Суррей построил этот дворец, желая поразить весь город. Поэтому он и выбрал такое высокое место.

— Насколько мне известно, сэръ Ричард Саутвелл немало содействовал падению графа Суррея и его отца?

— Да, без него тут не обошлось. Хотя Саутвелл много лет подряд служил старому герцогу, на суде он показал, что граф Суррей, сын герцога, состоял в заговоре против короля Генриха. Саутвелл — человек без совести и чести.

Я поблагодарил Эдварда за то, что он позволил жене растирать мне спину.

— Мы оба были рады хоть чем-то отблагодарить вас, мастер Шардлейк, — ответил Браун. — Вы были к нам так добры и столь много для нас сделали.

— Вам по-прежнему приходится таскать камни, чтобы заработать на жизнь?

— Старый монастырь почти разобран, — вздохнул Эдвард. — Мы с Джозефиной не прочь вернуться в Лондон, если вы согласны помочь нам устроиться.

На красивом его лице отразилось величайшее смущение; видно было, что просить о помощи для этого человека непривычно и унижительно.

— Не сомневаюсь, что сумею найти работу для вас обоих.

— Мышка станет настоящей столичной жительницей, как и ее отец, — улыбнулась Джозефина.

— Но с переездом не стоит спешить, — добавил Эдвард, метнув в жену быстрый взгляд. — Думаю, мы переберемся в Лондон не раньше осени.

— Напишите мне, когда будете готовы двинуться в путь, — кивнул я.

Мы продолжали двигаться на юг. Склоны Маусхолдского холма, тянувшиеся слева, становились все менее крутыми; лесные заросли, покрывавшие их, сменились полями, занимавшими все пространство между рекой и пустошью. В небольшой деревушке, называемой Торп, мы отыскивали харчевню и выпили пива, сидя в садике с видом на реку.

— Красивые здесь места, — заметил я.

— И все равно я была бы рада вернуться в Лондон, — ответила Джозефина. — Уверена, Мышке там будет лучше.

Муж ее смотрел в сторону пустоши, необозримой равнины, покрытой пожелтевшей от жары травой и усеянной темными точками — то были пасущиеся овцы.

— Две сотни лет назад здесь разбили свой лагерь повстанцы Уота Тайлера, — сообщил он. — Дальше, за лесом, стоит часовня Святого Уильяма Нориджского. Это христианский мальчик, который жил во времена короля Стефана. По преданию, жида злодейски убили ребенка и выпили его кровь.

— Да будет тебе известно, мой отец был евреем, — пробурчал Барак. — Мы не пьем кровь христианских младенцев. И никогда не пили.

— Простите, я не знал, — вспыхнул Эдвард. — Так или иначе, гробницу с мощами святого Уильяма убрали из собора по приказу старого короля.

— Разве наш Спаситель сам не был евреем? — изрекла Джозефина.

— Да, это верно, — кивнул Эдвард. — К тому же Он был бедным человеком, плотником.

Барак бросил взгляд за реку, на шпили и башни бесчисленных церквей Нориджа:

— Иногда меня мучает вопрос: зачем Он вообще все это устроил? Правда, я стараюсь об этом не думать.

Возвращались мы по той же дороге. Вновь увидев Епископский мост, я мысленно подсчитал, что мы проехали около четырех миль. Спина моя, конечно, начинала слегка ныть от усталости, но это было вполне терпимо. Что ж, через несколько дней мы, пожалуй, сможем выехать в Лондон, решил я. По хорошей дороге я вполне в состоянии проделать даже длительный путь.

Подъезжая к Епископскому мосту, мы увидели трех человек, спустившихся на дорогу с холма. То были простолюдины в серых блузах из грубой ткани: один шел вразвалочку, как обыкновенно ходят крестьяне; двое других, судя по более ровной походке, были горожанами. Бравая выправка и привычка размахивать при ходьбе руками выдавали в одном из них бывшего солдата. Заметив нас, они замедлили шаг, на лицах их отразилось удивление. Эдвард приветственно махнул рукой.

— Я знаком с одним из этих парней, — пояснил он. — Прошу меня извинить, я немного от вас отстану.

Он спешил, подошел к путникам и пожал им руки. Завязалась оживленная беседа, но слов на расстоянии разобрать было невозможно. Я заметил, что Джозефина смотрит на говоривших с явным беспокойством. Вспомнив разговор, состоявшийся между Эдвардом и бывшим солдатом в «Голубом кабане», я наострил уши, но до меня долетела лишь фраза, брошенная одним из незнакомцев: «Там нет воды, а в остальном место отличное».

Попрощавшись со своими собеседниками, Эдвард вновь присоединился к нам. Глаза его так и искрились от возбуждения.

— Что ж, нам пора возвращаться, — сказал он. — Джульетт Уингейт просила забрать Мышку не позднее пяти.

Барака мы оставили в «Голубом кабане», а с Эдвардом и Джозефиной расстались у ворот «Девичьей головы». На прощание я сообщил, что через несколько дней мы намерены отправиться в Лондон.

— Да, сэр, конечно, вам пора ехать, — подхватила Джозефина с неожиданной горячностью. — В Лондоне вас наверняка ждут важные дела.

Известие о нашем скором отъезде, несомненно, ее обрадовало; это обстоятельство не могло не задеть меня.

— Мы непременно напишем вам в самом скором времени, — пообещал Эдвард.

Мы с Николасом подъехали к конюшне. К моему удивлению, навстречу нам выбежал сам мастер Теобальд. В руке он держал письмо, запечатанное массивной красной печатью.

— Гонец доставил его сразу после вашего отъезда, — сообщил он, вручая письмо мне.

Сперва я решил, что это очередное послание от Пэрри или от леди Елизаветы. Однако печать была мне незнакома. Сорвав ее, я пробежал строчки глазами, и у меня перехватило дыхание.

— Что случилось? — спросил Николас.

В ответ я едва слышно проронил:

— Нам надо подняться наверх.

Глава 33

Оказавшись в своей комнате, я передал письмо Николасу. Послание из Кеннингхолла было предельно сухим и коротким.

*Сержант Шардлейк!
Леди Мария требует, чтобы Вы прибыли к ней в два
часа дня в пятницу, пятого июля.*

Ричард Саутвелл,

управляющий леди Марии

— Что ей от вас надо? — выдавил из себя потрясенный Николас.

— Возможно, она хочет узнать побольше о той роли, которую ее сестра сыграла в деле Болейна.

— Неужели Марии стало известно, что Эдит Болейн побывала в Хатфилде? — с беспокойством спросил Николас. — Помните, Пэрри признался, что у каждой из сестер имеются свои осведомители при дворе другой.

— Об этом мы можем только гадать. Но мы служим леди Елизавете, и наш долг — никому не выдавать тайну, которую она нам доверила. Даже наследнице престола, — изрек я, буравя Николаса взглядом.

— За меня можете не беспокоиться, — пожал он плечами.

— Полагаю, при встрече будет присутствовать Саутвелл, — добавил я, нахмурившись.

Порывшись в бумагах, лежавших на моем столе, я извлек карту, которую Тоби нарисовал перед нашим путешествием в Норфолк.

— Так, Кеннингхолл. Это примерно в двадцати милях к югу отсюда. За один день мне такой путь не проделать. Придется нам заночевать в Ваймондхеме или в Эттлборо. Ступай поговори с трактирщиком, спроси, какой из этих городов, по его мнению, лучше подходит для ночевки.

Николас ушел, а я устался в окно. Сегодня снова был базарный день, и на улицах царило оживление. Прохожие, казалось, от жары едва

таскали ноги.

«Зачем я понадобился леди Марии?» — вертелось у меня в голове.

— Хозяин говорит, надо останавливаться в Ваймондхеме! — с порога объявил вернувшийся Николас. — Расстояние до Эттлборо намного больше, а в первый день нам лучше проделать не слишком длинный путь. — (Я кивнул в знак согласия.) — По словам мастера Теобальда, в Эттлборо сейчас беспокойно, крестьяне по-прежнему волнуются. А Ваймондхем — довольно большой город, третий по величине в Норфолке, и в нем имеются приличные постоялые дворы. Правда, в ближайшую субботу там состоится ярмарка и грандиозное театральное представление. Оказывается, его устраивают каждый год. Так что, если мы хотим найти свободные комнаты, надо спешить. Хозяин сказал, самый лучший из тамошних трактиров называется «Зеленый дракон».

— Отлично. Завтра утром отправляемся в путь.

Вообще-то, на следующий день я намеревался съездить на ферму Тоби Локвуда и узнать, почему от него нет никаких вестей. Но эту поездку вполне можно было отложить.

— А сейчас сходим в таверну «Голубой кабан», сообщим нашу новость Бараку, — распорядился я. — После чего стоит заглянуть в цирюльню, подстричься и побриться.

На следующий день, в четверг, мы поднялись ни свет ни заря и, облачившись в мантии законников поверх лучших своих дублетов, спустились к завтраку. Кое-кто из купцов, приехавших на базар издалека, остался ночевать в трактире; за завтраком только и разговоров было что о крестьянских бунтах, которые разгорались по всей стране. Мятежники раскинули свои лагеря не только в Кенте, но и в Эссексе; численность армии повстанцев в Эссексе, предположительно, превысила тысячу человек. Главным требованием, которое выдвигали повстанцы в петициях, посылаемых протектору, оставалось уничтожение незаконно огороженных пастбищ. Ходили слухи о том, что беспорядки захватили также и Оксфордшир. По словам одного из купцов, в последнем воззвании протектора говорилось, что все бунтовщики будут признаны государственными изменниками и понесут суровое наказание.

— Однако принимать это на веру вряд ли стоит, — заметил торговец с нескрываемой досадой. — Скорее всего, в следующем воззвании мятежникам будет объявлено помилование. Один из моих покупателей живет в Кенте, — добавил он. — Тамошние бунтовщики постоянно талдычат о государстве общего блага.

— Все эти разговоры об общем благе означают только одно: голодранцы хотят присвоить чужое добро, — пробурчал другой купец и заключил: — Это ничуть не лучше, чем анабаптизм.

Я посмотрел на Николаса и многозначительно вскинул бровь; мой помощник в ответ молча нахмурился.

Подъехав к городским воротам, мы и в самом деле увидели прикрепленное к ним новое воззвание, обещавшее бунтовщикам самые суровые кары. Однако за пределами города царили тишина и спокойствие.

— Хотел бы я знать, насколько все эти слухи соответствуют истине, — заметил Николас. — Новые крестьянские бунты — это последнее, что сейчас нужно Англии. Заваруха в западных графствах и так создала целую кучу проблем. Сейчас все наши усилия должны быть направлены на войну с Шотландией.

— Николас, все жители Англии, кроме тебя и лорда-протектора, уже поняли, что война проиграна, — усмехнулся я.

— Возможно, вы правы, — согласился Овертон после недолгого молчания. — Но поднимать бунт, когда страна ведет войну, — это государственная измена. Никто не убедит меня в обратном.

— Возможно, слухи о новых бунтах сильно преувеличены.

— Купцы, с которыми мы разговаривали в трактире, не походили на пустых болтунов, — вздохнул Николас и снова погрузился в молчание. — Вам уже доводилось встречаться с леди Марией? — спросил он через пару минут.

— Да, три года назад. Она производит впечатление чрезвычайно умной и расчетливой особы. Сразу видно, что у нее сильный характер.

— О силе ее характера говорит хотя бы тот факт, что она в течение нескольких лет отказывалась признавать старого короля, своего отца, главой Церкви, — заметил Николас.

— И к тому же всегда считала, что развод короля с ее матерью был незаконным, — добавил я.

— Ее мать звали Екатерина Арагонская, верно? Во времена моего детства королевы менялись так часто, что можно было сбиться со счета.

— Да, леди Мария — единственная дочь Екатерины Арагонской. Постулат о главенстве короля над Церковью она приняла только после смерти матери. Анна Болейн, которую она ненавидела, к тому времени тоже была мертва. В течение десяти лет леди Мария воздерживалась от откровенных выступлений против церковной реформы. Но сейчас она отказывается совершать службы по новой «Книге общих молитв».

— Неужели хочет вернуться в католичество?

— Даже если ее желание таково, старшая дочь Генриха не высказывает его открыто. Но в ее домово́й церкви по-прежнему служат мессу по латинскому обряду. Думаю, так будет продолжаться и впредь, ведь леди Мария уже доказала, что упрямства ей не занимать. Есть еще одно важное обстоятельство, которое мы не должны упускать из виду ни на минуту: она ненавидит свою сестру Елизавету.

Так как я берег спину, мы ехали неспешной рысцой, позволяя другим всадникам обгонять нас. В Ваймондхем, город с просторной рыночной площадью и главной улицей, застроенной добротными каменными домами, мы прибыли в разгар дня. На равнине, расстилавшейся к югу, уже пестрели палатки, приготовленные для ярмарки. Неподалеку от центра города рабочие рыли огромную яму, а рядом возводили высокую деревянную сцену. Мы миновали рыночную площадь; хотя уже перевалило далеко за полдень, под сводами крытого деревянного рынка все еще царило оживление. Взгляд мой привлекла величественная церковь из белого камня, украшенная двумя башнями. Одна из этих башен пребывала в плачевном состоянии — окна выбиты, крыша снесена; второй башни разрушение, судя по всему, не коснулось. За церковью мы увидели картину, ставшую в Англии привычной: наполовину снесенные монастырские здания.

— Монастырь-то, судя по всему, был не из маленьких, — заметил Николас.

— Похоже на то. Смотри, вон там, за часовней, трактир.

Двери часовни были широко распахнуты; мы увидели, как туда вошли двое мужчин в костюмах средневековых рыцарей. Кольчуги их, однако, были сплетены не из металлических колец, а из суровых ниток.

— Вероятно, это участники представления. Интересно, какая пьеса будет разыграна? — спросил я.

— По словам хозяина «Девичьей головы», это совершенно новая пьеса, посвященная судьбе Томаса Бекета.

Я в изумлении взглянул на Николаса:

— Епископа, который ослушался своего короля? Поверить не могу. В течение десяти лет это имя запрещалось упоминать вслух.

— Уж наверное, автор пьесы сумел представить историю этого епископа так, что она лишилась малейшего намека на крамолу, — пожал плечами Николас.

Мы подъехали к трактиру, просторному зданию, на первом этаже которого располагались многочисленные лавки. Пожилой мясник, рослый и широкоплечий, с помощью мальчика затаскивал в свою лавку свиную тушу. Оставив лошадей в конюшне, мы зашли внутрь. Трактирщик, упитанный коротышка в фартуке, встретил нас с искренним радушием, не имевшим ничего общего с натянутой любезностью хозяина «Девичьей головы». Я спросил, можем ли мы остановиться у него на пару ночей.

— Да, конечно, сэр. Вы прибыли как раз вовремя. Завтра здесь яблоку будет негде упасть. Каждый год на ярмарку и представление приезжает пропасть народу. — В глазах его светилось откровенное любопытство. — Вы, я вижу, законник. Прибыли в Ваймондхем по делу?

— Нет, здесь у нас нет никаких дел. Просто решили сделать небольшую передышку в пути. Кстати, я сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк, а спутника моего зовут мастер Овертон.

— Вот как? — настороженно прищурившись, спросил трактирщик. — А вы знакомы с сержантом Джоном Фловердью?

— Знаком, хотя и не близко. Мы встретились в Норидже, на выездной сессии суда присяжных.

— Значит, он не относится к числу ваших друзей? — осторожно осведомился трактирщик.

— Никоим образом.

— В последние десять лет этот человек стал для Ваймондхема сущим бедствием. Живет он в Хетхерсете, к северу отсюда, в прекрасном особняке. Возможно, сейчас он как раз там, огораживает для своих овец новые участки земли.

— Насколько я могу судить, этим занимаются многие землевладельцы в ваших краях.

Трактирщик сердито фыркнул:

— Фловердью не только превращает поля в пастбища. Когда монастырские земли отходили государству, он был представителем Земельной палаты. Мы, горожане, хотели купить монастырские угодья, которые прежде использовали для своих нужд, но он чинил нам всяческие препятствия. Наконец мы написали лорду Кромвелю, и он отдал распоряжение продать земли нам. Фловердью так разозлился, что приказал разорить южный неф собора. Заявил, что там находились монашеские дортуары, и забрал себе свинцовую крышу и камни, из которых были сложены стены. — Трактирщик испустил тяжкий вздох. — Простите, сэр, может, я сболтнул лишнего. Но этот чертов Фловердью для нас как бельмо на глазу.

— Странно, что такой состоятельный человек позарился на груды камней и несколько свинцовых пластин.

— Фловердью не упустит даже малости, — пожал плечами хозяин заведения. — Он из тех, кто сумеет спустить с блохи шкуру и натопить сала. Спросите Уильяма Кетта, мясника, — его лавка как раз под нами. — Мой собеседник сокрушенно покачал головой. — Впрочем, вы наверняка устали. Сейчас позову слугу, он покажет вам комнаты и принесет воды, чтобы вы могли смыть дорожную пыль.

Пообедав в трактире, мы с Николасом решили прогуляться до церкви, тем более что к вечеру стало прохладнее. Несмотря на понесенные утраты, здание церкви сохраняло красоту и величие; оно было сложено из такого же белого камня, что и собор в Норидже. Та часть, что прежде принадлежала монахам, была разрушена почти полностью. Войдя внутрь, мы увидели, что настенные росписи еще не успели закрасить, хотя ниши, где прежде стояли статуи святых, пустовали. Из-за разрушений, произведенных в южном нефу, внутри церковь имела какой-то кособокий вид.

— Похоже, этот Фловердью сам себе вредит, — покачал головой Николас. — Зачем он настраивает горожан против себя? По-моему, в его интересах сохранять с ними добрые отношения.

— Некоторые люди жить не могут без тяжб и распрей. Проработав несколько лет на ниве закона, ты должен это знать.

Миновав развалины монастыря, мы дошли до берега небольшой речушки и повернули назад в город. Несмотря на сгущавшиеся сумерки, на улицах царило оживление; в тавернах было полно народу; некоторые посетители сидели за столиками на улице, наслаждаясь теплым вечером. Когда мы проходили мимо одной из таких компаний, кто-то крикнул:

— Позор законникам, этим ненасытным пиявкам! Всех, кто противится общему благу, ожидают врата ада!

Не удостоив крикуна вниманием, мы свернули на Маркет-стрит. Здесь у дверей таверны собралась еще одна компания. Какой-то человек, увидев нас, поспешно юркнул в темный переулок. Я остановился.

— Что такое? — спросил Николас.

— Ты успел его рассмотреть? Человека, который только что убежал?

— Нет.

— Мне кажется, я его знаю. Хотя, возможно, это ошибка.

В глубине души я был уверен, что это тот самый Майлс, которого я видел в Норидже, в обществе Воувелла и Эдварда Брауна. Делиться своей догадкой с Николасом я не счел нужным.

— Идем быстрее, — только и сказал я. — Завтра нам вставать ни свет ни заря. В два часа дня непременно надо быть в Кеннингхолле.

Вернувшись в трактир, мы сразу улеглись. Спал я хорошо. На заре меня разбудил грохот повозок, доставляющих в Ваймондхем товары для субботней ярмарки.

Глава 34

В шесть часов утра мы уже были в седле. Пришлось проделать долгий утомительный путь — не менее двадцати миль — под палящим солнцем. Через несколько часов мы въехали в Эттлборо, городок, который запомнился мне еще во время путешествия в Норидж. На городских улицах царила тишина, однако в окрестностях произошли некоторые перемены — кое-где плетеные изгороди были сломаны, земля вспахана, пасущиеся овцы исчезли.

Миновав Экклс, мы свернули с главной дороги; впрочем, проселочный тракт, по которому мы ехали теперь, оказался ухоженным и ровным. Вдоль дороги тянулись сплошные изгороди. По большей части за ними находились парки, принадлежащие местным помещикам; поля и пастбища встречались значительно реже. Наконец мы увидели вдали громадный дворец из красного кирпича; размерами он значительно превосходил Хатфитд, хотя, несомненно, тоже был построен недавно. Прежде, до того как его приобрела леди Мария, дворец принадлежал герцогу Норфолку. У ворот стояли два стражника. Едва мы подъехали, как к нам подбежали двое конюших; за ними следовали дворецкий, в мантии, на которой была вышита буква «М», и один из стражников.

— Мы прибыли по распоряжению леди Марии, — сообщил я. — Я сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк. Это мастер Овертон, мой помощник. На два часа дня нам назначена аудиенция.

Дворецкий важно кивнул. Николас, соскочив с седла, помог мне спешиться. Конюшие увели лошадей, а мы в сопровождении дворецкого проследовали в дом. Внутри все было иначе, чем в Хатфилде: убранство несравненно богаче, стены увешаны роскошными гобеленами, на резных столиках венецианские вазы с цветами. Я ощутил запах ладана, как видно долетавший из домово́й церкви.

— Погода сегодня отличная, — изрек дворецкий. — Полагаю, путешествие было приятным?

— Да, хотя и несколько утомительным. Ночь мы провели в Ваймондхеме.

— Вы наверняка проезжали мимо Эттлборо, где эти мерзавцы-фермеры раскурочили изгороди на пастбищах землевладельца.

Изгороди по-прежнему сломаны?

— Насколько мы могли видеть, да.

Наш провожатый остановился перед двустворчатой дверью, у которой стоял стражник. Он постучал, и мужской голос ответил:

— Войдите.

— Вам придется подождать здесь, — сказал дворецкий, слегка поклонившись Николасу, и распахнул дверь.

Я вошел. В дальнем конце огромной комнаты стоял сэр Ричард Саутвелл в коричневой мантии, единственным украшением которой являлся меховой воротник. Сложив руки за спиной, он с обычной надменностью смотрел на меня сверху вниз сквозь полуопущенные веки. Рядом, на возвышении, на которое вели три ступени, под пурпурным балдахином стояло резное кресло; в нем восседала наследница престола леди Мария. У подножия на табуретах сидели две фрейлины, занятые вышиванием. Ни одна из них даже не подняла головы при моем появлении. Сняв шляпу, я согнулся в почтительном поклоне, который оказался не слишком низким, ибо горбатая моя спина не отличалась гибкостью.

— Встаньте, сэр, — любезно произнесла леди Мария.

Заметив застывшего у дверей дворецкого, она махнула рукой, повелевая ему уйти. На губах ее играла улыбка, однако темные глаза смотрели внимательно и настороженно. Леди Марии уже исполнилось тридцать три года; возрастом она более чем вдвое превосходила Елизавету, свою единокровную сестру. Она была такой же невысокой и худощавой, какой запомнилась мне со времен прошлой встречи, но, казалось, даже воздух вокруг пронизан ее железной волей. Про себя я отметил, что жесткие складки вокруг небольшого рта старшей дочери Генриха стали глубже, а губы тоньше. Волосы цвета осенних листьев были почти скрыты под головным убором, украшенным драгоценными камнями. Великолепное платье леди Марии, как и то, в котором я видел ее три года назад, было расшито гранатами — эмблемой ее матери Екатерины Арагонской.

— Благодарю вас за то, что вы приняли мое приглашение, сержант Шардлейк. Мне нужно поговорить с вами.

— Сочту величайшей честью быть вам полезным, миледи.

Она едва заметно улыбнулась:

— Помните нашу встречу три года назад? Тогда вы по поручению покойной королевы Екатерины, да простит ей Господь все ее прегрешения, занимались поиском исчезнувшего перстня.

— Именно так, миледи.

— Вы заметно изменились с тех пор. Седины у вас прибавилось, и, кажется, вы похудели.

— За три года я постарел, миледи.

— Беды, которые ныне переживает Англия, заставляют нас всех стареть прежде времени, — изрекла она. — Сэр Ричард только что вернулся из Лондона, где лорд-протектор встречался с крупными землевладельцами из всех графств. Разговор шел о том, что правительству необходимо создать армию для усмирения бунтовщиков на юго-западе.

Я неотрывно смотрел на леди Марию, но лицо ее оставалось непроницаемым. Она перевела взгляд на Саутвелла:

— А ныне нам сообщили о новых мятежах, которые вспыхивают по всей стране. Крестьяне собираются в отряды и ломают изгороди, ограждающие пастбища.

— Да, каждый день приносит новые тревожные известия, — кивнул Саутвелл.

«Значит, купец в Норидже говорил правду», — пронеслось у меня в голове.

Леди Мария вновь повернулась ко мне:

— Насколько мне известно, вы присутствовали на выездной сессии суда присяжных в Норидже. Как вам показалось, какие настроения царят в Норфолке?

— Несомненно, в городе имеются недовольные, — осторожно ответил я. — Что касается сельской местности, я был там лишь проездом. — Поколебавшись, я добавил: — Вчера утром я слышал в трактире, как некий купец рассказывал о новых крестьянских волнениях — в Кенте, Эссексе и Оксфордшире.

— Удивительно, но местные купцы осведомлены о положении в стране лучше, нежели лорд-протектор, — глядя на Саутвелла, презрительно процедила леди Мария.

Саутвелл кивнул в знак согласия.

— Несомненно, в стране действуют заговорщики, которые занимаются тем, что разжигают мятежи и подбивают народ на бунт.

Возможно, они переезжают с места на место, сея повсюду смуту и недовольство, — изрек он. — Тем не менее мои осведомители утверждают, что обстановка в Норфолке остается спокойной. Печальное исключение составляет лишь Эттлборо.

— Вы сказали, что в Норидже имеются недовольные, — перевела взгляд на меня леди Мария. — Чем именно они недовольны?

— Растущими ценами, обесцениванием денег, нехваткой работы.

— А перемены в жизни Церкви, они волнуют кого-нибудь?

Взгляд леди Марии внезапно стал острым, как стальной клинок.

— Насколько мне известно, нет. — Я не стал кривить душой.

Значит, ей хотелось узнать, в какой степени нынешние волнения связаны с религиозными реформами, отметил я про себя. Впрочем, главная причина, по которой леди Мария пожелала меня увидеть, вряд ли заключалась в этом.

— Разговоры о всеобщем благоденствии ведутся повсюду, не только на юго-западе, — заметил Саутвелл. — Радикальные протестантские воззрения получают все большее распространение. Вероятно, многие мечтают, что Комиссия по незаконным огораживаниям, возглавляемая Джоном Хейлзом, добьется перемен, которых требуют мятежники. Организуя вооруженные отряды, они рассчитывают заставить комиссию действовать так, как им нужно.

Ощувив на себе ледяной взгляд Саутвелла, я подумал о том, что у столь богатого и влиятельного человека имелось множество способов заставить клерка Ардена действовать так, как ему нужно. Впрочем, то же самое можно было сказать и про Джона Фловердюю.

— Однако повсеместное внедрение новой «Книги общих молитв» может дать повод для очередной вспышки недовольства, — заявила леди Мария.

Саутвелл бросил на свою госпожу предостерегающий взгляд, однако на ее лице не дрогнул ни один мускул.

— Разумеется, любая попытка низвергнуть существующий порядок является изменой королю, моему брату, — проронила она, пристально глядя на меня. — Все мятежники без исключения должны понести суровое наказание.

Я склонил голову в знак согласия.

— Как вы и предполагали, Шардлейку ничего не известно, — неожиданно резким тоном обратилась леди Мария к Саутвеллу. —

Впрочем, я намерена расспросить его о другом. — Выражение ее лица изменилось, теперь оно дышало холодом и суровостью. — Сержант Шардлейк, я пригласила вас сюда, ибо желаю узнать: какие соображения двигали моей сестрой, когда она приказала вам воспрепятствовать свершению правосудия над своим родственником Болейном, который был призван виновным в жестоком и отвратительном преступлении? Насколько мне известно, вы взобрались на помост, где стояли виселицы, дабы помешать казни.

Глаза леди Марии готовы были просверлить меня насквозь, а тонкие губы сжались в жесткую линию.

— Леди Елизавета всего лишь приказала мне самым тщательным образом расследовать это запутанное дело, — произнес я. — В случае если Болейн будет признан виновным, я, следуя ее распоряжению, должен был подать просьбу о помиловании. Именно так я и поступил, никоим образом не нарушив закона. — Переведя дух, я продолжал: — Просьба о помиловании была принята судом, однако констебль тюремного замка не получил приказа об отсрочке казни. Будь Болейн повешен, казнь его явилась бы незаконной, поэтому я и позволил себе вмешаться.

Леди Мария хрипло рассмеялась.

— Видите, когда дело касается представителей семейства Болейн, даже вердикт присяжных может оказаться незаконным, — обратилась она к Саутвеллу.

Глядя на Саутвелла, я вспомнил о том, что этот человек и сам совершил убийство, однако избежал казни, ибо был помилован королем.

— Ни одно из моих действий никоим образом не нарушало закона, — веско произнес я.

По губам леди Марии скользнула кислая улыбка.

— Сэр Ричард Саутвелл сообщил лорду-протектору Сомерсету, какого мнения я придерживаюсь относительно этого дела. В ближайшее время он поставит протектора в известность, что к прошению о помиловании я отношусь до крайности неодобрительно. Возможно, из уважения ко мне он даст отрицательный ответ. — Голос ее стал более глубоким и звучным. — Анна Болейн сделала несчастным моего отца и стала причиной смуты в этой стране. Избавившись от нее, отец

женился на Джейн Сеймур — сестре протектора. Полагаю, Елизавете не следует об этом забывать.

— Вне всякого сомнения, вы сообщите об этой беседе мастеру Пэрри, — обратился ко мне Саутвелл. — Мы ничего не имеем против.

Неожиданно губы его расплылись в широкой улыбке, обнажившей крепкие белые зубы.

Судя по всему, Мария хочет напомнить Елизавете, что силы их далеко не равны, догадался я. Сейчас положение у Марии не слишком завидное, но тем не менее она является наследницей престола и пользуется покровительством Габсбургов.

— Простите, миледи, что я имел несчастье стать причиной вашего неудовольствия, — сказал я. — Смею вас уверить, в мои намерения входило лишь должным образом исполнить обязанности законника.

Мария сидела в своем кресле, прямая как струна.

— Да, когда вы служили другой покровительнице религиозных нововведений, Екатерине Парр, вы тоже всего лишь выполняли свои обязанности законника, — ледяным тоном отчеканила она. — Эта женщина пыталась отвлечь от истинной веры всех детей короля. Лишь со мной она не преуспела. Ее изменчивая природа была для меня очевидна. Как называлась книга, которую написала Екатерина? «Стенание грешницы», если мне не изменяет память. Там она сокрушается о том, что многократно впадала в плотский грех, прежде чем открыла для себя Библию. Однако и после этого она продолжала предаваться плотскому греху. Какого еще названия заслуживает ее брак с предателем и изменником Томасом Сеймуром, с которым Екатерина поспешно обвенчалась, в то время как тело ее супруга, моего отца, едва успело остыть?

Вне всякого сомнения, леди Марии было известно, что я служил Екатерине Парр в течение нескольких лет и всегда питал к покойной королеве глубокое уважение. Но, глядя в сверкающие глаза Марии, я понимал, что ее устами говорят не только ненависть и желание меня уязвить. Судя по искрам праведного гнева, полыхавшим в ее взоре, она искренне верила во все свои обличения.

— Полагаю, миледи, аудиенция окончена? — обратился к ней Саутвелл.

Мария кивнула в знак согласия:

— Я выяснила все, что хотела. Желаю вам удачного дня, сержант Шардлейк.

Я вновь отвесил самый низкий из всех доступных мне поклонов и, пятясь, вышел из комнаты. Оказавшись в коридоре, несколько мгновений не двигался с места и, задыхаясь от злобы, таращился на открытую дверь. Поймав на себе вопросительный взгляд дворецкого, кивнул и вслед за ним двинулся прочь.

На обратном пути в Ваймондхем я вряд ли был для Николаса приятным спутником: вкратце сообщил содержание беседы с леди Марией и погрузился в угрюмое молчание. Сложившаяся ситуация до крайности тревожила меня. Если леди Мария исполнит свою угрозу и выразит неудовольствие протектору, шансы на успех, которые имеет просьба о помиловании, существенно понизятся. Фраза Саутвелла о том, что в стране действуют заговорщики, которые занимаются тем, что разжигают мятежи и подбивают народ на бунт, непрерывно вертелась у меня в голове. Судя по разговору, который я нечаянно подслушал в «Голубом кабане», управляющий леди Марии был недалек от истины. Саутвелл упомянул также о своих тайных осведомителях. Значит, существуют люди, которые ведут двойную игру и, объявляя себя бунтовщиками, служат правительству? После долгих размышлений я пришел к единственному выводу: чем скорее мы вернемся в Лондон, тем лучше.

В Ваймондхем мы прибыли уже в сумерках. Я был чуть жив от усталости, спина мучительно ныла. Николас тоже выглядел утомленным, лицо его покраснело от солнечного ожога, полученного в пути. На улицах царило оживление, ведь завтра, в субботу, должно было состояться театральное представление. Окна домов были ярко освещены, люди с мешками на спине спешили к ярмарочным палаткам, раскинувшимся за городом. Казалось, даже воздух в городе пронизан весельем, отовсюду доносились смех и пение. Мы с Николасом поспешно поужинали и отправились спать. Я вручил своему помощнику банку с лавандовым маслом, посоветовав смазать обожженное солнцем лицо. Опасения относительно того, что беспрестанный поток тревожных мыслей не даст мне уснуть, оказались напрасными; усталость взяла свое, и я провалился в сон, едва

коснувшись головой подушки. Однако посреди ночи меня разбудил крик, долетевший с улицы:

— Комиссия по незаконным огораживаниям уже в пути! На следующей неделе ждите новое воззвание протектора!

Новость была встречена радостными возгласами. Голос глашатая, повторявшего ее вновь и вновь, доносился до меня еще долго.

На следующий день, вскоре после полудня, мы вернулись в Норидж. Была суббота, шестое июля. Несмотря на то что в самом скором времени мы намерены были возвратиться в Лондон, я полагал необходимым написать Пэрри и сообщить ему о своей встрече с леди Марией. День вновь был базарным, продвигаться верхом по многолюдным улицам оказалось весьма затруднительно, и я вздохнул с облегчением, когда мы наконец прибыли на площадь Тумлэнд и перед нами возникли величественные очертания собора.

— Вот мы и дома, — изрек я, подъехав к воротам «Девичьей головы».

— В Норидже я не чувствую себя дома, — проворчал Николас. — Когда мы отправимся в Лондон?

— Возможно, в понедельник. Завтра я хочу съездить на ферму к родителям Тоби и узнать, почему он молчит. Возьмем с собой Барака, он хорошо поладил с Локвудом.

— В отличие от меня, — усмехнулся Николас. — Не переживайте, ваш драгоценный Тоби тоже меня терпеть не может.

— Заодно отвлечем Джека от выпивки, — вздохнул я. — Надеюсь, в наше отсутствие он не слишком усердно накачивался пивом.

— Сомневаюсь, что у него имеются для этого возможности, — пожал плечами Николас. — По-моему, Барак уже на мели.

Внезапно Овертон указал на пышно украшенные ворота, ведущие во двор собора:

— Смотрите-ка, кто там стоит! Разве это не Саймон Скамблер?

И в самом деле, у ворот стоял Скамблер собственной персоной, в рваных штанах и грязной рубашке. Горячо размахивая руками, он упрашивал о чем-то облаченного в стихарь пожилого священника. Тот в ответ отрицательно покачал головой. Саймон испустил горестный стон и бросился по улице прочь. Повозка, груженная шерстью, едва не задела парнишку, возница призвал на его голову все возможные

проклятия. Кто-то громко расхохотался. Я направил лошадь к священнику, собиравшемуся вернуться на церковный двор.

— Сэр! Прошу вас, подождите! — окликнул я его.

Священник повернулся и замер в воротах, ожидая, когда мы подъедем. Он был невысок ростом, хорошо упитан и совершенно лыс, если не считать бахромы седых волос, обрамлявшей голую макушку. Лицо его светилось добротой и приветливостью.

— Чем могу служить вам, джентльмены? — осведомился он.

— Этот мальчик, с которым вы только что разговаривали... Я его знаю.

— Вы говорите о Грязнule Скамблере? — В глазах священника мелькнуло беспокойство. — Надеюсь, он не натворил ничего противозаконного?

— Нет. Но он — важный свидетель в деле, которое я расследовал.

— В том самом деле? — со вздохом спросил он.

— Вот именно, — подтвердил я справедливость его догадки. — Позвольте представиться: сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк.

— Каноник Чарльз Стоук, к вашим услугам. Скамблер прежде был моим учеником в церковной школе.

— Насколько мне известно, сейчас он лишился крова.

— Увы, у этого мальчика нет ни дома, ни работы, — устало проронил Стоук. — Он приходил узнать, не примем ли мы его в церковный хор. Мне пришлось ответить отказом.

— Понимаю. Вам известно о нем что-нибудь еще?

— Лишь очень немного. — Каноник Стоук испустил тяжкий вздох. — Родители его были бедны. Отец работал трубочистом. Мать умерла, когда Саймону едва исполнилось десять. Он был смышленным мальчонкой, и к тому же голос его и в детстве был хорош, а после ломки стал еще лучше. Мы с радостью приняли его в хор. Но, как это ни печально, Скамблер вел себя неподобающим образом... — Священник сокрушенно покачал головой. — Это за пределами моего понимания... Все, что касалось музыки, он схватывал на лету, да и читать научился без труда. Зато другие, самые простые вещи ставили его в тупик. Дисциплины Саймон просто не признавал. — Взгляд старика был исполнен искренней грусти. — Я не хочу сказать, что Скамблер был непослушным, он просто не умел соблюдать правила. Сколько ему ни твердили, что во время пения нельзя размахивать

руками, он не оставлял этой привычки. Я пытался отучить его болтать во время уроков и церковных служб, но не достиг успеха. А уж о том, чтобы Саймон пел только тогда, когда это требуется, нечего было и думать.

— Да, у этого мальчика добрая душа, но он совершенно неуправляем, — кивнул я.

— Вижу, сэр, вы успели хорошо его узнать. Увы, Саймон из тех, с кем не сладишь ни кнутом, ни пряником. Другие дети и даже некоторые учителя изводили его насмешками. Скажу откровенно, мы с ним замучились и, когда ему исполнилось тринадцать, исключили Скамблера и из школы, и из хора. К тому же он никогда не проявлял ни малейшего интереса к христианской вере.

— Уйдя из школы, Саймон стал помогать отцу?

— И на этом поприще преуспел еще меньше, — грустно улыбнулся старый каноник. — С ним вечно случались неприятности: то в трубе застрянет, то перепачкает сажей всю хозяйскую мебель.

— Поэтому его и прозвали Грязнулей, — подхватил я.

— В прошлом году его отец умер. Саймон пытался устроиться на работу, но, насколько мне известно, нигде долго не задерживался. После смерти отца его приютила тетка. — Стоук вновь испустил тяжкий вздох. — Как я понимаю, горячая сторонница религиозных нововведений. Увы, по словам Саймона, на днях она прогнала его из дома.

— К сожалению, это так. Боюсь, отчасти я стал причиной ссоры между Саймоном и его тетушкой. Мальчик был очень расстроен печальным исходом дела Болейна и наговорил лишнего.

— Я был бы рад помочь бедняге, но, увы, здесь я бессилен, — развел руками каноник. — Даже если я приму его в хор, своей распушенностью Скамблер моментально навлечет на себя гнев епископа Рагге.

— Вы не знаете, где сейчас живет Саймон?

— Боюсь, ему приходится ночевать на улицах. Когда я сказал, что не могу принять его в хор, бедняга едва не заплакал. Простите, сэр, но все, что я могу сделать для этого мальчика, — помолиться за него.

Старый каноник вновь развел руками, повернулся и скрылся в воротах.

— У нас с тобой осталось еще одно важное дело, — обратился я к Николасу. — До отъезда в Лондон необходимо найти Саймона и хоть как-то помочь ему.

Оказавшись в своей комнате, я, не откладывая, написал Пэрри и распорядился отправить письмо в Хатфилд. После этого растянулся на кровати, дав наконец покой своей отчаянно ноющей спине; меня тут же одолел сон. Несколько часов спустя раздался стук в дверь, и в комнату вошел Николас, явно чем-то обеспокоенный:

— Сэр, идите скорее вниз. Там вас ждут Изабелла Болейн и Дэниел Чаури.

Спустившись в гостиную, я увидел Изабеллу, бессильно уронившую голову на руки. Стоявший рядом Чаури растерянно переминался с ноги на ногу.

— Что случилось? — спросил я, опасаясь, что со злополучным Болейном вновь стряслась беда.

Изабелла подняла залитое слезами лицо. Видно было, что она находится на грани полного отчаяния.

— Сегодня утром меня вышвырнули из дома, сэр, — пробормотала она сквозь всхлипывания. — И меня, и Дэниела. Они забрали все деньги, которые оставил мне Джон.

— Но кто это сделал?

— Помощники адвоката Фловердью.

— Но почему? Они не имели на это никакого права!

— Они заявили, что это я не имею права находиться в поместье, так как не являюсь венчанной женой Джона. Сказали, что действуют в интересах законных наследников, то есть сыновей Джона и их деда, который приобрел право опекуна над внуками. Близнецы, конечно, тоже явились. Они хохотали, глядя, как нас гонят прочь. Теперь дом и земли принадлежат им. Хорошо еще какой-то добрый человек подвез нас до Нориджа. У меня нет крыши над головой, а в кошельке не осталось ни единого пенни. Умоляю вас, сэр, помогите!

Глава 35

Я приказал слуге принести бумагу и перья и, усевшись за стол, попросил Изабеллу подробно изложить все, что произошло нынешним утром. Однако силы, и душевные, и физические, изменили бедняжке. В ответ на мою просьбу она указала взглядом на Чаури:

— Пусть вам лучше расскажет Дэниел.

— Они прибыли ранним утром, — начал Чаури. — Насколько мне известно, подобные бесчинства всегда творятся по утрам. Мы завтракали на кухне — миссис Болейн и я. Мешочек с деньгами, который мастер Болейн оставил хозяйке, лежал на столе. После завтрака она собиралась рассчитаться с двумя работниками. Внезапно раздался оглушительный стук в дверь. Едва я открыл, Джеральд Болейн, каналья, что есть мочи ударил меня в грудь, так что я потерял равновесие и упал. Джеральд и Барнабас ворвались в дом, а с ними еще трое молодых подонков, их закадычных друзей. Один из них — Джон Аткинсон, молодчик с крысиной физиономией, которого вы видели в суде.

— Приспешник Саутвелла, — кивнул я.

— Да. За ними следовал Джон Фловердью, надутый и важный. Он сообщил, что Саутвелл от имени короля продал право опекуна над братьями Болейн их деду. И дескать, теперь он, Фловердью, в качестве представителя Ведомства по делам конфискованного имущества обязан выполнить просьбу мастера Рейнольдса и освободить дом от тех, кто живет в нем незаконно. Так как хозяйка не является венчанной женой Болейна, она не имеет никакого права здесь находиться, в то время как его сыновья, напротив, обладают этим правом в полной мере. Фловердью положил перед миссис Изабеллой какую-то официальную бумагу и сцапал мешочек с деньгами, заявив, что деньги эти отныне поступают в распоряжение Ведомства по делам конфискованного имущества.

— А что говорилось в этой бумаге? — спросил я.

Изабелла подняла на меня покрасневшие глаза.

— Я почти не умею читать, сэр, — призналась она. И добавила с горечью: — Я ведь была простой трактирной служанкой, о чем люди не устают мне напоминать.

— Когда я попытался взять документ и прочесть его, Фловердью буквально вырвал бумагу у меня из рук, — вздохнул Чаури. — Он велел нам обоим убираться немедленно. Близнецы тем временем уже носились по дому. Судя по всему, они пригласили приятелей погостить у них. Я видел прикрученные к седлам мешки с вещами.

— Они перевернут там все вверх дном! — простонала Изабелла и вновь залилась слезами.

— Мы не могли противиться, сэр, ибо их было слишком много! — дрожащим от волнения голосом воскликнул Чаури. — Зная братьев Болейн, я не сомневался, что они пустят в ход силу. А потому посоветовал миссис Изабелле безропотно оставить дом и незамедлительно отыскать вас.

Как видно, дворецкий опасался, что я сочту его трусом.

— Вы поступили благоразумно, — заверил я его. — До тех пор пока ответ на просьбу о помиловании не будет получен, имущество Джона Болейна считается неприкосновенным. К тому же до получения ответа его сыновья не могут перейти под опеку короля, а это означает, что Саутвелл нарушил закон, распорядившись правом опеки. Фловердью тоже поступил противозаконно, вторгнувшись в неприкосновенные владения. Хотел бы я посмотреть, что за документ он вам предъявил.

«Возможно, вчера, когда я встречался с леди Марией и Саутвеллом, они оба знали о готовящемся вторжении, — пронеслось у меня в голове. — Впрочем, нет, леди Мария, скорее всего, пребывает на этот счет в полном неведении, — тут же возразил я себе. — Уж конечно, она сознает, что столь вопиющее нарушение закона способно нанести урон ее репутации. Да, неплохо было бы выяснить, действовал ли Фловердью в одиночку или же состоял в сговоре с Саутвеллом».

— У вас совсем не осталось денег? — обратился я к Изабелле.

— Всего несколько шиллингов.

— Миссис Изабелла, мы можем найти приют у моих родителей, — смущенно отведя взор, предложил Чаури. — Они не откажутся принять вас под свой кров. У меня осталось немного денег.

Он слегка коснулся руки хозяйки и тут же отдернул пальцы, словно обжегшись.

— Нет, Дэн, — покачала головой Изабелла. — Не стоит давать пищу новым сплетням.

— Думаю, прежде всего нам стоит увидеться с мастером Фловердью, — процедил я, многозначительно переглянувшись с Николасом. — Потребовать, чтобы он предъявил документ, который показывал вам. Уверен, его действия противозаконны.

— Трактирщик в Ваймондхеме говорил, что сейчас Фловердью у себя дома, в местечке, называемом Хетхерсет, — напомнил Николас.

— Это примерно в пяти милях от Нориджа, если ехать по Ваймондхемской дороге, — сообщил Чаури.

— Значит, завтра утром мы отправимся туда, — кивнул я, подавив вздох. Мысль о предстоящей поездке верхом отнюдь не радовала меня, но иного выхода я не видел. — Возьмем с собой Барака, — заявил я. — Чем больше народу, тем лучше. Николас, сегодня ты переночуешь в моей комнате, а миссис Болейн займет твою. Дэниел, вы сумеете найти себе ночлег где-нибудь в трактире?

— За меня можете не волноваться.

— Завтра утром мы дадим Фловердью глотнуть его собственной микстуры, — фыркнул Николас и ободряюще улыбнулся Изабелле; она в ответ улыбнулась ему сквозь слезы.

Барак, по-прежнему обретавшийся в «Голубом кабане», откровенно обрадовался, узнав о предстоящей поездке. По его словам, в наше отсутствие он отчаянно скучал и к тому же остался почти без денег.

— Приходится отказывать себе даже в пиве, — уныло поведал он, почесывая бороду искусственной рукой. — Трактирщик, продувная бестия, не желает ничего отпустить в долг.

Ранним утром в воскресенье мы вывели лошадей из конюшни. Мы с Николасом надели чистые рубашки и дублеты и сложили в седельные мешки свои лучшие мантии. Другие, попроще, мы отдали в стирку. Было слишком жарко, чтобы надевать мантии на себя. Дорога оказалась пустынной.

— Вчера я шатался по рыночной площади, слушал, о чем болтают люди, — сообщил Барак. — Похоже, мятежникам, которые разбили лагерь в Колчестере, даровано помилование, а также обещание выполнить их основные требования. Правда, не раньше, чем Комиссия по незаконным огораживаниям доберется до этих мест. Завтра в

Лондоне будет официально объявлено о том, что комиссия начинает свою деятельность.

— Неужели протектор Сомерсет дал согласие на то, чтобы бунтовщики диктовали свои условия членам комиссии? — возмутился Николас. — Вместо того, чтобы двинуть против них войско и разогнать весь этот сброд к чертям?

— Откуда, скажи на милость, он возьмет войско? — ухмыльнулся Барак. — Бóльшая часть армии занята тем, что пытается удержать последний форт в Шотландии. Другую часть он намерен отправить в западные графства. Да и комиссии, насколько мне известно, протектор хочет дать в помощь вооруженный отряд. По мне, это не так уж и плохо. Разумеется, местные землевладельцы будут ставить приезжим палки в колеса. Если комиссию будут сопровождать солдаты, можно надеяться, что ее решения останутся не только на бумаге. Не забывайте, члены комиссии будут действовать от имени протектора Сомерсета, а значит, короля.

Николас возмущенно затряс головой.

— Как известно, государство подобно человеческому телу, — заявил он. — Голова — это те, кто обладает образованием и высоким происхождением. Руки — это люди вроде нас с вами. Естественно, голова направляет наши действия. Простолюдины — это ноги. Все, что они могут и умеют, — ходить за плугом. Беда, коли ноги начнут решать, как жить стране.

— У твоей точки зрения немало сторонников, — сухо проронил Барак.

— Подобный порядок вещей был учрежден на земле самим Господом Богом. Так было всегда, и так будет впредь. Спроси у любого священника, он подтвердит это.

— С каких это пор священники стали для тебя авторитетом, Ник? Покойный мастер Кромвель был сыном кузнеца, и во времена, когда я ему служил, в Англии не было человека могущественнее.

— За исключением короля, — ухмыльнулся Николас, — который и отправил его на плаху.

— Давайте рассуждать здраво, — вмешался я. — Комиссия по незаконным огораживаниям Джона Хейлза, бесспорно, может принести немало пользы. Я в течение многих лет защищал интересы бедных людей в Палате прошений и знаю, сколько семей лишилось наделов,

которые их предки обрабатывали веками, ибо землевладельцы решили превратить эти земли в пастбища. Но проводить реформы так стремительно, как это замыслил Сомерсет, невозможно. Тем более что реформы эти вызывают неодобрение почти у всех джентльменов в Англии. К тому же я отнюдь не склонен считать, что Сомерсет позволит простым людям диктовать ему условия. Он не король и должен считаться с мнением Тайного совета. Если он пойдет слишком далеко, это может стоить ему и положения, и власти.

— В Эссексе протектор уже дал слабину, — заметил Барак.

— Помнишь мятеж в северных графствах в тридцать шестом году? — повернулся я к нему. — Восставшие выступали против церковной реформы. Старый король пообещал выполнить все их требования, дождался, пока вооруженные отряды разойдутся по домам, а потом собрал армию и расправился с бунтовщиками самым жестоким образом.

— Сомерсет — это вам не старый король, — покачал головой Барак.

— Тем хуже для всех нас! — вздохнул Николас. — Нет, я, разумеется, тоже считаю, что реформы необходимы. После того, что мы видели в Норидже, с этим трудно не согласиться. Но если существующее общественное устройство будет разрушено, наступят анархия и хаос!

— Довольно сотрясать воздух! — оборвал его я, внезапно ощутив приступ раздражения. — Нам предстоит важное дело, и прежде всего мы должны думать о нем. Богом клянусь, конца-краю нашим мытарствам, похоже, не предвидится. Суд позади, просьба о помиловании отправлена, а проблемы продолжают расти. Джек, наверняка в твоей сумке отыщется фляга с элем! От этой чертовой жары у меня пересохло в горле.

Барак передал мне кожаную флягу. Сделав несколько глотков, я рассказал ему и Николасу о том, что произошло в Кеннингхолле. Я был встревожен, изнемогал от жары и усталости и потому прервал их словесную перепалку столь бесцеремонным образом. Кто мог тогда знать, что последствия подобных споров не только определяют мою жизнь в течение ближайших двух месяцев, но и кардинально изменят весь ее дальнейший ход.

Глава 36

По мере того как мы приближались к Ваймондхему, дорога становилась все более оживленной, — вне всякого сомнения, люди спешили на ярмарку. В Хетхерсет мы прибыли около одиннадцати. Эта небольшая деревенька, раскинувшаяся посреди зеленой равнины, состояла из скромных фермерских домиков, окруженных возделанными полями. На западе тянулся обширный участок общинной земли, огороженный плетеными изгородями и канавами. Мы подъехали к дому Фловердью, стоявшему в конце длинной аллеи, по обеим сторонам которой тянулись овечьи пастбища. Красный кирпичный особняк с высокими дымовыми трубами, судя по всему, построили совсем недавно; сразу было видно, что он принадлежит богатому человеку. Прежде чем въехать в ворота, мы с Николасом облачились в свои мантии.

Слуга, отворивший нам дверь, сообщил, что адвокат Фловердью вместе с сыновьями и управляющим сейчас объезжает границы владений. Я назвал свое имя, и слуга, попросив нас подождать, отправился сообщить о нашем визите миссис Фловердью. Через некоторое время перед нами предстала хозяйка, костлявая особа с неприветливым лицом.

— Добрый день, сержант Шардлейк, — проронила она ледяным тоном, изобразив едва заметный реверанс. — Мой муж рассказывал о вас.

— Приношу свои извинения за то, что дерзнул явиться незванным, но мне необходимо безотлагательно поговорить с мастером Фловердью, — ответил я со всей доступной мне любезностью. — Не соблаговолите ли сообщить, когда ваш супруг намерен вернуться?

— Полагаю, к обеду. Часам к пяти. Если желаете, можете вновь заглянуть к нам в это время, — изрекла дама и, опять сделав отдаленное подобие книксена, захлопнула дверь перед нашим носом.

— Она могла бы пригласить нас в дом и предложить по стаканчику чего-нибудь прохладительного, — пробурчал Николас. — Как видно, в этой глуши не знают, что такое вежливость.

— Боюсь, в разговорах с женой Фловердью описал меня не самым лестным образом, — усмехнулся я.

— И что нам теперь делать? — Николас вытер платком лицо, усеянное бисеринками пота и вновь покрасневшее от солнечного ожога. — На таком солнцепеке я скоро превращусь в копченый окорок.

— Вернемся в пять, — отрезал я. — Глупо ехать обратно в Норидж, не встретившись с Фловердью.

— Я видел, в деревне есть таверна, — сообщил Барак. — Там мы можем отдохнуть, перекусить и утолить жажду.

— Представляю, какой дрянью кормят в этой таверне, — проворчал Овертон, пребывавший сегодня в угрюмом настроении. — И вообще, у меня нет ни малейшего желания торчать там весь день, под любопытными взглядами местных бездельников.

— Не хочешь сидеть в таверне, поехали в Ваймондхем, — предложил Барак. — До города всего три мили. Кстати, театральное представление назначено как раз на сегодня.

— Будь по-твоему, — кивнул я. — Сначала перекусим в таверне, а потом отправимся в Ваймондхем. Из-за этого мерзавца Фловердью мы вернемся в Норидж поздно вечером. Николас, давай по крайней мере снимем мантии, пока совсем не упарились!

К нашему удивлению, пиво и похлебка, которыми нас потчевали в таверне, оказались превосходными; но, как и предполагал Ник, местные жители встретили чужаков настороженными и не слишком приветливыми взглядами. До меня долетели произнесенные громким шепотом слова: «А эти еще зачем приперлись?» Утолив голод и жажду, мы вновь сели на лошадей и, невзирая на палящие лучи полуденного солнца, отправились в Ваймондхем.

Прибыв туда, мы оставили лошадей в конюшне трактира «Зеленый дракон». Царившее в городе многолюдство поразило меня: я никак не ожидал, что жители Норфолка столь охочи до театральных зрелищ. Мы отправились на площадь, где и должно было состояться представление. Оно еще не начиналось, хотя все приготовления уже были завершены: занавес на дощатой сцене задернут, а яма перед сценой выложена каменными плитами, поверх которых лежали старые каменные балки. Вокруг площади теснилось множество палаток и прилавков, где шла самая оживленная торговля. Проходя мимо, я удивлялся их разнообразию; некоторые, к примеру прилавки, где продавались одежда и соляные глыбы, отличались прочностью и были снабжены разноцветными тентами, дарующими желанную тень; другие, те, за

которыми шла торговля овощами, сыром и живыми цыплятами в клетках, представляли собой обычные фермерские телеги. Ремесленники предлагали всевозможные изделия, начиная от лопат и мотыг и заканчивая пастушескими посохами и рожками. У женщины, торгующей детскими игрушками, я купил тряпичную куклу с пуговицами вместо глаз.

— В подарок маленькой Мышке, — с улыбкой пояснил я своим спутникам.

Барак приобрел такую же куклу для своей дочки и саркастически осведомился у торговки, нет ли у нее куклы в виде ведьмы — сгодилось бы в качестве сувенира жене. Женщину вопрос привел в негодование; вытаращив глаза на железную руку покупателя, она осенила себя крестом.

— Шутка, — бросил Джек, поспешно отходя прочь.

— Вот уж не думал, что в этом городишке устраивают ярмарки с таким размахом, — заметил Николас.

— Да, на такой огромной ярмарке я прежде ни разу не бывал, — кивнул Барак. — Хотя, работая на выездных сессиях, объездил множество городов. Июль — самый подходящий месяц для ярмарок, в это время у фермеров почти нет работы, разве что прополка.

Неподалеку от нас какая-то старуха яростно препиралась с торговцем, который отказывался принять вышедшую из употребления монету.

— Такие деньги надо было сдать еще в конце прошлого месяца, — сказал я ей.

— А мне и невдомек... Сейчас каждый день новые перемены, попробуй за всеми уследить, — пробормотала бабка и залилась слезами.

Пробираясь сквозь толпу, я обратил внимание, что тут и там люди, собираясь в небольшие группы, что-то вполголоса обсуждают; в воздухе, казалось, висело возбуждение.

Внезапно оглушительный грохот барабанов заставил меня вздрогнуть. Оглянувшись, мы увидели, что толпа устремилась к сцене. Барак и Николас принялись яростно проталкиваться в первые ряды, я следовал за ними. Какой-то человек вручал всем печатные памфлеты. Я взял один. Он был озаглавлен «Истинная проповедь благочестивого епископа» и представлял собой очередное воззвание в духе идей

общего блага. «...Овечьи пастбища и усадебные парки пожирают целые деревни и даже города, — говорилось там. — Все, что волнует богатых людей, — это их собственные удовольствия или же выгода...»

Меж тем занавес раздвинулся, открыв на всеобщее обозрение расписной задник, изображавший интерьер римской виллы. Скорее всего, художник взял за образец какой-нибудь гобелен. Несколько человек в черных одеяниях, с фальшивыми седыми бородами, сидя за столом, пересчитывали металлические диски. В яме перед сценой развели костер; время от времени там раздавались взрывы, сопровождаемые клубами желтого дыма.

— Порох, — пробормотал себе под нос Барак. — Надеюсь, они знают, что делают.

На краю сцены появилась потешная фигура, голову которой украшали рога, а лицо было вымазано красной краской. Облаченный в багровые одежды дьявол — вне всякого сомнения, это был он — держал в руке вилы. Когда актер, одетый священником, рухнул на колени, дьявол разразился безумным хохотом. Какая-то женщина с ангельскими крыльями за спиной принялась размахивать руками перед его носом.

— Смотрите все! — громовым голосом возвестил дьявол. — Тот, кто верует в Христа, в борьбе с богатеями обречен на гибель!

При этих словах на сцену выбежали четверо актеров, одетых рыцарями. Они делали вид, что протыкают коленопреклоненного священника деревянными мечами. Жалобно стона, он растянулся на полу. Зрители одобрительно улюлюкали и гудели. Я понял, что на сцене было представлено убийство Томаса Бекета королем Генрихом II. Что ж, устроители поступили весьма благоразумно, перенесли это событие в Древний Рим, подумал я.

Раздался очередной взрыв, и на сцену вышел человек, с ног до головы одетый в белое. Лицо его и волосы были выкрашены золотой краской. Появление его, разумеется, вызвало бурный восторг толпы. Наклонившись над неподвижно распростертым священником, он поднял его. Рыцари-убийцы смущенно потупились; дьявол, съездившись, отступил к самому заднику; а женщина-ангел, подхватив убитого, потащила его за кулисы. Только тут я догадался, что ошибался: на самом деле ангела изображал юноша.

Золотоволосый человек, подойдя к краю сцены, обратился к зрителям:

— Я — воскресший Христос, и все, кто искренне верует в Меня, непременно обретут награду! Смотрите, братья, как те, кто грабил и разорял истинных христиан, получают по заслугам!

Он подошел к людям, сидящим за столом, и перевернул стол, так что металлические диски, звеня и подпрыгивая, покатались по сцене. Четверо актеров принялись ползать по дощатому полу на четвереньках, собирая их. Дьявол, пустив в ход вилы, заставил всех встать и погнал вниз со сцены, в сторону ямы, откуда по-прежнему вырывались дым и языки пламени. Не трудно было сообразить, что все это изображает евангельский сюжет «Изгнание торгующих из храма». Дьявол, обутый в грубые башмаки, поставил ногу на металлическую решетку над костром, который, несомненно, символизировал адское пламя. Вновь раздался громкий треск, и из ямы показалось облако густого красного дыма. Когда дым развеялся, выяснилось, что дьявол и его жертвы исчезли. Актер, представляющий Христа, вновь появился на сцене и провозгласил:

Злодеев мы прогнали вон,
И снова дьявол посрамлен!
Сейчас иные времена,
Но вера всегда одна!
Мы будем правду защищать,
Нас никому не запугать!

Зрители разразились одобрительными воплями и принялись неистово бить в ладоши. Под гром аплодисментов занавес опустился.

— Недурно, — изрек Барак.

— Да, вещица не лишена вольнодумия, — согласился я.

— Посмотрите, какой высоченный! — раздался чей-то голос.

Оглядевшись по сторонам, я увидел рослого мужчину с седой бородой — того самого мясника, что два дня назад затаскивал в лавку свиную тушу. Он оживленно беседовал с окружившими его людьми, среди которых я увидел знакомое лицо. На сей раз это был не Майлс, а Майкл Воувелл, бывший управляющий Гэвина Рейнольдса и один из участников тайного разговора в «Голубом кабане». На нем была

крестьянская блуза из грубой ткани; каштановые волосы и борода заметно отросли и пребывали в беспорядке.

— Поглядите-ка, управляющий старика Рейнольдса, — указал я на него взглядом. — Он говорил, что попробует поискать работу в Ваймондхеме.

— Если Изабеллу прогнали из Бриквелла по настоянию Рейнольдса, то несколько скабрзных историй о том, что творится у него дома, очень бы намгодились, — ухмыльнулся Барак.

Мы двинулись к седобородому великану и его компании. Они стояли рядом с прилавком, на котором были разложены кровяная колбаса и свиные головы. Какой-то мальчик усердно отгонял вьющихся над этими лакомствами мух. Седобородый верзила, ростом почти не уступавший Николасу, заметив наше приближение, кивнул своим собеседникам, и они моментально замолчали.

— Что вам угодно, джентльмены? — осведомился он глуховатым низким голосом.

— Если не возражаете, мы хотели бы перемолвиться словечком с мастером Воувеллом.

— Не волнуйтесь, я знаю этих людей, — сказал Майкл, отошел от своих собеседников и отвел нас на несколько ярдов в сторону.

— Да ниспошлет вам Господь доброго дня, мастер Воувелл, — приветствовал я его. — Помню, вы говорили, что намерены отправиться в Ваймондхем. Удалось вам найти здесь работу?

— Нет, в том доме, на который я рассчитывал, более не требуются слуги. Да и на фермах работы тоже нет.

Сдвинув брови, Воувелл буравил нас взглядом, в котором досада смешивалась с недоумением.

— Наверное, вы слышали, что суд присяжных признал мастера Болейна виновным, — сообщил я. — Однако казнь отложена, так как мы подали просьбу о помиловании.

— Казнь отложена? — переспросил он. — Полагаю, это привело в ярость мастера Рейнольдса?

— Мастер Рейнольдс получил право опекунства над своими внуками. Вчера Изабеллу Болейн вышвырнули из дома, и туда вернулись близнецы. Это совершенно противозаконное действие совершил Джон Фловвердюю. — После недолгого колебания я продолжил: — Если вы располагаете какими-то сведениями, которые

можно использовать против Гэвина Рейнольдса, они окажут нам неоценимую помощь. Нам и несчастной миссис Болейн.

Воувелл, прикусив губу, погрузился в задумчивость. Несколько мгновений спустя он покачал головой:

— Мастер Шардлейк, если я сообщу вам хоть какие-то сведения, порочащие моего прежнего хозяина, я вряд ли сумею найти работу. — Он оглянулся на пожилого мясника и его товарищей, которые неотрывно смотрели в нашу сторону, и отвесил нам поклон. — Надеюсь, вы хорошо проведете время на Ваймондхемской ярмарке.

С этими словами Майкл повернулся и направился к своим друзьям.

— Вот вам и скабрзные истории! — фыркнул Николас.

— Пожалуй, пора вернуться в логово старины Фловердью, — заметил Барак, взглянув на удлинившиеся тени.

В Хетхерсет мы приехали уже в шестом часу. Мы с Николасом вновь облачились в мантии и только после этого постучали в двери дома. На этот раз нам открыл Джон Фловердью собственной персоной. Было странно видеть его не в мантии законника, а в коричневом дублете с расстегнутыми верхними пуговицами, открывавшими рубашку из тонкого полотна. Волосы его, сильно поредевшие на висках, были зачесаны с макушки на лоб; на узком лице застыло унылое выражение, не предвещавшее ничего хорошего.

— Добрый вечер, сержант Шардлейк. Жена сообщила мне, что вы приезжали нынешним утром. Я полагал, вы уже покинули Норфолк. — В тоне Фловердью не ощущалось ни малейшего намека как на приветливость, так и на его обычную тяжеловесную шутливость. — С чего это вы вдруг вздумали заниматься делами в воскресенье?

Глаза его расширились от удивления, когда он заметил железную руку Барака.

— Я представляю интересы миссис Изабеллы, которая по вашему настоянию была вынуждена покинуть свой дом, — вежливо, но твердо отчеканил я.

— Эта женщина не является женой Болейна, — ответил Фловердью все тем же ровным голосом. — У нее нет никакого законного права находиться в этом доме. В отличие от его сыновей.

— Это не так, — возразил я, глядя ему прямо в глаза. — Вы сообщили миссис Изабелле, что право опекуна над ее пасынками

передано их деду. Однако вы знаете не хуже меня, сержант Фловердью: до тех пор пока на прошение о помиловании не будет дан ответ, собственность осужденного считается неприкосновенной и не может поступить в распоряжение наследников. Соответственно, и сыновья Болейна не могут быть вверены чьей-либо опеке, ибо пока еще не стали сиротами. Несомненно, изгнание из дома невесты мастера Болейна и его управляющего, причем без всякого предварительного уведомления, а также присвоение денег, которые Джон Болейн оставил Изабелле, относятся к разряду противозаконных деяний. Миссис Болейн — или мисс Хит, если вам угодно, — сообщила мне, что вы предъявили ей некую бумагу, якобы подтверждающую ваше право действовать подобным образом. Сержант Фловердью, надеюсь, вы предоставите мне возможность ознакомиться с этим документом. Вы разрешите нам войти?

Фловердью явно колебался, не зная, как поступить.

— Уверен, если я сообщу в коллегиию адвокатов, что вы отказались обсудить некоторые... скажем так, возникшие в деле недоразумения, это повлечет за собой весьма серьезные последствия, — отчеканил я, сопроводив свои слова саркастической улыбкой. — Тем более тому имеются свидетели, готовые подтвердить правоту моих слов, — добавил я, указав на Барака и Николаса.

Фловердью по-прежнему пребывал в замешательстве. Мы застигли его врасплох; несомненно, этот тип полагал, что я уже уехал в Лондон и он может безнаказанно творить произвол. Однако я никак не мог понять, какие цели он преследует. За спиной Фловердью возникла его жена, лицо ее выражало откровенное беспокойство. Двое мальчиков-подростков выскочили в холл из какой-то внутренней двери, за ними следовал упитанный коротышка лет сорока. Фловердью упорно молчал, прикусив нижнюю губу.

— Пройдемте в мой кабинет, — проронил он наконец и добавил, смерив презрительным взглядом Барака: — А он пусть останется с лошадьми.

Фловердью посторонился, давая нам с Николасом возможность войти. Окинув глазами просторный холл, я невольно отметил и превосходную мебель, и роскошные гобелены на стенах. Не слишком радушный хозяин махнул рукой в сторону своих домочадцев:

— Моя супруга Элис, мои сыновья Эдвард и Уильям, мой управляющий Глэпторн.

Вслед за Фловердью мы прошли в прекрасно обставленный кабинет, заваленный различными документами, картами земельных владений и книгами по юриспруденции.

— Садитесь, — предложил Джон, указав на два стула, стоявшие напротив письменного стола. Усевшись за стол, он переплел пальцы рук и процедил: — Если вы обратитесь в суд, ваш иск вряд ли будет рассмотрен прежде, чем просьба о помиловании.

— Необходимость обращаться в суд отпадет, если вы позволите мне ознакомиться с документом, на основании которого миссис Изабелла была изгнана из дома.

— Я показал его мисс Хит. Полагаю, этого вполне достаточно.

— Думаю, вы догадывались, что она почти не умеет читать, — процедил я, чувствуя, что чаша моего терпения готова переполниться. — Мастеру Чаури, который, несомненно, способен прочесть бумагу, вы не позволили даже взглянуть на нее.

— Этот Чаури спит со своей хозяйкой, — криво ухмыльнулся Фловердью. — Сразу видно по похотливым взглядам, которые он на нее бросает.

— Речь сейчас идет о документе, сержант Фловердью! — бросил я. — И о том, что вы совершили нарушение, недопустимое для законника. Здесь, в Норфолке, вы обладаете властью и влиянием. Однако иск мой будет рассмотрен в Лондоне. Не забывайте, я имею честь служить леди Елизавете, а секретарь лорда-протектора Уильям Сесил относится к числу моих друзей.

Фловердью беспокойно заерзал и попытался растянуть губы в приветливой улыбке.

— Насколько мне известно, десять лет назад вы работали на Кромвеля. Так же, как и я. По его распоряжению я занимался уничтожением монастыря в Ваймондхеме. — Он нахмурился и проворчал: — Вы и представить себе не можете, сколько крови я себе испортил, выполняя это поручение.

— Трудно было справиться с монахами?

— Да нет, монахи быстренько разбежались из своего курятника, — усмехнулся Фловердью. — Печальная судьба Гластонберийского и Фаунтинского аббатств послужила для них хорошим уроком. Кровь мне

попортили чертовы горожане, возомнившие, что все имущество монастыря теперь принадлежит им. Тем не менее мне удалось получить часть монастырских земель в собственное владение. С тех пор я выполнил в этом графстве множество ответственных поручений — как покойного короля Генриха, так и ныне здравствующего короля Эдуарда. Скажу без ложной скромности, что сейчас, будучи представителем Ведомства по делам конфискованного имущества, я сумел обеспечить казне неплохой доход.

«И не только казне, но и себе», — мысленно добавил я.

Фловердью продолжал, стараясь настроить меня на дружеский разговор между коллегами:

— Здесь, в своем родном краю, мне нравится работать куда больше, чем в Лондоне.

— Вы никогда не стремились стать судьей?

Фловердью вспыхнул, и я догадался, что ненароком задел его больное место.

— Нет, — кратко ответил он. — А вы?

— Я тоже не питаю подобных амбиций. И признаюсь, никогда не питал. Но мы говорили о документе, сэр, — упрямо напомнил я.

Фловердью поджал губы, отпер ящик письменного стола, извлек из него бумагу и протянул мне. Это было постановление о выселении, закрепляющее за Джеральдом и Барнабасом Болейнами право проживания в поместье Бриквелл на попечении деда, имеющего право опекуна над ними. Постановление было подписано самим Фловердью, однако лишено какой-либо печати.

— Этот документ не имеет никакой законной силы, — пожал я плечами.

Хозяин кабинета смущенно заерзал на стуле, от былой его надменности не осталось и следа.

— Вы же знаете, как трудно иметь дело с такими людьми, как Чаури, — пробормотал он. — Они уверены, что знают законы лучше нас с вами, и затевают споры по всякому поводу. Я решил, что проще ткнуть ему под нос бумагу.

— Все это более чем серьезно, — произнес я, передавая бумагу Николасу. — Документ останется у меня.

Фловердью положил на стол руки, переплетя пальцы. Видно было, что он встревожен не на шутку.

— Сэр, мы всего лишь предвосхитили события...

— Мы?

— Сэр Ричард Саутвелл и я, — пояснил Фловердью после недолгого колебания. — Это он предложил действовать подобным образом. После того, как узнал, что вы подали просьбу о помиловании. Вы, надеюсь, понимаете, каким могуществом обладает этот человек, — выпалил он. — И насколько он опасен.

— Я наслышан об этом.

— Но зачем ему понадобилось срочно выселить Изабеллу из дома? — спросил Николас.

— Полагаю, Саутвелл хочет заполучить земли Болейна, — ответил я. — Его владения находятся по обеим сторонам от Бриквелла.

— Мне об этом ничего не известно, — поспешно заявил Фловердью. — Послушайте, сэр, завтра я поговорю с ним, скажу, что будет разумнее позволить этой женщине до поры до времени оставаться в имении.

Он облизал пересохшие губы. Перспектива подобного разговора, несомненно, его совершенно не радовала.

— Вот видите, брат Фловердью, как хорошо, что мы с вами встретились, — широко улыбнулся я. — Опытные законники всегда сумеют договориться друг с другом.

Мой собеседник растянул губы в ответной улыбке.

— Да, осталось решить вопрос о золотых соверенах, которые вы присвоили, — спохватился я. — Насколько мне известно, эти деньги были подарены Болейном жене и таким образом принадлежат ей при любом повороте событий.

Я протянул руку. Фловердью замешкался, но все же вытащил ключ, открыл другой ящик и вручил мне кожаный мешочек, затянутый шнурком. Заглянув внутрь, я увидел поблескивавшие золотые монеты.

— Деньги будут возвращены Изабелле, — сообщил я. — Если желаете, я оставлю вам расписку.

— В этом нет никакой необходимости, — затряс головой Фловердью. Теперь, когда он осознал, насколько серьезные неприятности я мог бы ему устроить, манеры его стали почти подобострастными. — Сейчас уже поздно возвращаться в Норидж. Может, вы не откажетесь поужинать с нами и останетесь ночевать? — предложил он. — Завтра утром отправитесь в путь.

Я бросил вопросительный взгляд на Николаса. Тот едва заметно покачал головой. Мне тоже не хотелось воспользоваться гостеприимством Фловердью, однако спина моя с каждой минутой ныла все сильнее, и отказаться от предложения провести ночь в мягкой постели было выше моих сил.

— Спасибо, сержант Фловердью, — кивнул я. — Мы с радостью примем ваше приглашение.

За ужином, состоявшим из сочной жареной свинины и отличного вина, хозяин дома прилагал отчаянные усилия, чтобы держаться любезно и приветливо. Говорил за столом по большей части он один, — судя по всему, жена его свыклась с ролью молчаливой слушательницы. Сыновья Фловердью удивили меня своими дурными манерами: один из них подсыпал соли в бокал брата, когда тот отвернулся; правда, все их шалости казались вполне безобидными. Я упомянул, что сегодня мы побывали на Ваймондхемской ярмарке, которая поразила нас своим размахом.

— О, городские жители здорово наживаются на этой ярмарке и театральном представлении, — бросил Фловердью. — Торговля иногда идет до самого утра. Что касается пьесы, представленной в этом году, то, насколько мне известно, она проникнута духом папизма. Правда, авторы постарались это скрыть, сделав героем ее Томаса Бекета.

— Некоторые фразы, произнесенные со сцены, звучали весьма смело, — заметил Николас.

— Вот как? — В глазах Фловердью вспыхнули настороженные огоньки. — Было бы неплохо достать текст пьесы. Возможно, он заинтересует епископа Рагге. Кстати, вы видели церковь в центре города? Прежде она принадлежала монастырю, но горожане ее выкупили. По их мнению, все монастырское имущество без исключения должно было перейти в собственность прихода. Представьте себе, они написали лорду Кромвелю, и тот удовлетворил их притязания. — В голосе Фловердью звучала нескрываемая досада. — Вот уже несколько лет эти болваны не дают мне спокойно жить. Братья Кетт и прочий сброд. Мясники и дубильщики кожи, которые прикупили земли и теперь слишком много о себе воображают. Только и знают, что настраивать народ против королевских чиновников. Пастбищ у Роберта Кетта наверняка не меньше, чем у меня, — добавил

он с горечью. — Деньги теперь можно заработать только на овечьей шерсти.

— Я видел у лавки мясника высоченного здоровяка с седой бородой. Полагаю, это и есть Уильям Кетт?

— Он самый. Продувная бестия, каких мало. Но его братец Роберт еще хуже, — возвысил голос Фловердью. Предмет разговора, несомненно, волновал его. — Однако, клянусь, недалек тот день, когда я разделаюсь с ними обоими! — пообещал он и яростно проткнул вилкой кусок свинины, лежавший у него на тарелке.

После ужина Фловердью предложил сыграть в карты, но мы отказались, сославшись на усталость и желание лечь пораньше. Барака, как сообщил Фловердью, разместили в помещениях для слуг. На мягкой пуховой перине я спал крепко и проснулся поздно; солнечные лучи уже вовсю били в окна. Хозяева успели позавтракать, однако слуга подал нам перекусить. Фловердью не показывался. Увидав его жену, я поблагодарил ее за гостеприимство и сообщил, что нам пора уезжать. Против этого миссис Фловердью, как и следовало ожидать, не возражала. Слуге дано было распоряжение позвать Барака и привести наших лошадей. Наконец хозяйка кликнула мужа, и тот появился в дверях своего кабинета.

— Благодарю вас за гостеприимство, сэр, но мы должны вас покинуть, — с поклоном изрек я.

— Надеюсь, вы хорошо спали.

На губах Фловердью играла любезная улыбка, но взгляд был холоден как лед. Наверное, показное дружелюбие изрядно утомило его, догадался я, и он рад, что скоро надобность изображать из себя радушного хозяина отпадет.

— Прежде чем вы уедете, я хотел бы перемолвиться с вами парой слов, — заявил он. — Наедине.

Бросив взгляд в сторону Николаса, он указал на двери своего кабинета.

Я неохотно кивнул, ибо не питал к Фловердью ни малейшего доверия. Однако делать было нечего, и я последовал за ним. Остановившись у письменного стола, он оперся на него руками, глубоко вздохнул и произнес:

— Мастер Шардлейк, я сознаю, что совершил ошибку, самолично изготовив документ о выселении Изабеллы Хит из дома. Но... — он

покачал головой, — как я уже говорил вам, сэр Ричард Саутвелл не тот человек, воле которого легко противиться. То же самое можно сказать и про мастера Гэвина Рейнольдса. Если бы вы жили в Норфолке, мне не было бы нужды объяснять вам это.

— Тем не менее мы с вами пришли к обоюдному соглашению, и я надеюсь, вы не отступитесь от своих слов.

Фловердью вновь растянул губы в улыбке:

— Сержант Шардлейк, благодаря своим неустанным трудам я стал довольно богатым человеком. Если вы согласитесь вернуть мне документ и не станете возражать против выселения Изабеллы, я готов выдать вам тридцать соверенов.

У меня аж глаза на лоб полезли от изумления. Сумма была огромной, хотя, вне всякого сомнения, по сравнению с состоянием Фловердью не столь уж значительной.

— Полновесными золотыми монетами, никакого обесцененного серебра, — добавил он.

— Сержант Фловердью, избрав стезю законника, я дал себе два обещания, — негромко отчеканил я. — Первое — ни при каких обстоятельствах не поддаваться на шантаж. Второе — не брать взятку.

Фловердью опустил веки и покачал головой с сокрушенным видом человека, столкнувшегося с непроходимой глупостью.

— Хорошо, пусть Изабелла остается в Бриквелле. Я заплачу двадцать соверенов за один лишь документ, — произнес он. — Вы сами знаете, какие серьезные неприятности меня ждут, если об этой бумаге станет известно в коллегии адвокатов.

— Я не могу вернуть вам документ, — покачал я головой. — Он служит залогом того, что вы не отступите от нашего соглашения.

Фловердью метнул на меня злобный взгляд. Вне всякого сомнения, проклятия и ругательства так и рвались у него с языка, но он изо всех сил сдерживался, понимая, что от них не будет никакого толку.

— Надеюсь, никому из нас не придется сожалеть о содеянном, — процедил хозяин кабинета, устало покачав головой.

Я отвесил поклон, давая понять, что разговор закончен, повернулся и вышел вон.

Выйдя на крыльцо, я с радостью убедился, что лошади уже оседланы. Барак и Николас, держа их под уздцы, ожидали моего

появления. Из деревни долетал звон церковных колоколов. Я недоуменно сдвинул брови: сегодня был понедельник, а не воскресенье.

Фловердью и его жена, стоя в дверях, неотрывно смотрели на нас. Едва мы сели в седла, как раздался цокот копыт и во двор стремительным галопом ворвался жеребец, на котором сидел управляющий Глэпторн с багровым от волнения лицом. Спешившись, он тяжело перевел дух и устремился к хозяину:

— Мастер Фловердью!

— Что случилось? — сурово спросил тот.

— Подстрекатели! После закрытия ярмарки они разбрелись по всем деревням, подговаривая людей к бунту. Хорошая половина мужчин в деревне вышла на площадь. Они вооружены вилами, луками и стрелами. Завидев меня, принялись изрыгать ругательства. Вы слышали церковные колокола? Это сигнал к мятежу. Скоро зажгутся сигнальные огни. Люди выходят на дороги, они тянутся в Ваймондхем со всех сторон. Сотни людей! Деревенские сказали, что мятежники уже отправились в Морли, разрушать изгороди на пастбищах. Совсем скоро, сэр, настанет наш черед!

Глава 37

На несколько мгновений все мы замерли, устремив взоры на Фловердью. Он стоял молча, с непроницаемым лицом. Жена его, побледнев, прижала к себе мальчиков, тоже выбежавших на крыльцо.

— Вы сказали, они сейчас в Морли? — наконец обрел дар речи Фловердью. — Джон Хобарт, насколько мне известно, отгородил под пастбище часть общинных земель. Разве это не так?

— Так, сэр, — ответил управляющий, сминая в руке шапку. — Но они утверждают, что вы тоже захватили общинные земли под свои пастбища. — Поколебавшись, он добавил: — Вне всякого сомнения, сэр, вам известно, что многие горожане настроены против вас.

— Ах, Джон! — с отчаянием в голосе воскликнула миссис Фловердью. — Я же говорила тебе, эти бесконечные распри с горожанами не доведут нас до добра!

— Замолчи, женщина! — рявкнул на нее супруг. — Можешь не сомневаться, я сумею приструнить этот сброд!

Приставив руку козырьком ко лбу, он устремил взгляд вдаль, на луга, где за плетеными изгородями мирно паслись овцы. Губы его искривились в отталкивающей улыбке.

— А разве Роберт Кетт не огородил под пастбища часть ваймондхемских общинных земель? — обратился он к своему управляющему.

— Отгородил, сэр, — ответил Глэпторн. — Но если мне позволено будет напомнить, он пользуется в городе симпатиями, в то время как вы...

— В то время как я возбуждаю ненависть, — с хриплым смехом закончил Фловердью. — Но мне на это ровным счетом наплевать. Нынче есть одно верное средство быстро завоевать симпатии, и средство сие называется деньги. Даже у деревенских болванов хватит ума не отрицать этого. Морли находится по другую сторону от Ваймондхема. На то, чтобы добраться туда, у бунтовщиков уйдет немало времени. Кстати, сколько их?

— Этого мне не сказали.

— Я встречу их на дороге и посоветую обрушить свою ярость на пастбища мастера Роберта Кетта. Более того, я даже заплачу им за это.

Фловердью вновь рассмеялся. Внезапно до меня дошло, что вспыхнувшая заваруха доставляет ему своеобразное удовольствие. Барак, стоявший у него за спиной, покрутил пальцем у виска, давая понять, что считает Фловердью чокнутым.

Возможно, так оно и было; тем не менее распоряжения, которые он отдавал, были исполнены здравого смысла.

— Элис, уведи мальчиков в дом. Глэпторн, позовите Джона, Чарльза и Питера. Прикажите им приготовить ножи и седлать лошадей. Да, и принесите мой меч. — Повернувшись ко мне, он нахмурился и невозмутимо произнес: — Мастер Шардлейк, покорнейше прошу вас и ваших помощников остаться здесь, дабы защитить мою жену и детей от возможных посягательств бунтовщиков. Вы согласны помочь мне?

Я медлил с ответом. Впрочем, на подобную просьбу благородный человек не может ответить отказом, а бледное, испуганное лицо миссис Фловердью было красноречивее всяких слов. Мне не оставалось иного выбора, кроме как кивнуть в знак согласия. Старший из мальчиков, вырвавшись из материнских объятий, крикнул:

— Отец, возьми меня с собой! Я уже взрослый и тоже могу сражаться с деревенскими олухами!

— Нет, Уильям, ты останешься здесь! — непререкаемым тоном отрезал Фловердью. Переведя взгляд на меня, он испустил вздох облегчения. — Благодарю вас, мастер Шардлейк.

Он бросился в дом, но вскоре вновь выбежал на крыльцо. На лице его застыла мрачная ухмылка. Когда он похлопал по своему кушаку, раздался звон монет.

Во дворе, ведя под уздцы лошадей, собрались слуги. Фловердью, прицепив на пояс меч, вскочил на прекрасную гнедую кобылу. Мгновение спустя он и его люди пустились по аллее вскачь, вздымая облака пыли. Нам с Бараксом и Николасом оставалось лишь принять на себя обязанности защитников вверенной нашим попечениям семьи.

Погруженные в тревожное ожидание, мы сидели в прекрасно обставленной гостиной. Старший из мальчиков продолжал твердить, что хочет сражаться вместе с отцом. Брат его, на вид лет тринадцати, молча устроился поблизости от матери. Снаружи доносился неумолчный звон церковных колоколов.

— Да прекратится ли когда-нибудь этот шум? — неожиданно крикнула миссис Фловердью, зажав уши руками. — От него с ума можно сойти!

— Иди в свою комнату, мама, — мягко сказал младший сын. — Оттуда колокола не так слышны.

— Да, вам лучше уйти к себе, — подхватил я, исполняя навязанную мне роль опекуна семьи Фловердью, весьма странную. — А вы, мальчики, ступайте вместе с матерью.

Все трое послушно удалились, оставив меня с Баракком и Николасом.

— Если мятежники действительно явятся сюда, семье придется бежать. Думаю, им лучше оставаться на первом этаже, — заметил Джек.

— Уверен, до этого не дойдет, — возразил Николас.

Барак в ответ лишь пожал плечами. В течение нескольких минут, которые показались нам вечностью, никто не произнес ни слова.

— Мне надоело сидеть сложа руки, — нарушил молчание Овертон. — Идем, Джек, прогуляемся до конца аллеи, посмотрим, что там творится.

— Неплохая мысль.

Они отсутствовали около получаса.

— На дороге, ведущей в Ваймондхем, тихо, — сообщил Барак, вернувшись. — Но колокольный звон доносится отовсюду, и в полях собираются вооруженные люди. Мы дошли до деревни и убедились, что она опустела. Какая-то старуха, гнавшая домой ослика, сообщила нам, что почти все мужчины отправились в город.

— При этом старая карга ухмыльнулась самым гнусным образом, — добавил Николас.

Слуга, войдя в гостиную, спросил, будем ли мы обедать; время обеда, надо сказать, давно миновало. Я ответил, что, разумеется, мы не откажемся перекусить, и напомнил слуге, что хозяйка дома и ее сыновья тоже наверняка проголодались. Едва он вышел, во дворе раздался стук копыт; это вернулись Фловердью и Глэпторн. На лице хозяина играла довольная улыбка, в то время как управляющий выглядел хмурым и растерянным. Мальчики сбежали по лестнице навстречу отцу; Элис следовала за сыновьями.

— Что там происходит? — обратилась она к мужу. — Ты цел и невредим?

— Как видишь, целехонек, — расхохотался Фловердью, хлопнув себя по бедрам. — Оказалось, мятежников не более дюжины. Так, деревенский сброд. Я посоветовал им разделаться с пастбищами Роберта Кетта, а чтобы они выполнили этот совет побыстрее, дал денег. Сказал, что пастбища Кетта куда больше моих.

— Это действительно так? — спросил я.

— Разумеется, нет, — усмехнулся Фловердью. — Но откуда болванам знать об этом? Подложить свинью своим недругам весьма приятно, не правда ли, сержант Шардлейк? Мастер Кетт, дубильщик кожи, и его братец-мясник надолго запомнят этот день! А теперь обедать! Я чертовски проголодался! — воскликнул он, потирая руки. — На дороге сейчас спокойно, так что вы можете вернуться в Норидж. Что касается беспорядков в Ваймондхеме, уверен: помощник шерифа быстро наведет там порядок.

— Судя по всему, в Ваймондхем устремились сотни мятежников, — заметил Николас. — В деревне нам сказали, что туда ушли все здешние мужчины.

— Ничего, скоро они вернуться, поджав хвост, — бросил Фловердью.

— Их повесят? — кровожадно осведомился юный Уильям.

— Кое-кого, надеюсь, повесят, — хлопнул сына по плечу Фловердью. — Подстрекателям уж точно придется подрыгать ногами в воздухе. — Он вновь расхохотался. — Давайте быстрее садиться за стол.

— Я уже приказал подать обед, — сообщил я.

— Молодец!

Фловердью так радовался успеху своего плана, что перестал числить меня среди своих недругов.

За обедом Фловердью, по-прежнему пребывавший в приподнятом настроении, подробно рассказал о своей встрече с мятежниками:

— Мы нагнали их где-то в миле от Хетхерсета. Они тащились по дороге с вилами и лопатами в руках. Насколько я могу судить, то были наемные работники и прочая шваль, по большей части сопляки. Вид они имели самый жалкий: оборванцы в заплатанных штанах и старых

кожаных куртках. С ног до головы покрыты пылью — это и неудивительно, ведь весь путь из Морли они протопали пешком. Их предводителя мне уже доводилось встречать раньше. Это некий Даффилд, копигольдер из Ваймондхема. Слишком высоко задирает нос, как все эти людишки, которым удалось прикупить собственный клочок земли. Сидя в седле, я вполне мог снести ему голову с плеч, — криво усмехнулся Фловердью.

— Почему же ты этого не сделал, отец? — возбужденно сверкая глазами, спросил Эдвард.

— Зачем лишать палача работы, парень? Это настоящий мятеж, и я свидетель того, что Даффилд возглавлял мятежников. Держался он на редкость дерзко. Заявил, что по всей Англии крестьяне собираются в отряды, дабы поддержать Комиссию по огораживаниям и уничтожить незаконные пастбища. Можно подумать, он что-то в этом понимает.

— Ваши пастбища огорожены на законных основаниях? — осведомился я.

Фловердью сделал вид, что не слышит.

— Даффилд тарачился на меня так нахально, будто мы с ним равня, — продолжал он. — Сказал, мне следует побыстрее угнать своих овец с пастбищ, так как скоро все изгороди будут сломаны. Тогда я посоветовал ему сначала разделаться с пастбищами Кетта. Пообещал заплатить, если бунтовщики отправятся туда прямо сейчас. А в подтверждение своих слов достал из кошелька деньги. Даффилд пытался внушить своим прихвостням, что я пытаюсь обвести их вокруг пальца. Но блеск монет оказался сильнее всяких слов. Человек — жадная тварь, и эти деревенские пентюхи не исключение.

— Иногда людьми движет не столько жадность, сколько отчаяние, — не преминул заметить я.

На этот раз Фловердью не счел нужным пропускать мои слова мимо ушей.

— Допустим, положение у этих людей действительно незавидное, — процедил он, глядя мне прямо в глаза. — Но неужели, уничтожив овцеводство, одну из главных статей дохода в нашей стране, они хоть как-то его улучшат? Да как смеют эти негодяи бунтовать против королевской власти сейчас, когда мы ведем войну с Шотландией? Неужели они не понимают, что играют на руку врагам

Англии? Впрочем, я не сомневаюсь, что эта чертова заваруха долго не продлится.

Миссис Фловердью со звоном опустила нож на тарелку.

— Не горячись так, Джон, — произнесла она. — Неужели все мы не можем жить в любви и согласии, как заповедовал нам Господь?

С этими словами она поднялась из-за стола и, шурша юбками, вышла из комнаты. Фловердью бросил взгляд на сыновей и состроил гримасу. Мальчишки захихикали.

— Нам пора возвращаться в Норидж, — сухо сказал я. — Благодарю вас за обед.

Фловердью, судя по всему, внезапно вспомнил, как вчера я изъясил у него фальшивый документ. Превосходное его настроение мгновенно улетучилось.

— Не смею задерживать, брат Шардлейк, — столь же сухо кивнул он. — Мы с Глэпторном проедемся вместе с вами до деревни, посмотрим, как там обстоят дела. Эдвард, Уильям, вы можете нас сопровождать.

Поспешно собравшись, мы выехали на аллею — Фловердью, его сыновья, Глэпторн, Барак, Николас и я. Церковные колокола смолкли, и, пока мы скакали в тени высоких деревьев, за которыми тянулись зеленеющие поля, казалось, что повсюду царят мир и спокойствие. Однако, свернув за угол, мы вынуждены были резко остановиться. Десятка два крестьян, орудуя пилами и лопатами, уничтожали плетеные изгороди, ограждавшие пастбища Фловердью, и бросали их в придорожную канаву. Еще несколько человек стояли в карауле: эти, как я заметил, были вооружены уже не вилами и лопатами, а пиками и алебардами. Овцы, испуганно блея, сбились в кучу посреди пастбища. Двое ягнят уже лежали на земле с перерезанной шеей. Подобно повстанцам, с которыми столкнулся Фловердью, мятежники были молоды и бедно одеты: широкополые шляпы, кожаные куртки без рукавов. Некоторые обходились даже без рубах, по всей видимости из-за жары. Впрочем, были среди них и люди старшего возраста, кому уже явно перевалило за тридцать, а то и за сорок. На всех без исключения лицах застыло выражение угрюмой решимости.

Черты Фловердью исказила ярость. Какой-то человек, по всей видимости главарь, смело приблизился к нам. То был мужчина лет пятидесяти, высокий, крепко сложенный, с седыми волосами и

бородой. Рот его был плотно сжат; обветренное, изборожденное морщинами лицо казалось непроницаемым; карие глаза были неотрывно устремлены на Фловердью, который, в свою очередь, пытался испепелить мятежника полыхающим ненавистью взглядом.

— Ваш план дал сбой, мастер Фловердью, — произнес главарь. Голос у него был чрезвычайно низкий, говорил он с сильным норфолкским акцентом. — Когда эти люди явились ко мне, я собственноручно помог им уничтожить изгороди, которые, да простит меня Господь, мне не следовало возводить. А когда мы покончили с работой, я сказал, что отныне всецело отдаю себя в распоряжение этих парней. Кстати, мастер Даффилд тоже здесь, вместе с нами.

Он указал на стоявшего поодаль низкорослого парня лет тридцати, в блузе из грубого холста. Встретившись глазами с Фловердью, тот отвесил ему издевательский поклон.

— Посмотрите, мы привели с собой людей из Ваймондхема, чтобы уничтожить ваши пастбища, которые, видит бог, куда больше моих, — продолжал предводитель бунтовщиков. — Впрочем, вам это известно не хуже моего.

— Кто это? — толкнул меня в бок Николас.

Седобородый, услышав вопрос, повернулся к нему и пояснил:

— Да будет вам известно, молодой джентльмен, перед вами Роберт Кетт из Ваймондхема.

Я растерянно переводил взгляд с Кетта на Фловердью. Нас было намного меньше, чем мятежников; к тому же от Кетта веяло невозмутимой властью. Фловердью, вне себя от бешенства, протянул было руку к мечу — который, как выяснилось в следующее мгновение, он оставил дома.

— Черт, — прошипел он.

Кетт сделал шаг вперед и наставил свой нож на живот Фловердью.

— Спокойно, мастер, — произнес он. — Мы не хотим проливать кровь. Разве что вы вынудите нас к этому.

Повернувшись к своим людям, он сделал им знак, и мятежники тут же окружили нас. Испуганные лошади принялись нервно фыркать. От крестьянских парней, прошедших сегодня пешком не одну милю, одуряющее разлило потом.

Ощущая, как сердце мое сжимается от страха, я тем не менее вступил в разговор:

— Сэр, вы только что сказали, что не хотите проливать кровь. Однако я вижу, что вы зарезали двух ягнят, принадлежащих мастеру Фловердью.

Кетт встретился со мной глазами:

— Сегодня вечером в Ваймондхеме соберутся тучи народу. Эти ягнята пойдут им на ужин. Таков уж удел овец — служить людям пищей. Но проливать человеческую кровь мы не собираемся. Да, в особняке Морли мы взяли все оружие, которое там нашлось. Но оно необходимо нам лишь для защиты.

Под его пристальным взглядом я невольно поежился, мысленно проклиная богатую одежду, в которую вырядились мы с Николасом.

Внезапно раздался дружный смех. Обернувшись, мы увидели двух парней, которые спустили штаны и демонстрировали Фловердью свои задницы.

— Поцелуй меня в задницу, мастер, и, может, мы помилуем твоих овечек! — крикнул один из них. — Тебе повезло, что ты успел их обстричь, иначе вся шерсть досталась бы нам!

В ответ Фловердью разразился проклятиями:

— Скоты, негодяи, ублюдки! Оставьте моих овец в покое, или вам придется об этом пожалеть! — Повернувшись к Кетту, он процедил: — Ты дорого заплатишь за то, что натравил на меня эту свору бродячих собак! Тебя вздернут на виселицу как бунтовщика и изменника!

Взгляды, которые бросали на нас крестьяне, становились все более угрожающими; один из них поднял алебарду. Мне оставалось лишь жалеть, что хозяин поместья вызвался проводить нас.

— Мы вовсе не изменники, сержант Фловердью, — возразил Кетт; голос его был исполнен величайшей серьезности. — Напротив, мы служим своему королю верой и правдой. А вот вы и вам подобные алчные чиновники думают лишь о своей выгоде. Ради выгоды вы готовы разорять простых людей и наносить урон стране. — Он покачал головой. — Вижу, вы до сих пор не представляете, что происходит. Честные труженики собираются в отряды по всей стране: в Саффолке, Эссексе, Кенте и Оксфордшире. Мы направили несколько петиций лорду-протектору и теперь ждем, когда придет созданная им комиссия. Протектор уже дал обещание выполнить требования

повстанцев в Эссексе. В лагере, который разбит в Колчестере, собралось более тысячи человек, и они не намерены расходиться! Грядут иные времена — времена всеобщего благоденствия, когда Англия станет жить по заповедям Господним!

— Откуда тебе знать, что происходит в других графствах? — презрительно фыркнул Фловердю.

— У нас есть свои осведомители и посыльные. Мой брат Уильям поддерживает связь с мясниками, живущими в разных городах.

«Значит, мятеж и в самом деле планировался заранее», — пронеслось у меня в голове.

Фловердю расхохотался, но смех его прозвучал натужно и вымученно.

— Неужели ты думаешь, что протектор примет сторону такого сброда, как вы?

— Именно так я и думаю, — возвысил голос Кетт. — Довольно уже вам, богатым помещикам, прикрываясь именем короля, обворовывать и разорять своих соседей-фермеров. Вы присвоили себе огромные богатства, но это лишь разжигает ваши аппетиты! Неумная алчность толкает вас к новым и новым беззакониям. Подобно сотням так называемых джентльменов, вы из кожи вон лезете, чтобы воспрепятствовать протектору и комиссии Хейлза исправить творимые в деревне злоупотребления. Государство общего блага не нужно тем, кто печется лишь о собственной выгоде. Но коли джентльмены отказываются искоренять беззакония, значит эту задачу возьмем на себя мы, простолюдины.

Эту многословную тираду Кетт произнес глубоким и звучным голосом; в глазах его сверкали гневные искры, однако он сохранял самообладание.

— У тебя достаточно земель в окрестностях Ваймондхема, Кетт, — с досадой напомнил ему Фловердю. — Насколько мне известно, ты всегда был приверженцем старых религиозных традиций и водил дружбу с аббатом Лойе. Что у тебя общего с этими вонючими голодранцами?

Услышав это, один из крестьян наставил на Фловердю пику:

— Лучше заткни свою пасть, а то насажу тебя на вертел, как поросенка.

— Я не покладая рук тружусь на своей ферме, — ответил Кетт так громко, чтобы его слышали все. — Как и прочие жители Норфолка, я страдаю от произвола богатых джентльменов и продажных чиновников вроде вас. Но клянусь Богом, мы откроем глаза протектору на истинное положение вещей! Верю, Господь не оставит нас своей помощью и поддержкой.

Фловердью, похоже, был перепуган не на шутку. На пастбище, ныне лишенном изгородей, несколько крестьян гонялись за овцами, держа наготове ножи. Наконец им удалось повалить одну овцу на бок. Сверкнул нож, животное дернулось, отчаянно заблеяло, и белоснежную шерсть обагрила кровь. Вслед за первой овцой настал черед второй. Фловердью бросил растерянный взгляд на своего управляющего, но тот лишь развел руками.

— Запрети им убивать моих овец! — дрожащим от злобы голосом потребовал Фловердью, буравя глазами Кетта.

Предводитель молча покачал головой.

— Моим сыновьям еще нет и шестнадцати! — В голосе Фловердью внезапно послышались умоляющие нотки. — Моя жена осталась в доме одна, она совершенно беззащитна!

— Мы не причиняем никакого вреда ни женщинам, ни детям. Но мы не позволим вам собрать отряд и напасть на нас. Вы отправитесь с нами в Ваймондхем. И ваши сыновья тоже.

Юные Эдвард и Уильям испуганно переглянулись.

— Вы не имеете никакого права лишать нас свободы! — возмутился Фловердью.

— Однако я это сделаю. И вам придется повиноваться мне, — отрезал Кетт.

— Мастер Роберт, может, стоит малость поколотить этого надутого индюка? — предложил Даффилд.

— Пожалуй, без этого не обойтись, — кивнул Кетт. — Только смотрите не увлекайтесь. Так, наподдайте ему пару раз, чтобы сбить лишнюю спесь. И про управляющего не забудьте.

Повстанцы окружили нас плотным кольцом. Один из них спросил, глядя на меня, Николаса и Барака:

— А кто эти три красавца?

— Мы посещали адвоката Фловердью, дабы обсудить некоторые общие дела, — пояснил я.

— Ну-ка, вы, все трое, покажите руки! — скомандовал Даффилд.

— Простите, парни, но я могу предъявить вам только одну, — ухмыльнулся Барак.

Некоторые из крестьян рассмеялись. Мы протянули руки ладонями вверх.

— Так я и думал, — пробурчал Даффилд. — Пальцы в чернилах, кожа мягкая, как у женщин. — Он продемонстрировал нам свою собственную ладонь, загрубевшую и покрытую мозолями. — Всякому ясно: это законники, приятели Фловердью.

Сердце мое ушло в пятки; дело принимало скверный оборот. Николас, судя по выражению его лица, кипел от ярости; про себя я молился, чтобы он держал рот на замке. В поясе у меня находились золотые монеты, принадлежащие Изабелле; я ощущал их вес.

Тут я заметил, что со стороны поля к нам приближается какой-то мужчина. То был крупный широкоплечий парень с черной бородой. Мгновение спустя я узнал его: Тоби Локвуд. Человек, который, по моим предположениям, был так погружен в семейные проблемы, что не имел времени даже написать мне. Однако он оказался здесь, среди повстанцев. Изумлению моему не было предела.

— Вот скотина, — выдохнул Николас.

Тоби, подойдя к нам, приветствовал меня сухим кивком.

— Ты что, разучился кланяться, Локвуд? — окликнул его Николас.

— Заткнись, недоумок! — одернул его Барак; подобно мне, он сразу понял, что Тоби пользуется среди повстанцев уважением и влиянием.

— Я знаю этих троих, — сообщил Тоби, повернувшись к Кетту.

— Это те самые законники, с которыми ты работал в Норидже?

— Они, кто же еще. Мастер Шардлейк, с чего это вас занесло в гости к Фловердью?

— Мне надо было обсудить с ним одно дело. — Я взглянул на Фловердью в некотором замешательстве, понимая, что, пускаясь в подробности, окажу ему дурную услугу. Но сейчас нужно было выручать себя, Николаса и Барака. — Он незаконно выселил из дома Изабеллу Болейн.

Лицо Фловердью исказилось от ненависти. Люди, окружившие нас, снова загалдели так громко, что лошади принялись беспокойно переступать с ноги на ногу. Взгляд юного Уильяма Фловердью был

исполнен столь бесконечного презрения, что, признаюсь, я ощутил острый приступ стыда.

— Это тот самый горбун, который спас богатея от петли! — раздался чей-то голос. — А простых людей вздернули на виселицу. За них-то никто не заступился.

Кетт посмотрел на Тоби, вопросительно вскинув бровь. Локвуд, казалось, пребывал в замешательстве.

— Сегодня я собирался съездить на вашу ферму, Тоби, посмотреть, как вы поживаете, — сказал я вполголоса. — От вас не было вестей, и я начал беспокоиться. После тех важных услуг, которые вы оказали нам в Норидже, мне казалось странным, что вы не подавали о себе вестей.

Лицо Тоби потемнело.

— С фермой покончено, — процедил он. — Матушка моя скончалась несколько дней назад. А на следующий день упал запертво и отец... — Голос его осекся, но он взял себя в руки и продолжил: — По договору аренды ферма должна была находиться во владении нашей семьи на протяжении жизни трех поколений. Отец мой был представителем последнего поколения. Так что я остался ни с чем. И принял решение броситься в тот котел, который закипает в Ваймондхеме.

— Примите мои соболезнования по поводу кончины ваших родителей, — вздохнул я. Пристально взглянув на Локвуда, я заметил, что вокруг рта у него залегли горькие складки, а глаза сверкают мрачным огнем. — Я не знал, что они оба скончались.

— Откуда ж вам было знать? — пожал плечами Тоби.

Он бросил взгляд на поле, где повстанцы расправлялись с остатками изгородей. Несколько парней тащили к дороге зарезанных овец, за которыми тянулся кровавый след. Другие гонялись за оставшимися животными, которые с жалобным блеянием носились по полю.

— Так что нам делать с этой троицей, Локвуд? — негромко спросил Кетт.

Тоби громко выдохнул и сообщил:

— Вон тот долговязый рыжий парень изрядно кичится тем, что он джентльмен. Считает, что простые люди должны знать свое место. Овертон ловко управляется с мечом, который висит у него на поясе, так что этот меч лучше у него отобрать. Если мы его отпустим, он

неприменно присоединится к нашим врагам. Думаю, будет лучше доставить его в Ваймондхем вместе с Фловердью. Насчет горбуна ничего не могу утверждать с уверенностью. Он — юрист, как и Фловердью, однако прежде работал в Палате прошений и, полагаю, сочувственно относится к идеям общего блага. Но сейчас Шардлейк служит леди Елизавете и буквально из кожи вон лезет, спасая от петли ее родственника, богатого помещика.

— Ты сам помогал ему в этом, каналья! — крикнул Николас.

Тоби не удостоил его ответом.

— Помогать беднякам — это благородное и достойное занятие, — изрек Кетт, буравя меня взглядом. — Почему вы бросили службу в Палате прошений?

— Потому что нажил себе могущественного врага — Ричарда Рича, — ответил я. — Когда он стал лорд-канцлером, меня лишили должности в Палате прошений.

Кетт кивнул.

— Думаю, горбуна тоже следует взять с собой и допросить хорошенько, — повернулся он к Тоби. — А что скажешь насчет однорукого?

— Это их слуга. Полагаю, он сочувствует простым людям. Его можно отпустить.

— Ты прав, Тоби, я сочувствую простым людям, — твердо и решительно произнес Барак. — Заваруха вроде нынешней назревала уже давно. Но я не покину мастера Шардлейка. И Николаса тоже. У него, конечно, хватает гонора, но он отличный парень.

— Значит, все трое отправятся с нами в Ваймондхем, — принял решение Кетт. — Сегодня и завтра туда подтянутся все наши. Отберите у них лошадей, они нам пригодятся. Свяжите пленникам руки, но не трогайте никого из них даже пальцем. Мастер управляющий, нам нужны повозки — отвезти этих славных овечек в Ваймондхем.

— За домом есть две повозки, — сообщил Глэпторн. — Я готов вам помогать, — добавил он, переводя дух. — Сделаю все, что вы пожелаете.

Кетт насмешливо улыбнулся. Человек, столь быстро переметнувшийся на другую сторону, явно не вызывал у него уважения.

— Дэвид, Тео, идите с ним и не спускайте с него глаз! — распорядился он.

Фловердью с отвращением смотрел на своего управляющего. Полагаю, только сейчас он в полной мере начал осознавать, что случилось. При всей антипатии, которую я испытывал к Фловердью, в этот момент я ощутил к этому человеку нечто вроде сочувствия. Привычный мир, в котором он жил прежде, распадался прямо у него на глазах. Впрочем, то же самое можно было сказать про всех нас. Мы спешили, и Николас неохотно отдал мятежникам свой меч. Лишь Фловердью по-прежнему сидел верхом, вцепившись в поводья и словно бы не понимая, что происходит. Неожиданно он выпрямился и вонзил шпоры в бока коня. Он рванулся вперед, сбив с ног трех человек, стоявших рядом.

— Догнать его! — взревел Кетт.

Один из повстанцев вскарабкался на мою лошадь, другой — на лошадь Николаса. Однако животные были слишком испуганы и не желали повиноваться новым седокам. Конь Николаса встал на дыбы, едва не сбросив всадника. К тому времени, как повстанцам удалось совладать с лошадьми и устремиться в погоню, Фловердью успел превратиться в едва заметную точку. Он во весь опор мчался в Норидж.

Глава 38

Итак, нам снова предстояло совершить путь в Ваймондхем. На этот раз идти пришлось пешком да к тому же со связанными за спиной руками, что причиняло мне немалую боль. Николас, шагавший слева от меня, скрежетал зубами, как видно опасаясь дать волю обуревавшей его ярости. Барак, напротив, всячески старался завоевать доверие мятежников: расспрашивал, откуда они родом, хохотал над их рассказами о том, как мастер Хобарт и его семья, владельцы Морли, улепетывали из своего роскошного особняка. Я же хранил угрюмое молчание. С одной стороны, я сознавал, что возмущение восставших имеет под собой веские основания. С другой стороны, подобная вспышка народного гнева внушала мне страх, ведь я тоже принадлежал к столь ненавистному этим людям классу «джентльменов».

Рядом шагал долговязый малый лет тридцати, вооруженный здоровенным ножом. Время от времени он бросал на нас с Николасом исполненные злобы взгляды. Сзади плелись сыновья Фловердью, тоже со связанными руками; на лице старшего мальчика застыло выражение угрюмого презрения, в то время как младший был откровенно испуган.

День уже клонился к вечеру, однако жара не спадала; облака пыли, которые мы поднимали при ходьбе, оседали на наших башмаках и одежде. По мере того как мы приближались к Ваймондхему, к нам присоединялись все новые и новые повстанцы, среди которых встречались даже женщины. Вскоре по дороге шагало никак не менее пятидесяти человек. Впереди ехал верхом Роберт Кетт, завладевший лошадью Николаса. Рядом с ним тряслись в седлах Тоби и Даффилд, которым достались наши с Бараксом лошади. Позади отряда тащились две повозки, запряженные осликами и груженные овечьими тушами. Управлял ими Глэпторн, имевший до крайности растерянный и смущенный вид. За повозками тянулся в пыли широкий кровавый след.

Где-то на полпути в Ваймондхем к нам присоединилось еще человек двадцать, судя по простым холщовым блузам и кожаным курткам — наемные работники и ремесленники. Некоторые из них были вооружены луками, на плечах у них висели колчаны со стрелами; на голове у других красовались круглые армейские шлемы. Были и те, у кого на поясе висели мечи; несколько человек держали в руках

алебарды и пики — наверняка они раздобыли все это в захваченных помещичьих особняках или же в церковных подвалах. Оружие для военных отрядов хранилось в церквях с тех пор, как Англия вступила в войну с Шотландией и Францией. Вне всякого сомнения, предполагалось, что в случае необходимости это оружие как раз и попадет в руки крестьян и ремесленников. Да вот только вместо того, чтобы идти на войну, эти самые люди решили изменить порядки в собственной стране.

У присоединившихся к нам повстанцев имелась своя повозка, на которой лежала туша убитого оленя.

Предводитель отряда обменялся с Кеттом приветствиями.

— Мы только что были в Пастонхолле! — сообщил он. — Уничтожили изгородь вокруг огромного парка. Но мои парни умеют не только ломать заборы, но и стрелять. Поглядите, какого оленя они завалили! Сегодня вечером мы поужинаем на славу!

Слова его были встречены радостными криками.

— Идите с нами, друзья! В Ваймондхеме будем ужинать вместе! У нас тоже есть что поджарить!

— Мы ведь правильно сделали, что сломали забор вокруг парка? — спросил главарь у Кетта. — Парки, как и пастбища, лишают простых людей земли.

— Конечно, вы поступили правильно, — кивнул Кетт. — Присоединяйтесь к нам. А повозка пусть едет позади наших телег.

Про себя я отметил, что главенство Кетта, судя по всему, уже признано всеми мятежниками. Когда повозка проезжала мимо меня, я взглянул на безжизненно мотающуюся голову убитого оленя, украшенную едва пробившимися рожками, и неожиданно ощутил приступ тошноты. Долговязый детина, идущий рядом со мной, заметил это.

— Что, мастер крючоктвор, воротит от вида крови? — ухмыльнулся он.

Я счел за благо не отвечать, однако он продолжил:

— Сам-то я плотник, живу в деревне поблизости от Бесторпа. Есть у меня корова и пара свиней, и до прошлого года они знай себе паслись на общинном пастбище. А теперь землевладелец огородил это пастбище для своих овец, и наша скотина осталась без травки. На хороший урожай в этом году, сам понимаешь, рассчитывать нечего. Так

что если мы не наведем порядок, то без скотины зимой передохнем с голоду. — Провожатый нагнулся к моему уху и прошептал: — Некоторые из наших парней хотят разделаться с тобой и твоими приятелями в точности так, как эти ребята разделались с оленем. — Он потряхнул головой и сжал рукоять своего ножа.

Я хранил упорное молчание.

Улицы Ваймондхема были запружены народом еще сильнее, чем в ярмарочные дни. Судя по всему, здесь собралось более тысячи человек. На пустоши за городом по-прежнему стояли разноцветные палатки. Проходя по рыночной площади, я заглянул в распахнутые двери церкви и заметил, что весь пол там устлан соломенными тюфяками, предназначенными для ночлега. Во дворе бывшего монастыря теснились повозки, между которыми сновало множество людей. Среди тех, кто захватил нас в плен, преобладали зеленые юнцы, но многие повстанцы, стекавшиеся в город, были далеко не молоды; несколько седовласых стариков, судя по выправке бывших солдат, регулировали людские потоки, разводя их по разным улицам. Мимо нас проехала повозка, груженная бочонками с элем. Люди, попадавшие навстречу, приветствовали отряд Кетта, размахивая в воздухе шапками. Некоторые, заметив среди повстанцев джентльменов со связанными руками, принимались пронзительно улюлюкать, а то и кидать в нас гнилыми овощами. Кочан капусты, пущенный чьей-то меткой рукой, едва не сбил с ног старшего сына Фловердью. Увидев это, Кетт вскинул руку.

— Прекратите! — крикнул он. — Мы поступим с этими джентльменами так, как они того заслужили! Но мы будем судить их по справедливости, именем короля! — Оглянувшись назад, на своих сподвижников, он скомандовал: — Ждите здесь!

Голос его был исполнен такой властности, что все послушно замерли на месте.

Откуда ни возьмись появился брат Роберта, мясник Уильям Кетт. Роберт свесился с лошади, и оба принялись что-то горячо обсуждать. Какой-то человек, выйдя из толпы, приблизился к нам. Это был Майкл Воувелл. Он узнал меня, и глаза его буквально полезли на лоб от удивления.

— Мастер Шардлейк! Что случилось?

— Как видите, меня и моих друзей взяли в плен. Мы были с деловым визитом у адвоката Фловердью, когда туда нагрянули мастер Кетт и его люди. Эти два мальчика — сыновья Фловердью. Ему самому удалось бежать.

— А по какому делу вы к нему ездили? — нахмурился Воувелл.

— Он незаконно выселил из дома Изабеллу Болейн. В эту историю замешан также Гэвин Рейнольдс, ваш бывший хозяин, — сообщил я. И добавил с невеселой усмешкой: — А я вот ничуть не удивлен, встретив вас здесь.

— Что вы имеете в виду? — с подозрением взглянув на меня, спросил Воувелл.

— Несколько недель назад, в Норидже, мы с друзьями ужинали в трактире «Голубой кабан». Проходя по саду, я случайно увидел за столом вас, Эдварда Брауна и еще одного человека, которого вы называли Майлс. Вы говорили о скором восстании в Этлборо.

Изумлению Воувелла не было границ.

— И вы ничего никому не сказали?

— Я не имею привычки вмешиваться в чужие дела. К тому же Эдвард Браун и его жена — мои давние друзья. Кстати, Эдвард тоже здесь?

Воувелл вперил в меня пронзительный взгляд, словно пытаюсь прочесть мои мысли, и лишь потом ответил:

— Нет. Браун в Норидже. — Помолчав, он сказал: — Я поговорю с Кеттом.

И действительно, через несколько минут я увидел, что он, подойдя к братьям, вступил с ними в разговор. Роберт Кетт и Тоби спешили и вместе с Уильямом направились к нам. Когда они приблизились, я заметил, что Уильям намного старше брата. Скорее всего, ему уже перевалило за шестьдесят. Его квадратное, с крупными чертами лицо дышало суровостью.

— Уговорите его отпустить вас, — шепнул Барак.

— Воувелл только что сказал, что в Норидже вы слышали один важный разговор, однако ничего не сообщили о нем властям, — обратился ко мне Уильям. — Это так?

— Да. Один из участников этого разговора и его жена — мои друзья.

— Эта женщина прежде работала у мастера Шардлейка служанкой. Вряд ли ее можно отнести к числу его друзей, — вставил Тоби. — Но надо отдать Шардлейку должное: приехав сюда, он постарался отыскать Джозефину и дал ей денег, — добавил он неохотно.

— Так или иначе, Шардлейк никому ничего не сообщил о разговоре, который случайно подслушал, — задумчиво произнес Уильям. — А ведь поступи этот человек иначе, и восстание подавили бы в зародыше. — Он повернулся к брату. — Если мы хотим выполнить свои намерения, нам не обойтись без адвокатов и нотариусов.

— Я отправлю его в Ганвил-Мэнор, — кивнул Роберт. — Однорукого можно отпустить, он всего лишь слуга и может быть нам полезен. Хотя, конечно, за ним нужен глаз да глаз. А долговязого парня и мальчишек Фловердюю — под замок. Оба щенка станут ценными заложниками.

— Прошу вас, мастер Кетт, позвольте Николасу остаться со мной! — взмолился я.

Кетт бросил вопросительный взгляд на Тоби. Тот покачал головой:

— Нет, он наш враг. Под замок его.

— Забирайте их! — распорядился Уильям.

Несколько пар сильных рук схватили Николаса и мальчиков. Я думал, что Овертон будет сопротивляться, но он безропотно позволил себя увести. Уильям обратился к Бараку:

— Ступай в бывший монастырь, спроси капитана Этли. Отныне ты поступаешь под его начало.

На улице появился еще один отряд, сопровождаемый приветственными криками. Повстанцы были вооружены чем попало — от кос и вил до арбалетов; тем не менее им удалось раздобыть где-то пушку, которую они везли на тележке. Впереди шел пожилой священник со старинным знаменем, на котором был изображен лик Христа.

— Жители еще одной деревни, — заметил Уильям. — Пожалуй, направлю их в монастырь. Пусть отдохнут там до вечера.

— Да, надо, чтобы жители каждой деревни непременно имели приходское знамя и устанавливали его на видном месте, — кивнул Роберт. — Иначе начнется путаница. В толпе люди могут потерять своих земляков.

— Увидимся вечером. Не сомневайтесь, я сумею к вам проникнуть, — пообещал Барак и, повернувшись, направился в сторону полуразрушенного монастыря.

Охваченный внезапным чувством одиночества, я вспомнил о Джоне Болейне, запертом в своей камере. Какая участь ожидает его теперь? Что будет с Изабеллой, Скамблером, Эдвардом и Джозефиной?

— Идемте с нами, — отрывисто бросил Роберт Кетт.

Руки мне наконец развязали. Вместе с братьями Кетт и несколькими повстанцами мы, миновав монастырь, двинулись вдоль берега реки. Люди, которые встречались нам по пути, громко приветствовали Роберта и Уильяма; кое-кто при этом тряс в воздухе оружием. Ни малейшего шанса убежать у меня не было. Какой-то седовласый и седобородый старик в самодельной белой мантии, стоя на полуразрушенной монастырской стене, размахивал Библией и что-то громогласно вещал, обращаясь к толпе слушателей.

— Верьте мне, все мы принадлежим к числу избранных! — долетел до меня его голос. — Близится эра святых, о которых говорится в Апокалипсисе. Эра, предшествующая второму пришествию Христа!

— Старый Гриббин опять взялся за свои проповеди, — сухо заметил Уильям.

— Нам нужно удобно разместить всех, кто прибыл сегодня, — проронил Роберт, погруженный в свои мысли.

— Несколько отрядов нашли место для лагеря в городе, — заметил Уильям. — Но завтра нас будет еще больше. Все дома, где есть свободные комнаты, на учете у Майлса. Однако все равно Ваймондхем вряд ли сможет вместить такую пропасть народу. Полагаю, нам пора двигаться. Тем более что погода этому благоприятствует.

— А еды на всех хватит?

— Надеюсь, — улыбнулся Уильям. — Многие привезли с собой запасы провизии и пива. Знаменитый норфолкский здравый смысл заставляет людей быть предусмотрительными.

Пройдя где-то с милю, мы оказались около двухэтажного краснокирпичного дома, окруженного небольшим уютным садиком. В холле толпилось множество людей, что-то горячо обсуждавших. Какой-то молодой человек, бросившись к Роберту Кетту, заключил его в объятия:

— Слава богу, отец, ты цел и невредим! А Фловердью, где он?

— Этой продувной бестии удалось бежать! Но мы сломали все изгороди вокруг его пастбищ и захватили в плен двух его сыновей. Богом клянусь, Лойе, такого множества людей, как сегодня, Ваймондхем еще не видывал.

— Это уж точно. Из Кембриджа и Даунхэма доходят самые радостные вести! Там простые люди тоже собираются в отряды и ломают изгороди.

Лицо Кетта, дотоле непроницаемое, впервые просияло.

— Вот это новость! — воскликнул он. — Поистине, нам помогает сам Господь!

К нему приблизилась миловидная женщина, из-под чепца которой выбивались седые прядки. За руку она вела девочку лет шести. Роберт поочередно обнял их:

— Элис, дорогая! Привет, маленькая Маргарет!

— Дедушка! — Девочка буквально подпрыгивала от возбуждения. — Ты поймал злого дядю?

— Нет, он удрал! Но мы хорошенько его напугали!

— Роберт, — сказала женщина, — если завтра ты двинешься в поход, я пойду с тобой. Не пытайся меня отговорить, я все решила. Лойе и другие парни пусть заправляют делами в Ваймондхеме, а мое место рядом с тобой.

— Думаю, женщины должны оставаться дома, — покачал головой Уильям.

Роберт обнял жену за плечи и ласково произнес:

— Посмотрим, дорогая. Погоди немного, мне надо срочно поговорить вот с этим человеком, — указал он на меня.

«Интересно, куда повстанцы намерены двигаться?» — подумал я.

Жена и сын Кетта поглядывали на меня с откровенным любопытством.

— Скоро придут Майлс и все остальные, так что времени у нас немного, — сказал Роберт. — Уильям, вернись на дорогу, посмотри, что там происходит.

Старший брат кивнул и вышел из дома. Роберт, распахнув дверь одной из комнат, сделал мне знак войти. Судя по обстановке, то был кабинет делового человека: письменный стол завален бумагами, на полках множество конторских книг. Я вспомнил, что Кетт отнюдь не беден. Впрочем, на общественной лестнице он занимал куда более

низкую ступень, чем Фловердью. Или даже я. Опустившись в кресло, хозяин предложил мне сесть, налил нам обоим пива из кожаной фляги и зажег свечу — день клонился к вечеру, и в комнате было сумрачно. Покончив со всем этим, Кетт вперил в меня пристальный взгляд.

— Откровенно говоря, вид у вас понурый, — изрек он после минутного молчания.

— Такой длительный пеший переход дался мне нелегко. Спина доставляет мне множество неприятностей. Скажите, где мы сейчас?

— У меня дома, в Ганвил-Мэноре. Ночь вы проведете здесь. — Помолчав, он спросил: — Это ведь вы свалились с эшафота в Норидже? К нам сюда дошли слухи об этом.

— Джон Болейн — мой клиент, — ответил я. — Мы подали прошение о помиловании, и казнь его являлась нарушением закона. Я сделал все, чтобы ее предотвратить.

— А вот здешних родственников Болейна ни капли не заботила его участь, — усмехнулся Кетт. — Такие уж они, норфолкские джентльмены, — на все, кроме собственной выгоды, им наплевать. Но вы-то зачем ввязались в эту историю, мастер Шардлейк?

— Я получил от леди Елизаветы приказ заняться расследованием. К Фловердью я приехал именно в связи с этим делом. Несколько дней назад он без всяких законных оснований выселил из дома Изабеллу, жену Болейна. Я приехал, чтобы восстановить справедливость.

— Значит, Фловердью не входит в число ваших друзей?

— Ни в малейшей степени. Он плут и мошенник.

— Насколько я понимаю, он такой же юрист, как и вы. Если вы называете своего коллегу мошенником, значит на то есть веские основания, — усмехнулся Кетт. — А может, это всего лишь уловка с вашей стороны? Вы, законники, большие искусники по части подобных хитростей.

— Я не хитрю с вами, мастер Кетт, и не пытаюсь вас обмануть.

Взгляд его уперся в кошелёк, висевший у меня на поясе.

— Я слышал, как в вашем кошельке звякают монеты. Если это золото, то сумма должна быть изрядная. Фловердью заплатил вам за какую-то услугу?

— Нет, — покачал я головой. — Эти монеты принадлежат не мне. Фловердью не только выселил Изабеллу Болейн из дома — он отнял у

нее деньги, которые оставил ей муж. Я заставил его вернуть деньги мне. При первой же возможности отдам их законной владелице.

— И сколько же здесь денег? — без обиняков спросил Кетт.

— Двадцать золотых соверенов.

— Неплохая сумма! — присвистнул он. — Сами понимаете, нам понадобится золото.

Переведя дыхание, я положил руку на кошелек. Хотя я был пленником Кетта, это еще отнюдь не означало, что я должен сдавать позиции.

— Эти деньги принадлежат беззащитной женщине, не имеющей никаких средств к существованию, — отчеканил я. — Если вы хотите забрать их у меня, вам придется применить силу.

— Много силы, я так полагаю, не понадобится, — усмехнулся Роберт, однако не сделал ни малейшего движения. Откинувшись на спинку кресла и положив руки на подлокотники, он буравил меня взглядом, явно пытаюсь понять, что я за птица. Наконец он произнес: — Итак, вы служили в Палате прошений. Вы называете своими друзьями простолюдинов, вроде четы Браун. Скажите, в прежние времена у вас было много клиентов из Норфолка?

— Немало, я ведь проработал там несколько лет. Кстати, в большинстве своем местные жители неплохо разбирались в законах и твердо знали свои права.

— Я вижу, мастер Шардлейк, вы сторонник государства общего блага? — подавшись вперед, спросил Кетт.

— Да, — кивнул я и пояснил, тщательно подбирая слова: — Я убежден, что простые люди в Англии страдают от величайших злоупотреблений, причем год от года ситуация становится все более удручающей.

— Вы поддерживаете лорда-протектора и Комиссию по незаконным огораживаниям?

Он буравил меня взглядом так настойчиво, словно хотел проникнуть в мои мысли. Чувствовалось, что этот человек превыше всего ценит правду и привык добиваться ее любой ценой.

— Поддерживаю, — спокойно кивнул я. — Но опасаясь, что деятельность комиссии не принесет должного результата. Подобные комиссии уже создавались прежде, при кардинале Уолси и лорде Кромвеле. Но решения их неизменно оспаривались судом, или же

старый король попросту их игнорировал. Задача, которая стоит перед комиссией ныне, представляется мне невыполнимой. Несколько человек намерены уничтожить все незаконные пастбища, которые возникли в стране с тысяча четыреста восемьдесят пятого года. Насколько я могу судить, протектор не дал себе труда тщательно обдумать практическую сторону дела. Все его помыслы поглощены сейчас войной с Шотландией, которая вкупе с обесцениванием денег породила добрую половину наших нынешних проблем.

— Но вокруг протектора много добрых христиан, людей, все помыслы которых направлены на достижение всеобщего благоденствия, — возразил Кетт. — А вы... вы ответили мне уклончиво, как истинный законник.

— У меня нет никаких сомнений в том, что крупные землевладельцы не допустят радикальных земельных реформ, — покачал я головой.

— Вот это точно! — воскликнул Роберт и хлопнул по столу ладонью. — Именно поэтому мы и решили действовать сами. Мы добьемся того, чтобы комиссия приняла необходимые нам решения. Мы станем теми руками, которые эти решения осуществят. По всей стране сейчас возникают лагеря, где собираются вооруженные люди. Мы уже направили протектору несколько петиций, в которых рассказали о своих нуждах. И, вы сами видели, успели разобраться с несколькими джентльменами, которые особенно притесняли простых людей. Наше главное желание — помочь протектору. Слава богу, он уже согласился выполнить требования повстанцев в Эссексе.

«Значит, мятежники намерены не просто поддерживать членов комиссии, но диктовать им свою волю», — подумал я, однако счел за благо не произносить этого вслух.

Кетт, вскинув бровь, ожидал моего ответа.

— Мне трудно поверить, что лорд-протектор, а тем более Тайный совет, которому он подчиняется, позволят простым людям оказывать влияние на правительство, — тяжело переведя дух, заявил я.

— Но ведь правительство обязано учитывать мнение простых людей? Или вы так не считаете?

— Обязано. Но лишь в теории, — вздохнул я.

— И вы не верите, что так будет в действительности?

— Не верю. Боюсь, то, что происходит сейчас, повлечет за собой только реки крови.

— Мы не собираемся никого убивать — за исключением тех, кто сам на нас нападет. Если простые люди и припугнут нескольких землевладельцев — это лишь малая плата за те бедствия, которые причинили нам помещики. Среди нас немало бывших солдат и чиновников, служивших в городских и сельских управах. Они проследят за тем, чтобы наши ребята не учиняли никаких беспорядков. Мы докажем протектору, что умеем сами собой управлять.

— Бывшие солдаты — это, как я понимаю, дезертиры, не пожелавшие воевать с Шотландией? — уточнил я.

Взгляд Кетта посуровел.

— Это люди, которых призвали на военную службу, не заплатив им ни пенни, — отчеканил он. — Люди, которых предали и заставили умирать от голода в крысиных норах. Тем не менее сердца их полны не только гнева, но и мужества. Именно они помогут нам создать из простых крестьян военные отряды.

— Я отнюдь не являюсь сторонником войны с Шотландией. По моему убеждению, она обернулась большим несчастьем для Англии.

— Мы победим, ибо с нами Бог, — изрек Кетт, и в глазах его вспыхнул огонь решимости.

— И каковы же ваши намерения? — осторожно осведомился я.

— Наши намерения ничем не отличаются от намерений наших братьев по всей Англии. Прежде всего мы учредим штаб. Захватим в плен богатых джентльменов, дабы лишить их возможности оказать нам сопротивление. Направим протектору петицию, в которой изложим все наши нужды, и будем ждать прибытия Комиссии по огораживанию. А потом поможем устроить жизнь по новым правилам.

— А со мной вы как собираетесь поступить?

Собеседник вновь вперил в меня пристальный взгляд:

— Вы можете оказать нам немалую помощь. Если, конечно, захотите.

Прежде чем я успел спросить, какого рода помощи он от меня ожидает, раздался стук и в дверях возник Лойе, сын Кетта:

— Извини, что помешал, отец, но они уже здесь. Майлс, Уильям и все прочие.

— Побудьте тут, мастер Шардлейк, я скоро вернусь, — сказал Кетт, поднимаясь.

Оставшись в одиночестве, я уставился в окно, за которым виднелся небольшой садик, в сумерках казавшийся особенно мирным и уютным. Трудно было представить, что всего в миле отсюда бурлит город, превратившийся в лагерь повстанцев. По телу моему внезапно пробежала дрожь, а на лбу выступил холодный пот.

Некоторое время я сидел без движения, прислушиваясь к гулу голосов, доносившемуся из холла. Потом встал и приложил ухо к двери: подчас это единственный способ получить необходимые сведения. Мне удалось разобрать голоса обоих братьев Кетт и несколько незнакомых голосов, один из которых, впрочем, напоминал голос Майлса.

— Это капитан Уиллс, — произнес он. — Он участвовал в войне с Францией, которую вел старый король, и имеет немалый опыт по части снабжения провизией.

— Я видел, многие люди везут с собой съестные припасы, — заговорил другой мужчина. — В основном это бараньи туши, так что обо всем прочем еще предстоит позаботиться. Следует также запастись элем: в такую жару людей будет мучить жажда. Если они не смогут ее утолить, силы их быстро иссякнут. Надеюсь, деревни, из которых пришли повстанцы, обеспечат нас всех необходимым.

— Мы хорошо придумали, приказав людям собираться вокруг приходских знамен, — заметил Майлс. — Завтра мы должны выступить в поход. Из северных деревень идет целая человеческая лавина. Жители юго-востока собираются в Даунхэме. Но нет никаких сомнений, мастер Кетт, в сторону Ваймондхема движутся тысячи повстанцев. Наш лагерь станет самым большим в стране.

— Нам придется приложить немало усилий, чтобы организовать людей должным образом, — подал голос Роберт.

— Это предоставьте нам, бывшим военным, — ответил предполагаемый Майлс. — Мы умеем наводить порядок.

— И мы, жители Норфолка, тоже, — резко бросил Уильям. — Не надо держать нас за дураков. Местные крестьяне, разумеется, обеспечат нас провизией. Они понимают, что без этого нам не обойтись.

— Никто не ставит под сомнение ваши деловые качества, сэр, — произнес Майлс. — Я говорил лишь о том, что мы, бывшие офицеры, имеем изрядный опыт по части перемещения военных отрядов.

— Сейчас наша главная задача — действовать сообща и помогать друг другу, — примирительно заметил Роберт.

— Почему бы нам не попытаться захватить Норидж? — раздался еще один, неизвестный мне голос. — Городские стены не слишком высоки и во многих местах разрушены.

— Конечно, местные бедняки на нашей стороне, — отозвался Майлс. — Но констебли, судя по всему, сохраняют верность городскому совету. В Норидже много оружия. Все зависит от того, какую линию изберут олдермены.

— В случае необходимости мы можем разбить лагерь в окрестностях города, — предложил Роберт. — Например, на Маусхолдском холме.

— Прежде всего нам необходимо обеспечить доставку съестных припасов из деревень. Полагаю, действовать придется не только убеждением, но и силой, — вновь заговорил капитан Уиллс. — Да, и как мы поступим с джентльменами, которых захватили в плен? Многих наших ребят обрадует, если их головы слетят с плеч.

— У моего брата есть соображения на этот счет, — сказал Уильям.

— С каждым из них нужно разбираться по отдельности, — веско произнес Роберт. — Тех, кто виновен в беззакониях и произволе, заключить в тюрьму. Когда члены комиссии будут здесь, мы сообщим, в чем состоит вина каждого из пленников. Пусть комиссия решает их участь.

— Среди нас есть люди, сведущие в законах, — добавил Уильям.

— Я слышал, нам удалось схватить молодого Томаса Годселва, — заметил Майлс. — Он законник, но так ненавидит нас, что на его помощь вряд ли стоит рассчитывать.

— У нас есть еще два юриста, — сообщил Роберт. — Молодой хлыщ, от которого вряд ли будет прок. А вот второй... — он помедлил, — второй, возможно, согласится нам помочь.

Я затаил дыхание. Так вот, значит, чего хотел от меня Кетт. Содействия в незаконных судилищах над плененными землевладельцами.

— Сейчас нам надо решить множество более серьезных проблем, — вмешался капитан Уиллс. — Поймите же наконец, в городе собрались тысячи людей. Кто их возглавит? Это должен быть человек, который пользуется среди местных жителей доброй славой и доверием.

Наверное, при этих словах все устремили взгляды на Уильяма Кетта, ибо до меня долетел его голос:

— Я слишком стар. И соображаю уже не так хорошо, как прежде. Роберт, мой брат, обладает более быстрым умом и умением привлекать людей на свою сторону. — Вероятно, он повернулся к брату, так как добавил, обращаясь к нему: — К тому же у тебя язык хорошо подвешен. А без этого сейчас не обойтись.

Топот шагов сообщил о том, что собеседники вышли из холла. Более оттуда не доносилось ни звука. Я снова уселся на стул и принялся лихорадочно соображать, пытаюсь найти выход из этой непростой ситуации. Прошло не менее часа, прежде чем я вновь услышал голоса. Участники недавнего разговора прощались друг с другом. Через несколько минут вернулся Роберт Кетт. Опустившись в кресло, он вперил в меня взгляд и произнес неспешно и веско:

— Завтра утром мы начинаем поход в Норидж. Нас уже несколько сот, возможно, даже тысяч, и нам предстоят великие дела. Среди нас немало таких, кто жаждет смерти своих прежних притеснителей — богатых землевладельцев и продажных чиновников. Чувство мести, которое движет простыми людьми, понятно мне. Но я сознаю и другое: скорые расправы отнюдь не приближают нас к цели. Мы должны доказать, что храним верность протектору и не собираемся нарушать закон. Поэтому я принял решение: всех, кто притеснял простых людей, мы заключим в тюрьму и подвергнем суду. Тем из них, чья вина будет доказана, предстоит тюремное заключение. Никаких казней. Разумеется, мы не сможем обойтись без советов опытного юриста. Знание закона и норм правосудия поможет мне обуздать тех, кто жаждет крови. Вы согласны со мной сотрудничать, мастер Шардлейк?

— Незадолго до отъезда из Лондона я видел, как несколько солдат едва не убили человека, который не сделал им ничего плохого, — задумчиво произнес я. — Вся его вина состояла в том, что он говорил с шотландским акцентом.

— Наши солдаты — поборники всеобщего благоденствия, — с пылом изрек Кетт. — Они верны своим идеалам. — Подавшись вперед,

он скрестил на груди руки. — Возможно, вы, как джентльмен, испытываете страх перед простыми людьми?

Мысленно я не мог не признать, что мой собеседник совершенно прав. Каковы бы ни были мои взгляды и убеждения, подобно всякому, занимающему в обществе достаточно высокое положение, я всю жизнь воспринимал бедняков, в особенности собравшихся в толпу, как потенциальную угрозу. К каждому человеку в отдельности я мог испытывать сочувствие, готов был помочь и дать нужный совет. Но людская масса внушала мне страх, и отрицать это было бессмысленно.

— Жизненный опыт научил меня осторожности, как и многих из нас, — уклончиво ответил я. — Позвольте мне, прежде чем дать ответ, поразмыслить над вашим предложением.

Я не сомневался: в случае отказа со мной поступят так же, как с Николасом, то есть заключат под стражу. Но дать согласие, не взвесив всех возможных последствий, было бы слишком опрометчиво.

— Что ж, думайте, — нахмурившись, проронил Кетт. — Я вижу, вы честный человек, сержант Шардлейк. В противном случае вы бы согласились сразу, рассчитывая завоевать мое доверие и удрать при первом удобном случае. — Он поднялся из-за стола. — Сегодня я предлагаю вам заночевать здесь, в моем доме.

Я сознавал, что отказаться от этого предложения невозможно. Однако, прежде чем расстаться с Кеттом, взял на себя смелость заметить:

— Полагаю, вы рассчитываете, войдя в Норидж, встретить поддержку со стороны тамошних бедняков. Но имейте в виду, что, возможно, некоторые из них мечтают вовсе не о реформах в королевстве, а о том, чтобы уравнивать всех людей — и по части прав, и по части имущества.

Кетт расхохотался:

— В точности как пятнадцать лет назад мечтали анабаптисты в Германии! Как часто вы, джентльмены, используете этот пример в качестве пугала для простолюдинов!

— Но вы, конечно, помните, мастер Кетт, что анабаптисты были уничтожены правительством?

Он вновь впери в меня пронзительный взгляд:

— Правительству нет никакой необходимости уничтожать нас. Мы храним верность королю и протектору и сумеем это доказать. — Кетт

направился к двери. — Сейчас мне нужно вернуться в город. Я распоряжусь, чтобы вам принесли поесть. — Он многозначительно посмотрел на мой пояс. — Что касается денег, они пока останутся у вас. Но никому о них не говорите.

Глава 39

На следующее утро меня разбудили гул голосов и грохот телег. Сквозь открытое окно проникали дым костров и запах готовящейся пищи. Дом был наполнен топотом шагов. Мне пришлось разделить комнату с Майклом Воувеллом и Гектором Джонсоном, пожилым отставным солдатом. Это был до крайности тощий человек лет шестидесяти, его задубевшее от загара лицо пересекали многочисленные шрамы. Тем не менее он соскочил с кровати с проворством юнца.

Усевшись, я потер заросший щетиной подбородок. Воувелл, торопливо одевавшийся, посоветовал мне вставать побыстрее.

— Скоро мы двинемся в путь, но прежде не худо бы позавтракать.

Спустившись вниз, мы обнаружили на огромном столе тарелки с хлебом и сыром и кувшины с элем. С десятков повстанцев, и среди них сын Роберта Кетта, насыщались со всей доступной им скоростью, отламывая ломти хлеба руками. Я слегка замешкался, ибо привык есть неторопливо, за хорошо накрытым столом.

— Не щелкайте клювом, мастер Шардлейк, а то останетесь голодным, — насмешливо бросил Майкл.

После завтрака Воувелл и Джонсон — вне всякого сомнения, им было приказано следить за мной — вывели меня на улицу, и мы отправились в город. На рыночной площади собралось не менее тысячи человек — в большинстве своем мужчины, однако встречались и женщины. Почти все они были в рабочей одежде и широкополых шляпах, за спиной у многих висели мешки, кое-кто сжимал в руках оружие. Толпа была на удивление тихой, — казалось, люди еще не совсем проснулись. Вид у некоторых был усталый, словно после бурно проведенной ночи. Я озирался по сторонам, надеясь увидеть Барака или Николаса, но их нигде не было. Гектор Джонсон направился в дальний конец площади, туда, где стояли телеги со съестными припасами. Воувелл остался со мной. Глядя на этого человека, я не мог не заметить разительные перемены, произошедшие с ним в последнее время: шерстяной дублет, в котором он щеголял, будучи управляющим Рейнольдса, сменила простая холщовая блуза; волосы, прежде

тщательно причесанные, теперь были спутаны; борода висела ключьями. Тем не менее взгляд его светился огнем воодушевления.

Взоры всех собравшихся были обращены на часовню, на ступеньках которой стояли братья Кетт, Майлс и еще несколько человек. Роберт махнул рукой, призывая к вниманию, и провозгласил глубоким звучным голосом:

— Друзья, мы направляемся в Норидж! Там мы разобьем лагерь в окрестностях города, на Маусхолдском холме! Около большого дуба в Хетхерсете к нам присоединится пополнение. Прошу, соблюдайте порядок и будьте благоразумны! Нориджу предстоит хорошая встряска. Что ж, за свою долгую историю этот город привык и не к такому.

Это краткое выступление было встречено хором одобрительных возгласов. Роберт и Уильям, жена Роберта Элис и еще несколько человек, среди которых мне были знакомы только Майлс и Тоби, уселись на лошадей и направились к городским воротам, призвав остальных следовать за ними. Огромная людская лавина пришла в движение. Я заметил, что, несмотря на явное преобладание бедняков, среди повстанцев встречались и люди в добротной одежде йоменов. Несколько женщин, не желавших расставаться со своими мужьями, шли вместе с ними.

— Вы сможете идти пешком? — обратился ко мне Воувелл.

— Надеюсь, смогу, — кивнул я. — Теперь, когда руки у меня развязаны, это будет намного проще, чем вчера.

Мимо нас проезжали бесчисленные телеги, запряженные волами и осликами и груженые провизией, оружием, шлемами и железными нагрудниками. Замыкала вереницу повозка, на которой сидело пятеро мужчин со связанными руками: сыновья Фловердью, двое неизвестных мне джентльменов и Николас. На лице его темнело несколько синяков. Я испустил тяжкий вздох. Нужно было выручать парня во что бы то ни стало.

День, как и все предыдущие, выдался удушливый и жаркий, над дорогой вздымались облака пыли. Повстанцы, судя по всему, старались держаться рядом со своими земляками; тут и там виднелись знамена сельских церквей, — как правило, их несли люди в одежде йоменов, но было и несколько священников. Когда город остался позади и вдоль дороги потянулись поля, крестьяне, работавшие там, разгибали спину и махали повстанцам руками. Те кричали в ответ: «Защитим свои права!»

и «Боже, храни короля Эдуарда!». Несколько мужчин, бросив работу, присоединились к нам.

Двигались мы довольно быстро. Если по пути встречались овечьи пастбища, повстанцы, проворно орудуя лопатами и вилами, уничтожали плетеные изгороди и бросали их остатки в придорожные канавы. Пастухи, понимая, что сопротивляться бесполезно, убегали, бросив своих жалобно блеющих подопечных. Как-то раз пастушья собака, зарычав, вцепилась в ногу повстанца; в следующее мгновение он убил ее, огрев по голове молотком. Я заметил нескольких человек, обладавших солдатской выправкой; на них были железные нагрудники, а на шее висели барабаны. Глядя на людской поток, я пытался понять, к чему все это приведет. Принято считать, что неизбежным следствием всякого мятежа является анархия. Однако в рядах нынешних повстанцев царил железная дисциплина; если кто-то задерживался в поле, дробь барабана призывала его назад. Да и на каком основании этих людей можно было считать бунтовщиками? Разве они не провозглашали «Боже, храни короля!»? Разве не собирались оказывать всяческое содействие комиссии, созданной правительством? Впрочем, некоторые юнцы, несомненно, горели желанием вступить в драку.

— Вскоре будет поворот на Бриквелл, — сообщил шедший рядом со мной Воувелл. — Насколько мне помнится, вы сказали, что Фловердью и этот старый мошенник Рейнольдс вышвырнули из дома жену Болейна?

— Да. Полагаю, она и ее управляющий сейчас в Норидже.

— А в Северном Бриквелле сейчас кто-нибудь живет? Мы заходим во все помещичьи дома, забираем еду и оружие. То оружие, что хранилось в церквях на случай создания деревенских военных отрядов, в большинстве своем так заржавело, что пришло в негодность.

— Думаю, сейчас в Бриквелле обитают близнецы, сыновья Болейна. Возможно, компанию им составляют их друзья.

— Этих молодых негодяев стоит взять в заложники, — кивнул Воувелл.

— Не сомневаюсь, драться они будут отчаянно.

— Силы слишком неравные, — усмехнулся Майкл. — Нас много, мастер Шардлейк, и потому мы победим. Здесь и по всей Англии. А эти разнузданные молодчики воплощают собой то зло, которое творилось в Норфолке, и...

Резкая барабанная дробь не дала ему договорить. Впереди, в полях, расстилавшихся вокруг громадного развесистого дуба, нас поджидал еще один отряд, почти такой же огромный, как и наш собственный. Завидев нас, люди разразились приветственными возгласами. По рядам была передана команда остановиться. Роберт Кетт вновь обратился с речью к своим сподвижникам. Некоторые из них, утомленные длительным переходом, воспользовались возможностью посидеть на земле. Я тоже осторожно опустился на поросшую травой кочку. Роберт Кетт, сопровождаемый братом, подъехал к дубу и окинул взглядом огромное людское море.

— Откуда пришли эти, новые? — спросил я у Воувелла.

— Из разных концов Норфолка. Вы видите, мастер Шардлейк, мы, простые люди, все заодно! — воскликнул он, просияв.

— И давно вы оказались среди тех, кто готовит восстание? — осведомился я.

— С того самого дня, как оставил дом Рейнольдса. Когда до меня дошли слухи, что в Англии есть люди, намеренные положить конец злу, творимому Рейнольдсом и ему подобными, я понял, что должен быть с ними.

Плеча моего коснулась чья-то рука. Обернувшись, я увидел Барака. Голову его покрывала широкополая шляпа, вроде тех, что носили многие повстанцы. Воувелл бросил на Джека вопросительный взгляд, и тот широко улыбнулся:

— Думаю, вы позволите мне перемолвиться словечком со старым другом?

— Ты видел Ника? — первым делом спросил я.

— Да, бедняге немного подпортили физиономию. И когда он только научится держать рот на замке?

— Вы бы посоветовали ему не распускать язык, — сухо проронил Воувелл.

— Знали бы вы, сколько раз я давал ему этот мудрый совет! — усмехнулся Барак, снял с плеча мешок, вытащил из него еще одну шляпу и протянул мне. — На таком солнышке она вам наверняка пригодится.

— Спасибо, — кивнул я; судя по сияющему виду Джека, он пребывал в превосходном настроении.

— Как у тебя дела? — спросил я.

— Отлично. Им нужен грамотный человек, чтобы вести учет съестным припасам. Конечно, у всех глаза на лоб полезли, когда они увидели, как ловко я пишу левой рукой, а этой штуковиной поддерживаю бумагу, — сообщил Барак и помахал в воздухе своим железным крюком.

Вновь раздалась барабанная дробь. Воцарилась тишина, и Роберт Кетт, стоявший в тени дуба вместе с братом Уильямом, заговорил. Мы находились близко и слышали каждую из произнесенных им фраз; как бы ни был звучен голос Кетта, он не мог достичь дальних рядов огромной толпы, и люди передавали его слова друг другу.

— Жители Норфолка! Мы собрались вместе, так как более не в силах терпеть тех притеснений, которым подвергали нас помещики! С каждым днем наше положение становилось все более тягостным, и вот мы решили положить этому конец! Богачи наслаждаются всеми возможными удовольствиями, предоставив беднякам страдать от голода и жажды. Надменные и гордые, они знать не желают о наших несчастьях. Для лордов мы не более чем рабы, они уверены, что наша главная обязанность — работать на них в поте лица. Если кто-то из простых людей попытается рассказать джентльмену о своих нуждах, тот сочтет себя оскорбленным. Общинные пастбища, которыми пользовались наши отцы и деды, ныне более не принадлежат нам. Их окружают плетеные изгороди, за которыми пасутся овцы богатых землевладельцев...

Толпа внимала оратору в благоговейном молчании, лишь изредка нарушаемом одобрительными возгласами.

— Говорит как по писаному! — восхищенно прошептал мне на ухо Барак.

А Кетт тем временем продолжал свою речь. После каждой фразы он делал паузу, позволявшую передать его слова в дальние ряды.

— Более мы не можем мириться со столь вопиющей несправедливостью! Терпению нашему пришел конец, и мы взялись за оружие! Всем нам, и богатым и бедным, одинаково светит солнце. Всем нам Господь даровал брненное тело и бессмертную душу. Любой бедняк создан по образу и подобию Божию, так же как и самый богатый лорд. Почему же одни пользуются всеми благами жизни, а другие не получают ничего?

Люди вновь разразились одобрительными криками, размахивая в воздухе оружием.

— Смело сказано, — пробормотал я себе под нос.

— По всей стране простые люди восстают против превращения полей в пастбища и прочих злоупотреблений, которые творят богатые землевладельцы. Мы положим конец незаконному повышению арендной платы и попыткам завладеть общинными землями! Вскоре в Норфолк прибудет Комиссия по огораживанию, созданная протектором, и мы сделаем все, чтобы справедливость восторжествовала! Своими руками мы уничтожим изгороди, зароем канавы и вернем простым людям общинные пастбища! Бремя, лежащее у нас на плечах, стало невыносимым, и пришла пора его сбросить! Мы направим протектору петицию, в которой расскажем о своих бедах. Не сомневаюсь, он согласится исполнить наши требования, как это произошло в Эссексе!

Радостный гул множества голосов вновь вознесся к голубым небесам. Кетт вскинул руку, призывая к тишине.

— Обещаю вам, что урон, нанесенный лордами общему благу, будет исправлен. — Несколько секунд он хранил молчание, обводя взглядом толпу, а потом заговорил вновь: — Вскоре мы разобьем лагерь и сможем отдохнуть. Мы должны пополнить запасы провизии и оружия, ибо нам предстоит схватка с дворянами и помещиками. Что касается тех джентльменов, кого мы уже захватили, мы поступим с ними по всей справедливости закона. Они получают по заслугам, но любые незаконные посягательства на их жизнь недопустимы. Мы не будем творить произвол, который творили они! Докажем протектору, что мы способны управлять собой и не нуждаемся в том, чтобы нами командовали джентльмены. — Кетт перевел дыхание и произнес, возвысив голос: — Признаюсь, я тоже разводил овец и имел пастбища. Но я собственными руками сломал изгороди и вернул эти земли в общинное пользование. — Помолчав, он продолжил: — Если вы захотите, я готов стать не только вашим товарищем, но и вашим командиром. Нам необходимо создать совет, и я готов быть не только его участником, но и его председателем. Великие цели, которые стоят перед нами, так важны для меня, что я отдам все свои силы, всю свою жизнь без остатка, дабы они воплотились в реальность. А теперь

скажите: согласны ли вы принести перед Господом клятву хранить верность нашему делу до тех пор, пока мы не одержим победу?

— Согласны! — раздался оглушительный хор голосов.

Пораженный подобным единодушием, я испустил вздох. Ничто на свете не сплачивает людей надежнее, чем клятва, принесенная Богу.

— А теперь, друзья, вперед! — призвал Кетт. — Нас ждет Норидж!

Ликующий гул вновь стал ему ответом. Роберт сорвал с себя шляпу и помахал ею в воздухе.

— Что ж, теперь у них есть главарь, — негромко произнес сидевший рядом со мной Барак.

— Насколько я понял, более всего повстанцев волнуют незаконные пастбища, — заметил я. — Проблемы горожан для них не слишком важны.

— Так же, как и для протектора. Поэтому они и рассчитывают на его поддержку.

— Так или иначе, начали они неплохо.

— Что это ты задумал, Джек? — спросил я, пристально глядя на него. — Не забывай, в Лондоне у тебя жена и дети!

— Ну так и что? — пожал плечами Барак. — За мной следят, в точности как и за вами. Даже если бы я захотел, то не смог бы удрать отсюда к своей дражайшей Тамазин. Мы с вами попали в переделку, и теперь надо думать, как выбраться из нее живыми.

— Но ты, похоже, веришь, что эти люди сумеют добиться своего.

В глазах Барака внезапно вспыхнули искры.

— Я всегда считал, что заваруха вроде нынешней назрела уже давно. Вы со мной не согласны?

— Честно тебе скажу: даже не знаю, что и думать.

— Так давайте посмотрим, что из этого выйдет.

Повстанцы вновь выстроились рядами, возбужденно переговариваясь. Барак встал и направился к повозкам с провизией. Воувелл бросил на меня подозрительный взгляд:

— О чем это вы с ним шептались?

— У Джека в Лондоне жена и двое детей. Он переживает, как они там.

— В такие времена, как сейчас, лучше освободить свое сердце от любых привязанностей.

— Вы полагаете, это возможно?

Когда мы добрались до поворота на Бриквелл, два десятка вооруженных людей вышли из общих рядов и двинулись по аллее. С ними был Барак, вне всякого сомнения взявший на себя обязанности провожатого. Я с тревогой смотрел им вслед, понимая, что братья Болейн и их приятели вряд ли сдадутся без боя. Скорее всего, прольется кровь.

Вскоре первые ряды нашей колонны оказались у моста через реку Яр. Это означало, что мы уже проделали более половины пути до Нориджа. Толпа, которая, по моим приблизительным прикидкам, насчитывала теперь около двух тысяч человек, остановилась. Люди по очереди проходили по узкому мосту. Некоторые молодые парни предпочли переправиться через реку вплавь. В изнуряюще жаркий июльский полдень окунуться в прохладную воду, вне всякого сомнения, было приятно. Я воспользовался возможностью посидеть на земле, глядя на дорогу, ведущую в Бриквелл. Воувелл отошел по какому-то делу; обязанность следить за мной взял на себя старый солдат Гектор Джонсон, усевшийся на траву неподалеку. На поясе у него висел меч, на голове красовался шлем.

— Жарко сегодня, — осторожно заметил я.

— Нам, бывшим солдатам, не привыкать к долгим переходам под палящим солнцем, — проворчал он в ответ. — Да будет вам известно, я участвовал в Булонской битве и дрался в Портсмуте в те дни, когда наш флот сражался в Соленте.

— Я тоже там был, — проронил я негромко.

— Вы? Ну, вы-то никогда не были солдатом, — презрительно усмехнулся он.

— Сам я — нет. Но мои друзья были. Один из них служил командиром лучников и пошел ко дну вместе с военным фрегатом «Мэри Роуз».

— Вот оно как, — произнес Джонсон уже более мягко и уважительно. — Представьте себе, я тоже был командиром лучников. После думал выйти в отставку, однако меня отправили на войну с Шотландией. Богом клянусь, эта проклятая война — пустая трата денег и человеческих жизней. — Он невесело рассмеялся. — Как сказал в Бервике Джон Нокс, его друзья-шотландцы ничего против нас не имеют, хотя мы и протестанты. Однако они и их французские союзники

выбили нас из всех земляных фортов, построенных по приказу протектора. Что касается солдат, то они и с той и с другой стороны дошли от голода и усталости. Когда прошло шесть месяцев, а мне не заплатили ни пени, я решил: с меня довольно. Взял и двинул домой. А теперь вот сражаюсь за справедливость вместе с мастером Кеттом.

Несколько минут мы молчали, наблюдая, как людской поток узким ручейком перетекает по мосту. Потом я увидел вдалеке отряд, возвращавшийся из Бриквелла. Головы у двух повстанцев были перевязаны, еще один хромал так сильно, что товарищам приходилось вести его под руки. Барак, к счастью, был цел и невредим. С ножа на конце его железной руки были сняты ножны, и он поблескивал на солнце. Численность отряда заметно выросла — как видно, за счет добровольцев, бриквеллских крестьян.

Я испросил у Джонсона разрешение подойти к Бараку и поговорить с ним, и старый солдат кивнул в знак согласия. Приблизившись, я заметил две повозки, запряженные осликами и нагруженные провизией и оружием. Сзади брели трое пленников со связанными за спиной руками, повстанцы бесцеремонно подталкивали их вилами. В одном из них я узнал Леонарда Вайтерингтона, владельца Южного Бриквелла. По какой-то непонятной причине мятежники решили снять с него не только башмаки, но и штаны. Босые ноги помещика покрывал густой слой пыли; жирные белые ляжки, видневшиеся из-под рубахи, составляли разительный контраст с багровым лицом, искаженным злобой и страхом. Он споткнулся, и один из крестьян легонько подтолкнул его вилами. Вайтерингтон испустил пронзительный вопль, заставив повстанцев расхохотаться.

— Давай, толстяк, волочи попроворнее свою жирную задницу, иначе пустим тебя на сало! — крикнул один из них.

Двумя другими пленниками оказались Джеральд и Барнабас Болейны. Они тоже были в одних рубашках, по лицу Джеральда струились ручейки крови. Я заметил, что повстанцы поглядывают на близнецов с некоторой опаской. Когда один из крестьянских парней ткнул Барнабаса вилами, тот повернулся и заорал:

— Пошел к чертям, хамское отродье!

Барак, разгоряченный и взволнованный, подбежал ко мне:

— Все их приятели улепетнули, но эти два молодчика поджидали нас в доме: один с ножом, другой с топором. Богом клянусь, хотя нас

было в два раза больше, драка выдалась славная. Любой на их месте сдался бы — если он не сумасшедший, конечно. Но это парочка настоящих безумцев. Видели бы вы, во что они превратили дом. Сказать, что близнецы устроили там кавардак, значит не сказать ничего.

Тут братья увидели меня.

— О, горбатая крыса, ты тоже стал бунтовщиком? Значит, вскоре тебя четвертуют, а потом вздернут на виселицу! Мы непременно придем в Тайберн полюбоваться этим славным представлением!

— Заткни пасть, или насажу тебя на вилы! — рявкнул один из конвоиров.

Пленников повели к телегам, замыкавшим процессию. Повстанцы провожали их смехом и улюлюканьем, близнецы в ответ выкрикивали проклятия; судя по всему, даже эта громадная, враждебно настроенная толпа не внушала им ужаса. Уже не в первый раз я усомнился в том, что братья Болейн обладают здравым рассудком.

Глава 40

Переправившись наконец через мост, мы двинулись в сторону города. Барак вернулся к повозкам с провизией. По рядам передавали кувшины с элем, чтобы люди могли на ходу утолить жажду. Изнемогая от жары, я скинул дублет и остался в одной рубашке, насквозь промокшей от пота. Спина моя начала мучительно ныть, и мне с каждой минутой становилось труднее поспевать за остальными. По пути к нам присоединялись все новые и новые добровольцы — жители окрестных деревень. Гектор Джонсон, считавший своей обязанностью следить за стройностью рядов, куда-то исчез, однако рядом со мной вновь появился Воувелл. Несомненно, Кетт отдал распоряжение не спускать с меня глаз.

Вскоре впереди замаячил величественный шпиль Нориджского кафедрального собора. Вдоль дороги тянулось пастбище, на котором пасся принадлежавший горожанам скот. Тут я стал свидетелем еще одной поразившей меня сцены. На пастбище собралось множество жителей Нориджа: некоторые уничтожали ограждавшие его деревянные изгороди, другие наблюдали за их работой. Появление нашей колонны они встретили радостными криками. Когда их спросили, что это за пастбище, они ответили, что земля общинная и отныне всякий сможет пригонять сюда свою скотину, не внося никакой платы. Несколько человек подбежали к братьям Кетт, ехавшим верхом. Они тащили зеленые дубовые ветви, по всей видимости служившие условным сигналом. Один из них был мне хорошо знаком: Эдвард Браун, муж Джозефины. Между ним, его товарищами и братьями Кетт завязался оживленный разговор. Я воспользовался возможностью дать отдых усталым ногам и опустился на землю.

Из бывших изгородей проворно соорудили подобие помоста, на который взошел Роберт Кетт. Он вскинул руку, призывая к тишине, и толпа моментально затихла. На этот раз я оказался слишком далеко от него, чтобы разобрать слова; впрочем, их, как и прежде, передавали из ряда в ряд. Кетт сообщил, что городской совет ответил отказом на просьбу повстанцев пройти через город на Маусхолдский холм и, более того, выставил на крепостные стены вооруженных солдат. Так что, сказал Кетт, сегодня вечером мы разобьем лагерь неподалеку от

деревни Боуторп. Бедняки из Нориджа, по его словам, обещали пополнить запасы провизии, которой располагали повстанцы. Обратившись к местным жителям, он попросил их вернуться за городские стены и собирать отряды в помощь восставшим. Горожане так быстро выполнили его приказ, что я не успел даже спросить у Эдварда, как поживает Джозефина.

— В Норидже у нас много сторонников, — с гордостью заметил Воувелл.

— Среди них я видел Эдварда Брауна.

— Да, хотя он из Лондона, тем не менее отличный парень, — кивнул Майкл.

— А где находится эта деревня Боуторп?

— В паре миль к северу.

Рядом с нами вновь возник Барак.

— Устал как собака, — сообщил он, помахав своей железной рукой. — Придется снять эту штуковину, авось будет легче.

— Вы потеряли руку на войне? — осведомился Воувелл.

— Нет, в Лондоне, — не пускаясь в дальнейшие объяснения, бросил Джек.

По рядам вновь стали передавать кувшины с элем, а также ломти хлеба и сыра, которые с жадностью уничтожались. И опять я подивился тому, что толпе крестьян удалось достичь подобного уровня дисциплины и порядка. Вскоре на дороге вновь появились жители Нориджа с мешками, полными снеди: эти бедные люди отдавали последнее из того, что имели. Воувелл растянулся на земле и, казалось, задремал.

— Ты по-прежнему приставлен к повозкам с провизией? — спросил я у Барака.

— Да. Ник, слава богу, больше не буянит. Вайтерингтона и близнецов посадили на другую телегу. Увидев Николаса, братцы тут же принялись поносить его на чем свет стоит. Но их быстро успокоили при помощи пары хороших оплеух.

— А что Вайтерингтон?

— Ему тоже досталось, правда самую малость. Ребята свято чтят приказ Кетта — не причинять пленникам никаких телесных увечий.

— Если они намерены раскинуть лагерь на длительное время, то как, интересно, собираются прокормить такую прорву людей? — с

недоумением спросил я. — И что они будут пить? А вдруг погода переменится и зарядят дожди? Укрываться-то будет негде. Когда покойный король собрал такую громадную армию с целью двинуть ее на север, потребовалось несколько месяцев, чтобы организовать поход.

— Думаю, Кетт знает, что делает, — пожал плечами Барак.

Я окинул глазами толпу; по большей части люди сидели на земле, собравшись вокруг приходских знамен, развевавшихся на ветру.

— Если у повстанцев имеются осведомители в городе, логично предположить, что у городских властей также есть свои шпионы среди мятежников, — произнес я вполголоса.

— Не исключено, что так оно и есть, — кивнул Барак.

После короткого привала мы двинулись в сторону деревни Боуторп. Мне казалось, что между лопатками у меня полыхает костер, а ноги так онемели от усталости, что превратились в подобие деревянных палок. Прилагая отчаянные усилия, я продолжал переставлять их, ибо иного выбора попросту не было. Густая дорожная пыль забивалась в нос и щипала глаза.

Неподалеку от деревни рос небольшой лесок. Там мы и остановились. Я немедленно заковылял к ближайшему дубу, развесистому, как все норфолкские дубы, намереваясь отдохнуть в тени. Воувелл окликнул меня, но я даже не обернулся. Однако стоило мне ощутить блаженную прохладу, даруемую тенью ветвей, как по телу моему пробежала дрожь и ноги предательски подогнулись. Мне показалось, я вновь слышу крики, подобные тем, что разносились над площадью в день казни; в следующее мгновение в глазах у меня потемнело, и я потерял сознание.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на чем-то жестком; надо мной было устроено подобие тента из широкой холщовой простыни. Я застонал и огляделся по сторонам. Рядом, опустившись на корточки, сидел парнишка лет семнадцати-восемнадцати, в грязной и рваной блузе; на коленях он держал дубинку. Несмотря на свой юный возраст, он был высок ростом и отличался крепким сложением. По контрасту с широкими плечами и мощным торсом черты его лица, обрамленного пыльными белокурыми волосами и едва пробивающейся бородкой,

казались мелкими, почти детскими. Небольшие карие глаза юнца лучилось умом и сообразительностью.

— Где я? — спросил я шепотом.

— В роще, поблизости от деревни Боуторп, — ответил мой юный страж. — Вы упали в обморок от жары. Видите, специально для вас сделали навес, так что скоро вам станет лучше.

Я ощущал во рту солоноватый привкус крови и, коснувшись рукой губ, понял, что одна из них разбита.

— Вы упали лицом вниз, — пояснил парнишка, протягивая мне флягу. — Думаю, вам стоит сделать пару глотков.

Я с усилием приподнялся на локтях. Голова слегка кружилась. При каждом движении подо мной что-то шуршало и потрескивало, и, опустив глаза, я выяснил, что лежу на куче папоротника.

— Долго я провалялся без сознания? — спросил я, хлебнув эля.

— Полчаса или около того. Мне велели вас сторожить.

— Как тебя зовут?

— Натаниэль. Можете звать меня Нетти.

— Спасибо, — кивнул я, возвращая ему флягу.

Коснувшись пояса, я удостоверился, что кошелек с деньгами Изабеллы по-прежнему при мне. Нетти не сводил с меня глаз, — казалось, он изучает меня, как диковину.

«Неужели мальчишка не понимает, что столь немощный калека не в состоянии убежать?» — подумал я с внезапным раздражением. В следующее мгновение меня сморила целительная дрема.

Проснулся я оттого, что чья-то рука трясла меня за плечо. Открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной Барака. Нетти по-прежнему сидел на корточках, с откровенным любопытством разглядывая железную руку моего друга. Как видно, я проспал не менее часа, ибо солнце уже клонилось к закату. До слуха моего долетел стук топоров, а ноздрей коснулся запах дыма и готовящейся пищи.

— Ну что, очухались? — спросил Джек. — Мне сказали, что вы грохнулись в обморок.

— Видать, сильно вымотался, — вздохнул я. — Сейчас мне намного лучше.

— Надо сказать, не вы один свалились с ног от усталости. Несколько человек из тех, кто постарше, тоже потеряли сознание. Вам еще повезло, что вы оказались здесь, в тенечке. Рощица и так

небольшая, а сейчас еще бóльшую часть деревьев срубят на дрова. Так что тени на всех не хватит.

— А что они намерены делать завтра? — спросил я.

— Снова попытаются получить у городского совета разрешение пройти через Норидж. Следовательно, нам предстоит вернуться к городским стенам. В случае отказа придется идти на Маусхолдский холм в обход. Крюк, конечно, выйдет немалый.

Я едва сдержался, чтобы не застонать.

Склонив голову, под навес вошел еще один человек; темные его волосы поседели от пыли, глаза воспалились и покраснели. То был Тоби Локвуд.

— Добрый вечер, мастер Шардлейк, — произнес он. — Здравствуй, Джек.

Барак кивнул без особой приветливости, — вне всякого сомнения, он слишком хорошо помнил, по какой причине Николас очутился на положении пленника. К тому же его наверняка задело, что Тоби, проработавший с нами несколько недель, отзывался о нас холодно и равнодушно, как о людях совершенно ему чужих.

— Я только что был у Роберта Кетта, — сообщил Тоби. — Вскоре он сам будет здесь. Вам повезло, что у него выдалось несколько свободных минут. Ведь сейчас он вынужден решать кучу проблем.

— Не сомневаюсь, — кивнул я. — Сколько людей собралось здесь под его началом?

— Две с половиной тысячи. Всех надо накормить, для всех устроить отхожие места. Но ничего, мы справимся. Мастер Шардлейк, вы в состоянии поговорить с капитаном Кеттом?

— Да, — ответил я не слишком уверенно.

— Значит, теперь он стал капитаном? — осведомился Барак.

— А вы не слышали, что он заявил, когда выступал под дубом? Сказал, что готов стать нашим командиром. Думаю, лучшего вожака нам не сыскать.

Я попросил Нетти дать мне глотнуть еще эля. Пока я пил, к навесу приблизилось несколько человек. Двое встали в караул, и передо мной предстал Роберт Кетт собственной персоной. Он выглядел таким же изможденным, как и все прочие, на его волосах и одежде лежал густой слой пыли, однако взгляд светился бодростью и воодушевлением.

— Оставь нас на пару минут, парень, — приказал он Нетти.

— Да, капитан, — кивнул тот и поспешно выскочил наружу.

— Я слышал, сегодня ты потрудился на славу, составил опись всего провианта, который нам доставили, — обратился Кетт к Бараку. — И это несмотря на твой... телесный изъян.

— Старался как мог, — буркнул Джек.

— Будь добр, покинь нас ненадолго.

Барак вышел. Кетт, по обыкновению, принялся буравить меня пронзительным взглядом.

— Мне очень жаль, что вам стало плохо, мастер Шардлейк. Переход, спору нет, выдался тяжелый. Я надеялся, в Норидже люди смогут отдохнуть, но городские власти запретили нам входить в город и поставили на стенах стражников. Завтра, если нам так и не дадут разрешения войти, мы разобьем лагерь в Итон-Вуде, на следующий день совершим марш в Дрейтон-Вуд, а в пятницу дойдем до Маусхолдского холма и устроим лагерь там. Жители Южного Норфолка собираются в своем собственном лагере, в Даунхэме. Хотел бы я знать, как относится к этому леди Мария, — усмехнулся Кетт и продолжил: — Крестьяне из окрестных деревень будут доставлять нам еду и питье. Полагаю, многие мужчины присоединятся к нашим отрядам. На фермах сейчас работы немного, и с ней вполне справятся женщины. У нас есть деньги, которые мы позаимствовали у богачей, так что мы сможем купить необходимые припасы в Норидже. С Маусхолдского холма весь город виден как на ладони.

— Может, стоит попробовать взять город штурмом, капитан? — предложил Тоби. — В нашем распоряжении несколько тысяч вооруженных людей. И в Норидже у нас наверняка множество сторонников.

— Никакого штурма пока не будет, — решительно покачал головой Кетт. — Наши люди падают с ног от усталости, и у них нет никакого военного опыта. К тому же мы должны доказать протектору, что у нас мирные намерения. Все, что мы сейчас сделаем, — это разобьем лагерь на Маусхолдском холме. Народ у нас выносливый и неприхотливый, — добавил он, искоса взглянув на меня. — Последние трудные годы приучили людей довольствоваться малым.

— В этом нет никаких сомнений, — кивнул я.

— Нас теперь так много, что завтра мы будем передвигаться намного медленнее, — сообщил Роберт. — Да и переход предстоит не

особенно длинный. Как вам кажется, вы сможете его выдержать?

— Если мы действительно будем идти не так быстро, как сегодня, и делать в пути привалы, полагаю, это будет мне по силам.

— Превосходно. — Кетт вновь устремил на меня пронзительный взгляд. — Я уже говорил вам, мастер Шардлейк, мы намерены неукоснительно соблюдать порядок. Пленников, которых нам удалось захватить, мы будем судить по закону, а потом сообщим об их злодеяниях протектору и членам комиссии. Они получают по заслугам, но убивать их мы не собираемся. Но если мы не устроим суд над своими врагами, у некоторых ребят может возникнуть желание свершить правосудие собственными руками. Люди охвачены гневом, и гнев этот имеет веские основания. — Прищурившись, он продолжал сверлить меня глазами. — Я вновь задаю вам вопрос, мастер Шардлейк: согласны ли вы помочь нам?

Признаюсь откровенно, и на душе, и в мыслях у меня царил полный сумбур. «Если я соглашусь сотрудничать с повстанцами, то какая участь ожидает меня в случае, если мятеж окончится неудачей?» Вопрос этот настойчиво вертелся у меня в голове, но я счел за благо не задавать его вслух. Вместо этого я пробормотал:

— Я еще слишком слаб, мастер Кетт. Прошу, дайте мне еще немного времени на размышление.

— Надеюсь, мастер Шардлейк, вы не намерены меня дурачить? — осведомился он с легкой угрозой в голосе.

— Прошу, еще немного времени, — повторил я.

— Думайте побыстрее, мастер законник, иначе вам придется составить компанию тому молодому горлопану, что сидит в повозке со связанными руками.

— Вы имеете в виду Николаса, моего помощника? Сэр, я знаю, он бывает несдержан на язык и может показаться надменным. Но на самом деле парень беден, как церковная мышь. Может, вы согласитесь освободить его и позволите ему присоединиться ко мне? Сейчас, когда рядом с ним братья Болейн, я очень за него тревожусь. Эти подонки убьют его при первой же возможности. Поверьте, Николас — человек чести. Если он поклянется, что не убежит, можно не сомневаться: он свое слово сдержит.

— Не стоит доверять молодому Овертону! — подал голос Локвуд. — Этот тип убежден, что вся власть в стране должна

принадлежать лордам и джентльменам. Я множество раз слышал, как он твердит об этом. А бедняки для него — не более чем грязь под ногами.

— Вижу, Тоби, вы забыли, как он поспешил на помощь несчастному мальчугану, которого хозяин несправедливо уволил! — возвысил я голос. — Кстати, вы в тот момент спокойно стояли в стороне, предпочитая не вмешиваться. Николас резок лишь на словах, а сердце у него доброе. И у него нет ни клочка земли — ни в Норфолке, ни где-нибудь в другом месте. Конечно, когда дело доходит до споров, он бывает излишне горяч и вспыльчив. Но этим грешит не только он один! — заявил я, метнув в Локвуда сердитый взгляд.

— Этот спесивый прохвост говорил со мной свысока, как с последним недоумком! — угрюмо процедил Тоби. — Дошло до того, что я на дух его не переносил!

— Тоби Локвуд, мы собрались вовсе не для того, чтобы сводить личные счёты! — с внезапным гневом в голосе заявил Кетт. — Мы преследуем благородные цели, не забывай об этом!

Тоби вспыхнул и понурил голову.

— Мастер Шардлейк, я подумаю над участью вашего помощника, пока вы будете обдумывать мое предложение, — произнес Кетт, многозначительно вскинув бровь. — Но вы можете не опасаться за жизнь молодого Овертона. Эти отпетые молодчики, братья Болейн, надёжно связаны. К тому же после того, как наши ребята немного поучили их уму-разуму, они заметно притихли. Сейчас я должен переговорить с братом о том, как обеспечить лагерь мясом и хлебом. Барак может остаться с вами на ночь вместе с Нетти.

С этими словами Кетт повернулся и зашагал прочь. Тоби, не говоря ни слова, последовал за ним. Нетти, мой новый страж, вернулся и вновь уселся рядом на корточки.

Некоторое время спустя какой-то парень принес нам три миски с едой и свечу. В мисках оказалась баранья похлебка, густая, жирная и вкусная.

«Да уж, для того чтобы накормить такой похлебкой несколько тысяч людей, понадобилось зарезать пропасть овец, еще совсем недавно мирно щипавших траву на незаконно огороженных пастбищах», — подумал я.

— Я нынче впервые за несколько месяцев поел досыта, — сообщил юный Нетти, отправив в рот последнюю ложку варева.

— Правда? — искренне удивился Барак.

— Этой весной мы всей семьей едва не подошли с голоду, — вздохнул парень. — Питались только зеленью, что успела вырасти на огороде. Да еще обрезками бекона, которые мне давал хозяин. Я работал свинопасом, но потом, когда срок аренды фермы истек, хозяин прогнал нас всех прочь.

— А где живет твоя семья?

— На побережье, неподалеку от Сандлингса. На прошлой неделе я отправился искать работу. Но ничего не нашел, — грустно улыбнулся Нетти. — Бродил по дорогам, ночевал в полях. В Ваймондхеме услышал про то, что люди собираются в отряд, и решил: мне там самое место.

— Значит, ты родом из Сандлингса? — спросил я.

Нетти отставил миску в сторону. В глазах его вновь вспыхнули настороженные огоньки.

— Вы, верно, знаете одного тамошнего парня, — пробормотал он. — Его зовут Уолтер Пэдбери, и он работал в Норидже подмастерьем.

— Уолтер был свидетелем в деле, которое расследовал мастер Шардлейк, — пояснил Барак. — Но незадолго до суда он куда-то исчез. Мы решили, что, наверное, он вернулся домой.

— Когда вы грохнулись в обморок, один парень из Нориджа рассказал, как вы спасли от виселицы джентлема по фамилии Болейн, — сообщил Нетти. (Он именно так и произнес: не «джентльмена», а «джентлема».) — Говорит, об этой истории судачил весь город. Дескать, какой-то слесарь, который вроде бы что-то знал, утонул по пьянке в реке, а его подмастерье удрал. Я сразу смекнул: это Уол Пэдбери. О нем у нас ходило много разговоров.

— Значит, Уолтер действительно вернулся домой? — вскинулся я.

— Теперь вам его не поймать, мастер, — покачал головой парнишка. — Бедняга умер. Сам я его не знал, он хоть и из наших краев, но жил в другой деревне. Две недели назад Пэдбери нашли мертвым на морском берегу.

— Он утонул? — спросил Барак.

— Нет, — покачал головой Нетти. — Коронер сказал, ему проломили башку. Наверняка тот, кто это сделал, бросил труп в море. Думал, его унесут волны, да просчитался. Прибой выбросил тело на берег. Коронер вынес вердикт — убийство. Убийцу сейчас ищут, а люди во всех окрестных деревнях, понятное дело, чешут языками.

Мы с Бараком переглянулись. Итак, Уолтер тоже убит. Бедняге проломили голову в точности так же, как и Эдит Болейн.

— Это проклятое дело преследует нас по пятам, — едва слышно произнес Джек.

Юный Нетти беспокойно переводил взгляд с меня на Барака.

— Жаль, что так получилось, — вздохнул я и повернулся к Джеку. — Если бы Уолтер не убежал, возможно, мне удалось бы его спасти. Это уже третья смерть. Господи Иисусе, что же ожидает нас в будущем?

Глава 41

На следующее утро, в среду, позавтракав бараньей похлебкой, хлебом и сыром, мы снова двинулись в поход. И питание людей, и построение рядов было организовано безупречно: бывшие солдаты и деревенские старосты взяли на себя обязанности командиров. Когда выяснилось, что сегодня нам предстоит возвращаться по собственным следам, среди повстанцев поднялся легкий ропот. Однако командиры объяснили им, что городские власти, испугавшись, не дали тысячам вооруженных людей разрешения пройти через город. Для того чтобы добраться до Маусхолдского холма, нам придется обогнуть Норидж, совершив круг, сообщили они. Недовольный гул голосов вскоре затих. Жители одной из деревень выступали под знаменем с изображением пяти ран Христовых, символом консервативных религиозных традиций. Им приказано было свернуть знамя.

— Религиозные убеждения — личное дело каждого, — заявил Роберт Кетт. — Но лорд-протектор должен быть уверен в том, что причиной восстания стало отнюдь не введение новой «Книги общих молитв».

Колонна повстанцев растянулась на целую милю. С наступлением дня к нам вновь стали присоединяться жители окрестных деревень, работавшие в полях. Барак вернулся в обоз, а мы с Нетти шли в первых рядах, так что видели ехавших верхом Кетта и его ближайших сподвижников. Я с тревогой думал о Николасе, который трясся в одной из повозок вместе с братьями Болейн и другими пленниками.

Минувшим вечером все наши с Джеком разговоры, разумеется, вертелись вокруг смерти несчастного Уолтера.

— Кто же мог его убить? — вопрошал я. — Ох, и зачем только этот глупец удрал от нас!

— Его убил тот, на чьем счету еще две смерти — Эдит и слесаря, — убежденно заявил Барак. — Тот, кто принес Снокстоубу слепок ключа и заказал дубликат.

— Этого человека Уолтер знал.

— И поплатился за это жизнью.

— Как видно, убийца сумел догнать парнишку на дороге и разделался с ним на пустынном берегу. Возможно, это кто-нибудь из

списка подозреваемых, который мы составили в Норидже.

— Скорее всего. Но ломать над этим голову более не имеет смысла. Суд позади, вердикт вынесен, и теперь участь Болейна зависит исключительно от ответа на просьбу о помиловании.

— Но мне трудно смириться с тем, что убийца, на счету которого три человеческие жизни, разгуливает на свободе, — возразил я. — Вдруг он сейчас в Норидже.

День, по обыкновению, выдался жаркий. Огромная масса людей передвигалась неспешно. Я подобрал толстую ветвь, которую использовал в качестве трости. Возможно, мускулы мои привыкли к постоянному движению, но сегодня боль в спине досаждала мне меньше, чем вчера. Однако, по мере того как солнце поднималось все выше, лучи его припекали все сильнее, заставляя мучительно тосковать о прохладной тени.

«Как там Николас с его бледной кожей? — с беспокойством думал я. — У меня, по крайней мере, есть широкополая шляпа, а он сидит на повозке с непокрытой головой».

Я вновь остался в одной рубашке, передав дублет Бараку, который сунул его в свой мешок. Что касается мантии, она лежала в сумке, притороченной к седлу моей лошади. Волосы мои и отросшая щетина были покрыты пылью, как и у всех прочих. Полагаю, по виду я ничем не отличался от окружающих меня крестьян. Тем не менее при мысли о том, что я нахожусь в толпе разъяренных бедняков, исполненных ненависти к представителям моего класса, меня пронзал острый приступ ужаса. Стремясь отогнать страх прочь, я заставлял себя сосредоточиться на бесконечном ритме нашего марша: топ-топ-топ.

Несколько раз колонна наша останавливалась, и люди бежали к придорожным пастбищам, дабы уничтожить изгороди и зарезать нескольких овец. Однажды испуганное стадо устремилось на дорогу, и глупые твари врезались в наши ряды, производя изрядную суматоху.

Кто-то затянул непристойную песню. Несколько голосов подхватило ее, но вскоре похабный напев сменил другой, бодрый и жизнерадостный:

Изгороди все мы поломаем
И скорей в канавы побросаем!
Будем действовать все дружно, как один,

И тогда мы точно победим!

Дойдя до городских стен, мы остановились у ворот Святого Стефана. Лучники, стоявшие на стенах, вскинули свое оружие и нацелили на нас стрелы. Братья Кетт и Майлс приблизились к воротам и постучали в них. Ворота распахнулись, и к нам вышел мэр Кодд, бледный и растерянный, в сопровождении нескольких старейших олдерменов. Приглушенный разговор между предводителями повстанцев и городскими властями продолжался всего несколько минут. Затем Кодд и его свита вернулись за городские стены, и ворота закрылись вновь.

Роберт Кетт вскочил на лошадь и обратился к толпе с речью. По обыкновению, слова его передавались по рядам. Он сказал, что городские власти, испуганные возросшей численностью повстанцев, вновь отказали нам в возможности пройти через город. Это означало, что колонне придется совершить длительный переход, обогнув Норидж.

— Сегодня мы разобьем лагерь в Итон-Вуде, где и будем ночевать, — сообщил Кетт. — Завтра совершим переход до Дрейтон-Вуда, а послезавтра повернем на юго-восток и доберемся до Маусхолдского холма.

Пройдя еще с полмили, мы оказались в Итон-Вуде, где и остановились. Нетти по-прежнему не отходил от меня ни на шаг. Стоя на небольшой возвышенности у лесной опушки, я смотрел на колыхавшееся впереди море голов. По самым скромным подсчетам, сегодня численность повстанцев выросла до трех тысяч. Вдали виднелся еще один приближающийся отряд; впереди шагал человек с разноцветным приходским знаменем в руках, сзади грохотали повозки со съестными припасами. Судя по всему, жители еще одной деревни решили присоединиться к восстанию. Мне было известно, что Кетт посылает своих людей в ближайшие деревни — ломать изгороди, добывать провизию и оружие. При мысли о том, сколь мощного размаха достиг народный мятеж, голова моя пошла кругом.

Остаток дня я провел, отдыхая в тени дерева. Несколько часов подряд проспал, а когда проснулся, Нетти сообщил, что приходил Барак, однако, увидев, как крепко я сплю, решил не будить меня. Он просил передать, что здоров и благополучен; то же самое можно сказать

и про Николаса, хотя тот по-прежнему остается на положении пленника.

Вечером, как и накануне, по всему лагерю вспыхнули костры, на которых готовился ужин. Похлебка из баранины и овощей оказалась ничуть не хуже вчерашней. Несмотря на лишний переход, который пришлось совершить повстанцам, все, похоже, пребывали в приподнятом расположении духа. Мои надежды на то, что Барак заглянет вновь, не оправдались, — по всей видимости, многочисленные обязанности поглотили его всецело. Я уже подумывал попросить у Нетти дозволения сходить в обоз и поискать там Джека; однако внезапно на меня навалился приступ усталости столь неодолимой, что я предпочел вновь растянуться под деревом и погрузиться в сон.

На следующее утро, перед тем как двинуться в поход, Роберт Кетт вновь обратился к повстанцам с речью. Он сообщил, что, добравшись до Маусхолдского холма, мы разобьем там постоянный лагерь и будем ждать пополнения со всех концов Норфолка. Речь свою он завершил громогласным призывом:

— Братья, у всех, кто собрался здесь, более нет иного выбора, кроме как смело идти вперед!

Тем не менее кто-то в толпе крикнул:

— Говорят, советники в Норидже уже отправили в Лондон гонцов! Они просят прислать войска, чтобы разделаться с нами! Давайте прямо сейчас возьмем город приступом!

Раздалось несколько одобрительных выкриков, однако Кетт решительно вскинул руку.

— Брать город приступом сейчас совершенно ни к чему, — заявил он. — Нам требуется время для того, чтобы разбить лагерь, пополнить запасы провизии и дождаться подкрепления.

Напомнил он и том, что повстанцы тоже отправили к королю своих гонцов, с заверениями в верности и выражением готовности оказать всяческое содействие Комиссии по незаконным огораживаниям. Когда Кетт смолк, вновь раздались одобрительные возгласы, на этот раз более дружные.

Мы вышли на дорогу и поздним утром добрались до реки Уэнсум, протекающей через Норидж. Мост, перекинутый через нее, оказался

столь же узким, как и мост через реку Яр, однако сама она была значительно шире, следовательно, для того чтобы переправиться через нее, требовалось намного больше времени. Повстанцы принялись рубить росшие на склонах деревья, дабы построить еще один мост. Переправа была сооружена с удивительной быстротой; тем не менее, ожидая своей очереди, люди имели возможность отдохнуть и перекусить. Наконец вся колонна оказалась на противоположном берегу; мы продолжили поход, двигаясь на север по широкой заливной долине. Я вошел в ритм движения, подобно бывалым солдатам: старался размахивать при ходьбе руками и выяснил, что это помогает.

Через некоторое время мы увидели на дороге примерно дюжину всадников, которые двигались нам навстречу; за ними тащилась длинная вереница повозок, запряженных волами. По рядам передали команду остановиться. Мы с Баракком, получившим разрешение идти рядом со мной, старым солдатом Гектором Джонсоном и юным Нетти находились впереди. Я отошел чуть в сторону — так удобнее было наблюдать за происходящим, Джонсон последовал за мной. Всадники остановились в нескольких ярдах от Кетта. Возглавлял их человек в ярком дублете и шляпе, украшенной перьями.

— Сэр Роджер Вудхаус, — мрачно проронил Джонсон. — Землевладелец из Кимберли. Один из самых богатых норфолкских помещиков. Мой клочок земли как раз неподалеку от его владений.

— Вряд ли он рассчитывает разогнать такую прорву людей, — заметил я.

— Конечно нет. Тут кроется что-то другое.

Вудхаус, приблизившись к Кетту, протянул ему руку, однако тот ее не принял. Они обменялись несколькими фразами, причем сэр Роджер несколько раз указал на свои повозки.

Кетт, резко повернувшись к повстанцам, крикнул:

— Сэр Роджер, так же как и мэр Кодд, советует нам разойтись по домам! Он привез провизию для того, чтобы устроить на прощание пир! Обещает, что мы расстанемся друзьями и никаких наказаний не последует. Но я повторяю вновь: у тех, кто собрался здесь, нет более иного выбора, кроме как смело идти вперед!

Толпа загудела в знак согласия, несколько человек вышли из рядов, размахивая оружием. Сэр Роджер и его спутники попытались отступить, но несколько пар крепких рук уже схватили их лошадей под

уздцы; повстанцы обступили парламентариев, как волны во время прилива.

— Не вздумайте их убивать! — крикнул Кетт. — Отведите Вудхауса к другим пленникам, а слуг отпустите. Повозки с провизией, мы, конечно, оставим себе.

Я видел, как сэра Роджера и его людей стащили с седел. Помещик отчаянно сопротивлялся, шляпа слетела с его головы, дублет порвался. Силы были слишком неравные, и через несколько мгновений Вудхаус оказался в придорожной канаве. До меня долетел его дрожащий от гнева голос:

— Скоты! Изменники!

Один из повстанцев, вооруженный топором, уже намеревался опустить свое оружие на голову обидчика, но кто-то из слуг успел схватить его за руку. Завязалась борьба; над всем этим гремел голос Кетта, призывавшего своих людей воздержаться от кровопролития. Наконец парень, пытавшийся прикончить сэра Роджера, выронил топор. За дальностью расстояния я не мог разглядеть его лица, но он чрезвычайно походил на Тоби Локвуда.

— Ну и что вы об этом думаете, сэр? — обратился ко мне Джонсон, который наблюдал за происходящим с откровенным удовольствием. — Таковы они все, богатеи. Пытаются обвести простых людей вокруг пальца, подкупить лживыми посулами. Да не на тех напали. Капитан Кетт прав: пути назад у нас нет!

Солнце медленно клонилось к горизонту и жара начала спадать, когда мы увидели лес, темневший у дороги.

— Дрейтон! — пронеслось над рядами.

Теперь, когда долгожданная тень и возможность отдыха были близки, люди ускорили шаг.

Оказавшись в лесу, мы отыскивали себе местечко под деревьями. Неподалеку повстанцы собирали хворост, намереваясь развести костер. Кто-то притащил половину овечьей туши, и несколько человек принялись ловко ее разделывать. Барак уселся на земле рядом со мной и Нетти. Сняв свою железную руку, он с угрюмым видом массировал предплечье.

— Что, ноет плечо? — участливо осведомился я.

— Ноет, но это ерунда. Я беспокоюсь о Тамми и детях. Не представляю, как сейчас обстоят дела в Лондоне. Вдруг простые люди там тоже восстали? Завтра попытаюсь поговорить с Тоби, узнаю, какие новости доходят с других концов страны. Может быть, удастся отправить Тамазин письмо, сообщить, что я жив и здоров, но застрял в Норфолке надолго.

— Мне показалось, что это Локвуд утром напал на сэра Роджера с топором.

— Не исключено, — пожал плечами Барак. — Не забывайте, парень только что потерял и отца, и мать. Конечно, он полыхает гневом.

— Думаю, ты вполне можешь убежать, — произнес я еле слышным шепотом. — Унести ноги под покровом ночи не составит труда.

— Ошибаетесь, — покачал головой Джек. — На ночь вокруг лагеря расставляют часовых. Впрочем, я все равно не намерен давать деру. Вы, наверное, не видели, но в Хетхерсете, возле дуба, я принес клятву вместе со всеми, — резко добавил он. — А я не из тех, кто привык нарушать клятвы.

Я понимал, что переубеждать его бессмысленно. В Англии ничто не имеет большего веса, чем клятва, принесенная Богу.

— Мне бы хотелось повидаться с Николасом, — сказал я, с трудом поднимаясь на затекшие ноги. — Можно мне прогуляться до обоза? — обратился я к Нетти.

— Я пойду с вами, — вздохнул мой страж.

— Кто бы сомневался. Джек, ты тоже с нами?

— Нет, я останусь здесь. Хочу поговорить с этими людьми. — Он взглядом указал на повстанцев, суетившихся вокруг костра. — Может, они разделят с нами свой ужин. Но послушайте, мастер Шардлейк, вам нужно кое-что намотать себе на ус. На меня тут поглядывают с подозрением из-за моего лондонского произношения. А вы вообще говорите как джентльмен, и это может навлечь на вас беду. Попробуйте говорить так, как это делают простые люди, вроде меня.

— Ты прав. Попробую.

Я направился в сторону обоза, предварительно отметив, что место нашей стоянки находится неподалеку от ярко-зеленого приходского знамени; в таком людском море потеряться было легче легкого. Лагерь занял почти весь лес. Повстанцы уже протоптали множество тропинок,

перетаскивая туши баранов и оленей и передавая друг другу сообщения. Несколько человек рыли отхожие ямы. Пытаясь говорить с простонародным акцентом, я несколько раз спросил, где остановился обоз. Наконец мне указали на небольшую возвышенность за лесом.

Вокруг повозок стояло несколько вооруженных охранников. Мой давний знакомец Майлс руководил выдачей провианта. Мощная его фигура казалась еще более внушительной из-за металлического нагрудника и наплечников, на поясе у него висел меч. Он смерил меня пронзительным взглядом и спросил:

— Что тебе нужно, дед?

Я догадался, что благодаря своим седым волосам и щетине стал похож на старого крестьянина.

— Меня зовут Мэтью Шардлейк, — представился я. — Я адвокат, советник мастера Кетта. Мой помощник наболтал лишнего и в результате оказался под стражей. Но мастер Кетт вчера сказал, что, возможно, согласится освободить его.

К моему удивлению, Майлс расхохотался, широко раскрыв щербатый рот.

— Господи Иисусе, а я-то принял вас за простолюдина! — воскликнул он, хлопнув себя по бедрам. — Да, капитан Кетт говорил о вас. Сказал, вы могли выдать нас властям, однако не сделали этого. — Он протянул мне шершавую, покрытую мозолями руку. — Джон Майлс, бывший капитан канониров! Служил еще в армии старого короля.

Я пожал ему руку, радуясь столь дружелюбному приему. Капитан канониров, насколько мне помнилось со времен «Мэри Роуз», имел в своем подчинении несколько пушек и следовательно должен был обладать немалым военным опытом.

— Вы позволите мне поговорить с моим помощником? — спросил я. — Его зовут Николас Овертон.

Майлс вопросительно взглянул на Нетти, который кивнул в ответ.

— Да, конечно. Правда, наши пленники сейчас больше похожи на презренную шваль, чем на джентльменов. По дороге им досталось немало оплеух и зуботычин. Но они получили по заслугам, подонки. Вы знаете двух молодых парней, близнецов по фамилии Болейн? — спросил он, прищурившись. — Они так клянут вашего друга, что уши закладывает.

— Разумеется, знаю, капитан Майлс. Эти молодчики — наши злейшие враги.

Майлс подозвал еще одного солдата, тоже облаченного в латы:

— Отведи этого человека к арестанту по фамилии Овертон. Пусть поговорят несколько минут.

Вслед за своим провожатым я прошел мимо телег, груженных бочонками с элем, хлебом, овощами, тушами баранов и оленей. Некоторые из этих туш, пролежав целый день под палящим солнцем, издавали сильнейшую вонь. В дальнем конце обоза, в окружении вооруженных охранников, стояли повозки с высокими бортами — я насчитал их шесть. На них сидели и лежали пленники в грязной и рваной одежде, со связанными руками или же в наручниках. Я узнал сэра Роджера Вудхауса, на лице которого застыло ошеломленное выражение. Как видно, он до сих пор не мог поверить в реальность происходящего. Все прочие имели испуганный и мрачный вид, их лица и руки покрывали синяки и ссадины. Когда я проходил мимо одной из повозок, кто-то, вцепившись в деревянный борт, разразился целым потоком оскорблений:

— Посмотрите только на этого горбатого прохвоста! Похоже, он изображает из себя хамское отродье! А ведь всем известно, что на самом деле он — паршивый адвокатишка!

Повернувшись, я встретил полыхающий ненавистью взгляд Джеральда Болейна. Лицо его превратилось в один сплошной синяк, рваная рубашка висела клочьями, однако глаза по-прежнему светились дикой энергией.

— Теперь он лижет задницы этим шельмам!

Джеральд весьма метко плюнул мне на рубашку.

— Прекрати, Джерри, иначе нас снова будут бить!

За спиной Джеральда возник Барнабас, на его распушем от побоев лице белела узкая полоса шрама, а взгляд полыхал такой же лютой ненавистью, как и у брата.

— Ничего, скоро сюда пришлют войска, которые зададут этим хамам жару! — процедил он. — Тогда мы собственными руками вырежем твою вонючую печень, горбун.

— Замолчите, умоляю! — подал голос Леонард Вайтерингтон.

Некогда могущественный повелитель Южного Бриквелла ныне весь съежился от страха, голос его дрожал.

— Заткни пасть, трусливый старый пердун! — рявкнул Барнабас.

Охранники расхохотались, но один, просунув пику сквозь перекладины, легонько ткнул юношу:

— Ты слишком разошелся, горлопан!

Барнабас обжег его злобным взглядом и растянулся на дне повозки. Судя по всему, он не столько утратил пики, сколько не желал потешать своих стражей. Я торопливо направился к следующей телеге. В ней тоже сидели и лежали недавние хозяева жизни, испуганные, растерянные, озлобленные. Наконец я увидел Николаса — он спал, свернув свое длинное тело калачиком. Ноги его были связаны, лицо пылало от солнечного ожога. Просунув руку сквозь перекладины, я осторожно коснулся его плеча. Он моментально открыл глаза и огляделся по сторонам с видом затравленного зверя.

— Это всего лишь я, — сказал я с улыбкой.

— Что это с вами? — спросил Овертон, окинув меня взглядом. — Вы похожи на старого фермера!

— В таких обстоятельствах вряд ли уместно выглядеть иначе, — пожал я плечами.

— Вас с Джеком они не трогают? Я ждал, что вас тоже запихают на одну из этих чертовых колымаг. Голову себе ломал, куда же вы запропастились.

— Роберт Кетт обратился ко мне за помощью. Предложил организовать суды над джентльменами, захваченными в плен. Он хочет, чтобы все было по закону.

— Но вы же не можете помогать этим скотам! — с горячностью воскликнул Николас.

— Пока я не принял решения. Но попросил Кетта освободить тебя и доверить моим попечениям. Он обещал подумать над этим.

Николас поднялся на колени. Рубашка его и штаны были порваны во многих местах, дублет куда-то исчез, а лицо, опухшее от побоев и солнечных ожогов, имело самый жалкий вид.

— Вы не можете помогать этим скотам! — повторил он.

— Ник, если ты хочешь отсюда выбраться, будь осторожнее в речах!

Николас обвел глазами повозку. Все, кто там находился, пребывали в столь же плачевном состоянии, как и он сам. Я заметил сыновей

Фловердью — оба они выглядели совсем детьми, испуганными и подавленными.

— Посмотрите, что эти подонки сотворили с мальчишками, — указал на них Овертон.

— Эти люди исполнены гнева. Но они не подонки, — возразил я.

Николас бросил взгляд в сторону соседней повозки, той, где находились братья Болейн.

— Как же меня донимает эта гнусная парочка! — вздохнул он.

Я ощутил приступ острой жалости. Как и его товарищи по несчастью, Николас никогда прежде не сталкивался с подобным обращением — в отличие от меня, стреляного воробья, которого еще при старом короле дважды бросали в Тауэр.

— Не обращай на них внимания! — посоветовал я. — И ради бога, не распускай язык.

Николас угрюмо кивнул.

— Говорят, мы направляемся к Маусхолдскому холму? — спросил он.

— Да. Будем там завтра. — Я крепко сжал его руку. — Держись. Не падай духом.

— Постараюсь.

— И что тогда? — неожиданно подал голос один из пленников, джентльмен в рубашке с наполовину оторванным вышитым воротником. — Что будет, когда мы заползем на этот чертов холм? Эти бешеные псы вздернут нас на виселицу?

— Роберт Кетт не допустит этого, — заявил я, перевел дыхание и тихо добавил: — И я тоже не допущу.

В этот момент я принял решение — всеми силами способствовать тому, чтобы грядущие судилища были законными и справедливыми.

Вернувшись к месту своей стоянки, мы с Нетти увидели, что Барак сидит у огромного котла в окружении двух десятков повстанцев. Умение с легкостью сходитья с людьми и заводить себе друзей не изменяло ему при любых обстоятельствах. Костер весело потрескивал, и от него исходил аппетитный запах. Какая-то пожилая женщина помешивала похлебку. Я опустился на землю рядом с Бараксом, приветствуя всех прочих кивками и улыбками. Памятуя о том, что произношение выдает во мне джентльмена, я старался лишней раз не

открывать рот. Мне протянули флягу с крепким пивом, и, сделав из нее хороший глоток, я передал ее дальше.

— Славное пиво, брат, — заметил человек, сидевший рядом со мной. — Оно из погреба нашего лорда.

— Эти ребята пришли из деревни, расположенной в нескольких милях отсюда, — пояснил Барак. — Она называется Свордстоун.

— А почему вы решили оставить свои дома? — спросил я.

— В деревне настали скверные времена, — ответил крестьянин средних лет. — Лорд огородил общинное пастбище для своих овец, не оставив нашей скотине ни клочка земли. Богом клянусь, я церковный староста и хочу, чтобы люди жили в мире и согласии. Но терпеть дальше у нас нет никакой возможности.

— Мы решили, что с нас хватит, — вступила в разговор женщина, мешавшая похлебку. — Ворвались в дом управляющего, забрали деньги и оружие, его красотку-жену прогнали прочь, а овец закололи!

— Вот это по-нашему! — расхохотались остальные.

Нетти, стоя в стороне, смущенно переминался с ноги на ногу.

— Иди к нам, парень! — позвала его женщина. — Места на всех хватит.

— Спасибо, — пробормотал он, подошел к костру и уселся рядом со мной.

— Все еще боишься, что я убегу? — усмехнулся я.

Нетти молча покачал головой. До меня дошло, что он попросту не хотел быть навязчивым. Наверняка в лагере было много людей, подобных Нетти, — они пришли сюда в одиночку, а не в компании односельчан и не имели среди повстанцев ни друзей, ни знакомых. Парнишке передали флягу с пивом, которую тот с благодарностью принял.

— Как там Ник? — вполголоса осведомился Барак.

— Сидит в телеге со связанными ногами. Но пока что держится. Джеральд и Барнабас — на соседней повозке. Джеральд на меня плюнул.

— Узнаю старину Джеральда.

По мискам начали разливать густую овощную похлебку, в которой плавали куски оленины. Перед едой прочли молитву, и я вспомнил, что все прошедшие дни мы обходились без этого. Фляга по-прежнему переходила из рук в руки, и Нетти не упускал случая сделать хороший

глоток. Во время еды разговоры смолкли, все сосредоточенно работали челюстями. Опустошив свою миску, Нетти поднялся и, слегка покачиваясь на ослабевших ногах, подошел к нашей кухарке.

— Благодарю тебя, добрая женщина! — произнес он; она в ответ сделала нечто вроде реверанса. — Давно я не ел такой вкусной похлебки!

— Как и все мы, парень!

— Богатым лордам наплевать, что мы подыхали с голоду, — продолжал Нетти. — Но теперь мы прикончили их баранов и оленей, а скоро прикончим их самих... — Голос его прервался от избытка чувств. — Наконец-то мы свободны! Можем есть, что пожелаем! Можем говорить, что на ум взбредет!

— Отлично сказано, парень!

— Теперь все будет так, как мы захотим! Наступают новые времена! Мы отнимем землю у богатых и отдадим ее простым людям! Каждый теперь сможет обрабатывать свой надел и жить, ни в чем не нуждаясь! Мы построим государство общего блага, где люди будут исполнять заповеди Христа!

По щекам Нетти струились слезы, и, оглядевшись по сторонам, я убедился, что плакал не он один.

Глава 42

На следующее утро мы вновь вышли в поход спозаранку и направились на юго-восток. Сегодня мы передвигались значительно медленнее, чем прежде: сказывалась усталость. Утро выдалось прохладное, небо было затянуто легкими перистыми облаками. Теперь, когда мне не приходилось из последних сил поспевать за остальными, я шагал более уверенно.

Вскоре мы вступили на один из пологих склонов Маусхолдского холма. Нетти по-прежнему не отходил от меня ни на шаг; рядом шли крестьяне, в компании которых мы ужинали минувшим вечером. Вскоре мы сделали привал, во время которого перекусили хлебом, сыром и рагу из кролика. Едва я принялся за еду, как гонец сообщил, что капитан Кетт желает немедленно переговорить со мной. Я поднялся, сопровождаемый удивленными взглядами сотрапезников. Они явно не могли понять, за какие заслуги мне выпала такая честь.

Вслед за гонцом я проследовал в передние ряды. У дороги несколько крестьян по всем правилам разделявали овцу, и я в ужасе отскочил при виде кучи кишок и прочих внутренностей, осаждаемых мухами. Гонец усмехнулся, заметив мое отвращение.

— Среди нас есть отличные резчики овец, — заявил он с гордостью.

Вскоре я увидел навес, под которым стояли письменный стол и стул, возможно изъятые из какого-нибудь помещичьего особняка. За столом, заваленным картами и документами, сидел Роберт Кетт. Рядом стояли его брат Уильям, капитан Майлс, по-прежнему облаченный в латы, еще несколько бывших военных и священник в стихаре. Вид у Кетта был усталый и озабоченный, но взгляд не утратил пронзительности и остроты. Увидев меня, он без улыбки кивнул:

— Как вы себя чувствуете, адвокат Шардлейк, после всех этих переходов? — Внезапно он рассмеялся. — Простите, но сейчас вы выглядите в точности как старый крестьянин. Однако не бойтесь, сумка с вашими мантиями цела и невредима.

— Сейчас мы идем не слишком быстро, и я устаю намного меньше. Вот только башмаки мои того и гляди развалятся.

— Мы выдадим вам пару крепких деревенских башмаков, подбитых гвоздями, — пообещал он. — Такие носят все крестьяне — точнее, те из них, кто может позволить себе обувь.

— Буду вам очень признателен, мастер Кетт.

— Следует говорить «капитан Кетт», а не «мастер», — резко поправил меня Уильям.

— Да, конечно.

— Скоро мы достигнем вершины Маусхолдского холма, — сказал Роберт. — Там наш поход завершится, и мы разобьем лагерь. Вновь по всей округе зазвонят церковные колокола и зажгутся сигнальные огни. Каждый день к нам приходит новое пополнение, люди привозят с собой запасы провизии. Лорды, которых мы не успели захватить в плен, бегут из своих поместий. Завтра мы займемся тем, что распределим людей по отрядам: в каждый будут входить жители одной из тех «сотен», на которые разбит Норфолк. Эти отряды мы тоже назовем сотнями. Впоследствии каждая сотня выберет своего командира. Надеюсь, ими станут самые достойные. Когда командиры будут выбраны, вместе с ними мы составим список наших жалоб — а также требований, — который предьявим королю и членам его комиссии. К тому же мы издадим приказы, дающие нам право реквизировать провизию и оружие от имени короля и лорда-протектора.

— После того как мы устроим лагерь, начнутся суды над джентльменами, которых мы захватили в плен, — добавил священник. — Когда наши люди отправятся по деревням за провизией и оружием, они наверняка захватят новых пленников. Я знаю, сердца некоторых полыхают яростью и они готовы убить своих притеснителей без всякого суда. Мысль о том, что близится время, когда всякий, творивший зло, получит возмездие по закону, поможет им не давать воли гневу и не пятнать свои руки кровью.

— Среди нас есть несколько писцов, — сообщил Кетт. — Есть и молодой юрист, мастер Годселв. Но он спит и видит, как бы унести отсюда ноги. Знания по части тонкостей закона и правосудия, которыми располагаете вы, мастер Шардлейк, будут нам необходимы, когда начнутся процессы. Мы рассчитываем на ваши советы и наставления.

— Я это уже понял.

— Когда мы достигнем вершины Маусхолдского холма, плотникам — а их среди нас достаточно — предстоит немало работы. Надо будет

срубить несколько больших деревьев и построить навесы на случай дождя. До сей поры Господь благословлял нас прекрасной погодой, но она вряд ли будет длиться вечно. А еще плотникам следует устроить помост, где мы будем вершить правосудие. — Кетт полоснул по мне суровым взглядом. — Не сомневаюсь, адвокат Шардлейк, вы благородный человек, привыкший жить по совести. Но настало время решать, кем вы предпочитаете быть — нашим помощником или одним из наших пленников.

— Решение уже принято, — судорожно сглотнув, ответил я. — Да, я готов помогать вам советами по части законов и норм правосудия. Но лишь в том случае, если единственным наказанием, которое вы намерены применять, будет тюремное заключение. Никаких казней.

— Наши люди слишком долго страдали! — вмешался Майлс. — Разумеется, у них руки чешутся отомстить своим обидчикам. Кое-кто из лордов получит вдоволь тумачков и зуботычин, и тут уж мы ничего не сможем поделать.

— Возможно, вы даже тюремное наказание считаете излишне суровой мерой? — вопросительно глядя на меня, проронил Кетт.

— Я понимаю, почему вы не можете отпустить пленников восвояси, — ответил я после недолгого замешательства. — Они могут собрать отряды и двинуть их против вас.

— Именно так они и сделают, — процедил Уильям Кетт. — Но дело не только в этом. Мы хотим, чтобы восторжествовала справедливость.

— Когда поднимемся на холм, пленников разместим во дворце графа Суррея, — сообщил Роберт Кетт. — Так что они будут находиться в роскошных условиях. Никто не сможет обвинить нас в чрезмерной жестокости.

— Вы готовы принести клятву, которую все прочие принесли на дороге у дуба? — обратился ко мне Уильям Кетт. — Обещать перед лицом Господа, что сохраните верность нам при любых обстоятельствах?

Заметив, как сильно дрожат мои руки, я сжал кулаки, устремил взгляд на Роберта и решительно произнес:

— Я не могу принести такую клятву. По крайней мере, сейчас. Но я готов поклясться, что буду честно исполнять свои обязанности и помогать вам в решении всех вопросов, связанных с законом. Будучи

юристом, я обязан всячески содействовать торжеству справедливости, так что наши цели совпадают.

В глазах Уильяма вспыхнули злобные огоньки.

— Неужели мы позволим этому горбуну диктовать нам свои условия? — проворчал он, повернувшись к брату.

Роберт, однако, вскинул руку, приказывая ему замолчать. На столе перед ним лежало Евангелие на английском языке. Он взял его и протянул мне:

— Что ж, клянитесь в том, что будете честно помогать нам. И помните, что приносите клятву не мне, а Богу.

Я положил правую руку на Евангелие и произнес слова клятвы. Судя по выражению лица Роберта Кетта, он все еще не был удовлетворен. Уильям что-то сердито ворчал себе под нос.

Повисло молчание. Я нарушил его, спросив:

— Вам известно, когда члены Комиссии по незаконным огораживаниям намерены прибыть в Норфолк?

Роберт покачал головой:

— Откуда же нам знать? Надеюсь, в самом скором времени. Мы ждем их с нетерпением.

«Нет никакой уверенности, что они оправдают ваши надежды», — подумал я.

Менее всего на свете мне хотелось испытывать терпение Кетта, однако необходимо было прояснить еще один вопрос.

— Капитан Кетт, вы обещали решить участь моего помощника, Николаса Овертона. Прошу вас, освободите его. Вся вина этого молодого человека заключается в том, что он неводержан на язык. Но за подобные преступления не наказывают лишением свободы.

Кетт вопросительно взглянул на Майлса.

— Думаю, его можно выпустить, капитан, — кивнул тот. — Глупости, которые сидят в башке у этого молодчика, уже успели изрядно повыбить. И он, похоже, заклятый враг чокнутых близнецов из Бриквелла. Они с утра до вечера поносят его на чем свет стоит.

— Что ж, когда доберемся до места, Овертон получит свободу, — согласился Кетт. — Но он должен принести клятву, что не убежит. Помните, что ответственность за него лежит на вас, — добавил он, буравя меня взглядом.

— Разумеется.

— Нам следует назначить капеллана, — откашлявшись, напомнил священник. — Сейчас развелось столько безумных пророков, предрекающих близкий конец света...

— Да, конечно, мастер Чондлер. Сейчас мы этим займемся. Благодарю вас, адвокат Шардлейк.

Кетт кивнул, показывая, что более меня не задерживает, и я побрел к Бараку и своим новым знакомым.

Через некоторое время мы продолжили подъем по склону, который становился все более крутым. Братья Кетт ехали впереди; огромный обоз, состоявший из телег и повозок, запряженных волами и осликами, тащился в хвосте колонны. В самом конце обоза, под конвоем вооруженных охранников, следовали повозки с арестантами. Я с удивлением вспомнил, что сегодня пятница, двенадцатое июля. С того дня, когда я, узнав о незаконном выселении Изабеллы, отправился в Ваймондхем, прошло менее недели. Проходя мимо деревни Спрустон, повстанцы, по обыкновению, уничтожили все изгороди вокруг пастбищ. Несколько человек ворвались в просторный господский дом и вытащили оттуда хозяина, одетого в богатый дублет. Он отчаянно отбивался и кричал, осыпая своих захватчиков проклятиями и называя их ослами, свиньями и псами. Увесистая оплеуха и грозный окрик «Заткните этого горлопана!» заставили его замолчать. Старый Гектор Джонсон, сменивший Нетти на посту моего стража, заметил:

— Это мастер Джон Корбетт, пройдоха-законник, вроде вашего приятеля Фловердью. Большой искусник по части вымогания взяток. К тому же он ухитрился скупить все монастырские земли в округе.

— Хотя я и законник, но никогда не преследовал никакой корысти, не брал взяток и не скупал монастырских земель, — отчеканил я.

— Скажите еще, что вы живете в канаве.

— Не все законники заслуживают звания пройдох, — сердито буркнул я, невольно представив свой прекрасный дом в Лондоне.

— Да я просто хотел вас малость поддеть, сэр, — усмехнулся Джонсон. — Мы, жители Норфолка, большие шутники.

Корбетта отволокли к повозкам, из дома его вытащили все добро, которое могло пригодиться повстанцам. Из конюшен вывели нескольких лошадей. То, что имело ценность, монеты и столовое серебро, передали Кетту и другим командирам. Выяснилось, что Роберт

уже назначил казначея, в обязанности которого входило хранить золото, серебро и ценности, изъятые у помещиков. Впрочем, я не сомневался, что множество монет осело в карманах тех, кто их реквизировал. К счастью, никто более не вспоминал про кошелек с деньгами Изабеллы, зашитый у меня в пояс.

Пройдя еще немного, мы увидели у дороги старый дом, превращенный в огромную голубятню. Несколько человек, вооруженных луками и стрелами, окружили его со всех сторон; другие, с молотками в руках, вошли внутрь. Через некоторое время в воздух взмыло несколько сот голубей; в большинстве своем птицы тут же падали на землю, пронзенные стрелами, так, как это было на полях Вайтерингтона. Когда с голубями было покончено, повстанцы принялись разрушать ветхое строение, рухнувшее через пару минут. Проходившие мимо одобрительно кричали и махали руками.

— Что это за дом? — спросил я у человека, шагавшего рядом со мной.

Он наблюдал за происходящим с явным удовольствием.

— До уничтожения монастырей здесь находилась больница для прокаженных. В прошлом году Корбетт купил эту землю и развел здесь голубей, которые уничтожали наши посева. Для него птицы — это лакомство, а для нас — сущее бедствие.

— Да, я знаю, что голуби наносят посевам огромный урон, — кивнул я.

— Теперь с этими наглыми тварями покончено! — радостно воскликнул мой собеседник.

Несколько жителей Спроустана присоединилось к нам, и мы продолжили путь. Впереди уже маячил огромный дворец графа Суррея, но Кетт направился не к нему, а к церкви, находившейся неподалеку. За церковью начинался крутой откос, под которым протекала река Уэнсум; на другом берегу реки раскинулся Норидж. Небо прояснилось; признаюсь, никогда прежде мне не доводилось любоваться видом столь великолепным, как тот, что открылся с вершины холма. Город, лежавший внизу, серебристая лента реки, каменная громада замка, устремленные в небо шпили церквей, и самый высокий из них — шпиль кафедрального собора. Казалось, он так близко от нас, что стоит протянуть руку — и я смогу его коснуться.

— Да, картинка впечатляет! — восхищенно присвистнул Барак. — Красота невероятная. И лучшего наблюдательного пункта не найти.

По рядам был передан приказ разбиться на отряды по деревням и приходам и ждать, пока помощники Кетта покажут, где кому следует располагаться.

— А нам с тобой что делать? — спросил я у Джека.

— Думаю, нам лучше присоединиться к жителям Свордстоуна. Они славные ребята.

— Да, ты прав.

Ожидая распорядителей, я смотрел на дворец. Это было огромное здание в итальянском стиле, с огромными окнами и многочисленными колоннами. Его окружали высокие стены, за которыми зеленел запущенный сад. Здесь, на поросшем вереском холме, это изящное сооружение выглядело до крайности неуместным. Повстанцы вытащили во двор хорошо одетого человека, по всей вероятности смотрителя дворца. Испуганные слуги толпились на крыльце. Смотрителя, бурно протестовавшего против подобного насилия, увели прочь.

— Удивительно, что Кетт не намерен устроить в этом дворце свою штаб-квартиру, — вполголоса заметил я.

— Это произвело бы неприятное впечатление, — возразил Барак. — Согласитесь, предводитель крестьянского войска, живущий в графских хоромы, — это довольно странно.

— Пожалуй, ты прав.

— К тому же такая громадина, как этот дворец, служит прекрасной целью — в случае, если городской совет откроет по нам огонь из пушек.

— Я вижу, Джек, ты уже считаешь себя одним из повстанцев, — улыбнулся я.

— Так оно и есть. Эти люди хотят добиться справедливости, если только в нашем мире справедливость вообще существует.

— Я заметил: с тех пор как мы здесь, ты перестал злоупотреблять горячительными напитками. Хотя, по слухам, вечерами многие не отказывают себе в удовольствии накачаться пивом.

— Мне сейчас нужна ясная голова.

— Я знаю, ты тревожишься о Тамазин. Тебе позволили написать ей?

— Пока еще не спрашивал. Наверное, поинтересуюсь через пару дней, когда все более или менее устроится. — Он вперил в меня пристальный взгляд. — А вы согласны с тем, что эти люди пытаются восстановить попорченную справедливость?

— Пока что у меня нет в этом уверенности, — со вздохом признался я. — Я принес клятву помогать им в совершении правосудия, но не более того. Честно тебе скажу, я по-прежнему боюсь, что этот бунт приведет к ужасающему разгулу жестокости.

— По своему обыкновению, занимаете выжидательную позицию, — усмехнулся Барак. Мгновение спустя взгляд его стал серьезным, почти суровым. — Вам надо определиться, пока не поздно.

— Скажи, какого ты мнения о капитане Кетте? — спросил я, глядя вдаль, на город.

— Признаюсь, после лорда Кромвеля он самый выдающийся человек из всех, с кем мне довелось познакомиться за свою жизнь. Та же сила духа, какой был наделен Кромвель. Такая же уверенность в себе и умение быстро принимать решения. Не случайно он долгие годы был главой гильдии. Чем Кетт здорово отличается от Кромвеля, так это отсутствием жестокости. Но это ни в малой мере не делает его слабаком и рохлей. В общем, это прирожденный командир, способный увлечь людей за собой и заставить их смотреть себе в рот. И еще: он искренне верит в то, что все мы равны перед Богом и никто не имеет особых прав и преимуществ.

Я был ошеломлен, ибо Барак отнюдь не имел привычки произносить столь пышные многословные тирады.

— Не забывай, Кетт сам землевладелец, причем далеко не бедный. Возможно, им движет обида на то, что он не имеет статуса джентльмена.

— Уверен, на этот статус ему равным счетом наплевать. Кетт хочет помочь простым людям, дать им возможность жить своим трудом. И у него нет желания кому-либо мстить. Повторяю: жестокость ему чужда и он готов сделать все, чтобы предотвратить кровопролитие. Суды, которые Кетт намерен устроить, — лучшее тому доказательство.

— Хотел бы я знать, каковы его религиозные воззрения.

— Насколько я могу судить, Кетт убежденный протестант, — пожал плечами Джек. — Как и большинство жителей Норфолка. — Он

взглянул в сторону города. — Думаю, городские советники и олддермены уже намочили штаны со страху.

— И для этого страха есть основания.

Глядя вниз, я внезапно заметил, что Норидж, окруженный каменными стенами и лентой реки, имеет форму огромной слезы. И с тревогой подумал о тех, кто жил в этом городе: Джозефине и Эдварде Браун, Изабелле, Чаури, Грязнуле Скамблере, Джоне Болейне, который ожидал решения своей участи в тюремной камере. Что сулило им всем ближайшее будущее?

Ветер донес до нас звон церковных колоколов — сначала с запада, а потом со всех сторон. Один за другим стали вспыхивать сигнальные огни. Все простые люди Норфолка знали: это призыв присоединиться к восставшим.

Часть четвертая
Маусхолдский холм

Глава 43

Два дня спустя, поздним воскресным утром, мы с Бараком и Николасом сидели в дверях хижины, наспех сколоченной из свежеструганых досок, с крытой дерном крышей. Минувшей ночью мы втроем, если воспользоваться бытующим в Норфолке выражением, «бросили здесь свои кости», устроившись на кучах папоротника, заменявших кровати. Высота нашего жилища составляла всего четыре фута, так что передвигаться там приходилось на четвереньках. Но так или иначе, у нас была теперь надежная крыша над головой, позволяющая не опасаться капризов погоды. За последние двое суток на вершине холма появилось несколько сот подобных домишек. Из Торпского леса, находившегося на южном склоне, постоянно долетали звуки пилы и топора, несколько десятков рабочих распиливали поваленные деревья на доски. В помощь тем плотникам, которые оказались среди мятежников, нориджская гильдия плотников прислала нескольких своих членов.

Размещаясь по хижинам, повстанцы следили за тем, чтобы выходцы из одной деревни селились рядом. Жители объединялись в отряды, которые называли сотнями. Каждая сотня уже выбрала своего командира, — как правило, то были люди, которые пользовались среди односельчан особым доверием. Тысячи ног уже успели протоптать между хижинами бесчисленные тропинки. Мы с Бараком, а также Николас, накануне получивший свободу, поселились вместе с крестьянами из Свордстоуна. Юный Нетти и отставной солдат Гектор Джонсон по-прежнему составляли нам компанию. Возможно, им было приказано продолжать слежку за подозрительными лицами; однако не исключено, что они держались за нас исключительно потому, что не имели здесь иных друзей и знакомых. Крестьяне обращались с Бараком приветливо и дружелюбно, но на меня, не говоря уж о Николасе, поглядывали настороженно. Овертон, впрочем, был непривычно тих и немногословен; теперь, когда его отдали мне на поруки, он, судя по всему, наконец-то понял, что язык лучше держать за зубами.

У каждого отряда имелось свое костровище — круг, обложенный камнями, дабы огонь не перекинулся на сухую траву. Воду приходилось носить из реки Уэнсум или привозить на подводах из реки Яр,

расположенной в восьми милях от лагеря. Над костром уже висел огромный котел с водой; нам сообщили, что на ужин сегодня будет весьма изысканное блюдо — похлебка из лебедя.

Я осторожно встал, потянулся и сделал несколько шагов, чтобы размять ноги. Наш свордстоунский отряд разместился неподалеку от того места, где мы с Бараком два дня назад любовались панорамой Нориджа. Джек тоже поднялся и подошел ко мне; Николас остался сидеть, угрюмо уставившись в пространство и обрывая росшие вокруг мелкие желтые цветочки. Мы с Бараком прогулялись немного в сторону крутого откоса. Плато на вершине холма, тянувшееся к востоку на несколько миль, было сплошь усеяно хижинами, количество которых продолжало расти. Каждый вечер на краю лагеря зажигались сигнальные огни, указывающие путь добровольцам, которые стремились сюда из окрестных деревень. Таких добровольцев становилось все больше, и всем находилось в лагере место. На Маусхолдском холме царило постоянное движение; разноцветные приходские знамена указывали, где именно обосновались жители той или иной деревни; по пыльным дорогам грохотали телеги, везущие новые запасы провизии. Один из самозваных пророков, явившийся в лагерь неведомо откуда, взгромоздился на телегу и вещал толпе о скором наступлении Царствия Христова. Бродячие торговцы тоже появлялись здесь каждый день: некоторые приезжали на повозках, запряженных осликами; другие приносили свои товары на лотках, висевших у них на шее. «В моем мешке есть все, что душе угодно!» — наперебой выкрикивали они. Помимо товаров, купцы поставляли в лагерь последние городские новости, и желающих перемолвиться с ними словом всегда хватало. Чуть в стороне несколько человек разгружали с подводы кирпичи и различные инструменты, необходимые для устройства кузницы. Появление еще одной телеги, груженной бочонками с пивом, было встречено ликующими криками. За нею тянулся длинный столб пыли. Земля на Маусхолдском холме была чрезвычайно сухой, дождевая вода моментально впитывалась в песок.

Нынешним утром состоялась церковная служба, но по завершении ее, несмотря на воскресный день и палящий зной, повстанцы вновь принялись за работу. Никогда прежде мне не доводилось видеть, чтобы люди трудились с таким пылом. Подойдя к откосу, я устремил взгляд

вниз, на реку и раскинувшийся за нею город. Вид этот был так прекрасен, что у меня перехватило дух. В то утро несколько повстанцев спустились с холма, намереваясь искупаться в реке: все мы, не имея возможности как следует вымыться, изрядно провоняли потом. Стражники, стоявшие у Епископских ворот, принялись стрелять по людям из луков, вынудив их передвинуться вниз по течению реки. Все городские ворота по-прежнему были для нас закрыты.

— Ты не слыхал, сколько народу сейчас в лагере? — повернулся я к Бараку.

— Вместе с новичками, которые прибыли вчера и сегодня, примерно тысяч пять или шесть. Помните путешествие старого короля в Йорк? — спросил Джек в свою очередь. — Согласитесь, оно меркнет в сравнении с тем, что происходит сейчас.

— В сравнении с тем, что происходит сейчас, меркнет все, что мне пришлось повидать за свою долгую жизнь, — усмехнулся я, поправляя широкополую шляпу. — Ох, боюсь, то ли еще будет!

Несмотря на широкополые шляпы, которые мы с Бараком носили постоянно, лица наши успели потемнеть от загара. А рубашки были грязные, насквозь пропахшие потом. Барак сегодня не счел нужным прицеплять свою железную руку и засунул пустой рукав за пояс. По части внешнего вида мы теперь ничуть не отличались от других повстанцев, чего никак нельзя было сказать о Николасе: его бледная кожа облезала и шелушилась, вместо того чтобы темнеть, а многочисленные синяки приняли желтоватый оттенок. До вчерашнего дня он вместе с другими пленниками, которых становилось все больше, находился в бывшем дворце графа Суррея. Дворец этот возвышался на гребне холма чуть в стороне от лагеря, у дороги, ведущей к Епископским воротам; поблизости от него виднелись руины разрушенного монастыря, на месте которого он и был возведен. Через открытые ворота можно было разглядеть ионические колонны, украшавшие здание, и павильоны в виде древних храмов по обеим его сторонам. Теперь, когда вокруг него раскинулся лагерь, дворец выглядел на холме особенно диковинным и чужеродным. Я знал, что там, внутри, содержатся под стражей братья Болейн и сыновья Фловердю. В саду тоже разместились повстанцы, устроившие себе навесы и палатки. Подвалы дворца использовали для хранения

съестных припасов и оружия. Я заметил, что очередная подвода, груженная алебардами, мечами и луками, подъехала к воротам.

— Интересно, зачем мятежникам столько оружия? — обратился я к Бараку. — Ведь насколько я понимаю, они уверены, что протектор и члены Комиссии по огораживаниям удовлетворят их требования, да?

— Полагаю, командиры опасаются, что джентльмены, которым удалось улизнуть, соберут вооруженные отряды и нападут на наш лагерь, — ответил Барак. — Кроме того, согласитесь, когда знаешь, что можешь за себя постоять, чувствуешь себя намного увереннее. Наверное, именно поэтому лучникам даже выделили особое место, где они могут практиковаться в меткой стрельбе.

— Кто в этом лагере главный: Роберт Кетт или отставные солдаты? — спросил я, нахмурившись.

Неподалеку от нас какой-то человек в легких латах — признак, по которому можно безошибочно отличить бывшего солдата, — следил за тем, как повстанцы роют выгребную яму. Солнечные лучи играли на его железном нагруднике. Выгребные ямы были необходимы лагерю как воздух; останки бесчисленных забитых животных, нечистоты нескольких тысяч людей — все это не только испускало зловоние, но и могло привести к вспышке заразных болезней. Мне уже случалось видеть, как расстройство желудка выкашивало целые армии.

— Можете не сомневаться, главный здесь капитан Кетт, — ответил Джек. — Помните, прошлым вечером несколько человек напились и стали буйнить? Солдаты пытались их остановить, но они только расходились еще пуще. Наконец пришел Кетт и объяснил этим бузотерам, что порядок и дисциплина в лагере — свидетельство того, что повстанцы способны к самоуправлению. «А вы ведете себя как скотина, которой необходим пастух», — сказал он им. По-моему, парни были готовы сквозь землю провалиться от стыда.

Мы подошли к церкви Святого Михаила, сохранившейся еще со времен монастыря. Я знал, что в ней разместились братья Кетт. Именно сюда в последние два дня прибывали гонцы со всей страны.

— Смотрите-ка! — Барак коснулся моего плеча. — Любопытно, кого это несет?

По дороге, ведущей на холм от Епископских ворот, двигалось несколько всадников. Когда они приблизились, я узнал тучную приземистую фигуру мэра Кодда. Рядом с ним ехал худощавый

седовласый человек в мантии олдермена. Он несколько походил на Гэвина Рейнольдса, и я даже подумал было, что дед явился к повстанцам с просьбой освободить внуков. Однако мгновение спустя я различил, что это вовсе не Гэвин: незнакомец отличался более крепким сложением, а выражение лица его было слегка настороженным и в то же время дышало уверенностью. Сзади ехали два священника в стихарях. Одним из них оказался Роберт Уотсон; мне довелось слышать, как он проповедовал на рыночной площади, восхваляя существующий общественный порядок. Процессию замыкало с десятков вооруженных людей в форме городских констеблей. Добравшись до вершины холма, всадники с беспокойством огляделись по сторонам. Вне всякого сомнения, их прибытия ожидали, так как к ним незамедлительно приблизилось несколько часовых. Обменявшись с Коддом парой слов, они проводили визитеров в часовню. Повстанцы, бросив работу, во все глаза смотрели на богато одетых гостей.

— Вот они, пиявки, сосущие кровь из городской бедноты! — крикнул кто-то, но один из часовых вскинул руку, призывая воздержаться от подобных оскорблений.

Прибывшие вошли в часовню; констебли, которых оставили охранять лошадей, стояли в тени здания, тревожно озираясь.

— Значит, отцы города удостоили Кетта своим посещением, — заметил я. — Не сочли возможным требовать, чтобы он сам к ним явился.

— Им ведь прекрасно известно, что здесь собралось несколько тысяч человек, — пожал плечами Барак. — Если Кетт примет такое решение, мы вполне можем захватить Норидж. Тем более что в городе наверняка полно наших сторонников.

«Как уверенно Джек говорит „мы“», — отметил я про себя, а вслух сказал только:

— Ладно, поживем — увидим.

Повернувшись, я отыскал глазами знамя, изображавшее святого Себастьяна, пронзенного мечами, — приходское знамя деревенской церкви Свордстоуна. Пора было возвращаться назад. Бараку уже сообщили, что завтра ему предстоит поработать в качестве писца; люди, знавшие грамоту, были здесь на вес золота.

Проходя через лагерь, мы увидели всего нескольких человек, сидевших в тенечке на пороге своих хижин. Все сильные и крепкие

мужчины отсутствовали: по большей части они были заняты валкой деревьев и распиливанием досок. Из жителей Свордстоуна в лагере остались лишь старуха, которая занималась стряпней, вдова по имени Сьюзен Эверник, пользовавшаяся среди односельчан неизменным почетом, да молодая женщина на сносях, сопровождавшая своего мужа. Николас сидел там, где мы его и оставили. Рядом с ним устроился Гектор Джонсон, чистивший ржавый меч.

— Кодд, мэр Нориджа, явился собственной персоной, чтобы поговорить с капитаном Кеттом, — сообщил я, подходя к ним. — Мы видели, как он входил в церковь Святого Михаила.

— Вряд ли от этих разговоров будет хоть какой-то толк, — проворчал старый солдат. — Зря они притащились в замок Кетта.

Вдова Эверник подняла голову от шитья:

— Постыдись, брат! Про какой замок ты говоришь? Капитану Кетту не нужны ни замки, ни дворцы. Он затеял все это ради нас. Хочет, чтобы у нас в стране хорошо жилось всем людям.

— Кто ж с этим спорит, матушка, — смущенно буркнул Джонсон.

— Чем болтать ерунду, выпей-ка лучше пива, — усмехнулась старуха, передавая Гектору большой кувшин, стоявший рядом с ней.

Каждый из нас с удовольствием сделал по глотку.

Я опустил на землю, прислонив свою усталую спину к дверям хижины.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — заботливо спросила вдова Эверник.

Я настороженно посмотрел на нее, зная, что некоторые повстанцы, подобно малым детям, искоса поглядывают на мой горб; но в глазах старой женщины светились лишь доброта и участие.

— Неплохо, благодарю вас. Я опасался, что охалка папоротника окажется для меня не слишком удобной постелью, однако выпался отлично.

До нас долетел треск очередного дерева, поваленного в лесу.

— Парни работают без усталости, — заметил Барак.

— А как же иначе! — с гордостью произнесла тетушка Эверник. — Они будут трудиться, пока солнце не сядет. Каждый день приходят все новые и новые люди нам в помощь.

— А из Нориджа пришел кто-нибудь? — поинтересовался я.

— Да, несколько опытных в своем деле ремесленников. Но капитан Кетт хочет, чтобы городские бедняки оставались дома. Возможно, нам скоро понадобится их поддержка.

— Вчера я видела каких-то женщин, — подала голос беременная. — По-моему, все они были навеселе и здорово смахивали на городских шлюх. — Она испустила тяжкий вздох. — Наверное, это неплохо, что они сюда явились. Нас, женщин, здесь совсем мало. По крайней мере теперь мужчины будут меньше к нам приставать.

— Тебе не о чем волноваться, милая, ведь твой муж всегда тебя защитит, — улыбнулась тетушка Эверник. — Вечером он будет рядом с тобой.

— Удивительно, как много удалось сделать за эти два дня, — сказал я. — Жилье построено, запасы провизии пополнены...

— Мы, крестьяне, способны справиться с любой работой, — кивнула старуха. — Мы и дома умеем строить, и за животными ухаживать, и хлеб выращивать. Когда у нас есть для этого земля, — многозначительно добавила она.

— Надеюсь, мой ребенок вырастет в сытости и достатке, — протянула молодка. — Несмотря на все происки чиновников и адвокатов, — усмехнулась она, метнув в меня неприязненный взгляд.

— Это верно, я адвокат, — процедил я. — Но я работал в Палате прошений, помогал бедным людям, вроде вас, добиться справедливости. И никогда не бросил бы эту работу, не вынуди меня к тому Ричард Рич.

— По крайней мере, у вас осталась хоть какая-то земля, — обратился к женщинам Джонсон. — А вот у меня, например, отобрали все до последнего клочка. Два года я служил в армии старого короля Генриха, воевал во Франции, а мои жена и сын работали на нашей маленькой ферме. Я, понятное дело, писал им, но ни разу не получил ответа. Наверное, их письма затерялись — такое случается сплошь да рядом. Богом клянусь, на войне я навиделся такого, что это навсегда отбило у меня охоту воевать. Но вот заключили мир, я вернулся домой и узнал, что Сару и Джона прогнали с фермы прочь. Я так и не сумел их найти, хотя, Бог свидетель, потратил на поиски немало сил. Три года я зарабатывал на жизнь тем, что нанимался батраком на чужие фермы. А потом в тавернах начали поговаривать, что настают новые времена. Простые люди больше не в силах терпеть произвол властей и должны

добиться справедливости. И я понял: мое место с теми, кто готов бороться. — Гектор сжал кулаки. — Теперь нас стало много. Может быть, совсем скоро я сумею отомстить за все свои беды.

По морщинистым щекам старого солдата потекли слезы. Тетушка Эверник молча погладила его по руке. Николас вдруг резко поднялся и скрылся в хижине. Я, поморщившись, с трудом встал и двинулся за ним вслед, сделав Бараку знак оставаться на месте.

Николас сжался в углу хижины, обхватив колени руками. Внутри царил полумрак, так как окон в нашем жилище не имелось и свет проникал исключительно через дверь. Я опустился на земляной пол рядом с ним.

— Слушать подобные рассказы — настоящее мучение, — пробормотал Овертон, глядя на меня. — Я и думать не думал, что простым людям в Англии приходится так тяжело.

— И ныне их терпению пришел конец.

— Мир перевернулся с ног на голову. Да, я понял это еще во дворце графа Суррея.

Николас в первый раз упомянул о своем заключении. Он бросил взгляд в сторону двери.

Барак, Джонсон и обе женщины по-прежнему негромко беседовали, сидя у порога.

Издали доносился зычный голос проповедника:

— Грядет Царствие Христово, когда прежние хозяева лишатся своих богатств, жизненные блага будут принадлежать всем, а справедливость восторжествует. Тогда мы станем исповедовать истинную религию и жить по заповедям Господним!

— И когда только этот крикун заткнет наконец глотку? — устало вздохнул Николас. — Он витийствует уже несколько часов подряд. — Помолчав несколько мгновений, юноша заговорил вновь: — Помните, прежде, когда мы путешествовали по Норфолку, я все время спорил с Тоби? А ведь все, о чем он говорил, ныне стало реальностью. Но разве бунт, который подняли эти люди, не ведет к хаосу? Разве общество не подобно телу, которым должна управлять голова? Именно так нас учили сызмальства, именно так говорится в Библии.

— Вот уж не знал, что ты у нас знаток Библии, — заметил я с мягкой усмешкой. — Расскажи лучше, что произошло во дворце графа Суррея?

— Нас, закованных в цепи, привезли туда на телегах. Все молчали, словно в рот воды набрав: боялись, что нас прикончат. Ни один из братьев Болейн даже не пикнул. Некоторые мятежники делали вид, что собираются проткнуть нас своими вилами и копьями. Когда мы слезли с повозок, они распахнули двери и велели нам заходить внутрь. А те, что возились в саду у своих палаток, хохотали и улюлюкали. Дворец внутри чудо как красив: повсюду лепнина, расписные потолки и резные панели. Наверняка обставлен он был роскошно, но теперь совершенно опустел: после падения графа Суррея всю мебель вывезли. Арестантов растолкали по комнатам, где нам пришлось сидеть на полу, со связанными ногами. Слава богу, мы с близнецами оказались в разных комнатах. Зато моим компаньоном стал Вайтерингтон, сосед Болейна по Бриквеллу. Когда бунтовщики ушли, он начал с пеной у рта поносить их. Орал, что лорд-протектор и Тайный совет вздернут этих наглых хамов на виселицу. Он так побагровел от натуги, что я боялся, как бы его не хватил удар. Потом в нашу комнату впихнули еще нескольких джентльменов. Через пару часов тюремщик принес еду и сказал, что нам крупно повезло: простые люди, которых мы морили голодом, настолько добры, что кормят нас. Как-то раз из соседнего помещения донеслись вопли. Я узнал голоса близнецов. Мгновение спустя раздался топот шагов, а потом все стихло. Думаю, стражники надавали братьям хороших тумачков. — Николас погрузился в молчание. Через несколько секунд он поднял на меня глаза и спросил: — Скажите, кто эти люди? Я вижу, далеко не все они — простые крестьяне.

— Насколько я могу судить, среди них много йоменов, фермеров, владеющих крошечными земельными наделами, и наемных работников. Хватает и всякого рода сельских ремесленников: плотников, столяров, портных, сапожников. В общем, деревенские жители всех мастей и разрядов. Некоторые захватили с собой жен, но в большинстве своем женщины с детьми остались дома, приглядывать за хозяйством. Да и конечно, здесь очень много бывших солдат.

— То есть дезертиров, удравших из Шотландии. Неудивительно, что красноногие гонят нас в хвост и в гриву, — с горечью бросил Николас.

— Война с Шотландией — это страшная ошибка. Протектору не следовало ее затевать.

— Но если наша страна воюет, долг каждого — делать все, чтобы она одержала победу, — возразил Николас.

— Даже если эта война совершенно бессмысленна и несправедлива? И наша страна без всяких на то оснований вторглась на территорию другого государства? Неужели верноподданнические чувства должны заглушить голос совести и рассудка?

— Так или иначе, бунт в военное время — это двойное предательство, — потупив голову, упорствовал Овертон.

— Николас, я взял тебя на поруки и поклялся, что ты не убежишь и не станешь вредить этим людям, — веско произнес я.

— Я знаю, — нахмурившись, буркнул он. — Можете не сомневаться, я вас не подведу.

— Прошу тебя: держи рот на замке и не задирай высоко нос. Кстати, почему бы тебе не прогуляться по лагерю вместе со мной и Джеком?

— Пожелать доброго дня мужланам, которые угощали меня оплеухами? Нет уж, спасибо. — Он бросил взгляд в сторону двери. — А Барак, как я погляжу, доволен и счастлив.

— Полагаю, отчасти потому, что ему выпала возможность отдохнуть от семейных неурядиц. Хотя он, несомненно, сочувствует этим людям.

— А вы?

— Пока не знаю.

— Как вы думаете, что скажет леди Елизавета, если узнает, где вы сейчас?

— Меня захватили силой, — пожал я плечами.

Снаружи донеслись шаги, чья-то тень закрыла дверной проем. Тоби Локвуд, согнувшись в три погибели, пролез внутрь. Черная его борода казалась еще длиннее и гуще, чем обычно. Бросив на Николаса ледяной взгляд, он повернулся ко мне:

— Капитан Кетт хочет поговорить с вами, мастер Шардлейк. Причем немедленно.

Глава 44

По дороге в церковь Святого Михаила я попытался завязать с Тоби разговор:

— Догадываюсь, вы давно уже знали, что в Норфолке готовится восстание, да? Все то время, пока работали у меня?

— Ничего я не знал, — неприязненно отрезал он. — Разумеется, до меня доходили кое-какие слухи. Но, только потеряв обоих родителей и ферму, я решил отыскать людей, которые вознамерились бороться с джентльменами. Капитан Кетт принял меня с радостью, ведь грамотные люди ему необходимы.

— Вы оказали немалую помощь в расследовании дела Болейна. Я думал, что вам нравится со мной работать.

В голубых глазах Тоби внезапно вспыхнули сердитые огоньки.

— Я всегда стараюсь наилучшим образом выполнять поручения, которые мне дают, — процедил он. — Хотя, признаюсь, участь Джона Болейна заботила меня мало. А вот дело, которым я занимаюсь сейчас, захватило меня целиком. Мы пытаемся установить в стране справедливые порядки, и я верю, нас ждет успех.

Главная дверь в церковь была закрыта, ее охраняли двое часовых, в латах и вооруженные алебардами. Тоби повел меня к боковому входу. Когда мы подошли, дверь распахнулась, пропустив двух человек. Глаза у меня полезли на лоб от удивления, когда в одном из них я узнал сэра Ричарда Саутвелла, которого совсем недавно видел во дворце леди Марии. Его сопровождал Джон Аткинсон, закадычный друг братьев Болейн. Одеты оба были совсем просто, в кожаные штаны и рубахи из грубой ткани. Несомненно, они не хотели привлекать к себе внимание. При виде меня лицо Саутвелла исказилось от досады, однако уже в следующее мгновение на нем застыло обычное выражение ледяной надменности.

— Добрый день, мастер Шардлейк, — проронил он, взглянув на меня сверху вниз из-под полуопущенных век. — Вижу, вы тоже стали мятежником.

— Меня захватили силой, — возразил я. — Что касается вас, сэр Ричард, то, полагаю, вы приехали сюда по своей собственной воле.

— Ситуация ныне такова, что без переговоров с мятежниками не обойтись, — изрек он и процедил, нагнувшись к моему уху: — Забудьте, что видели нас здесь, ясно? И я тоже забуду, что видел вас. Так будет лучше для нас обоих.

Он кивнул Аткинсону, который бросил на меня угрюмый взгляд. Оба пешком направились в сторону дороги, ведущей к реке. Проходя мимо часовых, Саутвелл показал им какую-то бумагу — скорее всего, пропуск.

— Что здесь делал этот человек, — повернулся я к Тоби, — один из богатейших производителей шерсти в Норфолке? Я считал, что людей, подобных ему, вы держите под арестом и собираетесь подвергнуть суду.

— Вам лучше последовать совету сэра Ричарда и сделать вид, что вы его не заметили, — ледяным тоном произнес Локвуд. — Идемте, вас ждет капитан Кетт.

Мы вошли в тесный притвор. Тоби распахнул дверь, пропуская меня внутрь. Стены маленькой церкви по-прежнему покрывала богатая роспись, а витражные окна оставались целыми и невредимыми. Но более ничего не напоминало о том, что это храм Божий. На том месте, где некогда находился алтарь, теперь стоял массивный письменный стол, заваленный бумагами; неподалеку от него — пара грубо сколоченных кроватей. Посреди церкви была натянута веревка, на которой висели тяжелые шторы; задернув их, можно было отделить алтарную нишу от остального помещения. Повсюду стояли столы, за которыми сидели люди, что-то сосредоточенно писавшие. У главных дверей возвышалась массивная фигура Роберта Кетта; его седые волосы и борода, по обыкновению, были тщательно причесаны. Он что-то горячо обсуждал с мэром Коддом, стариком в мантии олддермена и двумя священниками, которых я видел совсем недавно.

— Простите, господа, но я должен вас покинуть, — обратился он к своим собеседникам. — Неотложное дело.

Голос его звучал приветливо и дружелюбно, на губах играла улыбка.

«Любопытно, о чем он только что разговаривал с Саутвеллом?» — вертелось у меня в голове.

А Кетт меж тем продолжал:

— Полагаю, мы обо всем договорились? Городские ворота Нориджа завтра будут открыты для нас, и в городе будет устроен дополнительный базарный день. Не тревожьтесь: наши люди не намерены творить бесчинства и беспорядки. Все, кто собрался в этом лагере, верны королю и правительству. Мастер Уотсон, мастер Коннерс, если кто-то из вас выступит перед моими людьми с проповедью, это будет встречено с радостью.

— Да, это поможет обуздать тех безумных пророков, чьи речи мы слышали по пути сюда, — заметил Кодд.

— Согласен, некоторые из них впадают в неистовство, — кивнул Кетт.

— Сегодня у вас была воскресная служба? — осведомился Коннерс, молодой священник с худым лицом аскета и звучным голосом проповедника.

— А как же иначе. Среди нас есть несколько священников. Нынче они проводили богослужение по новой «Книге общих молитв».

— И никто не роптал по этому поводу?

— Нет. Люди были счастливы, что у них есть возможность молиться на своем родном языке.

Оба священнослужителя, судя по их лицам, были вполне удовлетворены подобным ответом. Кетт пожал руки сначала им, а потом мэру Кодду и пожилому олдермену, которого все называли мастер Элдрич. После того как дверь за посетителями закрылась, Роберт некоторое время стоял, погрузившись в размышления. Когда он повернулся ко мне, улыбка, игравшая на его губах, исчезла. Взгляд карих глаз, по обыкновению, стал острым и пронзительным.

— Добрый день, мастер Шардлейк. Добро пожаловать в мой штаб. Настало время, когда нам с вами необходимо серьезно поговорить. Идемте.

Вслед за ним я поднялся по ступенькам в бывший алтарь. Проходя мимо письменных столов, я скользнул по ним взглядом, любопытствуя, какого рода документы переписывает такое множество писцов. Кетт задернул шторы и принялся буравить меня глазами, выражение которых на сей раз показалось мне почти суровым.

— Сэр, вы проделали огромную работу, — сказал я, чтобы нарушить тягостное молчание. — В лагере все устроено наилучшим

образом. Не могу не воздать должное вашим организаторским способностям.

— Я не только управлял своей кожевенной мастерской, но и возглавлял одну из городских гильдий. И много лет подряд был вынужден бороться с алчными и бесчестными чиновниками, которые хотели заполучить монастырские земли, — пробурчал он. — Чаще всего мне приходилось сталкиваться с Фловердью. А тому, кто имел дело с этим канальей, уже ничего не страшно.

— Да уж, этот тип не из тех, кто упустит свою выгоду.

— Полагаю, сейчас Фловердью уже в Лондоне. Надо бы освободить его сыновей: в конце концов, это всего лишь дети, которые порядком напуганы.

— Думаю, вы поступите правильно, если отпустите мальчиков.

— Как поживает мастер Овертон? С тех пор как его освободили из-под стражи, он словно сквозь землю провалился. В отличие от вас с Джеком Бараксом, этот юноша никогда не появляется в лагере.

«Надо признать, осведомители капитана Кетта работают превосходно», — отметил я про себя. А вслух произнес:

— Николас все еще пребывает в подавленном настроении. Но ручаюсь, он не причинит вам никаких неприятностей, ибо дал мне слово чести, а на его слово можно положиться.

— Сыновья вашего клиента, братья Болейн, продолжают испытывать наше терпение своими гнусными выходками, — заметил Кетт, по-прежнему буравя меня взглядом. — Этих молодчиков я отпускать не собираюсь. Стоит им оказаться на свободе, они немедленно присоединятся к нашим врагам. Думаю, их стоит поместить в Нориджский замок. Мэр Кодд дал на это согласие.

— Да, эти молодые головорезы чрезвычайно опасны, — кивнул я. — Всякий, кто с ними знаком, согласится с этим.

Поймав взгляд, который я украдкой бросил в сторону кровати, Кетт усмехнулся:

— Как видите, мне приходится спать прямо на рабочем месте. Мне и моей супруге. Элис не хочет возвращаться в Ваймондхем без меня. Она всегда была доброй и преданной женой.

Услышав эти слова, я невольно вспомнил Изабеллу Болейн. Где она сейчас? По-прежнему в Норидже? Или вместе с Чаури вернулась в разграбленный Бриквелл?

Кетт, заметив, что я погрузился в задумчивость, вопросительно посмотрел на меня.

— Извините, — пробормотал я. — Просто вспомнил о своих знакомых, живущих в Норидже.

— Вы имеете в виду Джона Болейна?

— И его семью.

— Что ж, вскоре у вас будет возможность побывать в городе, — сказал Кетт. — Как вы слышали, я только что разговаривал с мэром Нориджа Коддом и с олдерменом Элдричем, одним из самых богатых людей в городе. Они обещали открыть для нас ворота. Когда мы разбили лагерь на холме, городские власти отправили в Лондон гонца. В своей депеше они спрашивали у лорда-протектора, возможно ли позволить двум священникам, которых вы видели, Уотсону и Коннерсу, дважды в день проводить в лагере богослужение. Завтра городской рынок будет работать, и все наши люди получают некоторую сумму на покупки. Деньги у нас есть. Мы изъяли их у дворян, а также получили... э-э-э... из других источников.

О том, что это за источники, Кетт предпочел не распространяться. Возможно, Саутвелл щедро заплатил предводителю повстанцев в обмен на обещание оставить в покое его собственные обширные пастбища и резиденцию леди Марии.

— Мне сообщили, что в Ипсвиче и Бери тоже создаются повстанческие лагеря, — продолжал Кетт. — Лагерь в Ипсвиче насчитывает более тысячи человек, и все они готовы служить делу справедливости. Эту добрую новость необходимо сообщить всем нашим. Завтра мы совершим марш-бросок и захватим Грейт-Ярмут. Тогда в наших руках окажется главный английский порт, и селедки у нас будет вдоволь. — Кетт подался вперед, голос его дрожал от возбуждения. — Пока что нам сопутствует успех, мастер Шардлейк, и я верю: удача и дальше не отвернется от нас. Я не льщу себя надеждой, что отцы города сочувствуют простым людям. Разумеется, они преследуют свои собственные интересы. Они прекрасно понимают, что, стоит нам только захотеть, мы спустимся с холма, перейдем Уэнсум, ворвемся в город и с помощью местной бедноты отнимем у богатых нориджских купцов все, что нам необходимо. Но мы соблюдаем законы и намерены делать это впредь. Полагаю, у вас была возможность в этом

убедиться. Скажите, вы подтверждаете, что готовы содействовать мне в проведении судов над нашими пленниками?

— Я уже принес клятву по мере сил помогать торжеству закона и справедливости. Да, я готов дать вам все необходимые советы и пояснения.

— Превосходно. Помните, мы действуем от имени короля и лорда-протектора. Это они решили, что Англии необходимы реформы. А мы будем всячески способствовать тому, чтобы реформы сии осуществились в жизни, а не только на бумаге.

Может быть, за этим человеком действительно стоит правда? На этот вопрос я пока не находил ответа. А вдруг Кетт и его сподвижники и впрямь сумеют добиться своего и новая комиссия искоренит беззакония, творимые в деревне? Впрочем, вполне вероятно, что повстанцы учредят справедливые порядки сами, без помощи членов комиссии.

— Поблизости, под старым дубом, мы будем вершить правосудие, — с воодушевлением продолжал Кетт. — Там мы станем держать совет и всем лагерем решать, какого наказания заслуживает тот или иной джентльмен или же повстанец, совершивший постыдное деяние. Например, такой, кто самочинно присвоил деньги либо другие ценности, обнаруженные в богатом доме. — Роберт грозно сдвинул брови. — Нет большего позора, чем обмануть своих товарищей, и всякий, кто запятнал себя подобным бесчестьем, должен понести кару.

— Люди всегда остаются людьми, капитан Кетт, — осторожно заметил я. — Порой им бывает трудно обуздать стремление к наживе, присущее человеческой натуре.

Мой собеседник нахмурился еще сильнее. Я догадался, что, несмотря на все свои деловые качества, силу воли и решимость, в глубине души он остается наивным.

— Всякий, кого мы признаем виновным в мародерстве, покинет лагерь, — процедил Кетт. — Джентльмены, объявленные невиновными, будут отпущены на все четыре стороны. Те же из них, чьи преступления мы сумеем доказать, будут подвергнуты тюремному заключению в Нориджском замке или в бывшем дворце графа Суррея.

— Вы обещаете, что не будет никаких смертных казней? Ни пыток, ни телесных наказаний?

— Обещаю. Повторяю еще раз: наш лагерь должен стать местом, где царят мир и порядок. Процессы будут проводиться в соответствии с правилами и нормами правосудия, которые мы рассчитываем узнать от вас. Ваша помощь тем более необходима, что молодой законник Томас Годсель, на которого мы рассчитывали, недавно дал деру.

— Я в течение нескольких лет защищал права мелких фермеров и арендаторов в Палате прошений, пока Ричард Рич не лишил меня этой должности, — сообщил я. — Признаюсь, мне удалось выиграть множество дел. Но я всегда сознавал, что это всего лишь жалкая капля добра в море несправедливости.

Кетт понимающе кивнул.

— У меня чертовски ноют ноги, — сообщил он со вздохом. — С самого рассвета я ходил по лагерю, разговаривал с только что выбранными командирами сотен. Давайте присядем.

Странно было слышать, что этот крепкий негибачый человек жалуется на усталость; однако я вспомнил, что он старше меня по крайней мере лет на десять.

Мы уселись за стол друг против друга.

— А какова ваша конечная цель, капитан Кетт? — осмелился спросить я.

— Вернуть прежние времена, более справедливые и добрые. Кроме того, мы добьемся, чтобы простые люди тоже принимали участие в управлении страной и становились членами комиссий. И не только сейчас, но и впредь.

— То есть вы хотите, чтобы власть в стране принадлежала не одним лишь джентльменам и чиновникам?

— Разве мы не доказали, что не нуждаемся в джентльменах, которые управляют нами? — с внезапной яростью отчеканил Кетт. — Я понимаю, мастер Шардлейк, у вас имеются сомнения по поводу того, как к этому требованию отнесется лорд-протектор. Но я верю, он пойдет нам навстречу. Лагеря, возникшие по всей Англии, убедят Королевский совет в том, что простым людям лучше не перечить. То, что происходит сейчас, — отнюдь не крестьянский мятеж Уота Тайлера или восстание Джека Кэда, когда бедняки, охваченные отчаянием, пытались бороться с правительством. Мы не мятежники и хотим, чтобы лорд-протектор видел в нас своих союзников.

«Неужели этот человек до такой степени наивен, что не понимает: протектора заботит только война с Шотландией?!» — в глубине души изумился я. И спросил:

— Капитан Кетт, вы позволите мне быть с вами откровенным?

— Еще бы нет! — раскинул он свои огрубевшие от работы руки. — Все в этом лагере вольны говорить то, что думают. Даже те, кто не согласен с нами, имеют право голоса. Знаете, я придумал название для места наших собраний — Дуб реформации. По-моему, звучит неплохо.

«Вообще-то, слово „реформация“ имеет ныне двойной смысл, — отметил я про себя. — И предполагает не только церковные, но также и государственные реформы. Какое из этих значений особенно важно для повстанцев? Хотя, возможно, оба равноценны?»

— Члены Тайного совета и прочие государственные мужи в большинстве своем убеждены: согласно закону, установленному Богом, голова общества должна управлять его ногами, — произнес я, тщательно подбирая слова. — Человек, который не является джентльменом и должен жить трудами рук своих, никогда не будет допущен к управлению страной. Я сочувствую вам всем сердцем, но, боюсь, вы недооцениваете могущество властей предержавших, которые вам противостоят.

Напрасно я опасался, что слова мои приведут Кетта в гнев. Он ответил мне спокойно и невозмутимо:

— Законы, о которых вы говорите, установлены отнюдь не Богом, но людьми. Эти законы привели к господству вопиющей несправедливости, и, следовательно, их необходимо изменить. Мы не собираемся ломать все общественные установления, но намерены лишь осуществить необходимые реформы. А единственный путь сделать это — прислушаться к мнению простых людей. — В голосе его послышались жесткие нотки. — Джентльменам придется понять, что власть, которой они злоупотребляют, не безгранична. Те дни, когда крестьянин, обращаясь к лорду, должен был снять шапку и согнуться в поклоне до земли, остались в прошлом.

— По моим наблюдениям, жители Норфолка не слишком склонны к проявлениям раболепия, — усмехнулся я.

— Это верно, — кивнул Роберт. — Но хотя здешние бедняки и не падают ниц перед лордами, это не мешает последним притеснять их.

Поглядите-ка! — Он указал на маленькие часы, стоявшие на столе. — Мы нашли их в одном из богатых особняков. В сущности, простая вещь, совершенно необходимая в лагере вроде нашего: ведь нужно знать, который сейчас час. Тем не менее ни у кого из наших людей часов нет и никогда не было. Теперь они начали отсчет нового времени, мастер Шардлейк. Времени, когда мы изменим жизнь Церкви и земного мира, приведя ее в согласие с заповедями Господними. Именно поэтому мне так нравится название места, где мы будем творить правосудие, — Дуб реформации.

— Но разве человеку дано знать, когда именно начинается отсчет нового времени? — осторожно осведомился я.

Кетт пристально посмотрел на меня и негромко произнес:

— Прежде я был убежденным католиком, водил дружбу со старым аббатом из Ваймондхемского монастыря. Он был весьма добросердечным, и я даже назвал сына Лойе в его честь. Но теперь я сознаю: та религия, которую он исповедовал, была ошибочна. После того как монастырь закрыли, в Ваймондхем прибыл новый проповедник, убежденный протестант. Слушая этого человека, я постепенно убедился в его правоте. Начал читать Библию и осознал: истинная вера в Христа неотделима от стремления к общему благу. — Кетт сокрушенно покачал головой. — А я, увы, большую часть своей жизни потратил на то, чтобы копить земные сокровища.

Печально улыбнувшись, я процитировал:

— «Я мало чтил Слово Божие, но предавался тщетам и искушениям этого мира. Я позабыл о Том, в Ком содержится истина, и следовал пустым и глупым мечтаниям своего сердца».

Кетт взглянул на меня с любопытством:

— Хорошо сказано. Откуда это?

— Из «Стенания грешницы», сочинения покойной Екатерины Парр.

— Да, эта королева была поборницей истинной религии. Надеюсь, вы, подобно ей, тоже верите в спасительную силу Библии?

— Прежде верил. Сейчас я сомневаюсь во всем.

— Как вы думаете, королева Екатерина, будь она жива, поддержала бы нас?

— Полагаю, нет, — покачал я головой. — Она сочла бы вас мятежниками, несущими смуту и хаос. Вам, конечно, известно, что в

мае сэр Уильям Герберт, муж ее сестры, подавил восстание, вспыхнувшее в его владениях.

— Мне говорили, он был весьма жесток.

— Именно так.

Мой собеседник помолчал, перебирая пальцами свою седую бороду.

— Благодарю вас за откровенность, мастер Шардлейк, — произнес он наконец. — Я вижу, вы человек, подверженный излишним сомнениям.

«Зато вам, похоже, сомнения неведомы», — подумал я, но, разумеется, говорить этого вслух не стал. Вновь повисло молчание. Кетт прервал его, произнеся неожиданно деловым тоном:

— Все повстанцы, собравшиеся в лагере, направляют протектору послания, в которых перечисляют свои жалобы и требования. Командиры сотен сейчас составляют предварительный текст петиции. Когда она будет готова, мы незамедлительно отошлем ее в Лондон. Возможно, я попрошу вас прочесть петицию, проверить, не слишком ли коряв и неуклюж ее слог.

— Как вам будет угодно.

— И вот еще что. Полагаю, вам известно, что мы забираем в богатых имениях провизию и прочие необходимые нам вещи. Дабы все это происходило на законных основаниях, я распорядился подготовить соответствующие ордера. Именно этим занимаются сейчас наши писцы. — Кетт отыскал на столе какую-то бумагу и протянул ее мне. — Что вы об этом думаете?

Взяв листок, я прочел:

Мы, верноподданные и полномочные представители короля, даруем подателям сего ордера позволение доставлять в лагерь на Маусхолдском холме всякого рода скот и провизию, забирая их в тех местах, где они наличествуют в избытке, и при этом не чинить никакого ущерба и телесного вреда честным и бедным людям. Все, кто верен королю и стремится к достижению всеобщего благоденствия, обязаны повиноваться сему распоряжению.

Подпись: Роберт Кетт

Ниже аккуратным секретарским почерком были выведены еще два, неизвестные мне имени, однако подписи пока отсутствовали.

— Кто эти люди? — спросил я.

— Командиры тех сотен, что занимаются обеспечением лагеря съестными припасами. Помещикам и фермерам, у которых нам придется забирать хлеб, скотину и прочее, мы будем давать расписки.

— И все же...

— Да?

Я перевел дыхание и выпалил:

— Простите мою дерзость, сэр, но вы не обладаете никакими полномочиями, дарованными королем либо протектором. Так что этот ордер не имеет законной силы!

Взгляд Кетта стал суровым и жестким.

— Мы служим интересам короля, протектора и созданной им комиссии и собираемся служить им впредь, — отчеканил он. — Разве этот документ не доказывает, что мы намерены действовать законно, именем короля?

— Это спорный вопрос, — осторожно заметил я, хотя прекрасно сознавал, что с юридической стороны этот ордер — всего лишь попытка узаконить кражи.

То обстоятельство, что жертвами этих краж становились люди, у которых скот и провизия «наличествуют в избытке», с точки зрения закона ровным счетом ничего не меняло.

Неожиданно для самого себя я рассмеялся:

— Капитан Кетт, признаюсь вам честно, у меня просто голова идет кругом.

Столь же неожиданно он рассмеялся в ответ:

— Откровенность за откровенность: не стану скрывать, что у меня самого она идет кругом уже несколько дней. На меня свалилась такая пропасть обязанностей и дел, что порой и не знаешь, за что хвататься. Надо строить дома, чтобы скрываться от непогоды, кузницы, чтобы подковывать лошадей и делать оружие, и пекарни, дабы печь хлеб.

— Как долго вы намерены оставаться здесь, на Маусхолдском холме?

— Сколько потребуется, — пожал плечами Кетт. И добавил с улыбкой: — Вы сами понимаете, положение у нас непростое. Я прекрасно знаю, что думают о нас Тайный совет и парламент. Но лорд-

протектор — наш искренний друг, в это я непоколебимо верю. Как бы то ни было, в нашем лагере собрались тысячи людей, и нам удастся сохранять порядок и дисциплину. К тому же, — он многозначительно вскинул бровь, — здесь находится множество джентльменов, наших пленников и заложников.

— А что, если правительство направит против вас войска, как это уже было с мятежниками на юго-западе страны?

— Люди, которые подняли восстание на юго-западе, ратовали за возвращение католической мессы, — покачал головой Роберт. — А мы ничего не имеем против церковных реформ. Да и где Королевскому совету взять войска, чтобы направить их против нас? Часть английской армии воюет в Шотландии, часть брошена на запад. На нас солдат попросту не хватит.

— Тем не менее, сэр, прежде чем предпринять следующий шаг, вы должны все как следует обдумать, — сказал я, глядя ему в лицо, внезапно ставшее серьезным и хмурым.

— Нам выпал шанс изменить жизнь, и мы не должны его упускать, — бросил собеседник.

Я счел за благо промолчать.

— Приятно было побеседовать с вами, мастер Шардлейк, — произнес Кетт, и лицо его вновь осветила улыбка. — В отличие от своих коллег-законников, вы говорите прямо, без всяких околичностей. Завтра я собираюсь в Норидж, нанести ответный визит Кодду и Элдричу. Если желаете, можете тоже сходить в город, навестить своих друзей и знакомых. А во вторник под Дубом реформации состоится первый судебный процесс. Надеюсь, вы поможете нам соблюсти закон и не погрешить против справедливости. Я жду ваших советов и наставлений. — Помолчав, он добавил: — Я слышал, ваш друг Барак неплохо пишет левой рукой?

— О да, Джек делает сие весьма ловко. Он приложил немало усилий, чтобы научиться этому.

— Превосходно. Значит, во время суда он будет вашим писцом. Этот человек предан нашему делу всей душой, — проронил Роберт, буравя меня взглядом.

— Полагаю, вы правы, — кивнул я.

Неожиданно на ум мне пришла Тамазин, тщетно ожидавшая вестей от мужа в далеком Лондоне.

«Да уж, — подумал я, — Кетт умеет добиваться своего. Незаметно для себя самого я тоже стал неотъемлемой частью жизни повстанческого лагеря».

Глава 45

На следующее утро все обитатели лагеря, по обыкновению, поднялись на рассвете. День вновь обещал быть жарким. Минувшей ночью я спал крепко, несмотря на духоту, стоявшую в хижине, где едва хватало места для нас троих. Все мы насквозь пропахли потом, но давно притерпелись к густому запаху, исходившему от множества тел, в том числе и от своих собственных. Бороды наши отросли и походили на три небольшие копны: у меня седая, у Барака — каштановая, а у Николаса — рыжая.

Вдова Эверник раздала всем по ломтю хлеба и сыра. С аппетитом проглотив этот немудреный завтрак, я неожиданно подумал о том, что еще две недели назад мысль о жизни в столь суровых походных условиях привела бы меня в ужас. Как ни странно, несмотря на изнуряющую жару, необходимость спать на копне папоротника и постоянно ходить пешком, я чувствовал себя бодрым, как никогда прежде. Тело мое, имевшее прискорбную склонность распадаться на отдельные страдающие части, ныне превратилось в единый отлаженный организм. Впрочем, я помнил, что после недавнего ушиба мне следует соблюдать осторожность.

До меня долетел смех: соседи наши веселились, вспоминая вчерашний визит олдермена Элдрича. Выяснилось, что он жил в Свордстоуне, в трех милях отсюда, и в Норидж его доставил отряд повстанцев.

— Теперь-то, братцы, он строит из себя друга бедняков, — с удовольствием заметил кто-то.

После завтрака большая часть мужчин принялась за работу, однако некоторые вместе с женщинами отправились в Норидж, на рынок. Накануне вечером командиры сотен, сопровождаемые бывшими солдатами, обошли лагерь, раздавая деньги, нечто вроде зарплаты, — каждому по шиллингу. То были новые, обесцененные шиллинги, но тем не менее на них можно было что-то купить.

Юный Нетти, в кожаной куртке без рукавов и потертых кожаных штанах, вертел монетку в своих темных загрубевших пальцах.

— Давненько я не держал в руках денег, — вздохнул он.

— Ты сегодня опять будешь работать в лесу, на валке деревьев? — спросил я.

— Нет, сегодня мне досталась работа намного лучше! Один из плотников взялся научить меня пилить доски. Может, когда все это закончится, я стану его подмастерьем.

— Собираешь вернуться в Сандлингс?

— Нет, я хотел бы остаться в Норидже. Честно сказать, море мне не по душе.

Глядя на парнишку, я вспомнил злополучного Уолтера, которого нашли на берегу с проломленной головой. Как видно, Нетти подумал о том же, ибо он подался вперед и сообщил:

— Вчера в лагерь пришли еще несколько человек из Сандлингса, в том числе один из моих старых приятелей. Он жил в той же деревне, что и бедолага Уол Пэдбери. Надо бы его порасспрашивать, может, он что-то знает.

— Если ты с ним поговоришь, буду тебе крайне признателен.

Старый Джонсон поднялся на ноги:

— Спасибо за завтрак, тетушка Эверник. Я не смогу быть на утреннем богослужении, так что помолитесь о спасении моей души.

— Уже на работу, брат?

— У меня нынче пропасть дел, поэтому расслаживаться некогда.

— Значит, мы с друзьями можем отправиться в Норидж без охраны? — осведомился я.

— Да, таков приказ.

Старый солдат с сомнением взглянул на Николаса; тот в ответ лишь злобно сверкнул зелеными глазами.

После завтрака повстанцы стали собираться на богослужение, которое проводил Томас Коннерс. Он придерживался евангелического тона, призвав паству помнить, что все наши дела и помыслы ведомы Господу, соблюдать умеренность и жить в мире и согласии с окружающими. Упомянул он также о пагубе алчности и подробнейшим образом остановился на искоренении плотской распущенности. Несомненно, каждое слово в его проповеди было обдуманно и тщательно взвешенно. Любопытно, много ли в лагере убежденных протестантов, размышлял я. Разумеется, такие имелись, но, вполне вероятно, были и те, кто просто держал нос по ветру, рассчитывая на

поддержку лорда-протектора. Однако сторонники традиционной Церкви — каковых просто не могло здесь не быть — предпочитали не высовываться.

После службы люди, многие с корзинками в руках, двинулись по дороге, ведущей в Норидж. Мы с Николасом и Баракком направились к отвесному склону. По пути мы видели, как несколько человек рыли очередную яму для останков заколотых овец. Вонь вокруг стояла просто невыносимая.

С вершины холма мы наблюдали, как люди, спустившись, пересекли Епископский мост, вошли в открытые ворота и оказались за городскими стенами. Чувствовалось, что настроение у всех приподнятое. Лишь бродячие торговцы, явившиеся в лагерь сегодня, имели удрученный вид, сознавая, что конкуренции с городским рынком им не выдержать.

— Что ж, идем и мы, — сказал я, повернувшись к Николасу и Баракку.

— Было бы неплохо, если бы мне вернули меч, — проворчал Николас. — Явиться в город без оружия, в лохмотьях, как простой крестьянин, — это стыд и позор.

— Скажи спасибо, что тебя вообще выпустили, — буркнул Барак, прилаживая свою железную руку. — Если мы посетим всех своих знакомых, то поход того и гляди затянется до вечера, — повернулся он ко мне. — У вас хватит на это сил?

— Надо постараться успеть как можно больше! — заявил я. — Первым делом необходимо сходить в «Девичью голову», посмотреть, не пришла ли на мое имя какая-нибудь почта, и отправить свои собственные письма. Если Изабелла по-прежнему живет в трактире на рыночной площади, надо отдать ей деньги, которые мы отобрали у Фловердью. Потом побываем в замке, навестим Джона Болейна. Конечно, мне бы очень хотелось повидаться с Джозефиной и Эдвардом. А если останется время, заглянем к тетке Скамблера... Может, ей известно что-нибудь о племяннике. Кстати, Джек, ты написал Тамазин?

— Ну да, а как же иначе. Доложил, что здоров и моей драгоценной жизни ничего не угрожает. Но обстановка в Норфолке такая, что я вряд ли смогу вернуться домой в ближайшее время.

— Примерно то же самое я сам написал Гаю, — кивнул я. — А также мастеру Пэрри. Правда, Пэрри я сообщаю, что по мере

возможности намерен продолжить расследование дела Болейна.

Барак окинул взглядом лагерь, скопище крохотных деревянных лачуг.

— Пива стали давать совсем мало, — сокрушенно вздохнул он.

— В городе нам будет не до пива, — отрезал я.

Едва мы вышли на дорогу, нас обогнали несколько всадников в добротных, но скромных костюмах. То были Роберт Кетт, его брат Уильям и их ближайшие сподвижники, включая Тоби Локвуда, который, прищурившись, окинул нас подозрительным взглядом. Кетт сделал мне знак подойти:

— Да ниспошлет вам Господь доброго утра, мастер Шардлейк.

— И вам также, капитан Кетт.

Про себя я отметил, что лицо Роберта сияет бодростью и энергией: он явно пребывал в наилучшем расположении духа. Уильям Кетт, напротив, смотрел на нас хмуро и неприветливо. Как видно, он считал, что брат его излишне мне доверяет.

— Работы по сооружению помоста у Дуба реформации почти закончены, — отрывисто бросил Уильям. — Готовьтесь к завтрашнему дню.

— Понятно.

— Что вы намерены делать в Норидже?

— Посетить друзей, а также мастера Болейна, заключенного в Нориджском замке.

— А мы собираемся продолжить переговоры с Коддом, — сообщил Роберт Кетт. — Нам стало известно, что еще один лагерь возник в Касл-Райзинге, неподалеку от Кингс-Линн. Мы послали отряд захватить Грейт-Ярмут. Скоро все мы вдоволь полакомимся знаменитой ярмутской селедкой!

Кетт расплылся в довольной улыбке и, кивнув нам на прощание, двинулся вниз по дороге. Люди, завидев его, махали руками и выкрикивали приветствия. Тоби, отстав от своих спутников, подъехал к нам.

— Вы намерены повидаться с Болейном? — обратился он ко мне.

— Да, он по-прежнему мой клиент.

— Я слышал, прошлой ночью его сыновья, сговорившись с другими пленниками, пытались бежать. Теперь их держат в цепях. Удивительно, что в семье богатого джентльмена выросли такие дикари.

— Вам прекрасно известно, Тоби, что я не питаю симпатии к этим молодчикам.

Николас обжег меня сердитым взглядом. Я испугался, что Овертон сейчас взорвется, но он всего лишь процедил:

— Тоби, ты ел с нами за одним столом. Ты вместе с нами дрался с этими паскудными близнецами. А теперь смотришь на нас как на заклятых врагов. Скажи, ты всегда питал к нам ненависть?

— Да, ответь нам! — подхватил Барак, глядя на Локвуда с откровенным любопытством.

Щеки Тоби вспыхнули.

— Я уже говорил мастеру Шардлейку, что считаю своим долгом хорошо выполнять любую порученную мне работу, — пробормотал он, глядя в пространство. — Уверен, ты, Николас, при первой же возможности присоединишься к нашим врагам. Что касается Джона Болейна, то мне наплевать, справедливо его осудили или нет. Этот тип прежде всего землевладелец и джентльмен, а значит, относится к числу наших недругов. Очень жаль, что ваше расследование повлекло за собой смерть двух простых людей. Впрочем, не сомневаюсь: для вас это мелочь, не стоящая внимания.

— Вы считаете, что Джон Болейн не заслуживает справедливости? — спросил я.

— Мы все заслуживаем справедливости. Но за спиной большинства из нас не стоит леди Елизавета, и нам нечего рассчитывать на помилование. — Свесившись с лошади, он наклонился ко мне. — Здесь, в лагере, есть крестьяне из Бриквелла. Некоторые из них видели вас на поле, когда били голубей Вайтерингтона, и приняли за члена Комиссии по огораживанию. Один из этих людей спросил меня, что вы тут делаете и почему не носите мантию. Я объяснил, что капитан Кетт к вам благоволит. Но, мастер Шардлейк, боюсь, вы недооцениваете его прозорливости.

Мы спустились с холма. Входя в Епископские ворота, я заметил висевший на них листок — очередное воззвание протектора Сомерсета. Я надеялся, что в тексте его сообщается о скором прибытии комиссии, однако там говорилось о награде, ожидающей всякого, кто сообщит имена предателей, подстрекающих народ к мятежу. Я невольно

нахмурился. Это воззвание никоим образом не свидетельствовало о том, что протектор сочувствует повстанцам.

Оказавшись на Холм-стрит, между высокими стенами, ограждавшими кафедральный собор, и столь же высокими стенами Большого госпиталя, мы убедились, что нищие по-прежнему сидят на земле рядом с площадками для сбора милостыни. На тротуаре стояла компания молодых людей, отпускавших шуточки и громко хохотавших. В центре я заметил крепко сбитого мужчину постарше, с каштановой бородой. Лицо его было мне знакомо.

— Глядите-ка, Воувелл! — воскликнул Барак.

— Да, — кивнул я. — Надо перемолвиться с ним словечком. Доброе утро, мастер Воувелл! — приветствовал я Майкла, приближаясь.

Перемены, произошедшие в моей наружности за последние несколько дней, были столь разительны, что я полагал, бывший управляющий Рейнольдса меня не узнает. Однако я ошибался.

— Адвокат Шардлейк, вижу, вы снова на свободе! — ответил он.

— Мы живем в лагере повстанцев, — сообщил я.

— И нас отпустили под честное слово, — добавил Николас. — По крайней мере, меня.

— А вы? — обратился я к Воувеллу. — Вы оставили лагерь?

— Конечно нет! — Майкл гордо вскинул голову. — Мне осточертел не только мой прежний хозяин, но и порядки, царящие в нашей стране.

Мне вспомнился вечер, когда я увидел его в трактире «Голубой кабан», разговоры о близящемся восстании. Да, этот человек уже давно носил в сердце своем горечь и обиду.

— Такие упыри, как твой прежний хозяин, выпили немало нашей кровушки! — вступил в разговор тощий юнец с полыхающими яростью глазами. — Землевладельцы притесняют крестьян, а богатые купцы не дают вздохнуть городским беднякам.

— Вы видели дом Сотертонна? — осведомился Воувелл.

— Нет.

— Сотертонны — одна из богатейших семей в Норидже. Дом их находится на Сент-Эндрю-стрит. Стены из кремния, отделанного так, что он выглядит ровным, как кирпич. Просто чудо какое-то. Страшно

подумать, сколько времени и усилий потратили на это несчастные каменщики, вынужденные трудиться за гроши.

Мне вспомнился Эдвард Браун, его руки, покрытые мозолями.

— Вы намерены посетить вашего клиента Джона Болейна? — негромко спросил Воувелл, наклонившись к моему уху.

— Да. И его жену тоже, если она по-прежнему живет в Норидже.

— Что ж, не забывайте, что эта семейка — настоящее гадючье гнездо, — пожал он плечами. — В особенности старый Рейнольдс и его внуки.

— Идем же, Майкл, — окликнул Воувелла один из его молодых приятелей. — Иначе опоздаем на рынок.

Воувелл пристально взглянул на меня, кивнул на прощание и поспешил прочь.

Мы оказались на площади Тумлэнд. Ворота богатых домов были плотно закрыты, ворота собора тоже. Слуги, вечно спешившие по своим делам, куда-то исчезли. Однако бедно одетых людей стало намного больше, и некоторые из них приобрели вид гордый и уверенный. Какой-то человек, проходя мимо особняка с закрытыми ставнями, крикнул во весь голос:

— Берегитесь, богатые купцы! Скоро мы до вас доберемся!

— Теперь понятно, почему отцы города пошли на переговоры с Кеттом, — заметил Барак, запустив руку в бороду. — Боятся, что в противном случае их власти придет конец. — Он взглянул на меня. — Как вы думаете, откуда взялись деньги, которые вчера раздавали в лагере?

— Не сомневаюсь, что значительную часть этих денег изъяли у жителей богатых особняков и поместий.

— Попросту говоря, украли, — поправил меня Николас.

Мне вспомнилась встреча с Саутвеллом, выходявшим из церкви Святого Михаила, однако я счел за благо промолчать.

Прежде всего мы отправились в «Девичью голову». Двери трактира были закрыты, а ставни на окнах опущены. Мы постучали. Слуга, чуть приоткрыв входную дверь, подозрительно уставился на нас. Я попросил позвать мастера Теобальда. Когда тот явился, глаза у него буквально на лоб полезли от изумления при виде наших небритых лиц

и простых грязных рубах. Пришлось объяснить ему, что мы находимся в лагере повстанцев, но получили дозволение посетить город.

Мастер Теобальд пригласил нас в трактир, непривычно тихий и безлюдный.

— Мне очень жаль, что вас довели до подобного состояния, мастер Шардлейк, — вздохнул он, разведя руками. — Но сейчас у вас появилась возможность спастись. Если вы покинете город через западные ворота, констебли вас не остановят. Многие богатые горожане уже дали деру, — сообщил он, понизив голос.

— Я дал клятву, что не убегу, — сказал я, ни словом не упомянув о своем обещании помогать Кетту в судебных делах.

Чем меньше людей осведомлено об этом, тем лучше, полагал я.

— Клятва, данная предателям и разбойникам, ничего не значит, — возразил трактирщик. — Подумать только, эти мужланы без малейшего стыда купаются в реке нагишом! Устроили смуту, и в результате люди не могут спокойно жить. Но ничего, скоро они получат по заслугам! — Он наклонился к моему уху. — Говорят, сегодня на рассвете мастер Леонард Сотертон отправился в Лондон, дабы сообщить протектору о наших бедствиях и попросить помощи.

— Возможно, жизнь войдет в нормальное русло, когда сюда придут члены Комиссии по огораживаниям, — заметил я.

— Нет, беспорядки зашли слишком далеко, — покачал головой мой собеседник. — Сомневаюсь, что эта самая комиссия вообще когда-нибудь придет. — Он испустил тяжкий вздох. — Чуть не забыл, мастер Шардлейк, у меня ведь хранятся ваши мантии. Хотите забрать их с собой?

— Нет, я предпочел бы пока оставить их у вас. Кстати, мастер Теобальд, вы не могли бы отправить несколько моих писем?

— По слухам, мятежники орудуют чуть ли не по всему Норфолку. Они останавливают гонцов, везущих почту, и просматривают письма.

— В моих посланиях не содержится ничего, что может вызвать их недовольство.

— Что ж, тогда я попытаюсь их отправить. Да, у меня ведь для вас кое-что есть. Вот, это пришло два дня назад, но я не знал, где вас искать. — И мастер Теобальд протянул мне письмо.

Увидав, что оно от Пэрри, я незамедлительно прочел его.

Сержант Шардлейк!

Давненько уже я не получал от Вас вестей. Я понимаю, что в стране царит хаос, вызванный этими проклятыми мятежками. Но насколько мне известно, в Восточной Англии пока спокойно. Довожу до Вашего сведения, что леди Елизавета, равно как и я, беспокоится о деле, которое было Вам поручено, и просит Вас прибыть в Хатфилд как можно скорее. Как Вам известно, по настоянию леди Елизаветы в округе было проведено расследование. Нам удалось выяснить, что женщина, по описанию похожая на известную Вам посетительницу, перед тем как отправиться сами понимаете куда, некоторое время жила поблизости от Хатфилда, в доме, принадлежащем одному бедному семейству. Правда, она назвалась чужим именем, что отнюдь не удивительно. Ныне предпринимаются попытки выяснить, где сия особа находилась до этого.

Вне всякого сомнения, письмо было написано раньше, чем волна мятежей докатилась до Восточной Англии, — точнее, прежде, чем об этом узнали в Хатфилде.

— Никаких новостей, — пробурчал я, убирая бумагу в карман. — За исключением того, что Пэрри требует нашего прибытия в Хатфилд.

— И сейчас у нас появился шанс выполнить это требование! — заявил Николас.

— Не в моих привычках нарушать данную клятву, — покачал я головой. — К тому же у меня есть возможность предотвратить беззакония и жестокости во время судов, которые готовит Кетт. Мой долг — сделать это.

— Отлично сказано! — усмехнулся Барак.

Николас закусил губу, но не стал продолжать спор.

— Мастер Теобальд, вы не знаете, где сейчас миссис Болейн и ее управляющий? — обратился я к трактирщику.

— Насколько я помню, они собирались устроиться в одном из трактиров на рыночной площади.

— Благодарю вас. Попытаемся найти их там.

Мы попрощались с мастером Теобальдом, который проводил нас печальным и растерянным взглядом. Привычный ему мир, в котором царили порядок и уют, рухнул.

Шагая по улицам Нориджа, мы выглядывали Саймона Скамблера, но мальчишка словно сквозь землю провалился. Подойдя к рыночной площади, мы увидели на ступенях ратуши мэра Кодда и олдермена Элдрича в окружении констеблей. Вид у Кодда был откровенно испуганный, а у Элдрича — суровый и настороженный. Дверь ратуши отворилась, пропустив седовласого старика, тяжело опиравшегося на палку. К своему удивлению, я узнал Гэвина Рейнольдса. На поясе у него висел меч, а на лице застыло выражение злобного презрения. Он бросил несколько слов остальным. Кодд положил руку ему на плечо, словно бы пытаясь удержать, но Рейнольдс, резко стряхнув руку мэра, спустился по ступенькам и, яростно сверкая глазами, приблизился к толпе, идущей на рынок.

Кто-то, узнав его, громко крикнул:

— Эй, Гэвин Рейнольдс! Скоро твоего зятя Болейна вздернут на виселицу! А капитан Кетт казнит твоих ненаглядных внучат!

Слова эти были встречены оглушительным хохотом. Лицо Рейнольдса побагровело. Несмотря на умоляющие возгласы Кодда и Элдрича, он выхватил из ножен меч:

— Грязные ублюдки! Я еще увижу, как все вы будете болтаться на виселице!

К старику тут же подскочили несколько человек, судя по всему жителей лагеря. Здоровенный парень достал нож:

— Заткнись, старый хрыч! Или я прирежу тебя, как барана!

Рейнольдс, окруженный со всех сторон, на несколько мгновений притих. Кочан гнилой капусты, брошенный неведомо откуда, ударил его в руку, сжимавшую меч. Старик выпустил оружие, и один из повстанцев проворно схватил его. Зрители вновь разразились довольным смехом.

— Олдермен Рейнольдс, приказываю вам немедленно вернуться! — взывал со ступеней ратуши мэр Кодд. — Господи Иисусе, нам не нужны лишние неприятности!

Но Гэвин, придя в себя, разразился градом оскорблений и проклятий. Кольцо вокруг него сомкнулось, один из мятежников ударил старика по лицу, заставив покачнуться. Солдаты, стоявшие на ступенях ратуши, хотели броситься к нему на помощь, но Кодд отчаянно возопил:

— Нет, нам не нужен мятеж! Стоять, ради всего святого! Никому не двигаться с места! Заклинаю вас: прекратите и отпустите его с миром! — взмолился он, обращаясь к повстанцам.

Но было уже слишком поздно. Очередной удар едва не сбил Рейнольдса с ног. Николас, стоявший рядом со мной, вздрогнул, словно очнувшись.

— Спору нет, он негодяй и мерзавец! — прошипел Овертон. — Но при этом он беспомощный старик!

Барак попытался было удержать друга, но Николас вырвался и бросился к людям, окружившим Рейнольдса.

— Прекратите! — заорал он во весь голос. — Неужели у вас нет ни стыда ни совести? Значит, вот по каким законам живут изменник Кетт и его прихвостни!

Он оттолкнул здоровенного детину, собиравшегося нанести Рейнольдсу очередной удар. Тот растерялся было, испуганный ростом и яростью своего противника, однако в следующее мгновение оправился и толкнул Николаса в грудь. Они схватились врукопашную, зрители шумно поддерживали своего товарища. Мэр Кодд в ужасе взирал на происходившее, олдермен Элдрич сделал солдатам знак вмешаться. При виде десятка вооруженных людей толпа подалась назад. Барак бросился к Николасу, схватил его за руку и оттащил прочь; повстанцы точно так же поступили с его противником. Рейнольдс, прихрамывая, побрел к ратуше. Один из солдат попытался было ему помочь, но старик злобно оттолкнул его.

Мэр Кодд, спустившись со ступенек, вскинул руки и воззвал:

— Умоляю вас, расходитесь с миром! Я осуждаю олдермена Рейнольдса и уверяю вас, он ответит за свое недостойное поведение!

Парень, дравшийся с Николасом, метал взглядом молнии, однако товарищи всячески пытались его успокоить.

— Идем отсюда, брат! — твердили они. — Капитан Кетт не хочет, чтобы мы затевали в городе скандалы.

Драчун что-то злобно ворчал себе под нос, но все же позволил, чтобы его увели. На прощание он крикнул, обернувшись к Николасу:

— Капитан Кетт сегодня же узнает, что ты, гнида, обозвал его изменником!

Я повернулся к Нику, готовый разорвать его в клочья. Он тяжело дышал, щеки его залила краска.

— Да ты, видно, спятил, парень! — накинулся я на него. — Богом клянусь, ты совсем лишился рассудка! Надо же, какой выискался защитник обиженных и оскорбленных! Рейнольдс сам затеял свару, и тут вполне хватало солдат и олдерменов, чтобы навести порядок!

— Старика избили бы до смерти, — буркнул Николас. — Я не мог стоять в сторонке и смотреть на это.

— Ну, даже если бы старую крысу и прикончили, беда невелика, — ухмыльнулся Барак. — Без этой продувной бестии воздух в Норидже стал бы чище.

— Я вижу, вы оба позабыли, что такое честь! — дрожащим от ярости голосом процедил Николас; ненависть, которую ему приходилось сдерживать в течение последних дней, наконец вырвалась наружу.

— А ты, похоже, позабыл, что такое разум! — парировал Барак. — И кстати, никакой Кетт не изменник. Он хранит верность королю и лорду-протектору.

Я посмотрел в сторону рыночной площади, запруженной людьми. Вне всякого сомнения, весть о недавней стычке уже передавалась из уст в уста. Многие из тех, кто проходил мимо, бросали на нас злобные взгляды.

— Давайте-ка зайдем в трактир, — распорядился я. — И сделайте милость, не поднимайте больше шума. Николас, можешь не сомневаться: об этом случае непременно доложат капитану Кетту. Так что не удивляйся, если вновь окажешься под замком. Возможно, я составлю тебе компанию, поскольку взял тебя на поруки.

С этими словами я резко повернулся и зашагал в сторону трактира, предоставив своим спутникам следовать за мной.

Глава 46

К моему великому облегчению, мы отыскали Изабеллу и Чаури в трактире под названием «Черный принц». Изабелла была так же красива, как и прежде, хотя и выглядела усталой. И она, и Дэниел заметно похудели и осунулись. Чаури принес стул для своей госпожи и, когда она села, остался стоять за ее спиной. По своему обыкновению, он держался почтительно. Однако взгляд управляющего, неотрывно устремленный на Изабеллу, был исполнен столь откровенного желания, что последние сомнения, которые я питал относительно его чувств к хозяйке, исчезли. Только до крайности глупая женщина могла не заметить этого, а Изабелла отнюдь не была глупа. Однако она по-прежнему держалась с ним отстраненно, как леди со слугой, которого ценит. Но не более того.

— Мастер Овертон, что с вами случилось? — с тревогой спросила миссис Болейн, глядя на Николаса. — Я вижу на вашем лице следы старых синяков.

— Николас умеет отыскивать неприятности на свою голову, — ответил я вместо него. — Но не беспокойтесь: до сей поры он пострадал не слишком сильно.

— Мы с мастером Чаури очень за вас переживали. Терялись в догадках, куда это вы пропали.

— Да уж, теперь, когда повсюду мятежи, можно было ожидать самого худшего, — подхватил Чаури. — Подумать только, эти грязные псы устроили свою псарню совсем близко от города, на Маусхолдском холме.

Я объяснил, что мы были захвачены в плен и ныне находимся в лагере повстанцев, откуда нас ненадолго отпустили под честное слово.

— Нас схватили неподалеку от дома Фловердю, — сообщил я Изабелле. — К счастью, никто не посягнул на ваши деньги, которые мне удалось у него отобрать. Возвращаю их вам в целостности и сохранности.

Я вручил миссис Болейн мешочек с деньгами. Радостный и благодарный взгляд, с которым она приняла его, доставил мне немалое удовольствие.

— Но почему мятежники не отобрали у вас деньги? — удивленно спросил Чаури.

— Пришлось объяснить капитану Кетту, что они спасут от нужды честную и порядочную женщину, — пожал я плечами.

— Благодарю вас от всего сердца, мастер Шардлейк, — произнесла Изабелла, и на щеках ее вспыхнул легкий румянец. — Признаюсь, средства у нас подошли к концу. Того, что осталось, хватает только на еду, которую мы передаем Джону в замок, и на то, чтобы заплатить за комнаты в этом трактире. Честно говоря, мы давно уже не едим досыта. — Она вздохнула и покачала головой. — Поверьте, мне очень жаль, что, помогая мне, вы очутились в плену у этих страшных людей.

— Они не так страшны, как вам кажется, — улыбнулся я. — Вы удивились бы, узнав, какая мирная атмосфера царит в лагере.

— Неужели, сэр? — с сомнением в голосе спросил Чаури, многозначительно посмотрев на синяки Николаса.

— На джентльменов миролюбие этих людей не простирается, — ухмыльнулся Овертон.

— В особенности на тех, кто не умеет держать рот на замке и при всяком случае верещит, как недорезанный поросенок! — сердито вставил я.

— Я вижу, живя в Норфолке, вы усвоили здешнюю любовь к грубым выражениям, мастер Шардлейк! — прищурился, заметил Чаури и тут же потупился, словно вспомнив о своем положении слуги. Вне всякого сомнения, он подозревал, что я питаю к повстанцам симпатию, по крайней мере до определенной степени. — Поверьте, моя благодарность вам поистине безгранична.

«Пожалуй, он говорит слишком гладко», — отметил я про себя.

— Но разве теперь, оказавшись на свободе, вы не можете оставить Норидж и вернуться в Лондон? — спросила Изабелла.

— Нет. Вечером мы должны вернуться в лагерь. Я поклялся, что не убегу. Но у нас еще есть время навестить вашего мужа.

Подчинившись внезапному порыву, Изабелла подалась вперед и сжала мою руку.

— Мы с Джоном никогда не забудем того, что вы для нас сделали, — прошептала она.

Я заметил, что Чаури отвернулся и поджал губы.

«А ведь у этого человека, несомненно влюбленного в Изабеллу по уши, имелся веский повод отправить Джона Болейна на виселицу, — невольно пришло мне в голову. — Правда, Чаури ни разу не видел Эдит Болейн: она оставила Бриквелл за несколько лет до того, как он поступил туда на службу».

— Как себя чувствует Джон? — обратился к Изабелле Николас.

— Еще не совсем поправился, но тем не менее бодр и полон надежд, — ответила она и протянула мешочек с деньгами Чаури. — Пусть это хранится у вас, Дэниел.

— Пока беспорядки в стране не прекратятся, просьба о помиловании вряд ли будет рассмотрена, — заметил я. — У протектора сейчас слишком много иных забот и тревог. А вы не думали о том, чтобы вернуться в Бриквелл? Мне доподлинно известно, что ваших неистовых пасынков там больше нет.

— Я был там три дня назад, — сообщил Чаури. — В доме царит полный разгром.

— Дело рук близнецов. Они сейчас в плену у Кетта.

— Слава богу, — с облегчением вздохнула Изабелла. — Я боялась, что они появятся в Норидже.

— Полагаю, мятежники очистили особняк от всех ценных вещей, — с горечью бросил Чаури.

— Это вполне вероятно, — не стал спорить я. — По дороге из Ваймондхема они брали в зажиточных домах все, что считали нужным.

— Судя по всему, почти весь Норфолк в руках бунтовщиков, — заявил Чаури. — На дорогах стоят дозорные, и по пути в Бриквелл мне пришлось выслушать немало оскорблений. Они совершают набеги на усадьбы и в любой момент могут вернуться в наше поместье. Так что, полагаю, нам с миссис Изабеллой лучше пока оставаться в городе. Тем более теперь у нас есть деньги.

— Пока в Норидже спокойно, возможно, это лучшее решение, — кивнул я.

— К тому же я не хочу оставлять Джона, — добавила Изабелла.

Мы поговорили еще какое-то время. Рассказы о лагере, который представлялся моим собеседникам притоном отъявленных злодеев, вызвали у них немалое удивление.

— Вас послушать, так это не мятежники, а просто ангелы какие-то, — недоверчиво усмехнулся Чаури.

— Нет, на ангелов эти люди похожи мало, — покачал головой Барак. — Впрочем, ангелы обитают исключительно на небесах, а не на нашей грешной земле.

— Вы должны поберечь себя, мастер Николас, — сказала Изабелла, с улыбкой глядя на молодого человека. — Будет очень печально, если вашу прекрасную белую кожу вновь испортят синяки.

«А она большая мастерица по части флирта и умеет завлекать мужчин, — отметил я про себя. — Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь Изабелла несколько лет проработала в таверне и привыкла кокетничать с посетителями».

Стоя на ступеньках трактира, я глубоко вдохнул и произнес, повернувшись к Николасу:

— Как я уже сказал, скорее всего, тебя ждут новые невзгоды, причем весьма серьезные. Если хочешь, воспользуйся советом хозяина «Девичьей головы» и беги из этого города прочь. Надеюсь, тебе удастся вернуться в Лондон.

— Покорнейше вас благодарю, сэр, — отчеканил Николас, пытаюсь испепелить меня взглядом. — Но я дал клятву отказаться от любых попыток к бегству и намерен сдерживать ее. Прошу простить за то, что причинил вам неприятности. Если меня ждет наказание, я готов его принять.

— Что ж, тебе решать, — вздохнул я. — Попытаемся убедить капитана Кетта, что ты сболтнул лишнее сгоряча. — Я посмотрел на замок, возвышавшийся за рыночной площадью. — А сейчас настало время узнать, как поживает мастер Болейн.

Подойдя к замку, мы заметили, что стражников у ворот стало намного меньше. Оставив Барака и Николаса на улице, я сказал, что хочу увидеть Джона Болейна; меня незамедлительно провели в его камеру. Арестант выглядел на удивление бодрым, багровые рубцы на шее побледнели. Он снова мог говорить, хотя и осипшим голосом. Впрочем, Болейн заметно похудел и в глазах его по-прежнему поблескивал притаившийся ужас. Зато нынешняя камера по сравнению с предыдущей была более просторной и удобной: на кровати имелись подушки, а у стены стоял письменный стол. Болейн рассыпался в благодарностях, узнав, что мне удалось вернуть Изабелле деньги,

незаконно присвоенные Фловердью. Разговор наш вертелся вокруг просьбы о помиловании. Насколько я понял, Джон убедил себя, что благоприятный ответ — исключительно дело времени. Мне оставалось лишь надеяться, что он прав.

Выяснилось, что теперь ему разрешают прогуливаться по крыше замка. В сопровождении стражника мы преодолели бесконечный лестничный пролет, ведущий туда. Когда мы наконец оказались на крыше, спина моя отчаянно ныла. Стражник остановился у входа, а мы принялись расхаживать по длинной плоской крыше от одной зубчатой стены к другой. Иногда мы останавливались, чтобы бросить взгляд на многолюдную рыночную площадь и шпили нориджских церквей. Отсюда, с высоты, люди казались крошечными черными точками. Голова моя миглом начинала кружиться, и я отходил от края подальше.

Из рассказов стражников Болейн знал, что вся страна охвачена крестьянскими волнениями и повстанцы устроили лагерь на Маусхолдском холме. Подобно Изабелле и Чаури, он был потрясен, услышав, что я стал одним из обитателей этого лагеря. Еще большее изумление вызвал у него мой рассказ о том, что там царят отнюдь не разгул и пьянство, но порядок и дисциплина. Я сообщил, что Кетт с нетерпением ждет прибытия Комиссии по незаконным огораживаниям, рассчитывая содействовать ее членам в проведении радикальных реформ. Узнав, что его сыновья и Вайтерингтон находятся в плену у мятежников, Болейн горько рассмеялся.

— Лучшего наказания для этих трех мерзавцев и не придумаешь! Возможно, мои слова покажутся вам жестокими, мастер Шардлейк, — добавил он со вздохом. — Но отныне я умываю руки во всем, что касается моих сыновей. После того, как они явились поглазеть на казнь родного отца и вопили от радости, когда на шею мне накинута петлю...

— Я и не думал обвинять вас в жестокости.

— Так, значит, пастбища, устроенные в последние годы, повсеместно уничтожаются, — продолжал Болейн. — А с овцами как поступают?

— Прежде закалывали на месте и отвозили в лагерь — в пищу повстанцам. Теперь пригоняют их на Маусхолдский холм живыми и держат в загоне. Так или иначе, все овцы скоро отправятся в котел. В лагере сейчас собралось шесть, а то и семь тысяч человек, так что мяса нужно много.

— Пастбища у меня небольшие, но, вне всякого сомнения, они тоже будут уничтожены, — задумчиво произнес Джон. — Но ведь это же несправедливо! У нас есть настоящие овечьи короли, такие, например, как Пастоны или Ричард Саутвелл. Мои жалкие стада не идут с их стадами ни в какое сравнение.

«Тем не менее арендаторы, лишившиеся своих наделов из-за ваших „небольших пастбищ“, скорее всего, пошли по миру», — подумал я, однако благоразумно решил не произносить эту фразу вслух.

— Насколько я понял из ваших рассказов, мятежники валят деревья в Торпском лесу, так как им нужны дрова и доски, — заметил Болейн. — Эта земля принадлежит Пастону. Возможно, все эти беспорядки заставят его забыть о моем долге, тем более что сумма не так уж и велика. — Джон помолчал, на лице его застыло сосредоточенное выражение. — Мои сыновья водят дружбу с головорезами, которые служат у Саутвелла, — продолжал он. — Этот человек очень опасен. Когда Вайтерингтон и его приспешники хотели захватить мои земли, сыновья, чтобы дать им отпор, позвали своих приятелей. Впоследствии я горько пожалел об этом. Так или иначе, я буду рад, если Саутвелл получит по заслугам. — Повернувшись, мой собеседник устремил взгляд в сторону города; здесь, на высоте, ощущался легкий приятный ветерок. — Хотел бы я знать, что сейчас происходит в Норидже, — вздохнул Болейн. — Надеюсь, Изабелле ничто не угрожает. — Он взглянул мне прямо в глаза. — Разумеется, вы понимаете, что протектор, равно как и Королевский совет, который его назначил, никогда не позволит простолюдинам участвовать в управлении страной. Ничего такого не было испокон веков, подобного не будет впредь, ибо сие вообще в принципе невозможно. В самом скором времени всех этих мятежников разгонят, а главарей восстания вздернут на виселицу.

— Разогнать их будет не так-то просто, — покачал я головой. — Люди Кетта успели хорошо вооружиться, среди них немало опытных военных. Полагаю, точно так же обстоят дела и в других лагерях. Возможно, под давлением повстанцев протектор будет вынужден осуществить реформы. К тому же Кетт всячески подчеркивает свою верность королю.

— Да вы, похоже, им сочувствуете? — в изумлении уставился на меня Болейн.

Ответом ему было мое молчание.

— Господи Иисусе, мастер Шардлейк, я обязан вам жизнью! Вы столько сделали для меня и моей жены, что я ваш должник на веки вечные! Заклинаю: будьте осторожны, иначе вас засосет опасное болото и вы погибнете. — Он сокрушенно покачал головой и внезапно сменил тему: — А где сейчас Ричард Саутвелл? Его мятежники тоже держат в плену?

— Нет, — кратко ответил я, решив не рассказывать о встрече с Саутвеллом у церкви Святого Михаила.

— Я думал, его должны захватить одним из первых, — нахмурился Болейн.

— А вы с ним знакомы? — осведомился я.

— Нет.

Решив, в свою очередь, направить разговор в иное русло, я заявил:

— За Изабеллу можете быть спокойны. Она в безопасности, и рядом с ней Чаури. Правда, я заметил...

Взгляд Болейна внезапно стал пронзительным и острым.

— Что вы заметили?

— Мне показалось, Чаури... э-э-э... питает к вашей жене чувства... особого рода. Вне всякого сомнения, он не переступает границ дозволенного... Но я решил, что вам лучше знать об этом.

К немалому моему удивлению, Болейн расхохотался так громко, что смех вызвал у него приступ кашля. Отдышавшись, он произнес с горечью:

— Неужели вы думали, будто я не знаю этого, мастер Шардлейк? Когда человек берет в жены женщину значительно моложе себя, да к тому же еще и красавицу, он должен смириться с тем, что она возбуждает желание у других мужчин. Чаури верный слуга, но не сомневаюсь: будь у него возможность, он увел бы у меня Изабеллу. Однако подобной возможности у него нет, ибо мы с Изабеллой, как ни трудно в это поверить, влюблены друг в друга так же сильно, как и в день нашей первой встречи. — Болейн сдвинул брови. — Конечно, видеть, как другие мужчины глазают на мою супругу с вожделением, не слишком приятно. Но по сравнению с тем адом, каким был мой брак с Эдит, это сущий пустяк. Да, Эдит ухитряется мучить меня даже после своей смерти, — вздохнул Джон и провел пальцами по рубцам на шее.

«Любопытно, питал ли он когда-нибудь хоть каплю жалости к Эдит, принявшей столь мучительную и позорную смерть?» — пронеслось у меня в голове.

Однако, встретив колючий взгляд Болейна, я спросил его совсем о другом:

— Скажите, у вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, где Эдит провела все эти годы до возвращения в Норфолк?

— Нет, — раздраженно махнул рукой Болейн. — Я не имею об этом даже отдаленного представления. И в жизни, и в смерти Эдит была и остается для меня загадкой.

Наступил полдень; мы с Николасом и Баракком зашли в трактир в дальнем конце Конисфорд-стрит, чтобы перекусить. Спина моя, которой пребывание в лагере принесло ощутимую пользу, после нескольких часов ходьбы по городским улицам разболелась опять, так что я с облегчением опустился на скамью. После обеда Барак, заметивший, как сильно я устал, предложил вернуться в лагерь. Однако по моему настоянию мы отправились к Джозефине и Эдварду, которые жили поблизости. Затем я рассчитывал заглянуть к тетке Скамблера. Мысли об этом несчастном парнишке, лишенном крова и средств к существованию, не давали мне покоя.

Выйдя из трактира, мы двинулись в сторону убогого двора, где находилась лачуга супругов Браун. Оборванные и обросшие, на сей раз мы не привлекли к себе внимания соседей. Я постучал в дверь Джозефины. Она открыла нам с Мышкой на руках. Малышка порозовела и окрепла, — как видно, теперь, когда Джозефина стала лучше питаться, у нее прибавилось молока. Увидев нас, малютка расплылась в улыбке и протянула к нам ручонки. Мать ее, напротив, выглядела утомленной и встревоженной.

— Мастер Шардлейк, я думала, вы давно уехали... — изумленно пробормотала она. — И почему вы в таком виде?

— Потому что мы живем в лагере, среди повстанцев, — пояснил Барак. — Так вышло, что мы попали в руки капитана Кетта. Нас под честное слово отпустили на несколько часов в Норидж. Вот мы и наносим визиты.

Джозефина пригласила нас в комнату. Мышку она опустила в колыбель, но девчушка, поймав мой палец, пыталась сунуть его себе в

ротик.

— Не надо, солнышко, палец у меня совсем невкусный и к тому же грязный, — ласково сказал я.

Джозефина окинула нас встревоженным взглядом:

— Как они с вами обращаются? Эдвард говорит, джентльменам крепко от них достается. Конечно, некоторые этого заслуживают, но... Мастер Николас, что у вас с лицом?

— Красивое лицо Ника пострадало из-за его чересчур длинного языка, — усмехнулся Барак. — Что же касается нас с мастером Шардлейком, то сама видишь: мы целы и невредимы.

— Капитан Кетт собирается устраивать суды над джентльменами и просит меня стать его советником, — сообщил я. — Он обещает, что никто из подсудимых не будет приговорен к смертной казни. Я дал согласие следить за тем, чтобы все совершалось согласно нормам правосудия — насколько это возможно в столь необычных обстоятельствах. Но прошу тебя, Джозефина, никому об этом не рассказывай. Если о моем сотрудничестве с мятежниками узнают в Лондоне, да и не только в Лондоне... — Я осекся при мысли о Пэрри и леди Елизавете.

Джозефина понимающе кивнула.

— А где Эдвард? — спросил я.

— Пошел в лагерь, — ответила она после недолгого колебания. — Сегодня муж отправился туда с утра пораньше. Там должна была состояться встреча капитана Кетта, бывшего офицера Майлса и других опытных военных с теми, кто возглавляет городских бедняков.

Я вспомнил, что нынешним утром старый солдат Гектор Джонсон тоже спешил на какую-то встречу.

Джозефина заговорила вновь, и беспокойство, звеневшее в ее голосе, смешивалось с гордостью.

— Эдвард помогает объединиться простым людям, живущим в южной части Нориджа. На тот случай, если городские власти вновь закроют ворота для повстанцев. — Помолчав, она прошептала едва слышно: — Если это произойдет, капитан Кетт захватит город. Эдвард говорит, он сделает это с легкостью.

— Да, в лагере собрались большие силы, — кивнул Барак. — И теперь, когда мы обосновались на Маусхолдском холме, нам не составит труда переправиться через Уэнсум.

— Я знаю, что вам можно доверять, и поэтому буду говорить без утайки, — продолжала Джозефина. — Конечно, я поддерживаю своего мужа и капитана Кетта, но, боюсь, вдруг в городе начнется резня... На память приходят такие кошмары, воспоминания детства...

Я опустил руку ей на плечо. Джозефина родилась во Франции. Во время войны, которую вел старый король, деревню, где она жила, английские солдаты сожгли дотла, а Джозефину, тогда совсем еще маленькую девочку, захватили в плен. Она оказалась на попечении грубого и жестокого человека, который называл себя ее отцом, но обращался с бедняжкой как с рабыней.

— Капитан Кетт хочет решить все наболевшие вопросы без кровопролития, — заметил я, надеясь успокоить свою бывшую служанку. — Когда пресловутая Комиссия по огораживаниям наконец прибудет и члены ее увидят, какую грозную силу представляют собой повстанцы, это вынудит их провести необходимые реформы. Надеюсь, после этого жизнь войдет в нормальную колею.

— Старый король объявил бы всех повстанцев изменниками и мигом вздернул на виселицу, — покачала головой Джозефина.

— Старый король умер, — возразил Барак. — Сейчас страной правит протектор Сомерсет, а это совсем иное дело.

— Будем надеяться, что все закончится мирно, — произнес я. — Как это ни печально, Николас постоянно ищет неприятностей на свою голову. Сегодня он не придумал ничего лучше, как во всеуслышание обзвать Кетта изменником. Боюсь, если об этом узнают в лагере — а скорее всего, так оно и будет, — нашего молодого приятеля снова посадят под замок. — Я устремил взгляд на Джозефину. — Может, Эдвард замолвит за него словечко? Скажет, что хорошо знает Николаса и, хотя тот относится к презренной породе джентльменов, он никогда и никому не причинил вреда. Подтвердит, что сердце у Овертона доброе, хотя сгоряча он и может сболтнуть невесть что.

Джозефина с сочувствием посмотрела на Николаса:

— Я всегда считала, что вы добрый человек, хотя и...

— ...гону у вас хватает! — закончил за нее Барак.

— Вовсе нет! — вспыхнула Джозефина. — Я хотела сказать совсем другое. Не знаю, вернется ли Эдвард сегодня вечером. Но я непременно поговорю с мужем.

— Спасибо, Джозефина, — кивнул Николас. — Они правы, я должен учиться держать язык на привязи.

Меж тем Мышка, тихонько попискивая, вновь завладела моим пальцем. Джозефина взяла ребенка на руки.

— Вы ей понравились, — улыбнулась она. — Слышите, как забавно она пищит? Не зря мы зовем ее Мышка. — Она поцеловала дочь в щечку. — Радость моя, когда у мастера Шардлейка будут чистые руки, он с удовольствием с тобой поиграет. — В следующее мгновение лицо ее вновь стало серьезным. — Вы же понимаете, я боюсь не за себя, а за нее. Я слишком хорошо знаю, каково приходится детям, когда вокруг идет война.

Последний в тот день визит мы нанесли тетке Скамблера, живущей на Бет-стрит. Я буквально валился с ног от усталости, а спина моя раскалывалась от боли. К тому же наступило самое жаркое время дня, и солнце палило нещадно. А нам предстоял длинный путь: назад к площади Тумлэнд, потом к Епископским воротам, а оттуда — на вершину холма, в лагерь.

По дороге Барак заметил:

— Как я и думал, Эдвард оказался в самой гуще событий.

— Да, я тоже в этом не сомневался.

Николас покачал головой и натужно рассмеялся:

— Вот до чего дошло! Джентльмен нуждается в том, чтобы за него замолвил словечко каменщик! Впрочем, Эдвард и Джозефина всегда были мне по душе, и я не вижу ничего зазорного в том, что Браун за меня заступится.

— Вот и молодец! — хором ответили мы с Баракком.

Наконец мы добрались до бедного домишки, где прежде жил Скамблер. Я постучал в дверь, из-за которой донеслось знакомое шарканье и ворчание.

— Смотрите-ка, кто явился! — воскликнула тетка Скамблера, приоткрыв дверь. — Видно, вам пришлось несладко! — заявила она и разразилась скрипучим смехом.

— Мы живем в лагере на холме, — сообщил я. — Нас отпустили на несколько часов, и мы пришли узнать, известно ли вам что-нибудь о Саймоне?

— Нет, мастер законник, этот безбожник словно сквозь землю провалился, — процедила Хильда, поджав губы. — Мне, впрочем, наплевать, где племянник и что с ним. Я точно знаю, что его ожидает адское пламя — как и всякого, кто не заботится о спасении своей души. Сейчас, когда мятежники обосновались у самого города, мне недосуг переживать о Грязнуле. Некоторые говорят, что среди мятежников есть добрые протестанты, да вот только я в это не верю. В Библии говорится, что всякий, кто пытается нарушить порядок, установленный Богом, совершает великий грех. Передайте это своему Роберту Кетту. — И она захлопнула дверь прямо у нас перед носом.

Глава 47

Возращение в лагерь показалось мне долгим и мучительным. Проходя по Епископскому мосту, мы заметили в реке множество купающихся, которые пытались найти спасение от жары.

— Пожалуй, я тоже окунусь, — заявил Барак, задирая рукав рубашки и отстегивая железную руку. — А то я уже несколько недель толком не мылся. Ник, приятель, может, составишь мне компанию? — Он взглянул на меня. — А вы не хотите искупаться?

— Кто-то должен сторожить вашу одежду, — покачал я головой.

Возможность окунуться в прохладную воду, бесспорно, казалась привлекательной, но я не был готов выставлять на всеобщее обозрение свою горбатую спину. Николас и Барак, раздевшись, принялись осторожно входить в мутную воду. Рядом со смуглым, обросшим жирком Барак, который без всякого смущения демонстрировал свою культяпку, Николас казался особенно худым и белокожим. После грозы, разразившейся несколько недель назад, в Норфолке не было ни капли дождя. Прогнозам относительно скудного урожая, вне всякого сомнения, предстояло сбыться. Опустившись на землю, я стал растирать руку, в которую меня недавно укусила оса. На Маусхолдском холме этих противных тварей водилось великое множество. Несколько раз я видел в траве также и гадюк.

Чья-то тень упала на землю рядом со мной. Нетти, выскочив из воды, подошел ко мне, на ходу вытирая рубашкой сильное мускулистое тело. Ничуть не смущаясь своей наготы, он спросил:

— А вы не хотите окунуться, мастер Шардлейк?

— Не сегодня.

— Помните, я говорил вам про одного парня из Сандлингса?

— Конечно помню.

— Так вот, я с ним поговорил. Он может рассказать вам кое-что важное. Я попросил его сегодня заглянуть в нашу хибарку. Он, вообще-то, малость испугался, но пообещал, что придет. По его словам, дело там вышло скверное.

— Спасибо, Нетти. Я очень признателен тебе за хлопоты.

Юноша, растирая свои мощные плечи, впери в меня пристальный взгляд:

— Вам и правда не наплевать, кто убил простого подмастерья?

— Правда. К тому же тот, кто его прикончил, скорее всего, лишил жизни еще двух человек — хозяина Уолтера и одну беззащитную женщину.

— Вот будет здорово, когда вы найдете злодея.

Нетти натянул штаны и рубашку и двинулся по дороге вверх. Удивительно, но доверие, которым проникся ко мне этот парнишка, тронуло меня до глубины души.

Ночью в нашей хижине стояла такая духота, что мне никак не удавалось заснуть. Поднявшись на рассвете, я увидел, что небо сегодня затянуто молочно-белыми облаками. Было еще жарче, чем обычно, воздух казался влажным и липким. По обыкновению, мы позавтракали в обществе жителей Свордстоуна, компанией человек в пятнадцать. Потом мужчины направились послушать проповедь преподобного Коннерса. Сразу после этого им предстояло приниматься за работу — валить деревья в лесу, рыть выгребные ямы, строить новые хижины. Прошлым вечером гонец доставил мне сумку, снятую с седла моей лошади. Сейчас, открыв ее, я извлек одну из своих мантий. Разумеется, у людей, сидевших у костра, это вызвало приступ хохота и целый шквал шуток.

— Ну, раз он надел мантию крючкотвора, нам надо беречь свои кошельки, ребята! — выкрикнул кто-то.

Впрочем, все насмешки были скорее добродушными, чем язвительными; никто не позволял себе острить по поводу моего горба. За те дни, что я провел среди повстанцев, мои соседи успели убедиться, что я человек безвредный.

— Сегодня я должен идти к Дубу реформации, помогать капитану Кетту вершить праведный суд, — сообщил я с улыбкой.

— Да мы уж слышали, — раздалось в ответ.

«Любая новость распространяется по лагерю с удивительной скоростью», — отметил я про себя.

— Кто-нибудь из вас собирается прийти на суд? — спросил я.

Тетушка Эверник указала на крепко сбитого мужчину средних лет:

— Да, кое-кто из наших пойдет. Вот мастер Диксон, он завтра будет говорить за всю нашу деревню. Нашего землевладельца притащили в лагерь силой.

— Теперь мерзавцу достанется по заслугам, — заявил кто-то, и остальные одобрительно закивали.

— Мне поручено следить, чтобы все совершалось по закону, — пояснил я и обратился к Нетти: — Ты пойдешь со мной?

— Зачем? Никого из тех джентлемов, которых вы будете судить, я не знаю, — покачал головой парнишка. — Я лучше поучусь стрелять из лука. Мастер Джонсон обещал показать мне, как это делается.

— Да, этим мы сегодня и займемся, — подтвердил старый солдат.

Я повернулся к Бараку и Овертону и негромко сказал:

— Джек, ты отправишься со мной, а Николасу будет лучше остаться здесь.

Николас кивнул, не глядя в мою сторону. Наверное, ему было стыдно за свою вчерашнюю вспышку. Мы с Бараксом поднялись, чтобы идти.

— Смотрите хорошенько накажите там этих негодяев! — крикнул кто-то нам вслед.

Мы направились в сторону церкви Святого Михаила. По пути я поднял листок, валявшийся на земле. Это был памфлет, озаглавленный: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?»

У дверей церкви стояли стражники в латах, вооруженные арбалетами. Нас они пропустили, ни о чем не спрашивая.

— Да ниспошлет вам Господь доброго утра, капитан Кетт, — сказал я, входя.

Кетт, судя по всему, пребывал сегодня в нелучшем расположении духа, мохнатые его брови были угрюмо сдвинуты.

— Доброе утро, — бросил он. — Хотя, конечно, слишком добрым его не назовешь. Наша попытка захватить Ярмут провалилась, горожане дали моим людям отпор. Но ничего, мы повторим атаку и на сей раз бросим туда свои лучшие силы, — заявил он, сверкнув глазами. — Упражняться в военном искусстве — вот что нам сейчас требуется. Капитан Майлс того же мнения.

— А как обстоит дело с приказами об изъятии продуктов и оружия? Вы выпустили их в достаточном количестве?

— Пока нет. — Роберт махнул рукой в сторону столов. — Но писцы работают без усталости. Сейчас у меня другая забота — надо решить, как лучше сформулировать наши жалобы и требования, о

которых мы намерены сообщить лорду-протектору. Тянуть с этим нельзя, лагеря в Тетфорде и Ипсвиче уже направили ему свои петиции. — Кетт нахмурился еще сильнее, буравя меня взглядом своих больших карих глаз. — Итак, сегодня у нас первый суд. Вы — единственный опытный законник, готовый оказать мне помощь. Правда, есть еще молодой Овертон. Но мне сообщили, что вчера на рыночной площади он громогласно назвал меня изменником.

— Так и знал, что вам не замедлят об этом доложить, капитан, — вздохнул я.

— Иначе и быть не могло, — сердито возвысил голос Роберт. — Мне необходимо знать, что происходит. Разумеется, у меня есть осведомители. Неужели вы думаете, что городские власти и землевладельцы не заслали в наш лагерь своих шпионов?

— Но Николас... он всего лишь погорячился. Увидел, как здоровенные парни избивают старика, вот и вспылал.

— Насколько мне известно, этим несчастным стариком был Гэвин Рейнольдс, один из самых алчных и корыстных людей в Норидже, наш заклятый враг, — отчеканил Кетт.

— Поверьте, Николас сожалеет о случившемся.

— Он посмел назвать меня изменником! — (Капитан воскликнул это с таким гневом, что я невольно вздрогнул.) — Но мы не изменники! — Мой собеседник с размаху грохнул кулаком по столу, заставив всех писцов разом поднять голову. — Мы верны королю, и наша главная цель — помочь протектору осуществить реформы, которые он замыслил.

— Прошу вас, капитан Кетт, не заключайте Николаса под стражу, — смиренно произнес я. — Вся его вина состоит в том, что он несдержан на язык. Спору нет, Овертон слишком высоко ценит свой статус джентльмена, главным образом потому, что это единственное его богатство. Ни земли, ни денег у него нет. Отец лишил парня наследства, и он гол как сокол.

— Позволь себе такую выходку кто-нибудь другой, он неминуемо оказался бы в Нориджском замке. Именно туда мы переправим некоторых пленников, — понизив голос, процедил Кетт. — Но, помимо вас, за Овертона замолвил словечко один из моих сподвижников, человек, которому я всецело доверяю. Его зовут Эдвард Браун.

— Да, жена Эдварда сообщила нам, что он в лагере.

— Браун говорит про Овертона примерно то же самое, что и вы. Сказал, парень был очень добр к нему и его жене.

— Это чистая правда.

Кетт, по-прежнему сверля меня глазами, тяжело перевел дух:

— Что ж, так и быть, пусть ваш Овертон пока останется на свободе, но не высовывает носа из своей хижины. Еще раз позволит себе, как вы выражаетесь, погорячиться — и снова окажется под арестом. Если я буду к нему слишком снисходителен, мои люди сочтут, что я потакаю джентльменам, в услугах которых нуждаюсь. Вы поняли меня, мастер Шардлейк?

— Разумеется, капитан Кетт. Я вам чрезвычайно признателен.

Он что-то проворчал себе под нос, повернулся к столу и протянул мне листок с перечнем имен:

— Это те, кого мы будем судить сегодня. Скоро дойдет черед и до всех прочих.

Я пробежал список глазами. В нем содержалось четырнадцать имен, из них только три мне известны: Леонард Вайтерингтон, Джеральд и Барнабас Болейны.

— Несомненно, многие из тех, кто придет на суд, вдоволь натерпелись от обвиняемых, — вполголоса заметил Кетт. — Они будут требовать для них самого жестокого наказания. Я уже разъяснил людям, что все их претензии будут должным образом записаны и переданы членам комиссии. А сегодня нам предстоит решить, отпустить подсудимого на свободу или же оставить в заточении. Я надеюсь, вы поможете нам принять справедливое и законное решение.

— Вы намерены предоставить слово обвиняемым?

— Разумеется. Как и любому, кто пожелает выступить.

— А кто будет выносить приговор?

— Все собравшиеся.

— Насколько я понимаю, никаких присяжных не предусмотрено?

— А зачем они нам? — пожал плечами Кетт. — Для того чтобы удовлетворить гнев, живущий в сердцах людей, мы должны вынести приговор все вместе. Причем сделать это не откладывая. Уж конечно, мастер Шардлейк, вы присутствовали на множестве судебных заседаний, да и мне тоже довелось на них побывать. Несколько минут — и человека, укравшего поросенка, отправляют на виселицу. Мы обойдемся без смертных казней, хотя, возможно, и приговорим кого-

нибудь к порке. Ваше дело — следить, чтобы обвиняемые понесли наказание за злодеяния, которые они действительно совершили. Мы никому не позволим просто сводить с ними счеты.

— Я понял, капитан Кетт. Могу я спросить, какая участь ожидает подсудимых, приговоренных к заключению?

— Мы передадим их членам комиссии или же представителям лорда-протектора. После того, как наши требования будут выполнены. А сейчас идемте. Народ уже собирается у Дуба реформации.

Пройдя около четверти мили, мы оказались в самом центре лагеря. Завидев Кетта, повстанцы срывали шапки и разражались приветственными возгласами. Он в ответ тоже снимал головной убор. На небольшой равнине было устроено стрельбище для лучников; несколько десятков молодых парней, здоровых и крепких, упражнялись здесь в стрельбе под руководством опытных солдат. Среди них я заметил Нетти.

Подойдя к старому развесистому дубу, одиноко возвышавшемуся среди множества пней, мы увидели, что вокруг уже собралась огромная толпа. Пришли даже несколько женщин, стоявших рядом со своими мужьями.

Дуб, которому явно было несколько сот лет, представлял собой поистине исключительный экземпляр. Никогда прежде мне не доводилось встречать такое огромное дерево — высота его составляла не меньше шестидесяти футов. Напротив дуба был возведен деревянный помост, достаточно высокий для того, чтобы даже те, кто стоял в задних рядах, могли видеть все происходящее. Деревянный навес защищал помост от палящего солнца. Сработано все было на славу, надежно и аккуратно. Навес украшали изображение английского герба, а также буквы «ER», символизирующие верность обитателей лагеря королю Эдуарду. В первом ряду я увидел Тоби Локвуда. Он скрестил руки на груди, а на лице его застыло обычное угрюмое выражение.

В одном углу помоста стояла кучка понурых людей, одетых в грязные рубашки или же лохмотья некогда роскошных дублетов. Ноги их были скованы цепями. Подсудимых охраняли несколько солдат в латах, среди которых я заметил Джона Майлса, в шлеме с перьями, свидетельствующем о статусе командира. Взгляд его пронзительных

глаз был устремлен в толпу. Я догадался, что ему поручено не только охранять арестантов, но и пресекать возможные беспорядки. В человеке, стоявшем рядом с ним, я, к своему немалому удивлению, узнал Майкла Воувелла. В руках у него была дощечка с прикрепленными к ней листами бумаги. Судя по всему, благодаря своей грамотности бывший управляющий занял среди повстанцев видное место.

Я окинул взглядом подсудимых. На лицах некоторых из них темнели синяки и кровоподтеки. Почти все выглядели обезумевшими от испуга. Леонард Вайтерингтон был в той же самой рубашке, в которой его привезли из Бриквелла, и в потрепанных грязных штанах. Лицо помещика застыло от ужаса, нижняя челюсть отвисла. Глаза мои встретились с голубыми глазами братьев Болейн, хранившими ледяное выражение. Одежда их тоже находилась в самом плачевном состоянии, а лица были усыпаны синяками и ссадинами так густо, что шрам Барнабаса не представлялось возможным разглядеть. Подбородки и щеки обоих покрывала кустистая юношеская щетина. В отличие от всех прочих, близнецы, казалось, не испытывали ни малейшего страха. Один из повстанцев принес с собой веревку с петлей на конце и издевательски демонстрировал ее арестантам, подняв на самодельную пику. Майлс, увидев это, сердито сдвинул брови и сделал шутнику знак прекратить. Приглядевшись к толпе, я заметил, что многие зрители прихватили с собой самодельное оружие.

В центре помоста стоял огромный стол. Глаза у меня буквально полезли на лоб от изумления, когда я увидел, что за ним восседают мэр Кодд и престарелый олдермен Элдрич. Вид у обоих был растерянный и встревоженный. Рядом с ними сидел Уильям Кетт, на губах его играла угрюмая улыбка. Завидев брата, он поднялся и помахал рукой.

«Что ж, посмотрим, чем все это обернется», — подумал я.

Роберт Кетт поднялся на помост. Он сделал нам с Бараком знак занять места за столом, а потом приблизился к краю и обратился к толпе. Как и всегда, речь его удивила меня своей силой и выразительностью.

— Друзья, мы собрались здесь, дабы вершить суд над людьми, которых вы видите перед собой. Все они — богатые землевладельцы. Те из них, кто притеснял своих арендаторов и прочих бедняков, будут

подвергнуты справедливому наказанию. Тех же, кто не совершил никаких злых деяний, отпустят с миром. Суд, который состоится сегодня, будет совершен согласно законам, принятым в нашей стране. За этим станет следить адвокат Шардлейк, присутствующий здесь. Хотя он и джентльмен, у меня нет никаких оснований усомниться в его честности и порядочности. Его помощник Джек Барак будет вести записи, которые мы впоследствии передадим представителям короля. Повторяю: тех подсудимых, кого мы сочтем невиновными, отпустят на свободу. Тем же, чья вина будет доказана, предстоит тюремное заключение. Мы специально пригласили отцов города, дабы они убедились, что мы стремимся к торжеству справедливости. — Помолчав несколько мгновений, Кетт продолжил: — Как это ни прискорбно, среди наших людей есть такие, кто, забрав в богатых домах деньги и ценные вещи, столь необходимые для общего дела, оставил их у себя вместо того, чтобы передать командиру своей сотни. Завтра мы разберемся с нарушителями, ибо закон в нашем лагере един для всех.

Улыбки, сиявшие на лицах некоторых повстанцев, моментально погасли.

«Спору нет, Кетт поступил чрезвычайно умно, напомнив этим людям, что каждый из них может предстать перед судом», — подумал я.

Роберт опустил на стул рядом со мной и ударил по столу кулаком:

— Итак, вызывается первый обвиняемый, сэр Уильям Джермстоун.

Солдат подвел к помосту человека средних лет, невысокого и упитанного. На ногах арестанта позвякивали цепи; одежда, как и у его товарищей по несчастью, состояла из рубашки и штанов, грязных и оборванных. Тем не менее во взгляде, который он устремил на нас, светился вызов.

— Кто обвиняет этого человека? — спросил Кетт.

— Я! — К помосту приблизился мужчина лет тридцати. — Мое имя Ричард Шерман, я фермер из Пуллана. Обвиняю сэра Уильяма в том, что он переложил на плечи арендаторов феодальные подати, выплачивать которые его обязал король. Также обвиняю его в том, что он незаконно захватил общинные земли и огородил их под пастбища.

Еще несколько человек, арендаторов сэра Уильяма, выступили вперед, дабы подтвердить обвинение. Согласно их утверждениям, этот

человек постоянно нарушал закон. Кетт спросил у Джермстоуна, что он может сказать в свое оправдание. В ответ тот громко заявил, что не намерен считать судом жалкое сборище мужланов и проходимцев.

Как и следовало ожидать, эти слова привели толпу в ярость. Раздались крики:

— Смерть старой жабе! Вздернуть его на дуб!

Уильям Кетт поднялся и подошел к краю помоста.

— Заткните глотки! — рявкнул он. — Мой брат ясно сказал вам: мы не собираемся никого вешать. Лорд-протектор сам отправит на виселицу тех, кто это заслужил. Хорошо же вы показали себя перед мэром Коддом!

— Мэра тоже на виселицу! — раздалось в ответ.

— А может, прежде стоит отправить под стражу тебя, горлопан? — взревел Роберт Кетт, указывая на кричавшего; голос его был подобен громовому раскату. — Слушайте, вы все! Вы выбрали меня своим командиром, и я обещал вам, что буду служить справедливости и не допущу жестокости и кровопролития!

Крикун, похоже, смутился, толпа притихла.

— Сэр Уильям Джермстоун приговаривается к тюремному заключению! О злодеяниях, которые он совершил, будет сообщено властям! — изрек Кетт.

Стражник увел подсудимого прочь.

— Второй обвиняемый! — провозгласил капитан. — Роберт Легран из Восточного Флегга.

Я был поражен тем, что Кетт не позволил гневу толпы излиться на Джермстоуна, открыто оскорбившего суд. Со вторым обвиняемым разобрались так же быстро, как и с первым. Правда, когда один из повстанцев заявил, что Легран оклеветал его покойного отца, мне пришлось прошептать на ухо Кетту, что обвинения в клевете против мертвых судом не рассматриваются. Он тут же провозгласил это вслух.

Легран избрал иную линию поведения и смиренным голосом признал обвинения справедливыми. Тем не менее в ответ вновь раздались призывы вздернуть его на виселицу. Арестант стоял, потупив голову и дрожа всем телом. Кетт, позволив толпе немного выпустить пар, заявил, что Легран приговаривается к тюремному заключению. Я заметил, что громче всех орали самые молодые и бедно одетые парни.

Солидные фермеры и ремесленники, имевшие хоть какую-то собственность, вели себя более спокойно.

«Если тем, кому нечего терять, дать полную волю, они прольют реки крови», — с содроганием подумал я.

Впрочем, можно было не сомневаться: капитан Кетт сделает все, чтобы не допустить этого.

К счастью, третий обвиняемый оказался добропорядочным землевладельцем, которого арендаторы попросили отпустить. Кетт заявил, что он может идти с миром. В первую минуту помещик, казалось, просто ушам своим не поверил. Когда с него сняли цепи, он стремглав бросился прочь, в сторону дороги, ведущей в Норидж.

Суд продолжался. Я вмешивался всего несколько раз, в случаях, когда обвинители приводили не относящиеся к делу факты или прибегали к голословным утверждениям. Нескольких арестантов освободили, но бóльшую часть приговорили к тюремному заключению. Подобные решения неизменно встречались бурными криками одобрения, а кое-кто из молодых парней, скинув штаны, показывал обвиняемым голую задницу.

Наконец к помосту, спотыкаясь, приковылял Леонард Вайтерингтон. Его била крупная дрожь.

— Кто обвиняет этого человека? — в очередной раз спросил Кетт.

Вперед выступили двое. Я узнал обоих: то были йомен Харрис, надевший поверх рубашки серый дублет, и Мелвилл, молодой парень, заклятый враг Вайтерингтона. Первым заговорил Харрис. Он повторил обычный набор обвинений: захват общинных земель, незаконное повышение арендной платы и перекладывание феодальных податей на плечи фермеров. Харрис сказал, что Вайтерингтон вступил в сговор с представителем власти Джоном Фловердью и тот заявил арендаторам, что феодальные подати отныне должны платить они, а не помещик. Стоило ему упомянуть имя Фловердью, как в толпе поднялся ропот.

— Сколько ты заплатил этому прохвосту? — крикнул кто-то, обращаясь к Вайтерингтону.

— Отвечайте: вы дали ему взятку? — процедил Кетт.

— Да, я дал ему соверен, — неловко переминаясь, пробормотал Вайтерингтон.

— Непременно запишите это, Джек Барак, — распорядился капитан.

Из толпы доносились новые проклятия в адрес Фловердью. Ему крупно повезло, что он сумел удрать из Хетхерсета, подумал я.

Молодой Мелвилл выступил вперед:

— Я обвиняю Леонарда Вайтерингтона в том, что он причинял вред нашим посевам, позволяя голубям, которых держал во множестве, выклевывать зерна из пашен и пожирать всходы. Ущерб был так велик, что нам приходилось убивать птиц. — Он указал на меня. — Законник, который здесь сидит, видел это собственными глазами!

— Парень говорит правду, — шепнул я на ухо Кетту. — Я приехал к Вайтерингтону по делу Болейна и видел, как крестьяне убивали голубей. Но, капитан Кетт, у нас нет закона, запрещающего держать голубятни.

— Что он там говорит? — крикнул Мелвилл. — Клянусь, этот человек был там и все видел! Если адвокат отрицает это, значит он лжет!

По толпе прокатился сердитый ропот. Кодд и Элдрич на протяжении всего суда упорно хранили молчание и что-то записывали. Но теперь Элдрич повернулся к Кетту и сказал:

— Надо успокоить народ, иначе начнутся беспорядки.

Кетт был готов к подобному повороту событий.

— Мастер Шардлейк действительно был очевидцем события, о котором идет речь, — произнес он, поднявшись. — Однако он утверждает, что держать голубей, даже в больших количествах, не является преступлением против закона. — (В ответ раздались протестующие возгласы.) — Тем не менее, — возвысил голос капитан, — должен существовать закон, запрещающий это, и такой закон необходимо принять! Я внесу сие в список требований, который мы представим протектору. Следует исправить подобную несправедливость.

Злобные выкрики сменились одобрительными. Слово вновь взял Харрис:

— Вайтерингтон совершал также и другие злодеяния. Нынешней весной его управляющий собрал нас в отряд и велел захватить часть земли его соседа Джона Болейна. Заявил, что земля эта по праву принадлежит Вайтерингтону и часть ее он предоставит под общинное пастбище. Сказал, если мы не поможем помещику отнять у соседа землю, он лишит нас наделов.

— Значит, вы приняли участие в незаконном захвате чужих земель? — подал голос Эдрич.

— У нас не было выбора! — крикнул Мелвилл. — Этот негодяй нас принудил!

— Нас припугнули, что отнимут надель, — повторил йомен Харрис. — К тому же мы надеялись, что сумеем обойтись без драки. Но кто-то предупредил Болейна о том, что замышляет его сосед. Нас встретила целая свора молодых головорезов, приспешников сэра Ричарда Саутвелла. Верховодили ими сыновья Болейна, известные всей округе своим бешеным нравом. Они задали нам трепку. Джеральд Болейн ударил дубинкой по голове одного парня из нашей деревни, и с тех пор бедняга лишился рассудка.

Он сделал знак, и какой-то человек, наверное отец, вывел вперед несчастного Ральфа, которого я видел в Бриквелле. Парень тупо уставился на помост, из его открытого рта стекала струйка слюны. Судя по всему, он понятия не имел, где находится. Отец осторожно нагнул голову сына, так чтобы все могли увидеть багровый шрам. Люди, стоявшие рядом, внимательно разглядывали жуткую отметину. Какая-то женщина запричитала:

— Господи, и как только земля носит подобных извергов!

Вайтерингтон, заломив руки, обратился к Кетту:

— Но ведь не я же огрел его дубиной! Это сделал Джеральд Болейн, желая угодить своему отцу Джону. А управляющий Болейна Чаури натравливал этих бешеных псов на моих людей.

«Так, значит, Чаури все-таки был там», — отметил я про себя.

В следующее мгновение до меня долетел голос Вайтерингтона:

— Адвокат Шардлейк работает на Болейна! Он сделал все, чтобы спасти убийцу от петли!

После того как суду представили изувеченного Ральфа, толпу обуревала ярость, и теперь она гневно загудела.

— Значит, этот адвокат поможет его сыновьям выскочить сухими из воды! — крикнул кто-то.

— Да, я действительно представлял интересы Болейна, но лишь в деле об убийстве его жены, — заявил я, поднимаясь.

— Болейн был признан виновным! — раздался визгливый женский голос. — Однако его не вздернули на виселицу, а оставили в живых. И

теперь он сидит в замке. Ждет, когда придет помилование, за которое заплатила его родственница леди Елизавета!

— Леди Елизавета относится к числу самых богатых землевладельцев в Англии! — подхватил кто-то. — Она и ее сестрица леди Мария, которая засела в Кеннингхолле в окружении овечьих пастбищ и католических священников. Надо бы прогнать ее оттуда!

Роберт Кетт вновь поднялся и призвал собрание к тишине:

— Оставьте в покое леди Марию! Не забывайте, что она — наследница престола. Неужели вы не понимаете: если мы хоть как-то ее потревожим, это настроит против нас протектора. Что касается адвоката, — он повернулся ко мне, — то я должен у него спросить: скажите, мастер Шардлейк, вы когда-нибудь представляли интересы Барнабаса и Джеральда Болейнов, которые вскоре предстанут перед нашим судом?

Я встал и устремил взгляд на близнецов; те смотрели на меня, нагло ухмыляясь.

— Никогда! — громко ответил я.

Толпа притихла.

— Понимаю, что слова мои не являются показаниями свидетеля, — продолжал я, ощущая, как сердце мое колотится под ребрами. — И все же я должен об этом упомянуть. Не сомневаюсь, Джеральд Болейн изувечил несчастного парня вовсе не потому, что хотел угодить своему отцу. Джон Болейн — не сторонник кровопролития. Он сожалел о том, что дело дошло до рукопашной.

— Да, Джон Болейн не самый плохой помещик! — выкрикнул кто-то. — А вот его отродья — настоящее божеское наказание! Они и паскудный старикан, их дед!

— Гэвин Рейнольдс является нориджским олддерменом, — изрек Элдрич, поднимаясь со своего места. — Сейчас мы судим сельских землевладельцев.

Кетт посмотрел на близнецов, которые в ответ обожгли его злобными взглядами.

— Леонард Вайтерингтон приговаривается к тюремному заключению! — заявил он. — Приведите Джеральда и Барнабаса Болейнов!

Несмотря на то что ноги их были скованы цепями, близнецы двигались довольно проворно. На лицах обоих застыло безразличное

выражение, словно происходившее их ничуть не волновало.

Когда они подняли голову на Кетта, безразличие сменилось насмешливым презрением.

— Джеральд и Барнабас Болейны, вы обвиняетесь в том, что причинили телесный ущерб этому парню, ударив его дубиной по голове и повредив ему мозги, — изрек он.

Отец Ральфа неловко переминался с ноги на ногу. Казалось, увидев близнецов, он с трудом сдерживает желание пуститься наутек.

— Вы были свидетелем нападения на вашего сына? — обратился к нему Кетт.

— Мы оба были в том отряде, который отправили захватить землю мастера Болейна, — с дрожью в голосе ответил крестьянин. — Едва мы перешли границу между именьями, как на нас налетела целая свора. — Он указал на близнецов. — Эти двое тоже были там. Я своими глазами видел, как тот, что без шрама, занес дубинку и изо всех сил огрел моего бедного сына по голове. С тех пор он стал как дитя малое: гадит в штаны и не может донести до рта ложку.

— Я тоже там был и видел все своими глазами! — крикнул один из повстанцев.

Кетт попросил свидетеля назвать свое имя и велел Бараку записать его.

— Я достаточно хорошо знаю закон, чтобы заявить: подобное нападение следует расценивать как попытку убийства, за которую карают виселицей, — произнес Кетт. — Брат Джеральда Болейна, Барнабас, должен быть привлечен к ответу как соучастник. — Роберт вопросительно взглянул на меня; я кивнул. — У вас есть что сказать в свое оправдание? — обратился капитан к братьям.

— Это не уголовный суд, — презрительно пожал плечами Джеральд.

— Нет! — гневно возвысил голос Кетт. — Но свидетельства, которые нам были представлены, вполне достаточно для того, чтобы предъявить вам обвинение.

Джерри метнул взгляд на несчастного Ральфа, и тот испуганно поежился.

— Этот парень всего лишь крепостной, — надменно бросил Джеральд. — Как и его отец. Они — собственность Вайтерингтона, так же как его лошади и овцы.

При этих словах зрители пришли в неистовство, в воздух взметнулись самодельные пики и вилы.

— Я же говорил вам, они оба чокнутые! — прошептал мне на ухо Барак. — Этот придурок добьется того, что их с братом разорвут на части!

И действительно, выкрики «Смерть им!» становились все более настойчивыми.

Однако у близнецов хватало ума понять, что Кетт не позволит убить их в присутствии Кодда и Элдрича. В противном случае городские ворота вновь закроются для повстанцев.

— Слушайте все! — поднявшись, возвал Кетт. — Да будет вам известно, что уничтожение крепостничества в Норфолке — это первое и самое настоятельное из наших требований. Люди, связанные по рукам и ногам, должны стать свободными!

Слова эти вызвали шквал радостных возгласов. Однако, когда он стих, раздался чей-то голос:

— Этих двух подонков надо вздернуть на виселицу!

— Всему свое время! — ответил Кетт. — Мастер Шардлейк составит обвинительное заключение, и мы передадим его властям — сразу после того, как наши требования будут выполнены.

— Разумеется. Я сделаю это с радостью, — кивнул я, не сводя глаз с близнецов.

Ситуация принимала для братьев серьезный оборот. Вайтерингтон, попытавшись обойти молчанием свое вторжение на земли Болейна, избавил их от серьезного обвинения. Но правда вышла наружу, и на основании свидетельских показаний было доказано: оба виновны в преступлении, которое карается смертной казнью. Однако близнецы по-прежнему сохраняли невозмутимый вид.

— Делайте что хотите, йомен Кетт, — проронил Барнабас. — Нас вернут во дворец графа Суррея или же отправят в Нориджский замок, к нашему обожаемому папочке?

— Вернут на прежнее место, — отрезал Кетт.

— Вас не затруднит доставить туда пару гулящих девок? Из окна мы видим, что в лагере таких предостаточно.

Столь наглая просьба вызвала в толпе новый всплеск негодующих выкриков.

— Уведите их, — приказал Кетт стражникам. — Скажу честно, у меня руки так и чешутся прикончить обоих мерзавцев, — признался он, обращаясь к толпе. — Но не будем опережать события. Придет время, и их вздернут на рыночной площади. Вы записали все показания свидетелей, Джек Барак?

— Да.

Братьев Болейн увели. Кто-то метнул в Барнабаса вилы, которые едва не вонзились ему в спину. Тот ответил на неудачный бросок презрительным хохотом.

— Ну что за каналы? — прошептал Кетт, обращаясь ко мне. — Похоже, это не люди, а дьявольские отродья. Но даже порождения дьявола должны испугаться, если им грозит виселица. А эти, вместо того чтобы защищаться, продолжают оскорблять свою жертву. Думаю, они оба повредились в рассудке!

— Да уж, нормальным людям не понять, что творится у них в голове, — вздохнул я.

Глава 48

Суд продолжался весь день, с единственным коротким перерывом на обед. Он совершенно не походил на торопливые заседания выездного суда; все свидетельские показания внимательно выслушивались и записывались. В большинстве своем обвиняемые приговаривались к тюремному заключению, однако нескольких человек отпустили на свободу. Зрители, утомившись, реагировали на каждый новый приговор все менее бурно. Было уже пять часов, когда мы, рассмотрев дело последнего джентльмена, отправили его в тюрьму. Толпа, встретившая это решение аплодисментами, начала расходиться. Проходя мимо группы молодых людей, окружавших Майкла Воувелла, я слышал, как кто-то из них сказал:

— А все-таки жаль, что пару-тройку мерзавцев не вздернули тут же, на ветвях дуба.

Весь день духота усиливалась, и все обливались потом. Солнце светило сквозь дымку, в точности как перед бурей, разразившейся в прошлом месяце.

— Похоже, собирается гроза, — заметил Уильям Кетт. Повернувшись ко мне, он любезно произнес: — Вы славно поработали, мастер Шардлейк. Теперь мы можем передать властям несколько обвинительных заключений. Пока они будут храниться у меня в церкви Святого Михаила. Я хотел бы, чтобы вы завтра проглядели список требований, которые мы собираемся отправить протектору.

Просьбу свою он сопровождал суровым взглядом, не предполагавшим отрицательного ответа.

— Хорошо, — кивнул я, с содроганием сознавая, что связи мои с повстанцами день ото дня становятся все более крепкими.

— Приходите в церковь Святого Михаила к двум часам, — распорядился Уильям. — И еще раз примите мою благодарность за то, что вы сделали сегодня.

Мы с Баракком вернулись в свою хижину. Соседи наши еще не пришли с работы, и лишь вдова Эверник, сидя на пороге, чинила одежду.

— Как прошел суд? — осведомилась она.

— Превосходно, — ответил Барак. — Джентльмены получили по заслугам, и справедливость восторжествовала.

Старуха, довольно кивнув, заметила:

— Я так понимаю, братцы, что вы сегодня вдоволь насиделись. Не пойти ли вам малость прогуляться? — Она бросила взгляд в сторону хижины. — Ваш долговязый дружок весь день лежит как бревно. Совсем захандрил. Возьмите его проветриться. Видно, парень он неплохой, — добавила она.

— Да, немного пройтись ему не помешает, — улыбнулся я.

Барак сунул голову внутрь:

— Эй, Ник, хватит пролеживать бока. Идем подышим воздухом!

Мы направились на восток, в самый центр лагеря. Скопища деревянных хибарок украшали разноцветные приходские знамена, позволявшие каждому без труда отыскать свое жилище. Казалось, лагерю нет ни конца ни краю; повсюду петляли бесчисленные тропинки, протоптанные множеством ног. Впрочем, холм был так велик, что между хижинами оставалось немало свободных участков, поросших пожелтевшей от зноя травой, где мелькали чертополох и пыльные маки, которые местные жители называли медными розами.

— Удивляюсь, как ты не спекся, провалявшись целый день в хижине, — ухмыльнулся Барак.

— Ну что, свершили правосудие? — пропустив насмешку мимо ушей, спросил Николас.

Я рассказал о том, что произошло сегодня под Дубом реформации, но прежде всего сообщил, что Кетт согласился оставить его на свободе. Николас заметно приободрился.

— А я уж боялся, что без виселицы не обойдется. Опасался, что толпа придет в ярость и ваш Кетт не сумеет ее сдержать, — признался он, узнав, что мы не вынесли ни одного смертного приговора. Помолчав, Овертон пробормотал едва слышно: — И ждал, что за мной вот-вот придут.

— Кетт умеет держать толпу в узде, — заметил я. — И он действительно хочет соблюсти все нормы правосудия. Ты недооцениваешь его, Николас. Поверь, он всеми силами стремится избежать кровопролития. Капитан Кетт — прирожденный командир и к

тому же умный и опытный политик. Вдобавок Роберт — искренний человек, у которого слово не расходится с делом.

— Возможно, — кивнул Николас, подбросив ногой камешек. — Но мятеж — это не самый лучший способ служить закону.

— Кетт не мятежник, — возразил Барак. — Он хранит верность королю. Все, чего он хочет, — это восстановить справедливость. Или, по-твоему, в этом нет никакой необходимости?

— Честно скажу, я окончательно сбит с толку, — покачал головой Овертон. — Вчера вечером я разговорился с одним крестьянином, который воевал в Шотландии. По его словам, в армии царит полный хаос, война ведется самыми дикими методами. И вообще, наших солдат просто-напросто обманули. Сказали, что шотландцы якобы ждут нас с распростертыми объятиями. А в результате солдатам пришлось убивать мирных жителей, и для многих из них это стало невыносимым позором. Признаюсь, я уж и не пойму, нужна нам эта война или нет. — Николас вздохнул и окинул взором лагерь. — Кто бы мог подумать, что мы окажемся в подобном месте?

Я тоже огляделся по сторонам. Повсюду кипела жизнь. Сапожники и портные уже успели соорудить прилавки, за которыми торговали своими изделиями. На столах сушились внутренности заколотых овец, а живые овцы и коровы теснились в загоне, который был сооружен из плетней, позаимствованных на уничтоженных пастбищах. В другом, более просторном загоне, огороженном дощатыми стенами, разгуливало десятка три лошадей. Неподалеку возводилось деревянное здание — как я догадался, будущая скотобойня. Я вновь подивился тому, как много эти люди успели сделать за несколько дней. Правда, здесь, в лагере, многие из них впервые за долгое время стали есть досыта, и это прибавляло им бодрости и желания трудиться не покладая рук. Как и всегда, бродячие торговцы переходили от хижин к хижине, предлагая обитателям лагеря булавки, иголки, пряжки и прочие мелочи. Проходя мимо распахнутых дверей кузницы, мы увидели, как кузнец и его помощник, стоя у горна, перековывали сохи и бороны на мечи и пики.

— Перековывают орала на мечи, — проронил Николас. — Библия призывает делать обратное.

Заметив повозку, на которой стояла огромная пушка, повстанцы разразились радостными криками; телегу тащили лошади-тяжеловозы,

вне всякого сомнения изъяты из какого-нибудь поместья. Мы пошли дальше, к недостроенному сооружению из кирпича — будущей пекарне. В некотором отдалении молодые парни — человек пятьдесят, не меньше, — упражнялись в стрельбе из лука; стрелы со свистом рассекали воздух, вонзаясь в мишени.

— Господи Иисусе, сколько же народу сейчас в лагере? — спросил Барак.

— Так много, что и не сосчитать. Думаю, тысяч восемь.

Джек толкнул Николаса в бок:

— Погляди-ка, кое-кто ухитряется удовлетворять здесь все свои телесные похоти. — Он указал на двух молодых женщин, которые, выйдя из хижины, оправляли юбки. — Нориджские шлюхи всегда найдут тут клиентов.

— Похоже, все эти люди уже не считают нас чужаками, — заметил Овертон. — Наверное, дело в том, что мы здорово пообтрепались, перепачкались и насквозь провоняли потом.

— Подходящий случай вспомнить, что все мы слеплены из самой обычной глины, — внимательно глядя на него, ухмыльнулся Барак.

— И все мы в конце концов уйдем в самую обычную землю, — завершил я. — Надеюсь, это будет еще не очень скоро.

Мы пошли по тропе, тянувшейся вдоль старой каменоломни: на холме таких заброшенных каменоломен было несколько. Вскоре мы оказались у края обрыва — почти отвесной стены высотой около сотни футов; здесь следовало соблюдать особую осторожность. Найдя место, откуда можно было обозреть весь лагерь, который раскинулся так далеко, что не видно было ни конца ни краю, мы немного постояли, любуюсь видом.

— Пошли, — сказал я. — Вскоре люди начнут возвращаться с работы. Нам тоже пора идти назад.

Барак и Николас не стали спорить. Стояла такая духота, что все мы сильно устали и покрылись потом. Из Торпского леса уже не доносился визг пил и стук топоров; дровосеки, закончив работу, двинулись по домам. Человек с Библией в руках, облаченный в белый стихарь, взобрался на перевернутый ящик. То был один из местных пророков, готовый разразиться очередной проповедью. Здесь, в лагере, они пользовались почетом и уважением, никто не потешался над ними, как

это было заведено в Лондоне. Я вытащил из кармана памфлет, найденный на земле, и протянул своим спутникам:

— Что вы об этом думаете?

— Обычная чушь, которая в ходу у проповедников, — поморщился Николас, пробежав текст глазами.

— Но сейчас эпоха проповедников и пророков, — возразил я. — Ты сам знаешь, протестантские радикалы разглагольствуют обо всем на свете. Если я не ошибаюсь, Джон Нокс провозгласил англичан и шотландцев новыми богоизбранными народами, которым предстоит, объединившись, одержать победу над своим главным врагом — папистами. Пока не слишком похоже, что этот прогноз когда-нибудь осуществится. Помню, во времена «Благодатного паломничества» доморощенные оракулы предсказывали падение короля на основании пророчеств, которые содержатся в древних книгах, вроде легенд о Мерлине и тому подобных. Все это смешивалось с призывами к радикальным переменам, каковыми были полны сочинения Мора, Кроули и некоторых других писателей. Надо сказать, они мечтали примерно о том же, о чем сейчас мечтает Кетт.

Мы подошли к двум небольшим группам, собравшимся вокруг приходских знамен. Как выяснилось, между ними шел жаркий спор: жители одной из деревень не позволяли работникам вырыть около своих хижин очередную выгребную яму.

— Копайте свою вонючую яму где хотите, но только не у нас под носом!

— Мы не желаем целыми днями нюхать чужое дерьмо!

— У вас самих дерьма хватает! И оно, видать, ударило вам в голову!

— Не все повстанцы ладят друг с другом, — заметил Николас. — Без свар и брани здесь тоже не обходится.

— Люди есть люди, — пожал я плечами.

Пройдя еще немного, мы увидели нескольких человек, уже успевших вырыть яму примерно в четыре фута глубиной. За их работой наблюдал человек лет сорока, возможно командир сотни.

— Придется вам еще помахать лопатами, ребята, — заявил он. — Яма должна быть глубже.

Остановившись, я заговорил с ним:

— Хорошо, что вы приняли все необходимые меры. Если в лагере будет недостаточно выгребных ям, он потонет в дерьме, и последствия окажутся самыми печальными. Я своими глазами видел, что творилось в армейских лагерях, где выгребных ям было слишком мало.

Он удивленно вытаращил глаза:

— Вы были солдатом, сэр?

— Нет. Но четыре года назад, когда нам угрожало вторжение Франции, я оказался в Портсмуте, в военном лагере. Там люди болели кровавым поносом, который унес множество жизней.

— В Булони, где я воевал, творилось то же самое, — кивнул командир. — Этот холм отлично подходит для лагеря. Одна беда: здесь нет ни родников, ни ручьев, а до реки далеко. Сейчас стоит страшная жара, и это грозит всякими заразными хворями. Поэтому мы и роем ямы повсюду, чтобы в лагере было чисто. Боюсь, вскоре нам начнут досаждать вши, ведь все здесь ходят немытые и нечесаные.

Попрощавшись, мы уже собирались продолжить путь, но тут я узнал одного из работников. Он привлек мое внимание тем, что, пока мы разговаривали с сотником, упорно глядел в сторону, скрывая лицо. Вне всякого сомнения, нам уже доводилось встречаться прежде.

— Питер Боун, если не ошибаюсь? — воскликнул я.

Брат покойной Грейс, горничной Эдит Болейн, поднял голову и посмотрел на меня. Волосы его и борода отросли, а лицо, прежде худое и бледное, округлилось и покрылось загаром.

— Адвокат Шардлейк! — воскликнул он, и в голосе его послышалась легкая враждебность, которую я замечал и прежде. — И ваши друзья тоже с вами. Но куда пропали красивые мантии? И какими судьбами вы оказались в лагере?

— Я помогаю капитану Кетту во время судов, которые здесь проводятся.

Боун подошел ко мне.

— Я так полагаю, вы здесь не по доброй воле, — ухмыльнулся он.

Держался Боун теперь уверенно и даже развязно; еще несколько недель назад подобный тон в разговоре с джентльменом сочли бы недопустимой дерзостью. Но, как сказал Кетт, времена, когда простолюдин при виде джентльмена спешил сорвать шапку и склонить голову в поклоне, остались в прошлом.

— А вы здесь какими судьбами? — в свою очередь осведомился Барак. — Насколько я помню, у вас вроде как имелся в Норидже собственный дом?

Боун ожег его сердитым взглядом:

— Да, дом, где я, чтобы заработать на кусок хлеба, целыми днями пряд шерсть, хотя мужчине такая работа и не пристала. Сами понимаете, от подобной жизни взвоешь. Вот я и решил отправиться сюда. Хочу быть вместе с теми, кто намерен добиться справедливости.

Негодование Боуна было мне понятно. Но я никак не мог взять в толк, почему, завидев меня, он поспешил отвернуться. Не случайно во время нашей встречи в Норидже у меня возникло ощущение, будто бы этот человек что-то скрывает. Прочие землекопы, бросив работу, тарасили на нас глаза, возможно надеясь, что между нами разгорится перепалка.

— Хватит бездельничать, ребята! — крикнул сотник. — Шли бы вы своей дорогой, сэр, — обратился он ко мне.

— Здесь у нас никаких «сэров» нет, — буркнул Боун, однако взялся за лопату.

Мы двинулись прочь.

— Занятно бывает узнать, что думают о нас простые люди, — проворчал Николас.

— Тут дело не только в том, что Боун терпеть не может джентльменов, — вполголоса ответил я. — Вне всякого сомнения, этот человек что-то скрывает. И это не единственное открытие, которое я сделал сегодня. Выяснилось, что Чаури возглавлял отряд, который дал людям Вайтерингтона столь жестокий отпор.

— Откуда вы это узнали? — удивился Николас.

— Из свидетельских показаний на суде. Это означает, что Чаури связан с шайкой головорезов Ричарда Саутвелла. Дело Болейна преследует нас даже здесь, — добавил я со вздохом.

Мы остановились еще раз, чтобы посмотреть, как повстанцы окапывали участок, где находилось множество кроличьих нор. Несколько человек держали собак за ошейники, пока другие орудовали лопатами. Пара кроликов попыталась сбежать, но собаки моментально схватили злополучных зверьков. К участку подошел парень, бережно несший большой мешок.

— Это порох! — сообщил он. — Мне выдали его на складе.

— Ради бога, будь осторожнее! — крикнул кто-то.

— Мне объяснили, как с ним обращаться.

Нагнувшись, молодой человек высыпал из мешка немного черного порошка. Затем взял фитиль, один его конец опустил в порох, а другой отнес на несколько шагов в сторону. Зрители опасливо отступили. Прошло несколько томительных мгновений, прежде чем парень поджег фитиль; порох вспыхнул, раздался оглушительный взрыв, комья земли взметнулись в воздух. Десятки кроликов выскочили из своих нор; одних тут же схватили собаки, других проткнули пиками. Вскоре у края садка возвышалась целая гора кроличьих тушек. Люди сияли, довольные результатом необычной охоты и тем, что им не пришлось взлететь в воздух. Они пожимали друг другу руки и хлопали по плечу юношу, устроившего взрыв.

Неожиданно земля, изрытая множеством нор и сотрясенная взрывом, не выдержав тяжести такого множества народа, провалилась у них под ногами. Повстанцы оказались в канаве, которую только что вырыли, к счастью не слишком глубокой. Все без особого труда выбрались наверх — грязные, но веселые. Никто не пострадал, происшествие вызвало лишь очередной взрыв хохота. Ну а затем мы двинулись своей дорогой. Случай этот тогда показался нам не стоящим внимания пустяком, однако несколько недель спустя выяснилось, что мы ошибались.

Подойдя к своей хижине, мы увидели, что наши соседи уже возвратились с работы. На вертеле, позаимствованном в одном из поместий, жарилось бедро ягненка, предназначенное на ужин. Постоянный запах дыма, подчас щипавшего мне глаза, был еще одной особенностью лагерной жизни, к которой волей-неволей пришлось привыкнуть. Вечер оказался еще более душным, чем день, пот катился со всех градом. Крестьяне приветливо кивали нам, и я рад был увидеть, что Николас кивает им в ответ как равным. Старый Гектор Джонсон, уже возвратившийся со стрельбища, пожелал нам доброго вечера. То же самое сделал и Нетти, сидевший у костра в обществе молодого светловолосого парня с обветренным лицом. Взгляд, который незнакомец бросил на меня, был полон откровенного беспокойства.

Сделав Бараку и Николасу знак оставаться на месте, я подошел к юноше и протянул ему руку:

— Меня зовут Мэтью Шардлейк. А ты, как я понимаю, друг Нетти из Сандлингса?

— Да, сэр. Мое имя Стив Уолкер. Я пришел сюда, в лагерь, вместе со своими односельчанами.

Я опустился на землю рядом с ним — осторожно, ибо после долгой прогулки у меня разболелась спина.

— Думаю, Нетти уже рассказал тебе, что я законник. Прежде чем оказаться здесь, я расследовал дело о трех убийствах.

— Да, сэр, — слегка нахмурившись, кивнул парнишка. — Нетти сказал, что убили не только беднягу Уола Пэдбери и его бывшего хозяина, но еще и какую-то тетку из Нориджа.

«Бедная Эдит, превратившаяся в „какую-то тетку“, безымянную, никому не известную», — с грустью подумал я. А вслух произнес:

— Да, так оно и есть.

Взгляд голубых глаз Уолкера, неотрывно устремленный на меня, по-прежнему был исполнен беспокойства.

— А если я расскажу все, что видел, то этим не навлеку на себя беду? — спросил он.

— Поверь, тебе нечего опасаться. Может быть, я попрошу тебя выступить на суде в качестве свидетеля. Но это самое страшное, что с тобой может случиться.

— Этого-то я и боюсь, — признался Стив и, набрав в грудь побольше воздуха, объявил: — Я видел, как труп Уола Пэдбери бросили в море.

У меня аж глаза на лоб полезли.

— Что?

Уолкер немного смутился. Нетти положил руку ему на плечо:

— Продолжай, Стив.

— У одного из тех, кого я видел, есть очень важный покровитель, — пробормотал Уолкер. — Один из самых важных людей в Норидже. Может, я и зря разболтал об этом Нетти. Но я хорошо знал беднягу Уолтера. Тот за всю свою жизнь и мухи не обидел.

Нетти улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

— Все эти важные люди теперь потеряли свою важность, брат, — изрек он. — Здесь, в лагере, всем на них равным счетом наплевать.

— Стивен, я понимаю твои опасения, — заметил я. — Возможно, ты немного успокоишься, узнав, что у меня тоже есть авторитетные друзья и покровители. Я служу у леди Елизаветы.

Слова мои произвели должное впечатление. Уолкер взглянул на Нетти, тот утвердительно кивнул.

— Мастеру Шардлейку можно доверять, — сказал он. — Сам капитан Кетт сделал его своим советником.

— С ведома леди Елизаветы? — удивился Уолкер.

Я невольно закашлялся.

— Нет. Я оказался здесь... скажем так, благодаря стечению обстоятельств.

— Но все мы тут храним верность королю, Стив, — заверил приятеля Нетти. — Мы собираемся помочь протектору проводить реформы. Лорд-протектор правит от имени короля, а леди Елизавета доводится его величеству родной сестрой. Расскажи мастеру Шардлейку обо всем, что ты видел, Стив. Может, тогда те, кто убил Уола, получат по заслугам.

— Это было на прошлой неделе, — шумно переведя дух, сообщил Уолкер. — Я пошел на берег, чтобы... — он чуть замешкался, глядя на приятеля, — чтобы набрать устриц.

— Да ты у нас, оказывается, браконьер! — расхохотался Нетти. — Не бойся, мастер Шардлейк тебя не выдаст. В наших краях все так промышляют, — пояснил он мне, — хотя человек, которому принадлежит этот берег, считает, что устрицы тоже его собственность.

— Нашего землевладельца надо судить у Дуба реформации, так, как сегодня судили других! — с внезапной горячностью выпалил Уолкер.

— Возможно, в скором времени настанет и его очередь. А пока расскажи мне, что же ты видел.

— День уже клонился к вечеру, когда я услышал голоса. И мигом спрятался в траву вместе со своим садком для устриц. Совсем близко от меня, футах в десяти, не больше, прошли трое. Они тащили мертвое тело. Я сразу узнал Уола: лицо у него было бледным как мел, а голова покрыта запекшейся кровью и мозгами. Я затаился, словно мышь. Знал, стоит мне шевельнуться — и я тоже мертвец. Они проволокли труп Уола по песку и бросили его в воду. — Парнишка вздрогнул. — Помню, с каким громким звуком он туда шлепнулся. Наверное, злодеи

рассчитывали, что волны унесут труп в море. Не подумали, что сейчас отлив. Потом они снова прошли мимо меня. Наверное, где-нибудь поблизости их ждали привязанные лошади. Вот и все, что я видел, мастер, — завершил он свой рассказ.

— Ты сказал, у одного из этих людей есть важный покровитель, — напомнил я.

— Да. Его у нас все знают. А двоих других я никогда прежде не видел.

— Они, случайно, не были близнецами, крепкими светловолосыми парнями лет этак восемнадцати? — спросил я с замиранием сердца.

Уолкер удивленно покачал головой:

— Нет, обоим было хорошо за двадцать, и они ничуть не походили на близнецов.

— А тот, кого ты знаешь? Как его имя?

— Я с ним лично незнаком, но видел его много раз. Этот человек часто приезжает в поместье своего хозяина. Обычно с ним целая куча друзей, они устраивают попойки и скандалы в местной таверне. Его ни с кем не спутаешь: на щеке у него две большие коричневые родинки. В прошлом году он похитил какую-то бедную девушку, но это сошло ему с рук. С тех пор парень окончательно распоясался. Зовут его Джон Аткинсон, и он служит сэру Ричарду Саутвеллу, самому важному из всех здешних лордов.

Глава 49

Поблагодарив Уолкера и Нетти, я направился к своим друзьям и сделал им знак отойти в сторону. Когда мы дошли до старых вязов, росших неподалеку от церкви Святого Михаила, я передал Джеку и Николасу все, что сумел узнать.

— Значит, дело все-таки не обошлось без Саутвелла, — присвистнул Барак. — Ему-то прямая выгода отправить Болейна на виселицу. После казни владельца Бриквелла он сможет за бесценок купить его земли и соединить два своих поместья. То-то будет простору овцам!

— Но мы уже решили, что это недостаточно веская причина, — напомнил Овертон. — У Саутвелла слишком много земли, чтобы решиться на убийство из-за очередного надела.

— Возможно, мы ошибались, — возразил я. — Полагаю, мы недооценили алчность и жестокость сэра Ричарда. Несколько лет назад он совершил убийство, но был помилован старым королем. В его распоряжении целая шайка молодых головорезов. И теперь мы точно знаем, что один из его людей, Джон Аткинсон, причастен к убийству Уола Пэдбери. Следовательно, он имеет отношение и к двум другим убийствам — слесаря Снокстоуба и Эдит Болейн.

— Аткинсон и его шайка — закадычные друзья братьев Болейн, — заметил Николас. — Возможно, они работали на своих приятелей, а не на Саутвелла. Если этим молодчикам заплатить, они готовы на все. Любое преступление им только в радость.

— Ты прав. Вполне возможно, что они выполняли поручение наших разлюбивших братцев, — кивнул Барак. — Таким образом, перед нами вновь встает вопрос, кто похитил ключ от конюшни — близнецы, какой-нибудь прохиндей из шайки Саутвелла, кутивший с ними в таверне, или кто-нибудь еще. Не исключено, что это один из слуг Гэвина Рейнольдса, ведь ночь на тринадцатое мая близнецы провели в доме деда и ключ был в кармане Джеральда.

— Хотелось бы знать, существует ли какая-либо связь между Рейнольдсом и Саутвеллом, — задумчиво произнес я.

— Кстати, а где сейчас Саутвелл? — спросил Барак. — Почему его нет среди наших пленников? Он ведь один из богатейших

землевладельцев в Норфолке. Я полагал, что для Кетта устроить суд над ним — дело чести.

— Думаю, он удрал в Лондон, — предположил Николас.

Я бросил взгляд в сторону церкви Святого Михаила. У дверей ее спрыгнул с лошади очередной гонец, усталый и запыленный. Мне отчаянно хотелось рассказать своим друзьям о встрече с Саутвеллом, выходящим от капитана Кетта. Но я обещал молчать и не мог нарушить свое слово. Впрочем, решил я, ничто не мешает мне обсудить этот вопрос с самим Кеттом.

Двери распахнулись, и я увидел знакомую внушительную фигуру; то был Тоби Локвуд, с кожаной папкой под мышкой. На лице его, как всегда, застыло выражение угрюмой решимости. Барак толкнул меня в бок:

— Вот он, неисчерпаемый кладезь сведений. Ему наверняка известно, есть ли какая-нибудь связь между домами Рейнольдса и Саутвелла — помимо, конечно, дружбы между близнецами и прихвостнями сэра Ричарда.

— Нам не следует слишком распускать языки. Тем не менее поговорить с Локвудом, конечно, стоит. И с Воувеллом тоже. Разумеется, если мы его встретим, — кивнул я и окликнул: — Тоби!

Локвуд нахмурился, но тем не менее подошел к нам.

— Решили остаться здесь? — резко бросил он, обращаясь ко мне. — Видел, как вы заседали у Дуба реформации. Теперь переметнулись на сторону капитана Кетта, да? Что ж, на то вы и законник. Ваша братия всегда пляшет под дудку того, за кем сила и власть.

— Это верно, — процедил Барак. — Ты, насколько я помню, тоже хотел стать законником. И плясал под дудку мастера Шардлейка, когда работал под его началом.

Тоби обжег Джека злобным взглядом голубых глаз:

— Я уже говорил: это было прежде, чем я разобрался, что к чему.

«И прежде, чем умерли твои родители», — мысленно добавил я, заметив мелькнувшую в его глазах печаль. А вслух сказал:

— Тоби, я всего лишь хотел задать вам один вопрос. Всем известно, что вы хорошо осведомлены о жизни Норфолка. Не знаете ли, существует какая-нибудь связь между домами Гэвина Рейнольдса и

сэра Ричарда Саутвелла? И вообще, как эти двое относятся друг к другу?

— Откуда мне знать? — пожал он плечами. — Думаю, вам пора забыть про дело Болейна. Ведь леди Елизавета выпросила для своего родственника прощение, верно?

— Тем не менее я не хочу, чтобы настоящий убийца разгуливал на свободе. Помимо Эдит Болейн, он убил еще слесаря и его ученика. Двоих простых, ни в чем не повинных людей, — напомнил я.

— Ничем не могу помочь, — отрезал Тоби, повернулся и пошел было прочь.

Но Николас преградил ему путь.

— Локвуд, давно хотел тебе сказать, что ты — злобная, скрытная и мстительная тварь! — выпалил он. — Сперва работал с нами несколько недель, а теперь воротишь от нас нос, как от кусков дерьма. Из-за твоих наветов я оказался под стражей.

— Я ворочу от тебя нос, потому что ты и есть кусок дерьма, — расправив плечи, процедил Тоби. — Тебя ведь лишь одно волнует — показать всем на свете, что ты джентльмен. Тебя тоже надо судить под Дубом реформации.

— Интересно, за что?

— За то, что ты скотина.

Овертон сжал кулаки.

— Смелее, молодой джентльмен! — расхохотался Тоби. — Хочешь подраться с одним из старших советников капитана Кетта? Увидишь, во что это для тебя выльется!

Барак схватил Николаса за плечо:

— Не надо пачкать об него руки!

— Готовься к новым неприятностям, парень! Мы с тобой еще сведем счеты! — процедил Тоби, наставив палец на Николаса, а затем повернулся и зашагал в сторону лагеря.

Мы проводили его глазами.

— Значит, теперь эта гнида — старший советник Кетта? — процедил Николас.

— Локвуд умеет читать и писать, а грамотные люди сейчас на вес золота, — пожал я плечами. — К тому же он хорошо знает жизнь норфолкской знати. Кетт управляет лагерем благодаря системе выборных сотников. Как выяснилось, система эта вполне себя

оправдывает. Майлс и прочие отставные солдаты занимаются военными вопросами. Полагаю, Кетт поддерживает связь со своими сторонниками в Норфолке. Но, подобно всем командирам, он нуждается в опытных советниках. Так что Тоби у него в чести. Нам следует быть с ним осторожнее.

На следующее утро мы, по обыкновению, проснулись с первыми проблесками рассвета. Небо было затянуто серыми тучами, которые становились все темнее. Жара и духота стояли невыносимые. Поймав в волосах вошь, я подумал, что цирюльник в лагере просто необходим. После завтрака я направился в церковь Святого Михаила, надеясь в столь ранний час застать Кетта в одиночестве. Стражники хорошо меня знали и пропустили беспрекословно внутрь.

Письменные столы, стоявшие вдоль стен, пустовали; занавеска, отделявшая алтарную часть храма, оказалась задернутой.

— Капитан Кетт! — тихонько позвал я, и он тут же отдернул ее.

Роберт, в расстегнутом дублете, завтракал. За столом вместе с ним сидела жена, пухленькая, кроткая Элис, решившая разделить с мужем все тяготы и опасности походной жизни. Дальний конец стола, как обычно, был завален бумагами и письмами.

— Простите, что беспокою вас в такую рань, капитан Кетт, но мне необходимо обсудить с вами один важный вопрос.

Он вздохнул, однако, увидев озабоченное выражение моего лица, мягко произнес:

— Элис, не могла бы ты нас оставить? Может, посмотришь, проснулся ли уже Уильям?

— Да, муж мой.

Проходя мимо меня, она сделала небольшой реверанс и вышла наружу. Кетт сделал мне знак садиться. Я заметил, что вид у него усталый и встревоженный; морщины, бороздившие лицо, казалось, стали глубже.

— Надеюсь, вы не принесли мне очередные скверные новости, — резко бросил он.

— Я всего лишь хочу сообщить вам кое о чем. Но боюсь, мои слова придутся вам не по душе.

— Что ж, в последние дни я выслушал немало такого, что вовсе не пришлось мне по душе, — усмехнулся Кетт. — Мне сообщили, что

члены Комиссии по огораживаниям приняли требования простых людей в Кенте и Эссексе. Но у нас о комиссии пока ни слуху ни духу. К тому же стало известно, что десять тысяч солдат под командованием лорда Расселла послали в Девон и Корнуолл сражаться с повстанцами. Тысяча солдат направлена в Оксфордшир, дабы уничтожить тамошний лагерь. Правда, я слышал, что люди там распоясались и творят бесчинства. Оксфордширский лагерь насчитывает несколько тысяч человек, и все же он значительно меньше нашего. Мы — самый крупный лагерь на юго-востоке! Почему же комиссия к нам не торопится? — Кетт в раздражении двинул кулаком по столу.

— Норфолк значительно дальше от Лондона, чем Кент, — заметил я.

— До нас доходят самые противоречивые сведения, — процедил капитан. — Я видел воззвания, направленные против злонамеренных мятежников. И в то же время в последнем воззвании Сомерсета говорится о введении нового налога на овец, причем только для богатых. — Кетт вперил в меня свой острый взгляд. — Самое важное для нас — служить тем же целям, которые преследует лорд-протектор. — Он покачал головой. — Вне всякого сомнения, в лагере немало шпионов, засланных богатыми землевладельцами, точно так же как у нас полно своих шпионов в Норидже. Мне известно, что городской совет не знает, как поступить, и ждет ответа из Лондона. Впрочем, сегодня Кодд и Элдрич придут в лагерь, чтобы подписать перечень наших требований. Вскоре представители сотен соберутся у Дуба реформации, дабы решить, какие именно требования стоит включить в петицию. Я уже говорил: когда документ будет готов, вам нужно будет его просмотреть, — произнес он и добавил с усмешкой: — Пожалуй, мне стоит назначить вам жалованье.

— В данных обстоятельствах предпочитаю работать безвозмездно, — покачал я головой. — И без всяких записей, свидетельствующих о моей службе.

Кетт расхохотался, обнажив ряд белоснежных зубов:

— С вами приятно поговорить, мастер Шардлейк. Вы рассуждаете здраво, а мне всегда нравились здравомыслящие люди. Простите мою резкость, но вчера я получил слишком много дурных известий. — Он пожал плечами. — Хотя, может быть, некоторые из этих новостей не

соответствуют истине. А самое главное: все, кто живет в лагере, по-прежнему бодры духом.

— В этом можно не сомневаться.

— Вот уж никогда не думал, что мне доведется исполнять обязанности судьи, — продолжал Кетт; он указал на росписи, украшавшие стены церкви. — Видите, наш Господь выгоняет из храма торговцев и менял. Преподобный хочет закрасить все эти фрески. Но сия картина вдохновляет и поддерживает меня. Наверное, вам кажется, что я говорю бессвязно? — Капитан вздохнул. — Так оно и есть. Я едва встал с постели, а в голове уже роятся мысли о тех бесчисленных делах, которые предстоят мне сегодня. Так что вы хотели рассказать?

— Несколько дней назад меня вызвали к вам, — начал я, переводя дух. — Явившись сюда, я увидел человека, вышедшего из дверей церкви. Мне доводилось встречаться с ним в Лондоне, и я был немало удивлен, увидав его здесь. Имя этого человека — сэр Ричард Саутвелл.

Кетт тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула. Взгляд его был полон настороженного внимания.

— Он что-нибудь сказал вам?

— Пояснил лишь, что прибыл для секретных переговоров. И потребовал, чтобы я никому не говорил о нашей встрече.

— И вы действительно никому ничего не сказали? Ни Бараку, ни этому вашему Николасу?

— Ни одной живой душе. Я пришел к вам лишь потому, что узнал кое-что новое о Саутвелле.

Капитан взял со стола ложку и принялся вертеть ее в руках.

— И что же?

— Один из его людей, Джон Аткинсон, замешан в убийстве молодого парня, ученика слесаря. Существуют факты, позволяющие предположить, что эта смерть связана с двумя другими — убийством самого слесаря и женщины по имени Эдит Болейн. Не исключено, что за всем этим стоит Саутвелл, которому выгодно отправить Джона Болейна на виселицу. Если он приобретет Бриквелл, имение Болейна, два его крупных земельных участка соединятся.

— Откуда вы это узнали? — спросил Кетт, буравя меня глазами.

Я передал вчерашний рассказ Уолкера, но не упомянул имени свидетеля, заменив его расплывчатой формулировкой «один человек,

живущий в лагере». Капитан выслушал меня молча, а когда я закончил, произнес медленно и раздельно:

— Ныне, когда старый герцог Норфолк сидит в Тауэре, сэр Ричард Саутвелл стал одним из самых крупных землевладельцев в Норфолке. К тому же он — управляющий леди Марии, а в самом скором времени вполне может войти в состав Тайного совета. Имя его названо в завещании покойного короля Генриха среди тех, кто должен занять место умерших или ушедших в отставку членов Совета. Думаю, нет никакой необходимости говорить вам, что Саутвелл — отъявленный злодей, который готов пустить в ход любые средства, дабы добиться богатства и могущества.

— На этот счет у меня нет никаких сомнений.

— Если вы передадите мои слова кому бы то ни было, это может плохо для вас закончиться, — отчеканил Кетт, пытаясь прожечь меня взглядом насквозь.

— Клянусь, я буду молчать.

Мой собеседник склонил голову, не сводя с меня колючих глаз:

— Я знаю, вы верите в справедливость, мастер Шардлейк. Но на моем попечении находится несколько тысяч людей. И подчас я вынужден сотрудничать с теми, к кому питаю неприязнь и даже отвращение.

— Мне тоже приходилось так поступать, — кивнул я, не упомянув о том, что впоследствии, как правило, горько сожалел об этом.

— Саутвелл примчался из Лондона и явился в лагерь, рассчитывая подкупить нас, — продолжал Роберт. — Королевский совет выдал ему пятьсот фунтов, дабы я раздал их людям и велел расходиться.

— Крупная сумма, — заметил я.

— В Совете знали, что наш лагерь очень велик, — кивнул Кетт. — Я уже говорил: вне всякого сомнения, у них здесь имеются осведомители. Но Саутвелл не представлял истинных размеров. Когда он оказался здесь, то был поражен до глубины души. Мы встретились с ним наедине, и я отказался распускать лагерь. — Он подался вперед, и взгляды наши встретились. — Вы верите мне, мастер Шардлейк?

— Верю.

— А потом мы с ним заключили соглашение. Я взял пятьсот фунтов, а взамен дал обещание не трогать пастбища Саутвелла и не беспокоить леди Марию в Кеннингхолле. Наши парни уже начали

крушить изгороди вокруг одного из ее оленьих парков, но я пообещал остановить их. Кстати, я прекратил бы разорение парка в любом случае: леди Мария является наследницей престола и, следовательно, ее владения должны оставаться неприкосновенными.

— Значит, вам удалось перехитрить Саутвелла? — спросил я, глядя на него с восхищением.

— Когда за тобой стоят тысячи людей, приходится быть хитроумным, — улыбнулся Кетт. — Я не стал задерживать Саутвелла, позволив ему вернуться в Лондон и рассказать там то, что он сочтет нужным. Признаюсь, от епископа Рагге я тоже получил весьма значительную сумму взамен на обещание сохранить в лагере свободу религиозных взглядов и не претендовать на собственность кафедрального собора. Не будь у нас этих денег, в самом скором времени мы начали бы испытывать нехватку самого необходимого — башмаков, свечей, одежды. А сейчас наши люди могут купить на рынке в Норидже все, что им требуется. Благодаря соглашению, которое я заключил с Коддом и Элдричем, мы получили возможность бывать в городе. Тем не менее обо всех этих договоренностях известно не многим. Узнай люди в лагере, что Саутвелл был здесь, а я не взял его под стражу, наверняка нашлось бы множество недовольных. Но я сделал это в интересах нашего дела и беру всю ответственность на себя.

— Да, капитан Кетт, видно, что в Ваймондхеме вам часто приходилось сталкиваться с такими пройдохами, как Фловердью и ему подобные! — воскликнул я. — Благодаря этому вы изрядно поднаторели в политике!

— Вы правы, я прошел хорошую школу, — кивнул Кетт. — Думаю, теперь вы поняли: что бы ни натворил сам Саутвелл или же его молодые приспешники, я не могу в это вмешиваться. Я даже не знаю, где сэр Ричард сейчас. Скорее всего, в Лондоне, как и Фловердью. Честно говоря, меня ничуть не удивит, если этот человек окажется замешанным в убийстве. Но повторяю, я бессилён что-либо изменить. И надеюсь, вы, мастер Шардлейк, будете держать в тайне все, что я вам открыл.

Мне оставалось лишь произнести со вздохом:

— Клянусь, об этом разговоре никто не узнает. — Помолчав, я поднял глаза на Кетта и произнес: — Но предложение, которое сделал

вам Саутвелл от лица Тайного совета, и деньги, которые он привез, — все это свидетельствует о том, что протектор хочет уничтожить лагерь.

— Я уже говорил, у меня нет никаких сомнений: лорд-протектор сознает, что наши требования справедливы и разумны, — нахмурившись, пробурчал Кетт. — И конечно же, он отдает себе отчет в том, какие огромные силы стоят за нами. Думаю, он понимает также, что дело лучше решить мирным путем. И здесь, в Норфолке, и по всей Англии. — Капитан протянул руку, пошарил среди бумаг на столе и нашел три запечатанных письма. — Мэр Кодд дал согласие переправлять сюда адресованные обитателям лагеря письма, которые приходят в Норидж. Вот эти пришли вчера. Одно из них адресовано вам, другое — Бараку, а третье — молодому Овертону.

Я посмотрел на печати. На всех трех письмах они были сломаны. Возможно, это сделали клерки Кодда, а возможно, люди Кетта. Два письма были надписаны знакомым почерком Гая, — как видно, послание Бараку мой друг писал под диктовку Тамазин. Несомненно, письма были уже прочитаны, но содержи они какую-нибудь крамолу, Роберт не преминул бы об этом упомянуть.

— Благодарю вас, — кивнул я.

Кетт поднялся:

— Мне пора идти к Дубу реформации, на встречу с представителями сотен. Сегодня мы непременно должны составить петицию с перечнем наших требований. А днем предстоит устроить еще один суд. Разумеется, я рассчитываю на вашу помощь и поддержку.

— Думаю, скоро разразится гроза. Небо сплошь затянуто тучами.

— Мы, деревенские жители, привыкли работать в любую погоду, — улыбнулся Кетт. В следующее мгновение лицо его вновь стало серьезным. — И помните: никому ни слова о визите Саутвелла.

— На этот счет вы можете даже не...

Договорить я не успел, так как в церковь вбежал молодой человек в стальном нагруднике.

— Простите, капитан Кетт, но я принес вам плохую весть, — выдохнул он, сорвав с головы шапку. — Двоим заключенным сегодня ночью удалось бежать. Эти парни доставляли нам немало хлопот, поэтому возле их камеры всегда стоял часовой и двери, разумеется, были надежно заперты. Но среди ночи кто-то проник во дворец графа Суррея, оглушил караульного и выпустил узников.

— Их имена? — рявкнул Кетт.

— Эти дьявольские отродья, братья Болейн, которых обвинили в попытке убийства, — сообщил гонец.

«Так вот почему на суде близнецы держались так спокойно и невозмутимо, — подумал я. — Они уже знали, что ночью окажутся на свободе».

— Черт, — пробормотал Кетт. — Если заключенные убегают из-под стражи, люди спросят, на что вообще нужны эти суды.

— Скорее всего, беглецы пробрались через Торпский лес, а потом спустились к реке, — предположил молодой охранник. — Все было спланировано заранее. Никто ничего не знал, пока часовой не увидел, что камера пуста, и не поднял тревогу.

— Тот, кто им помогал, наверняка прежде бывал во дворце графа Суррея, — заметил Кетт. — Ничего, эти подонки еще попадутся к нам в руки. — Он повернулся ко мне. — Как я и говорил, мастер Шардлейк, в лагере полно шпионов и скрытых врагов. Именно поэтому все важные сведения необходимо держать в тайне.

Вернувшись в хижину, я рассказал Бараку и Николасу о побеге близнецов. Обоих эта новость ничуть не порадовала.

— Вот каналы! — вздохнул Джек. — Наверняка они уже на пути в Лондон.

— А может, нашли пристанище у своих друзей в Норфолке, — предположил я. — Думаю, сейчас они побоятся ехать через весь Норфолк. Братья-близнецы всегда обращают на себя внимание, а им это вовсе ни к чему.

Барак окинул взглядом лагерь.

— Удивительно, сколько здесь всего понастроили, — протянул он. — Теперь у каждого есть крыша над головой. Конечно, работы все равно хватает. Я слышал, Кетт хочет, чтобы молодые парни каждый день занимались военной подготовкой. Но так или иначе, пока не явилась эта пресловутая комиссия, у людей будет достаточно свободного времени, чтобы пораскинуть мозгами. Вот увидите, многие решат, что это мы помогли близнецам бежать, — на том основании, что вы защищали их отца. Поди докажи, что мы не питаем к этой парочке гнид никаких симпатий.

— Боюсь, ты прав, — кивнул я. — Николас, сделай милость, будь осторожнее. Самое главное, избегай столкновений с Локвудом. Это может плохо закончиться — причем не только для тебя, но и для всех нас.

— Постараюсь, — буркнул Николас.

Барак провел пальцами по железному крюку, вделанному в протез.

— Любопытно все-таки, кто выпустил на свободу этих шельмецов?

— Тот, кому они заплатили. Или тот, кому заплатил Саутвелл.

— Конечно, подозреваемых в убийстве Эдит у нас хватает, но я бы сделал ставку на этих молодчиков, — заметил Джек. — Мы своими глазами видели, как они забавы ради устроили в Лондоне охоту на беззащитного мальчонку. Мы знаем, что они проломили башку бедному парню из Бриквелла. Думаю, таким подонкам не составит труда прикончить собственную мать.

— И все же я считаю, что они этого не делали, — покачал я головой. — Разумеется, нам надо поговорить с Майклом Воувеллом. Может, от него мы узнаем, существует ли какая-нибудь связь между Гэвином Рейнольдсом и Саутвеллом. Ему, как бывшему управляющему, это должно быть известно лучше, чем любому другому. — Я сунул руку в карман. — Господи, совсем забыл: нам же пришли письма. Причем всем троим.

Так как небо было затянуто тучами, в нашем жилище царил полумрак, и, чтобы прочесть письмо Гая, мне пришлось изрядно напрягать глаза. Почерк его, некогда четкий и ровный, вновь показался мне старческими каракулями. Судя по дате, письмо было написано неделю назад и, значит, разминулось с тем, что сам я на днях отправил доктору Малтону.

Дорогой Мэтью!

Я давно не имею от тебя никаких вестей, но предполагаю, что ты по-прежнему в Норфолке. Каждый вечер я молюсь о твоём выздоровлении и о том, чтобы эти мятеежники не причинили тебе никакого вреда. Прости мою стариковскую тревогу, но с тех пор, как я получил письмо от доктора Белайса, прошел уже почти месяц. Если ты в состоянии написать несколько строчек, очень прошу: сделай это. Тамазин сильно беспокоится о Джеке. Особые опасения

внушает мне молодой Николас, ведь он, вследствие своего горячего нрава, запросто может вступить в столкновение с мятежниками. У нас в столице только и разговоров что об этой смуте. Все боятся, что она докатится до Лондона. Поговаривают даже, что мост в Ричмонде будет снесен, дабы лишить мятежников из Кента и Суррея возможности переправиться через реку.

Что касается меня, то, как сие ни печально, я угасаю с каждым днем. Путь, который мне выпало пройти по грешной земле, подходит к концу, и я готов оставить этот мир. Скорблю лишь об участи Англии в годину столь тяжелых испытаний. К счастью, рядом со мной такие надежные друзья, как Фрэнсис и Тамазин. Надеюсь в самом скором времени узнать, что вы трое — ты, Джек и Николас — целы и невредимы.

Твой любящий друг

Гай Малтон

«Господи, только бы Гай поскорее получил мое последнее письмо!» — подумал я. Мысль о том, что, вернувшись домой, я, возможно, уже не застаю старого друга в живых, заставила меня содрогнуться.

— Что пишет Тамазин? — спросил я, повернувшись к Бараку.

— Ее письмо разминулось с тем, что я отправил несколько дней назад, — нахмурившись, проворчал он. — Она считает, что с моей стороны очень жестоко ничего не сообщать ей о себе. Спрашивает, где я сейчас. Пишет, что дети по мне скучают... — Голос его дрогнул. — Господи Иисусе, похоже, Тамми думает, что почта плохо работает по моей вине. Неужели эта безмозглая баба не знает, что творится в стране?

— Тамазин вовсе не безмозглая, и тебе это известно, — возразил я. — Она прекрасно знает, что происходит сейчас в Англии, и именно поэтому так о тебе беспокоится.

— Что ж, надеюсь, скоро она получит мое письмо, — буркнул Барак. — А не получит, так и наплевать. Жалуется, что деньги у нее подходят к концу. Словно бы я могу ей чем-то помочь отсюда, из

Норфолка. Да уж, судя по письму Тамми, настроение в столице тревожное. Всех, кто с сочувствием отзывается о мятежниках, хватают на месте и тащат в тюрьму. Но Лондон всегда был оплотом правительства. Думаю, любой мятеж обречен там на поражение.

«Да, похоже, каждое слово Тамзин Джек истолковывает в дурном смысле, — вздохнул я про себя. — Над супружеским счастьем этих двоих явно нависла угроза».

— Беатрис чудом получила мое письмо, — сообщил Николас. — Спрашивает, где я сейчас, видел ли мятежников и так ли они ужасны в действительности, как их описывают. По словам Беатрис, матушка ее считает бунтовщиков еретиками и приспешниками дьявола. Она полагает, что, присмотревшись получше, я непременно увижу среди них черную фигуру с рогами и копытами. Что касается самой Беатрис, то она не верит в подобные выдумки, но просит меня не щадить смутьянов и при всяком удобном случае разить их своим благородным мечом. — Внезапно Николас расхохотался, уронив голову на руки. — «Рога и копыта»! «Разить смутьянов своим благородным мечом»! Прежде я считал, что красота и невинность Беатрис обворожительны, а теперь вот думаю: интересно, что бы с нею стало, окажись она здесь, в лагере, без красивых платьев и изысканных духов? Кстати, печать взломана. Значит, письмо читали, и, уж конечно, оно еще сильнее настроило мятежников против меня. Словно бы мне не хватает неприятностей без Беатрис и ее глупостей! — Он в сердцах бросил письмо на пол. — Господи Иисусе, ведь есть же на свете такие женщины, как Изабелла: смелые, разумные, здравомыслящие!

Овертон схватил гребень, который недавно купил у разносчика, и провел им по своим спутанным рыжим волосам:

— Эти чертовы вши сведут меня с ума!

Глава 50

В тот день мне удалось отыскать цирюльника. Он принимал клиентов на улице перед своей хижинкой, в то время как его сосед-сапожник громогласно призывал всех желающих залатать башмаки или поставить на них новые подметки. Прогуливаясь по лагерю, я то и дело ловил на себе неприветливые взгляды. Новость о побеге братьев Болейн облетела всех, а после вчерашнего судебного заседания я стал заметной фигурой; теперь многие знали, что прежде я расследовал дело их отца. Какой-то юнец, стащив штаны, показал мне голую задницу. Меня вновь стали считать врагом, и с этим ничего нельзя было поделать.

Небо потемнело еще сильнее; холодный ветер, прилетевший с запада, шелестел в сухой пожелтевшей траве. Вдалеке, над болотами, тучи рассекала беззвучная вспышка молнии. Пара лошадей, выбиваясь из сил, тащила по песчаной дороге повозку, на которой стояли две здоровенные пушки.

— Это трофеи из Старого Пастонхолла! — крикнул один из солдат, сопровождавших повозку.

Слова эти были встречены радостными возгласами.

Цирюльник оказался дружелюбным и словоохотливым малым; он сообщил, что пришел сюда из Грейт-Массингхэма вместе с другом по имени Томас, крысоловом, чьи услуги пользуются в лагере большим спросом. Едва он успел привести мою бороду и волосы в пристойный вид, как кто-то громко назвал меня по имени:

— Это же мастер Шардлейк! Я его знаю! Хотя он и законник, однако человек добрый!

Повернувшись, я увидел Саймона Скамблера, худого и чумазого, но тем не менее живого и здорового. Стоя в окружении десятка повстанцев, он указывал им на меня.

— Слава богу, — прошептал я и, расплатившись с цирюльником, поспешил к этим людям.

Между ними шел жаркий спор. Скамблер что-то горячо доказывал и, казалось, был готов расплакаться. Какой-то пожилой человек в потрепанном дублете с любопытством наблюдал, как парнишка, по своему обыкновению, яростно размахивает руками. Другие повстанцы, помоложе, хохотали.

— Мастер Шардлейк, замолвите за меня словечко! — взмолился Скамблер. — Они хотят прогнать меня прочь! Пожалуйста, скажите им, что я вполне гожусь в бунтовщики!

— Тише, Саймон, — улыбнулся я. — Как ты здесь оказался? Я искал тебя в Норидже.

— Я просил милостыню! — сообщил парнишка. — Но подавали совсем плохо. Честно сказать, я едва не протянул ноги от голода! — (И действительно, сквозь прорехи в рубашке видны были его выступающие ребра.) — А потом я услышал про этот лагерь. Мне сказали, что здесь собрались добрые люди, которые хотят помочь бедным.

— Я видел этого дурня в Норидже! — сообщил один из юношей. — Он вечно носился по улицам как ошпаренный! — Он повернулся к пожилому мужчине. — Поверьте моему слову, мастер Тудденхэм, нам здесь этот чокнутый ни к чему. От таких, как он, одни неприятности! Да и сейчас парень, похоже, в стельку пьян!

Я подошел к пожилому повстанцу, в котором узнал одного из недавно выбранных сотников. Он смотрел на Скамблера, задумчиво поглаживая бороду.

— Этот мальчик вовсе не пьян! — заявил я. — Если хотите, заставьте его дыхнуть. Поведение Саймона может показаться несколько странным, но, уверяю вас, он далеко не чокнутый. Да и дураком его назвать никак нельзя. У него доброе сердце, и, не сомневаюсь, он будет в лагере полезен. Здесь ведь полно лошадей, правда? — продолжил я, озаренный удачной мыслью. — Я видел, они стоят в загоне. Некоторых пригнали из дворянских поместий. Наверняка есть и такие, кто отличается неуправляемым буйным нравом.

— Это верно, — кивнул сотник, которого называли мастер Тудденхэм. — Одного парня вчера укусил жеребец.

— Юный Скамблер отлично управляется с лошадьми, — сообщил я. — Можно сказать, у него талант по этой части. Поручите ему ухаживать за ними, и сами в этом убедитесь.

— Да, сэр! — воскликнул Скамблер. — Я люблю лошадей, и они любят меня!

— Что ж, Господь говорит, что никто из нас не должен зарывать свои таланты в землю, — глубокомысленно изрек Тудденхэм. — Так и быть, как сотник, я разрешаю этому мальчику остаться в лагере. Сейчас

отведу его к лошадям. — Он впери́л в меня внимательный взгляд. — Но вы, сэ́р, несете за него ответственность. Вас зовут мастер Шардлейк, не так ли?

— Да, горбатый крючоктвор, прислужник этих ублюдков Болейнов! — выкрикнул кто-то.

Повернувшись к своему обидчику, я отчеканил:

— Я никогда не служил братьям Болейн и не намерен служить им! Более того, я сделаю все, чтобы они ответили за преступление, которое совершили!

— Вот и хорошо, — примирительно заметил Тудденхэм. — Этого Скамблера я сейчас отведу к лошадям. А ночевать он будет с вами. Вы ведь живете с крестьянами из Свордстоуна?

— Да, сэ́р. Не сомневаюсь, они будут рады принять мальчика.

— Ты все понял, парень? — спросил сотник, повернувшись к Саймону.

— Конечно, сэ́р! Я буду ухаживать за лошадьми и жить с мастером Шардлейком. Вот увидите, вы не пожалеете, что оставили меня в лагере.

— У вас что, нет никаких дел? — повернулся сотник к юнцам. — Представление окончено. Живо принимайтесь за работу.

Прежде чем Тудденхэм увел Саймона, я успел сказать:

— Увидимся вечером! Спроси, где поселились крестьяне из Свордстоуна!

Петляя между хижинами, сотник и парнишка направились к загону. Я не сомневался, Саймон приятно удивит всех своим умением ладить с лошадьми. А вот насчет того, что ему удастся отыскать нашу хижину, у меня были некоторые сомнения. Еще одна вспышка молнии рассекла небо, раздались отдаленные раскаты грома.

— Скоро хлынет как из ведра! — крикнул кто-то.

Вернувшись в хижину, я первым делом обрадовал Николаса, рассказав ему о встрече с Саймоном. Потом я сообщил вдове Эверник, что у нас будет новый жилец, мальчик-сирота, который на первый взгляд может показаться немного странным. Но у него отзывчивое сердце, и он неизменно платит добротой за доброту, заверил я.

— Можете не волноваться, я о нем позабочусь, — ответила старуха.

Издали доносились какие-то крики. Я спросил, что там происходит.

— Молодые ребята дерутся, а взрослые делают на них ставки, — сообщила тетушка Эверник. — Теперь, когда люди обустроили лагерь, им хочется малость поразвлечься. Я слышала, что капитан Кетт просил прислать из Нориджа плясунов, фокусников и сказочников.

— Он успеет подумать обо всем.

— Капитан Кетт заботится о бедных людях. Если бы не он, мне бы пришлось голодать. Я старая женщина и осталась одна как перст. У меня уже не хватало сил возделывать свой участок.

— Сочувствую вам.

— Мой муж, упокой Господь его душу, умер от лихорадки этой зимой. — Она промокнула глаза кончиком фартука и резко сменила тему: — Скоро здесь будут и другие потехи — петушинные бои, а может, и травля медведей. На склоне холма может разместиться много зрителей.

— Честно говоря, я не любитель подобных забав.

Остаток утра я провел в разговорах с тетушкой Эверник. Мы то и дело поглядывали на небо, однако гроза не спешила разразиться. Николаса послали за кусками кремня, нужными для того, чтобы обложить ими костровище. Безропотность, с которой он согласился выполнить это поручение, приятно удивила меня.

Вскоре после обеда появился Барак.

— Список требований, который мы хотим отправить протектору, готов! — объявил он. — Капитан Кетт ждет вас в церкви Святого Михаила.

Мы направились по тропе, ведущей к церкви.

— И как же вы составляли петицию? — осведомился я.

— Собрались все командиры сотен, сорок шесть человек. Представляете, как трудно такой куче людей прийти к согласию? Сами знаете, жители Норфолка упрямы как черти и готовы до последнего стоять на своем. Мы без конца что-то записывали и вычеркивали. В конце концов Уильям Кетт рассвирепел и пригрозил, что будет сшибать сотников головами, пока они не образумятся. После этого дело пошло на лад. Роберт Кетт настоял на том, что наши требования необходимо огласить сегодня под Дубом реформации. Пусть все повстанцы их одобряют. Только после этого он отправит документ в Лондон. В общем,

несмотря на все препирательства и ругань, петиция получилась толковая.

Войдя в церковь, мы застали там множество людей. Писцы, склонившись над столами, проворно скрипели перьями. Вид у всех был слегка ошалелый. Кетт, сидевший в алтарной части, сделал мне знак подойти:

— Добрый день, мастер Шардлейк. Хорошо, что вы пришли. Что ж, просмотрите наш перечень опытным взглядом законника.

Взяв со стола длинный свиток, исписанный аккуратным четким почерком, он протянул его мне. Хотя речь постоянно шла о «требованиях», каждый новый абзац начинался со слов «Мы смиренно умоляем». Весьма разумно, отметил я про себя. С точки зрения закона этот документ — не более чем петиция.

Я принялся внимательно читать. В большинстве пунктов — всего их было двадцать девять — говорилось об ограничении власти землевладельцев. Речь шла о запрете возлагать феодальные подати на арендаторов, присваивать общинные земли, устраивать голубятни поблизости от полей. Повстанцы просили также вернуть крестьянам право охотиться, собирать тростник и заниматься рыбной ловлей в лесах и на болотах. Некоторые пункты касались священников, излишне приверженных материальным благам и не способным проповедовать Слово Божие. Повстанцы просили удалить подобных священнослужителей и предоставить прихожанам право самим выбрать себе пастырей. Это было достаточно вольнодумное требование, заметно отдающее кальвинизмом.

Некоторые из существующих законов также предлагалось изменить; в одном из пунктов говорилось, что верховного феодала должны избирать жители графства. Кроме того, утверждалось, что верховный феодал и чиновник Ведомства по делам конфискованного имущества не должны ведать распределением должностей и вопросами опеки. Большинство требований сводилось к восстановлению законов и прав, действовавших при короле Генрихе VII, однако в некоторых пунктах предлагались неведомые прежде новшества. Я не мог не признать, что все они весьма разумны. Обращаясь к королю, повстанцы просили его предоставить простым людям право участвовать в выборе уполномоченных, которые будут следить за выполнением законов и постановлений.

Самый радикальный пункт был посвящен Комиссии по незаконным огораживаниям, которую повстанцы желали бы видеть постоянной; они также просили дать простым людям возможность следить за ее работой.

«Тайный совет никогда не допустит ничего подобного», — подумал я, однако тут же решил, что не стоит убеждать в этом Кетта.

В шестнадцатом пункте речь шла об окончательной отмене крепостной зависимости: «Всякий, кто ныне связан, должен обрести свободу, ибо Господь освободил всех нас, пролив за нас свою драгоценную кровь». Мне вспомнился Ральф, изувеченный близнецами, — крепостной, который по закону являлся собственностью своего хозяина. Вне всякого сомнения, Вайтерингтон приказал им с отцом принять участие в захвате земель Болейна, а они не посмели воспротивиться.

— Ну, что скажете? — с легким нетерпением в голосе спросил Кетт.

— В этих требованиях нет ничего противозаконного. У меня лишь одно-единственное замечание: последовательность нескольких пунктов неплохо было бы изменить. Все статьи, которые связаны с правами на землю и такими вещами, как рыбалка и охота, следует поместить вместе. Вслед за ними — те, что имеют отношение к священнослужителям и королевским чиновникам. И наконец, все, что касается комиссии.

— На подобные пустяки попросту не осталось времени, — раздраженно бросил Кетт. — Если мы изменим порядок статей, снова начнутся споры и препирательства. Пора идти к Дубу реформации. Люди уже там, и, прежде чем разразится гроза, я должен ознакомить их с этим документом.

Поблизости от Дуба реформации собралась многотысячная толпа. Среди повстанцев я заметил черного как ночь африканца. Как видно, он только что вернулся из неудавшегося похода на Ярмут. Главным событием, которого ждали все собравшиеся, было чтение списка требований; после этого должен был последовать суд над повстанцами, запятнавшими себя воровством и мародерством, а затем — суд над джентльменами. Обвиняемые, испуганные и понурые, стояли, сбившись в кучку; как и прежде, их караулили солдаты, которыми

командовал капитан Майлс. За столом, рядом с братьями Кетт, сидели Кодд, Эдрич и священник Уотсон. Увидев нас с Бараком, Роберт сделал нам знак остаться на земле у помоста.

Поднявшись, капитан принялся оглашать петицию. Читал он медленно, чтобы слова его успевали передавать в задние ряды. Раскаты грома, сопровождавшие чтение, становились все ближе, и люди с беспокойством поглядывали на небо. Вероятно, они думали о полях, которые оставили дома; дождь был необходим посевам, но ураганный ветер мог повредить слабые колоски.

Каждый новый пункт повстанцы встречали одобрительными возгласами. Особенно бурную реакцию вызывали статьи, в которых говорилось об участии простых людей в обсуждении новых законов. Закончив чтение, Кетт громогласно спросил, согласны ли собравшиеся с этими требованиями. Ответом ему стал оглушительный гул одобрения; впрочем, когда шум затих, раздались голоса, призывающие к уничтожению крупных земельных владений.

— Земля должна принадлежать фермерам, а не лордам! — кричали молодые мятежники, настроенные наиболее решительно.

— Это лишь предварительные требования! — заявил Кетт. — У нас еще будет возможность выдвинуть новые и обсудить их. А сейчас мы должны отправить в Лондон гонца, который доставит нашу петицию лорду-протектору. Никто из вас не возражает против этого?

Вновь раздался одобрительный гул, хотя некоторые сторонники крайних мер и выглядели слегка разочарованными. Роберт, по обыкновению уверенный в себе и непоколебимый, не обратил на это внимания.

Документ был торжественно подписан Кеттом, Коддом и Эдричем, после чего передан одному из солдат, которому предстояло доставить его в Лондон. Толпа заметно поредела, так как, видя приближение бури, многие предпочли укрыться в своих хижинах. Тем не менее начался суд, на этот раз над ворами. Все происходило примерно так же, как и в обычных судах: обвиняемые упорно отрицали, что присвоили деньги и ценные вещи, захваченные в богатых домах, а свидетели громогласно уличали их во лжи. Иногда я шептал на ухо Кетту, что обвинение основано на домыслах или же на показаниях с чужих слов, — и тогда обвиняемого отпускали. Впрочем, по большей части люди, представшие перед судом, были признаны толпой

виновными. Наказанием для них являлось изгнание из лагеря. Когда осужденных уводили прочь, Кетт проводил их печальным взглядом.

— Среди них много самых захудалых бедняков, — вздохнул он. — Жаль, что приходится прогонять их на все четыре стороны.

Я с удивлением взглянул на Роберта. Отрадно было сознавать, что этому человеку, такому властному, решительному и искушенному в политике, не чуждо сострадание. Не многие из сильных мира сего, которых мне довелось встречать, были наделены этим душевным качеством.

Когда с ворами было покончено, начался суд над джентльменами. На помост вывели землевладельца из Свордстоуна. Мастер Диксон, выйдя вперед, обвинил его в посягательствах на права простых людей. Диксон, крепкий мужчина средних лет, церковный староста и арендатор участка в тридцать акров, являл собой полную противоположность своему лорду, худосочному человечку, усвоившему льстивый, подобострастный тон. Смирненно потупив взор, помещик признал, что захватил общинные земли, и пообещал немедленно вернуть их крестьянам. Его показная кротость произвела на толпу столь же отталкивающее впечатление, как и дерзкая бравада других подсудимых; он был признан виновным и оставлен под стражей.

Стоило охраннику увести арестанта, как раздался мощный удар грома, и небеса разверзлись. Из свинцовых туч повалил град, крупные градины обрушились на толпу, застучали по деревянному помосту над нашими головами. Внезапно резко похолодало. Гром продолжал грохотать, за каждым раскатом следовала вспышка молнии, заливавшая все вокруг ослепительно-белым светом. Через несколько мгновений земля была сплошь покрыта градинами, напоминавшими серый снег. Вскоре начался дождь, который обрушился с небес сплошным потоком.

— Суд придется отложить! — провозгласил Кетт. — Бегите все по домам!

Люди, насквозь промокшие и побитые градом, бросились в разные стороны. Внезапно раздался громкий крик, заставивший всех остановиться. Несколько мужчин и женщина средних лет устремились к помосту:

— Мы схватили Ричарда Дэя, законника и колдуна! Выслушайте наши обвинения против него!

Глядя сквозь завесу дождевых струй, я с удивлением узнал в пленнике, стоявшем со связанными руками, своего давнего знакомого. В пору своей службы в Палате прошений я несколько раз сталкивался с Ричардом Дзем, защищавшим интересы богатых помещиков. Будучи сам крупным землевладельцем, он здорово поднаторел в искусстве затягивать дела на месяцы, а то и на годы. Во время заседаний Дэй гневно обвинял свидетелей-простолюдинов, и без того робевших в зале суда, во лжи и клевете. Рослый, статный, седовласый, он умел внушить трепет, а проиграв дело, впадал в бешенство, и не раз бывало, что после заседания Дэй буквально набрасывался на меня, обвиняя в том, что я защищаю «всякий сброд». Ходили слухи, что в своем имении он занимается черной магией и во время споров с арендаторами угрожает навести на них порчу.

Теперь, промокший насквозь, одетый в рваный и грязный дублет, Дэй утратил былую внушительность; лицо и руки его покрывали синяки и глубокие царапины. Кинув взгляд на помост, он увидел меня рядом с Кеттом, и глаза его полезли на лоб от удивления и ярости.

Крестьяне, схватившие Дэя, заставили его опуститься на колени. Какой-то парень, смахнув с ресниц дождевые капли, крикнул:

— Мы гонялись за ним целую неделю! Мерзавец удрал из своего дома, так что мы никак не могли его найти! И только вчера миссис Хоувелл увидела, что он прячется в зарослях шиповника! Мы тащили его из Саффолка, чтобы предать суду!

Вперед выступила женщина.

— Дэй отнял у нас с мужем землю, потому что документ об аренде куда-то исчез, — громко, но с достоинством сообщила она. — Всем известно, что книгу, в которой велись все записи относительно аренды, он уничтожил сам!

Очередной раскат грома сотряс небеса.

— Проклинаю тебя, Шардлейк! — возопил Дэй, дрожа всем телом. — Всех, кто дорог тебе в этом мире, в самом скором времени ждет смерть! Как ты мог стать приспешником этих вонючих ослов, этих бешеных псов, этих грязных свиней, этих мерзких крыс?

По обыкновению многих джентльменов, понося повстанцев, Дэй перечислял едва ли не всех представителей животного мира.

— Смотрите-ка, старый хрыч и правда колдун! — раздались испуганные голоса. — Смерть ему!

Все происходившее напоминало кошмарный сон: оглушительный гром; разверзшиеся хляби небесные; промокшие люди, грозно потрясавшие оружием. Кодд и Элдрич растерянно переглядывались, явно не зная, что делать.

— Дурные поступки этого человека известны повсюду! — провозгласил Кетт. — Но, подобно всем прочим, он предстанет перед судом. А теперь нас ждут другие дела. Ураган наверняка натворил в лагере немало бед, и нам нужно исправить все разрушения. Отведите Дэя во дворец графа Суррея, и пусть его закуют там в цепи. Завтра мы переправим его в Нориджский замок.

Какой-то молодой повстанец легонько ткнул Дэя пикой, и тот испустил пороссячий визг. Солдат выхватил у парня оружие, прежде чем тот успел серьезно ранить арестанта. Дэй рухнул на землю и разразился рыданиями, которые вызвали у окружающих бурный хохот.

— Довольно! — Кетт возвысил голос, перекрикивая шум дождя. — Капитан Майлс, уведите этого человека! Через несколько дней суд решит его участь! А теперь все по домам, пока не превратились в рыб!

Майлс в сопровождении двух солдат подошел к Дэю и заставил его подняться на ноги. Толпа вновь начала расходиться. Гром продолжал грохотать, а ливень, казалось, стал еще сильнее.

— Боюсь, Роберт, наш лагерь просто смочет, если мы не примем меры! — заметил Уильям.

— Ты прав! — кивнул Кетт. — Идем в церковь Святого Михаила. Надо решить, как противостоять стихии.

Признаюсь откровенно, проклятие Дэя произвело на меня жутковатое впечатление. Однако спокойствие и здравый смысл, никогда не изменявшие капитану Кетту, помогли мне вернуться к реальности. «Надо скорее бежать в хижину!» — сказал я себе. Сквозь струи дождя до меня долетел жалобный голос мэра Кодда:

— А нам можно вернуться в город?

— Как вам будет угодно, — проронил Уильям Кетт, после чего встал и спустился по ступеням.

Оба брата зашагали в сторону церкви, словно бы не замечая дождя, хлеставшего их по могучим плечам.

Глава 51

Когда мы с Бараком, хлюпая по лужам, добрались до нашего жилища, дождь наконец смилостивился и утих, а сквозь тучи проглянуло солнце. Лагерь превратился в океан жидкой грязи, все ямы и рытвины были до краев полны водой. Люди начали вылезать из своих хижин, выжимая мокрую одежду и выливая воду из башмаков. Какой-то человек, возможно сотник, призывал всех немедленно отправиться на склон, где дождевые потоки смыли несколько хижин, унесли животных и запасы провизии.

Лачуги жителей Свордстоуна тоже пострадали: у многих протекли крыши, у дверей набежали лужи. Николас суетился вместе с другими, пытаясь исправить причиненный стихией ущерб. Несколько человек притащили из леса длинные сучья, их вкопали в землю и, натянув между ними веревки, стали развешивать мокрую одежду. Я последовал примеру соседей и повесил на веревку промокшую насквозь рубашку. Ко мне подошел Диксон, человек, свидетельствовавший сегодня против свордстоунского землевладельца.

— Убедительно ли я говорил? — осведомился он. — Надеюсь, ваш помощник записал все мои обвинения против этого пройдохи?

— Конечно записал. Уверен, лорд-протектор и члены комиссии не оставят их без внимания.

— Мы уже выпустили свою скотину на общинное пастбище, — усмехнулся Диксон. — Дело сделано, и пути назад нет.

Мимо прошел высокий мужчина с озабоченным лицом. Прежде я встречал его в церкви Святого Михаила и знал, что это один из комендантов лагеря.

— Правильно, братцы, надо просушить всю одежду, — кивнул он нам. — И не забудьте про постели, они наверняка тоже насквозь промокли. Но ничего, солнце быстро высушит папоротник.

Я окинул взглядом нашу хижину, стоявшую посреди огромной лужи, которая натекла с крыши.

— Не слишком похоже на ваш дом на Канцлер-лейн, верно? — ухмыльнулся Барак.

— Да уж, сходства не много, — рассмеялся я.

— Думаю, для многих наших соседей протекающие крыши — самое привычное дело.

Николас, нырнув в хижину, через минуту появился вновь с охапкой папоротника в руках.

— А вы что стоите? — обратился он к нам. — Или я один должен готовить вам сухое ложе?

Я опасался, что в таком хаосе Скамблер не сумеет нас отыскать. Однако вскоре он появился в сопровождении Гектора Джонсона. Саймон заметно прихрамывал, и на подбородке у него темнел свежий синяк.

— Я встретил этого красавца на дороге, — сообщил Джонсон. — Бедняга заблудился, спрашивал всех подряд, где живут люди из Свордстоуна. А вообще-то, он настоящий герой.

— И какой подвиг парень совершил на этот раз?

— Лошади сильно испугались грозы. Некоторые просто взбесились из-за этого грома и града. Носились по загону как сумасшедшие, пытались перескочить через стену. Один здоровенный жеребец принялся колотить по доскам ногами, чтобы сломать ограду, и другие тоже взяли с него пример. Одному Богу известно, как этому парню удалось их успокоить. Правда, сначала конь наступил ему на ногу и двинул своей башкой по лицу, но потом стал как шелковый. Люди говорят, якобы мальчишка поет лошадям песни. Не знаю, правда это или нет, но сегодня он уберег нас всех от больших неприятностей. Если бы кони вырвались и стали носиться по лагерю, они натворили бы много бед.

Старый солдат потрепал мальчика по плечу, тот вспыхнул и смущенно потупился.

— Молодец! — воскликнул я. — Не зря я говорил, что он отлично ладит с лошадьми. Горжусь тобой, Саймон!

Скамблер поднял голову и впервые с того момента, как мы повстречались в лагере, расплылся в улыбке.

Вечером, когда все мы уселись у костра, отчаянно дымившего из-за влажных дров, Саймон поведал о злоключениях, выпавших на его долю после того, как тетка прогнала племянника из дома. Не имея ни работы, ни крыши над головой, он пополнил ряды нориджских нищих. По его

словам, у большинства из них прежде имелась семья или работа, хотя некоторые занимались попрошайничеством с детства. Забыть о своей печальной участи несчастным помогало крепкое пиво, на которое они тратили почти все деньги, что им подавали. Однако Саймон не зря ходил с теткой в церковь; там он твердо усвоил, что пьянство — тяжкий грех, и на предложения хлебнуть пивка отвечал решительным отказом. Впрочем, тех жалких грошей, что ему удавалось собрать, не хватало даже на самую скудную еду; пару раз его всегдашние мучители, бывшие однокашники из церковной школы, задавали Саймону трепку и отнимали все до последнего пенни. Один из знакомых тетки, опустив монетку в его рваную шапку, жалостно вздохнул: «Всякому было ясно, что ты этим кончишь, Грязнуля».

Сердобольная вдова Эверник, услышав, что парнишке пришлось голодать, тут же передала ему тарелку с вареной бараниной, которую тот моментально опустошил. Говорил Скамблер, по обыкновению, быстро, проглатывая слова, и при этом бешено размахивал руками. Но, поглощая мясо, он посмотрел на меня и медленно произнес:

— Как-то раз я сидел у собора, такой голодный, что аж в глазах темнело. Боялся, что скоро умру и попаду напрямик в ад. Тетя Хильда всегда говорила, что таким грешникам, как я, место только в аду и меня там будут поджаривать на...

— Твоя тетя — просто старая ведьма! — перебил Барак.

— Так вот, я сидел у стены, и в шапке у меня не было ни единого пенни. И вдруг я услышал звон монеты. Открыл глаза и увидел три шиллинга! Представляете, мастер Шардлейк, целых три шиллинга! Их подала мне старая миссис Джейн Рейнольдс. Помните, вы видели ее на суде?

— Да. Вот уж не думал, что она способна на подобное милосердие.

— По правде сказать, я малость струхнул. Она стояла надо мной, словно большая ворона. Вся в черном, с головы до ног. Но голос ее показался мне добрым. Она сказала: «Ты был на суде. Несчастный мальчик. Я всегда хотела мальчика. Мне нужно было родить сына, а не бедняжку Эдит». А потом добавила: «Если встретишь моих внуков, беги от них прочь». Лицо у нее было белое как мел, все в морщинах и такое грустное! — Скамблер покачал головой. — Эти три шиллинга меня спасли. Благодаря им я дожил до того дня, когда услышал про лагерь и пришел сюда.

Мы с Бараком и Николасом переглянулись. Полагаю, моим друзьям, как и мне, вспомнились слова, которые Джейн Рейнольдс произнесла на суде: «О моя бедная Эдит, упокой Господь ее душу! Ну что бы ей родиться мальчиком! Насколько все тогда было бы проще!»

— Думаю, старуха немного повредилась в уме, — заметил я. — Иначе почему она все время твердит о каком-то мальчике?

— Возможно, братья Болейн все-таки убили свою мать, — едва слышно проронил Николас.

Ночью в хижине было сыро и зябко, однако наступившее утро предвещало очередной жаркий день. Во время завтрака к нам подошел один из сотников и сообщил, что сегодня всем предстоит много работы, так как водостоки на холме переполнены и вода угрожает затопить все вокруг. Барак сразу предложил свои услуги, Николас вызвался пойти вместе с ним.

— Может, если меня увидят с лопатой в руках, это немного подправит мою репутацию, — усмехнулся он.

Скамблер отправился к лошадям, а я — в церковь Святого Михаила. Однако стражник у дверей сообщил мне, что никаких судов сегодня не будет, так как капитан Кетт занят исправлением урона, причиненного лагерю бурей.

— Преподобный Уотсон, прибыв из Нориджа, хотел прочесть проповедь о том, что вчерашняя буря — это кара небесная за излишнюю гордыню, — с усмешкой добавил стражник. — Однако идея пришлась Кетту не по душе, и преподобный получил от ворот поворот.

Пользуясь выпавшим мне свободным днем, я решил прогуляться и отправился к выступу, откуда открывался вид на Норидж. Шпили городских церквей сверкали в туманной дымке. Дорога, ведущая к Епископскому мосту, превратилась в грязное месиво, в котором застряла пара брошенных повозок. Потоки воды все еще стекали с холма, устремляясь в реку Уэнсум. Они несли с собой доски и куски дерна — остатки разрушенных хижин, а также одежду и прочий жалкий скарб.

«Да уж, стихия и в самом деле натворила в лагере немало бед», — подумал я, покачивая головой.

— Люди, которые хорошо знают эту местность, предупреждали, что не нужно строить домики поблизости от оврагов, — раздался голос

за моей спиной. — Но кто же мог ожидать, что разразится такой ураган. Не припомню грозы ужаснее.

Обернувшись, я увидел капитана Майлса. Как и всегда, поверх дублета на нем был металлический нагрудник. Про себя я отметил, что он старше, чем показалось мне поначалу: глубокие морщины, бороздившие лицо капитана, свидетельствовали о том, что возраст его приближается к пятидесяти. Мы пожали друг другу руки.

— Вы славно поработали во время этих судов, — сказал он, поглаживая бороду.

— Спасибо. Насколько я понял, вы сейчас занимаетесь с молодыми парнями военной подготовкой?

— Верно, — кивнул он, вскинув бровь. — Я и несколько других солдат должны научить людей стрелять из пушек так, чтобы их самих при этом не разнесло в клочья. Задача, скажу я вам, не из легких. Правда, с луками и копьями наши ученики управляются поспоровистее. Слава богу, у большинства деревенских парней была возможность поупражняться в стрельбе из лука, и некоторые весьма в ней поднаторели.

— Вы полагаете, дело дойдет до сражения?

— Откуда мне знать, — пожал плечами Майлс. — В любом случае мы должны быть готовы к битве. К тому же военная подготовка — хорошее занятие для молодых людей. Никто из них прежде не жил в лагерях вроде этого, и неплохо, когда у них почти не остается свободного времени.

— А у вас самого, как я понимаю, большой опыт жизни в лагерях? Для того чтобы стать опытным канониром, нужна немалая практика.

— Я поступил в армию молодым парнем двадцати трех лет от роду. В тот год король Генрих двинул войска на Францию. Сами знаете, из этой кампании ничего хорошего не вышло. Как и из всех прочих военных затей старого короля. — В голосе его послышалась горечь. — Тем не менее я остался в армии. Я был гол как сокол, а там неплохо платили, в особенности когда я стал канониром. Служил я и во время последней войны с Францией, и во время войны с Шотландией. Господи Иисусе, каких только ужасов я там не насмотрелся, даже вспоминать не хочется. Все эти войны принесли тысячи смертей, и ничего больше. У Англии нет повода гордиться своими победами.

— Странно слышать такое от бывалого солдата, — заметил я, глядя ему в лицо.

— Поверьте, любой опытный военный скажет вам то же самое, — усмехнулся Майлс.

Я кивнул, вспомнив рассказы о том, что множество солдат-дезертиров, покинувших Шотландию, ходят по деревням, подговаривая крестьян собираться в лагерь.

— Почему же вы не вышли в отставку?

— Деньги, — пожал плечами Майлс. — Вот единственная причина, по которой я тянул армейскую лямку. Мне нужно было содержать жену и двоих детишек. Не хочу говорить, где они живут сейчас, — в этом лагере наверняка имеются шпионы. Один предатель уж точно есть. Поверьте, эти два мерзавца, братья Болейн, нипочем не сумели бы убежать без посторонней помощи. — Он посмотрел в сторону города. — Шотландия меня доконала. Надоело неведомо зачем подставлять башку под пушечные ядра. Да и платили из рук вон плохо. Вот я и решил: баста, с меня хватит. И теперь я командир всех военных сил лагеря. — Он вперил в меня острый пристальный взгляд. — Капитан Кетт доверяет вам. Надеюсь, вы не обманете его доверия?

— Я принес клятву помогать ему во всем, что касается вопросов закона и правосудия. А свое слово я привык держать.

Майлс задумчиво кивнул:

— Что ж, мне пора. Надо проследить, чтобы пушки, захваченные в поместьях, установили на вершине холма. Пусть напоминают нориджским властям о том, что с нами лучше поладить мирно. А теперь я должен вас покинуть, мастер Шардлейк. Уверен, у нас еще будет возможность поговорить.

Слегка поклонившись, он повернулся и зашагал в сторону лагеря.

К обеду я вернулся домой. Барак и Николас, с ног до головы перемазанные грязью, уже сидели около костровища: в работе сделали небольшой перерыв, чтобы люди смогли поесть. После обеда я предложил прогуляться до вершины холма. Из головы у меня не выходила миссис Рейнольдс.

— Редко встретишь такую несчастную женщину, как старая Джейн, — заметил я, когда мы стояли на гребне холма, обдуваемые приятным свежим ветерком.

— Да уж, ей не позавидуешь, — кивнул Барак. — Муж — мерзкий старый ублюдок, дочь приняла жуткую смерть, внуки — пара бешеных псов.

— Странно все-таки, что, оплакивая дочь, она постоянно твердит о сыне, которого хотела иметь, — заметил Николас. — Похоже, на этом мифическом сыне Джейн слегка свихнулась. Судя по тому, что она сказала о нем даже мальчишке-нищему...

— Может, старуха считает: родись Эдит мальчиком, ее кошмарные сыночки никогда бы не появились на свет, — предположил Барак.

— Не исключено, — кивнул я. — Но чутье мне подсказывает: здесь все не так просто. Жаль, что у меня нет возможности поговорить с миссис Рейнольдс.

— Бедная Эдит, — вздохнул Николас. — Она всем только мешала.

— И кто-то решил ее убрать, — угрюмо добавил Барак.

Крики и проклятья, долетевшие снизу, заставили нас прервать разговор. Толпа человек в пятьдесят двигалась от дворца графа Суррея в сторону дороги, ведущей в Норидж. В центре толпы я заметил Роберта Уортона, юриста и землевладельца. Два дня назад он был признан на суде у Дуба реформации виновным, причем возбудил у толпы особенную ненависть. Руки его были скованы цепями, а глаза полны ужаса. Стражники в латах пытались сдержать разъяренных людей, вооруженных вилами и копьями. Услышав шум, из церкви Святого Михаила выбежало несколько человек, и среди них Тоби Локвуд.

— Что они там разорались? — спросил Барак.

— Кетт сказал, что сегодня нескольких арестантов отправят в Нориджский замок, — вспомнил я.

Судя по всему, некоторые повстанцы решили воспользоваться моментом и совершить расправу над Уортоном. Несмотря на все усилия солдат отогнать толпу от заключенного, какому-то парню удалось ткнуть его вилами. Уортон пронзительно вскрикнул.

— Этого человека никто не приговаривал к смерти, — процедил Николас. — Подобная расправа несправедлива, даже с точки зрения здешней морали.

— Видно, он здорово насолил людям, раз у них так и чешутся руки его прикончить, — заметил Барак.

Еще один парень, изловчившись, ткнул Уортона пикой. Тем не менее солдаты, вооруженные арбалетами, продолжали оттеснять толпу. Один из них ударил по пике дубинкой, выбив ее из рук владельца.

— Ах ты, скотина! — заорал парень. — Стоило тебе получить железный нагрудник и алебарду, как ты стал защитником богачей! Если вы не отдадите этого ублюдка нам, значит вы предатели!

Услышав это, командир охранников, высокий крепкий мужчина лет пятидесяти, пришел в ярость:

— Заткнись, засранец! Не смей называть нас предателями, а не то отрублю тебе яйца! Мы делаем то, что нам поручили! И если вы будете мне мешать, пеняйте на себя!

— Эй, потише, мастер Эчард! — крикнул кто-то. — Мы все знаем, что ты богатый мельник и у тебя служит с полдюжины работников! А у мастера Роберта Кетта тоже есть кожевенная мастерская! За чьи права вы здесь боретесь? Богатых йоменов и ремесленников?

Побагровев от гнева, Эчард бросился к обидчику и схватил его за горло:

— Да будет тебе известно, мы боремся за права всех простых людей в Норфолке. Или ты, болван, не слышал наши требования, которые читали вчера у Дуба реформации? Сейчас бумага с этими требованиями уже на пути в Лондон, где ее передадут королю.

Он оттолкнул парня, который отлетел в сторону и завопил:

— Если мы хотим, чтобы наши требования были исполнены, нечего торчать на этом холме! Надо идти в Лондон и добиваться своего силой!

Толпа все прирастала. Кто-то поддерживал молодого смутьяна; другие, напротив, называли его дураком. Эчард сделал стражникам знак двинуться, и они зашагали по дороге, уводя арестанта. Несколько наиболее рьяных мстителей бежали вслед за ними, пытаясь ткнуть Уортона копиями и вилами.

— Господи Иисусе, они не уймутся, пока не убьют его, — пробормотал Барак.

— Стражники этого не допустят, — покачал я головой.

Николас, стоявший на гребне холма, спустился поближе к дороге. К моему удивлению, к нему подошел Тоби Локвуд. Они обменялись парой фраз — я был слишком далеко, чтобы разобрать, о чем идет речь. Вне всякого сомнения, разговор был спокойным и мирным, без

выкриков, угроз и обвинений. Отойдя на несколько шагов в сторону, Тоби внезапно заорал во всю глотку:

— Среди нас завелся предатель! — Указующий перст Локвуда был направлен на Николаса. — Видите этого молодого джентльмена? Он утверждает, что Уортона следует освободить, а капитана Кетта, напротив, посадить под стражу. Всех простых людей он называет скотами и неотесанными болванами! Неужели это сойдет ему с рук?

Овертон застыл точно громом пораженный. Мы с Баракком подбежали к нему.

— Ник, что несет этот каналья? — орал Джек.

— Он подошел ко мне и стал говорить что-то о сточных канавах, — пробормотал ошеломленный Николас. — Ни об Уортоне, ни о Кетте мы даже и словом не обмолвились.

Глядя в растерянное лицо своего помощника, я ни на минуту не усомнился, что он говорит правду. Спору нет, он наболтал немало глупостей, однако горький опыт явно пошел парню впрок. К тому же я замечал, что взгляды Николаса постепенно меняются.

А Тоби тем временем приближался к нам в сопровождении толпы повстанцев, раздосадованных тем, что им не удалось расправиться с Уортоном.

— Я верю тебе, Ник, — торопливо произнес Барак и обнажил нож, прикрепленный к железной руке. — Но шельмец Локвуд хочет смешать тебя с дерьмом.

Тоби смотрел мне прямо в глаза, на губах его играла злорадная ухмылка. На память мне пришли слова, которые он бросил Николасу во время последней встречи: «Готовься к новым неприятностям, парень! Мы с тобой еще сведем счеты!» Несомненно, ненависть, полыхавшая в душе Локвуда, не имела никакого отношения к политике.

Барак обратился к повстанцам, которые тоже держали оружие наготове:

— Послушайте, друзья! Наверняка вы в курсе, что мы с мастером Шардлейком помогаем капитану Кетту! Николаса мы знаем как облупленного. Ничего подобного он не говорил и сказать не мог. — Джек метнул гневный взгляд на Тоби. — Этот пройдоха просто решил с ним поквитаться. До начала восстания мы работали все вместе, и с тех пор Локвуд имеет зуб на нашего друга. Один раз он уже пытался его

оклеветать. Давайте пойдём к капитану Кетту, и пусть он решит, кто прав, а кто виноват.

— Говорю вам, этот чертов джентльмен — наш заклятый враг! — возопил Тоби, указывая на Николаса.

— Кто-нибудь еще слышал, как Овертон поносил капитана Кетта и простых людей? — спросил я, выступая вперед. — Может, кто-нибудь слышал, как он призывал освободить заключенного?

Повстанцы растерянно переглядывались, не зная, кому верить. Наконец вперед выступил пожилой человек.

— Надо отвести этого красавчика во дворец графа Суррея и посадить под замок, — предложил он. — Капитан Кетт разберется, что к чему. Старый законник прав: никто из нас не знает наверняка, виноват он или нет.

Двое молодых парней схватили Николаса за руки. Попытавшись испепелить Локвуда взглядом, я повернулся к Овертону:

— Не волнуйся, мы сумеем найти правду. Скоро тебя отпустят.

Бедолагу увели. Тоби наблюдал за этим со злорадной ухмылкой.

Мы с Баракком поспешили к церкви Святого Михаила. Стражник сообщил нам, что Кетт по-прежнему в лагере, устраняет последствия бури. Наступил вечер. Близился час богослужения, которое преподобный Коннерс обычно проводил у Дуба реформации. Зная, что Роберт всегда присутствует на вечерней службе, мы решили отправиться туда.

Однако на этот раз все было не так, как обычно. Кетт отсутствовал, но у дуба собралась огромная толпа. Людей, грязных и усталых после целого дня тяжелой работы, наградили несколькими бочонками пива, так что многие уже успели изрядно набраться. Преподобный Коннерс, облаченный в белый стихарь и епитрахиль, стоя на помосте, о чем-то спорил с другим священником, грузным человеком лет сорока. Судя по решительному выражению его лица и упрямо выступавшему подбородку, тот был непоколебимо уверен в своей правоте.

— Сейчас не время, мастер Паркер, — долетел до меня голос преподобного Коннерса.

— А ведь я знаю этого Паркера, — прошептал мне на ухо Барак. — Встречал его, когда работал у лорда Кромвеля. Мэтью Паркер был тогда

капелланом Анны Болейн. Сейчас он один из самых рьяных протестантов.

— Интересно, каким ветром его сюда занесло?

— Если мне не изменяет память, он родом из Нориджа.

— Убирайтесь прочь, мастер Паркер! — крикнули в толпе. — Мы знаем, что лагерь в Кембридже уничтожен не без вашей помощи!

— Отправляйтесь в Кеннингхолл и попытайтесь охмурить там леди Марию! — добавил кто-то еще.

Слова эти вызвали взрыв хохота, хотя некоторым из собравшихся насмешки над высокопоставленным протестантским священником явно были не по душе. Паркер, сердито махнув рукой, спустился с помоста и пошел прочь.

— Давайте, мастер Коннерс, помолитесь за нас хорошенько! — раздавались возбужденные голоса. — Мы знаем Слово Божие лучше, чем некоторые священники. И не сомневаемся, что Господь наш любит бедных людей.

— Думаю, нам стоит вернуться в церковь Святого Михаила, — предложил Барак.

Стражник, стоявший у дверей, сообщил, что братья Кетт наконец вернулись и теперь ужинают. Я отнюдь не был уверен, что нам стоит прерывать их трапезу, однако тревога за Николаса пересилила все прочие соображения. Войдя, мы с Баракком увидели, как несколько человек, склонившись над планом лагеря, отмечают участки, наиболее пострадавшие от стихии. Капитан Кетт, его жена Элис и брат Уильям сидели за столом, стоявшим в алтарном возвышении. Лицо Роберта было багровым от гнева. Никогда прежде я не видел его в такой ярости.

— Сначала они попытались прикончить Уортон, а потом оскорбили преподобного Паркера! — гремел он. — Если так будет продолжаться, наш лагерь станет пристанищем разнузданного сброда!

— Все не так плохо, — попыталась успокоить его Элис. — Просто после вчерашней бури у людей разыгрались нервы.

— Стоит отправить пару-тройку горлопанов в Нориджский замок, как у всех прочих нервы сразу успокоятся, — фыркнул Уильям.

— Не пори чушь! — Роберт стукнул кулаком по столу. — Это только подольет масла в огонь.

— Боюсь, мы пришли не вовремя, — шепнул мне на ухо Барак.

Но Кетт уже заметил меня. Он — человек, которого я начал считать своим другом, — злобно рявкнул:

— О мастер Шардлейк! До меня дошла скверная новость о вашем помощнике, этом мерзавце Овертоне!

— Не сомневаюсь, что эту новость сообщил вам Тоби Локвуд, — ответил я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Капитан Кетт, вам известно, что Локвуд давно уже затаил злобу против Николаса. Прежде вы не придавали значения его наветам.

Однако Кетт находился в слишком скверном расположении духа, чтобы слова мои возымели действие.

— Я прекрасно помню, что мастер Овертон всячески поносил и ругал простых людей. Его выпустили из-под стражи только потому, что вы замолвили за него словечко. А теперь этот тип заявляет, что меня следует посадить под замок, а наш лагерь называет сборищем неотесанных болванов!

— Сэр, поверьте, это злостная клевета. Я присутствовал при разговоре Тоби и Николаса. Дело было после стычки из-за Уортонна, поблизости от дороги, по которой арестанта повели в Норидж. Стоял слишком далеко, так что слов разобрать не мог. Но без сомнения, то был мирный разговор, ничуть не похожий на ссору. Локвуд оклеветал Николаса, чтобы отомстить ему.

— Локвуд утверждает, что еще два человека слышали предательские речи вашего помощника, — заявил Уильям Кетт.

— Значит, он нашел еще двух лжецов! — гневно бросил я. — И наверняка заплатил им!

— Гляди-ка, адвокат Шардлейк называет наших людей лжецами, — ухмыльнулся Уильям, повернувшись к брату.

Роберт несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

— У Локвуда имеются свидетели, и у нас нет оснований ставить их слова под сомнение, — пробурчал он. — Я приказал отвести Овертона в Нориджский замок. Там он будет находиться до тех пор, пока я не отдам другой приказ. — По своему обыкновению, Кетт взглянул на меня так пристально, словно хотел прочесть мои мысли. — А вы, мастер Шардлейк, впредь будьте осмотрительнее!

Глава 52

В ту ночь мы с Бараком остались в нашей крытой дерном хижине вдвоем: Скамблер переселился к своему сверстнику Нетти. Тем не менее спали мы плохо. Вечером, когда мы вернулись на стоянку после неудачной встречи с Кеттом, Саймон спросил, где Николас. Я рассказал о постигшем нашего друга несчастье, и вскоре новость распространилась по всему лагерю. Саймон, успевший привязаться к Овертону, ходил как в воду опущенный. Все прочие бросали на нас любопытные взгляды.

Обсудив ситуацию, мы с Бараком решили выждать, когда Кетт будет в хорошем расположении духа, и обратиться к нему вновь. Уповав на присущее Роберту чувство справедливости, я рассчитывал, что капитан не откажется вызвать Тоби и двух его свидетелей, дабы они повторили свои обвинения в присутствии Николаса.

— Возможно, Кетт захочет устроить судилище под Дубом реформации, — заметил Барак. — Для Ника это может плохо закончиться, ведь он не пользуется симпатией у здешнего народа.

— Ты прав. Именно поэтому разговаривать с Кеттом следует с большой осторожностью.

— Черт бы побрал этого Тоби Локвуда! — в сердцах воскликнул Джек. — Кто бы мог подумать, что он окажется такой мстительной канальей?! Дай мне волю, я бы сделал из него отбивную!

— Если встретишься с Локвудом, не вздумай распускать руки! Это лишь обернется новыми неприятностями, — предостерег я. И, усмехнувшись, добавил: — Хорошо, что ты сейчас не наливаешься каждый вечер пивом.

— Если я и выпивал лишнее, на то всегда имелась причина, — пожал плечами Барак. — После заседаний этого выездного суда, будь он трижды проклят, мне хотелось обо всем позабыть.

Я вышел из хижины, чтобы умыться. В грозу обитатели лагеря наполнили чистой дождевой водой все свободные ведра и тазы, и теперь, впервые за долгое время, у нас ее было вдоволь. Солнце уже село. Лагерь погружался во тьму, лишь кое-где горели костры: яркие точки в сгущавшемся сумраке. Над головой моей бесшумно пролетела летучая мышь. Я немножко прошелся в сторону обрыва; у караульных

постов пылали факелы; внизу, словно россыпь искр, сияли огни Нориджа. Завтра, девятнадцатого июля, будет ровно неделя, как мы обосновались на Маусхолдском холме, вспомнил я.

Утром Бараку поручили составить опись досок и бревен, доставленных в лагерь для починки загонов для скота. Кетт и его коменданты настаивали на том, чтобы все запасы подвергались строгому учету. Саймон Скамблер вновь отправился к лошадям. Посыльный, которого прислал Кетт, сообщил мне, что сегодня судов вновь не будет, так как работы по устранению последствий бури еще не закончены. Предоставленный самому себе, я решил отыскать Майкла Воувелла и узнать, что ему известно об отношениях между семействами Рейнольдс и Саутвелл.

Первым делом я направился к Дубу реформации, излюбленному месту сбора жителей лагеря. По пути я, к немалому удивлению, встретил преподобного Мэтью Паркера; лицо его было багровым от гнева, а белый стихарь весь залеплен грязью. Прихрамывая, он шел в сторону дороги, ведущей в Норидж. Вслед за ним шагали еще один священник и двое слуг. Заметив мой изумленный взгляд, Паркер сердито сверкнул на меня глазами. По всей видимости, моя грязная рубашка, широкополая шляпа, седые борода и волосы ввели его в заблуждение и он принял меня за пожилого крестьянина.

Подойдя к Дубу реформации, я застал там многолюдное сборище. За исключением нескольких человек, лица которых выражали крайнее неодобрение, все собравшиеся пребывали в превосходном настроении. Взгляд мой сразу выхватил из толпы статную фигуру Майкла Воувелла, который перебрасывался шуточками с какими-то молодыми парнями. На нем были кожаные штаны и куртка, а лицо потемнело от загара.

— Что здесь произошло? — осведомился я, подойдя поближе. — Я только что встретил преподобного Паркера. Вид у него был, мягко говоря, не слишком довольный.

Слова мои вызвали новый взрыв хохота у молодых парней, стоявших рядом с Воувеллом.

— Паркер заявился сюда, когда преподобный Коннерс проводил утреннюю службу, и заявил, что прочтет проповедь, — с улыбкой пояснил Майкл. — Взгромоздился на помост и принялся честить нас за то, что прошлым вечером мы напились как свиньи. А потом этот чертов

перечник заявил, что мы должны разойтись по домам, так как члены Комиссии по огораживанию не нуждаются в нашей помощи. Ну, это, может быть, и верно, — добавил он с ухмылкой.

Бывший управляющий Рейнольдса изменился самым кардинальным образом; в нем трудно было узнать того солидного и уравновешенного человека, с которым я познакомился в Норидже несколько недель назад. Он явно предпочитал общество людей значительно моложе себя, настроенных весьма вольнодумно. Как и его молодые друзья, Воувелл впервые в жизни получил возможность открыто выражать собственные чувства и теперь просто упивался ею.

— Прошли те времена, когда священники могли нагнать на нас страху! — заявил один из его приятелей. — Теперь мы не даем им спуска! Парни придумали отличную шутку: забрались под помост и принялись снизу колоть ноги Паркера пиками.

При воспоминании об этой славной потехе все вновь зашлись от хохота.

— Ох, видели бы вы, как он приплясывал! Ему сразу стало не до дурацкой болтовни!

— А потом мы забросали его комьями грязи!

— Удивительно, как он еще не лопнул со злости!

— После преподобный Коннерс вывел на помост детский хор, который он привел с собой из Нориджа, и велел им петь «Te Deum» по-английски. Потеху пришлось прекратить, и Паркер дал деру, — с легким сожалением в голосе сообщил Воувелл.

— Он заметно прихрамывал, — сказал я, не в силах сдержать улыбку.

В конце концов, никто не пострадал, а история, которую мне рассказали, и в самом деле была забавной.

— Скажите, вы ведь тот самый законник, который помогал капитану Кетту на судах? — с любопытством глядя на меня, спросил один из приятелей Майкла.

— Да.

— Законника сразу признаешь по тонким нежным пальчикам, — заметил он. — Каким ветром вас сюда занесло?

— Слишком долго рассказывать.

Любопытство на лицах окружавших меня парней сменилось подозрением.

«Наверняка многие из них были разочарованы, что на судах никого не приговорили к виселице», — подумал я. И смиренно спросил:

— Вы позволите мне поговорить с глазу на глаз с мастером Воувеллом?

— Только послушайте его! — рассмеялся один из парней. — Адвокат спрашивает у нас разрешения, словно считает равными себе.

— Так оно и есть, — убежденно ответил другой.

Разговор приобретал политический оборот. По-прежнему улыбаясь, Майкл взял меня за локоть и отвел на несколько шагов в сторону:

— О чем вы хотели поговорить со мной?

— Я никак не могу выбросить из головы убийство Эдит Болейн и те две смерти, что за ним последовали.

Он пристально взглянул на меня:

— Думаете, все три убийства как-то связаны с побегом этих паскудных близнецов?

— Нет. Но я знаю, что братья Болейн водили компанию с людьми сэра Ричарда Саутвелла. И решил, может быть, у их деда и Саутвелла были какие-нибудь общие дела?

К моему удивлению, Воувелл расхохотался:

— Нет, мастер Шардлейк, на этот раз ваша догадка неверна. Рейнольдс и Саутвелл ненавидят друг друга лютой ненавистью. Они большие искусники строить козни. Таким типам трудно поладить друг с другом. Лет десять назад у них вышла серьезная распря — из-за дома в Норидже, который каждый хотел купить. Саутвелл тогда явился к моему хозяину, и оба орали так, что аж стены тряслись. — Майкл снова рассмеялся. — Может, вам кажется, что здесь, в лагере, люди слишком грубы на язык. Слышали бы вы, какой отборной руганью потчевали друг друга эти два джентльмена.

— И кто же вышел победителем?

— Разумеется, Саутвелл. У него ведь больше и денег, и власти. Но с тех пор Гэвин Рейнольдс затаил на него злобу. Сами понимаете, он не из тех, кто способен забывать и прощать. Старик был в бешенстве, когда его внуки стали водить дружбу с молодчиками Саутвелла. Но если Джеральд и Барнабас чего-то захотят, то никому, даже родному деду, не под силу им помешать. Пришлось Рейнольдсу проглотить эту пилюлю.

— Знаете, мне тут вспомнилась миссис Джейн, бабушка близнецов. Скажите, характер у нее такой же скверный, как и у ее мужа?

— Джейн Рейнольдс из тех, кто боится собственной тени. Иногда мне казалось, что с головой у старухи не все в порядке. — Он пристально взглянул на меня. — Возможно, дочь пошла в нее.

— Помню, на суде миссис Рейнольдс повторяла: «О моя бедная Эдит, упокой Господь ее душу! Ну что бы ей родиться мальчиком! Насколько все тогда было бы проще!» Как по-вашему, что она имела в виду?

— Миссис Джейн частенько несет всякую околесицу, не имеющую ровным счетом никакого смысла, — равнодушно заметил Воувелл. И добавил с внезапной горячностью: — Мастер Шардлейк, я от души желаю забыть эту семейку и все, что с ней связано. Сейчас у меня другие заботы. Я хочу строить новую, справедливую Англию.

— Я заметил, что вы предпочитаете общаться с молодыми людьми. С теми из здешних жителей, кто настроен особенно решительно.

— Вы правы. У этих парней ничего нет, и они хотят получить то, что должно принадлежать им по справедливости.

— Справедливость — это идеал, к которому стремится каждый из нас. Но капитан Кетт намерен избежать кровопролития, а эти юнцы в любой момент могут вспыхнуть как порох.

— В точности то же самое заявил и Мэтью Паркер, — с горечью усмехнулся Воувелл. — Мастер Шардлейк, у меня нет никаких сомнений, что вы добрый и благородный человек. Но вы навсегда останетесь джентльменом, и с этим ничего нельзя поделать.

Вечером, после работы, в лагере наступило время развлечений. Люди собрались на склоне за церковью, представлявшем собой огромный природный амфитеатр. Мы с Бараком тоже решили развеяться. Придя туда, мы увидели жонглеров, которые с невероятной ловкостью подбрасывали и ловили множество разноцветных шаров. Потом настал черед канатоходца. Натянув канат между стволами деревьев, он двинулся по нему, балансируя длинным шестом, который держал в руках. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за каждым его шагом. Благополучно добравшись до противоположного конца, циркач

соскочил с каната под оглушительные аплодисменты. Люди, довольные тем, что он цел и невредим, бросали ему монеты.

После выступления канатоходца начались петушинные бои. Смотреть на них у меня не было ни малейшего желания, и я предложил Бараку немного прогуляться.

— Ты заметил, что соседи стали относиться к нам иначе? — спросил я. — За обедом они почти не разговаривали с нами. И никто не предложил нам пойти сюда вместе.

— Это все из-за ареста Николаса. У меня постоянно спрашивают, что он натворил, но я отвечаю, что произошла ошибка. Думаю, завтра нам надо опять поговорить с Кеттом.

— Что ж, попытаемся. Но прежде следует узнать, в каком он настроении. Может, стоит спросить у караульного?

— О чертовой комиссии по-прежнему ни слуху ни духу, и это тревожит капитана, — заметил Барак. — Груз ответственности, который он на себя взвалил, слишком тяжел. Боюсь, сейчас ему не до нашего Николаса.

— Это точно.

— Глядите-ка, вон стоят Нетти и Грязнуля Скамблер. Похоже, они стали закадычными приятелями.

Мы приблизились к мальчикам. Они составляли резкий контраст друг с другом: крепко сбитый, уравновешенный Нетти и тощий, порывистый Скамблер.

— Да ниспошлет Господь вам обоим доброго вечера, — приветствовал я их.

— И вам тоже! — жизнерадостно откликнулся Нетти.

— Как поживает твой земляк, юный Стивен Уолкер?

— Неплохо. Он поселился вместе со своими односельчанами из Сандлингса.

— А ты не хочешь перебраться к нему?

— Нет, — покачал головой Нетти. — Я там почти никого не знаю. И мне нравятся все эти люди из Свордстоуна. Они по-доброму относятся к приبلудышам, вроде нас с Саймоном. — И Нетти покровительственно хлопнул своего друга по плечу.

— Да, хотя мы и приبلудыши, мы им не в тягость, — кивнул Скамблер и улыбнулся мне так робко, словно бы не мог поверить в подобное везение.

Тут до меня дошло, что судьбы этих двоих, столь несхожих внешне мальчиков, во многом совпадают.

— Сейчас будет представление кукольного театра! — повернулся Саймон к приятелю. — Пошли посмотрим!

— Идем быстрее! Я такого в жизни не видывал!

— Кукольники пришли из Нориджа! — возбужденно сияя глазами, сообщил Скамблер. — В городе я уже смотрел их спектакль! Это было здорово! — Он радостно захлопал в ладоши и повернулся к нам. — А вы пойдете?

— Думаю, да. Я не любитель петушиных боев, но ничего не имею против кукол.

— Мастер Шардлейк не переносит вида льющейся крови, — пояснил Барак.

— Это правда, — вынужден был признать я.

Вернувшись к Дубу реформации, мы увидели, что там уже установили высокую, ярко раскрашенную сцену, задернутую занавесом. Зрители добродушно шумели, по рукам ходили фляги с пивом. Судя по долетавшим до меня жалобам на то, что капитан Кетт приберегает крепкое пиво, напиток в этих флягах был совсем легким.

Наконец занавес поднялся. Декорации представляли собой комнату в богатом доме. Зрители загудели от восторга, увидев искусно сработанные миниатюрные столы, кресла и даже буфет, на полках которого стояли крошечные тарелки и чашки. Через несколько мгновений появились две марионетки, управляемые актерами, стоявшими на коленях за ширмой. Одна из них, судя по костюму, изображала богатую леди, а другая — джентльмена. На грубо намалеванных лицах обеих кукол застыло злобное выражение.

— Рента, которую мы получаем за нашу землю, так мала, что мне не хватает денег на красивые платья, — изрекла леди пронзительным визгливым голосом. — Что нам делать, мой любезный супруг? Мне нечем даже голову покрыть, ведь я не могу купить себе модный чепец!

Муженек отвечал низким раскатистым голосом, напоминающим звериный рык:

— Не беспокойся, моя любезная супруга, я знаю, что делать! Я прогоню с наших земель этих жалких противных людишек и отдам землю овцам!

Дамочка радостно захлопала в ладоши. На сцене появился управляющий, тоже явный и несомненный злодей. Он предложил подкупить законника, который скажет арендаторам, что срок аренды истек. Адвокат, облаченный в черную мантию и шапочку, не замедлил предстать перед зрителями.

Саймон наблюдал за происходящим на сцене, аж подпрыгивая на месте от возбуждения. Выяснилось, что в пьесе есть еще один персонаж — йомен, владеющий собственным наделом. То был очевидный намек на Роберта Кетта. Его сопровождало несколько арендаторов, заявивших, что отныне земля, которую они возделывают, принадлежит им. После чего, разумеется, завязалась драка — неременная кульминация любого кукольного представления. Зрители катались со смеху, глядя, как марионетки колотят друг друга дубинками. Даже флегматичный Нетти крикнул, подбадривая арендаторов:

— Задайте им хорошенько!

Как и следовало ожидать, победа осталась за фермерами и их предводителем, в качестве трофеев утащившими с собой всю мебель. Леди, джентльмен и их приспешники — законник и управляющий, — побитые и унылые, остались на голой сцене.

Представление нельзя было назвать глупым, однако особым остроумием оно тоже не отличалось и потому вскоре мне наскучило. Повернувшись к Нетти, я спросил у него, что в лагере говорят насчет Ника.

— Многие считают, будто бы он и в самом деле ненавидит всех нас и капитана Кетта, — вздохнул парнишка. — А вот тетушка Эверник говорит, что мастер Николас был совсем безвредный и ни на кого не держал зла. Хотя и чувствовал себя здесь как рыба, которую вынули из воды. Люди прислушиваются к ее словам, — добавил Нетти с улыбкой.

— В прошлом Ник наговорил немало глупостей, но сейчас его попросту оклеветали. Тоби Локвуд, который работал с нами прежде, ненавидит Николаса. Вот он и решил свести с ним счеты.

— Правда? — На простодушном лице Нетти отразилось величайшее недоумение.

— Чистая правда, клянусь тебе.

— Подтверждаю, — подхватил Барак.

— Тоби Локвуд теперь в большой силе, — вскинув бровь, протянул Нетти. — Он умеет читать и писать, да и голова у него хорошо варит. Но ничего, капитан Кетт во всем разберется.

— Надеюсь, — вздохнул я и вновь обратил свое внимание на сцену.

Представление близилось к концу. Лорд и леди, оставшиеся в пустом доме, ругались, решая, что же им теперь делать.

— Жена, впредь тебе придется позабыть о нарядах, — изрек муж. — Все твои красивые платья мы продадим, а ты будешь одеваться, как супруга простого пастуха.

Дамочка пронзительно заверещала, после чего произошло нечто необычное: кукловод бесцеремонно перевернул марионетку вверх ногами и стащил с нее роскошное платье, под которым оказалось еще одно — убогое и рваное. Удивление публики достигло предела, когда точно так же он поступил и с головой куклы: выяснилось, что под головой леди скрывается другая, всклокоченная голова бедной женщины. Зрители отчаянно били в ладоши и буквально ревели от восторга. Я ощутил, как некая смутная мысль промелькнула где-то на задворках моего сознания. Каким-то образом это было связано с делом Болейна. Однако Саймон, восторженно толкнувший меня в бок острым локтем, не дал мне додумать ее до конца.

— Мастер Шардлейк, вы видели? Вот так ловко! Ну до чего же это было здорово, правда?

— Да, Саймон, это было великолепно, — кивнул я, так и не сумев поймать за хвост ускользнувшую мысль.

Представление закончилось, марионетки принялись раскланиваться. Кукловоды поднялись из-за ширмы и тоже поклонились. Наградой им был шквал аплодисментов.

Овации стали стихать; внимание толпы теперь было направлено в другую сторону. Я заметил молодого человека, что-то оживленно говорившего; вокруг него начали собираться слушатели. Приглядевшись, я узнал Эдварда Брауна. Мы с Бараком поспешили к нему. Опасаясь, что с Джозефиной произошло какое-то несчастье, я схватил его за руку повыше локтя:

— Эдвард, что случилось?

— Наши осведомители сообщили, что королевский посланник выехал из Лондона и во весь опор мчится в Норидж, — выдохнул

Браун. — Скоро он и его свита будут в Ваймондхеме. Городской совет уже извещен о его приезде, в городе ведутся приготовления. Мы узнали все это от слуг, работающих в богатых домах. Среди них немало наших друзей.

— А капитан Кетт знает о скором прибытии королевского посланника?

— Я только что сообщил ему.

— Значит, к нам приедет посланник, а не комиссия? — спросил кто-то.

— Да. И он направляется в Норидж, а не в лагерь. Но очень может быть, что посланник этот везет ответ на наши требования! — возбужденно сверкая глазами, добавил Эдвард. — Я слышал, что в другие лагеря тоже были посланы королевские герольды.

— Может, он и привезет ответ, — едва слышно пробормотал Барак, теребя свой протез. — Вот только я не уверен, что ответ этот придется нам по душе.

Глава 53

Эдвард, сообщив свою новость, намеревался без промедления вернуться в Норидж. Я попросил его задержаться на несколько минут и рассказать, как обстоят дела в городе.

— Кое-где вспыхивают стычки, но ничего серьезного, — усмехнулся он. — Джентльменов освистывают и толкают на улицах, срывают с них шляпы и все такое. Некоторые парни развлекаются, показывая им голые задницы.

— Как поживает Джозефина? И маленькая Мышка?

— Мышка стала румяной и пухленькой благодаря деньгам, которые вы нам дали. А вот Джозефина вся извелась. Из-за этих волнений в городе и разговоров о том, что ждет всех нас, бедняжка не знает покоя. Бойтся, что дело дойдет до резни на улицах, и каждый день вспоминает о тех ужасах, которые пережила в детстве. Мне постоянно приходится уходить из дому, и, когда жена остается одна, она буквально места себе не находит. Я пытаюсь ее успокоить, но тщетно.

— Тревогу Джозефины можно понять, — вздохнул я.

— А вот у вас, сэр, вид прямо-таки цветущий, — заметил Браун. — Не ожидал, что вы так быстро поправитесь.

— Да, как ни странно, спать на куче папоротника нравится моей спине больше, чем нежиться на перине, — рассмеялся я. — Теперь мне не приходится целыми днями сидеть за письменным столом, и это тоже идет ей на пользу. Если бы не проклятая жара, я бы чувствовал себя превосходно.

— Да уж, жара порядком всем надоела.

С этими словами Эдвард поклонился и чуть ли не бегом припустил назад в город.

Вечером несколько человек собрались у откоса, чтобы полюбоваться на раскинувшийся внизу Норидж. Вид оставался таким же прекрасным, как и прежде, лучи закатного солнца золотили шпили городских церквей. Как всегда по вечерам, караульные посты были усилены новыми стражниками, вооруженными луками и пиками. Капитан Майлс расхаживал туда-сюда, проверяя, в каком состоянии пушки, сухой ли порох и достаточно ли ядер. В ту ночь никому не

спалось, ибо люди знали, что утром прибудет королевский посланник. Бóльшая часть жителей лагеря пребывала в радостном ожидании, однако никто не был уверен в том, что ответ будет благоприятным. Лежа в своей хижине, мы с Бараком то и дело слышали топот копыт — это гонцы спешили в церковь Святого Михаила.

Назавтра обстановка стала еще более напряженной. Осведомители сообщали, что городской совет ожидает прибытия королевского посланника с часу на час, однако он так и не появился. На следующее утро, двадцать первого июля, о герольде по-прежнему не было ни слуху ни духу. Мы с Бараком обычно не ходили на утреннее богослужение, но тут отправились к Дубу реформации вместе со своими соседями. Птицы весело щебетали, порхая в пожелтевшей от жары траве и в ветвях деревьев.

У дуба собралась огромная толпа. Преподобный Коннерс перед началом службы сообщил, что королевский посланник должен приехать в самом скором времени. После этого он начал читать молитвы. Я внимательно наблюдал за ним. Этот высокий худой человек был известен своей приверженностью идеям общего блага и стремлением решить любые проблемы мирным путем. В каждом его слове, в каждом взгляде ощущались глубокая искренность и доброта. Для проповеди он избрал отрывок из Евангелия от Матфея: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».

— Какую бы новость ни принес посланник, — сказал Коннерс, — он может нелюбезно отозваться о лагере и даже назвать его обитателей бунтовщиками и предателями. Именно так поступали герольды в других лагерях. Возможно, — продолжил преподобный, — нам придется пойти на некоторые уступки. Как бы то ни было, каждый предстоящий шаг следует обдумать самым тщательным образом.

Собравшиеся внимали ему затаив дыхание. Я почувствовал, что на душу мою снизошло спокойствие, которого я не ощущал годами. Оно явилось, как дар свыше, без всякого моего участия. Я выпустил вздох столь глубокий, что привлек несколько любопытных взглядов.

Преподобный Коннерс завершил свою проповедь словами о том, что всеобщий мир и согласие приведут к торжеству справедливости, после чего мы хором спели по-английски «Te Deum» и несколько псалмов. Голос Саймона, стоявшего неподалеку от меня, был так звонок и чист, что люди невольно оглядывались на него.

— Ну и парень! — пробормотал Джек, чей собственный голос был столь же благозвучен, как у мартовского кота.

Пение наше было прервано появлением запыхавшегося и потного юнца, который, взобравшись на помост, прошептал что-то на ухо преподобному Коннерсу. Тот, кивнув, обратился к толпе:

— Королевский посланник прибыл. Сейчас он в Норидже. Нам сообщают, что, немного отдохнув, он намерен отправиться сюда.

Услышав это, многие обитатели лагеря, включая меня, Барака, Нетти и Саймона, устремились к откосу; некоторые спустились с холма чуть ниже, чтобы лучше видеть дорогу, ведущую в город. Прошел час, потом другой, но посланник не появлялся. До нас доносился лишь звон нориджских колоколов, призывавших к утренней службе. У церкви Святого Михаила царило оживление, люди без конца сновали взад-вперед. Ко мне подошел стражник и сказал, что капитан Кетт хочет меня видеть.

Войдя в церковь, я заметил нескольких человек, расположившихся за столом в алтарной части. Лицом ко мне сидели Уильям и Роберт Кетты, а также капитан Майлс. Все прочие тоже были мне знакомы, хотя я никак не ожидал встретить их здесь: Майкл Воувелл, Тоби Локвуд, старый Гектор Джонсон, Эдвард Браун, вновь явившийся из Нориджа, и, к моему великому удивлению, Питер Боун. Кетт сделал мне знак сесть. Никогда прежде я не видел его таким встревоженным и обеспокоенным.

— Адвокат Шардлейк, мне необходим ваш совет, — произнес он и шумно перевел дыхание. — Как вам известно, сегодня в наш лагерь должен приехать королевский посланник. Именно поэтому я созвал сюда людей, хорошо друг с другом знакомых и способных откровенно выразить собственное мнение. Это и простые обитатели лагеря, такие как Питер Боун; это и военные, и управляющие, и жители Нориджа. Я знаю, что вы не в ладах с мастером Локвудом, но прошу вас на время забыть все распри. Как нам следует принять королевского посланника? Вот вопрос, на который необходимо найти ответ.

Кетт вновь перевел дыхание. Я с раздражением подумал, что этот человек нарушает нашу договоренность, согласно которой я обязался давать ему советы лишь относительно вопросов правосудия. Однако возможности встать и уйти у меня, сами понимаете, не было.

— Прежде всего должен сообщить вам, что вчера вечером гонец привез в лагерь письмо от лорда-протектора. — Кетт потряс в воздухе листом бумаги. — Насколько мне известно, подобные письма были доставлены и в другие лагеря Восточной Англии. Все они начинаются в точности так же, как и это послание, — с упреков в мятеже и неповиновении, однако содержат и определенные обещания. Например, в ответе, отправленном в Тетфорд, говорится, что впредь члены комиссий по огораживаниям будут избираться местными жителями. — Сидевшие за столом одобрительно закивали, но Кетт вскинул руку. — Письмо, которое получили мы, тоже начинается с выражений недовольства. В нем сказано, что король считает себя оскорбленным, ибо мы имели дерзость говорить с ним как враги, чувствуящие за собой силу. Можно подумать, мы мало выражали свою преданность и верность его королевскому величеству и лорду-протектору, — процедил Роберт, и голос его дрогнул от досады. — Что же касается обещаний, они отличаются крайней неопределенностью. Дескать, члены комиссии разберутся с незаконно огороженными пастбищами, но нам придется подождать до нового заседания парламента в октябре, ибо только парламент сможет заставить помещиков выполнить решения комиссии. Те из вас, кто разбирается в политике, — здесь капитан выразительно взглянул на меня, — знают, что парламент состоит исключительно из высокородных лордов и джентльменов. Можно не сомневаться, они никогда не одобряют мер, направленных против крупных землевладельцев. В заключение протектор повелевает нам разойтись по домам и не вынуждать его, — тут Кетт бросил взгляд на письмо и прочел вслух: — «...применить суровые меры».

— У меня много осведомителей в сельской местности, — поглаживая голову, сообщил Локвуд. — По их словам, нигде, кроме Кента и Эссекса, комиссия еще не появлялась. Протектор утверждает, что выполнит свои обещания лишь тогда, когда лагеря будут распущены. В Кентербери ходят упорные слухи, что их предводитель по имени Латимер свернул лагерь, ибо был подкуплен правительством. — Злобно сверкнув глазами, Тоби продолжил: — Нам известно, что тысяча солдат была направлена в Оксфордшир. В местечке, называемом Чиппинг-Нортон, завязался кровопролитный бой. Многие повстанцы схвачены. Вскоре они будут преданы суду и, вероятно, отправлены на виселицу.

— Но оксфордширские повстанцы творили в окрестных деревнях всякого рода бесчинства, — заметил Майлс. — А в нашем лагере царят строгий порядок и дисциплина. Мы сразу же заявили, что верны королю, стремимся к всеобщему миру и не желаем кровопролития. Мы никого не убили и не собираемся убивать.

— Однако мы взяли в плен нескольких землевладельцев, — вмешался Гектор Джонсон. — Мы разоряли богатые особняки, захватывали скот, провизию, оружие и деньги. Как посмотрит на это протектор?

— Нам необходимо кормить несколько тысяч человек, — возразил Майлс. — Уничтожая незаконные пастбища, мы делали за членов комиссии их работу.

— Скажите, а петиция, состоящая из двадцати девяти пунктов, уже доставлена в Лондон? — спросил я. — Насколько я помню, гонец отправился в путь в среду.

Уильям Кетт запустил руку в свою седую гриву.

— Да, протектор уже получил перечень наших требований. Мы направили в Лондон своих осведомителей, но они пока молчат.

— Не исключено, суровый тон письма объясняется тем, что протектор хочет запугать нас, — предположил Майкл Воувелл. — А королевский посланник, прибыв в лагерь, возможно, согласится пойти на уступки.

— Капитан Кетт, я уже делился с вами своим мнением и ныне выскажу его вновь! — произнес я, набрав в грудь побольше воздуха. — Ни лорд-протектор, ни Тайный совет никогда не допустят, чтобы простые люди участвовали в управлении страной.

— Слова истинного джентльмена! — фыркнул Тоби Локвуд.

— Не смейте оскорблять адвоката Шардлейка! — Роберт Кетт стукнул кулаком по столу. — Пусть он говорит, что думает.

— Благодарю вас, капитан, — кивнул я. — Но я уже сказал все, что хотел. Могу лишь добавить, что правительство, вне всякого сомнения, видит в нашем лагере угрозу. Ведь он самый большой в Англии.

— Какие бы вести ни принес посланник, мы сохраним лагерь, — заявил Кетт. — Пусть все видят, насколько мы сильны.

Пристально посмотрев на него, я подумал, что он, подобно всякому дальновидному командиру, всегда рассматривает несколько вариантов развития событий.

— Но если нам не сделают никаких уступок, то на что рассчитывать крестьянам? — спросил Уильям Кетт. — Мы давно уже поняли, что хорошего урожая в этом году ждать не приходится, а недавняя буря повредила даже те жалкие всходы, что появились на полях. Как бы ни сложились обстоятельства, в одном я уверен: в большинстве своем люди не захотят покинуть лагерь.

Все прочие вновь закивали в знак согласия.

— Если мы сохраним лагерь, достаточно ли в нашей казне денег для того, чтобы закупать съестные припасы на нориджском рынке? — осведомился Гектор Джонсон.

— Денег у нас хватит, — заявил Кетт. — По крайней мере, на какое-то время.

— А что, если королевский посланник прикажет властям Нориджа закрыть для нас ворота? — задал очередной вопрос Джонсон. — Вне всякого сомнения, отцы города с готовностью выполняют подобный приказ. А той малостью, которой можно разжиться в окрестных деревнях, такую прорву людей не прокормишь. Нас ведь уже почти девять тысяч.

— Ответ на этот вопрос очевиден, — подал голос капитан Майлс. — Я буду говорить прямо, как и положено солдату. Городские стены Нориджа — это не слишком надежная защита, местами они совсем обвалились. Нам не составит труда переправиться через реку и захватить город.

— К тому же многие местные стражники и констебли перейдут на нашу сторону, — добавил Эдвард Браун. — Пушек в Норидже совсем мало, и все они старые. А городские бедняки наверняка нас поддержат.

— Тем не менее, если отцы города решат оказать нам сопротивление, без кровопролития не обойдется, — произнес Роберт Кетт. Помолчав, он продолжил: — Надеюсь, нам не понадобится брать Норидж приступом. Возможно, королевский посланник сообщит, что наши требования в скором времени будут удовлетворены. В противном случае придется захватить город, ибо другого выхода у нас нет. Думаю, все жители нашего лагеря понимают это.

— Главным нашим оружием будут луки, — сообщил Майлс.

— Наши парни каждый день упражнялись в стрельбе, и теперь у нас немало метких лучников, — добавил Джонсон.

— Не забывайте, королевский посланник — это человек, облеченный весьма высокими полномочиями, — вставил я. — Хотя, конечно, было бы лучше, если бы вместо него в Норидж прибыла долгожданная Комиссия по огораживаниям...

— Давайте смотреть правде в глаза! — заявил Эдвард Браун. — Комиссия — это какой-то призрак, растаявший, словно дым.

— То, что герольд перво-наперво отправился в Норидж, вполне понятно, — продолжал я. — Ему необходимо поесть и отдохнуть с дороги. А также узнать о том, какие настроения царят в лагере.

— Городским властям это прекрасно известно, — пожал плечами Уильям Кетт. — Нет никаких сомнений, в лагере у них полно осведомителей.

— Пока у нас еще есть надежда, что все решится мирным путем, — заметил я.

— Будем молиться Господу, чтобы Он помог нам обойтись без кровопролития, — вздохнул Майлс. — Я надеюсь целым и невредимым вернуться в Лондон, к своей семье. Мне сообщили, что моих жену и детей усиленно ищут, расспрашивают о них повсюду, в том числе и в столице, поблизости от Епископских ворот... — Едва эта фраза сорвалась у него с языка, капитан досадливо зажмурился и замотал головой. — Ах я старый болван! И зачем только я сказал вслух, где они живут! Умоляю вас всех: никому об этом ни слова!

Никогда прежде я не видел Майлса таким встревоженным и расстроенным.

— Я надеюсь, все здесь присутствующие будут молчать о нашем сегодняшнем разговоре, — заявил Роберт Кетт, обведя взглядом сидевших за столом. — Всякий, кто не сумеет удержать язык за зубами, будет взят под стражу. Я весьма признателен всем вам за то, что вы были со мной откровенны, капитан Майлс. Но ваша тревога напрасна: среди нас нет предателей.

— Благодарю вас. — Майлс сжал кулаки. — Господи Иисусе, я поклялся жене и детям, что никому ни словом не обмолвлюсь о том, где они живут. Простите, что я так разволновался. Но семья — это все, что у меня осталось.

— Вам не о чем беспокоиться, сэръ, — мягко произнес Питер Боун. — Вы можете на нас положиться.

По требованию Кетта все мы поочередно поклялись на Библии, что будем хранить молчание.

— Благодарю вас, — вновь кивнул Майлс.

Лицо его оставалось сосредоточенным и напряженным. Видно было, что он погружен в размышления о возможном штурме Нориджа, который ему предстояло возглавить.

Раздался громкий стук в дверь, и в церковь ворвался молодой парень, весь красный от возбуждения.

— Посланник уже едет! — сообщил он. — По дороге скачет множество всадников в красивых мантиях! Там и Кодд, и Элдрич, и другие важные горожане!

Кетт вскочил. Лицо его стало непроницаемым.

— Что ж, дождались, — проронил он и приказал, повернувшись к парню: — Передай людям, чтобы собирались у Дуба реформации. — Роберт обвел нас глазами. — Капитан Майлс, возьмите нескольких вооруженных стражников и ступайте с ними на вершину холма. Все остальные, идите со мной.

Мы поспешно направились к откосу. Там уже было полно народу. Я заметил Барака, стоявшего рядом с Саймоном, Нетти и жителями Свордстоуна. Пришла даже вдова Эверник. Губы ее шевелились, — вероятно, она читала молитву. Я подошел к ним.

— Наконец-то узнаем, чего нам ждать, — тихонько сказал Барак.

Из-за поворота появилась кавалькада, насчитывавшая примерно два десятка всадников. Позади тащился пешком какой-то мужчина в мантии, украшенной городским гербом — львом на фоне замка. В руках он держал меч.

— Глядите-ка, старый Петтибон, городской меченосец. Он уже ничего не соображает и, говорят, мочится в штаны.

Всадник, возглавлявший процессию, был облачен в мантию королевского посланника — красную, с синей отделкой и золотой каймой, и в черную шляпу с павлиньим пером. За ним следовали Кодд, Элдрич, преподобный Уотсон и еще несколько человек в мантиях олдерменов. Саймон как замороженный смотрел на разноцветное одеяние посланника.

— Красота-то какая! — прошептал он. — В жизни такого чуда не видал.

Капитан Майлс привел с собой небольшой отряд солдат в железных шлемах и нагрудниках, с пиками и луками в руках. Толпа громко приветствовала их появление. Они выстроились в некотором отдалении от гребня холма, однако достаточно близко, чтобы королевский посланник мог их видеть. Братья Кетт вышли вперед.

Кавалькада остановилась прямо перед ними. Герольд, крепко сбитый мужчина средних лет, с заостренным узким лицом, окинул огромную толпу неприязненным взглядом. На несколько мгновений в воздухе повисла тишина. Глаза посланника задержались на вооруженных парнях под предводительством Майлса.

Роберт Кетт сделал шаг навстречу и низко поклонился:

— Господин посланник, покорнейше просим вас вместе с нами отправиться к Дубу реформации, излюбленному месту наших соборщ. Все жители лагеря придут туда, дабы услышать привезенные вами вести.

Посланник, поколебавшись, надменно кивнул. Братья Кетт двинулись к дубу; толпа, расступившись, пропустила всадников и устремила след за ними.

У дуба уже шумело безбрежное людское море. В передних рядах стояли вооруженные повстанцы, вне всякого сомнения занявшие столь видные места не без умысла.

— Я должен спешиться, — сквозь зубы процедил посланник.

Один из его спутников принес табурет; герольд, соскочив с лошади, поднялся на помост. Нориджские советники последовали его примеру. Старый Петтибон, вскинув меч, застыл внизу. Посланник, вновь окинув толпу взглядом, извлек из сумки, висевшей у него на плече, свиток пергамента.

— Это воззвание его королевского величества Эдуарда Шестого, — громогласно изрек он. Тон его был суров и высокомерен. Развернув свиток, он принялся читать: — «Внимайте, вы, собравшиеся здесь, и ты, Кетт, зачинщик дерзостной смуты...»

Услышав подобное вступление, толпа злобно загудела. Лицо Кетта сначала побледнело, а потом побагровело от гнева.

— «Все, кто имеет уши, да услышат, — продолжал чтение посланник. — Заветы наших предков, достоинство нашего королевства и величие королевского имени требуют, чтобы вы, дерзкие мятежники, посмевающие злонамеренно обратить оружие против собственной страны

и ввергнуть ее в пучину бунта, были истреблены огнем и мечом и подвергнуты строгой каре за все совершенные вами злодеяния. Однако доброта и снисходительность его королевского величества столь безграничны, что изливаются даже на недостойных. Король оказывает вам великую и несравненную милость, оставляя ваши отвратительные деяния безнаказанными. Взамен он требует лишь, чтобы вы покинули лагерь, сей притон изменничества и беззакония, и разошлись по домам. Полагая, что вы стали жертвами злостного обмана, его величество дарует вам полное прощение. Но если вы будете упорствовать в своих низких намерениях и проявите неповиновение, вас ожидает суровое возмездие за все содеянные преступления. Тяжесть заслуженного наказания падет на головы тех, кто оказался недостоин королевской милости».

Посланник свернул пергамент, всем своим видом показывая, что ему нечего к этому добавить. Ни о реформах, ни о скором прибытии Комиссии по огораживанию речи не было.

Несколько человек, упав на колени, возопили:

— Слава Господу и его королевскому величеству за их доброту и снисходительность!

Однако в большинстве своем повстанцы молчали, словно бы не веря собственным ушам. Наконец, словно очнувшись, они гневно загудели.

— А как насчет наших требований? — выкрикнул кто-то.

— Да разве это королевский посланник? — подхватил другой голос. — Королевский посланник не стал бы поносить нас такими словами! Это самозванец, которого подослали к нам джентльмены!

Тысячи глаз устремились на Роберта Кетта. Он сделал несколько шагов и встал напротив герольда, вперив ему в лицо пронзительный взгляд, а затем повернулся к повстанцам.

— Короли даруют свое прощение преступникам, а не честным людям! — загремел его голос, столь же звучный, как и голос посланника. — Мы не совершили никаких злодеяний и не заслуживаем наказания! А посему все эти пустые речи не имеют к нам никакого отношения! Друзья и братья, я верю, что вас не так-то просто запугать! Верю, что вы не покинете меня и не откажетесь от нашего дела! Я поклялся отдать за вас жизнь, и я сдержу свое обещание!

Слова его были встречены оглушительным ревом, к которому присоединились даже те, кто стоял на коленях. Королевский посланник, явно не ожидавший подобного поворота событий, крикнул:

— Роберт Кетт, я обвиняю тебя в государственной измене! Ты низкий предатель, и всякий, кто примет твою сторону, тоже становится предателем!

По толпе пронесся злобный шорох; люди, казалось, плотнее сомкнули свои ряды.

— Мастер Петтибон, арестуйте изменника Кетта! — приказал посланник.

Петтибон, чуть живой от страха, сделал несколько неуверенных шагов в сторону Кетта, который смотрел на него с насмешливым презрением. В следующее мгновение толпа сомкнулась, надежно скрыв своего предводителя. Солдаты вскинули луки.

— Нам лучше уехать! Немедленно! — воскликнул Кодд, обращаясь к посланнику.

— Господи Иисусе, — недоуменно пробормотал тот.

На щеках его рдели красные пятна ярости. Тем не менее он поспешно сошел с помоста и присоединился к своим спутникам.

Некоторые повстанцы уже держали комья земли, готовясь забросать ими визитеров, однако Кетт остановил их грозным взглядом. Герольд, растерявший бывшее высокомерие, взобрался в седло, и кавалькада двинулась прочь.

— Вали в свой Лондон! — неслось им вслед. — Где комиссия, которую нам обещали?

Некоторые из мятежников хотели пуститься вдогонку за всадниками, но Кетт кивнул капитану Майлсу, и солдаты преградили им путь, давая гостям возможность безопасно вернуться в Норидж.

Несколько человек, как видно те самые повстанцы, которые рухнули на колени, узнав о королевской милости, виновато пряча глаза, двинулись по дороге, ведущей в город. За ними потянулись другие, — полагаю, всего желающих покинуть лагерь набралось около двух сотен. Дезертиров провожал огонь презрительных взглядов. Кое-кто из молодых парней бросился было за ними, явно вознамерившись дать им напоследок пару тумачков, но люди капитана Майлса остановили мстителей.

— Пусть убираются к чертям! — рявкнул Уильям Кетт. — Нам не нужны люди, нарушившие клятву!

— Ну и что ты теперь намерен делать? — повернулся я к Бараку.

— Конечно же, я останусь здесь! — заявил он дрожащим от гнева голосом. — После того как этот расфуфыренный прохвост оскорбил Кетта и всех наших ребят, обозвав нас злодеями и изменниками, у меня просто не осталось другого выбора. Я буду с ними даже под угрозой смерти! — Он взглянул на меня, и в глазах его мелькнуло сожаление. — Но у вас есть шанс уйти. Воспользуйтесь этой возможностью, если хотите. Откровенно говоря, я так и не понял, на чьей вы стороне.

Я перевел взгляд с Барака на Саймона и Нетти, стоявших поблизости, а потом на братьев Кетт, которые о чем-то совещались с капитаном Майлсом.

— Честно признаться, я и сам этого не понимаю. Но после той вопиющей несправедливости, свидетелем которой я стал сегодня, у меня тоже нет выбора. Капитан Кетт хранит верность избранному пути. Я готов помогать ему в меру своих слабых сил.

Барак горячо сжал мою руку.

— Я знал это, — прошептал он и поспешно отвернулся.

Но я успел заметить, что на глазах у него выступили слезы.

Часть пятая

Связанные обретают свободу

Глава 54

Людам, собравшимся у Дуба реформации, было приказано разойтись и два часа спустя собраться вновь, дабы обсудить план захвата Нориджа. После встречи с королевским посланником жители лагеря буквально кипели от гнева, и призыв к действию был встречен дружным хором одобрительных возгласов.

— Идите по домам и готовьте оружие к бою! — распорядился Кетт.

Мы с Бараком неспешно побрели в сторону нашего жилища.

— Вот уж не думал, что протектор Сомерсет так глуп! — воскликнул Барак. — Если он намеревался привести людей в бешенство, то эта каналья, королевский посланник, превосходно справился с поручением!

— Полагаю, протектор думал, что повстанцев легко запугать. Судя по всему, он не имеет даже отдаленного понятия о том, как решительно настроены эти люди, — пожал я плечами. — Если бы он знал, насколько они уверены в собственных силах...

— Когда завтра мы захватим Норидж, ему придется понять, что он сильно ошибался, — усмехнулся Барак. — Наверняка после этого протектор заговорит по-другому. Там более что армии в его распоряжении сейчас нет — часть солдат воюет в Шотландии, часть подавляет мятеж в западных графствах.

— Господи Иисусе, Джек, я надеюсь, что ты прав и мы все-таки сумеем договориться миром.

Через два часа у Дуба реформации собралось несколько тысяч человек. Многие принесли с собой луки и другое оружие. Братья Кетт и капитан Майлс поднялись на помост. Майлс, по обыкновению, был в латах, на поясе у него висел меч. Рядом с ним стоял пожилой человек в поношенном дублете, с суровым непроницаемым лицом. Роберт Кетт заговорил, как всегда делая паузы, дабы слова его успели передать в задние ряды:

— Человек, которого вы видите, — мастер Колсон, портной из Нориджа. Он возглавляет наших сторонников, каковых в городе немало. Городские бедняки — то есть около четверти всех жителей Нориджа —

заодно с нами и готовы оказать нам помощь. Представители власти — Кодд, Элдрич и другие, — вне всякого сомнения, подчинились приказу посланника. Ныне они показали свою истинную сущность!

В ответ раздались призывы вздернуть на виселицу всех отцов города. Кетт дал людям выпустить пар, но через несколько минут вскинул руку, призывая к молчанию. Затем он сделал Колсону знак выйти вперед. Портной, не привыкший выступать перед столь многолюдными собраниями, явно оробел. Но когда Кетт кивнул ему, тот, взяв себя в руки, заговорил:

— Городские власти уже закрыли все ворота. Сейчас они возводят земляной вал у Епископского моста. В их распоряжении около двух сотен людей: констебли, солдаты из тюремного замка, слуги богачей. Их вооружают — в основном луками, дабы поставить на городские стены. Все джентльмены, заключенные в замке, получили свободу, и некоторые из них тоже намерены защищать город. Впрочем, в большинстве своем они предпочли остаться в камерах, ибо боятся гнева простого народа.

Услышав это, повстанцы разразились хохотом и насмешливыми возгласами.

«Господи Иисусе, где же сейчас Николас?» — с тревогой подумал я.

— Если завтра вы предпримете решительную атаку на Епископские ворота, мы пустим слух, что вы ворвались в город с другой стороны, и таким образом посеем панику и отвлечем внимание. Мы верим, вы поможете всем нам покончить с бедностью и угнетением!

Толпа ответила на это одобрительным гулом. Вперед выступил капитан Майлс. Никогда прежде я не видел его таким сосредоточенным и решительным.

— Друзья! — провозгласил он. — У нас было не слишком много времени, дабы овладеть военным искусством и научиться стрелять из пушек. Но события повернулись так, что мы должны применить все наши военные навыки уже завтра. Надо захватить город прежде, чем правительство бросит против нас армию. Многие из вас умеют стрелять из лука, у нас есть копья, алебарды и даже пушки. А главное, мы во много раз превосходим противника численностью. — Майлс смолк и окинул толпу взглядом. — Но вы сами понимаете, на войне как на войне — без убитых и раненых не обойдется. Сейчас нужно установить

пушки на краю откоса. Завтра на рассвете мы соберемся здесь и под моим командованием, а также под предводительством ваших сотников, — тут голос его возвысился, — двинемся на Норидж!

Хор одобрительных криков стал еще громче, чем прежде. Мысль о том, что кому-то непременно придется умереть, судя по всему, не лишила повстанцев мужества. Исполненные решимости взять Норидж приступом, люди начали расходиться. Капитан Майлс позвал к себе нескольких человек, которых обучал навыкам стрельбы из пушек.

К нам с Бараком подошли Нетти и Саймон.

— Завтра я тоже буду сражаться, — заявил Нетти. — Я неплохо стреляю из лука. Настало время как следует проучить богатеев.

— Помни о том, что сказал капитан Майлс, — вздохнул я. — На войне не обойтись без убитых и раненых.

— Вы хотите сказать, я должен отсиживаться в кустах, когда остальные сражаются? — нахмурившись, спросил мальчик.

— Вовсе нет. Но всякий хороший солдат должен сознавать, что ему предстоит столкнуться с опасностью.

— Я это понимаю. В любом случае мне нечего терять, — буркнул Нетти.

— А вот я сражаться не буду, — с горечью сообщил Саймон. — Мне приказали оставаться с лошадьми.

— Не вешай нос, парень! — заявил Нетти и с дружеской грубоватостью похлопал его по плечу. — Сейчас каждый должен делать то, что ему велено.

— Ну да, как же иначе, — сокрушенно вздохнул Скамблер.

Взглянув на Барака, я увидел, что он снял кожаный чехол с прикрепленного к протезу ножа и проверяет, хорошо ли тот заточен.

— Неужели ты тоже намерен сражаться? — спросил я.

— Нет. Думаю, я смогу принести больше пользы другим способом.

— Ты заметил, как расстроился капитан Кетт? До сегодняшнего дня он надеялся, что нам удастся обойтись без кровопролития.

— Полагаю, он с самого начала сознавал, что дело может принять подобный оборот. Наверняка Кетт понимал это еще в Ваймондхеме, когда вызвался возглавить повстанцев.

— Возможно, — кивнул я. — Что же касается меня самого, то от старого горбуна во время войны нет никакого толку.

С этими словами я, сильно расстроенный и встревоженный, повернулся и пошел прочь.

По обыкновению, меня потянуло к откосу, откуда открывался вид на Норидж. Казалось, какая-то часть моего существа хочет оказаться там, в городе. Возможно, то было подспудное стремление соединиться с представителями своего класса. У Епископских ворот царил суеда, но на столь значительном расстоянии я не мог разглядеть, чем именно заняты люди. Через некоторое время я обнаружил, что вокруг собралось множество народа, — желание взглянуть на город возникло не только у меня одного. Пвозка, запряженная несколькими лошадьми-тяжеловозами, доставила на склон очередную пушку, которую установили неподалеку от караульного поста. Капитан Майлс переходил от пушки к пушке, проверяя, достаточно ли пороха и ядер и умеют ли люди обращаться с этими грозными орудиями.

Внезапно я заметил вспышку, за которой последовал оглушительный грохот. Мгновение спустя мощный водяной смерч потревожил гладь протекавшей внизу реки. На память мне пришло, что в замке тоже есть пушки. Очередной громовой раскат — и рухнуло молодое дерево, росшее у подножия холма. Капитан Майлс, стоявший рядом со мной, рассмеялся:

— Эти олухи не умеют целиться! Давайте покажем им, как надо стрелять!

Через минуту воздух сотряс новый залп: пушка, стоявшая у самого откоса, выстрелила по городу. Все вокруг затянуло дымом, земля у меня под ногами задрожала. На мгновение возникло странное ощущение, что время повернуло вспять и я вновь стою на палубе военного корабля «Мэри Роуз». Прежде чем пойти ко дну, он успел выстрелить по французской флотилии из всех своих орудий. Мне казалось, я сумел выбросить из памяти воспоминания о том кошмарном дне, но при первом пушечном залпе они ожили вновь. Испустив невольный крик, я рухнул на колени и закрыл голову руками. До меня долетел дружный хохот.

— А из горбатого законника вряд ли выйдет хороший вояка! — крикнул кто-то из канониров.

Устыдившись, я поднялся с колен, однако поджилки мои предательски тряслись.

Ответных выстрелов из города не последовало. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь голосами людей, суетившихся около пушек. Капитан Майлс по-прежнему носился туда-сюда, отдавая распоряжения. Я замер, словно бы впав в оцепенение. По словам канониров, выстрел их попал в цель. Чья-то рука легла мне на плечо. Обернувшись, я встретил внимательный взгляд капитана Майлса.

— Вы нездоровы, мастер Шардлейк?

— Вполне здоров, — смущенно покачал я головой. — Простите, что проявил подобное малодушие. Разумеется, теперь вы будете считать меня безнадежным трусом.

— Что вы, сэр. Я хорошо разбираюсь в людях. И давно убедился, что мужества вам не занимать.

— Эти пушечные выстрелы... они напомнили мне прошлое... — пробормотал я. — Я был на корабле «Мэри Роуз», потонувшем четыре года назад. Мне удалось спастись. Но многие славные люди, которых я хорошо знал, погибли.

У Майлса аж глаза на лоб полезли от удивления.

— Тогда я тоже был в Портсмуте, вместе с другими английскими солдатами! Но вас-то каким ветром занесло на «Мэри Роуз»?

— Слишком долгая история, чтобы рассказывать ее сейчас. Достаточно будет сказать, что в дело был замешан сэр Ричард Рич. А от него добра ждать не приходится.

— Рич? — нахмурился мой собеседник. — Из Эссекса дошли вести о том, что тамошний лагерь уничтожен и многих повстанцев уже вздернули на виселицу. Все обещания, которые им дали, оказались обманом. И возглавил расправу Ричард Рич.

— Жестокость этого человека беспредельна, — с горечью проронил я.

— Но нам нечего его бояться! — решительно заявил Майлс. — Мы докажем Тайному совету, что на испуг нас не возьмешь!

— А протектор? Боюсь, за всем этим стоит именно он.

— Даже если это и так, мы заставим его считаться с нами, — пожал плечами капитан. — Завтра в наших руках будет второй по величине город Англии.

— А известно, сколько человек покинуло лагерь после встречи с королевским посланником?

— Около четырех сотен. По большей части состоятельные йомены. — Майлс смачно сплюнул. — Ничего, без них обойдемся.

Новый залп, долетевший из города, заставил нас прервать разговор. Ядро ударило в склон холма, не причинив лагерю никакого вреда. Майлс расхохотался:

— Стрелять из Нориджского замка — значит впустую тратить порох и ядра. Впрочем, нашим ядрам до замка тоже не долететь. Но, так или иначе, мы показали, что нам палец в рот не клади. Думаю, мастер Шардлейк, вам лучше вернуться в свою конурку. Не переживайте, завтра мы с легкостью одержим победу. На рассвете пошлем в город делегацию с просьбой открыть ворота мирно. Уверен, нам ответят отказом, но, как говорится, попытка не пытка.

Ночью перестрелка продолжалась, но ни один из снарядов, выпущенных городскими пушками, не долетел до лагеря. Несмотря на грохот, Барак спал как убитый. Я же, напротив, глаз не сомкнул, всю ночь ворочался с боку на бок и вздохнул с облегчением, услышав пение птиц, предвещающее рассвет. Мы поднялись и поспешно позавтракали. Я заметил, что вдова Эверник беспрестанно шепчет молитвы и перебирает что-то спрятанное под фартуком. Четки, догадался я. Добрая женщина была католичкой.

После завтрака Нетти присоединился к отряду лучников, к которому был приписан, а Саймон вновь пошел к лошадям. Мы с Бараком горячо пожали руки мальчуганам.

— Надеюсь, Бог сохранит вас обоих, — пробормотал я и, резко повернувшись, отправился к откосу, откуда доносился гул многотысячной армии.

С реки долетал легкий прохладный ветерок. Меня обогнали два всадника, в руках у одного из них был большой белый флаг. Они поскакали вниз, к Епископскому мосту. По всей видимости, то были гонцы, отправленные к городским властям с предложением открыть ворота мирно.

Неподалеку от меня один из самозванных проповедников взывал к стоявшим перед ним солдатам.

— Помните, братья: то, что мы делаем, угодно Господу! — провозгласил он. — Не бойтесь смерти, ибо она откроет вам врата в райскую обитель. Правители, сеющие зло, должны быть уничтожены

перед вторым пришествием Христа, которое уже близится! Именно об этом говорится в Апокалипсисе! — Он потряс в воздухе Библией, которую держал в руке. — Конец сильных мира сего предвосхитит конец света! А потом те, кто исполнил волю Господню, сядут по правую руку от Иисуса, а все остальные на веки вечные отправятся в пучину огненную!

— А как насчет наших жен и детей? — выкрикнул один из солдат. — Куда отправятся они?

— Если вы относитесь к числу избранных, значит и они тоже будут избранными!

Я знал Библию достаточно хорошо, чтобы утверждать с уверенностью: ничего подобного там не говорится.

«Возможно, этот человек намеренно пытается ввести слушателей в заблуждение, — подумал я, разглядывая оратора. — Однако не исключено, что он искренне заблуждается сам».

Хотя в прошлом я питал симпатию к анабаптистам, утверждающим, что в обществе не должно быть ни богатых, ни бедных, сей местный пророк вызывал у меня неприязнь. Все эти люди, вообразившие себя проповедниками, пробавлялись крохами анабаптистских идей, искажая их до неузнаваемости. О Страшном суде они говорили так уверенно, словно им уже сообщили из небесной канцелярии, на какой именно день он назначен.

Отвернувшись, я бросил взгляд на раскинувшийся внизу город. По дороге, которая вела вниз, двигалась повозка, тащившая пушку. Лошади выбивались из сил; среди людей, пытавшихся их подбодрить, я увидел Саймона. Вскоре на дороге вновь показались всадники с белым знаменем в руках, но теперь они двигались в сторону лагеря. Последняя попытка решить дело миром не увенчалась успехом.

Всадники, спешившись, обменялись несколькими фразами с Майлсом и Кеттом. После этого Майлс обратился к своей армии:

— Сегодня городские пушки установлены на Госпитальных полях, дабы защищать огнем подступы к Епископским воротам! Но на каждый их выстрел мы ответим выстрелами наших пушек! Вперед, на Норидж!

В ответ раздался громовой рев. Многотысячная толпа двинулась по дороге, ведущей вниз. Многие повстанцы были вооружены луками, за плечами у них висели колчаны со стрелами. Заметив, что отдельные

колчаны наполовину пусты, я понял, что запас стрел, которым располагает лагерь, весьма ограничен. За лучниками шли люди с пиками и алебардами в руках. Старый Гектор Джонсон, некогда карауливший меня, проходя мимо, приветливо помахал рукой. Не пригодный ни на что, кроме роли стороннего наблюдателя, я чувствовал себя до крайности неловко.

— Идемте спустимся пониже, — раздался у меня за плечом голос Барака. — Оттуда лучше видно.

— Но внизу опаснее, — возразил я.

Джек в ответ лишь пожал плечами. Спустившись, мы уселись на траву неподалеку от реки. Заслышав чьи-то шаги, я повернулся и увидел вдову Эверник. По-прежнему перебирая четки, она опустилась на траву рядом с нами. Поймав мой взгляд, старуха с виноватым видом выдернула руку из-под фартука.

— Вы можете верить в Господа так, как считаете нужным, миссис Эверник, — мягко заметил я. — В моей душе сохранилось слишком мало собственной веры, чтобы осуждать чужую.

— Иногда я тоже чувствую, как вера моя скудеет, — неожиданно призналась женщина. — Знаете, этой ночью один из наших свордстоунских крестьян покинул лагерь.

— Я ничего об этом не слышал.

— Мастер Джексон, плотник. Он славно поработал здесь, помогал строить жилье и помост около Дуба реформации. Но когда дошло до сражения, он решил, что с него хватит. — Моя собеседница окинула взглядом человеческий поток, все еще стекающий с холма. — Я была о нем лучшего мнения. Хотя, конечно, у Джексона большая семья, о которой он должен позаботиться.

Повисло молчание. Я наблюдал, как солдаты под командованием капитана Майлса устанавливали одну из пушек на берегу реки. Наши лучники выстроились в ряд, наставив луки на городские стены, на которых уже стояли горожане, также вооруженные. На земляных валах, за ночь возведенных по обеим сторонам от Епископского моста, тоже стояли солдаты, вскинувшие луки. Прежде чем наши пушки были установлены, городские орудия дали залп. Когда рассеялось облако густого черного дыма, я увидел, что наши подались назад, а на земле осталось несколько неподвижных тел. Сотники закричали, вероятно приказывая уцелевшим вернуться на свои места. У повстанцев не

имелось военного опыта, и, дай они волю страху, битва неминуемо была бы проиграна. Но они вновь сомкнули ряды, невзирая на то что за первым залпом последовали второй и третий. К счастью, оба ядра врезались в воду, не причинив людям никакого вреда. Наконец наша пушка тоже дала залп, направленный на сторожевую башню. Как видно, дуло было поднято слишком высоко, ибо ядро пролетело мимо цели, вызвав у защитников города насмешки и издевательские выкрики.

Перестрелка продолжалась около получаса, однако, поскольку канониры с обеих сторон были слишком неопытными, она оказалась почти безрезультатной. Но вот, подчиняясь приказу своих командиров, наши лучники устремились к мосту. С обоих берегов реки полетел град стрел.

«Где же сейчас Николас? — вертелось у меня в голове. — Среди защитников города?»

Люди, пронзенные стрелами, падали с моста в реку. Тетушка Эверник сжала мою руку.

Через несколько минут стало ясно, что атака не удалась. Взять приступом мощную сторожевую башню оказалось непросто. Повстанцы отступили. Мимо нас пронесся гонец, бежавший наверх; лицо его блестело от пота. Нам оставалось лишь ждать.

Внезапно воздух огласил мощный рев, вырвавшийся из тысячи глоток одновременно. По дороге, ведущей с вершины холма, вздымая тучи пыли, устремилась людская лавина. Я понял, что Майлс и Кетт держали про запас огромный резерв, который теперь бросили в бой. Когда повстанцы поравнялись с нами, я заметил, что лишь немногие из них имели луки; в большинстве своем бойцы были вооружены топорами и алебардами, а некоторым достались только вилы с остро заточенными зубцами и прочие сельскохозяйственные орудия. Еще я обратил внимание на то, что почти все они, в особенности те, кто бежал впереди, ужасающе молоды — некоторым юнцам наверняка не было и двадцати.

— Что мы творим? — пробормотала тетушка Эверник. — Простит ли нас за это Господь?

После того как армия повстанцев получила столь значительное подкрепление, атака на Епископский мост возобновилась. Многие молодые парни, скинув с себя одежду, бросились в воду и, держа

оружие над головой, поплыли к другому берегу под прикрытием града стрел, выпущенных нашими лучниками.

Сейчас, когда численное превосходство повстанцев было столь разительным, защитники города дрогнули. Выскочив на берег, мятежники вступили врукопашную с солдатами по обеим сторонам сторожевой башни; многие бойцы, уstraшенные количеством неприятеля, пустились наутек. Раздался приказ, которого я не сумел разобрать, и лучники, стоявшие на вершине сторожевой башни, покинули ее, приведя меня в изрядное недоумение. Теперь наши смогли беспрепятственно обойти башню. Мгновение спустя я увидел, что ворота распахнуты. Раздался оглушительный ликующий вопль, и повстанцы устремились внутрь. Буквально за несколько минут мощная армия Кетта оказалась в Норидже. Человек пятьдесят осталось лежать на земле, в реке плавало с десятков мертвых тел. Те, кто еще не спустился с холма, бросились к воротам. После того как мимо нас пробежал последний повстанец, я повернулся к Бараку:

— Джек, нам тоже стоит отправиться в город, узнать, что случилось с Николасом и остальными.

— А я, пожалуй, вернусь в лагерь, — устало вздохнула тетюшка Эверник. — Мое место там, у костра. Бог свидетель, я уже видела достаточно.

Глава 55

Мы неспешно спустились с холма и подошли к Епископским воротам. Течение уже успело унести прочь тела убитых, но несколько десятков трупов по-прежнему лежали на земле и на мосту. Взглянув на залитые кровью булыжники, я вспомнил день накануне нашего отъезда из Лондона, несчастного шотландца, едва не убитого рассвирепевшими солдатами капитана Друри. С бешено колотящимся сердцем я вглядывался в лица убитых, опасаясь увидеть среди них Нетти или Эдварда Брауна, — к счастью, этого не произошло. В большинстве своем люди были поражены стрелами. От тех, кто был буквально разорван на части пушечными выстрелами, я в ужасе отводил глаза.

На нижнем этаже сторожевой башни и на земляных валах, возведенных прошлой ночью, уже стояли караульные из числа повстанцев. Вход в сторожевую башню охраняли трое часовых, вооруженные алебардами. Они спросили наши имена. Когда мы назвались, один из часовых сказал:

— Пропустите их, они помогали капитану Кетту на судах.

Миновав башню, мы оказались на Холм-стрит. На мостовой лежало множество мертвых тел; никого из моих знакомых среди них не оказалось. Трактир «Голубой кабан», в котором Барак жил во время выездной сессии суда, был открыт. Торжествующие повстанцы пили за столами пиво.

— Я бы тоже не отказался глотнуть пивка, — умоляюще протянул Барак.

— Не сейчас, Джек. У нас слишком много дел.

Он скорчил недовольную гримасу, однако не стал мне перечить.

Раненые, опираясь на руки своих товарищей, брели в сторону площади Тумлэнд, и мы с Бараксом двинулись в том же направлении. Мне не терпелось узнать, какая участь постигла Николаса. К тому же я хотел навестить Изабеллу, семейство Браун и, если будет такая возможность, Джона Болейна. Кстати, вполне вероятно, что там же, в Нориджском замке, находился сейчас и Николас.

— Дорогу! Дорогу! — закричали впереди.

Отскочив в сторону, мы увидели с полдюжины пушек, стоявших на повозках, запряженных лошадьми-тяжеловозами; отчаянно громыхая,

повозки проехали мимо нас к воротам Нориджа. Вне всякого сомнения, то были городские орудия, ставшие трофеями повстанцев. Последней ехала повозка, груженная бочонками. Двигалась она медленно; возница и сопровождающие то и дело кричали:

— Прочь с дороги! Мы везем городской запас пороха!

— Как видно, наши сторонники в Норидже знали, где городские власти хранят порох, — заметил Барак.

Мы оказались в квартале богатых домов, окруженных садами. Кое-где его жители, по виду явно джентльмены, робко выглядывали на улицу, пытаясь понять, что происходит. Повстанцы, направлявшиеся в сторону площади Тумлэнд, осыпали их оскорблениями, называя предателями дела Реформации, расфуфыренными павлинами и прочими уничижительными именами. Молодые парни, спустив штаны, выставляли напоказ голые задницы. Какой-то подросток подбежал к старику с сурово поджатыми губами, сорвал у него с головы шляпу с перьями и нахлобучил ее на себя. Выходка эта была встречена хохотом и улюлюканьем. Состоятельные горожане, растерянные и испуганные, спешили скрыться за воротами своих домов.

— Мы еще до вас доберемся! — кричали им вслед. — Скоро вам придется примерить кандалы!

Пониже надвинув свою дешевую потрепанную шляпу, я ускорил шаг.

На площади Тумлэнд шумела огромная толпа. Ворота всех домов, включая трактир «Девичья голова» и особняк Рейнольдса, были заперты, ставни на окнах опущены. Возле собора городские цирюльники перевязывали раненых. В человеке, облаченном в темную мантию, я узнал доктора Белайса, который столь успешно лечил меня после падения с эшафота. Всеобщее внимание, впрочем, было приковано к другой стороне площади. На ступеньках дома, расположенного неподалеку от особняка Рейнольдса, стоял Роберт Кетт. У самых дверей замер высокий мужчина с вьющимися белокурыми волосами — олдермен Августин Стюард, хозяин дома. Чуть в стороне несколько хорошо одетых джентльменов, возможно членов городского совета, сбились в кучку под охраной повстанцев с алебардами. Еще одного джентльмена повстанцы тащили по булыжной мостовой, подгоняя тычками. Через минуту он присоединился к остальным.

— Изменники! — кричали в толпе. — Смерть им! Убьем их, как они убивали нас!

— Нет! — рявкнул Кетт. — Нориджские дворяне будут преданы суду точно так же, как и сельские землевладельцы. Те из них, кто будет признан виновным, отправятся в тюрьму.

— В Библии говорится: «Око за око, зуб за зуб!» — крикнул из толпы один из доморощенных проповедников.

— Нет! — вновь ответил Кетт. — Христос сказал, что эти слова из Ветхого Завета более не имеют силы. Отведите этих людей в лагерь и запирайте во дворце графа Суррея. В самом скором времени мы будем судить их у Дуба реформации. Не трогайте мастера Стюарда, он останется здесь.

Кетт кивнул караульным, и они увели пленников прочь. По толпе пролетел ропот недовольства. Благодаря своему авторитету, воле и решительности, а также прекрасному знанию Библии Кетт снова одержал верх, но на сей раз это далось ему не так легко.

Кто-то окликнул меня по имени. Обернувшись, я увидел Нетти, сидевшего на тротуаре. Рядом с ним стоял Гектор Джонсон. Старый солдат был цел и невредим, а предплечье Нетти стягивала самодельная повязка, насквозь пропитавшаяся кровью. Оба они тщетно пытались успокоить Саймона Скамблера, тощее тело которого сотрясалось от рыданий. Мы бросились к ним.

— Слава богу, вы все живы, — с облегчением выдохнул я. — Что случилось, Саймон? Ты ранен?

— Этот малый еще не дорос до того, чтобы воевать, — проворчал Гектор Джонсон. — Его попросили привести в город лошадей, чтобы доставить в лагерь городские пушки. Стоило парню увидеть убитых, его со страху вывернуло наизнанку. А теперь, сами видите, ревет, как теленок.

— Меня тоже едва не вырвало, когда я это увидел, — признался Нетти. — Но разнюниться, подобно Саймону, — это уж слишком. Теперь всем ясно, что он трус, и ничего больше.

Я взглянул мальчику прямо в глаза. Мое присутствие, казалось, несколько его успокоило.

— Ты сильно испугался, Саймон? — участливо спросил я.

— Да... — пробормотал он сквозь слезы. — Это было ужасно! Прежде я и думать не думал, что людей можно вот так... разорвать на

части. Словно баранов, которых забивают в лагере.

— Разве ты не знал, что человеческие тела устроены так же, как и тела животных? — покачал я головой. — Правда, в отличие от зверей, мы наделены бессмертной душой.

— Теперь я тоже буду бояться, что развалюсь на части, — прошептал Скамблер.

— Хватит уже скулить! Люди, которые погибли сегодня, были не баранами, а отважными солдатами, — пристыдил мальчугана Гектор Джонсон. Однако взгляд его был полон скорее сочувствия, чем раздражения.

Оглянувшись, я увидел, что к толпе, окружившей Кетта, присоединилась группа городских жителей. Выяснилось, что они знают, где находятся нориджские склады оружия, и предлагают показать их мятежникам. Отряд повстанцев по приказу Кетта немедленно отправился вместе с ними. Когда они проходили мимо нас, один из городских парней толкнул другого в бок:

— Гляди-ка, это ведь Грязнуля Скамблер! Я слышал, что он отправился на Маусхолдский холм! Только, видать, и в лагере он остался таким же безмозглым сопляком, каким был всегда!

Гектор Джонсон повернулся к юнцам с внезапной яростью:

— Проваливайте отсюда, пока целы, недоумки! Иначе как бы вам самим не пришлось распустить сопли!

Чья-то рука, неожиданно коснувшаяся моего плеча, заставила меня вздрогнуть. Обернувшись, я встретил удивленный взгляд доктора Белайса.

— Адвокат Шардлейк? — пробормотал он. — Глазам своим не верю. Я думал, вы давным-давно в Лондоне.

— Мы с моими помощниками оказались в лагере на Маусхолдском холме, — после недолгого замешательства сообщил я.

Доктор, казалось лишившийся от изумления дара речи, переводил взгляд с меня на Барака, с Барака — на Джонсона, а с Джонсона — на Нетти.

— Вы оказываете помощь раненым? — нарушил я молчание.

— Да, меня привели сюда именно для этого, — проронил он, всем своим видом показывая, что помогает повстанцам не по собственной воле. — Почему этот мальчик так трясется? — спросил он, взглянув на Саймона.

— Он впервые в жизни увидел убитых, — пояснил Гектор Джонсон.

— Значит, у него шок, — незамедлительно поставил диагноз доктор Белайс. — Если хотите, я принесу настойку, которая поможет ему успокоиться. — Он пристально взглянул на меня. — Вижу, мастер Шардлейк, вы двигаетесь намного свободнее, чем прежде.

— Как это ни странно, походная жизнь пошла мне на пользу, — усмехнулся я.

— Сэр, вам следует быть осторожнее, — прошептал врач, наклонившись к моему уху. — По Нориджу ходят упорные слухи о некоем горбуне, приспешнике капитана Кетта, который помогает бунтовщикам устраивать суды над состоятельными людьми.

— В этих судах также принимали участие мэр города Кодд и олдермен Элдрич, — пожал я плечами.

— Теперь, после визита королевского посланника, они и носа не покажут в лагерь, — возразил медик. — Протектор выразил свои намерения достаточно ясно. Вам нужно подумать о себе, сэр! Бегите, пока не поздно!

Доктор повернулся к Нетти и осмотрел глубокую рану у него на предплечье:

— Тебе нужно наложить швы, парень. Сейчас я этим займусь.

Он раскрыл маленький саквояж, который был у него с собой, и извлек оттуда иглу, нити и склянку с маслом. Нетти наблюдал за ним, крепко сжав челюсти. Я посмотрел в ту сторону, где стоял Кетт. Большинство повстанцев, подчинившись его приказу, отправились на поиски оружия. Оружия в лагере по-прежнему было недостаточно, к тому же Кетт понимал: людям сейчас необходимо занятие, иначе бушующая в них ярость, вырвавшись наружу, может привести к самым опасным последствиям.

Я заметил, что один из отрядов, двинувшихся в сторону города, возглавляет Майкл Воувелл. Поравнявшись со мной, он остановился. Глаза его сверкали от воодушевления.

— Мастер Шардлейк, и вы здесь!

— Да, я пришел, чтобы разыскать своих друзей. По пути видел немало убитых.

— Благодаря городским беднякам наши потери не так велики, как могло бы быть, — заметил Воувелл. — В самый разгар битвы

несколько человек пробежали по улицам с криками «К оружию, неприятель ворвался в город!». Половина солдат, сражавшихся у Епископских ворот, бросилась в противоположную часть Нориджа. Теперь наши враги поймут, что мы не такие уж деревенские олухи. Да, парни?

— Я видел, как нескольких богатых горожан отправили в лагерь, чтобы предать их суду. Вам не известна участь вашего бывшего хозяина?

— Первое, что я сделал, ворвавшись в город, — направил к его дому вооруженный отряд, — понизив голос, сообщил Воувелл. — Рейнольдс сам открыл дверь: нового управляющего он так и не нанял, а вся остальная прислуга — женщины. Но старый ублюдок сумел откупиться и остался цел и невредим. Не все наши люди бескорыстны.

Я бросил взгляд на трактир «Девичья голова»:

— Надо бы узнать, не пришли ли мне новые письма.

— Вам вряд ли откроют дверь, — пожал могучими плечами Воувелл. — Дело в том, что в этом трактире заперт королевский посланник. Капитан Кетт приказал сторожить его как зеницу ока. В любом случае не думаю, что в Норидж на этой неделе приходила почта. Ох, я слишком с вами заболтался, — спохватился он и, махнув рукой, увел свой отряд.

Я взглянул на Саймона, который перестал дрожать и всхлипывать. Нетти, стиснув зубы, героически терпел боль. На лбу у него выступили капли пота. Медик продолжал сосредоточенно орудовать иглой.

— Мастер Джонсон, когда доктор закончит, надеюсь, вы с Нетти и Саймоном вернетесь в лагерь, — сказал я. — Думаю, обоим мальчикам надо отдохнуть и прийти в себя. А мы с Баракком должны отыскать своих друзей.

— Кто знает, что сейчас творится в замке, — заметил Джек. — Может, стоит сначала навестить Джозефину и Эдварда? Наверное, он уже вернулся домой.

— Ты прав. Хотя придется сделать крюк, давай начнем с них.

— Я хорошо управляюсь с лошадьми! — с пылом заявил Саймон и неожиданно расплылся в улыбке.

— Ты прирожденный конюх, парень! — кивнул старый Джонсон. — В жизни не видел человека, который ладил бы с жеребцами лучше тебя!

— Мастер Шардлейк, я хочу вам кое-что рассказать, — выдохнул Нетти. — В меня выстрелили близнецы, два молодых белобрысых парня. Уж конечно, это были братья Болейн. Они стояли на городской стене вместе с солдатами. К счастью, стрела, которая в меня попала, — из тех, которыми пользуются во время учебы, а не боевая. У нее не было загнутого наконечника, который разрывает плоть, и я смог сам ее вытащить. Другие парни тоже вытаскивали попавшие в них стрелы и отдавали их лучникам. Теперь никто не назовет нас трусами, — дрогнувшим голосом заявил он.

— Да уж, этого не посмеет сказать никто, — кивнул я и угрюмо добавил: — Зря я думал, что близнецы удрали в Лондон. Если они остались здесь, мы должны их отыскать.

Глава 56

Проходя по улицам Нориджа, мы наблюдали, как повстанцы, взломав двери богатых домов, вытаскивали оттуда оружие, деньги, золотую и серебряную посуду. В бедных кварталах, расположенных в южной части Конисфорд-стрит, стояла тишина. Казалось, в городе не происходит ничего из ряда вон выходящего. Не без некоторого труда мы отыскали грязный двор, где жили Эдвард и Джозефина. Там тоже царило безмолвие, нарушаемое лишь писком цыплят, клевавших собачье дерьмо. Я постучал в дверь знакомого домика. Через несколько минут дверь чуть приоткрылась, в щелке мелькнуло испуганное лицо Джозефины. Глаза ее полезли на лоб от удивления, когда она узнала нас.

— Мастер Шардлейк! — радостно воскликнула молодая женщина.

— Как поживаешь, Джозефина? — спросил я.

Впрочем, усталый и встревоженный вид моей бывшей служанки говорил сам за себя. Когда мы пришли, она пеленала Мышку. Голенькая девчушка, лежавшая на столе, увидев нас, расплылась в улыбке. Завернув дитя в чистые пеленки, Джозефина повернулась к нам:

— Эдвард передал мне, что скоро придет домой. Я слышала, люди капитана Кетта захватили Норидж.

— Так оно и есть. Я своими глазами видел бой у Епископских ворот.

— Много народу погибло?

— Без жертв не обошлось, хотя их меньше, чем могло бы быть. Но теперь все позади. Город захватил капитан Кетт.

Джозефина, испустив вздох облегчения, села на стул. Мышка, лежавшая у нее на коленях, немедленно протянула ко мне ручонки. Я улыбнулся и помахал малышке.

— По крайней мере, обошлось без уличных боев, — пробормотала Джозефина. — Как вспомню, что англичане сделали с деревней, в которой я жила в детстве, меня пробирает ужас... Сожгли все до единого дома... — По щекам молодой женщины потекли слезы, которые она сердито смахнула. — Я знаю, сейчас люди сражаются за справедливость. Но я так боюсь огня и крови.

В комнате повисла тишина; мне не хотелось рассказывать о битве, свидетелями которой нам довелось стать.

Через несколько мгновений Джозефина протянула мне ребенка:

— Возьмите Мышку, она хочет с вами пообщаться.

Оказавшись у меня на коленях, девочка с довольным видом принялась тереть пуговицу моей рубашки.

— Я так боюсь за нее, — едва слышно прошептала мать. — Каждый день твержу об этом Эдварду.

Я молчал, ибо не знал, что сказать.

Во дворе раздались шаги, и в комнату вошел Браун. За прошедший месяц он изменился до неузнаваемости и теперь ничуть не напоминал того понурого и растерянного человека, с которым мы встретились здесь в июне; в походке его появилась уверенность, а от широкоплечей фигуры веяло силой и решительностью. События последних дней, лишившие Джозефину душевного равновесия и пробудившие у нее горькие воспоминания, напротив, вернули оптимизм и бодрость духа ее супругу.

— Мастер Шардлейк, Джек! — улыбнулся он, увидев нас. — Вы пришли из лагеря?

— Да, собираемся навеститься в замок, — ответил я. — Николас арестован, и, возможно, он по-прежнему в тюремной камере. К тому же я хочу навестить Джона Болейна.

— Мастер Николас арестован? — воскликнула Джозефина. — Но почему?

— Его оклеветали, — угрюмо бросил я и рассказал о гнусном навете Тоби. — Я пытался открыть глаза капитану Кетту, но у него слишком много других забот, и он попросту не стал меня слушать. Эдвард, может, ты при случае поговоришь с ним? — Мышка упорно тербила мою пуговицу, явно намереваясь ее оторвать. Я шутливо нахмурился, и девчушка засмеялась. — У меня к тебе еще одна просьба, — продолжил я. — Конечно, с моей стороны не слишком любезно беспокоить тебя сейчас, когда ты только что пришел домой. Но боюсь, без тебя нас не пустят в Нориджский замок. Может, ты проводишь нас и замолвишь словечко перед караульными?

— Конечно провожу, — кивнул Эдвард. — Капитан Кетт выписал мне пропуск, позволяющий беспрепятственно передвигаться по городу. Замок сейчас охраняют наши люди, но констебль Фордхилл остается

комендантом. Он выразил желание помогать нам, предоставил камеры и охрану для наших пленников. Так что пока он по-прежнему исполняет свои обязанности. Думаю, боится, что, если его пост займет кто-нибудь из наших, арестантам-дворянам придет конец. Что касается Николаса, — произнес Браун, глядя мне прямо в глаза, — если он действительно провинился, его должны были судить под Дубом реформации.

— Однако никакого суда не было, — пожал я плечами.

— Хорошо, посмотрим, чем ему можно помочь, — вздохнул Эдвард. — А сейчас идемте в замок. Вы правы: без меня вам лучше по городу не разгуливать. В центре сейчас неспокойно. Богатые семьи бегут из Нориджа прочь, и мы им не мешаем — разумеется, в том случае, если они не пытаются захватить с собой слишком много ценного барахла, — ухмыльнулся Эдвард — Некоторые удирают в одном нижнем белье: боятся, что богатая одежда их выдаст. Конечно, всех мы не выпустим: те, кто притеснял бедняков, должны за это ответить. Думаю, городские джентльмены до сей поры даже не представляли, как сильно неимущие их ненавидят, — со смехом добавил Браун. — Но теперь мы, простые люди, взяли власть в свои руки и больше не отдадим ее. Сегодня граница между лагерем и городом исчезла. Вскоре многие нориджские дворяне предстанут перед судом. — Мой собеседник нахмурился. — После того как протектор предал нас, людские сердца исполнены гнева.

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь дома, Эдвард? — спросила Джозефина.

— Да, — кивнул он, устремив на нее взгляд, исполненный неподдельной заботы. — Но завтра я вновь отправлюсь на Маусхолдский холм. На утро назначено важное совещание. Любовь моя, почему бы тебе не пойти в лагерь вместе со мной? Поверь, там живут добрые люди. Тебе лучше находиться среди них, чем сидеть дома в одиночестве.

— О чем вы снова собираетесь совещаться? — не сводя с мужа глаз, спросила Джозефина. — Вы боитесь, что протектор бросит против вас войско?

— Все может быть, — вздохнул Эдвард. — Но я думаю, теперь, когда город в наших руках, Тайный совет поймет, что нас на испуг не

возьмешь и наши требования стоит выполнить. Возможно, даже эта чертова комиссия наконец прибудет.

— Комиссия! — с внезапной злобой воскликнула Джозефина. — Лучше вам не ждать ее попусту!

— После того как мы с легкостью захватили второй по величине город в Англии, протектор увидел, насколько мы сильны, — спокойно произнес Эдвард. — Теперь он знает: с нами шутки плохи. Возможно, сам король вмешается в ситуацию и прикажет протектору выполнить наши требования.

— Если ты веришь в это, то попросту глуп! — не унималась Джозефина. — Король Эдуард — мальчонка двенадцати лет от роду! Как он может во что-то вмешиваться и принимать решения?

В ответ Браун лишь осуждающе покачал головой. Мышка, к тому времени бросившая пуговицу и занявшаяся моей бородой, расплакалась, испуганная резкими голосами родителей. Мать схватила дочурку на руки и прижала к себе; горький плач вскоре сменился обиженными всхлипываниями.

— Прости, Эдвард, — прошептала Джозефина, протягивая мужу руку. — Я знаю, вы хотите добра для всех бедных людей. Но я провела детские годы в военном лагере и совершенно не желаю туда возвращаться.

— Джозефина, полагаю, твой муж прав, — подал я голос. — В лагере вам с Мышкой будет безопаснее — по крайней мере, до той поры, пока жизнь в Норидже не войдет в спокойную колею. Мы уже успели обзавестись там друзьями.

— Да, там полно отличных парней! — подхватил Барак. — И кстати, женщины тоже есть.

— Прости, Эдвард, но я останусь дома, — пробормотала Джозефина, закрыв лицо руками.

Испустив тяжкий вздох, Браун повернулся ко мне:

— Видите сами, ее не переспоришь. Что ж, идемте в замок. Боюсь, сегодня вечером в городе будет слишком много пьяных, — добавил Эдвард вполголоса. — Наши уже всюю празднуют победу по тавернам. Так что вам стоит пораньше вернуться в лагерь.

— Да, но до этого мне просто необходимо увидеться с женой Болейна.

Мы направились в замок по Конисфорд-стрит, длинной улице, дальний конец которой был застроен богатыми домами. День уже клонился к вечеру, жара начала спадать. Проходя мимо особняка состоятельной семьи Пастон, мы увидели, что двери дома взломаны. Повстанцы выносили оттуда оружие, в основном мечи и пики. Городские зеваки приветствовали их одобрительными криками, хотя некоторые наблюдали за происходящим с откровенным осуждением. Какой-то краснорожий детина с перевязанной рукой, успевший уже, как и многие другие, изрядно набратся, крикнул:

— Завтра пойдем в лагерь и купим за пенни голову трески! Ну да всего за пенни голову трески!

Эдвард расхохотался.

— В чем тут соль? — недоуменно спросил Барак.

— Мэр Кодд^[8] арестован и заперт во дворце графа Суррея!

— Надеюсь, никто не собирается отрубать ему голову, ибо...

— Разумеется, нет! — нетерпеливо перебил Браун. — Его, как и всех прочих, будут судить под Дубом реформации. А этот парень просто залил глаза пивом и решил пошутить!

Мы свернули налево, и я увидел знакомую фигуру с большим мешком за плечами. Навстречу нам шел Питер Боун, брат покойной горничной Эдит Болейн. Его каштановые волосы и борода были коротко подстрижены, как и у большинства обитателей лагеря, а на исхудалом лице застыло напряженное выражение. Никогда прежде я не видел, как он передвигается, и теперь убедился, что ходьба представляет для него определенную трудность. Шел бедняга медленно, с усилием переставляя ноги. Заметив нас, Боун остановился. Судя по всему, он собирался отвернуться, однако Эдвард окликнул его:

— Питер! Ты тоже спустился в город?

— Как видишь. Драться я не могу из-за больных ног. — Он сухо кивнул мне. — Добрый день, мастер Шардлейк.

— Что это у тебя? — Браун указал на мешок.

— Мои пожитки, — угрюмо бросил Боун. — Когда я ушел из дома, хозяин забрал их себе. Сегодня я заглянул к нему в компании нескольких верных друзей и попросил отдать мои вещи назад. — Он невесело рассмеялся. — Господи Иисусе, думал ли я, что доживу до такого?! Этот важный джентльмен забился в угол и на коленях умолял нас не убивать его. Конечно, убивать его мы не стали, но я не отказал

себе в удовольствии дать негодяю хорошую звонкую оплеуху. Потом забрал свою одежду, башмаки и некоторые семейные реликвии. Говорят, в центре города неспокойно, вот я и решил сделать крюк. — Поколебавшись, Боун добавил: — Простите, что я был с вами не слишком любезен, мастер Шардлейк. Но ваш визит заставил меня вспомнить о моих бедных сестрах, с которыми мне уже не суждено увидаться в этом мире. — Глаза его увлажнились слезами.

— Сочувствую вам, — пробормотал я.

Питер кивнул и поправил мешок у себя на спине:

— Что ж, мне пора. Иду я медленно, дай бог, доберусь в лагерь к вечеру. До встречи.

— До встречи, — ответил Эдвард. — Значит, вы все-таки побывали у него? — спросил он, когда Питер заковылял прочь.

— Да, в прошлом месяце. Рассчитывал выяснить что-нибудь о его сестре, которая работала горничной у Эдит Болейн. Но узнал лишь, что обе его сестры умерли прошлой весной.

— Без них бедняге пришлось тяжело. Питер много лет подряд работал за ткацким станком с педалью, и это плохо сказалось на его ногах. Видите сами, он еле-еле ходит. Но, оказавшись в лагере, Боун воспрянул духом и начал надеяться на счастливые перемены. Как и я, он хорошо разбирается в жизни города и, значит, может быть весьма полезен Кетту. Особенно если дело примет не лучший для нас оборот. Человек он весьма достойный, честный и работающий.

— Что значит — если дело примет не лучший для нас оборот? Ты имеешь в виду, если правительство направит против нас войска?

— Может, так оно и будет. Хотя я верю в то, что сказал Джозефине: увидев, насколько мы сильны, власти предпочтут договориться с нами мирно. — Он тяжело вздохнул. — Впрочем, одному Богу известно, что нас ожидает. Следует быть готовыми к худшему.

— Это верно. Услышав воззвание, которое привез королевский посланник, я понял: у меня нет иного выбора, кроме как остаться с капитаном Кеттом.

— Вы оказались отменным тугодумом, — не преминул поддеть меня Барак.

Проходя мимо какого-то роскошного дома, мы слышали слова молитвы, долетевшие из открытого окна:

— Господи, защити нас от темных и злых сил, от убийц и грабителей...

— Богатеи от страха наложили в штаны, — ухмыльнулся Эдвард.

«Джозефина боится ничуть не меньше, чем эти люди», — подумал я, но счел за благо не произносить этого вслух.

— Что ты думаешь о капитане Майлсе? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Спору нет, у него, как и у других отставных солдат, которых он назначил командирами, имеется большой опыт по военной части. Раньше оружия у нас не хватало, но теперь, когда мы нашли в городе целые склады, луков и мечей хватит всем. Хорошо, что у нас есть люди, способные научить деревенских парней владеть оружием.

— Да, под руководством капитана Майлса они изрядно поднаторели в военных навыках, — кивнул я. — Порой трудно поверить, что лагерь существует всего десять дней.

— Майлс и капитан Кетт считают, что занятия нужно продолжать. Из каждого повстанца они хотят сделать настоящего солдата, — сообщил Эдвард. — Городские бедняки тоже должны обучиться владеть оружием — на случай, если в Норидже вспыхнут уличные бои. — Вперив в меня внимательный взгляд, Браун добавил: — Капитану Кетту ума не занимать. Он все просчитывает заранее. Возможно, он чересчур уверился в том, что протектор окажет нам поддержку. Но Роберт знает, как действовать, если его расчеты окажутся неверными.

— Некоторым людям трудно подчиниться военной дисциплине, — заметил я. — Майклу Воувеллу, например. Ты с ним знаком?

— Знаком, конечно. Спору нет, нрав у него буйный — не даром он любит водить компанию с молодыми горлопанами. Но Воувелл хорошо знает городскую жизнь — так же, как и мы с Питером Боуном. Не сомневаюсь, этот человек может принести в лагере большую пользу.

Поколебавшись, я задал очередной вопрос:

— А Тоби Локвуда ты хорошо знаешь?

— Парня, который обвинил Николаса? — спросил Эдвард, в упор глядя на меня.

— Поверь, все его обвинения — не более чем бессовестная клевета. Локвуд работал вместе с нами, когда мы расследовали дело Болейна. В Норидже он знает всех и вся, и это очень нам пригодилось. Он сказал, что его мать тяжело больна, и я старался оставлять ему

побольше свободного времени. Мне казалось, парень относится ко мне уважительно. Да и с Бараксом они вроде бы поладили.

— Да, я не сумел раскусить эту продувную бестию, — хмуро проронил Джек.

— Правда, с Николасом они вели себя как кошка с собакой. Пользовались любым предлогом, чтобы затеять спор. Но отомстить Овертону подобным образом — это низость, и ничего больше.

— Но может быть, Николас действительно поносил Кетта и повстанцев? С него станется...

— Нет! — резко перебил я. — Во время разговора Николаса с Локвудом я находился поблизости, и, клянусь, они беседовали мирно. Николас сказал мне, что Тоби оболгал его, и у меня нет оснований ему не верить. Соглашусь, этот молодчик Овертон порой слишком задирает нос и гордится тем, что он джентльмен. Но лжецом Ник никогда не был и, уверен, не будет.

— Тоби Локвуд стал в лагере важной птицей, — заметил Эдвард, по-прежнему глядя на меня в упор. — Он грамотный, работает без устали и, как вы сами сказали, знает в Норидже всех и вся. Мне тоже кажется, что человек он злобный и беспощадный. Правда, недавно он потерял обоих родителей, и, возможно, это ожесточило его нрав.

— Утрата родителей — еще не повод для того, чтобы оклеветать ни в чем не повинного человека, — вмешался Баракс.

— Надо признать, Николас имел обыкновение отзываться о простых людях... э-э-э... мягко говоря, не слишком уважительно.

— В последнее время он изменился и не позволял себе никаких выпадов.

— Но насколько мне известно, у Тоби Локвуда имеются свидетели.

— Я сам видел, как все произошло. Повторяю, разговор был спокойным и мирным. Показания свидетелей часто бывают лживыми. Как законник я знаю это слишком хорошо. Эдвард, прошу тебя, подумай на досуге о том, что услышал от меня, и помоги Николасу. Возможно, Кетт отнесется к твоим словам с большим доверием, чем к моим.

Браун задумчиво прикусил губу. В последующие несколько минут мы не произнесли ни слова.

— Понятно, что сельские жители рассчитывают на уничтожение незаконных пастбищ и возвращение общинных земель, — нарушил я

молчание. — Но вот чего добиваются жители Нориджа?

— Того же, что и крестьяне, — усмехнулся Эдвард. — Мы хотим преподать богатеям урок, который они никогда не забудут. Вам, конечно, известно, что в начале года городские власти ввели налог в пользу неимущих, но такой крохотный, что беднякам от него не было никакого проку. Думаю, для начала этот налог стоит изрядно увеличить. Есть у нас и другие беды: например, до ужаса низкие заработки. Теперь хозяевам придется платить работникам больше, иначе пусть пеняют на себя. Перечень требований, который Кетт отправил в Лондон, составили прежде, чем город и лагерь объединились. Но никто не помешает нам написать новую петицию. Неужели вы думаете, что городские бедняки страдают меньше деревенских? Сейчас, когда работы не найти днем с огнем, а цены растут как на дрожжах, многим пришлось голодать. К тому же незаконные огораживания коснулись и городских жителей — ведь некоторые из них держат коров и овец. За то, чтобы они паслись на городском пастбище, приходилось платить деньги. Но отныне этому придет конец.

— Не сомневаюсь, городским беднякам приходится тяжело, — кивнул я. — Они и в Лондоне-то еле-еле сводят концы с концами, а уж здесь, в Норидже, положение у них еще более скверное.

Мы дошли до подножия холма, на котором возвышался замок. Я буквально валился с ног от усталости: день выдался на редкость тревожный и суматошный. С трудом переводя дух, я двинулся по дороге вверх, к тяжеловесной громаде замка, темневшей на фоне безоблачного неба.

Глава 57

Подойдя к воротам замка, мы увидели, что солдат, которые прежде несли караул, сменили повстанцы в стальных нагрудниках и круглых шлемах. Пушки, стоявшие у ворот, исчезли, глубокие колеи от колес, оставшиеся на земле, свидетельствовали о том, что орудия оттащили к дороге. Попав в руки людей Кетта, пушки эти были доставлены в лагерь. Сейчас их наверняка установили на поляне у откоса.

Эдвард подошел к одному из часовых.

— У меня есть пропуск, подписанный капитаном Кеттом, — сообщил он. — Со мной адвокат Шардлейк, законник из лагеря, и его помощник. Они хотят посетить двоих заключенных, Николаса Овертона и Джона Болейна.

При виде пропуска в глазах караульного вспыхнуло уважение.

— Да, эти двое находятся здесь, — сообщил он, заглянув в список арестантов.

— А куда подевались солдаты, охранявшие замок? — осведомился Барак.

— Многие попросту разбежались, когда наши ворвались в город. Так что теперь замок в наших руках. Мэра Нориджа и старшего олдермена арестовали и отправили во дворец графа Суррея. А здесь содержится всякая мелкая рыбешка — главным образом слуги городских богачей, имевшие глупость сражаться против нас.

— Но констебль Фордхилл по-прежнему в замке? — уточнил я.

— Да, капитан Кетт сумел с ним договориться. Он по-прежнему будет комендантом, но станет выполнять приказы Кетта. Некоторые тюремные надзиратели тоже остались здесь.

— Можно поговорить с констеблем? — спросил я.

Караульный бросил вопросительный взгляд на Эдварда; тот кивнул.

— Хотя ты и лондонец, тебя здесь уважают, — усмехнулся Барак, когда мы оказались во внутреннем дворе замка.

— Все знают, что я свой человек в лагере, — ответил Браун. — Никому и в голову не приходит, что три года назад я был помощником старого адвоката Хеннинга.

— Да, как выяснилось, у тебя имеются скрытые таланты, — заметил я.

— У каждого человека есть скрытые таланты, но не всякому подворачивается шанс их проявить, — заявил Эдвард. — Мне такой шанс выпал.

— Верно, — кивнул я, пристально глядя на него. — Надеюсь, это не обернется несчастьем для Джозефины.

— Я не забываю о ней ни на минуту, — покачал головой Эдвард. — Как бы мне хотелось, чтобы они с Мышкой перебрались в лагерь. Но жена ни за что на это не согласится.

Мы вошли в замок. Солнце клонилось к закату, в огромном сводчатом холле царил полумрак. Народу там было значительно больше, чем прежде; надзирателей сменили повстанцы, вооруженные пиками и арбалетами. Эдвард что-то сказал одному из них, и тот провел нас в покои констебля Фордхилла. Мне вспомнилось, что в прошлый раз, когда я, еще до начала восстания, был у него с визитом, в гостиной мирно играл его маленький сынишка.

Фордхилл принял нас в своем кабинете. Его по-прежнему окутывала атмосфера властности, а седые волосы и борода были аккуратно расчесаны; однако, приглядевшись, я заметил, что взгляд коменданта исполнен беспокойства. Эдвард, слегка поклонившись, показал ему пропуск, подписанный капитаном Кеттом. Фордхилл удивленно взглянул на меня:

— Итак, адвокат Шардлейк, вы решили примкнуть к повстанцам?

— Я помогаю проводить суды над землевладельцами, слежу за тем, чтобы все требования закона неукоснительно соблюдались, — сообщил я. — Это мой помощник Джек Барак.

— Полагаю, мы с вами заняты одним и тем же делом: служим порядку и справедливости, — важно изрек констебль. — Надеюсь, власти в Лондоне отнесутся к этому с пониманием. Я не получил от них никаких распоряжений, а следовательно, должен был выполнять распоряжения капитана Кетта. — Он бросил взгляд на Эдварда. — Так или иначе, мои обязанности остаются неизменными. Я должен следить за тем, чтобы арестанты не разбежались и были обеспечены всем необходимым.

— Именно это от вас и требуется, констебль, — проронил Эдвард.

— Насколько я понимаю, адвокат Шардлейк, вы пришли сюда, чтобы повидаться с Джоном Болейном, — продолжал Фордхилл, буравя меня взглядом. — Скажите, вам удалось выяснить, каким образом приказ об отсрочке казни вдруг затерялся?

— Нет. Подозреваю, кому-то заплатили за то, чтобы этот приказ исчез.

Фордхилл понимающе кивнул.

— Я полагаю, вы хотите подробнее узнать о попытке отравить Болейна? — осведомился он.

От неожиданности у меня отвисла челюсть.

— Что?! — возопил я, едва обретя дар речи. — Его отравили?

Настал черед Фордхилла удивляться.

— Так вы ничего не знаете?

— Ровным счетом ничего. Я всего лишь хотел навестить Болейна — и своего помощника Николаса Овертона, который тоже содержится здесь. Ради бога, расскажите, что случилось!

Фордхилл тяжело откинулся на спинку стула:

— Болейн жив и здоров. А вот человек, который съел жареную курицу, доставленную ему вчера вечером, умер. Камер у нас не хватает, и мы поместили к Болейну одного из старших городских констеблей, у которого вышла с повстанцами какая-то стычка. По словам Болейна, парень вел себя по-хамски. Когда соседу принесли еду, он попросту схватил курицу и с жадностью съел ее. Как видно, яд был сильнодействующим. Через два часа бедолага опорожнил кишки прямо на пол, а через три был мертв. Сейчас его тело у коронера.

— Значит, яд предназначался Болейну.

— В этом нет никаких сомнений. Как и все корзинки с едой, которые передавала ему жена, эта была обмотана тканью и перевязана веревочкой. А к веревочке прикреплена бумажка с именем Болейна, написанная рукой Чаури.

— После того как корзинку принесли в замок, могли ее открыть и подменить содержимое?

— Она была надежно упакована, — покачал головой Фордхилл. — Предосторожность нелишняя, так как караульные любят выхватывать из таких корзинок лакомые куски. Болейн отрицает, что его жена либо управляющий мог быть к этому причастен. Надо признать, миссис Изабелла производит впечатление любящей и преданной супруги. Что

ж, коронеру решать, какого рода обвинения тут следует предъявить. Думаю, он сообщит о результатах своего дознания командирам вашего лагеря.

— Я могу увидаться с Болейном?

— Разумеется. Но предупреждаю, он еще не совсем пришел в себя после пережитого потрясения.

— А Николаса Овертона я могу увидеть? Он ведь тоже находится у вас?

— Да, делит камеру с другими дворянами. Условия там не такие хорошие, как в новой камере Болейна. Но... — Фордхилл многозначительно поднял бровь, — мастер Овертон ведь не подавал королю просьбу о помиловании.

— Можно нам с Бараком поговорить с Болейном без свидетелей? — обратился я к Эдварду.

Поколебавшись, он отрицательно покачал головой:

— Дело слишком серьезное. Неизвестными злоумышленниками убит человек. Думаю, мне стоит присутствовать при вашем разговоре, а затем сообщить о случившемся представителям власти, которую капитан Кетт установит в Норидже.

Фордхилл поднялся и, подойдя к дверям, рявкнул:

— Паркер! Посетители к Джону Болейну! Проводи их к нему в камеру!

Раздались торопливые шаги. Фордхилл, несомненно, обладал авторитетом и властью — по крайней мере, пока.

Болейн по-прежнему находился в относительно просторной и светлой камере, в которую его перевели после суда. Впрочем, сейчас воздух там был пропитан самым отвратительным зловонием, пол залит жидким дерьмом и рвотой, а в углу валялись куриные кости и прочие объедки. Болейн сидел за столом, уронив голову на руки. Он распрямился, когда мы вошли. Вид у него был подавленный и угрюмый, лицо бледное, на щеке свежий синяк. Однако я заметил, что в глазах его тлеют искры ярости.

— Мэтью, — проронил Джон ледяным тоном. — Значит, вы по-прежнему пособничаете этим мерзким бунтовщикам? Мне сказали, сегодня они захватили Норидж и бросили в тюрьму множество несчастных, вся вина которых состоит лишь в том, что они

джентльмены. — Он махнул рукой в сторону Брауна. — Кто этот человек?

— Благодаря ему я получил возможность увидеться с вами, — резко ответил я.

— Думаю, говоря о повстанцах, вам стоит воздержаться от оскорблений, — процедил Эдвард.

Болейн вздохнул и покачал головой:

— Слышали, что меня пытались отравить?

— Да, — кивнул я и бросил взгляд на зловонную массу на полу. — Почему никто не уберет все это?

— Здесь вам не трактир «Девичья голова», — саркастически усмехнулся Джон. — Они вымоют пол, когда сочтут нужным.

— Как это произошло?

— Изабелла, да хранит ее Господь, по-прежнему живет на постоялом дворе, — произнес Болейн другим, уже более мягким тоном. — Каждый день она приносит мне корзинку с едой. Надежно завязанную, с ярлычком, на котором Чаури пишет мое имя, — Изабелла ведь не умеет писать. Вчера днем я тоже получил такую корзинку. Накануне у меня появился сосед, городской констебль, который затеял с бунтовщиками драку и в результате оказался в тюрьме. — Голос Джона задрожал от гнева. — О мертвых не принято говорить плохо, но этот парень был настоящим скотом, грубым и наглым. Когда мне принесли корзинку с едой, он просто-напросто схватил ее. Я попытался было отнять, но где мне тягаться с этой свиньей. Он так меня ударил, что я отлетел на несколько шагов. — Мой собеседник коснулся пальцами синяка на щеке и горько рассмеялся. — А затем вытащил из корзинки курицу и стал пожирать ее, сказав, что разрешит мне обсосать кости. Где-то через полчаса у него скрутило живот, да так сильно, что он орал от боли. А потом из него потекла вся эта дрянь. — Болейн кивнул на смердящую массу. — Я принялся колотить в дверь и звать стражников. Когда они пришли, мой сосед был уже мертв. Не знаю, каким ядом пропитали курицу, но яд этот был очень силен. И предназначался он мне.

— Корзинка выглядела так же, как обычно? У вас не возникло подозрения, что кто-то ее развязывал?

— Да я толком и не рассмотрел! Глазом не успел моргнуть, как этот хам вырвал ее у меня из рук! — возопил Болейн: я вспомнил, что

человек этот подвержен буйным вспышкам ярости. — Но, разумеется, кто-то развязал корзину и подложил туда эту чертову курицу. Ни моя жена, ни Чаури, надежный и преданный слуга, не могли подсунуть мне такое угощение. Или вы в этом сомневаетесь? — злобно сверкнул он глазами.

— Я всего лишь пытаюсь выяснить, как подобное могло произойти! — Я примирительно вскинул руку.

— Тогда ищите, кому выгодна моя смерть. Впрочем, тут не нужно долго ломать голову. Моему соседу Леонарду Вайтерингтону, который пытался присвоить мою землю. Я слышал, его тоже посадили под стражу. Но это такая продувная бестия! Он вполне мог действовать путем подкупа, через подручных. Мои ненаглядные сыночки и их приятели тоже спят и видят, как бы отправить меня на тот свет. Впрочем, не знаю, в Норидже ли они сейчас.

— В Норидже, — кивнул Барак. — Сегодня они сражались против людей капитана Кетта.

— И у нас есть веские основания предполагать, что один из их закадычных друзей, Джон Аткинсон, замешан в убийстве ученика слесаря, — добавил я.

— Ох, как же им хотелось увидеть меня на виселице, — процедил Болейн. — Ну, если это отравление — их рук дело, я сам полуюбуюсь, как Джеральд и Барнабас будут болтать в воздухе ногами.

— Надо попросить констебля Фордхилла, чтобы содержимое корзинок с едой, которые впредь будут вам приносить, проверял надежный человек, — заметил я и повернулся к Эдварду. — Ты поддержишь мою просьбу?

— Почему вы так беспокоитесь об этом человеке? — пожал он плечами. — Это всего лишь землевладелец, который считает всех простых людей скотами. По-моему, Болейн не заслуживает такой заботы.

— Он мой клиент. Прошу, сделай это ради меня и ради торжества справедливости.

— Хорошо, — вздохнул Браун. — Хотя, если бы не вы, я бы и пальцем ради него не пошевелил.

— Если кто-то решит пробраться в мою камеру и зарезать меня во сне, констебль Фордхилл не сумеет его остановить, — проворчал

Джон. — Разве вы не видите: здесь, в замке, царит такой же хаос, как и повсюду?

— Послушайте, мне в голову пришла любопытная мысль, — заявил я. — Джон, мы оставим вас, но скоро вернемся. Эдвард, прошу тебя, отведи меня к Николасу.

Браун постучал в дверь.

— Вы навестите сегодня Изабеллу? — спросил Болейн, пока мы ждали прихода караульного.

— Да, разумеется.

Камера Николаса располагалась в подвале, как и та, что прежде занимал Джон Болейн. Тюремщик, которого я запомнил по своим первым визитам в замок, встретил нас зловещей улыбкой и повернул ключ в замке.

— Постарайтесь не дышать, а то тут здорово воняет, — усмехнулся он. — У нас нет времени опорожнять параша.

Мы оказались в сырой зловонной камере. У дверей стоял караульный из числа повстанцев, с дубинкой на поясе и пикой в руке. На лице его застыло непроницаемое выражение. Вдоль стен сидели арестанты в богатой, но рваной и грязной одежде. Некоторых, судя по всему, схватили в городе нынешним утром. Сбившись в угол, они приглушенно переговаривались друг с другом, всячески понося повстанцев и называя их подонками, изменниками и негодьями. Прочие хранили молчание; кто-то дремал, кто-то смотрел в пространство. Я догадался, что они здесь уже не первый день. В полумраке я не сразу увидел Николаса, сидевшего у стены со сложенными на коленях руками. К плечу его привалился какой-то толстяк средних лет, одутловатый и бледный. Дышал он хрипло, с трудом. К немалому своему изумлению, я узнал в нем Леонарда Вайтерингтона, соседа Болейна.

Увидев нас, Николас удивленно вскинул голову.

— Мастер Шардлейк, Джек, Эдвард, — пробормотал он; голос его осип, волосы и борода были спутаны, а зеленые глаза запали. — Скажите, сколько дней я здесь просидел? — спросил Овертон. — А то я уже потерял счет времени. Может, прошла неделя, а может, намного больше.

— Ты здесь всего четыре дня, — сообщил Барак.

— Прости, что не смогли навестить тебя раньше, — добавил я.

— Когда меня держали под стражей в лагере, мне пришлось несладко, — покачал головой Николас. — Но здесь... Я словно бы попал в другой мир. — Он пристально взглянул на меня и произнес, понизив голос: — Говорят, сегодня повстанцы захватили Норидж? К нам сюда привели нескольких городских констеблей и чиновников.

— Да, нынешним утром город взят.

— Когда королевский посланник отдал приказ запереть ворота Нориджа, всех дворян, содержащихся здесь, решено было выпустить. Но многие боялись, что городские бедняки с ними расправятся, и потому предпочли остаться здесь, — криво улыбнулся Овертон. — Прошлым вечером ко мне пришли и спросили, готов ли я сражаться с бунтовщиками. Но я притворился больным. В том, что повстанцы победят, у меня сомнений не было: я же знал, какая огромная армия собралась в лагере.

— Да, город мы взяли без особого труда, — сообщил Барак. — Хотя, конечно, есть и убитые, и раненые. Войны без крови не бывает.

— Мне не хотелось убивать парней из Свордстоуна, с которыми мы жили бок о бок, — судорожно сглотнув, сказал Николас. — Надеюсь, все они живы?

— К счастью, да.

Заметив, что глаза Ника увлажнились слезами, я поспешно отвернулся и взглянул на Вайтерингтона. Некогда могущественный повелитель Южного Бриквелла ныне являл собой жалкое зрелище.

— Не будите его, — попросил Николас. — Временами у него ум заходит за разум, и он не понимает, где оказался. Зовет жену, которая умерла в прошлом году. Помните, я боялся, что его хватит удар? Именно это с ним и случилось. Когда Вайтерингтона втолкнули в камеру, он принялся орать на стражников, а потом вдруг побагровел и рухнул на пол. Честно вам скажу, мне жаль этого старого хрыча, — вздохнул Овертон. — Помните, каким он был в Бриквелле? Едва не лопался от самодовольства.

— Как не помнить.

— Уверен, Вайтерингтон долго не протянет. Он не привык жить в таких условиях. Как, впрочем, и все здесь. — Николас обвел глазами своих товарищей по несчастью. — Общество в этой камере собралось

самое изысканное — исключительно джентльмены. — Он зашелся хриплым невеселым смехом.

«Да уж, сейчас ему не позавидуешь, — вздохнул я про себя. — Все, во что Николас прежде непоколебимо верил, ныне вызывало у него лишь горькую насмешку. Столпы, на которые опиралось его мировоззрение, оказались ненадежными и шаткими».

— Ты все четыре дня провел в этой камере? — спросил я.

— Да, я все время сижу на полу, пытаюсь дремать. Но спать здесь мешают крысы, которые постоянно по нам бегают. А бодрствовать тоже тяжело: мысли кружатся в голове вихрем и их невозможно привести в порядок. — Он вперил в меня тяжелый взгляд. — Вы же знаете, Тоби Локвуд оклеветал меня.

— Конечно знаю. Я пытался объяснить это капитану Кетту. Но ему было не до меня: сначала он ждал прибытия королевского посланника, а потом готовился к захвату города. Прости, Ник, но пока я ничего не смог сделать.

— Мир перевернулся с ног на голову, — изрек Овертон и вновь разразился хриплым смехом.

— Мы с Бараксом все время думаем, как тебе помочь, — сказал я, сжимая его руку. — И мне кое-что пришло в голову. Мы попросим перевести тебя в камеру Джона Болейна. Она более светлая и просторная, чем эта, и в случае чего ты сможешь его защитить. Представь себе, Болейна едва не отравили.

Впервые на лице Николаса отразился неподдельный интерес.

— Вот это да! Каким образом?

— В корзинке с едой, которую ему передала Изабелла, оказалась отравленная курица...

— Но она же не могла...

— Вероятно, курицу начинили ядом без ее ведома. Или положили в корзинку уже тут, в тюрьме.

— А другим заключенным приносят из дому еду? — спросил Баракс.

— Некоторым приносят. Здесь дают только кошмарную похлебку из лежалой фасоли и бараньих потрохов. Вайтерингтон почти ничего не ест. Я пытался кормить его с ложки, но суп стекает у него по подбородку, не попадая в рот. — Заметив презрительный взгляд, который Эдвард бросил на Вайтерингтона, Николас внезапно

взорвался: — В конце концов, он тоже человек! Разве все мы не равны в глазах Господа, как твердят поборники всеобщего благоденствия? — Он вновь хрипло рассмеялся.

Упоминание о всеобщем благоденствии достигло ушей вновь прибывших, сбившихся в угол. Один из них повернулся и с неожиданным пылом набросился на Эдварда:

— Ты грязная свинья, подлая собака, тупой осел! Неужели ты думаешь, что вам позволят безнаказанно унижать нас? Да протектор и Тайный совет бросят против вас армию! Скоро вам покажут, где раки зимуют!

— Заткнись! — процедил другой, хватая товарища за руку. Но тот только разошелся еще пуще: — Власть в Норидже принадлежит нам, и так будет всегда! Когда мы отсюда выйдем, то повесим вас на ветвях вашего поганого дуба! Всех до единого! Мы знаем ваши имена, мы запомним всех вас в лицо! — Он угрожающе уставился на Эдварда. — Тебя-то я точно запомню! Ты наверняка из Лондона, говоришь не как здешние!

— Для висельника ты чертовски наблюдателен! — расхохотался Браун. — Вот только проку от этого не много!

Арестант, окончательно выйдя из себя, заорал, топая ногами:

— Чертовы хамы! Болваны! Грязные смерды! Ублюдки!

Стражник, подскочив к буяну, огрел его по затылку тупым концом пики. Тот заверещал еще громче.

— Заткни пасть! — приказал часовой.

— Скажите, вы долго собираетесь держать нас здесь? — умоляющим голосом спросил другой арестант. — Где наши жены и дети? И как вы намерены с нами поступить?

— Все вы предстанете перед судом у Дуба реформации, — заявил Эдвард. — Это будет сразу после того, как капитан Кетт наведет порядок в городе, ворота в который вы для нас предательски закрыли. Так что заткнитесь и ждите решения своей участи.

Узник, задавший ему вопрос, устало прислонился к стене и закрыл глаза.

— Мне очень жаль, но все идет к тому, что тебя тоже будут судить, — обратился Браун к Николасу. — Обвинения Тоби Локвуда и его так называемых свидетелей слишком серьезны. Если суд признает тебя виновным, тебя вернут в тюрьму.

— Здесь у нас ходят слухи, что вы собираетесь устраивать казни, — мрачно проронил Николас.

— Вранье. Никаких казней не будет.

— Я согласен, пусть меня судят! — с внезапной горячностью выпалил Овертон. — Пусть этот мерзавец Локвуд и его прихвостни повторят свои обвинения мне в лицо! Я сумею доказать, что это — всего лишь грязная ложь!

— Хорошо сказано, — кивнул Барак. — Эдвард, ты знаешь Николаса не первый день. И уж конечно, имел возможность понять, что он славный парень.

— Эдвард, хочу попросить тебя об очередной услуге, — вмешался я. — Добейся у Фордхилла разрешения перевести Николаса в камеру Джона Болейна. Я непременно поговорю с его женой, узнаю, кто вчера готовил корзинку с едой и что в этой корзинке было. Если Николас будет рядом с Болейном, он сумеет защитить его в случае очередного покушения. — Я похлопал Ника по плечу. — Там тебе будет намного удобнее, да к тому же Джон станет делиться с тобой пищей, которую приносит ему Изабелла. А то ты совсем отощал.

— Дело Болейна не имеет никакого отношения к капитану Кетту, — раздраженно покачал головой Эдвард.

— Я опасаясь за жизнь своего клиента. Его сыновья здесь, сегодня утром они были на городских стенах. А от таких подонков, как Джеральд и Барнабас, можно ждать любой пакости.

— Ничего, скоро мы их схватим. Наши люди уже закрыли городские ворота.

— Так ты поможешь мне?

— Помогу, но при одном условии. — Эдвард тяжело вздохнул. — Взамен вы постараетесь уговорить Джозефину перебраться в лагерь вместе с Мышкой.

— Заметано, — радостно кивнул я.

Глава 58

Мы вернулись в кабинет констебля Фордхилла, который с готовностью согласился на мое предложение. Ему вовсе не хотелось, чтобы заключенный, пользовавшийся особым расположением леди Елизаветы, был убит во вверенной его попечению тюрьме. Едва мы вышли из ворот замка, как Эдвард простился с нами, сказав, что у него много дел, связанных с учреждением новой власти в Норидже. Я горячо поблагодарил его за помощь, пообещав на обратном пути навестить Джозефину и убедить ее отправиться в лагерь вместе с нами. Долгий летний вечер принес желанную прохладу; ветерок, долетавший с реки, дышал свежестью. Я с сочувствием подумал о Николасе, запертом в душевной камере.

— Беднягу Вайтерингтона придется исключить из списка возможных отравителей, — заметил я, повернувшись к Бараку. — Ему сейчас не до вражды с Болейном.

— А кто в этом списке на первом месте? Дэниел Чаури?

— Бесспорно, у управляющего есть повод убить Болейна, он ведь давно вздыхает по его жене. Неплохо бы разлучить Чаури с Изабеллой. Может, стоит предложить ему вернуться в Бриквелл?

— Но прежде мы должны выяснить, имеет ли он какое-то отношение к вчерашней корзинке с едой.

Мы спустились к рыночной площади. День выдался тяжелый, и я чувствовал, что устал до самых потрохов — пользуясь выражением, которое было в ходу у жителей Норфолка. Спина моя отчаянно ныла. Тем не менее, увидев огромную толпу, собравшуюся у городского Креста, мы подошли, дабы узнать, что происходит.

Толпа внимала королевскому посланнику. Сопровождаемый несколькими городскими советниками, чудом избежавшими ареста, он вновь читал привезенное воззвание. Состав слушателей был самым пестрым: лавочники, ткачи, ремесленники, каменщики и даже повстанцы. Все они сопровождали чтение издевательскими выкриками, хохотом и улюлюканьем. Услышав, что бунтовщиков, не пожелавших сложить оружие и разойтись по домам, ожидают суровые кары и преследования по всей строгости закона, толпа возмущенно загудела.

— Убирайся! — крикнул кто-то. — Нечего тут нас запугивать! И милости вроде тех, что обещает эта бумага, нам тоже не нужны!

— Да здравствует Робин Гуд! — подхватил его товарищ.

Несомненно, горожан воззвание разъярило ничуть не меньше, чем обитателей Маусхолдского холма. Все милостивые посулы они, похоже, сочли обманом и ловушкой. Многие, вероятно, помнили восстание против церковных реформ, вспыхнувшее в 1536 году в северных графствах. Тогда покойный Генрих тоже обещал помиловать мятежников, но дело кончилось пытками и казнями.

Несмотря на накалившуюся атмосферу, тронуть королевского посланника никто не решился. Он спустился по ступенькам и беспрепятственно удалился прочь. Советники следовали за ним.

Мы пересекли рыночную площадь и вошли в трактир, где жили Изабелла и Чаури. Нас попросили подождать в общей гостиной, и вскоре они вышли к нам. Оба выглядели усталыми и обеспокоенными. В глаза мне бросился глубокий, грубо зашитый порез, пересекавший лоб Чаури и уходивший под его рыжие волосы.

— Мастер Шардлейк, вид у вас в точности как у одного из этих мятежников, — холодно изрек Дэниел.

Лицо его выразило при этом откровенное презрение. Подобно Майклу Воувеллу, бывший управляющий явно вырос в собственных глазах, хотя и придерживался противоположных политических взглядов.

— Вижу, вы были ранены, мастер Чаури, — любезно произнес я, сочтя за благо не замечать его пренебрежительного тона.

— Нынешним утром я сражался против бунтовщиков, — процедил он.

— Быть может, нынче утром вам стоило быть рядом со своей хозяйкой и оберегать ее? — отчеканил я столь же холодным тоном.

— Да, теперь, когда бунтовщики ворвались в Норидж, у всякой женщины, если только она не нищая простолюдинка, есть основания опасаться за свою жизнь и честь, — не остался в долгу Чаури.

— Насколько мне известно, ни одну женщину повстанцы не тронули.

— Тем не менее бесчинствам, которые творят ваши друзья, несть числа. Я слышал, что множество богатых домов разграблено, а их хозяев бросили в тюрьму.

— Вне всякого сомнения, капитан Кетт в самом скором времени наведет в городе порядок. Мне известно, что его намерения именно таковы.

— Дэниел, разве вы не видите, что мастер Шардлейк и мастер Барак буквально валятся с ног от усталости? — решила наконец вмешаться Изабелла. Она улыбнулась, приглашая нас садиться. — Я очень беспокоилась за вас и за молодого Николаса.

— Увы, Николас арестован и находится в Нориджском замке, — сокрушенно вздохнул я.

— О господи! — всплеснула руками Изабелла. — Бедный мальчик!

— Разумеется, его место сейчас в тюрьме, он ведь джентльмен, — буркнул Чаури.

Я пропустил его слова мимо ушей и, повернувшись к Изабелле, со всей доступной мне деликатностью рассказал о том, что ее мужа пытались отравить. Под конец я упомянул, что тюремный комендант согласился по моей просьбе перевести в его камеру Овертона. Во время рассказа я исподтишка поглядывал на Чаури. Казалось, новость потрясла его не меньше, чем хозяйку.

Когда Изабелла немного пришла в себя, я попросил ее подробно рассказать, как она собирает корзинку с едой для своего мужа. Выяснилось, что Чаури покупает провизию на рынке или в ближайших лавках, а Изабелла собственноручно стряпает на кухне трактира. Потом она складывает все в корзинку, оборачивает ее холстиной и обвязывает тонкой веревкой, к которой Дэниел прикрепляет ярлычок с именем Болейна. Вчера все было как обычно, за исключением того, что Чаури, ходившего по лавкам, остановил городской констебль и предложил ему участвовать в обороне города. Предложение это, как я уже понял, управляющий принял с готовностью. Еще я отметил, что его поход за провизией вчера занял значительно больше времени, чем обычно.

— Скажите, а в тюрьму вы обычно ходите вместе? — спросил я.

— Конечно, — ответила Изабелла. — Неужели вы думаете, что я пойду туда одна? В это ужасное время Дэниел — моя единственная надежда и опора, — вздохнула она и коснулась его руки.

Чаури угрюмо взглянул на меня, несомненно догадавшись о моих подозрениях. Стоило ему повернуться к Изабелле, взгляд его потеплел от нежности.

— Простите, что нынче утром мне пришлось вас оставить, — проворковал он. — Но я не мог не выполнить свой долг.

— Я это знаю, — улыбнулась она. — Сражаясь на городских стенах, вы защищали меня.

Судя по всему, их душевная близость значительно возросла в последнее время, подумал я, глядя на эту парочку. Надо признать, в тревожной ситуации, в которой оба оказались, подобное сближение неизбежно. Однако все мысли Изабеллы были по-прежнему поглощены заботами о муже и переживаниями за него.

— Скажите, что нас всех ждет? — спросила она, повернувшись ко мне. — Говорят, король собирается послать в Норидж армию, которая разгонит мятежников?

— Уж скорее бы, — процедил Чаури. — Бунтовщиков будут вешать на дверях их домов.

— Что нас всех ожидает, известно одному лишь Богу, — ответил я. — Однако настоятельно советую вам обоим как можно реже выходить на улицу и по возможности не привлекать к себе внимания. Да, и спрячьте как следует все свои деньги. Надеюсь, Дэниел, у вас хватит ума не поносить прилюдно Кетта и его сторонников. Если вы будете продолжать в том же духе, то скоро составите Николасу компанию в тюрьме.

— Если нам предстоит еще один бой, обещаю: я не буду сражаться, но останусь рядом с вами, — заявил Чаури, буквально поедая глазами Изабеллу.

Она улыбнулась и кивнула.

«Да, вполне вероятно, человек этот готов на все, чтобы убрать с дороги Болейна и заполучить Изабеллу, — рассуждал я. — Но если именно он лишил жизни Эдит Болейн, значит у него имелись сообщники, убившие важных свидетелей — слесаря и его ученика. А для того чтобы заплатить этим сообщникам, требовались деньги. И зачем бы Чаури понадобилось глумиться над телом Эдит, издевательски выставляя его напоказ? К тому же он ничего не знал об исчезнувшем ключе. Но даже если Дэниел и не имеет отношения к предшествующим убийствам, попытка отравления вполне могла быть делом его рук. В любом случае, — решил я, — будет нелишним удалить его из Нориджа».

— Есть у вас какие-нибудь известия из Бриквелла? — обратился я к Изабелле.

— Никаких, — покачала она головой.

— Представляю, какой кавардак царит сейчас в имении, — вздохнул Чаури. — Сначала там бесчинствовали близнецы, а потом туда ворвались бунтовщики. Можно не сомневаться: в доме не осталось ни одной мало-мальски ценной вещи.

Изабелла, которая, узнав о покушении на жизнь мужа, с трудом сдерживала слезы, не выдержала и всхлипнула. Глаза ее увлажнились.

— Все, что стоило Джону таких трудов, разрушено и разграблено, — прошептала она.

Чаури накрыл ее ладонь своей:

— Землю нельзя ни разрушить, ни разграбить. Когда все эти безобразия закончатся, мы вернемся в Бриквелл и все отстроим заново.

— Мастер Чаури, быть может, вам стоит съездить туда и посмотреть, как обстоят дела? Возможно, разрушения вовсе не так велики, как вы полагаете.

— Бриквелл со всех сторон окружен мятежниками, — сердито прищурившись, возразил Дэниел. — Они не слишком жалуют управляющих, которые служат богатым землевладельцам. Если я туда сунусь, они, скорее всего, схватят меня.

— При всем уважении к вам не могу не заметить, что бунтовщики держат под арестом исключительно джентльменов.

— Но я не могу покинуть миссис Болейн. Сейчас она нуждается в помощи и поддержке больше, чем когда-либо.

— Да, я боюсь оставаться одна, — подхватила Изабелла, устремив на меня взгляд ясных голубых глаз. — Мастер Шардлейк, вы забыли, что, кроме Дэниела, обо мне некому позаботиться. В такие времена, как сейчас, женщина не должна оставаться в одиночестве.

«Что ж, миссис Болейн никак не назовешь дурочкой, — подумал я. — Если бы Чаури вел себя подозрительно, то она, вне всякого сомнения, заметила бы это. Разумеется, если только Дэниел не ее любовник, что вряд ли».

— Ладно, нам пора, — сказал я. — Надеюсь, в скором времени у меня будет возможность навестить вас и вашего мужа. Постараюсь сделать все, что от меня зависит, чтобы оградить его от возможных опасностей.

— Боюсь, ответа на просьбу о помиловании нам придется ждать долго, — вздохнула Изабелла. — Теперь, когда в стране такие... волнения, протектору не до того, чтобы решать участь Джона.

— Да, нам придется запастись терпением, — кивнул я.

— Мы чрезвычайно признательны вам за помощь, которую вы нам оказали, мастер Шардлейк, — произнес Чаури, поднимаясь. — Позвольте мне проводить вас.

Мы с Бараком, поклонившись Изабелле, двинулись к дверям вслед за Чаури. Я догадывался, что он хочет сказать нам что-то наедине. И действительно, пристально глядя на меня, он произнес вполголоса:

— Несомненно, сэр, вы понимаете не хуже моего, что в данных обстоятельствах поездка в Бриквелл — это чистой воды безумие. Как видно, вы хотите разлучить нас с Изабеллой. Неужели вы считаете, что я способен отравить человека, которому несколько лет служил верой и правдой? — Голос его задрожал от гнева.

— Не горячитесь, приятель, — предостерегающе процедил Барак.

— Я должен рассмотреть все возможные версии, — пожал я плечами.

— Мне плевать на ваши так называемые версии, — прошипел Чаури. — Изабелла на редкость красивая женщина. Разумеется, она привлекает мужчин. Я вижу, вы тоже не остались к ней равнодушным. Но она верна Джону Болейну и думает только о нем. Все, чего я хочу, — это помогать Изабелле и защищать ее.

Я взглянул ему прямо в лицо. Злобно прищуренные глаза, плотно сжатые губы. Понять, что творится на душе у этого человека, было невозможно, в особенности сейчас.

— Что ж, я рад, что миссис Болейн в надежных руках. До скорой встречи, — кивнул я.

— Вижу, вы торопитесь в лагерь, к своим друзьям-мятежникам, — презрительно бросил Чаури. — Сколько они вам платят за услуги, мастер Шардлейк?

— Нисколько, — отрезал я, повернулся и пошел прочь, ощущая спиной его ненавидящий взгляд.

Смеркалось, хотя в окнах домов еще не теплились огоньки свечей. Прежде чем вновь заглянуть к Джозефине, я собирался нанести еще один визит — старой Джейн Рейнольдс. Эта женщина, казалось давшая

обет молчания, нарушила его два раза: на суде и в тот день, когда она подарила Скамблеру монету и тем самым, возможно, спасла парню жизнь.

По пути Барак заметил:

— Все, что говорил Чаури, кажется вполне правдоподобным.

— Согласен. Но в тот день, когда Болейн получил отравленную курицу, управляющий ходил за провизией дольше, чем обычно.

— Кстати, Изабелла тоже вполне может быть причастна к отравлению.

— Не могу поверить в то, что она хочет убить своего мужа.

— Похоже, Дэниел прав, и вы действительно слегка в нее втрескались, — ухмыльнулся Барак. — Не забывайте, Изабелла несколько лет проработала в таверне и научилась там строить глазки. А теперь без труда водит Чаури вокруг своего хорошенького пальчика.

— Не пори чушь! — возмутился я. — Ничего я не втрескался! По крайней мере, не до такой степени поддался чарам Изабеллы, чтобы утратить здравый смысл. И у меня нет никаких оснований усомниться в ее любви к мужу.

— Знаете, похоже, Эдвард прав, — поколебавшись, заявил Барак. — Вы тратите на дело Болейна слишком много сил. А времена сейчас такие, что это непозволительная роскошь.

— Меня в любые времена тревожит мысль о невинных людях, ставших жертвами убийства, — отрезал я. — А в нашем деле таких уже четверо. Эдит Болейн, слесарь, его ученик и констебль, имевший несчастье съесть отравленную курицу.

Внимание наше привлекли радостные крики, долетавшие со стороны ратуши. Подойдя ближе, мы увидели множество людей, складывающих в повозки самое разнообразное оружие — мечи, копья, пики и алебарды. Среди них был Майкл Воувелл, не замедливший подойти к нам. Он пребывал в легком подпитии и превосходном расположении духа.

— Мастер Шардлейк! Видите, что мы нашли? Одна маленькая птичка напела мне на ухо, что в зале собраний городского совета двойной потолок, а в тайнике между крышами — огромный склад оружия. Мы неплохо пополнили свой запас, верно?

— Да, улов неплохой, — кивнул я, окинув взглядом лежавшие на повозках горы оружия.

— Еще одна птаха насвистала мне, что другой тайный склад оружия находится в доме городского камергера! Там мы обнаружили не только копья и алебарды, но и несколько бочек пороха. И все это теперь наше!

— Вижу, у вас обширные знакомства среди пернатых, мастер Воувелл, — улыбнулся я.

— В Норидже немало славных парней, — сообщил он, так и светясь от гордости. — И все они — мои друзья.

Мимо прошли две хорошо одетые женщины. Один из повстанцев крикнул:

— Куда это вы так спешите, цыпочки? Неужели не хотите познакомиться с нашими петухами? Показать нам свои белые нежные сиськи, никогда не видевшие солнца?

Воувелл расхохотался, но один из солдат, наблюдавших за погрузкой оружия, сердито гаркнул:

— Заткнись! К женщинам велено не приставать!

Парень вернулся к своей работе, а горожанки поспешили прочь. Я с удовлетворением отметил, что повстанцы выполняют приказы своих командиров с армейской неукоснительностью.

— В ратуше мы обнаружили несколько бочонков с вином, — извиняющимся тоном пояснил Воувелл. — И конечно, ребята не смогли устоять и попробовали, каково оно на вкус. Да, кстати, вы слышали? Королевский посланник отправился обратно в Лондон.

— Я видел, как он читал воззвание у городского Креста. Прием ему там оказали, мягко говоря, не слишком почтительный.

Воувелл, прищурившись, взглянул на запад, туда, где на небе алела полоса заката.

— Теперь он уже во весь опор мчится в Лондон и скоро расскажет обо всем протектору. Посмотрим, что за этим последует. До встречи! — внезапно бросил Майкл и вернулся к повозкам с оружием.

На рыночную площадь вышел человек с колокольчиком в руках.

— Рынок откроется завтра! — во весь голос орал он, обходя площадь кругом. — Завтра — дополнительный торговый день! Отныне, помимо постоянных базарных дней, у нас будут еще и дополнительные! Все, у кого есть чем торговать, привозите свои товары! Завтра люди из лагеря снова придут за покупками!

Глава 59

Мы направились на площадь Тумлэнд. Барак жаловался, что сегодня — самый утомительный день в его жизни. Но напрасно он уговаривал меня, заглянув к Джозефине, отправиться домой; я был непоколебим в своем намерении повидать Джейн Рейнольдс. Признаюсь, отчасти мое упорство объяснялось желанием отомстить Джеку, имевшему нахальство заявить, что я втрескался в Изабеллу. На улицах было многолюдно: повстанцы и бедные горожане разгуливали по городу, празднуя победу. Несколько раз развеселые компании приглашали нас присоединиться к ним, радостно крича:

— Ступай с нами, дед, будешь сыт и пьян! И твой приятель тоже!

Ставни на окнах Рейнольдса были плотно закрыты, а двери его особняка заперты. Я постучал, и горничная, на лице которой застыло выражение ужаса, слегка приоткрыла дверь.

— Твоя хозяйка дома? — спросил я. — Меня зовут мастер Овертон.

Я решил назваться именем Николаса, опасаясь, что мое собственное слишком хорошо известно пожилой даме. Держался я уверенно и надменно, дабы произвести на горничную впечатление.

Разумеется, выйди на стук сам Рейнольдс, он бы и на порог нас не пустил. Шанс повидаться с Джейн оставался лишь в случае, если она была дома, а ее супруг — нет. Увы, служанка покачала головой:

— Хозяйка ушла, сэр. Они с хозяином отправились навестить Сотертонов. Эти проклятые бунтовщики ворвались к ним, искали мастера Леонарда Сотертона, который приехал из Лондона вместе с королевским посланником. Их дом недалеко отсюда, на улице Святого Бенедикта, — добавила девушка.

Мне было известно, что Сотертоны — одна из самых богатых и процветающих купеческих семей в Норидже. В том, что повстанцы хотели схватить главу этого семейства, не было ничего удивительного. Удивило меня другое — то, что супруги Рейнольдс поспешили нанести своим соседям визит. Менее всего они походили на людей, готовых утешить ближнего в несчастье.

Дом Сотертонов выделялся роскошью даже среди купеческих особняков Нориджа. Мне вспомнились рассказы Эдварда Брауна о том,

каких невероятных трудов потребовало строительство этого огромного здания. Стена, отделявшая внутренний двор от улицы, была возведена из кремния, однако казалась гладкой, точно кирпичная: так тщательно были обтесаны и уложены тяжелые кремниевые плиты.

Ворота, ведущие во внутренний двор, были распахнуты настежь, а засов сорван. Мы пересекли двор и постучали в двери дома. На этот раз открыл управляющий, человек с подбитым глазом, судя по всему тоже пострадавший во время сегодняшнего сражения. Увидев пожилого горбуна и однорукого калеку, он вздохнул с облегчением. И спросил, не утруждая себя любезностью:

— Чего надо?

— Нам известно, что здесь находится миссис Джейн Рейнольдс. Могу я поговорить с нею наедине? Я — законник, мастер Овертон, — представился я, вновь назвавшись именем Николаса.

Управляющий взглянул на меня с откровенным подозрением. Контраст между моей убогой одеждой и манерой говорить, выдававшей во мне человека образованного, явно привел его в замешательство. Наконец он принял решение и распахнул дверь.

— Сегодня у нас были бунтовщики, — сообщил дворецкий. — Искали хозяйского брата. Подбили мне глаз, каналы.

Приказав Бараку подождать во дворе, он провел гостя в столовую, поразившую меня своим великолепием. Чрезвычайно высокие потолки делали ее особенно просторной, стены были сплошь увешаны дорогими гобеленами и семейными портретами, огромное окно выходило в ухоженный сад. Впрочем, я заметил, что некоторые картины висят косо, а обивка многих кресел испорчена. На полу валялись осколки фарфоровой, изысканно расписанной вазы. Рядом стояла на коленях, пытаясь собрать черепки своими забинтованными руками, Джейн Рейнольдс, в неизменном черном платье и черном французском чепце, из-под которого выбивались седые пряди.

— Мастер Рейнольдс находится в кабинете мастера Николаса Сотертонна, — сообщил мой провожатый. — Я не могу беспокоить их.

Из соседней комнаты доносились громкие раздраженные голоса.

— Беспокоить их ни в коем случае не нужно, — сказал я, не веря своему везению. — Я хотел побеседовать с его супругой.

Управляющий громогласно возвестил, что к миссис Рейнольдс явился с визитом мастер Овертон. Старуха встала с колен, устремив на

меня неподвижный взгляд холодных голубых глаз. Я снял шляпу и поклонился. Миссис Рейнольдс не сдвинулась с места, тощее ее тело, как и всегда, казалось каким-то оцепеневшим. Не предложив мне сесть, она сделала дворецкому знак удалиться и осторожно положила осколки вазы на длинный полированный стол.

— Мастер Шардлейк? — наконец изрекла она, и в голосе ее послышалось удивление.

— Да, сударыня. Простите, что ворвался к вам.

— Но зачем вы назвались именем своего помощника?

— Боялся, что вы не захотите разговаривать со мной.

Я ожидал, что мой обман рассердит ее — как правило, подобные хитрости приводят женщин в ярость, — но она ограничилась лишь тем, что проронила:

— Вам лучше уйти.

При этом старуха опасливо покосилась на дверь, за которой, судя по всему, продолжался какой-то спор.

— Я хотел бы поговорить о вашей несчастной дочери.

Джейн Рейнольдс вперила в меня пристальный взгляд; выражение лица ее немного смягчилось.

— Вы сожалеете о страшной участи Эдит?

— Поверьте, это так!

— Мой муж настоял на том, чтобы мы отправились к Сотертонам, узнали, что у них случилось. Он твердит, что в нашем городе началось сущее светопреставление, — произнесла моя собеседница ровным безучастным тоном, словно ее это ничуть не волновало. — Гэвин сказал, что я должна навестить миссис Сотертон, которая приходится мне родственницей. Но, как и все прочие жители этого города, она не смогла выдержать более пяти минут в моем молчаливом обществе. — (Впервые в жизни я заметил, как на губах Джейн Рейнольдс мелькнуло подобие улыбки, точнее, такой кривой горькой ухмылки.) — Говорят, вы тоже примкнули к бунтовщикам, — изрекла она все тем же спокойным и безучастным тоном.

— Меня схватили на дороге и заставили вместе с капитаном Кеттом проводить суды над дворянами. Я делаю все, чтобы суды эти были справедливыми и милосердными.

— Милосердными? В этом мире? — невесело рассмеялась она. — Вы хотите слишком многого.

— Однако вы проявили милосердие по отношению к одному бедному мальчику, который хорошо мне знаком, — напомнил я. — Его имя Саймон Скамблер. По его словам, вы спасли парнишку от голодной смерти.

Джейн кивнула, хотя лицо ее осталось по-прежнему непроницаемым.

— А, Грязнулю Скамблера, как прозвали его другие мальчишки? В этом городе он стал настоящим посмешищем.

— Сударыня, Саймон передал мне слова, которыми вы сопровождали милостыню, и это напомнило мне фразу, произнесенную вами в день суда. У меня до сих пор стоит перед глазами эта сцена: как вы выбежали из зала вся в слезах, повторяя: «О моя бедная Эдит, упокой Господь ее душу! Ну что бы ей родиться мальчиком! Насколько все тогда было бы проще!»

Старуха вздрогнула, как от резкой боли. На мгновение мне показалось, что сейчас она разрыдается вновь. Но миссис Рейнольдс лишь устремила неподвижный взгляд в пространство, так быстро перебирая осколки вазы, лежащие на столе, что я испугался, как бы она не порезала пальцы.

— Гэвин всегда хотел, чтобы у него был сын и наследник, — едва слышно пробормотала моя собеседница. — Если бы я родила мальчика или, кроме Эдит, у нас были бы другие дети, произошло бы меньше зла.

— Но не вы были причиной этого зла, сударыня.

Она продолжала, равнодушно и монотонно:

— Когда Эдит выросла и Джон Болейн стал проявлять к ней интерес, мой муж был весьма этим доволен. Тогда как раз начались разговоры о том, что король Генрих намерен развестись с Екатериной Арагонской и жениться на Анне Болейн. Джон Болейн приходился ей родственником, правда весьма дальним — как говорится, седьмая вода на киселе, — но даже отдаленное родство с королевой имело при дворе немалый вес.

— Мне это хорошо известно, сударыня. Помню, во времена старого короля Уайтхолл буквально осаждали толпы дальних родственников всякого рода высокопоставленных вельмож.

— Откуда вам это известно? — спросила старуха, и в глазах ее впервые мелькнуло подобие интереса.

— Я работал в ученом совете королевы Екатерины Парр, да упокоит Господь ее душу.

— Ну, стало быть, вы сами знаете: для того чтобы занять место при дворе, необходимо было обладать умом, сообразительностью и железной хваткой. Уметь водить дружбу с нужными людьми и давать взятки. Но Джон Болейн был совершенно неопытен в этой науке: когда его родственница стала женой Генриха, он даже не попытался с ней встретиться. Правда, то обстоятельство, что зять его состоит в родстве с королевой, помогло Гэвину занять видное положение в Норидже. — По губам Джейн Рейнольдс вновь скользнула горькая усмешка. — А потом старый король отправил Анну на плаху и женился на Джейн Сеймур, матери нынешнего короля Эдуарда. Мой муж был в ярости, и ярость эта изливалась на Джона Болейна и бедную Эдит. — В голосе моей собеседницы внезапно зазвучала злоба. — Словно они были виноваты в том, что Генриху надоела Анна Болейн и он решил отрубить ей голову. Но ни Эдит, ни ее супруг не имели к этому ровным счетом никакого отношения.

— Не сомневаюсь, миссис Рейнольдс.

— С тех пор люди стали говорить, что на всех Болейнах лежит проклятие, — вздохнула старуха. — Может, это и верно.

Она погрузилась в молчание, полностью уйдя в себя.

— Сударыня, осмелюсь спросить, у вас имеются какие-либо подозрения по поводу того, кто убил вашу дочь? — набрав в грудь побольше воздуха, осведомился я.

— Нет, — устало покачала головой старуха.

— Возможно, вам известно, где она скрывалась девять лет, после того как ушла от мужа?

— Мне известно лишь одно: Эдит поступила правильно, покинув Джона Болейна и парочку этих вырожденков, своих сыновей. Где она была, не знаю. Думаю, далеко. — Джейн испустила тяжкий вздох. — Но сейчас это не важно. Сейчас уже ничего не важно.

— Неужели вы не хотите узнать, кто убил вашу дочь? И вас не волнует участь Джона Болейна?

— Англия разваливается на глазах, мастер Шардлейк. Что ж, путь будет, что будет.

Она вновь погрузилась в молчание.

Раздраженные голоса Гэвина Рейнольдса и Сотертон теперь доносились из-за двери отчетливее.

— Это продлится всего несколько дней, Николас! — разобрал я слова Рейнольдса. — У меня есть достоверные сведения: в случае если миссия королевского посланника провалится, как это и произошло, на подавление бунта будет брошена армия.

— Эти скоты едва не схватили моего брата! Хорошо, что он успел спрятаться. Страшно подумать, что бунтовщики сделали бы со мной, если...

В дверь постучали. В следующее мгновение она отворилась так резко, что мы с Джейн едва не подпрыгнули. Но то был всего лишь слуга, который принес свечи.

— Миссис Сотертон приказала зажечь в комнатах свет, — с поклоном сообщил он.

Когда слуга вышел, Джейн спросила:

— Много народу погибло нынешним утром?

— Думаю, несколько десятков человек.

— Возможно, все эти проповедники правы и конец света уже недалек, — проронила она, глядя в сад за окном. — Вскоре все мы предстанем перед судом Божиим. Хотела бы я знать, куда мне предстоит отправиться — на небеса или в преисподнюю? Помните историю Иова Многострадального? После всех испытаний Господь даровал ему мир и покой. Надеюсь, Он будет так же милостив ко мне и к несчастной Эдит. — Голос Джейн впервые дрогнул, и она поспешно отвернулась.

Дверь вновь отворилась, и перед нами предстал Гэвин Рейнольдс. Он тяжело опирался на палку, лицо его исказила гримаса бешенства. За ним следовал богато одетый человек лет сорока, на щеке его алел глубокий порез. Рейнольдс, поначалу не заметивший меня, сверкнул на жену глазами:

— Что, миссис Сотертон более не желает находиться в твоём обществе, Джейн? — Он зашелся хохотом. — Этот трусливый заяц не хочет нам помогать, он послал своего управляющего... — Тут старик увидел меня и осекся; глаза его полезли на лоб. — Господи Иисусе! — возопил он. — Как ты сюда попал, проклятый горбун? Клянусь сиськами Пресвятой Девы, тебе не о чем разговаривать с моей женой!

— Я всего лишь хотел задать вашей супруге несколько вопросов, имеющих отношение к убийству вашей дочери.

Рейнольдс, кипя от ярости, повернулся к жене:

— Что ты ему наболтала?

— Ничего, муж мой, — проронила она, слегка отступив назад. — Я ведь ничего не знаю.

— Я слышал, что какой-то горбун-законник стал сообщником мятежников! — рявкнул Рейнольдс, повернувшись ко мне. — Так и думал, что это ты. Значит, скоро мы будем иметь удовольствие полюбоваться, как ты болтаешься на виселице!

Багровый от злости, он поднял палку и заковылял ко мне, явно намереваясь огреть своей тростью.

Но хозяин дома Николас Сотертон, догнав старика, вырвал палку у него из рук:

— Богом заклинаю, Гэвин, если этот человек — приспешник Кетта, оставь его в покое! Иначе ты навлечешь на меня новые беды!

Рейнольдс, забрав у него трость, оперся на нее, тяжело дыша и пытаюсь испепелить меня ненавидящим взглядом. Однако поведение Сотертона доказало, что ныне я обладаю некоторой силой.

— Побеспокойтесь лучше о себе, мастер Рейнольдс, — процедил я. — Да, я теперь живу в лагере на Маусхолдском холме. Слежу за тем, чтобы во время процессов над дворянами соблюдались все требования законности и правосудия. Кстати, во время одного из таких судов было доказано, что ваши внуки пытались убить человека. Они ударили по голове крестьянского парня, и тот лишился рассудка. Я подтвердил, что вина Джеральда и Барнабаса не вызывает сомнений.

Рейнольдс едва не зарычал, оскалив редкие желтые зубы:

— Ничего, скоро протектор пришлет армию, которая задаст вам жару, свора грязных псов! Тогда вы уже не сможете вредить порядочным людям! Все вы скоро будете болтаться на ветвях этого вашего проклятого дуба! Уж поверьте, я и мои друзья позаботимся о том, чтобы никто из вас не ушел от возмездия! Так что, продажная шкура, дни твои сочтены!

— Возможно, вы правы, — невозмутимо ответил я. — Но не забывайте: сейчас Норидж находится в руках Роберта Кетта. Я вполне могу устроить так, что в этот дом снова нагрянут не слишком желанные гости. Точно так же, как и в ваш собственный особняк. Насколько мне

известно, нынешним утром вам удалось избежать неприятностей при помощи кошелька. Но впредь это средство может и не подействовать.

Рейнольдс, казалось, от злости лишился дара речи.

— Сэр, прошу вас, уходите, — залепетал Сотертон, повернувшись ко мне. — Ведь у вас нет ко мне никаких дел, верно?

— Нет, я всего лишь хотел поговорить с миссис Рейнольдс, но выяснилось, что ей нечего мне сообщить. Не вижу причин здесь задерживаться.

Тяжелый топот шагов, долетевший с лестницы, заставил нас всех обернуться. Джеральд и Барнабас Болейны ворвались в комнату и остановились посередине, злобно озираясь. На обоих братьях были грубые кожаные куртки без рукавов, оставлявшие открытыми мощные мускулистые руки. Оба сжимали в руках ножи. Лица у них были чумазые, соломенно-желтые волосы и клочковатые юношеские бороды пожелтели от пыли. Шрам Барнабаса, казалось, потемнел и распух.

Сотертон испуганно закрыл глаза. Гэвин Рейнольдс поджал губы. Жена его сочла за благо удалиться в темный угол. Я инстинктивно последовал ее примеру.

— Что еще за черт, дедуля? — процедил Джеральд, глядя на Рейнольдса. — Этот негодяй-управляющий приперся к нам и велел убираться прочь! Зачем? На чердаке мы были в безопасности. Они не нашли нас даже тогда, когда перевернули весь дом в поисках Леонарда Сотертон!

— После того, что произошло, у мастера Николаса Сотертон изрядно сдали нервы, — не без язвительности изрек Рейнольдс.

— Ты трусливая баба, вот ты кто! — завопил Джеральд, повернувшись к хозяину. — Если ты нарушишь свое обещание и прогонишь нас, мы перевернем твой поганый дом вверх дном.

— В этом можешь не сомневаться! — подхватил Барнабас. — Вижу, у тебя осталось слишком много целых ваз. Да и в кухне, говорят, припрятано венецианское стекло.

Тут он увидел меня, и язык у него прилип к гортани.

Подняв ножи, близнецы разом бросились ко мне.

— Опять ты! — заорал Джеральд. — Вижу, ты взялся отравлять нам жизнь! Таскался за нами еще в Лондоне, мешок с дерьмом! — Он повернулся к деду. — Как чертов горбун пронюхал, что мы здесь?

— Он этого не знал. И не узнал бы, если бы вы сидели тихо, а не топотали по лестнице как стадо баранов.

— Он пришел один? — вполголоса спросил Джерри.

— Его однорукий приятель шатается во дворе. Этот нахальный пес явился, чтобы поговорить с вашей бабкой. Видно, не оставляет попыток обелить этого подлого убийцу, вашего отца.

— Значит, если мы его прикончим, ни одна живая душа об этом не узнает, — проговорил Джеральд, и по губам его скользнула жуткая улыбка. — Сначала прирежем второго урода, а потом уж хорошенько выпотрошим горбуна.

— Отличная идея! — подхватил Барнабас. — Нам здорово повезло, что ты сам к нам явился, горбатый осел! Мастер Сотертон, пожалуй, мы разделаем его у вас на кухне, там легче будет убрать кровь. Через полчаса дело будет сделано.

— А может, и через час, — заметил Джеральд со спокойной задумчивостью, от которой меня пробрала дрожь. — Для начала отрежем ему нос, затем пальцы, один за другим. А потом уж займемся хреном и яйцами, если только они у него вообще имеются.

— Глаза чур я выкалываю, — заявил Барнабас.

— Нет, нет, нет! — в ужасе возопила Джейн Рейнольдс и закрыла лицо руками.

— Чего это ты так расстроилась, бабуленька? — с издевательской ласковостью в голосе осведомился Джеральд. — Почему ты не хочешь, чтобы твои внучата немного позабавились, прирезав старого вонючего горбуна?

Я неотрывно смотрел на лезвие его ножа, поблескивавшего в свете свечей.

Джейн медленно опустилась на колени, по-прежнему закрывая лицо руками, но муж и внуки уже более не обращали на нее внимания. Николас Сотертон сделал шаг вперед.

— Нет! Я не позволю вам убить его в моем доме! — заявил он с неожиданной властностью в голосе. — В лагере заметят исчезновение законника и явятся сюда искать его!

— В этом можете не сомневаться, — выдавил из себя я, стараясь придать голосу уверенность. — Сегодня днем я сообщил одному из командиров повстанцев, что собираюсь нанести визит мастеру Рейнольдсу. — В действительности я никому ничего не говорил, но

близнецы не могли об этом знать. — А служанка в доме вашего деда направила меня сюда.

Разумеется, Джеральд и Барнабас так жаждали моей крови, что были глухи к соображениям здравого смысла. Однако дед их резким движением палки выбил нож из руки Джерри. Никто другой не решился бы так поступить, отметил я про себя.

— Мальчики, горбун прав, — произнес Гэвин не без сожаления в голосе.

— У нас все равно нет выбора, — обиженно протянул Барнабас. — Если мы его отпустим, он расскажет мятежникам, где мы скрываемся.

— Пусть рассказывает. Вы же не будете сидеть здесь и ждать, когда эти скоты явятся за вами. Вам давно уже следовало унести отсюда ноги.

— Можете спрятаться в одной из моих повозок с шерстью, — предложил Сотертон. — Возница скажет караульным у ворот, что везет шерсть в Ваймондхем, тамошним ткачам.

— Поздновато уже для поездки в Ваймондхем, — заметил Джеральд, глядя в окно, за которым сгущались сумерки.

— Возница объяснит, что выехать пораньше ему помешали беспорядки в городе. Уверен, его выпустят. Бунтовщики заинтересованы в том, чтобы в Норфолке продолжалась нормальная торговля.

— Хватит уже попусту тратить время! — подал голос Рейнольдс. — Вы хотели сражаться с этими свиньями — у вас еще будет такая возможность, когда сюда явится армия. А теперь выбирайтесь из Нориджа, ищите лошадей и скачите в Лондон! И прошу тебя, Барнабас, натри свой шрам сажей, иначе он тебя выдаст.

— Черт вас всех побери! — заорал Джеральд, окончательно выйдя из себя. — Я не могу оставить горбуна в живых! Я давно мечтаю выпустить ему кишки!

— Уверен, ты еще исполнишь эту мечту. Но не сейчас.

— Идемте, я отведу вас на задний двор, — предложил Сотертон.

Оба молодчика неохотно поплелись за ним. В дверях Барнабас повернулся и обжег меня взглядом:

— Мы еще до тебя доберемся, так и знай.

— Может, расскажете мне, где ваш приятель Джон Аткинсон? — негромко спросил я. — Это ведь он помог вам убить Уолтера, ученика слесаря?

Во взглядах, которыми обменялись близнецы, светилось искреннее недоумение.

— Горбун, похоже, совсем спятил от страха, — пробормотал Джеральд.

— Хватит болтать! — нетерпеливо прикрикнул на внуков дед. — Убирайтесь! Живо!

Близнецы, сопровождаемые Рейнольдсом и Сотертоном, покорно вышли из дома. С заднего двора долетели возбужденные голоса, затем послышались скрип колес и грохот тяжелой повозки. Вспомнив полыхающие ненавистью взгляды, которыми братья сопроводили свое обещание добраться до меня, я невольно вздрогнул и сглотнул подступивший к горлу ком.

Джейн Рейнольдс, по-прежнему сжавшись в углу, заливалась беззвучными слезами, оставлявшими полосы на ее бледных щеках. Я было подошел к ней, но она махнула рукой и понурила голову.

Старый Рейнольдс и хозяин дома вновь вошли в комнату.

— Слава богу, уехали, — вздохнул Сотертон, вытирая платком вспотевший лоб.

— Надеюсь, сэр, вы не будете в претензии, если мы запрем вас здесь на часок, пока Джеральд и Барнабас не отъедут достаточно далеко? — с издевательской любезностью обратился ко мне Рейнольдс. — Этот час вы проведете куда приятнее, чем могли бы провести в обществе моих внуков. — Он повернулся к жене. — Идем, Джейн. Нам пора домой. И прекрати уже наконец хныкать.

Все трое вышли; до меня долетел звук ключа, поворачиваемого в замке. Сам не знаю зачем, я собрал с пола все осколки вазы до единого и сложил их на столешницу. Покончив с этим, опустился на стул. При мысли о том, что было бы со мной, если бы близнецы привели свою угрозу в исполнение, меня начинала бить дрожь. Дверь распахнулась, заставив меня подскочить от неожиданности. Слуги втащили в комнату отчаянно упиравшегося, изрыгающего проклятия Барака и снова заперли двери.

— Проклятые близнецы опять дали деру, — процедил Джек. — Им чертовски везет.

— Никакого везения тут нет, — возразил я. — Просто нужные связи и знакомства.

— День ото дня вы все больше походите на самого обычного повстанца, — усмехнулся Барак.

Час спустя, когда наша ярость слегка улеглась, управляющий Сотертон отпер дверь и проводил нас к воротам, так вежливо, словно мы были самыми обычными гостями. На улице уже сгустилась темнота. Добравшись до жилища Джозефины и Эдварда, мы застали там обоих супругов. Я рассказал им о нашем визите в дом Сотертонов, передав все, что слышал о скором прибытии армии из Лондона.

— Наверняка протектор, увидев, как мы сильны, предпочтет вступить с нами в переговоры, — заметила Джозефина.

— Это еще неизвестно. Если то, что я слышал сегодня, правда и сюда действительно движется армия, то прежде всего войска направятся в Норидж. Нужно как можно скорее сообщить об этом капитану Кетту.

Джозефина взглянула на Мышку, спавшую в своей колыбельке, после чего перевела взгляд на мужа, а потом на меня. И спросила:

— Вы и правда думаете, что в лагере нам будет безопаснее?

— Конечно, — одновременно кивнули мы с Эдвардом.

— Хорошо, тогда мы, пожалуй, переберемся туда, — вздохнула она, устало опустив плечи.

Глава 60

На следующее утро меня, по обыкновению, разбудило пение птиц. Вспомнив о том, что нужно без промедления передать капитану Кетту содержание разговора, услышанного в доме Сотертонов, я поднялся с кучи папоротника, который служил мне постелью, и торопливо оделся. Барак, измотанный вчерашними событиями, продолжал крепко спать.

Выйдя из палатки, я убедился в том, что наступающий день вновь будет жарким. Хорошо, что здесь, в лагере, можно расхаживать в рубашке, штанах и широкополой шляпе, подумал я. Порой, выступая в суде в жаркую летнюю пору, я, облаченный в дублет, адвокатскую мантию и сержантскую шапочку, чувствовал, что могу свариться заживо.

В соседних хижинах, судя по всему, еще никто не проснулся. Я бросил взгляд в сторону жилища Нетти и Саймона. Вчера мне сообщили, что Саймон, глотнув снадобья доктора Белайса, впал в подобие оцепенения, а вернувшись в лагерь, уснул мертвым сном. Между хижинкой мальчиков и домишком Гектора Джонсона накануне наспех возвели еще одну дощатую конурку — для Джозефины с дочкой. По пути в лагерь Джозефина не проронила ни слова, лишь крепко прижимала к груди Мышку. Однако радушный прием, который оказала ей тетушка Эверник, весьма довольная тем, что в лагере появилась еще одна женщина, да к тому же с ребенком, помог моей бывшей служанке быстро освоиться на новом месте. Тетушка Эверник немедленно принялась нянчить малышку, а Джозефину, как и нас с Баракком, досыта накормила густой похлебкой из голубей. Мы многим были обязаны этой доброй женщине.

Умывшись, я заглянул в хижину, где хранились съестные припасы, отрезал себе по ломтю хлеба и сыра и отправился к церкви Святого Михаила, на ходу поедая немудреный завтрак. Бросив взгляд на дворец графа Суррея, где ныне содержались под стражей мэр Кодд и прочие отцы города, я подошел к дверям церкви. Стражник, ни о чем не спрашивая, пропустил меня внутрь. Кетт был уже на ногах, жена его убирала посуду со стола, а сам он, в обществе своего брата Уильяма, Джона Майлса и двух других командиров, рассматривал карту, разложенную на другом столе. Увидев меня, Роберт улыбнулся и сделал

знак подойти. После захвата Нориджа он, несомненно, находился в приподнятом настроении.

— Да ниспошлет вам Господь доброго утра, мастер Шардлейк! Я слышал, вчера вы побывали в Норидже.

— Вчера мне довелось повидаться и со старыми друзьями, и со старыми врагами, — кивнул я и рассказал о своей жуткой встрече с братьями Болейн.

— Я приказал караульным, стоявшим на дорогах, схватить их во что бы то ни стало, однако этим мерзавцам, похоже, опять удалось ускользнуть. Как и их приятелю Джону Аткинсону.

— По словам Майкла Воувелла, он послал отряд в дом Рейнольдса, своего бывшего хозяина, однако тот сумел откупиться, — сообщил я.

— Боюсь, это далеко не единственный подобный случай, — нахмурился Уильям Кетт. — Дисциплина у нас по-прежнему оставляет желать лучшего.

— Хотя именно сейчас дисциплина необходима нам, как никогда прежде, — подхватил Майлс.

Два других повстанца, по всей видимости командиры-сотники, кивнули в знак согласия.

— Разумеется, мы сделаем все, дабы должным образом учредить власть в Норидже, — изрек Кетт. — Вчера я назначил мэром олдермена Августина Стюарда. Это весьма уважаемый человек, и, вне всякого сомнения, он станет неукоснительно выполнять все мои приказы. Стюард сознает, что наши сторонники в городе, такие как Эдвард Браун, будут наблюдать за его действиями. Подозреваю, что при первом удобном случае он предаст нас, как это сделал мэр Кодд. Но пока такой случай не подвернулся, Стюард поможет нам организовать управление городом. — Кетт повернулся ко мне. — Удалось вам навестить в тюремном замке своего помощника, молодого Овертона?

— Да, конечно. По моей просьбе его перевели в камеру Джона Болейна. Представьте себе, на днях Болейна пытались отравить.

— Простите, что до сих пор не выбрал времени поговорить с вами о дальнейшей участи Овертона, — произнес Кетт. — В ближайшее время он предстанет перед нашим судом. Мы подвергнем беспристрастному допросу Локвуда и его свидетелей, и, уверен, правда наконец выйдет наружу.

Взгляд, которым Роберт сопроводил эти слова, убедил меня в том, что обвинения Тоби вызывают у него серьезные сомнения. Я почти не сомневался, что после суда Николаса оправдают, а Локвуд будет посрамлен как клеветник.

— Благодарю вас, капитан Кетт, — сказал я. — Надеюсь, в самом скором времени молодой Овертон вновь обретет свободу. Но пока я рад, что он находится рядом с Болейном и может защитить его от новых покушений.

— Тем лучше, — кивнул Роберт. Участь Джона Болейна явно не вызвала у него ни малейшего интереса. Он пристально взглянул на меня. — У вас утомленный вид, мастер Шардлейк.

— Вчера я увидел множество мертвых тел, и, признаюсь, это зрелище произвело на меня гнетущее впечатление.

— На войне как на войне, — угрюмо бросил Уильям Кетт.

— Это напомнило мне о том, что нам с вами необходимо обсудить нечто важное, — подхватил его брат. — Насколько я понял, вчера вы слышали, как Гэвин Рейнольдс и Николас Сотертон обсуждали скорое прибытие армии из Лондона.

— Именно так. Они говорили об этом с большой долей уверенности.

— Наши осведомители сообщают, что среди лондонского дворянства тоже ходят подобные слухи, — вставил Майлс. — Но пока нам не известны ни численность армии, ни имя ее командира.

— Бьюсь об заклад, армия эта состоит из норфолкских землевладельцев, которым удалось от нас сбежать, и их приспешников, — заметил один из сотников. — Наши противники в Королевском совете помогут им вооружиться. Возможно, протектор тут совершенно ни при чем.

— Многие в нашем лагере думают точно так же, — кивнул Уильям Кетт. — Что ж, это вполне возможно.

— Возможно, — согласился Роберт. — Но не забывайте о том, что говорилось в воззвании, которое доставил сюда герольд. Воззвание, между прочим, было подписано королем.

— А может, это был вовсе не королевский посланник? — предположил сотник. — Вдруг это был самозванец, облаченный в чужую мантию, слуга какого-нибудь джентльмена? И воззвание, которое он прочел, — чистой воды обман?

— Этот человек был одет в точности так, как подобает королевскому посланнику, — изрек я непререкаемым тоном. — Поверьте, я на своем веку повидал их немало. Такую мантию, шитую золотом, не так просто раздобыть или изготовить. На это потребуется немало времени. К тому же выдавать себя за королевского герольда — слишком большой риск. Тот, кто отважится на подобную дерзость, будет непременно обвинен в государственной измене.

— У норфолкских дворян денег куры не клюют, а на закон они плевать хотели, — возразил сотник.

— Значит, в лагере считают, что посланник был самозванцем? — обратился к брату Роберт Кетт.

— Люди спорят до хрипоты. Многие уверены, что король не мог отправить нам подобное воззвание.

— Что ж, остается лишь ждать, как будут развиваться события, — вздохнул Роберт. — И разумеется, крепить оборону Нориджа, а также пополнять запасы. Нужно разослать по деревням отряды, чтобы обеспечить нас провизией. Всех джентльменов, которые пытаются оказать нам сопротивление, необходимо брать в плен и судить под Дубом реформации. Мастер Шардлейк, вскоре мне вновь понадобится ваша с Бараком помощь. Сейчас я слишком занят, чтобы председательствовать в судах, и мой брат тоже. Но я назначил председателем одного из сотников, Уильяма Доути из Северного Эрфингэма. Некоторые из наших людей вновь запятнали себя воровством, — со вздохом добавил он. — Разумеется, их тоже призовут к ответу.

— Что ж, я готов делать все, что от меня потребуется, — кивнул я и спросил: — А как вы намерены поступить с мэром Коддом и членами городского совета?

— Будем держать их здесь в качестве заложников, которые обеспечат нам лояльность нового мэра, Августина Стюарда.

— Мэр Кодд ведет себя как баба, — усмехнулся Уильям. — Плачет, трясется и твердит, что его принудили выполнять приказы королевского посланника. Нынешние суровые времена — не для таких жалких трусов, как он.

Роберт вперил в меня внимательный взгляд:

— Значит, вы по-прежнему с нами, мастер Шардлейк?

— Я принес клятву помогать вам, капитан Кетт. А после того как я услышал, о чем говорится в воззвании, которое доставил посланник, я всецело на вашей стороне.

— Благодарю вас. — Подчинившись внезапному порыву, Кетт перегнулся через стол и крепко сжал мою руку. — Я понимаю, вчера вы были потрясены. Вам, законникам, редко приходится видеть кровь.

— Увы, мне не раз доводилось становиться свидетелем кровопролития, — вздохнул я.

— Сейчас нашим людям предстоит усиленно заняться военной подготовкой. Нынешним утром, после богослужения, я обращусь к ним с речью, — сообщил Кетт.

— Всякого, кто способен держать в руках оружие, мы превратим в солдата, — заявил Майлс.

— Уверен, у нас хватит сил выполнить все, что мы задумали: захватить Грейт-Ярмут и выставить на дорогах кордоны, которые дадут отпор армии наших врагов, — произнес Уильям Кетт.

— Разумеется, — подтвердил Роберт и вновь повернулся ко мне. — Благодарю вас, мастер Шардлейк.

Решив, что мне нет никакой необходимости присутствовать на выступлении Кетта перед повстанцами, я вернулся в свое жилище, намереваясь немного поспать. Джозефина сидела у костровища рядом с тетужкой Эверник, помогая той чинить одежду, у ног ее в плетеной корзинке спала Мышка. Увидев меня, Джозефина поднялась.

— Вид у вас усталый, мастер Шардлейк, — заметила она.

— Тем не менее я чувствую себя неплохо. А ты?

— Вы с Эдвардом были правы, — улыбнулась Джозефина. — Здесь мне намного спокойнее. Джек уже проснулся, — сообщила она. — Он только что получил письмо от Тамазин.

— Вот как?

Я вошел в свою хижину. Барак, сидя на охапке папоротника, угрюмо глядел в пространство.

— Что новенького? — буркнул он, поворачиваясь ко мне.

— Мэра Кодда и других отцов города будут держать под арестом во дворце графа Суррея. Кетт намерен выступить перед повстанцами, призвать их усиленно заниматься военной подготовкой. Они

рассчитывают захватить Грейт-Ярмут и выставить на дорогах кордоны, которые воспрепятствуют продвижению армии.

Барак рассеянно кивнул, вертя в пальцах нитку, свисавшую с ворота его рубашки.

— Я получил письмо от Тамми. Одному Богу известно, как оно сюда дошло. Чистая случайность, если верить слуге из «Голубого кабана», который принес его в лагерь. Разумеется, моих последних писем она не получила. Впрочем, вы можете сами прочесть, что она пишет. Только давайте выползем из этой конуры на свежий воздух.

Выбравшись из хижины, мы отошли от нее на некоторое расстояние. Барак вытащил из кармана письмо и вручил мне. Оно было отправлено девятнадцатого июля, то есть четыре дня назад. Судя по тону послания, Тамазин пребывала в совершенном отчаянии.

Супруг мой!

Прошло уже более месяца с тех пор, как я в последний раз получила от тебя весточку. Мне неизвестно, где ты сейчас находишься и жив ли вообще. Я пыталась узнать о тебе хоть что-то. Побывала даже в доме мастера Шардлейка, но управляющий не слышал о нем ничего с тех пор, как тот уехал в Норфолк. Тогда я отправилась к миссис Кензи, за чьей дочерью, по твоим словам, ухаживал Николас. Миссис Кензи обошлась со мной весьма надменно, однако сообщила, что молодой Овертон также не дает о себе знать. Все в Лондоне говорят, что страна охвачена мятежами, а беспорядки в Норфолке особенно сильны. Молюсь о том, чтобы ты не попал в плен к бунтовщикам. Мы с мамашей Маррис с трудом сводим концы с концами, провизия дорожает день ото дня. В городе ввели военное положение, повсюду полно солдат. Ходят слухи, что скоро в Норфолк отправят армию, как уже послали в Девон и в Оксфордшир. По улицам разгуливают итальянские наемники, разодетые как павлины. Они не дают женщинам проходу, а констебли и в ус не дуют. Четыре предводителя бунтовщиков из Эссекса и Кента через три дня будут казнены как изменники. Перед этим король проедет верхом через весь Лондон. Поговаривают, что скоро конец света.

Умоляю тебя, супруг мой, если ты жив, напиши мне. Ничего в мире я не желаю так сильно, как увидеть тебя вновь. Дети постоянно спрашивают, где ты, а мне нечем их утешить.

Письмо это написал за меня Гай, ибо я, как тебе известно, не слишком хорошо владею пером. Он чувствует себя немного лучше и шлет тебе свои молитвы и наилучшие пожелания.

Твоя любящая супруга

Тамазин

Пока я читал, Барак, понурившись, сидел на бугорке.

— Честно говоря, я чувствую себя последней свиньей, — пробормотал он. — Вы же знаете, я ввязался в эту передрагу главным образом потому, что не хотел возвращаться к Тамазин. А теперь я понимаю, как подло с моей стороны было бросить ее и детей на произвол судьбы. — Он сокрушенно затряс головой. — Но я уже принес клятву верности капитану Кетту.

— Напиши ей без промедления, — сказал я, опускаясь на землю рядом с ним. — Я попрошу капитана Кетта посодействовать тому, чтобы твое письмо дошло до адресата.

— Спасибо. Но сейчас в стране такой хаос, что ни в чем нельзя быть уверенным.

— Понимаю, тебе тяжело, — вздохнул я, накрывая его руку своей. — И если быть откровенным, отчасти даже рад этому. У меня никогда не было сомнений в том, что ты по-прежнему любишь Тамазин. Уверен, у вас еще все наладится.

Барак, прищурившись, посмотрел мне в глаза.

— Я не могу покинуть Маусхолд, а вот вы можете, — медленно произнес он. — С восточной стороны лагерь вообще не охраняется, так что ускользнуть не составит труда.

— Не забывай, Джек, что я тоже принес клятву, — покачал я головой. — К тому же недавно я осознал, что возвращаться мне незачем. В отличие от тебя, в Лондоне меня никто не ждет. Разве что слуги. Утешительно было узнать, что мой управляющий Гудкол не удрал, прихватив с собой все столовое серебро, — добавил я с улыбкой.

— Если вы вернетесь домой, то сможете рассказать Тамазин, что я жив и здоров, — настаивал Барак.

— Ты способен думать о чем-то другом, кроме своей драгоценной персоны? — внезапно рассердился я.

— Способен, — процедил Джек. — Сейчас я как раз думаю о том, какая участь ожидает вас, если восстание будет подавлено. Весьма незавидная, как вы сами понимаете. Всему Нориджу известно, что вы — пособник капитана Кетта.

— Надеюсь, всем также известно, что я помогал ему вершить справедливый суд. И что по моему настоянию джентльмены, чья вина представлялась недоказанной, были отпущены на свободу. В конце концов, я такой же пособник капитана Кетта, как мэр Кодд или олдермен Элдрич.

— После прибытия королевского посланника эта парочка быстренько переметнулась на другую сторону.

— Они находились в Норидже, а я здесь, в лагере. У меня не было другого выбора, и я сумею это доказать.

Барак вперил в меня исполненный тревоги взгляд:

— Спор двух матерых законников. Но подумайте о том, как отнесется к вашим подвигам лорд-канцлер Рич. Или вы рассчитываете на заступничество леди Елизаветы? Но вы давно уже не получали вестей ни от нее, ни от мастера Пэрри. Меж тем письма, как мы убедились, иногда доходят. Вне всякого сомнения, эти двое сейчас предпочитают не привлекать к себе внимания.

— Возможно, ты прав. Но я решил остаться здесь. И не собираюсь менять свое решение.

— Вижу, вы еще больший упрямец, чем я.

— Очень может быть. Но вернемся к письму Тамазин. Она пишет, что предводители повстанцев из Кента и Эссекса вскоре будут казнены...

— А это означает, что тамошние лагеря уничтожены.

— Из этого следует, что в отношении восставших протектор избрал традиционную тактику — казнить главарей, а простым людям даровать прощение. Таких мелких рыбешек сейчас тысячи. Среди них мэр Кодд. Да и мы с тобой тоже.

— А вы не думаете о том, что здесь, у нас, тактика будет более жестокой? — спросил Барак, буравя меня взглядом. — Помните, в

воззвании, которое привез посланник, непокорным были обещаны самые страшные кары. Вы отдаете себе отчет, какой бешеной ненавистью к нам сейчас пылают все, кто пострадал во время восстания? И уж конечно, вернувшись к власти, они не упустят случая отомстить тем, кто пытался лишить их власти.

— Но если я сбегу, что станется с Николасом и Джоном Болейном?

— Этот ваш Джон Болейн мне уже порядком осточертел! Что касается Ника — да, без вас ему придется туго. — Барак потер лоб ладонью. — Ох, если бы я только знал, как нам лучше поступить. А все эта каналья Тоби Локвуд! Может, мне стоит подкараулить его и придушить своей единственной рукой?

— Думаю, это не лучший выход, — улыбнулся я.

Некоторое время мы оба молчали.

— Знаешь, вчерашний визит в дом Сотертонов вновь заставил меня ломать голову над тем, кто убил трех человек: Эдит Болейн, слесаря и его ученика, — нарушил я молчание.

— Я по-прежнему ставлю на близнецов, — заявил Джек. — Они оба чокнутые, это и слепому ясно. Да к тому же приятель Нетти видел на берегу Джона Аткинсона, их закадычного друга.

— Помнишь, как мы подкараулили их на темной улице в Норидже? Не могу забыть выражения лиц братьев, когда речь зашла об убийстве их матери, — покачал я головой. — Даже мысль о том, что их считают убийцами, показалась обоим дикой. Честно тебе скажу, я им поверил. И вчера, когда я вновь попытался обвинить их, близнецы просто не поняли, о чем я говорю. Вряд ли эти молодчики могли так убедительно разыграть недоумение. Думаю, одна из причин их бешеной ненависти к отцу кроется в том, что они считают его убийцей Эдит. Что же касается Аткинсона — он и его шайка готовы оказывать услуги любому, кто хорошо заплатит.

— А как насчет соседа Болейна, старины Вайтерингтона? Вы вычеркнули его из списка подозреваемых?

— Вычеркнул. Мы же видели, в какую жалкую развалину он превратился в тюрьме. Этот человек не обладает запасом прочности, а для того, чтобы организовать три убийства, нужны сила, решительность и выдержка. Так что одним кандидатом меньше. Остаются еще сэр Ричард Саутвелл и Джон Фловвердю. Земли Болейна возбуждали аппетит у них обоих. Но это птицы слишком высокого полета.

— А ставки в игре слишком низкие. Трудно представить, что из-за небольшого куса земли кто-нибудь из этих двоих организовал столь громкое убийство. Нам надо искать других подозреваемых.

— Спрашивается, где? Претендентов не так уж много.

— Вы забыли о старом Гэвине Рейнольдсе, — напомнил Барак. — Судя по всему, пакости, которые творят внуки, весьма по душе их любящему дедушке. Он вполне мог нанять убийцу, который прикончил его дочь.

— И зачем бы это ему понадобилось, скажи на милость?

— Не знаю. Вижу только, что этот старый хрыч буквально полыхает ненавистью.

— Вряд ли он стал бы иметь дело с молодыми головорезами Саутвелла, — возразил я. — Ели верить Майклу Воувеллу, между Рейнольдсом и Саутвеллом существует давняя вражда. Гэвину не слишком нравилось, что его внуки водят компанию с людьми Саутвелла, но он не мог запретить близнецам выбирать друзей по собственному усмотрению. Сам он — всего лишь дряхлый хромым старик, и после ухода Воувелла в доме его осталась исключительно женская прислуга. Его бедная жена Джейн вчера не рассказала мне ровным счетом ничего, — нахмурившись, добавил я. — Я по-прежнему убежден, что Питер Боун что-то скрывает. Наверняка его покойной сестре многое было известно и она поделилась этим с братом. Но из Боуна ничего и клещами не вытянешь.

— Есть еще Изабелла Болейн и Дэниел Чаури, — пробормотал Барак. — Если они таки стали любовниками, у них имелся веский повод отделаться от Болейна. Как, кстати, и возможность совершить убийство. Теперь рассмотрим другой, более вероятный вариант: Чаури влюблен в Изабеллу, а она обожает мужа. В этом случае у него также имелся повод убрать Болейна с дороги, отправив своего господина на виселицу. А когда этот план дал сбой, он решил просто-напросто убить счастливого соперника.

— А откуда у простого управляющего деньги, чтобы все это организовать? Без подручных тут никак не справиться.

— Для того чтобы купить яд, денег требуется не так уж и много. Чаури вполне мог позаимствовать кое-что из той суммы, которую Болейн оставил Изабелле. Кстати, вполне возможно, что три убийства и попытка отравления никак не связаны между собой.

— По словам Чаури, он не имеет на Изабеллу никаких притязаний.

— Ну, его слова вряд ли стоит принимать в расчет, — саркастически ухмыльнулся Барак. — К тому же у Изабеллы и без всякого Чаури имелся веский мотив убить столь неожиданно вернувшуюся Эдит. После того как выяснилось, что первая жена Джона Болейна жива, его второй брак утратил законную силу. — Джек пристально взглянул на меня. — Надо признать, Изабелла обладает всеми необходимыми качествами — силой, решительностью и выдержкой.

— И все равно мне трудно поверить, что она убийца, — покачал я головой. — Но ты прав, нет никаких оснований вычеркивать ее из списка подозреваемых. — Поглядев на Барака, я убедился, что в глазах его, прежде тусклых, снова сверкают искры. Мне удалось отвлечь друга от мрачных мыслей. — Что ж, близнецы теперь далеко, — продолжил я. — Точно так же, как Саутвелл и Фловердью. Все, что нам остается, — следить за домом Рейнольдсов, а также за Чаури и Изабеллой. Ну и за Джоном Болейном тоже. Любопытно, как они поладят с Николасом.

— В конце концов, не исключено, что Джон Болейн прикончил-таки свою жену, — вскинув бровь, заявил Барак. — Думаю, даже находясь в тюрьме, он вполне мог организовать убийства слесаря и подмастерья.

— Не спорю. Для того чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, неплохо бы выяснить, где Эдит пропала в течение девяти лет. Вероятно, кто-то прятал ее, причем вдали от Нориджа. Возможно, держал в плену.

Перед мысленным моим взором возникла сценка из кукольного спектакля: вот марионетка, изображавшая богатую леди, внезапно превратилась в замарашку. Все это было как-то связано с Эдит Болейн, но связь пока от меня ускользала.

— О чем задумались? — донесся до меня голос Барака.

— Так, ни о чем. Просто я чертовски устал.

Издали долетел топот тысяч ног: повстанцы, под управлением сотников, рядами шагали на пустошь, где должны были проходить военные учения. Многие теперь были облачены в металлические шлемы и нагрудники, взятые на городских складах оружия.

— Надо показать письмо Тамми капитану Кетту, — заметил Барак. — Наверняка он знать не знает об итальянских наемниках. Если я напишу ей ответ, вы попросите Кетта посодействовать, чтобы письмо попало к Тамазин?

Я положил руку ему на плечо:

— Разумеется.

Мы оба устремили взгляды вдаль, туда, где, сверкая копьями и пиками, двигались бесконечные людские ряды. Тысячи повстанцев превращались в настоящую армию.

Глава 61

На этой неделе атмосфера в лагере заметно изменилась. Прежде все веселились, радовались обретенной свободе и сытной еде, предавались играм и развлечениям. Ныне, несмотря на одержанную победу, угроза скорого столкновения с отправленной правительством армией становилась все реальнее, и потому повстанцы, оставив все прочие дела, усиленно занимались военной подготовкой. Днем я пошел в церковь Святого Михаила, рассчитывая поговорить с капитаном Кеттом, однако караульный сообщил, что он вряд ли вернется до вечера. Я передал ему письмо Тамазин, упомянув, что там содержатся важные сведения о появлении в Лондоне итальянских наемников. Вернувшись в свою хижину, я проспал несколько часов подряд, после чего вновь направился в штаб. Солнце уже клонилось к закату, самые длинные летние дни остались позади, и теперь каждый вечер сумерки сгущались чуть раньше. У дверей церкви люди, желающие поговорить с Кеттом, выстроились в некое подобие очереди. Я пристроился в самый конец и, когда настал мой черед, вошел внутрь.

Роберт Кетт выглядел озабоченным и усталым.

— Мастер Шардлейк! — воскликнул он, увидев меня. — Спасибо, что передали мне то письмо!

— Я понял, что вы должны его прочесть.

Он кивнул, по обыкновению сверля меня глазами.

— Завтра нам будет не до судов. Придется отложить их на пару дней. — Кетт развернул письмо Тамазин. — Судя по всему, против нас будет брошена армия, состоящая из иноземных наемников.

— Барак просит отправить это каким-нибудь надежным способом, — сказал я, вручая ему ответ. — Он очень переживает о своей семье и хочет сообщить жене, что жив и здоров.

— Сделаю все, что в моих силах, однако не могу обещать, что письмо дойдет до адресата, — вздохнул Кетт. — Да, кстати! — Он порылся в бумагах, лежавших на столе, и вручил мне какой-то документ. — Это пропуск, который дает вам право в любое время бывать в Норидже и посещать тюремный замок.

— Благодарю вас, капитан Кетт.

— Теперь вы сможете без помех навещать Джона Болейна и молодого Овертона.

— Думаю, сегодня многие жители лагеря устремились в город.

— Да. Завтра нориджский рынок тоже будет открыт. Мы по-прежнему выдаем людям деньги из казны, что хранится во дворце графа Суррея. Кстати, не нуждаетесь ли вы в деньгах, мастер Шардлейк?

— У меня осталось полсоверена, — пожал я плечами. — Пока мне хватит.

На обратном пути я размышлял о том, что у Кетта имеется не только свой суд, но и свое казначейство. Постепенно повстанческий лагерь превращался в государство в государстве. На память мне пришли слова Барака о незавидной участи, которая ожидает меня, если мятежники будут разбиты. Вне всякого сомнения, Джек был прав, но я принял решение и не собирался его менять. В конце концов, никому из живущих на земле не ведомо, какое будущее его ожидает, рассудил я, пытаясь отогнать тревоги прочь.

Бумажной работы теперь было намного меньше; на следующий день Бараку поручили составить опись пушек, захваченных в городе. Вместе с пушками в лагерь был привезен и изрядный запас ядер, и сейчас предстояло обеспечить каждое орудие ядрами соответствующего калибра. Члены бывшей гильдии каменщиков, которых в лагере собралось немало, занимались изготовлением новых боеприпасов. Барак должен был сосчитать, сколько часов они работали и какое жалованье причитается каждому, а также подробно записать, сколько ядер различного калибра ими произведено. Все описи, составленные Джеком, поступали в распоряжение капитана Майлса и его канониров, в большинстве своем отставных солдат.

Предоставленный самому себе, я решил отыскать Тоби Локвуда и попытаться воззвать к его совести. По словам Эдварда, Локвуд стал в лагере важной птицей, и действительно, бóльшую часть дня он нынче провел на каких-то совещаниях в церкви Святого Михаила. Лишь вечером, добредя до хижины Тоби, я застал его там. Жилище его, надо сказать, ничем не отличалось от прочих дощатых конурок, тесных и душных. Когда я пришел, Локвуд умывался, черпая воду ковшом из кадки. Я невольно отметил про себя, какое у него крепкое мускулистое

тело, мощная, поросшая черными волосами грудь. Дабы избежать вшей, волосы его и борода, как у большинства из нас, были коротко подстрижены, и из-за этого круглое лицо казалось особенно суровым. Увидев меня, он неприязненно прищурился:

— Мастер Шардлейк?

— Добрый вечер, Тоби. Мы можем поговорить?

Он вытерся рубашкой и надел ее.

— О чем нам с вами разговаривать?

— Я до сих пор не могу понять, чем мы так досадили вам, что вы решили отправить Николаса в тюрьму. Спору нет, вы с ним расходитесь во взглядах. Но это не повод для того, чтобы ломать парню жизнь. Я тоже смотрю на многое иначе, чем он.

— Именно поэтому вы с Баракком находитесь в лагере, а Овертон — в тюрьме, — отчеканил Тоби.

— Никогда не поверю, что дело тут только в политических убеждениях. Похоже, вы сразу его невзлюбили.

— Да, я ненавижу вашего Николаса и таких, как он.

— Но разве это достойно порядочного человека — использовать свою власть для сведения личных счетов? Быть может, печаль по умершим родителям лишила вас способности рассуждать непредвзято? Я сочувствую вашему горю и понимаю, как вам сейчас тяжело. Я сам потерял родителей и многих других людей, к которым был привязан всем сердцем. Но человек не должен вымещать на других боль своей утраты.

— Не должен вымещать на других? — повторил Локвуд, издевательски подражая моему произношению. — Значит, по-вашему, порядочный человек не должен мстить за нанесенные ему обиды? — Он подался вперед. — Помните Эймерика Копулдейка, моего лондонского патрона?

— Ну конечно. Еще до того, как мы познакомились, мой собственный патрон Томас Пэрри сказал, что вы намного превосходите Копулдейка способностями.

— А помните, во время нашей первой встречи он меня всячески высмеивал, подтрунивал над моим низким происхождением и норфолкским акцентом? Я десять лет пахал на эту ленивую жирную свинью. Про себя называл его Джек Болван. По части знаний Копулдейк не идет со мной ни в какое сравнение.

— Я в этом не сомневаюсь.

— С тех пор я и возненавидел тех, кто считает себя вправе помыкать простыми людьми. Как правило, ни на что другое эти негодяи не способны. Когда простолюдины получают свободу, они управляют своей жизнью намного лучше, чем это делали джентльмены. Посмотрите, какой порядок царит здесь, в лагере.

— Согласен, — нетерпеливо вставил я. — Но какое все это имеет отношение к клевете и лжесвидетельству? То, что Николас Овертон принадлежит к классу джентльменов, еще не дает никому права возводить на него напраслину.

Тоби сердито поджал губы:

— Мастер Шардлейк, сейчас у меня нет ни малейшего желания обсуждать подобные вопросы. Кстати, насколько я понял, вы отнюдь не стремитесь к тому, чтобы Овертон предстал перед судом. Вам на руку, что он находится в Нориджском замке.

— Да, я заинтересован в том, чтобы Николас до поры до времени содержался в замке. На это имеется веская причина, которую я сообщил капитану Кетту. Но как только суды под Дубом реформации возобновятся, дело Николаса будет рассмотрено одним из первых. Так что вам самому и вашим свидетелям придется дать показания публично. Полагаю, если Роберт Кетт поймет, что вы оговорили человека из личной неприязни, то ваше положение в лагере изрядно пошатнется.

На щеках Локвуда выступили красные пятна. Я резко повернулся и зашагал прочь. Хорошо, что его не поставили командовать людьми, размышлял я на обратном пути. Люди подобного склада всегда окружают себя фаворитами — и выбирают козлов отпущения.

В течение нескольких дней военные учения под руководством капитана Майлса и назначенных им командиров, по большей части отставных солдат, продолжались от зари до зари. Повстанцы занимались армейской наукой с большим рвением, никто не роптал и не жаловался на усталость. Лагерь постоянно сотрясали громовые раскаты — мощные отзвуки учебных пушечных выстрелов.

Вскоре мы узнали тревожные новости. Лагерь в Хингхэме, в пятнадцати милях от Нориджа, был атакован войсками под предводительством сэра Эдмунда Кнайветта из Букингемского замка.

Замок этот представлял собой мощную крепость, и повстанцы из Хингхэма, не решившись на ответную атаку, потянулись к нам на Маусхолдский холм. На следующий день, в воскресенье, двадцать восьмого июля, до нас дошла весть, что лагерь в Даунхэме, неподалеку от Кингс-Линна, захвачен сельскими дворянами. Бывшие его обитатели также устремились к нам. Потрясенные своим поражением, люди эти представляли собой печальное зрелище, отнюдь не способствовавшее поднятию боевого духа. Настроение, царившее в лагере, час от часу становилось все более беспокойным. Все понимали, что схватка с правительственной армией неизбежна, хотя многие сомневались в том, что войска эти и впрямь направлены против нас протектором Сомерсетом. Нам предстоит дать отпор всего лишь горстке норфолкских дворян и их приспешников, утверждали они.

На следующий день, в понедельник, под Дубом реформации вновь состоялся суд. Я помогал председателю Уильяму Доути вершить правосудие над несколькими сельскими дворянами и десятком повстанцев, уличенных в присвоении чужого имущества: все они, за исключением одного, были признаны виновными и с позором изгнаны из лагеря. Случаев воровства, надо признать, было совсем немного, тем не менее они произвели на меня гнетущее впечатление. Бывших повстанцев, запятнавших себя кражами, скорее всего, ожидала печальная участь нищих, собирающих милостыню на улицах Нориджа.

Едва заседание закончилось, ко мне подошел гонец и сообщил, что капитан Кетт требует меня к себе. Войдя в церковь Святого Михаила, я заметил, что клерков, склонившихся над бумагами, стало намного меньше. Роберт, по обыкновению, восседал за своим огромным столом, рядом с ним сидел капитан Майлс. Оба встретили меня пронзительными взглядами.

— Мастер Шардлейк, насколько я понимаю, при покойном Генрихе вы служили королеве Екатерине Парр, — произнес Кетт. — Скажите, а вам доводилось встречаться с ее братом Уильямом Парром, ныне маркизом Нортгемптоном?

— Всего один раз.

— Вы можете описать его наружность? — спросил Майлс.

— Худощавый, среднего роста, с заостренными чертами лица, каштановыми волосами и ярко-рыжей бородой. Сейчас ему должно

быть под сорок.

Майлс и Кетт обменялись многозначительными взглядами.

— Значит, это и впрямь он, а не кто-то из норфолкских дворян, назвавшийся его именем, — пробормотал Роберт и вновь повернулся ко мне. — На нас идет армия под командованием человека, которого вы описали. Его помощник — молодой лорд Шеффилд, местный дворянин, пользующийся весьма скверной репутацией.

— Что вы можете сказать о способностях Парра как командира? — обратился ко мне Майлс.

— Он вошел в Тайный совет лишь потому, что приходился братом покойной королеве. Глупым его никак не назовешь, но особым умом он тоже не отличается. Вне всякого сомнения, Парр весьма искусен как придворный, но не думаю, что он обладает опытом ведения военных действий.

— Богом клянусь, сейчас им негде отыскать опытных командиров, — повернувшись к Кетту, заметил Майлс. — Вы можете назвать Парра своим другом? — спросил он, буравя меня глазами.

— Разумеется, нет. Как я уже сказал, мы с ним встречались лишь однажды. Я был всецело предан королеве Екатерине, но она умерла.

— Армия Нортгемптона движется в сторону Норфолка. По нашим расчетам, она будет здесь дня через три, — переплетя пальцы, сообщил Кетт. — Надеюсь, нам вновь улыбнется удача. Среди них действительно есть итальянские наемники, однако не более трех сотен на полуторатысячную армию. Даже если итальянские наемники не так трусливы, как швейцарские или германские, мы в состоянии дать им отпор. Наша армия насчитывает пять тысяч человек, прошедших военное обучение, не говоря уже о нориджских бедняках, готовых принять участие в уличных боях. Ваши друзья, Эдвард Браун, Майкл Воувелл и Тоби Локвуд, немало потрудились, чтобы вооружить городских жителей и подготовить их к возможной битве.

— Конечно, без жертв не обойдется, — угрюмо изрек Майлс. — Но я не сомневаюсь в нашей победе. Вместе с армией в Норфолк возвращается множество богатых землевладельцев: сэр Ричард Саутвелл, сэр Томас Пастон и прочие. С ними другие вельможи в сопровождении своих вассалов. Но людей, искушенных в военном деле, среди наших врагов почти нет. — Майлс хрипло рассмеялся. — Я вдоволь нагляделся на аристократов во Франции и в Шотландии и

понял: высокое происхождение отнюдь не делает человека отважным воином.

Итак, Саутвелл возвращается, подумал я. Скорее всего, вместе с ним вернутся и его приспешники, такие как Джон Аткинсон. Можно не сомневаться, среди тех, кто вступит в бой с повстанцами, будут и братья Болейн. А вот Фловердью наверняка предпочтет остаться в безопасности: в Лондоне или в любом другом месте, где у него имеется надежное пристанище.

— Есть какие-нибудь известия от леди Марии? — спросил Майлс, повернувшись к Кетту.

— Она по-прежнему в Кеннингхолле. Согласно договору, который мы заключили с Саутвеллом, дочери Генриха доставляют провизию и все необходимое. — Кетт усмехнулся. — Сомневаюсь, что Саутвелл сообщил об этом договоре протектору.

— Возможно, через несколько дней Саутвелл будет мертв, — изрек Майлс. — Так же, как и многие другие.

— Вы с Бараком останетесь в лагере, — распорядился Роберт, глядя на меня.

— Понимаю, что от меня во время сражения пользы будет не много. Но Джек рвется в бой.

— Делайте все, что в ваших силах, дабы поднять боевой дух людей, — обратился Кетт к Майлсу. — Победить может лишь тот, кто верит в свою победу. Если мы разобьем армию, весть об этом облетит страну, как набат.

В тот же день я отправился в Норидж. На городских стенах и у ворот был выставлен караул из повстанцев. Явившись в замок, я застал Николаса и Болейна за игрой в шахматы. Как и все прочие, они были осведомлены о скором прибытии правительственной армии. Николас выглядел намного лучше, чем в прошлый раз: еда, которую присылала Изабелла, явно пошла ему на пользу. Овертон сообщил, что они тщательно осматривают корзинки с провизией, проверяя, не открывал ли их кто-нибудь. Расставшись с ними, я направился к Чаури и Изабелле. На мое предложение покинуть город, где, возможно, вскоре вспыхнет сражение, Изабелла ответила решительным отказом, заявив, что ни за что не оставит мужа. Чаури, разумеется, намеревался быть рядом с нею.

Вечером мы с Баракком пошли прогуляться по лагерю. Нам обоим хотелось отвлечься от мыслей о схватке, предстоявшей совсем скоро: по расчетам Кетта, армия Нортгемптона должна была прийти до Нориджа уже послезавтра утром. За завтраком жители Свордстоуна, по обыкновению, были с нами приветливы и дружелюбны. Нас с Баракком они уже считали своими, а о Николасе здесь предпочитали не упоминать. Джозефина, несмотря на то что Эдвард был рядом с нею, выглядела грустной и встревоженной. Вне всякого сомнения, мысль о грядущем сражении, в котором должен был принять участие ее муж, не давала бедняжке покоя. Мышка охотно пошла ко мне на руки. Саймон, приплясывая вокруг нас, хлопал в ладоши, заставив Джозефину улыбнуться.

— Нынче ты опять с лошадьми? — спросил я у мальчишки.

— А как же иначе, — ответил вместо него Гектор Джонсон. — Лошади ни за что не согласятся обойтись без Саймона.

Старый солдат, по обыкновению, был облачен в стальной шлем и нагрудник. Как и другие командиры, сегодня он собирался проводить военные учения. К нам подошел Нетти, с луком в руках и колчаном за спиной.

— Теперь я могу за минуту выпустить пять стрел, — сияя от гордости, сообщил он.

Тетушка Эверник печально взглянула на парнишку, и я догадался: подобно мне, она думает о тех, кому предстоит погибнуть в бою.

Мы с Баракком направились на восток, к дальней границе лагеря. По пути мы обратили внимание на то, что лошади и коровы находятся теперь в деревянных загонах — местные плотники потрудились на славу, — а овцы теснятся за плетеными изгородями, позаимствованными на уничтоженных пастбищах. Впрочем, сейчас овцы предназначались не на шерсть, а на мясо, точно так же как куры, утки, гуси и голуби, которых в лагере тоже было предостаточно. В одном из просторных загонных молодых парни занимались верховой ездой, среди них мы заметили Саймона. В отличие от всех прочих животных, свиньи разгуливали на свободе, роясь в земле и валяясь в лужах. При всем этом нельзя было сказать, что в лагере царит зловоние: по настоянию Кетта повстанцы строго следили за чистотой и регулярно опорожняли выгребные ямы. Ни о каких заразных болезнях пока слуху

не было. Мы прошли мимо пекарни, откуда доносился запах свежего хлеба, и кузницы, где выковывались новые пики и алебарды. По дороге в лагерь по-прежнему тянулись повозки, груженные провизией, однако теперь их стало значительно меньше — месяц перед новым урожаем был самым голодным в году. Согласно распоряжению Кетта, нориджский рынок был открыт едва ли не каждый день, так что все необходимое можно было купить там.

Прежде чем лагерь остался позади, мы прошли не менее трех миль. Солнце уже клонилось к закату, однако на пустоши продолжались военные учения. Несколько десятков лучников, выстроившись в ряд, по приказу командира одновременно выпустили в воздух стрелы. Чуть в стороне мужчины, вооруженные копьями, наносили сокрушительные удары соломенным чучелам, сопровождая атаку воинственными криками. Несколько чучел развалились на части под ударами самодельных пик и алебард.

— Молодцы, ребята, — довольно изрек Барак. — Майлс и его канониры тоже потрудились на славу. Можно не сомневаться: наши пушки будут бить точно в цель.

— Да, просто удивительно, каких успехов в военном деле эти люди достигли за считанные дни, — кивнул я.

Увидев Гектора Джонсона, опиравшегося на алебарду, мы подошли, чтобы поздороваться с ним.

— Как дела? — улыбнулся старый солдат.

Мы с ним оба помнили, как на переходе из Ваймондхема он был приставлен ко мне в качестве караульного. Но ныне Джонсон проникся ко мне доверием и держался с неизменной приветливостью.

Командир, обращаясь к лучникам, говорил о том, что вскоре им предстоит столкнуться со своими заклятыми врагами, богатыми землевладельцами, в помощь которым призваны итальянские наемники.

— Этим чужестранцам, готовым воевать за деньги, неведомо, что такое преданность и верность! — воскликнул он. — А мы, англичане, сражаемся на своей земле за свободу и справедливость и, уж конечно, дадим отпор этим продажным шкурам!

Лучники разразились одобрительными криками, однако Джонсон саркастически усмехнулся.

— Среди англичан наемников тоже предостаточно, — заметил он. — После окончания Французской кампании многие солдаты остались в Европе, готовые сражаться за того, кто больше заплатит. И платят им куда щедрее, чем это делал старый король.

— Люди везде одинаковы, — пожал я плечами.

— Что верно, то верно.

Попрощавшись с Джонсоном, мы продолжили путь. Нам встретила небольшая толпа: человек примерно сорок — в большинстве своем старики, не способные сражаться, и женщины, — внимавшая очередному бородатому проповеднику. Он взгромоздился на перевернутый ящик и, потрясая Библией, которую держал в руке, громогласно вещал:

— Времена, которые настали теперь, предсказаны еще в Книге Царств. Вы помните, что Езекия, царь Иудейский, благочестивый и справедливый правитель, взошел на престол восьми лет от роду. Первым делом он приказал уничтожить языческих идолов, их статуи и изображения, и велел поклоняться лишь истинному Богу. Наш юный король Эдуард — это второй Езекия, он уничтожает последние остатки папства и стремится учредить справедливое государство, где все люди будут равны. В Библии говорится, что именно в таком государстве люди станут жить перед вторым пришествием Христа.

Словно подтверждая истинность своих слов, он с размаху ударил себя кулаком в грудь.

Сей драматический жест, несомненно, произвел на публику неотразимое впечатление.

Вечером, когда мы с Баракком, как и всегда, ужинали у костра в обществе жителей Свордстоуна, завязался спор. Все мы не только сытно поели, но и неплохо выпили. Хотя Кетт никогда не поощрял пьянства, сегодня нам доставили бочонок крепкого пива, и к тому времени, как сгустились сумерки, все сидевшие у костра, включая Джека, успели изрядно набраться. Исключение составляли лишь я (отец мой был горьким пьяницей, и еще в юности я поклялся себе никогда не злоупотреблять горячительными напитками) да Саймон Скамблер, искренне веривший, что пьянство — это смертный грех. Заметив Майкла Воувелла, возвращавшегося с очередного совещания, которое устроил Кетт, мы предложили ему присоединиться к нам. Мастер

Диксон, деревенский староста, некогда выступивший на суде с обвинениями против свордстоунского землевладельца, дремал, уронив голову на грудь. Эдвард Браун был в городе, а Джозефина сидела у костра между мной и Бараксом. Маленькая Мышка спала в хижине. Еще одна молодая женщина, живущая в лагере, сидела, прижавшись к своему мужу; рядом с ними расположились три парня, которым вскоре предстояло вступить в бой, — кузнец, кожевник и батрак. Все они прихлебывали пиво из глиняных кружек, то и дело наполняя их из бочонка. Тетушка Эверник, накормив нас, отправилась спать.

Разговор зашел о королевском посланнике. Один из повстанцев непререкаемым тоном заявил, что в лагерь явился самозванец, нанятый землевладельцами, и что армию, которая движется на нас, тоже собрали они. Протектор, по его убеждению, не имел ко всему этому ни малейшего отношения.

— Так оно и есть, — подхватил очнувшийся от дремоты Диксон. — Капитан Кетт с самого начала всячески доказывал свою верность лорду-протектору.

Кузнец по имени Милфорд, тяжеловесный, широколицый мужчина лет тридцати, недоверчиво покачал головой:

— Мастер Шардлейк, помните, вы сказали, что человек этот был одет в точности так, как подобает королевскому посланнику?

— Да, — кивнул я. — И, судя по описаниям, командир армии, с которой нам предстоит сражаться, — не кто иной, как маркиз Нортгемптон.

— А откуда вы знаете, как выглядит командир наших врагов? — подозрительно взглянул на меня Милфорд.

— Однажды мне довелось с ним встретиться. Я не делаю секрета из того, что в свое время служил его сестре, покойной королеве Екатерине Парр. Мне казалось, вы мне доверяете, — обиженно пожал я плечами.

— Я вижу, вы не хотите выпить с нами за компанию, — не унимался кузнец, судя по всему пребывавший в раздраженном настроении.

— Говорят, у законников слишком слабое нутро. С пива их мигом проносит, — попытался сострить кто-то.

— Попридержи язык, — буркнул Баракс, наставив на шутника нож, прикрепленный к искусственной руке.

— Оставьте мастера Шардлейка в покое! — вмешался Воувелл. — Он уже не раз доказал, что мы можем считать его своим другом. А вы все так напились, что утратили разум и несете всякую околесицу. Дураку ясно, протектор нас предал, и рассчитывать на его поддержку теперь нечего. Мы сами должны заставить тех, кому принадлежит власть в королевстве, выполнить наши требования. Для этого нам предстоит разбить армию, которую Сомерсет направил против нас, учредить свое правление в Норфолке и распространить его на всю Англию, восстановить лагерь, что были уничтожены.

— Верно! — с пылом подхватил Нетти.

— А в качестве предостережения нам следует прикончить с десятков дворян, которых мы держим под арестом! — добавил Милфорд.

— Этого я не говорил, — покачал головой Воувелл.

— Капитан Кетт не хочет никого убивать, — веско произнес Гектор Джонсон.

— Только и слышишь отовсюду: «Капитан Кетт не хочет того, капитан Кетт не хочет этого!» — злобно процедил Милфорд. — Можно подумать, у него семь пядей во лбу. Сами видите, заручиться поддержкой протектора у вашего драгоценного Кетта не получилось. О Комиссии по огораживаниям по-прежнему ни слуху ни духу. Все прочие лагеря, кроме нашего, разогнали — угрозами или силой!

Мастер Диксон, совсем не такой пьяный, как казалось, вскинул голову:

— Не смей поносить капитана Кетта, приятель! Мы слишком многим ему обязаны. Ведь это он собрал нас всех здесь, создал этот лагерь, захватил Норидж. Он делает все, чтобы восстановить всеобщую справедливость. А ведь сам он отнюдь не голодранец, как некоторые. Мог бы спокойно сидеть дома, со своей семьей.

— Прошу вас, прекратите: подобные разговоры до добра не доведут! — взмолилась Джозефина, однако никто не обратил внимания на ее слова.

Мышка, разбуженная громкими голосами, расплакалась, и Джозефина поспешила в свою хижину.

— Нам предстоит серьезная битва, но мы победим! — провозгласил один из повстанцев, поднимаясь на шаткие ноги. — У нас достаточно сил, мужества и решимости! Пусть протектор предал нас,

однако король по-прежнему с нами! Так сказал проповедник, которого я слышал сегодня. Но Милфорд прав: капитан Кетт чересчур мягкосердечен. Если мы казним нескольких джентльменов, это послужит нашим врагам хорошим предостережением.

Гектор Джонсон подошел к нему, сжимая рукоять ножа:

— Хватит уже понапрасну сотрясать воздух! Теперь ты солдат, а значит, должен выполнять приказы! Или ты позабыл об этом?

— Пошел к черту со своими приказами! — заорал кузнец, выхватывая нож из ножен.

Саймон Скамблер, вскочив, отчаянно замахал руками:

— Прошу вас, прекратите! Ведь мы же друзья! Мы не должны ссориться! Мы все должны быть заодно!

— Заткнись, чокнутый! — рявкнул Милфорд, поворачиваясь к нему. — Парни из Нориджа здорово посмешили нас рассказами о твоих дурацких выходках. — Подобно большинству мужчин, под воздействием алкогольных паров он давал выход обуревавшей его злобе. — Не зря тебя прозвали Грязнулей! Говорят, Грязнуля, ты большой любитель петь. Может, позабавишь честную компанию какою-нибудь песенкой?

Саймон пристально глядел на своего обидчика. Мне казалось, парень вот-вот разрыдается, однако он встал, отошел чуть в сторону от костра и запел. То была старая немецкая песня, которую мне доводилось слышать и раньше, называлась она «Иерусалим». Обычно ее исполняли под аккомпанемент лютни, но чистый, звонкий голос Саймона так завораживал, что все споры невольно стихли. Он пел, забыв обо всем; над головой его расстилалось звездное небо и сияла луна, а вдали, в темноте, сверкали огоньки костров.

Моя жизнь полностью изменилась
С тех пор, как мои грешные глаза
Увидели Святую землю, столь почитаемую всеми.
С тех пор я живу праведно,
То, чего я желал больше всего, свершилось:
Я вступил на землю,
По которой ходил Господь, будучи человеком.
О прекрасная и благодатная земля,
Никогда прежде я не видел ничего подобного тебе.
Никакая другая земля с тобой не сравнится.

Какие чудеса здесь происходили!
Дева родила Дитя,
Которое повелевало сонмом ангелов.
Ну разве это не чудо?

Когда Саймон смолк, несколько мгновений стояла тишина. Потом Гектор Джонсон начал аплодировать, и остальные последовали его примеру. Скамблер растерянно мигал, удивленный и обрадованный.

— Пожалуй, мне пора на боковую, — проворчал Милфорд, поднимаясь.

Все остальные тоже стали разбредаться по хижинам.

— Дружище, ты уберег их всех от драки, — сказал Нетти, похлопав Саймона по плечу.

— Да, ты у нас настоящий миротворец, — подхватил я.

На губах Скамблера блуждала улыбка, а в глазах застыло отсутствующее выражение, словно бы перед мысленным взором его все еще стоял Иерусалим.

— Хоть бы эта армия уже явилась побыстрее, — буркнул Барак. — Нет ничего томительнее ожидания.

— Уверен, нам не придется долго ждать, — заметил я.

Глава 62

Наступил вторник, тридцатое июля. Согласно донесениям осведомителей, армия Нортгемптона должна была прибыть в Норидж на следующее утро. День вновь обещал быть душным и влажным. Мы с Бараком вслед за толпой отправились к Дубу реформации, где перед повстанцами собирались выступить братья Кетт и капитан Майлс. Те, кому предстояло завтра вступить в бой, — лучники, копьеносцы, канониры — шли рядами под командованием своих сотников. Сегодня капитан Майлс и его подручные должны были спустить с холма несколько пушек и установить их напротив Епископских ворот.

Первым слово взял Уильям Кетт.

— Всего три недели прошло с тех пор, как мы собрались в Ваймондхеме, а кажется, с тех пор минула вечность! — начал он. — Завтра нас ждет новое столкновение с нашими заклятыми врагами — дворянами, притесняющими простой люд, такими как Пастон и Саутвелл... — Услышав эти имена, толпа сердито загудела. Кто-то выкрикнул, что главную защитницу папистов, леди Марию, давно уже пора вытащить из Кеннингхолла. Уильям, пропустив эти слова мимо ушей, продолжил: — Где сейчас продажнейший из чиновников Джон Фловердью? Затаился в Лондоне! Видно, он умнее, чем его товарищи, и понимает, что у них нет ни малейшего шанса одержать над нами победу!

Вслед за братом выступил Роберт, как всегда убедительный и напористый. Он увлеченно жестикулировал, на лбу у него выступали капли пота, которые он не давал себе труда вытирать.

— Наши враги смеют называть нас изменниками! — воскликнул он. — Но не мы, а они настоящие изменники, ибо мы храним верность королю Эдуарду! — Роберт смолк, выжидая, пока стихнут одобрительные возгласы. — Наши враги будут разгромлены и посрамлены и более уже не смогут причинить нам зла! Но злые их деяния не останутся безнаказанными! С разрешения его величества мы создадим комиссию, которая будет расследовать все преступления против простого народа. И в этой комиссии будет немало наших представителей.

Слова эти вызвали целый шквал ликующих криков и аплодисментов, хотя я заметил, что некоторые повстанцы, из числа самых бедных или же наиболее молодых, не разделяют всеобщего воодушевления.

Промокнув наконец пот со лба, Кетт указал на Джона Майлса:

— А сейчас наш славный капитан Майлс расскажет вам о воинской тактике, которую мы избрали.

Майлс выступил вперед. Лицо его под железным шлемом было исполнено решимости, а голос звучал отрывисто и четко:

— Друзья и братья! По донесениям наших осведомителей, неприятель намерен сначала захватить Норидж, а потом атаковать нас. Это нам на руку, ибо мы получаем возможность заманить противника в ловушку, измотать его и нанести сокрушительный удар, проникнув в город через Епископские ворота! На нашу удачу, враги совершили грубый просчет. Люди, более искушенные в военном деле, сначала атаковали бы лагерь, несмотря на то что возвышенное его положение дает нам значительные преимущества. Не скрою от вас, в армии неприятеля немало опытных офицеров, а также нориджских дворян, одержимых ненавистью и злобой. С ними их презренные приспешники — итальянские наемники, готовые сражаться с кем угодно ради денег. Они, хотя и напоминают своими нарядами попугаев, по праву считаются хорошими солдатами. Но мы многократно превосходим их численностью, ибо нас более пяти тысяч. У нас достаточно пушек и другого оружия, которым вы обучены владеть. На каждого вражеского солдата приходится трое наших воинов! А главное, мы знаем, что сражаемся за правду и справедливость! Сегодня вновь приходите на военные учения, ибо завтра вам предстоит применить свои навыки в бою!

Вновь раздался хор одобрительных возгласов, к которому присоединились Нетти и Гектор Джонсон. После того как Майлс закончил свое выступление, люди принялись расходиться. Мы с Баракком думали вернуться к себе в жилище, но до меня долетел резкий окрик капитана Кетта:

— Адвокат Шардлейк! Прошу, идемте со мной!

Недоуменно переглянувшись с Баракком, я послушно направился в сторону церкви. Туда же двигались и многие другие: Майкл Воувелл, Гектор Джонсон, Эдвард Браун, Питер Боун и Тоби Локвуд, старательно

избегавший встречаться со мной глазами. Возглавляли шествие братья Кетт и капитан Майлс. Я вспомнил, что именно эти люди были на совещании у капитана накануне захвата Нориджа.

Войдя в церковь, Кетт сделал нам знак занять места у стола. Когда мы расселись, он задернул занавес, отделявший алтарную часть от зала, где скрипели перьями клерки.

Обведя нас глазами, Роберт произнес:

— Жена и дети капитана Майлса, обретшие приют в доме своих друзей в Лондоне, схвачены и брошены в тюрьму. Это известие вчера сообщил нам гонец, посланный Королевским советом. Он умолчал о том, каким образом была найдена семья капитана Майлса, однако заявил, что его родным будет дарована свобода в случае, если сам Майлс незамедлительно покинет лагерь и сдастся врагам.

Пристально взглянув на Джона, я заметил, что он выглядит измученным; сквозь загар, покрывавший щеки, проступала бледность.

— Я ответил решительным отказом, — отчеканил он, вскинув голову. — Еще до того, как я покинул Лондон, моя горячо любимая жена просила меня не покупаться на посулы врагов, как бы ни складывались обстоятельства.

— О том, где находятся супруга и дети Майлса, было упомянуто вслух лишь один-единственный раз! — грохнул кулаком по столу Кетт. — Это случилось здесь, на совещании, которое я созвал накануне прибытия королевского посланника. На этом собрании присутствовали все вы, и более ни одной живой души! — процедил он, вновь обводя нас пронзительным взглядом.

На несколько мгновений повисла тишина, которую нарушил Тоби Локвуд:

— Наверняка в Лондоне полно шпионов, которые могли выследить жену и детей капитана. Или гонец сообщил, что их отыскивали иным способом?

— Нет. Но отныне на всех вас лежит подозрение. Вспомните, не сообщал ли кто из вас другому лицу о том, где скрывается семья Майлса? — Кетт вперил взгляд в меня. — Вы, случаем, не проговорились своему другу Бараку?

— Я никому ни словом об этом не обмолвился.

— Я тоже, — подхватил Майкл Воувелл. — Какая мне корысть болтать об этом?

— Заявляю, что никому ничего не говорил, — слегка дрожащим голосом произнес Гектор Джонсон. — Я верен нашему делу с самых первых дней. Рисковал жизнью в бою за Норидж. Вам это прекрасно известно, капитан Кетт.

— Среди нас присутствует один-единственный джентльмен — мастер Шардлейк! — обжег меня глазами Локвуд. — Возможно, втайне он хочет, чтобы мы потерпели поражение.

— А мы с братом — единственные здесь йомены! — вновь грохнул кулаком по столу Кетт. — Может, нас ты тоже обвинишь в том, что мы желаем восстанию поражения? Надеюсь, Локвуд прав и предателя надо искать в Лондоне. Но помните: до тех пор пока вопрос не разрешится, на всех вас лежит подозрение, — заявил Роберт, поочередно глядя в глаза каждому из нас; все бестрепетно выдержали его взгляд. — Что ж, приступайте к своим обязанностям, — кивнул он. — Мастер Шардлейк, сегодня под Дубом реформации вновь состоится суд над ворами. Прошу вас, помогите мастеру Доути. Я хочу, чтобы перед боем все запятнавшие себя позором были изгнаны из лагеря.

В угрюмом молчании мы покинули церковь. По лицу Гектора Джонсона текли слезы. Мысль о том, что на него легла тень подозрения, была для старого солдата невыносима.

Понутив голову, я направился к Дубу реформации; сознание того, что я тоже попал в число подозреваемых, камнем лежало у меня на сердце. Не было ничего удивительного в том, что Тоби Локвуд не упустил случая пошатнуть мое положение; я был рад, что Кетт поставил его на место. Но если предатель среди нас, то кто он? Разумеется, братья Кетт и Гектор Джонсон автоматически исключаются. Все остальные — Эдвард Браун, Майкл Воувелл и, надо отдать ему должное, Тоби Локвуд — всецело преданы делу восстания. С Питером Боуном я был знаком мало, но уже при первой нашей встрече он произвел впечатление человека, разделяющего идеи общего блага. В голову мне пришла мысль, которая уже посещала меня прежде: возможно, после потери обоих родителей Локвуд повредился в рассудке. Но, с другой стороны, именно боль утраты привела его в ряды мятежников. Так или иначе, мне трудно было представить, что Тоби из корыстных соображений пособничает нашим врагам. Возможно, теперь

за мной вновь будут следить, подумал я. Что ж, скрывать мне нечего — как прежде, так и сейчас.

В то утро мне нелегко было исполнять свои обязанности; необходимость облачиться в мантию, невзирая на жару и духоту, отнюдь не улучшила настроение. Небо было сплошь затянуто серыми тучами, — по всей вероятности, вновь собиралась гроза. В большинстве своем подсудимые были признаны виновными в воровстве, хотя в паре случаев обвинение было отклонено за недостаточностью улик. Нескольких драчунов, в основном молодых парней, тоже приговорили к изгнанию из лагеря. После того как заседание было закончено, Доути сообщил мне, что завтра, во время сражения, он будет одним из командиров.

— Можете не сомневаться, я отправлю в ад немало джентльменов! — заявил он, несколько удивив меня своей свирепостью. — Им известно, что мы хотим мира и справедливости для всех, — продолжил он. — Тем не менее они решили уничтожить нас. Что ж, они за это поплатятся!

К обеду я вернулся в свое жилище. Все мужчины были на военных учениях, и около хижин сидели лишь тетушка Эверник, Барак, Джозефина и Мышка, игравшая куском древесной коры. Джозефина сообщила, что Эдвард ушел в Норидж. Наверняка для того, чтобы собрать наших сторонников, готовых дать отпор неприятелю, догадался я. Когда Джозефине понадобилось отлучиться в отхожее место, она попросила меня подержать Мышку. Малышка, капризничавшая из-за жары, сперва не хотела идти ко мне на руки и начала было хныкать, однако успокоилась, когда я крепче прижал ее к себе. Когда мать девочки вернулась, я заметил, что она выглядит усталой и расстроенной.

— Ты здорова? — спросил я.

— Вполне, — кивнула она и добавила с грустной улыбкой: — Похоже, мы поступили правильно, покинув Норидж.

— В этом нет никаких сомнений.

— Да, но что будет, если мы проиграем? — спросила моя бывшая служанка, глядя мне прямо в глаза. — Что будет, если они ворвутся сюда, в лагерь?

Надеясь успокоиться и воспрянуть духом, после обеда я, несмотря на жару, отправился на прогулку. Дошел до загона, где Саймон и несколько других парней объезжали лошадей, пытаюсь усмирить самых норовистых. Скамблер, во всех прочих обстоятельствах неловкий и неуклюжий, буквально преображался, когда пел и скакал верхом, словно был рожден для двух этих занятий. Я долго любовался им, стоя у прочной деревянной загородки. Заметив меня, парнишка подъехал ближе и соскочил на землю.

— Здорово у тебя получается, Саймон, — сказал я. — Завтра ты поведешь коней в Норидж?

— Сегодня днем лошади потащат вниз пушки, а завтра... завтра я буду делать, что прикажут. — Он судорожно вздохнул, и я заметил, что в глазах его мерцают тревожные огоньки.

— Не сомневаюсь, ты справишься.

— Да, но вот только я боюсь... — Скамблер осекся, не договорив.

— Боишься нового кровопролития?

— Знаете, я все думаю: а вдруг меня убьют и я отправлюсь напрямиком в ад? Тетя все время говорила, что я безбожник и отвергаю истинную религию, а значит, адского пламени мне не избежать.

— Когда я был таким, как ты, в Англии процветало католичество, и, поверишь ли, в жизни моей был период, когда я считал себя ревностным католиком. Потом наступило время перемен: король Генрих требовал, чтобы один год мы веровали так, а другой иначе. Нынче настала эпоха ревностных протестантов. Твоя тетя уверена, что слово истины можно услышать лишь в церкви, которую она посещает. Но чем эта церковь лучше всех прочих? — улыбнулся я. — Ты обладаешь добрым нравом, Саймон, и сроду никого не обидел. Уверен, это тебе зачтется. Знаешь, даже если адское пламя существует, нет человека, который заслуживает его меньше, чем ты, — добавил я, коснувшись рукой его плеча.

— Спасибо, мастер Шардлейк, — едва слышно пробормотал парнишка. — Надеюсь, вы правы.

Я неспешно вернулся к своей хижине. По пути я заметил нескольких человек, копавших очередную выгребную яму; к моему удивлению, среди них был Питер Боун.

Завидев меня, он слегка прищурился и кивнул:

— Да ниспошлет вам Господь доброго дня, адвокат Шардлейк. Как видите, я вновь выполняю обязанности землекопа.

Голос его звучал приветливо, однако в нем ощущалась некоторая настороженность, впрочем теперь, когда на нас обоих лежало подозрение в предательстве, в этом не было ничего удивительного.

— А я думал, вы сейчас занимаетесь военной подготовкой здесь или в Норидже.

— Где уж мне, хромоногому, воевать, — пожал он плечами и вытер со лба пот. — Все, что мне остается, — махать лопатой.

— Что ж, по крайней мере, вы будете в безопасности, — заметил я. — А работа землекопа чрезвычайно важна и необходима. Благодаря тому что в лагере достаточно выгребных ям, нам удалось избежать заразных болезней.

— Может, оно и так, — пробормотал Питер, пристально глядя на меня. — Но я предпочел бы сражаться. Теперь, когда я лишился и сестер, и своего дела, мне незачем дорожить жизнью. — В глазах его неожиданно вспыхнули гневные огоньки. — Возможно, если мы победим, протектор согласится выполнить наши требования. Тогда у всех нас появится надежда.

— Возможно, так оно и будет, — не стал спорить я. Питер отошел в сторону и вновь взялся за лопату.

Глава 63

На следующий день — а то был последний день июля — гроза так и не разразилась. Небо по-прежнему было затянуто тучами, жара и влажность стали еще невыносимее. Я проводил время в обществе Барака, без конца твердившего о своем желании сражаться; как и всем прочим, нам оставалось лишь ждать грядущей битвы. В то утро те, кому предстояло вступить в бой, принимали Святое причастие по новому английскому обряду; преподобный Коннерс служил у Дуба реформации, а прочие священники — в других местах. Преподобный Коннерс вызывал у меня симпатию; можно было не сомневаться, что, причащая повстанцев перед сражением, он рискует навлечь на себя серьезные неприятности со стороны церковных властей. Наблюдая, как он причащает людей, многим из которых предстояло погибнуть еще до наступления нового дня, я был поражен искренностью и глубиной его религиозного чувства. Среди тех, кто стоял в очереди, я заметил Нетти и Гектора Джонсона. Барак последовать их примеру не пожелал — равнодушие к религии, присущее моему другу смолоду, не изменило ему и сейчас.

Сам я последний раз причащался давным-давно и ни разу не делал этого по новому обряду. В последние годы правления старого короля соблюдать правила приходилось из политических соображений, дабы продемонстрировать свое благочестие. Ныне я ощутил, как душа моя возвращается в прошлое, в пору детства и юности, когда я не был еще убежденным протестантом, но, как и все в ту пору, незыблемо верил в догматы католической церкви. Мне припомнились те далекие светлые времена, когда, принимая облатку, тело Христово, я чувствовал, что таинственным образом воссоединяюсь с Богом. Нахлынувшие воспоминания немало удивили меня; мне казалось, что, став свидетелем бесчисленных злодеяний, творимых как протестантами, так и католиками во имя Божие, я безвозвратно утратил религиозное чувство. Но сегодня, подчинившись внезапному порыву, я присоединился к очереди ожидавших причастия. Мысль о том, что я не принадлежу к числу людей, которым сегодня предстоит рискнуть жизнью, заставила меня вспыхнуть от стыда; тем не менее я остался.

Настал мой черед, и преподобный Коннерс подал мне хлеб и вино со словами:

— Тело Господа нашего Иисуса Христа дается тебе во исцеление души и тела для жизни вечной. Кровь Господа нашего Иисуса Христа, пролитая за тебя, дается тебе во исцеление души и тела для жизни вечной.

И вновь, как прежде, я ощутил таинственное единение с Небом. Преподобный Коннерс кивнул мне и улыбнулся светло и радостно. Я поспешно отошел, дабы не задерживать других. Чувство, посетившее меня на мгновение, исчезло, успев, однако же, оставить в моей душе неизгладимый след.

Вместе с прочими обитателями лагеря, непригодными для битвы, — стариками, женщинами, ранеными, пострадавшими во время штурма Нориджа, — я направился к гребню холма. Барак, подойдя ко мне, сообщил, что Джозефина с ребенком остались в своей хижине; Джозефина, снедаемая тревогой за Эдварда, не хотела показываться на люди. Стоя на вершине, мы наблюдали, как вниз, сверкая шлемами, пиками и алебардами, стекает бесконечная живая река. Я увидел отряд, возглавляемый Гектором Джонсоном. За людьми следовали повозки с пушками, оставлявшие на дороге глубокие борозды; Саймон был среди тех, кто подбадривал выбивавшихся из сил лошадей. За пушками появилась группа всадников, вооруженных пиками. Впереди ехали братья Кетт и Джон Майлс; на лицах всех троих застыло суровое сосредоточенное выражение. Повстанцы громогласно приветствовали их. Людской поток не иссякал, хотя, по моим подсчетам, вниз спустилось уже не менее тысячи человек. Оказавшись у подножия холма, повстанцы занимали указанные им позиции на берегу и замирали в ожидании.

На вершине мы простояли почти весь день. Никаких признаков приближавшейся армии по-прежнему не наблюдалось. Устав от ожидания, я на какое-то время задремал. Меня разбудила Джозефина, поднявшаяся на гребень с Мышкой на руках. Я сообщил ей, что пока ничего не произошло, и она вернулась в хижину. Я вновь погрузился в дрему, из которой меня вывел бесцеремонный толчок. То был Барак, указывавший на дорогу, по которой во весь опор мчался верхом мэр Кодд в сопровождении нескольких повстанцев. Они пересекли

Епископский мост и въехали в распахнутые городские ворота. Мы с Джеком недоуменно переглянулись.

Вечером этого дня в лагере появился Эдвард Браун, пришедший лишь затем, чтобы успокоить жену, а потом вновь вернуться в город. Усевшись на пороге хижины, он обнял прильнувшую к нему Джозефину и приступил к рассказу о событиях, произошедших сегодня в городе:

— Прошлым вечером я проскользнул в Норидж с северной стороны, стена там во многих местах обвалилась. Наши люди собирались в богатых домах, хозяева которых дали из города деру. Мы ждали всю ночь и все утро. Наконец, вскоре после того, как церковные колокола пробили полдень, мы увидели на дороге клубы пыли. Это и была армия. Не меньше пяти сотен солдат в полном вооружении. Устрашающее зрелище, доложу я вам. Думаю, примерно такое же войско было брошено и против повстанцев из Оксфордшира. Они остановились где-то в миле от Нориджа и направили к воротам Святого Стефана посольство — какого-то человека в расшитой золотом мантии и еще нескольких, одетых попроще.

— Очередной королевский посланник? — осведомился я.

— Вроде того. Началась канитель, которая тянулась несколько часов подряд. Посланник, понятное дело, требовал, чтобы город был сдан без боя. Но Августин Стюард, который вышел ему навстречу, заявил, что решение о сдаче Нориджа может принять лишь мэр Кодд.

— Мне казалось, его держат под стражей во дворце графа Суррея, — заметила Джозефина. — Говорят, бедняга так напуган, что даже малость повредился в рассудке.

— Это чистая правда. Тем не менее мэра доставили в Норидж, чтобы он дал согласие сдать его, — усмехнулся Эдвард. — В общем, все шло именно так, как мы того хотели. По нашим планам армия Нортгемптона должна войти в город, который станет для нее ловушкой.

— Мы видели, как Кодд скакал в Норидж, и никак не могли взять в толк, зачем он там понадобился, — сообщил Барак.

— Кодд, разумеется, не стал чинить армии никаких препятствий. Августин Стюард вышел вперед и вручил Нортгемпτονу — низкорослому рыжебородому замухрышке — меч, символ городской власти. Рядом с Нортгемптоном стоял молодой граф Шеффилд и

отчаянно задирает нос. Про него рассказывают жуткие вещи: якобы он так избил свою любовницу, что она осталась изуродованной навеки. Ясное дело, после этого Шеффилд прогнал бедную женщину прочь. Но так или иначе, армия въехала в городские ворота. Я своими глазами видел этих итальянцев, о которых ходило столько разговоров. Их было несколько сот, и все они вырядились так, словно собрались на праздник, а не на войну: яркие дублеты с разрезами, чтобы видны были белые рубашки, а на шлемах — павлиньи перья. Но честно скажу, в седле они держались ловко. Ну а вслед за ними ехала наша норфолкская знать, решившая, что теперь можно ничего не бояться. — В голосе Эдварда слышалось откровенное презрение. — Сэр Джон Клир, сэр Генри Бедингфелд, сэр Ричард Саутвелл.

— Саутвелл? — переспросил я.

Мои предположения оказались верными. Он действительно вернулся в город вместе с армией.

— Ну да, куда же без него, — усмехнулся Эдвард. — Сэр Ричард ведь близок к Тайному совету и после смерти старого герцога стал чуть ли не самым важным человеком в Норфолке. Кстати, именно он внес меч в городские ворота, шествуя перед Нортгемптоном.

Я вспомнил свою встречу с Саутвеллом, выходящим из церкви Святого Михаила. По словам Кетта, он приезжал в лагерь, дабы заключить соглашение, которое обеспечило безопасность леди Марии и уберегло от разорения его собственные владения. Можно не сомневаться, меньше всего на свете Саутвелл хочет, чтобы этот тайный договор получил огласку. И все-таки у него хватило смелости вернуться в Норидж.

— Горожане не пытались сопротивляться? — спросил Барак.

— Нет. Нортгемптон и прочие вельможи отправились обедать в дом Августина Стюарда. От них, как и от их лошадей, буквально пар валил. Прodelать верхом путь из Лондона в такую жару — не шутка. А что до сопротивления — скоро они узнают, где раки зимуют. — Эдвард взял ребенка из рук Джозефины и прижал к себе. — Я не могу остаться здесь на ночь, любовь моя. Но не переживай, все идет как по маслу.

Поужинав вместе с нами у костра, Браун ушел. Джозефина отнесла задремавшую Мышку в хижину и сказала, что попытается уснуть сама. Барак тоже чувствовал себя усталым и намеревался лечь; в сгущавшихся сумерках я в одиночестве вернулся на свой

наблюдательный пост. Полчаса спустя я стал там свидетелем вспышки безудержной жестокости — единственной за все время существования лагеря. До меня долетели шум и отчаянные выкрики на чужом языке. Обернувшись, я увидел, как несколько повстанцев — все в латах, вооруженные пиками — тащат волоком молодого парня, одетого в точности так, как описывал Эдвард: в яркий дублет и шлем с павлиньими перьями. По лицу одного из мятежников текла кровь, у другого кровоточила рука, наспех перевязанная тканью. Я присоединился к толпе зрителей, привлеченных шумом.

— Посмотрите, какого петуха мы поймали! — крикнул один из повстанцев, светловолосый юнец.

— Кто это? — удивленно спросила одна из женщин. — Похож на бродячего фокусника!

— Это кусок дерьма! — презрительно бросил юнец. — Мы с парнями шли по северной части города и наткнулись на маленький отряд этих итальянских ублюдков. Разогнали их в разные стороны, а этого захватили в плен. И почему только говорят, что итальяшки хорошие солдаты? На самом деле они трусливы как зайцы.

Пленник что-то злобно крикнул по-итальянски и тут же получил удар пикой.

— Хватит верещать!

Один из повстанцев сбил с итальянца шлем и вырвал украшавшие его перья:

— Без этого дурацкого петушиного хвоста он вполне мне сгодится. Защитит башку лучше, чем мой прежний, помятый.

— Давайте разденем парня догола! — заорал светловолосый. — Их командира зовут Малатеста; говорят, это значит «скверные яйца». Посмотрим, каковы яйца у этого типа!

Его товарищи встретили это предложение взрывом хохота. Многие зрители смеялись тоже. Через несколько минут разорванная одежда итальянца уже валялась на земле, а сам он остался в нижнем белье, на котором темнели пятна пота. В следующее мгновение белье с него сорвали тоже, обнажив мускулистое тело, покрытое многочисленными шрамами, оставшимися от прошлых кампаний. Он попытался закрыть пах ладонями, но двое повстанцев отвели его руки и заглянули пленнику между ног.

— Обычное хозяйство средней руки, — разочарованно протянул один из них.

— Стыдитесь! — раздался голос тетушки Эверник, присоединившейся к толпе зрителей.

— Заткнись, старая карга, или недосчитаешься зубов! — рявкнул парень, раненный в руку. — Видела, что он со мной сделал? — Повстанец указал на свою рану.

Я тревожно озирался по сторонам, надеясь увидеть кого-нибудь из командиров, способных положить конец этой жестокой потехе.

— Что вы будете с ним делать? — спросил кто-то из зрителей. — Отведете во дворец графа Суррея?

— Нет, слишком много чести! Мы его просто-напросто вздернем на стене! — с жуткой ухмылкой сообщил светловолосый.

Повернувшись к пленнику, он, по-прежнему ухмыляясь, нарисовал в воздухе петлю. Глаза итальянца расширились от ужаса.

— Как бы нам не навлечь неприятностей на свою голову! — задумчиво произнес один из повстанцев.

— Да эти ублюдки-итальяшки наверняка убили пропасть славных норфолкских парней! — взревел белобрысый, поворачиваясь к товарищу. — Неужели мы теперь будем разводить с ним церемонии?

— Если об этом узнает капитан Кетт, вам не поздоровится! — выкрикнул из толпы какой-то старик. — Он запретил убивать пленных!

Я не спешил вмешиваться, ибо понимал, что ненависть, которую повстанцы питали к наемникам, может излиться на всякого, кто попытается спасти итальянца от расправы. Тем не менее, пересилив себя, я все-таки сделал шаг вперед. И заявил:

— Этот человек совершенно прав. Капитан Кетт распорядился доставлять всех пленных во дворец графа Суррея. Ни один из них не должен быть убит.

— Заткнись, чертов горбун! — взревел повстанец, раненный в руку. — Твои паскудные дела нам хорошо известны. Из-за тебя моего приятеля Силаса обвинили в воровстве и вышвырнули из лагеря прочь. Хоть ты и вырядился, как простой человек, ты один из этих сволочных джентльменов и всячески изворачиваешься, чтобы только им угодить. С какой стати ты вздумал заступаться за эту гниду?

— Если вы его убьете, капитан Кетт вас накажет, — отчеканил я.

— Никакого капитана Кетта здесь нет! — процедил один из повстанцев. — Хватит уже разговоров! Вздернем эту мразь, и делу конец!

Пленника увели. Один из парней поднял с земли его сапоги, другой схватил стальной нагрудник, третий — разорванный дублет и штаны. Мне оставалось лишь следовать за толпой, которая двинулась в сторону дворца графа Суррея. Вскоре итальянец и его мучители скрылись за высокими стенами. Через несколько минут я увидел на вершине стены нескольких человек. Они волокли пленника, на шею которого уже накинули петлю. Привязав другой конец веревки к одной из статуй, украшавших стену, повстанцы толкнули свою жертву вниз. Обнаженное тело несколько раз дернулось и безжизненно обвисло. Все произошло ужасающе быстро. Довольные зрители кричали, свистели и улюлюкали.

— Господи, война всегда превращает людей в зверье, — пробормотала тетушка Эверник, стоявшая рядом со мной.

— Некоторые люди всегда остаются людьми, — ответил я, глядя в темноту, усеянную огоньками костров; издали доносились глухие раскаты грома.

Глава 64

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз, томимый воспоминаниями о жутком происшествии. Выйдя из хижины, я уселся на кочке, поросшей травой, и устремил взгляд на Норидж. Стояла глухая ночь, беззвездная и безлунная, ибо небосвод был плотно затянут тучами. Мир и покой, воцарившиеся в моей душе после причастия, ныне исчезли безвозвратно. Сумрак рассекали лишь отсветы огромного костра, полыхавшего в городе, насколько я мог судить, на рыночной площади. Внезапно тишину взорвал оглушительный грохот, заставивший меня подскочить: это наша пушка нанесла по городу первый удар, знаменующий начало битвы. Несколько минут спустя до меня донеслись воинственные крики, и я, ничего не видя в темноте, догадался, что повстанцы устремились по мосту к городским воротам. Время для атаки было выбрано весьма удачно; в отличие от солдат Нортгемптона, жители Нориджа прекрасно ориентировались на городских улицах даже в кромешной тьме. Я опустил голову на руки, думая о своих друзьях: Саймоне и Нетти, Гекторе Джонсоне и Эдварде Брауне.

Через некоторое время все стихло. Я с нетерпением ждал рассвета, который, казалось, нарочно медлил, точно так же как и гроза, которую предвещали отдаленные раскаты грома. Возможно, на этот раз гроза пройдет мимо, подумал я.

Наконец рассвело. Стоило мне бросить взгляд вниз, как сердце мое мучительно сжалось. Вне всякого сомнения, атака оказалась безуспешной. У подножия холма колыхалось людское море — необозримая толпа повстанцев. На траве валялись тела убитых, в стороне перевязывали раненых. Однако я догадался, что, как и во время первого штурма Нориджа, значительная часть нашего воинства находится в резерве. Из северной части города, от Покторпских ворот, долетел звук трубы, и с вершины вниз устремился мощный людской поток. Вновь раздались пушечные удары, более мощные, чем прежде. Выстрелы были нацелены на стены Большого госпиталя; я видел, как они рухнули под градом ядер. Несколько тысяч человек пересекли мост и ворвались в Норидж. Сперва я никак не мог понять, почему канониры избрали себе именно эту цель, но затем сообразил: Холм-стрит с одной

стороны ограждали мощные стены собора, а с другой — стены госпиталя. Это позволяло солдатам Нортгемптона превратить улицу в ловушку для нашей армии. Однако теперь, когда стены госпиталя рухнули, ничто не мешало повстанцам вырваться на просторы полей, расстилавшихся за Холм-стрит.

«Да, горожанам, дома которых находились поблизости, не позавидуешь, — пронеслось у меня в голове. — Впрочем, вполне возможно, что их предупредили заранее и они заблаговременно покинули свои жилища».

Не менее трех тысяч человек — наш резерв, — спустившись с холма, устремились в город, дабы вступить в схватку с армией Нортгемптона. Многие дома, стоявшие вдоль Холм-стрит, были охвачены пламенем; я не мог решить, подожгли их случайно или намеренно. Мятежники наступали, продвигаясь на запад, в сторону пустоши Святого Мартина. Там завязалась рукопашная, продолжавшаяся несколько часов подряд. К полудню войска Нортгемптона дрогнули; со своего наблюдательного пункта я видел, как они сначала отступили к площади Тумлэнд, а потом направились к замку.

На исходе дня мятежники, изможденные, покрытые кровью и грязью, начали возвращаться в лагерь. Некоторые хромали, другие, не в силах нести оружие, волочили его по земле. Вернувшихся было мало, что наводило на мысль об огромных потерях. Однако Нетти сообщил мне, что многие из наших остались в Норидже вместе с братьями Кетт, дабы поддерживать в городе порядок и обеспечивать раненым должный уход. От него я узнал также, что в боях погибло не менее четырех сотен повстанцев, хотя потери, которые понес неприятель, превосходят наши чуть ли не в два раза. Проиграв схватку на пустоши Святого Мартина, армия Нортгемптона целиком обратилась в бегство. Вечером мы вновь отправились к склону, откуда открывался вид на Норидж. Дома на Холм-стрит по-прежнему горели, и я видел, что пожары полыхают по всему городу. На память мне пришло, что лет тридцать назад большинство нориджских домов было уничтожено опустошительным огнем; увы, судя по всему, ныне городу угрожала подобная участь. К нам присоединилась Джозефина с Мышкой на руках. Впервые за много дней она казалась спокойной, ибо Нетти сообщил ей, что видел Брауна,

живого и здорового, в обществе Майкла Воувелла и Тоби Локвуда, также целых и невредимых. По словам юноши, Эдвард попросил его успокоить Джозефину и передать жене, что армия Нортгемптона бежала, а город всецело в наших руках.

Маленькая Мышка уснула у меня на коленях. Нетти, устроившись рядом на земле, негромко рассказывал о событиях минувшего дня:

— В первой атаке, ночной, я не участвовал. Для нее отбирали лишь тех, кто хорошо знает город и может ориентироваться в темноте. Армия Нортгемптона устроила лагерь на рыночной площади. Они развели там громадный костер, так чтобы он освещал прилегающие улицы, и, конечно, выставили караульных.

Я вспомнил, что трактир, в котором остановились Изабелла и Чаури, находится как раз на рыночной площади.

— А что случилось с людьми, которые жили по соседству?

— Они сделали то, что сделал бы каждый на их месте, — заперли двери своих домов и опустили ставни на окнах. Насколько мне известно, никто из них не пострадал. Так вот, наши ворвались в город и бросились к площади. Они кричали: «К оружию, к оружию!» — рассчитывая запугать врага. Но хотя темнота на улицах была нам на руку, когда завязалась схватка, мы потеряли многих. У них, конечно, тоже были убитые, но меньше, чем у нас.

Нетти смолк и устремил взгляд к стенам, окружавшим дворец графа Суррея. Обнаженное тело итальянского наемника по-прежнему болталось в петле. Я рассказал ему о расправе, свидетелем которой мне довелось стать. Выслушав меня, Нетти равнодушно пожал плечами:

— И поделом ему. Они убили множество наших.

— Война меняет людей, — вздохнула Джозефина. — Когда я была маленькой девочкой, я своими глазами видела это во Франции. Мужчины забывают о том, что такое жалость. — Она посмотрела вдаль, на огни Нориджа. — Солдаты с радостью проливают чужую кровь и сжигают чужие дома. От деревни, где я жила с родителями, остались лишь горы пепла.

Несколько мгновений мы все хранили молчание. Потом Нетти продолжил свой рассказ:

— А утром мы начали еще одну атаку, главную. Но прежде наши друзья в городе сказали Нортгемпτονу, что у Покторпских ворот якобы собралась огромная толпа повстанцев. Мы надеялись, что он клюнет на

эту хитрость и пошлет туда большую часть своей армии. Но он отправил к воротам лишь нескольких человек и с ними — королевского посланника и трубача. Услышав звук трубы, наши люди начали спускаться с холма. Новый посланник повторил то, что говорил прежний: обещал нам помилование, если мы разойдемся. Но ему объяснили, что он зря обзывает нас изменниками: мы свято храним верность королю. Изменники — это те, кто попирает закон и творит несправедливость.

— Верно, — кивнула Джозефина.

— В общем, от всех этих разговоров не было никакого проку! — усмехнулся Нетти. — Тут как раз шарахнули пушки, госпитальные стены рухнули, и мы ворвались в Епископские ворота. Да, вот это была битва так битва! — Голос его зазвенел от волнения. — Я и думать не думал, что когда-нибудь увижу такое. Бог свидетель, наши показали себя настоящими храбрецами. Никто из них не дрогнул. Говорят, мастер Фалк прикончил графа Шеффилда в схватке на Холм-стрит. Мы прорвались к пустоши за церковью Святого Мартина. Там собрались их главные силы. Они пальнули по нам из пушек, но нас это не остановило. Когда дошло до рукопашной, итальянцы оказались куда смелее, чем англичане. Наверняка многих солдат Нортгемптона заставили воевать против нас их господа, и они сражались без всякого пыла. — Нетти сжал кулаки. — Именно поэтому мы и выиграли битву. Ну еще, конечно, потому, что нас было намного больше и за последнюю неделю все мы научились владеть оружием. Слава богу, у нас было время подготовиться.

Парнишка смолк, тяжело переводя дыхание. Джозефина коснулась его плеча, побуждая продолжить рассказ.

— Бой длился несколько часов. Все смешались в кучу, люди рубили друг друга мечами и кололи пиками. Я своими глазами видел, как один из наших снес врагу голову мечом. Другому отрубили ногу до колена, и он упал, обливаясь кровью. — Нетти на мгновение прикрыл глаза. — Наконец армия Нортгемптона обратилась в бегство. Мы преследовали их, гнали по улицам до рыночной площади, а потом до замка. Они сгрудились в воротах, как стадо баранов, простые солдаты вперемешку с самыми богатыми нориджскими дворянами. — Помолчав, парень произнес: — Я убил четверых. И многих ранил.

— Ты не знаешь, что случилось с Саймоном?

— Я видел его только утром, около лошадей, — покачал головой Нетти.

— А Гектор Джонсон? Его ты видел?

— Да, он командовал своим отрядом. На моих глазах они схватились с врагом — с целой сворой головорезов Саутвелла. Среди них был парень с парой огромных родимых пятен на лице, Аткинсон. Помните, мой друг рассказывал, как он пытался утопить тело убитого подмастерья?.. Этих чертовых близнецов я тоже видел не раз, — помолчав, добавил Нетти. — Они дрались как черти. Всегда вместе, плечом к плечу. И все время улыбались, словно битва для них — это забава. — Рассказчик перевел дыхание. — Аткинсон и его приспешники окружили Гектора Джонсона. Он наносил удары мечом направо и налево, но им удалось сбить его с ног. А потом они... они зарубили его до смерти. — Мальчишка судорожно сглотнул. — Мастер Джонсон был уже старый, но погиб как герой. Как настоящий герой.

Я перевел взгляд на Джозефину.

— Да упокоит Господь его душу, — едва слышно прошептала она.

Нетти закрыл лицо руками и разрыдался. Джозефина прижала его к себе. Я вспомнил свою первую встречу с Гектором, которому поручили меня караулить. Вспомнил рассказы Джонсона о сражениях, в которых ему довелось участвовать, и о семье, которую он потерял. Вспомнил, с какой грубоватой заботой этот человек относился к Саймону и Нетти. Что ж, оставалось лишь надеяться, что тело старого солдата будет должным образом предано земле.

Мы еще долго сидели, глядя на городские огни, сиявшие в темноте.

— Наверное, теперь, после того как армия потерпела поражение, Тайный совет выполнит наши требования? — спросила Джозефина.

— Надеюсь, так оно и будет, — ответил Барак. — Если только протектор не отзовет армию из Шотландии и не двинет ее на нас.

— Подобный поворот событий вполне возможен, — заметил я вполголоса, так чтобы не слышала Джозефина.

За разговором мы совершенно перестали обращать внимание на то, что творится в природе. Внезапно темное небо разрезала ослепительно-яркая вспышка молнии, за которой последовал оглушительный раскат грома, прогрехотавший прямо над головой. В следующее мгновение хлынул ливень, еще более сильный, чем две недели назад; дождевые

струи стояли сплошной стеной, не позволяя рассмотреть, что творится в ярде от тебя. Джозефина выхватила у меня Мышку, прижала к груди и помчалась в лагерь. Мы с Нетти и Бараком бежали за ней, шлепая по жидкой грязи, в которую моментально превратилась земля. К счастью, дождь длился менее часа, впрочем даже за это время он успел произвести в лагере немало разрушений.

Когда я отважился высунуть нос из хижины, на прояснившемся небе сиял месяц, а воздух был свеж и неожиданно прохладен. Невзирая на бесчисленные лужи, я вновь отправился к вершине холма. Ливень был так силен, что погасил костры, горевшие на улицах Нориджа; как утверждали впоследствии наши недруги, это был знак, что Господь против бунтовщиков.

До меня донеслись голоса, скрип колес и топот лошадиных копыт. Несколько повстанцев, изможденных и грязных, вели под уздцы лошадей, тащивших повозки с пушками. Усталые животные беспокоились из-за грозы, и их приходилось всячески понукать и уговаривать. Я вздохнул с облегчением, увидав Саймона Скамблера, целого и невредимого, хотя и заплаканного.

— Это пушки маркиза Нортгемптона, приятель! — радостно сообщил один из повстанцев. — Теперь они наши!

Глава 65

Победа над войсками Нортгемптона стала кульминацией восстания. Хотя мы многократно превосходили неприятеля численностью, многие из мятежников еще были зелеными новобранцами, всего лишь месяц назад впервые взявшими в руки оружие, и то, что они сумели разгромить правительственную армию, в рядах которой было немало опытных в военном деле наемников, стало настоящим подвигом. Простые люди Норфолка сражались за свою свободу, и это придавало им мужества.

Однако после изгнания неприятеля из Нориджа обстоятельства повернулись в нелучшую для нас сторону. На обратном пути в Лондон армия Нортгемптона успешно атаковала повстанческий лагерь в Тетфорде, и на Маусхолдском холме вновь появились беженцы, многие из которых были ранены. Погода тоже переменилась; после грозы, разразившейся в день битвы, стало заметно холоднее. Солнечные дни теперь выдавались редко, постоянно моросил дождь, прилетевшие с северо-востока пронзительные ветры дышали осенью. Люди, прежде изнемогавшие от жары, теперь без конца сетовали на холод и сырость. Правду сказать, ненадежные наши жилища плохо защищали от капризов погоды, а заниматься военной подготовкой под дождем и ветром было мучительно.

В первый вечер после сражения и на следующий день повстанцам, донельзя усталым и нуждавшимся в отдыхе, вновь пришлось исправлять разрушения, причиненные грозой. К счастью, песчаная почва быстро впитывала влагу. Тем не менее многие хижины были затоплены, а пожитки их обитателей промокли насквозь. По лагерю пронесся слух, что завтра, в субботу, нориджский рынок будет открыт, и люди рассчитывали купить себе новую одежду взамен испорченной. Настроение, царившее в лагере, представляло собой странную смесь ликования и печали, ибо победа была одержана дорогой ценой: погибло триста пятьдесят человек, и многие оплакивали потерю друзей и родных.

Что до меня, то я испытывал настоятельную потребность побывать в Норидже. Мне не терпелось узнать, что случилось с Николасом, Изабеллой, Чаури и Джоном Болейном. Однако Эдвард Браун,

появившийся в лагере вечером после битвы, упорно советовал мне воздержаться от похода в город, по крайней мере в ближайшие дни. Роберт Кетт, как выяснилось, обосновался в кафедральном соборе, где и устроил свой штаб. По словам Эдварда, Кетт не сомневался, что отныне все важные посты в городе будут занимать его соратники; тем не менее Августин Стюард, сваливший всю ответственность за сдачу Нориджа на мэра Кодда, сохранил свою должность. В соборе находятся раненые, численность которых превышает три сотни, сообщил Эдвард; городские лекари оказывают им помощь. Во дворе собора устроили конюшню. Епископ Рагге до поры до времени затаился в своем доме. Кетт отдал приказ, согласно которому конфискации подлежит имущество лишь тех горожан, которые пособничали нашим врагам; но, несмотря на это, некоторые повстанцы хватают все, на что положили глаз. Впрочем, Кетт уже организовал патрули, которые должны прекратить грабежи и восстановить в Норидже порядок. К тому же им предстоит убрать и похоронить множество трупов — человеческих и лошадиных, — которые сейчас валяются на городских улицах.

Слушая Брауна, я то и дело бросал обеспокоенные взгляды на Саймона Скамблера, сидевшего с нами у костра. Мальчишка бессмысленно озирался по сторонам, размахивая руками и напевая обрывки каких-то песен.

— Заткни свою чертову пасть! — донеслось из ближайшей хижины.

— Сегодня ему пришлось еще тяжелее, чем в прошлый раз, — вполголоса заметил Браун. — Слишком много крови. Думаю, когда вы пойдете в Норидж, вам стоит захватить Саймона с собой. Пусть ухаживает за лошадьми, которые стоят во дворе собора. Это поможет ему прийти в себя.

Джозефина, как видно догадываясь, что нам с Эдвардом нужно переговорить о вещах, не предназначенных для ее ушей, все это время оставалась в хижине, а теперь присоединилась к нам.

— Что творится с Саймоном? — спросила она, вытирая руки о фартук.

— Он всего лишь увидел собственными глазами, что в сражениях люди проливают кровь и погибают, — не без раздражения ответил Эдвард.

Страх, который война внушала Джозефине, вызывал у него сочувствие, ибо она была женщиной; однако подобный страх отнюдь не пристал взрослым мужчинам, а Скамблера уже нельзя было считать ребенком.

Джозефина, слегка нахмурившись, подошла к Саймону.

— Привет, парень, — сказала она. — Вижу, у тебя глаза на мокром месте. Расскажи мне, что случилось.

— Сегодня я снова видел, как люди распадаются на части, а из их тел хлещет кровь, — дрожащим голосом ответил мальчишка. — Бедный, бедный Гектор Джонсон! — пробормотал он, уронил голову на руки и разрыдался.

Джозефина заключила его в объятия. Саймон, казалось, был слегка удивлен, — возможно, прежде никто и никогда не обнимал его. Однако, мгновение поколебавшись, он тоже обнял ее.

— Плачь, если тебе хочется, приятель, — негромко произнесла она. — Таких слез нечего стыдиться. Когда я была маленькой девочкой, я насмотрелась во Франции подобных ужасов. Но теперь это все позади.

Саймон лишь всхлипывал, прижимаясь к ее груди.

— Позади? — эхом повторил Барак; он снял свой протез и потирал культю, которая всегда ныла к перемене погоды. — Хорошо, кабы так!

В течение двух следующих дней я, следуя совету Брауна, не покидал Маусхолдский холм. Сам Эдвард вернулся в Норидж уже на следующее утро. Военных учений в тот день не было: командиры поняли, что людям необходимо дать передышку. Погода оставалась пасмурной, ветер дышал прохладой. Пытаясь развеяться, я отправился на прогулку. Проходя мимо дворца графа Суррея, я заметил, что труп итальянского наемника исчез. Обитатели лагеря сидели у порога своих хижин, глядя в затянутое серыми тучами небо. Я присоединился к повстанцам, устроившимся вокруг костра. Какой-то парень лет тридцати рассказывал, что из деревни, где осталась его семья, доходят скверные вести: такого плохого урожая, как нынешний, не было много лет подряд, а вчерашний ливень, положивший колосья, лишь усугубил дело. Его товарищ заметил, что теперь правительство наверняка двинет на нас войско во много раз больше прежнего; по слухам, в Девоне против повстанцев было брошено десять тысяч солдат.

— С такими полчищами нам будет справиться потруднее, — угрюмо пробормотал он.

Третий, зеленый юнец, пребывал в более радужном настроении.

— Хватит вам ныть! — воскликнул он. — Мы победили, и скоро вся страна будет наша. Капитан Кетт собирается захватить Ярмут.

По существующим в лагере обычаям вмешиваться в разговоры незнакомых людей отнюдь не считалось невежливым. Поэтому я позволил себе сказать, что, хотя провизии в лагере хватает, никто из нас давным-давно не пробовал знаменитой ярмутской селедки.

— Ничего, скоро мы полакомимся ею вдоволь! — заявил юнец.

Я заметил на его грязной рваной рубашке пятна крови, говорившие о том, что он участвовал во вчерашнем сражении.

Парень, жаловавшийся на плохой урожай, пошевелил палкой тлеющие в костре угли.

— Какое бы войско против нас ни двинули, мы будем сражаться до конца, — произнес он. — Мы зашли слишком далеко, чтобы поворачивать вспять. И даже если нас ждет поражение, хотя я в это не верю, мы оставим о себе долгую память! А вы что на это скажете, мастер горбун?

— Не думаю, что в ближайшее время на нас двинут армию, — пожал я плечами. — Для того чтобы ее собрать, потребуется несколько недель. К тому же правительству придется отзывать солдат из Шотландии.

— Верно, приятель! — воскликнул юнец. — Бояться нам нечего.

— Простите, что назвал вас горбуном, — пробормотал парень постарше.

— Ну так я и есть горбун, — усмехнулся я.

В те дни в лагере появились случаи дезертирства, хотя и немногочисленные. Некоторые повстанцы стремились вернуться домой, чтобы помочь своим семьям в уборке скудного урожая, другие опасались новых атак правительственных войск. Тем не менее численность обитателей Маусхолдского холма только выросла благодаря беженцам из других, уничтоженных лагерей. В большинстве своем оставшиеся были убеждены, что новых крупных сражений в ближайшее время ожидать не приходится: вряд ли протектор решит отозвать войска из Шотландии и двинуть их на Норидж. Скорее уж,

полагали люди, он попытается договориться с нами миром и выполнить наши требования. Впрочем, были и такие, кто считал столкновение с новой, более многочисленной правительственной армией неизбежным; они не сомневались, что мы сумеем одержать очередную победу, вновь превратив Норидж, узкие улочки которого были нам хорошо знакомы, в ловушку для врагов. И те и другие были едины в том, что пути назад у нас нет и вскоре восстание охватит всю страну.

Самозваные проповедники вещали теперь чуть ли не на каждом углу. Господь стоит за простых людей, утверждали они. Он помог нам обратиться в бегство армию Нортгемптона и поможет разгромить неприятельское войско вновь, даже если оно возрастет многократно. Как Давид одолел Голиафа, так и мы одержим победу над нашими врагами, провозглашали проповедники. К тому же по лагерю распространялись неуклюжие вирши, сочинители коих заходили так далеко, что предрекали падение короля Эдуарда, опираясь на пророчества Мерлина, а также древних царей Гога и Магога. Листки с этими стихами приносили в лагерь бродячие торговцы, их передавали из рук в руки, грамотные читали их вслух своим товарищам. На моей памяти такое уже случалось: в 1536 году, во времена «Благодатного паломничества», сочинители безымянных памфлетов предсказывали скорое падение короля Генриха. Всякий, у кого обнаруживали подобные, с позволения сказать, пророчества, мог дорого за это заплатить.

Один из таких листков я показал Эдварду Брауну, который пришел в лагерь навестить семью.

Доставай скорей дубину,
Пойдем мы в Дассина долину!
Там свою покажем силу,
Насадив врагов на вилы!

— Думаю, эти стишки помогают людям воспрянуть духом, — расхохотался он.

— Для того чтобы люди воспрянули духом, они должны быть уверены, что командиры сумеют привести их к победе, — возразил я. — А от подобной чепухи проку немного.

— Для вас, образованных людей, это, конечно, чепуха, — пожал плечами Браун.

— И где, скажи на милость, находится долина Дассина?

— Кто его знает? Хотя Дассин — довольно распространенная фамилия в Норфолке. Наверняка подобное название тоже встречается здесь часто. Да и не все ли равно, где это на самом деле.

— Если нам и правда предстоит сражение с правительственной армией, эти стишки могут повлиять на выбор места битвы.

— Неужели вы считаете Майлса и его командиров законченными болванами? — нахмурился Эдвард. — Можете не сомневаться: коли дело дойдет до сражения, Кетт и Майлс не будут принимать в расчет подобные выдумки. Они доказали, что умеют воевать. И уж конечно, сумеют привести нас к победе.

С этими словами Браун повернулся и скрылся в хижине Джозефины.

В воскресенье я, по своему обыкновению, вновь отправился прогуляться по лагерю. Военные учения возобновились, сотники обсуждали хозяйственные вопросы с деревенскими старостами. То и дело я останавливался, дабы принять участие в том или ином разговоре. Хотя повсюду царило беспокойство, порожденное полной неизвестностью о дальнейших планах протектора, в большинстве своем повстанцы оставались такими же приветливыми и дружелюбными, как прежде. Тревога о будущем не лишала людей жизнерадостности и сознания того, что они обрели наконец желанную свободу. Все мятежники были вполне довольны своими убогими жилищами, и я догадывался, что прежде им приходилось жить в еще более суровых условиях. Со всех сторон я слышал истории об отнятых землях и возросшей арендной плате, о несчастьях, от которых бедняки, чье имущество состояло лишь из коровы, лошади или нескольких овец, уже не могли оправиться. Главным, наиболее приятным предметом разговоров в лагере была еда. Многие в жизни не ели так сытно, как здесь, и при виде загонов, в которых разгуливали овцы, свиньи, куры и даже олени, сердца людей наполнялись радостью.

Проходя мимо хижин, сгрудившихся вокруг приходского флага Южного Бриквелла, деревни Вайтерингтона, я вспомнил крестьянского парня, которому братья Болейн проломил голову. «Всего лишь

крепостной» — так они отозвались о своей жертве. Здесь, в лагере, не существовало никакой разницы между крепостными, привязанными к своей земле, и всеми прочими. В списке требований, который повстанцы направили протектору, освобождение крепостных было одним из главных пунктов. Но на Маусхолдском холме они уже обрели свободу.

На следующий день, пятого августа, я наконец отправился в Норидж в обществе Барака и Саймона. По моему настоянию с нами пошел и Нетти, так как рана, которую он получил в последней битве, гноилась и никак не хотела заживать. С большой неохотой парень позволил мне осмотреть свою опухшую руку, и вид раны порядком меня встревожил.

— Тебе необходимо побывать у лекаря, — заявил я непререкаемым тоном.

— Ни к чему поднимать канитель из-за подобной ерунды, — возразил он. — Заживет как на собаке.

Но в больших карих глазах Нетти плескалась боль, заставившая его уступить моим настояниям. На дороге, ведущей к подножию холма, царило оживление: в тот день многие обитатели лагеря вознамерились побывать в городе. Минувшим вечером каждый из повстанцев вновь получил небольшую сумму денег, и теперь люди собирались купить на базаре теплую одежду. Саймон суетился вокруг еле плетущегося Нетти; то, что к мальчугану вернулась способность беспокоиться о других, было добрым знаком, хотя я понимал, что он еще не скоро оправится от полученного потрясения.

— Скажите, ведь сегодня не будет никакого сражения? — громко спросил Скамблер, увидев идущую по дороге толпу.

Тоби Локвуд, оказавшийся рядом, услышав этот вопрос, бросил на Саймона презрительный взгляд.

— Конечно нет, — ответил я. — Все эти люди идут на рынок за покупками.

Хотя сам я отнюдь не принадлежу к числу храбрецов, излишняя впечатлительность мальчишки начала меня раздражать. Впрочем, напомнил я себе, всему виной та жизнь, которую бедняга вел до прихода в лагерь, — жизнь, исполненная страхов, обид и притеснений.

Епископский мост был цел и невредим, но в некогда грандиозную сторожевую башню попало несколько пушечных ядер, превративших ее в руины. Не только деревянные балки, но даже камни, из которых она была сложена, почернели от дыма. Свинцовая крыша частично расплавилась, отвалившиеся куски свинца валялись на земле. Один из повстанцев поднял такой кусок, повертел его в руках и швырнул в реку. У развалин башни стоял караул. Мы присоединились к людскому потоку, втекающему в городские ворота; я с беспокойством поглядывал на башню, опасаясь, что она рухнет нам на голову.

Холм-стрит являла собой картину полного разорения. Собор, разумеется, стоял на своем месте, но дома по обеим сторонам улицы были почти полностью уничтожены огнем; таверна «Голубой кабан», где некогда жил Барак, превратилась в бесформенную грудку камней, стена Большого госпиталя и примыкающие к ней дома были полностью разрушены пушечными ядрами. Я не мог не восхититься меткостью, которую проявили наши канониры.

Толпа становилась все больше; при этом одни с ужасом озирались по сторонам, а другие радовались печальной участи, постигшей богатые особняки. На булыжной мостовой темнели пятна запекшейся крови, при виде которых Саймон поспешно отворачивался. Чем ближе мы подходили к пустоши Святого Мартина, тем чаще нам попадались подобные пятна, так же как и раздувшиеся трупы убитых лошадей. Дойдя до площади Тумлэнд, мы увидели, что ворота трактира «Девичья голова» заперты на засов, а ставни на окнах плотно опущены. Ворота, ведущие во внутренний двор особняка Августина Стюарда, были сожжены дотла; неподалеку стояла телега, груженная всяким добром, вне всякого сомнения краденым. Несколько повстанцев придирчиво осматривали ее содержимое. Да, никак нельзя сказать, что приказы капитана Кетта выполняются неукоснительно, подумал я. В душу мою впервые закралось сомнение в том, что Кетт способен направить стихию восстания в нужное ему русло.

Мы с Баракком, Саймоном и Нетти пересекли Тумлэнд и через широко распахнутые Эпингемские ворота вошли во двор собора. Двери собора тоже были открыты, хотя около них стояли караульные. Я предъявил им свой пропуск, и нам позволили войти внутрь, под высокие гулкие своды. Справа от дверей была устроена деревянная загородка, где стояло несколько десятков лошадей, с удовольствием

жующих сено. Слева на соломенных тюфяках лежало множество раненых; некоторые из них кашляли и стонали от боли, другие как ни в чем не бывало играли в карты. Один из тюфяков был отделен от других холщовым занавесом, укрепленным на двух шестах; оттуда доносились приглушенные крики и визг пилы, рассекающей человеческую кость. Здесь, в огромном пространстве собора, эхо, подхватывая эти звуки, делало их особенно жуткими. Женщины в белых чепцах ходили между ранеными, разнося кружки с легким пивом; какие-то люди, как видно городские цирюльники, владевшие искусством хирургии, занимались перевязками. Я увидел знакомую худощавую фигуру доктора Белайса, а рядом с ним — еще двух медиков. Аромат ладана, прежде витавший в соборе, исчез, уступив место другим запахам — конского навоза и человеческой крови. У входа в боковую часовню, охраняемого двумя солдатами, стояли люди, ожидающие своей очереди зайти. Я догадался, что именно там расположился Роберт Кетт.

— Саймон, может, подойдешь к конюхам и предложишь им свою помощь? — спросил я. — Наверняка работы у них хватает.

Старательно отводя глаза от раненых, Скамблер юркнул за деревянную загородку. Мы с Баракком и Нетти, осторожно лавируя между тюфяками, направились к доктору Белайсу, который был занят тем, что перевязывал рану на голове одного из повстанцев. Когда он повернулся к нам, я поразился тому, как сильно он изменился. В те дни, когда доктор лечил меня, лицо его, как правило, светилось приветливостью и добродушием; теперь на нем застыло выражение усталости, растерянности и страха, в глазах полыхали злобные огоньки.

— Вижу, вы по-прежнему с Кеттом и его приспешниками, — процедил медик, поджав губы.

— Да ниспошлет вам Господь доброго утра, доктор Белайс, — невозмутимо ответил я. — Мой юный друг был ранен в руку, и состояние его раны внушает мне опасения. Надеюсь, вы не откажетесь осмотреть ее.

Я указал на Нетти, однако доктор Белайс, не удостоив его взглядом, продолжал буравить меня глазами.

— Поистине, наглость, присущая изменникам, не знает границ, — пробормотал он. — На этот раз вы не только захватили Норидж, но и прогнали прочь армию, посланную королем. Вы разрушили и сожгли большую часть города, вы творите грабежи и бесчинства. Неужели вы

надеетесь, что вам удастся избежать возмездия за все это? — Голос его дрогнул. — Меня силой принудили лечить этих людей. Ваши товарищи угрожали сжечь мой дом, если я этого не сделаю. Но с какой стати вы вообразили, что я буду выполнять ваши приказы?

Я смотрел на него, не зная, что сказать. Несомненно, пережитые испытания изменили не только обитателей лагеря, но и состоятельных горожан. Доктор Белайс, душевно расположенный ко мне каких-нибудь полтора месяца назад, ныне считал меня своим злейшим врагом.

— У меня и в мыслях не было отдавать вам приказы, — сказал я наконец. — Но я полагаю, вы не откажетесь оказать помощь человеку, который в ней нуждается.

Белайс еще плотнее сжал губы и покачал головой. Я уже думал, что он прогонит нас прочь, но он сделал Нетти знак подойти. Парень обнажил свою красную распухшую руку; доктор принялся ее ощупывать, заставляя Нетти морщиться от боли.

— Вне всякого сомнения, стрела была отравлена, — буркнул он. — Все, что тут можно сделать, — промывать рану как можно чаще.

Врач указал на старуху, сидевшую чуть в стороне на деревянной табуретке. У ног ее стояла корзина, наполненная бутылочками и склянками.

— Она торгует всякими снадобьями и притираниями, и некоторые из них бесполезны — например, уксус. У вас в лагере есть цирюльники, обученные хирургии?

— Да.

— Обратитесь к ним. Если рана и дальше будет гноиться, есть только один способ предотвратить заражение крови — отрезать парню руку, как тому бедолаге, что верещит сейчас за занавесом. Тогда у вас будут два одноруких приятеля, — усмехнулся медик, бросив взгляд на Барака.

Нетти побелел как мел.

— Я был о вас более высокого мнения, доктор Белайс, — произнес я дрожащим от гнева голосом.

Однако он и бровью не повел.

Я указал Джеку на старую торговку:

— Иди купи уксуса. И лаванды, если она у нее найдется, — добавил я, вспомнив, что Гай частенько прибегал к этому средству. — А я тем временем попытаюсь поговорить с Кеттом.

Мне повезло. Караульные беспрепятственно пропустили меня в боковую часовню, и я увидел Роберта, сидевшего за столом, заваленным бумагами. Рядом стоял Майкл Воувелл. Несмотря на одержанную победу, лица у обоих были задумчивые и озабоченные.

— Капитан Кетт, — негромко окликнул я.

— Хорошо, что вы пришли, адвокат Шардлейк, — бросил он, поворачиваясь ко мне. — Мне нужно с вами поговорить. Завтра мы возобновим суды у Дуба реформации. Я вновь буду председателем и рассчитываю на вашу помощь. На этот раз перед судом предстанут не джентльмены, но исключительно воры и мародеры из числа наших людей. — Кетт сокрушенно покачал седой головой. — Многие дома городских богатеев ограблены. И не только богатеев. Из особняка Августина Стюарда, на поддержку которого я рассчитываю, вынесли все мало-мальски ценные вещи. Мы должны строго наказать преступников, дабы это вразумило всех прочих.

— По дороге сюда я видел повозки с награбленным добром.

— Вот уж не думал, что наши люди окажутся такими алчными, — вздохнул Кетт, запустив пальцы в свою седую гриву.

— На войне как на войне, сэр, — пожал плечами Воувелл.

— Мастер Фалк, мясник, затеял драку с другими повстанцами, которые заявили, что лорда Шеффилда якобы убили они, а не он сам. Фалк ни за что не хотел уступить им эту сомнительную честь. Вы верно сказали: на войне как на войне. Война невозможна без убийств. Враги напали на нас, и мы были вынуждены дать им отпор. Но все же нельзя забывать, что наша главная цель — всеобщий мир и благоденствие. — Кетт вновь испустил тяжкий вздох. — В любом случае грабителям и мародерам не место в нашем лагере. И ворами, разумеется, тоже.

— Завтра мы решим, насколько велика вина каждого из них, — заметил я и, поколебавшись, осведомился: — А как вы намерены поступить с джентльменами, захваченными в плен?

— Пусть пока сидят в Нориджском замке и в тюрьме в подвале ратуши. Потом посмотрим, что с ними делать.

Я вновь замешкался, однако мысль о том, что столь подходящий момент может больше не подвернуться, придала мне решимости.

— Капитан Кетт, я надеюсь, суд без проволочек рассмотрит дело Николаса Овертона.

— Это еще кто такой? — с недоумением спросил он.

Мне пришлось напомнить, что речь идет о моем помощнике, ставшем жертвой клеветы.

— Хорошо, пусть завтра предстанет перед судом, — кивнул Роберт, вперив в меня пронзительный взгляд. — Вы готовы поручиться, что Овертон не убежит, если освободить его из-под стражи?

— Готов, — кивнул я. — Этот человек умеет держать свое слово.

— Идите с Шардлейком, — повернулся Кетт к Майклу Воувеллу. — В течение ближайших двух часов я обойдусь без вас. Удостоверьтесь, что этот самый Овертон вернулся в лагерь. Завтра мы с ним разберемся.

Осознав, что Кетт более не доверяет мне так, как прежде, я ощутил легкий укол обиды. По всей видимости, виной тому была тень подозрения, которая легла на меня, Питера Боуна, Эдварда Брауна и Тоби Локвуда после ареста семьи капитана Майлса. Но ведь Майкл Воувелл тоже присутствовал на совещании, во время которого Майлс столь неосторожно проговорился. Так же, как и бедный Гектор Джонсон, принявший смерть в бою.

— Надеюсь, к Николасу, хотя он и джентльмен, на суде отнесутся без всякого предубеждения, — рискнул заметить я.

— Мастер Шардлейк, я должен избежать всяких подозрений в том, что питаю к вам излишнюю благосклонность, — нахмурился Кетт. — В лагере и так достаточно людей, которые пытаются подорвать мой авторитет. Вам, разумеется, известно о повешенном итальянце?

— Я видел расправу над ним собственными глазами.

— Кстати, повстанцы, которым Гэвин Рейнольдс заплатил, чтобы его дом оставили в покое, сдали деньги в общую казну. Майкл был тому свидетелем. О, совсем забыл! — спохватился Кетт. — У меня есть для вас письмо. Оно адресовано в трактир «Девичья голова». Увидев, чьей печатью письмо запечатано, его вскрыли и прочли, а потом передали мне. — Он вытащил бумагу из кучи, лежавшей на столе, и протянул мне. — Если намерены отвечать, будьте осмотрительны — это в ваших же интересах. Помните: читать ваши послания будет не только адресат.

Письмо, измятое, со сломанной печатью, было отправлено из Хатфилда.

В дверях часовни появился какой-то человек. Судя по тому, что пот катил с него градом, то был гонец, только что соскочивший с седла.

— Новости из Саффолка, капитан!

— Господи, надеюсь, мы не услышим сейчас, что еще один лагерь уничтожен, — едва слышно пробормотал Кетт; он сделал мне знак уйти.

Я вышел из часовни, Воувелл следовал со мной. В нефе Барак и Нетти складывали в сумку бутылочки с купленными у старухи снадобьями.

— Денег у нас почти не осталось, — сообщил Джек. — Товар у старой ведьмы не из дешевых.

Нетти лишь слабо улыбнулся.

Выйдя за ограду собора, мы увидели, что суматоха вокруг дома Августина Стюарда лишь усилилась. Теперь грабители грузили на повозку тюки с шерстью. Какой-то пожилой человек, по всей видимости из числа командиров, пытался их урезонить:

— Прекратите это безобразие, алчные бестии! Или вы не слышали о приказе капитана Кетта?

— Нечего попусту сотрясать воздух, мастер Ду! — ухмыльнулся в ответ какой-то парень, тащивший здоровенный узел. — Видите сами, наступают холода, так что без шерсти нам не обойтись.

— Убирайтесь отсюда прочь, иначе я позову капитана Кетта и солдат! — рявкнул Майкл Воувелл. — Если вам нужна шерсть, отправляйтесь на рынок.

Бормоча себе под нос проклятия, мародеры побросали мешки с добычей и двинулись в сторону рынка.

— Джек, отведи Нетти в лагерь и найди там цирюльника, который промоет ему рану, — обратился я к Бараку. — А я навещу Изабеллу, после чего отправлюсь в замок.

Когда я рассказал о том, что Кетт дал согласие освободить Овертона из-под стражи, Барак удивленно присвистнул:

— Надеюсь, Николас понял, что язык — его главный враг.

— Что верно, то верно, — кивнул Воувелл.

— Прости, что напрасно притащил тебя в город, — повернулся я к Нетти. — У меня и в мыслях не было, что доктор Белайс откажется тебе помочь.

— Ничего, — через силу улыбнулся парнишка. — Теперь, когда мы накупили всяких снадобий, рука быстро заживет.

— Главное, не смей ее расчесывать, — строго заметил Барак. — Этим ты только вредишь себе. Что ж, делать нечего, идем домой.

Когда они ушли, я спросил у Майкла Воувелла:

— Вы тоже участвовали в сражении?

— Да, я командовал небольшим отрядом. К счастью, остался цел и невредим.

— Вы готовы идти со мной в замок?

— Таков приказ капитана Кетта. — Помолчав, он добавил покровительственным тоном, который появился у него в последнее время: — Со мной вам нечего бояться. Люди меня знают.

Глава 66

Прежде чем двинуться в путь, я спросил у Майкла Воувелла, согласен ли он подождать, пока я прочту полученное письмо. Отношения наши странным образом переменялись; недавно он был слугой, управляющим Гэвина Рейнольдса, а ныне стал одним из вождей восстания, человеком, которому было поручено надзирать за мной и Николасом. Воувелл кивнул. Пока я читал, он стоял чуть в стороне, наблюдая за людьми, идущими на рынок. Письмо Томаса Пэрри, отправленное двадцать второго июля, две недели назад, было выдержано в более мягком тоне, чем предыдущее послание.

Сержант Шардлейк!

Я получил Ваше письмо от 15 июля, которое, судя по всему, разминулось с моим. В нынешние беспокойные времена этому не следует удивляться. Но я обеспокоен тем, что Вы столь скупо сообщаете о произошедших с Вами событиях. Надеюсь, Вы не попали в руки бунтовщиков, чьи неразумные выходки угрожают миру и спокойствию нашей страны.

«И почему только джентльмены, говоря о повстанцах, неизменно уподобляют их или непослушным детям, или представителям животного мира?» — усмехнулся я про себя.

Леди Елизавета и я весьма озабочены Вашей участью. Вместе с прочими обитателями Хатфилда мы молимся о том, чтобы Господь сохранил Вас в живых. Мне известно, что в Норидж направлен королевский посланник, который доставит бунтовщикам воззвание, повелевающее немедленно разойтись. В случае если они проявят неповиновение, мятеж будет подавлен силой.

«Что ж, обе эти карты биты», — подумал я.

Мастер Сесил сообщил мне, что до окончания сих прискорбных беспорядков он не дерзнет беспокоить лорда-

протектора напоминаниями о просьбе относительно помилования Джона Болейна. Ныне протектор полностью поглощен тревогами, порожденными бунтом, и, насколько мне известно, пребывает отнюдь в наилучшем расположении духа.

Что касается попыток узнать больше о местопребывании известной нам особы, к которой леди Елизавета по-прежнему питает интерес, нам удалось выяснить, что некоторое время она, назвавшись чужим именем, провела в бедной таверне в Небуорте и оттуда направилась в дом, о коем я уже упоминал. Где она находилась до той поры, покрыто мраком неизвестности. В таверне сия особа сообщила, что прежде жила в Лейчестере и, недавно овдовев, направляется к родственникам в Лондон, однако, вследствие слабого здоровья, вынуждена сделать в пути остановку, дабы набраться сил. По словам хозяина трактира, дама действительно была худа, бледна и имела до крайности изможденный вид. На этом нить обрывается. Надеюсь, Вам повезет больше и Вы сумеете отыскать ее следы в Норидже.

Надеюсь также в ближайшее время получить от Вас известия.

Ваш преданный друг,

Томас Пэрри

Пэрри всячески избегал называть Эдит Болейн по имени, дабы ни у кого не возникло мысли, что убитая женщина имеет какое-то отношение к леди Елизавете. За исключением враждебного тона, в котором в письме говорилось о восстании, в нем не было ничего, что могло бы насторожить Кетта или его помощников. Я сунул письмо в карман. Ответить было необходимо, но о том, что я помогаю Кетту вершить суды над джентльменами, упоминать, разумеется, не следовало. Что ж, по крайней мере, известие, что леди Елизавете небезразлична моя участь, было приятно.

Заметив, что я закончил читать, Майкл Воувелл бросил на меня любопытный взгляд.

— Ничего интересного, — покачал я головой. — Спасибо, что подождали. Идемте.

Мы миновали Гумлэнд, свернули на Поттергейт-стрит и направились в сторону рыночной площади. В центре, на самых богатых улицах Нориджа, разграбленные дома попадались еще чаще, чем на окраинах. Почти все двери, ведущие во внутренние дворы особняков, были сорваны с петель. Шайки мародеров бродили по городу в поисках новой добычи, однако патрули, посланные Кеттом, пытались положить конец их бесчинствам. Я был рад, что рядом со мной столь надежный провожатый, как Воувелл. Пользуясь случаем, я рассказал ему о своей последней встрече с супругами Рейнольдс и их внуками и спросил, поднимал ли Гэвин руку на свою жену.

— Не думаю, — покачал головой Воувелл. — Конечно, крыл ее муженек на чем свет стоит, но до рукоприкладства дело не доходило. Она ведь такая ветхая, толкни — и рассыплется. А что кисти у миссис Рейнольдс постоянно перевязаны, так это из-за воспаленных суставов. Сей недуг передается у них в семье из поколения в поколение. Сама Джейн начала мучиться от боли в суставах, едва достигнув среднего возраста, и такая же участь постигла Эдит. Возможно, когда близнецы станут старше, эта напасть не минует и их тоже, — добавил он не без злорадства.

— Я слышал, они тоже участвовали в битве.

— Да, братьев Болейн многие видели. Уверен, они сражались лучше, чем эти итальянские петухи, на которых так рассчитывал Нортгемптон. Хорошо еще, что к нам сюда не пригнали немецких и швейцарских ландскнехтов, — заметил Майкл. — Они наводят ужас на всю Европу.

— Вам повезло, что вы остались живы и здоровы.

— Спору нет, повезло. Я собирал по окрестным деревням парней, готовых драться на нашей стороне. Когда привел свой отряд на пустошь, войска Нортгемптона уже обратились в бегство. Нам оставалось лишь преследовать их.

Оказавшись на рыночной площади, я с облегчением убедился, что прилегающие к ней дома целы и невредимы, хотя и почернели от копоти костров, разведенных солдатами Нортгемптона. Если бы не остатки костровищ, на рынке все было как в обычный базарный день: прилавки, заваленные товарами, оживленные голоса торгующихся

продавцов и покупателей. Повстанцы получили из лагерной казны достаточно денег для того, чтобы купить ботинки на толстой подошве, шерстяную одежду, теплые шапки и масляные лампы, необходимые долгими осенними вечерами. В трактире меня уже хорошо знали; стоило нам войти в гостиную, хозяин пригласил нас сесть и отправился сообщить миссис Болейн о нашем приходе.

Через несколько минут в комнате появились Изабелла и Чаури; мы встали и поклонились, приветствуя их. Я с удивлением заметил, что на лице Изабеллы, обычно таком приветливом, застыло холодное и непроницаемое выражение. Дэниел Чаури выглядел сердитым и раздраженным, но в то же время настороженным и испуганным. Правую его щеку рассекли две длинные царапины.

Я представил Воувелла, упомянув, что это один из лагерных командиров. Чаури обжег его злобным взглядом.

— Как дела у вашего мужа? — обратился я к Изабелле.

— Неплохо. После последнего сражения и замок, и тюрьма в подвале ратуши переполнены арестантами, сплошь джентльменами. Одного из своих подручных Кетт сделал помощником констебля Фордхилла. Его зовут Роберт Айсод, прежде он был кожевником. Судя по всему, человек этот вполне разумный и достойный. Джон находится в той же камере, что и прежде; он очень рад, что Николас составляет ему компанию. Теперь ему есть с кем поговорить и сыграть в шахматы. — Изабелла улыбнулась и слегка потупилась. — Николас узнал, что один из арестантов, содержащихся в замке, наш бывший сосед Леонард Вайтерингтон, вчера умер. Он был врагом моего мужа, но все равно это печальная весть. Джентльмены не привыкли к столь тяжелым условиям.

Произнеся это, она кинула на Воувелла гневный взгляд, который, однако, ничуть его не смутил.

— Жаль, что мой бывший хозяин Гэвин Рейнольдс по-прежнему разгуливает на свободе, — с вызовом бросил Воувелл. — Вашему супругу он доводился тестем. Вам наверняка известно, что это законченный негодяй.

— Повстанцы отправляют в тюрьмы своих врагов, но мой муж оказался в тюрьме еще до восстания и не принимал в последних событиях никакого участия, — заявила Изабелла.

— Мы это знаем, — примирительно заметил Майкл.

— Войска Нортгемптона не побеспокоили вас? — повернулся я к миссис Болейн. — Они ведь устроили лагерь совсем рядом, на рыночной площади.

Исподтишка я бросил любопытный взгляд на царапины, темневшие на лице Чаури.

— Всем нам было приказано опустить ставни на окнах, — со вздохом сообщила молодая женщина. — Солдаты нас не трогали, хотя шум всю ночь стоял ужасный и эти огромные костры наводили на меня страх.

— Насколько я понял, никаких новых покушений на жизнь вашего мужа не было?

— Слава богу, нет. Мы тщательно упаковываем все корзинки с провизией. По приказу констебля Фордхилла у дверей камеры Джона неотлучно стоит караульный.

— Вы виделись с Фордхиллом?

— Да, вчера мне удалось поговорить и с ним, и с Айсодом. У меня к ним была просьба, которую они согласились выполнить. Вскоре меня поместят в камеру вместе с мужем. Доверенный человек, которого назначит комендант, будет покупать нам еду на рынке. Я уже дала Фордхиллу деньги для этого. Он принял мое предложение, так как уверен, что за спиной Джона стоит леди Елизавета.

— Очень рад, что вам пошли навстречу, миссис Болейн, — кивнул я. — Тем более сегодня я намереваюсь забрать Николаса из замка. По распоряжению капитана Кетта завтра ему предстоит предстать перед судом.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Изабелла. — Я очень опасалась, что Николаса переведут в прежнюю камеру, переполненную и душную. Дэниел, — она бросила на Чаури предостерегающий взгляд, — сегодня отправится в Бриквелл. Надо привести дом в порядок и подготовиться к сбору урожая, сколь бы скудным он ни был.

— Уверен, вы поступили бы намного разумнее, отправившись со мной, — покраснев, пробормотал Чаури. — Разделять с мужем тюремную камеру для женщины не только опасно, но и неприлично.

— Не сомневаюсь, что вы большой знаток по части приличий, — отчеканила Изабелла. — Скажите, неужели вам не известны случаи, когда жены разделяли с мужьями тюремное заключение? — обратилась она ко мне.

— Такие прецеденты бывали. С согласия властей.

— Что ж, значит, все устроилось наилучшим образом, — кивнула Изабелла.

— Наилучшим образом? — внезапно вышел из себя Чаури. — Вы полагаете, тюрьма, до отказа набитая мужчинами, — это подходящее место для женщины? Вы считаете, покупку провизии можно доверить какому-нибудь прохвосту из числа мятежников? Будьте уверены: если кто-нибудь подойдет к нему на рынке и предложит десять марок, он с радостью согласится сунуть в вашу корзинку отравленную еду! Все бунтовщики — грабители и воры, охочие до чужого добра и чужих денег!

Чаури сделал шаг в сторону Изабеллы.

К моему удивлению, она вздрогнула и отшатнулась.

— Не кипятитесь, приятель, — процедил Воувелл, вставая между ними. — Не надо пугать леди. И будьте любезны воздержаться от оскорблений, когда говорите о моих товарищах.

— Где ты здесь видишь леди? — взревел Чаури. — Хотя она и взяла привычку задирать нос, она такая же простая служанка, как и ты, грязная скотина!

— Заткни пасть, или получишь такую оплеуху, что в голове будет звенеть не меньше недели! — рявкнул Воувелл.

Он намного превосходил Чаури и ростом, и силой. Осознав это, последний подался назад. Изабелла, побледнев от испуга, переводила взгляд с одного на другого.

— Майкл, вы позволите мне поговорить с миссис Болейн наедине? — спросил я у Воувелла.

— Конечно, — пожал он плечами. Вся эта история, похоже, начала ему надоедать. — Вы хотите, чтобы я вышвырнул из комнаты этого болвана? — указал он на Чаури.

— Если вас не затруднит, выйдите оба.

Дэниел, после недолгого колебания, направился к дверям. Воувелл последовал за ним. Мы с Изабеллой, оставшись наедине, несколько мгновений хранили молчание.

— Что случилось, миссис Болейн? — спросил я наконец.

— Я давно уже замечаю, что Дэниел... неравнодушен ко мне, — пробормотала она, тяжело переводя дух. — Да он и не скрывал своих чувств. Признался в них еще в Бриквелле, до того как умерла Эдит. Я

ответила, что принадлежу своему супругу душой и телом и что он не должен говорить подобных вещей жене своего хозяина. Я знаю сама, что невольно кокетничаю со всеми мужчинами, — я ведь несколько лет прослужила в таверне, и это вошло у меня в привычку. Но поверьте, Чаури я недвусмысленно дала понять, что рассчитывать ему не на что. В таверне я научилась отшивать назойливых ухажеров. Их у меня было более чем достаточно.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся я и кивнул, давая понять, что ожидаю продолжения рассказа.

— Мне казалось, Дэниел оставил все притязания на мой счет. Временами мне было даже жаль его. И я была признательна ему за помощь и поддержку, за то, что он не оставил меня, когда нас выгнали из дому. — Изабелла смолкла, отбросила назад прядь белокурых волос и вновь испустила тяжкий вздох. — В ту ночь, когда солдаты Нортгемптона вошли в город и разожгли на рыночной площади огромный костер, я вся извелась от страха. Боялась, что пламя перекинется на наш дом, боялась, что солдаты ворвутся к нам. А когда на улицах раздались крики «К оружию!» и топот тысяч ног, я пришла в такой ужас, что разрыдалась. Конечно, мне следовало держать себя в руках, но, увы, я всего лишь слабая женщина. — Изабелла потупилась, однако тут же вновь вскинула голову. В глазах ее вспыхнули сердитые огоньки. — Дэниел, увидев, что я плачу, попытался меня обнять. Я отбивалась как могла, но он твердил, что защитит меня от любой опасности и заставит забыть обо всех горестях. Уверял, что мне нужен настоящий мужчина, сильный и молодой, не такой, как Джон. — Голос ее дрогнул. — Он попытался сорвать с меня одежду, а потом принялся развязывать тесемки на своих штанах. Я расцарапала ему лицо — вы сами видели отметины. Сказала, если он посмеет ко мне прикоснуться, я буду визжать так громко, что сюда сбежится вся армия Нортгемптона. — Голос Изабеллы обрел крепость и уверенность. — А еще я сказала, что он меня предал и я больше не могу ему доверять. В ответ Дэниел как безумный лишь твердил о своей любви и о том, что мы созданы друг для друга.

— Вы намерены рассказать об этом мужу?

— По крайней мере, не сейчас, — произнесла она после недолгого замешательства. У Джона и так достаточно неприятностей. — Глаза миссис Болейн увлажнились слезами, она порывисто сжала мою

руку. — Слава богу, вы не оставляете нас своими попечениями, мастер Шардлейк.

— Вы можете всецело на меня положиться.

— Счастлива слышать это, — улыбнулась Изабелла. — Вы понимаете, полагаться на Дэниела я более не могу. Если бы я не царапалась, как кошка, и не грозилась созвать людей, он совершил бы то, о чем давно мечтал, — едва слышно прошептала бедная женщина, смахивая слезы.

— Вы уверены, что его следует оставить на свободе? — спросил я. — Если я расскажу Воувеллу о том, что Чаури пытался совершить насилие, его заключат под стражу и отдадут под суд. Возможно, тюрьма — это самое подходящее для него место.

— Но я вовсе не хочу предавать этот случай огласке, — покачала головой моя собеседница.

— Однако, Изабелла, вы позволили ему жить в вашем доме в Бриквелле, — напомнил я. — Разумно ли это?

— Так или иначе, я не вернусь в Бриквелл без Джона. Кстати, я вовсе не уверена, что Дэниел отправится в наше поместье. Скорее всего, он уедет куда подальше. А я попрошу трактирщика, чтобы он более никогда не пускал его ко мне.

— Тот, кто способен на насилие, может быть способен и на убийство, — поколебавшись, заявил я. — Не исключено, что Эдит убил именно Чаури.

— Не могу в это поверить, — покачала она головой. — Пусть Дэниел останется на свободе.

— Вы уверены?

— Да, — ответила Изабелла с внезапной решимостью. — Все, чего я хочу, — это впредь никогда больше его не видеть. А завтра мы с Джоном снова будем вместе.

Напоследок я задал вопрос, который давно уже вертелся у меня на языке:

— Изабелла, скажите, вы не отвергаете вероятности того, что именно Чаури пытался отравить вашего мужа?

— Не думаю, что он решился бы на такое. Дэниел очень осторожен и не стал бы подвергать себя риску быть обвиненным в убийстве. — Миссис Болейн погрузилась в задумчивое молчание, а потом, словно очнувшись, указала на стол. — Я собрала очередную корзинку с едой

для Джона и Николаса. Вы захватите ее с собой? Надеюсь, Николас скоро выйдет на свободу, — добавила она с улыбкой. — Мне хочется повидаться с ним и поблагодарить за то, что он сделал для моего мужа.

Когда мы с Воувеллом вышли из трактира, он сообщил, что Чаури выскочил на рыночную площадь как ошпаренный и тут же смешался с толпой. По пути в тюрьму я предавался размышлениям о случившемся. Мысль о том, что Чаури, в течение нескольких лет мечтавший овладеть Изабеллой, вполне мог убить Эдит, дабы подставить Джона Болейна, не выходила у меня из головы. Попытка отравления тоже вполне могла быть делом его рук. Легкость, с которой Изабелла предоставила управляющему возможность скрыться, казалась мне по меньшей мере странной.

По мере того как мы поднимались на холм, идти мне становилось все труднее. Внезапно я осознал, как велик груз телесной и душевной усталости, навалившейся на мои плечи. Мощный вихрь, подхвативший меня два месяца назад, нес меня в неизвестном направлении. Бóльшую часть своей жизни я занимал позицию стороннего наблюдателя, но ныне все изменилось. Я искоса взглянул на Майкла Воувелла. Он был в самом водовороте событий, участвовал в битве, принимал решения, однако лицо его хранило выражение непроницаемого спокойствия, словно все это было в порядке вещей. Впрочем, у него имелось передо мной два важных преимущества — молодость и уверенность в своей правоте.

— Похоже, собирается дождь, — заметил Майкл, глядя в серое небо. — Нам лучше поспешить.

В холле Нориджского замка было более многолюдно, чем обычно; запах невымытых тел, скверной еды и страха, присущий всем тюрьмам на свете, казалось, стал еще гуще. Несколько арестантов, судя по виду — джентльменов, поднимались по лестнице в сопровождении конвоя.

— Я — бывший мэр Нориджа! — дрожащим от бешенства голосом заявил один из них.

— У нас здесь есть птицы и поважнее, — равнодушно бросил стражник.

Воувелл приказал тюремщику отвести нас в камеру Болейна и Николаса. К моему облегчению, оба арестанта выглядели здоровыми и

бодрыми. Когда мы вошли, они играли в шахматы. Я представил Воувелла; Болейн, услышав, что перед ним один из главарей восстания, вперил в него ледяной взгляд.

— Завтра в этой камере поселится Изабелла, — сообщил он, повернувшись ко мне, и глаза его потеплели. — Да благословит ее Господь за стойкость и доброе сердце. А Чаури вернется в Бриквелл, чтобы заняться хозяйством.

— Да, я только что был у них.

Вне всякого сомнения, Болейн даже не подозревал о том, что произошло между его женой и управляющим, — в отличие от Воувелла, который многозначительно вскинул бровь.

— А что будет со мной? — уныло спросил Николас. — Неужели меня вернут в переполненную камеру в подвале? Или отправят в другую тюрьму, в ратуше? Я слышал, там еще хуже, чем здесь.

Осознав, что в течение двух недель бедный Овертон томился здесь, изнывая от неопределенности, я ощутил укол совести.

— Не беспокойся, Николас, твоему заключению пришел конец. Сегодня ты отправишься с нами в лагерь, а завтра предстанешь перед судом. Правда на твоей стороне, ты знаешь законы, и я уверен: мы сумеем доказать, что ты невиновен.

— Если на этих судах действительно пекутся о справедливости, то меня отпустят на свободу, — заявил Николас, не сводя глаз с Воувелла.

— Иногда мне кажется, что Тоби Локвуд повредился в уме, — к моему великому удивлению, пробурчал Майкл. — Дай ему волю, он извел бы всех джентльменов под корень. Когда человек одержим ненавистью, он становится опасен.

— Незадолго до восстания Локвуд потерял обоих родителей, — напомнил я. — И ферму, где его семья хозяйничала много лет подряд.

— Конечно, это ожесточит любого, — кивнул Воувелл и перевел взгляд на Николаса. — Вы должны принести клятву, что не попытаетесь убежать до суда.

— Клянусь, — произнес Николас, глядя мне прямо в глаза.

— А что станет с другими арестованными дворянами? — осведомился Болейн. — Их тоже будут судить под этим вашим Дубом реформации?

— Мы еще решим, как с ними поступить, — с неожиданным высокомерием отрезал Воувелл. — Вам ни к чему задавать подобные

вопросы. Вы и ваша жена останетесь здесь, в замке, где вам ничто не угрожает.

— Я давно уже не имел дерзости задавать вопросы и не дерзну делать этого впредь, — с дрожью в голосе процедил Болейн; злобные искры, вспыхнувшие в его глазах, заставили меня вспомнить, что человек этот обладает весьма вспыльчивым нравом.

— Мы наблюдали из окна, как отступала армия Нортгемптона, — сообщил Николас, решивший сменить тему. — Пустошь Святого Мартина, где разразилась битва, отсюда не разглядеть. Но мы видели, как солдаты уносили ноги: они толпой промчались мимо замка и устремились к воротам. — Он слегка нахмурился. — Вот уж не думал, что стану свидетелем подобного позора. Королевское войско, хорошо обученное и вооруженное, пустилось наутек! Солдаты, вместо того чтобы сражаться до последнего, толкались в воротах, как бараны. Многие состоятельные горожане тоже хотели выбраться из города, а некоторые разделись до белья, опасаясь, что богатая одежда их выдаст. Но солдаты оттеснили их всех прочь: и стариков, и женщин, и детей. — Николас сокрушенно покачал головой. — Если бы я не видел все это своими глазами, то не поверил бы!

— Мне кажется, я заметил среди отступавших своих сыновей, — сообщил Болейн. — Но утверждать с уверенностью не могу. Но уж конечно, эта парочка свирепых бестий не упустила возможности пролить чужую кровь. — Повернувшись к Николасу, он заключил его в объятия. — Спасибо тебе, дружище, за то, что скрасил мое одиночество.

— Надеюсь, ответ на просьбу о помиловании придет в ближайшее время и вас выпустят на свободу, — сказал Николас.

— Молюсь об этом каждый день, — кивнул Джон. — Мэтью, вам удалось узнать что-нибудь новое об убийстве Эдит? — обратился он ко мне.

— Сейчас не лучшее время для расследований. Но я уверен, рано или поздно мы сумеем докопаться до правды.

На прощание Болейн обнял меня, а Воувелла не удостоил даже кивка. Прежде чем мы ушли, он сел на кровать и погрузился в задумчивость.

На обратном пути я поведал Николасу наши новости, первым делом рассказав о том, что Гектор Джонсон убит.

— Жаль старика, — вздохнул Овертон. — Он был добрым человеком.

— И храбрым солдатом. Он пал в бою как настоящий герой. — Я сообщил, что Барак, Скамблер и Нетти живы, хотя Нетти ранен в руку и рана доставляет пареньку немало страданий. — Сегодня я отвел его к доктору Белайсу, однако тот отказался помочь, поскольку считает всех повстанцев своими врагами. Но если Нетти не станет лучше, делать нечего, придется обратиться к Белайсу вновь. Попытаюсь воззвать к его чувству долга.

— Не думаю, что это возымеет действие, — вскинул бровь Воувелл.

Я лишь молча вздохнул, ибо слишком устал, чтобы вступать в спор.

— Поверить не могу, что королевская армия так позорно улепетывала, — качая головой, повторил Николас.

— Вам трудно поверить, что королевское войско обратила в бегство толпа простолюдинов? — нахмурившись, уточнил Воувелл.

— Да! — честно признался Николас. — Спору нет, повстанцев намного больше, но они едва научились владеть оружием, а армия Нортгемптона состоит из опытных солдат. Хотел бы я знать, неужели в Шотландии они вели себя так же трусливо?

— Скажите, а какая участь ожидает пленников? — обратился я к Воувеллу. — Болейн прав, и их действительно будут судить под Дубом реформации?

— Капитан Кетт и его советники еще не приняли решения. Думаю, пока пленникам лучше оставаться в тюрьме: после битвы наши люди еще сильнее ожесточились против джентльменов и наверняка потребуют их казнить. — Майкл пристально посмотрел на меня. — Знаю, мастер Шардлейк, вы считаете меня приверженцем крайних мер. Но я не хочу лишних смертей. Капитан Кетт был очень расстроен, узнав о расправе над тем злополучным итальянцем. — Он поднял глаза к небу, с которого упали первые дождевые капли. — Идемте быстрее, иначе промокнем до нитки.

«Если повстанцы ожесточились против джентльменов, то вряд ли завтра они пожелают оправдать Николаса», — с тревогой подумал я.

Глава 67

В тот вечер в лагере по-прежнему царило приподнятое настроение, вызванное победой над армией Нортгемптона. Как только дождь прекратился, вокруг костров собралось множество шумных компаний. Люди пили пиво, смеялись и пели. Особенно полюбилась им одна песенка, доносившаяся из разных концов лагеря. Она представляла собой положенную на незамысловатый мотив издевательскую записку, которую повстанцы оставили богатому помещику:

Мастер Прагг, ваши овцы на редкость жирны,
И мы их с удовольствием съели;
Но вам надо платить за булавки жены,
О, ведь надо ж платить в самом деле.

И мы в ваше войдем положение,
Окажем мы вам уважение.
Мы оставим их шкуры под елью,
Нам скажите спасибо скорее...

Правда, около некоторых хижин стояла скорбная тишина; я догадывался, что их обитатели потеряли близких друзей или родственников. Откровенно говоря, всеобщее ликование казалось мне несколько нарочитым; не случайно среди веселящихся повстанцев то и дело вспыхивали ссоры и драки. Несмотря на все свое мужество, люди, впервые побывавшие в битве, пережили потрясение, от которого еще не успели оправиться.

Майкл Воувелл приказал Николасу ночевать в нашей хижине, так что в этот вечер наша троица — Николас, я и Барак — наконец воссоединилась. Я рассказал Джеку о том, что произошло между Изабеллой и Чаури.

— Значит, управляющий все-таки не вытерпел, — усмехнулся он, выслушав меня.

— Да, он долго держал свои чувства в узде, но в конце концов выдержка ему изменила, — кивнул я. — Вот уж не думал, что Дэниел

Чаури способен на насилие. Похоже, он совсем не тот человек, за которого мы его принимали.

— Хорошо, что Изабелла способна за себя постоять, — заметил Николас. — Если бы она не пустила в ход ногти, он бы наверняка сделал то, что хотел. Но с такой сильной женщиной, как миссис Болейн, не так просто совладать. Мало кто на ее месте решился бы разделить с мужем тюремное заключение! — добавил он с откровенным восхищением.

— А я думал, тебе нравятся тихие и благовоспитанные девицы, такие как Беатрис Кензи.

Тон Барака был насмешлив, однако в глазах его мелькнула грусть, и я догадался, что он думает о Тамазин; на письмо, которое он отправил жене, до сих пор не было ответа.

— После этого случая нельзя не заподозрить Чаури в попытке отравить Болейна, — заявил я. — Вполне вероятно, что убийство Эдит — тоже его рук дело. Он влюблен в Изабеллу уже несколько лет. Мне кажется, до недавних пор она не сознавала, насколько сильна его страсть. Сегодня он готов был на нее наброситься — и сделал бы это, не вмешайся Майкл Воувелл. Честно скажу, меня удивило, что Изабелла предоставила ему полную свободу и возможность скрыться.

— Ей просто хотелось побыстрее прогнать Дэниела с глаз долой, — предположил Николас.

— Большинство мужчин, получив от ворот поворот, оставляют свои домогательства и предпочитают расстаться с женщиной, которая оказалась недоступной, — пробормотал Барак. — А этот Чаури вел себя по меньшей мере странно.

— Если мне не изменяет память, у него нет никакого алиби на тот вечер, когда была убита Эдит, — припомнил я.

— А если мне не изменяет память, то, оказавшись на месте убийства, он вдруг резко побледнел, — вставил Николас.

— Итак: виновен, — изрек Барак.

— Но если Эдит и впрямь лишил жизни Чаури, значит он украл ключ от конюшни и совершил два других убийства — слесаря и его ученика, — заметил я. — Бог свидетель, этого человека следовало взять под стражу. И почему только Изабелла отпустила его с миром? Впрочем, Воувелл вряд ли согласился бы взять его с собой в лагерь. Дело Болейна совершенно не интересуется повстанцев.

— Да, у них есть заботы поважнее, — кивнул Барак.

— Как вы думаете, Чаури и правда намерен вернуться в Бриквелл? — спросил Николас.

— Сомневаюсь, — ответил я. — Пока Изабелла не хочет рассказывать Джону Болейну о случившемся, но настанет время, когда он узнает обо всем. Чаури прекрасно понимает, что ему больше не служить в Бриквелле управляющим. Скорее всего, он скроется в неизвестном направлении, и найти его нам будет весьма затруднительно.

Некоторое время мы молчали, глядя на огни костров и ламп, сияющие в темноте. Издалека доносилась песня:

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Скажи, кто дворянином был тогда?

На следующее утро за завтраком тетушка Эверник сообщила, что в Ярмут уже направлен первый отряд, который насчитывает около сотни человек. Его члены попробуют убедить городские власти добровольно перейти на нашу сторону. В противном случае за этим отрядом последуют другие, и город будет захвачен силой. Как обычно, под Дубом реформации и в других концах лагеря состоялись утренние богослужения. Я подумывал о том, чтобы причаститься вновь, но отказался от этого намерения, ибо чувствовал себя совершенно разбитым после скверно проведенной ночи: теперь, когда мы спали в хижине втроем, там вновь стало душно и тесно. К тому же из головы у меня не выходили мысли о Чаури, который, по всей вероятности, пустился в бега.

Заглянув в хижину Джозефины, я застал их с Мышкой в одиночестве: Эдвард находился в Норидже. Настроение у Джозефины вновь было подавленным и тревожным. Я попытался ее успокоить, немного поиграл с малышкой и отправился навестить Нетти и Саймона. Нетти сообщил, что рука болит значительно меньше; осмотрев ее, я убедился, что краснота и отек немного спали. Саймон, так и не пришедший в себя после смерти Гектора Джонсона, сидел в углу, сжавшись в комочек и устремив взгляд в пространство, и что-то напевал себе под нос. Оба парня были явно не в настроении разговаривать, и я не стал у них задерживаться.

Когда я вернулся к себе, мы с Николасом принялись обсуждать грядущий процесс.

— Увы, я ничем не смогу тебе помочь, — сказал я со вздохом. — Я — заинтересованное лицо, а это значит, что мое свидетельство не принимается судом в расчет.

— Знаете, в тюрьме у меня было время все хорошенько обдумать, — заметил Овертон, сверкнув своими зелеными глазами. — Я выработал тактику поведения на суде.

— Прости, я забыл, что имею дело с опытным законником, — улыбнулся я. — Но имей в виду, этот процесс будет совсем не похож на те, в которых ты принимал участие до сих пор. Тебя будут судить не присяжные, а сами повстанцы, а они, как ты знаешь, не жалуют джентльменов.

— И все же я надеюсь на победу, — заявил Николас и перевел взгляд на Барака.

— Молодец! — Тот улыбнулся и одобрительно кивнул. — Кстати, я тут кое-что выведал относительно так называемых свидетелей. — Барак подмигнул.

— Отлично...

Внезапно в глазах у меня потемнело, я застонал и пошатнулся, так что Николасу пришлось меня подхватить.

— Что с вами? — испуганно спросил он.

— Ничего особенного. Просто я держу в уме так много всяких соображений, что моя бедная голова идет от них кругом. К тому же тут душно...

— Да вдобавок еще и воняет!

— Духота здесь ни при чем, — заявил Джек. — Просто мастер Шардлейк вновь пытается взвалить себе на плечи все тревоги этого мира. Болеет душой обо всех: о тебе, о Джоне и Изабелле, о Саймоне и Нетти, о Джозефине и Эдварде.

— Может, ты и прав, — едва слышно прошептал я. — Но сильнее всего меня терзают мысли о том, чем завершится восстание. Тут уж ничего не поделаешь: думы роятся у меня в голове, как мухи, и прогнать их прочь я не в состоянии. И что-то важное все время ускользает — тень некой догадки, осенившей меня во время кукольного представления, и слова Майкла Воувелла, чем-то меня поразившие. —

Я ударил себя кулаком по лбу. — Никак не могу вспомнить, чем именно.

— Правильно, — усмехнулся Барак. — Накажите свою бедную голову.

Когда мы пришли к Дубу реформации, там уже собралась толпа в несколько сот человек. Разговоры в основном вертелись вокруг отряда, отправленного в Ярмут. В тот день в суде председательствовал сам Роберт Кетт. Он поднялся на помост и, прежде чем занять свое место за столом, окинул взглядом толпу, словно бы пытаясь оценить ее настроение. Как и всегда, он излучал силу и властность, и повстанцы приветствовали его радостными возгласами. Дело Николаса должно было слушаться первым; он стоял у помоста рядом со мной и Баракком. Накануне мы выработали линию поведения, которой ему следовало придерживаться. Я не сомневался, что если суд будет справедливым, то наша тактика сработает. Тоби Локвуд стоял напротив, скрестив руки на груди; лицо его, обрамленное густой черной бородой, было исполнено решимости. Взгляд, который он бросил на нас, полыхал ненавистью и презрением, и я вновь подивился тому, что этот человек работал с нами в течение нескольких недель.

— Первым мы разберем дело Николаса Овертона, который обвиняется в том, что поносил и оскорблял всех нас, — провозгласил Кетт. В ответ раздались свист и улюлюканье. Капитан вскинул руку, призывая собравшихся к молчанию. — После этого мы будем судить тех, кто незаконно завладел имуществом, изъятым из нориджских домов, то есть, говоря попросту, запятнал себя грабежом и мародерством, — продолжил он. — И наконец, перед судом предстанет человек, посягнувший на имущество своих товарищей по лагерю. Это преступление столь опечалило меня, что я решил сегодня лично возглавить суд. Надеюсь, мы, как пристало товарищам и братьям, сумеем принять справедливые решения!

— А где эти дворянские гниды, пособники Нортгемптона? — выкрикнул кто-то. — Они убили моего двоюродного брата! Разве их мы не будем судить?

— Да! — подхватил другой голос. — Мы приговорим их к виселице!

По толпе прокатился одобрителный гул. Тоби Локвуд внимал ему, согласно кивая.

Кетт подошел к краю помоста и встал, уперев руки в бедра. Глаза его метали молнии.

— Вместе с представителями сотен мы решим, как поступить с нориджскими джентльменами, — заявил он. — Пока они находятся под стражей. Тех, кто виновен в пособничестве нашим врагам, ожидает заслуженная кара. Но сегодня нам не до них! — возвысил голос Кетт. — Сегодня мы взяли Ярмут!

Толпа разразилась ликующими криками. Кетт повернулся к повстанцу, исполнявшему должность судебного пристава:

— Итак, приступаем к рассмотрению дела Овертона. Обвиняемый, обвинитель и свидетели уже принесли присягу?

— Да, капитан.

— Николас Овертон, подойдите сюда. Тоби Локвуд, вам предоставляется слово для обвинения. Говорите.

Я глубоко вздохнул и взглянул на Барака. Его левая рука поддерживала протез, пальцы на ней были скрещены.

Глава 68

— По возможности буду краток, капитан Кетт, — громко и уверенно начал Тоби. — Это произошло восемнадцатого июля, в тот день, когда бесчестный законник Роберт Уортон был отправлен в Норидж. Николас Овертон — каковой, насколько мне известно, является заклятым врагом нашего дела — стоял на склоне холма, поблизости от дороги, по которой вели арестанта. Он заявил, что Роберта Уортона следует освободить, а капитана Кетта, напротив, посадить в тюрьму. Еще он говорил, что наш лагерь — это сборище хамов и быдла.

По толпе прокатился злобный ропот. Кетт вскинул руку, требуя тишины, и повернулся к Николасу:

— Что вы на это скажете?

Николас смело взглянул в искаженные злобой лица зрителей. Мысленно я восхитился его самообладанием.

— Скажу, что не произносил ни единого из этих слов. Тоби Локвуд оклеветал меня из личной неприязни. Когда мы с ним работали вместе, он проникся ко мне ненавистью и ныне решил свести со мной счеты.

— Речь идет не о ваших с Локвудом отношениях! — резко перебил его Роберт. — Отвечайте: вы говорили то, в чем вас обвиняют?

— Повторяю: я не произнес ни единого из этих слов. Готов принести присягу на Библии.

— Могу я пригласить свидетелей, которые подтвердят истинность моих обвинений? — с легким поклоном осведомился Тоби.

Мы с Баракком обменялись взглядами. Джек многозначительно подмигнул мне; пока Николас находился в тюрьме, он провел в лагере свое расследование и узнал нечто важное.

Первым свидетелем, вышедшим к помосту, оказался некий мастер Ходж, пожилой бродячий торговец. Он частенько приезжал в лагерь на своем ослике и, подобно прочим коммерсантам, являлся неиссякаемым источником слухов и сплетен. Сделав шаг вперед, Ходж несколько мгновений молчал, переводя взгляд с Николаса на Кетта, и неловко переминался с ноги на ногу.

— Я стоял рядом с обвиняемым и все слышал, — пробормотал он наконец. — Мастер Локвуд говорит правду.

— Мастер Ходж, вы утверждаете, что своими ушами слышали, как я произнес все те оскорбления, которые приписывает мне мастер Локвуд? — вежливо осведомился Николас.

Торговец бросил взгляд на Кетта, от которого не ускользнуло смущение свидетеля.

— Да, — выдавил из себя Ходж. — Я и впрямь слышал все эти подлые оскорбления.

— Вы помните, что случилось в лагере в тот день?

— Конечно. Этого крючкотвора, Уортонa, под конвоем отправили в город. Вы с Тоби Локвудом стояли у дороги под деревом, в тени. День выдался ужасно жаркий.

— А где находились вы?

— Шел по дороге, вел своего осла под уздцы. Он здорово устал, бедняга.

— Полагаю, всем известно, что деревья на склоне у дороги срублены, дабы обеспечить жителей лагеря дровами и открыть вид на Норидж, — столь же вежливым и невозмутимым тоном сообщил Николас. — Там осталось одно-единственное дерево, под которым, по словам свидетеля, и находился я. Так?

— Да, — растерянно кивнул Ходж.

— Расстояние между этим деревом и дорогой составляет не менее ста футов. Капитан Кетт, если ему угодно, может приказать произвести измерения. Так что ваши слова о том, что вы находились со мной рядом, не соответствуют истине. На таком расстоянии вы никак не могли услышать наш разговор!

— Вы говорили громко...

— У меня не настолько сильный голос, — усмехнулся Николас. — Учитывая, какой шум стоял тогда на дороге, для того чтобы быть услышанным вами, я должен обладать медной трубой вместо глотки.

Некоторые зрители засмеялись: повстанцы ценили юмор.

Ходж растерянно молчал. Николас, выждав несколько минут, спросил, можно ли отпустить свидетеля. Кетт кивнул, и Ходж поспешно растворился в толпе. Тоби обжег нас исполненным ярости взглядом.

Второй свидетель, мужчина средних лет по имени Уоллис, совсем не походил на первого. Этот крепкий, широкоплечий человек держался солидно и уверенно. Скрестив руки на груди, он заявил, что находился

поблизости и слышал, как Овертон произнес все те оскорбительные вещи, о которых сообщил мастер Локвуд.

— Что именно я сказал? — уточнил Николас.

— Сказали, что Роберта Уортона нужно освободить, — не моргнув глазом ответил свидетель. — Я стоял примерно в десяти футах от вас, так что слышал каждое слово. Заявили, что капитана Кетта нужно посадить в тюрьму как изменника. А еще добавили, что наш лагерь — сборище хамов и быдла.

Толпа разразилась злобным улюлюканьем. Николас повернулся к Роберту и негромко произнес:

— Капитан Кетт, могу я попросить, чтобы мастер Уоллис остался здесь, когда я приглашу своих собственных свидетелей, Эдварда Бишопа и Томаса Смита?

Кетт кивнул. Свидетели, вызванные Овертоном, приблизились к помосту. Стоило Уоллису увидеть их, как уверенность его сразу улетучилась.

— Насколько мне известно, вы принадлежите к тому же приходу, что и мастер Уоллис? — спросил Николас.

— Да, это так.

— Вы помните, чем занимались восемнадцатого июля?

— Конечно, — кивнул мастер Бишоп. — Мы работали неподалеку от опушки леса, строили новый загон для свиней. День запомнился мне потому, что вечером, за ужином, только и разговоров было что об этом самом Уортоне.

Смит кивнул в знак согласия и указал пальцем на Уоллиса:

— Этот человек был вместе с нами весь день. Хотя никак не скажешь, что он трудился не покладая рук. В нашем приходе нет второго такого лентяя, как Билл Уоллис. Пока мы вкалывали до седьмого пота, он чесал языком. Но у дороги он в тот день не был, это точно. Уж не знаю, может, уши у него такие, что слышат за милю.

По толпе прокатился смех. Показания двух свидетелей неопровержимо доказывали, что Уоллис лжет. Сжав кулаки, он завертелся как уж на сковороде.

— Эти олухи все перепутали! Мы строили загон для свиней не восемнадцатого июля, а накануне.

— Но если это было на день раньше, то почему мастер Бишоп и мастер Смит утверждают, что за ужином велись разговоры об

Уортоне? — с трудом сдерживая возмущение, спросил Николас.

— Откуда мне знать, — с вызовом бросил Уоллис. — Этим болванам и не то еще взбредет в голову. У Эда Бишопа ума не больше, чем у гусенка, да и Том Смит недалеко от него ушел!

Зрители снова расхохотались; было понятно, что настроение их изменилось в благоприятную для Николаса сторону. То обстоятельство, что он говорил с простолюдинами уважительно и вежливо, тоже помогло ему завоевать симпатии. Тоби аж побагровел от ярости. Больше всего на свете этот человек боится быть смешным, догадался я.

Николас повернулся и поклонился Кетту:

— У меня более нет свидетелей, капитан. Вверяю себя вашему правосудию.

В этот момент Локвуду окончательно изменила выдержка. Наставив на Николаса палец, он завопил:

— Работая с Овертоном, я много раз слышал, как он презрительно отзывается о простых людях и отвергает идеи всеобщего благоденствия! Он оказался в лагере лишь из-за того, что является помощником адвоката Шардлейка! Овертон — джентльмен до мозга костей, а таким самое место в тюрьме!

Некоторые сочувственно захлопали в ладоши, но в большинстве своем зрители хранили молчание.

Николас сначала побледнел как полотно, а потом покраснел так, что кожа его почти слилась с огненно-рыжими волосами.

— Да, по рождению я джентльмен! — воскликнул он. — Но отец лишил меня наследства, и я ничуть не богаче, чем любой из вас. У меня нет ни земли, ни дома, ни арендаторов. Я всего лишь помощник адвоката и зарабатываю на жизнь своим трудом. Да, это правда, прежде я верил в то, что право управлять и властвовать принадлежит джентльменам. Но жизнь в лагере заставила меня изменить взгляды. Я лично убедился в том, какой порядок здесь царит. Своими глазами видел, как королевская армия, позабыв о достоинстве и чести, улепетывала от вас, словно стадо баранов. Честно признаюсь: теперь я сам не знаю, что и думать. Но так или иначе, я поклялся мастеру Шардлейку, что не буду выступать против вас, и ни разу не нарушил своей клятвы. Вы можете заключить меня в тюрьму лишь за то, что я родился в семье джентльмена и получил приличествующее джентльмену образование. — Николас смолк, перевел дух и наставил

палец на Локвуда. — Одно могу сказать: в отличие от этого человека, я не запятнал себя ложью! Я ни к кому не испытываю ненависти и ни с кем не свожу счетов! Тоби Локвуд любит порассуждать о всеобщем благе. Но похоже, он уверен: тот, кто получил власть, имеет право притеснять всех прочих. Разве не против этого вы подняли восстание?

На мгновение толпа затихла. Тишину разбил истошный крик Локвуда:

— Мы подняли восстание, чтобы покончить с такими людьми, как ты!

Роберт Кетт с размаху грохнул кулаком по столу, заставив всех вздрогнуть. Поднявшись, он рывкнул куда громче, чем это получалось у Николаса и Тоби:

— Я доверял тебе, Локвуд! Я считал тебя человеком, готовым сражаться за справедливость! Но сегодня все мы убедились, что ты гнусный обманщик. Ложь и клевета — плохие помощники для тех, кто намерен изменить мир к лучшему. Этот парень прав: ты радеешь отнюдь не о всеобщем благе. Отныне ты мне не соратник!

Тоби, потрясенный, отступил на несколько шагов. А Кетт, обратившись к повстанцам, провозгласил:

— Итак, настало время решить, виновен ли Николас Овертон.

Раздалось несколько возгласов «Виновен!», но их перекрыл мощный хор голосов, кричавших: «Не виновен!» Все мои тревоги о том, что Николас не сумеет завоевать расположение толпы, оказались напрасными. Он одержал победу.

Кетт повернулся к нему:

— Мастер Овертон, вы признаны невиновным. И теперь, по своему выбору, вы можете остаться в лагере или же покинуть его с миром.

Николас бросил взгляд на меня и Барака и произнес:

— Если вы позволите, капитан Кетт, я останусь здесь, со своими друзьями.

Тоби, вновь выступив вперед, указал на Николаса и завизжал как резаный:

— Дело не кончено! Мы еще посмотрим, кто кого!

Мне вспомнились слова Майкла Воувелла о том, что Локвуд повредился в рассудке. Сопровождаемый презрительными взглядами, Тоби резко повернулся и начал протискиваться сквозь толпу, которая

расступалась перед ним, как Красное море перед евреями. Николас, слегка пошатываясь от волнения, подошел к нам с Бараком. Кетт сделал мне знак приблизиться.

— Садитесь рядом со мной, мастер Шардлейк, и будьте моим советчиком. Нам предстоит разобрать еще несколько дел — о грабеже и мародерстве, — сказал он, и голос его дрогнул от отвращения.

Напряжение, достигшее во время суда над Николасом максимального накала, после благополучного разрешения дела резко пошло на убыль, по крайней мере для меня. К помосту подвели с полдюжины повстанцев, которых их товарищи обвинили в грабеже. Всеобщее негодование вызвало не то обстоятельство, что они опустошили дома нориджских богачей, но лишь то, что они утаили награбленное, отказавшись сдать его в общую казну. Все чужое добро, обнаруженное в их жилищах, было представлено суду в качестве вещественного доказательства. А добра этого, надо сказать, оказалось немало — столовое серебро, украшения с драгоценными камнями, вазы, золотые монеты. Все подсудимые, за исключением двоих, были признаны виновными и приговорены к изгнанию из лагеря.

Последним разбиралось дело повстанца, который воровал у своих товарищей. Этот человек средних лет, тощий, одетый в лохмотья, производил жалкое впечатление; лицо, покрытое сетью багровых прожилок, выдавало в нем горького пьяницу. Обвинитель, один из сотников, сообщил, что подсудимый, житель Нориджа, пришел в лагерь десять дней назад. После того как он поселился здесь, у его соседей начали пропадать вещи. В хижине его был произведен обыск, и все украденное обнаружилось в яме, выкопанной в земляном полу. Вещи эти были доставлены в суд в большом кожаном мешке, содержимое которого обвинитель представил на всеобщее обозрение. Добыча лагерного вора оказалась куда более скудной, чем трофеи городских грабителей: потрепанное Евангелие, дешевое ожерелье из каких-то разноцветных камешков, несколько тонких серебряных колец и брошка из сплава золота и меди. Впрочем, не вызывало сомнений, что для своих владельцев все это имущество обладает немалой ценностью.

Обвиняемый, которого звали Дортон, произнес хриплым надтреснутым голосом:

— Признаю, капитан Кетт, я действительно взял все эти вещи. Но скажу честно, я не считаю себя великим грешником. Я всего лишь бедный человек, на всем белом свете у меня нет ни единой родной души. Господь наш Иисус Христос по милосердию прощал даже тех, кто совершил преступления куда более тяжкие. Так неужели Он не простит меня?

— Полагаю, откровенного признания Дортонна достаточно, чтобы доказать его вину? — вполголоса осведомился у меня Кетт.

Я молча кивнул.

— Надеюсь, Господь наш Иисус Христос простит тебя, — повернулся Кетт к подсудимому. — Но бедный человек не должен посягать на имущество других бедных людей. По законам нашей страны тебя следует отправить на виселицу, но мы будем милосердны и сохраним тебе жизнь. Уходи из лагеря прочь и никогда более не возвращайся.

Последние слова Кетта донеслись до меня, словно сквозь туман, ибо, взглянув на лежавшую на столе грудку украденных вещей, я внезапно заметил блеск чистого золота. То было женское обручальное кольцо, красивое и дорогое. Взяв его в руки, я, прищурившись, разобрал надпись на внутренней стороне: «Джон Болейн 1530 Эдит Рейнольдс». Передо мной было обручальное кольцо Эдит Болейн. Мне вспомнилось, что, когда она посещала Томаса Перри, на ее распухших пальцах не было никаких украшений. Каким-то непостижимым образом кольцо оказалось здесь, среди убогих вещей, украденных у обитателей повстанческого лагеря.

Глава 69

На мгновение голова у меня закружилась, в точности так, как нынешним утром в хижине. Потирая лоб рукой, я слышал, как Кетт приказывает Дортону сообщить, где именно он украл ту или иную вещь, дабы вернуть ее владельцу. В другой руке, влажной от пота, я сжимал обручальное кольцо Эдит. Владельцы начали подходить к столу и указывать на свое имущество; обвиняемый, понутив голову, стоял рядом. Когда последняя вещь была возвращена хозяину, я разжал ладонь и показал Кетту кольцо.

— Чье это? — с недоумением спросил он. — Это кольцо принадлежало женщине, дело об убийстве которой я расследовал. Видите, здесь выгравированы ее имя и имя ее супруга?

— Нам сейчас не до этого, — покачал головой Кетт, перебирая бумаги. — Если хотите, можете оставить кольцо у себя. А мне нужно срочно вернуться в город. Спасибо за помощь, мастер Шардлейк. Полагаю, сегодня наши люди поняли, что мы не намерены относиться к воровству снисходительно. Кстати, насчет Овертона. Постарайтесь занять парня какой-нибудь работой, дел в лагере полно.

— Разумеется, Николас не будет бездельничать. Но прошу, позвольте мне допросить вора и узнать, где он взял это кольцо.

— Хорошо, я велю его задержать. Эй, погодите! — окликнул Кетт стражников, которым было поручено выпроводить изгнанников из лагеря. — Приведите сюда Дортону. Адвокат Шардлейк хочет поговорить с ним.

Я сделал Николасу и Бараку знак подойти. Дортон, съезжившись, смотрел на нас исподлобья.

— Где вы взяли это кольцо? — спросил я, показывая ему свою находку.

— Все прочие вещи я украл в чужих хижинах, сэр, а это кольцо послал мне Господь, — пробормотал он.

Солдат, слышавший его слова, покачал головой. И рявкнул:

— Отвечай толком, когда тебя спрашивают, ты, мешок с дерьмом! Иначе на прощание получишь не только пинок под задницу, но и пару хороших зуботычин!

— Дортон, объясните, что вы имеете в виду? — вполголоса осведомился я.

— Клянусь, я не украл это кольцо, а нашел его. Шел к своей хижине и увидел, как оно лежит на земле, сверкая на солнце. Это было дней десять назад, еще до того, как погода изменилась. Наверное, кто-то его потерял.

— Толстенное обручальное кольцо из чистого золота? — фыркнул стражник. — Ну и откуда такое у наших?

— Богом клянусь, я говорю правду! — дрожащим голосом пролепетал Дортон. — Зачем мне врать после того, как я сознался во всех прочих кражах?

— Я вам верю, — кивнул я. — Это кольцо принадлежало женщине, которую я знал. Возможно, кроме него, вы нашли что-нибудь еще?

Дортон сунул руку в карман своей потрепанной грязной куртки и извлек гребешок для вычесывания гнид, меж зубьев которого застряли крошечные тельца паразитов.

— Эта штукавина лежала рядом. Я решил, что мне она пригодится.

— И больше ничего?

— Нет, Богом клянусь, ничего. Я думал продать кольцо на нориджском рынке, но тут разразилась битва, а потом... — Дортон осекся, но его дыхание, насквозь пропахшее пивом, недвусмысленно говорило о том, что было после.

Судя по всему, этот человек не лгал, — по крайней мере, в данных обстоятельствах ложь не могла принести ему никакой выгоды.

— Отведите меня и моих друзей на то место, где вы нашли кольцо и гребешок, — попросил я. — Надеюсь, вы позволите ему сделать это? — обратился я к караульному.

Пожав плечами, солдат вместе с нами последовал за Дортоном в центр лагеря. Подойдя к месту, где пересекались две тропы, пьяница указал на землю:

— Они лежали вот здесь, сэр. А мой маленький домик... — Дортон судорожно сглотнул, — он был совсем близко отсюда.

Я наклонился. После недавних дождей тропу покрывала жидкая грязь, но, вне всякого сомнения, две недели назад она была сухой и хорошо утоптанной. Кольцо, оброненное тут, не могло долго пролежать незамеченным. Оглядевшись по сторонам, я убедился, что жилище Тоби Локвуда расположено неподалеку.

— Спасибо, Дортон, — кивнул я.

Он улыбнулся, обнажив редкие темные зубы:

— Может, вы не откажетесь помочь мне, мастер? Дадите немного денег на дорогу?

— Не сомневаюсь, приятель, что дорога эта приведет тебя в ближайшую таверну, — ухмыльнулся Барак.

Мне было жаль бедолагу, но все же я отрицательно покачал головой. Солдат, убедившись, что Дортон нам больше не нужен, бесцеремонно потащил его прочь.

Мы с Баракком и Николасом вернулись в свою хижину. Мне было приятно, что тетушка Эверник, Саймон, Нетти и мастер Диксон, некогда выступавший в суде с обвинениями против свордстоунского землевладельца, окружив Николаса, наперебой поздравляли его с победой.

— Теперь, парень, ты должен помогать нам, а не сидеть без дела, — заявил Диксон.

— Вы можете ухаживать за лошадьми, мастер Николас! — предложил Саймон, от радости беспрестанно подпрыгивающий на месте. — Наверняка вы тоже с ними поладите!

— Неплохая мысль, — улыбнулся Овертон. — Я люблю лошадей.

Скамблер просиял и от избытка чувств замахал руками как мельница.

— Как твоя рука? — обратился я к Нетти.

— Слава богу, отек спал, — ответила вместо него тетушка Эверник. — Я несколько раз промывала ему рану снадобьями, которые вы купили в городе.

— Укус ужасно воняет, — буркнул Нетти, но тут же благодарно улыбнулся миссис Эверник, всегда готовой оказать помощь тем, кто в ней нуждался.

— Мы все очень вам признательны, — поблагодарил я добрую женщину. — Но сейчас нам придется вас оставить, чтобы обсудить кое-какие неотложные дела.

Оказавшись в полумраке и духоте хижины, я уселся на кучу папоротника, служившую мне постелью, и продемонстрировал кольцо Баракку и Николасу.

— Вот это находочка! — присвистнул Джек, повертев кольцо в руках.

— Но как оно оказалось в лагере? — спросил Николас.

Я извлек из кармана грязный гребешок:

— Это лежало рядом с кольцом. Похоже, и кольцо, и гребешок выпали из чьего-то дырявого кошелька или сумки. Наверняка Дортон нашел эти вещи вскоре после того, как они были потеряны. Иначе это сделал бы кто-нибудь другой. Место там оживленное.

— Господи Иисусе, но кто из здешних жителей мог это потерять? — пожал плечами Барак.

— Возможно, этот человек хранил кольцо и гребешок много лет подряд, — задумчиво произнес Николас. — Помните, по словам мастера Пэрри, у Эдит были распухшие узловатые пальцы. С таких кольцо не снимешь. А это кольцо сняли, не распиливая.

— Надо поговорить с жителями ближайших хижин, — предложил я. — Конечно, это займет немало времени. Мы скажем, что нашли неподалеку золотое кольцо и теперь ищем его владельцев.

— Боюсь, владельцев окажется слишком много, — расхохотался Барак.

— Всех, кто попытается нас обмануть, мы с легкостью выведем на чистую воду, спросив, какая надпись выгравирована внутри, — заметил я. — Думаю, начать стоит с Тоби Локвуда. Тебя, Ник, мы, разумеется, оставим неподалеку. Возможно, тот, кто потерял это кольцо, дал Эдит Болейн пристанище или же несколько лет держал ее в заточении. Не исключено, что именно этот человек и является ее убийцей. Так что нам стоит захватить с собой ножи.

Примерно через полчаса мы отправились к Тоби Локвуду. Впервые за долгое время сквозь завесу серых туч проглянуло солнце. Тоби мы нашли около хижины: он точил меч, ловко орудуя огромным точильным камнем. Барак незаметно снял ножны с ножа, прикрепленного к своей железной руке. Взгляд, который метнул в нас Тоби, был исполнен не только ненависти, но и какого-то иного чувства, не поддающегося определению.

«Может быть, этот человек и в самом деле безумен? — невольно пришло мне в голову. — Если Тоби более не руководствуется соображениями здравого смысла, то не мог ли он выдать властям семью

капитана Майлса? Нет, это исключено, — тут же возразил я сам себе, — при всей своей низости Локвуд всецело предан делу повстанцев».

— Что вам от меня нужно? — процедил он, проведя рукой по своим вьющимся черным волосам. — И где этот молодой дворянчик, ваш приятель? Уверен, во весь опор мчит в Лондон.

— Николас прогуливается неподалеку, — сообщил Барак. — А я вижу, у тебя появился меч.

— Да, теперь всякий простолюдин может обзавестись мечом, чтобы выпускать кишки джентльменам и прочим мерзавцам, которые отравляют ему жизнь.

— Мы пришли вовсе не для того, чтобы затевать перебранку, Тоби, — сделал я попытку вернуть разговор в вежливое русло. — Это, случайно, не ваше? — спросил я, показывая ему гребешок.

Он покачал головой и вытащил из кармана другую расческу.

— Мой при мне, — буркнул он и подозрительно нахмурился. — Неужели вы пришли затем, чтобы узнать, не потерял ли я гребешок?

— Конечно нет. Мы подумали, может, вы припомните те дни, когда вместе с нами расследовали убийство Эдит Болейн. Решили, что вам интересно будет взглянуть вот на это.

С этими словами я протянул ему кольцо.

— Кольцо Эдит Болейн! — с нескрываемым удивлением воскликнул Локвуд. — Из чистого золота, а внутри выгравированы их с мужем имена. Где вы его взяли?

— Сегодня под Дубом реформации судили мелкого воришку, который шарил по хижинам своих товарищей. Кольцо оказалось среди похищенных им вещей. Он клянется, что не крал украшение, но отыскал его на дороге поблизости отсюда. По моей просьбе он показал нам, где это произошло. Никакой причины лгать у него не было.

— По его словам, кольцо валялось на дороге? — недоверчиво переспросил Тоби.

— Да. Как видно, кто-то его обронил.

— Что ж, постарайтесь отыскать этого человека. — Локвуд пожал плечами, возвращая мне кольцо. — Гребешок, насколько я понимаю, лежал рядом?

— Да, — поколебавшись, кивнул я.

— Если бы я признал его своим, вы сочли бы это веским доказательством того, что кольцо тоже потерял я, — криво усмехнулся Тоби.

— Мы, законники, нередко используем подобные уловки.

— Убирайтесь отсюда прочь, вы оба, — отчеканил он с жутковатым спокойствием и провел рукой по лезвию меча. — И впредь больше не попадайтесь мне на глаза.

В течение следующих полутора часов мы обошли множество хижин, стоявших поблизости от перекрестка. Разумеется, человек, потерявший кольцо, мог оказаться опасным преступником, но мы были вооружены, да и вероятность того, что он отважится напасть на нас здесь, в одном из самых оживленных мест лагеря, была, как я полагал, ничтожна. В большинстве своем люди заявляли, что не теряли никакого кольца, а те немногие, что признали его своим, не смогли сказать, какая надпись выгравирована внутри. Несмотря на то что возможность раздобыть сведения о местопребывании Эдит в течение ее девятилетнего отсутствия чрезвычайно меня воодушевила, усталость брала свое, а каждая новая неудача повергала нас все в большее уныние.

— Единственное, что нам известно: человек, обронивший кольцо, мог отправиться отсюда на все четыре стороны! — проворчал Барак, указывая на перекресток. — И за десять дней прошагать добрую сотню миль!

— Давайте заглянем еще хоть в несколько хижин! — взмолился я. — Вдруг нам наконец повезет? А если нет, завтра мы найдем себе помощников. За небольшую плату люди наверняка согласятся...

— По моим подсчетам, в лагере сейчас живет восемь тысяч человек! — перебил меня Барак. — Вам понадобятся целый отряд помощников и здоровенный мешок монет!

Однако удача улыбнулась нам раньше, чем мы рассчитывали. Подойдя к скопищу деревянных домишек, теснившихся вокруг приходского знамени, мы увидели нескольких человек, занятых починкой крыши одной из хижин. Я сразу узнал среди них Питера Боуна. В памяти моей моментально всплыло, как две недели назад я встретил его в Норидже, с мешком, наполненным пожитками.

— Питер, вы не откажетесь перемолвиться со мной парой слов? — окликнул я бывшего ткача.

Судя по выражению лица Питера, он предпочел бы избежать разговора; тем не менее он спустился с лестницы.

— Я отойду на минуту, братцы, — кивнул Боун своим товарищам, взиравшим на нас с нескрываемым любопытством.

Вслед за Питером мы вошли в его жилище — крохотную конурку из тех, что предназначались для одиноких людей. Внутри царили безукоризненная чистота и порядок; мешок, который я видел у него за спиной, теперь лежал в углу. Мы сели, Барак и Николас устроились на земляном полу по обеим сторонам от двери.

— Приятель, я вижу, здесь есть прореха, — заметил Николас, указывая на мешок. — Вам нужно срочно ее зашить, иначе вы наверняка что-нибудь потеряете.

— Какие-нибудь мелкие вещи, вроде этих. — Я разжал ладонь, показывая ему гребешок и кольцо.

Глаза у Боуна полезли на лоб от неожиданности, но он отвел от вещей взгляд и уставился в земляной пол.

— Вам известно, какая надпись выгравирована внутри кольца? — осведомился я.

— Конечно, — ответил Питер ровным безучастным голосом. — Это обручальное кольцо Эдит Болейн. — Он поднял голову, и в глазах его внезапно вспыхнула печаль. — Я искал его повсюду, несколько часов подряд ходил по тропинкам туда-сюда. Кольцо наверняка вывалилось сквозь прореху в мешке, когда я нес в лагерь свои пожитки. — Он издал нечто среднее между вздохом и стоном. И поинтересовался: — А откуда оно у вас?

— Вор, которого сегодня судили у Дуба реформации, нашел кольцо на перекрестке, полагаю, вскоре после того, как вы его потеряли. Это кольцо принесли в суд вместе с другими украденными вещами. Оно привлекло мое внимание, я решил рассмотреть его получше — и увидел надпись.

Питер молчал, неотрывно глядя на украшение.

— Когда Эдит пришла к нам, кольцо было у нее на пальце, — произнес он наконец. — В тот же день она сняла его — суставы у нее тогда были еще не такие распухшие, какими стали потом, — и спрятала в шкатулку. — Он снова погрузился в молчание, а потом горько

усмехнулся. — Вижу, мне надо рассказать все от начала до конца. Прежде я боялся, что отец Эдит отдаст меня под суд за похищение дочери. Но сейчас нориджским дворянам пришлось поджечь хвост.

— Так вы похитили Эдит? — удивился я.

— Нет, — покачал головой Боун; его худое, изборожденное морщинами лицо оставалось непроницаемым и безучастным.

— Может, это вы ее убили? — продолжал я расспросы.

В глазах Питера вспыхнули огоньки негодования.

— Если бы я знал, кто убил Эдит, то прикончил бы мерзавца вот этим самым ножом! — процедил он и коснулся рукоятки ножа, висевшего у него на поясе.

— Будет лучше, приятель, если вы отдадите нож мне, — проворчал Барак.

Боун неохотно протянул ему свое оружие.

— Если вы действительно не похищали и не убивали Эдит, обещаю: никаких неприятностей у вас не будет, — заверил я его. — Но в память о ней, прошу вас, расскажите все, что вам известно.

Питер Боун утомленно откинулся назад, прислонившись к дощатой стене, и закрыл глаза. Он молчал так долго, что я уже потерял всякую надежду услышать его рассказ. Но он все же заговорил:

— Мой отец был ткачом и хозяйничал на маленькой ферме неподалеку от Ваймондхема. Детей у него было трое: я и мои сестры, Мерси и Грейс. Некоторым ткачам удается стать состоятельными людьми, а другие едва сводят концы с концами. Мой отец принадлежал к числу последних. Он умер, упокой Господь его душу, в тысяча пятьсот тридцать первом, а годом раньше скончалась наша матушка. Вскоре после его смерти срок арендного договора на дом и землю истек. Мы с сестрами остались без крова над головой. Все, что у нас было, — немного денег да ткацкий станок. От отца я выучился ремеслу и, несмотря на свою молодость, был весьма искусным мастером. Мы с сестрами решили, что я отправлюсь в Норидж и буду зарабатывать на жизнь ткачеством, а они попытаются устроиться горничными в какой-нибудь богатый дом. Мать научила их всем женским премудростям: убирать, стирать, шить. Оказавшись в Норидже, я снял небольшой домик. Поначалу мне сопутствовала удача, я даже нанял нескольких прядильщиц, которые на меня работали. Вскоре я перебрался в другой дом, побольше, тот самый, где мы с вами впервые встретились. А потом

женился на славной девушке. — Питер грустно покачал головой. — То было счастливое время, но длилось оно недолго. Жена моя вскоре умерла от оспы. Работы у меня становилось все меньше, ибо нориджские богатеи прибрали к рукам все производство шерстяных тканей, оставив мелким ремесленникам сущие крохи. — Питер прикрыл глаза и вздохнул. — Но я не сдавался и изо всех сил пытался удержаться на плаву. Все знали, что обе мои сестры служат в богатых домах. Конечно, им тоже приходилось нелегко: горничная должна ходить по струнке, а Мерси и Грейс были живые, веселые, шумные — иногда, быть может, слишком шумные. — По губам Питера скользнула грустная улыбка.

— Не желаете ли выпить пива, мастер Боун? — предложил я.

— Нет, благодарю вас, — покачал он головой. — Вы ведь хотите, чтобы я продолжил свой рассказ, верно? Так вот, сестры служили в разных домах. Грейс сменила несколько мест и наконец, как вам известно, поступила горничной к Эдит Болейн. Это было в тридцать восьмом году. Что касается Мерси, то с ней случилась беда. — Питер нервно переплел пальцы. — Я уже говорил, сестры были очень похожи — и по характеру, и внешне. Обе красивые, с пышными темными волосами и большими голубыми глазами. Но между ними имелось одно важное различие. Грейс мужчины не интересовали, а Мерси... Надо признать, Мерси была отчаянная кокетка. Она служила в семье, живущей неподалеку от Кромера. В тридцать третьем году, два года спустя после смерти нашего отца, ее хозяин прислал мне письмо с просьбой приехать. Когда я явился в его имение, он сообщил, что сын его обрюхатил Мерси... О, я не сомневался, что этому молодчику не пришлось долго ее уламывать. Сестра моя умерла в родах, произведя на свет мальчика. — Питер вновь погрузился в молчание и несколько мгновений спустя произнес едва слышным шепотом: — Мне дали взглянуть на племянника, новорожденного младенца на руках у кормилицы. Отца ребенка я тоже видел, то был красивый молодой джентльмен, опечаленный смертью Мерси ничуть не меньше моего. Что касается главы семейства, то его больше всего заботило, чтобы история не получила огласки. — В голосе Боуна послышались резкие нотки. — Когда я приехал, тело Мерси уже было предано земле. Старый помещик заявил, что сын его позаботится о ребенке и даст ему образование. Подобные случаи, сами понимаете, не редкость в

дворянских семьях. К тому же лорд потребовал, чтобы впредь я не только не упоминал о случившемся, но и не появлялся в их доме. Этого я никогда ему не прощу. Однако спорить я не мог, ведь в противном случае он угрожал лишить ребенка всех своих попечений. «В конце концов, мать младенца была шлюхой и грешницей», — заявил этот тип.

Неожиданно Питер залился слезами, совершенно по-детски всхлипывая. Я вновь предложил ему выпить воды или пива, но он лишь затряс головой, сердито смахнул слезы и заговорил вновь:

— Я согласился, ибо желал своему племяннику добра. Сейчас он уже должен быть подростком. Даже имя его мне неизвестно. Когда у меня спрашивали, где Мерси, я отвечал, что она служит в Йоркшире, слишком далеко отсюда, чтобы навещать меня. Прошло несколько лет, и о ней все забыли. Грейс оставалась моим единственным утешением, она жила неподалеку и часто у меня бывала. Ну а потом, в тридцать восьмом, она устроилась горничной в дом Болейнов. Платили они хорошо, однако семья пользовалась в Норидже дурной славой. Несмотря на странный нрав Эдит Болейн, Грейс сразу прониклась к ней симпатией. Полагаю, она привязалась к своей хозяйке даже сильнее, чем ко мне или к Мерси. Эдит тоже доверяла ей. Как-то она призналась, что муж внушает ей отвращение — впрочем, как и все остальные мужчины. — Питер пристально взглянул на меня и негромко произнес: — Эдит открыла Грейс, что, когда она была девочкой, отец насиловал ее чуть ли не каждую ночь. Вы не представляете себе, как часто происходят подобные случаи — и в богатых семьях, и в бедных.

— Отчего же, представляю, — угрюмо бросил я, вспомнив Томаса Сеймура и леди Елизавету.

— Конечно, служить в семье, где между супругами росла взаимная ненависть, было нелегко. Тем не менее Грейс не хотела покинуть свою хозяйку. Эдит постоянно твердила, что ее муж никогда не поймет, почему жена отказывается спать с ним.

— Значит, она не рассказала супругу о том, как поступил с ней отец?

— Нет. Ей было стыдно в этом признаться. Грейс была единственной, кому она открыла правду. Сестра моя сочувствовала и Эдит, и ее мужу, хотя тот был чертовски вспыльчив, в особенности когда дело касалось земельных споров с соседом. А вот их дети, близнецы Джеральд и Барнабас, внушали Грейс ужас. Мальчишкам

тогда еще не исполнилось и десяти, но свет не видывал более жестоких и необузданных созданий. Возможно, дело было в том, что мать не испытывала к ним ни малейшей любви, даже когда они еще лежали в колыбельках. Мальчишки, как умели, пытались завоевать ее любовь, но тщетно. Вы наверняка слышали историю про то, как Джеральд распорол Барнабасу щеку, стремясь угодить матери, которой трудно было их различать. Все это произошло на глазах у моей сестры. Время от времени Эдит охватывало чувство вины, тогда она отказывалась принимать пищу. Грейс приходилось уговаривать госпожу поест хоть немного, чтобы не заморить себя голодом насмерть.

— Похоже, Эдит была безумна, — прошептал Николас.

— Она считала, что заслуживает наказания, — с внезапным раздражением отчеканил Питер. — Если это безумие, то да, она была безумна.

— А потом у Джона появилась любовница по имени Изабелла, служанка из таверны, — напомнил я.

— Да. Когда слухи об этом дошли до Эдит, она вновь перестала есть. По словам Грейс, она обвиняла себя в том, что муж ее впал в подобный грех, ибо она сама толкнула его в объятия другой женщины. — Питер тяжело вздохнул и продолжил: — Когда госпожа в очередной раз принялась морить себя голодом, Грейс поняла: так больше продолжаться не может. И тут у нее созрел некий план. Согласно этому плану, они с Эдит должны были покинуть Бриквелл и поселиться у меня в Норидже. Эдит она собиралась выдать за Мерси, наконец-то вернувшуюся домой. Вы же помните, никто не знал о смерти второй моей сестры. Когда Грейс поделилась со мной своими намерениями, я попытался отговорить ее. Но стоило моей сестре вбить себе что-нибудь в голову, она была непреклонна, — грустно улыбнулся он.

Я уж было собрался спросить, не относились ли Грейс и Эдит к числу женщин, приверженных однополой любви, однако, поразмыслив, счел за благо не касаться этой деликатной темы. В конце концов, решил я, к смерти Эдит это не имеет никакого отношения, а следовательно, мне ни к чему тешить свое праздное любопытство.

— Поселившись у нас, Эдит обрела мир и покой, которых не знала ранее, — продолжал Питер. — Никогда прежде я не видел, чтобы два человека были так близки, как они с Грейс. Мне Эдит тоже пришлось по

душе. Избавившись от постылых семейных уз, она расцвела, стала румяной и пухленькой, даже научилась шутить и смеяться. И надо сказать, она целыми днями работала не покладая рук. Они с Грейс пряли, а я ткал.

— Значит, у Эдит все-таки были люди, которых она любила и которые любили ее, — сказал я, стараясь унять дрожь в голосе. — Я боялся, что она оставила этот мир, так и не познав человеческой привязанности.

Питер Боун молча кивнул, лицо его застыло.

— Наша хорошая знакомая, Джозефина Браун, сказала, что сестры были похожи: обе темноволосые, крепкие и полногрудые, — припомнил Николас. — Но разве Эдит не была белокурой и худощавой?

— Как только Эдит оказалась у нас, Грейс покрасила ей волосы, — усмехнулся Питер. — А потом мы заставили ее есть побольше. Грейс взяла с Эдит слово, что впредь она никогда не будет морить себя голодом. Теперь, когда на душе у Эдит царил покой, ей больше не хотелось себя наказывать. Вскоре она стала такой же цветущей и упитанной, как и моя сестра.

— Но из каких соображений вы пошли на подобную авантюру, мастер Боун? — негромко осведомился Барак.

— Хотел помочь Грейс спасти несчастную женщину, которая была готова себя угробить, — пристально глядя на него, ответил Питер. — К тому же, когда они обе поселились в моем доме, жизнь моя стала намного веселее. Иногда мне даже казалось, что бедная Мерси ожила и снова вернулась к нам. Ну и вдобавок мне нравилось, что мы перехитрили этих богатеев — отца и мужа Эдит! — Впервые за все время нашего разговора он разразился искренним смехом. — Знаете, что для Эдит было тяжелее всего? Ходить в фартуке и платье из грубой ткани, в дешевых башмаках, с вечно чумазыми лицом и руками. Говорить так, как говорят бедные женщины. Но она понимала, что иначе нельзя. — Боун вперил в меня внимательный взгляд. — Вижу, оказавшись здесь, вы поступили так же?

— Да, теперь меня никто не принимает за джентльмена, и это очень облегчает жизнь, — кивнул я.

В памяти моей вновь всплыло представление кукольного театра. Наблюдая за преображением марионетки, изображавшей богатую леди, я подумал о том, что женщина может изменить свой социальный статус,

всего лишь переодевшись в другое платье. Но в тот вечер я был слишком утомлен, и догадка ускользнула от меня.

— Да, Эдит понимала: чтобы не провалить нашу затею, ей кое с чем надо смириться, — продолжал Питер. — И она быстро ко всему приспособилась. Ох, до чего славно жилось нам втроем! Эдит старалась не бывать в богатых кварталах, а в базарные дни и вовсе не выходила из дому. Но тем не менее иногда она встречала на улицах своих прежних знакомых. И представьте себе, никто из них ни разу ее не узнал. Леди и джентльмены, с которыми миссис Болейн общалась прежде, принимали ее за бедную женщину и не удостоивали второго взгляда.

— Наконец-то мы узнали, где Эдит провела эти девять лет, — пробормотал Николас.

В хижине повисла тишина. Все мы пытались осмыслить услышанное.

— Понимаю, мастер Шардлейк, все это не укладывается у вас в голове, — усмехнулся Боун. — Богатая леди, жена землевладельца, предпочла участь простолюдинки, бедной пряжи.

— Да уж, мы, сколько ни ломали голову над тем, где скрывалась Эдит, до такого никогда бы не додумались, — признался я. — Но если вам так хорошо жилось вместе, то почему Эдит решила вас покинуть?

Лицо Питера исказила гримаса боли.

— В конце прошлого года для нас наступили тяжелые времена. Я больше не мог нанимать прядильщиц. Эдит и Грейс по-прежнему помогали мне, но пальцы у Эдит распухали все сильнее, и пряхсть ей было тяжело. Бедняжка, она так страдала от боли в суставах, — вздохнул Боун. — Бывали дни, когда она вообще не могла взяться за веретено. А весной легочная лихорадка унесла Грейс. Для нас обоих это стало страшным ударом. Платить арендную плату за дом мы были не в состоянии, а Эдит по-прежнему не могла работать. И тогда она сказала, что попробует обратиться за помощью к одной родственнице своего мужа — дальней, но очень богатой. Честно скажу, я понятия не имел, что речь идет о леди Елизавете. В марте Эдит пустилась в путь, захватив с собой немного денег на дорогу. Она обещала вернуться через несколько недель, но так больше никогда и не вернулась. А потом я услышал, что ее мертвое тело было обнаружено в Бриквелле...

— Соседям вы сказали, что обе ваши сестры умерли от легочной лихорадки...

На лицо Питера набежала тень.

— Я же говорил вам: после исчезновения Эдит к нам приходили констебли, которые искали Грейс. Узнав о том, что Эдит убита, я едва с ума не сошел. Мне отнюдь не хотелось открывать, что все эти годы она провела в моем доме. Я не думал, что это может помочь поискам убийцы. Ваш друг мастер Болейн был арестован и обвинен в убийстве жены. Если бы вдруг выяснилось, что она так ненавидела мужа, что оставила его дом и предпочла жить в бедности, это вряд ли настроило бы суд в его пользу. Кроме того, Эдит и Грейс обе мертвы, и вернуть их невозможно.

— У вас нет никаких подозрений по поводу того, кто убил Эдит? — осведомился я.

— Никаких, — покачал он головой. — Все, что я знаю: убийца ненавидел ее лютой ненавистью.

— Миссис Болейн сняла обручальное кольцо с пальца, однако продолжала его хранить.

— Да, все эти годы оно пролежало в деревянной шкатулке. Собираясь сюда, я взял его с собой — ведь это единственная вещь, которая от нее осталась. Уж не знаю, почему Эдит его хранила. Впрочем, продать кольцо с такой надписью внутри вряд ли было возможно.

— Мы надеемся в конце концов найти убийцу, — заявил я. — Правда, пока что подозреваемых у нас слишком много.

Питер судорожно сглотнул, по щекам его вновь поползли слезы.

— Когда найдете преступника, непременно сообщите мне, кто он. А до той поры прошу: оставьте меня в покое. Каждый день я пытаюсь забыть о горестях и потерях, которые выпали на мою долю. Каждый день стараюсь поверить в новую, справедливую жизнь, где подобным несчастьям не будет места.

Глава 70

Я сидел на своей любимой кочке на склоне, с которого открывался вид на Норидж. Светило солнце, что в последнее время было редкостью: из-за постоянных дождей часть армии Кетта переместилась в город. Солдаты расположились в церквях и кафедральном соборе, вызвав тем негодование благочестивых горожан. Было семнадцатое августа; прошло десять дней с тех пор, как я узнал от Питера Боуна, где Эдит провела последние девять лет своей жизни.

Почти все эти дни я предавался безделью. Кетт решил не устраивать более судов над джентльменами; те из них, кто согласился сотрудничать с повстанцами, получили свободу, прочие же оставались в заключении. Дела, которые мы рассматривали под Дубом реформации, исчерпывались редкими случаями воровства и пьяных драк. Теперь, когда у меня появился досуг, я осознал, в сколь сильном напряжении пребывал прежде. Получив возможность отдохнуть, я посвящал немалую часть свободного времени сну. Что касается моих друзей, то Николас вместе с Саймоном ухаживал за лошадьми и, кажется, ничего не имел против этого занятия. Рана на руке у Нетти почти зажила, и парень заметно повеселел. Более всего меня тревожил Барак. Он по-прежнему работал писцом, ведя подсчеты и составляя описи провизии и прочих необходимых товаров, доставляемых из Нориджа. Однако дел у него тоже поубавилось, и теперь Джек часами слонялся по лагерю, наблюдая за военными учениями и собирая сплетни; я замечал также, что от скуки он вновь пристрастился к выпивке. Несомненно, бедняга изнывал от беспокойства за Тамазин и детей, о которых не получал никаких вестей.

Любуясь панорамой города, я вновь и вновь мысленно возвращался к судьбе Эдит Болейн. Исходя из соображений здравого смысла, потерпев неудачу в Хатфилде, она должна была вернуться в Норидж, к Питеру Боуну. Но на обратном пути кто-то убил ее, и пока я ни на йоту не продвинулся в поисках убийцы. Близнецы, Чаури, Изабелла, сам Болейн, у которого отсутствовало хоть сколько-нибудь убедительное алиби... Список подозреваемых был достаточно велик; к тому же нельзя забывать о Саутвелле и Фловердью, ведь оба они были не прочь завладеть Бриквеллом.

Потом мысли мои обратились к другой загадке, имевшей ко мне самое непосредственное отношение. Кто выдал властям семью капитана Майлса, скрывавшуюся в Лондоне? Быть может, человек, который их выследил, тоже жил в столице? Я все больше склонялся именно к этой версии. Сам я не ощущал, что на мне лежит груз серьезных подозрений, и не замечал за собой слежки. Тем не менее Тоби Локвуд, который с каждым днем вел себя все более непредсказуемо, Эдвард Браун, Майкл Воувелл, Питер Боун и бедный Гектор Джонсон, старый солдат, погибший в бою, по-прежнему оставались в числе подозреваемых. Однако мне трудно было поверить, что кто-то из них совершил предательство. Локвуда я не видел с тех пор, как показал ему кольцо Эдит, ныне лежавшее у меня в кошельке. По слухам, он вместе с другими повстанцами валил деревья в Торпском лесу. Несомненно, утрата высокого положения, которое Тоби занимал в лагере, больно ударила по его самолюбию. Полагаю, обуревавшую его ярость Локвуд вымещал на деревьях, нанося им сокрушительные удары топором.

Я обещал Питеру Боуну, что передам услышанное от него лишь нескольким сугубо заинтересованным лицам. К числу этих лиц относился и мастер Пэрри; я понимал, что, узнав, где скрывалась Эдит, он прекратит бессмысленные розыски в Хатфилде. В письме, адресованном ему, я сообщил обо всем, что мне удалось выяснить; упомянул я и о том, что нахожусь в повстанческом лагере на положении пленника, которого, впрочем, содержат со всеми возможными в походных условиях удобствами. Закончив письмо, я обратился к Роберту Кетту с просьбой прочесть мое послание лично, а затем отправить адресату нераспечатанным. В случае если бы письмо мое было прочитано клерком, ответственным за проверку корреспонденции, визит Эдит к леди Елизавете, скорее всего, получил бы огласку. Вполне вероятно, что по Норфолку поползли бы слухи и сплетни; иными словами, могло произойти именно то, против чего меня предостерегал мастер Пэрри.

Прочтя письмо, которое я собственноручно доставил в церковь Святого Михаила, Кетт присвистнул от удивления. Впрочем, одна фраза заставила его нахмуриться.

— Вот уж не думал, что вы считаете себя нашим пленником, — процедил он; глядя на него, я заметил, что морщины, бороздившие лицо

капитана, в последнее время стали глубже, а выражение тревоги и озабоченности, казалось, застыло в его глазах навсегда. — Вы же добровольно принесли клятву служить нам.

Откровенно говоря, я предвидел, что фраза эта вызовет его неудовольствие. И пояснил:

— Вы сами понимаете, мастер Пэрри и леди Елизавета будут весьма неприятно поражены, узнав, что я остался в лагере добровольно.

Кетт, по обыкновению, принялся сверлить меня глазами, словно желая проникнуть в душу.

— Предпочитаете не сжигать за собой мосты и сохранить расположение леди Елизаветы?

— Не стану скрывать, да. Возможно, ее поддержка и покровительство окажутся мне отнюдь не лишними.

— Если мы победим, вы сможете вновь поступить на службу в Палату прошений и помогать бедным людям добиваться справедливости, — заметил Кетт. — Полагаю, многие захотят исправить беззакония, творимые землевладельцами, и в суд хлынет лавина исков.

— Скажу откровенно, сам я тоже предпочел бы вернуться в Палату прошений. Но пока Ричард Рич занимает пост лорд-канцлера, он ни за что не позволит мне служить там.

В памяти у меня всплыл тот кошмарный январский день, когда, войдя в контору Пэрри, я застал там ожидавшего меня Рича.

— Возможно, одержав победу, мы сумеем избавиться от сэра Ричарда, — заявил Кетт.

— Хотелось бы на это надеяться. Но вы совершенно правы: я предпочитаю не сжигать за собой мосты.

— И все-таки вычеркните слово «пленник», — распорядился Роберт. — Просто напишите, что находитесь сейчас в лагере.

Поколебавшись несколько мгновений, я взял перо, которое протянул мне Роберт, и зачеркнул неудобное ему слово так жирно, что прочесть его не было никакой возможности. Капитан удовлетворенно кивнул и присыпал свежие чернила песком.

— Письмо будет отправлено в Хатфилд нераспечатанным, — заверил он меня. — С одним из моих надежных курьеров.

Имелось еще два человека, весьма заинтересованных в любых сведениях относительно судьбы Эдит; то были Джон и Изабелла Болейн. На следующий день после разговора с Питером Боуном я, в сопровождении Николаса, отправился к ним в тюрьму. По дороге, ставшей нам хорошо знакомой, мы спустились с холма, миновав руины сторожевой башни, вошли в городские ворота и по булыжной мостовой, с которой уже исчезли следы крови, двинулись в сторону замка. Прохожих на улицах Нориджа было не много: зажиточные люди имели удрученный и обеспокоенный вид; бедняки, напротив, держались уверенно и даже гордо. На городских стенах несли караул солдаты армии Кетта.

Во внутреннем дворе Нориджского замка было не так оживленно, как в прошлый раз; впрочем, стоило войти, как в ноздри нам ударила нестерпимая вонь, говорившая о том, что тюрьма полна под завязку. Камера Джона Болейна, просторная, светлая, хорошо обставленная и согретая присутствием Изабеллы, казалась уютным островком в этом мире тоски и уныния. Супруги, судя по всему, были довольны и счастливы. Передавая им рассказ Питера Боуна, я внимательно наблюдал за обоими; изумление, отразившееся на их лицах, показалось мне вполне искренним.

— Эдит даже в голову не пришло сообщить мне, что она жива и здорова, — с горечью проронил Болейн, выслушав меня.

— Возможно, она считала, что своим молчанием дает тебе право жениться вновь, — мягко возразила Изабелла.

— Сразу видно, что ты не знала ее, любовь моя. Да упокоит Господь ее душу, но единственным человеком, о котором беспокоилась Эдит, была она сама.

— Хотите оставить кольцо у себя, Джон? — спросил я.

В ответ он лишь яростно замотал головой.

— Есть у вас какие-нибудь известия о Чаури? — спросил Николас.

Изабелла бросила на меня предостерегающий взгляд; по равнодушному выражению лица Болейна я понял, что ему ничего не известно о посягательствах управляющего на его жену. Вероятно, Изабелла решила, что бедняге и без того хватает проблем.

— Нет, пока никаких известий, — сообщил Джон. — Так ведь и времени с его отъезда прошло совсем немного. Думаю, вскоре Дэниел

нам напишет. Господи Иисусе, страшно представить, какая разруха царит сейчас в Бриквелле.

Выпив с супругами по стакану вина, мы с Ником простились с ними и направились в обратный путь. Когда мы поравнялись с собором, на другой стороне улицы я увидел знакомую пару — Гэвина Рейнольдса и его супругу Джейн. Он шел медленно, тяжело опираясь на палку; она держала его под локоть, на руках старухи, как всегда, белели повязки. Меня охватило замешательство; вне всякого сомнения, родители Эдит более всех прочих людей на свете имели право узнать, где их дочь провела последние девять лет жизни.

— Ну их к черту, — буркнул Николас, проследив направление моего взгляда.

— Но я должен сообщить этой бедной женщине, что случилось с ее дочерью.

— Тогда попытайтесь застать ее наедине, без этого старого хрыча.

— Если мне однажды удалось это сделать, сие отнюдь не означает, что подобное везение повторится.

Тут какой-то мальчишка-подросток, в потрепанных старых штанах и куртке, подскочив к Рейнольдсам, завопил что есть мочи:

— Старый вонючий хорек, твое место в тюрьме!

В следующее мгновение он спустил штаны и продемонстрировал старику свою задницу. Рейнольдс, заорав: «Ах ты гнида!» — поднял палку, намереваясь огреть обидчика по голове. Но проворный парнишка успел отскочить, а Гэвин, потеряв равновесие, выронил палку и упал на булыжную мостовую. Сорванец так и зашелся от хохота; солдаты, стоявшие в карауле у ворот собора, засмеялись тоже. Рейнольдс, багровый от бешенства, тщетно пытался подняться на ноги.

— Помоги же мне, старая корова! — крикнул он жене.

В тот момент, когда мальчишка обнажил задницу, старуха сделала то, чего никогда не делала прежде, — улыбнулась. Сейчас она виновато взглянула на своего разъяренного супруга:

— Не могу, Гэвин. Ты же знаешь, мои руки...

Испутив тяжкий вздох, я пересек улицу. Николас последовал за мной. Рейнольдс не сразу узнал нас и, когда мы подняли его на ноги и вручили палку, вежливо произнес:

— Благодарю вас.

Однако в следующий миг едва не задохнулся от негодования.

— Опять вы! — рявкнул он. — Мне не нужна ваша помощь! И тогда, на рыночной площади, я тоже в ней не нуждался! Зачем вы меня преследуете, каналы?

Старик замахнулся и ударил меня по плечу. Николас вырвал у него палку.

— Вижу, сэ, вы не слишком хорошо воспитаны, — процедил он.

— Отдай палку, рыжая шельма! — верещал Рейнольдс. — Ты и твой покровитель-горбун, вы оба — изменники и предатели! Вы знаете, где я только что был? В ратуше! Навещал своего знакомого, честного человека, поставщика шерсти, которого бросили в тюрьму! В сырую вонючую камеру! И теперь он не может выполнить свои обязательства по контракту. Из-за этих грязных псов, проклятых бунтовщиков, город вот-вот провалится в тартарары! Как могли вы, джентльмены, связаться с этим паскудным сбродом?! Но ничего, скоро вы получите по заслугам! Я еще увижу, как ты, горбун, будешь болтаться на виселице в компании с... — Приступ лающего кашля не дал ему завершить тираду.

Целая толпа зрителей, успевшая собраться за это время, довольно хихикала. Джейн Рейнольдс, прислонившись к стене ближайшего дома, с ужасом смотрела на своего супруга. Я сделал Николасу знак вернуть старику палку. Наконец пожилая чета поплелась прочь; глядя им вслед, я сожалел, что не имею возможности встретиться с Джейн наедине. Наверняка весть о том, что ее покойная дочь счастливо провела последние девять лет своей жизни, послужила бы для бедной матери большим утешением.

Глава 71

В те дни в середине августа гонцы доставляли в церковь Святого Михаила преимущественно дурные новости. Небольшие повстанческие лагеря, возникшие на юго-востоке, уничтожались один за другим; угрозы применить силу и обещания простить всех, за исключением главарей, ныне подкреплялись денежными посулами. Повстанцам из Саффолка было обещано шестьдесят семь фунтов, мятежникам из Кентербери — более ста. Все это были крупные суммы, однако они не шли ни в какое сравнение с той, что Саутвелл передал Кетту, — 500 фунтов. Впрочем, по численности обитателей Маусхолд значительно превосходил все прочие лагеря. Из западных графств доходили известия о повсеместных поражениях повстанцев. Семнадцатого августа провалилась попытка захватить Грейт-Ярмут: отряд, посланный из Маусхолдского лагеря, был разгромлен, тридцать бунтовщиков и шесть пушек захвачены в плен. После сокрушительного поражения повстанцев в Ярмуте многие бедные жители этого города, некоторые вместе с семьями, устремились на Маусхолдский холм и вкупе с беженцами из Саффолка и Эссекса обосновались в нашем лагере.

Впрочем, были и другие вести — например, о восстаниях в Линкольншире и Уорикшире. Восьмого августа мы узнали, что Франция объявила Англии войну. К этому шло уже давно, в последнее время Франция усиленно помогала Шотландии, и теперь можно было надеяться, что Сомерсет сосредоточит в Шотландии все имеющиеся в его распоряжении войска, лишившись тем самым возможности нанести новый удар по повстанцам. Однако же два дня спустя из Лондона дошла новость о том, что против нас послана новая армия. Поначалу ходили слухи, что ее возглавляет сам протектор, однако впоследствии выяснилось, что командующим назначен граф Уорик, искусный военачальник, имевший опыт сражений и на суше, и на море. Несмотря на впечатляющие размеры нашего лагеря и на то, что Норидж находился во власти повстанцев, Маусхолд все более походил на одинокий остров, окруженный разбушевавшимся враждебным морем.

Кетт, как всегда честный и откровенный, собрав народ у Дуба реформации, огласил все неутешительные новости. После этого в лагере начались бесконечные споры и пререкания. Некоторые

утверждали, что настала пора обратиться к правительству за обещанной милостью, тем более что в очередном воззвании протектора участникам «изменнических сборищ» вновь сулилось полное прощение — разумеется, лишь в том случае, если они «проявят полное раскаяние и продемонстрируют покорность». Другие утверждали, что сдаваться рано и что размеры нашего лагеря, перспектива новых восстаний и война с Шотландией, требующая привлечения все больших военных сил, подтверждают наши шансы одержать победу и заставить протектора выполнить наши требования. «В конце концов, — говорили они, — разве мы, солдаты, лишь недавно научившиеся владеть оружием, не разгромили армию Нортгемптона? Если мы вновь одержим победу, то восстание неминуемо приобретет еще больший размах и наше воинство, изрядно увеличившись за счет повстанцев из уничтоженных юго-восточных лагерей, сможет двинуться на Лондон». Бесчисленные проповедники, вещавшие в лагере на всех углах, лишь подливали масла в огонь споров. При этом некоторые цитировали древних пророков, другие черпали вдохновение исключительно из Библии, но все как один утверждали, что являются глашатаями воли Божией. Были среди повстанцев и такие, кто по-прежнему верил, что армия, которая движется в Норидж, послана отнюдь не протектором, но нашими врагами из Королевского совета и норфолкским дворянством. В действительности в том, что войско направлено Сомерсетом, не было никаких сомнений; наши шансы на победу зависели лишь от размеров и настроения этой армии.

Те, кто хотел сражаться до конца, приводили еще один довод, более практического характера: после тех унижений, которым мы подвергли норфолкских дворян, они вряд ли проявят к нам милосердие. О Комиссии по огораживаниям и о реформах, обещанных в прежних воззваниях протектора, в случае нашего поражения не будет и речи. Подобная точка зрения казалась мне наиболее разумной; когда я сказал об этом Бараку, он заявил, что я становлюсь отъявленным радикалом.

Желая положить конец спорам и распрям, Роберт и Уильям Кетты вновь собрали людей у Дуба реформации и призвали всех сражаться до тех пор, пока наши цели не будут достигнуты. Военные учения возобновились, словесные перепалки вокруг костров несколько поутихли. Однако над лагерем витала атмосфера тревожного ожидания, весьма далекая от прежних ликующих настроений.

В тот день, когда по лагерю прошел слух о поражении в Ярмуте, Барак вернулся в нашу хижину озабоченный и подавленный.

— Ко мне сегодня подошел один из сотников, — сообщил он. — Если нам предстоит новая схватка, сражаться придется всем, кто может держать в руках оружие. — Помолчав, Джек добавил: — Сотник сказал, что правительственная армия будет здесь дней через десять, не позже. Он предложил мне участвовать в военных учениях.

— Но ты же... — начал Николас.

Барак поднял свою искусственную руку и тут же сморщился: по вечерам культя у него начинала ныть.

— Да, я калека, — невозмутимо заявил он. — Но всем известно, что прежде я был храбрым бойцом.

— Ты действительно хочешь сражаться? — спросил я вполголоса, так чтобы вопрос мой не достиг ушей кого-нибудь из наших соседей.

Все жители Свордстоуна были настроены стоять до последнего и осуждали тех, кто не верил в победу восстания.

— Нет, — покачал головой Барак. — Теперь я понял, что моя главная обязанность — заботиться о Тамми и детях. Я хочу увидеть их вновь.

— И поэтому ты каждый вечер напиваешься?

Джек кивнул и произнес едва слышно:

— Есть еще одна причина, по которой я не хочу сражаться. Я тут постоянно болтаю с разными людьми, смотрю, как проходят учения, и все такое. Ребята стараются, но теперь все будет куда серьезнее, чем прежде. В тот раз мы столкнулись с толпой трусливого сброда, которой командовал напыщенный болван. Сейчас против нас направлены лучшие военные силы. По слухам, в правительственной армии множество иностранных наемников, и это отнюдь не расфуфыренные итальяшки, а швейцарские ландскнехты, с которыми шутки плохи. Насколько я понял, Кетт намерен применить прежнюю тактику — заманить неприятеля в Норидж и разгромить его на городских улицах. А если этот план провалится, мы сосредоточим все наши силы на склоне Маусхолдского холма и дадим там решающее сражение.

— Я не военный, но подобная тактика представляется мне вполне разумной.

— Я тоже не большой знаток по части стратегии, — пожал плечами Барак. — Но чутье мне подсказывает: одна и та же хитрость не сработает два раза кряду.

Несколько минут все мы молчали.

— В ближайший вторник Кетт хочет устроить в лагере ярмарку с фокусниками, жонглерами и прочими увеселениями, — наконец нарушил тишину Джек. — Надеется, что народ воспрянет духом. А потом будет игра в мяч между двумя командами — из Северного и Южного Норфолка. Хорошая подготовка к битве, ничего не скажешь, — проворчал он.

— Мне и прежде доводилось слышать о новой игре в мяч, — заметил я. — Насколько я понимаю, она также включает элементы борьбы.

— Думаю, вместо слова «борьба» можно сказать попросту — драка, — мрачно усмехнулся Барак. — Но по крайней мере, молодым парням будет где выпустить пар.

Несколько дней подряд шел дождь, однако во вторник, двадцатого августа, небо прояснилось и выглянуло долгожданное солнце. Я отправился на ярмарку в большой компании: к нам с Бараксом и Николасом присоединились Саймон, Нетти, Эдвард Браун, явившийся в лагерь вместе с другими жителями Нориджа, и Джозефина с Мышкой на руках. Малютка, которой недавно сравнялось пять месяцев, сосала пальчик и с любопытством поглядывала вокруг. Я бросил взгляд на Николаса, который в последние дни удивлял меня своей молчаливостью. Он по-прежнему ухаживал за лошадьми, принять участие в военных учениях ему пока не предлагали. Я опасался, что в случае, если подобное предложение последует, Николас ответит отказом. Саймон, по обыкновению, размахивал руками как мельница и возбужденно тараторил, предвкушая невиданные зрелища.

— Ох, до чего же он шумный, — вздохнул Нетти, слегка утомленный бурным темпераментом приятеля.

Тетушка Эверник, подойдя к Саймону, приказала ему вести себя поспокойнее — разумеется, если он не хочет, чтобы люди считали его чокнутым.

Ярмарка раскинулась на пустоши, расположенной примерно в миле от гребня холма. Здесь проводили военные учения, поэтому

пожелтевшая на солнце трава была скошена. Повсюду пестрели разноцветные палатки, доставленные из дворца графа Суррея, а раскладные прилавки были завалены товарами. Накануне плотники работали допоздна, возводя деревянную сцену для представлений. Я вновь поразился тому, как много обитатели лагеря успели сделать за столь короткое время. Распорядители из числа повстанцев направляли многотысячные потоки зрителей, указывая, кому где разместиться. Майкл Воувелл, как всегда стоявший в окружении молодых парней, помахал мне рукой.

Представление началось с демонстрации военного искусства. Сотня лучников одновременно выпустила стрелы, большинство из которых, со свистом разрезав воздух, вонзилось в самый центр круглой мишени. Зрители зааплодировали. Вслед за лучниками настал черед воинов, облаченных в легкие латы и шлемы и вооруженных мечами, алебардами, копьями и пиками. Они устроили показательную битву, не причинив при этом друг другу никаких повреждений — немалое достижение для людей, лишь недавно взявших в руки оружие.

В заключение нам продемонстрировали стрельбу из небольшой аркебузы, захваченной у армии Нортгемптона. Мало кто из повстанцев прежде видел подобное оружие; тысячи глаз с изумлением уставились на длинный, в половину человеческого роста, ствол. Один из солдат забил в ствол свинцовое ядро, а другой нацелил дуло на тяжелый стальной нагрудник — тоже трофей, захваченный у королевского войска, — установленный в пятнадцати футах от орудия. Зрители, стоявшие рядом, видели, как солдат поднес зажженную спичку к небольшому лотку с порохом, прикрепленному к одной из сторон аркебузы. Второй солдат потянул за спусковой крючок; раздался грохот, сопровождаемый вспышкой, и снаряд, вылетев из дула, пробил в доспехах круглую зияющую дыру.

— Да уж, не каждый сумеет выстрелить из этой штуковины, — протянул изумленный Нетти, поворачиваясь ко мне, и задумчиво почесал в голове; волосы у него успели отрасти и висели сальными прядями, но я надеялся, что у мальчишки пока не завелись вши.

— Представьте, что будет, когда на нас нацелят сотню таких штуковин, — угрюмо пробормотал Барак.

Те, кому ничего не удалось рассмотреть, — а таких было большинство — недовольно ворчали. Впрочем, ропот мгновенно стих,

когда на деревянный помост поднялся Роберт Кетт в сопровождении своего брата Уильяма и капитана Майлса. Их приветствовали аплодисментами и радостными криками. Кетт вскинул руку, призывая к молчанию. Когда воцарилась тишина, он заговорил, звучный его голос разносился над полем; слова, как обычно, передавались из первых рядов назад. То была короткая, но исполненная значения речь:

— Друзья! Вот уже шесть недель мы с вами служим нашему общему делу. Все мы за это время немало потрудились и успели многому научиться. Мы построили этот лагерь и живем здесь как товарищи и братья. Мы положили конец власти дворян и богатеев в Норфолке, мы захватили Норидж — второй по величине город Англии — и обратили в бегство армию, которую направили против нас лорды! — В ответ раздался хор восторженных возгласов, однако Кетт прервал ликование, вновь вскинув руку. — Я всегда был с вами откровенен и ничего от вас не утаивал. Вы знаете, что в Ярмуте нас постигла неудача. Вам известно, что, хотя в Англии вспыхивают новые мятежи, многие повстанческие лагеря на юге страны уничтожены. Я не стану скрывать, что, по донесениям наших осведомителей, сегодня из Лондона выступила огромная армия, возглавляемая графом Уориком. Численность этой армии составляет несколько тысяч человек, и все они движутся в Норфолк. Друзья, нам предстоит новое, более жестокое сражение! Но я знаю, у вас мужественные сердца и сильные руки. Не сомневаюсь, мы победим! — Роберт перевел дух и продолжил: — Одержав победу, мы добьемся того, о чем мечтали. Уничтожим все незаконные пастбища, положим конец произволу землевладельцев! Прогоним прочь продажных чиновников и вельмож! Узнай его королевское величество о беззакониях, которые эти люди творят, он наверняка пришел бы в ужас! После победы, в которой я не сомневаюсь, мы отправим в Лондон своих посланников, и они передадут наши требования прямо в руки королю! Мы сумеем обойти все препоны, которые лорды ставят на нашем пути!

Толпа вновь разразилась радостным гулом, на этот раз еще более громким. Кетт, глаза которого сверкали от волнения, крикнул во всю мощь своих легких:

— Да хранит Господь короля Эдуарда!

Сопровождаемый овациями и одобрительными возгласами, капитан спустился с помоста. Лицо его, решительное и

сосредоточенное, блестело от пота.

— Он прав! — воскликнул Нетти. — Мы победим и построим новую жизнь во всей Англии!

— Надеюсь, так оно и будет, — кивнул я.

Речь Кетта тронула меня не меньше, чем всех остальных, однако перед внутренним моим взором упорно возникала мрачная картина: булыжные мостовые, залитые кровью.

В течение последующих нескольких часов нам были представлены развлечения на любой вкус: выступления акробатов, фокусников, жонглеров и даже травля медведей. Эта потеха всегда была мне не по нутру, поэтому, расставшись с Бараксом, Николасом и Нетти, я решил немного прогуляться. Джозефина составила мне компанию.

— Что скажешь о выступлении капитана Кетта? — спросил я, когда мы отошли от толпы на некоторое расстояние.

— Он великий человек, и об этом свидетельствует каждое его слово, — ответила Джозефина. — Эдвард тоже не сомневается в нашей победе. В последнее время я немного успокоилась. Поняла, что у нас один путь и мы должны по нему идти.

Она взглянула мне в лицо своими ясными голубыми глазами, и я подумал, что робкая молодая женщина, которую я знал прежде, исчезла безвозвратно.

— Да, я тоже считаю, что мы можем победить.

— Вы сказали «мы», — улыбнулась моя собеседница. — Это означает, что теперь вы считаете себя одним из нас?

— Полагаю, так оно и есть, — задумчиво произнес я. — Хотя я по-прежнему не представляю, к чему может привести то, что происходит ныне.

— Этого никто не знает, — пожала плечами Джозефина. — Насколько я понимаю, вы всегда предполагаете худшее.

— Возможно.

— Вы не подержите немного Мышку, сэр? Хочу подойти к прилавкам, посмотреть, чем там торгуют.

Как всегда, я с удовольствием взял ребенка на руки. Малышка улыбнулась мне и, прогулив что-то в знак приветствия, прижалась к моей груди и заснула. Вслед за Джозефиной я подошел к прилавкам, за которыми торговали пивом, пирогами и другой снедью, а также всякой

всячиной, захваченной в богатых домах, но не имеющей особой ценности, а потому не сданной в общую казну. Среди этих вещей — фарфоровых чашек с отбитыми краями, разноцветных склянок, гипсовых статуэток — я заметил игрушечную деревянную собачку и купил ее для Мышки.

Разгуливая по ярмарке, мы вновь повстречали Майкла Воувелла и его друзей.

— Сегодняшняя речь — лучшая из всех, что когда-либо произносил капитан Кетт! — с воодушевлением заявил он. — Это положит конец трусливым разговорам о том, что нам надо сдать на милость правительства.

Молодые приятели Воувелла решительно закивали в знак согласия.

Мы с Джозефиной повернули назад, решив, что медвежья травля уже закончилась и нам пора присоединиться к остальным. Неожиданно путь нам преградил Тоби Локвуд, лохматый и взъерошенный.

— Мастер Шардлейк! — воскликнул он, обдав нас запахом крепкого пива. — Прогуливаетесь с чужой женой? Достойное занятие для адвоката, ничего не скажешь!

Я попытался оттолкнуть его, но он вцепился мне в руку.

— Осторожнее, не заденьте ребенка! — крикнул я.

Мышка проснулась и заплакала. Джозефина смотрела на Локвуда, оцепенев от ужаса.

— Я слышал, недавно вы получили письмо от управляющего леди Елизаветы, — процедил Тоби, склонившись к моему уху. — В этом письме он всячески оскорбляет и поносит нас.

— Откуда вам это известно?

Локвуд зловеще улыбнулся, сверкнув ровными зубами, которые казались особенно белыми в темной гуще бороды.

— Хотя по милости этого рыжего дворянчика, вашего прихвостня, я и лишился должности, однако по-прежнему первым узнаю новости. И не только узнаю, но и распространяю. Например, я рассказал, что вы всегда были приспешником самых богатых людей в Англии. И что вы пригрили на груди гадюку, этого мерзавца Овертона, нашего заклятого врага. Да, мастер Шардлейк, вы носите у себя на груди не только младенцев. Так что берегитесь, теперь в лагере знают, кто вы на самом деле!

С этими словами Локвуд повернулся и, пошатываясь, удалился прочь.

— Кажется, этот человек прежде работал с вами? — растерянно спросила Джозефина.

— Да. Судя по всему, он немного повредился в уме, — ответил я слегка дрогнувшим голосом.

Мысль о том, что Тоби Локвуд, обладающий влиянием и связями, распространяет обо мне клеветнические слухи, заставила мое сердце болезненно сжаться.

В разгар дня, незадолго до начала состязаний, состоялось нечто вроде потешного рыцарского турнира. Посреди поля возвели две линии барьеров, в конце каждой из них — небольшой шатер. Из шатров одновременно выехали два всадника, вооруженные копьями. Один был облачен в тряпичные доспехи с гербом маркиза Нортгемптона на груди. Надменно вскинув голову, он окинул толпу презрительным взглядом. Копье, которое наездник держал в руках, тоже было скручено из тряпок. Более того, тряпичным был и его скакун, яростно вращавший деревянной головой. Деревянные зубы коня были оскалены в издевательской усмешке. Под холщовой шкурой скрывались два человека: один служил скакуну передними ногами, другой — задними. Несомненно, все эти штуки были позаимствованы у бродячих актеров, нередко устраивавших представления в деревнях. Противник горемычного рыцаря, молодой повстанец, одетый в обычную рубашку и кожаную куртку без рукавов, держал в руках раскрашенное деревянное копье. Лошадь у него была настоящая, но по виду кроткая и смиренная, ничуть не походившая на тех могучих жеребцов, что участвуют в реальных рыцарских турнирах.

— Не смейте ржать надо мной, деревенские олухи! — гаркнул рыцарь, подражая произношению аристократов. — Я — непобедимый воин и сейчас снесу с плеч голову этого презренного бунтовщика!

Зрители разразились свистом и улюлюканьем, а рыцарский скакун осуждающе помотал деревянной башкой.

Мы стояли неподалеку от «рыцаря», в окружении свордстоунских крестьян, которые буквально катались со смеху. Николас тоже смеялся; что касается Саймона, тот аж заходился от хохота.

— Смотри, парень, не намочи штаны! — предостерег его Барак.

И тут Скамблер выкинул очередную глупость. Перескочив через барьер, он что было мочи лягнул рыцарскую лошадь ногой в зад. Изнутри раздался вопль «Черт!»; конь покачулся, и седок едва не упал. Повернувшись к Саймону, он рывкнул, более не утруждая себя аристократическим произношением:

— Да ты, никак, совсем спятил, придурок?

— Он что, не знает, что Грязнуля Скамблер от рождения чокнутый?! — прыснул кто-то из зрителей. — Сразу видно, он не из Нориджа!

Николас схватил Саймона за руку и перетащил за барьер.

— Ох, приятель, ты так здорово ладишь с лошадьми! Но вот почему с людьми ты вечно попадаешь впросак? — проворчал он.

Мальчик потупил голову, утратив интерес к представлению, которое шло своим чередом. Рыцарь атаковал крестьянского парня с воинственным кличем: «За лордов, поместья и деньги!»

— За простых людей! — крикнул в ответ повстанец и пустил свою лошадь вскачь.

Когда он приблизился к рыцарю, потешный скакун с деревянной башкой резко повернулся и потрусил в сторону шатра. Парень напутствовал его ударом деревянного копья в зад. Обратив противника в позорное бегство, он соскочил с лошади и раскланялся перед редевшей от восторга публикой. Я смеялся ничуть не меньше остальных.

— Люди по-прежнему надо мной потешаются? — спросил Саймон, неуверенно вскинув голову.

— Что ты, дружище, про тебя все давно забыли. Не переживай из-за ерунды. Когда все это закончится, я помогу тебе устроиться куда-нибудь конюхом, и ты всегда будешь при лошадях, — пообещал я.

Саймон благодарно улыбнулся сквозь слезы.

Наконец наступило главное событие нынешнего дня — игра в мяч. В отличие от потешного турнира, тут все было серьезно. Нетти покинул нас, так как тоже участвовал в соревнованиях.

— Как бы они не поранили друг друга, — озабоченно покачала головой тетушка Эверник.

— Я видел нечто вроде этого в Лондоне, — сообщил Барак. — Вроде как обошлось без жертв.

— Ох, от такой забавы добра не жди, — вздохнула добрая вдова. — В прошлом году у нас тоже была какая-то игра. Помнится, перед началом ребята из Саффолка спросили у норфолкских, запаслись ли те гробами.

На просторную площадку, огороженную веревками, вышли первые тридцать участников — крепкие парни и молодые мужчины, все как один обнаженные до пояса. На каждом был цветной кушак, позволяющий понять, к какой команде он принадлежит. Они начали битву — другим словом назвать происходившее было невозможно — за мяч, сделанный из мочевого пузыря свиньи. Пытаясь завладеть мячом, они отчаянно пинались и выкручивали друг другу руки. За происходящим наблюдал судья, однако никаким — или почти никаким — правилам игроки не подчинялись. Я с удивлением убедился, что Нетти, которого я считал тихим и задумчивым юношей, сражался за мяч так же яростно, как и все остальные. Тоби Локвуд играл в команде его противников. Судя по злобным взглядам, которые он бросал на Нетти, этого паренька он тоже считал моим прихвостнем.

Когда мяч отлетел в сторону и Нетти устремился за ним, Тоби бросился ему наперерез и что есть силы двинул плечом в лицо; в результате мальчишка не удержался на ногах и упал. Локвуд, не ограничившись этим, лягнул его в пах так, что Нетти вскрикнул и согнулся пополам. Тоби довольно усмехнулся и бросил на меня торжествующий взгляд. Дикая выходка Локвуда осталась незамеченной, ибо судья в это время смотрел в другую сторону, туда, где вокруг мяча завязалась бурная схватка. Нетти, постанывая, заковылял к нам. Барак и Николас помогли ему сесть. Паренек свесил голову меж колен, и его вырвало. Джек заставил Нетти поднять голову и внимательно осмотрел его лицо.

— У тебя будет здоровенный синяк, приятель! — заявил он. — Хорошо еще, что этот каналья не сломал тебе нос.

— Бешеный пес, — процедил Николас.

— Почему он это сделал? — простонал Нетти.

— Потому что он знает: ты наш друг, — уверенно ответил я. — Как ты себя чувствуешь? Все кости целы?

Нетти, одна щека у которого покраснела и распухла, а другая, напротив, побледнела от боли, коснулся рукой своей широкой груди и невесело усмехнулся:

— Ничего, до свадьбы заживет. Как-то раз меня лягнула лошадь, так было еще хуже. Жаль только, что сегодня вечером мне придется сидеть дома. Говорят, в лагерь придут девушки из Нориджа, но с такой рожей мне лучше держаться от них подальше.

Как вскоре выяснилось, один из зрителей все же заметил, что выкинул Тоби Локвуд. Игра закончилась победой северян, толпа начала расходиться. Кто-то коснулся моего плеча; обернувшись, я увидел Майкла Воувелла.

— С вашим молодым другом поступили весьма жестоко, — сказал он.

— Вы видели?

— Да, я постоянно наблюдаю за Локвудом, — кивнул Майкл. — Прежде думал, что, несмотря на все свои странности, он верен нашему делу. Но теперь у меня появились сомнения на этот счет. Вы же помните, он был среди нас, когда капитан Майлс проговорился о том, где скрывается его семья. Значит, он мог стать предателем.

— Так же, как я, вы или Эдвард Браун.

— Я точно знаю, что никого не предавал. И не верю, что вы или Браун мог сделать это.

— Локвуд всегда был мстительным и жестоким и, проиграв дело против Николаса, озлобился еще сильнее, — покачал я головой. — Но у нас нет никаких оснований сомневаться в его преданности повстанцам.

— Вы уверены? — вскинул бровь Воувелл. — Он несколько лет подряд работал с лондонским адвокатом Копулдейком и пользовался доверием многих норфолкских дворян, точно так же как вы пользуетесь доверием леди Елизаветы.

— Откуда вам это известно? — слегка нахмурился я.

— Это известно всем, — пожал плечами Воувелл. — К тому же Тоби часто бывал у моего прежнего хозяина, Гэвина Рейнольдса. Сэр Ричард Саутвелл, несмотря на ссору, которая вышла у него с Рейнольдсом, хотел заключить с ним какую-то сделку и обратился к услугам Локвуда. Но старикан, разумеется, и слышать ни о чем не пожелал. Так или иначе, у мастера Копулдейка, патрона Локвуда, имеются весьма могущественные клиенты, да и сам он обладает обширными связями.

— Вижу, вы на редкость хорошо осведомлены, — криво усмехнулся я.

— Как и всякий, кому довелось служить в богатом доме, — ведь слуги слышат то, что не предназначено для чужих ушей, — заявил Воувелл. — У меня уже давно возникли сомнения относительно Тоби Локвуда. Возможно, он вовсе не таков, каким хочет казаться. Повторяю: он оказывал местным дворянам множество услуг и получал за это неплохие деньги. Насколько мне известно, он помогал своему патрону Копулдейку вести тяжбы, которые затевал Джон Фловердью, заклятый враг капитана Кетта.

— Но когда Локвуд работал с нами, он без конца спорил с Николасом: отстаивал права простых людей, с пеной у рта обличал дворян и продажных чиновников.

— «Под одной шляпой могут скрываться два лица», — задумчиво проронил Воувелл. — Слышали такую поговорку? Когда человек слишком яростен в своих обличениях, это наводит на определенные подозрения. Не удивлюсь, если выяснится, что семью капитана Майлса выдал он. Возможно, именно мысль о совершенном предательстве, а отнюдь не утрата родителей сводит его с ума. Но это всего лишь мои предположения, мастер Шардлейк. — Воувелл окинул глазами опустевшую поляну и заметил, понизив голос: — Удивительно, до чего странное создание человек. Молодые парни, которые несколько недель подряд жили в мире и дружбе, готовы избить друг друга до полусмерти, и всё ради чего? Ради того, чтобы завладеть мочевым пузырем свиньи.

Обуреваемый раздумьями, которые пробудил во мне разговор с Воувеллом, я вернулся в свою хижину. Прежде мне не приходило в голову, что Тоби Локвуд имеет связи в высших кругах Норфолка; однако же выяснилось, что он знаком и с Ричардом Саутвеллом, и с Джоном Фловердью. Работая со мной, молодой человек никогда не упоминал о делах, которые вел прежде. Но если он связан с Саутвеллом и Фловердью, то, возможно, имеет отношение к смерти Эдит? Мысль эта упорно вертелась у меня в голове, не давая покоя.

Я надеялся вечером поговорить с Бараком и Николасом, однако осуществить это намерение мне не удалось. После веселого ужина у костра, за которым люди прыскали со смеху, вспоминая потешный рыцарский турнир, и подшучивали над пунцовым от смущения Нетти,

спрашивая, целы ли его яйца, гонец принес Бараку письмо. Взяв светильник, он скрылся в хижине. Присоединившись к нему через некоторое время, я увидел, что Джек сидит, сжимая в руке лист бумаги и устремив взгляд в пространство.

— Плохие новости? — спросил я.

Вместо ответа он протянул мне письмо. Как и все прежние послания Тамазин, оно было написано нетвердой рукой Гая. По крайней мере, мой старый друг жив, порадовался я. Письмо было адресовано в трактир «Голубой кабан», ныне превращенный в груды камней; никаких других адресов Тамазин не знала. Каждое слово этого короткого послания дышало безнадежностью и отчаянием.

Дорогой супруг!

Я по-прежнему не получаю от тебя известий и уже начинаю опасаться, что тебя более нет в живых. До нас доходят слухи, что многие лагеря бунтовщиков уничтожены, а в западных графствах пролито немало крови. В Лондоне все одержимы тревогой и страхом. Каждого, кто с сочувствием говорит о мятежниках, незамедлительно сажают под арест. Ко мне несколько раз приходил констебль, спрашивал, известно ли мне, где ты сейчас. По всей видимости, ему сообщили в суде, что ты отправился в Норфолк на выездную сессию, да так и не вернулся. Деньги у меня закончились, и мне пришлось попросить займы у Гая, который по-прежнему болен. Если бы не он, нам с детьми пришлось бы умереть с голоду. Маленький Джорджи без конца спрашивает, когда ты вернешься, и с каждым днем ему все труднее сдерживать слезы. По слухам, вскоре против норфолкских бунтовщиков будет направлена огромная армия.

Не знаю, получишь ли ты это письмо. Но, вспоминая, как в прежние дни тебя сердили мои гордость и заносчивость, я смиренно умоляю на коленях: пожалуйста, вернись ко мне!

— Кетт хорошо организовал доставку писем из Нориджа, — проронил Барак. — У него есть гонец, который привозит их раз в несколько дней. А вот отправить письмо будет куда труднее. К тому же в Лондоне полно соглядатаев. Если станет известно, что муж Тамазин находится среди повстанцев, ее могут арестовать. — Он устремил на

меня взгляд, исполненный мрачной решимости. — Мне нужно срочно вернуться в Лондон.

Глава 72

Выглянув наружу, я сделал Николасу знак присоединиться к нам. Барак показал ему письмо Тамазин и, отстегнув свой протез, принялся ходить по хижине взад-вперед, потирая ноющую культю.

— Эта боль сводит меня с ума, — процедил он сквозь зубы. — Тамми каждый вечер смазывала мой обрубок маслом и никогда не жаловалась, что ей недосуг. Хотя, сами понимаете, у нее хватало хлопот с детьми. — Он сокрушенно покачал головой. — Я не могу бросить семью на произвол судьбы. Хотя, конечно, я принес клятву. Обещал служить капитану Кетту верой и правдой, а сейчас, когда все готовятся к сражению, уносить ноги вроде как не слишком благородно. Говорят, армия Уорика уже неподалеку от Кембриджа. Там она соединится с остатками армии Нортгемптона, так что нам предстоит жаркая битва. С другой стороны, проку от однорукого бойца не много.

— А что будет, если тебя поймают при попытке к бегству? — спросил я.

— Надают тумачков и отпускают, как отпускали всех дезертиров. Сами знаете, здесь никого не держат силой. Но уверен, меня не поймают: лагерь слишком велик, чтобы охранять все его границы. Меня волнует другое... — Барак смолк и сокрушенно вздохнул. — Что будет с вами обоими после моего побега? К Николасу и без того относятся с подозрением, хотя он и одержал на суде победу. — Джек перевел взгляд на меня. — А когда выяснится, что ваш закадычный друг дал деру, это, понятное дело, подорвет доверие к вам. По лагерю уже и так ходят слухи, что вы не тот, за кого себя выдаете.

— Эти слухи распускает Локвуд. — Я поджал губы.

— Да чтоб ему провалиться, — кивнул Барак. — Однако многие верят его злобным наветам. И если я убегу, люди сочтут это подтверждением того, что Тоби прав. Скажут, если уж я оказался предателем, то вам точно верить нельзя. — Джек вновь испустил тяжкий вздох, посмотрел на Николаса и произнес вполголоса: — А вот если бы ты исчез из лагеря, то никто не удивился бы. В конце концов, капитан Кетт сам предложил тебе выбор.

— И я сказал в ответ, что остаюсь, — сверкнул своими зелеными глазами Овертон.

— Но ведь по убеждениям ты вовсе не сторонник повстанцев.

— Говори прямо, куда ты клонишь! Хочешь, чтобы я вернулся в Лондон и сообщил твоей жене, что ты жив и здоров?

— По-моему, это самый разумный выход! — Барак двинул кулаком по земляному полу. — И почему только Тамазин не получила ни одного из моих писем? — Он посмотрел на меня. — Насколько я понял, ваши послания дошли до Пэрри.

— Кетт не хочет портить отношения с леди Елизаветой, — сообщил я. — Мои письма, адресованные ее управляющему, он отправил с особым гонцом.

— Так что, ты согласен? — Барак по-прежнему буравил Николаса глазами, а в голосе его звучала мольба. — Уверен, ты доберешься до Лондона без особых помех. Здесь ты чужой и всегда будешь чужим. А в Лондоне сможешь увидиться со своей ненаглядной Беатрис.

Николас провел рукой по спутанным рыжим волосам.

— Говоришь, я здесь чужой? Но в этом мире нет места, где я был бы своим, — обиженно процедил он. — Ты слышал, что я заявил у Дуба реформации? Хотя по рождению я джентльмен, однако беден, как белка зимой. После того как я своими глазами увидел, сколько беззаконий творится в Норфолке, невольно пришлось усомниться в том, что все джентльмены обладают совестью и честью. Да, ты прав, сейчас я похож на сухой лист, который гонит ветер. Прибился к этому лагерю, но не могу чувствовать себя вольготно среди людей, которых с детства привык считать грубыми и невежественными. Не знаю, что со мной будет. Одно могу сказать точно: Беатрис Кензи меня теперь совершенно не интересуется. В ее мире я тоже навсегда останусь чужим. Я ответил Кетту, что остаюсь в лагере, и я сдержу свое слово. Так что на меня не рассчитывай!

— Может, стоит попросить капитана Кетта отправить письмо Тамазин с особым курьером? — предложил я.

Барак безнадежно махнул единственной рукой:

— Таких, как я, здесь сотни, и все хотят послать весточку своим семьям.

— Не думаю, что у многих имеются в Лондоне доведенные до отчаяния жены, — возразил я.

— Вы решитесь обратиться к Кетту с подобной просьбой? — пристально взглянул на меня Джек.

— Почему бы и не попытаться? Завтра я поговорю с ним. Хотя прорваться к нему сейчас, когда он готовится дать отпор армии Уорика, будет непросто.

— И все равно спасибо, что хотите мне помочь.

Николас выбрался из хижины и скрылся в темноте. Барак двинулся было за ним, но я остановил его:

— Дай ему побыть в одиночестве. Знаешь, когда я был таким же молодым, как Николас сейчас, я тоже пережил нечто подобное. Утратил веру в старую Церковь и ощутил себя листком, который несет ветер. Человеку непросто обходиться без опоры. Но ничего, пройдет время, и он найдет свой собственный путь, — заключил я со вздохом.

На следующее утро, в среду, двадцать первого августа, в лагерь пришло известие о том, что армия Уорика достигла Кембриджа, где соединилась с остатками армии Нортгемптона. Теперь правительственные войска двигались в сторону Нориджа, и можно было ожидать, что через два, максимум через три дня они будут здесь. По распоряжению Кетта все командиры сотен направились на северный склон, дабы выбрать место для будущего сражения. Я решил последовать за ними, надеясь улучшить момент и поговорить с Робертом о письме Барака. Однако стоило лишь выйти за пределы лагеря, как стражник преградил мне путь:

— Туда нельзя! У меня приказ пропускать только командиров.

— Но мне нужно увидеть капитана Кетта.

— Он во дворце графа Суррея.

Поблагодарив караульного, я повернулся и побрел в сторону дворца. Разговор двух повстанцев, который я услышал краем уха, заставил меня остановиться.

— Наши шпионы донесли, что в этой армии больше тысячи швейцарских наемников.

— Ну, приятель, если они такие же храбрые вояки, как итальяшки, то нам нечего их бояться.

— Нет уж, швейцарские ландскнехты — это тебе не итальянские петухи. Они дерутся как дьяволы... — Заметив меня, говоривший осекся. — Вы ведь законник Шардлейк? — спросил он, и в глазах его сверкнуло подозрение.

— Он самый.

— Зачем вы остановились? Послушать наш разговор?

— Да, ваша беседа показалась мне любопытной, — кивнул я. — Армия, с которой нам предстоит столкнуться, не может не вызывать интерес.

— Да вот только интерес бывает разный.

— Мне известно, какие слухи распространяет обо мне Тоби Локвуд! — раздраженно бросил я. — Это все ложь и клевета.

— Кто бы ожидал, что вы скажете иначе, — ухмыльнулся один из повстанцев.

Оба буравили меня взглядами, сложив на груди руки.

«Живое воплощение пресловутого норфолкского упрямства», — подумал я и уныло поплелся прочь.

Входя в решетчатые чугунные ворота бывшего дворца графа Суррея, я невольно вспомнил о расправе над итальянским наемником, которого повесили на стене три недели тому назад. В саду по-прежнему пестрели палатки, а у массивных деревянных дверей стояли двое часовых. Я назвал свое имя и спросил, здесь ли капитан Кетт и могу ли я с ним увидеться. Один из караульных удалился на несколько минут и, вернувшись, предложил мне следовать за ним. По широкой парадной лестнице он провел меня на второй этаж. Двери всех комнат были плотно закрыты, оттуда доносились самые разнообразные звуки, и я вспомнил, что дворец все еще служит тюрьмой для захваченных в плен джентльменов. Остановившись около одной из дверей, солдат постучал, и голос Кетта пригласил нас войти.

В комнате стояло множество деревянных сундуков, в большинстве своем запертых на замки. Крышки некоторых были подняты, а содержимое — монеты, украшения, золотая и серебряная посуда — разложено на столах. Несколько человек суетились вокруг, рассматривая все эти ценности и делая записи в учетных книгах. Среди них я заметил Майкла Воувелла, который приветствовал меня улыбкой. В дальнем углу склонился над столом Тоби Локвуд; он, напротив, обжег меня злобным взглядом.

Капитан Кетт сидел за столом, заваленным бумагами. За несколько дней, прошедших с тех пор, как он выступил перед повстанцами с пламенной речью, этот человек, казалось, постарел на несколько лет.

Морщины, бороздившие его лицо, стали глубже, складка у губ — жестче, а глаза, прежде сверкавшие воодушевлением, потускнели.

— Зачем я вам понадобился, мастер Шардлейк? — устало спросил он. — Мне казалось, сейчас вы наслаждаетесь отдыхом.

— Капитан Кетт, если у вас найдется для меня минутка, я хотел бы попросить вас кое о чем.

— Только, пожалуйста, быстро, — вздохнул Роберт.

Стараясь быть максимально кратким, я поведал ему о письме, полученном Бараком, и о его отчаянном желании сообщить жене, что он жив и здоров. Рассказ свой я завершил просьбой отправить ответное послание Джека с особым гонцом.

— Особые гонцы доставляют сообщения только по секретным адресам, — отрезал Кетт, и в голосе его послышалось раздражение. — Если один из них отправится к жене Барака, это чревато опасностью не только для него самого, но и для нее тоже. Сожалею, мастер Шардлейк, но мой ответ — нет. — Внезапно им овладел приступ гнева. — Вы просите слишком многого! Без конца пишете письма и требуете их отправить! Похоже, вы даже не догадываетесь, что, доставляя ваши послания, гонцы подвергают себя риску!

— Простите, капитан Кетт, — растерянно пробормотал я.

Роберт, моментально остыв, пробормотал что-то вроде извинения. Понимая, что время для этого сейчас не самое подходящее, я подавил желание рассказать о клеветнических слухах, которые распускает обо мне Локвуд, и поспешно откланялся. Прежде чем покинуть дворец, я подошел к Майклу Воувеллу, перебиравшему разложенные на столе золотые безделушки. И поинтересовался:

— Чем это вы тут занимаетесь?

— Капитан Кетт решил составить полную опись ценных вещей, захваченных в богатых домах. Привлек к работе всех, кто умеет писать и способен отличить золото от меди. Завтра мы отнесем эти вещи на рынок и продадим, а на вырученные деньги велено закупить необходимые припасы.

Я бросил взгляд на стол. Внимание мое привлекло изящное золотое ожерелье с подвесками из крупных жемчужин.

— Похоже на любимое ожерелье королевы Екатерины Парр, — с грустью заметил я. — Хотя, конечно, то было еще красивее.

— Придется продать всю эту роскошь за сущий бесценок, — сообщил Воувелл. — Нориджские торговцы прекрасно знают, что провизия у нас на исходе, а в деревнях сейчас мало чем разживешься: такого скудного урожая не было уже давно. Да и денег в казне осталось не много. — Он посмотрел на меня. — Может, вы не откажетесь пойти завтра в Норидж вместе с нами? Поможете уломать торговцев, а то они совсем нас ограбят.

— Конечно помогу, — сказал я и, кивнув на прощание, вышел из комнаты.

Вне всякого сомнения, Кетту было хорошо известно, что я умею писать и способен отличить золото от меди. Почему же он не привлек меня к составлению описей? Неужели поверил в наветы Локвуда? Но он же имел случай убедиться, что обвинения этого человека недорого стоят. Неужто доверие, которое питал ко мне Кетт, оказалось столь непрочным?

Солдат, стоявший в карауле у дверей, проводил меня вниз. Прежде чем я успел выйти, входная дверь распахнулась, пропустив человек двадцать арестантов, сопровождаемых стражниками. Судя по остаткам богатых одеяний, все они были джентльменами. Я остановился, глядя, как стражники повели понурюю толпу вверх по лестнице.

— Это заключенные из Нориджского замка, — сообщил один из солдат.

— Зачем их сюда привели? — спросил я.

— Таков приказ, — отрезал стражник; судя по его многозначительной улыбке, он знал больше, чем считал нужным сказать.

Вернувшись в свое жилище, я сообщил Бараку, что миссия моя провалилась. Он принял это известие спокойно, пожал плечами и произнес:

— На другой исход я и не надеялся.

Помолчав немного, Джек пристегнул свою железную руку и двинулся к выходу:

— Мне поручили составить опись провизии, только что доставленной в лагерь. Нетти будет мне помогать.

— А где Николас?

— Штатается где-нибудь в одиночестве, оплакивая свою горькую участь.

Николас вернулся ранним вечером. Выяснилось, что он был в Норидже, где срочно строились новые укрепления; у городских ворот возводились земляные валы.

— Похоже, бунтовщики, — от этого слова Овертон никак не мог отвыкнуть, — на этот раз намерены не пускать неприятеля в город. Как видно, рассчитывают, что длительная осада измотает вражескую армию.

— Вряд ли осада будет длительной, — фыркнул Барак, к тому времени уже вернувшийся с работы. — Как ни укрепляй городские ворота, они не способны выдержать натиск десятитысячной армии. Думаю, Кетт понимает, что противник ворвется в город, но надеется, что у нас будет преимущество во время уличных боев. Так или иначе, крови прольется немало.

В тот вечер за ужином у костра царило непривычное молчание, хотя еда — баранина с тушеными овощами — была столь же вкусной, как и все блюда, приготовленные тетужкой Эверник. Николас притащил кучу камней, намереваясь обложить ими костровище, — камни, лежавшие вокруг костра прежде, почернели и потрескались. Сгущались сумерки, теперь каждый вечер темнело все раньше.

— Никогда в жизни я не ел ничего более вкусного, чем здесь, — сообщил Нетти, покончив с бараниной.

— Я тоже, — кивнул Саймон, как всегда поглощавший пищу с громким чавканьем. — Тетя держала меня в черном теле. Хотел бы я знать, доведется ли нам и впредь есть так же сытно.

— Спроси лучше, доведется ли нам прожить столько, чтобы съесть всех баранов, которые у нас остались, — вставил Ральф Уильямс, кузнец лет тридцати.

— Не вешай нос, приятель, — ободряюще произнес деревенский старшина Диксон. — У нас нет причин унывать. Да, нам предстоит большая битва, но мы одержим победу, так же как и в прошлый раз. На нашей стороне — Бог и справедливость. Наши парни прошли отличную военную выучку. Я видел, как стреляют лучники: почти все стрелы летят точно в цель. Так что мы зададим им жару.

— Им? — неожиданно переспросил Николас. — А кто они такие, эти «они»?

Все сидевшие у костра повернули к нему голову.

— Лорды, землевладельцы, джентльмены, охочие до денег солдаты и иноземные наемники, — слегка нахмурившись, отчеканил Диксон.

— А кто за ними стоит? Протектор Сомерсет? Человек, который надавал пропасть обещаний и ни одно из них не выполнил? Сомерсет правит Англией от имени короля, а значит, эту армию послал он, — заявил Николас.

Джозефина, сидевшая неподалеку с Мышкой на руках, внимательно прислушивалась к его словам. Как правило, она не позволяла себе вмешиваться в разговор, особенно когда Эдварда не было рядом, но тут подала голос:

— Мастер Николас прав: никто из нас не знает, на чьей стороне протектор Сомерсет. Возможно, двинуть против нас армию его заставили члены Тайного совета; однако не исключено, что он принял такое решение сам. Но в любом случае, если мы победим, жизнь в Англии станет совсем иной.

Все прочие закивали в знак одобрения. Николас ничего не ответил; удивительно, но молчание хранил также и Барак, обычно имевший свое мнение обо всем на свете. После ужина по кругу пошла большая кружка с пивом, но Джек удалился в нашу хижину. Вскоре мы с Николасом присоединились к нему. В ту ночь я спал крепко, однако незадолго перед рассветом проснулся, потревоженный звоном оружия — то были часовые, обходившие лагерь дозором. Окинув хижину глазами, я увидел, что Николас мирно спит, а Барак исчез.

Мы с Николасом сразу поняли, что случилось, однако не решились сказать об этом остальным. Когда мы завтракали, явился гонец, сообщивший, что для Барака есть поручение и он должен отправиться в северную часть лагеря. Я поспешно ответил, что Джек недавно получил другое поручение, потребовавшее его присутствия в городе. Гонец бросил на меня подозрительный взгляд и удалился.

Вскоре за мной прислали, так как настало время везти в Норидж предназначенные на продажу ценности. Хотя все повстанцы по-прежнему регулярно получали небольшие суммы денег, я догадывался, что лагерная казна почти опустела. Подойдя к дворцу графа Суррея, я увидел две крытые повозки, запряженные лошадьми-тяжеловозами. В сопровождении целого отряда караульных, облаченных в латы, мы

двинулись на рынок. Подойдя к городским стенам, я убедился, что все пробоины в них заделаны, а вокруг возведены земляные валы.

Торговать так, чтобы не остаться в убытке, оказалось отнюдь не просто. Нориджские торговцы заламывали невероятно высокие цены за необходимую нам провизию, самым бессовестным образом занижая стоимость золота и драгоценностей, которые мы предлагали взамен. Лишь те немногие, кто питал симпатию к повстанцам, торговали честно и быстро распродали весь свой товар.

В конце дня мы, утомленные донельзя, отправились в обратный путь. Я вспомнил, что среди драгоценностей, которые мы выставили на продажу, не было ожерелья с жемчужными подвесками, привлекшего мое внимание накануне. Однако я слишком сильно устал, чтобы пускаться в расспросы; к тому же на душе у меня кошки скребли из-за Барака. В самом скором времени его исчезновение непременно должно было обнаружиться, и я не представлял, к каким последствиям это приведет для нас с Овертоном. Поразмыслив, я решил отложить визит в тюремный замок, где находились супруги Болейн, до завтрашнего дня.

Наконец мы вернулись в лагерь, солдаты принялись разгружать повозки и заносить во дворец графа Суррея ящики с непроданными ценностями. Я побрел к своей хижине. На пороге рядом с Николасом сидел Барак собственной персоной; вид у него был пристыженный. Я сердито кивнул и сделал ему знак войти в хижину.

— Знаете, я понял, что не способен на такое, — виновато пробормотал Барак. — Убежать не составило труда, восточная граница лагеря — это всего лишь груда камней, дозорные там появляются редко. Но... — он яростно замотал головой, — я не смог уйти. Я ведь принес клятву, да и вы с Николасом остались здесь... Бедная Тамми, — горестно выдохнул Джек.

— Ничего, вы с ней скоро увидите, — попытался утешить его Николас.

Барак ничего не ответил. Я вновь выбрался на воздух. Со всех сторон долетал дым костров, на которых готовили ужин.

«Итак, мы снова вместе, — подумал я. — И нам предстоят серьезные испытания».

Часть шестая
Дассиндейл

Глава 73

На следующее утро, а оно выдалось холодным и пасмурным, нас позвали на общий лагерный сбор. К Дубу реформации отправились все до единого: жители Свордстоуна, мы с Баракком и Николасом, Эдвард и Джозефина с Мышкой на руках, Саймон, Нетти и тетушка Эверник.

Люди, охваченные тревожными ожиданиями, были непривычно молчаливы и сосредоточены. Братья Кетт стояли на деревянном помосте в обществе нескольких сотников. Роберт Кетт выступил вперед и обратился к толпе с речью. Лицо его было спокойным и дышало уверенностью.

— Друзья, близится решительный час! Наши осведомители сообщают, что армия Уорика уже достигла Интвуда, а это всего в трех милях от Нориджа. Сам Уорик остановился в доме, который принадлежит семейству Грехэм, богатейшим лондонским купцам.

Слушатели разразились свистом и улюлюканьем. Кетт улыбнулся и продолжил:

— Уорика сопровождают его сыновья-подростки Амброуз и Роберт. Думаю, этим юнцам предстоит увидеть, как их отец улепетывает от нас во все лопатки. Маркиза Нортгемптона, которого мы обратили в бегство, Уорик назначил своим помощником. Что ж, если он не нашел никого лучше, ему можно только посочувствовать! Более того, норфолкские чиновники сообщили Уорику, что согласились сотрудничать с нами лишь под страхом смерти. Всем им дарованы прощение и разрешение присоединиться к армии. Правда, этих людей заставили носить ошейники, напоминающие об их вероломстве.

Ответом был дружный хохот. Дождавшись, пока он стихнет, Кетт заговорил другим, уже более серьезным тоном:

— Я не буду скрывать от вас, что битва будет суровой. Армия, которая движется сюда, почти не уступает нам в численности. В ее рядах около полутора тысяч швейцарских ландскнехтов, свирепых бойцов, не идущих ни в какое сравнение с итальянцами, с которыми мы столкнулись месяц назад. Теперь нам предстоит сразиться не с дворянскими хлыщами, а с опытными солдатами. Среди них — большой отряд, воевавший в Шотландии. Его возглавляет капитан

Друри, за плечами у которого множество сражений. Скорее всего, неприятель будет здесь уже завтра!

Кетт смолк и окинул взглядом толпу, словно бы оценивая ее боевой настрой. Почти все лица, которые я мог разглядеть, в особенности юные, светились решимостью и отвагой.

— Мы готовы к бою! Мы готовы умереть! — неслось со всех сторон. — Жизнь, которую мы вели прежде, хуже смерти!

— Мы успели укрепить городские стены, — продолжал Кетт. — Но если вражеская армия ворвется в город, мы станем сражаться на улицах. У нас есть опыт уличных боев, и мы будем бить врагов так же неумолимо, как били войско маркиза Нортгемптона! А если в конце концов нам придется сойтись с противником в открытом поле, мы готовы к такому сражению. Все вы прошли военную подготовку; у нас достаточно оружия; наши командиры не менее опытные, чем вражеские. Да и то, что мы находимся на вершине холма, дает нам важное преимущество. С помощью Господа, на милость которого мы уповаем с самого начала, мы одержим победу. Благие цели, к которым мы стремимся, непременно будут достигнуты!

Внезапно на лицо Кетта набежала тень. «Быть может, сведения о численности и мощи вражеской армии, которыми он располагает, весьма неутешительны? — невольно подумалось мне. — А вдруг грядущая победа, в которой капитан убеждает повстанцев, вызывает у него самого серьезные сомнения?»

Толпа меж тем аплодировала и радостно гудела. Кетт, выждав несколько минут, заговорил вновь:

— И последнее, что я хотел сказать вам. Полагаю, женщинам, сопровождающим своих мужей, настало время отправиться домой. Пусть собирают урожай и ждут мужчин, которые вскоре придут с победой. Теперь, когда Маусхолдскому холму предстоит стать местом сражения, женщинам не стоит здесь оставаться. — Оратор перевел дыхание. — Раненые и все, кто болен и стар годами, также должны вернуться домой. Мы очень благодарны им за помощь, но ныне в лагере останутся лишь те, кто способен сражаться. К оружию, друзья мои, и да поможет нам Бог!

Вскинув руки, Кетт благодарно кивал, внимая хору приветственных возгласов. Когда толпа смолкла, он спустился с помоста вместе с остальными.

Проходя мимо меня, его старший брат Уильям Кетт сообщил:

— Мастер Шардлейк, сегодня в городе снова базарный день, и мы рассчитываем на вашу помощь. Через час подходите к гребню холма.

Мы вернулись к своим хижинам вместе с другими повстанцами, исполненными воодушевления и тревоги одновременно. Очередной проповедник протискивался сквозь толпу, потрясая Евангелием и возвещая, что близится час апокалипсиса.

— Все вы избраны Господом! — громогласно заявил он.

Некоторые повстанцы остановились, с любопытством прислушиваясь к его речам, другие не удостоили «пророка» даже взглядом.

— Кетт, как всегда, был на высоте, — заметил Николас. — Он смелый человек. Заявил, что уверен в победе, но не стал скрывать, что враг несравненно сильнее, чем прежде.

— С самых первых дней он был с людьми честен и откровенен.

— Что верно, то верно, — раздался чей-то голос за моей спиной.

Обернувшись, я увидел Майкла Воувелла.

— Я отправляюсь в Норидж, готовиться к предстоящей битве, — сообщил он, хлопнув меня по плечу. — Нас ждет великая победа, мастер Шардлейк! Наш враг силен, но я, как и многие мои друзья, сомневаюсь, что эту армию направил против нас протектор. Уверен, Сомерсет на нашей стороне.

Воувелл торопливо зашагал прочь. Овертон проводил его задумчивым взглядом.

— Надеюсь, Майкл прав и протектор действительно не имеет к этой армии никакого отношения, — заметил он. — Кстати, в победе уверены далеко не все. Я слышал, вчера многие покинули лагерь. Теперь, после того как капитан Кетт дал понять, насколько велика опасность, дезертиров наверняка станет еще больше.

— А вы будете сражаться, мастер Николас? — спросил Саймон.

— Не знаю. А ты?

— Я буду делать то, что мне прикажут, — ответил Скамблер, глядя ему прямо в глаза. — Отведу лошадей, куда потребуется. — Помолчав, он добавил едва слышно: — Никогда я не был таким счастливым, как сейчас.

— Да, здесь, в лагере, ты такой же необходимый человек, как и все прочие, — кивнул Николас.

— Буду молиться Господу, чтобы Он уберег вас всех, — вздохнула тетушка Эверник, сжав руку Саймона; глаза ее увлажнились слезами. — С тех пор как умер мой бедный муж, я тоже не бывала так счастлива, как здесь, на Маусхолдском холме. Но похоже, мне придется вас покинуть.

— Но ведь вы вдова, — возразил я. — Капитан Кетт говорил лишь о женщинах, пришедших сюда вместе с мужьями.

— Нет, он сказал, что женщинам вообще не стоит здесь оставаться, — грустно улыбнулась тетушка Эверник. — Да я и сама вижу, что наши запасы подходят к концу, а кормить лишние рты совершенно ни к чему, — добавила она, пристально глядя на меня. — Местные крестьяне ничем не смогут нам помочь до нового урожая. Они и сами сейчас живут впроголодь. — Моя собеседница испустила тяжкий вздох. — Вместе со мной в Свордстоун намерены вернуться несколько стариков. Думаю, мы отправимся в путь не откладывая. — Она по очереди обняла нас всех, а Джозефину — особенно крепко. — Долгие проводы — лишние слезы. Вряд ли Господь приведет нас увидаться вновь. Пойду-ка вперед, соберу свои пожитки.

— Я тоже должна вернуться в Норидж, — прошептала Джозефина.

— Не вижу в этом смысла, — возразил я. — Капитан Кетт только что сказал, что на городских улицах будут вестись бои. Уверен, в лагере ей будет безопаснее, — повернулся я к Эдварду.

— Если город останется в наших руках, то Джозефине ничего не угрожает, — покачал он головой. — Если же мы проиграем, она будет всего лишь одной из нориджских женщин, которая сидит дома с ребенком на руках. Но если сражение разразится здесь, на склоне холма, и, да не попустит этого Господь, наши враги победят, беззащитных женщин и детей ожидает печальная участь. Нет, Джозефина вернется со мной в наш дом в Норидже. Мы тоже двинемся в путь прямо сейчас, не откладывая.

— Прошу вас, мастер Шардлейк, не надо спорить! — взмолилась Джозефина. — Эдвард прав. Когда вы отправитесь на базар, мы присоединимся к вам.

— Что ж, вам решать, — вздохнул я, сознавая, что буду скучать по Джозефине и по маленькой Мышке.

Николас взял меня за руку повыше локтя, взглядом предложив отстать от остальных.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

Я в ответ лишь пожал плечами:

— То, что прикажет капитан Кетт.

— Но вы уже получили приказ. Простите, мастер Шардлейк, но вы относитесь к числу тех, кто стар годами и не способен сражаться, — криво усмехнулся Овертон. — Вам приказано уходить.

— Тем не менее я останусь. Несмотря на свою старость и немощь, я еще способен приносить пользу. А что намерен делать ты? — спросил я, пристально взглянув на своего помощника.

— Пока не знаю, — прикусил он губу. — Трудно сражаться на стороне тех, в чьей правоте ты не уверен.

— Крови прольется немало, — заметил я. — Перед самым отъездом из Лондона я случайно столкнулся с капитаном Друри, о котором упомянул Кетт. Его солдаты избивали несчастного шотландца, а Друри, вместо того чтобы остановить подчиненных, только их подзадоривал. Этим людям нравится убивать, и за плечами у них опыт войны в Шотландии.

— Любопытно, а сэр Ричард Саутвелл тоже с ними? Когда сюда явилась армия Нортгемптона, он был в ее рядах.

— Неизвестно, остался ли он в Кембридже, чтобы дожидаться Уорика. Впрочем, не сомневаюсь, сейчас сэр Ричард предпочитает находиться поближе к Норфолку, чтобы следить за собственными пастбищами. Да и своими обязанностями по отношению к леди Марии он вряд ли намерен пренебрегать.

— Что ж, вот с Саутвеллом я бы с удовольствием сразился! — заявил Николас.

Поняв, что Николас пребывает в полном смятении, я решил воздержаться от дальнейших расспросов. Мы подошли к гребню холма и остановились в ожидании повозок, которым предстояло доставить в город оставшиеся ценности. Я увидел капитана Майлса, который, подобно Эдварду, собирался в Норидж для того, чтобы завершить последние приготовления к осаде и, возможно, к уличным боям. С ним был целый отряд лучников. Вскоре появилась Джозефина с Мышкой на руках.

— Не сердитесь на меня, мастер Шардлейк, — сказала она со вздохом. — Уверена, в Норидже нам будет безопаснее.

— Я вовсе не сержусь, Джозефина. Просто мне грустно, что вас с Мышкой больше не будет рядом.

Молодая женщина, обернувшись, окинула взглядом огромное пространство, где вокруг разноцветных приходских флагов теснились крошечные деревянные домики.

— Мне тоже жаль покидать лагерь, — призналась она вполголоса. И добавила: — Теперь никто не скажет, что простые люди в Англии не способны самостоятельно управлять собой.

Я пощекотал подбородок Мышки, и она довольно загулила.

— Эта кроха растет прямо на глазах, — улыбнулся я. — Помнишь, как ты вместе со своим отцом пришла наниматься ко мне на службу? С тех пор прошло всего пять лет, а кажется — целая вечность.

— Иногда у меня возникает впечатление, что здесь, в лагере, время течет по-иному, — заметила Джозефина. — Словно бы это какое-то особое, заколдованное место, где время растягивается. — Она смущенно улыбнулась. — Наверное, вам это кажется чушью?

— Напротив, я прекрасно тебя понимаю.

Внимание мое привлекли чьи-то громкие пронзительные голоса. Оглянувшись, я увидел Саймона в окружении нескольких мальчишек, судя по всему — подмастерьев из Нориджа, давно уже избравших его в качестве мишени для насмешек.

— А здорово ты выступил на рыцарском турнире, Грязнуля! Взял да и лягнул лошадь в задницу! Неужели ты думал, что она настоящая? Похоже, ты еще глупее, чем кажешься! — наперебой орали они.

Саймон, красный как рак, опустил голову, стараясь не смотреть на своих обидчиков.

— Эй вы, оболтусы, оставьте парня в покое! Если бы кто-то из вас, никчемных слабаков, умел обращаться с лошадьми хотя бы наполовину так же ловко, как и Саймон, ему бы цены не было!

Мальчишки трусливо бросились врассыпную.

По пути в город Скамблер был занят: на крутом спуске с холма лошадей постоянно приходилось брать под уздцы. Но когда мы благополучно оказались внизу, я подошел к нему:

— Я видел, эти несносные мальчишки опять досаждали тебе, Саймон.

— В лагере я про них совсем забыл, но сегодня они зачем-то притащились сюда из Нориджа, — пожал он плечами.

Я пристально посмотрел на паренька. Солдат, заступившийся за него, назвал его обидчиков никчемными слабаками, а вот сам Саймон отнюдь не выглядел слабаком. Сытная еда и тяжелая работа сделали свое дело: он окреп, раздался в плечах, на руках у него появились мускулы.

— Когда все это закончится... — начал я.

— Когда мы победим! — с горячностью перебил меня Скамблер.

— Да, когда мы победим, думаю, будет неплохо, если ты поедешь со мной в Лондон. Я найду тебе работу конюха, и ты сможешь использовать свои способности на всю катушку.

У Саймона от изумления аж глаза на лоб полезли.

— Вы возьмете меня в Лондон? — выдохнул он.

— Если ты захочешь со мной поехать. В конце концов, что тебя держит в Норидже? Тетка?

Лицо паренька исказилось от обиды.

— Она выгнала меня на улицу! Видеть ее больше не хочу!

— В Лондоне тебя никто не знает, и никому не придет в голову над тобой смеяться, — заметил я.

Взгляд Саймона лучился радостью.

— Поехать в Лондон! Начать там новую жизнь! — Внезапно на его лицо вновь набежала тень. — Но как я буду жить в таком большом городе? Я там заблужусь!

— Не переживай, я помогу тебе освоиться. И Барак с Николасом тоже.

— Я так вам благодарен, мастер Шардлейк, так благодарен! — пробормотал Скамблер, и глаза его наполнились слезами. — Поверьте, вам не придется за меня краснеть. Я постараюсь... постараюсь вести себя разумно и не попадать впросак...

— Поверь, в Лондоне люди тоже иногда попадают впросак, — улыбнулся я.

В городе было полно повстанцев. По пути к площади Тумлэнд я видел не менее сотни лучников, упражнявшихся в стрельбе на пустоши

Святого Мартина. Солдаты, вооруженные копьями и пиками, бродили по узким улочкам, спрашивая у горожан дорогу на базарную площадь. Все пробоины в городских стенах были заделаны, наверху стояли караульные. Среди повстанцев, возводивших новые каменные заграждения, я заметил Тоби Локвуда и подумал: «Ну что ж, по крайней мере, этот человек не боится тяжелой работы». Возле Тумлэнда я простился с Джозефиной и Эдвардом и в последний раз сжал крохотную ручку Мышки. Глядя им вслед, я думал о том, доведется ли нам увидеться вновь.

На рынке царило оживление. Мы разгрузили свои повозки и принялись яростно торговаться. Сегодня покупатели сбивали цену на наш товар не так бесстыдно, — возможно, мысль о грядущем сражении пробудила в них сочувствие. Тем не менее несколько раз мне пришлось воззвать к совести тех, кто пытался за бесценок приобрести венецианскую вазу или украшение из чистого золота. Вспомнив об ожерелье с жемчужными подвесками, я попробовал его найти, но безуспешно.

Роберта Кетта сегодня в городе не было; место брата занял Уильям. После полудня все ценности были проданы, а на вырученные деньги закуплена провизия, которую мы уложили на повозки. Уильям Кетт, подойдя ко мне, бросил пренебрежительный взгляд на золотые тарелки и украшения, которые покупатели запихивали в сумки.

— Нам это барахло было совершенно без надобности, — процедил он.

— Да, сэр, — согласился я. — Мы поступили правильно, продав все эти вещи.

— Уверен, в вашем лондонском доме подобного хлама предостаточно, — сказал он, бурявя меня взглядом.

— В моем доме нет ничего лишнего, сэр, — пожал я плечами. — Лишь те вещи, без которых я не могу обойтись. — Уильям молчал, и я заговорил вновь: — Прежде чем вернуться в лагерь, мы с мастером Овертоном хотели бы побывать в замке, навестить Джона Болейна. Полагаю, у нас больше не будет возможности повидаться с ним, до того как...

— До того, как всем нам придется горячо, — перебил Кетт. — Хорошо, идите, но вечером непременно возвращайтесь в лагерь.

— Да, конечно.

Я сделал знак Николасу, который вместе с Саймоном пытался успокоить норовистую лошадь.

— Уверен, ты не прочь повидаться с Изабеллой Болейн, — усмехнулся я, когда он подошел поближе.

Как и всегда, подъем на холм, где располагался замок, показался мне чрезвычайно утомительным. Несмотря на то что охалка папоротника, на которой я спал в лагере, оказалась для моей спины полезнее, чем пуховая перина, в последнее время мне вновь досаждали боли между лопатками, да и суставы временами начинали отчаянно ныть. Скорее всего, виной тому была сырая и холодная погода.

Войдя в вестибюль замка, мы заметили произошедшие там перемены. Посреди зала стоял огромный стол, за которым восседали помощники Кетта. Судя по всему, они допрашивали закованных в цепи арестантов, выстроившихся к столу длинной вереницей. В памяти моей всплыла странная сцена, свидетелем которой я стал во дворце графа Суррея несколько дней назад. Подойдя к одному из охранников, я спросил у него, что здесь происходит.

— Ничего особенного, — ответил он. — Просто записываем кое-какие сведения о заключенных.

Стражник проводил нас в камеру Болейна. Когда он постучал в дверь, Джон поспешно крикнул:

— Подождите минутку!

До нас долетел громкий скрип кровати, и охранник понимающе ухмыльнулся:

— Похоже, они тут приятно проводят время!

Выждав немного, он открыл дверь. Когда мы вошли, Болейн торопливо застегивал пуговицы дублета, а Изабелла оправляла измятое платье.

— Мастер Шардлейк, мастер Овертон! — воскликнул Болейн, озабоченно глядя на меня. — Не ожидал увидеть вас сегодня. До нас тут дошли слухи, что в городе со дня на день будет армия графа Уорика. Нам тут, в замке, ничто не угрожает, но вам нужно вернуться в Лондон, пока не поздно.

Изабелла кивнула в знак согласия.

— Сегодня у нас, быть может, последняя возможность повидаться, — сообщил я, решив не обсуждать свои дальнейшие

планы. — Как ваши дела?

— Мы оба здоровы и всем довольны, — ответил Болейн и, посмотрев на жену, расплылся в улыбке; она улыбнулась в ответ, щеки ее слегка зарделись. — В замке творится нечто странное, — продолжил Джон. — Не знаю, по какой причине, но арестантов из числа джентльменов переводят в другие места. И всех их снова заковали в цепи.

— Да, мы только что видели внизу множество заключенных в цепях, — кивнул я. — Но никто не объяснил нам, что происходит.

— В любом случае нас это не касается, — заявил Болейн, накрывая руку Изабеллы своей. — Меня посадили сюда городские власти, а не Роберт Кетт и его приспешники. — Он повернулся ко мне. — Есть у вас какие-нибудь новости о несчастной Эдит? У меня из головы не выходит то, что вы рассказали мне в прошлый раз. Подумать только, все эти годы она жила здесь, в Норидже!

— Увы, больше ничего мне узнать не удалось. Все, что нам известно: в мае она побывала... у дальних родственников. Просила помочь ей деньгами, но получила отказ. После этого ее следы теряются... вплоть до того самого дня, когда она была обнаружена убитой.

— Судьба этой бедной женщины не может не вызвать сочувствие, — проронила Изабелла. — Судя по всему, родители обращались с ней очень жестоко.

Джон Болейн хранил молчание. Несомненно, он так и не мог простить обиды, которые нанесла ему покойная жена.

— Вы получили какие-нибудь известия от Дэниела Чаури? — осведомился я.

— Этот шельмец как сквозь землю провалился, — злобно сверкнул глазами Болейн. — Думаю, он удрал куда подальше. — Джон тяжело перевел дух. — Изабелла рассказала мне о его грязных посягательствах. Слава богу, она сумела дать наглецу отпор. — Лицо Болейна потемнело, он крепче сжал руку жены. — Господи Иисусе, а что, если это он убил Эдит? Ох, если бы я мог добраться до этого мерзавца... — пробормотал он, сжимая кулаки.

— Полагаю, Чаури сейчас уже далеко, — заметил Николас.

— А что слышно о сэре Ричарде Саутвелле? — спросил Болейн. — Он прибудет сюда вместе с армией Уорика?

— Скорее всего, — кивнул я. — Полагаю, все это время он находился в Кембридже вместе с остатками воинства Нортгемптона, устраивал дела леди Марии.

— А его прихвостни, молодые головорезы вроде Аткинсона? — процедил Джон. — Где сейчас все эти разнузданные молодчики?

— Возможно, вместе со своим патроном.

— В том, что армия Уорика одержит победу, нет никаких сомнений, — заявил Болейн, расхаживая по камере взад-вперед. — Хотел бы я знать: когда мятежу положат конец, ожидают ли Саутвелла и леди Марию какие-нибудь неприятности? В конце концов, во время бунта она оставалась у себя в Кеннингхолле, вместо того чтобы бежать в Лондон.

— В том, что старшей дочери Генриха грозят неприятности, я отнюдь не уверен. После того как Франция объявила нам войну, значение леди Марии как наследницы престола существенно возросло. Протектору сейчас необходима поддержка Священной Римской империи. И не забывайте, он сам доводится леди Марии родственником.

Болейн впери́л в меня пристальный взгляд:

— А ваша собственная участь вас не тревожит? Вы находились в лагере бунтовщиков с первых дней мятежа. Не бойтесь, что вас призовут к ответу?

— Меня захватили в плен и удерживали в лагере силой, — заявил я. — А если у меня возникнут какие-либо трудности, мне остается лишь уповать на покровительство леди Елизаветы. Даже в нынешних обстоятельствах успех расследования, связанного со смертью вашей супруги, помог бы мне заручиться ее благосклонностью. Очень жаль, что вы упорствуете в своем нежелании отвечать на некоторые важные вопросы, — произнес я, буравя его глазами. — Например, о том, где находились в вечер убийства.

— Я уже тысячу раз повторял, что не выходил из своего кабинета, — раздраженно бросил Болейн.

На несколько секунд в воздухе повисло молчание. Потом Изабелла принужденно рассмеялась и сказала:

— Джон, давай уже наконец сообщим нашу новость.

Лицо Болейна моментально просветлело, он снова сжал руку жены:

— Представьте себе, Изабелла беременна. Вот уже три месяца. Надеюсь, теперь у меня появится сын, которого люди не будут считать чудовищем. Она знала это уже несколько недель, но не хотела говорить мне, пока мы не будем вместе.

Я произвел в уме быстрый расчет. Сейчас август, значит Изабелла забеременела в мае, незадолго до ареста мужа. Но не исключено, что это произошло, когда Болейн уже находился в тюрьме, и отец ребенка — кто-то другой. Быть может, ее отношения с Чаури отнюдь не таковы, какими она хочет их представить? Но каждое слово, каждый поступок этой женщины убеждали в том, что она не кривит душой. Я бросил взгляд на Изабеллу, и та смущенно улыбнулась в ответ.

— Примите мои искренние поздравления! — произнес я.

Изабелла, подойдя поближе, крепко сжала мою руку:

— Мастер Шардлейк, умоляю, уезжайте в Лондон, пока это еще возможно! Мы так признательны вам за все, что вы для нас сделали. Вы не должны подвергать себя опасности.

— Да, мы надеемся встретиться с вами в иные, более спокойные и счастливые времена, — пробормотал Болейн.

— Вам, мастер Овертон, тоже нужно подумать о себе! — воскликнула Изабелла, поворачиваясь к Николасу и сжимая его руку. — Вы должны сохранить себя для прекрасной девушки с чистой душой, встреча с которой, уверена, вскоре вам предстоит.

— Если бы я мог встретить женщину столь же прекрасную, как вы, сударыня! — галантно изрек Николас.

Изабелла сделала нам реверанс, мы поклонились ей, пожали руку Джону Болейну и постучали в дверь, призывая стражника. Он выпустил нас и запер дверь снаружи.

«Теперь мы не скоро увидимся с Джоном Болейном», — подумал я. Однако, как выяснилось, ошибся.

Глава 74

Вернувшись в Маусхолд под вечер, я заметил, что настроение там изменилось; никто не слонялся без дела, все лица дышали суровой решимостью. За ужином Барак сообщил, что на северной границе лагеря, в местечке, называемом Дассиндейл, спешно возводятся защитные сооружения.

— Там работает множество людей. Руководит ими капитан Майлс. Богом клянусь, этот человек знает, что делает. — Барак помолчал и добавил вполголоса: — У нас есть все шансы на победу, особенно если перед решающей битвой мы сумеем измотать врага в городе. — Он повернулся к Николасу. — Дружище, я должен попросить у тебя прощения. Я поступил подло, уговаривая тебя удрать в Лондон. Сам я считал такой поступок бесчестным, так какое же право я имел толкать к бесчестию другого?

— Ладно, не терзайся, — улыбнулся Николас. — Я же понимаю, ты попал в жесткий переплет.

— Ты готов сражаться?

— Я готов остаться здесь и посмотреть, чем все закончится, — пожал плечами Овертон.

Нетти, который слышал этот разговор, повернулся к нам. Одна его щека по милости Локвуда превратилась в сплошной синяк.

— Всё закончится нашей победой, — заявил он непререкаемым тоном. — Иначе просто и быть не может.

— Да, мы зададим им перцу! — подхватил Саймон.

Я окинул глазами жавшиеся друг к другу хижины. Без женщин наше маленькое поселение словно бы осиротело. На ужин была сухая и жесткая говядина, приготовленная неумелыми мужскими руками. Хоть бы тетушка Эверник и другие благополучно добрались домой, подумал я. Помолиться за них мне не удалось, ибо сокровенная часть моей души, распахнувшаяся Небесам во время причастия, закрылась вновь. Все мои помыслы, как и у прочих обитателей лагеря, были поглощены предстоящей битвой.

На следующее утро, двадцать четвертого августа, — в один из редких за этот месяц теплых дней — я отправился к гребню холма, на

свой излюбленный наблюдательный пункт, откуда открывался вид на Норидж. Придя, я обнаружил там еще нескольких человек, которые напряженно вглядывались в даль. Смотреть, однако, было не на что: никаких признаков приближающейся армии Уорика не наблюдалось. По дороге, ведущей на вершину холма, во весь опор мчался гонец. Соскочив с лошади, он устремился в церковь Святого Михаила. Примерно через четверть часа из дверей церкви вышел Роберт Кетт, лицо его выражало величайшее беспокойство. Он бросил взгляд на город, расстилавшийся внизу, а потом, заметив меня, сделал знак подойти.

— Мастер Шардлейк, скажите, что вы обо всем этом думаете, — произнес он, как обычно буравя меня взглядом. — Только что в лагерь прибыл мой осведомитель из армии Уорика. — На несколько мгновений капитан погрузился в молчание. — Он сообщил, что неприятель хорошо вооружен и что войска возглавляют опытные командиры. Сейчас они ждут прибытия швейцарских наемников.

— Они намерены взять Норидж штурмом?

— Скорее всего, да. С ними находится еще один королевский посланник. Полагаю, нынешним утром он отправится в Норидж, чтобы поговорить с жителями и убедить их сдать город без боя. Я собираюсь в Норидж прямо сейчас. — Кетт смотрел на меня так пристально, словно бы пытался прочесть мои мысли. — Вы готовы остаться с нами при любом повороте событий?

— Да. И Барак с Николасом тоже.

— По лагерю ходят слухи, что якобы вы с молодым Овертоном — вражеские шпионы.

— Мне известен источник этих слухов, — угрюмо проронил я. — Очередная клевета Тоби Локвуда.

— Многие считают, что вы ходите в Норидж для того, чтобы передавать врагам сведения о нашей армии и сообщать им о наших планах.

— Это не более чем злобные наветы, капитан Кетт.

— Я тоже так считаю, — изрек Роберт, не сводя с меня изучающего взгляда. — Что ж, мне пора в Норидж. Думаю, следует позволить Августину Стюарту встретиться с королевским посланником и узнать, каковы его требования. Если посланник намерен поговорить с нашими людьми, им решать, хотят ли они его слушать. — Мой

собеседник покачал головой. — Хотя наши шансы на победу... — Он осекся, не договорив.

К нам подъехали три всадника, которые вели под уздцы лошадь для Кетта. Капитан вскочил в седло, и они поскакали по дороге в город.

Прошло несколько часов, наполненных тревожным ожиданием. О том, что происходило в это время в Норидже, я узнал лишь вечером. Кетт убедил Августина Стюарда и других высокопоставленных чиновников встретиться с королевским посланником за пределами городских стен; в свою очередь, они предложили посланнику даровать повстанцам помилование в случае, если те сдадутся без боя. Я так никогда и не узнал, рассматривал ли Кетт подобную возможность всерьез или нет. После беседы с городскими властями посланник поскакал в Интвуд, дабы посоветоваться с графом Уориком. Через несколько часов он вернулся и сообщил, что помилование будет даровано всем бунтовщикам, за исключением самого Кетта. На этот раз посланник вошел в ворота Нориджа в сопровождении трубача и нескольких солдат, вооруженных аркебузами: для того чтобы привести эти орудия в действие, у солдат имелся с собой железный ящик, наполненный горящими углями. Несколько десятков верховых повстанцев следовали за ними по городским улицам. Сам Кетт отправился обратно в лагерь.

Вскоре до нас долетел резкий звук трубы. Повстанцы, многие с оружием в руках, устремились вниз, на берег реки, где остановились королевский герольд и его отряд. Мы с Николасом и Бараком поспешили к подножию холма вместе со всеми, к нам присоединился Нетти. По пути я заметил Саймона Скамблера в окружении каких-то юнцов, в которых я узнал его прежних мучителей. Судя по тому, как дружески они общались, былые обиды были забыты.

Мы оказались на берегу как раз в тот момент, когда герольд в расшитой золотом мантии пересек мост. Помимо караульных, за ним следовал Августин Стюард, тоже верхом. Командир отряда, сопровождавшего посланника, был мне знаком — капитан Друри, с которым мне довелось столкнуться в Лондоне. Вне всякого сомнения, посланник захватил с собой одного из командиров армии Уорика для того, чтобы придать вес своей миссии.

Увидев его, многие в толпе закричали:

— Боже, храни короля!

Как и обычно, обе враждующие стороны наперебой клялись в верности двенадцатилетнему мальчику, который находился сейчас в своем лондонском дворце.

Августин Стюард попросил повстанцев расступиться и пропустить посланника, дабы тот мог занять удобное положение, позволяющее людям слушать его слова. Просьба сия была выполнена; герольд в сопровождении эскорта проехал немного по дороге, ведущей на вершину холма, остановился и повернулся к бушующему внизу людскому морю. Про себя я отметил, что он не робкого десятка, как, впрочем, и его предшественник. На лице посланника, грузного человека лет пятидесяти, застыло выражение властной надменности. Он начал свою речь с того, что похвалил повстанцев за выражение верности королю. Потом он извлек из сумки свиток, снабженный гербами и печатями, широким жестом развернул его и принялся читать звучным, далеко разносившимся голосом.

Слушая его, я ощущал, как кровь стынет у меня в жилах. Воззвание было выдержано в еще более оскорбительном тоне, чем то, которое месяц назад огласил предыдущий герольд. От меня не ускользнуло, как выражение надежды, сиявшее на лицах людей, сменилось выражением гнева и досады; некоторые — таких, впрочем, было не много — взирали на посланника с откровенным страхом. В воззвании бунтовщики обвинялись в том, что, устроив жестокую смуту, они подвергли грабежам и насилию, а также заключили в тюрьму множество превосходных людей, достойных всяческого уважения. Услышав это, толпа злобно загудела. Посланник меж тем продолжал оскорблять своих слушателей, называя их низкими предателями, изменниками и безумцами. Потом он заявил, что милость короля безгранична: несмотря на бесчисленные злодеяния, учиненные бунтовщиками, его величество готов даровать прощение тем, кто, искренне раскаявшись, оставит любые попытки сопротивления. Лишь такой закоренелый преступник, как Роберт Кетт, недостоин монаршей милости. Речь герольд завершил обещанием покарать огнем и мечом всех, кто будет упорствовать в своих злодейских намерениях.

Едва он смолк, как раздался хор злобных возгласов.

— Ты сам изменник и предатель! — наперебой кричали повстанцы.

Многие заявляли, что посланника направил к ним вовсе не король, а дворяне, вступившие в заговор против простого народа. Обещанное помилование называли ложью и обманом.

— Мы знаем, что всех нас ждут тюрьмы и виселицы! — выкрикнул кто-то.

— Он вовсе не королевский герольд! — подхватил другой. — Его мантия сшита из кусков папской сутаны!

Удивительно, с каким упорством эти люди продолжают верить, что протектор на их стороне, подумал я. Повстанцы громко свистели и улюлюкали, потрясая оружием. Лицо посланника побагровело от гнева. Я увидел, как с вершины холма спускается Роберт Кетт верхом на лошади; если герольд рассчитывал взять бунтовщиков на испуг в отсутствие их предводителя, то его намерение провалилось. Кетт, приблизившись к своим людям, приказал им расчистить место, дабы посланник мог прочесть свое воззвание вновь: для тех, кто стоял слишком далеко и не сумел его толком расслышать. Толпа неохотно расступилась, давая дорогу. Люди, которые стояли рядом, бросали на него яростные взгляды и выкрикивали оскорбления.

— Этот напыщенный болван не оставил нам никакого выбора, — сквозь зубы пробормотал Барак. — Если бы он говорил с нами как со взрослыми разумными людьми, а не как со сворой нашкодившей детворы, то скорее бы добился успеха.

— Да уж, — кивнул Николас. — Мне кажется, веди он себя иначе, многие купились бы на его посулы. Но этот тип добился лишь того, что привел народ в ярость. Хотел бы я знать, кто автор этого дурацкого воззвания?

— Протектор, можешь не сомневаться, — отрезал я. — Так же, как и предыдущего. Похоже, Сомерсет — человек весьма недалекого ума, а в политических делах он искушен не более, чем кролик.

— К этим людям можно относиться по-разному, но всякому ясно: затеять эту заваруху их вынудили беззакония, которые творятся вокруг, — сказал Николас, и голос его дрогнул. — Как можно было объявлять их предателями и изменниками?

— Пару месяцев назад ты и сам считал их таковыми, — пожал плечами Барак.

— Но не сейчас, — покачал головой Овертон. — Теперь я думаю иначе.

Он оглянулся на посланника, во второй раз читавшего свое воззвание. Слушатели внимали ему в молчании; в глазах некоторых светился испуг, но значительно больше было таких, чьи взоры полыхали гневом.

То, что случилось потом, я до сих пор вижу в кошмарных снах. После этого страшного происшествия последний шанс покончить дело миром был утрачен безвозвратно. Краешком глаза я уловил какое-то движение; до слуха моего долетел смех, до крайности неуместный в нынешних обстоятельствах. Обернувшись, я увидел Саймона Скамблера, оживленно болтавшего со своими бывшими врагами; они стояли всего в нескольких ярдах от посланника. Когда тот закончил чтение, в воздухе повисла тишина, и в этой тишине отчетливо раздался голос одного из юнцов:

— Давай же, Грязнуля, сделай это! А потом мы угостим тебя пивом!

Саймон выглядел растерянным; дружеское расположение бывших обидчиков, вне всякого сомнения, было ему приятно, однако выполнить их настойчивую просьбу он явно побаивался.

— Да что ты трусишь! — хмыкнул другой парень. — Покажи этому болвану, что мы о нем думаем!

Саймон вышел из толпы и остановился напротив посланника. Теперь их разделяло расстояние всего в несколько ярдов. В следующее мгновение мальчик повернулся к посланнику спиной, спустил штаны и продемонстрировал герольду свою задницу. У того аж глаза на лоб полезли; задыхаясь от ярости, он хватал воздух ртом, точно пойманная рыба. Толпу сотряс взрыв оглушительного хохота. Скамблер вилял тощими ягодицами, тем самым усиливая оскорбление. Капитан Друри сделал знак солдату, державшему ящик с углями. Тот моментально извлек горящий уголь и поджег запал. Друри, прижав к плечу длинный ствол орудия, нажал на спусковой крючок. Раздался грохот, из ствола вырвался столб серого дыма, и задница Саймона превратилась в кровавое месиво. Мальчик испустил душераздирающий вопль и зашатался, согнувшись пополам. Заряд пробил его тело насквозь, и, когда он повернулся, я с содроганием увидел, как из раны, откуда хлестала кровь, выпали внутренности. Несколько мгновений бедняга удерживался на ногах, качаясь из стороны в сторону, а затем рухнул

лицом вниз. Мальчишки, подбившие его на эту дикую выходку, бросились наутек.

— Нет! — закричал я, проталкиваясь сквозь толпу.

Барак и Николас следовали за мной.

Люди, на несколько мгновений впавшие в ступор, пришли в себя и разразились яростными криками. Толпа моментально оцетинилась остриями копий и пик, направленных на посланника.

— Видали, каково их милосердие? — раздался чей-то дрожащий от гнева голос.

Несколько всадников устремились к вершине холма.

— Этот человек приехал, чтобы убивать нас! — кричали они на ходу. — Все эти разговоры о прощении — вранье!

Посланник, казалось, пребывал в оцепенении, словно бы не вполне понимая, что произошло. На губах капитана Друри, глядевшего на распростертого в луже крови Саймона, играла довольная улыбка.

Я наклонился над Скамблером и осторожно перевернул его. На лице мальчика застыло выражение крайнего недоумения и растерянности, столь свойственное ему при жизни, взгляд остекленевших глаз потух. Застонав сквозь зубы, я опустил ему веки.

— Идемте, оставаться здесь опасно! — донесся до меня голос Барака.

Они с Николасом помогли мне встать. Оба с трудом сдерживали рыдания.

Оглядевшись вокруг сквозь застилавшую глаза пелену слез, я увидел, как повстанцы сомкнулись вокруг посланника и его стражи, явно собираясь отомстить за смерть Саймона. Лица их дышали угрозой, десятки рук тянулись к посланнику, намереваясь стащить его с лошади. Но громовой голос Кетта предотвратил расправу.

— Уезжайте немедленно! — провозгласил он. — Я вместе с вами отправлюсь к графу. Возможно, после того, как вы стали свидетелем нашего гнева, вы посоветуете ему поискать лекарство от наших бед, — угрюмо добавил он.

Толпа неохотно расступилась, пропуская герольда и его отряд. Они поскакали прочь, но, прежде чем успели отъехать на значительное расстояние, дорогу им преградила группа всадников.

— Куда это вы собрались, капитан Кетт? — донесся до меня голос одного из них. — Вы что, хотите покинуть нас на произвол судьбы? А

как же ваше обещание жить и умереть вместе с нами?

Я впервые слышал, чтобы кто-то из повстанцев позволил себе разговаривать с Кеттом неуважительно.

— Возвращайтесь и успокойте своих людей! — распорядился посланник, повернувшись к Роберту.

Кетт развернул лошадь, всадники из числа мятежников последовали за ним, а посланник и его свита, включая убийцу Саймона, беспрепятственно поскакали к подножию холма.

Мы с Баракком и Николасом по-прежнему стояли над телом мальчика. К нам подошло еще несколько человек, среди них рыдающий Нетти.

— Давайте унесем Саймона отсюда, — пробормотал он сквозь слезы. — Надо похоронить его как подобает.

— Мы сами сделаем все, что надо, — мягко сказал один из повстанцев, коснувшись моего плеча. — А вы идите отдыхать, мастер законник.

— Нет! — покачал я головой. — Я пойду с вами.

— Он был нашим другом, и мы должны с ним проститься, — вздохнул Николас.

— Саймон не любил выпендриваться, — с горечью произнес Барак. — Все, чего он хотел, — спокойно жить, никого не обижая и никому не причиняя вреда. Но люди слишком злые. Они вечно выставляли его на посмешище, отравляя бедняге жизнь. А теперь его пристрелили, как перепела! — И, сглотнув слезы, Джек отвернулся.

Я бросил взгляд на дорогу, по которой, оживленно переговариваясь, двигались повстанцы.

— А где мальчишки, которые подбили его на это? — злобно процедил я. — Эти трусливые отродья, которые воспользовались его простодушием! Господи Иисусе, они не меньше виноваты в смерти Скамблера, чем тот солдат, который в него выстрелил. Все они — убийцы и должны понести за это ответ.

— Теперь уже ничего не исправишь, — заметил Барак. — Но если эти ублюдки мне попадутся, пусть пеняют на себя! Оторву к чертям их подлые головы!

— Что же теперь будет? — спросил я, бросив взгляд в сторону города.

— Война, — ответил Барак. — Иного выхода у нас просто нет.

Глава 75

Мы отнесли тело Саймона в Торпский лес и похоронили на поляне, уже осыпанной желтыми листьями. Связав две ветки, соорудили крест и установили его над могилой. Стоя вокруг свежего холмика, все молчали, не в силах найти подходящих слов. Наконец Нетти произнес едва слышно:

— Быть может, душа его наконец-то обрела мир и покой.

Постояв еще несколько мгновений, мы отправились в сторону лагеря. Там царила лихорадочная суэта, и, когда мы поравнялись с гребнем холма, я понял ее причину: даже отсюда было видно, как к западным воротам города движется армия Уорика, подобная огромной черной змее. К нам подошел один из командиров в латах, сопровождаемый отрядом солдат, вооруженных копьями, и приказал Нетти и Бараку присоединиться к ним. Поймав вопросительный взгляд Николаса, командир резко бросил:

— Нет, парень, ты нам не нужен. Я знаю, кто ты такой.

Из дверей церкви Святого Михаила то и дело выбегали гонцы с приказами. По дороге, ведущей к подножию холма, сверкая латами и шлемами, двигались отряды лучников, копьеносцев и арбалетчиков. Я заметил Барака, который помахал мне рукой. На повозках, запряженных лошадьми, ехали пушки. Из города донесся орудийный залп, и, когда облака дыма развеялись, я увидел, как армия Уорика, похожая на огромное чудовищное насекомое, входит в городские ворота. Итак, неприятель прибыл.

Нам с Николасом оставалось лишь стоять у гребня холма, глядя на Норидж. Впрочем, увидеть нам удалось не много. Все прочие обитатели лагеря, по разным причинам не способные сражаться, также пребывали в тревожном ожидании.

— Итак, армия Уорика вошла в Норидж с легкостью, — заметил Николас. — Судя по всему, в городе у них немало союзников. — Прищурившись, он посмотрел вдаль. — Площадь Тумлэнд вся в дыму. По крайней мере, отсюда мне кажется, что это Тумлэнд.

К исходу дня повстанцы, усталые и запыленные, потянулись на вершину холма. Это было дурным знаком. Я заметил, moreover, что они

тащат несколько пушек. Вероятно, трофеи, захваченные у врага. Выглядывать среди идущих обратно Барака и Нетти было слишком мучительно, и мы, вернувшись к своей хижине, занялись приготовлением ужина. Солдаты продолжали прибывать: измученные, в рваной одежде; многие были ранены. Радости нашей не было предела, когда мы наконец увидели своих друзей. Нетти был цел и невредим, а одна из лодыжек Барака обмотана окровавленной тряпкой. Размотав ее, он показал нам рану, наспех зашитую грубыми стежками.

— Меня зацепила стрела, — сообщил Джек. — Но ничего, это ерунда.

Заметив отсутствие мастера Диксона, я спросил у свордстоунских крестьян, где он.

— Зарублен врагами, — мрачно бросил кузнец по имени Милфорд.

Я вспомнил, как совсем недавно этот человек затеял у костра ссору, которую Саймон прекратил своим чудным пением.

— Флетчер и Хармон тоже убиты, — процедил Милфорд и в полном изнеможении опустился на землю.

Пока люди ужинали, Барак и Нетти рассказали нам о том, что произошло сегодня. Когда они спустились к воротам Нориджа, армия графа Уорика уже находилась в центре города. Более того, Уорик к тому времени успел схватить более трех десятков повстанцев и вздернуть их на виселицы. Судя по всему, Августин Стюард сообщил ему, с какой стороны армия сможет войти, не встретив сопротивления. Около всех прочих ворот, кроме восточных, были установлены пушки, готовые открыть огонь по неприятелю. Повстанцы сражались отчаянно; собравшись на Тумлэнде, они разделились на отряды и вступили в уличные бои; в какой-то момент показалось, что армия Уорика отходит под градом наших стрел. Однако сокрушительный залп из аркебуз заставил наши ряды пошатнуться. Оценив численность неприятеля и мощь его орудий, наши командиры дали приказ к отступлению. Впрочем, прежде чем покинуть Норидж, повстанцы успели захватить часть вражеского обоза с провизией, заплутавшего в лабиринте узких городских улиц, и несколько пушек.

— Мы потеряли много людей, — вздохнул Барак. — Весь город, за исключением северной части, в руках неприятеля. Мы хотели соединиться с нашими отрядами, которые находятся там, но войска

Уорика захватили все мосты, и нам пришлось отступить. — Он пристально взглянул на меня. — Тоби был в самой гуще битвы, я видел, как он во главе отряда лучников атаковал солдат Уорика. Хоть Локвуд и последняя каналья, однако смелости ему не занимать.

— Капитан Майлс говорит, что они с Кеттом уже составили план новой атаки, — вставил Нетти. — Завтра мы выбьем врага из города.

— Значит, завтра предстоит новое сражение?

— Да, — кивнул Барак, отстегивая свой протез и морщась от боли. — Армия у Уорика нешуточная. Я начинаю жалеть о том, что мы не воспользовались этим чертовым помилованием.

— Жалеть об этом нечего, — отрезал Нетти. Его лицо, покрытое синяками, выражало величайшую непреклонность. — Мы победим, а если нет, они нас уничтожат. Для них мы — скотина, которую можно отправить на убой. Вы же видели, что эти гады сделали с Саймоном.

Следующее утро выдалось ясным и солнечным, хотя и прохладным. Было воскресенье, но церковные колокола в Норидже молчали, да и в лагере на этот раз решили обойтись без богослужения. Все готовились к предстоящей битве. Сквозь сон я слышал, как Барак поднялся и вышел из хижины. Как видно, я был утомлен до крайности, потому что вновь забылся сном; разбудил меня лишь мощный орудейный залп, донесшийся из Нориджа. Мысль о том, что я не простился с Баракком, которого, возможно, уже более никогда не увижу, пронзила мое сердце насквозь. Торопливо одевшись, я направился к гребню холма. Николас был уже там.

Устремив взгляд вниз, я убедился, что наши вновь двинулись в атаку на Норидж. Воздух сотрясал грохот орудий, Епископские ворота были затянуты дымом, как и вся северная часть города. Повстанцы наступали с нескольких сторон. Над южной частью Нориджа тоже взметнулся столб дыма, — судя по всему, горели амбары у реки, где хранилось зерно.

— Господи Иисусе, — пробормотал я. — Там же совсем близко Конисфорд, где живет Джозефина. Кому понадобилось поджигать амбары?

— Наверное, повстанцы применили отвлекающий маневр, — предположил Николас.

Мы продолжали наблюдать за происходящим, погружившись в напряженное молчание. Неожиданно к нам, прихрамывая, приблизилась знакомая фигура. То был Питер Боун, из-за больных ног не способный сражаться. Он поклонился, приветствуя нас:

— Доброе утро, мастер Шардлейк, мастер Овертон.

— Доброе утро, мастер Боун. — Я пожал ему руку. — Судя по всему, сегодня все решится.

— Мне так хотелось быть вместе со всеми, но меня опять не взяли, — вздохнул он. — Сказали, от хромоногого на войне больше проблем, чем пользы. Ну, как там дела?

— Похоже, наши подожгли южную часть города, — по крайней мере, оттуда валит дым. Войска Уорика с севера ведут огонь из пушек. Пока непонятно, удалось ли им продвинуться к центру.

— Если дойдет до решающей битвы здесь, на холме, я буду сражаться вместе со всеми, — с горячностью заявил Боун. — Думаю, подносить порох канонирам я смогу не хуже любого другого. — Питер неловко переступил с ноги на ногу, и я догадался, как ему тяжело ходить. — Все, кого я любил, умерли, — вздохнул он. — Грейс, Мерси, моя жена, Эдит. Так что о своей собственной смерти я думаю без всякого страха.

— По крайней мере, бедная Эдит была счастлива все те девять лет, когда жила с вами и вашей сестрой, — заметил я, пристально глядя на него. — Кстати, ее обручальное кольцо по-прежнему у меня. Муж Эдит отказался его забрать. Думаю, мне стоит вернуть его вам.

С этими словами я вытащил украшение из кошелька и протянул собеседнику.

— Благодарю вас, — кивнул он, убирая кольцо в свой собственный потрепанный кошелек. — У вас нет никаких новых соображений по поводу того, кто мог убить Эдит? — осведомился Боун вполголоса.

— Мне известно не больше, чем во время нашего предыдущего разговора, — покачал я головой. — Наибольшие подозрения у меня вызывает управляющий Болейна, некто Чаури, который ныне скрывается неведомо где. Впрочем, сам Болейн тоже мог убить Эдит, так же как и его нынешняя жена. Не говоря уже о сыновьях Эдит, этой бешеной парочке, — вздохнул я. — Боюсь, мне не суждено узнать правду.

— По крайней мере, вы пытались, — заметил Питер. — Вам не все равно, кто лишил ее жизни, а это уже немало.

Мы вновь обратили взоры на расстилавшийся внизу город, но не увидели ничего, кроме густых клубов черного дыма. Я опять с тревогой подумал о Джозефине и маленькой Мышке.

— Судя по всему, наши уже за городскими стенами, сражаются на улицах, — предположил Боун. — Идемте, я покажу вам, какие приготовления были сделаны для битвы на холме. Даже если армию Уорика не удастся отсюда выбить, у нас еще остаются хорошие шансы на победу. Капитан Майлс и другие командиры предусмотрели все.

Вслед за своим неуклюже ковыляющим проводником мы прошли около мили и оказались на пустоши, расположенной к северу от города: склон холма здесь был пологим и образовывал нечто вроде широкого уступа.

— Это место называется Дассиндейл, — сообщил Боун. — Здесь-то мы и сразимся с врагом.

То, что я увидел, заставило меня открыть рот от изумления. Вдоль склона суетились люди, врывая в землю множество заостренных деревянных кольев, лежавших сплошной чередой, остриями наружу. Вне всякого сомнения, то было мощное препятствие, о которое могла запнуться любая атака. По краям несколько повстанцев рыли окопы, другие сооружали земляные валы, дабы предотвратить наступление с флангов. На земляном холме, насыпанном вручную, устанавливали пушки, включая и те, что были захвачены во вчерашнем бою. Земля у нас под ногами сотрясалась, так как некоторые орудия уже вели огонь, целясь по северным городским воротам, расположенным в нескольких сотнях ярдов. Похоже, та часть Нориджа, что находилась к северу от реки Уэнсум, полностью покрывалась орудийным огнем. Среди тех, кто рыл окопы, я заметил мускулистую фигуру Майкла Воувелла. То, что он оказался здесь, не могло не удивить меня, ибо я не сомневался, что он, человек, отлично знающий Норидж, сегодня сражается на городских улицах. Воувелл, заметив нас, подошел, чтобы поздороваться.

— Как видите, мастер Шардлейк, мы хорошо подготовились к грядущей битве, — жизнерадостно заявил он. Волосы и борода у него были острижены совсем коротко — вероятно, чтобы избавиться от вшей и гнид.

— Да, и работа до сих пор кипит, — кивнул я.

— Вижу, вы строите укрепления так, чтобы солнце било прямо в глаза неприятелю, — одобрительно заметил Питер Боун.

— Все продумано до мелочей, — усмехнулся Майкл и внимательно взглянул на меня. — Есть какие-нибудь новости?

— Мы все утро простояли на гребне холма, но мало что сумели рассмотреть, — сообщил я. — Южная часть города охвачена пожаром, а в центре, как я полагаю, идет жаркая схватка.

— Завтрашняя схватка будет еще более жаркой, — изрек Воувелл.

— Если дело дойдет до битвы, то я, хоть и хромоногий, стану помогать нашим, чем смогу, — заявил Питер.

Майкл с любопытством взглянул на него, и Боун пояснил:

— Я от рождения был косолапым, а годы работы за ткацким станком не пошли моим ногам на пользу. Почти всякая работа награждает человека недугами. У меня болят ноги; у моей сестры, которой приходилось целыми днями пряхать, сильно распухали пальцы рук.

— У вас есть сестра?

— Была. Она умерла этой весной.

Во взгляде Воувелла мелькнуло нечто странное. И вдруг меня осенила мысль, внезапная, как вспышка молнии. Как-то раз одна фраза, брошенная Майклом, насторожила меня своей противоречивостью; но впоследствии, погрязнув в подробностях, связанных с убийством Эдит Болейн, я об этом совершенно забыл. А теперь, когда Питер Боун упомянул о своем недуге, связанном с работой ткача, слова Воувелла вновь всплыли в моей памяти. Помнится, в тот день, три недели назад, он сопровождал меня во время визита в Норидж. Накануне повстанцы одержали победу над армией Нортгемптона, мы говорили о Гэвине Рейнольдсе, о его семье, о вечно забинтованных руках Джейн. Голос Воувелла прозвучал у меня в голове отчетливо и ясно:

«А что кисти у миссис Рейнольдс постоянно перевязаны, так это из-за воспаленных суставов. Сей недуг передается у них в семье из поколения в поколение. Сама Джейн начала мучиться от боли в суставах, едва достигнув среднего возраста, и такая же участь постигла Эдит. Возможно, когда близнецы станут старше, эта напасть не минует и их тоже».

Только теперь я осознал, в чем заключается противоречие, в котором тогда не отдал себе отчета. Откуда Воувелл мог знать, что Эдит в зрелые годы мучилась от боли в суставах, если, по его собственному утверждению, он видел ее в последний раз девять лет тому назад? Буравя Майкла глазами, я буквально чувствовал, как мой мозг усиленно работает, сопоставляя факты и обстоятельства. Вне всякого сомнения, передо мной стоял один из потенциальных убийц Эдит Болейн. А потом меня осенила еще одна догадка: я понял, кто мог быть его подручным в ночь убийства. Именно этот подручный расправился впоследствии с пьяницей-слесарем и его злополучным подмастерьем. Как видно, все эти мысли отразились на моем лице, так как Воувелл, вперив в меня долгий внимательный взгляд, произнес:

— Думаю, вам лучше вернуться в свое жилище, мастер Шардлейк. Полагаю, вы не хотите, чтобы вас задело случайным ядром.

Обратный путь к гребню холма мы проделали в молчании. Бросив взгляд на город, я убедился, что южная его часть по-прежнему затянута дымом, однако пожар, охвативший Конисфорд, похоже, идет на убыль. Потом я увидел, что по дороге, ведущей на вершину Маусхолда, движется вереница закованных в цепи арестантов в сопровождении солдат. Поднявшись на холм, они направились в сторону дворца графа Суррея. Арестантов было человек двадцать, и, к своему ужасу, я заметил среди них Джона Болейна, также в кандалах. Впрочем, в отличие от своих товарищей по несчастью, грязных и оборванных, он был прилично одет и отнюдь не выглядел изнуренным. Мы с Николасом бросились к дворцу. Заметив солдата, который стоял карауле во время судов под Дубом реформации и, следовательно, должен был меня помнить, я рискнул обратиться к нему:

— Скажите, что здесь происходит?

— Вы ведь адвокат Шардлейк, верно? — кивнул часовой. — Да ничего особенного. Просто мы пригнали из замка последнюю партию джентлемов. Замок-то скоро попадет в руки графа Уорика. Дело идет к тому, что он выбьет нас из города. Так что джентлемы теперь будут жить во дворце графа Суррея.

— Но зачем? Для чего понадобилось тащить их сюда?

— О, вот увидите, от них тоже будет толк, — мрачно ухмыльнулся караульный. — Если дело дойдет до битвы, заключенных, закованных в

цепи, поставят перед строем наших солдат. Может, люди Уорика не захотят стрелять в своих. — Вероятно, глаза мои полезли на лоб от ужаса, потому что собеседник нахмурился. — На войне как на войне, мастер Шардлейк. Во время уличных боев в городе удача от нас отвернулась. И теперь любые средства хороши, лишь бы только одержать победу.

Я бросил взгляд в сторону заключенных. Судя по испуганным лицам, всем было известно, какая участь им уготована. Поймав умоляющий взгляд Джона Болейна, я указал на него солдату:

— Этот человек не относится к числу пленников, захваченных повстанцами. Его заключили в тюрьму по обвинению в уголовном преступлении. И хотя он признан виновным, королю была направлена просьба о помиловании, подписанная леди Елизаветой. Его привели сюда по ошибке.

— Почему же по ошибке? — пожал плечами солдат, равнодушно взглянув на Болейна. — Он ведь тоже из джентлемов, правда? Это и слепому видно. Нам было велено пригнать сюда всех джентлемов, и мы выполнили приказ. Если вы чем-то недовольны, обращайтесь к капитану Кетту.

— До сих пор капитан Кетт запрещал убивать пленников, джентльмены они или нет, — процедил я. — Неужели он изменил своим принципам?

— Никто не собирается их убивать! — рассердился часовой. — То есть мы, по крайней мере, не собираемся. Это уж людям Уорика решать, готовы они лишить их жизни или нет. А вообще, приятель, на войне не обойтись без крови. Прямо сейчас, в эту самую минуту, в Норидже гибнут наши. Ступайте своей дорогой, мне некогда чесать языком.

Подойдя к колонне арестантов, я поравнялся с Болейном и спросил:

— Где Изабелла?

— Ее прогнали из замка прочь, — сообщил он дрожащим от отчаяния голосом. — Сейчас жена где-то в городе, но я не представляю, где именно. То, что там творится, просто ужасно! Мэтью, умоляю, спасите нас!

В тот вечер в лагерь вернулись из Нориджа только раненые. Ночью сражение прекратилось, и мы узнали, что бóльшая часть города захвачена армией Уорика; в руках повстанцев остались только северные кварталы. Кузнец Милфорд едва доплелся до своей хижины: в бою он получил удар пикой в бок, рану прикрывала промокшая от крови повязка.

— Рынок теперь в руках неприятеля, поэтому покупать провизию нам негде, — угрюмо сообщил он. — Завтра должны прибыть швейцарские наемники, так что будет еще жарче. Если мы не сможем двинуться в атаку из северных кварталов, значит решающее сражение произойдет здесь, на холме.

Николас спросил у него, не видел ли он Барака и Нетти.

— Когда идет такая битва, видишь только то, что творится рядом с тобой, — покачал головой кузнец. — Простите, но у меня больше нет сил говорить. Пойду прилягу.

Готовить ужин вновь пришлось нам с Николасом. Покончив со стряпней, мы уединились в своей хижине.

— Похоже, дело принимает скверный оборот, — вполголоса заметил Овертон. — Что будет с Болейном и Изабеллой? Где теперь Джозефина?

— Это одному Богу известно, — вздохнул я. — Но у меня есть одна неплохая новость. Похоже, я знаю, кто убил Эдит Болейн. Майкл Воувелл на пару со своим прежним хозяином, Гэвином Рейнольдсом.

— Отец убил собственную дочь? — недоверчиво вытаращил глаза Николас. — Да он же стар, как трухлявый пень. Еле ползает, да и то с палкой.

— Это он теперь еле ползает. Помнишь, старикан сказал, что повредил ногу несколько месяцев назад? Думаю, это было как раз в ночь убийства.

— Но ведь Воувелл ненавидит Рейнольдса.

— Он хочет, чтобы мы так думали. Полагаю, этот человек — ловкий притворщик.

Я рассказал Николасу, как Майкл упомянул о больных суставах Эдит и эта фраза, всплыв у меня в памяти, повлекла за собой неожиданную догадку.

— Завтра нам с тобой надо будет поговорить с ним наедине и добиться признания. Попытаемся вытянуть из Воувелла всю правду. В

том числе и насчет соучастников.

— Согласен.

— А сейчас нам не остается ничего другого, кроме как завалиться спать, — вздохнул я. — Как говорится, утро вечера мудренее. Господи Иисусе, надеюсь, что завтра мы увидим Барака и Нетти живыми и здоровыми.

Глава 76

Я почти не сомкнул глаз до самого утра. К тому же посреди ночи Николасу вдруг вздумалось переложить постель из папоротника, и возня, которую он поднял, прогнала остатки дремоты. Перед рассветом пошел дождь; я слышал, как капли барабанят по крытой дерном крыше нашего жилища. Однако, выглянув из хижины утром, я увидел ясное голубое небо. Охваченные тревожными предчувствиями, мы с Овертоном отправились к гребню холма.

По дороге, ведущей на вершину, тянулась длинная вереница раненых. Навстречу им выкатили несколько бочек с легким пивом. Мы с Николасом передавали наполненные кружки изнемогающим от жажды солдатам, которые тащились из последних сил, поддерживая друг друга. Тех, кто получил тяжелые раны, товарищи несли на носилках. Из разговоров бойцов мы узнали, что центр города по-прежнему находится в руках Уорика, но наши не оставляют попыток выбить его оттуда. Сам граф Уорик остановился в доме Августина Стюарда на площади Тумлэнд и водрузил над воротами свой фамильный герб, изображавший медведя с суковатым посохом в лапах. Нам сообщили также, что сегодня во вражеской армии ожидается подкрепление — около полутора тысяч швейцарских ландскнехтов. По словам раненых, повстанцы намеревались возобновить атаку до их прибытия. Все наши расспросы о Бараке и Нетти оставались безрезультатными: наконец какой-то лучник с рукой на перевязи сообщил нам, что во время короткой передышки между боями видел Нетти, спавшего на земле. Что же касается Джека, то о нем не было ни слуху ни духу. Другой солдат сказал, что Локвуд погиб, получив в уличном бою сокрушительный удар мечом. Вне всякого сомнения, клеветнические слухи, которые распускал обо мне Тоби, достигли его ушей, ибо солдат произнес с нескрываемым упреком:

— Он был очень храбрым и отдал жизнь за наше дело, в то время как джентлемы отсиживались наверху.

— Я никогда не сомневался в его отваге, — заметил я.

— Локвуд был хороший человек.

— Далеко не всякий смельчак заслуживает этого звания.

Собеседник счел ниже своего достоинства вступить со мной в спор; презрительно сплюнув, он заковылял прочь, тяжело припадая на раненую ногу.

Наступило время обеда. Мы с Николасом, встревоженные и расстроенные, вернулись в свое жилище и утолили голод тем, что у нас оставалось, то есть черствым хлебом и пивом. Сидя у потухшего костра, мы услышали громкий топот и, обернувшись, увидели четырех солдат, вооруженных алебардами. Их возглавлял Майкл Воувелл, на лице которого застыло непроницаемое выражение.

— Что случилось? — процедил Николас.

— Адвокат Мэтью Шардлейк, мастер Николас Овертон, у нас имеются сведения о том, что вы являетесь вражескими шпионами и занимаетесь воровством, — официальным тоном изрек Воувелл.

Я вскочил, ощущая, как внутренности мои болезненно сжались:

— Что вы несете? Вы же прекрасно знаете, что это не так!

Воувелл, буравя меня ледяным взглядом, сделал знак солдатам:

— Обыщите их хижину, да хорошенько! Переверните все вверх дном.

— Вы не имеете права! — возмутился Николас. — Где приказ об обыске?

Вместо ответа один из солдат приставил ему к груди алебарду.

Нам оставалось лишь безропотно отойти в сторону. Судя по звукам, долетавшим из хижины, солдаты рылись в наших папоротниковых постелях. Наконец один из них вылез наружу, держа в руках какое-то письмо и драгоценное ожерелье. Это было то самое украшение с жемчужными подвесками, на которое я обратил внимание в присутствии Воувелла.

— Помнится, вы сразу положили на него глаз! — процедил он. — Сказали, дескать, похожее ожерелье было у покойной королевы Екатерины Парр, кому вы служили верой и правдой. Кстати, маркиз Нортгемптон, которого мы в прошлом месяце разгромили в пух и прах, доводится ей родным братом.

— Дураку ясно, они предатели и изменники! — проворчал один из солдат. — И зачем только Кетт позволил им жить в лагере?

— Отведите нас к капитану Кетту! — попросил я, глядя Воувеллу прямо в глаза.

Тот, не отвечая, развернул письмо и принялся громко читать вслух:

Секретно и срочно; благородному графу Уорику. Милорд, сегодня, 25 августа 1549 года, нам удалось тщательно осмотреть укрепления, которые бунтовщики возводят на Маусхолдском холме. Нами составлен план оборонительных сооружений, каковой и прилагаем к этому письму. Верные слуги вашего сиятельства,

Мэтью Шардлейк и Николас Овертон.

Под этим посланием стояли наши с Николасом подписи, подделанные не слишком искусно. На плане были грубо, но весьма точно запечатлены сооружения, которые мы видели вчера.

— Я сам был свидетелем того, как эти крысы осматривали наши укрепления, — сообщил Воувелл, повернувшись к своим людям. — Тоби Локвуд, погибший вчера за наше дело, да упокоит Господь его душу, давно уже их раскусил. Но капитан Кетт по какой-то причине проникся к негодьям доверием и взял их под свою защиту.

— Это письмо — не более чем грубая подделка, — отчеканил я. — Его подбросили мне нынешней ночью, точно так же как и ожерелье. — Мне припомнился назойливый шорох папоротника, который я слышал сквозь сон. Значит, это был вовсе не Николас. — Полагаю, вы сделали это собственноручно! — обжег я взглядом Воувелла. — Отведите нас к капитану Кетту, пусть он во всем разберется.

— Думаете, у него сейчас есть время разбираться в измышлениях предателей? — расхохотался Воувелл. — Разумеется, мы покажем ему письмо и план. Он сразу поймет, в чем дело.

— Все, что говорит Майкл Воувелл, — ложь и клевета! — громко произнес я, обращаясь к солдатам. — Он совершил убийство и догадался, что я знаю правду. Именно поэтому он решил обвинить меня в предательстве.

— Чем понапрасну сотрясать воздух, лучше поцелуй меня в задницу, — ухмыльнулся один из повстанцев. — Всем известно, что мастер Воувелл — ближайший помощник капитана Кетта. А тебя, горбун, и твоего рыжего приятеля мы сейчас отведем во дворец графа Суррея. Там вас закуют в цепи и вместе с другими джентльменами погонят впереди нашего войска.

«Господи, до чего же я был глуп и неосмотрителен, — подумал я, виновато глядя на Николаса. — Как я мог не догадаться, что Воувелл попытается себя обезопасить, сыграв на опережение. Хитрый, проницательный и жестокий, он просчитал все до мелочей».

Майкл смерил меня ледяным взглядом.

— Отведите Овертона во дворец графа Суррея, — обратился он к солдатам. — А Шардлейку свяжите руки и оставьте его наедине со мной. Надо преподать ему хороший урок, который раз и навсегда отучит мерзавца лгать. А после я сам отведу его куда следует.

Солдаты, связав мне руки за спиной, потащили прочь отчаянно упиравшегося Николаса. Воувелл, издевательски ухмыляясь, сделал мне знак зайти в хижину.

Едва мы оказались внутри, он грубо толкнул меня, заставив сесть на пол, а сам удобно устроился в углу и, вытащив из кармана нож, принялся чистить ногти.

— Меня мучит любопытство, — негромко произнес Майкл. — Никак не могу взять в толк, каким образом вам удалось догадаться, что я — один из убийц Эдит. О том, что вас осенила подобная догадка, я понял вчера по вашему лицу. Надо сказать, для законника вы не слишком хорошо владеете собой, а опытные шпионы умеют читать и по самым непроницаемым лицам. Теперь вряд ли стоит скрывать, что с самого начала этой заварухи я работал на правительство и являлся осведомителем. Письмо и план, которые вы видели, являются точными копиями тех, что были направлены мною графу Уорику. Так вот, прошу вас, Шардлейк, утолите мое любопытство. Если вы откажете мне в этой маленькой любезности, мне придется развязать вам язык при помощи вот этого славного ножичка. Я сказал парням, что намерен преподать вам урок, и никого не удивит, если вы ненароком лишитесь ушей или нескольких пальцев.

Понимая, что иного выхода у меня нет, я решился быть откровенным.

— Помните, три недели назад мы с вами ходили в Норидж? — спросил я, тяжело переводя дух. — Тогда вы упомянули, что болезнь суставов, от которой страдает Джейн Рейнольдс, передается в их семье из поколения в поколение. Эдит, по вашим словам, в зрелые годы тоже мучилась от воспаления. Но откуда вы могли знать это, если не видели ее в течение девяти лет? Вчера, когда Питер Боун упомянул о

распухших суставах своей сестры, этот разговор всплыл у меня в памяти. Последние годы жизни Эдит провела у него в доме, выдавая себя за его сестру Мерси, которая в действительности умерла много лет назад. Другой сестрой Питера была Грейс Боун, любимая горничная Эдит. Именно она подговорила свою хозяйку сбежать из Бриквелла и начать новую жизнь — в бедности, но среди людей, которые любили и понимали ее.

— Так вот где скрывалась наша беглянка! — расхохотался Воувелл. — А я-то все голову ломал, куда она могла запропасться. Хозяйка Бриквелла, супруга родственника Анны Болейн, превратилась в простую пряху. С ума можно сойти!

— Да, от того, что довелось пережить Эдит, действительно можно было сойти с ума.

— Значит, я сам себя выдал, — нахмурился Майкл. — Если бы я не упомянул о руках Эдит, вы никогда бы ни о чем не догадались. Вот так всегда и бывает: один пустячный просчет — и все летит к чертям. Хорошо еще, что я успел принять меры предосторожности. — Он вперил в меня яростный взгляд, словно желая прожечь насквозь. — Вы успели разболтать обо всем Овертону? Или кому-нибудь еще? — спросил Воувелл, поигрывая ножом. — Предупреждаю: человек, которому загоняют под ногти острие ножа, испытывает чрезвычайно неприятные ощущения.

— Я поделился своей догадкой только с Николасом. Больше мне некому было рассказывать. Барак сейчас в Норидже.

Майкл кивнул, и лицо его приняло задумчивое выражение.

— Можно мне тоже задать вопрос? — подал я голос. — Почему вы не убили нас, когда прошлой ночью проникли в нашу хижину? Так было бы намного проще.

— Мне надо было выяснить, что именно вам известно, — с готовностью ответил он. — К тому же ваша смерть наделала бы шуму. Кетт, чего доброго, занялся бы поисками убийцы: он ведь привязан к вам, как к старому псу. Ох, глупость этого человека поистине не знает границ! Подумать только, капитан Кетт вообразил себе, что сможет управлять Англией!

— До сей поры он отнюдь не зарекомендовал себя глупцом, — возразил я. — Создал огромный, прекрасно организованный лагерь. Выиграл две битвы. И как знать, может быть, выиграет третью.

Во взгляде Воувелла вспыхнуло искреннее недоумение.

— Неужели вы, джентльмен и королевский адвокат, желаете победы Кетту и этой своре деревенского быдла?

— Англии необходимы реформы, а этот человек способен осуществить их.

— Все, на что он способен, — это погрузить страну в хаос и смуту. Вы, конечно, не раз слышали здешних «пророков», предсказывающих близкий конец света?

— Лагерем управляют отнюдь не эти безумцы. Капитану Кетту, надо отдать ему должное, никогда не изменяют здравый смысл и дальновидность.

— Тем не менее в последнее время все больше власти в лагере получают сторонники крайних мер. Полагаю, вы сами это заметили. Конечно, я немало тому способствовал — посеять раскол между бунтовщиками входило в мою задачу. — Майкл покачал головой и криво усмехнулся. — Господи Иисусе, а ведь вы и в самом деле изменник и предатель. Вы предали короля и лорда-протектора.

— Лучше уж быть предателем, чем шпионом.

— Деятельность шпиона может быть благородной, — отчеканил Воувелл, как видно задетый моими словами за живое. — Человеку, который служит на благо своей страны, она может приносить глубокое удовлетворение.

— А помогая Гэвину Рейнольдсу убить родную дочь, вы тоже испытывали глубокое удовлетворение?

— Значит, вы догадались и о том, что здесь замешан Рейнольдс?

— Это было не трудно, — пожал я плечами. — Если вы видели Эдит незадолго до смерти, это могло произойти только в доме ее отца. После того как ее визит к леди Елизавете окончился неудачей, миссис Болейн явилась к отцу. Предприняла последнюю, отчаянную попытку добыть денег, которые были ей столь необходимы.

— Да, Эдит знала, что у отца ее денег куры не клюют, — кивнул Воувелл. — Надо сказать, я был не просто управляющим Гэвина Рейнольдса — я был его доверенным лицом. Мы с ним провернули множество дел, включая тайные махинации, в которых принимал участие сэр Ричард Саутвелл.

— Однако меня вы пытались убедить, что ваш хозяин и Саутвелл — заклятые враги.

— Полагаю, вы уже поняли, что я не всегда говорю правду. В действительности эти двое, напротив, закадычные друзья. Подобное притягивает подобное, — ухмыльнулся он. — Когда Рейнольдс попросил помочь ему в этом деликатном деле, я не возражал. В конце концов, это часть моей работы. Но в ту ночь все пошло наперекосяк. Старик обладает таким же неистовым нравом, как и его внуки. Он вышел из себя и устроил черт знает что.

— Значит, Джеральд и Барнабас тоже замешаны в убийстве матери?

— Господи Иисусе, конечно нет. Не спорю, оба парня чокнутые. Тем не менее мать они любили и никогда бы не подняли на нее руку. Вы верно догадались: отец был последней надеждой Эдит раздобыть денег. Притащиться к нему домой она не осмелилась. Прислала письмо, в котором говорилось, что она жива, отчаянно нуждается в средствах и просит о помощи. Когда старик Рейнольдс прочитал это послание, его едва удар не хватил, — вновь расхохотался Воувелл. — Разумеется, он показал письмо мне. Сказал, что теперь, когда Эдит вылезла наконец-то из своего убежища, в котором скрывалась все эти годы, пришло время поквитаться с нею.

— Поквитаться? Почему же он так люто ненавидел собственную дочь?

— Рейнольдс похотлив, как козел, — пожал плечами Воувелл. — В его доме нет ни одной женщины, которой он не заглянул бы под юбку. Уверен, когда Эдит была юной, отец решил, что имеет полное право с ней позабавиться. Скорее всего, поначалу она попыталась дать ему отпор, да только Гэвин Рейнольдс не из тех, с кем подобные штуки проходят. Не сомневаюсь, он сделал то, что хотел. По крайней мере, я помню, как из ее комнаты по ночам доносились визг и крики.

Теперь я слишком хорошо понимал, почему старая Джейн Рейнольдс сожалела о том, что родила дочь, а не сына. Нельзя было подумать без содрогания, какие чувства испытывала бедная мать, прислушиваясь к отчаянным крикам дочери и понимая, что ее вмешательство бесполезно.

Что касается Воувелла, он говорил об этих жутких вещах так спокойно, словно бы обсуждал погоду. Более того, чувствовалось, что Майкл испытывает удовольствие, рассказывая столь увлекательную историю. Мне и прежде доводилось сталкиваться со шпионами, и я

знал: возможность сбросить маску всегда доставляет наслаждение — разумеется, если им при этом ничто не угрожает. Судя по тому, что Воувелл пустился в опасные откровения, он собирался прикончить меня прямо здесь, в хижине.

— Гэвин Рейнольдс тщательно все продумал, — продолжал свой рассказ Майкл, в голосе которого теперь слышались хвастливые нотки. — Он решил убить Эдит и подстроить все так, чтобы подозрение пало на Джона Болейна. Своего зятя он давно ненавидел, а уж после того, как тот привел в свой дом девку из харчевни, ненависть его возросла многократно. В общем, старикан, что называется, собирался убить двух птиц одним камнем. На самом деле даже не двух, а трех, — со смехом поправил себя Рейнольдс. — Сэр Ричард Саутвелл хотел заполучить земли Болейна, чтобы соединить два своих поместья. Это позволило бы ему устроить еще больше пастбищ. Учитывая размеры земельных владений Саутвелла, то был довольно мелкий куш, но, как вы имели возможность убедиться, норфолкские джентльмены впадают в ярость, если даже малейшее их желание не выполняется.

— Пример тому — Джон Аткинсон, — вставил я. — По слухам, он не оставляет своими домогательствами беззащитную девушку, которую похитил в прошлом году и был вынужден отпустить.

Воувелл слегка нахмурился, недовольный тем, что его прервали.

— Рейнольдс не сомневался, что Болейна отправят на виселицу и что земли его будут переданы в Ведомство по делам конфискованного имущества. После этого Саутвеллу не составило бы труда договориться с Фловердью и купить Бриквелл за бесценок. Ну а сыновья Болейна получили бы денежную компенсацию.

— Еще одно доказательство того, что все местные чиновники — мздоимцы, готовые ради собственной выгоды творить любые беззакония, — мрачно заметил я. — Правильно Кетт хочет положить этому конец.

— Лучше уж беззакония и взятки, чем хаос и смута! — непререкаемым тоном заявил Майкл. — Я — всего лишь скромный управляющий, однако понимаю, что порядок превыше всего и его следует поддерживать любыми средствами. Шпионом я стал по убеждению, мастер Шардлейк, а не ради выгоды. В течение многих лет я не просто добывал нужные сведения для мастера Рейнольдса и сэра Ричарда Саутвелла, но и сообщал городским властям о любых

проявлениях возмущения и недовольства. В Норидже полно разгильдяев, которые только и думают о том, как бы устроить заваруху. Дом Рейнольдса я покинул лишь потому, что понял: только находясь среди мятежников, я смогу содействовать восстановлению порядка и спокойствия в королевстве. Вы сами видели, я прикинулся сторонником самых решительных мер, окружил себя молодыми горлопанами, всячески их раззадоривал и, надеюсь, многих сумел настроить против Кетта. — Он расплылся в довольной улыбке. — Кстати, о том, что протектору и Тайному совету требуются осведомители, мне сообщил Саутвелл.

— Не сомневаюсь, вам хорошо платят за подобного рода услуги.

— Деньги никогда не имели для меня большого значения, — пожал плечами мой собеседник. — Когда я был мальчишкой, больше всего на свете мне хотелось стать бродячим актером, — признался он, и в его ледяных глазах впервые за все время нашего разговора вспыхнули живые огоньки. — Прежде я непременно участвовал во всех мистериях, которые устраивали гильдии ремесленников. Но жизнь лицедеев полна всякого рода передраг, а я хотел спокойствия и безопасности.

— Тем не менее вы стали превосходным актером, — усмехнулся я.

Воувелл довольно кивнул, словно мой комплимент польстил ему, и погрузился в молчание.

Я попытался вернуть его к прерванному рассказу:

— Значит, это вы похитили ключ от конюшни и подбросили туда грязные ботинки и молоток — основные улики против Болейна?

— Разумеется, я, кто же еще, — не без гордости изрек он. — С братьями Болейн я всегда старался поддерживать дружеские отношения. Как-то раз они ночевали в доме деда, и разговор зашел о Грязнуле Скамблере, который тогда служил в Бриквелле конюхом. Близнецы, разумеется, терпеть не могли этого жалкого недоумка. Я предложил им славную шутку: избить Саймона, украсть у него ключ от конюшни и выпустить на волю бешеного жеребца, который наводил на всех страх. Мне было известно, что вечером Джеральд и Барнабас непременно пойдут на петушинные бои. Подкараулить их в трактире, завладеть ключом и сделать его восковой оттиск — все это было для меня парой пустяков. Этот забулдыга, слесарь Снокстоуб, готов был на все, лишь бы получить деньги на выпивку. Я не сомневался: он изготовит дубликат без лишних вопросов. Близнецам было невдомек,

что ключ побывал в чужих руках, и, узнав о найденных в конюшне уликах, они непоколебимо уверились в том, что родной папаша прикончил их матушку. Согласитесь, неплохо придумано?

— Этот план созрел у вас в голове, когда вы услышали, как братья насмеваются над Саймоном?

— Да, хотя надо признать: то, что Джеральд бросил без присмотра на скамье свой дублет с ключом в кармане, было чистым везением. Однако, не сделай он этого, я, вне всякого сомнения, нашел бы другой способ добыть ключ. Не только законники горазды на всякие уловки и хитрости, мастер горбун, — ухмыльнулся он, и в голосе его зазвенела злоба.

— Не сомневаюсь, вы дадите сто очков вперед любому юристу, — польстил я его тщеславию. — Все было продумано на редкость хитроумно. Но зачем понадобилось убивать Снокстоуба?

— Разумеется, когда я принес ему восковой оттиск, этот пройдоха смекнул, что ключ краденый. Когда вы пригрозили ему вызовом в суд, он бросился к нам с мастером Рейнольдсом. Не будь слесарь таким трусом и пьяницей, волноваться было бы не о чем. Умный человек, давая показания, всегда сумеет обвести вокруг пальца судей и присяжных. Но у Снокстоуба во хмелю развязывался язык, и мы решили сделать так, чтобы он замолчал навсегда. Его ученик, мальчишка, видел меня и слышал наш разговор. Его мы тоже сумели устранить, прежде чем щенок сболтнул лишнее. Пришлось обратиться к помощи бандитов сэра Ричарда Саутвелла, с Джоном Аткинсоном во главе. Парни ловко справились с поручением, и теперь нам нечего было опасаться. Беда в том, что в ночь убийства... — Воувелл осекся и сокрушенно вздохнул. — Ох, люди бывают так неосмотрительны. Даже нориджские олдермены вроде Гэвина Рейнольдса.

— Это он настоял на том, чтобы сотворить с трупом... то, что с ним сотворили? — выдавил я, пытаюсь скрыть охватившее меня отвращение.

Майкл нахмурился и вновь коснулся рукоятки ножа.

— Весь план от начала до конца был придуман мною, — заявил он, сердито трясая головой; тщеславие этого человека было поистине безгранично. — Мы с мастером Рейнольдсом договорились, что он ответит на письмо Эдит и назначит ей встречу неподалеку от моста, разделяющего владения Болейна и Вайтерингтона. Кстати,

Вайтерингтон, насколько мне известно, тоже отправился в лучший мир — на радость сэру Ричарду Саутвеллу, который теперь наверняка присвоит его земли. — Воувелл вскинул бровь. — Сперва все шло отлично. Эдит прислала записку, подтверждая, что согласна встретиться с отцом. Мы с мастером Рейнольдсом отправились к условленному месту верхом. В моей седельной сумке были припасены молоток и лопата. Я собирался прикончить ее ударом по голове, а потом закопать, едва прикрыв землей. Наутро старый пастух, вне всякого сомнения, заметил бы свежую могилу, и труп был бы обнаружен. Но когда Рейнольдс увидал, как Эдит стоит на мосту в сумерках, с этими белыми повязками на руках так похожая на свою мать, он впал в неистовство. Принялся орать как резаный, требовать, чтобы она немедленно сказала, где пропадала целых девять лет. Дочь упорно молчала, а он расходился все пуще. Осыпал ее ругательствами, называл распутницей и шлюхой, бросившей маленьких сыновей. Наконец испуганная Эдит отступила на несколько шагов, и это дало мне возможность хорошенько огреть ее молотком по голове. — Майкл улыбнулся, словно ему приятно было вспоминать об этом. — Она рухнула на мост как подкошенная. Только кости загремели. — Он хлопнул по столу рукой. — Вот так-то. Я думал, увидев, что дочь его мертва, старикан успокоится, но Рейнольдс буквально задыхался от ярости. Почему-то он решил, что все эти годы Эдит была шлюхой и покрыла его имя позором. Кричал, что руки у нее болели потому, что ей приходилось драться с клиентами. Потом заявил, что дочь его недостойна того, чтобы предать ее тело земле. Надо сунуть ее в грязь головой вниз, выставив на всеобщее обозрение то паскудное место, которым она грешила. Напрасно я пытался убедить хозяина, что таким образом мы лишь отведем подозрения от Болейна. Люди с готовностью поверят, что он убил свою прежнюю жену, дабы сохранить новый брак, но дураку ясно: Джон не стал бы измываться над трупом. Однако старикан был глух к доводам рассудка. Этот болван так и не понял, что успех в этом мире сопутствует лишь тем, кто при любых обстоятельствах сохраняет холодную голову.

«Да, успех в этом мире сопутствует таким, как ты, — подумал я. — Тем, кто убивает людей с таким хладнокровием, словно речь идет о мухах».

Воувелл нахмурился, но, судя по всему, на этот раз его гнев возбудили не мои неуместные замечания, а воспоминания о глупости

Рейнольдса.

— Я сказал ему, что Эдит надо закопать, и отправился к тому месту, где мы привязали лошадей, чтобы взять лопату. На обратном пути услышал какое-то хлюпанье. Приблизился и увидел, что тело Эдит торчит из жидкой грязи ногами вверх и папаша уже сорвал с нее панталоны, так чтобы все могли увидеть ее сокровенные части. Рейнольдс крикнул, чтобы я подошел и помог ему выбраться. Оказалось, он сильно повредил ногу. Удивительно, что столь дряхлый старикан ухитрился справиться с подобным делом в одиночку. Но когда человек одержим яростью, его силы удесятятся. Я затащил Рейнольдса на мост и заявил, что похороню Эдит, как и намеревался вначале. В ответ он заорал, что, если я посмею это сделать, весь Норидж узнает, что я вовсе не вольнодумец, каковым прикидываюсь, а тайный осведомитель городских властей и Саутвелла. — Воувелл пожал плечами. — Я понимал, что, убив столь влиятельного человека, могу навлечь на себя опасность. К тому же мне было равным счетом наплевать, вздернут Болейна на виселицу или же сочтут невиновным. В результате я оставил все как есть, помог старику взобраться на лошадь — ногу он повредил так серьезно, что, думаю, теперь будет хромать до самой смерти, — и мы отправились восвояси. Вскоре после этого я решил покинуть дом Рейнольдса и всецело посвятить себя шпионской деятельности. Понятно было, что грядут крупные беспорядки; к тому же выходки старого хрыча превысили меру моего терпения. Тем не менее я согласился оказать ему последнюю услугу и выпустил близнецов из камеры во дворце графа Суррея. Саутвелл тоже хотел, чтобы эти молодчики оказались на свободе. Он рассчитывал, что Джеральд и Барнабас будут ему полезны. Сэр Ричард намеревался поставить в этом деле точку, отравив Болейна в тюремной камере, но попытка сорвалась. — По губам рассказчика скользнула жутковатая улыбка. — Но так или иначе, мастер горбун, моя история закончена.

— А почему Болейн наотрез отказывается сообщить, где находился в тот вечер между девятью и одиннадцатью часами? — задал я вопрос, который давно меня мучил.

— Я слышал краем уха, как Рейнольдс и Саутвелл говорили об этом, — равнодушно пожал плечами Воувелл. — Вне всякого сомнения, тут кроется какая-то очередная их хитрость. Однако мне она неизвестна. — Он вновь расплылся в улыбке. — Но все равно вы

узнали от меня гораздо больше, чем я от вас. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения. Как и обещал, я сейчас отведу вас во дворец графа Суррея. Завтра вы вместе с другими джентльменами сыграете роль живого щита и, вне всякого сомнения, будете убиты.

Подобного поворота событий я никак не ожидал.

— Не сомневался, что вы прикончите меня здесь, — пробормотал я, ощущая, как голова у меня идет кругом от изумления.

— Ваша смерть способна возбудить ненужные вопросы, а я не хочу навлекать на себя даже тени подозрения, — возразил Воувелл. — За те несколько часов, что вам осталось провести в этом мире, вы можете передать мой рассказ кому угодно, хоть птицам за окном. Мне от этого не будет никакого вреда, а вам все равно не поверит ни одна живая душа, кроме разве что молодого Николаса. К тому же я должен покинуть лагерь. В высших кругах решено, что здесь я более не принесу пользы. Грядущая битва положит бунту конец. От капитана Кетта я получил приказ срочно отправиться в саффолкский лагерь, узнать, готовы ли они прийти завтра нам на помощь. Но разумеется, ни в какой Саффолк я не поеду. Меня ждет новое важное поручение — на этот раз за границей.

— И кто же вам дал это поручение?

— Тайный совет, — сияя от гордости, сообщил Воувелл. — Саутвелл на днях передал мне последние распоряжения. Я очень рад, что не придется ехать в Лондон. Чутье подсказывает мне, что дни протектора Сомерсета сочтены. Он потерпел сокрушительное поражение в Шотландии, и Тайный совет считает, что в отношении мятежников он не проявил нужной твердости. — Майкл встал, расправил плечи и с самодовольным видом похлопал себя по груди. — Я знаю слишком много. Иногда это бывает забавно. Что ж, идемте.

Воувелл спрятал нож, подошел ко мне и грубо дернул за руку, заставляя встать. Выйдя из хижины, я увидел, что солнце уже клонится к закату. Со стороны Нориджа доносился грохот оружейных залпов.

— О, судя по всему, швейцарские ландскнехты уже прибыли, — ухмыльнулся Майкл. — Наверное, развлекаются, паля в воздух. Я слышал, они любят немного позабавиться, прежде чем приняться за свою любимую работу — убивать.

Глава 77

Воувелл бесцеремонно погнал меня в сторону бывшего дворца графа Суррея. По пути он не произнес ни слова и, когда я попытался завязать разговор, грубо приказал мне заткнуть пасть. Лицо его вновь приобрело обычное непроницаемое выражение. Мысленно я не мог не восхититься его актерским мастерством. Заставляя пленника ускорить шаг, Воувелл то и дело толкал меня в спину, которая и без того мучительно ныла. Наконец мы оказались у ворот дворца. Майкл о чем-то пошептался с одним из солдат, стоявших в карауле, повернулся и, не удостоив меня прощального взгляда, зашагал по дороге прочь. Пришлось выдержать множество новых пинков, пока солдаты вели меня в дом и заставляли подниматься по лестнице. Но вот дверь одной из комнат распахнулась, и меня втолкнули внутрь.

Я оказался в просторном зале с огромным окном, из которого открывался вид на лагерь. Возможно, в краткие дни своей славы граф Суррей вместе с гостями любовался отсюда красотами природы. Ныне в комнате находилось человек двадцать заключенных, скованных общей цепью, которая тянулась от одной стены к другой; оба конца цепи были прикреплены к толстым железным кольцам. Запястья всех арестантов были скованы кандалами, снабженными висячим замком. Когда я вошел, ко мне обратилось двадцать пар потухших равнодушных глаз. Трудно было поверить, что еще два месяца назад эти грязные, оборванные люди правили нашей страной. Овертон обнаружился в дальнем конце помещения, рядом с Джоном Болейном. Лицо Николаса выражало величайшую тревогу, Болейн выглядел таким же изможденным и безучастным, как и все прочие. Караульный, приковав меня рядом с ними, вышел и закрыл за собой дверь.

— Этот мерзавец Воувелл мучил вас? — спросил Николас.

— Нет, он рассказал мне много интересного, — усмехнулся я.

И, устроившись на полу поудобнее, поведал обо всем, что мне довелось узнать. О вчерашнем разговоре с Питером Боуном, который натолкнул меня на мысль о том, кто убил Эдит Болейн. О том, как Воувелл догадался по моему лицу, что я его раскусил, и решил меня уничтожить. Рассказал я и о том, что сегодня, сознавая, что я более не представляю для него угрозы, Майкл пустился со мной в

откровенности. Николас и Болейн слушали, оцепенев от ужаса; ближайшие к нам узники, казалось утратившие интерес ко всему на свете, тоже наострили уши. Любопытство, одно из неизменных свойств человеческой природы, пересилило даже страх смерти. Когда я смолк, Джон Болейн испустил тяжкий вздох.

— Я всегда знал, что Гэвин Рейнольдс — законченный негодяй, — пробормотал он. — Но кто бы мог подумать, что он решится на такое? Бедная, бедная Эдит. Обратись она ко мне, я дал бы ей денег, и она вернулась бы к той жизни, которую сама для себя избрала. — Две слезы медленно скатились по его грязным впалым щекам. — Значит, Барнабас и Джеральд не имеют отношения к убийству своей матери? — спросил Джон почти шепотом.

— Ни малейшего. Воувелл и ваш бывший тесть использовали близнецов для того, чтобы добыть ключ от конюшни. Но это всё.

Болейн закрыл глаза и свесил голову. Выждав несколько мгновений, я произнес:

— Воувелл полагает, что отсутствие у вас алиби каким-то образом связано с сэром Ричардом Саутвеллом. Теперь настала ваша очередь говорить правду, Джон. Скрывать больше нечего. Скорее всего, завтра все мы будем мертвы.

Болейн откинулся назад, коснувшись затылком стены; лицо его исказила гримаса горечи.

— Вы же знаете, что я в долгах как в шелках, — начал он. — Взял заем, чтобы купить дом в Лондоне, но оказался не в состоянии его выплатить, ибо доходы, которые приносят Бриквелл и другие мои имения, не столь уж велики. Уже в мае стало ясно, что хорошего урожая в этом году ждать не приходится, а значит, денег будет еще меньше. Но я давно мечтал перебраться в Лондон: местные ревнители нравственности изводили Изабеллу своим презрением, да и жить под одной крышей с моими сыновьями ей было несладко. При этом я хотел во что бы то ни стало сохранить Бриквелл. В результате я выдал сэру Ричарду Саутвеллу закладную на свою землю. Спору нет, это был на редкость опрометчивый поступок. Я знал, он давно уже хочет присвоить мое имение, чтобы устроить там пастбища для своих овец. — Джон тяжело перевел дух. — Проценты по закладной были чрезвычайно высоки. Не сомневаюсь, Саутвелл был в курсе моих дел и сознавал: недалек тот день, когда я не смогу эти проценты

выплатить. — Рассказчик криво усмехнулся. — А я был настолько глуп, что сам дал ему возможность отобрать у меня имение на законных основаниях. Когда я задержал очередную выплату, сэра Ричард принялся мне угрожать. Сказал, что нам необходимо поговорить наедине, и назначил встречу четырнадцатого мая, в половине десятого вечера, на проселочной дороге. Предупредил, чтобы я держал всё в секрете. Конечно, это выглядело чрезвычайно странно, но Саутвелл относится к числу людей, требования которых следует выполнять беспрекословно.

Когда мы встретились, он заявил, что намерен отобрать у меня имение. Я умолял его об отсрочке, но тщетно. Саутвелл пригрозил, что в случае, если я буду чинить ему препятствия, мне придется лишиться Изабеллы. Именно поэтому я так упорно лгал, утверждая, что якобы весь вечер провел дома. — Болейн вновь испустил тяжкий вздох. — Вне всякого сомнения, Саутвелл и Рейнольдс сговорились заранее и подстроили все так, чтобы я остался без алиби. В тот день, когда меня арестовали, сэра Ричард передал мне записку, где говорилось: если я упомяну о нашей встрече, Изабелла исчезнет навсегда. Учитывая, что муж ее сидит в тюрьме, никого не удивило бы, что она покинула Бриквелл и скрылась в неизвестном направлении. Простите, Мэтью, что я так долго скрывал от вас правду. Но жена для меня дороже всего на свете, дороже самой жизни. — Джон вскинул голову и разразился горьким смехом. — Она — единственная, кто верит, что я и впрямь весь вечер просидел в своем кабинете. Милая Изабелла... — Во взгляде его внезапно вспыхнуло отчаяние. — Что с ней теперь? Ведь она осталась совершенно одна, без крыши над головой.

— Хотел бы я знать, где она сейчас. Одно могу сказать: Изабелла принадлежит к редкой породе женщин, способных найти выход из любой ситуации.

Николас сцепил руки, громко звякнув цепями.

— Мы трое ни в чем не провинились перед Кеттом, — заявил он. — Эти каналы Рейнольдс и Воувелл обыграли нас и обрекли на смерть. Эх, поговорить бы сейчас с Бараксом, открыть ему правду.

— Нет никакой уверенности, что Джек жив, — вздохнул я. — И Воувелл прекрасно знает, что караульные никого к нам не пропустят. Думаю, сторожить нас поручено тем, кто лютой ненавистью ненавидит «джентлемов» и с удовольствием погонит их на убой.

Повисло молчание. Час проходил за часом, но никто из нас не произносил ни звука. Вечером несколько арестантов принялись молиться вслух; протестанты обращались к Богу на английском языке, а католики достали четки и произносили молитвы по-латыни, повторяя их множество раз. За окном сгустилась темнота, в небе зажегся тонкий серп молодого месяца. Из лагеря доносились громкие голоса, глухой стук и скрип тележных колес. Николас, прикованный в самом конце цепи, ухитрился встать, сделать несколько шагов и выглянуть в окно.

— По всему лагерю горят факелы, — сообщил он. — Похоже, люди куда-то перемещаются вместе с пушками и прочим оружием.

Дверь с шумом распахнулась. Арестанты подпрыгнули от неожиданности, цепь зазвенела. В комнату вошел молодой сотник в железном шлеме и нагруднике, за ним следовало несколько караульных.

— Привет, лучшие люди Норфолка, — процедил он, обведя нас исполненным отвращения взглядом. — Я пришел сообщить вам, что наша попытка отбить Норидж у неприятеля закончилась неудачей. Враг захватил даже северные кварталы, прежде принадлежавшие нам, и сейчас весь город находится в руках Уорика. Мы лишены возможности пополнить запасы провизии и потому решили оставить место... — голос его слегка дрогнул, — на котором наш лагерь находился в течение семи недель. Однако погодите радоваться нашему поражению. Сейчас все мы направляемся туда, где завтра состоится решающее сражение с армией Уорика, со всеми иноземными наемниками, землевладельцами и дворянами, которых он собрал под свои знамена. Вскоре мы дадим неприятелю сигнал, что готовы к бою. Завтра вам будет предоставлена честь принять участие в битве. Скованные цепями, вы пойдете перед нашими солдатами. Пусть граф Уорик сам решает, открывать по вам огонь или нет.

Один из заключенных, уронив голову на руки, разразился рыданиями.

— Хватит выть! — презрительно бросил сотник.

— Собираясь у своего дуба, вы без конца твердили о справедливости! — крикнул другой арестант. — Ну и где она, ваша хваленая справедливость? Роберт Кетт обещал, что ни один пленник не будет убит. Так-то он держит свое слово?

— А Кетт знает о том, какая участь нас ожидает? — спросил третий узник.

Сотник не удостоил их прямого ответа, а лишь изрек:

— В Норидже погибли сотни наших людей. Мы не хотели кровопролития, но Королевский совет двинул против нас армию и вынудил нас сражаться. И перестаньте причитать: вы же джентльмены, а значит, вам полагается встретить смерть с достоинством, — ухмыльнулся он. — Ладно, ждите, когда за вами придут.

С этими словами сотник вышел прочь, и стражники заперли за ним дверь.

Время тянулось медленно. Кто-то из заключенных плакал, кто-то вновь принялся молиться, но в большинстве своем люди сидели, погружившись в молчаливое оцепенение. Неожиданно темная комната озарилась отсветами огня, полыхавшего снаружи. Отсветы эти становились все ярче, до нас донеслось потрескивание пламени. Несмотря на плотно закрытое окно, в комнату проник запах дыма.

— Они подожгли дворец графа Суррея, — предположил кто-то дрожащим от ужаса голосом.

Николас вновь встал на ноги и приблизился к окну.

— Господи Иисусе! — потрясенно прошептал он.

— Что происходит? — пронзительно крикнул какой-то арестант. — Неужто особняк и впрямь запалили?

— Нет, — покачал головой Николас. — Как видно, это сигнал. Повстанцы дают знать врагу, что готовы сражаться. Готовы одержать победу или умереть.

Я поднялся на ноги, Болейн наклонился, давая мне возможность сделать несколько шагов и бросить взгляд в окно. Зрелище, открывшееся моим глазам, я не забуду до конца жизни. Весь лагерь был охвачен пламенем. Деревянные хижины, так долго служившие нам пристанищем, превратились в огромные костры. Западный ветер нес в сторону Нориджа клубы густого черного дыма.

— Лагерю на Маусхолдском холме пришел конец, — едва слышно проронил я.

— Если завтра повстанцы победят, то где они будут жить? — с недоумением спросил Николас.

— В Норидже, где же еще, — пожал я плечами. — А потом двинутся дальше. Ведь их цель — поднять всю страну.

Спину мою пронзила острая боль, и я невольно застонал. Николас и Болейн помогли мне сесть.

— Хватит уже дергаться! — сердито крикнул кто-то. — Из-за того что вам не сидится на месте, цепь впивается нам в руки.

Мы вновь погрузились в молчание, созерцая багровые отблески зарева, вспыхивающие на потолке и стенах. Я заметил, что Николас то и дело бросает взгляды в дальний конец комнаты. Наконец он шепнул, нагнувшись к моему уху:

— Вы хорошо видите, что за человек прикован к другому концу цепи, у противоположной стены? Можете его описать?

— Насколько я могу судить, он далеко не молод, — ответил я, вглядываясь в сумрак. — Да, волосы у него совсем седые. Роста он небольшого, сложения тщедушного.

— Черт! — буркнул Николас. — Завтра все будет зависеть от того, насколько силен человек на другом конце цепи.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, с недоумением глядя на него; глаза мои начало щипать от дыма, проникавшего в комнату.

— Да так, ничего, — пробормотал Ник. — Может быть, все это полная ерунда.

Прошло еще несколько часов. В конце концов усталость взяла свое, и я забылся сном. Разбудил меня лязг отпираемой двери. В комнату вошел уже знакомый нам сотник, за ним следовала дюжина солдат, молодых и крепких. На поясе у каждого висел меч.

— Встать! — рявкнул сотник. — Пришло время идти в бой!

Один из солдат открыл висячий замок и, вытащив конец цепи из вделанного в стену кольца, обмотал его вокруг собственного запястья. Второй солдат проделал то же самое с другим концом цепи, тем, где был прикован тщедушный старикан.

— Гоните их в Дассиндейл! — распорядился командир.

С трудом поднявшись на затекшие ноги, я глянул в окно. Пламя, пожравшее лагерь, уже почти улеглось, небо начинало светлеть; приближался восход.

— Предупреждаю: всякому, кто попытается убежать, выпустят кишки штыком, — процедил сотник. — Выходите наружу!

Стражник, стоявший на другом конце комнаты, дернул цепь. Старик пошатнулся, однако сохранил равновесие и побрел к дверям. Наша кошмарная процессия пришла в движение.

Выйдя в холл, мы увидели другую связку точно таких же изможденных и оборванных арестантов, как и мы сами. Еще одна скованная цепями вереница медленно спускалась по лестнице со второго этажа. Когда эти люди оказались внизу, один конец их цепи прикрепили висячим замком к той, что соединяла нас, а второй — к цепи арестантов из другой камеры. В результате мы с Николасом и Болейном попали в самый конец колонны, состоявшей примерно из пятидесяти едва живых от страха людей. Еще один молодой командир прошелся вдоль строя, проверяя, надежно ли закрыты замки. Кто-то из заключенных принялся рыдать, умоляя сохранить ему жизнь и обещая отдать солдатам припрятанные в надежном месте деньги. Никто из караульных даже бровью не повел. Парадные двери дворца распахнули настежь, и в холл моментально ворвались клубы дыма.

— Что ж, джентльмены, выходите на улицу! — распорядился сотник. — Да смотрите крепко держитесь на ногах. Если кто-то посмеет упасть, пусть пеняет на себя.

Арестанты, стоявшие первыми, двинулись к выходу, шаркая подошвами и громыхая цепями.

Внутренний двор был пуст; палатки, обычно здесь стоявшие, исчезли. Конвоиры повели нас к широко открытым воротам. Сквозь густую завесу дыма я бросил взгляд в сторону догорающих хижин. Одна за другой они превращались в груды пепла, испуская в воздух снопы искр. Трава между хижинами тоже горела и дымилась. С мучительно сжавшимся сердцем я вспомнил деревянную конурку, ставшую для нас домом, крестьян из Свордстоуна, с которыми мы успели сдружиться, Гектора Джонсона и Саймона, навсегда оставивших этот мир. Эх, если бы знать, живы ли Нетти и Барак. В любом случае нам вряд ли доведется увидеться вновь. Внезапно мне пришло в голову, что я даже не спросил у Нетти, как его фамилия.

Путь наш оказался долгим, медленным и мучительным. Стражники, идущие впереди и сзади нашей колонны, несли масляные лампы, но свет их не мог проникнуть сквозь стоявшую в воздухе завесу дыма. Мы миновали церковь Святого Михаила, опустевшую, однако не тронутую пламенем, и двинулись к вершине холма по дороге, петлявшей между догоравшими хижинами. Мы все внимательно смотрели под ноги; тем не менее некоторые арестанты имели неосторожность споткнуться и упасть, угрожая повалить всю колонну.

Их грубо поднимали, и процессия продолжала свое движение обреченных.

Как это ни удивительно, сосед Николаса, мужчина средних лет, с длинными седеющими волосами, ухитрялся не терять присутствия духа. Он сообщил, что его зовут Дейл и что ему принадлежат два имения в южной части графства.

— Вся моя вина заключается в том, что земли в одном из этих имений я пустил под пастбища. Бог свидетель, я собирался компенсировать арендаторам убытки и даже выделил на это немалые деньги. Но беда в том, что живу я совсем в другом месте, а потому не мог проследить за всем лично. Мой пройдоха-управляющий присвоил деньги, сговорившись с местным законником, а арендаторов просто-напросто прогнал прочь, заявив, что такова воля землевладельца. Помню, когда меня судили под Дубом реформации, сэр, вы заявили, что управляющего необходимо привлечь в качестве свидетеля, в противном случае все обвинения против меня основаны на показаниях с чужих слов. Вы даже предложили отложить рассмотрение моего дела, пока управляющий не будет найден. Но арендаторы заявили, что он удрал в неизвестном направлении, и, полагаю, это чистая правда. Поэтому отвечать за все пришлось мне. В результате этот проходимец живет сейчас где-то в свое удовольствие, тратя мои денежки, а меня гонят на убой, и, что особенно обидно, погибнуть мне предстоит от пули, пущенной своими. Согласитесь, жизнь — на редкость глупая штука! В ней столько всякой путаницы, что до смерти не разберешься!

— Хватит болтать! — грубо бросил Болейн. — Лучше смотрите себе под ноги, иначе всех нас повалите.

Мы повернули на север и прошли вдоль берега реки, а потом свернули на запад и медленно двинулись к подножию холма. В северной части города горели бесчисленные костры, которые разложили солдаты армии Уорика.

Наконец мы приблизились к северной границе лагеря; сюда уже не долетал дым от тлеющих хижин. По пути нам все чаще встречались отряды повстанцев, двигавшиеся на запад. Все поголовно были вооружены; те, кому не хватило копий, луков и алебард, несли остро заточенные вилы или косы. Взгляды, которые бросали на нас бунтовщики, были исполнены ненависти, а кое-кто презрительно сплевывал на землю. До нас долетали обрывки разговоров:

— Говорят, когда миссис Кетт проходила мимо гнилого дерева, оттуда свалился уж и упал ей прямо на грудь. Бог свидетель, это дурной знак! Правда, уж ее не укусил...

— Этой ночью многие дали деру...

— Что ж, попутного ветра им в задницы! У нас и без них осталось больше шести тысяч крепких парней, обученных военному делу. И мы будем сражаться до конца!

— Погоди-ка! Меня что-то потянуло блевать...

Один из повстанцев отошел на обочину и изверг содержимое своего желудка.

— Смотри не наложи в штаны, как молодой Хантер! — крикнул кто-то.

Когда мы приблизились к уступу холма под названием Дассиндейл, небо стало совсем светлым. Я вспомнил, как всего два дня назад побывал здесь вместе с Питером Боуном. Ныне все приготовления были завершены, более двух десятков пушек заняли свои места на земляных возвышениях. На равнине выстроились в боевом порядке несколько тысяч человек: всадники, пешие солдаты, вооруженные копьями и пиками. Здесь и там развевались приходские знамена и красные боевые флаги. Дорогу, ведущую к подножию холма, преградил заслон из перевернутых повозок; за ним виднелся ряд из нескольких сот лучников. Некоторые были в латах, другие — в толстых стеганых куртках, защищающих от вражеских стрел, но большая часть — в своей обычной одежде.

У подножия холма вбивали в землю последние деревянные колья, чьи острые концы были направлены на врага. Напротив зиял длинный окоп, перед которым соорудили земляной вал; на севере тоже возвышались земляные укрепления. Городские стены располагались к югу от места битвы. Взглянув на них, я заметил, что большинство башен разрушено пушечными выстрелами. Если повстанцы победят, они беспрепятственно войдут в Норидж с этой стороны, подумал я.

Подгоняемые караульными, мы приблизились к одной из орудийных платформ. Капитан Майлс носился вокруг, отдавая приказы канонирам. Скорее всего, его жену и детей выдал властям Майкл Воувелл, сообразил я. Разглядел я и Боуна, стоявшего около одной из пушек; мне показалось, что Питер тоже увидел меня, но он был слишком далеко, чтобы утверждать это с уверенностью. Слева от

орудийной платформы маячило несколько человек в шлемах и яркой одежде. Все они напряженно вглядывались в даль. Я догадался, что это были командиры, ожидавшие появления врага. Среди них находились и братья Кетт. Роберт, бросив взгляд на нашу жалкую процессию, поспешно отвернулся.

Мы продолжали двигаться вниз, оставив позади основное скопище солдат. Повстанцы провожали нас издевательскими выкриками, свистом и улюлюканьем. Трудно было поверить, что это те самые люди, с которыми я жил в мире и дружбе в течение нескольких недель. Перед самым ограждением из кольев стражники приказали нам остановиться.

— Господи Иисусе, — пробормотал один из заключенных. — Да они и в самом деле решили сделать из нас живой щит.

К нам приблизились двое повстанцев с длинными кольями в руках. В понуром молчании мы наблюдали, как солдаты при помощи висячего замка прикрепляют конец цепи к одному из кольев и врываю́т его в землю. Потом, пройдя вдоль нашей ошалевшей от ужаса шеренги, они проделали то же самое с другим концом цепи. Нам оставалось лишь безропотно ждать, когда появится неприятель.

Ждать пришлось недолго; армия Уорика, подобная темной реке, неспешно вытекла из Косланских ворот. Впереди ехали всадники, облаченные в сверкающие латы, с белыми английскими крестами на груди. За ними следовали пешие солдаты, лучники, копьеносцы, алебардчики и снова всадники, на этот раз в тяжелых доспехах, в шлемах, украшенных разноцветными перьями. Швейцарские ландскнехты, догадался я. Многие из них держали громадные аркебузы с такой легкостью, словно те были не тяжелее перьев. Первые ряды неприятельской армии принялись занимать боевые позиции всего в нескольких сотнях футов от нас, а из городских ворот продолжал тянуться бесконечный людской поток. То были уже не шотландцы, а англичане; я узнал капитана Друри, возглавлявшего один из отрядов. Несомненно, по численности солдат войско Уорика ничуть не уступало армии повстанцев, а по количеству всадников значительно превосходило ее. Однако у мятежников имелись преимущества, заключавшиеся в более выгодной стратегической позиции и большем количестве пушек. Клубы пыли, поднятой над дорогой десятками ног, становились все гуще, а шествие королевского войска не прекращалось.

Мы молча стояли, скованные одной цепью, этакий живой заслон между двумя армиями. Почувствовав, что цепь сотрясается и звенит, я понял, что многих моих товарищей по несчастью бьет дрожь. Только тут я заметил, что и сам дрожу всем телом.

Глава 78

Армия Уорика, от которой нас отделяло не более шестисот футов, принялась выстраиваться боевым порядком. До нас доносились зычные голоса командиров, отдающих приказание. Пушки — их было значительно меньше, чем у повстанцев, — были установлены на правом и левом фланге. Ландскнехты, вооруженные аркебузами, все как на подбор крепкие рослые парни, вышли вперед и выстроились в два ряда. Глядя на их грозное оружие, я вспомнил страшную смерть Саймона и показательный выстрел, свидетелем которого был в лагере. Тогда пуля, выпущенная из такой аркебузы, вошла в стальную броню, словно в масло. Здоровенные, как быки, швейцарцы нетерпеливо переминались с ноги на ногу, поигрывая своими тяжелыми аркебузами; легкий ветерок шевелил разноцветные перья на их шлемах. Взглянув на небо, я не увидел на нем ни облачка; в конце лета выдался погожий солнечный денек. Мне вспомнилось, что, по словам Воувелла, солнце должно играть на руку повстанцам, ибо лучи его будут бить врагу в глаза. И действительно, многие ландскнехты приставляли ладони козырьком ко лбу.

За швейцарцами, вооруженными аркебузами, стоял ряд их соотечественников с длинными пиками в руках. За ними выстроились всадники и уже потом — пешие солдаты. Над обеими армиями витала напряженная тишина, нарушаемая лишь отрывистыми выкриками командиров. Про себя я отметил, что все без исключения солдаты Уорика облачены в шлемы и нагрудники, в то время как повстанцы — теперь я даже в мыслях не мог называть их «нашими» — в большинстве своем обходятся без железных доспехов.

К первой шеренге ландскнехтов подъехал всадник с флагом в руках. Мне удалось разглядеть, что на знамени изображен медведь с суковатым посохом в лапах — фамильный герб Уорика. Несколько мгновений спустя я увидел и самого графа. Он проехал верхом сквозь расступившийся перед ним строй, латы его сверкали в лучах солнца. Четыре года назад я мельком видел Уорика в Портсмуте и ныне сразу узнал его суровое желтоватое лицо и острую черную бородку. Мне было известно, что человек этот сыграл решающую роль во время войны с Францией, предотвратив захват Хэмпшира; он пользовался

репутацией опытного военачальника, искушенного как в сухопутных, так и в морских сражениях. Остановившись перед своим войском, граф окинул изучающим взглядом укрепления повстанцев — окопы, заграждения из кольев, живой барьер из скованных одной цепью людей. Сохраняя на лице непроницаемое выражение, Уорик развернул лошадь и поскакал назад. «Подумать только, военный корабль „Мэри Роуз“ пошел ко дну за считанные минуты, а теперь нам приходится ждать смерти целую вечность», — вздохнул я про себя.

Николас, стоявший рядом, сжал мою руку повыше локтя.

— Мужайтесь, — прошептал он одними губами.

— Если нам сегодня суждено умереть, хочу, чтобы ты знал: у меня в жизни не было друзей лучше, чем ты и Барак, — произнес я дрожащим от волнения голосом.

— Вы тоже мой единственный близкий друг и самый лучший на свете наставник, — ответил он. — Но не отчаивайтесь, возможно, это еще не конец.

В нескольких футах от нас Дейл, ухитрявшийся шутить в любых обстоятельствах, расхохотался:

— Видели герб? Медведь, прикованный цепями к какой-то палке. В точности как мы. Любопытно, что это означает?

— Это означает, что мы стали жертвами своры подлых псов, — прошипел его сосед. — Эти презренные хамы, которые хотят превратить всех прочих людей в такую же грязную скотину, как и они сами, сначала всячески измывались над нами, а теперь обрекли на страшную смерть. Господи Иисусе, если Ты сохранишь наши жизни, я сделаю все, чтобы отправить на виселицы как можно больше этих ублюдков. Я служу в городской магистратуре и, Бог свидетель, сумею им отомстить. — Бросив взгляд через окопы и заграждения на сверкающие ряды ландскнехтов, он заорал во всю глотку: — Не стреляйте в нас, черт вас всех задери! Мы не бунтовщики, мы пленники!

Ландскнехты никак не отреагировали на этот отчаянный вопль.

— Они же швейцарцы, — усмехнулся Дейл. — Сомневаюсь, что они понимают по-английски.

Из рядов армии Уорика выехали четыре всадника, все в латах и шлемах с пышными плюмажами. Один из них держал в руках белый флаг, свидетельствующий о мирных намерениях. Два солдата, идущие

перед ними, перекинули через траншею толстый деревянный щит. Всадники, воспользовавшись этим импровизированным мостом, начали медленно продвигаться между кольями. Не удостоив нас даже взглядом, они поскакали по дороге вверх, туда, где находились братья Кетт и остальные командиры.

— Возможно, они предложат бунтовщикам помилование, если те разойдутся без боя, — предположил неунывающий Дейл.

Однако долетевшие до нас свист и улюлюканье, которыми встретили парламентариев повстанцы, неопровержимо свидетельствовали о том, что переговоры не принесут результата.

Тем не менее исполнение нависшего над нами смертного приговора вновь было отложено. Остатки армии Уорика продолжали тянуться из Косланских ворот. Я вздрогнул, увидев две одинаковых светловолосых головы. Близнецы, в латах и с мечами у пояса, следовали за своим командиром. Его фигура тоже показалась мне знакомой.

— Не уверен, но мне кажется, это Саутвелл, — заметил я.

— А рядом с ним — мои драгоценные сыночки, — угрюмо проронил Болейн. — А возле них, по-моему, не кто иной, как этот подонок Чаури. Значит, вот как нам привелось встретиться вновь.

— А вот Фловердью что-то нигде не видно, — подал голос Николас.

— Он слишком труслив, чтобы сражаться, — с горечью бросил я. — Ничего, как только запахнет наживой, он мигом явится.

На дороге вновь показались эмиссары Уорика. Мрачные, нахмуренные лица посланников и хор оскорбительных возгласов, возобновившийся при их появлении, красноречиво свидетельствовали о полном провале миссии.

Внезапно воздух сотряс оглушительный грохот: это выстрелила одна из пушек, стоявших на возвышении. Ядра мы не видели, но слышали, как оно со свистом рассекло воздух. В следующее мгновение из ноги парламентаря, державшего белый флаг, и из плеча его лошади хлынули фонтаны крови; оба рухнули на землю, убитые наповал, а белый флаг упал в пыль.

У нас за спиной прокатился мощный гул: «К оружию! Выступаем в бой!»

Обе стороны открыли пушечный огонь, наши бедные уши закладывало от грома орудий, земля содрогалась у нас под ногами. Пушки повстанцев находились на более выгодной высокой позиции, к тому же их было значительно больше. Несколько метких выстрелов посеяли смятение в рядах армии Уорика, ядра взрывали землю, люди и лошади валялись с ног, испуская душераздирающие крики. Вновь раздались отрывистые звуки приказов, и сотни стрел просвистели в воздухе. Когда они достигли неприятельских позиций, до нас донесся новый шквал предсмертных воплей.

Тут ландскнехты пустили в ход свои аркебузы.

— Пригнитесь! — крикнул Николас.

Цепь, прикованная к кольям, не давала нам возможности лечь, но все мы опустились на колени. Треск, поднятый аркебузами, был таким громким, что я едва не оглох. Град железных ядер обрушился на повстанцев, стоявших у нас за спиной. Вероятно, ландскнехты пытались по мере возможности щадить нас; тем не менее несколько человек на другом конце цепи в судорогах упали на землю. Пули продырявили их тела насквозь, внутренности вывалились на землю в потоках крови. Несколько пуль, попав в звенья цепи, разбили их. Оглянувшись на повстанцев, я увидел, что большинство всадников лежат на земле рядом со своими убитыми лошадьми. Избежать смертоносного града не удалось почти никому. Отыскав глазами Николаса, я убедился, что мужество не изменило ему даже в столь кошмарных обстоятельствах. Стоя на коленях, он пытался вырвать из земли кол, к которому был прикреплен конец цепи.

— Помогите мне! — крикнул Овертон.

Мы с Болейном устремились к нему, туго натянув цепь. Совместными усилиями нам удалось вытащить кол из песчаной почвы.

— Теперь другой конец, — выдохнул я.

Но Николас, рухнув на землю, увлек за собой и нас. Аркебузы дали новый залп, поразив очередной отряд всадников, пытавшихся перейти в наступление. Люди, испуская стоны и вопли, падали среди тел своих убитых товарищей.

— Похоже, другой конец цепи порван, — одними губами прошептал Болейн.

Оглядевшись по сторонам, я убедился, что многие из наших товарищей по несчастью мертвы, а цепь, во многих местах разбитая

пулями, отделилась от шеста. Возможно, стрелявшие сделали это намеренно.

— Бежим! — заорал Николас.

Над нашими головами вновь просвистела громадная стая стрел, выпущенных повстанцами. Некоторые из них поразили ландскнехтов; падая, те ревели, как раненые звери.

Не сомневаюсь, в тот день мне удалось выжить только благодаря Николасу. Встав на четвереньки, он проворно пополз направо, увлекая нас за собой. Все прочие бедолаги-джентльмены — за исключением тех, кто был убит или тяжело ранен, — последовали его примеру. Через несколько минут, показавшихся мне вечностью, мы оказались в стороне от воюющих армий и, взобравшись на небольшой бугор, спустились по другому его склону. Когда мы пробирались мимо бывшей кроличьей колонии, уничтоженной пороховым взрывом, — ее длинноухие обитатели давно уже были съедены, — один из беглецов, попав ногой в нору, упал, повалив всех остальных. Земля, изрытая многочисленными норами, дрогнула и провалилась под тяжестью нашего веса, и мы оказались в углублении, которое послужило нам укрытием. Вокруг бушевала битва, со всех сторон доносились грохот орудийных залпов, лязг оружия, стоны умирающих, а мы лежали, прижавшись к земле, каждую минуту ожидая, что отряд мятежников, посланный в погоню, перебьет нас всех, как кроликов. Однако время шло, и через несколько минут все мы с облегчением убедились, что про нас забыли.

С трудом переводя дух, я поднял голову и огляделся по сторонам. Городские стены оказались ближе, чем я предполагал, — сразу у склона, а ворота были разбиты пушечными выстрелами еще пару дней назад. Несколько солдат Уорика стояли на стенах в карауле. Бесспорно, они могли пристрелить нас, но я надеялся, что эти люди поймут, кто мы такие. К тому же сейчас, в своем убежище, мы находились в относительной безопасности.

— Спасибо, дружище, — повернулся я к Николасу. — Без тебя мы бы пропали.

— Да, ваши друзья-бунтовщики оказались неблагодарными, — злобно процедил Болейн. — Ничего не скажешь, этот пройдоха Кетт славно наградил вас за все те услуги, которые вы ему оказали.

— Кетт здесь ни при чем, — отрезал я. — Меня оклеветал Майкл Воувелл, убийца и шпион. Что касается повстанцев, они вынуждены

сражаться, ибо более не верят в лживые посулы и обещания. Кто упрекнет этих людей за то, что они не хотят умирать с голоду?

— Не знаю, умирали они с голоду или нет, но точно знаю, что они изменники и предатели, — процедил один из арестантов. — Грязные свиньи, бешеные псы, жалкие гниды — вот кто они такие! Смерть — это самое милосердное наказание, которого они заслуживают!

Жизнерадостный Дейл расхохотался, хотя смех его показался мне слишком резким и натужным:

— Господи, до чего у вас потешный вид, когда вы лежите в этой норе с черными от грязи мордами и разводите жаркие споры!

Внезапно смех его сменился бульканьем, а из горла хлынула кровь. В грудь весельчака вонзилась стрела, неведомо с какой стороны прилетевшая; несчастный умер мгновенно. Еще одна стрела угодила в руку человека, сидевшего рядом с Дейлом. Наше убежище оказалось далеко не таким безопасным, как мы рассчитывали.

— Надо пробираться в город, — заявил Николас. — Ох, если бы мы только могли избавиться от этой чертовой цепи!

Овертон явно взял на себя роль нашего вожака; никто не возражал против этого. Все мы, повернувшись на спину, принялись яростно просовывать звенья цепи сквозь дужки замков, однако лишь понапрасну расцарапали себе запястья. Единственными, кому улыбнулась удача, оказались мы с Николасом. Болейн, как ни пыхтел, не смог справиться с цепью.

— Добежать отсюда до городских стен ничего не стоит, — заметил я.

— Нет, нас непременно заметят и перестреляют, как воробьев, — покачал головой Овертон. — Бугор и яма худо-бедно защищают нас, а вот добраться до городских ворот живыми вряд ли удастся.

Он был прав. Нам оставалось лишь лежать, выжидая, когда утихнет сражение. Меж тем оно разгоралось все яростнее: мы осознали это, когда мимо нашего укрытия, издавая жалобное ржание, промчалась обезумевшая от страха и боли лошадь. Она была ранена, а ее всадник, солдат армии Уорика, мертв. Из раны его потоком хлестала кровь, в мертвых руках он по-прежнему сжимал пику. Николас, схватив лошадь под уздцы, вытащил нож из ножен, висевших на поясе у всадника, и перерезал лошади глотку, ибо ржание несчастного животного могло

выдать нас. Один из беглецов стащил с убитого солдата шлем и нахлобучил его себе на голову.

— Что там происходит? — дрожащим от страха голосом пролепетал кто-то.

Поражаясь собственной смелости, я вылез из ямы и взобрался на бугор. Прежде чем предпринять столь рискованную авантюру, я протянул руку новому владельцу шлема, вновь распластавшемуся на земле, надеясь, что тот отдаст мне свой трофей, но он ответил злобным взглядом.

Радуюсь, что мои седые волосы и лицо так испачканы, что практически сливаются с землей, я посмотрел вниз и содрогнулся, ибо никогда прежде глазам моим не открывалось столь ужасающее зрелище. Солдаты Уорика преодолели траншеи и заграждения из кольев, оставив множество убитых, и вступили с неприятелем в рукопашный бой. Две людские волны, схлестнувшиеся на равнине, ныне смешались воедино, и невозможно было понять, кто на чьей стороне сражается. Грохот выстрелов, лязг оружия, испуганное ржание лошадей, пронзительные крики и стоны — все это почти оглушило меня. Ландскнехты теснили врагов, нанося им удары длинными пиками; повстанцы не могли достать их своими короткими мечами и десятками обращались в бегство. Лучники армии Кетта по-прежнему выпускали в неприятеля стаи стрел, земля и воздух то и дело сотрясались от грохота пушек. На моих глазах солдат, в которого попало ядро, буквально разлетелся на части. В дальнем конце равнины два отряда рубили друг друга мечами и кололи вилами; я видел, как один из повстанцев снес врагу голову косой, прежде чем тот успел замахнуться мечом. Тут и там вспыхивали жаркие схватки между небольшими группами солдат, алебарды и копья работали без устали, нанося смертельные раны. Почти все бойцы Уорика, в отличие от повстанцев, были в шлемах и латах, а в условиях рукопашного боя это являлось важным преимуществом. Мертвые тела покрывали землю, в пылу битвы солдаты наступали на трупы своих товарищей, не обращая на это ни малейшего внимания. Кровь текла рекой, я ощущал ее солоноватый запах, смешанный с вонью пота, дерьма и вывороченных человеческих внутренностей. Потрясенный, я медленно отполз вниз.

— Уже понятно, кто победит? — спросил меня один из джентльменов.

— Никто, — отрезал я.

Мы лежали на дне ямы уже несколько часов, а битва не утихала. Солнце припекало все сильнее, и вскоре нас начала мучить жажда; впрочем, по сравнению с тем, что испытывали солдаты на поле боя, это было сущим пустяком. Как-то раз один из повстанцев, истекая кровью и пошатываясь, взобрался на бугорок; страшный удар в лицо полностью отсек ему нижнюю челюсть. Нога его попала в кроличью нору, и несчастный, скатившись с небольшого возвышения, упал навзничь. Стоны и жуткое клокотание, которые он издавал, вскоре затихли. Потом мы заметили, что с бугра стекают какие-то красные ручейки. Недоумение наше сменилось ужасом, когда мы осознали, что это кровь.

По звукам, долетавшим до нашего укрытия, можно было догадаться, что центр битвы перемещается; поначалу, когда наступала армия Уорика, он отдалялся от нас, а затем, как только повстанцы перешли в ответную атаку, бойцы вновь к нам приблизились. Наконец шум начал стихать; судя по всему, сражение шло теперь почти на вершине холма. Человек, снявший шлем с убитого, лежал на дне ямы, впад в оцепенение. Я подполз поближе и, не обращая внимания на его возмущенные крики, снял шлем с его головы и нахлобучил на себя. После этого я перепачкал землей свое и без того чумазое лицо и вновь предпринял вылазку на вершину бугра.

Битва и в самом деле отдалилась от нас и теперь шла неподалеку от перевернутых повозок, за которыми стояли лучники. Часть их была убита, но уцелевшие продолжали стрелять. Рукопашная схватка продолжалась; командиры выкрикивали приказы, пытались сохранить боевой строй. Все пространство, расстилавшееся передо мной, было усеяно трупами людей и лошадей, а также отдельными частями их тел. Вокруг одного из командиров армии Уорика — мне показалось, то был капитан Друри — собрался отряд ландскнехтов, вооруженных аркебузами и пиками. Несколько человек бесцельно бродили по полю боя, спотыкаясь о трупы, — как видно, то были раненые или те, кто от ужаса лишился рассудка. Небольшой отряд повстанцев окружил отряд пеших солдат Уорика; те, стоя спина к спине, наставили на врагов мечи, готовые сражаться не на жизнь, а на смерть.

— Повстанцы отступают, но не сдаются, — сообщил я, вернувшись в наше укрытие.

— Похоже, вы сочувствуете бунтовщикам, — усмехнулся Болейн, по-прежнему скованный с другими пленниками цепью.

— Да, сочувствую, — кивнул я. — Даже теперь.

В следующее мгновение все мы вздрогнули, услышав резкие голоса. Вскинув голову, я помертвел от ужаса: на вершине бугра плечом к плечу стояли братья Болейн, с ног до головы перемазанные кровью и грязью. Оба были в шлемах и латах, оба держали в руках мечи. Лица близнецов светились счастьем, как после удачной охоты, на губах играли улыбки. Вне всякого сомнения, покинув поле боя, они нарушили приказ своих командиров. Но, как известно, Джеральд и Барнабас никогда не подчинялись приказам.

— Молодчина, Джерри! — воскликнул Барнабас, шрам которого был едва заметен под густым слоем грязи. — Ты был прав. Это они, наши голубчики.

— Горбуна ни с кем не перепутаешь! Я узнал его издалека! — самодовольно заявил Джеральд. — Присмотрелся и вижу: рядом с ним наш обожаемый папочка и рыжий долговязый придурок. Теплая компания, ничего не скажешь. Только однорукого шельмеца не хватает. Говорите, куда вы его дели?

— Насколько мне известно, он убит, — злобно буркнул Джон Болейн.

— Уж конечно, он был на стороне бунтовщиков!

— Да, — проронил я.

— Но мы-то не бунтовщики, — раздался чей-то жалобный голос. — Здесь только джентльмены, которых мятежники держали в тюрьме. Прошу вас, помогите нам добраться до Нориджа.

Джеральд бросил на говорившего равнодушный взгляд.

— Нам с братом недосуг с вами возиться, — процедил он. — Надо вернуться к своим, прикончить еще десяток-другой мятежников. Мы едва выкроили несколько минут, чтобы посмотреть, как вы тут дрожите в своей норе, жалкие крысы. — Он повернулся к брату. — Думаю, сейчас самое подходящее время их всех прикончить. И нашего папочку-подонка, убившего маму, и эту гниду-горбуна, и его паскудного помощника. — Он окинул лежавших на земле арестантов угрожающим взглядом. — Никто из вас ничего не видел, поняли? Мы предадим казни убийцу и еще парочку мерзавцев, переметнувшихся к бунтовщикам.

— Если вы будете болтать лишнее, то навлечете на свою голову гнев сэра Ричарда Саутвелла, — добавил Барнабас.

Джентльмены усиленно закивали; цепь при этом зазвенела, что очень позабавило близнецов.

Они неспешно спустились с бугорка, на ходу вытаскивая из ножен мечи. «Господи, — взмолился я, — неужели Ты сохранил нам жизнь лишь для того, чтобы мы погибли от рук этих юных негодяев?»

— Начнем с папаши, — распорядился Джеральд, по обыкновению исполнявший роль вожака.

Он ткнул мечом сначала меня, потом Николаса. Брат его меж тем приблизился к Джону Болейну.

— Я не убивал вашу мать! — отчаянно выкрикнул тот. — Мы знаем, кто это сделал!

Барнабас, уже занесший было меч для смертельного удара, нахмурился и бросил на брата вопросительный взгляд. Однако Джерри молчал: в лоб ему вонзилась стрела, как видно пущенная с городских стен. Джеральд рухнул на землю, как сноп; пальцы, сжимавшие рукоять меча, разжались.

Барнабас ошеломленно смотрел на брата, явно не в состоянии осознать, что произошло. С губ его сорвался крик, исполненный невыразимого ужаса. Он сделал шаг к распостертому на земле телу, потом повернулся к городским стенам. Солдаты, стоявшие там, как видно, заметили, что два человека спустились в яму, намереваясь прикончить притаившихся в ней джентльменов. Приняв их за повстанцев, они пристрелили Джеральда, который, стоя во весь рост, являл собой весьма удобную мишень. Вновь испустив горестный вопль, Барнабас упал на труп брата; стальные нагрудники, соприкоснувшись, громко лязгнули. Обнимая погибшего, Барнабас не рыдал, но вопил и скрежетал зубами. Во лбу Джерри по-прежнему торчала стрела; он умер, но при этом не пролилось ни капли крови.

Николас, подавшись вперед, схватил меч Джеральда. Еще одна стрела вонзилась в землю рядом с Барнабасом. Он распрямился, дико озираясь по сторонам, и, бросив последний отчаянный взгляд на тело брата, вскарабкался на бугор и исчез.

Болейн, лежавший на земле, коснулся своего мертвого сына и тут же отдернул руку. Голова его свесилась на грудь.

— Что это за бешеные молодчики? — спросил кто-то.

Никто из нас не ответил.

— Разумеется, это бунтовщики, — заявил какой-то джентльмен. — Теперь мы знаем, что солдаты на городских стенах видят нас и в случае чего попытаются нам помочь.

— Если битва вернется сюда, нам уже никто не поможет, — возразил другой.

Но этого не случилось. К тому моменту, как солнце достигло зенита, шум сражения стал едва слышен. Тысячи мух слетелись к нашему укрытию, облепив трупы Джеральда, убитых солдат и лошади. Через некоторое время я, на этот раз в сопровождении Николаса, вновь предпринял вылазку на вершину бугра. Зрелище, открывшееся нам, оказалось еще более ужасающим, чем прежде. Сопротивление повстанцев было сломлено, и люди бежали с поля боя, мимо смолкнувших пушек. Ландскнехты и всадники армии Уорика преследовали их, безжалостно рубя мечами всех, кого им удавалось нагнать. Сотни охваченных ужасом людей были убиты на бегу; битва превратилась в бойню. Лишь в одном-единственном месте, около перевернутых телег, ныне размещенных полукругом, повстанцы продолжали сражаться, стреляя из луков и отражая все попытки солдат Уорика преодолеть заграждение.

— Они убивают бегущих людей, точно дичь на охоте, — пробормотал Николас.

— Так для них это и есть дичь.

Спустившись вниз, мы сообщили нашим товарищам по несчастью, что мятежники разбиты. Они встретили новость ликующими криками. Те, кому удалось освободиться от цепей, — а таких было уже несколько человек — вскочили на ноги.

— Наконец-то нам ничто не угрожает! — воскликнул кто-то. — Идемте в Норидж!

С трудом передвигая затекшие ноги, они устремились к городским стенам, в которых зияла дыра, пару дней назад пробитая пушечным ядром. Несколько солдат Уорика стояли около этой пробоины в карауле. Мы с Николасом тоже могли уйти, но не сдвинулись с места, охваченные желанием увидеть все до конца.

Оставшиеся джентльмены — их было около двадцати — в изнеможении лежали на земле. Через некоторое время мы с Николасом

вновь отправились на свой наблюдательный пункт. Последний оплот повстанцев — заграждение из перевернутых телег — пал под натиском неприятельской армии. Командиры обеих воюющих сторон о чем-то переговаривались, как видно пытаясь прийти к соглашению. Бойня прекратилась, крики людей и лязг оружия стихли; солдаты Уорика строили рядами пленных.

Я заметил, как к одной из орудийных платформ приблизился всадник. На том месте, где прежде стояли Кетт и его ближайшие помощники, никого не было. Мы с Николасом вновь сползли вниз. Спина моя мучительно ныла, но, к счастью, солнце начало клониться к закату, и лучи его были уже не столь палящими. Болейн сидел скрючившись и таранился на тело Джеральда, словно то было неведомое чудовище, дракон или единорог. Он не делал никаких попыток отогнать мух, облепивших лицо его мертвого сына. Мне вспомнилось, как близнецы ликовали, когда палач накинул петлю на шею их отца.

Все мы были так измучены страхом и жаждой, что не имели сил говорить. Страшно подумать, каким наказаниям все эти люди подвергнут своих слуг и арендаторов, оправившись от пережитого ужаса, вздохнул я про себя. Ходившие в лагере разговоры о том, что помилование, обещанное первым королевским посланником, в реальности обернется цепями и виселицами, наверняка были недалеко от истины.

Услышав голоса и звяканье лошадиной сбруи, мы одновременно вскинули голову, опасаясь нового нападения. На этот раз наверху стояло несколько всадников в латах, с красными английскими крестами на груди.

— Вот они где! — расхохотался один из них. — Спрятались в норе, как кролики! В жизни не видел более жалкого зрелища.

Подъехал еще один всадник, в котором я узнал капитана Друри, человека, измывавшегося в Лондоне над злополучным шотландцем.

— Вы в безопасности, норфолкские джентльмены, — изрек он, растянув губы в улыбке. — Сражение завершилось нашей победой, бунтовщики разбиты. Граф даровал прощение вражеским лучникам, захваченным в плен. Живее выбирайтесь из своей норы — настало время узнать, кто вы такие.

Глава 79

Солдаты помогли нам подняться наверх. Увидев поле битвы, усеянное трупами, многие джентльмены, к удивлению бойцов, не смогли сдержать рвотных позывов. Висячие замки были сняты, бывшие пленники потирали ноющие запястья. Бросив взгляд вниз, я заметил, что стражники уводят куда-то пленных повстанцев.

— Этих мерзавцев помилуют, хотя, видит бог, их стоило бы вздернуть на виселицу, — проворчал парень, освобождавший Болейна от цепей. — Но это условие, на которое дал согласие сам граф Уорик.

Солдаты победившей армии бродили по полю, осматривая трупы, снимая с них латы и шлемы и забирая все ценные вещи. Я озирался по сторонам, выискивая Барнабаса Болейна, но его нигде не было видно.

— Что случилось с Робертом Кеттом? — спросил я у капитана Друри.

— Он и его брат удрали с поля боя, поняв, что их песенка спета.

— Я видел, какая участь постигла тех, кто пытался бежать, — произнес я вполголоса. — Им сносили голову на ходу.

Несомненно, то было неосторожное замечание. Услышав его, один из джентльменов — тот, что особенно рьяно поносил повстанцев, — наставил на меня указующий перст:

— Этот человек — приспешник Кетта! Он законник и, кажется, даже сержант юриспруденции. И я своими глазами видел, как он судил почтенных людей под этим проклятым Дубом реформации!

Друри, прищурившись, вперил в меня подозрительный взгляд:

— Вы действительно работали на Кетта?

— Меня заставили участвовать в судах, — пожал я плечами. Это была ложь, но я понимал: для того чтобы остаться в живых, в ближайшие дни мне придется солгать еще не раз. — Я приехал в Норфолк по поручению леди Елизаветы, дабы заняться расследованием убийства, в котором обвинили человека по имени Джон Болейн. Бунтовщики захватили меня в плен и потребовали, чтобы я давал им советы по вопросам правосудия.

— Если бы не его приятель, этот рыжеволосый парень, сейчас все мы были бы мертвы! — подал голос другой джентльмен. — Это он смекнул, как вырыть чертов кол и унести ноги!

Друри по-прежнему буравил меня глазами.

— Что ж, пусть граф Уорик решает, как с вами поступить, — изрек наконец капитан. — Идемте со мной, — махнул он рукой мне, Николасу и Болейну. — Все остальные могут отправляться в Норидж.

В сопровождении Друри и двух солдат мы двинулись вдоль поля битвы; над трупами, испускавшими невыносимое зловоние, вились тучи мух. Кровь, покрывающая мертвые тела, уже успела засохнуть, превратившись в темную корку. Тут и там мелькали крысы, почуявшие щедрую поживу.

Друри подвел нас к оружейной платформе, вокруг которой ныне стояли в карауле ландскнехты. Пушки, из которых вели огонь повстанцы, уже успели увезти, трупы канониров поспешно убрали. Мельком я увидел окоченевшее бледное лицо Питера Боуна, лежавшего на деревянных носилках. Через несколько мгновений труп его оказался в куче других мертвых тел. Единственный на свете мужчина, который был добр к несчастной Эдит, покинул этот мир, семья Боун прекратила свое существование. В живых остался лишь племянник Питера, никогда даже не слышавший о своих родственниках.

Посреди платформы установили раскладной стол, за которым сидело несколько командиров. Все они сосредоточенно рассматривали лежавшую перед ними карту, однако, заметив нас, офицеры дружно вскинули голову. Я моментально узнал щуплую фигуру и смуглое лицо Джона Дадли, графа Уорика. Сэр Ричард Саутвелл по сравнению с тщедушным Уориком казался особенно грузным и внушительным; лицо его, по обыкновению, было исполнено надменности. Бросив на меня равнодушный взгляд из-под насупленных бровей, он тут же отвернулся. Рядом с ним сидел Джон Аткинсон, во взоре его полыхал бешеный огонь. Про себя я заметил, что Аткинсон чем-то напоминает Фловердью. Их объединяли страстное желание завладеть всем, на что оба положили глаз, и непоколебимая уверенность в том, что они имеют на это полное право.

Друри и его солдаты поклонились Уорику, мы последовали их примеру.

— Вы достойны всяческих похвал, — изрек своим звучным голосом граф, обращаясь к Друри. — Я полагал, что мы с легкостью одержим победу, однако бунтовщики оказались упорными. — Он повернулся к одному из своих офицеров. — Надо немедленно

расчистить поле битвы от трупов, иначе в городе вспыхнет эпидемия заразных болезней.

Я бросил взгляд вниз, туда, где солдаты складывали в кучи бесчисленные тела погибших. Пронзительный крик заставил меня повернуть голову. По дороге, ведущей на вершину холма, бежал повстанец, охваченный отчаянной надеждой спастись. Верховой ландскнехт, нагнав его, ловким ударом меча выпустил несчастному кишки. Уорик взирал на происходящее холодно и безучастно; Саутвелл довольно улыбнулся. Наконец главнокомандующий удостоил взглядом нас с Николасом и Болейном.

— Кто эти трое? — спросил он, прищурившись. — Предводители бунтовщиков?

— Нет, сэр, — ответил Друри. — Они находились среди пленников, закованных в цепи. По словам остальных, рыжий спас их всех, сообразив вырыть из земли кол, к которому была прикреплена цепь. Вот этого зовут Джон Болейн, он был признан виновным в убийстве собственной жены и приговорен к казни, но леди Елизавета обратилась к королю с просьбой его помиловать. Он сидел в камере Нориджского замка, ожидая, когда придет ответ на прошение. Что касается горбуна, то он — адвокат и помогал Кетту вершить эти дурацкие суды нал дворянами и джентльменами. Утверждает, что якобы бунтовщики его к этому принудили. Кстати, рыжий — тоже законник, помощник горбуна. Они оба приехали в Норидж, чтобы расследовать дело Болейна.

— Болейна следует вернуть в тюрьму, — непрекаемым тоном изрек Уорик.

— Милорд, но уже выяснилось, кто в действительности убил мою жену, — попытался протестовать Джон.

— Пока что у нас нет доказательств, — негромко произнес я.

А про себя добавил: «И вряд ли мы сумеем их получить. Майкл Воувелл покинул Норидж еще перед битвой, так что ищи теперь ветра в поле».

— Будете говорить, когда вас спросят! — рявкнул Уорик. — Имя? — резко бросил он, повернувшись ко мне.

— Мэтью Шардлейк, сержант юриспруденции, член Лондонской коллегии адвокатов.

— Вы утверждаете, что находились в лагере бунтовщиков по принуждению?

— Да, я и мой помощник были захвачены в плен в Ваймондхеме, в самом начале восстания, — сообщил я, набрав в грудь побольше воздуха. — Мы посетили Джона Фловердюю, местного землевладельца, дабы решить вопрос о деньгах, незаконно изъятых им у супруги мастера Болейна.

— У его распутной любовницы, если называть вещи своими именами, — фыркнул Саутвелл. — Этот Шардлейк — ярый защитник голодранцев, известный своими вольнодумными взглядами, — процедил он, повернувшись к Уорику. — Вы поступите правильно, если завтра вздернете его на виселицу вместе с главарями бунтовщиков.

Взгляд, который он при этом устремил на меня, полыхал холодной яростью.

«Похоже, Джон совершил роковую ошибку, сказав, что нам известно имя убийцы Эдит, — промелькнуло у меня в голове. — Теперь сэр Ричард, тоже замешанный в этом деле, более чем когда-либо жаждет прикончить всех нас — меня, Николаса, Болейна. И уж конечно, этот тип не забыл, что я видел, как он выходил из дверей церкви Святого Михаила».

— Как я уже говорил, милорд, бунтовщики силой удерживали нас в своем лагере, — обратился я к Уорику, смиренно потупив взор. — Узнав, что я законник, Роберт Кетт заставил меня участвовать в судах над другими пленниками. У меня просто-напросто не было выбора, и я делал все, что возможно, дабы смягчить приговоры. Мой помощник, мастер Овертон, заявлял во всеуслышание, что считает восстание государственной изменой. Он тоже был предан суду.

— Насколько мне известно, Томас Годселв, законник, оказавшийся в плену у Кетта, бежал, — изрек Уорик. — Почему вы не последовали его примеру?

— Милорд, для побега нужны силы, а вы видите сами, что я немолод и немощен.

— Полагаю, этот человек виновен не более, чем мэр Кодд и прочие городские чиновники, вынужденные помогать повстанцам под давлением обстоятельств, — произнес главнокомандующий, холодно глядя на Саутвелла. — Так или иначе, вся троица оказалась среди скованных цепями пленников, выставленных на линию огня. Думаю,

нам следует простить Шардлейку его малодушие и проявить к нему ту снисходительность, которую мы повсеместно проявляем к представителям власти, не выказавшим должной твердости.

— Уверен, этот человек заслуживает казни! — возвысил голос Саутвелл. — Завтра он должен быть повешен вместе с другими изменниками и предателями!

— Да, ибо он сам изменник и предатель! — вмешался доселе молчавший Аткинсон.

— Милорд, секретарь лорда-протектора, мастер Уильям Сесил, хорошо знает меня, — стараясь унять дрожь, заявил я. — Он подтвердит, что долгие годы я верой и правдой служил королю, закону и справедливости. Ныне я являюсь одним из служащих леди Елизаветы. Выполняя ее распоряжение, я подал просьбу о помиловании Джона Болейна, который доводится ей дальним родственником. Это произошло еще до начала восстания.

Уорик кивнул, однако слова мои явно не произвели на него того впечатления, на которое я рассчитывал.

— Вам доводилось встречаться с этим человеком прежде? — обратился он к Саутвеллу.

— Всего лишь однажды.

— В обществе мастера Сесила, — напомнил я и, решив, что терять мне нечего, пошел на отчаянный риск. — Уверен, милорд, мы с вами встречались и после, однако никак не могу вспомнить, при каких обстоятельствах это произошло. Я отдал бы пятьсот фунтов, дабы восполнить сей досадный провал в памяти.

Сделав над собой усилие, я взглянул прямо в глаза Саутвеллу.

Тот впервые приподнял полуопущенные веки и перевел дух. Вне всякого сомнения, он понимал: даже если меня приговорят к смерти, у меня будет возможность рассказать правду о его визите в лагерь повстанцев. Уорик, которому никогда не изменяла наблюдательность, переводил взгляд с меня на сэра Ричарда. Разумеется, он догадывался, что последним движут некие скрытые мотивы. Оставалось надеяться, что присущие Уорику осмотрительность и дальновидность не позволят ему отправить на виселицу человека, имеющего столь влиятельных покровителей, как Уильям Сесил и леди Елизавета.

— Не вижу никаких оснований для казни адвоката Шардлейка, — изрек он наконец. — Он и его помощник могут быть свободны. —

Главнокомандующий указал на карту. — Думаю, настало время вернуться к более важным делам. Есть какие-нибудь известия о Роберте Кетте и его брате Уильяме? — обратился он к капитану Друри.

— Пока нет, милорд, но я уверен, в самом скором времени мы схватим обоих.

Граф склонился над столом, Саутвелл продолжал сверлить меня исполненным ненависти взглядом.

— Милорд, простите, что вновь позволяю себе беспокоить вас, — набравшись храбрости, обратился я к Уорику. — Но прошу, не откажитесь распорядиться, чтобы у камеры мастера Болейна в Нориджском замке была выставлена особая стража. Его уже пытались отравить, и, вполне вероятно, покушения на его жизнь могут повториться.

Говоря это, я не сводил глаз с Саутвелла и Аткинсона. Лицо молодого человека несколько раз дернулось, покрывавшие его родинки пришли в движение. Уорик проследил за направлением моего взгляда.

— Я вижу, в этом деле много скрытых обстоятельств, неизвестных стороннему наблюдателю, — проронил он. — Хорошо, я выполню вашу просьбу. Сэр Ричард, почему бы вам сейчас, когда сражение позади, не вернуться к своей госпоже, леди Марии, и не устранить беспорядки, произведенные бунтовщиками в ваших собственных поместьях? Шардлейк, вы и ваш помощник можете отправляться в Лондон. Но будьте готовы по первому требованию дать показания относительно вашего сотрудничества с бунтовщиками. Понятно?

— Да, милорд. Однако прошу у вас позволения задержаться в Норидже еще на пару дней. У меня есть здесь друзья, и я хотел бы узнать, какая участь их постигла.

— Оставайтесь, если хотите, — пожал плечами Уорик, которому наша троица явно надоела. — Но будьте осторожны: в городе неспокойно.

— Благодаря нашим солдатам из резерва беспорядки в городе в самом скором времени будут прекращены, — заявил капитан Друри. — Выполняя ваш приказ, милорд, я безотлагательно займусь поисками предателей, которые подговаривали жителей Нориджа оказать поддержку бунтовщикам. Если бы мятежники одержали победу, они намеревались войти в город с севера, через пробоину в стене. Об этом нам сообщили пленные, которых мы успели допросить.

Слушая его, я с замиранием сердца думал об Эдварде и Джозефине Браун.

— Не сомневаюсь, солдаты, которым не довелось проявить себя в бою, сумеют навести в Норидже порядок, — усмехнулся Уорик. — Хотя в резерве мы оставили исключительно сброд, согнанный из деревень. Окажись они на поле битвы, могли бы запросто переметнуться к неприятелю. В наши тревожные дни и не такого можно ожидать. — По губам графа скользнула мимолетная улыбка. — Полагаю, нам предстоит еще немало тревог и испытаний. — Он брезгливо сморщил нос. — Господи Иисусе, ну и вонь здесь стоит! Того и гляди мы все задохнемся!

Глава 80

Итак, мы с Николасом, измученные до полусмерти, поплелись в Норидж. На поясе у Овертона висел меч, принадлежавший Джеральду Болейну. День уже клонился к вечеру, когда мы, спустившись с холма, приблизились к городским стенам. Все мои кости мучительно ныли, спину ломило, и на спуске Николасу приходилось поддерживать меня под руку. К тому же перед глазами у меня упорно стояло мертвое лицо Питера Боуна, и отогнать это видение было выше моих сил.

Мы могли проникнуть в город через пробоину в стене, проделанную повстанцами и ныне охраняемую солдатами Уорика. Однако для этого требовалось приложить физические усилия, к чему я ныне был совершенно не способен. Хотя караульные махали нам руками, приглашая войти, мы направились вдоль стен к воротам Святой Магдалены. Увы, лучше бы мы этого не делали. Приблизившись к воротам, мы увидели огромную виселицу, на которой можно было вздернуть пять человек. Еще более кошмарное зрелище представляла собой груда обнаженных тел, выросшая неподалеку от виселицы. То были повстанцы, убитые в городе. Телеги подвозили все новые трупы, их явно насчитывалось уже несколько сот. Оглянувшись, я увидел, как по дороге, ведущей из Дассиндейла, тянется целая вереница телег, с которых свисают окровавленные руки и ноги. Чуть в стороне несколько рабочих рыли под надзором солдат огромную яму — вне всякого сомнения, братскую могилу.

Я хотел отвести глаза, но белая человеческая плоть и покрытые запекшейся кровью раны неодолимо приковывали мой взор.

— Идемте быстрее, — потянул меня за рукав Николас.

— Нет, погоди. Надо посмотреть, нет ли среди них Барака. Помнишь, как три года назад мне довелось сообщить Тамазин, что муж ее получил тяжкое увечье? Ох, как бы теперь мне не пришлось извещать Тамми о том, что бедняга Джек погиб. Но разве возможно найти кого-нибудь в этом море мертвых тел? — Голос мой дрогнул.

— Говорю вам, идемте. Нечего здесь стоять. В Норидже мы непременно узнаем, жив ли Барак.

Солдат, который нес караул возле груды трупов, заметил, что мы слишком долго не отходим.

— Чего пялишься, горбун? — проворчал он; произношение выдавало в нем уроженца Линкольншира. — Это бунтовщики, изменники и предатели. Все до единого. — Часовой смерил нас подозрительным взглядом и взялся за алебарду. — Может, вы тоже мятежники, улизнувшие с поля боя?

Подозрения его представлялись мне вполне оправданными, ибо невозможно было вообразить себе двух более грязных, вонючих и оборванных существ, чем мы с Николасом.

— Мы законники, — сообщил я, стараясь держаться так, как это пристало джентльмену. — Бунтовщики захватили нас в плен, сковали цепями и вместе с другими заключенными выставили перед своей армией. Вот, поглядите! — Я продемонстрировал караульному свои распухшие окровавленные запястья.

— Простите, сэр, — пробормотал солдат, моментально проникшись к нам уважением.

— Теперь мы возвращаемся в город, — продолжал я. — Смотрю, виселица для изменников уже почти готова.

— Да, сэр, — расплылся в улыбке караульный. — Завтра утром в замке состоится суд, а после этого все главари получают по заслугам: кого вздернут на виселицу, кого утопят, кого четвертуют. Казнить будут не только здесь, но и под этим их чертовым Дубом реформации.

— Что ж, превосходно. Благодарю вас, старина.

— Вот только эту штуковину мне придется у вас отобрать, — кивнул часовой на меч, висевший на поясе у Николаса. — Ходить по городу с оружием дозволено только солдатам.

Войдя в Норидж, мы по Магдален-стрит направились к центру города.

— Куда двинемся? — спросил Николас.

— Думаю, прежде всего заглянем в «Девичью голову».

Во взгляде моего спутника мелькнуло сомнение.

— Боюсь, явившись туда в прошлый раз, мы навлекли на них неприятности.

— Теперь совсем другое дело, — пожал я плечами. — Всякому, кто пожелает узнать, кто мы такие, мы покажем следы от цепей, как только что продемонстрировали их солдату. Кстати, на постоялом дворе у нас остались адвокатские мантии, которые сейчас нам очень пригодятся. К

тому же там мы сумеем помыться, а может, даже и переночуем. Скорее всего, мы останемся здесь еще на несколько дней, пока не узнаем, что случилось с Баракком, Джозефиной и Эдвардом. Не забывай: теперь мы с тобой снова джентльмены, хотя по нашему виду этого никак не скажешь, — горько усмехнулся я.

— А что, если мы столкнемся с каким-нибудь молодчиком, которого вы с Кеттом судили под Дубом реформации? — спросил Николас.

— Повторим то, что уже говорили. Меня принудили участвовать в судах силой, и сам граф Уорик счел меня невиновным и предоставил мне полную свободу. Николас, нам с тобой нечего опасаться. Идем же! — нетерпеливо бросил я. — Спина у меня так раскалывается, что я отдал бы все на свете, лишь бы только растянуться на кровати.

Мы миновали Магдален-стрит, перешли на другую сторону реки и двинулись по направлению к площади Тумлэнд. Повсюду виднелись следы жарких уличных боев, прокатившихся по городу несколько дней назад. Некоторые дома превратились в груды обуглившихся развалин, другие были разрушены пушечными ядрами. Запах дыма смешивался со смрадом мертвых тел, которые солдаты Уорика грузили в повозки. Им помогали самые бедные из городских жителей, вне всякого сомнения привлеченные к столь тягостной работе насильно. С трупов повстанцев срывали одежду, а конские трупы складывали на особые телеги, принадлежавшие мясникам. На наших глазах стая бродячих собак разорвала одну из убитых лошадей на куски. Бросив взгляд на Маусхолдский холм, я увидел, что он окутан дымом: то догорали остатки лагеря. Прохожих на улицах почти не было, однако нам постоянно встречались группы солдат, многие из которых явно находились в подпитии. Мы пересекли мост Фай и направились к «Девичьей голове». Здесь признаки недавних боев были еще очевиднее: перевернутые телеги, в которые вонзилось множество стрел, сломанное оружие, обрывки одежды и, разумеется, огромное количество трупов. Дойдя до площади Тумлэнд, мы увидели, что у запертых ворот собора и у крыльца особняка Августина Стюарда стоят караульные. Над крышей дома развевался флаг с изображением медведя и суковатого посоха. Судя по множеству людей, входивших внутрь и выходивших из дверей, здесь действительно располагалась штаб-квартира графа Уорика.

Ставни в доме Гэвина Рейнольдса, располагавшемся неподалеку, были плотно опущены, а двери, ведущие во внутренний двор, заперты.

Мы подошли к воротам постоянного двора, которые оказались распахнутыми настежь. Внутри царил суев и оживление: слуги сновали туда-сюда, в холле громко переговаривались командиры армии Уорика. Хозяин, мастер Теобальд, при виде двух грязных оборванцев скорчил недовольную гримасу. Однако стоило трактирщику подойти к нам поближе, как глаза его полезли на лоб от удивления.

— Мастер Шардлейк?

— Он самый.

— Я думал, вы в лагере.

— Повстанцы сковали нас цепями и выставили перед неприятелем в качестве живого щита, — сообщил я и вновь продемонстрировал свои многотрадальные запястья.

— Господи Иисусе, я слышал, что они поступили с джентльменами именно так, но думал, это выдумки. Поистине, жестокость этих извергов не знает предела! Слава богу, теперь с ними покончено. Завтра всех их главарей вздернут на виселицу, и этому можно только порадоваться.

— У нас здесь остались кое-какие пожитки, — напомнил я. — К тому же нам хотелось бы помыться и, если это возможно, получить комнату. Прежде чем вернуться в Лондон, мы проведем пару дней в Норидже.

— Все ваши вещи в целости и сохранности, сэра, — заверил хозяин. — Если хотите, можете сегодня переночевать в своей прежней комнате, хотя вам придется разместиться в ней вдвоем. Прочие помещения заняты офицерами графа Уорика; многие из них еще не вернулись, — как видно, даже после боя у них достаточно забот. Вы сами видели, во что превратился наш город. А рыночную площадь просто не узнать. Повсюду пожарища, разруха, кровь и прочие кошмары. — Мастер Теобальд нагнулся к моему уху. — Но завтра, сэра, вам придется освободить комнату, ибо граф Уорик избрал «Девичью голову» своей штаб-квартирой. Он будет жить здесь, пока не покончит с делами в Норидже. Кстати, я бы не советовал вам выходить после наступления сумерек: солдаты, которым поручено отыскать главарей мятежников, не слишком церемонятся с прохожими.

Я вновь с тревогой подумал об Эдварде и Джозефине. Наверняка солдаты располагают именами и описанием внешности людей, которых ищут; этими сведениями Уорика, возможно, снабдил Майкл Воувелл.

На мой вопрос, нет ли у него адресованных мне писем, мастер Теобальд ответил, что в течение последних двух недель на постоянный двор вообще не приходило никакой почты. Мы с Николасом направились в мою прежнюю комнату; до чего же странно было очутиться там вновь. Слуга принес таз и кувшин с горячей водой, и мы, смыв грязь, покрывавшую наши лица и руки, переоделись в чистую одежду. Приведя себя в порядок, мы с жадностью набросились на еду, которую тоже доставили нам в комнату. Насытившись, я с наслаждением растянулся на кровати, наконец-то дав отдых своей многострадальной спине.

— Какого ты мнения о графе Уорике? — обратился я к Нику.

— Этот человек обладает сильным характером и острым умом. Судя по всему, он прирожденный командир и наверняка более искушен в политических вопросах, чем лорд-протектор. Впрочем, сравнение с протектором беспригодно.

— Да, во времена старого короля было немало таких искусных политиков, как Уорик, — задумчиво произнес я. — Хотел бы я знать, что он имел в виду, когда сказал, что всем нам предстоит еще немало испытаний. Испытаний и бедствий Англия и так уже пережила предостаточно: несколько восстаний, поражение в Шотландии, война с Францией. Не удивлюсь, если в ближайшее время Тайный совет решит избавиться от Сомерсета и назначить нового лорда-протектора. — Я тяжело вздохнул. — Дай мне отдохнуть часок, а потом мы с тобой отправимся в город на поиски Барака и всех остальных. Есть у нас и еще одно дело, — мрачно добавил я. — До отъезда из Нориджа мы должны непременно повидаться с мастером Гэвином Рейнольдсом.

Николас бросил взгляд в окно, за которым уже сгущались сумерки.

— Мне кажется, сэр, сегодня вам не следует никуда выходить, — заявил он. — Вы и так едва живы от усталости. Полагаю, будет лучше, если я попрошу у хозяина фонарь и нынешним вечером отправлюсь в город один.

Я не стал его отговаривать, ибо мне отчаянно хотелось узнать, живы ли мои друзья: Джозефина, Эдвард, Изабелла и прежде всего Барак. Поэтому я ограничился тем, что напомнил Овертону:

— Трактирщик сказал, что разгуливать по городу после наступления темноты опасно.

— Только не для джентльмена, каковым я стал снова, — усмехнулся Николас. — Если меня остановят солдаты, достаточно будет показать им свои запястья. Ссадины, оставленные на них цепями, превратились ныне в знак почета.

Когда Николас разбудил меня, в комнате было совсем темно. Он зажег свечу на столике у моей кровати. Поморщившись от боли в спине, я сел и спросил:

— Который час?

С улицы доносились пьяные крики, хохот и испуганный женский визг.

— Уже за полночь. Мастер Теобальд прав: в городе творится черт знает что. Солдаты, похоже, считают, что все нориджские бедняки — пособники бунтовщиков. Я видел, как пленных, захваченных на поле боя, вели в тюрьму в подвале ратуши. Барака среди них не было.

— Тебя не пытались задержать?

— К счастью, одежда и благородное произношение уберегли меня от неприятностей и позволили беспрепятственно добраться до рыночной площади.

Николас расплылся в улыбке и подал кому-то знак подойти. Глаза мои полезли на лоб от удивления, когда в свете свечи передо мной предстала Изабелла Болейн. Вид у нее был измученный, а платье покрыто грязью, но она была цела и невредима. Подойдя, молодая женщина крепко сжала мою руку.

— Слава богу, вы живы, — выдохнул я.

— Слава богу, вы тоже. После того как повстанцы увели моего мужа на Маусхолдский холм, меня прогнали из тюрьмы прочь. Хорошо, что хозяин трактира, где я жила прежде, согласился дать мне приют. Николас сообщил, что Джон теперь в безопасности и будет вновь заключен в замок.

— Да, таков приказ графа Уорика. Но мы сумели наконец узнать всю правду об убийстве Эдит Болейн.

Я рассказал Изабелле о том, как мне удалось разоблачить Воувелла, и о том, как он, полагая, что часы мои сочтены, пустился в

откровения. О фальшивом алиби Болейна я упоминать не стал, решив, что тот сам объяснит все жене, если сочтет нужным.

— Значит, Чаури невиновен, — пробормотала она, выслушав меня. — А я уж начала было подозревать, что убийство — его рук дело.

— Я тоже считал Дэниела главным кандидатом. — О том, что в список подозреваемых входила и сама Изабелла, я счел за благо умолчать. — Ваш муж видел Чаури на поле битвы, в рядах армии Уорика. Уж не знаю, удалось ли ему выжить. Сыновья вашего супруга, разумеется, тоже были в Дассиндейле. Обнаружив укрытие, где мы спасались вместе с другими пленниками, они хотели убить нас. Но стражник, стоявший на городской стене, пустил в Джеральда стрелу, и тот умер на месте. Барнабас, похоже, от горя окончательно лишился рассудка. Взвыл, как раненый зверь, и, позабыв о нас, умчался в неизвестном направлении. Понятия не имею, что с ним случилось.

Изабелла, потупив голову, погрузилась в молчание. Через несколько мгновений она произнесла:

— Я не могу сожалеть о смерти Джеральда. Это большой грех?

— Нет, миссис Болейн, — покачал головой Николас. Взглянув на него, я понял, что мой помощник утомлен до крайности. Глаза его потускнели, сквозь загар проступала бледность. — После всех издевательств, которые вы претерпели от близнецов, вы просто не можете о них сожалеть.

Изабелла с сочувствием посмотрела на распухшее запястье Овертона и слегка коснулась его пальцами.

— Бедный мальчик, что они с вами сделали. Вижу, ваши запястья в столь же плачевном состоянии, мастер Шардлейк, — повернулась она ко мне. — Я так признательна за то, что вам удалось наконец распутать это дело.

Опустившись на стул, миссис Болейн залилась слезами.

— Все ваши горести вскоре останутся позади, Изабелла, — пообещал я.

Она несколько раз всхлипнула и поднялась. После чего сообщила:

— Николас договорился с хозяином, и сегодня я буду ночевать здесь, в комнате по соседству. А завтра утром вернусь к своему супругу, в тюремную камеру.

Сделав нам на прощание реверанс, Изабелла вышла прочь.

— Есть какие-нибудь известия о Бараке и Браунах? — обратился я к Николасу.

— Увы, пока никаких. Прежде чем пойти к Изабелле, я отправился в Конисфорд. Дом, где жили Брауны, сгорел дотла, как и почти весь квартал. О Джозефине, Эдварде и малышке — ни слуху ни духу.

— Боюсь, солдаты сейчас ищут Эдварда как одного из главарей повстанцев.

— Возможно, Брауны покинули город, как и многие другие.

— Надеюсь, что так оно и есть, — кивнул я. — Про Джека тоже ничего не слышно?

— Я расспрашивал всех бедняков, которые попадались мне навстречу, обещал дать денег тому, кто сообщит хоть что-нибудь про однорукого парня, сражавшегося на городских улицах. Но к сожалению, никто ничего не знает. Все, что мне удалось выяснить: раненые из обеих армий сейчас находятся в соборе, который превращен в лазарет. Завтра с утра мы отправимся напрямик туда. Может, найдем там Барака, Эдварда или Джозефину. Видели бы вы, какой кавардак творится в городе, — устало добавил Овертон. — Солдаты пьянствуют прямо на улицах, рассказывают байки о своих сегодняшних подвигах и всем, кто одет побогаче, предлагают выпить вместе с ними. Рыночная площадь похожа на видение из ночного кошмара: трупы лошадей, кучи дерьма, а посередине — виселица, на которой болтаются тела пятидесяти повстанцев. Тех, кого Уорик приказал казнить, когда взял город. — Николас тяжело вздохнул. — На завтра назначены новые казни, но прежде в церкви Святого Петра Мэнкрофта состоится благодарственная служба. По слухам, горожане собираются устроить в честь графа Уорика театральное представление.

— Полагаю, сегодня он позволил своим людям выпустить пар. Такова уж военная традиция — после боя солдатам позволено все. Например, обворовывать трупы своих врагов.

— Есть одна печальная новость, — произнес Николас, тяжело опускаясь на кровать; руки его дрожали. — Нетти погиб. Я видел его обнаженный труп на телеге, наполненной мертвецами.

— Бедный мальчик, — пробормотал я. — Да упокоит Господь его душу.

— Всю одежду, снятую с убитых, солдаты собираются завтра продать на рынке, — сообщил Ник и, уронив голову на руки, залился

слезами. — Какой ужасный день! — всхлипывал он. — Этот город... он превратился в сущий ад.

— Я давно опасался, что все закончится именно этим.

— Господи Иисусе, но ведь повстанцы так храбро сражались!

— Для простолюдинов? — уточнил я с легкой иронией.

— Нет, — покачал головой Николас. — Они проявили себя как настоящие мужчины!

На следующее утро мы впервые за последние два месяца позавтракали, сидя за столом. Изабелла уже ушла, оставив нам записку с выражением благодарности; в записке говорилось также, что она намерена вернуться в замок. Смелость этой женщины и преданность, которую она питала к своему супругу, поистине были достойны восхищения. Спина моя по-прежнему ныла, и, прежде чем покинуть трактир, я проделал несколько физических упражнений, которыми в последнее время непозволительно пренебрегал. За едой мне невольно вспомнились наши прежние завтраки в начале июня, когда за одним столом с нами сидели Барак и Тоби Локвуд, ныне погибший. При всей своей низости по отношению к Николасу этот человек был верен делу, которое считал справедливым. Сердце мое болезненно сжалось при мысли о Нетти, добром и смелом парнишке, отдавшем жизнь во вчерашнем бою. Сколько их, этих молодых жизней, было погублено вчера, с горечью подумал я.

Судя по долетавшим до нас обрывкам разговоров — за столами вокруг сидели в основном командиры из армии Уорика, — сам граф находился в замке, где в срочном порядке вершил суд над предводителями повстанцев. Многим офицерам сегодня предстояло присутствовать при казнях на рыночной площади, у ворот Святой Магдалены и возле Дуба реформации. Для убитых во вчерашней битве вырыли несколько братских могил. Один из офицеров заметил, что мятежники удивили его своей отвагой; по его словам, одна из стрел едва не убила Амброуза Дадли, старшего сына Уорика. Я узнал также, что пару дней назад, когда несколько городских кварталов еще оставались в руках повстанцев, власти Нориджа, опасаясь уличных боев, обратились к Уорику с просьбой сдать город, однако тот отказался. Согласись он выполнить эту просьбу, исход вчерашней битвы, возможно, был бы иным.

В зал вбежал какой-то капитан и, сорвав с головы шлем, радостно провозгласил:

— Роберт Кетт и его брат схвачены! Они удрали в Суоннингтон и скрывались там на какой-то ферме!

Все разразились радостными возгласами. Кто-то спросил, когда братья Кетт будут казнены. Капитан ответил, что их отвезут в Лондон, где они предстанут перед судом.

— Жаль, — вздохнул военный, сидевший за соседним столом. — Я так мечтал полюбоваться, как эти негодяи болтаются на виселице.

Облачившись в мантии законников, мы с Николасом подошли к воротам собора и объяснили солдатам, стоявшим в карауле, что ищем своих друзей, которые, возможно, находятся среди раненых. Они, однако же, не спешили пропускать нас внутрь. Пришлось сообщить, что мы были среди скованных цепями пленников на поле боя, и в качестве доказательства предъявить наши многострадальные запястья. Глубокие ссадины и правда превратились нынче в знак почета, ибо, увидев их, часовые беспрекословно распахнули перед нами ворота.

— Если мы отыщем Барака и Браунов, придется объяснять, почему мы водим дружбу с мятежниками, — заметил Николас, когда мы пересекали церковный двор.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся. В конце концов, мы с тобой адвокаты.

Огромный собор, превращенный в лазарет еще месяц назад, после битвы с армией Нортгемптона, ныне был полон до отказа; многим раненым приходилось лежать на голом полу или же на грубых соломенных тюфяках. Со всех сторон доносились стоны, кашель и крики боли. В левом нефе стояли койки, вдоль которых расхаживал стражник, — возможно, там находились раненые повстанцы. В правом нефе никаких караульных не было, и, судя по всему, раненые, лежавшие здесь, пользовались бóльшим вниманием со стороны врачей, сновавших туда-сюда. Завидев облаченного в мантию доктора Белайса, я потянул Николаса в сторону, дабы избежать неприятной встречи.

Заметив капитана, сидевшего за столом поблизости от алтаря, мы направились к нему, заблаговременно закатывая рукава рубашек. Капитан поднялся нам навстречу.

— Чем могу служить, джентльмены? — спросил он; в речи его ощущался явный мидлэндский акцент. — Насколько я понимаю, вчера вы были среди пленников, скованных цепью? Мы видели, что вам удалось бежать, и возблагодарили Бога за ваше спасение.

— Да, вы правы. Сейчас мы заняты поисками своих близких друзей, двоих мужчин и женщины. Пока наши усилия не увенчались успехом, и мы решили, что, возможно, они были ранены и их привезли сюда. Не исключено, что по недоразумению всех троих могли принять за мятежников. Думаю, ныне происходит немало подобных ошибок.

— Всякое случается, — пожал плечами наш собеседник.

— Насколько я понимаю, вы из Мидлэнда? — осведомился я. — Сам я родился в Личфилде.

Меня всегда удивляло, сколь сильную радость люди испытывают при встрече с земляками, которых они прежде и в глаза не видели. Лицо капитана моментально просветлело.

— А я из Олдриджа, так что мы с вами почти соседи, — сообщил он. — Я йомен, командир местного отряда ополченцев. Все мы были призваны в армию по приказу графа Уорика. — Понизив голос, капитан добавил: — У нас в последнее время тоже было беспокойно. Прежде чем собрать армию, граф прекратил все беспорядки.

— Вчера я беседовал с ним лично. Сразу видно, граф — человек сильного характера и опытный военачальник.

Услышав это, капитан проникся ко мне еще более глубоким уважением:

— Да, он тверд как камень, но при этом рассудителен и дальновиден.

— Мы с помощником прибыли в Норидж еще в июне, на выездную судебную сессию, — сообщил я. — Из-за болезни мне пришлось остаться здесь на пару недель. В результате мы оказались в плену у мятежников.

Капитан сочувственно кивнул:

— Что ж, может, вы сумеете отыскать ваших друзей здесь. Женщины находятся в особом помещении. — Он указал в дальнюю часть собора, отделенную занавесками. — Если вы их найдете, сообщите об этом мне, чтобы я записал их имена. — Наш собеседник вновь понизил голос. — Мы пытаемся выявить всех мятежников. У меня есть список тех, кого необходимо арестовать.

— Благодарю вас, — кивнул я, думая о том, что Барак и Джозефина вряд ли числятся в этом списке. А вот Эдвард Браун там наверняка есть.

Мы с Николасом двинулись вдоль стоявших рядами кроватей. Дыхание у меня перехватило от радости, когда я увидел знакомую фигуру, сидевшую на соломенном тюфяке в нефе, предназначенном для повстанцев. Железная рука, приветственно взметнувшаяся в воздух, не оставляла сомнений в том, что я не ошибся.

— Вы живы, черт вас обоих подери! — восторженно завопил Барак. — А я уже собирался напиться в стельку на ваших поминках!

— Джек! — заорал я, сжимая его в объятиях так же крепко, как несколько лет тому назад сам он стиснул меня, убедившись, что я не пошел ко дну вместе с кораблем «Мэри Роуз».

Освободившись, Барак потряс руку Николаса:

— Да, парень, выглядишь ты дерьмово. Господи Иисусе, а что это с вашими запястьями? Вы что, были среди скованных цепью джентльменов? Здесь, в лазарете, только и разговоров что об этом. Как это вас угораздило?

— Майкл Воувелл оклеветал нас. Слушай, у нас столько новостей, что сразу и не расскажешь. Но прежде надо вытащить тебя отсюда. Ты серьезно ранен?

Я окинул Барака изучающим взглядом. Он был бледен как полотно.

— Когда мы отступали, какой-то солдат, будь он трижды неладен, ткнул меня копьем в лодыжку. Рана не очень глубокая, кость не задета, но кровь хлестала из меня, как из зарезанной свиньи. Поверите ли, я потерял сознание, словно девица. Рухнул замертво у дверей какой-то лавки. Меня в беспамятстве притащили сюда. Конечно, я потерял много крови, но рану зашили, и, надеюсь, она скоро заживет.

— Значит, свидетелей того, что ты сражался на стороне повстанцев, нет, — вполголоса заметил я.

— Надеюсь, что нет. При мне был меч, и на этом основании солдаты решили, что я мятежник и что мое место здесь. — Джек откинул грубое одеяло и продемонстрировал нам свою перевязанную ногу. — Думаю, я вполне способен ходить, опираясь на палку.

— Может, стоит сказать, что ты — мирный городской житель, а меч подобрал на улице, дабы защитить себя от возможных нападений, — предложил я.

— С моим лондонским произношением эта байка вряд ли пройдет.

— Тогда скажем, что ты мой помощник, случайно оставшийся в Норидже. Полагаю, мне удастся убедить здешнего начальника, что тебя сочли мятежником по ошибке, — улыбнулся я и вперил в Барака пристальный взгляд. — Если тебя начнут расспрашивать, говори, что никогда не испытывал к бунтовщикам ни малейшего сочувствия. Уяснил?

Джек поджал губу, но кивнул в знак согласия.

— Сейчас мы отведем тебя в «Девичью голову» и как следует накормим, — объявил я. — А уж потом решим, как быть дальше. Комнату в трактире нам, скорее всего, придется сегодня освободить. — Набрав в грудь побольше воздуха, я спросил: — Тебе известно что-нибудь об Эдварде и Джозефине? Возможно, они тоже здесь, в лазарете?

— Судя по всему, Эдварда здесь нет. И Нетти тоже. Но вы все равно поищите. И загляните в женскую часть, если вам позволят. Я понятия не имею, кто там лежит.

Я кивнул и бросил на Николаса предостерегающий взгляд, давая понять, что пока не стоит сообщать Бараку о смерти Нетти. Мы принялись бродить между кроватями, на которых лежали люди. Раны некоторых были так ужасны, что я невольно отводил глаза. Обойдя весь лазарет, мы убедились, что Эдварда Брауна здесь нет. Когда мы заглянули в женскую часть, сестра милосердия, миловидная и пухленькая, сообщила нам, что никакой Джозефины Браун здесь тоже нет. Мы подробно описали внешность моей бывшей служанки, но сестра отрицательно покачала головой. Нет, к ним не поступала женщина, наружность которой отвечала бы этому описанию, ни с ребенком, ни без него. Выяснилось, что наша собеседница — повивальная бабка, которую пригласили сюда ухаживать за женщинами, пострадавшими во время уличных боев.

— Среди тех, кто лежит здесь, немало жертв распутного поведения солдат Уорика, — добавила она, вперив в нас холодный взгляд.

Нам оставалось лишь поблагодарить ее и вернуться к Бараку. Взяв его под руки, мы отправились к капитану, которого мои объяснения вполне удовлетворили. Обманывая этого простодушного малого, я ощутил легкий укор совести, однако выбора у нас не было.

Мы вернулись в «Девичью голову». Подходя к воротам постоянного двора, я заметил, что дверь церкви, расположенной напротив, приоткрыта.

— Там кто-то пищит, — заметил Николас. — Слышите? Для крысы слишком громко.

— Похоже, там грудной младенец, — предположил Барак.

Мне вспомнился женский визг, долетевший в комнату минувшей ночью.

— Отведи Джека в трактир, а я пойду посмотрю, что там такое, — обратился я к Николасу. Он уже открыл было рот, чтобы возразить, но я сердито рявкнул: — Делай, что сказано!

Опасливо озираясь по сторонам, я вошел в приоткрытую дверь. Звук, привлечший наше внимание, стал громче. Да, вне всякого сомнения, то плакал ребенок; плач доносился из дальнего угла, в котором лежало что-то темное и окровавленное.

То был Эдвард Браун, распростертый на спине. Лицо его было разбито, а на груди зияла глубокая ножевая рана, от которой бедняга и умер. Джозефина лежала головой у него на животе, словно бы до последнего вздоха пыталась защитить мужа своим телом. Она тоже была избита и исколота копьями; платье ее было во многих местах разорвано, а нижняя юбка и панталоны валялись в стороне. Кровавое месиво между ее ног свидетельствовало о том, что бедняжку изнасиловали, причем несколько раз, и только после этого убили, перерезав горло. Мертвые руки Джозефины прижимали к груди Мышку, грязную, промокшую от материнской крови и уже изнемогавшую от плача.

— Господи Иисусе! — раздался за моей спиной дрожащий голос Николаса.

Нагнувшись, я осторожно разжал руки Джозефины и взял дрожащего всем тельцем ребенка.

— Это случилось прошлой ночью, — прошептал я. — Как видно, Джозефина с Мышкой убежала из дому, спасаясь от пожара. Где-то на улице она встретила Эдварда; оба укрылись здесь, но солдаты, искавшие главарей повстанцев, обнаружили их. Где Джек? — спросил я резко.

— Лежит на кровати в нашей комнате. Я не мог дожидаться, пока вы вернетесь, и примчался сюда. Господи Иисусе, несчастная Джозефина,

несчастный Эдвард! Какая страшная участь!

Заметив, что по лицу Овертона катятся слезы, я осознал, что и сам плачу.

Мышка по-прежнему заходила от крика. Николас погладил ее по шелковистым волосикам, таким же светлым, как у матери. Я отвел взор от убитых и посмотрел на ребенка:

— Она наверняка проголодалась, бедняжка. Надо ее вымыть и накормить.

— Джек наверняка знает, как обращаться с детьми, — заявил Николас. — У него же двое своих.

— Тем не менее накормить Мышку грудью он не сможет. Хотя у меня самого никогда не было детей, я в этом не сомневаюсь. Так что нужно немедленно найти кормилицу. Николас, иди расскажи Бараку, что произошло, а потом ступай в лазарет. Спроси у сестры милосердия, с которой мы разговаривали, нет ли у нее знакомой кормилицы. Объясни, что грудной ребенок умирает от голода. Думаю, потом мы сумеем найти женщину, которая согласится поехать с нами в Лондон. Я хорошо заплачу ей.

— Вы хотите взять Мышку с собой?

— Черт побери, неужели ты думаешь, что я брошу девочку на произвол судьбы? — Я раздраженно возвысил голос, но тут же спохватился: — Прости, Николас. Я сейчас не в себе.

— Я тоже. — Он вновь окинул взором кошмарную картину и потрянул головой. — Мне надо спешить. Мы должны спасти Мышку.

Николас выбежал из церкви, а я еще крепче прижал к себе ребенка. «Слава богу, девочка еще слишком мала, чтобы понять, сколь страшная смерть постигла ее родителей», — подумал я.

Бросив прощальный взгляд на мертвые тела своих друзей, я двинулся к дверям. На память мне пришла несчастная Эдит Болейн, ее голые ноги, болтавшиеся в воздухе. И я пообещал себе, что, прежде чем покинуть Норидж, непременно разберусь с человеком, который сотворил с ней такое. С ее родным отцом.

Глава 81

Я пересек улицу и вошел в ворота трактира. Слуги и постояльцы удивленно вытаращили глаза при виде седовласого законника, который нес плачущего ребенка, мокрого, грязного и окровавленного. Мышка упиралась мне в грудь ручонками и отчаянно извивалась, пытаясь вырваться. Прежде чем подняться к себе, я распорядился принести нам в комнату теплой воды. Купать младенцев я не умел, но рассчитывал, что Барак справится с этой задачей.

Джек, сидевший на кровати, вскочил при нашем появлении.

— Так, значит, это правда, — прошептал он, потрясенно глядя на Мышку. — Они оба убиты.

Ребенок, изнемогавший от крика, по-прежнему извивался в моих руках.

— Что стоишь, помоги мне! — потребовал я. — Не видишь, я не знаю, как ее успокоить.

Тут появился слуга с кувшином теплой воды.

— Эх, вы! — покачал головой Барак, глядя на меня. — Ладно, доверьте Мышку мне. Я вымою ее наилучшим образом. Поставьте таз на стол.

Припадая на раненую ногу, он подошел и забрал у меня младенца. Мне оставалось лишь наблюдать, как ловко мой друг управляет с малышкой. Она продолжала отчаянно кричать; эту всегда спокойную и доверчивую девчушку словно бы подменили. Искупав Мышку, Джек стащил с себя рубашку и, запеленав, принялся укачивать ребенка на руках, что-то мурлыча себе под нос.

— Ей необходимо молоко, — бросил он, повернувшись ко мне. — И как можно скорее.

Я молчал; пережитое потрясение погрузило меня в подобие ступора.

— Ник сказал, вы хотите взять Мышку с собой в Лондон, — произнес Барак, недоверчиво глядя на меня.

— На всем белом свете у нее нет ни единого близкого человека, — пробормотал я, выходя из оцепенения. — Я намерен удочерить девочку.

До сей поры у меня не было времени решить, как поступить с Мышкой; но слова эти слетели с губ сами собой, и я понял, что они

выражают мое сокровенное желание.

Прошел целый час, прежде чем вернулся Николас. Он привел с собой невысокую пухленькую женщину лет тридцати, в платье из грубой ткани и холщовом фартуке. Круглое ее лицо, обрамленное белым чепцом, сияло добротой и приветливостью, а взгляд больших голубых глаз при виде Мышки моментально преисполнился сочувствия.

— Сестра из лазарета дала мне адрес этой женщины, которая доводится ей кузиной, — сообщил запыхавшийся Николас. — Ее зовут Лиз Партлетт, она кормилица и только что ушла от своих прежних хозяев.

— Вы нам поможете? Я хорошо заплачу! — пообещал я.

— Конечно, я покормлю бедную крошку, — ответила она с мягким норфолкским акцентом. — Мой собственный ребеночек умер этой весной, но молоко все еще приходит. — Она осторожно забрала Мышку у Барака. — Давайте девочку сюда, а то вы того и гляди ее уроните.

— У меня есть ключ от соседней комнаты, — сообщил я. — Вы можете покормить ребенка там.

— Как вам будет угодно, сэр, — кивнула Лиз, с улыбкой глядя на Мышку. Та, моментально притихнув, нетерпеливо теребила ручонками грудь кормилицы. — Сколько месяцев этому несчастному созданию?

— Недавно исполнилось шесть.

— Молодой человек, который привел меня сюда, сказал, что ее родители убиты, — произнесла женщина, внимательно глядя на меня; взгляд ее задержался на моих многострадальных запястьях, однако она ничего не сказала.

— Да, — кивнул я и с горечью добавил: — В Норфолке нынче происходит множество трагедий. Девочку крестили как Мэри, но родители называли ее Мышкой.

— Ну что ж, Мышка, сейчас ты наконец покушаешь, — улыбнулась Лиз и вышла из комнаты.

— Ник, приятель, кажется, ты нашел настоящее сокровище, — заявил Барак.

— Похоже, так оно и есть! — подхватил я.

Вскоре после ухода Лиз к нам заглянул мастер Теобальд.

— Слуги сообщили, что вы принесли сюда младенца и привели кормилицу, — пробормотал он, окинув нас недоумевающим взглядом.

— У нас просто не было выбора. Ребенка мы нашли в церкви на другой стороне улицы, рядом с телами убитых родителей. С матерью девочки мы прежде были знакомы.

Глаза мастера Теобальда полезли на лоб от изумления.

— Понятно, — проронил он. — Но боюсь, через час вам придется покинуть трактир. Я уже говорил вам, что граф Уорик избрал «Девичью голову» своей штаб-квартирой. Согласно распоряжению главнокомандующего, здесь не должно быть других постояльцев, кроме его людей. Простите великодушно, но я никак не могу послушаться Уорика. Возможно, вы найдете комнату в другом трактире — скажем, на рыночной площади. Не думаю, что все постоянные дворы сейчас переполнены. Солдат по большей части отправили на постой в дома горожан.

— Нам необходимы лошади, для того чтобы вернуться в Лондон, — заявил я. — Однако денег у нас почти не осталось. Вы можете дать нам в долг?

Во взгляде трактирщика промелькнуло сомнение.

— Я выдам вам вексель и выплачу по нему, как только вернусь в Лондон, — поспешно добавил я. — Вы же знаете, я член Лондонской коллегии адвокатов, и мне можно доверять. Сейчас многие в этом городе оказались без средств, но нам они срочно необходимы.

— Хорошо, адвокат Шардлейк, я одолжу вам денег, — колебавшись несколько мгновений, кивнул мастер Теобальд. — Хотя вы порой вели себя несколько странно, не сомневаюсь в том, что вы заслуживаете доверия. К тому же вы были среди тех несчастных джентльменов, которых мятежники превратили в живой щит. Насчет лошадей можете не беспокоиться, я все устрою. Но сделайте милость, верните мне лошадей и деньги сразу после возвращения в Лондон. Вы сами понимаете, времена для нас сейчас настали трудные. — Помолчав, он невольно улыбнулся. — Надо же, теперь у вас появился ребенок.

Мастер Теобальд покачал головой, поклонился и вышел из комнаты.

Оставшись втроем, мы некоторое время хранили молчание.

— Надо сообщить властям о смерти Джозефины и Эдварда, — произнес наконец Николас.

— Не вижу смысла, — возразил я. — Нет никаких сомнений, что Эдвард был убит как один из вожаков восстания, а Джозефина... — тут голос мой дрогнул, — просто ради забавы. Если мы обратимся к властям, никто и не подумает наказать виновных, а вот нас начнут допрашивать, выяснять, откуда мы знали Брауна. Запомните оба: на все вопросы, где мы взяли младенца, отвечаем, что услышали доносившийся из церкви плач, вошли и обнаружили там ребенка моей бывшей служанки. И ничего больше.

— Но мы должны похоронить Эдварда и Джозефину как добрых христиан, — дрогнувшим голосом сказал Николас.

— Ты хотя бы представляешь, сколько сейчас в Норидже покойников, ожидающих погребения? — раздраженно возразил ему Барак. — А нам нужно поскорее уносить отсюда ноги.

— Но у нас осталось еще одно важное дело, — мрачно проронил я, думая о предстоящей встрече с Гэвином Рейнольдсом.

На рыночную площадь мы отправились впятером: я, Барак, Николас и Лиз с Мышкой на руках. Бедное дитя, наконец-то насытившись и успокоившись, сладко посапывало на груди кормилицы. Я постоянно поглядывал на девочку, думая о решении, которое принял столь внезапно. «Смогу ли я полюбить эту крошку так сильно, чтобы воспитать ее как родную дочь?» — спрашивал я себя. «Да, сможешь», — отвечало мне мое собственное сердце.

По пути нам встретилось несколько телег, наполненных окровавленными трупами и отрубленными головами. По всей вероятности, то были тела повстанцев, казненных сегодня у Дуба реформации. Граф Уорик быстро чинил суд и расправу. В том, что состоятельные горожане питают к нему глубокую признательность, можно было не сомневаться; герб графа — медведь и суковатый посох — красовался теперь над дверями многих домов. Судя по всему, главнокомандующий прихватил в Норфолк изрядный запас фамильных гербов, подумал я не без сарказма.

Рыночная площадь представляла собой столь же мрачное зрелище, как и вчера, когда здесь побывал Николас. Впрочем, городские бедняки под надзором солдат уже начали наводить порядок. На виселице,

установленной напротив ратуши, болталась дюжина трупов; внизу собралась небольшая толпа, по всей видимости состоявшая из людей, которым в самом скором времени предстояло разделить участь казненных. Мне вспомнился день, когда я, взобравшись на эшафот, спас Болейна от неминуемой смерти. Я вновь, как наяву, увидел извивавшуюся в предсмертных судорогах девушку с тряпичной куклой в руках. Голова у меня внезапно пошла кругом; Николас, явно заметив это, сжал мою руку повыше локтя.

Мы вошли в двери трактира, где прежде жила Изабелла. К нашему великому облегчению, хозяин сообщил, что может предоставить нам две комнаты. Я не стал скрывать, что в настоящее время мы не располагаем деньгами, но моя адвокатская мантия и ссадины на запястьях, которые я не преминул продемонстрировать трактирщику, говорили сами за себя.

— Трактир сейчас полон офицеров, но только казначей графа обещал, что заплатит, — посетовал он. — Вы ничем не хуже их, так что оставайтесь. Тем более базарный день в эту среду отменили, купцы в город не приедут и комнаты все равно станут пустовать. Но надеюсь, в воскресенье в Норидже будет полно торговцев, — ухмыльнулся хозяин. — Говорят, в воскресенье солдаты собираются продавать на рынке все то добро, которое они нагнали у убитых в Дассиндейле.

Я хотел немедленно отправиться в дом Гэвина Рейнольдса, но Барак и Николас отговорили меня от этого намерения, ссылаясь на то, что все мы чуть живы от усталости.

— Господи Иисусе, ну вы и бездельники! — нетерпеливо возразил я. — Старый Рейнольдс — единственный, кому известно, что произошло с Эдит. Питер Боун мертв, Майкл Воувелл скрылся, и теперь его не поймаешь. Других свидетелей, кроме Рейнольдса, у нас нет.

Тут я почувствовал, что у меня вновь закружилась голова, и скрепя сердце согласился подождать до завтра.

— У нас имеется еще один свидетель, и зовут его сэръ Ричард Саутвелл, — напомнил Николас. — Он, несомненно, тоже замешан в этом преступлении.

— Ты же сам видел, теперь он стал правой рукой графа Уорика. Нам не поймать птицу столь высокого полета. Но конечно, мы можем

сообщить Пэрри и леди Елизавете обо всем, что нам удалось выяснить. В том числе и о деньгах, которыми Саутвелл снабдил Роберта Кетта. Если мастер Пэрри сочтет нужным, он расскажет об этом Уильяму Сесилу. А вот Рейнольдс, к счастью, не относится к числу высокопоставленных вельмож. — Голос мой стал жестче. — И с ним мы в состоянии разобраться сами.

— До завтрашнего утра старикан никуда не денется, — заявил Барак. — Уверен, он сейчас боится и нос высунуть на улицу. Не беспокойтесь, Рейнольдс от нас не уйдет.

Я кивнул в знак согласия и рухнул на кровать. Невозможно было не заметить, что Джек и Николас, несмотря на молодость, тоже буквально валятся с ног от усталости. Комнаты наши находились в задней части трактира, из окон не было видно ничего, кроме конюшни. Мысленно я порадовался этому обстоятельству; будь у нас комнаты с видом на рыночную площадь, нам пришлось бы любоваться виселицей.

Время, оставшееся до вечера, я проспал, поднявшись только к ужину. Утолив голод, я постучал в комнату, которую занимала Лиз Партлетт с ребенком. Мягкий приветливый голос пригласил меня войти. Мышка крепко спала, в уголках ее ротика переливались молочные пузырьки. Кормилица шила.

— Девочка здорова? — осведомился я.

— Да, сэр. — Лиз поднялась и сделала книксен. — Я ее хорошенько выкупала и перепеленала. Ох, видели бы вы, как жадно она сосет! — Моя собеседница улыбнулась. — По-моему, у нее скоро пойдут зубки.

Я был признателен этой доброй женщине за то, что она воздержалась от расспросов относительно родителей Мышки и обстоятельств их смерти. Впрочем, на этой неделе в Норидже погибло великое множество народу, и в том, что еще один ребенок остался сиротой, не было ничего удивительного. Подойдя к колыбели, я взглянул на спящую девочку, на ее пухлые крохотные пальчики, сжатые в кулачки, и после недолгого колебания вновь повернулся к Лиз:

— Завтра, самое позднее послезавтра, мы собираемся покинуть Норидж и отправиться в Хатфилд, а оттуда в Лондон. Не согласились бы вы поехать вместе с нами? — И, заметив отразившееся на ее лице сомнение, поспешно добавил: — Когда мы приедем в Лондон, я найму

постоянную кормилицу, а вам щедро заплачу, и вы сможете вернуться домой.

К моему великому недоумению, в голубых глазах Лиз мелькнула горечь.

— Мне незачем возвращаться сюда, сэра, — произнесла она спокойным и ровным голосом. — Муж мой умер, ребенок тоже. Да и весь Норидж превратился в город, где царствует смерть. — Она перевела дух. — Сэр, если вы намерены взять меня с собой в Лондон, я должна сказать, что мой супруг был одним из повстанцев. Наш сынишка угас весной не столько от болезни, сколько от голода, так как мой Дэвид лишился работы и у нас не было ни пенни. Когда мы узнали о лагере на Маусхолдском холме, Дэвид решил отправиться туда, и я его благословила. Он погиб месяц назад, в бою с армией маркиза Нортгемптона. Мне удалось устроиться кормилицей в дом одного купца, но хозяева узнали, что мой муж мятежник, и после победы графа Уорика прогнали меня прочь. — Лиз вновь тяжело вздохнула. — Сэр, я видела ваши запястья и запястья мастера Овертона. Нетрудно догадаться, что вы были среди скованных цепями джентльменов, которых выставили между двумя армиями. Вам следует узнать, кто я такая, прежде чем до вас дойдут сплетни.

— Миссис Партлетт, я очень признателен вам за откровенность, — кивнул я. — Поверьте, на самом деле все обстоит не совсем так, как может показаться. Да, мы с Николасом были на линии огня, среди джентльменов, скованных цепями. Но в тюрьме мы оказались лишь потому, что один из недоброжелателей оклеветал нас. Пока это все, что я хочу вам рассказать. Возможно, настанет день, когда я смогу позволить себе бóльшую откровенность. Но сейчас я всего лишь прошу вас не сомневаться в том, что мы с вами — отнюдь не враги и никогда таковыми не были.

Взгляд Лиз, устремленный на меня, был исполнен недоумения и растерянности. Еще совсем недавно служанка не осмелилась бы так откровенно буравить глазами своего хозяина. Но сейчас, после восстания, простые люди научились смотреть открыто и прямо.

— Я верю вам, сэра, — просто сказала она.

— Благодарю вас. Так вы согласны поехать с нами в Лондон? Если вы не намерены возвращаться в Норидж, то, возможно... — голос мой

неуверенно дрогнул, — возможно, вы согласитесь остаться в моем доме и ухаживать за Мышкой. Но в любом случае решение будет за вами.

— Спасибо, сэр, — улыбнулась Лиз. — Хорошо, я поеду с вами в Лондон, а там посмотрим.

Вернувшись в свою комнату, я с трудом поборол желание снова растянуться на кровати. Меня ожидала кропотливая работа: необходимо было подготовить весьма важный документ, подробное донесение, которое предстояло направить в суд. В этом отчете следовало изложить все обстоятельства, открытые мне Питером Боуном и Майклом Воувеллом. Боун ныне был мертв, однако суд принимает в расчет показания покойных свидетелей. Что же касается Майкла Воувелла, можно было не сомневаться, что могущественные покровители оградят его от судебного преследования. Я заставил Барака и Николаса помогать мне в составлении документа, ибо каждое слово здесь приходилось подбирать с великим тщанием, постоянно вставляя, что мы находились в повстанческом лагере по принуждению, и избегая любых упоминаний о шпионской деятельности Воувелла. Наконец с работой было покончено, и я завалился спать, предоставив бедолаге Николасу снимать с донесения копии. Теперь нам оставалось лишь встретиться со вторым убийцей, Гэвином Рейнольдсом. Я рассчитывал, что бешеный нрав старика сыграет мне на руку и поможет вырвать у него признание.

Глава 82

К моему великому удивлению, рано утром нас разбудил звон церковных колоколов. Оторвав голову от подушки, я растерянно уставился на Барака и Николаса, с которыми мне пришлось делить постель.

— С чего это вдруг колокола раззвонились? Сегодня ведь пятница, разве нет?

Джек, усевшись на кровати, принялся потирать свою культяпку.

— Это колокола церкви Святого Петра Мэнкрофта, что на рыночной площади. Сегодня там состоится большой благодарственный молебен. Начнется в десять, а сейчас только восемь часов утра. Мы еще успеем навестить старика Рейнольдса.

Мы поспешно позавтракали в общем зале, наполненном офицерами армии Уорика. Прежде чем уйти, я зашел навестить Мышку. Лиз как раз пеленала девочку, и я удивился, что замаранные пеленки почти не пахнут.

— Грудное молоко не имеет дурного запаха, сэ, — улыбнулась кормилица, заметив мое недоумение.

— Я этого не знал. Впрочем, во всем, что касается грудных детей, я полный профан. Лиз, мы уходим. Надо навестить одного человека, который живет на площади Тумлэнд.

— Сэр, вы намерены двинуться в путь сегодня? — спросила она.

— Да, хотелось бы. Но это зависит от того, как у нас пойдут дела.

Я вернулся к Бараку и Николасу. Все мы вооружились ножами, Джек, по-прежнему сильно хромавший, опирался на мою палку. Мысленно я пожалел о том, что вчера караульный у ворот отобрал у Овертона меч. Впрочем, в доме Гэвина Рейнольдса, помимо самого старика, проживали лишь его жена и несколько девушек-служанок.

Утро выдалось солнечным и ясным. Стараясь не глядеть на трупы, болтавшиеся на виселице, и на отрубленные головы, выставленные перед ратушей, мы двинулись в сторону Тумлэнда. В отличие от рыночной площади, трупы здесь уже убрали, а все следы недавней бойни исчезли. Магдален-стрит, улицу, ведущую к трактиру «Девичья голова», преграждал кордон солдат. Над воротами трактира сверкал

массивный щит с гербом графа Уорика. Взгляд мой невольно устремился к церкви, где были убиты Джозефина и Эдвард.

— Куда ни посмотри, повсюду торчит этот медведь, — ухмыльнулся Барак, вероятно, для того, чтобы отвлечь меня. — Уорик демонстрирует свою силу.

— Помню, по лагерю ходили слухи, что лорд-протектор намеревался лично возглавить армию, но потом передал командование графу Уорику, — заметил Николас.

— Даже Сомерсет не настолько глуп, чтобы не понимать: возглавив армию, он забьет последний гвоздь в гроб своей репутации покровителя и защитника бедняков, — проворчал я. — Но возможно, он не отдавал себе отчета в том, до какой степени победа возвысит Уорика.

Мы подошли к запертым дверям, ведущим во внутренний двор дома Рейнольдса.

— Что ж, нам надо войти, и мы это сделаем во что бы то ни стало, — заявил я. — Если служанка не пожелает нас впустить, придется ворваться в дом силой.

Мы втроем что есть мочи принялись барабанить в дверь.

Ответа не последовало. Мы продолжали стучать. Наконец за дверью раздались шаги, и испуганный женский голос спросил:

— Что вам нужно?

— Откройте немедленно! — приказал я, стараясь говорить сурово и властно. — Мы — законники и пришли сюда по неотложному делу!

Служанка молчала.

— Если не откроете по-хорошему, мы выломаем дверь! — рявкнул Барак.

До нас донесся звук поворачиваемого в замке ключа, и дверь приоткрылась. Женщина средних лет, помертвев от страха, смотрела на наши с Николасом черные мантии и на нож, торчавший в искусственной руке Барака.

— Ваше имя? — резко бросил я.

— Лаура Джордан, сэр, — пробормотала она, сделав реверанс. — Я здешняя домоправительница. Эконома у нас сейчас нет.

— Мы должны срочно поговорить с мастером Гэвином Рейнольдсом.

— Он на верхнем этаже, вместе с хозяйкой, — дрожащим голосом сообщила женщина. — Смотрит из окна, как по улицам везут

отрубленные руки и головы мятежников.

«Занятие вполне в его характере», — усмехнулся я про себя, а вслух приказал:

— Отведите нас к нему.

Вслед за домоправительницей мы пересекли внутренний двор, вошли в особняк и поднялись по лестнице на три пролета. Двери всех комнат, мимо которых мы проходили, были плотно закрыты, за исключением одной, на верхнем этаже. Она вела в просторную комнату, как видно служившую хозяину кабинетом: там стояли письменный стол, заваленный бумагами, и несколько удобных стульев. Гэвин Рейнольдс сидел у окна, устремив взгляд на улицу. Джейн, с ног до головы одетая в черное — выделялись только белые повязки на руках, — сидела, по своему обыкновению, в дальнем, самом темном углу. Происходящего на улице она не видела, но зато слышала комментарии, которыми ее супруг сопровождал захватывающее зрелище.

— О, впереди едут верховые солдаты, вооруженные алебардами. В случае чего они мигом усмирят чернь.

С улицы доносились цоканье копыт и скрип тележных колес.

— Теперь везут трупы четвертованных негодяев! — радостно возвысил голос Рейнольдс. — Отрубленные головы сверху, и у всех разинут рот! Надеюсь, перед смертью они хорошенько помучились! — Он зашелся жутким лающим смехом. — Иди сюда, женщина, посмотри, что случилось с канальями, убившими твоего внука!

Повернувшись, старикан увидел нас, и лицо его побагровело.

— Богом клянусь, я надеялся, что все вы уже жаритесь на адских сковородках, — произнес он неожиданно спокойным тоном. — Лаура Джордан, какого черта ты впустила этих шельмецов?

— Они представились законниками, сказали, что у них к вам неотложное дело, — пролепетала домоправительница. — Грозилась выломать дверь, если я не открою.

— Вот как? А теперь я откажу тебе от места! Будешь знать, как пускать в дом всякий сброд! Убирайся!

Злополучная миссис Джордан удалилась со слезами на глазах. Джейн Рейнольдс, притаившаяся в своем углу, оставалась безмолвной как тень.

— Что вам еще от меня нужно? — процедил Гэвин, буравя нас злобным взглядом. — Я слышал, что этого подонка, моего бывшего зятя, снова заключили под стражу.

— Мастер Рейнольдс, мы пришли, дабы арестовать вас за убийство вашей дочери Эдит Болейн, — отчеканил я, глядя ему прямо в лицо.

— Вы что, тронулись умом? — взревел Рейнольдс, однако в голосе его послышалась дрожь.

Джейн резко вскинула голову и устремила на мужа взгляд, внезапно переставший быть тусклым.

— Нам известно все, что произошло с вашей дочерью. Мы знаем, что она, оставив мужа, выдала себя за сестру своей бывшей горничной Грейс Боун. В доме Грейс и ее брата миссис Болейн счастливо и спокойно прожила девять лет. Согласно показаниям Питера Боуна, этой весной нужда заставила Эдит обратиться за помощью к леди Елизавете, а когда попытка эта оказалась безуспешной, попросить денег у вас.

— О! — выдохнула Джейн так громко, что все мы обернулись к ней. Лицо пожилой дамы выражало крайнюю степень ужаса и отвращения. — Этой весной сюда пришло письмо, — едва слышно прошептала она. — Воувелл не дал мне толком взглянуть на него, но я узнала почерк Эдит. Ты твердил, Гэвин, что это глупости, но я узнала руку дочери.

Рейнольдс, тяжело опираясь на палку, сделал шаг по направлению к жене. Как я и рассчитывал, он начал выходить из себя.

— Да, твоя драгоценная доченька девять лет сожительствовала с другой распутницей! — заорал он. — Представляю, какие пакости вытворяла эта парочка, причем наверняка на глазах брата! Она — жалкая извращенка, не способная быть ни женой, ни матерью. Таким не место на земле. Эдит заслужила свой конец!

Джейн подалась назад и прижалась к стене так резко, что один из старинных фамильных портретов сорвался и упал на пол; рама разлетелась на множество кусков.

— Что ты натворила, старая карга! — заверещал Рейнольдс; похоже, он окончательно слетел с катушек и оказался во власти безумия.

— Итак, Эдит написала вам письмо с просьбой о помощи, — невозмутимо продолжал я. — Получив это письмо, вы решили убить свою дочь и подстроить все так, чтобы подозрение в убийстве пало на

бывшего зятя. В том, чтобы отправить Джона Болейна на виселицу, был заинтересован ваш давний друг сэръ Ричард Саутвелл. Все это мы узнали из показаний вашего управляющего и доверенного лица, Майкла Воувелла.

Несмотря на свое безумие, Рейнольдс не утратил проницательности.

— Воувелл не стал бы давать вам никаких показаний, — процедил он. — Зачем ему накидывать петлю на собственную шею?

— Человек, который находится на тайной государственной службе, может не опасаться за свою участь, — отчеканил я. Рейнольдс, разумеется, не знал о шпионской деятельности своего управляющего. Лицо его, только что багровое, внезапно стало бледным как полотно. — Воувелл сообщил мне, что вы намеревались закопать тело Эдит на пастбище Леонарда Вайтерингтона, причем лишь слегка присыпать землей, так чтобы его с легкостью обнаружили. Однако, придя в неистовство, вы стали глумиться над трупом и оставили его в грязи вниз головой. Возясь с телом там, на болотистом берегу, вы и повредили ногу. Таким образом, необузданная злоба поставила под угрозу ваш собственный план, — покачал я головой. — Винодность Джона Болейна ныне представлялась сомнительной, ибо с его стороны подобные издевательства над умершей явно противоречили здравому смыслу.

Я полагал, что старик вновь разразится воплями, однако он молчал, прищурился глазами. Неожиданно Гэвин ударил кулаком по стене и крикнул человеку, который находился в соседней комнате:

— Иди сюда, Барни! У нас тут занятый разговор! Этот чертов горбун намерен отправить твоего деда на виселицу! Если ему это удастся, то все семейное имущество отойдет королю, а ты будешь гол как сокол! Или тебе наплевать на это, парень? Неужели не хочешь отомстить за убитого брата?

Раздался звук открываемой двери, а затем топот шагов. В гостиную ввалился Барнабас Болейн. Его короткие волосы стояли дыбом, щеки ввалились, а светлая густая щетина почти скрыла шрам. В руке юноша сжимал остро отточенный меч, тот самый, что был с ним во время битвы при Дассиндейле. Стоило Барнабасу увидеть нас, как в его голубых глазах вспыхнул бешеный огонь, а мускулы напряглись. Заметив, что при ходьбе он слегка наклоняется влево, я вспомнил о том,

что близнецы всегда держались плечом к плечу; ныне Барнабас инстинктивно искал плечо погибшего брата.

Губы Рейнольдса расплылись в улыбке, лицо его сияло торжеством.

— Убьем этих подонков, Барни! — скомандовал он, поднимая палку. — Горбуна я возьму на себя, а ты разделайся с его прихвостнями. С одноруким много возни не будет: видишь, он к тому же еще и охромел.

Барнабас медленно обвел нас глазами. Как всегда не удостоив бабку взглядом, он уставился на деда.

— Только Джеральд мог звать меня Барни, — пробормотал он, с трудом ворочая языком.

— Что ты там несешь? — возмутился Рейнольдс.

— Только Джеральд, — медленно повторил Барнабас. — Ты... ты убил нашу мать. Нашу маму, о любви которой мы так тосковали.

— Он не только убил вашу мать! — раздался тихий голос Джейн. — Он изнасиловал ее, когда она была еще девочкой. Причем не один раз.

У парня аж челюсть отвисла.

— Женщины для того и созданы, чтобы их насиловать, болван! — дрожащим голосом заверещал Рейнольдс. — Я думал, у тебя хватает ума это понять! Вы с братом с четырнадцати лет залезали под юбки всем служанкам! — Он замахнулся на нас палкой. И вновь обратился к внуку: — Ты что, хочешь, чтобы эти каналы вздернули меня на виселицу? Тогда ты останешься ни с чем!

— Мне наплевать! — взревел Барнабас.

Выставив меч, он бросился к Рейнольдсу. Тот беспомощно вскинул палку, но Барнабас, с легкостью выбив ее из дряхлых рук, вонзил меч в тело деда с такой силой, что старик, подавшись назад, вышиб окно и вылетел из него вместе с осколками стекла. Барнабас мог бы выдернуть меч, однако не стал этого делать; теперь, когда он лишился брата, жизнь утратила для него всякую притягательность. Вслед за Гэвином он вывалился из окна; оба тела с глухим звуком ударились о мостовую. Мы с Николасом и Бараком бросились к окну. Дед и внук лежали на булыжниках площади Тумлэнд, вокруг них растекалась лужа крови и собиралась толпа зевак.

Я посмотрел на Джейн. Она не двигалась с места, бледное лицо старухи напоминало застывшую маску; точно таким же оно было, когда несколько месяцев назад я увидел ее в первый раз.

— Господи Иисусе! — выдохнул Николас.

— Теперь у нас нет живых свидетелей, — пробормотал Барак.

— Есть. — Тихий голос Джейн заставил нас резко обернуться; она сделала пару шагов. — Я слышала, как Гэвин признался в убийстве нашей дочери. Я знаю, что он погубил Эдит, да упокоит Господь ее душу. Муж превратил мою жизнь в ад, да и сам он был исчадием ада. Я не вижу причин скрывать это и готова дать показания. Если мой бывший зять невиновен, он должен получить свободу. — Джейн грустно улыбнулась, глядя на свои перевязанные руки. — Перо мне не удержать, но я в состоянии поставить под документом свою подпись.

Глава 83

Смерть Гэвина Рейнольдса и Барнабаса Болейна повлекла за собой дознание; мы должны были дать показания коронеру и в результате смогли покинуть Норидж только третьего сентября, почти три месяца спустя после того, как впервые въехали в ворота этого города. Почта вновь работала бесперебойно, и Барак сумел отправить Тамазин письмо, в котором говорилось, что он жив-здоров и вместе со мной и Николасом находился в плену в лагере повстанцев. Тщательно обдумывая каждую фразу, я написал Томасу Пэрри письмо, в котором открыл все обстоятельства убийства Эдит Болейн, но обошел молчанием ту роль, которую сыграл в этом деле сэр Ричард Саутвелл. Столь щекотливый вопрос я считал возможным обсудить с патроном исключительно при личной встрече. Мне было известно, что седьмого сентября леди Елизавете исполнится шестнадцать, и на торжественной церемонии в Хатфилде соберется множество высокопоставленных гостей.

Общение с крошечной Мышкой доставляло мне немало приятных минут. Благодаря заботам Лиз Партлетт, женщины, наделенной умелыми руками и душевной добротой, девочка чувствовала себя превосходно. Я сознавал, что человек моего возраста выглядит странно, играя с младенцем, однако не мог отказать себе в этом удовольствии. Так забавно было наблюдать, как Мышка, проворно передвигаясь на четвереньках, пытается поймать мои пальцы, которыми я стучу по полу! Время от времени я бросал на Лиз смущенные взгляды, и она неизменно отвечала мне улыбкой, понимающей и одобрительной. Всякий раз, когда Мышка начинала хныкать и лепетать что-то вроде «мама», сердце мое сжималось от боли.

Я старался выходить из трактира как можно реже, однако Барак и Николас исправно сообщали мне все последние новости. Граф Уорик продлил свое пребывание в Норидже, дабы навести в городе порядок и возглавить суды над мятежниками. По слухам, между графом и некоторыми представителями местного дворянства возникли определенные разногласия. Норфолкские джентльмены полагали, что карательные меры должны принять больший размах, подобно тому как это произошло в западных графствах. Однако, согласно политике,

которой придерживался главнокомандующий, казням должны были подвергнуться лишь главари восстания, в то время как простые его участники могли рассчитывать на снисхождение властей. В ответ на выражения недовольства со стороны чересчур кровожадных джентльменов Уорик не без сарказма напоминал, что в случае, если они отправят на виселицу всех простолюдинов, им придется самим ходить за плугом. В конце концов все споры стихли, а ежедневные казни по-прежнему продолжались.

Согласно приблизительным подсчетам, в битве при Дассиндейле погибло более трех тысяч мятежников — почти половина повстанческой армии. При этом утверждалось, что войско Уорика потеряло менее двух сотен солдат; будучи свидетелем жестокой рукопашной схватки, я не сомневался, что цифра эта изрядно занижена. В субботу, тридцать первого августа, я весь день не выходил на улицу, не желая видеть, как на рыночной площади продают пожитки, похищенные у покойников: одежду, башмаки и даже украшения, снятые с мертвых пальцев. Скорее всего, обручальное кольцо Эдит, которое я вернул Питеру Боуну, тоже оказалось среди выставленных на продажу вещей.

Джейн Рейнольдс выполнила свое обещание и дала подробные показания в присутствии нотариуса. Она поведала о том, как ее муж постоянно домогался всех работавших в доме служанок, подвергая их грубому насилию, и даже родная дочь не избежала этой печальной участи. Сидя в гостиной своего дома на площади Тумлэнд, старуха рассказывала обо всех этих ужасах ровным бесстрастным голосом, не проявив ни малейшего возбуждения даже тогда, когда речь зашла о гибели ее мужа и внука. Впалые морщинистые щеки Джейн оставались бледными, как сальная свеча. После того как она, с усилием сжав перо в распухших пальцах, подписала документ, мы с нотариусом остались наедине.

— Ни для кого в Норидже не было тайной, что брак этой несчастной женщины с Гэвином Рейнольдсом обернулся сущим кошмаром, — со вздохом сообщил он. — Люди сочувствовали Джейн, но ничем не могли ей помочь, ибо никто не имеет права вмешиваться в отношения между супругами.

Заглянув на прощание к хозяйке, я осведомился, намерена ли она и впредь оставаться в этом доме.

— Куда же мне идти? — тихо проронила миссис Рейнольдс; глаза ее наполнились слезами, и она махнула рукой, желая, чтобы я ее покинул.

Накануне отъезда, мягким осенним деньком, я пошел в замок, дабы передать в суд официальные показания: как те, что дали миссис Рейнольдс, Барак и Николас, так и свои собственные. Отправляясь туда, мне пришлось сделать над собой усилие, ибо я знал, что перед входом в замок, точно так же как и перед городской ратушей, выставлены на шестах головы казненных. Признаюсь, увидев голову Джона Майлса, я едва не лишился чувств. Вороны уже успели выклевать ему глаза, однако того, что оставалось на шесте, было вполне достаточно, чтобы его узнать. Зубы мертвеца были оскалены в зловещей ухмылке, из перерубленной шеи сочилась зловонная жидкость. Поспешно отвернувшись, я подумал о том, какая участь постигла жену и детей капитана Майлса, арестованных в Лондоне. Руки мои невольно затряслись и продолжали дрожать даже тогда, когда я, стоя перед старшим клерком, доставал из папки документы. Клерк этот, некогда добившийся увольнения Барака, смотрел на меня так, точно видел впервые. Я был уверен, что этот человек сыграл важную роль в исчезновении приказа об отсрочке казни Болейна, однако счел за благо воздержаться от вопросов. Этому вопиющему недоразумению суждено было остаться нераскрытым, ибо за ним, вне всякого сомнения, стоял сэр Ричард Саутвелл.

Передав документы, я отправился в камеру Болейна, дабы проститься с ним и Изабеллой. Джон выглядел бодрым и крепким; глубокие ссадины на его запястьях почти зажили, как, впрочем, и на моих собственных. Он вновь принялся горячо благодарить меня за все, что я для него сделал. Изабелла, которой никогда не изменяла практическая сметка, спросила, когда можно ожидать ответа на просьбу о помиловании.

— Полагаю, ответ придет в самом скором времени, как только лорд-протектор получит копии наших показаний, — заверил я ее. Полагаю, улыбка, которой я сопроводил свои слова, вышла несколько натужной, ибо перед мысленным моим взором все еще стояла страшная картина, увиденная у ворот замка. — Что вы намерены делать, когда Джон получит свободу?

— Продать Бриквелл и все прочие поместья и перебраться в столицу, — с готовностью сообщил Болейн. — Мой лондонский дом слишком велик, я избавлюсь от него и куплю что-нибудь поскромнее.

— И кому вы продадите свои земли, если не секрет? Саутвеллу?

— Кому же еще, — беспомощно пожал плечами Болейн. — Ведь у него в руках закладная на все мои имения. Если сэръ Ричард захочет соединить свои владения и расширить пастбища, мне придется ему уступить. Выплатить по закладной я не могу. Остается один выход — продать землю.

— Но Саутвелл первым делом прогонит прочь всех арендаторов, — заметил я.

— Так теперь происходит повсюду, — пробормотал Болейн, отводя глаза.

Повисло молчание, которое нарушила Изабелла:

— Вы не отказались от своего намерения удочерить осиротевшую девочку?

— Нет. Мышка и ее кормилица поедут в Лондон вместе со мной.

— Надеюсь, вскоре наступят более спокойные времена, и мы с вами будем навещать друг друга в Лондоне, — улыбнулась Изабелла, погладив себя по животу. — Даст Бог, мой ребенок благополучно появится на свет, и они с вашей малышкой станут играть вместе.

— Конечно, — кивнул я, однако, встретившись взглядом с Джоном Болейном, понял, что наша лондонская встреча вряд ли когда-нибудь состоится, ибо впредь он будет избегать любых напоминаний о трагических событиях в Норфолке. А кроме этих событий, нас ровным счетом ничего не связывало.

Мы поговорили еще какое-то время. Джон ни словом не упомянул о своих погибших сыновьях, и я догадался, что отныне это для него запретная тема. Пожелав обоим супругам всего наилучшего, я откланялся.

Пересекая внутренний двор замка, я морально готовился к кошмарному зрелищу, которое вновь предстояло увидеть у ворот. Неожиданно кто-то окликнул меня по имени. Обернувшись, я увидел Джона Фловердью, который шел навстречу. Подобно мне, он был облачен в черную адвокатскую мантию и держал в руках папку. Худое

его лицо, как и прежде, светилось самодовольством, а на тонких губах играла улыбка.

— Добрый день, сержант Фловердью, — кивнул я. — Вижу, вы сочли возможным вернуться в Норфолк. Надеюсь, ваша супруга и дети, которых вы бросили на произвол судьбы, пребывают в добром здравии?

На лицо Фловердью набежала тень.

— Благодарю вас, они здоровы, — процедил он. — Я вернулся в Норфолк всего два дня назад, но успел уже узнать множество новостей. Например, мне сообщили, что вы переметнулись на сторону мятежников и стали советником Роберта Кетта. Вам крупно повезло, что власти до сей поры не обратили особого внимания на недостойное поведение некоторых джентльменов.

— А вам крупно повезло, что вы успели удрать из Ваймондхема, — парировал я.

— Я прекрасно помню тот день. Помню, как вы сказали Кетту, что приехали, дабы забрать у меня незаконно изъятые деньги Болейна.

— Да, сказал, ибо это чистая правда. Кстати, я вернул деньги супругам Болейн, и они помогли им не умереть в тюремном заключении с голоду.

— Тем лучше для них, — ухмыльнулся Фловердью и похлопал по своей папке. — Что до меня, то я всегда сумею поймать жирную рыбешку. Вам известно, что норфолкские дворяне требуют компенсации за провизию и ценные вещи, похищенные из их поместий бунтовщиками? Они уже засыпали графа Уорика слезными прошениями. Думаю, в конце концов он пойдет им навстречу. А уж я, можете не сомневаться, использую эту ситуацию к собственной выгоде.

— Вы страшный человек, — пробормотал я.

— И вы еще смеете меня осуждать, горбатый враг разумного общественного устройства, установленного самим Господом? — расхохотался Фловердью. — Кстати, ваши закадычные друзья, Роберт Кетт и его братец, завтра будут переведены из замка в ратушу, а затем отправлены в Лондон, где предстанут перед судом. После того как обоих казнят, их имущество будет подвергнуто оценке. Мне поручено определить стоимость земель и прочей недвижимости Роберта Кетта. Как знать, может быть, часть его имущества, отойдя в казну, пойдет на то, чтобы восполнить убытки несчастных джентльменов. — Мой

собеседник издевательски ухмыльнулся. — О, это будет настоящим торжеством справедливости!

Смерив его презрительным взглядом, я отвернулся и зашагал вдоль ряда отрубленных голов; за спиной моей раздавался каркающий смех Фловердью.

На следующее утро, а оно выдалось таким же мягким и теплым, как предыдущее, мы были готовы к отъезду. Но прежде чем мы покинули город, судьба послала нам еще одну печальную встречу. Лошадей, которыми снабдил нас мастер Теобальд, привели из конюшни, и мы уже собирались вскарабкаться в седла, когда на рыночной площади появился целый отряд верховых солдат. За всадниками следовала повозка, окруженная стражниками, которые держали в руках алебарды. На телеге, со связанными за спиной руками, стоял Роберт Кетт, в простой холщовой блузе. Опухшее лицо Кетта покрывали синяки; однако его осанка, как и всегда, была исполнена достоинства: гордо вскинув подбородок, он смотрел в пространство. Проехав мимо виселицы и ряда отрубленных голов на шестах, процессия остановилась у дверей ратуши; задний борт повозки опустили, и стражники, грубо пихая узника, повели его внутрь.

— Да поможет вам Господь, капитан Кетт, — прошептала стоявшая рядом со мной Лиз.

Наконец мы выехали из Нориджа. Лиз, удобно устроившая Мышку в перевязи на груди, держалась в седле с удивившей меня ловкостью. Выяснилось, что ездить верхом ее научил покойный отец, работавший помощником кузнеца. В полном молчании мы проехали по улице Святого Стефана. На городских воротах с наружной стороны красовался столь хорошо знакомый нам герб — медведь и суковатый посох. Рядом с ними были прибиты руки и обезглавленное тело какого-то мятежника; вокруг почерневших останков с карканьем вились вороны. Мы склонили голову. Оказавшись на проезжей дороге, я бросил прощальный взгляд на Маусхолдский холм, пустынный и тихий, весь почерневший от недавнего пожара. Внезапно в ушах у меня зазвенел чистый голос Саймона Скамблера, и мне показалось, что я вновь сижу у костра, глядя на взлетающие в темное небо искры. Я вспомнил, как еще совсем недавно мальчик пел:

Моя жизнь полностью изменилась
С тех пор, как мои грешные глаза
Увидели Святую землю, столь почитаемую всеми...

И с грустью подумал: «Увы, все это стало безвозвратным
прошлым».

Глава 84

Мы прибыли в Хатфилд шестого сентября после полудня. Все вокруг дышало миром и покоем; в садах начали облетать желтые листья; павлины нарушали тишину своими гортанными голосами; сложенный из красного кирпича дворец казался особенно красивым в лучах мягкого осеннего солнца. Удивлению Лиз Партлетт не было предела, когда по пути я сообщил ей, что намерен встретиться с гофмейстером леди Елизаветы, который является моим патроном. А уж при виде Хатфилдского дворца глаза у кормилицы и вовсе полезли на лоб. Подъехав к воротам, я назвал свое имя; один из стражников отправился в караульное помещение, и вскоре навстречу нам вышел мой старый знакомый Фоуберри. Три месяца назад, в дождливый июньский день, этот здоровенный валлиец сопровождал нас из Лондона в Хатфилд; казалось, с тех пор минула целая вечность. Мне было позволено войти, а Николасу, Бараку и Лиз пришлось остаться за воротами. В глазах Фоуберри вспыхнуло недоумение, когда он увидел, что меня сопровождает женщина с младенцем на руках. Такую же реакцию вызвал у него и протез Барака. На изумленный взгляд валлийца Джек ответил дерзкой ухмылкой и помахал ему искусственной рукой. Я спешил, стряхнул с мантии дорожную пыль и вслед за Фоуберри отправился во дворец.

Томас Пэрри встретил меня в своем кабинете. Предложив мне сесть и приказав слуге принести пива, он уселся за письменный стол и уставился на меня с таким любопытством, словно перед ним был диковинный зверь, привезенный из Индии.

— Я получил ваше письмо, — изрек он спустя несколько долгих мгновений. — История, конечно, поразительная.

— Да уж, кто бы мог подумать, что события примут подобный оборот.

— Все это кажется просто невероятным, — вскинул мохнатую бровь Пэрри.

— Вы показали мое письмо леди Елизавете?

— О да.

— Надеюсь, она пребывает в добром здравии?

— Леди Елизавета здорова, хотя и несколько расстроена тем, что король, ее брат, до сих пор не соизволил прислать ей подарок ко дню рождения. Я утешаю ее тем, что презент непременно прибудет в ближайшее время. Досаду леди Елизаветы усугубляет то обстоятельство, что подарок от леди Марии она уже получила. — Пэрри вновь вскинул бровь. — Знаете, что старшая дочь Генриха отправила своей сестре? Молитвенник на латыни. — Пэрри покачал головой и засмеялся. Однако, когда он вновь повернулся ко мне, взгляд его был холоден и пронзителен. — Из вашего письма я понял, что вы побывали у леди Марии в Кеннингхолле незадолго до того, как мятеж охватил Норидж?

— Да, я был там и разговаривал с леди Марией. Она пыталась выяснить, сочувствуют ли бунтовщики традиционной религии. Я абсолютно несведущ в этом вопросе и честно сказал ей об этом. — Переведя дыхание, я добавил: — При нашей беседе присутствовал также сэр Ричард Саутвелл. Я должен сообщить вам кое-какие обстоятельства, имеющие отношение к этому человеку. Обстоятельства эти таковы, что, по моему разумению, их не следует доверять бумаге.

Пэрри кивнул, и я рассказал о том, каким образом Саутвелл связан с убийством Эдит Болейн, слесаря и его ученика. Сообщил я и о том, что сей вельможа вручил крупную сумму денег Роберту Кетту, вероятно в обмен на обещание оставить в покое владения леди Марии и его собственные.

Томас слушал меня в задумчивом молчании, время от времени потирая рукой пухлый подбородок. Когда я смолк, он тяжело вздохнул и произнес, вперив в меня пристальный взгляд:

— Мне необходимо обсудить все с леди Елизаветой. Она решит, стоит ли давать этому делу ход.

— Но разве... — начал было я и запнулся. — Ведь Саутвелл был среди тех, кто замышлял погубить ее родственника...

— Мэтью, недавно в Тайном совете произошли важные перемены, — перебил меня Пэрри. — В последнее время Англия пережила слишком много бедствий: поражение в Шотландии, эти кошмарные мятежи, новую войну с Францией. Тех, кто недоволен герцогом Сомерсетом и считает, что он не способен выполнять обязанности лорда-протектора, становится все больше. Думаю, вы сумеете догадаться, кто является главным кандидатом на его место.

— Граф Уорик?

— Никогда не сомневался в вашей проницательности. Но у Сомерсета все еще хватает сторонников. Уж не знаю, в какую сторону повернется ситуация, но в том, что всех нас ожидают новые тревоги и неприятности, можно не сомневаться. Вы, конечно, в курсе, что политика леди Елизаветы состоит в том, чтобы держаться в стороне от политических интриг. Иначе и быть не может. — Пэрри подался вперед. — Полагаю, вам также известно распоряжение покойного короля Генриха: в случае смерти или отставки кого-либо из членов Тайного совета его место должен занять Ричард Саутвелл. Не забывайте, Мэтью, после того как вы провели два месяца в лагере мятежников, да еще в качестве советника Роберта Кетта, ваша собственная безопасность висит на волоске. Вам крупно повезло, что было принято решение даровать прощение всем джентльменам, которых мятежники принудили к сотрудничеству силой, — не только в Норфолке, но и по всей стране. Члены Совета сознают, что в противном случае Англия останется без сельского дворянства. — Патрон прищурился, так и сверля меня глазами. — Впрочем, я подозреваю, что ваше сотрудничество с Кеттом было... скажем так, не только вынужденным. Зная вас, нетрудно предположить, что вы добровольно согласились участвовать в этих незаконных судилищах, ибо рассчитывали смягчить приговоры и избежать вопиющей несправедливости. Нет-нет, молчите, я не хочу ничего слышать! — махнул рукой Пэрри, заметив, что я уже открыл рот. — Но если подобные подозрения возникли у меня, то они вполне могут возникнуть и у других. Например, у Ричарда Рича, который ныне находится в Эссексе, где вершит казни над тамошними бунтовщиками. — Томас слегка нахмурился. — Кстати, мне сообщили, что вас сопровождают какой-то одорукий малый и женщина — по словам Фоуберри, явная простолюдинка, да еще и с младенцем. Кто они такие?

— Одорукий — мой бывший помощник Джек Барак. Я уже говорил вам о нем. В начале июня он приехал в Норидж, чтобы работать там на выездной сессии суда. Что касается ребенка, это дочь моей бывшей служанки, которая перебралась в Норидж, когда вышла замуж. И она, и супруг ее погибли во время уличных боев. Я решил удочерить девочку и нанял кормилицу — ту самую женщину, о которой вам рассказал Фоуберри.

— Говорите, родители девочки погибли? Без сомнения, они были мятежниками. — Пэрри подозрительно посмотрел на меня.

Однако я невозмутимо ответил ему:

— Эти люди стали жертвами жестокого убийства.

— Если вы действительно хотите усыновить ребенка, надо придумать менее подозрительную историю, — усмехнулся Томас и резко встал из-за стола. — Пойду к леди Елизавете, передам ей все то, что вы сообщили мне относительно Саутвелла. Ждите здесь.

Прошло не менее часа, прежде чем мой патрон вернулся. Предоставленный самому себе, я вспоминал о людях, с кем познакомился минувшим летом и более уже никогда не встречусь, ибо их унесла смерть. О бедном Саймоне Скамблере, которого я намеревался взять с собой в Лондон, о простодушном и добросердечном Нетти. Разве способен Пэрри, да и любой другой из моих лондонских знакомых, понять то, что понял я, проведя два месяца в повстанческом лагере? Тем не менее он, без сомнения, прав: что касается смерти родителей Мышки, тут мне следует придумать другую историю.

Когда Томас вновь вошел в кабинет, я сразу заметил, что настроение его резко улучшилось.

— Слава богу, подарок от короля наконец-то прибыл, — сообщил он. — Леди Елизавета может более не переживать на этот счет. — Испутив вздох облегчения, Пэрри сложил руки на своем круглом животе. — Что касается Саутвелла, то она предполагает передать этот вопрос на усмотрение Уильяма Сесила. В общем, решение пока еще не принято.

«Ну, если вопрос будет передан на усмотрение Сесила, его дальнейшие действия будут продиктованы исключительно соображениями политической целесообразности», — отметил я про себя.

— В ближайшее время я пошлю Сесилу полученный от вас отчет, — произнес Пэрри. — После этого положительный ответ на просьбу о помиловании можно будет считать всего лишь формальностью. Леди Елизавета желает побеседовать с вами лично, — добавил он, и во взгляде его вновь вспыхнули беспокойные огоньки. — Сейчас Бланш Харри отведет вас к ней. Прошу вас, Мэтью, будьте

осмотрительны. И не советую вам упоминать о своем намерении усыновить ребенка убитых мятежников.

В дверь постучали, и в комнату вошла миссис Харри. Лицо ее, как всегда, хранило непроницаемое выражение.

— Сержант Шардлейк, следуйте за мной, — произнесла она, присев в неглубоком реверансе.

Как и в прошлый раз, леди Елизавета приняла меня в своем кабинете. Когда я вошел, она что-то писала, сидя за столом. Как видно, в связи с приближающимся днем рождения Елизавета сменила строгое черное платье на ярко-красное, с разрезными рукавами и золотистыми вставками. Сейчас вид у младшей дочери Генриха был более здоровый и цветущий, чем в июне, щеки у нее порозовели и слегка округлились. Сообщив о моем приходе, миссис Харри вознамерилась было встать за спиной своей госпожи, однако та проронила:

— Оставьте нас, Бланш. Я хочу поговорить с адвокатом Шардлейком наедине.

Бланш недовольно поджала губы, однако пробормотала:

— Как вам будет угодно, миледи.

Шурша юбками, она вышла прочь. Елизавета отложила перо и тщательно присыпала бумагу песком; лишь после этого она удостоила меня взглядом и слегка улыбнулась. Я замер в глубоком поклоне.

— Я перевожу Вергилия, с латыни на французский, — сообщила леди Елизавета. — Весьма увлекательное занятие. Садитесь! — Она указала на стул. Глаза ее, как всегда, были внимательны и серьезны. — Вы очень похудели, сэр.

— Мне довелось пережить трудные времена, миледи.

— Я прочла ваше письмо и знаю обо всем, что с вами случилось. Итак, Джон Болейн вскорости будет освобожден. Наконец-то. — В последнем ее слове сквозил легкий сарказм.

— Надеюсь, миледи.

— Какого вы о нем мнения?

— Самый заурядный сельский джентльмен, который стал жертвой заговорщиков, желающих завладеть его землями, — ответил я после недолгого замешательства.

— Если я не ошибаюсь, в вашем голосе слышались нотки презрения, когда вы назвали его заурядным? — склонив голову,

уточнила Елизавета. — Что ж, ваше собственное поведение заурядным отнюдь не назовешь. — Тон ее внезапно стал суровым и резким. — Мне сообщили, что в течение двух месяцев вы находились в лагере бунтовщиков и, более того, являлись советником их главаря. Это правда?

— Миледи, повстанцы захватили меня в плен. Да, я помогал капитану Кетту проводить суды, но делал все от меня зависящее, чтобы они были законными и справедливыми.

— Значит, вы помогали мятежнику вершить суды! — гневно возвысила голос моя собеседница. — Да кто такой этот самый Кетт, чтобы судить людей, стоящих неизмеримо выше, чем он? — Она сердито отбросила за спину прядь длинных рыжих волос.

— Миледи, все это осталось в прошлом, — осмелился напомнить я.

— В прошлом? Вы говорите, что все осталось в прошлом?! Нет, мастер Шардлейк, вы сами прекрасно знаете, что это дело еще не закончено. Вы собрали сведения, порочащие сэра Ричарда Саутвелла, и хотите, чтобы я приняла соответствующие меры. Возможно, я передам ваше донесение Уильяму Сесилу. — Леди Елизавета подалась вперед, взгляд ее карих глаз встретился с моим. — Этому человеку я могу доверять всецело. Не сомневаюсь, решение, которое Сесил примет, ни в коей мере не поставит под угрозу мои собственные интересы. Скорее всего, он сочтет разумным не давать хода вашим обвинениям против Саутвелла.

— Миледи, но ведь несколько человек были убиты... — растерянно пробормотал я. — И сейчас надо решить, хотим ли мы, чтобы справедливость восторжествовала. Прежде мы с вами не раз говорили о таких вещах, и мне казалось, что мы согласны во взглядах и оба считаем, что справедливости заслуживает абсолютно каждый.

Леди Елизавета ударила кулаком по столу с такой силой, что я невольно подскочил.

— Господи Иисусе! — Голос ее возвысился до крика. — Вижу, что, пожив среди мятежников, этих подлых псов, вы научились у них дерзости, сэр! Вы законник, а значит, лучше других должны знать, что зачастую справедливость — всего лишь смиренная служанка политики. Ваша первейшая и главнейшая обязанность — защищать мои интересы! Вместо этого вы все лето торчите в лагере бунтовщиков,

грязных отбросов нашего общества! Когда вы помогали Роберту Кетту вершить так называемое правосудие в соответствии с его чудовищными представлениями, вы хоть думали о том, какие последствия это будет иметь для меня?

Негодование, охватившее меня, неожиданно вырвалось наружу.

— А вы не задавались вопросом, миледи, почему эти люди вообще подняли бунт? — выпалил я, глядя собеседнице прямо в глаза. — Да потому, что у них не было выбора! Несправедливость и беззаконие, творимые алчными помещиками и продажными королевскими чиновниками, довели их до отчаяния! — Осознав, что зашел далеко, слишком далеко, я добавил уже совсем другим тоном: — Поверьте, я всегда думал о том, чтобы не причинить вам вреда каким-либо неосторожным словом или поступком.

Глаза леди Елизаветы метали молнии; на щеках, обычно бледных, проступили красные пятна; пальцы были сжаты в кулаки.

— Ну и ну, я просто ушам своим не верю! — возопила она. — Вы осмеливаетесь здесь, передо мной, защищать изменников и предателей?! А я-то всегда выделяла вас из волчьей стаи, которая меня окружает, и считала человеком, достойным доверия! Видит бог, я щедро платила вам за службу. Кто бы мог подумать, что вы поведете себя столь низко и проявите неблагодарность! — С горящим лицом она поднялась и заорала во весь голос: — Довольно! Не желаю вас слушать, жалкий приспешник бунтовщиков! Убирайтесь прочь! Я более не нуждаюсь в ваших услугах! Прочь! — Тут леди Елизавета схватила стоявшую на столе чернильницу и запустила ею в меня. — Пошел вон! — снова рывкнула она.

Отвесив неуклюжий поклон, я бросился к дверям и выскочил в коридор. Оказавшись там, я в изнеможении прислонился к стене. Несколько минут я стоял, тяжело переводя дух, и тер себе лоб, не замечая, что размазываю по нему чернила, забрызгавшие мои руки. Тут подоспели Пэрри и Бланш, — вне всякого сомнения, миссис Харри позвала Томаса, услышав, что леди Елизавета устроила мне разнос. Из-за закрытых дверей неожиданно донеслись рыдания: Елизавета плакала, громко и отчаянно всхлипывая. Бланш, метнув в меня уничтожающий взгляд, отправилась утешать свою госпожу.

К моему великому удивлению, Пэрри понимающе улыбнулся.

— Как я догадываюсь, она запустила в вас чернильницей? — осведомился он.

— Да. Я... я позволил себе лишнее. Леди Елизавета прогнала меня прочь и заявила, что более не нуждается в моих услугах.

— Вам повезло, что ей под руку не попало пресс-папье, — усмехнулся мой патрон. — Если она ограничилась чернильницей, значит впоследствии пожалеет о своей вспышке. Пройдет несколько месяцев, и она прикажет за вами послать. Можете не сомневаться, я хорошо ее знаю.

— Не уверен, что пожелаю вновь служить леди Елизавете, — пожал я плечами. — Она даже не соизволила поблагодарить меня за то, что я спас ее родственника от виселицы.

— Тем не менее просьбе о помиловании все же пришлось дать ход, и это вызвало ее недовольство, — пояснил Томас. — Вы же понимаете, подобные прошения могут иметь нежелательные последствия.

— Понимаю. А еще я понимаю, что мне вряд ли стоит возвращаться сюда.

— Вы чересчур обидчивы, сержант Шардлейк, — покачал головой Пэрри. — Сейчас, после того как вы запятнали себя сотрудничеством с бунтовщиками, вам особенно необходим могущественный покровитель. И хотя леди Елизавета заявила, что более вам не доверяет, уверен, она покривила душой. Людей, которых она удостоивает доверия, не много, и вы по-прежнему принадлежите к их числу. Поразмыслите об этом на досуге. А сейчас идемте, попытаемся смыть с вас чернила. У меня имеется изрядный опыт по этой части, ибо мне самому множество раз приходилось служить мишенью для чернильницы.

Глава 85

Восьмого сентября, вскоре после полудня, мы наконец-то добрались до Лондона. На протяжении всего пути я пребывал в самом мрачном расположении духа; сердце мое по-прежнему точила обида на леди Елизавету. Попытки Барака и Николаса узнать, что произошло в Хатфилде, остались безрезультатными, ибо в ответ на любые вопросы я требовал оставить меня в покое. Несмотря на все усилия мастера Пэрри, полностью смыть чернильные пятна с моих рук и мантии не удалось. Лиз Партлетт тоже погрузилась в унылое молчание, — по всей вероятности, мысли о предстоящей жизни в Лондоне внушали ей беспокойство.

У городских ворот нас встретило печально знакомое зрелище: гниющие головы, руки и ноги, торчавшие на шестах. То были останки мятежников из Эссекса и Кента либо каких-то других ближних графств.

Все мы устали, в особенности я; многострадальная моя спина буквально раскалывалась от боли. Когда мы ехали по Чипсайду, Николас повернулся к Лиз:

— Скоро приедем. У мастера Шардлейка просторный дом на Канцлер-лейн. Его слуги — очень славные люди. Наверняка они вам понравятся.

Я с нежностью взглянул на Мышку, которая сладко спала, посасывая пальчик. И сказал:

— Девочка будет жить в доме, где некогда жила ее мать. Но прежде чем отправиться домой, я должен нанести один визит. По пути загляну к своему старому другу Гаю. Он давно хворает, и мне не терпится узнать, жив ли он.

Покинув Чипсайд, мы проехали по узким улочкам аптекарского квартала. Увидав Темзу, Лиз, похоже, была потрясена шириной и мощностью реки. В аптеке Гая царил тишина. С помощью Николаса я спешился и постучал. Раздались шаркающие шаги, и Фрэнсис Сибрант, давний помощник доктора Малтона, отворил дверь. Увидев нас, он радостно завопил:

— Мастер Шардлейк! Мастер Овертон! Джек Барак! Слава богу, вы все живы и здоровы! А мы-то боялись, что вы погибли от рук этих

негодных мятежников! Правда, два дня назад Тамазин получила от мужа письмо, и мы немного успокоились.

Тут Фрэнсис заметил Лиз с привязанной на груди Мышкой, и у него от изумления аж челюсть отвисла. Вскинув бровь, Сибрант устремил вопросительный взгляд на Барака. Лиз зарделась от смущения.

— Это ребенок Джозефины, моей бывшей служанки, — поспешно объяснил я. — Увы, она и ее муж погибли. Миссис Партлетт любезно согласилась быть кормилицей девочки. Фрэнсис, умоляю, скажите скорей, как себя чувствует доктор Малтон?

— Немного лучше, но по-прежнему очень слаб, — со вздохом сообщил Сибрант. — Он не принимает больных, и не думаю, что когда-нибудь сможет принимать их вновь.

— Слава богу, он жив.

— Да, слава богу. — Оглянувшись на дом, Фрэнсис пробормотал, понизив голос: — Сейчас здесь миссис Тамазин. Этим летом она частенько у нас бывала. Бедняжка вся извелась...

— Где она? — перебил его Барак, соскочив с лошади.

— На кухне...

Джек, припадая на раненую ногу, вбежал в дом и распахнул кухонную дверь. Мелькнуло лицо Тамми, сначала изумленное, потом просиявшее от радости. Барак сжал жену в объятиях, повернулся и закрыл дверь.

Николас помог спешиться Лиз.

— Все это время вы провели в Норфолке, сэр? — обратился ко мне Фрэнсис.

— Да, — устало кивнул я. — Это долгая история.

— Доктор Малтон будет счастлив вас увидеть. Он наверху, в своей спальне. Большую часть времени больной сейчас проводит, сидя в кресле за чтением. Но он уже может ходить, опираясь на палку, и порой даже выходит на улицу, хотя подобные прогулки для него и утомительны.

Вслед за Сибрантом мы с Николасом прошли в узкий коридор. Лиз неуверенно переминалась с ноги на ногу, пока Фрэнсис не предложил ей и Николасу подождать меня в гостиной.

Мой старый друг и в самом деле сидел в кресле. Он был по-прежнему бледен, но выглядел несколько бодрее, чем три месяца тому

назад. Увидев меня, он изумленно вытаращил глаза и, испустив радостный возглас, поднялся и сжал меня в объятиях.

— Мэтью, хвала небесам, ты наконец-то вернулся! Господи, я уже не надеялся тебя увидеть! Из письма доктора Белайса я узнал, что ты повредил спину, а потом — ни одной весточки в течение нескольких недель, до тех пор пока Тамазин не получила письмо от Джека. Зная, что весь Норфолк в руках бунтовщиков, я воображал себе самое страшное, — произнес он дрогнувшим голосом.

Усадив Гая в кресло, я вкратце рассказал ему о том, что произошло с нами за эти месяцы. Мой друг слушал, не проронив ни слова; когда я закончил, он откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул.

— Мы здесь, в Лондоне, знали, что чуть ли не вся страна охвачена мятежами, — сообщил Малтон. — Нам говорили, что бунтовщики намерены уничтожить власть короля и отдать все земли в общинное пользование — так, как пытались сделать крестьяне в Германии двадцать лет назад.

— Все это ложь, Гай. Эти люди всего лишь хотели вернуть общинные земли, незаконно превращенные в пастбища, и прекратить произвол, творимый продажными чиновниками. Лорд-протектор Сомерсет обещал провести в стране реформы, и они приняли его слова за чистую монету. Ждали, что со дня на день прибудет учрежденная правительством Комиссия по огораживанию и наведет в деревне порядок. Но, увы, вместо комиссии Сомерсет послал в Норфолк армию — сначала одну, а потом вторую.

— По слухам, мятежники восставали против богослужения на английском языке и ратовали за возвращение традиционной мессы по латинскому обряду.

— Только не в Норфолке. Конечно, среди повстанцев встречались католики, но убежденных протестантов было намного больше. Мало того, главари восстания всячески подчеркивали, что выступают за религиозные реформы, рассчитывая таким образом заручиться поддержкой Сомерсета. Как видишь, надежды их не оправдались.

— По слухам, в Тайберне каждый день устраивают казни и около всех городских ворот выставлены на шестах отрубленные головы, — вздохнул Гай. — Остается только радоваться, что я почти не выхожу на улицу и не вижу всего этого. Ты знаешь, я всегда был противником жестокости.

— Хорошо, что ты не видел того, что творится в Норидже. Головы казненных повстанцев выставлены там повсюду. А в битве при Дассиндейле погибло несколько тысяч человек.

— Да упокоит Господь их души! — воскликнул мой друг. И, помолчав немного, спросил вполголоса: — Ты ведь сочувствуешь этим людям, верно, Мэтью?

— Верно, Гай. Я не смог скрыть этого даже в разговоре с леди Елизаветой, чем навлек на себя ее гнев.

Малтон вновь погрузился в молчание.

— Как твое здоровье? — осведомился я.

— Немного лучше, — пожал он плечами. — Думаю, вряд ли стоит рассчитывать, что старик вроде меня полностью поправится, но какое-то время я еще протяну. Знаешь, что расстраивает меня сильнее всего? Я так и не смог определить, какая именно болезнь меня точит. Такому неумехе нельзя доверять лечить других людей.

— О, надеюсь, ты все же вернешься к медицинской практике! — воскликнул я. — Кстати, со мной грудной младенец, дочь покойной Джозефины. — Я рассказал ему о печальной участи, постигшей родителей девочки, и о своем намерении усыновить ребенка. — Я надеялся, ты осмотришь малышку и удостоверишься, что она здорова.

— Уж конечно, я не откажусь осмотреть дочь Джозефины, — улыбнулся Гай. — Скажи кормилице, пусть принесет ее сюда.

Я спустился в гостиную и попросил Лиз отнести Мышку наверх, а сам присел на диван рядом с Николасом.

— Как себя чувствует Гай? — спросил он.

— Немного лучше. Но я боюсь, что он слишком много времени проводит в комнате, без свежего воздуха и движения.

— Вышло очень неловко, что здесь Тамазин, — в некотором замешательстве пробормотал Николас.

— Да, она меня не жалуется. Но слава богу, они с Джеком, похоже, забыли про прежние размолвки. — (Дверь, ведущая в кухню, по-прежнему была плотно закрыта.) — А ты рад, что вернулся в Лондон? — спросил я, пристально глядя на Овертона.

Он задумчиво почесал голову:

— Пока и сам не знаю.

— Я тоже. Тем не менее в ближайшее время я собираюсь приступить к работе. А ты?

— Как же иначе? — улыбнулся он.

— А мисс Кензи ты намерен навестить?

— Полагаю, мне стоит вежливо дать ей понять, что между нами все кончено. Не думаю, что это ее сильно расстроит, — грустно усмехнулся Николас. — Теперь я точно знаю: мы с Беатрис не подходим друг другу.

Я понимающе кивнул и выглянул в коридор. Из-за плотно закрытой двери в кухню доносились приглушенные голоса.

Любопытно, о каких именно из наших приключений Барак счел возможным рассказать Тамазин, подумал я. Наверняка у него хватит ума не признаваться в том, что он сражался на стороне повстанцев. Но так или иначе, длительная разлука, вероятно, помогла супругам понять, как сильно оба нужны друг другу. Не желая им мешать, я тихонько вернулся в гостиную.

Несколько минут спустя в комнату заглянул Фрэнсис и попросил меня подняться к Гаю. Николас последовал за мной. Когда мы вошли, Мышка, сидевшая на руках у доктора, потянулась ко мне и радостно засмеялась.

— Прекрасный, абсолютно здоровый ребенок, — сообщил доктор Малтон. — А кормилица заслуживает полного доверия и, полагаю, впоследствии даст согласие стать няней девочки.

— Очень на это надеюсь, — сказал я, с улыбкой глядя на Лиз.

— Конечно, сэр, — тихо ответила она. — Я вам очень признательна.

На лестнице раздались шаги, и в дверях появились Барак и Тамазин, державшие друг друга за руки. На лице жены Джека добавилось морщин, однако глаза ее лучились счастьем. При виде Лиз и Мышки она расплылась в улыбке. Прядь белокурых волос, выбившаяся из-под чепца Тамазин, была в точности такого же оттенка, что и волосики Мышки.

— Так вот она, дочь бедной Джозефины! — проворковала Тамми. — До чего же милая кроха!

Она подошла к Мышке и погладила ее по голове.

— К счастью, девочка совершенно здорова, — вставил Гай. — Благодаря заботам мастера Шардлейка и этой доброй женщины, которая согласилась стать кормилицей.

Тамазин повернулась ко мне. Впервые за последние три года голос ее звучал приветливо и дружелюбно:

— Джек говорил, вы хотите ее удочерить?

— Да.

— У нас осталась кое-какая детская одежонка, из которой выросли Джордж и Тильда, — выпалила Тамми. — Надо будет прислать ее вам. Джек рассказал мне, как мятежники захватили вас в плен и принудили работать на них. Говорит, кабы не вы, ему пришел бы конец.

Барак, стоявший за спиной жены, подмигнул мне с видом заговорщика. Я ощутил легкий укор совести: на самом деле, если бы в начале июля Джек не поехал со мной в Ваймондхем, он бы уже давным-давно вернулся домой. Впрочем, вряд ли, тут же возразил я себе. Учитывая его тогдашние настроения, мой друг в любом случае присоединился бы к повстанцам.

— Тамазин, я понимаю, почему все эти годы ты не желала со мной разговаривать, — мягко произнес я. — Любая женщина на твоём месте прониклась бы неприязнью к человеку, по вине которого ее муж получил увечье. Но если ты готова меня простить и мы вновь станем друзьями, я буду просто счастлив!

Тамми устремила на меня взгляд своих васильковых глаз.

— Я тоже хочу, чтобы мы снова стали друзьями, — судорожно сглотнув, кивнула она. — Когда боишься потерять человека навсегда, начинаешь понимать, как много он для тебя значил.

Она сделала шаг ко мне, и мы сжали друг друга в объятиях. Лицо Гая просияло от счастья.

Лиз, которую эта сцена привела в полное недоумение, растерянно пробормотала:

— Простите, но мне придется вас оставить. Настало время кормить Мышку.

Глава 86

Серебряная посуда сверкала в свете восковых свечей. В доме моего друга Филиппа Коулсвина вновь был устроен званый ужин. Посреди стола, в окружении ваз с овощами и фруктами — плодами нынешнего скудного урожая, — красовалось блюдо жареных куропаток. В отличие от того июньского вечера, когда я был в этом доме в прошлый раз, сегодня ставни были плотно опущены, ибо за окнами стояла осенняя темнота. Октябрь уже близился к концу, с того дня, как мы вернулись в Лондон, миновало полтора месяца.

В гостиной собралось в точности то же самое общество, что и в предыдущий раз: сам Филипп, его жена Этельреда и его престарелая матушка; наш коллега-барристер Эдвард Кензи, его чванливая супруга Лаура и их дочь Беатрис; и наконец, мы с Николасом.

Надо признать, ужин был устроен с одной-единственной целью — свести вместе Николаса и Беатрис. Неделю назад Филипп заглянул ко мне в контору, где я пытался разобраться со старыми делами, одновременно размышляя, где бы найти новые, ибо поток земельных актов, поступавший от леди Елизаветы, после нашей размолвки внезапно прервался. Я уже подумывал попросить у Барака, имевшего множество связей и знакомых, подыскать мне новых клиентов. Теперь, когда мы с Тамазин помирились, я мог обратиться к нему открыто, не таясь.

Филипп выглядел обеспокоенным; впрочем, в ту пору тревогу испытывали многие. Борьба за власть между лордом-протектором Сомерсетом и графом Уориком достигла наивысшего накала и угрожала перерасти в вооруженное столкновение; в конце концов Сомерсет был вынужден оставить свой пост. Однако Коулсвин, как выяснилось, навестил меня не для того, чтобы говорить о политике. Предметом нашей беседы стали отношения Николаса и Беатрис.

— Простите, что отрываю вас от работы, Мэтью, — произнес Филипп, смущенно поглаживая свою длинную ухоженную бороду. — Но Эдвард Кензи попросил меня поговорить с вами. По его словам, с тех пор как вы с молодым Овертоном вернулись в Лондон, жена буквально плешь ему проела. Кстати, вы виделись с Кензи после возвращения?

— Нет, я почти не выхожу из конторы. Работаю как проклятый, стараюсь наверстать упущенное, — ответил я. И мысленно добавил: «А еще пытаюсь забыть пережитое».

— Насколько я понял, супруга и дочь Кензи весьма озабочены тем, что Николас исчез с их горизонта, — со вздохом сообщил Филипп. — Беатрис Кензи послала ему письмо с просьбой рассказать о том, что с ним случилось этим летом, но Овертон не ответил. Эдвард полагает, и я вынужден с ним согласиться, что поведение Николаса... э-э-э... никак нельзя назвать вежливым, — проямлил Филипп, явно испытывая неловкость. — Учитывая, что прежде ваш помощник проявлял к девушке столь несомненный интерес, он мог бы быть с нею любезнее. В общем, Кензи попросил меня устроить званый ужин, где эта парочка сможет наконец встретиться, — завершил Коулсвин свою тираду.

— Вы правы, Николас повел себя не лучшим образом, — согласился я, потирая подбородок. — В оправдание Овертона могу только сказать, что я загрузил его работой по самые уши. К тому же он до сих пор не может прийти в себя после злоключений в Норфолке. Кстати, насколько я могу судить, до отъезда он был увлечен Беатрис куда сильнее, чем она им.

— Ну, как известно, разлука служит хорошей проверкой чувствам, — усмехнулся Филипп. — И не забывайте, что у Беатрис есть матушка, которая питала определенные надежды насчет Николаса. А она не из тех, кто упустит свое.

— Должен вас предупредить, за эти месяцы Николас сильно изменился, — заметил я. — Он постоянно пребывает в меланхолии.

— Как и его патрон, — изрек Коулсвин, пристально глядя на меня. — Все вокруг замечают, что вы похудели и ходите с потеряннным видом.

— Поверьте, этим летом мы насмотрелись всяких ужасов. И Овертона все это потрясло даже сильнее, чем меня. Говоря откровенно, я полагаю, что он охладел к Беатрис. Но я согласен: девушка имеет полное право знать, каковы его намерения. Когда вы думаете устроить ужин, Филипп?

— Двадцать первого октября. Этот день удобен для нас всех.

— Непременно поговорю с Николасом.

— Буду вам очень благодарен.

— Вам не за что меня благодарить. Напротив, это я вам очень признателен. В последнее время было столько жарких споров вокруг церковных реформ, что собрать за столом сторонников разных религиозных взглядов — довольно смелый шаг с вашей стороны.

— Уверен, на этот раз споры будут вестись не о церковных реформах, а о столкновении протектора Сомерсета и графа Уорика. По моему разумению, лорд-протектор был причиной множества бед и то, что он оставил свой пост, пойдет Англии во благо.

— У вас есть какие-нибудь новости?

— Сегодня утром Сомерсет заключен в Тауэр. Уорик одержал победу. — Филипп покачал головой. — Он суровый и жесткий политик. Беднякам теперь, несомненно, придется еще труднее. Но это все-таки лучше, чем гражданская война, которую предсказывали многие.

— Надо признать, беднякам жилось трудно и при Сомерсете, который обманывал их пустыми посулами. По слухам, кары, которые он обрушил на повстанцев, унесли жизни одиннадцати тысяч человек.

— Не припомню другого такого тяжелого года, как нынешний, — вздохнул Коулсвин.

— Я тоже.

Расставшись с Филиппом, я подошел к окну и уставился на мощный булыжниками двор Линкольнс-Инн, ныне сплошь усыпанный осенними листьями. На память мне пришла встреча с графом Уориком после битвы при Дассиндейле. Да, он знал, что говорил, когда заявил, что Англии предстоит еще немало тревог и испытаний. Уже в сентябре по Лондону поползли слухи о том, что большинство членов Тайного совета считают необходимым произвести в правительстве перемены. В начале октября протектор Сомерсет издал воззвание, в котором сообщал о своем намерении превратить Хэмптон-Корт, куда он перевез юного короля, в вооруженную крепость, и призвал своих подданных выступить на его защиту. Около шести тысяч человек, в большинстве своем лондонские бедняки, откликнулись на призыв Сомерсета; как это ни удивительно, даже после битвы при Дассиндейле он продолжал пользоваться репутацией друга и защитника простых людей. Впрочем, сторонники протектора были плохо вооружены и не имели никакого военного опыта; меж тем лорд Расселл и лорд Герберт, командиры армий, брошенных против бунтовщиков западных графств, объявили себя приверженцами графа Уорика.

Сомерсет перевез короля Эдуарда в Виндзорский дворец, но девятого октября, осознав, что обречен, сдался на милость победителей. Протекторат был упразднен, вся полнота власти возвращена Тайному совету; можно было не сомневаться, что теперь его возглавит граф Уорик. Несколько дней спустя я своими глазами видел, как юный король Эдуард верхом проехал по городу, благосклонно кивая в ответ на приветственные крики толпы. Бедный мальчик стал пешкой в жестокой политической игре. В последнее время он заметно вытянулся и окреп, но на лице его лежала неизгладимая печать недавно пережитого страха.

Понимая, что щекотливый разговор с Николасом неизбежен, я отправился к нему. Теперь у него была собственная контора; когда я вошел, он сидел за столом, погружившись в чтение какого-то документа. Выглядел Овертон неважно: рыжие волосы спутаны, под глазами залегли темные круги, щеки ввалились, и от этого нос казался еще длиннее. Я рассказал ему о визите Филиппа.

— Он прав, я действительно вел себя как последний невежа, — пробормотал Николас, отложив бумагу. — Но у меня нет ни малейшего желания объясняться с Беатрис. Мы с ней не подходим друг другу. Хотел бы я знать: существует ли в этом мире женщина, которая мне подходит?

— Уверен, что существует. Просто ты пока еще не встретил ее.

— Знаете, я все время думаю о своих родителях. О том, как они лишили меня наследства всего лишь за отказ жениться на девушке, которую я не любил и которая не любила меня.

— Спору нет, они поступили жестоко. Но, Николас, с тех пор прошло три года.

— Все, что у меня есть, — это звание джентльмена, образование и манеры, — процедил он, поднимаясь из-за стола. — Однако джентльмен, у которого нет ни земли, ни денег, — это ходячее недоразумение, — грустно улыбнулся Овертон. — Так кто же я на самом деле?

— Прежде всего ты — хороший законник, — заявил я, положив руку ему на плечо. — И этого вполне достаточно, чтобы обеспечить достойную жизнь себе самому и своей будущей семье. Я понимаю, воспоминания не дают тебе покоя. Но пройдет время, они поблекнут и перестанут терзать тебе душу. Что же касается Беатрис, этот узел

необходимо развязать, причем постараться сделать все как можно деликатнее.

— Спасибо за участие, — выдохнул Николас, сжимая мою руку.

— И сделай милость, приведи себя в божеский вид, — улыбнулся я. — Сегодня же побывай у цирюльника, подстригись и побрейся.

Филипп намеренно подстроил так, что Николас и Беатрис оказались за столом друг против друга. Во главе стола восседал хозяин дома, на противоположном конце — его супруга Этельреда. Мне досталось место между Беатрис и ее матушкой. Старая миссис Коулсвин и Эдвард Кензи расположились напротив меня.

Ужин начался спокойно, все разговоры вертелись вокруг угощения, вызвавшего бесчисленные похвалы в адрес хозяйки. Беатрис и Николас хранили молчание, девушка воздерживалась от каких-либо вопросов. Наконец Ник проронил:

— Я весьма сожалею, что не смог ответить на ваше письмо, Беатрис. Увы, этому препятствовало множество обстоятельств.

— Но прошло уже больше месяца с тех пор, как вы вернулись в Лондон!

— Я весьма сожалею, — повторил Овертон.

Старая Маргарет Коулсвин, в глухом черном платье и старомодном чепце, разумеется, не имела ни малейшего понятия о том, с какой целью был устроен этот званый ужин. Повернувшись к Беатрис, она изрекла:

— Вам не следует упрекать мастера Николаса, дитя мое. Страшно подумать, какие ужасы он пережил, оказавшись в плену у бунтовщиков, этих мерзких безбожников. Посмотрите: бедняга буквально превратился в собственную тень.

Беатрис сочла за благо промолчать.

Мысленно я отметил, что, несмотря на разницу в общественном положении, старая миссис Коулсвин удивительно напоминает тетку Скамблера. Будучи в Норидже, я отказался от каких-либо попыток отыскать эту пожилую даму и рассказать о печальной участи, постигшей ее племянника. Вне всякого сомнения, она заявила бы, что негодник, дерзнувший показать голую задницу королевскому посланнику, получил по заслугам. Стоило мне вспомнить о Саймоне, как я ощутил, что не в состоянии держать язык за зубами.

— Норфолкские повстанцы вовсе не были безбожниками, — заявил я. — В лагере постоянно проходили богослужения.

Старуха обожгла меня негодующим взглядом:

— Эти службы не были угодны Господу, ибо бунтовщики нарушили завет нашего Спасителя, который гласит: «Кесарю кесарево, а Богу Богово». Неужели вы заступаетесь за предателей и изменников, мастер Шардлейк?

Бросив на меня предостерегающий взгляд, Эдвард Кензи наклонился к своей соседке. И поинтересовался:

— Вам известно, сколько слов содержится в Священном Писании, любезная миссис Коулсвин?

— Неужели кто-то их подсчитал? — спросила озадаченная старуха.

— Представьте себе, да. Так вот, в Библии более семисот восьмидесяти тысяч слов, и многие фразы противоречат друг другу, или же смысл их так туманен, что нуждается в богословском толковании. К несчастью, в наше время у людей вошло в обыкновение выдергивать из Священного Писания лишь те утверждения, которые служат их целям.

— Почтенный мастер Кальвин — великий богослов, — прошамкала старуха. — И он утверждает, что, согласно христианскому учению, бедных следует держать в жесткой узде.

— Ах, мастер Кальвин, — вздохнул Кензи. — В последнее время он обрел громкую славу.

— Уж конечно, он знает Библию лучше, чем ваши паписты, — заявила миссис Коулсвин.

— Матушка, довольно спорить, — остановил ее Филипп. — Давайте вкушать хлеб наш насущный в мире и согласии.

Старуха недовольно поджала губы и склонилась над тарелкой, бормоча себе под нос, что еретиков напрасно перестали сжигать на кострах.

— Ходят слухи, что младший сын графа Уорика, Роберт Дадли, намерен вступить в брак с одной из благородных норфолкских девиц, мисс Эми Робсарт, — прощebetала Лаура Кензи, решившая направить разговор в русло светских сплетен. — После того как его отец разгромил бунтовщиков, Роберт познакомился с этой особой в имении ее родителей.

— Тому, кто женится в юные годы, впоследствии приходится об этом горько пожалеть, — проворчал ее супруг.

— Но мы с тобой поженились, когда были совсем молоды!

— Наш брак — это редкое исключение, дорогая, — с непроницаемым лицом изрек Эдвард. — Вам известно, мастер Шардлейк, что у сэра Ричарда Саутвелла сейчас неприятности? — повернулся он ко мне.

— Нет, неизвестно. Все, что я знаю: после низложения протектора Сомерсета он стал членом Тайного совета.

— Представьте, ныне его обвиняют в том, что он передал весьма значительную сумму — пятьсот фунтов, если не ошибаюсь, — главарям бунтовщиков. Вы ничего об этом не слышали, когда находились в норфолкском лагере?

— Ровным счетом ничего, — соврал я, чувствуя, что сердце мое бьется где-то в горле.

Итак, леди Елизавета все-таки передала факты, свидетельствующие о преступлениях Саутвелла, Уильяму Сесилу, и он дал им ход.

— А как обстоят дела у того норфолкского дворянина, которого обвинили в убийстве жены? — осведомился Филипп. — Насколько я помню, вам с Николасом удалось доказать его невиновность.

— Да, и в конце сентября король дал согласие его помиловать.

— По крайней мере, ваша поездка в Норидж принесла благой результат, — проронила Беатрис, пристально глядя на Николаса.

— Надеюсь, вы правы, — ответил он и вновь погрузился в молчание.

— Как поживает маленькая девочка, которую вы привезли из Нориджа, Мэтью? — спросил Филипп, в чью обязанность как хозяина входило поддерживать светскую беседу.

— Она здорова и весела благодаря заботам своей няни. Я уже направил в суд просьбу об усыновлении.

— Надеюсь, разговоры о том, что это дочь вашей бывшей служанки, — не более чем пустые слухи? — с нескрываемым неодобрением спросила Лаура.

— Эта девочка — сирота, миссис Кензи, — отчеканил я, глядя ей прямо в глаза. — Она осталась совершенно одна в этом жестоком и беспощадном мире.

— Что ж, не сомневаюсь, вы дадите ей превосходное воспитание. Как знать, может быть, со временем она выйдет замуж за джентльмена?

Лаура метнула взгляд на дочь и Николаса, которые по-прежнему упорно молчали.

Застольная беседа продолжалась, такая же напряженная и неловкая, как и в прошлый раз. Разговор зашел о том, что жизнь дорожает с каждым днем: теперь, когда на редкость скудный урожай был уже собран, цены взлетели еще выше. Потом все принялись обсуждать, намерен ли граф Уорик возглавить Тайный совет. Эдвард Кензи выразил надежду, что Уорик, заняв эту должность, положит конец войнам с Шотландией и Францией. Эту надежду разделял и я сам.

Как и в прошлый раз, мы довольно рано поднялись из-за стола. Слуги принесли накидки и мантии. Я слышал, как Николас тихонько сказал Беатрис:

— Можем мы поговорить наедине, мисс Кензи?

Девушка кивнула, и они выскользнули из комнаты. Все прочие неловко переминались с ноги на ногу. Эдвард Кензи, подойдя ко мне, заметил:

— Похоже, эти двое совершенно охладели друг к другу.

— Думаю, так оно и есть. Мне очень жаль.

— Боюсь, моя дражайшая половина придет в ярость, — грустно усмехнулся Кензи. — Жена убеждена, что Николас вел себя непозволительно и оскорбил чувства бедной девушки. — Во взгляде Эдварда, устремленном на меня, вспыхнули проницательные огоньки. — Надо сказать, парень выглядит скверно. Как говорится, краше в гроб кладут. Да и вас, мастер Шардлейк, я, честно говоря, прежде не видел таким подавленным. Насколько я понимаю, вы оба до сих пор не можете оправиться после пережитого в Норфолке?

— То, что мы там видели, не скоро удастся забыть, — ответил я. — Реки крови. Горы трупов. Тысячи убитых на поле боя и бесконечные казни.

— Но неужели повстанцы рассчитывали на что-то иное?

— Протектор вскружил простым людям голову своими лживыми обещаниями, разговорами о реформах и Комиссии по огораживаниям. Повстанцы искренне думали, что помогут комиссии бороться с

нарушениями, станут, так сказать, ее руками и ногами. В конце концов, все, чего хотели мятежники, — это искоренить беззакония, которые творятся повсеместно.

— Но как они посмели судить джентльменов, подвергать их телесным наказаниям и заключать в тюрьмы? — покачал головой Кензи. — Как они могли рассчитывать, что протектор и Королевский совет допустят их к управлению страной? Ноги не могут управлять головой, это должно быть ясно каждому.

— Тем не менее они надеялись, что протектор готов считаться с мнением простых людей. По крайней мере, поначалу.

— Что ж, если это так, остается только удивляться их доверчивости и недалекости, — вздохнул мой собеседник. — Впрочем, что взять с невежественных простолюдинов, не способных понять, что общественное устройство в принципе изменить невозможно. Если они действительно сохраняли верность королю и протектору, то все произошедшее можно счесть тягостным недоразумением.

— Нет, «недоразумение» — вряд ли подходящее слово, — покачал я головой. — Если называть вещи своими именами, бедняки в Англии стали жертвами обмана. Протектор обещал пойти навстречу их нуждам, архиепископ Кранмер и прочие церковные реформаторы твердили, что наша страна поражена тяжким недугом, который нуждается в лечении. Да, после начала восстания Сомерсет приказал мятежникам уничтожить лагерь и разойтись по домам, но при этом продолжал твердить о необходимости реформ. Отрезвление наступило, лишь когда в лагерь на Маусхолдском холме прибыл королевский посланник, — продолжил я, буравя собеседника взглядом. — Он велел мятежникам разойтись, осыпая их оскорблениями, и при этом даже не упомянул об их требованиях. Это было предательство, самое настоящее предательство. Как выразились повстанцы, вместо обещанной справедливости они получили кнуты и виселицы.

— Будьте осторожны, Мэтью, — предостерегающе заметил Кензи. — Такое можно говорить далеко не всякому.

— Знаю.

Сообразив, что зашел слишком далеко, я извинился и отправился на свежий воздух. После пребывания в душной комнате, наполненной дымом свечей, приятно было ощутить прохладу осеннего вечера. Из

небольшого сада, расположенного позади дома, доносился женский плач. Тихонько отворив калитку, я вошел в сад и в свете, льющемся из окна, увидел сидевшую на скамье мисс Кензи.

— Беатрис! — вполголоса окликнул я ее.

Девушка промокнула глаза и раздраженно пробормотала:

— Что вам от меня нужно?

— Помочь вам, если это в моей власти.

— Вы всегда питали ко мне неприязнь, — выдохнула она, потупив голову.

— Откровенно говоря, я думал, что вы хотите заманить Николаса в сети по наущению своей матушки, — признался я, опускаясь на скамью рядом с ней. — Миссис Кензи почему-то вообразила, что я возвращаюсь в высших кругах и открою путь туда своему помощнику.

Я полагал, что после таких слов Беатрис набросится на меня с кулаками, но она лишь грустно усмехнулась. И кивнула:

— Вы не ошиблись. С самого раннего детства матушка обучала меня искусству женского кокетства и твердила, что святая обязанность каждой порядочной девушки — поймать в свои сети богатого жениха. Я никогда не была влюблена в Николаса, но он был мне приятен, и я полагала, что из него выйдет хороший муж. Сегодня Овертон заявил, что его чувства ко мне остыли. Конечно, я давно об этом догадывалась, и все же его слова причинили мне боль. Я чувствую, что потерпела поражение. Скажите, это очень глупо?

— По совести говоря, не знаю, — пожал я плечами.

— Да, вы, мужчины, не знаете, каково это — быть девушкой из хорошей семьи! — выпалила Беатрис с неожиданной горечью. — Этакой пустоголовой куклой, которой позволено думать лишь о нарядах и прическах, о том, как строить глазки, дарить кавалеру улыбки, изводить его колкостями и возбуждать в нем ревность. Я превосходно владею всеми этими ухищрениями. У меня была хорошая наставница — моя мать. Она уверена, что ничего другого девушке знать и не требуется.

— Но вы сами не разделяете подобного мнения, Беатрис?

— Нет. Мне претят ложь и притворство.

— Простите, что я так сильно ошибался на ваш счет.

— Теперь, разочаровавшись в Николасе, матушка не замедлит найти мне другого жениха, — вздохнула девушка. — И мне придется

плясать под ее дудку. Вы сами видели, кто глава нашей семьи. Отцу наплевать, что со мной происходит, он хочет лишь одного: чтобы его оставили в покое.

— И все-таки вы можете доказать матери, что с вашими желаниями тоже следует считаться.

— О, она поднимет такой визг и вой, что я сразу пойду на попятный.

— Ну и что? А вы заорите в ответ еще громче. Дайте матери понять, что не хотите жить по ее указке и способны сделать выбор самостоятельно. Если вы обе начнете сотрясать воздух, ваш отец сообразит, что покоя теперь не дожدهшься, и, возможно, примет вашу сторону.

— Это будет непросто, — улыбнулась Беатрис сквозь слезы. — Но все равно, мастер Шардлейк, я признательна вам за совет.

Тут окно с треском распахнулось, и раздался голос Лауры Кензи.

— Беатрис, где ты, милая? — пропела она. — Нам пора уходить.

Девушка встала, тяжело вздохнула и, опустив плечи, поплелась к дому. На пороге она обернулась и произнесла:

— Я слышала, что вы удочерили маленькую девочку. Прошу, воспитывайте ее не так, как родители воспитывали меня.

— Это я могу вам обещать твердо.

Эпилог

7 декабря 1549 года

Я стоял у окна своего кабинета, глядя, как в воздухе кружатся снежные хлопья. В этом году холодные зимние ветры рано принесли снег. И сейчас он толстым пушистым слоем лежал на дорожках моего сада и на мостовых Канцлер-лейн. Наблюдая за пляской снежинок, я думал о Роберте Кетте, которого нынешним утром казнили в Норидже. Он был повешен на стене замка; несомненно, скованному цепями телу предстояло висеть там еще долго, пока гниющая плоть не развалится на куски. Его брат Уильям был сходным образом вздернут на шпиле церкви в Ваймондхеме.

После завтрака в гости к нам заявились Барак и Тамазин со своими детьми, четырехлетним Джорджем и двухлетней Тильдой. Мышка, которой сравнялось девять месяцев, была счастлива оказаться в обществе других детей. Девочка отличалась приветливым и чрезвычайно живым нравом и с удивительной резвостью ползала по комнате, хватая все, что попадалось под руку, и отправляя себе в рот самые неподходящие предметы. К счастью, Лиз Партлетт не сводила с нее глаз, оберегая от всех возможных неприятностей.

Джек, отведя меня в сторону, заметил вполголоса:

— Я решил, сегодня нам с вами лучше быть вместе. Учитывая, что произошло нынче утром.

— Спасибо, — ответил я так же тихо.

На первый взгляд казалось, что пережитое в Норфолке потрясло Барака значительно меньше, чем нас с Николасом. Но порой, приглядевшись к нему внимательнее, я замечал, что в глазах моего друга полыхает огонь затаенного гнева.

— Ну что, удалось тебе найти для нас с Овертоном новых клиентов? — сменил я тему разговора. — Правда, работы нам пока хватает. Дело о признании завещания недействительным, которое ты для нас раздобыл, повлекло за собой грандиозную бумажную канитель. А на прошлой неделе Эдвард Кензи передал нам крупную земельную тяжбу. Я даже не ожидал от него подобной любезности. Но все равно

теперь, когда нам не приходится выполнять поручения леди Елизаветы, мы могли бы вести больше дел.

— Наверняка вы мечтаете заполучить какое-нибудь аппетитное убийство? — ухмыльнулся Барак.

— Нет уж, спасибо. Думаю, что мы и без убийства прекрасно обойдемся.

— Кстати, как настроение у нашего рыжего приятеля?

— Ник по-прежнему пребывает в меланхолии. Именно поэтому я и хочу загрузить его работой по уши. Правда, объяснившись с Беатрис Кензи, он немного воспрянул духом.

— Уверен, что вскоре смогу подыскать для вас что-нибудь подходящее. Теперь, когда Уорик наводит свои порядки и требует, чтобы крупная торговля велась по новым правилам, многим купцам требуется помощь законника.

— Что ж, нам это только на руку.

Вскоре после этого повалил густой снег. Наши гости отправились домой, а я, уединившись в своем кабинете, предавался грустным размышлениям.

На грандиозном представлении, в которое превратился суд над братьями Кетт, я не присутствовал, сознавая, что с моей стороны это будет крайне неосмотрительно. По рассказам очевидцев, и Роберт, и Уильям были признаны виновными в бесчисленных преступлениях, список которых огласили публично. Согласно приговору, обоих должны были казнить в Тайберне — четвертовать, а затем вздернуть на виселицу. Однако вскоре было решено провести казни в Норфолке — вне всякого сомнения, для вразумления местных жителей и предотвращения будущих мятежей. Я представил, как Роберт Кетт, человек без малого шестидесяти лет от роду, медленно поднимается на головокружительную высоту и, оказавшись на крыше замка, содрогается от пронзительного ледяного ветра. А затем перед мысленным моим взором возникло расплывшееся в довольной ухмылке лицо Фловердью, предвкушающего, как он отхватит лакомый кусочек от имущества казненных, и я невольно содрогнулся от отвращения.

Раздался тихий стук в дверь, и в комнату вошла Лиз с малышкой на руках. После пережитых волнений, связанных с приходом гостей, девочка крепко спала.

— Я подумала, может, вам захочется подержать Мышку на руках, — произнесла кормилица с обычной своей кроткой улыбкой.

Взглянув в ее ясные голубые глаза, я догадался: она тоже знает, какой сегодня день. Мы никогда не вспоминали о восстании, но я не сомневался: миссис Партлетт разделяет мои чувства.

— Благодарю вас, Лиз, — ответил я шепотом, чтобы не разбудить ребенка. — Я с удовольствием возьму ее. Как хорошо, что вы об этом подумали.

— Я знаю, сэр, что сегодня у вас на душе тяжело, — помолчав, сказала Лиз.

Когда она передавала мне спящую девочку, наши руки соприкоснулись, и меня пронзило внезапное желание сжать эту женщину в объятиях и ощутить тепло ее мягкого тела. Наверное, Лиз догадалась об этом, ибо она вспыхнула и потупилась. Некоторое время мы стояли в опасной близости друг от друга; однако я не дал воли своему порыву, и кормилица, сделав книксен, вышла из комнаты.

Я прижал к себе Мышку, чувствуя на щеке ее дыхание. За прошедшие месяцы она стала заметно тяжелее. В камине горел яркий огонь, но я вернулся к окну, из которого несло холодом, и вновь принялся смотреть на бесконечную пляску снежных хлопьев. Ветер, судя по всему, дул с востока. Наверное, Маусхолдский холм уже покрыт толстым слоем снега, скрывшего руины сгоревшего лагеря, подумал я; голые ветви Дуба реформации обледенели, и мягкое белое одеяло укутало братскую могилу, в которой лежат тысячи отважных людей — Гектор Джонсон, Нетти, Питер Боун, Тоби, Саймон. Я крепче прижал к себе Мышку, понимая, что этот теплый комочек — моя единственная защита от царящего в мире холода.

Благодарности

Прежде всего выражаю величайшую признательность моему превосходному агенту Энтони Топпину, ибо только благодаря его содействию эта книга увидела свет. Благодарю моих редакторов — Марию Рейт из издательства «Мэнтл», Мариан Рейд, Лиз Коуэн, Джози Хамбер, Филиппу Макэван, сотрудников издательства «Пан Макмиллан», а также моего американского редактора Джошуа Кендалла и агента Дженифер Велтц.

Огромное спасибо Роз Броди, Майклу Холмсу, Йену Кингу и Уильяму Шоу, которые прочитали роман еще в рукописи и чьи советы и замечания вновь оказались для меня просто бесценными. Роз я особенно благодарен за то, что она согласилась сопровождать меня в исследовательской поездке в Норидж, во время которой состояние моего здоровья, увы, оставляло желать лучшего.

Кроме того, я очень признателен своим нориджским друзьям Колину Хови, Лео Р. Джари, Эдриану и Энн Хоэр, а также доктору Мэтту Воудстоку, много рассказавшим мне о событиях 1549 года. Особая благодарность — доктору Клайву Улкинс-Джонсу, снабдившему меня списком необходимой литературы. Спасибо Колину Хови и Стивену Критчли, главе Нориджской гильдии каменщиков, за то, что они приняли меня в ученики и поведали историю средневековых гильдий, столетие за столетием набиравших силу и сохранившихся вплоть до наших дней.

Благодарю всех, кто показал мне достопримечательности Норфолка, описанные в этой книге: Эдриан и Энн Хоэр познакомили меня с Ваймондхемом; Уолл Стюарт, хранитель Маусхолдского холма, провел меня по местам, где некогда располагался повстанческий лагерь. Не могу не упомянуть о достойной всяческого уважения деятельности Общества братьев Кетт, благодаря которому удалось сохранить в неприкосновенности ту часть холма, где находится уцелевшая стена церкви Святого Михаила. Ник Уильям устроил для меня экскурсию по городской ратуше, а Род Споукс продемонстрировал то, что осталось от крепостных стен. Благодаря Полу Диксону я узнал, где находился трактир «Девичья голова», а Кэти Терри рассказала мне о производстве тканей в шестнадцатом столетии.

Отдельное спасибо Грэхэму Брауну из «Фуллертона» за его помощь и поддержку, в особенности за фотокопии карт и планов старинного Нориджа, которыми он меня любезно снабдил.

Исторические заметки

Осмысляя восстание Роберта Кетта

Введение

В апреле 1548 года, примерно за год до начала восстания, четырнадцатилетняя Агнесс Рендольф, сирота из обедневшей дворянской семьи, отправилась покататься верхом в обществе своей замужней старшей сестры и молодого слуги. На Маусхолдском холме они подверглись преследованиям двоих молодых людей — Джона Аткинсона, одного из приближенных сэра Ричарда Саутвелла, богатейшего норфолкского землевладельца, и его приятеля. Аткинсон стащил Агнесс с лошади, а когда девушка попыталась бежать, привязал ее к седлу своего сообщника, приговаривая: «Сиди смирно, шлюха». Он отвез ее в дом сэра Ричарда Саутвелла и неделю спустя, вопреки желанию Агнесс, вступил с ней в брак. После этого Аткинсон вместе со своей пленницей отправился в Лондон^[9].

Однако муж старшей сестры Агнесс, Томас Ханн, судя по всему, обладал волевым и решительным характером. Он поскакал в Лондон и, дождавшись у входа в Вестминстер Эдуарда Сеймура, графа Сомерсета, исполнявшего в ту пору обязанности лорда-протектора при малолетнем короле Эдуарде VI, передал ему в руки письмо с просьбой о защите от произвола. При отце Эдуарда, короле Генрихе VIII, обращение к столь высокопоставленному вельможе без посредников было бы сочтено непозволительной дерзостью. Но политика Сомерсета состояла в том, чтобы создать себе репутацию человека, неизменно готового прийти на помощь жертвам беззакония и несправедливости.

Однако уладить проблему оказалось не так-то просто. Томас Ханн подал в Тайный совет иск, в котором требовал возвращения Агнесс в лоно семьи. Уильям Сесил, старший секретарь лорда-протектора, сообщил возмущенному родственнику, что ему следует обратиться к услугам адвоката. Не менее семнадцати законников, жителей восточных графств, отказались представлять интересы пострадавшей семьи; столь велик был страх, который внушал своим землякам сэр

Ричард Саутвелл. Наконец Сесил приказал одному из юристов заняться этим делом. Согласно мнению Сесила, Агнесс следовало отговорить от расторжения брака; однако юная особа, не уступавшая своему зятю решительностью, настаивала на признании брака недействительным. Сесил вынужден был пойти ей навстречу, сказав, чтобы она вернула Аткинсону обручальное кольцо. Это требование Агнесс выполнила незамедлительно.

Аткинсон, обвиненный в похищении несовершеннолетней девицы, не был подвергнут аресту и не понес за свое преступление никакого наказания. В течение последующих четырех лет он неоднократно обращался в суд, требуя вернуть Агнесс на том основании, что она состоит с ним в законном браке. Своих притязаний он не прекратил даже после того, как девушка вновь вышла замуж. Как известно, норфолкские джентльмены славятся настойчивостью и упрямством.

В этой истории участвовали три исторических лица, которые появляются на страницах романа «Мертвая земля»: Саутвелл, Аткинсон и Сесил. Она позволяет судить о том, каким могуществом и влиянием обладал Саутвелл; жестокость этого человека (в 1520 году, повздорив с неким дворянином, он прикончил своего противника ударом ножа и был приговорен к смертной казни, однако получил от Генриха VIII помилование) снискала ему дурную славу. Если бы не беспримерная отвага, проявленная Агнесс и ее родственниками, брак, заключенный по принуждению, остался бы в силе. То обстоятельство, что Агнесс происходила из дворянской семьи, не играло никакой роли; впрочем, нельзя отрицать, что костюм, манеры и благородное произношение помогли Ханну получить доступ к лорду-протектору. Подвергнись подобному произволу девушка из крестьянской семьи, это преступление осталось бы незамеченным.

Тем не менее именно «простолюдины», которым в романе «Мертвая земля» уделено столько внимания, подняли грандиозные крестьянские восстания, захлестнувшие Англию в 1549 году. Особенно бурными мятежи были к югу от линии, соединяющей реку Северн и залив Уош; впрочем, отдельные очаги восстания существовали и на севере, где простые люди собирались в лагеря на городских окраинах и направляли лорду-протектору петиции. Это были крупнейшие народные волнения в период между восстанием Уота Тайлера, вспыхнувшим в 1381 году, и гражданской войной, которая разразилась

столетие спустя. В западных графствах — Оксфордшире и Норфолке, состоялось несколько крупных битв между повстанцами и правительственными войсками. Согласно подсчетам венецианского посланника, количество жертв превысило 11 тысяч человек; учитывая тогдашнюю численность населения Англии, это эквивалентно нынешним 150 тысячам^[10]. Скорее всего, цифра эта существенно занижена, так как потери, понесенные правительственными армиями, сознательно приуменьшались.

Тем не менее в известных исторических трудах, посвященных Англии эпохи Тюдоров, об этих восстаниях говорится крайне мало. Виной тому несколько обстоятельств: необычная тактика повстанцев, которые предпочитали занимать выжидательную позицию в своих лагерях, а не двигаться на Лондон; распространенные среди историков неверные представления, согласно которым главной причиной восстаний в западных графствах были религиозные реформы, а не социальные проблемы. К счастью, в последнее время ситуация начала изменяться, и в трудах Дайармейд Маккалок, Энди Вуда, Этан Шеган и в особенности Аманды Джонс уделено достаточно внимания причинам и следствиям крестьянских волнений в Южной Англии.

Надо сказать, что в период «роялизации» истории тюдоровской Англии (должен признаться, что я и сам не избежал подобного греха) наиболее притягательными объектами научных изысканий являлись колоссальные фигуры Генриха VIII и Елизаветы I; именно по этой причине восстание, произошедшее в период недолгого царствования Эдуарда VI, сына короля Генриха, не вызывало у исследователей особого интереса. Тем не менее этот важнейший — и явно недооцененный — исторический эпизод давно уже будоражил мое воображение.

В «Мертвой земле», как и в других моих романах, сюжет базируется на исторических источниках, в данном случае весьма разрозненных, фрагментарных, противоречивых и далеко не всегда достойных доверия. Например, мы не имеем даже отдаленного понятия, как выглядели Роберт Кетт и его помощники. Описывая ежедневный быт повстанческого лагеря на Маусхолдском холме, я был вынужден призвать на помощь фантазию, которая, надеюсь, породила немало любопытных картин.

Предпосылки: класс и статус

Для того чтобы понять, что произошло в 1549 году, мы прежде всего должны обратиться к структуре английского общества того времени. Наиболее заметная разграничительная линия пролегла между классом «джентльменов», свободных от необходимости работать, — таких насчитывалось около 2000 человек — и всеми остальными. Впрочем, состав этого класса тоже был неоднородным: внутри его существовали обычные джентльмены, рыцари и представители высшей аристократии, весьма неохотно подчинявшиеся так называемым суртутарным (то есть направленным против излишней роскоши в обстановке, одежде, еде и прочем) законам^[11]. Необходимо также отметить, что принадлежность к классу джентльменов определялась не только размером состояния, но и следованием целому ряду определенных правил поведения. По словам Томаса Элиота, «джентльмену надлежало быть более терпимым, любезным и мягким, чем человеку низкого происхождения, занятому тяжелым трудом»^[12]. Так, по крайней мере, считалось в теории.

В те времена бытовало убеждение, что подобное социальное устройство было учреждено на земле самим Богом. Как говорилось в одной проповеди, произнесенной в 1547 году, «Всемогущий Господь создал все сущее и учредил разумный порядок вещей... Согласно этому порядку, некоторые стоят высоко, а другие низко; кому-то суждено быть королем или принцем, а кому-то их верным подданным... Сам Бог предопределил так, что в мире есть господа и слуги, богатые и бедные»^[13].

Социальное устройство общества зачастую сравнивали с человеческим телом, где король является головой, представители высших классов — руками, а простолюдины — ногами^[14]. Сэр Томас Смит заявлял, что все люди подразделяются на четыре сорта: джентльмены, состоятельные горожане, йомены и ремесленники, а также наемные работники. Лишь представителям первых двух классов позволено занимать государственные должности, хотя йомены (процветающие мелкие фермеры) могут пользоваться определенным влиянием в своих деревнях и городах и таким образом «возвышаться над прочими людьми низкого звания». Смит также полагал, что в деревнях простолюдинам дозволительно занимать посты церковных

смотрителей и констеблей. В ту пору подобное заявление можно было счесть довольно смелым^[15].

Экономические перемены, происходившие в Англии, несомненно, способствовали изменению структуры общества. Еще в XV веке начался процесс огораживания, то есть превращения пахотных земель в пастбища для овец, шерсть которых являлась весьма дорогостоящим товаром. Это привело к возникновению нового класса, сельского дворянства. К середине шестнадцатого столетия во многих графствах, в том числе и в Норфолке, активно набирал силу молодой и напористый сельский капитализм^[16]. «Огораживания» затянулись на несколько веков и охватили всю страну; даже в восемнадцатом столетии захват крупными помещиками общинных земель оставался серьезной политической проблемой. В период правления Генриха VIII, когда власти выставили на продажу бывшие монастырские угодья, возник новый земельный рынок.

Согласно мнению Карла Маркса, капитализм возник вследствие кардинальных изменений в землевладении и товарно-денежных отношениях, которые Англия пережила в период с 1450 по 1600 год. Окончательное освобождение крепостных, произошедшее ранее, повлекло за собой, как утверждает Маркс, появление класса мелких крестьянских собственников; к середине XVI века класс этот был уничтожен крупными землевладельцами. Современные исследователи во многом с ним согласны, хотя и отмечают, что Маркс полностью игнорировал возникновение класса процветающих фермеров, или йоменов^[17]. Как замечает Джейн Виттл, «то был весьма длительный период, когда феодализм уже отступил в прошлое, а капитализм еще не набрал силу»^[18]. В шестнадцатом столетии крепостничество — закрепление крестьян за землями, принадлежавшими тому или иному лорду, — еще продолжало существовать во многих графствах, включая и Норфолк^[19].

И все же «наемные работники», о которых пишет Томас Смит, не были полностью лишены прав. В 1525 году, когда Генрих VIII ввел новые налоги, протесты, вспыхнувшие в Восточной Англии, заставили его пойти на попятный^[20]. Впрочем, подобные примеры достаточно редки. Отметим, что в 1525 году простолюдины и элита выступили здесь заодно, поскольку проблема касалась и тех и других; впоследствии точно так же произошло во время Северного восстания

1536 года, хотя в нем джентльмены участвовали менее охотно^[21]. Так или иначе, государство всегда располагало силами, достаточными для того, чтобы подавить самый масштабный крестьянский бунт, подобный восстаниям Уота Тайлера (1381) или Джека Кэда (1450).

Тем не менее многие историки подчеркивают, что простые люди не только открыто выражали свою волю, но и пользовались любой возможностью для того, чтобы изменить обстоятельства в собственную пользу^[22]. Однако подобных возможностей у них было не много, ибо люди низкого звания были полностью отстранены от участия в управлении королевством. Именно это обстоятельство и породило трагедию, разыгравшуюся в 1549 году.

Правление протектора Сомерсета: инфляция, война, религиозные и социальные реформы

Король Генрих VIII скончался в 1547 году. Согласно воле покойного, власть в стране перешла к Тайному совету, в состав которого входило шестнадцать человек. Имелось также несколько потенциальных кандидатов (и среди них сэр Ричард Саутвелл), которым предстояло войти в Совет в случае смерти или отставки кого-либо из действительных его членов. Этот орган должен был управлять страной до той поры, пока королю Эдуарду VI (на тот момент девятилетнему мальчику) не исполнится восемнадцать лет. Вопреки широко распространенному мнению Эдуард вовсе не был болезненным и слабым ребенком. Напротив, он был здоров и крепок, отличался умом и преуспевал в науках. У подданных имелись все основания надеяться, что юный король благополучно достигнет совершеннолетия.

Через несколько недель Совет передал всю полноту власти герцогу Сомерсету, старшему брату покойной матери короля Джейн Сеймур. Вне всякого сомнения, тут не обошлось без подкупов и взяток^[23].

Что касается Эдуарда Сеймура, герцога Сомерсета, то существуют две точки зрения на эту историческую фигуру. Согласно одной из них, он полностью оправдывал свое прозвище Добрый Герцог и действительно заботился о благе беднейших слоев населения: отменил драконовский Закон о государственной измене, действовавший при Генрихе VIII, и хотя бы на какое-то время смягчил политический

климат в Англии. Согласно другой точке зрения (сторонником ее являюсь и я сам), Сомерсет втянул Англию в совершенно ненужную войну с Шотландией, которая закончилась сокрушительным поражением и повлекла за собой множество экономических проблем. Перед этим серьезнейшим политическим просчетом блекнут все его заслуги. К тому же «мягкий политический климат» был вовсе не так уж мягок и вскоре обернулся религиозным авторитаризмом радикальных протестантов^[24]. Как человек Сомерсет, согласно общему мнению, отличался заносчивостью, бестактностью и упрямством^[25]. Его политическая недалекость свидетельствует о том, что он не обладал качествами, необходимыми для управления страной; во время восстания 1549 года двойственность и противоречивость проводимой лордом-протектором политики проявились с особой наглядностью. Хотя зачастую Сомерсет действовал как полновластный правитель, прочность его положения определялась исключительно поддержкой Тайного совета. К несчастью для себя, он уяснил это обстоятельство слишком поздно.

Генрих VIII оставил страну в полнейшем беспорядке. После разрыва с Римом в 1532–1533 годах религиозная политика, проводимая в Англии, колебалась между полупротестантизмом и консерватизмом, сущность которого выражал лозунг «Католичество без папы». В стране царила атмосфера религиозных распрей и неопределенности. Войны, которые Генрих вел с Францией и Шотландией, закончились поражением Англии и к тому же привели к опустошению казны. В 1546 году король заключил с Францией мир, условия которого предполагали, что Франция останется союзницей Шотландии; подробности мирного договора еще предстояло обсудить с Шотландией^[26]. Однако в 1547 году Сомерсет вновь развязывает с Шотландией широкомасштабную войну. Это не могло не повлиять на отношения с Францией; мир, заключенный королем Генрихом VIII, оказался недолгим.

Великая инфляция

Войны, проводимые Генрихом VIII, требовали огромных денежных затрат. Несмотря на рост налогов и распродажу земельных угодий, конфискованных у монастырей, государственная казна

опустела. В целях экономии серебра и золота их количество в монетах новой чеканки было значительно снижено; драгоценные металлы заменила медь. И на внутреннем, и на международном рынке продавцы отказывались принимать такие монеты за номинальную стоимость. Это повлекло за собой невиданную прежде инфляцию^[27]. В 1549 году цены в Англии были на 50 процентов выше, чем в 1540-м; только за этот год, ставший критическим, они выросли на 11 процентов^[28]. Разумеется, скачок цен особенно тяжело ударил по малоимущим. Заработная плата, величину которой ограничивали закон и местные традиции, оставалась на том же уровне, что и ранее. Доход обычного работника по-прежнему составлял около 4 пенсов в день, однако в 1549 году покупательная способность была на добрую треть ниже, чем десятилетие назад. Естественно, результатом подобной инфляции стало стремительное обнищание беднейших слоев населения^[29]. В столь сложных экономических обстоятельствах страна менее всего нуждалась в очередной войне.

Современники находили два объяснения столь безудержной инфляции. Согласно одному из них, ошибочность которого ныне не вызывает сомнений, рост цен определялся аграрными факторами: высокой арендной платой, проблемами рынка и превращением пахотных земель в пастбища, в результате чего деревня начала поставлять в город не продукты, а овечью шерсть. Ситуация в сельском хозяйстве и в самом деле породила множество проблем и нарушений закона; однако наиболее убедительным представляется второе объяснение, согласно которому инфляция стала следствием удешевления монет, что, в свою очередь, было вызвано войной. Тем не менее протектор Сомерсет, исполненный решимости продолжать войну, настаивал на ведущей роли «сельскохозяйственного» фактора^[30].

Война с Шотландией

Почему война с Шотландией превратилась для Сомерсета в навязчивую идею? В 1547 году эта страна не представляла для Англии никакой угрозы. Как известно, Генрих VIII намеревался устроить брак между своим сыном Эдуардом и юной шотландской королевой Марией Стюарт, дабы объединить две страны под властью одной королевской

династии. Сомерсет пошел еще дальше. В Шотландии в ту пору набирал силу протестантизм, и лорд-протектор рассчитывал на поддержку местного населения. Он также ошибочно полагал, что сможет захватить Шотландию с помощью новой военной стратегии, которая заключалась в строительстве многочисленных фортов по итальянскому образцу, откуда английская армия будет вести атаки. Протектор надеялся, что шотландские протестанты во множестве устремятся в эти форты, дабы сражаться на стороне завоевателей.

В сентябре 1547 года английским войскам удалось одержать победу в битве при Пинки и обратить в бегство огромную шотландскую армию^[31]. Однако вскоре выяснилось, что количество шотландцев, сочувствующих вторжению, ничтожно. Все форты, возведенные по приказу Сомерсета, один за другим пали под натиском войск, возглавляемых правителем Шотландии графом Арраном. В 1548 году королева Мария Стюарт была перевезена во Францию, которая обещала ее стране помощь и поддержку. Таким образом, брачным планам лорда-протектора был положен конец. В начале 1549 года английские гарнизоны, оставшиеся в Шотландии, — численность их составляла более 17 000 человек — оказались в осаде; солдаты несколько месяцев подряд не получали жалованья, к тому же среди них свирепствовала чума. Условия, в которых солдаты находились в Шотландии, были столь тяжелы, что иностранные наемники наотрез отказывались отправляться туда^[32].

Несомненно, война с Шотландией явилась одной из сопутствующих причин многочисленных восстаний, вспыхнувших в Англии в 1549 году. Дело не только в том, что ведение боевых действий способствовало дальнейшему росту инфляции; как я полагаю, немалую роль в разжигании бунтарских настроений сыграли дезертиры, самовольно покинувшие расположение и вернувшиеся в родные места. По официальным данным, уровень дезертирства в английской армии составлял 15–20 процентов. Учитывая, что бойцы не получали жалованья и находились в бедственных условиях, можно предположить, что в реальности эти показатели были еще выше^[33]. Любопытное свидетельство оставил нам современник описываемых событий, некий Элис Грайфидд, служивший рядовым во время Французской кампании 1544 года: он утверждал, что солдаты, прежде

бывшие процветающими йоменами, активно подговаривали своих товарищей дезертировать^[34].

Несмотря на сокрушительное поражение, Сомерсет намеревался в 1549 году начать новую кампанию против Шотландии. Восстания, вспыхнувшие в стране, помешали этим планам осуществиться^[35].

Церковные реформы

Помимо войны и инфляции, Англия в 1547–1549 годах переживала существенные перемены в сфере религии. Некоторые исследователи утверждают, что церковные реформы, проводимые Сомерсетом, носили умеренный характер, однако это вряд ли соответствует истине^[36].

Прежде всего люди были неприятно поражены повсеместным уничтожением часовен, где читались молитвы об умерших, и передачей в казну церковных земель и имущества. В значительной степени эти часовни содержались на средства ремесленных гильдий; после их закрытия многие гильдии стали нанимать священников, которые служили заупокойные мессы. Роберт Кетт, живший в Ваймондхеме, неоднократно присутствовал на подобных богослужениях. В большинстве своем часовни обладали небольшими земельными наделами, которые сдавались в аренду, дабы обеспечить доход священнику; лишь немногие располагали значительными участками. Все земли, принадлежавшие часовням, Сомерсет выставил на продажу.

Внешний вид церквей в значительной степени изменился: исчезли витражи, настенные росписи и статуи. Подобная участь постигла все храмы без исключения; недаром в моем романе Шардлейк посещает крошечную деревенскую церквушку, где видит грубо замазанные фрески.

В июне 1549 года из печати выходит составленная архиепископом Кранмером «Книга общих молитв» на английском языке. Это историческое событие положило конец традиционной мессе по латинскому обряду^[37]. Подобно всем переменам в религиозной сфере, происходившим с 1533 года, повсеместное внедрение английской богослужбной книги производилось по приказу свыше. Полагаю, сам Сомерсет относился к числу убежденных религиозных радикалов; он состоял в переписке с идеологами европейского протестантизма, в

частности с Джоном Кальвином, под явным влиянием которого находился^[38].

Несомненно, реформы в церковной сфере сталкивались с решительной оппозицией. Отмена жестокого Закона о государственной измене, принятого Генрихом VIII, компенсировалось многочисленными ограничениями, направленными против бродячих проповедников. Согласно указу от 1548 года, произносить публичные проповеди имел право лишь тот, кто получил на это особое разрешение. Службы по новому английскому молитвеннику, которые начались по всей стране с 9 июня 1549 года, не возбудили особых протестов в большинстве графств, однако в Девоне и Корнуолле вспыхнули мятежи, вдохновленные сторонниками религиозных традиций.

Государство общего блага

Однако главной причиной восстания, несомненно, являлось бедственное положение простых людей. Сомерсет, объявивший себя другом и защитником бедняков, прекрасно понимал, что ситуация ухудшается день ото дня. Но как можно было ее изменить?

Ответ на этот вопрос были готовы дать сторонники так называемого государства общего блага. Эта концепция, впоследствии получившая продолжение в теории «политического тела», бытовавшей в Англии в XVII веке, предполагала, что первейшей обязанностью правительства является обеспечение благоденствия и процветания представителей всех сословий^[39]. Очевидна связь концепции всеобщего благоденствия со средневековой «жалобной традицией», утверждавшей, что все социальные недуги можно излечить, сатирически обличая злоупотребления и взывая к совести монарха и совести каждого индивидуума^[40].

Сторонники государства общего блага никогда не были сплоченной группой, хотя в большинстве своем являлись радикальными протестантами. В 1540-е годы они принялись яростно выступать против «алчных богачей». В одной из своих проповедей епископ Латимер обрушился на «корыстных землевладельцев, которые, постоянно повышая арендную плату, обрекли простых людей на муки чудовищной нужды и голода»^[41]. Выдержки из этой проповеди были

приведены во множестве печатных воззваний и памфлетов; надо сказать, подобных «лакомых кусочков» в ней не много, ибо основной пафос епископа направлен на обличение разврата и сластолюбия^[42]. Саймон Кроули, автор «Петиции против угнетения бедных простолюдинов», призывал богатых раскаяться в своих злодеяниях^[43]. Подобно Латимеру и Бэкону, он предрекал, что на голову землевладельцев, притесняющих бедняков, обрушится гнев Господень^[44]. В огромном количестве анонимных памфлетов корыстолюбие богатеев называлось главным препятствием к учреждению социальной гармонии.

У теории общего блага имелась и еще одна сторона, благодаря которой она проникла даже в правительственные круги. Основой государства, способного обеспечить процветание всех своих подданных, объявлялись «незыблемый порядок и полная покорность властям». Анархия внушала поборникам этой теории неизменный ужас^[45]. Таким образом, идеи общего блага подвергались двоякому истолкованию. Для джентльменов, таких как Шардлейк, — это прежде всего экономическое равновесие, мир и согласие между различными классами общества; для представителей неимущих слоев — это забота о процветании бедняков^[46]. После подавления восстаний авторы памфлетов, разделяющие идеи общего блага, обрушили на голову мятежников все мыслимые и немыслимые проклятия.

Комиссия по огораживаниям

Надо отдать должное Сомерсету, он пытался улучшить ситуацию в стране при помощи мер практического характера, хотя и половинчатых. На поддержку парламента, состоявшего из сельских дворян и городской элиты, протектору рассчитывать не приходилось. Он издал несколько радикальных указов, направленных на то, чтобы положить конец превращению пахотных земель в пастбища и отторжению общинных угодий^[47]. Парламент дал согласие лишь на одну решительную меру: введение налога на овец и производство шерстяных тканей. Разумеется, далеко не все члены парламента были сторонниками нового налога, ударившего по крупным фермерам. Однако Сомерсет настоял на своем,

пустив в ход решающий аргумент: стране необходимы деньги для продолжения войны с Шотландией.

Для того чтобы решить проблему огораживаний, Сомерсет, действуя в обход парламента, выпустил ряд воззваний от имени короля. Попытка управлять страной подобным образом являлась отличительной чертой его политики. В воззвании, опубликованном в июне 1548 года, говорилось о том, что все случаи незаконного огораживания будут подвергнуты «рассмотрению и расследованию». Протектор обещал создать особую Комиссию по огораживаниям, которая начнет свою деятельность в Мидлэнде. В документе приводились выдержки из земельных законов, повсеместно нарушавшихся со времен Генриха VII. Предполагалось, что члены комиссии, прибыв в тот или иной населенный пункт, должны будут возглавить нечто вроде суда присяжных, состоящего из двенадцати человек. Суд этот наделялся самыми широкими полномочиями, включая уничтожение незаконных пастбищ и возвращение занятых ими земель под пашни. Комиссию возглавил член парламента Джон Хейлз, весьма энергичный и решительный человек, к тому же единственный сторонник идеи общего блага, занимающий высокий государственный пост. Тем не менее Хейлз всячески подчеркивал, что простые люди не имеют права уничтожать пастбища самостоятельно. Надо сказать, что незаконные огораживания были далеко не единственной проблемой, с которой сталкивались в то время сельские жители, однако все прочие вопросы Хейлз не принимал в расчет.

Целесообразность мер, которые предполагала осуществить комиссия, вызывает серьезные сомнения. Задача, которую поставил перед комиссией протектор, — уничтожить незаконные пастбища, возникшие на протяжении последних шестидесяти лет, — вряд ли была выполнима, особенно если учесть сопротивление крупных землевладельцев и местных чиновников. Внедрение подобных мер вполне ожидаемо повлекло за собой многочисленные тяжбы и споры. Предполагалось, что члены комиссии будут решать, насколько законным было огораживание того или иного пастбища, опираясь на свидетельства очевидцев; однако многие поля были превращены в пастбища еще в ту пору, когда никто из свидетелей даже не появился на свет. Несомненно, в суд хлынули бы потоки протестов и жалоб от крупных землевладельцев; для того чтобы разобраться с ними,

потребовалось бы несколько десятилетий. К тому же не было сделано никаких приготовлений для внедрения решений комиссии в жизнь. Неудивительно, что деятельность ее ограничилась проведением предварительных опросов в Мидлэнде; после этого она была распущена, возможно, потому, что Хейлзу, как члену парламента, предстояло вернуться в Лондон для участия в очередной сессии. Более комиссия своей работы не возобновила. Все это доказывает, что в действительности проблема незаконных огораживаний не слишком волновала лорда-протектора.

Возможно, воззвание, выпущенное Сомерсетом в июне 1548 года, в значительной степени было вызвано событием, произошедшим за месяц до этого. В мае в Хартфордшире вспыхнуло восстание^[48]. Причиной волнений послужило решение комиссии, возглавляемой сэром Уильямом Кавендишем (к комиссии Хейлза она не имела никакого отношения), признать законным огораживание значительной части пустоши Нортхау, прежде находившейся в общинном пользовании. Бунт, который подняли крестьяне, привыкшие считать эти земли своими, во многом предвосхитил события следующего года. Возмущенные бедняки под предводительством наиболее уважаемых йоменов собрались в лагерь и, обеспечив себя временным жильем и необходимыми продовольственными запасами, направили протектору петицию. Впрочем, вскоре повстанцы мирно разошлись, ибо местный землевладелец Роджер Чомли обещал вернуть общине незаконно огороженные земли. Тем не менее несколько вожаков восстания были преданы суду.

Полагаю, настало время объяснить, что означает термин «огораживание»^[49]. В английском сельском хозяйстве традиционно использовалась так называемая трехпольная система: каждый год какое-нибудь из трех полей не возделывалось, дабы земля могла набрать силу. Поля, в свою очередь, разделялись на полосы. Некоторые из них принадлежали деревенским жителям, причем полосы перемежались с наделами землевладельца. К тому же каждая деревня располагала значительными общинными угодьями. Для крестьян, в особенности для бедняков, эти угодья имели жизненно важное значение. На общинных землях охотились, собирали тростник и хворост, ловили рыбу; к тому же там устраивались игры и народные гулянья. Но самое главное, там пасли скот. Вряд ли стоит объяснять,

что молоко и мясо были самыми питательными продуктами в рационе крестьян.

Отметим, что по своему составу английское крестьянство было достаточно разнородным. В деревне бытовали разные типы землевладения. Наиболее распространенным являлось копигольдерство, сменившее крепостное право; как арендаторы, копигольдеры полностью зависели от воли землевладельца, хотя некоторые и вели хозяйство на землях, самовольно захваченных много лет назад. В отличие от них, фригольдеры пользовались относительной свободой. Своими участками они владели на условиях фиксированной ренты, выплачиваемой землевладельцу или королю.

Размеры наделов тоже были весьма различны. Некоторые крестьяне имели в своем пользовании всего несколько акров, что, разумеется, не давало им достаточных средств к существованию; как правило, они нанимались в качестве батраков к состоятельным фермерам или добывали себе пропитание, освоив какое-либо ремесло. Увы, в 1540-е годы инфляция съела большую часть их заработков, так что им оставалось рассчитывать лишь на общинные угодья.

Являлись ли огораживания главной проблемой деревни?

Огораживания подразделялись на два типа. Первый тип предполагал, что арендаторы, путем обмена или продажи, объединяют свои полосы в один надел и, огородив его, устраивают небольшую ферму. Если хозяйство велось успешно, эти люди, как правило, расширяли свои владения. Именно так возник класс йоменов, у которых имелась возможность — правда, весьма шаткая и ненадежная — со временем получить статус джентльменов^[50]. В большинстве своем йомены пользовались общинными землями на равных с остальными крестьянами основаниях. Впрочем, некоторые из них были не прочь урвать от общинного надела кусок и присоединить его к своему участку.

Второй тип огораживаний был совсем иным. Именно с этими огораживаниями и намеревалась бороться комиссия, возглавляемая Хейлзом. Землевладелец, стремясь расширить пастбища для своих овец, захватывал мелкие фермы, бесцеремонно прогоняя их владельцев

прочь. Нередко объектом помещичьих притязаний оказывались и земли, принадлежавшие общине. Иногда богач просто выпускал на пастбище такое количество овец, что для крестьянского скота места уже не оставалось, но чаще он обносил участок изгородью, хотя это и противоречило закону. Деревня, лишившаяся общинных земель, лишалась и возможности нормально жить. Крестьяне имели формальное право обратиться в суд, но осуществить это на практике им было весьма затруднительно [\[51\]](#).

Многие землевладельцы вышли на земельный рынок в 1530-е и 1540-е годы, приобретя бывшие монастырские угодья на условиях «рыцарского служения» королю: это означало, что они выплачивали в государственную казну феодальные пошлыны. Нередко — с помощью недобросовестных государственных чиновников, местных феодалов и представителей Ведомства по делам конфискованного имущества — им удавалось переложить бремя пошлын на плечи своих арендаторов [\[52\]](#). Потом хозяева прогоняли их прочь или же выплачивали им незначительную компенсацию [\[53\]](#).

В 1540-е годы в результате инфляции сильно обесценились деньги, которые землевладельцы получали в качестве арендной платы, в то время как спрос на овечью шерсть значительно возрос — в течение 1548 года цены на шерсть удвоились [\[54\]](#). Для того чтобы разводить овец, требовались пастух, мальчик-подпасок, собака и, разумеется, пастбище; крестьяне, лишившиеся своих земель, зачастую пополняли ряды так называемых бесхозных людей, устремляясь в города в поисках заработка. Другие, несмотря на тяжелые обстоятельства, предпочитали оставаться в деревне. В 1540-е годы в некоторых частях Англии огораживания проводились с таким размахом, что люди, ставшие жертвами этого процесса, оказались в отчаянном положении.

1549 год: Сокрушительная буря

1549 год начался для протектора Сомерсета неудачно. Его младший брат Томас Сеймур, всегда склонный к политическим авантюрам, еще в 1547 году женился на Екатерине Парр, вдове Генриха VIII. После того как в сентябре 1548-го жена его умерла в родах, Томас пустился во все тяжкие: он вымогал взятки у пиратов, с

которыми, будучи лордом-адмиралом, был обязан бороться, и шантажировал смотрителя Бристольского монетного двора, требуя снабжать его новенькими монетами. В своем замке Садели Томас устроил склад оружия, откровенно обнаруживая намерение отнять у старшего брата пост протектора. К тому же он пытался ухаживать за леди Елизаветой, действуя через ее приближенных. Разумеется, подобная деятельность не могла остаться незамеченной. В январе 1549 года Томас Сеймур был арестован и обвинен в государственной измене. Елизавету подвергли допросу, однако она сумела доказать, что не имела намерения выйти за него замуж, и была отпущена на свободу. Тем не менее имелись другие очевидные доказательства измены Томаса Сеймура, и протектору ничего не оставалось, кроме как приговорить родного брата к смертной казни, которая и состоялась в марте 1549-го. Несомненно, история с Томасом Сеймуром существенно ослабила позиции герцога Сомерсета^[55].

Ну и наконец, необходимо учитывать еще один важный фактор — погоду. Три года подряд, с 1546-го по 1548-й, выдались плодородными, однако зима 1548/49 года оказалась на редкость холодной^[56], и уже весной стало ясно, что на богатый урожай рассчитывать не приходится^[57]. Это обернулось для Англии настоящим бедствием.

Майские «беспорядки»

В апреле 1549 года Сомерсет выпустил очередное воззвание, в котором сообщал, что король намерен сделать более строгим Закон об огораживании, принятый при Генрихе VII, и «строго следить за тем, чтобы закон сей выполнялся неукоснительно, а все виновные в его нарушениях были подвергнуты строгим карам». Членам Комиссии по огораживанию было приказано «со всей возможной быстротой и отменным старанием» приступить к искоренению правонарушений по всей стране^[58]. Если бы намерения, высказанные в этом воззвании, осуществились в реальности, это положило бы конец росту крупных овцеводческих хозяйств. Воззвание, распространенное по всей стране, породило определенные надежды и упования; однако крестьяне не могли не замечать, что ныне, как и в 1548 году, не создано никаких условий для проведения закона в жизнь.

В мае на юге Англии разразилось несколько мятежей и восстаний. В Кембриджшире также начались волнения, вызванные очередным захватом общинных земель^[59]. Бунты против землевладельцев и огораживаний вспыхивают в Хартфордшире, Нортгемптоне, Саффолке, Кенте и Хэмпшире. В большинстве своем эти проявления недовольства были незначительными, и местным властям удалось с легкостью их погасить^[60]. Наиболее серьезный инцидент произошел в Уилтшире, где крестьяне уничтожили парк сэра Уильяма Герберта; собрав отряд численностью в двести человек, он двинул его на восставших. В результате «мятежников перерезали, как баранов». Надо сказать, в ту пору создание обширных парков, служивших также охотничьими угодьями, вошло в аристократической среде в большую моду; вследствие этого значительное количество сельскохозяйственных земель изымалось из употребления.

В новом воззвании, появившемся в конце мая, протектор обличал тех, кто действовал от имени короля, не имея на то никаких полномочий. В воззвании утверждалось, что король намерен упразднить незаконные огораживания и искоренить злоупотребления; на голову тех, кто настроен упорствовать в противостоянии закону, Эдуард непременно «обрушит карающий меч и всю силу своего гнева»^[61]. Протектор заявлял также, что Комиссия по огораживаниям не сможет возобновить работу, пока беспорядки в стране не прекратятся. Иными словами, до середины июля протектор продолжал придерживаться излюбленной тактики посулов и угроз, расставляя акценты в зависимости от обстоятельств.

Западное восстание

К началу июня волнения утихли, но после праздника Святой Троицы, девятого июня, когда во всех английских церквях начались службы по новой «Книге общих молитв», в Девоне вновь вспыхнул мятеж, который вскоре перекинулся на Корнуолл. Против использования новой богослужебной книги восстало более 17 000 человек. Традиционная точка зрения, согласно которой участников «восстания против молитвенника» тревожили только религиозные реформы, опровергается некоторыми современными исследователями,

в первую очередь Джойс Юингс^[62]. Правда, в этих двух графствах огораживания не являлись серьезной проблемой, однако произвол джентльменов и государственных чиновников постоянно вызывал негодование простых людей. Среди руководителей Западного восстания почти не было джентльменов; в период разгула «беспорядков» они предпочитали затаиться, однако некоторые из них были убиты. Надо сказать, что вожаки мятежа принадлежали к различным социальным слоям, от священнослужителей и йоменов до батраков. Второго июля повстанцы начали осаду Эксетера; тем не менее город оставался в руках протестантской элиты. Повстанцы так и не сумели захватить хорошо укрепленный и расположенный на возвышенности город и в результате застряли в окрестностях; Эксетер был слишком велик, чтобы обойти его стороной. Весьма примечательно, что жители расположенного по соседству Сомерсета отказались присоединиться к мятежникам, хотя в период с мая по июль в этом графстве также неоднократно вспыхивали волнения^[63]. Это обстоятельство определило участь Западного восстания; религиозный консерватизм его участников, их откровенное противостояние правительству и обреченная на неудачу тактика осады, которой они придерживались, оттолкнули жителей Сомерсета. По всей видимости, они уже были наслышаны о том, что повстанцы на юге страны придерживаются совершенно иной, более выигрышной тактики.

На своих последователей, создававших огромные лагеря, западные мятежники походили только тем, что посылали лорду-протектору бесчисленное множество петиций с перечнем собственных нужд и требований. Двенадцать таких петиций сохранилось, все они скрупулезно изучены историком Обри Гринвудом^[64]. Несомненно, эти петиции доказывают, что в первую очередь восставшие настаивали на отмене религиозных реформ; однако их недовольство вызывали также новый налог на овец, инфляция и беззакония, творимые королевскими чиновниками. Как утверждали их авторы, «чиновники эти недостойны доверия, ибо озабочены лишь стяжанием новых богатств и никому не дают отчета в своих действиях». В одной из петиций выдвигалось требование сократить число слуг любого джентльмена (имелись в виду работающие по принуждению) до шести человек; будь это условие исполнено, местные феодалы в значительной степени лишились бы своего могущества. Авторы другой петиции дошли до того, что

настаивали на прекращении «бесконечных войн, ведущих народ к обнищанию».

Правительство, судя по всему, плохо отдавало себе отчет в том, насколько серьезны происходящие на западе страны события. Поначалу Сомерсет пытался договориться с повстанцами, одновременно собирая армию, дабы предотвратить распространение беспорядков. За пределами Девона и Корнуолла в июне никаких волнений не было, но, по меткому замечанию графа Арундела, то была «напряженная тишина». В июле протектор созвал в Виндзор представителей дворянства из юго-восточных графств и долины реки Темзы, возможно, для того, чтобы обсудить с ними вопросы, связанные с созданием армии для подавления Западного восстания^[65].

Восстания во имя общего блага

В первую неделю июля мятежи разразились по всей Южной Англии и в южных частях Мидлэнда. Северная Англия оставалась спокойной, за исключением Йоркшира, где немного позднее тоже вспыхнуло восстание. Причины подобного спокойствия не вполне понятны, но, вне всякого сомнения, свою роль здесь сыграли несколько факторов: жесткий государственный контроль, установленный так называемым Советом Севера после бунта 1536 года, отсутствие серьезных проблем с огораживаниями и страх перед шотландским вторжением.

Стратегия южных повстанцев заключалась в создании лагерей — в каждом графстве их возникло несколько; как правило, они располагались за пределами городов. Обосновавшись в этих лагерях, мятежники направляли правительству поток петиций, в которых перечисляли свои нужды и причины недовольства. Согласно исследованию Аманды Джонс, ныне историкам удалось точно определить местоположение шестнадцати таких лагерей и — предположительно — еще трех. Помимо них, несомненно, существовали и другие, менее крупные лагеря. Десять лагерей находились в Восточной Англии и Кембриджшире^[66]. Что касается требований, то они были связаны как с религиозными реформами, так и с социальными проблемами. Следует отметить, что в Восточной

Англии повстанцы сосредоточились исключительно на социальных вопросах и всячески подчеркивали свою лояльность по отношению к правительству и полное согласие с проводимой им политикой в отношении Церкви. В своих петициях они утверждали, что отнюдь не являются бунтовщиками, но всего лишь хотят содействовать лорду-протектору в осуществлении мер по преобразованию сельского хозяйства, которые он сам считает необходимыми. Количество людей, находившихся в лагерях, постоянно изменялось, и точно определить его крайне затруднительно, но, вне всякого сомнения, наиболее крупные лагеря, в Оксфордшире и на Маусхолдском холме, насчитывали по несколько тысяч человек каждый. Локальные «беспорядки» продолжались до конца года^[67].

В Оксфордшире и Бакингемшире повстанцы выражали недовольство как религиозными реформами, так и огораживаниями, ростом цен и арендной платы^[68]. Среди вожаков восстания было немало священников, но все они относили себя к «беднякам» и выступали против богатых. Жизнь в лагерях была хорошо организована, там царил порядок и дисциплина. Когда полторы тысячи солдат, отделенных от армии, брошенной на подавление Западного восстания, были направлены в Оксфордшир, повстанцы заблаговременно перенесли свою штаб-квартиру из Энслоу-Хилла в Чиппинг-Нортон. Любопытно, что первая армия, две недели спустя направленная против норфолкских повстанцев, тоже составляла полторы тысячи солдат. Восемнадцатого июля битва между правительственными войсками и повстанцами из Чиппинг-Нортон, которых насчитывалось несколько тысяч, закончилась поражением последних. Пятнадцать вожаков были казнены; среди них оказалось пятеро священников, повешенных на шпилях своих церквей. Простые повстанцы, по большей части фермеры, вернулись домой. Несмотря на все заверения в лояльности, власти сочли мятежников из Мидлэнда врагами правительства и существующего общественного устройства.

В исследовании Дайармейд Маккалок, опубликованном в 1980-е годы, доказывается, что лагерь Кетта, расположенный неподалеку от Нориджа, при всей своей немалой величине был лишь одним из нескольких связанных между собой повстанческих лагерей, возникших в Восточной Англии^[69]. Этот научный труд, так же как и книга Аманды Джонс, посвященная «мелким беспорядкам» эпохи, каковую

современники называли «временем потрясений», вносит значительные коррективы в давнюю традицию, согласно которой Восточное восстание и восстание Кетта считаются чуть ли не единственными народными выступлениями, имевшими место в 1549 году^[70]. Джонс предполагает, что в тех местах, где власти не смогли подавить беспорядки или же, как это произошло в Норидже, были вынуждены пойти на сотрудничество с повстанцами, мелкие вспышки недовольства сознательно замалчивались^[71].

Взаимодействие повстанцев

Восстания вспыхнули по всей стране в течение одной недели, причем именно в тот момент, когда многие главы местных властей, в обязанности которых входило поддержание порядка, находились в отъезде. Разумеется, это не могло быть простым совпадением. Все бунтовщики придерживались «лагерной» стратегии и стремились избежать вооруженных столкновений. Вне всякого сомнения, в июне их будущие руководители вступили между собой в сговор, готовя мятеж совершенно нового типа.

Кем были эти люди? Я уже отмечал, что дезертиры, бежавшие из Шотландии, сыграли в подготовке восстаний куда более значительную роль, чем это считалось прежде. Организационные и военные навыки, которыми обладали бывшие солдаты — и в особенности офицеры, — чрезвычайно пригодились в колоссальных размеров лагере Роберта Кетта. Среди потока воззваний, выпущенных правительством в июле, есть такие, где «преступники, дезертиры и бездельники» обвиняются в распространении слухов и клеветы, а также в подстрекательстве к созданию «незаконных сборищ»^[72]. В письме Филиппу Хобби, послу Священной Римской империи, Сомерсет утверждает, что среди мятежников есть множество «головорезов и бывших солдат, каковые прежде всего ищут наживы»^[73].

В начале июля Томас Смит, главный секретарь Сомерсета, с ужасом отмечал, что численность «лагерных жителей» — так их прозвали уже в то время — растет день ото дня^[74]. У заговорщиков существовал план масштабного восстания, которое должно было охватить Хэмпшир и Сассекс: предполагалось, что оно будет носить

преимущественно религиозный характер. Возглавить восстание предстояло винчестерскому плотнику Гернхэму и некоему Флинту из Сассекса. Однако планам этим не суждено было сбыться: Флинт не явился на решающую встречу, — возможно, он был арестован^[75]. С его предполагаемым арестом связан весьма интересный вопрос — вопрос о правительственных шпионах среди повстанцев. В Кенте некий человек по фамилии Латимер (не епископ) путешествовал по всему графству, заявляя, что герцог Сомерсет якобы уполномочил его выслушивать жалобы простолюдинов. Судя по всему, этот Латимер получил от правительства определенную сумму денег, которую должен был использовать для умиротворения бунтовщиков^[76]. Иными словами, то был двойной агент. Известно также, что некоего Эдварда Лофта правительство направило в лагерь Тетфорд в качестве «соглядатая». Ему предстояло разузнать, не имеют ли кембриджские простолюдины намерения объединиться с норфолкскими повстанцами^[77]. Таким образом, я ничуть не погрешил против истины, изобразив в своем романе правительственного шпиона, внедрившегося в лагерь на Маусхолдском холме.

Согласно утверждению исследовательницы Дайармейд Маккалок, ведущая роль в организации восстаний принадлежала состоятельным йоменам и городским жителям. Прикрытием для их тайных встреч служили спортивные соревнования, столь популярные в Англии в то время; не только представители дворянства, но и простолюдины были буквально одержимы играми и состязаниями^[78]. Кроме того, заговорщики могли встречаться во время церковных праздников, театральных представлений и прочих сборищ, таких, например, как Ваймондхемская ярмарка, после которой и началось восстание Кетта. Полагаю, организаторам восстаний нетрудно было убедить отчаявшихся простолюдинов в необходимости довести свое недовольство до сведения правительства.

Каковы были цели «лагерных жителей»? И повстанцы из Мидлэнда, выступавшие против религиозных нововведений, и мятежники из Восточной Англии, называвшие себя сторонниками церковных реформ, в равной степени выражали ненависть к «джентлемам» и государственным чиновникам, требуя решительных перемен в сельскохозяйственной сфере. К сожалению, из тех бесчисленных петиций, которые повстанцы направляли лорду-

протектору, до наших дней дошло не много. Полагаю, одной из причин подобной стратегии, в особенности на востоке страны, где мятежников мало заботили религиозные вопросы, являлось ожидание обещанной Комиссии по огораживаниям. Действительно, восьмого июля Сомерсет заявил о создании новых комиссий; скорее всего, то был умиротворяющий жест^[79]. Полагаю, в 1549 году повстанцы прекрасно сознавали, что членам комиссии придется столкнуться с многочисленными трудностями. Собираясь в лагерь, они рассчитывали не только добиться принятия нужных им решений, но и обеспечить комиссию «мускульной силой», внедряя эти решения в жизнь. В романе «Тумлэнд» я пытался показать, что поначалу все надежды и упования норфолкских повстанцев были связаны с планами правительства, которым они рассчитывали активно содействовать. Свои петициями бунтовщики заваливали протектора, а не членов комиссии лишь потому, что имена последних не были им известны. Уничтожение незаконных огораживаний было далеко не единственным требованием восставших. Николас Сотертон, бывший очевидцем восстания Кетта и оставивший воспоминания, вызвавшие огромный интерес у историков, полагает, что протектор совершил серьезную ошибку, назначив дату начала работы комиссии; рассчитывая, что она прибудет со дня на день, простолюдины из Восточной Англии и Кента решили взять дело в свои руки. Судя по всему, создавая лагерь, повстанцы рассчитывали ускорить прибытие комиссии и исключить возможность того, что она обойдет их места стороной; именно с ожиданием комиссии связано их настойчивое выражение лояльности королю^[80].

Тем не менее в июле комиссия так и не появилась. Исключение составляет крупный лагерь в Кенте, на окраине Кентербери; комиссия прибыла туда после того, как повстанцы чрезвычайно грубо встретили королевского посланника. Для того чтобы заставить их разойтись, были пущены в ход умиротворяющие письма, деньги и пиво — все, что угодно, но только не реальное решение их проблем. Все эти средства оказались недейственными, и лагерь продолжал существовать вплоть до середины августа^[81]. Впрочем, многие другие лагерь стали исчезать один за другим, после того как с середины июля протектор, подстрекаемый Тайным советом, начал проводить политику конфронтации.

Восточная Англия: предпосылки восстания

Норфолк и Саффолк обладали богатыми традициями народных волнений. В особенности это касается Саффолка, который стал центром возмущения против так называемой Дружественной субсидии — нового налога, введенного Генрихом VIII в 1525 году^[82]. Десятилетие спустя, во время «Благодатного паломничества», копии петиций, составленных йоркширскими мятежниками, появились в Норфолке; в деревне Уолсингем предпринимались попытки разжечь бунт. Три года спустя Джон Уолтер попытался поднять новое восстание во владениях сэра Ричарда Саутвелла, который сыграл важную роль в расправе над участниками «Благодатного паломничества»; в результате Уолтер был повешен.

Норфолкские простолюдины были также знамениты своей склонностью к сутяжничеству; они не раз объединялись для обращения в суд, хотя, конечно, прорваться сквозь плотную сеть взаимной поддержки, которую создали местные джентльмены, им удавалось редко^[83].

Почему в Восточной Англии царили столь радикальные настроения? Определенную роль тут сыграл географический фактор. И в Норфолке, и в Саффолке преобладали неплодородные, так называемые легкие почвы; овечий помет обеспечивал земли удобрениями, повышая их урожайность, поэтому местные землевладельцы зимой традиционно превращали поля в пастбища^[84]. В 1530-е и 1540-е годы резко возросло количество помещиков, стремящихся отобрать надель у своих арендаторов. Как уже отмечалось выше, крупные землевладельцы широко применяли тактику захвата общинных земель, используя их в качестве выпасов для овец.

Что касается политической ситуации, то произошедшее в 1546 году падение герцога Норфолка, религиозного консерватора и крупного лендлорда, ведущего хозяйство самыми жесткими методами — в некоторых его поместьях еще сохранилось крепостничество, — фактически обезглавило местное правительство. Уильям Рагге, епископ Нориджский, также убежденный религиозный консерватор, не пользовался среди простых людей популярностью; будучи в прошлом заметной политической фигурой, к 1549 году он утратил свое значение. Епархия его испытывала серьезные финансовые проблемы (после

смерти предшественника Рагге сэр Ричард Саутвелл в качестве королевского чиновника сумел присвоить значительную часть епархиальной собственности). В период правления Рагге все ключевые должности в правительстве занимали религиозные консерваторы^[85]. Вероятно, то же самое можно было сказать и о священниках.

И наконец, для того чтобы уяснить предпосылки восстания Кетта, рассмотрим ситуацию, сложившуюся в Норидже, тогда втором по величине городе Англии, который обладал одним из самых крупных в стране рынков. Впрочем, в то время население Нориджа не превышало 8000 человек. В середине шестнадцатого столетия город столкнулся с серьезными проблемами, главная причина которых заключалась в упадке имеющей давние традиции торговли камвольными шерстяными тканями^[86].

Управленческая структура Нориджа была точно такой же, как в других английских городах, и состояла из «простых» советников и олдерменов, которых выбирали из числа наиболее состоятельных горожан; возглавлял городской совет мэр. Богатых и бедных разделяла колоссальная пропасть; наиболее состоятельные семьи селились в центре, который в XVI веке значительно расширился. Согласно отчету, составленному в 1525 году в целях взимания Дружественной субсидии, 25 процентам горожан принадлежало более 40 процентов облагаемого налогом имущества, а четверть населения была так бедна, что вообще не подлежала налогообложению. Разумеется, инфляция 1540-х годов способствовала увеличению числа неимущих, положение которых было воистину катастрофическим.

Городские власти, встревоженные явными признаками народного недовольства, пытались принимать соответствующие меры. В мае Норидж стал первым английским городом, в котором был официально введен обязательный налог в пользу бедных^[87]. Полученные средства должны были использоваться для помощи представителям самых неимущих слоев. Когда в июне в городе открылась выездная судебная сессия, подробно описанная в романе «Мертвая земля», судьям вместо традиционного роскошного обеда было предложено лишь пиво^[88]. Но меры эти были явно недостаточны для того, чтобы погасить народное возмущение. И недаром бедные жители Нориджа стали активными участниками восстания Роберта Кетта.

Как отмечает Дайармейд Маккалок, большинство исследований, посвященных восстанию Кетта, базируется на единственном источнике — коротком отчете, который вскоре после разгрома восстания составил Николас Сотертон, представитель одной из богатейших купеческих семей Нориджа. Помимо своей краткости, отчет этот проникнут враждебным отношением к повстанцам. Тем не менее он содержит множество чрезвычайно важных сведений. В 1575 году появился еще один документ, посвященный восстанию, — эссе Александра Невилла «Норфолкское неистовство»^[89]. Невилл был секретарем архиепископа Мэтью Паркера, который в юности посетил лагерь на Маусхолдском холме. Эссе написано по-латыни, в стиле классической риторики, и пышет не просто недоброжелательностью, но желчной злобой. Повстанцев Невилл постоянно называет «непослушными детьми», «глупым сбродом», «бешеными псами»; впрочем, он был далеко не единственным, кто сравнивал мятежников с представителями животного мира и всячески подчеркивал их неразумность. В 1582 году, в период правления Елизаветы, Тайный совет распорядился изучать это эссе во всех школах в качестве образчика латинского риторического стиля. Оно было переведено на английский язык в 1615 году^[90]. При всех своих особенностях труд Александра Невилла также содержит много полезной информации. Все прочие современные упоминания немногочисленны и фрагментарны, хотя в последние годы была проведена серьезная работа по изучению содержащихся там фактов.

Восстание началось во время ежегодной ярмарки с театральным представлением, которая проводилась в Ваймондхеме, третьем по величине городе Норфолка, с 6 по 8 июля 1549 года. Помимо театрализованной мистерии, на ярмарке устраивалось множество забав и зрелищ^[91]. Скорость, с которой начало распространяться восстание, доказывает, что оно планировалось заранее. В течение непродолжительного времени повстанческие лагеря появились неподалеку от Кингс-Линна и Даунхэм-Маркета. Два лагеря возникли в Саффолке, еще один — в Тетфорде, небольшом норфолкском городке^[92].

Восьмого июля группа жителей Ваймондхема отправилась в Морли, дабы уничтожить изгороди вокруг пастбища Джона Хобарта,

захватившего часть общинных земель. На следующий день недовольные двинулись в Хетхерсет, где Джон Фловердью отгородил часть ваймондхемского городского пастбища^[93].

Фловердью воплощал собой все, что ненавидели простые люди. Подобно Мэтью Шардлейку, он был сержантом юриспруденции; занимая высокий пост, Фловердью не упускал ни одной возможности получить выгоду. В период уничтожения монастырей он был агентом Кромвеля и содействовал роспуску Ваймондхемского аббатства. Как и многие монастырские здания, приходская церковь в Ваймондхеме являлась частью аббатства; узнав о намерении Фловердью ее разрушить, горожане обратились к Генриху VIII с просьбой оставить церковь в неприкосновенности. Король ответил им согласием. Тем не менее Фловердью уже успел уничтожить южный неф, а также снял с храма свинцовую крышу, установленную на средства прихожан, и увез ее в свое поместье вместе с несколькими крупными камнями из кладки стен^[94]. Для столь состоятельного человека, каким был Фловердью, такие мелочи, как свинцовая крыша и камни, вряд ли являлись серьезной добычей. Судя по всему, он просто-напросто относился к числу склочников, использующих любой повод для разжигания конфликта.

В некоторых источниках утверждается, что в 1548–1549 годах Фловердью являлся верховным феодалом Норфолка. Однако не вызывает сомнений, что в период правления Эдуарда VI верховным феодалом Норфолка была старшая сестра короля Эдуарда VI леди Мария, а Ведомство по делам конфискованного имущества в 1549 году возглавлял Генри Майн. Впрочем, учитывая значительные размеры графства, вполне возможно, что и Майн, и леди Мария передали свои обязанности опытным законникам; известно, что после казни Кетта Фловердью давал показания относительно размеров и стоимости имущества государственного преступника. В своем романе я сделал Фловердью одним из представителей Ведомства по делам конфискованного имущества, а Саутвелла — доверенным лицом леди Марии (он был управляющим ее имениями).

Когда разгневанные простолюдины прибыли в поместье Фловердью, он попытался натравить их на своего давнего врага Роберта Кетта, который недавно тоже отгородил часть общинной земли. Роберт Кетт и его брат Уильям, весьма уважаемые жители Ваймондхема,

возглавили протесты горожан против Фловердью во время конфликта, связанного с имуществом аббатства. Оба брата относились к числу людей со средним достатком, предки их жили в этих краях на протяжении нескольких веков. В 1549 году Уильяму было шестьдесят четыре года, а Роберту — пятьдесят семь лет. По меркам эпохи Тюдоров оба считались пожилыми людьми, хотя, как показали последующие два месяца, Роберт, несмотря на свой возраст, обладал, помимо незаурядного политического чутья, также энергией, решительностью и сильным волевым характером. Уильям торговал мясом и имел несколько лавок; Роберт, процветающий фермер, держал также мастерскую по выделке кож. После уничтожения монастырей он, как и многие другие, приобрел часть угодий аббатства. После казни Роберта Кетта имущество его было оценено в 750 фунтов стерлингов^[95]. Экономически это позволяло ему занять самую нижнюю степень класса джентльменов (разумеется, на общественной лестнице он стоял намного ниже Фловердью). Но, судя по всему, у него не было ни малейшего желания выбиваться в джентльмены: Роберт ощущал себя одним из городских жителей, был уважаемым членом гильдии и принимал активное участие в проведении ежегодной ярмарки и театрального представления. Таким образом, он имел изрядный опыт в качестве местного политика и обладал организаторскими навыками. Кетт, получивший образование в монастырской школе, был другом аббата Лойе, последнего настоятеля Ваймондхемского аббатства^[96].

Учитывая все это, Роберт Кетт кажется не слишком подходящим кандидатом на роль вождя народного восстания, причем восстания с явным привкусом протестантизма и идей общего блага. Возможное объяснение состоит в том, что уже в зрелом возрасте Кетт принял протестантизм, решившись на подобный шаг после долгих размышлений. Не исключено также, что определенное влияние на него оказал убежденный реформатор Генри Кинг, с 1539 по 1553 год служивший викарием в ваймондхемской церкви^[97]. Все это не более чем предположение, но мне оно представляется до такой степени правдоподобным, что я обыграл данную гипотезу в своем романе «Тумлэнд».

Кетт не только не стал противиться людям, явившимся уничтожить изгороди вокруг его нового пастбища, но и, сочтя это требование абсолютно справедливым, собственноручно помог мятежникам^[98].

После чего вместе с ними отправился в Ваймондхем. На следующий день, девятого июля, повстанцы двинулись на Норидж, уничтожая по пути изгороди вокруг пастбищ. Не избежали этой участи и пастбища Фловердью; полагаю, ему удалось скрыться не только в романе, но и в действительности, так как до окончания восстания об этом человеке не было ни слуху ни духу. Кетт сразу же принял на себя роль предводителя бунтовщиков. Неподалеку от Хетхерсета он выступил перед ними с речью, в которой, по утверждению Невилла, заявил, что «готов быть не только их товарищем, но и командиром»^[99]. Затем Кетт поклялся повстанцам в верности, хотя, согласно традициям того времени, принести клятву верности своему вождю должны были его подчиненные. В том, что Роберт Кетт являлся полномочным лидером, нет никаких сомнений, однако надо отметить, что он никогда не был диктатором. К несчастью, до нас не дошло никаких свидетельств, позволяющих судить о его личности и манере поведения. Описывая все это, так же как и внешность Кетта, я полагался лишь на свое воображение.

Из Нориджа на Маусхолдский холм

Когда повстанцы оказались у стен Нориджа, к ним присоединились их сторонники из числа горожан; в знак того, что они поддерживают мятежников, все держали в руках зеленые ветви^[100]. Общими усилиями были уничтожены изгороди вокруг городского пастбища. Скорее всего, именно в это время мятежники решили обосноваться на Маусхолдском холме, который находился на другой стороне и был окружен поросшими скудной травой песчаными пустошами, тянувшимися к востоку на шесть миль^[101]. Роберт Кетт, следуя общепринятой практике, намеревался разбить лагерь за пределами города. Трудно было найти более подходящее место, чем высокий холм, под крутыми склонами которого протекала река Уэнсум. Часть холма покрывал так называемый Торпский лес, который мог обеспечить повстанцев древесиной для строительства временных жилищ. Единственным минусом являлось отсутствие родников и прочих источников, превращавшее обеспечение питьевой водой в серьезную проблему.

На просьбу Роберта Кетта разрешить повстанцам пройти через город мэр Нориджа Кодд и олдермены ответили отказом. Решив не брать город штурмом, повстанцы отправились на Маусхолдский холм в обход городских стен, через Дрейтон-Вуд. В результате на месте будущего лагеря они оказались двенадцатого июля. Когда мятежники находились в пути, сэр Роджер Вудхаус, крупный местный землевладелец, предпринял попытку уговорить их разойтись, предлагая гостеприимство в собственном поместье (традиционный способ умиротворить бунтовщиков). Однако добился он лишь того, что повстанцы раздели его донага (унижение, весьма распространенное в ту пору, ибо богатая одежда символизировала джентльменский статус) и бросили в канаву. Если бы не вмешательство слуг Вудхауса, он неминуемо был бы убит^[102]. Это единственный случай, когда мятежники готовы были посягнуть на жизнь джентльмена; как правило, они брали своих врагов в плен и подвергали различным унижениям.

Кем были повстанцы?

Согласно Невиллу, на момент основания лагеря повстанцев было около 2600 человек^[103]. Жители Северного и Центрального Норфолка примыкали к ним на протяжении всего пути из Ваймондхема и продолжали подтягиваться на Маусхолдский холм. Данные относительно того, сколько обитателей насчитывалось в лагере, когда работы по его благоустройству были закончены, весьма противоречивы: цифры колеблются от 6000 до 12 000. Численность жителей лагеря, разумеется, изменялась. Скорее всего, в июне она неуклонно росла, а в августе, когда лагерь, прежде бывший частью целой сети, оказался в изоляции, вероятно, пошла на убыль. Можно предположить, что некоторые повстанцы покинули Маусхолдский холм, уstraшенные слухами о мощной армии, отправленной правительством для подавления мятежа. Очень важно сознавать, что лагерь был не статичной, а, напротив, весьма динамичной организацией. В августе, когда наименее решительно настроенные бунтовщики отправились по домам, место их заняли обитатели уничтоженных лагерей, готовые сражаться до конца. Таким образом, Маусхолд, потеряв в численности, проникся более радикальными настроениями.

Авторы «Исторического атласа Норфолка» утверждают, что население графства в 1520-е годы составляло 112 000 человек, а плотность его была одной из самых высоких в Англии^[104]. Учитывая скорость прироста населения в XVI веке, можно предположить, что к 1549 году в Норфолке проживало 136 000 человек^[105].

Напомню, что Норфолк в административных целях был поделен на сотни. Районы, из которых стекались в лагерь повстанцы, включали в себя от 25 до 33 сотен плюс одну сотню из Саффолка. Прочие жители устремлялись в лагерь на юге Норфолка. Таким образом, количество населения в районах, пополнявших ряды повстанцев, составляло приблизительно 100 000 человек. Численность мужского населения была около 36 000, включая пожилых и немощных, а также тех, кто не мог или не хотел оставить свою ферму или ремесленное производство. Исходя из этих цифр, можно предположить, что в лагере на Маусхолдском холме проживало от 8000 до 9000 человек.

При этом не следует забывать, что у восставших было немало сторонников среди бедных жителей Нориджа — возможно, около 4000 сочувствующих. Эти люди постоянно курсировали между лагерем и городом и, несомненно, принимали участие во всех вооруженных столкновениях.

Находились ли в лагере женщины? Конечно, воевать с оружием в руках считалось не женским делом, хотя в эпоху Тюдоров представительницы слабого пола нередко принимали участие в мятежах и бунтах. Как бы то ни было, мы располагаем двумя свидетельствами того, что в лагере проживало несколько женщин. В очерке Невилла упоминается, что накануне битвы при Дассиндейле на грудь жены Кетта упала гадюка, свалившаяся с гнилого дерева^[106]. Весьма важное свидетельство, до сей поры обойденное вниманием исследователей, приводится в истории восстания, написанной в XIX веке Ф. В. Расселлом. Там цитируется документ, согласно которому в августе, после неудачной попытки повстанцев захватить Грейт-Ярмут, нориджским констеблям было приказано узнать имена городских жителей, переселившихся в лагерь, а также выяснить, «сколько жен мятежников последовало за своими мужьями в лагерь, а сколько осталось дома»^[107]. На страницах романа «Мертвая земля» я изобразил лишь нескольких женщин, живущих в лагере. Полагаю, что в

большинстве своем супруги повстанцев оставались дома, так как им нужно было приглядывать за детьми и хозяйством.

Что касается классовой принадлежности и рода занятий жителей лагеря, то внести ясность в этот вопрос нам помогают научные труды Обри Гринвуда и Джейн Виттл. Впрочем, оба автора признают, что располагают весьма ограниченной информацией, ибо документальные свидетельства сохранили имена и род занятий лишь самых выдающихся повстанцев^[108]. Например, известно, что из 121 командира 3 были йоменами, 20 — фермерами, 33 — бедными крестьянами и не менее 42 — ремесленниками. Среди последних были и мясники, традиционно отличавшиеся зажиточностью, и бедные сельские сапожники, и крысоловы, в значительной степени зависящие от деревенской общины^[109]. Виттл подробно изучила арендные договоры, которые позволяют судить о том, сколько среди повстанцев было арендаторов; впрочем, как она справедливо замечает, в подобных бумагах не упоминаются имена самых бедных^[110].

На основании изученных документов Виттл также приходит к определенным выводам относительно возраста повстанцев: 11 процентов — это люди старше 50 лет, 54 процента — между 40 и 50 годами и 35 процентов — от 25 до 40 лет^[111]. Согласно мнению исследовательницы, хотя импульс к восстанию дали беднейшие слои населения, однако руководство дальнейшими действиями взяли на себя состоятельные фермеры. При этом некоторые из них, подобно Роберту Кетту, имели основания для того, чтобы вступить с бедняками в конфликт, так как захватили часть общинных земель. Впрочем, по сравнению с теми огромными участками, которые отгородили сельские дворяне, это было сущим пустяком; как бедные, так и состоятельные крестьяне в равной степени ощущали себя жертвами произвола крупных землевладельцев и беззаконий, творимых продажными чиновниками^[112].

Можно предположить, что имена самых бедных и самых молодых повстанцев вообще ни в каких записях не упоминаются. От 20 процентов до 25 процентов сельского населения Норфолка составляли в ту пору безземельные батраки^[113]. Полагаю, что те, кому нечего было терять, устремились в лагерь с особой охотой: мелкие сельские ремесленники, беднейшие крестьяне, крепостные и безработные

бродяги, подобные Саймону и Нетти — персонажам романа «Мертвая земля».

Управление лагерем

На вершине склона, с которого открывается вид на Норидж, стоял особняк в итальянском стиле, бывший дворец графа Суррея, прежде принадлежавший казненному вельможе. На момент начала восстания дворец был пуст, хотя, возможно, там проживало несколько слуг и смотрителей. Весьма символично, что это роскошное здание повстанцы превратили в склад и тюрьму, где содержали захваченных в плен норфолкских джентльменов. Свою штаб-квартиру Кетт устроил не во дворце, а в маленькой церкви Святого Михаила, расположенной неподалеку. Прежде эта церквушка являлась частью уничтоженного монастыря Святого Леонарда, на месте которого и был возведен дворец.

Среди руководства лагеря представители класса джентльменов отсутствовали. Повстанцы постоянно направляли в ближайшие деревни отряды, в задачу которых входило обеспечить Маусхолд провизией; нередко эти отряды брали в плен владельцев богатых имений. Их раздевали догола, избивали, всячески унижали, подвергали суду — но никогда не убивали. Судя по всему, повстанцы сознавали с самого начала: если их ожидает поражение, крупные землевладельцы выместят свой гнев на арендаторах. Можно сказать, что восстание относилось к числу авантюр, проходивших под лозунгом «Всё или ничего».

С первых дней мятежа лидерство Роберта Кетта было неоспоримо; в самом скором времени он сумел найти себе достойных доверия помощников. От каждой из 33 норфолкских сотен было избрано по два командира, хотя нам неизвестно, как именно осуществлялись выборы. Управленческая структура лагеря, вне всякого сомнения, повторяла государственную. В Норфолке от каждой сотни ежегодно выбирались два констебля, в обязанности которых входило сообщать суду обо всех беззакониях и правонарушениях. До нас дошли имена некоторых констеблей; часть их, подобно Кетту, принимала участие в разрешении серьезных конфликтов^[114].

Объединение жителей той или иной сотни в один отряд, которое описано в «Мертвой земле», оказалось весьма эффективным

управленческим приемом. Многие деревенские жители приносили с собой приходские знамена, благодаря которым люди могли найти в огромном лагере своих земляков; я не раз упоминаю об этих знаменах в своем романе.

Даже столь недоброжелательно настроенные хроникеры, как Сотертон и Невилл, не отрицают, что на протяжении всего существования лагеря в нем царили порядок и дисциплина, а вспышки насилия и жестокости были крайне редки. Кетт в полной мере проявил свои организаторские таланты. Публичные дебаты, богослужения, суды над джентльменами и правонарушителями проводились на просторной поляне, посреди которой стоял огромный древний дуб, получивший название Дуб реформации (название это имело двойное значение, подразумевавшее и церковные, и социальные реформы). Неподалеку от дуба повстанцы возвели крытый деревянный помост, высота которого составляла не менее шести футов. (В противном случае во время визита Мэтью Паркера, обличительная речь которого вызвала негодование жителей лагеря, повстанцы не смогли бы, стоя под помостом, колоть ступни епископа пиками.)^[115] Возможно, под Дуб реформации доставлялись добытые продовольственными отрядами припасы, которые потом поступали на общий склад и распределялись в организованном порядке^[116]. С деревянного помоста произносились пламенные речи; согласно Невиллу, выступая под знаменитым дубом, руководители лагеря призывали к порядку и терпению радикально настроенных повстанцев^[117]. По крайней мере в первые недели существования лагеря возможность выступить предоставлялась также и противникам восстания.

На судебных процессах, которые устраивались под Дубом реформации, повстанцы решали, виновен ли тот или иной джентльмен в преступлениях против простых людей. В «Мертвой земле» я уделил немало внимания описаниям подобных судов, во время которых соблюдались существующие в ту пору нормы правосудия. Как я уже говорил, руководители лагеря во многом опирались на существующие социальные институты. Правда, присяжные отсутствовали, и вердикт о виновности или невиновности подсудимого выносился на основании всеобщего бурного обсуждения^[118]. Несмотря на то что в некоторых случаях толпа громко требовала смерти подсудимого, никто не был казнен. Впрочем, нам известно о случаях жестокого избиения

джентльменов; например, подобная участь постигла некоего Роберта Уортона, юриста, прославившегося своими злоупотреблениями^[119]. Вне всякого сомнения, суды служили отличным средством, позволяющим толпе выпустить пар; при этом они давали возможность получить достоверные факты, свидетельствующие о беззакониях землевладельцев и чиновников.

Собрав несколько тысяч человек на холме, лишенном родников и источников питьевой воды, следовало безотлагательно решить проблему водоснабжения и продовольствия. Нельзя забывать, что середина лета, время перед новым урожаем, — это самый голодный период в году. Тем не менее церковные приходы, к которым принадлежали повстанцы, пытались обеспечить их провизией. В исследованиях часто упоминается, как церковные старосты из Северного Элмхэма присылали своим прихожанам, находившимся в лагере, рыбу, сливочное масло, хлеб и прочие припасы. К тому же они наняли для повстанцев пивовара, повара и работника, в обязанности которого входило жарить мясо на вертеле^[120]. Несомненно, в лагере быстро возникла развитая инфраструктура — там имелась даже своя пивоварня.

Помимо провизии, которой снабжали повстанцев их сторонники, они и сами изымали продукты и скот в поместьях крупных землевладельцев. Судя по всему, опустошая богатые имения, мятежники давали волю обуревавшему их чувству мести. Согласно Сотертону, они реквизировали 3000 коров и 20 000 овец, множество оленей, пойманных в охотничьих парках, а также «лебедей, гусей и прочую птицу»; за каждую изъятую овцу они платили хозяину по пенни. Полагаю, от кроликов и голубей участники продовольственных отрядов тоже не отказывались. Невилл утверждает, что повстанцы использовали в пищу лишь отборные куски мяса, выбрасывая головы и внутренности^[121].

Благодаря набегам на богатые поместья бунтовщики обеспечивали себя не только провизией, но и оружием, лошадьми, повозками и фуражом. Вскоре Кетт начал выпускать ордера за собственной подписью, в которых джентльменам во имя короля предписывалось поставлять жителям лагеря все необходимое^[122]. Примечательно, что восставшим удалось захватить весьма значительное количество оружия, включая пушки. В некоторых случаях джентльменам выдавались

расписки — очередное свидетельство того, что мятежники всячески подчеркивали свою лояльность по отношению к королю и соблюдали видимость законности.

Еще один пример того, насколько хорошо была организована жизнь на Маусхолдском холме, — чрезвычайно быстрое строительство жилья. В течение нескольких дней повстанцы проделали колоссальную работу, возведя невероятное количество деревянных домиков, в которых разместились все жители лагеря^[123]. Полагаю, эти крохотные хижины выглядели примерно так, как это описано в романе «Мертвая земля». Источником древесины служит Торпский лес. Вне всякого сомнения, среди повстанцев было немало искусных плотников и прочих строительных рабочих, пустивших в ход свои навыки.

Быстрое решение проблемы жилья было чрезвычайно важным достижением. Пока неграмотные люди валили деревья и пилили доски, грамотные скрипели перьями: братья Кетт осознавали, что, если они намерены издавать собственные указы и постановления, им понадобится целый штат писцов и людей, сведущих в законах. Несомненно, Роберт и Уильям были далеко не единственными обитателями лагеря, владеющими грамотой, так что отыскать писцов не составило труда; что же касается законников, то, учитывая взаимную неприязнь, существующую между ними и простолюдинами, найти юриста, готового помогать мятежникам, было сложной задачей. Повстанцам удалось захватить в плен и принудить к сотрудничеству адвоката по имени Томас Годсэль, однако он вскоре сбежал. В «Мертвой земле» роль советника по вопросам правосудия выполняет вымышленное лицо — придуманный мною персонаж Мэтью Шардлейк. Нет никаких свидетельств того, что у него имелся реальный прообраз.

Поразительно, как много успели сделать простые люди, собравшиеся на Маусхолдском холме. Вынужден отметить, что в исследованиях, посвященных организации лагеря, совершенно не уделяется внимания одному чрезвычайно важному вопросу — отработке военных навыков. Меж тем повстанцы называли Роберта Кетта своим капитаном, а капитан — это военное звание. Любопытно, что звания этого Кетт удостоился в самые первые дни восстания. Кстати, командиров продовольственных отрядов, совершающих набеги на дворянские особняки и поместья, также именовали капитанами^[124].

Несомненно, поддерживать строгую дисциплину и порядок в столь огромном лагере было под силу лишь людям, прошедшим школу военных кампаний, участникам войн с Шотландией и Францией.

В отчетах очевидцев событий называется имя единственного военного: это Джон Майлс, «мастер-канонир»^[125]. Вероятно, он был одним из девяти вождей восстания, казненных под Дубом реформации на следующий день после сокрушительного поражения в битве при Дассиндейле^[126]. Выше уже упоминалось о той роли, которую сыграли солдаты, дезертировавшие из Шотландии, в выработке лагерной стратегии, получившей распространение по всей стране. Если Майлс действительно был мастером-канониром, он имел высокое офицерское звание и возглавлял орудийный расчет, то есть несколько орудий, обслуживаемых солдатами. В их обязанности входило заряжать пушку, вставлять запал, прицеливаться и производить выстрел. Если солдаты совершали какую-либо оплошность, пушка могла взорваться. Учитывая, что среди орудий, захваченных повстанцами, имелись пушки различных устройств и калибров, весьма сомнительно, что Майлс сумел в одиночку подготовить целую команду канониров, способных успешно вести артиллерийский огонь. Полагаю, ему помогали другие дезертиры, также обладавшие навыками по части артиллерии.

В течение семи недель маусхолдские повстанцы выдержали не менее трех битв. На протяжении 1540-х годов, ставших в Англии «десятилетием войн», деревенских жителей заставляли практиковаться в стрельбе из лука. Некоторым из них приходилось принимать участие в военных сборах. Тем не менее, для того чтобы достичь столь значительного мастерства во владении луком, каковое они продемонстрировали во время сражений, жители лагеря должны были усиленно упражняться. Постоянные тренировки были необходимы и тем, кто сражался колющим оружием — алебардами, копьями и пиками^[127]. Вне всякого сомнения, военные учения осуществлялись в лагере с большим размахом; проводить их могли только люди, обладающие опытом ведения боевых действий. Роберт Кетт такого опыта не имел; тем не менее в рекордно короткие сроки толпа деревенских жителей, многие из которых прежде никогда не держали в руках оружия, превратилась в хорошо обученную армию. Это заслуга бывших солдат, которых, полагаю, на Маусхолдском холме было немало.

Есть еще одно доказательство того, что среди повстанцев оказалось немало тех, кто в прошлом служил в правительственной армии. Представления о гигиене, бытующие в эпоху Тюдоров, были весьма примитивными. Огромное скопище людей, которое представлял собой Маусхолд, неминуемо должно было стать рассадником заразных болезней, в первую очередь дизентерии, главного бича военных лагерей тех времен. Вспышке кишечных инфекций могли способствовать жаркое лето, отсутствие источников чистой питьевой воды и огромное количество гниющей тrefухи, которая на первых порах валялась где попало. Тем не менее нет никаких свидетельств того, что обитатели Маусхолдского лагеря страдали от инфекционных заболеваний. Будь это так, весьма враждебные по отношению к ним хроникеры не преминули бы об этом упомянуть. Полагаю, именно по настоянию солдат, прошедших суровую школу военных походов, в лагере были приняты необходимые санитарные меры, в частности устроено множество помойных ям и отхожих мест.

Иными словами, присутствие опытных военных ощущается во многих сферах лагерной жизни — строгой дисциплине, соблюдении требований гигиены и, разумеется, в интенсивных военных учениях. Не сомневаюсь, только упорные тренировки помогли вчерашним крестьянам достичь на полях сражений выдающихся успехов, которые описаны в романе «Мертвая земля».

Отношения с Нориджем

После того как в непосредственной близости от Нориджа возник повстанческий лагерь, население которого едва ли не превосходило население города, местные власти не могли делать вид, что не замечают этого обстоятельства. Мэр Нориджа Томас Кодд и главный олдермен Томас Элдрич, в сопровождении священника Роберта Уотсона, посетили лагерь и вскоре вступили с повстанцами в достаточно тесное сотрудничество. Кодд и Элдрич даже были среди тех, кто подписал «Двадцать девять требований», единственную сохранившуюся петицию маусхолдских мятежников. Преподобный Уотсон неоднократно проводил в лагере богослужения, а Кодд и Элдрич выступали у Дуба реформации с речами, пытаясь по мере возможности утихомирить

страсти^[128]. Это не помешало им отправить в Лондон гонца — им стал брат Николаса Сотертон Леонард — с письмом, в котором описывалась сложившаяся ситуация^[129]. И представители нориджской элиты, и жители лагеря прекрасно сознавали, что этот хрупкий альянс не продлится долго. До поры до времени повстанцы не пытались атаковать Норидж, ибо городские стены, хоть и пребывавшие в наилучшем состоянии, представляли собой серьезное препятствие — высота их превышала двадцать футов, а между зубцами имелись удобные места для лучников^[130].

Тем не менее повстанцы имели свободный доступ в город, и некоторые джентльмены, находившиеся у них в плену, были переведены в Нориджский замок^[131]. Несомненно, в середине июля, когда в Норидж прибыл епископ Мэтью Паркер, жители лагеря имели право разгуливать по городу^[132].

В середине июля радикально настроенный нориджский священник Томас Коннерс получил разрешение дважды в день обращаться к повстанцам с проповедью. Его ярый евангелический протестантизм, равно как и религиозные реформы, к которым он призывал, не вызывал в лагере ни малейшего возмущения. Согласно предположению Гринвуда, жители Норфолка в большинстве своем безропотно приняли Реформацию, хотя и не желали ее^[133]. Подобные настроения вполне соответствовали стратегии маусхолдских лидеров, всячески подчеркивающих, что они не являются мятежниками, ибо хранят верность королю и хотят помочь ему в осуществлении задуманных аграрных реформ. Кетт и некоторые его сподвижники могли быть убежденными евангелистами, но про обитателей лагеря в целом это вряд ли можно сказать. Впрочем, наверняка многие повстанцы враждебно относились к традиционной религии, связывая ее с именем ненавистного герцога Норфолка.

Финансирование лагеря

Поначалу жители лагеря получали провизию у жителей близлежащих деревень и насильственно реквизировали ее в поместьях крупных землевладельцев. Позднее, после того как повстанцы завладели Нориджем, они изъяли оружие и деньги у состоятельных

жителей города. Тем не менее представляется весьма сомнительным, что в течение семи недель это были единственные источники существования для 8000, а то и 9000 человек. Разумеется, повстанцы не могли разом съесть 20 000 овец, о которых упоминает Саутвелл. Всех овец, а также коров и прочих животных, уцелевших после бурных пиршеств, которым жители лагеря предавались в первые дни, скорее всего, поместили в загоны, дабы забивать по мере надобности. На Маусхолдском холме места для этого вполне хватало. В «Мертвой земле» я не раз упоминаю о том, что в лагере имелись загоны для скота и лошадей.

В исследовании Дайармейд Маккалок упоминаются еще два возможных источника финансирования — архиепископ Рагге и сэр Ричард Саутвелл. Несмотря на то что оба являлись заклятыми врагами религиозных и политических реформ, они, несомненно, вступали в контакт с Кеттом^[134]. Обстоятельства встречи предводителя повстанцев с Рагге остаются неизвестными. Однако можно предположить, что архиепископ предложил Роберту Кетту крупную денежную сумму взамен на обещание не трогать епархиальное имущество и земли, а также его собственные владения. Как известно, после подавления восстания Рагге был с позором лишен своего высокого поста.

Еще более любопытной представляется линия поведения, которую избрал сэр Ричард Саутвелл, являвшийся, как уже упоминалось, кандидатом в члены Тайного совета. Жестокий и безжалостный человек, владелец множества незаконно огороженных пастбищ, он пользовался в Норфолке до крайности дурной славой. В 1546 году, во время суда над своим бывшим патроном, герцогом Норфолком, и его сыном, графом Сурреем, Саутвелл был одним из главных свидетелей обвинения. Как уже говорилось, он являлся управляющим владениями леди Марии и продолжал служить ей после того, как она стала королевой.

Во время всех восстаний самый влиятельный человек в графстве неизменно вступал с мятежниками в переговоры, пытаясь уговорить их разойтись по домам или хотя бы достичь определенных соглашений. После казни герцога Норфолка самой крупной политической фигурой в графстве, несомненно, являлся Саутвелл. После подавления восстания он был обвинен в том, что передал бунтовщикам 500 фунтов (в пересчете на нынешние деньги это составляет приблизительно 250 000

фунтов). Ни в одном другом лагере повстанцев не пытались подкупить, пустив в ход столь крупную сумму. Хотя капитан Кетт принял деньги, Маусхолдский лагерь, разумеется, не был распущен. После восстания Саутвелла заключили в Тауэр и приговорили к штрафу в 500 фунтов за то, что он «своей собственной рукой подписал воззвание, подстрекающее к мятежу»^[135]. Как правило, подобные действия объявлялись государственной изменой и карались смертной казнью, но Саутвелл, по своему обыкновению, вышел сухим из воды.

В «Мертвой земле» я придерживаюсь версии, согласно которой Саутвелл передал Кетту деньги при личной встрече в обмен на обещание оставить в неприкосновенности его огромные овечьи стада, а также земли леди Марии. В первые дни восстания в окрестностях Кеннингхолла было уничтожено несколько пастбищ, однако старшую дочь Генриха никто так и не побеспокоил. Хотя огонь мятежа бушевал поблизости от ее владений, она мирно провела в своей резиденции все лето. Интересно было бы выяснить, какая участь постигла во время восстания поместья Саутвелла.

Итак, если, согласно моим предположениям, у повстанцев имелись деньги, то где они могли их тратить? Этот вопрос влечет за собой другой: продолжал ли нориджский рынок, сердце экономики города, функционировать во время восстания? Полагаю, рынок своей деятельности не прекращал; лишившись возможности продавать товары, нориджские купцы и ремесленники оказались бы в весьма стесненных обстоятельствах. Повстанцам не было никакого резона закрывать рынок, напротив, в их интересах было позволять ему работать. Деньги, которыми располагали жители лагеря, они могли тратить на приобретение товаров первой необходимости — свечей, обуви, одежды и, разумеется, прежде всего съестных припасов и продуктов, необходимых для пивоварения. После того как город был захвачен правительственными войсками, обитатели Маусхолдского холма были отрезаны от рынка и фактически оказались в блокаде. Возможно, именно это обстоятельство вынудило их дать в конце августа сражение, речь о котором пойдет ниже.

Бытовая жизнь лагеря

Пытаясь понять, что представлял собой ежедневный быт обитателей Маусхолдского холма, приходится призывать на помощь воображение. Тем не менее я старался основывать свои описания на тех немногочисленных сведениях, которые предоставляют исторические источники, а также на том, что нам известно о бытовом укладе и досуге простолюдинов эпохи Тюдоров.

Благодаря отчетам Сотертон и Невилла мы можем судить об одном из важнейших обстоятельств, определявшем условия жизни повстанцев, — погоде. Оба источника утверждают, что июль в том году выдался жарким и солнечным, что, несомненно, способствовало проведению строительных работ и благоустройству лагеря. Мэтью Паркер, оказавшись на Маусхолдском холме, обнаружил, что многие жители лагеря были просто вымотаны длительной жарой^[136]. Когда 31 июля в Норидж прибыла армия маркиза Нортгемптона, солдатам, измученным жарой, понадобился длительный отдых^[137]. Однако в течение месяца разразились как минимум две мощные грозы, которые сопровождались шквальным ветром и ливнями. Первая из них, скорее всего, относится к началу июля, когда в лагерь со всех сторон доставлялись пленные джентльмены. Мы располагаем свидетельством одного из таких пленников, которого буря застигла посреди дороги, в открытой повозке^[138]. Вторая гроза, имевшая место 1 августа, была столь сильна, что дождевые потоки погасили пожары, вспыхнувшие в городе после битвы с армией Нортгемптона^[139]. Согласно свидетельству Сотертон, повстанцы, застигнутые стихией в городе, укрылись в городских церквях, где и провели ночь^[140]. После той бури погода резко изменилась. На смену знойному и засушливому июлю пришел прохладный дождливый август, как это и описано в «Мертвой земле». Песчаные почвы Маусхолдского холма быстро впитывали дождевую воду, однако грозы вызвали довольно значительные разрушения, что в условиях жаркой погоды и нехватки воды могло спровоцировать вспышку инфекционных заболеваний и серьезные бытовые неудобства.

В моем романе упоминается о том, что в лагере были устроены собственные пекарни и пивоварни, а также цирюльни и лавки, в которых ремесленники торговали своими товарами. Как я уже говорил, там имелись загоны для скота и лошадей, которых необходимо было объезжать, готовя к участию в предстоящей битве.

Возможно, в лагере, особенно в первые недели его существования, устраивались всякого рода забавы и увеселения. Вне всякого сомнения, крестьяне, собравшиеся на Маусхолдском холме, предавались своим излюбленным развлечениям: рассказывали истории и сказки, проводили петушинные бои и состязались в силе. Возможно, из Нориджа в лагерь приходили бродячие артисты: жонглеры, акробаты, кукольники. В «Мертвой земле» описывается травля медведей — потеха, столь излюбленная в эпоху Тюдоров. «Командная игра», о которой идет речь в романе, тоже была весьма популярна в те времена, особенно в Восточной Англии. Она представляла собой ужесточенную версию футбола: игроков намного больше, правил значительно меньше. Разумеется, лагерь неизменно привлекал бродячих торговцев, которые доставляли туда не только свои немудреные товары, но и последние новости.

Пьянство могло стать в Маусхолде весьма серьезной проблемой, но, судя по всему, этого удалось избежать. В противном случае и Невилл, и Сотертон непременно упомянули бы об излишней любви мятежников к крепким напиткам. Следует также отметить, что существовала значительная разница между «легким пивом», которое в эпоху Тюдоров пили все от мала до велика, ибо считалось, что употребление воды чревато различными болезнями, и «крепким пивом», где содержание алкоголя было значительно выше. По всей вероятности, расположенные на Маусхолдском холме пивоварни производили почти исключительно «легкое пиво»; что же касается «крепкого» напитка, то его запасы власти всячески стремились свести к минимуму.

Есть только одно свидетельство того, что обитатели лагеря порой находились под воздействием алкоголя. Нам известно, что епископ Мэтью Паркер, прибыв на Маусхолдский холм, отказался от своего намерения проповедовать перед повстанцами, ибо все они были пьяны^[141]. Правда, на следующее утро он вернулся и выступил перед жителями лагеря с гневной речью, которая не нашла в их сердцах отклика. Об этой истории часто вспоминают, однако для епископа все закончилось более или менее благополучно. Обиженные повстанцы ограничились тем, что, забравшись под деревянный помост, с которого витийствовал проповедник, принялись колоть его ступни пиками. Никаких серьезных повреждений Паркер не получил, иначе он был бы

не в состоянии покинуть лагерь пешком. Как видно, шутники всего лишь хотели заставить церковника поплясать. Несмотря на все праведное негодование, с которым описывает этот случай сам Невилл, эпизод имеет явно комический характер; забаву, которую устроили себе повстанцы, трудно назвать жестокой.

«Пророки»

В лагере, разумеется, были и другие проповедники, которые выступали перед повстанцами без всякого официального разрешения, — те, кого Сотертон называл «пророками». О них нам почти ничего не известно. «Пророки», несомненно, подразделялись на несколько типов, выражая самые разные идеологические взгляды.

К первому типу относились «пророки» так называемого «фантастического» направления. Как правило, они предсказывали близкое ниспровержение государства и черпали вдохновение во всякого рода древних источниках, например сочинениях о Мерлине и прочих старинных легендах. Прорицатели такого рода во множестве появились во время «Благодатного паломничества», восстания 1536 года. Несомненно, они приспособивали к современным обстоятельствам древнее пророчество о короле Гнездовике, весьма популярное во время крестьянских восстаний Уота Тайлера и Джека Кэда. В 1536 году о нем вспомнили вновь^[142], видя в этом доказательство скорого падения Генриха VIII. Сотертон упоминает о «бродячих проповедниках, кои, измыслив самые невероятные фантазии, обрушивали их на головы слушателей, собравшихся на рыночной площади и в других людных местах»^[143]. Кто знает, какие древние легенды были взяты на вооружение в 1549 году?

Ко второму типу относились «библейские пророки», весьма популярные среди радикально настроенных протестантов в 1540-е годы. Для своих проповедей они избирали тот или иной фрагмент Священного Писания, заявляя, что Бог якобы открыл им истинный смысл этих слов. К их числу относились и некоторые весьма образованные люди, например Джон Нокс, утверждавший, что сам Господь избрал его для пророческого служения^[144]. Учитывая царившую в лагере атмосферу всеобщего возбуждения, не трудно

предположить, что многие доморощенные толкователи Библии тоже вообразили себя избранными.

К «пророкам» третьего типа относились последователи анабаптизма, являвшегося в 1540-е годы самым страшным пугалом для английских правящих классов. Анабаптисты, представители радикально настроенных германских протестантов, утверждали, что все жизненные блага должны находиться в общем пользовании^[145]. Хотя анабаптисты отвергали любое насилие, а число их последователей в Англии было весьма незначительным, стремление этих людей ко всеобщему равенству внушало ужас представителям высших слоев общества. Заметим, что, по утверждению одного из ведущих исследователей анабаптизма в Англии, нет никаких свидетельств того, что это направление имело своих сторонников среди маусхолдских повстанцев^[146]. В период правления Эдуарда VI два анабаптиста были приговорены к сожжению на костре по обвинению в ереси. Иными словами, они пострадали за свои богословские взгляды, а вовсе не за социальные убеждения. Можно предположить, что к 1549 году, несмотря на все страхи, внушаемые анабаптизмом правящей элите, в качестве радикального социального движения он уже сошел на нет.

И наконец, к четвертому типу проповедников относились горячие сторонники теории «государства общего блага». Выше уже упоминалось, что, согласно их убеждениям, излечить социальные недуги был способен только король, а отнюдь не простые граждане. Тем не менее их протест против «алчных богачей» повлек за собой создание нескольких «лагерей общего блага». Поначалу они рассчитывали, что лорд-протектор изыщет средство удовлетворить все их нужды и чаяния. Когда стало ясно, что этого не произойдет, некоторые из них кардинально изменили свои взгляды, отныне считая восстания и мятежи вполне оправданными.

Таким образом, в лагере на Маусхолдском холме сталкивались и смешивались как минимум четыре различные точки зрения. Сотертон упоминает только о «пророках» первого типа; не исключено, что это связано с его желанием представить повстанцев такими недалекими и невежественными простаками. Впрочем, «фантастические пророки» в тот период действительно имели первостепенное значение. С 1536 года, со времен «Благодатного паломничества», предсказания о скором падении королевства неизменно находили в сердцах простых людей

самый горячий отклик. Среди вожаков восстания, казненных под Дубом реформации после решающей битвы, было два подобных прорицателя^[147].

12–21 июля: Дни надежды

В Лондон, ко двору лорда-протектора, был отправлен не только Леонард Сотертон, но и многочисленные посланники Кетта. Семнадцатого июля Сомерсет сообщил о прибытии целой делегации и выразил надежду, что теперь на ситуацию в Норидже «прольется свет и вскоре все трудности будут разрешены, а волнения успокоены»^[148].

В то же время маусхолдские повстанцы составляли свою петицию королю, известную как «Двадцать девять требований». Несмотря на подобное название, каждый новый пункт начинается словами «Мы смиренно умоляем...»^[149]. Повстанцы из Тетфордского и Саффолкского лагерей также направили лорду-протектору несколько петиций; известно, что на некоторые из них герцог Сомерсет ответил, хотя сами документы до наших дней не дошли^[150]. Маусхолдская петиция, судя по всему, составлялась в большой спешке, ибо пункты ее лишены какой-либо логической последовательности.

Этот документ поддается двоякой интерпретации. В нем можно увидеть проявление присущего повстанцам консерватизма, то есть стремления вернуться в «старые добрые времена», когда землевладельцы и арендаторы нерушимо соблюдали взаимные обязательства, а проблемы незаконных огораживаний попросту не существовало^[151]. При этом в петиции говорится о необходимости предоставить простым людям право участвовать в управлении общинами, к которым они принадлежат^[152]. Можно сказать, что петиция одновременно является и консервативной, и предельно радикальной; последнее в особенности касается пунктов, посвященных участию простолюдинов в органах местного управления^[153].

В документе этом совершенно не затрагиваются проблемы горожан, несмотря на то что маусхолдские повстанцы были тесно связаны с беднейшими жителями Нориджа и вместе с ними уничтожили изгороди вокруг городского выгона. Однако это вовсе не так странно, как может показаться на первый взгляд. Временное

соглашение, которого руководители восстания достигли с нориджской мэрией, препятствовало тому, чтобы включать в петицию требования, связанные с нуждами городской бедноты. Что еще более важно, повстанцы продолжали нерушимо верить в поддержку лорда-протектора, а все данные им обещания и посулы были связаны исключительно с решением аграрных, а не городских проблем. Возможно, мятежники планировали направить Сомерсету вторую петицию, хотя было совершенно неясно, как он отнесется к первой.

Итак, в основном требования касались сельскохозяйственных вопросов. В пункте 29, посвященном незаконно огороженным пастбищам, высказывалось пожелание запретить джентльменам содержать большие овечьи стада. Вне всякого сомнения, то был весьма радикальный способ решения проблемы.

В пунктах 3 и 11 выражается просьба положить конец притязаниям помещиков на общинные земли. Пункт 3 настаивает на том, что «ни один человек, будь он лорд или простолюдин, не должен получать в собственность общинный надел». Там же говорится о защите прав арендаторов и фригольдеров, что нельзя счесть простым возвратом к прошлому. Другие пункты касаются запрета содержать кроликов и голубей, уничтожающих посевы.

Петиция восстает также против манориального закона, дающего землевладельцам возможность перекладывать феодальные подати, включая право опеки, на плечи арендаторов. С этим пунктом связано несколько других, в которых алчные и продажные королевские чиновники обвиняются в пренебрежении своими обязанностями. Решение вновь предлагается весьма радикальное: создание комиссий, «избранных простыми людьми и одобренных королем, каковые займутся изменением и улучшением законов и установлений, ныне скрываемых от бедняков корыстолюбивыми чиновниками» (и, вне всякого сомнения, законниками, пребывающими на службе у крупных землевладельцев). Подобные комиссии должны действовать на постоянной основе и непременно иметь в своем составе простолюдинов. В петиции упоминается даже о том, что этим простолюдинам следует назначить жалованье в размере четырех пенсов в день (заработная плата наемного работника).

Пункты 6 и 14 посвящены проблемам земельной ренты и крепостной зависимости. Знаменитая фраза из пункта 16 утверждает,

что «все, кто ныне связан, должны обрести свободу, ибо Господь освободил всех нас, пролив за нас свою драгоценную кровь». Несомненно, повстанцы рассчитывали, что это требование встретит сочувственное отношение со стороны Сомерсета, который освободил крепостных в своих собственных имениях.

В петиции говорилось также о невежестве приходских священников, их равнодушии к проблемам бедняков, неспособности произносить проповеди и корыстном стремлении приобрести в собственность земельные наделы. Подобные священники, согласно требованию восставших, должны были «изгоняться из своих приходов, дабы прихожане их получили возможность избрать иных, более достойных пастырей». В этом пункте вновь упоминается о том, что простые люди должны иметь своих представителей в сельских общественных институтах.

Тем не менее петиция, настаивая на прекращении посягательств на общинные наделы, не затрагивает существующей системы земельных отношений в целом. Правда, некоторые ее положения, в особенности те из них, что имеют отношение к прекращению злоупотреблений чиновников и представителей духовенства, можно счесть чрезвычайно смелыми и новаторскими. Никогда прежде простые люди не заявляли так решительно и откровенно о своем желании участвовать в управлении страной.

Отношениям герцога Сомерсета к восставшим посвящены три чрезвычайно интересные статьи. Все они основаны на анализе дошедших до нас писем лорда-протектора^[154]. Согласно мнению Этан Шеган, из этих писем следует, что в ходе диалога с повстанцами Сомерсет пошел на значительные уступки. М. Л. Буш и Дж. В. Бернارد, напротив, вполне обоснованно утверждают, что уступки эти были не более чем хитрыми уловками. Притом что некоторые требования повстанцев могли встретить сочувственное отношение протектора — как мы видели, он придерживался «аграрного» объяснения инфляции и намеревался провести реформы, — проявления народного недовольства вызвали у него не меньшую ярость, чем у Генриха VIII. Это явствует из его писем, выдержанных в весьма резком и разгневанном тоне; протектор заявляет, что простолюдины не имеют никакого права устраивать лагеря и выдвигать правительству требования, ибо это является посягательством на единственно правильное общественное

устройство. Правда, в случае если повстанцы разойдутся, Сомерсет обещает простить их: он заявляет также, что все их нужды и жалобы будут рассмотрены членами комиссии или парламентом. До некоторой степени тактика протектора напоминает тактику Генриха VIII по отношению к «Благодатному паломничеству», также первоначально примирительную. Подобно Генриху, за посулами которого всегда стояла угроза применить военную силу, протектор к середине июля отказывается от политики умиротворения и открыто выражает намерение уничтожить лагерь в случае, если мятежники не разойдутся добровольно.

Не думаю, что Сомерсет когда-либо собирался позволить простолюдинам принимать участие в управлении государством. Время от времени он действительно шел на некоторые компромиссы — например, дал согласие изменить право взимания пошлыны в своих собственных поместьях в Тетфорде, — но уступки эти были весьма незначительны. Исследователи ведут споры относительно того, выражается ли в одном из писем протектора к повстанцам Тетфорда намерение предоставить простым людям право выбирать членов комиссии; однако письмо это настолько запутанно и невнятно, что постичь его смысл не представляется возможным^[155]. Не следует забывать, что к тому времени Сомерсет находился под колоссальным давлением Тайного совета. Версия Шеган, предполагающая, что между повстанцами и лордом-протектором завязался диалог, во время которого обе стороны пытались понять друг друга, разлетается под натиском фактов. То, что происходило в действительности, ничуть не напоминало диалог; пытаясь выиграть время, Сомерсет шел на различные уловки. Где-то в середине июля (семнадцатого числа члены Комиссии по огораживанию прибыли в Кент, однако не сумели убедить повстанцев из лагеря Кентербери в необходимости разойтись) лорд-протектор переходит к откровенной конфронтации. Необоснованные надежды, порожденные его лживыми обещаниями, — в сложившихся обстоятельствах со стороны Роберта Кетта было до крайности неразумно уповать на симпатии Сомерсета — рухнули двадцать первого июля, когда в Маусхолдском лагере появился королевский посланник. Угрожающий тон воззвания, которое он огласил повстанцам, явился для них полной неожиданностью. И, как я

изобразил на страницах романа «Мертвая земля», тем сильнее был гнев, в который их это воззвание повергло.

Прибытию королевского посланника предшествовало письмо, которое за день до того гонец доставил Роберту Кетту. Если это действительно письмо № 2, приложенное к статье Шеган, которую я цитировал выше, то в нем содержались резкие обличения и требования немедленно распустить лагерь^[156]. Лишь в случае, если мятежники немедленно разойдутся, ближайшая сессия парламента рассмотрит их жалобы и претензии, говорилось там. Если же они будут упорствовать в своем неповиновении, то пусть пеняют на себя.

Появление королевского посланника в Маусхолдском лагере можно считать кульминацией трагедии. Он прибыл туда в сопровождении мэра Нориджа Кодда, олдермена Элдрича и городского меченосца Петтибона. Когда посланника отвели к Дубу реформации, он зачитал огромной толпе повстанцев воззвание, в котором все они назывались изменниками и предателями, а их предводитель Роберт Кетт именовался «зачинщиком дерзостной смуты». В послании было обещано прощение всем, кто добровольно покинет лагерь, — и ничего больше. Разгневанный Кетт заявил, что он «не совершил никакого преступления, а следовательно, не нуждается в прощении и намерен остаться там, где пребывает ныне, вместе с теми, кто пожелает разделить его участь»^[157]. Согласно воспоминаниям Невилла, Роберт Кетт обратился к повстанцам с просьбой «не покидать его и не дать себя утратить, но вспомнить о тягостном существовании, которое они вели прежде». Он также выразил решимость «отдать свою жизнь (если сие понадобится) ради спасения своих товарищей»^[158]. Посланник во всеуслышание обвинил Кетта в государственной измене и отдал Петтибону приказ арестовать его. Однако угрозы, которыми разразились повстанцы, вынудили посланника и сопровождающих его лиц поспешно покинуть лагерь. Вслед за ним, рассчитывая на королевскую милость, лагерь оставила незначительная часть повстанцев (точное их количество нам неизвестно); однако подавляющее большинство бунтовщиков сдаваться не собиралось^[159].

Вернувшись в Норидж, королевский посланник приказал Кодду и Элдричу закрыть городские ворота и «не подпускать мятежников к еде»^[160]. Это в очередной раз подчеркивает, сколь важное значение для

питания повстанцев имел нориджский рынок, о чем мы уже упоминали ранее.

Вооруженные конфликты: с 21 июля по 1 августа

Отданное королевским посланником распоряжение закрыть городские ворота Нориджа — вне всякого сомнения, именно так ему приказал действовать Сомерсет в случае, если повстанцы откажутся разойтись, — было чрезвычайно опрометчивым шагом. После этого у жителей лагеря не осталось иного выбора, кроме как захватить город. Посланник задержался в Норидже, он несколько раз прочел свое воззвание на рыночной площади, возможно рассчитывая на поддержку горожан. Это тоже оказалось серьезной ошибкой; согласно свидетельству Сотертонна, «вскоре после сего чтения, вследствие вероломства многих горожан, бунтовщики вошли в город»^[161].

На следующее утро, двадцать второго июля, повстанцы, после неудачной попытки достичь с городскими властями соглашения и получить доступ в Норидж мирным путем, начали полномасштабное наступление^[162]. По атакующим был открыт огонь из нескольких пушек, находившихся в замке; но ни городские канониры, ни повстанцы, в распоряжении которых тоже имелись орудия, не обладали (по крайней мере, в то время) навыками прицельной стрельбы. В отличие от них, городские лучники (в большинстве своем то были слуги состоятельных горожан, констебли и солдаты из охраны замка) владели своим оружием достаточно искусно. Заняв позиции на крепостных стенах, они нанесли мятежникам немалый урон. Епископские ворота, главный стратегический пункт, подверглись двум мощным атакам повстанцев: первая была отбита; однако вторая, благодаря значительному численному преимуществу атакующих, оказалась успешной. По словам Сотертонна, «богомерзкая свора мальчишек... устремилась на город под градом стрел, выдерживая те, что вонзились им в ноги»^[163]. Следует отметить, что мальчишками в эпоху Тюдоров называли всех молодых неженатых мужчин; свидетельство же о выдернутых из ног стрелах представляется вполне достоверным, так как, скорее всего, в то время использовались стрелы, лишенные зазубренных наконечников. Битва за Норидж доказала, что

повстанцам, одержимым яростью и гневом, не занимать храбрости и решимости, — эти качества они проявили и во всех последующих сражениях. Местные сторонники мятежников оказали им немалую помощь, пустив по городу слух, что неприятель якобы ворвался в Норидж с другой стороны; благодаря этому удалось отвлечь военные силы от Епископских ворот^[164].

Отныне весь Норидж превратился в продолжение лагеря; шесть пушек, находившиеся в замке, были доставлены на Маусхолдский холм. Кодд, Элдрич и прочие отцы города были заключены под стражу; исключение сделали лишь для одного из самых уважаемых олдерменов, Августина Стюарда, которого Кетт назначил своим представителем, поручив ему следить за поддержанием порядка. (Вне всякого сомнения, Кетт сознавал, что не может всецело полагаться на лояльность этого человека.) Надо признать, что в первые дни после захвата Нориджа повстанцы активно занимались мародерством, однако вскоре в городе был восстановлен такой же строгий порядок, который царил и в лагере. Королевский посланник отправился в Лондон. Процессы под Дубом реформации продолжались; ныне перед судом предстали наиболее богатые и влиятельные горожане. Согласно свидетельству Невилла, «ежели они [жители лагеря] не находили за тем или иным знатным горожанином никакой вины, то кричали: „Добрый человек, он добрый человек!“ — и подсудимого отпускали на свободу; но ежели перед ними стоял тот, кому довелось обидеть кого-нибудь из них... толпу охватывала ярость, и раздавались крики: „Повесить его!“»^[165] Учитывая, что ни один из джентльменов, захваченных повстанцами, не был повешен, можно предположить, что Невилл дает волю вымыслу; что еще более вероятно, руководители лагеря, несмотря на упорные требования толпы, отказывались совершать казни.

Количество повстанцев, погибших во время атаки на Норидж, нам неизвестно, но вряд ли их было меньше ста. В жизнь обитателей лагеря впервые вошла смерть. Они горевали по погибшим товарищам и родственникам, но по-прежнему были преисполнены решимости стоять до конца.

Нам неизвестно также, какая территория находилась под контролем восставших; исследователь С. Лэнд предполагает, что протяженность этой территории составляла 15–20 миль^[166]. В течение июля предпринимались неоднократные попытки продвинуться на север

и в центральные части Норфолка. В конце месяца еще один повстанческий лагерь возник поблизости от Кингс-Линна; возможно, мятежники рассчитывали захватить этот город. В то же время сельские дворяне, оправившись от первоначального шока, принялись создавать вооруженные отряды. С помощью этих отрядов они пытались теснить повстанцев, которые продвинулись на 25 миль к югу, в сторону Уоттона, и вышли на дорогу, ведущую в Лондон, возможно намереваясь задержать правительственную армию, прибытия которой ожидали в самом скором времени. Впрочем, в начале августа лагерь в Кингс-Линне был уничтожен, а многие его жители присоединились к своим товарищам на Маусхолдском холме.

Еще один лагерь был образован в Хингхэме, в 15 милях от Нориджа, тоже с целью контролировать дорогу на Лондон; однако в скором времени вооруженный отряд, организованный сэром Эдмундом Кнайветтом, совершил атаку на этот лагерь, вынудив повстанцев разойтись.

Небольшой отряд из Саффолка попытался захватить Грейт-Ярмут, однако жители города оказали мятежникам решительное сопротивление. Таким образом, все попытки повстанцев расширить территорию, которая находилась под их контролем, и захватить два важнейших норфолкских порта закончились неудачей. К тому же в лагерь стали приходить вести о том, что правительство готовит в Лондоне войска, собираясь двинуть их против мятежников.

Что оставалось делать повстанцам в сложившихся обстоятельствах? Выжидательная стратегия Кетта (отнюдь не лишенная смысла, учитывая все обещания и посулы лорда-протектора) не принесла должного результата. Перед жителями лагеря встал выбор: сражаться далее или признать себя побежденными. В Лондоне никаких волнений не наблюдалось, однако, опасаясь возможных беспорядков, городские власти ввели в столице военное положение^[167]. Многие повстанцы справедливо боялись, что, в случае если они прекратят сопротивление, разъяренные сельские джентльмены добьются для них самых суровых кар. Было немало и таких, кто считал, что армия, направленная на подавление мятежа, не имеет никакого отношения к протектору Сомерсету, но в действительности организована местными дворянами и их сторонниками в Королевском совете. Можно сказать,

что мятежники до самого конца упорствовали в своем нежелании увидеть поведение Сомерсета в истинном свете.

Возглавить правительственную армию было поручено Уильяму Парру, маркизу Нортгемпτονу. Он приходился братом покойной королеве Екатерине Парр и своим возвышением был обязан исключительно этому обстоятельству. Маркиз, вне всякого сомнения, являлся человеком придворным, а не военным. То же самое можно было сказать и про его помощника Эдмунда, барона Шеффилда. Шеффилд, судя по всему, относился к числу джентльменов-головорезов. Узнав, что муж его сестры завел любовницу, он вместе с тремя родственниками избил несчастную женщину, изуродовав ее до такой степени, что любовник порвал с ней отношения^[168].

Армия, направленная против мятежников, по всей вероятности, состояла как из профессиональных солдат, так и из рекрутов, набранных в других графствах Англии^[169]. Многие местные дворяне, бежавшие в Лондон, решили вернуться в Норфолк вместе с правительственными войсками. Среди них был и сэр Ричард Саутвелл, прибывший в Лондон совсем недавно. Армия не только испытывала нехватку опытных профессиональных командиров, но и значительно уступала повстанцам в численности: она насчитывала около 1500 солдат, включая итальянских наемников^[170]. Большая часть правительственных войск в то время находилась в Шотландии либо была брошена на подавление мятежей в западных графствах и Оксфордшире. Возможно, Сомерсет полагал: если 1500 солдат справились с повстанцами в Оксфордшире, то они сумеют справиться и с мятежниками в Норидже.

Тридцать первого июля, уничтожив по пути лагерь в Тетфорде, Нортгемптон дошел до крепостных стен Нориджа. На Маусхолдский холм был направлен еще один королевский посланник, призвавший мятежников сдать город без боя. Августин Стюард весьма благоразумно сделал козлом отпущения мэра Кодда, заявив, что решение о сдаче города может принять только он. Кодд, находившийся в заключении во дворце графа Суррея, был под стражей доставлен к городским воротам и подписал приказ о сдаче Нориджа. Разумеется, все это могло произойти лишь с ведома и одобрения Роберта Кетта. Армия Нортгемптона вошла в город, не встретив никакого сопротивления,

Саутвелл нес в руках меч — символ власти. Солдаты стали устраиваться на ночлег, не догадываясь, что оказались в ловушке^[171].

В сумерках небольшая группа итальянских наемников, решивших прогуляться за городскими стенами, столкнулась с отрядом повстанцев. Один из итальянцев был захвачен в плен (этот эпизод описан в «Мертвой земле») и повешен на стенах, окружавших дворец графа Суррея^[172]. Настроения на Маусхолдском холме царили свирепые, что, учитывая перспективу завтрашней битвы, было отнюдь не удивительно. Большая часть солдат Нортгемптона разместились на рыночной площади, где они разожгли огромный костер. Были предприняты поспешные попытки укрепить городские стены, по Нориджу ходили патрули. Надо сказать, что патрулировать узкие крутые улочки в полной темноте — задача не из легких. Ловушка захлопнулась; ночью повстанцы открыли огонь из пушек по восточным стенам города, а затем последовала мощная атака, обернувшаяся кровопролитными уличными боями. Несмотря на то что повстанцы ориентировались в Норидже намного лучше своих противников, они не сумели выбить солдат Нортгемптона из города и были вынуждены отступить.

На следующее утро Нортгемптон вновь предложил мятежникам прекратить сопротивление, обещая взамен прощение и помилование. Ему сообщили, что у Покторпских ворот собралась огромная толпа; однако, когда туда прибыл королевский посланник, повстанцы вновь отказались разойтись, заявив, что не являются предателями, ибо хранят верность королю и правительству и, следовательно, не нуждаются в помиловании.

Как выяснилось, то был маневр для отвлечения противника; вскоре после этого мятежники ворвались в город через Епископские ворота. Опасаясь попасть в ловушку на Холм-стрит, по одной стороне которой тянулись высокие стены, ограждавшие территорию собора, а к другой вплотную примыкал Большой госпиталь, повстанцы разрушили госпитальные стены, открыв по ним огонь из пушек^[173]. Несомненно, за время, прошедшее после первой битвы, канониры успели изрядно усовершенствовать свои навыки. Не задерживаясь на Холм-стрит, атакующие достигли обширного незастроенного пространства, так называемой Дворцовой равнины. Именно здесь завязалась битва, во время которой войско Нортгемптона понесло сокрушительное поражение, а лорд Шеффилд был убит. Остатки разбитой армии

обратились в бегство, вслед за солдатами Норидж покидали состоятельные горожане — некоторые, опасаясь, что богатая одежда выдаст их высокий статус, были в одном нижнем белье. Согласно отчету Сотертонна, значительная часть города поблизости от Епископского моста была охвачена пожаром; однако ливень, сопровождавший грозу, которая разразилась 1 августа, погасил пламя. Покинув Норидж, Нортгемптон и его солдаты остановились в Кембридже.

Несомненно, армия эта была слишком мала и плохо организована; расчет на боевые качества итальянских наемников не оправдался. Повстанцы, напротив, проявили не только смелость, но и стратегическое мастерство. Согласно подсчетам Сотертонна, потери повстанцев составили около 400 человек — примерно 5 процентов от численности всех жителей лагеря. На Маусхолдский холм вновь пришли печаль и скорбь по убитым.

Возрастающая изоляция: 1–24 августа

Разгром армии Нортгемптона стал наивысшей точкой восстания. На протяжении прохладного и дождливого августа Норидж находился в руках повстанцев, но все прочие норфолкские лагеря постепенно прекращали свое существование. Вторая, более мощная попытка взять Ярмут, которую маусхолдский отряд предпринял семнадцатого августа, вновь закончилась неудачей; во время контратаки защитники города захватили 30 повстанцев и 6 пушек. Тем временем до обитателей лагеря дошли слухи, что правительство собирает в Лондоне новую армию, значительно более многочисленную и возглавляемую более опытными командирами. Жители Маусхолдского холма не могли не ощущать, что оказались в изоляции.

Тем не менее повстанцы полностью сохраняли контроль над Нориджем; формально обязанности мэра исполнял Августин Стюард, однако все важные управленческие посты занимали сторонники Кетта^[174]. В Нориджском кафедральном соборе разместились повстанческие отряды. В течение нескольких дней в городе вновь бушевало мародерство. С криком «Голову трески за пенни!», наводившим на состоятельных горожан ужас, повстанцы врывались в

богатые дома и брали все, что считали нужным; иногда это делалось под предлогом поиска солдат из армии Нортгемптона. Подобного вторжения не избежал даже особняк Августина Стюарда; впрочем, вскоре мародерские набеги были прекращены, что свидетельствует о том, что приказы Кетта по-прежнему выполнялись неукоснительно. Августин Стюард получил разрешение направлять в лагерь проповедников, которые зачастую не питали ни малейших симпатий к восставшим. Тем не менее богатые жители Нориджа по-прежнему пребывали в состоянии величайшей тревоги.

Одиннадцатого августа было опубликовано воззвание, в котором объявлялось о конфискации собственности мятежников из западных графств. Через несколько дней, шестнадцатого августа, западные повстанцы потерпели сокрушительное поражение в битве неподалеку от деревни Сампфорд-Кортни; за этим последовали жестокие репрессии против участников восстания. Обитателям трех лагерей, находившихся в Эссексе, и еще двух в Кенте было даровано прощение и розданы деньги, однако шестерых лидеров эссекских повстанцев вскоре казнили^[175]. Мелкие лагеря исчезали один за другим.

Ожидание армии Уорика

Примерно двадцатого августа армия, возглавляемая графом Уориком, начала поход из Лондона. Сведения относительно ее численности, указанные в различных источниках, не совпадают, но цифра в 10 000 представляется наиболее достоверной. Армия состояла из деревенских рекрутов и профессиональных военных, среди которых были капитан Друри, имевший немалый опыт участия в войнах с Шотландией, и около 15 000 ландскнехтов. Эти швейцарские или германские наемники пользовались в Европе славой самых свирепых бойцов; они передвигались на мощных боевых лошадях, были вооружены длинными копьями и аркебузами, которыми в ближнем бою наносили смертельные удары^[176].

Первоначально герцог Сомерсет собирался лично возглавить армию, но впоследствии отказался от этого намерения и передал командование Джону Дадли, графу Уорику. Дадли являлся вторым по значимости членом Тайного совета и, в отличие от маркиза

Нортгемптона, во время сухопутных и морских сражений проявил себя как способный военачальник. Вероятно, Сомерсет понимал, что, взяв на себя командование армией, он окончательно уничтожит собственную репутацию «друга бедняков». Так или иначе, протектор совершил очередную ошибку, ибо победа, одержанная Дадли, в значительной степени укрепила репутацию последнего. Выйдя из Лондона двадцатого августа, армия соединилась в Кембридже с остатками войска Нортгемптона, продолжила движение на Норфолк и двадцать третьего августа достигла Ваймондхема. Вероятно, в это время на Маусхолдском холме царили противоречивые настроения — страх, гнев и решимость стоять до конца. Учитывая навыки, которые повстанцы проявили в сражениях с профессиональными войсками, можно предположить, что в течение августа они интенсивно занимались военной подготовкой. Это лишь укрепляло их в намерении не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

Но что было делать с теми, кто не способен сражаться, — ранеными в предыдущих битвах, немощными, стариками и женщинами? В романе упоминается, что накануне прибытия армии Дадли все эти люди получили приказ покинуть лагерь. Подобное предположение подтверждается тем фактом, что накануне последнего сражения повстанцы сожгли лагерь.

Надеялись ли оставшиеся на победу? Да, малочисленную и слабую армию Нортгемптона им удалось обратить в бегство относительно легко, но ныне предстояла схватка с куда более могущественным противником. Несомненно, помимо тех, кто был полон решимости сражаться или умереть, находились и такие, кто испытывал колебания. В особенности это касалось состоятельных йоменов, многие из которых покинули Маусхолдский холм. Вполне вероятно, что в течение августа значительное влияние в лагере приобрели наиболее молодые, радикально настроенные элементы — те, кому нечего было терять. Лидерство Кетта по-прежнему оставалось неоспоримым, однако ближе к концу появились очевидные признаки того, что некоторые мятежники утрачивают доверие к своему командиру.

Вне всякого сомнения, среди повстанцев оказалось немало дезертиров, не готовых рисковать жизнью и предпочитавших вернуться домой. Это обстоятельство тоже могло в значительной степени изменить внутренний баланс сил в лагере. Покинуть его не составляло

труда, так как охранять столь обширные границы не представлялось возможным.

Как повстанцы намеревались действовать в случае победы? Приведу один любопытный факт: когда выяснилось, что мятежникам предстоит дать сражение за пределами Нориджа, они решили снести крепостные стены в северной части города^[177]. По всей видимости, они опасались, что стены эти будут использованы правительственными войсками в качестве удобной позиции для атаки. В «Мертвой земле» я выдвигаю предположение, согласно которому, выиграв сражение, повстанцы намеревались ворваться в Норидж с севера, где у них имелось немало сторонников, и впоследствии попытаться восстановить лагерь на юго-востоке. Возможно, они планировали в дальнейшем совершить поход на Лондон, дабы лично встретиться с лордом-протектором. Оптимистам, которых среди бунтовщиков было немало, подобный план представлялся вполне осуществимым.

В ожидании войска Уорика мятежники занялись укреплением городских стен^[178]. Это вовсе не означает, что они не рассматривали возможности уличных боев с противником, — предшествующий опыт доказал, что в таких боях повстанцы обладают рядом важных преимуществ. Тем не менее они попытались возвести дополнительную преграду на пути правительственной армии. Вне всякого сомнения, в лагере сознавали: если войско Уорика ворвется в город и уличные бои окажутся безуспешными, придется дать сражение на открытой местности. Впрочем, у повстанцев и тут имелось значительное преимущество: они могли выбрать место будущей битвы и возвести оборонительные сооружения.

В последнее время относительно места битвы ведутся споры, вызванные открытием, которое сделала археолог Энн Картер. В обнаруженных ею записях восемнадцатого столетия упоминается расположенная в трех милях к востоку от Нориджа местность под названием Дассингс-Дил. По мнению исследовательницы, сражение произошло именно там^[179]. Прежде большинство ученых опирались исключительно на свидетельство Сотертонна, утверждавшего, что местом битвы явился «Дассинс-Дейл, который отделяет от города расстояние менее 1 мили»^[180]. Так как армия Уорика покинула Норидж через Косланские ворота, расположенные в северной его части, поле будущего боя, скорее всего, находилось к северу от города. Если бы

повстанческое войско заняло позиции на востоке, Уорик, несомненно, воспользовался бы южными воротами. Вряд ли столь опытный военачальник вынудил бы своих солдат совершить дополнительный марш-бросок; впрочем, мятежникам лишний пеший переход тоже был ни к чему. Я склонен согласиться с мнением Лео Джари, согласно которому поле битвы располагалось строго к северу от Нориджа, примерно в миле от штаб-квартиры Кетта, которую он, как известно, устроил в церкви Святого Михаила. Исследователь отмечает также, что имя Дассин встречалось в Норфолке достаточно часто^[181]. Тем не менее мысль о том, что место будущего сражения повстанцы выбрали под влиянием некоего пророчества, всецело является измышлением Сотертонна, которое вряд ли стоит принимать в расчет. Известные нам факты свидетельствуют о том, что выбор явился результатом взвешенного стратегического решения^[182].

Решающие сражения: 24–27 августа

Двадцать четвертого августа армия Уорика разбила лагерь в трех милях от Нориджа, ожидая прибытия швейцарских наемников; тем временем в город вновь был отправлен королевский посланник. Августин Стюард, несомненно действующий по указаниям Кетта, настоятельно просил вновь предложить повстанцам помилование — в случае, если они прекратят сопротивление и разойдутся по домам^[183]. Уорик дал на это согласие, после чего Кетт послал в город сорок всадников, доставивших в лагерь посланника, трубача и двух олдерменов (которых, вне всякого сомнения, сопровождало достаточное количество солдат). Когда герольд пересек Епископский мост, пронзительный звук трубы собрал огромную толпу повстанцев. Сам Кетт на этой встрече поначалу не присутствовал.

Многие повстанцы при виде королевского посланника сняли шапки и разразились криками «Боже, храни короля Эдуарда!» (лояльность, которую они проявляли по отношению к монарху, никогда не вызывала сомнений). Посланник начал свою речь. Он возвестил, что король прислал армию графа Уорика, дабы покарать бунтовщиков, но если они, «смирненно раскаявшись в своих злых деяниях, положатся на милосердие короля, то его величество дарует им прощение и сохранит

жизни всем, за исключением одного лишь Кетта. Если же они будут упорствовать в своих преступных намерениях, то граф Уорик покарает их всех своим разящим мечом».

Согласно утверждению Сотертонна, это заявление многих привело в трепет, а других — в величайший гнев, ибо они сочли слова посланника лживыми. Среди повстанцев было немало таких, кто не сомневался: обещанные милости на деле обернутся казнями. Были и те, кто считал, что посланник направлен к ним вовсе не королем, а «джентльменами, заставившими его нацепить яркую мантию поверх стальных доспехов». В любом случае было ясно: обитатели Маусхолда не намерены сдаваться без боя. Тем не менее Кетт, присоединившийся к своим людям, позволил посланнику переместиться в другую часть лагеря и повторить свое воззвание.

Тут-то и произошел трагический эпизод, описанный в романе. Какой-то подросток стянул с себя штаны и продемонстрировал посланнику свою голую задницу. В эпоху Тюдоров подобное выражение презрения было весьма распространено; тем не менее один из солдат, сопровождавших герольда, немедленно застрелил мальчишку из аркебузы. Жертвой этого печального происшествия в моем романе является вымышленный персонаж по имени Саймон Скамблер. Кем был погибший мальчик в действительности, мы не имеем понятия.

После этого инцидента ни о каких переговорах, разумеется, уже не могло быть и речи. Верховые повстанцы устремились к вершине холма с криками: «Там на берегу убивают наших!» Королевский посланник поспешно вернулся в Норидж. Кетт последовал было за ним, по всей вероятности желая встретиться с Уориком, но его окружила группа повстанцев. «Куда ты едешь, мастер Кетт? — вопрошали они. — Если ты намерен уйти, мы уйдем тоже. Если ты останешься с нами, мы готовы жить и умереть вместе с тобой». Судя по всему, некоторые мятежники подозревали, что капитан намерен вступить с неприятелем в переговоры, хотя это отнюдь не соответствовало воле большинства. Посланник, приказав Кетту оставаться со своими людьми, умчался прочь.

Меж тем армия Уорика приблизилась к городским стенам. Августин Стюард известил командующего, что в город легче всего проникнуть через Бронзовые ворота, которыми и воспользовались

правительственные войска. Соседние ворота, Вествикские, были открыты по приказу нового мэра.

Вряд ли стоит удивляться тому, что Стюард моментально переметнулся на сторону правительства и сделал все, чтобы армия Уорика ворвалась в Норидж стремительно и без потерь. Оказавшись на рыночной площади, солдаты захватили в плен пятьдесят повстанцев, которых немедленно вздернули на виселицу. Примерно в три часа того судьбоносного дня в город вошли повозки с провиантом и артиллерией.

Повстанцы, собравшиеся на площади Тумлэнд, разделились на несколько отрядов и вступили в уличные бои. Правительственные войска были не знакомы с географией Нориджа, в результате повозки с артиллерией заплутали в лабиринте городских улиц, пушки были захвачены мятежниками и отправлены на Маусхолдский холм. К этому времени уличные бои были уже в полном разгаре. В одной из стычек, завязавшейся неподалеку от Сент-Эндрю-Холла, лучники из числа повстанцев были застигнуты врасплох отрядом капитана Друри, который открыл по ним огонь из ружей. Ядра, выпущенные из пушек, стоявших на Маусхолдском холме, разрушили сторожевую башню у Епископских ворот, однако ворота по-прежнему оставались в руках правительственных войск. К концу дня повстанцы были выбиты из города и вернулись на Маусхолдский холм. Южные кварталы были охвачены пожаром.

На следующий день войско Кетта вновь предприняло атаку на Норидж, и, хотя поначалу удалось захватить северную и южную части города, яростный натиск противника вновь вынудил его отступить. Уорик планировал взорвать мосты, соединяющие северные кварталы со всеми прочими. Местные власти, испуганные перспективой дальнейших разрушений, умоляли его оставить город. Если бы он внял их мольбам, это, возможно, привело бы к победе повстанцев, которые вновь завладели бы Нориджем. Однако покидать город Уорик отказался; уступкой, которую он сделал властям, было решение взорвать один-единственный мост, оставив другие в неприкосновенности. Стремясь успокоить домовладельцев, он ввел ордера на постой, выдаваемые солдатам.

Двадцать шестого августа наконец прибыли швейцарские ландскнехты. В тот день никаких боев в городе не было; мятежникам пришлось осознать, что, потеряв Норидж и, следовательно, утратив

доступ на городской рынок, они в ближайшее время останутся без съестных припасов. В письме к Филиппу Хобби Сомерсет подтвердил, что события развивались согласно разработанной им стратегии^[184].

Повстанцы пришли к решению дать еще одну битву, избрав для этого один из пологих склонов Маусхолдского холма, расположенный неподалеку от северных стен города. То, что войска Кетта занимали более возвышенную позицию, обеспечивало им некоторые преимущества. К тому же мятежники рассчитывали, что утреннее солнце, находясь за их спиной, будет слепить глаза врагам^[185]. Возможно стремясь показать друзьям и недругам, что пути назад у них нет, в ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое августа повстанцы подожгли лагерь. На поле будущей битвы были возведены оборонительные заграждения из заостренных кольев, насыпаны земляные валы и устроены орудийные платформы для двадцати пушек (теперь в распоряжении Кетта артиллерийских орудий было больше, чем у Уорика)^[186]. Сразу за кольями в качестве живого щита была выставлена шеренга пленных джентльменов, скованных друг с другом цепями^[187]. Ранним утром двадцать седьмого августа армия Уорика, вместе с прибывшими накануне ландскнехтами, вышла из Косланских ворот и двинулась на север, дабы встретиться с мятежниками лицом к лицу.

Относительно того, сколько людей приняло участие в битве, до сих пор не существует единого мнения. Несомненно, пехотинцев Уорик оставил в резерве, направив на поле сражения всадников и ландскнехтов^[188]. Согласно моему предположению, правительственная армия насчитывала около 5000 человек; в большинстве своем то были профессиональные солдаты, хорошо обученные и вооруженные, облаченные в латы. Им противостояло около 6000 повстанцев, вооруженных гораздо хуже, имевших в своих рядах лишь незначительное количество опытных военных. Тем не менее, как уже упоминалось, повстанцы имели преимущество в артиллерии и занимали более выгодную стратегическую позицию.

Когда войска выстроились, мятежникам вновь было предложено сдаться без боя в обмен на помилование (возможно, Уорик пытался спасти пленных джентльменов от грозившей им страшной участи). Как и следовало ожидать, повстанцы ответили отказом. Завязалась битва. Первая кровь пролилась, когда капитан Майлс, главный канонир Кетта,

выстрелом из пушки убил знаменосца армии Уорика. Джентльменам, скованным цепями, удалось каким-то образом освободиться и скрыться с поля сражения^[189].

Необходимо подчеркнуть, что победа в битве при Дассиндейле далась правительственной армии отнюдь не легко. Сражение, начавшееся ранним утром, длилось до четырех часов дня^[190]. Отвага, проявленная повстанцами, была столь велика, что ее не мог не признать даже сын графа Уорика, писавший впоследствии: «Солдаты с обеих сторон сражались так доблестно, что трудно было решить, на чьей стороне преимущество». Дело дошло до свирепой рукопашной схватки; наконец ряды бунтовщиков были смяты, и они устремились в бегство, преследуемые всадниками Уорика, которые устроили настоящую резню. Роберт Кетт также бежал с поля боя. Тем не менее несколько групп повстанцев продолжали сопротивление под прикрытием самодельных оборонительных сооружений; граф Уорик положил этому конец, лично представ перед ними и пообещав им помилование^[191].

Последствия

Согласно утверждению Невилла, в битве при Дассиндейле погибло 3500 человек; в дневнике Эдуарда VI называется цифра 2000. Расправа над лидерами восстания оказалась быстрой и жестокой. На следующий день после сражения в городе, в котором ввели военное положение, состоялся первый суд. В тот же день девять главарей, приговоренные к смертной казни за государственную измену, были обезглавлены и четвертованы у Дуба реформации. Многих других просто повесили. Головы казненных, как это описано в романе «Мертвая земля», были выставлены по всему Нориджу^[192]. Тела погибших граф Уорик приказал похоронить в общих могилах. Согласно обычаям того времени, перед тем как бросить трупы в яму, их раздевали донага; впоследствии одежда и прочие вещи убитых мятежников были проданы на городском рынке^[193]. Несомненно, где-то на окраинах современного Нориджа и до сего дня находятся несколько братских могил, в которых лежат останки тысячи убитых. Можно предположить, что глубина захоронений составляла около шести футов, то есть они расположены ниже фундаментов домов, возведенных в XX веке. Поскольку с тех пор

минуло уже пять с лишним столетий, тела, разумеется, успели превратиться в груды костей; тем не менее было бы любопытно узнать, позволяют ли достижения современной археологии обнаружить эти захоронения.

Роберта Кетта схватили в нескольких милях от Нориджа; его брат Уильям также был арестован. Какое-то время оба находились в тюрьме, расположенной в подвале городской ратуши. Власти Нориджа отметили победу над мятежниками торжественным богослужением, которое состоялось двадцать восьмого августа (ежегодные памятные службы совершались в этот день в церкви Святого Петра Мэнкрофта вплоть до 1667 года). Возможно, для жителей города было устроено также театральное представление. Герб Джона Дадли, изображавший медведя и суковатый посох, был укреплен над городскими воротами.

Как и опасались повстанцы, джентльмены, их бывшие пленники, ныне получившие свободу, требовали обрушить на головы бунтовщиков самые суровые кары. Уорик резонно увещевал их: «Королю известны злостные намерения бунтовщиков, равно как и то, что они заслуживают строгого наказания, к которому, вне всякого сомнения, приговорит их справедливый суд. Но не заходят ли слишком далеко те, чью жажду мести невозможно удовлетворить, те, кому неведомы милосердие и снисхождение? Уж не имеют ли они намерения, истребив всех простолюдинов, сами ходить за плугом и бороной?»^[194]

Судя по всему, эти аргументы возымели действие. Многие обитатели Маусхолдского лагеря благополучно вернулись домой. Надо полагать, по большей части землевладельцы были довольны восстановлением прежнего порядка вещей; впрочем, случаи самочинной расправы джентльменов над своими прежними обидчиками, вне всякого сомнения, отнюдь не являлись редкими^[195]. Граф Уорик оставался в Норидже до седьмого сентября, разбираясь с просьбами о возмещении ущерба, выслушивая обвинения и решая участь заключенных^[196]. Роберт и Уильям Кетты были отправлены в Лондон, где их судили по обвинению в государственной измене. Впоследствии Роберта, закованного в цепи, повесили на стене Нориджского замка, а Уильяма — на шпилье церкви в Ваймондхеме.

Таким образом, восстание было подавлено, однако его последствия пришлось расхлебывать еще долго.

Осенью 1549 года граф Уорик предпринял попытку положить конец власти герцога Сомерсета. Испуганный лорд-протектор перевез короля в Виндзор и обратился к простым людям с просьбой о поддержке. Как это ни удивительно, но даже после разгрома восстания несколько тысяч человек откликнулись на его призыв. Тем не менее шансов сохранить главенствующее положение в государстве у протектора не было. В октябре он сдал свои полномочия Тайному совету и был заключен в Тауэр. Позднее его выпустили на свободу и даже ввели в состав Совета, однако в 1552 году Сомерсет пал жертвой очередного заговора и был казнен. Результатами его правления стали небывалый скачок инфляции, 11 000 погибших и казненных повстанцев и, вне всякого сомнения, огромное количество английских и шотландских солдат, а также мирных жителей Шотландии, ставших жертвой войны, столь опрометчиво развязанной лордом-протектором. Никаких других достижений у герцога Сомерсета не имелось.

Протекторат был упразднен, и власть в Англии перешла к Тайному совету, хотя главенствующее положение графа Уорика ныне было неоспоримо. Если низложение Сомерсета явилось неожиданным следствием летнего восстания, то возвышение Уорика положило конец войнам с Шотландией и Францией. По мнению Томаса Смита, главной мерой, позволившей обуздать инфляцию, стало увеличение содержания в монетах серебра, предпринятое по решению Королевского совета в 1551–1552 годах.

Оказавшись у власти, граф Уорик проявил себя классическим политиком эпохи Тюдоров, жестким и хитроумным^[197]. Зимой 1549/50 года в Англии продолжали вспыхивать незначительные крестьянские волнения, и вероятность того, что какое-нибудь из них приобретет мощный размах, продолжала тревожить правительство. В судебный обиход была введена жесткая классификация мятежей и бунтов: те из них, в которых приняло участие 40 и более человек, уничтожающих изгороди вокруг пастбищ, расценивались как государственная измена; те, в которых участвовало от 20 до 40 человек, требующих снижения цен или арендной платы, а также ликвидации парков, считались всего лишь уголовным преступлением. В декабре 1549 года парламентом был принят акт, направленный против «лживых и невежественных „пророков“»^[198]. Правительство ужесточило контроль за органами местной власти, учредив в каждом графстве должность лорда-

лейтенанта, которому надлежало следить за искоренением беспорядков. В период правления Уорика были также приняты некоторые законодательные меры, направленные на улучшение положения неимущих. Впрочем, меры эти были весьма ограничены: крестьянам позволялось селиться на пустошах, местным властям вменялось в обязанность воплощать в жизнь законы о бедных.

Многие жители Норфолка добрым словом поминали восстание; некоторые из них, подобно Ральфу Клакстону, чьи слова стали эпиграфом к этой книге, оказались под судом за то, что высказали свое мнение вслух. Так, Джон Олдман был в 1550 году отдан под суд лишь за то, что сказал: «Хотел бы я снова оказаться в Маусхолдском лагере, вдоволь поесть ворованной баранины»^[199]. Джон Редхед вспоминает разговор двоих мужчин, состоявшийся вскоре после казни Кетта. Один из них, глядя на скованный цепями труп, висящий на стене Нориджского замка, сказал, обращаясь к другому: «Кетт, упокой Господь его душу, верил в Бога, в короля и в Королевский совет. Они могли бы быть добрее к нему: хотя бы снять и похоронить похристиански, а не заставляя беднягу болтаться на холодном ветру»^[200].

Так или иначе, никаких крупномасштабных волнений более не разразилось, и государственная власть укрепила свои позиции. Энди Вуд отмечает, что в 1549 году устремления класса йоменов решительно изменились: отныне почти все йомены хотели получить статус джентльменов и старались дать своим детям образование; впоследствии, в период правления Елизаветы, многие из них достигли желаемого^[201]. Меж тем бедняки становились все беднее.

И последнее. Почти столетие спустя, в 1644 году, во времена гражданской войны, в Англии была создана «армия нового образца», состоявшая в основном из жителей юго-востока, в первую очередь — Восточной Англии. Впоследствии «армия нового образца» породила такое радикальное движение, как левеллеры. Полагаю, в сердцах солдат «Восточной ассоциации», праправнуков повстанцев 1549 года, жила та же самая мечта о справедливом и гармоничном обществе, которая когда-то безраздельно завладела душами их предков.

Библиография

До сравнительно недавнего времени крестьянские волнения 1549 года в целом и Западное восстание в частности оставались малоизученной областью истории; несколько больше повезло восстанию Кетта, но и о нем было написано сравнительно немного.

Как отмечает Дайармейд Маккалок, бóльшая часть исследований, посвященных восстанию Кетта и опубликованных до начала 1970-х годов, основывалась на одном-единственном источнике — отчете Николаса Сотертонна, озаглавленном «Мятеж в Норфолке» (*Nicholas Sotherton. The Commoysion in Norfolk*). Написанный вскоре после подавления восстания, этот очерк отличается краткостью и к тому же исполнен недоброжелательного отношения к мятежникам.

Следующим трудом, посвященным интересующему нас историческому событию, стало эссе Александра Невилла «Норфолкское неистовство» (*Alexander Neville. Norfolk Furies*), написанное в 1575 году на латыни и в 1615 году переведенное на английский язык Ричардом Вудсом. Невилл являлся секретарем архиепископа Мэтью Паркера, посетившего повстанческий лагерь в 1549 году. Несмотря на жгучую ненависть, которую вызывают у Невилла мятежники, труд его содержит множество интересных сведений и фактов. «Хроника» Холиншеда (*Holinshed. Chronicle*), появившаяся в 1577 году, также посвящена восстанию Кетта, но мало что добавляет к сочинению Невилла.

Прошло более двух столетий, прежде чем о восстании вспомнили вновь. Однако и написанная в 1739–1775 годах научная работа Фрэнсиса Блуменфилда «Эссе, посвященное топографической истории графства Норфолк» (*Francis Blomefield. An Essay Towards a Topographical History of the County of Norfolk*) тоже практически не содержит новых фактов.

Миновало еще почти сто лет, прежде чем в 1859 году вышла из печати книга Ф. В. Расселла «Восстание Кетта в Норфолке» (*F. W. Russell. Kett's Rebellion in Norfolk*), первое развернутое историческое исследование, всесторонне анализирующее данное событие. Это первоклассный научный труд, автор которого использует множество новых, выявленных лично им источников; правда, читать

его сегодня довольно трудно. Кстати, Расселл был первым из историков, кто обнаружил некоторые признаки сочувствия к участникам мятежа.

В первой половине двадцатого столетия два исследователя сосредоточили свое внимание на социальных аспектах восстания. Джозеф Клейтон, автор опубликованной в 1912 году книги «Роберт Кетт и Норфолкское восстание» (*Joseph Clayton. Robert Kett and the Norfolk Rising*), переворачивает прежнюю традицию с ног на голову: в его труде все симпатии отданы бунтовщикам, а землевладельцы, напротив, подвергнуты осуждению. Надо отметить, что это первая работа, которая может представлять интерес для широкого круга читателей. Вышедшая в 1947 году книга Р. Гроувса «Дуб мятежников» (*R. Groves. Rebels' Oak*) невелика по объему, но, вне всякого сомнения, явилась результатом тщательных и кропотливых исследований; автор ее обладает незаурядной научной интуицией.

Потом снова наступил период молчания, которое продолжалось вплоть до 1977-го, когда появилась монография С. К. Лэнд «Восстание Кетта: Норфолкский мятеж 1549 года» (*S. K. Land. Kett's Rebellion: The Norfolk Rising of 1549*). Автор, несомненно, стремился к беспристрастному научному анализу, и книга его сохраняет значение и по сей день, хотя во многих отношениях представляется устаревшей. Как и предыдущие труды, она рассматривает восстание Кетта в отрыве от других исторических событий: прочие мятежи, вспыхнувшие в то время на юго-востоке Англии, упоминаются лишь вскользь.

В том же 1977 году был опубликован еще один научный труд — «Крестьянский мятеж» Дж. Корнуолла (*J. Cornwall. Revolt of the Peasantry*). Пожалуй, это первое современное исследование, в котором предпринимается попытка осмыслить крестьянские волнения 1549 года как целостный процесс; парадоксально, но при этом автор рассматривает Западное восстание и восстание Кетта как события, практически не связанные друг с другом.

В самые последние годы появилось несколько серьезных научных трудов, обогативших нас новыми знаниями об этом историческом эпизоде. В статье Дайармейд Маккалок «Восстание Кетта в историческом контексте» (*Diarmaid MacCulloch. Kett's Rebellion in Context*), опубликованной в журнале *Past & Present* (том 84, 1979 г.), интересующее нас событие впервые рассматривалось на фоне других

крестьянских волнений. Оба исследования Энди Вуда — «Мятежи, восстания и политика в отношении народа на заре современной Англии» (*Andy Wood. Riot, Rebellion and Popular Politics in Early Modern England*; 2002) и «Восстания 1549 года и производство на заре современной Англии» (*Andy Wood. The 1549 Rebellions and the Making of Early Modern England*; 2007) — чрезвычайно интересны и наталкивают на множество любопытных соображений. Опубликованная в 2003 году работа Аманды Джонс из Университета Уорика «Беспокойное время: Английские восстания 1549 года» (*Amanda Jones. 'Commotion Time': The English Risings of 1549*) существенно расширяет наши представления о тесной взаимосвязи между различными выражениями народного протеста. Вышедшая в том же году книга Этан Шеган «Политика в отношении народа и английская Реформация» (*Ethan Shagan. Popular Politics and the English Reformation*) также содержит много важных фактов и интересных умозаключений. Достоянием и датированная 1990 годом научная работа Э. Гринвуда из Манчестерского университета, озаглавленная «Изучение повстанческих петиций 1549 года» (*A. Greenwood. A Study of the Rebel Petitions of 1549*). Помимо подробного анализа так называемой Маусхолдской петиции, эта книга проливает свет на вопросы управления лагерем, социального статуса мятежников и на многие другие аспекты. То же самое можно сказать и о статье Джейн Виттл «Лорды и арендаторы во время восстания Кетта 1549 года» (*Jane Whittle. Lords and Tenants in Kett's Rebellion 1549*), которая была опубликована в журнале *Past & Present* (том 207, май 2010 г.).

Все эти научные труды существенно расширяют наши представления как о событиях 1549 года, так и об их последствиях, однако адресованы они в первую очередь профессиональным историкам. Тем ограднее появление исследований, основанных на глубоких научных изысканиях, но при этом представляющих интерес для самой широкой публики. В первую очередь тут следует назвать две книги Эдриана Хоэра, работающего в соавторстве со своей супругой Энн, — «Необычный мятеж: Роберт Кетт и норфолкские восстания 1549 года» (*Adrian Hoare, Anne Hoare. An Unlikely Rebel: Robert Kett and the Norfolk Rising, 1549*; 2002) и «По следам восстания Кетта в Норфолке в 1549 году: Места, люди и события» (*On the Trail of Kett's Rebellion in Norfolk 1549: Places, People and Events*; 2017).

Опубликованная в 2018 году книга Лео Р. Джари «Переосмысляя восстание» (*Leo R. Jary. Rewriting the Rebellion*) содержит множество интересных сведений относительно военных аспектов мятежа.

Среди других книг, которые показались мне весьма полезными и содержательными, следует назвать следующие: «Восстания и мятежи: народные волнения в Англии в царствование Эдуарда VI» Баррета Бира (*Barrett Beer. Rebellion and Riot: Popular Disorder in England During the Reign of Edward VI*; 2005); «Управленческая политика протектора Сомерсета» М. Л. Буша (*M. L. Bush. The Government Policy of Protector Somerset*; 1975) и «Грубые домогательства: Мария, королева Шотландская, 1542–1551 гг.» Маркуса Мерримена (*Marcus Merriman. The Rough Wooings: Mary Queen of Scots 1542–1551*; 2000). Последнюю работу, посвященную войнам между Англией и Шотландией в эпоху Тюдоров, я считаю самым выдающимся научным трудом по этому вопросу. Не могу не упомянуть также «Историю английских выездных судов в 1558–1714 годах» Дж. С. Кокбурна (*J. S. Cockburn. A History of English Assizes 1558–1714*) — книгу, которая оказала мне бесценную помощь в описании суда над Джоном Болейном, вымышленным персонажем моего романа.

Надеюсь, что «Мертвая земля», художественное произведение, основанное на исторических источниках — как первичных, так и вторичных, — сумеет привлечь внимание множества читателей к такому захватывающему и трагическому событию английской истории, как восстание Роберта Кетта.

notes

Примечания

1

Сержанты юриспруденции представляли собой высший разряд барристеров в английском суде, небольшую элитную группу адвокатов, носивших специальную одежду, основным отличием которой являлась особая шапочка.

2

Олдермен — член городского управления.

Пит (англ. Pit) — выгребная яма; *Тумлэнд* (англ. Tombland) — букв. «земля могил/гробниц, мертвая земля» (англ.).

Аббревиатура от латинского словосочетания «Eduardus Rex» — «король Эдуард».

Фловердью (англ. Flowerdew) — цветочная роса (англ.).

Йомены (йоменри) — в феодальной Англии свободные мелкие землевладельцы, которые, в отличие от джентри, самостоятельно занимались обработкой земли.

7

Mouse (*англ.*) — «МЫШЬ».

Кодд (от *англ.* «Cod») — «треска».

Об этом случае рассказывается в книге Holbrooke, R., '*A Mousehold Abduction, 1548*', а также в книге Rawcliffe, C., Virgoe, R. and Wilson, R. (eds), *Counties and Communities: Essays on East Anglian History* (1996), pp. 115–128.

Jordan, W. K., *Edward VI: The Young King* (1968), p. 493.

Hayward, M., *Rich Apparel: Clothing and the Law in Henry VIII's England* (2009), chapter 2.

Elyot, T., *The Book Named the Governor* (1531), quoted in Wood, A., *Riot, Rebellion and Popular Politics in Early Modern England* (2002), p. 26.

Hayward, p. 42, quoting Elton, G. R., *Tudor Constitution* (1960), p. 15.

Hayward, p. 43, quoting Hale, J., *The Civilization of Europe in the Renaissance* (1993), p. 465.

De Republica Anglorum, quoted in Wood (2002), pp. 29–30.

Wood, A., *The 1549 Rebellions and the Making of Early Modern England* (2007), p. 14.

Интересные рассуждения о достоинствах и недостатках теории Карла Маркса см. в книге: Wood (2007), pp. 14–16.

Whittle, J., *The Development of Agrarian Capitalism: Land and Labour in Norfolk, 1440–1580* (2000), pp. 97–98.

Wood (2007), p. 181.

Fletcher, A. and MacCulloch, D., *Tudor Rebellions* (2004), pp. 22–24.

Ibid., chapter 4; а также Wood (2002), pp. 49–54.

См., в частности: Shagan, E., *Popular Politics and the English Reformation* (2003).

Интересные рассуждения об обстоятельствах прихода Сомерсета к власти см. в книге: Skidmore, C., *Edward VI: The Last King of England* (2007), chapters 1–3.

Первая точка зрения выражена в книге: Jordan, W. K., *Edward VI: The Young King* (1968). Вторая представлена в книге: Bush, M. L., *The Government Policy of Protector Somerset* (1975).

См., например: Jordan, p. 39; Skidmore, pp. 239–240.

Merriman, M., *The Rough Wooings: Mary Queen of Scots 1542–1551* (2000), pp. 218–219.

Chalis, C., *The Tudor Coinage* (1978), pp. 68–95.

Wood (2007), p. 30.

Youings, J., *Sixteenth-Century England* (1984), p. 135.

См. об этом в книге: Bush, pp. 41–42.

См. об этом в книге: Merriman, chapter 10.

Ibid. P. 342.

Hodgkins, A., 'Reconstructing Rebellion: Digital Terrain Analysis of the Battle of Dussindale (1549)', *Internet Archaeology* 38 (2015), p. 20.

Phillips, G., 'To Cry «Home! Home!»: Neutrality, Morale and Indiscipline in Tudor Armies', *Journal of Military History* 65 (April 2001), p. 320.

Fletcher and MacCulloch, chapter 13.

Jordan, chapters 4–5.

Fletcher and MacCulloch, p. 240, fn. 9.

Jordan, pp. 125–126.

Jones, W. R. D., *The Tudor Commonwealth* (1970), chapter 1.

Woodcock, M., 'Thomas Churchyard and the Medieval Complaint Tradition', in King, A. and Woodcock, M. (eds), *Medieval Into Renaissance: Essays for Helen Cooper* (2016), pp. 123–141.

Jones, p. 214.

Цит. по: Quoted in Elton, G. R., 'Reform and the «Commonwealthmen» of Edward VI's Reign', in Clark, P., Smith, A. G. R. and Tyacke, N. (eds), *The English Commonwealth 1547–1640* (1979), p. 27.

Bush, chapter 3.

Jones, p. 214.

Ibid. Pp. 43, 50.

Fletcher and MacCulloch, pp. 12–14.

Сведения о Комиссии по огораживаниям 1548 года и налоге на овец см. в книге: Jordan, pp. 427–438.

Jones, A., '*Commotion Time*': *The English Risings of 1549*, University of Warwick PhD (2003), chapter 2.

См. об этом в работах: Cornwall, J., *Revolt of the Peasantry* (1977), chapter 1; Hammond, R. J., *The Social and Economic Circumstances of Kett's Rebellion* (1934), chapter 1; Kerridge, E., *Agrarian Problems in the Sixteenth Century and After* (1969); Youings, J., *Sixteenth-Century England* (1984).

Youngs, p. 171.

Kerridge, chapter 4.

Fletcher and MacCulloch, p. 83.

Hammond, p. 64.

Ibid. P. 75.

Jordan, chapter XIII.

Jones, p. 253.

Bush, p. 59.

Heinze, R. W., *The Proclamations of the Tudor Kings* (1976), p. 217.

Ravensdale, J. R., 'Landbeach in 1549: Kett's Rebellion in Miniature', in Mundy, L. M. (ed.), *East Anglian Studies* (1968).

MacCulloch, *Thomas Cranmer: A Life* (1996), p. 429.

Heinze, p. 217.

Youngs, J., 'The South-Western Rebellion of 1549', *Southern History* (1979), pp. 100–122.

Jones, pp. 89–90.

Greenwood, A., *A Study of the Rebel Petitions of 1549*, University of Manchester PhD (1990), part 1.

MacCulloch, *Thomas Cranmer*, pp. 430–431.

Jones, Map 1.2.

Ibid. P. 69, 183–238.

Ibid. P. 194–222.

MacCulloch, D., 'Kett's Rebellion in Context', *Past & Present* 84 (1979).

См., например: Cornwall, J., *Revolt of the Peasantry* (1977).

Jones, p. 5.

Heinze, p. 218.

Письмо Сомерсета к Хобби от 24 августа 1549 г. цит. по: Bush, M. L., 'Protector Somerset and the 1549 Rebellions: A Post-Revision Questioned', *English Historical Review* (February 2000).

MacCulloch, 'Kett's Rebellion in Context', p. 47.

Jones, pp. 115–120.

Alsop, J. D., 'Latimer, The «Commonwealth of Kent» and the 1549 Rebellions', *Historical Journal* 28.2 (1985), pp. 379–383.

Cooper, C. H., *Annals of Cambridge* 2, p. 43, quoted in Jones, p. 146.

MacCulloch, 'Kett's Rebellion in Context', p. 43.

Fletcher and MacCulloch, p. 77.

Sotherton, N., *The Commoysion in Norfolk (1549)*, reproduced by Beer, B., in *Journal of Medieval and Renaissance Studies* 6 (1976), p. 1.

Jones, pp. 169–174.

Fletcher and MacCulloch, p. 23.

Wood (2007), pp. 58–59.

MacCulloch, 'Kett's Rebellion in Context', pp. 53–55.

MacCulloch, D., 'A Reformation in the Balance: Power Struggles in the Diocese of Norwich, 1533–1553', in *Counties and Communities*, pp. 97–114.

Сведения почерпнуты из книги: POUND, J. F., *Tudor and Stuart Norwich* (1988).

Wood, A., 'Kett's Rebellion', in Rawcliffe, C. and Wilson, R. (eds), *Medieval Norwich* (2004), p. 294.

Wood (2007), p. 59.

Neville, A., *Norfolk Furies* (1575); переведено с латинского Ричардом Вудом (1615).

MacCulloch, 'Kett's Rebellion in Context', p. 43.

Hoare, A., *An Unlikely Rebel: Robert Kett and the Norfolk Rising, 1549* (1999), p. 22.

MacCulloch, 'Kett's Rebellion in Context', pp. 41–44.

Land, S. K., Kett's Rebellion: *The Norfolk Rising of 1549* (1977), p. 144.

Hoare (1999), pp. 16–23.

Land, p. 144.

Hoare (1999), pp. 20–22.

Communication from Adrian Hoare, 2017.

Sotherton, p. 80.

Neville, p. 9.

Neville, p. 13.

Sotherton, p. 81.

MacCulloch, 'Kett's Rebellion in Context', p. 61.

Neville, p. 105.

Ashwin, T. and Davison, A. (eds), *An Historical Atlas of Norfolk* (2005), p. 100.

Coleman, D. C., *The Economy of England 1450–1750* (1977), p. 12.

Neville, p. 70.

Russell, F. W., *Kett's Rebellion in Norfolk* (1859), p. 102.

Greenwood, Aubrey R., *A Study of the Rebel Petitions of 1549*, University of Manchester PhD (1990); Whittle, J., 'Lords and Tenants in Kett's Rebellion 1549', *Past & Present*, no. 207 (May 2010), pp. 3–51.

Greenwood, pp. 320–321.

Whittle, p. 23.

Ibid. P. 26.

Ibid. P. 41.

Greenwood, pp. 320–321.

Whittle, pp. 37–38.

Neville, p. 18.

Land, p. 20.

Neville, p. 17.

Sotherton, p. 84.

Ibid.

Greenwood, p. 327.

Neville, pp. 25–26; Sotherton, p. 84.

Russell, p. 47.

Blomefield, F., *An Essay Towards a Topographical History of the County of Norfolk (1739–1775)*, chapter 2.5 18/29, British History Online edition.

Greenwood, p. 306.

Neville, p. 65.

Ibid. P. 75.

Sotherton, p. 87; Jary, L. R., *Rewriting the Rebellion* (2018), part 2, 'Weapons'.

Sotherton, p. 83.

Ibid. P. 85.

О состоянии городских стен см.: Jary, L. R., *Through Ancient Gates: the Medieval Defences of Norwich* (2011).

Sotherton, p. 82.

Neville, pp. 20–21. (Скорее всего, Паркер побывал в лагере 18–19 июля. Нам достоверно известно, что он проповедовал с высокого помоста у Дуба реформации в пятницу. Визит Паркера никак не мог состояться 12 июля, так как в этот день повстанцы еще только прибыли на Маусхолдский холм; к 26 июля Норидж уже находился в руках мятежников.)

Greenwood, p. 305.

MacCulloch, D., 'Kett's Rebellion in Context: A Rejoinder', in Slack, P. (ed.), *Rebellion, Popular Protest and the Social Order in Early Modern England* (1984), p. 75; Fletcher and MacCulloch, p. 85; MacCulloch, *Thomas Cranmer*, pp. 437, 451–452, 456; Skidmore, pp. 130–131. Несомненно, это весьма увлекательная тема для будущих исследований. Например, было бы очень интересно узнать, где находились овечьи стада Саутвелла во время восстания.

Skidmore, p. 131.

Neville, p. 19.

Ibid. P. 43.

Ibid. P. 27.

Ibid. P. 51.

Sotherton, p. 92.

Neville, pp. 18–23.

Morehouse, G., *The Pilgrimage of Grace* (2002), pp. 40–41, 72.

Sotherton, p. 97.

Dawson, J., *John Knox* (2015), chapter 3.

Horst, I. B., *The Radical Brethren* (1972), chapter 3.

Ibid. Pp. 103–107.

Holinshed, R., *Chronicle* (1577), The Holinshed Shared Project (<http://english.nsms.ox.ac.uk/holinshed/>), vol. 4 (1613), p. 69.

Greenwood, p. 211.

Более подробно о требованиях повстанцев см.: Land, pp. 63–66.

Greenwood, p. 211.

Land, chapter 11; Cornwall, p. 145.

Greenwood, p. 143; Wood, p. 64; Beer, B., *Rebellion and Riot: Popular Disorder in England During the Reign of Edward VI* (2005), p. 111.

Мое мнение базируется на кн.: Greenwood, pp. 214–236.

Shagan, E. H., 'Protector Somerset and the 1549 Rebellions: New Sources and New Perspectives', *English Historical Review* (February 1999); Bush, M. L., 'Protector Somerset and the 1549 Rebellions: A Post-Revision Questioned', *EHR* (February 2000); and Bernard, G. W., 'New Perspectives or Old Complexities?', *EHR* (February 2000).

Shagan, *op. cit.*, Letter 3; *op. cit.*, p. 58; Bernard, *op. cit.*, p. 116.

Shagan, *op. cit.*, pp. 55–57.

Sotherton, p. 85.

Neville, p. 31.

Ibid.

Sotherton, p. 85.

Sotherton, p. 85.

Russell, pp. 78–80.

Sotherton, p. 87.

Russell, p. 81.

Neville, pp. 40–41.

Более подробно об этом см.: Land, chapter 16.

Jones, pp. 264–273.

Hoare, A. and A., *Mystery, Drama, Scandal and Ruin — Exploring the Lives of Some Families Whose Coats of Arms Were Found at Number Nine, Town Green Wymondham* (2018).

Land, chapter 14. (Хочу отметить, что этот исследователь прекрасно разбирается в военных аспектах.)

Sotherton, pp. 89–90.

Ibid.

Ibid. Описание битвы основано на сведениях, почерпнутых из книг: Sotherton, pp. 89–91; Land, chapter 15.

Groves, R., *Rebels' Oak* (1947), p. 57.

Sotherton, pp. 91–93.

Jones, pp. 163–164.

Miller, G. J., *Tudor Mercenaries and Auxiliaries 1485–1547* (1980),
esp. p. 44.

Весьма интересные сведения по этому вопросу содержатся в работе: Jary, L. R., part 2, 'Destruction of the North Wall Gates'.

Sotherton, p. 95.

Carter, A., 'The Site of Dussindale', *Norfolk Archaeology* vol. XXXIX, part 1 (1984), pp. 54–62.

Sotherton, p. 98.

Jary, L. R., part 4.

Neville, p. 70.

Описание событий, произошедших 24 и 26 августа, основано на книге: Sotherton, pp. 92–97.

Письмо Сомерсета к Хобби от 15 сентября 1549 г. цит. по: Russell,
p. 214.

Описание битвы при Дассиндейле, приведенное в романе «Тумлэнд», в значительной степени опирается на работу: Jary, L. R., part 3.

Neville, p. 71.

Sotherton, p. 98.

Russell, p. 144.

Neville, pp. 71–72.

Sotherton, p. 99.

Neville, pp. 73–74.

Neville, p. 76.

Holinshed Shared texts, vol. IV, pp. 1613, 69.

Neville, pp. 75–76.

Whittle, part V.

Land, p. 126.

См.: Loach, J., *Edward VI* (1999), pp. 105–106.

Skidmore, p. 152.

Wood (2007), p. 77.

Ibid. P. 78.

Ibid, chapter 5.